4° H. g. hum. 50t (1

Bayerische Staatsbibliothek
<36645297760011

91(4)
В-62
3ЯС
В62-1
№ 2039.

ЖИЗНЬ ЕВРОПЕЙСКИХЪ НАРОДОВЪ.

Е. Н. ВОДОВОЗОВОЙ.

ТОМЪ I.

ЖИТЕЛИ ЮГА.

Съ 26 рисунками художника Васнецова.

5-е изданіе, исправленное и дополненное.

ГПНТБ СО АН СССР 1971 г.
8537/13-00
Центральная ... Библіотека-музей
Хронолог. кат. № 2039.
1. ДЕК 1914
Ново-Николаевск
1971
Центральная библиотека Каракарлова
4173
Инв. № 7937
ин. 4173

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1897.

Vodovozova, Elizaveta Nikolaevna.

Рисунки дозволены цензурою. С.-Петербургъ, 9 сентября, 1897 г.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Текстъ печатанъ въ типографіи «Балашевъ и К°», Фонтанка, 95.

Рисунки и обертка отпечатаны въ типографіи «Эдуарда Гоппе»: Вознесенскій проспектъ, № 53.

215 G
FgT|81|6337

ГПНТБ СО АН СССР
Ново-Николаевская ... Библиотека-музей
Хронолог. кат. № 2039.
1. ДЕК 1914
Отдел
1971 г.
Систематич. кат. №

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль настоящаго труда—познакомить читающую публику съ жизнію европейскихъ народовъ. Совершенный недостатокъ такого рода книгъ чувствителенъ не только у насъ, но и въ западной литературѣ. Между тѣмъ какъ безпрестанно появляется множество ученыхъ и популярныхъ сочиненій, рисующихъ намъ до малѣйшихъ подробностей жизнь американскихъ и африканскихъ дикарей, ихъ вѣрованія, обычаи, степень образованія, ихъ общественныя понятія, встрѣчаемъ даже прекрасные ученые труды, знакомящіе насъ съ бытомъ всѣхъ первобытныхъ племенъ,—нѣтъ ни одного сочиненія, заключающаго въ себѣ подробное описаніе жизни всѣхъ европейскихъ народовъ (сочиненіе *Э. Реклю*—трудъ гораздо болѣе географическій, чѣмъ этнографическій). Правда, въ иностранной литературѣ можно найти много сочиненій объ отдѣльныхъ европейскихъ государствахъ, но даже и тутъ вы не встрѣтите полнаго изображенія жизни того или другого народа. Такъ, напр., относительно нѣкоторыхъ странъ подробно говорятъ о фабричныхъ рабочихъ и совершенно умалчиваютъ о земледѣльцахъ, при описаніи другихъ—рисуютъ политическія партіи, государственные перевороты, броженіе умовъ и совершенно упускаютъ изъ виду болѣе глубокія причины этихъ явленій, коренящіяся въ народной жизни. Переводятъ у насъ подобныя сочиненія еще болѣе случайно: иногда выходитъ нѣсколько книгъ по одной и той же странѣ, тогда какъ по другимъ странамъ нѣтъ рѣшительно ни одного обстоятельнаго труда. Между тѣмъ у науки не должно быть своихъ любимцевъ: для нея одинаково интересны и храбрый, воинственный черногорецъ, и дикій, необузданный, во многихъ уголкахъ еще совсѣмъ нетронутый образованіемъ албанецъ, и изысканный, переживающій, такъ сказать, ультрацивилизацію парижанинъ.

При огромномъ матеріалѣ, находившемся въ нашемъ распоряженіи, мы начертили себѣ планъ, котораго и старались строго придерживаться при описаніи каждой страны. Задавшись цѣлью изобразить дѣйствительную жизнь каждаго изъ европейскихъ народовъ, мы давали и внѣшнее описаніе главнѣйшихъ городовъ и вообще такъ называемыхъ достопримѣчательностей, но настолько, насколько онѣ выражаютъ степень развитія и характеръ народа. Мы обращали также вниманіе и на природу каждой страны, но лишь для того, чтобы указывать ея вліяніе на жизнь человѣка. Тамъ, гдѣ это вліяніе сильнѣе, и описаніе ея у насъ заняло болѣе мѣста; такъ, напр., въ очеркахъ о Швейцаріи мы обстоятельно описали Альпы, дали характеристику флоры и фауны, ледниковъ, лавинъ, обваловъ и т. п.

Современная жизнь народа, его понятія, вѣрованія, его семейный и общественный бытъ совершенно непонятны, если мы не знакомы съ прошлою жизнію народа,—поэтому другимъ необходимымъ элементомъ нашей книги мы считали свѣдѣнія историческія. Въ этомъ отношеніи еще легче было увлечься и выйти изъ границъ. Но мы рѣшили касаться исторіи лишь тѣхъ народовъ, прошлое которыхъ менѣе извѣстно. Разсказывать въ общихъ чертахъ исторію, напримѣръ, Франціи было бы излишне,—она и безъ того достаточно извѣстна; входить же въ подробности намъ не позволили планъ и объемъ нашей книги. При этомъ мы брали изъ исторіи факты исключительно внутренней жизни, которые имѣютъ тѣсную связь съ современнымъ положеніемъ народа или объясняютъ его характеръ.

Главная задача нашего труда—дать по возможности полную и всестороннюю картину жизни каждаго европейскаго народа, т.-е. познакомить читателей съ наиболѣе распространенными обычаями того или другого народа, съ его общественною и семейною жизнью, со степенью его умственнаго и нравственнаго развитія, а также съ его экономическимъ и политическимъ положеніемъ. Для этого мы подробно останавливались на различныхъ обрядахъ народа, на описаніи одежды, пищи, на народныхъ увеселеніяхъ и суевѣріяхъ, пѣсняхъ, жилищахъ, на домашней обстановкѣ, на положеніи женщины, на отношеніи между собою членовъ семьи, на положеніи земледѣльческаго и фабричнаго населенія, на занятіяхъ народа и на главнѣйшихъ предметахъ его промышленнаго производства, на жизни среднихъ и высшихъ классовъ общества, наконецъ на характерѣ политической жизни народа.

Относительно картинокъ, помѣщенныхъ въ книгѣ, мы должны сказать, что при ихъ композиціи г. Васнецовымъ матеріаломъ ему служили большею частію собранныя нами фотографическія карточки, изображающія дѣйствительныхъ лицъ изъ народа, снятыхъ, какъ образцы типовъ, на мѣстѣ ихъ жительства.

Настоящій томъ представляетъ законченное цѣлое: даетъ картину жизни европейскаго юга. Тутъ нашли мѣсто всѣ романскія племена, часть славянскихъ, а также турки, греки и албанцы. Швейцарія не совсѣмъ подходитъ подъ опредѣленіе страны южной, но зато она по своему смѣшанному населенію представляетъ удобный переходъ отъ народовъ романскихъ къ германской расѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ юга къ сѣверу Европы. Во второмъ томѣ читатели найдутъ описаніе жизни народовъ сѣверо-западной Европы.

Мы отводимъ въ нашемъ трудѣ значительное мѣсто народамъ славянскимъ, за что, конечно, читатель на насъ не посѣтуетъ, такъ какъ этотъ предметъ, въ высшей степени для насъ интересный, еще не былъ у насъ представленъ въ сколько-нибудь цѣльномъ и популярномъ изложеніи.

Множество новыхъ сочиненій, вышедшихъ въ свѣтъ послѣ напечатанія четвертаго изданія нашего труда, дало намъ возможность въ настоящемъ пятомъ его изданіи опять совершенно заново переработать почти всѣ очерки, входящіе въ составъ I тома «Жизни европейскихъ народовъ».

Елиз. Водовозова.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ТУРЦІЯ.

стр.

Константинополь.—Какое впечатлѣніе производитъ этотъ городъ.—Значеніе водъ для Константинополя.—Изнанка турецкой столицы.—Улицы.—Дома.—Пера, Галата и Стамбулъ.—Базаръ оружій 1

Общественныя удовольствія турокъ.—Бани.—Кофейни.—Времяпрепровожденіе въ кофейняхъ.—Разсказчики, музыка, пѣніе.—Теріаки и страшныя послѣдствія потребленія опіума.—Торговля рабами.—Кладбища и оригинальныя надписи на памятникахъ.—Султанскій тюрбе 8

Турецкія мечети и фонтанъ Ахмеда III-го 16

Дервиши.—Ихъ жизнь, занятія, пища, одежда.—Отношеніе къ нимъ народа.—Дервиши, изгоняемые изъ своихъ орденовъ за дурное поведеніе.—Характеристика ученія дервишей.—Ихъ религіозные обряды 19

Магометанская вѣра.—Ея значеніе для турокъ.—Ихъ набожность.—Какое вліяніе имѣетъ магометанская религія на нравственность, образованіе и положеніе народа. 25

Почему магометанская религія не мѣшала распространенію образованности среди арабовъ . 39

Рамазанъ и Байрамъ.—Какъ постятся турки.—Ночи Рамазана.—Карагёзъ.—Рамазанъ во дворцѣ.—Обрядъ цѣлованія «священной мантіи».—Байрамъ 44

Турчанка.—Затворничество женщинъ.—Нарядъ турчанки и ея физіономія.—Житье-бытье гаремныхъ затворницъ.—Пагубное вліяніе такого затворничества на общество.—Турецкая свадьба.—Рожденіе ребенка 49

Семейная жизнь богатыхъ турокъ.—Турецкіе дома и ихъ убранство.—Гаремликъ и селямликъ.—Пища.—Пріемъ гостей 58

Образованіе.—Обученіе въ первоначальныхъ, среднихъ и высшихъ школахъ.—Университетъ.—Турецкіе студенты, профессора и доктора.—Библіотеки и книжное дѣло.—Суевѣрія народа. 60

Крестьяне.—Какого рода работу предпочитаетъ турецкій народъ.—Крестьяне и ихъ жизнь.—Полный упадокъ земледѣлія 65

Султанъ и положеніе государства.—Дворцы.—Ихъ роскошь и убранство.—Жизнь въ сералѣ.—Времяпрепровожденіе султана.—Гаремъ во дворцѣ и происхожденіе его обитательницъ.—Воспитаніе принцевъ и принцессъ.—Отношеніе султана къ подданнымъ.—Управленіе страною.—Администрація.—Взяточничество.—Торговля и промышленность.—Денежныя дѣла государства.—Улемы и ихъ значеніе.—Конституція 1877 г.—Современное положеніе 69

АЛБАНІЯ.

Характеръ страны.—Разбойничество.—Произведенія природы.—Племена.—Религія.—Положеніе албанцевъ подъ турецкимъ владычествомъ.—Характеръ народа.—Свирѣпый обычай кровавой мести и его значеніе.—Одежда, музыка, танцы, жилища, занятія и пища.—Женщина въ Албаніи.—Воспитаніе дѣтей.—Общественное устройство.—Какое значеніе придаютъ албанцы своей землѣ 82

Мирдиты.—Природа страны.—Одежда жителей, ихъ характеръ, нравы и обычаи.—Духовенство.—Женщины.—Свадьба.—Избавленіе отъ ненавистнаго жениха.—Управленіе страною.—Нарушеніе правъ мирдитовъ.—Правосудіе 95

БОЛГАРІЯ.

стр.

Прошлое и современное положеніе болгаръ.—Прошлая судьба болгаръ.—Зависимость отъ грековъ.—Турецкое иго.—Фанаріоты и ихъ вліяніе.—Положеніе болгаръ и ихъ отношеніе къ туркамъ и грекамъ.—Гайдуки и ихъ значеніе для порабощеннаго народа.—Жизнь болгаръ въ XIX-мъ столѣтіи.—Звѣрства турокъ 1876 г.—Война 1877 г.—Страданія народа во время этой войны.—Значеніе для страны С.-стефанскаго договора и берлинскаго трактата.—Тырновская конституція.—Правленіе Александра Баттенберга.—Регентство.—Фердинандъ Кобургскій и управленіе Стамбулова.—Присоединеніе принца Бориса къ православной церкви.—Примиреніе съ Россіею.—Современное положеніе новаго Болгарскаго княжества.—Финансы, тяжелые налоги и торговля.—Печать и просвѣщеніе народа 99

Интеллигенція и характеръ народа 124

Семейная жизнь и религія.—Жилища.—Пища.—Одежда.—Семейный бытъ.—Какъ болгары записываютъ свои расходы.—Положеніе женщины.—Религія народа.—Его суевѣрія.—Монастыри и ихъ значеніе.—Духовенство и монахи 129

Занятія.—Климатъ.—Богатство природы—Населеніе.—Земледѣліе и землевладѣніе.—Садоводство и огородничество.—Шелководство.—Сборъ винограда и розъ—любимыя занятія болгарской молодежи.—Сливы.—Лѣса.—Минеральные источники.—Обиліе воды.—Замѣчательная склонность болгаръ къ промышленности.—Ковры.—Сукно.—Кожи.—Почему все въ упадкѣ въ этой благословенной странѣ.—Болгарскіе ремесленники и ихъ положеніе.—Скотоводство.—Охота и рыбная ловля 137

Развлеченія народа и его обычаи.—Канунъ Рождества.—Танцы и пѣніе.—Музыкальные инструменты.—Гаданье.—Сѣдѣнки.—Свадебные обряды и пиршества.—Похищеніе невѣсты . 143

СЕРБІЯ.

Прошлое и настоящее сербскаго народа.—Судьба сербовъ въ давнопрошедшее время.—Ихъ рабство подъ игомъ турокъ.—Освобожденіе.—Положеніе Сербіи въ настоящее время.—Долги, разоряющіе государство и народъ.—Налоги, подъ бременемъ которыхъ страдаютъ сербы.—Природа и климатъ страны.—Государственное устройство.—Король и его значеніе.—Скупщина.—Выборы.—Отношеніе къ Австріи . . 148

Просвѣщеніе.—Грамотность.—Основныя школы и отношеніе къ нимъ народа.—Гимназіи.—Сербскій университетъ и студенты.—Печать 159

Задруга.—Какъ живутъ сельскіе поселяне.—Ихъ дома и домашняя обстановка.—Задруга: ея характеръ и значеніе.—Обычай кадить.—Женщина и ея положеніе.—Старѣйшина: его обязанности и отношеніе къ остальнымъ членамъ.—Задругари.—Глубокая привязанность сербскихъ женщинъ къ своимъ братьямъ.—Моба.—Сербскія посидѣлки.—Побратимство.—Хорошія и дурныя стороны семейно-общинныхъ отношеній.—Раздѣлъ задруги и ея послѣдствія 161

Характеръ и вѣрованія сербовъ.—Наружность, одежда мужчинъ и женщинъ.—Женскія притиранія.—Характеръ народа и болѣзни, господствующія среди него.—Религіозность серба.—Церкви и монастыри—мѣста молитвы и народныхъ увеселеній.—Суевѣрія народа и знахарки.—Народныя пѣсни.—Гусляръ и его пѣніе.—Любимый богатырь Марко Кралевичъ 173

Занятія народа.—Земледѣліе.—Первобытный способъ обработки земли и плохія орудія.—Посѣвъ и молотьба.—Маисъ и зерновый хлѣбъ.—Фруктовыя деревья.—Винодѣліе.—Уходъ за виноградниками.—Скотоводотво.—Свиньи и роль, которую играютъ эти животныя въ сербскомъ хозяйствѣ.—Шелководство.—Лѣсоводство.—Рудники.—Фабричная и домашняя промышленность.—Тканье ковровъ.—Торговый договоръ . 182

Обычаи и праздники.—Смерть и погребеніе.—Свадьба.—Слава и здравицы . 186

ЧЕРНОГОРІЯ.

Природа страны.—Внѣшній видъ Черногоріи.—Климатъ.—Недостатокъ воды.—Пещеры . 194

Прошлая судьба черногорцевъ 196

стр.

Занятія.—Скотоводство.—Рыболовство.—Лѣса.—Земледѣліе.—Промышленность и торговля.—Экономическое положеніе народа и его выселеніе 200

Характеръ народа.—Черногорка: ея наружность, одежда, положеніе въ семьѣ и отношеніе къ дѣтямъ.—Черногорецъ: его образъ жизни, понятія и отношенія къ женщинѣ.—Одежда, жилище и пища народа.—Дѣтство черногорца и его посвященіе въ юнаки.—Развлеченія.—Религія, церковь и образованіе.—Замѣчательная честность черногорцевъ.—Воровство и его послѣдствія.—Тюрьма и отношеніе къ ней заключенныхъ. 203

Цетинье.—Внѣшній видъ города.—Княжескій дворецъ.—Нынѣшній черногорскій князь Николай.—Образъ правленія.—Сенатъ.—Тяжбы.—Реформы послѣдняго времени . 220

РУМЫНІЯ.

Прошлое и настоящее.—Прошлая судьба румынъ.—Значеніе боярства.—Покровительство Порты.—Грабежи пашей.—Назначеніе Портою господарей изъ туземныхъ бояръ.—Замѣна ихъ фанаріотами.—Послѣдствіе ихъ господства въ странѣ.—Освобожденіе.—Свобода печати 223

Высшее и среднее сословія.—Бояре: ихъ дворцы и жизнь.—Среднее сословіе.—Казино и его значеніе.—Мнимая смерть 227

Румынское простонародье.—Богатая природа страны.—Характеръ румынъ и румынокъ.—Положеніе женщины въ семьѣ.—Дома.—Бѣдность домашной обстановки.—Пища и одежда народа.—Пеллягра и малярія.—Развлеченія, пѣсни, языкъ и религія румынъ.—Ихъ духовенство, монастыри и школы.—Занятія народа.—Земледѣліе.—Положеніе земледѣльческаго люда.—Скотоводство.—Рыболовство.—Добываніе петролеума.—Евреи и цыгане.—Лаутари и ихъ значеніе въ странѣ 231

Увеселенія румынъ.—Ярмарка и ея оживленіе.—Калюзари.—Народные танцы.—Свадьба . 247

ГРЕЦІЯ.

Первое знакомство съ страною.—Природа Греціи и ея климатъ.—Характерныя черты давнопрошедшей жизни.—Завоеваніе Греціи турками.—Страданія грековъ подъ турецкимъ игомъ.—Тайныя общества.—Возстаніе грековъ и ихъ освобожденіе.—Регентство и управленіе Оттона I.—Экономическое и финансовое разстройство страны.—Разбойничество.—Современное состояніе Греціи и отчаянное положеніе ея финансовъ.—Армія.—Государственное устройство.—Выборы 251

Аѳины.—Прошлая судьба этого города.—Храмъ Тезея.—Холмъ Пниксъ.—Ареопагъ.—Акрополь.—Пропилеи.—Пинакотека.—Храмъ «Безкрылой Побѣды».—Парѳенонъ.—Видъ этихъ памятниковъ въ настоящее время, ихъ значеніе въ прошломъ.—Внѣшній видъ нынѣшнихъ Аѳинъ.—Улицы и постройки.—Садъ королевы Амаліи.—Уличная жизнь . 262

Характеристика грековъ.—Жилища народа; его характеръ, одежда и пища . 268

Занятія.—Мраморныя богатства грековъ.—Земледѣліе; его жалкое состояніе.—Коринка и оливы.—Что сдѣлала Греція для улучшенія своего быта за послѣднее время.—Торговый и промышленный духъ народа 272

Образованіе.—Первоначальное образованіе.—Университетъ.—Страсть греческаго народа къ наукѣ.—Лишенія университетской молодежи.—Какая карьера предстоитъ въ будущемъ образованному греку.—Среднее и высшее общество.—Женскій институтъ Арсакеонъ.—Печать 275

Нравы, обычаи и развлеченія.—Предложеніе.—Обрученіе.—Обычай молчанія.—Бракъ и церемоніи, какими онъ сопровождается.—Похороны.—Миріологи.—Посты и другіе религіозные обряды.—Засуха.—Пѣсни и ихъ значеніе для грековъ.—Слѣпые пѣвцы.—Танцы 278

ИТАЛІЯ.

Почему всѣхъ привлекаетъ къ себѣ Италія 282

Венеція.—Лагуны и водяныя улицы Венеціи.—Прошлая и настоящая жизнь этого города.—Площадь.—Соборъ Св. Марка.—Дворецъ дожей.—Венеціанцы: нищіе и гондольеры.—Искусство гондольеровъ; ихъ чудныя пѣсни.—Ночныя серенады . . . 284

стр.

Римъ.—Первое впечатлѣніе.—Храмъ Св. Петра.—Ватиканъ.—Пантеонъ.—Колизей и его прошлое значеніе для Рима.—Капелла мертвыхъ, убранная человѣческими костями.—Катакомбы.—Римъ во время папъ и въ настоящее время.—Населеніе.—Жизнь въ Римѣ.—Римляне и римлянки; ихъ внѣшній видъ и характеръ.—Корсо.—Своеобразная уличная жизнь.—Уличные ораторы.—Проводники.—Позёры.—Пицикаролли.—Балъ натурщицъ 288

Проповѣдь дѣтей.—Мадонна въ церкви Св. Августина.—Бамбино . . . 299

Неаполь.—Чудный видъ Неаполитанскаго залива.—Городское населеніе: галантуомо и ладзарони.—Уличная жизнь и движеніе.—Удовольствія средняго класса.—Развлеченія народа: чудо кипѣнія крови и фейерверки.—Участіе духовенства въ народныхъ удовольствіяхъ.—Характеръ неаполитанскаго люда.—Неаполитанская дѣвушка, ея жизнь и поэзія.—Моряки 300

Везувій.—Геркуланумъ.—Помпеи.—Видъ Везувія.—Его изверженія.—Жители окрестностей Везувія.—Несчастія, производимыя землятресеніями 307

Капри.—Природа этого острова.—Виноградари.—Рыбаки.—Дѣти и женщины.—Лазурный гротъ 313

Сицилія.—Чудная природа и климатъ острова.—Сирокко.—Этна.—Упадокъ земледѣлія и его причины.—Страна фруктовъ и винограда.—Ловля тунцовъ.—Сицилійскія сѣрныя копи.—Сициліанцы и ихъ жизнь.—Пѣвцы и состязанія поэтовъ.—Засушенные трупы въ подземныхъ галлереяхъ 316

Итальянская аристократія.—Ея понятія, привычки, жизнь и положеніе . 323

Положеніе итальянскаго народа.—Характеръ западнаго побережья.—Мареммы.—Римская Кампанья.—Понтійскія болота.—Различіе между восточнымъ и западнымъ побережьемъ.—Роскошная природа и богатство растительности южной Италіи.—Почему Италія при благопріятныхъ условіяхъ всегда была гнѣздомъ невообразимой нищеты рабочихъ классовъ.—Прошлое и настоящее народа.—Плохое положеніе денежныхъ дѣлъ и безотрадное состояніе итальянскаго государства.—Богатые помѣщики.—Крупные арендаторы.—Земледѣліе и сельское хозяйство.—Крупные и мелкіе собственники изъ крестьянъ.—Ихъ отношеніе къ своей землѣ.—Раздѣлы.—Половники.—Поденщики.—Безработица и ея причины.—Воровство на поляхъ.—Обработка риса.—Шелководство.—Сборъ винограда и апельсиновъ.—Скотоводство и жизнь пастуховъ.—Рыболовы.—Ловля kоралловъ 326

Промышленные рабочіе.—Фабричная промышленность.—Заработокъ рабочихъ.—Стачки.—Страданія дѣтей.—Работы и порядки въ прядильняхъ и сѣрныхъ копяхъ.—Жилища итальянскаго простонародья.—Его пища и болѣзни 342

Что дѣлаетъ итальянское простонародье въ безвыходномъ положеніи.—Выселеніе.—Разбойничество.—Каморра и мафія.—Торговля дѣтьми 347

Характеръ народа и его нравы.—Хорошія и дурныя стороны итальянцевъ.—Любовь къ ночнымъ серенадамъ.—Лотерея.—Частые случаи татуированія среди простого люда.—Суевѣрія.—Причитанія по усопшимъ.—Обстановка жилища и домашнія животныя.—Положеніе женщины и ея жизнь во всѣхъ классахъ общества.—Народное образованіе. 351

Страсть къ зрѣлищамъ.—Страсть итальянца къ церемоніямъ и различнымъ зрѣлищамъ.—Карнавалъ.—Конфектный и цвѣточный ливень.—Процессія «торжество смерти».—Шествіе Бахуса 361

Папа.—Его значеніе въ настоящее время.—Выносъ папы.—Церковныя торжества.—Представленія восковыми фигурами страданій мучениковъ 366

ИСПАНІЯ.

Первое знакомство съ народомъ и страною.—Испанцы.—Ихъ прошлое и настоящее.—Государственное устройство.—Выборы.—Плохое состояніе финансовъ и тяжелое положеніе народа 369

По дорогамъ Испаніи 380

Мадридъ.—Окрестности испанской столицы.—Ея убійственный климатъ.—Какую важную роль въ жизни испанца играетъ Пуэрта-дель-Соль.—Прадо.—Одежда и характеръ мадридцевъ.—Улица Іеронима.—Площади Мурильо и Майоръ.—Второстепенныя улицы.—Музей.—Кафэйни и магазины сигаръ.—Страсть къ театральнымъ представленіямъ.—Серено 381

Аранхуэсъ 389

стр.

Андалузія.—Природа страны.—Характеръ и одежда андалузцевъ.—Кордова.—Постройки этого города и замѣчательная мечеть 390

Севилья.—Севильскіе дома и знаменитыя патіо.—Вечеръ.—Ночныя сцены.—Хиральда.—Соборъ.—Альказаръ.—Севильскіе цырюльники 393

Занятія народа и его положеніе.—Земледѣліе и землевладѣніе.—Общинныя земли.—Машина для орошенія полей.—«Водяной трибуналъ».—Виноградники Хереса и винодѣліе.—Оливки и оливковое масло.—Апельсинныя рощи.—Овцы; ихъ громадное значеніе для страны.—Пастухи.—Естественныя богатства Испаніи.—Альмаденъ и его ртутныя копи.—Каталонія и ея жители.—Промышленность.—Оружейныя фабрики.—Фарфоровыя и хрустальныя фабрики.—Фабрикація гитаръ и ювелирныхъ издѣлій.—Фабрикація вѣеровъ.—Барселона.—Солеварни.—Фабрикація восковыхъ спичекъ.—Положеніе фабричныхъ рабочихъ.—Ихъ пища, жилища, заработокъ и выселеніе съ родины.—Образованіе.—Невѣжество, суевѣріе, предразсудки и характеръ испанскаго народа . 396

Бѣднѣйшая часть населенія.—Нищіе.—Разбойники.—Контрабандисты.—Шарраны.—Бреттеры.—Смертная казнь.—Цыгане.—Ихъ нравы, характеръ и образъ жизни . 412

Высшее и среднее сословія.—Семейная жизнь.—Мужчины и женщины.—Ихъ жизнь и привычки.—Время отдыха.—Домашнія вечеринки.—Бесѣды у балкона въ лунную ночь и пристрастіе къ нимъ испанцевъ.—Аристократы и чиновники; ихъ положеніе и отношеніе къ дѣлу.—Студенты 417

Религія.—Главенство папы и догматъ о его непогрѣшимости.—Духовенство и монашескіе ордена.—Іезуиты.—Характерныя черты католической религіи.—Почитаніе Божьей Матери и святыхъ 426

Религіозныя торжества и процессіи.—Страстная недѣля.—Пазо и ихъ значеніе въ испанскихъ празднествахъ.—Театральныя представленія на Страстной недѣлѣ.—Праздникъ Пресвятой Дѣвы Моря въ Альмеріи.—«Танецъ шести» въ Севильскомъ соборѣ.—Испанское богомолье 433

Страсть испанца къ танцамъ.—Фанданго.—Ола.—Танецъ среди разставленныхъ стакановъ.—Танцы съ кувшинами на головахъ.—Танцы у смертнаго одра . 438

Бои быковъ и пѣтуховъ.—Страсть испанца къ боямъ быковъ.—Какъ ведутъ себя испанцы во время этого представленія.—Борцы.—Бои пѣтуховъ 439

ПОРТУГАЛІЯ.

Португальцы.—Ихъ прошлая судьба.—Современное положеніе страны и отчаянное состояніе ея финансовъ.—Слѣды вліянія римлянъ, грековъ, мавровъ, испанцевъ и евреевъ.—Галлегосы.—Внѣшній видъ и характеръ народа.—Щепетильность и краснорѣчіе португальцевъ.—Путешествія къ чудотворнымъ иконамъ.—Дома и обстановка.—Общественная жизнь и женщины.—Свадьба.—Языкъ португальцевъ.—Образованіе.—Природа страны.—Положеніе сельскаго и фабричнаго люда 446

Лиссабонъ.—Видъ города и его восхитительное мѣстоположеніе.—Землетрясеніе 1755 года . 457

Развлеченія народа . 459

ШВЕЙЦАРІЯ.

Альпы.—Альпійская природа.—Характеристика горной области: жизнь, движеніе и богатство окружающей природы.—Климатъ.—Фёнъ и его вліяніе на природу, людей и животныхъ.—Туманы.—Дикіе, бурные потоки; страшнѣйшій вредъ, приносимый ими жителямъ.—Пещеры 460

Разнообразіе растительности горной области.—Кукуруза.—Виноградная лоза.—Каштаны.—Ихъ польза и значеніе для мѣстныхъ жителей.—Животная жизнь.—Пернатые обитатели.—Дѣвственные альпійскіе лѣса.—Вліяніе лѣса на климатъ и почву. 464

Водопады . 466

Обвалы.—Разрушеніе Гольдау.—Чудесные случаи спасенія.—Обрывы камней.—Причина этихъ несчастій.—Чѣмъ помочь горю 468

Лавины.—Какъ деревня Руэрасъ ночью была сдвинута лавиной.—Муки засыпанныхъ снѣгомъ.—Счастливые случаи избавленія.—Когда падаютъ твердыя лавины.—

стр.

Инстинктъ животныхъ, предугадывающихъ паденіе лавинъ.—Лѣса, какъ охрана отъ лавинъ . 471

Альпійская область.—Растительность этой области.—Одинокія ели.—Услуга, которую онѣ оказываютъ.—Характеръ природы выше 6,000 ф.—Мхи.—Малорослая сосна.—Альпійская роза.—Озера.—Кристаллическія пещеры.—Животныя альпійской области.—Альпійскій охотникъ 474

Альпійскія пастбища.—Торжественный выгонъ скота.—Шалэ и ихъ назначеніе.—Жизнь пастуховъ.—Aelplerkilwi 480

Козопасы . 483

Косцы и дровосѣки . 485

Страннопріимные монастыри 487

Снѣжная область.—Грозныя явленія природы этой области.—Красный снѣгъ.—Монъ-Бланъ.—Желѣзныя дороги . 488

Ледники.—Какую пользу они приносятъ.—Ручейки и озерки.—Голубые своды надъ потоками.—Цвѣтъ ледника.—Вкусъ его воды.—Отчего происходятъ трещины . 491

Политическое устройство.—Швейцарскій союзъ.—Его значеніе.—Дѣленіе Швейцаріи на кантоны.—Языкъ народа.—Власть законодательная и исполнительная.—Основныя права гражданъ.—Референдумъ.—Кантонъ Ури: его «Майское собраніе». 494

Община.—Ея значеніе для гражданъ.—Хорошія и дурныя стороны общины.—Ея отношеніе къ бѣднякамъ.—Гейматлозы.—Общинныя власти и ихъ обязанности.—Общинныя земли . 503

Швейцарцы.—Характеръ народа.—Внѣшній видъ его деревень.—Семейная жизнь.—Товарищество однолѣтокъ.—Вечернее времяпрепровожденіе.—Воскресный день.—Одежда.—Танцы и пристрастіе къ нимъ молодежи 508

Занятія.—Земледѣліе и скотоводство.—Знаменитый швейцарскій сыръ и вліяніе его увеличивающагося производства на положеніе народа.—Виноградники.—Торговля.—Фабричная промышленность.—Вышивальная промышленность.—Часовое производство.—Рѣзьба на деревѣ.—Швейцарскіе фабричные рабочіе и ихъ характеристика.—Фабриканты и ихъ отношеніе къ рабочимъ.—Заработная плата.—Пища, жилища и пансіоны для рабочихъ.—Чѣмъ объясняется сравнительно лучшее положеніе швейцарскихъ рабочихъ.—Фабричный законъ 1877 г. 514

Праздники.—Обиліе праздниковъ.—Праздники стрѣлковъ, пѣвцовъ и борцовъ.—Народныя представленія на открытомъ воздухѣ.—Мѣстные праздники: виноградарей въ Веве и празднованіе масляницы въ Базелѣ 521

Образованіе.—Школьныя зданія.—Положеніе учителей.—Отношеніе народа къ школѣ.—Обученіе.—Кретины и другіе больные 524

ФРАНЦІЯ.

Парижъ.—Всесвѣтное стремленіе въ Парижъ и причины этого явленія.—Значеніе Парижа для Франціи.—Французскій языкъ и его значеніе 527

Внѣшній видъ Парижа.—Улицы, постройки, магазины, аллеи и бульвары.—Блескъ и оживленіе столицы.—Реклама.—Балы и веселость парижанъ.—Уличная жизнь.—Ораторство уличныхъ торговцевъ.—Парижское благерство 530

Магазинъ „дешевая продажа“ (Bon Marché).—Чудеса базара: читальня, буфетъ, залъ для выбора цвѣтныхъ матерій, кухни, спальни, подвальный этажъ.—Положеніе служащихъ . 535

„Чрево Парижа“.—Центральный рынокъ.—Пуассардки.—Воришки.—Продажа объѣдковъ.—Фирма Потэна.—«Жница».—Блестящіе рестораны и положеніе въ нихъ служащихъ.—Кофейни и ихъ значеніе для парижанъ.—Оригинальныя кофейни 538

Елисейскія поля.—Ихъ оживленіе.—Увеселенія для дѣтей и для взрослыхъ.—Cafés chantants и ихъ значеніе для парижанъ.—Пѣсни этихъ увеселительныхъ заведеній. 543

Сена.—Ея значеніе.—Спасеніе утопленниковъ.—Моргъ.—Общество для спасенія утопленниковъ. 545

Подземный Парижъ . 547

Темныя стороны всемірной столицы.—Бельвиль—предмѣстье пролетаріевъ.—Проданныя дѣти.—Нищіе, бродяги и мошенники.—Тряпичники, ихъ занятія и жилища.—Ночлежные пріюты.—Нищета и грязь въ кварталахъ пролетаріевъ 549

стр.

Дворянство.—Французская аристократія.—Взгляды, обстановка, жизнь и положеніе знатныхъ людей.—Сенъ-Жерменское предмѣстье.—Дома аристократовъ . . . 554

Буржуазія.—Характеристика людей этого класса общества.—Ихъ взгляды, стремленія и жизнь.—Ихъ хорошія и дурныя стороны.—Дома и обстановка людей средняго достатка.—Почему парижане не любятъ сидѣть дома.—Положеніе французской женщины.—Парижанка изъ мелкой и высшей буржуазіи 559

Бретань.—Характеристика страны.—Берега и ихъ отличительные признаки.—Ланды.—Дюны.—Приливы и отливы.—Польдеры и ихъ значеніе.—Сборъ водорослей.—Финистерскій департаментъ.—Департаментъ Илли и Вилены.—Характеръ бретонца и причины его бѣдности.—Жилище.—Пища и приготовленіе сидра.—Отношеніе между собой членовъ семьи.—Клёры.—Разказчики.—Нищіе-пѣвцы.—Посидѣлки.—Взаимная помощь.—Суевѣрія и ихъ причины.—Любовь къ празднествамъ.—Праздникъ «отпущенія».—Продажа женскихъ волосъ.—Характеръ, нравы и занятія жителей морского побережья.—Тяжелый женскій трудъ.—Независимость женщины.—Ловля сардинокъ и макрелей.—Ловля рыбы на удочку.—Прыгуны.—«Дары океана».—Ловля спрутовъ.—Ловля устрицъ и добываніе соли.—Бѣдняки и отношеніе къ нимъ мѣстныхъ жителей . 570

Нормандія.—Природа страны.—Обиліе плодовыхъ деревьевъ.—Прекрасное состояніе фермъ.—Внѣшній видъ деревни.—Деревенскіе дома.—Причины богатства Нормандіи.—Земледѣліе.—Фермы молочныхъ продуктовъ.—Богатыя пастбища и откармливаніе тощихъ быковъ.—Откормщикъ скота.—Яблони и сидръ.—Плетеніе кружевъ.—Торговля и промышленность.—Кормилицы.—Характеристика нормандцевъ.—Распространеніе пьянства и его послѣдствія.—Отношеніе между собой членовъ семьи.—Уменьшеніе народонаселенія и причины этого явленія.—Одежда жителей . . 584

Фландрія.—Мѣстная природа.—Блестящее состояніе земледѣлія.—Занятія жителей.—Воздѣлываніе свекловицы.—Характеръ народа и его привычки.—Состязаніе зябликовъ.—Игры и удовольствія.—Пьянство.—Деревенскія кофейни.—Пѣтушиные бои.—Контрабандисты 596

Шампань.—Несчастная природа Шампани прежде и ея производительность теперь.—Приготовленіе шампанскаго.—Погреба для винъ и опасности, которымъ подвергаются въ нихъ рабочіе.—Винодѣлы и ихъ положеніе 600

Крестьяне.—Разнообразіе занятій сельскаго населенія.—Землевладѣніе.—Крестьяне землевладѣльцы.—Ихъ страсть къ землѣ.—Черезполосица и дробленіе поземельной собственности.—Успѣхи земледѣлія.—Половники, фермеры и батраки: ихъ заработокъ и положеніе.—Характеръ, взгляды и жизнь французскихъ крестьянъ; ихъ отношеніе къ престарѣлымъ родителямъ 601

Рабочіе (ouvriers).—Положеніе рабочихъ.—Ихъ жилища, заработокъ и продолжительность рабочаго дня.—Стачки.—Синдикаты и ихъ значеніе.—Потребительныя и производительныя ассоціаціи.—Характеристика парижскихъ рабочихъ.—Страсть къ политикѣ и природѣ.—Артистическія и промышленныя дарованія рабочаго.—Его дѣти и любовь къ нимъ.—Парижская работница: ея положеніе, характеръ и трудъ.—Ясли.—Пьянство . 610

Образованіе и воспитаніе.—Народныя школы.—Вліяніе католическаго духовенства.—Преобразованіе во Франціи народнаго обученія.—Домашнее воспитаніе.—Обученіе и воспитаніе въ среднеучебныхъ заведеніяхъ.—Неумѣренная раздача наградъ и разнообразныя поощренія.—Страсть къ орденамъ.—Высшія учебныя заведенія.—Студенты . 625

Французы юга и сѣвера.—Характеръ французскаго народа.—Его хорошія и дурныя стороны . 638

ПЕРЕЧЕНЬ РИСУНКОВЪ.

		Страницы.
1.	Турецкая кофейня	10— 11
2.	Турецкое кладбище	14— 15
3.	Гаремныя затворницы	52— 53
4.	Албанцы	86— 87
5.	Болгарскіе типы: сборъ винограда	134—135
6.	Болгары: сборъ розъ	140—141
7.	Болгарскій танецъ «хоро»	144—145
8.	Сербы: ихъ праздникъ «крстно имя»	190—191
9.	Черногорцы	204—205
10.	Румыны, слушающіе игру лаутари	240—241
11.	Сватовство въ румынской деревнѣ	248—249
12.	Греки	270—271
13.	Набережная въ Венеціи и венеціанскій народъ	286—287
14.	Римляне	296—297
15.	Уличная жизнь въ Неаполѣ (направо уличный писецъ)	302—303
16.	Путешествіе по испанскимъ дорогамъ	380—381
17.	Испанскій танецъ	438—439
18.	Бой быковъ	442—443
19.	Португальцы	450—451
20.	Альпійскій охотникъ	478—479
21.	Швейцарцы. (Налѣво швейцарка изъ кантона Берна)	482—483
22.	Альпійскій косецъ	486—487
23.	Парижскій рабочій людъ: пуассардка, торгующаяся съ блузникомъ; подлѣ него жена; сзади тряпичникъ и рабочій въ стокахъ	538—539
24.	Бретонцы и ихъ праздникъ «отпущенія»	578—579
25.	Жители западнаго побережья Бретани	582—583
26.	Нормандцы	594—595

Ново-Николаевская Центральная Учительская Библиотека-музей
Хронолог. кат. № 2039.
1. ДЕК 1914
Отдѣлъ
Систематич. кат. №

ЕВРОПЕЙСКАЯ ТУРЦІЯ.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

Какое впечатлѣніе производитъ этотъ городъ.—Значеніе водъ для Константинополя.—Изнанка турецкой столицы.—Улицы.—Дома.—Пера, Галата и Стамбулъ.—Базаръ оружій.

Ни одинъ городъ въ мірѣ не представляетъ такихъ крайнихъ противоположностей, какъ Константинополь. По единодушному отзыву всѣхъ путешественниковъ, это городъ, полный замѣчательнаго великолѣпія и блеска и въ то же время невообразимой грязи и крайней нищеты. На каждомъ шагу вы тамъ встрѣтите то поразительную, своеобразную красоту природы, то сцены, до глубины души возмущающія душу и унижающія всякое человѣческое достоинство. Впрочемъ, первое впечатлѣніе обыкновенно бываетъ чрезвычайно пріятное.

Прежде, чѣмъ подъѣхать къ Босфору, вы оставляете позади себя Принцевы острова, которые, точно корзины съ роскошною зеленью, плаваютъ въ Мраморномъ морѣ. Но вотъ вы повернули налѣво, на голубую водную площадь Константинопольскаго залива, который называется Золотымъ Рогомъ, и бросили тутъ якорь среди цѣлаго лѣса мачтъ съ разноцвѣтными флагами всѣхъ націй. Не только Венеція съ своими мраморными дворцами среди волнъ, но, по мнѣнію многихъ, даже и Неаполь съ своими волшебными окрестностями и вѣчно дымящимся, грознымъ Везувіемъ, не очаруетъ васъ такъ, какъ Константинополь въ первую минуту.

Этотъ городъ разсыпанъ на возвышенныхъ холмахъ и раздѣленъ Константинопольскимъ проливомъ на двѣ главныя части: на европейскую и азіатскую. Европейскую часть можно назвать всемірнымъ портомъ, такъ какъ тутъ встрѣтишь представителей всѣхъ частей свѣта.

Чудныя воды—самое лучшее украшеніе этого города. Голубое море вторгается въ него съ разныхъ сторонъ и тѣмъ придаетъ каждой его части особую, характерную физіономію. То вбѣгаетъ оно въ середину его заливами, то принимаетъ въ себя рѣчки, которыя тихо катятся по предмѣстьямъ, огибая мысы и островки, застроенные древними зданіями; часто волны смѣло подходятъ къ подножію кіосковъ [1]) и башенъ, и серебряныя брызги влетаютъ въ отворенныя окна домовъ.

[1]) Кіоскъ—родъ бесѣдки съ выдавшеюся впередъ разукрашенною и раззолоченною крышею. Внутри онъ бываетъ иногда отдѣланъ съ необыкновенною роскошью.

Что ни шагъ, то новая, невыразимо прекрасная картина! Тутъ множество небольшихъ рѣчекъ и ручейковъ блещутъ и сверкаютъ среди зелени; тамъ громадная мечеть (магометанская церковь) таинственно смотрится въ неподвижную воду залива, по которому мелькаютъ быстрые каики (лодки). Но вотъ поверхность сонныхъ водъ вдругъ рябится длинными полосами, вы думаете, что откуда-нибудь подулъ вѣтерокъ, но вмѣсто бѣлоголовыхъ валовъ показываются тысячи черныхъ, блестящихъ треугольниковъ, и въ ту же минуту цѣлое стадо дельфиновъ подымаетъ изъ воды свои головы, чтобы подышать воздухомъ. Черезъ мгновеніе они начинаютъ кувыркаться, прыгать и прятаться въ волнахъ, которыя они поднимаютъ, забавляясь и рѣзвясь между собою. Нѣкоторые изъ нихъ вдругъ бросаются за каикомъ и долго-долго его провожаютъ. Также разнообразятъ эту прелестную картину чайки, крикливыя стаи которыхъ покрываютъ море и набережныя. Надъ чудною голубою водяною площадью, замкнутой слѣва сералемъ [1]), подымается городъ, расположенный амфитеатромъ на семи холмахъ: онъ представляетъ огромную массу строеній, а развалившіяся стѣны опоясываютъ его кругомъ,—и все это утопаетъ въ роскошной зелени. Здѣсь и тамъ живописно возвышаются раззолоченные кіоски и мечети, окруженныя тѣнистыми садами, и ярко сверкаютъ на солнцѣ своими золотыми полумѣсяцами. Тонкія иглы минаретовъ [2]) представляются взору какими-то исполинскими свѣчами изъ бѣлаго воска, которыя волшебно сверкаютъ въ чудной синевѣ неба.

Если вы въѣзжаете въ этотъ царственный городъ на пароходѣ, то чѣмъ ближе вы къ нему приближаетесь, тѣмъ выше и необъятнѣе надвигаются надъ палубою, на которую немедленно высыпаютъ теперь всѣ путешественники, нѣмѣя отъ изумленія и восторга, грандіозные амфитеатры Перы и Стамбула, разъединенные далеко вдавшеюся въ землю голубою косою Золотаго Рога.

Съ одной стороны Константинопольскій портъ, названный Золотымъ Рогомъ, представляетъ глубокую перспективу многихъ тысячъ домовъ и кораблей, откуда отлично видно предмѣстье Эюбъ, надъ которымъ возвышаются холмы Стамбула и Перы; затѣмъ взоры утопаютъ въ горизонтѣ Мраморнаго моря. Азіатскій берегъ отсюда своеобразно живописенъ: онъ является вамъ безконечною цѣпью цвѣтущихъ холмовъ, предмѣстій, долинъ и садовъ. Взгляните послѣ этого на Босфоръ: легкіе каики (турецкія лодки) легко и ловко скользятъ по гладкой поверхности, съ какою-то нѣгою покачивая гребцовъ въ полосатыхъ рубахахъ и турокъ въ фескахъ [3]) или въ бѣлыхъ чалмахъ [4]), которые сидятъ на разостланныхъ коврахъ и подушкахъ, поджавъ подъ себя ноги калачикомъ. Съ своими чудными водами, необъятными мечетями, съ стройными минаретами, лѣсами кипарисовъ и древними башнями, наконецъ съ своими плѣнительными долинами, по которымъ разгуливаютъ люди чуть-ли не всѣхъ націй, Константинополь необыкновенно поражаетъ путешественника и переноситъ его въ какой-то сказочный міръ, ни съ чѣмъ другимъ не имѣющій сходства.

Но чѣмъ сильнѣе былъ вашъ восторгъ при видѣ Константинополя съ моря, тѣмъ сильнѣе будетъ разочарованіе, когда вы его увидите вблизи. Распростертый на безконечныхъ холмахъ и долинахъ, что придаетъ ему такую своеобразную прелесть, вблизи Константинополь представляетъ какую-то дикую смѣсь цивилизаціи и варварства, чудныхъ видовъ и возмутительныхъ зрѣлищъ, роскошнѣйшихъ европейскихъ

[1]) Дворецъ султана.

[2]) Съ высоты этихъ минаретовъ магометанамъ пять разъ въ день возвѣщаютъ о началѣ молитвы.

[3]) Феска—плотно прилегающій къ бритой головѣ колпакъ съ цвѣтною кисточкою.

[4]) Чалма—перекрученный платокъ, которымъ нѣсколько разъ обертываютъ голову.

зданій и построекъ чисто азіатскаго характера. Пройдете до конца прекрасную улицу,— она кончается пропастью; при выходѣ изъ театра, вы нерѣдко встрѣтитесь лицомъ къ лицу съ гробницею. Посреди жалкихъ построекъ часто вызвышается чудный европейскій дворецъ, сзади его торчатъ иглы стройныхъ минаретовъ, тамъ кипарисы и платаны распростираютъ свои вѣтви надъ китайскою крышею кіоска; передъ вами мелькаютъ то рѣшетчатые балконы гаремовъ, то причудливыя ниши подъ арабскими арками, то гробницы во дворахъ и башни посреди могилъ. Мечети, синагоги, храмы греческіе, армянскіе, католическіе часто находятся въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ, точно оспариваютъ первенство другъ у друга. Здѣсь и тамъ кучи камней и остатки разрушенныхъ пожарами зданій. Въ отдаленныхъ частяхъ города переулки совсѣмъ небрежно вымощены и носятъ слѣды какого-то хаотическаго безпорядка: груды мусора, костей, гнилыхъ овощей и другихъ нечистотъ сильно поражаютъ васъ, и вы не хотите вѣрить, что находитесь въ столицѣ. Запутанные закоулочки и переулочки часто извиваются между холмиками, пересѣкаютъ пропасти, проходятъ подъ акведуками. Элегантный городъ, деревня, дача, садъ, портъ, пустыня, рынокъ, кладбище — безпрестанно смѣняютъ другъ друга, возвышаясь одинъ надъ другимъ террасами, такъ что съ извѣстныхъ высокихъ пунктовъ однимъ взглядомъ легко обнять все это разнообразіе.

Архитектура зданій приноравливается къ безконечному разнообразію почвы, и вы видете множество построекъ въ формѣ треугольниковъ, пирамидъ, прямыхъ и опрокинутыхъ, окруженныхъ мостами, подпорками и рвами. На разстояніи сотни шаговъ все мѣняется: то вы идете по элегантной улицѣ, застроенной магазинами и домами въ европейскомъ вкусѣ, то передъ вами совершенная пустыня или какой-то азіатскій поселокъ. Вниманіе привлекаютъ самые разнообразные виды и постройки: казармы въ мавританскомъ стилѣ, турецкая кофейня, базаръ, фонтанъ. Вамъ то приходится подниматься вверхъ, то спускаться внизъ, то карабкаться по лѣстницѣ, пробитой въ скалѣ, плавать въ грязи и обходить тысячи препятствій, то отстраняя кустарникъ или дерево съ своей дороги, то приподнимая бѣлье, протянутое для сушки, то затыкая носъ отъ отвратительныхъ міазмовъ, то жадно вдыхая благоуханный воздухъ.

Населеніе Константинополя—это калейдоскопъ всевозможныхъ національностей; на улицахъ можно слыщать всѣ европейскіе и много азіатскихъ языковъ. Турки составляютъ только половину всего населенія, а изъ остальныхъ жителей первое мѣсто занимаютъ греки, затѣмъ идутъ армяне, испанскіе евреи, арабы, египтяне, туркмены, черкесы, славяне и другіе европейцы.

Константинополь, столица турокъ, мѣстопребываніе султана, турецкаго царя и повелителя, не только занимаетъ огромную площадь въ Европѣ, но, какъ было упомянуто выше, шагнулъ еще и въ Азію, такъ что въ сущности этотъ городъ расположенъ въ двухъ частяхъ свѣта—въ Европѣ и Азіи. Босфоръ (или Константинопольскій проливъ) отдѣляетъ азіатскую часть столицы, извѣстную подъ названіемъ предмѣстья Скутари, отъ европейской, въ которой находятся Пера, Галата и Стамбулъ,— все остальное только кварталы этихъ трехъ главныхъ частей Константинополя.

Въ Перѣ живутъ европейцы, которые надолго или навсегда поселились въ Константинополѣ. Это—лучшая часть столицы: тутъ прекрасно построенныя зданія въ четыре и пять этажей, роскошнѣйшія англійскія и французскія гостиницы, магазины, театры, клубы, дома посланниковъ. По улицамъ Перы обыкновенно расхаживаетъ европейская публика—французы, англичане, итальянцы, проѣзжаютъ кареты пословъ. Главныя улицы, въ большинствѣ случаевъ, имѣютъ прекрасную мостовую и тротуары,

но и въ этой части столицы не мало до того узкихъ переулковъ, что, когда проѣзжаетъ экипажъ, пѣшеходу приходится прижиматься къ стѣнѣ.

Пера примыкаетъ къ другой части города—Галатѣ, которая представляетъ собою лишь одинъ безконечный базаръ, безпрерывный толкучій рынокъ, сплошную лавку. Каждый домъ въ Галатѣ занятъ торговлею; здѣсь продаютъ рѣшительно все, и притомъ торговцами являются люди всѣхъ національностей: греки, армяне, французы, персіяне, итальянцы, болгары. Здѣшнія улицы до того извилисты и узки, что ихъ правильнѣе было бы назвать щелями; солнце во многія изъ нихъ совсѣмъ не показывается, а потому все здѣсь мрачно, какъ-то влажно, грязно. Тѣмъ не менѣе всѣ улицы окаймлены лавками пирожниковъ, цирюльниковъ, мясниковъ, греческими и армянскими кофейнями, конторами негоціантовъ, бюро. Дѣловая толпа безъ оглядки стремится туда и сюда, безпрестанно разступаясь, чтобы дать дорогу осламъ, посыльщикамъ, омнибусамъ. Почти вся константинопольская торговля проходитъ черезъ это предмѣстье: здѣсь биржа, банкирскія конторы, склады товаровъ, разныя агентства, таможня. Подземная желѣзная дорога соединяетъ Галату съ Перой посредствомъ туннеля. Когда вы вступаете въ Галату, просто не вѣрится, что находишься въ турецкой столицѣ: со всѣхъ сторонъ вы слышите здѣсь говоръ, крики, смѣхъ, шутки на французскомъ, итальянскомъ, испанскомъ языкахъ. Въ маленькихъ переулкахъ Галаты еще болѣе движенія: тутъ уже не только днемъ, но и ночью невообразимая толкотня и суета. На каждомъ шагу встрѣчаешь открытыя кухни, гдѣ на вертелахъ жарятъ барановъ и козлятъ, изготовляютъ блины, мѣняютъ деньги. Шумъ, гвалтъ, ревъ, крики ословъ, лай собакъ, стукъ, звуки рожковъ, шарманокъ, бубенъ и скрипокъ, самый разнообразный свистъ и выкрикиванье разносчиковъ,— все это сливается въ одинъ общій адскій концертъ и совершенно оглушаетъ каждаго, въ первый разъ попавшаго сюда человѣка.

Въ Стамбулѣ все носитъ чисто восточный, азіатскій характеръ; въ его улицахъ поражаетъ тишина: это въ полномъ смыслѣ слова — царство безмятежнаго покоя и сна. Тѣмъ не менѣе Стамбулъ съ блестящими куполами своихъ мечетей, съ дивными минаретами, фонтанами, кладбищами, дворцами, роскошными садами, отражающимися въ водахъ бирюзоваго моря, съ «Золотымъ Рогомъ» (Константинопольскій портъ) у подножія зданій этой части города—самая оригинальная, чисто турецкая часть столицы. Безконечные базары, представляющіе смѣсь роскоши и нищеты, тянутся по крутымъ улицамъ то вверхъ, то внизъ, затериваются отъ времени до времени въ различныхъ переулкахъ и снова показываются на площадяхъ, обыкновенно сырыхъ и грязныхъ.

Въ Стамбулѣ, какъ, впрочемъ, во всемъ Константинополѣ, улицы, кромѣ главныхъ, не имѣютъ названій; а если бы всѣмъ этимъ переулочкамъ, проходамъ, узкимъ коридорчикамъ и даны были бы клички, это не облегчило бы возможности съ большею увѣренностію направлять свой путь, немыслимо было бы и запомнить названій всѣхъ этихъ постоянно перекрещивающихся между собою разнообразныхъ тропокъ и проходовъ. При постройкѣ Константинополя едва-ли когда-нибудь руководились вполнѣ опредѣленнымъ планомъ,—каждый, видимо, строился, какъ вздумается: даже тамъ, гдѣ дома идутъ длинной, прямой линіей, проходъ по улицѣ нерѣдко прерывается какой-нибудь постройкой, которая такъ выдвигается впередъ, что загораживаетъ собою всю середину мостовой и мѣшаетъ свободному проѣзду экипажей.

Турецкіе дома напоминаютъ не то узкія башни, не то высокіе ящики въ два, три, а иногда даже и въ четыре и пять этажей съ плоскими крышами, не болѣе какъ въ пять оконъ съ рѣшетками, а есть дома и съ двумя и даже съ однимъ

окномъ съ фасада. Эти рѣшетки не мѣшаютъ турчанкамъ видѣть, что дѣлается на улицѣ, но зато уличные зѣваки уже никакъ не могутъ разсматривать ни женщинъ, ни того, что онѣ дѣлаютъ у себя. Дома эти нерѣдко каменные, но большею частью деревянные: въ нѣкоторыхъ кварталахъ улицы до того узки, что изъ оконъ противоположныхъ домовъ можно протянуть другъ другу руку. Давно прошло золотое время для турокъ, когда у наиболѣе знатныхъ изъ нихъ были богатѣйшіе гаремы. Теперь все болѣе уменьшается число богатыхъ турокъ; упадокъ ихъ прежняго величія сказывается, прежде всего, въ отсутствіи въ настоящее время тѣхъ многочисленныхъ гаремовъ, которыми когда-то обладала большая часть пашей и знатныхъ турокъ. Они строятъ теперь свои гаремы по объему несравненно меньше прежнихъ, а прежніе или стоятъ пустыми, или совсѣмъ разрушаются. Многіе паши, за отсутствіемъ средствъ, довольствуются одною женою, и лишь немногіе имѣютъ двѣ, три, а тѣмъ болѣе—четыре жены.

Дома Стамбула чередуются съ прелестными кладбищами, которыя совершенно неожиданно открываются передъ вами среди улицъ и площадей; подлѣ нихъ—мечети и высокіе минареты, сверкающіе своими золотыми полумѣсяцами. Изъ узкихъ проулковъ и улицъ вы выходите на маленькія, открытыя площади; тутъ, съ одной стороны, обыкновенно оказывается фонтанъ, изъ котораго пьютъ верблюды, съ другой—кофейня съ матрасами у ея входа, на которыхъ, полулежа или поджавъ ноги калачикомъ, курятъ и отдыхаютъ турки.

Въ Стамбулѣ, благодаря обилію деревянныхъ построекъ, недостатку воды, которой не хватаетъ даже для питья, безпрестанно попадаются пространства, выжженныя пожарами. Пожарная команда очень плохо организована: едва только пламя показалось изъ одной постройки, чрезъ часъ-другой, глядишь, уже громадное пространство, занятое множествомъ всевозможныхъ зданій, охвачено огненнымъ моремъ. Пожары приносятъ здѣсь болѣе горя, чѣмъ гдѣ бы то ни было: пожарная команда набирается изъ кого попало,—изъ воровъ и мошенниковъ; пользуясь суматохой во время пожара, они грабятъ пожитки бѣдняковъ.

Особенно непріятно поражаетъ въ улицахъ Стамбула множество отвратительныхъ, паршивыхъ собакъ, которыя въ каждомъ закоулкѣ, на каждомъ перекресткѣ цѣлыми десятками грызутся между собой и разрываютъ нечистоты. Здѣсь нельзя шагу ступить, чтобы не наткнуться на сцену изъ собачьей жизни. Эти животныя такъ любимы турками, что многіе изъ нихъ, умирая, завѣщаютъ крупныя суммы на прокормленіе собакъ. Однако, пожертвованій все же оказывается недостаточно, и собаки имѣютъ чрезвычайно жалкій видъ. Несмѣтное количество собакъ плодится, растетъ и околѣваетъ на улицахъ, не зная хозяина, не имѣя никакого крова, кромѣ небеснаго свода. Онѣ преспокойно располагаются на улицахъ Стамбула и не трогаются съ мѣста, чтобы дать дорогу прохожимъ, которые вынуждены ихъ обходить; только для быстро несущейся кареты онѣ чуть-чуть подвигаются въ сторону. На какую собаку ни взглянешь, каждая носитъ слѣды кровавыхъ битвъ: у одной не хватаетъ уха, у другой хвоста, третья хромаетъ, четвертая вся такъ искусана, что представляетъ собою сплошной гнойной струпъ. Издыхаютъ онѣ тутъ же, на улицѣ, истощенныя голодомъ, холодомъ, раздавленныя копытами лошадей и ословъ. Въ улицахъ Перы собакъ не прикармливаютъ, и потому ихъ тамъ очень немного, но Стамбулъ кишитъ ими. Нельзя, однако, сказать, чтобы стамбульскія собаки были совсѣмъ безполезны: здѣсь не существуетъ дворовъ, и всевозможныя нечистоты, мусоръ, помои, кости, все выкидываютъ прямо на улицу. Уничтожая эти отбросы, собаки не даютъ имъ разлагаться и распространять зловоніе и такимъ образомъ нѣсколько очищаютъ воздухъ.

Нерѣдко подлѣ собакъ такіе же грязные, худые, искалѣченные и паршивые (какъ ни ужасно это слово въ примѣненіи къ человѣку)—валяются, ползаютъ и разгуливаютъ нищіе. Особенно много попадается ихъ у кофеенъ, при входахъ въ мечети, на ступеняхъ фонтановъ, бань и кіосковъ. Чтобы возбудить состраданіе прохожихъ, они протягиваютъ руку за милостынею, выставляя на показъ зіяющія раны, хватаютъ прохожихъ за платье, заграждаютъ дорогу и настойчиво требуютъ подаянія. Калѣки ползаютъ по улицамъ и обхватываютъ колѣни прохожихъ.

Съ утра до вечера по узкимъ улицамъ Стамбула тянутся одинъ за другимъ ослы, до такой степени нагруженные всевозможными припасами, что часто ихъ совсѣмъ не видать подъ корзинами фруктовъ и зелени. Между навьюченными ослами, согнувшись въ три погибели, пробираются гамалыки (носчики кладей), которые переносятъ громадныя тяжести. Часто сорокаведерныя бочки со спиртомъ или масломъ, громадныя желѣзныя полосы переносятся ими чуть не бѣгомъ. Дѣлается это такимъ образомъ: бочку или громадный ящикъ окручиваютъ веревкой и дѣлаютъ изъ нея нѣсколько петель, въ которыя вкладываютъ длинные шесты. Концы этихъ шестовъ носильщики кладутъ себѣ на плечи и несутъ грузъ очень быстро, издавая по временамъ крикъ «берегись»! Бѣда тому, кто не слышалъ этого предостереженія, потому что носильщики несутся съ своей ношей, не обращая вниманія на пѣшеходовъ.

Здѣсь и тамъ, въ цвѣтныхъ плащахъ (фередже) проходятъ турчанки съ опущенными покрывалами (яшмаками). Разгуливающія турчанки совсѣмъ не имѣютъ элегантнаго вида: издали онѣ походятъ скорѣе на ходячіе мѣшки съ ватою, чѣмъ на женщинъ,—такіе неуклюжіе плащи носятъ онѣ поверхъ своего платья; не краситъ ихъ и покрывало, которымъ онѣ такъ окутываютъ голову, что только глаза и ротъ остаются свободными.

Обратите вниманіе на уличное движеніе. Вотъ подвигается странный экипажъ, разукрашенный позолотой и запряженный парою воловъ, убранныхъ цвѣтными кистями, блестками и тесемками яркихъ цвѣтовъ; онъ биткомъ набитъ турчанками средняго достатка. Тишина и отсутствіе жизни и движенія—характерный признакъ даже наиболѣе людныхъ улицъ Стамбула. Здѣсь и тамъ медленно расхаживаютъ сонные, вялые, молчаливые турки, которые особенно поражаютъ одною типичною чертою — лѣнью. Эта лѣнь замѣтна не только въ ихъ походкѣ, но и въ ихъ большихъ глазахъ, безжизненныхъ и равнодушныхъ. Отъ времени до времени катитъ изящный экипажъ—карета, красная снаружи и позолоченная внутри; въ ней сидятъ турчанки болѣе высокаго полета—жены султана или какого-нибудь сановитаго турецкаго вельможи. Карета запряжена великолѣпными лошадьми. При всякомъ такомъ экипажѣ непремѣнно находится стражъ-евнухъ, который зорко глядитъ, чтобы къ каретѣ не подошелъ какой-нибудь мужчина. Безпрестанно мелькаютъ бѣлыя и зеленыя чалмы мусульманскаго духовенства, остроконечныя шапки дервишей и всадники съ длинными бородами и въ чалмахъ или въ алыхъ фесахъ съ синими кисточками. У полуразрушеннаго зданія, въ малолюдномъ уголкѣ, постоянно наталкиваешься на уличнаго лѣкаря, или, точнѣе сказать, знахаря: онъ наклоняется надъ распростертымъ передъ нимъ на землѣ больнымъ, бормочетъ какія-то заклинанія, размахиваетъ ножемъ надъ его головой... Здѣсь не только безграмотные турки низшихъ классовъ, но даже громадное большинство высокопоставленныхъ лицъ лѣчатся не у докторовъ, а у невѣжественныхъ дервишей и знахарей. Въ улицахъ Стамбула не рѣдкость увидѣть и писца: поджавъ подъ себя ноги, онъ сидитъ на землѣ и на какой-нибудь небольшой подставкѣ строчитъ посланіе для турка, который тутъ-же, подлѣ него, растянулся съ чубукомъ въ рукахъ. Нѣсколько далѣе фокусникъ продѣлываетъ свои фокусы передъ

группою людей, изъ которыхъ одни сидятъ, а другіе, полулежа на матрацахъ у кофейни, попиваютъ кофе и пускаютъ дымъ изъ трубокъ. А вотъ и уличный цырюльникъ! Небольшаго роста человѣкъ, весь съежившись въ клубочекъ, съ подогнутыми подъ себя ногами, умѣстился на крошечной табуреткѣ и подставляетъ свою голову брадобрею, который брѣетъ его или, лучше сказать, безцеремонно выскабливаетъ ему волосы простымъ ножемъ.

Среди глухихъ, кривыхъ, узенькихъ, темныхъ уличекъ Стамбула, гдѣ жалкіе дома и полуразрушенныя постройки то сбиты въ кучу, то разбросаны такъ, что загромождаютъ дорогу, вы вдругъ наталкиваетесь на громадную сѣрую стѣну съ арками, кое-гдѣ обросшую кустарниками и вьющимися растеніями: это арки акведука Валента, очень древнія, въ высшей степени замѣчательныя по своей величинѣ, построенныя еще византійцами.

Въ Стамбулѣ не только узкія, темныя улицы, выжженныя пространства и жалкіе домишки, но не мало и широкихъ улицъ, окаймленныхъ великолѣпными постройками; особенно много богатыхъ мечетей, превосходныхъ кіосковъ, мраморныхъ фонтановъ; мелькаютъ и позолоченныя рѣшетки садовъ. Въ такихъ улицахъ вездѣ плескъ и журчаніе воды, свѣжесть, прохлада и тѣнь, которую даютъ кипарисы и платаны.

Чтобы составить себѣ еще болѣе ясное представленіе о Константинополѣ, необходимо посѣтить здѣшніе базары и рынки. Тутъ тѣ же поразительныя крайности, какъ и въ другихъ частяхъ столицы: грязь и смрадъ и въ то же время чудное благоуханіе лавокъ, въ которыхъ продаются душистыя снадобья и розовое масло,— роскошь и нищета идутъ здѣсь рука объ руку.

Посреди грековъ, армянъ, евреевъ, которые бѣгаютъ, суетятся, выкрикиваютъ похвалы своему товару, чинно проходятъ турки, всегда величавые, спокойные, молчаливые. Они никогда не затеряются въ массѣ базарнаго населенія—продаютъ-ли они свой товаръ, покупаютъ-ли, прогуливаются или отдыхаютъ. Вездѣ, гдѣ есть только возможность присѣсть и закурить трубку, турокъ сядетъ и задумчиво пускаетъ дымъ. Онъ не разговорится съ прохожимъ, не станетъ сообщать ему новостей, не только никогда горячо ни съ кѣмъ не заспоритъ, но часто и на сдѣланный вопросъ не обратитъ вниманія, а спокойно продолжаетъ курить трубку и безразлично смотрѣть на одинъ и тотъ же предметъ. Если же онъ и отвѣтитъ, то чаще всего только «да» или «нѣтъ», да и то не поворачивая головы, не удостоивши ни однимъ взглядомъ того, кто къ нему обратился. Оторвать турка отъ трубки можетъ развѣ пожаръ въ двухъ шагахъ отъ него или призывъ къ молитвѣ. Какимъ вы видите его здѣсь, такимъ онъ вездѣ, идетъ-ли онъ за дѣломъ, или прогуливается въ обществѣ своихъ знакомыхъ. Подъ широкимъ навѣсомъ платана сидятъ, поджавъ подъ себя ноги, нѣсколько молодыхъ турокъ. Они не то крѣпко задумались, не то дремлютъ, и отъ времени до времени, чтобы совсѣмъ не заснуть, развлекаютъ себя нѣсколькими глотками чернаго кофе: эту дремоту они предпочитаютъ даже сну. Турки—первый народъ въ мірѣ по умѣнью отдыхать и всецѣло предаваться кейфу, т.-е. нѣгѣ, самоуслажденію и полному покою. Въ эти блаженныя для турка минуты ему лѣнь не только говорить, но думать, даже двигаться,—это изъ ряду вонъ неподвижное существо. Сколько бы часовъ сряду ни отдыхалъ турокъ, онъ всегда сидитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ и молча куритъ, прихлебывая черную гущу изъ чашки, или жуетъ разныя сласти. И за все это время лицо его не мѣняетъ выраженія, глаза не блеснутъ ни радостью, ни гнѣвомъ, ни отчаяніемъ. Молодые турки перестаютъ носить чалму, бреютъ бороду, стройны, даже красивы, по внѣшности иногда мало чѣмъ отличаются отъ европейца, но

характерная черта—лѣнь двигаться и шевелить мозгами, такъ же присуща турецкой молодежи, какъ и старикамъ.

Возвратимся къ базарамъ. Подъ ихъ сводами страшная толкотня, шумъ, гамъ, выкрики на всѣхъ языкахъ; торговцы, заманивая въ свои темныя лавки, хватаютъ прохожихъ за руки. Но такимъ безцеремоннымъ приставаньемъ и суетнею здѣсь отличаются греки, евреи, армяне; турки и тутъ поражаютъ своею необыкновенною степенностью и спокойствіемъ. При входѣ покупателя въ одну изъ лавокъ, турокъ продолжаетъ сидѣть на своемъ мѣстѣ, и только, когда вошедшій попроситъ показать товаръ, онъ неторопливо встаетъ и молча подаетъ требуемое. «Какъ дорого!» говоритъ покупатель, желая поторговаться. «Этому нечего удивляться», спокойно отрѣжетъ турокъ, замолчитъ, усядется на прежнее мѣсто, хотя покупатель продолжаетъ стоять передъ нимъ, и тотчасъ снова устремляетъ свои глаза въ одну точку. Турокъ не такой человѣкъ, чтобы лебезить, ухаживать и заискивать: ко всѣмъ и ко всему онъ относится равнодушно, даже и въ томъ случаѣ, если отъ этого страдаетъ его интересъ. Назначивъ цѣну, онъ рѣдко что-нибудь уступитъ. «Да дай же мнѣ что-нибудь другое, покажи вотъ тотъ кусокъ». Но турокъ, хотя и вскользь посмотрѣлъ на покупателя, догадывается, что онъ хочетъ только рыться въ товарѣ. «Нечего тебѣ смотрѣть, ничего изъ этого не выйдетъ», или: «не для чего тебѣ смотрѣть, — это для тебя дорого»,—при этомъ онъ опять отходитъ къ своему тюфяку и преспокойно садится, поджимая ноги калачикомъ.

Всего привлекательнѣе на базарахъ оружіе,—гордость турка. Кромѣ украшеній изъ драгоцѣнныхъ камней, на многихъ клинкахъ блестятъ золотыя надписи: «дарую тебѣ побѣду надъ невѣрнымъ»—гласитъ одна изъ нихъ, но чаще всего: «нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ его пророкъ». Невольно залюбуешься красотою и богатствомъ этого оружія: серебро и золото, яшма, кораллы, слоновая кость, изумрудъ, рубины, алмазъ и жемчугъ красиво расположены на рукояткахъ. Трудно описать блескъ и игру этихъ бриллiантовыхъ и жемчужныхъ звѣздъ, когда лучъ солнца прокрадывается съ высоты свода и освѣщаетъ всѣ эти драгоцѣнности. Но, кромѣ прекраснаго оружія, остальныя издѣлія турокъ грубы и отличаются полнымъ безвкусіемъ, непрактичностью и страшною дороговизною.

ОБЩЕСТВЕННЫЯ УДОВОЛЬСТВІЯ ТУРОКЪ.

Бани.—Кофейни.—Времяпрепровожденіе въ кофейняхъ.—Разсказчики, музыка, пѣніе. — Теріаки и страшныя послѣдствія потребленія опіума. — Торговля рабами. — Кладбища и оригинальныя надписи на памятникахъ.—Султанскія тюрбе.

Кто бы ни былъ турокъ—богатъ онъ или бѣденъ, приближенный султана или неважный купецъ, юный или старый, каждый изъ нихъ черезвычайно любитъ ходить въ баню. Причина этого, конечно, и въ устройствѣ самыхъ бань, которыя доставляютъ турку множество разнообразныхъ удовольствій, а также и въ томъ, что частымъ посѣщеніемъ ихъ магометанинъ выполняетъ завѣтъ своего пророка, который гораздо больше заботился о чистотѣ тѣлесной, чѣмъ о душевной, и своимъ послѣдователямъ указалъ на омовеніе тѣла, какъ на одну изъ первѣйшихъ обязанностей человѣка.

Если турокъ задумаетъ сдѣлать доброе дѣло, онъ прежде всего выстроитъ баню и запишетъ ее, какъ церковное имущество, къ какой-нибудь мечети, назначитъ ей постоянный доходъ, потому что бани въ мусульманскихъ земляхъ почти никогда не

бываютъ торговымъ предпріятіемъ: въ нихъ довольствуются весьма умѣреннымъ сборомъ, и содержатели обязаны безплатно впускать бѣдняковъ. Публичныхъ бань въ Константинополѣ чрезвычайно много; между ними есть великолѣпныя зданія, вымощенныя и выложенныя внутри прекраснымъ мраморомъ, просторныя, съ прелестными фонтанами, со стихами изъ корана на стѣнахъ.

Въ этихъ баняхъ турокъ наслаждается кейфомъ, слушаетъ новости и подчасъ даже занимается политикой, насколько можетъ заниматься политикой человѣкъ совсѣмъ необразованный, чрезвычайно мало читающій. Для турчанокъ, которыя ведутъ затворническую, однообразную жизнь, бани самое лучшее удовольствіе, и онѣ проводятъ здѣсь чуть не цѣлые дни. Онѣ курятъ папиросы, лакомятся фруктами и разными сластями, пьютъ шербетъ [1]), болтаютъ. Баня—самая необходимая часть каждаго турецкаго дома, такъ что ее можно найти даже въ самомъ бѣдномъ жилищѣ. Когда богатый человѣкъ строитъ домъ, онъ всего болѣе вниманія обращаетъ на баню. Въ домѣ бѣдняка вы также непремѣнно найдете баню, но здѣсь ея устройство уже совсѣмъ не замысловато: это обыкновенно родъ чулана, въ полъ котораго вдѣланъ глубокій чанъ для воды. Частыя посѣщенія бань и безпрестанныя омовенія предохраняютъ турокъ отъ многихъ болѣзней, которыя между ними встрѣчаются рѣже, чѣмъ у другихъ народовъ.

Войдемъ въ общественную турецкую баню. Когда отдернешь коверъ, которымъ завѣшана дверь изъ сѣней, вамъ прежде всего представится высокая, круглая зала, съ бѣлоснѣжнымъ мраморнымъ поломъ, со множествомъ маленькихъ круглыхъ окошекъ на кругломъ сводѣ. Окошечки эти такъ малы и оригинальны, что при солнечномъ освѣщеніи кажется, будто куполъ усѣянъ драгоцѣнными камнями. Вокругъ залы тянется галлерея на деревянныхъ столбахъ и къ ней съ обѣихъ сторонъ подымаются отлогія лѣстницы. Посреди журчитъ мраморный бассейнъ, обставленный горшками или вазами съ цвѣтами; тутъ же въ раскрашенныхъ клѣткахъ звонко распѣваютъ птички. Съ одной стороны фонтана—печь, у которой выставлена цѣлая коллекція трубокъ и кофейниковъ, съ другой—дверь въ болѣе теплую баню. Прежде всего всходишь по лѣстницѣ на галлерею, вродѣ нашего предбанника. Тутъ стоятъ безконечно длинные турецкіе диваны, покрытые холщевыми простынями; на нихъ лежатъ нѣсколько турокъ, которые давно покончили со своимъ мытьемъ, но никакъ не могутъ еще разстаться съ баней. Плотно укутанные въ бѣлое покрывало, изъ котораго виднѣются только ротъ и руки, крѣпко придерживая мунштукъ, они скорѣе походятъ на мумій, чѣмъ на людей. Но вотъ одна изъ мумій нѣсколько пошевелилась, приподнялась, затѣмъ удобно прислонилась къ дивану и, выпуская струйку дыма, что-то медленно заговорила...

Лишь только вы стали раздѣваться, какъ къ вамъ подбѣгаетъ прислужникъ, въ одну минуту стягиваетъ съ васъ одежду, затѣмъ съ ногъ до головы окутываетъ бѣлымъ, тонкимъ покрываломъ, устраиваетъ вамъ на головѣ чалму изъ цѣлой простыни и, схвативъ подъ руки, энергически стаскиваетъ внизъ. На послѣдней ступени васъ пріостанавливаютъ и надѣваютъ деревянные башмаки. Отопленіе происходитъ подъ поломъ, и мраморныя плиты до того горячи, что по нимъ нельзя ходить иначе, какъ въ деревянныхъ башмакахъ. У двери васъ, какъ какую-нибудь упакованную вещь, передаютъ на руки баньщику, который вводитъ васъ въ теплую баню и бережно кладетъ на какое-то возвышеніе, устланное египетскими рогожками. Прежде чѣмъ начать мыться, вы еще должны отдохнуть тутъ и понѣжиться нѣсколько минутъ. Турокъ не умѣетъ даже и отдыхать безъ предварительнаго отдыха. Лишь только вы

[1]) Шербетъ—питье изъ сушеныхъ фруктовъ.

успѣли растянуться, какъ теплый воздухъ снизу и нѣжный ароматъ, который носится въ комнатѣ, необыкновенно пріятно пронизываютъ васъ насквозь.

Когда вы почувствуете, что достаточно отдохнули и пропитались ароматами, то дѣлаете знакъ баньщику, который тотчасъ надѣваетъ снятые деревянные башмаки и опять подъ руки вводитъ васъ въ другую залу, которая представляетъ собою уже настоящій храмъ восточнаго кейфа. Обыкновенно это огромная, прелестная зала изъ бѣлаго мрамора, съ мраморными колоннами, иногда съ нѣсколькими мавританскими куполами, усѣянными безчисленнымъ множествомъ небольшихъ окошекъ съ малиновыми стеклами. Свѣтъ, проникающій въ залу сверху, черезъ малиновыя стекла, бросаетъ на все необыкновенно прелестный нѣжнорозовый цвѣтъ.

Посреди залы нѣсколько возвышеній, на которыхъ каждый турокъ опять-таки отдыхаетъ часокъ, другой. И только послѣ троекратнаго или четырехкратнаго отдыха, баньщикъ вводитъ, наконецъ, въ комнату съ нѣсколькими мраморными бассейнами, надъ которыми торчатъ изъ стѣны мѣдные краны. Здѣсь и тамъ въ нишахъ разставлена серебряная посуда, въ родѣ нашихъ блюдечекъ, исписанная стихами изъ корана. Баньщикъ снимаетъ съ васъ покрывало и кладетъ васъ на полъ, на разостланную рогожку. Натянувъ на свои руки рукавицы изъ верблюжьей шерсти, онъ поливаетъ васъ водою изъ серебрянаго блюдечка. Затѣмъ онъ приноситъ мѣдную чашу и кисть изъ бѣлыхъ тонкихъ мочалокъ.

«Съ ловкостью кондитера», говоритъ одинъ путешественникъ, «взбивающаго сабайонъ, напѣнилъ онъ мыльную массу, которая, подымаясь миріадами бисерныхъ, сверкающихъ пузырьковъ, превратилась въ ароматную пѣну. Бойко обмакивая кисть, турокъ натеръ меня съ ногъ до головы этимъ горячимъ благоуханнымъ снѣгомъ, потомъ припалъ на меня колѣномъ и, проводя локтями по спинной кости, принялся ломать и вывертывать мнѣ руки и ноги. Сначала я думалъ, что отъ меня останется одинъ торсъ, но черезъ минуту почувствовалъ, какъ все тѣло начинаетъ свѣжѣть и укрѣпляться, будто его обвили новыми, желѣзными нервами. Трудно объяснить всю прелесть этой оживляющей пытки, все упоеніе этой восхитительной инквизиціи».

Послѣ этого окутываютъ теплыми полотенцами, выводятъ въ другую комнату, гдѣ опять таки придется гдѣ-нибудь прилечь, и только тогда уже отправляются на галлерею, гдѣ предстоитъ самый большой отдыхъ. Прежде всего подаютъ лимонадъ, затѣмъ трубки и чашку кофе. Когда вы одѣлись, подносятъ зеркальце—оглядѣться и положить на него бакшишъ, за труды баньщику и слугѣ.

Ушелъ турокъ домой, пообѣдалъ, покурилъ и отправляется въ кофейню дѣлать тоже, т. е. курить свою неизмѣнную трубку, пить кофе и молчать. Если банныя наслажденія и приведутъ его въ такое сверхъестественное настроеніе, что отъ полноты сердца заговорятъ уста, и онъ передастъ новость, которую только что слышалъ отъ продавца финиковъ или отъ писца, то въ кофейнѣ онъ уже, навѣрно, не обмолвится ни однимъ словомъ. Потребность въ обществѣ сказывается и въ туркѣ, вотъ онъ и идетъ въ кофейню. Пусть окружающіе и онъ самъ будутъ нѣмы, какъ рыбы,—ему все равно, только бы сидѣть въ кругу себѣ подобныхъ.

Турецкая кофейня средней руки чистая комната, съ низкимъ диваномъ вдоль всѣхъ стѣнъ. Если вы застанете здѣсь турка, онъ непремѣнно сидитъ на диванѣ, пьетъ кофе и куритъ трубку; если собралось уже нѣсколько человѣкъ, каждый изъ нихъ дѣлаетъ то же самое, и всѣ они молчатъ. Тишина, господствующая въ комнатѣ, какъ бы ни было велико собраніе, нарушается только булькапьемъ воды наргилэ (кальянъ).

Большая часть турецкихъ кофеенъ служатъ въ то же время и цирульнями. Въ той же комнатѣ, гдѣ публика пьетъ кофе, цирульникъ, тоже молча, занятъ своимъ

М. Рашевскій
В. Васнецовъ

спеціальнымъ дѣломъ, а нерѣдко онъ является и въ качествѣ хирурга, дантиста и выполняетъ всѣ эти обязанности, не справляясь о томъ, нравится это посѣтителямъ, или нѣтъ. Да никто изъ нихъ ни на что не претендуетъ,—была бы полная возмож-можность молчать. Къ тому же здѣсь, не тревожа своего кейфа, чтобы отвѣчать сосѣду, турокъ услышитъ и человѣческую рѣчь. Многія здѣшнія кофейни держатъ особыхъ разсказчиковъ, которыхъ за ихъ услуги даромъ кормятъ хозяева и даютъ имъ даровую трубку, а деньги, если только Аллахъ не обошелъ талантомъ такого разсказчика, онъ всегда можетъ собрать отъ приходящихъ, выпрашивая у нихъ на бакшишъ (по-нашему—на чай) при всякомъ разсказѣ. Способный изъ нихъ можетъ даже сколотить себѣ капиталецъ. Многіе стамбульскіе разсказчики, чтобы возбудить щедрость слушателей, прерываютъ свой разсказъ на самомъ занимательномъ мѣстѣ. Они поставили своего героя или героиню въ самое затруднительное положеніе, окружили ихъ страхами, надеждою и въ то же время отчаяніемъ, такъ что многіе слушатели уже на ухо сообщаютъ сосѣду, какой конецъ долженъ быть по ихъ соображенію, какъ вдругъ разсказчикъ прерываетъ свой разсказъ, хватаетъ въ руки подносъ и объявляетъ публикѣ, что, если она хочетъ знать, чѣмъ покончила красавица, такъ пусть ободритъ бѣднаго разсказчика бакшишемъ. При этомъ, собирая деньги, онъ дѣлаетъ замѣчаніе каждому, кто мало кладетъ, чтобы онъ не скупился, такъ какъ только въ этомъ случаѣ могутъ разсчитывать, что онъ перескажетъ все безъ утайки и со всѣми подробностями. Если разсказчикъ доволенъ сборомъ, онъ обыкновенно живо и занимательно оканчиваетъ начатое; если нѣтъ, то онъ даже въ ту минуту, когда, казалось, слѣдовало бы кончить, вводитъ новыя приключенія и новыхъ лицъ, опять останавливается и объявляетъ слушателямъ, что сказку эту сегодня невозможно покончить; если же угодно публикѣ, то она можетъ ее дослушать завтра, въ этой же самой кофейнѣ, въ такомъ то часу. Такимъ образомъ разсказчикъ соблюдаетъ свои собственные интересы вмѣстѣ съ интересами кофейни.

Когда у старика разсказчика пересохнетъ горло или ему надоѣстъ въ десятый разъ въ тотъ же день пересказывать о мертвецахъ, вырывающихъ человѣческое сердце, о храбрыхъ витязяхъ, о правдивыхъ калифахъ, и онъ смолкаетъ на время, его смѣняетъ иногда оркестръ, который, впрочемъ, напоминаетъ собою скорѣе вой голодныхъ стамбульскихъ собакъ и однообразные призывы муэззиновъ, чѣмъ музыку. Самые лучшіе оркестры здѣшнихъ кофеенъ состоятъ обыкновенно изъ трехъ музыкантовъ, которые одѣты въ рваныя широкія шальвары, оборванныя куртки и желтыя чалмы. Если взрослый турокъ съ удовольствіемъ слушаетъ отвратительную музыку и страшные разсказы, которыми у насъ необразованныя няньки стращаютъ малыхъ ребятъ, то онъ чувствуетъ себя на верху блаженства, когда одинъ изъ музыкантовъ затянетъ пѣсню. Какъ человѣкъ совсѣмъ необразованный, не имѣющій ни малѣйшаго понятія о прошедшемъ и настоящемъ другихъ государствъ, турокъ любитъ болѣе всего выражать свою любовь къ родинѣ тѣмъ, что при всякомъ удобномъ случаѣ превозноситъ ее, сколько хватаетъ силъ. При этомъ, разумѣется, о гяурахъ (такъ называютъ турки всѣхъ не магометанъ) онъ ничего не хочетъ слышать и съ презрѣніемъ относится ко всему, что бы вы ему о нихъ ни разсказали. «Нѣтъ края на свѣтѣ лучше нашей Турціи», завываетъ пѣвецъ, «нѣтъ народа умнѣе османлисовъ (такъ называютъ турокъ-магометанъ). Имъ Аллахъ (Богъ магометанъ) далъ всѣ сокровища мудрости, бросивъ другимъ племенамъ только крупицы разумѣнія, чтобы они не вовсе остались верблюдами и могли служить правовѣрнымъ. Если бы Черное море наполнилось вмѣсто воды чернилами, то и его не достало бы описать, какъ сильна и богата Турція, сколько въ ней войска и денегъ, какъ всѣ народы завидуютъ ея сокровищамъ, могуществу и славѣ».

Въ Константинополѣ есть еще совершенно особыя кофейни, куда собираются только теріаки, т. е. потребители опіума. Когда головки мака еще не совсѣмъ созрѣли, ихъ надрѣзаютъ, и оттуда вытекаетъ молочный сокъ; на воздухѣ сокъ этотъ твердѣетъ и называется опіумомъ. Всѣмъ извѣстно, какое важное значеніе имѣетъ опіумъ въ медицинѣ. Но въ нѣкоторыхъ странахъ злоупотребляютъ этимъ благодѣтельнымъ средствомъ и поглощаютъ его въ громадныхъ количествахъ, то въ твердомъ состояніи, въ формѣ пилюль, то въ жидкомъ — въ видѣ настоя, или, наконецъ, его курятъ въ чрезвычайно маленькихъ трубочкахъ.

Въ видѣ пилюль его употребляютъ въ магометанскихъ земляхъ, въ особенности же въ Персіи и въ Турціи. Турецкіе теріаки, или потребители опіума, начинаютъ обыкновенно принимать его съ самыхъ ничтожныхъ порцій, постепенно все увеличивая эти пріемы. Послѣ пріема опіума черезъ два-три часа, человѣкъ на время становится необыкновенно веселъ, забываетъ все свое горе, всѣ труды и заботы, часто не чувствуетъ страшной болѣзни, которая его передъ тѣмъ мучила. Вначалѣ, со свѣжей головой, онъ чрезвычайно легко все соображаетъ, потомъ засыпаетъ, и его прельщаютъ очаровательные сны. А эти-то сны и дороги опіумопійцу. Онъ во снѣ, какъ на яву, необыкновенно отчетливо видитъ рай, обѣщанный пророкомъ, въ такихъ роскошныхъ, фантастическихъ, заманчивыхъ картинахъ, которыхъ онъ прежде и представить себѣ не могъ. Это восторженное состояніе продолжается часовъ пять, шесть. Но за возбужденіемъ слѣдуетъ полное ослабленіе силъ и упадокъ духа. Между тѣмъ укоренившаяся привычка употреблять опіумъ почти непобѣдима. Мученія, претерпѣваемыя употребляющимъ его человѣкомъ, когда у него недостаетъ этого привычнаго возбужденія, такъ же ужасны, какъ полное счастіе, слѣдующее за пріемомъ. Ночи приносятъ ему всѣ муки ада, дни—всѣ прелести рая; но послѣ долгаго удовлетворенія этой страсти человѣкъ подвергается нервнымъ припадкамъ, которыхъ не можетъ облегчить и самый опіумъ.

Любовь, дружба, родственная привязанность, ненависть, мщеніе, корыстолюбіе, однимъ словомъ всѣ страсти угасаютъ мало-по-малу, уступая мѣсто одному всепоглощающему, непобѣдимому влеченію еще и еще проглотить пилюльку, все въ большемъ количествѣ. Тѣ, которые много лѣтъ принимали опіумъ, возбуждаютъ въ другихъ ужасъ и отвращеніе: ихъ лица искажены постоянными судорогами, судороги сводятъ имъ руки и ноги, глаза ихъ дико бѣгаютъ и сверкаютъ, колѣни трясутся. Потребитель опіума постепенно теряетъ аппетитъ и черезъ годъ-два послѣ того, какъ страсть укоренилась, превращается въ идіота. Ужаснѣе всего то, что на его, до омерзенія изнуренномъ и исхудаломъ лицѣ, трясется каждая жилка. Когда, принимая два-три года опіумъ, человѣкъ пожелаетъ вдругъ покончить со своею страстью, онъ испытываетъ такія страданія, что въ большинствѣ случаевъ доходитъ до совершеннаго помраченія ума.

Странно наблюдать за стамбульскими теріаками, когда они около третьяго часа,—время, исключительно посвященное здѣсь послѣобѣденному отдыху,—собираются въ кофейню близъ Солимановой мечети. Сгорбленные въ три погибели, изможденные, худые, какъ скелеты, съ морщинистымъ, желтымъ, какъ лимонъ, лицомъ съ помутившимся глазами, съ шаткою походкой, съ сильно трясущимися руками и ногами, они долго шлепаютъ по мостовой своими туфлями, дѣлаютъ странные зигзаги, пока наконецъ, скорѣе какимъ-то чутьемъ, чѣмъ сознательно, не доберутся до желаннаго мѣста. Тутъ они, ни съ кѣмъ не разговаривая, ничего не заказывая служителямъ, прямо бросаются по диванамъ и тупо, вяло, безсознательно сосредоточиваютъ свой взглядъ на одномъ какомъ-нибудь предметѣ. Въ ту же минуту слуга подноситъ имъ

на блюдечкѣ магическія пилюли: онъ твердо знаетъ порцію, принимаемую каждымъ изъ нихъ; затѣмъ тотчасъ подаетъ имъ крѣпкій кофе, холодной воды, трубки и больше не подходитъ къ нимъ, оставляя ихъ въ совершенномъ покоѣ. Обыкновенно физіономіи всѣхъ этихъ посѣтителей такъ тупы и бизжизненны, что, глядя на нихъ, трудно опредѣлить, когда началось дѣйствіе опіума. Но вотъ они, наконецъ, выпустили изо рта трубки, оставили чашки и какъ будто начали обмирать. Черезъ мгновеніе ни одинъ жестъ, ни одно киваніе головою не показываетъ въ нихъ присутствія жизни: глаза ихъ полуоткрыты, вѣки не мигаютъ болѣе. Вы напрасно будете ждать у стамбульскаго теріака блаженной улыбки на губахъ, которую можно видѣть у другихъ потребителей опіума. Они до того отупѣли, что едва-ли могутъ ощущать какое-нибудь блаженство.

Въ Константинополѣ не мало кофеенъ, въ которыхъ собираются продавцы и покупатели рабовъ. Чѣмъ богаче турокъ, тѣмъ болѣе у него рабовъ; нужно, впрочемъ, замѣтить, что въ прежнее время въ Турціи ихъ держали еще болѣе. Паши имѣли много рабовъ, бѣдные чиновники по одному, по два человѣка, каждый сообразно съ своими средствами. Въ старину здѣсь существовалъ даже обычай, теперь вышедшій изъ моды, дарить другъ другу рабовъ. Вельможи ежегодно дарили султану невольниковъ обоего пола. Когда какое-нибудь лицо вступало на важный постъ, то этикетъ требовалъ, чтобы ему присылали въ подарокъ красивыхъ невольницъ. Такимъ образомъ сановники сразу принимали въ свои дома цѣлыя партіи молодыхъ дѣвушекъ, мальчиковъ, евнуховъ, присланныхъ имъ въ подарокъ отъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ. Еще лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ рабовъ покупали открыто на константинопольскомъ рынкѣ. Купцы, торговавшіе людьми, наживали огромные барыши и не возбуждали ни малѣйшаго презрѣнія.

Болѣе другихъ странъ поставляли туркамъ невольниковъ Кавказъ и Африка; изъ послѣдней привозили чернокожихъ рабовъ. Кавказскіе горцы долго продавали своихъ необыкновенно красивыхъ соотечественницъ, нерѣдко даже своихъ женъ и дочерей турецкимъ рабопромышленникамъ. Послѣ покоренія Кавказа, въ 1864 году, оборванныя, несчастныя черкешенки, настрадавшіяся отъ голода и нищеты, тысячами бросались въ Турцію, гдѣ ихъ уже поджидали купцы и цѣлыми кучами отвозили въ Константинополь.

Число невольниковъ въ Турціи уменьшилось вслѣдствіе различныхъ историческихъ причинъ, а также и вслѣдствіе много разъ выраженнаго желанія другихъ державъ прекратить торговлю людьми; это заставило турецкое правительство закрыть, наконецъ, константинопольскій рынокъ, на которомъ до того времени такъ безцеремонно торговали людьми. Но эта мѣра только уничтожила *публичный* торгъ людьми, но мало измѣнила сущность дѣла. Изгнанные съ рынка торговцы сначала стали держать товаръ на дому, но когда они почувствовали, что такимъ образомъ они не могутъ вести дѣла въ широкихъ размѣрахъ, то открыли множество кофеенъ, куда, подъ предлогомъ выкурить трубку, послушать сказки и музыку, и теперь еще входитъ каждый, желающій купить себѣ рабыню. Всѣ знаютъ эти кофейни: нѣкоторыя изъ нихъ расположены противъ мечети Сулейманіе, тогда какъ дома, въ которыхъ содержатся рабы, находятся въ различныхъ кварталахъ столицы. Всѣ дома и кофейни этого рода посѣщаются въ опредѣленное время. Покупатели пьютъ кофе и, покуривая трубку, торгуются съ промышленниками.

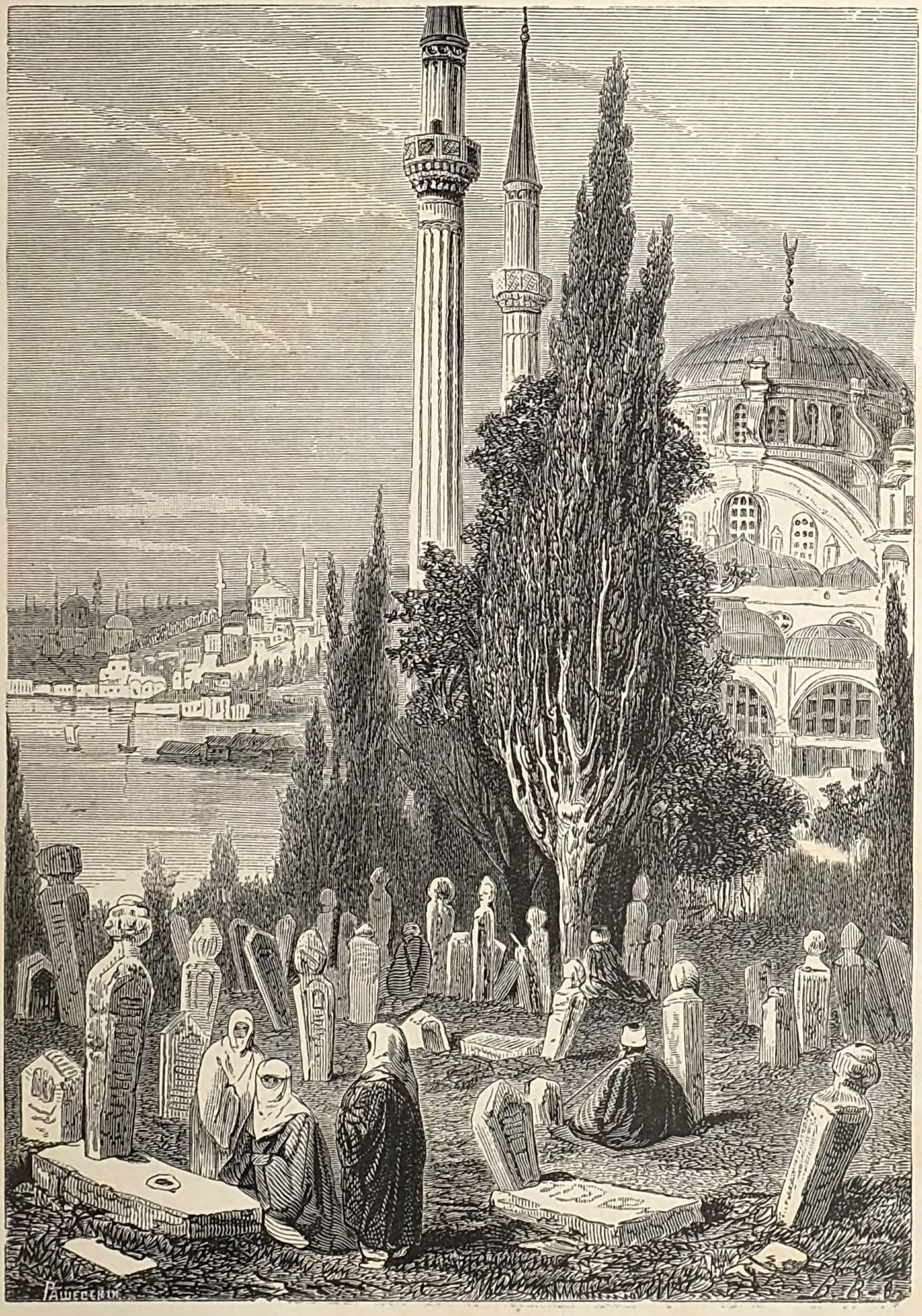
Невольничество въ Турціи въ настоящее время преимущественно ограничивается женщинами. Мужчины-невольники, за исключеніемъ евнуховъ, попадаются теперь чрезвычайно рѣдко, но женщинъ-невольницъ еще достаточно: ихъ не только цѣлыя

сотни можно найти въ сералѣ, но и въ домахъ зажиточныхъ людей. Турокъ по бѣдности очень часто не можетъ имѣть болѣе одной жены и потому беретъ къ себѣ въ домъ нѣсколькихъ невольницъ, что для него все-таки дешевле, чѣмъ содержать нѣсколькихъ женъ. Нерѣдко отцы дарятъ невольницъ своимъ сыновьямъ, во избѣжаніе расходовъ, сопряженныхъ съ женитьбою. Богатыя и знатныя дѣвушки, при выходѣ замужъ, тоже получаютъ невольницъ для услуги. Къ тому же невольницъ здѣсь очень цѣнятъ, какъ домашнюю прислугу, такъ какъ онѣ прекрасно выполняютъ свои обязанности.

Большой запросъ на невольницъ развилъ особый классъ промышленниковъ: ими торгуютъ въ Турціи не только торговцы-маклаки; множество женщинъ высшаго круга, нерѣдко жены пашей и министровъ, занимаются торговлею этого рода. Эти дамы покупаютъ по самой низкой цѣнѣ дѣвочекъ-подростковъ и потомъ, когда онѣ придутъ въ возрастъ, перепродаютъ ихъ во много разъ дороже того, чѣмъ онѣ имъ обошлись. Прибыли, доставляемыя этою торговлею, — громадны: семи-восьмилѣтняя дѣвочка, стройная и съ красивыми чертами лица, стоитъ не дороже двухъ тысячъ франковъ, а когда она придетъ въ возрастъ, аристократка-спекуляторша продаетъ ее за двадцать и даже за двадцать пять тысячъ франковъ. Между тѣмъ содержаніе дѣвочки въ семьѣ почти ничего не стоитъ. Свой товаръ онѣ сбываютъ легко и скоро: обыкновенно купля и продажа идетъ черезъ особыхъ посредницъ, которыя отыскиваютъ покупщиковъ и расхваливаютъ имъ продаваемыхъ дѣвушекъ.

Однако возвратимся къ общественнымъ удовольствіямъ. Кромѣ бань и кофеенъ, которымъ турки отдаютъ большую часть своего времени, они очень любятъ гулять по кладбищамъ, и это понятно. Сами по себѣ турецкія кладбища представляютъ прохладныя, тѣнистыя мѣста для прогулки во время жаровъ, которыя любитъ, разумѣется, каждый житель юга, но для магометанина они имѣютъ еще большее значеніе. Роскошные сады, тѣнистыя рощи—блаженства, обѣщанныя пророкомъ въ будущемъ, если же ихъ можно предвкусить раньше, въ настоящей жизни, то турокъ чрезвычайно цѣнитъ это. Необыкновенная любовь турка къ кладбищу объясняется и другою причиною: грязная, нечистоплотная столица, въ которой часто нѣсколько переулковъ сряду представляютъ одну сплошную зловонную яму, порождаетъ всякія язвы и заразы, наконецъ вѣчные пожары и войны, все это невольно заставляетъ турка каждую минуту ожидать смерти, спокойно разсуждать о ней и съ любовью чтить память умершихъ.

Нельзя не любоваться турецкимъ кладбищемъ! Даже бѣднякъ старается украсить могилу близкаго ему человѣка какимъ-нибудь памятникомъ. Нигдѣ не найдешь такого вниманія и благоговѣнія къ памяти усопшаго! Мусульманскія кладбища съ лѣсами кипарисовъ окружаютъ Константинополь со всѣхъ сторонъ, и не только Стамбулъ, но и Перу съ Галатой, и громадный Скутари. На самыхъ выдающихся холмахъ прежде всего бросаются въ глаза черныя рощи кипарисовъ. Самое большое и любимое кладбище турокъ находится на азіатскомъ берегу—въ Скутари, а потому каждый день подъ вечеръ множество турокъ и турчанокъ отправляются въ каикахъ на азіатскую сторону. Довольно опрятная и широкая улица Скутари, подымаясь отъ набережной въ гору, ведетъ къ большому кладбищу, которое прежде всего представляетъ огромный, прекрасный, роскошный лѣсъ изъ платановъ и кипарисовъ. Платанъ и кипарисъ—вотъ два дерева, еще съ древнѣйшихъ временъ служившія южнымъ народамъ для изображенія жизни и смерти. Платанъ садили древніе при рожденіи ребенка, а кипарисъ надъ гробомъ. Турки переняли этотъ обычай у византійцевъ, украшаютъ свои кладбища кипарисами и съ почтеніемъ смотрятъ на это дерево. Сло-

мать надгробный кипарисъ, даже оторвать отъ него вѣтку считается оскорбленіемъ могильной святыни. При входѣ на кладбище находится фонтанъ, а подлѣ него кофейня. На площадкѣ передъ кладбищемъ навалены груды арбузовъ, расхаживаютъ продавцы фруктовъ и прохладительнаго питья. Здѣсь и тамъ, въ темномъ лѣсу, сильно напоенномъ запахомъ кипариса, стоятъ тюрбе (могильные склепы) сановитыхъ турецкихъ особъ, мраморные саркофаги (гробницы съ высѣченною звѣздою и полумѣсяцемъ, обнесенныя золотою рѣшеткою), но чаще всего мелькаютъ столбики съ изваянною чалмою, феской и золотыми надписями. Послѣднее время памятники начали украшать красными, зелеными и синими арабесками и всякаго рода позолотой. Нерѣдко подлѣ чалмы или фески виденъ колпакъ дервиша, напоминающій опрокинутый цвѣточный горшекъ. У нѣкоторыхъ памятниковъ чалма или феска не сверху, а съ боку. Это означаетъ, что покойникъ былъ обезглавленъ. При деспотическомъ правленіи турецкаго правительства казнь случается нерѣдко, и турки такъ привыкли къ этому, что смотрятъ на нее, какъ на несчастіе, которое можетъ случиться съ каждымъ. «Что кому предопредѣлено», говорятъ они, «то того и постигнетъ». Что погребенный былъ обезглавленъ, вы убѣждаетесь, прочитавъ эпитафію вродѣ слѣдующей: «Здѣсь покоится прахъ Эргаліана Аретина, банкира высокой Порты. Его добродѣтели блестѣли, какъ золото. Онъ простился со своимъ плачущимъ семействомъ, уповая на милость Бога и благословляя руку, которая открыла ему двери рая». Чтобы не было никакого сомнѣнія въ смыслѣ этихъ словъ, къ нимъ прибавлена картина, изображающая человѣка, который держитъ голову подъ мышкой.

Чалма или феска украшаетъ могилы мужчинъ; памятники женщинъ оканчиваются раковиной, листомъ, арабеской или золотымъ солнцемъ. Золотыя строки корана рельефно выдѣляются на бѣломъ мраморѣ. Надгробный мраморъ турчанки нерѣдко украшенъ надписью, въ которой прославляются добродѣтели усопшей: «душа покойницы», читаете вы, «бѣлая голубица, поспѣшно улетѣла изъ этого міра, гнѣзда всѣхъ скорбей, чтобы получить свое мѣсто въ сонмѣ прелестныхъ гурій» [1]), или: «на скрижаляхъ судебъ было написано, что Айеше, красивѣйшій изъ цвѣтовъ въ цвѣтникѣ жизни, будетъ сорванъ съ своего стебля на семнадцатой своей веснѣ».

Каждый классъ константинопольскихъ жителей имѣетъ особыя эпитафіи, свойственныя его сану и занятіямъ при жизни. На гробѣ одного адмирала написано: «покойникъ поставилъ руль на румбъ вѣчности, вѣтръ кончины сломалъ мачту его корабля и погрузилъ его въ море благости Господней». На гробѣ поэта: «свѣтило сокрылось на землѣ, но будетъ сіять между свѣтилами неба; соловей пролетѣлъ на одно мгновеніе по землѣ и поспѣшилъ въ кусты эдема». Но любопытнѣе всего напыщенныя эпитафіи на гробахъ улемовъ [2]). Каждый изъ нихъ названъ ученѣйшимъ изъ ученыхъ, мудрѣйшимъ изъ мудрецовъ, славнѣйшимъ изъ законоучителей, убѣжищемъ ума, сокровищницею науки, источникомъ просвѣщенія, полюсомъ всѣхъ познаній.

Низшіе классы населенія, хотя не имѣютъ надписей на надгробныхъ камняхъ, но у нихъ часто бываютъ особыя надгробія, которыя наглядно указываютъ проходящему, чѣмъ занимался покойникъ при жизни. Если усопшій портной, на его памятникѣ высѣчены ножницы, топоръ—если онъ былъ плотникомъ, пара бритвъ—если онъ былъ брадобрей, и пара

[1]) *Гуріи*—черноокія дѣвы, которыхъ Магометъ назначаетъ на томъ свѣтѣ въ подруги истиннымъ правовѣрнымъ.

[2]) *Улемы*, т.-е. юристы и богословы. Улемами въ Турціи называютъ всѣхъ ученыхъ, служителей Бога и закона. Это довольно обширный классъ, такъ какъ къ нему принадлежатъ: всѣ судьи, дервиши, священнослужители и т. п.

веселъ—если покойникъ всю свою жизнь былъ гребцомъ на Босфорѣ и, наконецъ, доплылъ до вѣчной пристани.

Мы уже знаемъ, что гробы, могилы и саркофаги не только въ Скутари, но кругомъ опоясываютъ Стамбулъ, и вы встрѣтите ихъ вездѣ: за рѣшетками садиковъ, въ обширныхъ оградахъ мечетей, въ старыхъ улицахъ, въ лѣсахъ кипарисовъ, среди платановъ. Между ними особенно бросаются въ глаза султанскія тюрбе (могильные склепы), украшенныя съ изумительною роскошью алмазами, драгоцѣнными камнями, покрытыя безцѣнными шалями Индіи и Персіи. Вотъ какъ описываютъ тюрбе султановъ Махмуда II и Абдулъ-Азиса: «Они и жены ихъ покоятся въ свѣтломъ кругломъ павильонѣ, выложенномъ дорогими мраморами. Куполъ весь обращенъ въ мраморный цвѣтникъ. Изъ бѣломраморныхъ букетовъ розъ, граціозно висящихъ сверху, спускается громадная, драгоцѣнная хрустальная люстра, прозрачная какъ слеза, отражающая въ себѣ тысячью огней весь блескъ и все богатство этого волшебнаго мавзолея... Огромныя гробницы покрыты до полу великолѣпными пеленами чернаго бархата, по которымъ серебромъ и жемчугомъ вышиты строфы корана. Черезъ гробницы перекинуты тончайшія шали несмѣтной цѣны, дары царственныхъ родныхъ, а высоко надъ изголовьями вздѣты красныя фески султановъ, украшенныя бѣлыми перьями и брилліантовыми звѣздами».

ТУРЕЦКІЯ МЕЧЕТИ И ФОНТАНЪ АХМЕДА III-го.

Самая знаменитая изъ всѣхъ турецкихъ мечетей въ Константинополѣ—Ая-Софія, т.-е. святая Софія. Храмъ этотъ былъ прежде святынею христіанъ и во всемъ мірѣ славился красотой своей постройки и несмѣтными богатствами своихъ украшеній. Не даромъ послы нашего князя Владиміра пришли въ восторгъ отъ всего, что они здѣсь увидѣли и услышали.

Въ пятнадцатомъ столѣтіи (въ 1453 г.) турки завоевали Константинополь (Царьградъ) и какъ великолѣпный Софійскій соборъ, такъ и многія другія христіанскія церкви обратили въ магометанскія мечети. Съ тѣхъ поръ христіанскій крестъ на куполѣ былъ замѣненъ турецкимъ полумѣсяцемъ. Церковь св. Софіи послѣ этого такъ застроили минаретами и постройками въ магометанскомъ вкусѣ, что отъ прежняго христіанскаго храма уцѣлѣло только его каменное основаніе. Тѣмъ не менѣе мечеть Ая-Софія самое замѣчательное и роскошное зданіе не только въ Константинополѣ, но и во всей Турецкой имперіи. Издали она поражаетъ своимъ величіемъ: мечеть эта видна изъ самыхъ отдаленныхъ пунктовъ и даже изъ окрестностей Константинополя, но вблизи, своимъ наружнымъ видомъ, она производитъ непріятное впечатлѣніе,—такъ она застроена разнообразными неуклюжими постройками и пристройками. Къ тому же храмъ этотъ, по недостатку средствъ, какъ и всѣ магометанскія мечети, содержится въ высшей степени небрежно: его окраска полиняла, штукатурка мѣстами обвалилась, кое-гдѣ изъ стѣнъ повыпали кирпичи, кругомъ валяются груды неубранныхъ камней и мусора; но куполъ необыкновенно красивъ.

Мечеть Ая-Софія находится напротивъ главнаго входа въ старый сераль; но когда вступаешь на площадь, то въ первую минуту бросается въ глаза не сераль, не знаменитая мечеть, а дивной красоты фонтанъ султана Ахмеда III-го. Это одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ памятниковъ турецкаго искусства. Въ первую минуту трудно повѣрить, что передъ вами фонтанъ: это скорѣе маленькій четыреугольный храмъ съ китайской крышей, нѣсколько напоминающій пагоду. На четырехъ углахъ

его—четыре маленькихъ круглыхъ башни или скорѣе четыре прелестныхъ кіоска, которымъ соотвѣтствуютъ на крышѣ столько-же маленькихъ стройныхъ куполовъ съ граціозными шпицами. Въ каждой изъ 4-хъ стѣнъ — элегантныя ниши; подъ аркою кранъ для воды. Все это зданіе изъ бѣлаго мрамора, едва видпаго изъ-подъ безчисленныхъ украшеній, покрывающихъ стѣны: это—миніатюрныя ниши, колонны, арки, розетки, мраморныя кружева, позолота на голубомъ фонѣ, бахрома вокругъ купола, мозаики самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, арабески всевозможныхъ формъ,— однимъ словомъ нѣтъ мѣста, которое не было-бы покрыто скульптурой и всевозможными украшеніями. Фонтанъ султана Ахмеда III-го въ полномъ смыслѣ слова чудо граціи, изящества и богатства.

Но какъ этотъ памятникъ турецкаго искусства, такъ и большая часть остальныхъ—мечети, кіоски, минареты, фонтаны, дворцы и другія зданія и роскошные сады—все приходитъ теперь въ бóльшій и бóльшій упадокъ. Причина этого—отчаянное положеніе турецкихъ финансовъ, о которыхъ мы поговоримъ ниже. У правительства нѣтъ денегъ ни на ремонтъ зданій, ни на наемъ прислуги. По той же причинѣ мало-по-малу разрушается и прелестный фонтанъ Ахмеда III-го. Вода этого фонтана болѣе не падаетъ въ его чудный мраморный бассейнъ, крыша пропускаетъ уже дождь и снѣгъ.

Но отправимся въ мечеть Ая-Софію. Доступъ въ нее чрезвычайно труденъ для христіанина. Султанскій фирманъ (повелѣніе) открываетъ ему двери, но запастись имъ не легко. Впрочемъ, турки, какъ и всѣ южные жители, смотрятъ на туриста, какъ на дойную корову, и деньги даютъ ему возможность проникать иногда даже въ самыя священныя для магометанина мѣста, конечно, кромѣ гарема. Снаружи зданіе это имѣетъ тяжелый видъ: въ хаосѣ куполовъ, полу-куполовъ, минаретовъ и разныхъ пристроекъ подымается квадратная масса блѣдно-желтаго цвѣта, съ красными поперечными полосками, такъ что напоминаетъ даже отчасти огромную тиковую палатку. «Но въ этой чудовищной грудѣ камней», говоритъ одинъ путешественникъ, «таится прекраснѣйшій храмъ, какъ сталактитовая пещера въ нѣдрахъ какой-нибудь безобразной горы».

У входа въ храмъ васъ встрѣчаетъ цѣлая толпа имамовъ, (духовныя лица, совершающія богослуженіе), съ щетинистыми бородами и въ грязныхъ чалмахъ. Если у васъ нѣтъ фирмана, имамы предлагаютъ осмотрѣть мечеть за деньги и назначаютъ за осмотръ необыкновенно большую цифру. Туристъ проситъ сбавки, и они, перекрикивая другъ друга, начинаютъ торговаться не хуже цыганъ и евреевъ. Лишь только вы вступаете на паперть, вы прежде всего встрѣчаете въ разныхъ позахъ сидящихъ и валяющихся нищихъ и калѣкъ. Съ другой стороны обыкновенно навалена огромная груда туфлей. Дѣло въ томъ, что въ сапогахъ нельзя войти въ магометанскій храмъ, а нужно ихъ снять у входа и войти въ туфляхъ или одѣть ихъ поверхъ сапоговъ.

Входишь въ храмъ, и настоящій восторгъ охватываетъ зрителя при видѣ громаднаго пространства, колоссальной шири, смѣлой архитектуры полу-куполовъ, которые кажутся висящими въ воздухѣ, огромныхъ арокъ, колоннъ, галлерей, каѳедръ, портиковъ,—на все это тысячи большихъ оконъ бросаютъ цѣлые потоки свѣта. Но что особенно поражаетъ—это цѣлый лѣсъ зеленоватаго порфира, темнокрасной яшмы, сѣропестрыхъ и желто-голубыхъ мраморовъ. Такое-же сильное впечатлѣніе испытываешь и въ галлереяхъ, куда взбираешься по спиральной лѣстницѣ, слегка наклонной. Эти галлереи такъ велики, что каждая изъ нихъ могла-бы вмѣстить населеніе цѣлаго константинопольскаго предмѣстья. Не вѣрится, что находишься въ хр

кажется, что прогуливаешься въ галлереяхъ гигантскаго театра, гдѣ сейчасъ раздастся хоръ сотни тысячъ голосовъ. Если отсюда наклониться черезъ балюстраду, передъ вами предстанетъ все величіе этого храма. Арки, своды, колонны, все кажется теперь гигантскимъ. Замѣчательно то, что откуда-бы вы ни смотрѣли на то или другое украшеніе, на ту или другую часть храма, какъ отдѣльно, такъ и въ цѣломъ, васъ изумляетъ необыкновенная гармонія и симметрія вездѣ и во всемъ. Въ концѣ концовъ является убѣжденіе, что это замѣчательное художественное созданіе столько-же результатъ математическаго разсчета, сколько художественнаго воображенія.

Для построенія этого богатѣйшаго и оригинальнѣйшаго храма весь древнѣйшій міръ жертвовалъ своими сокровищами: драгоцѣнные мраморы, яшмовыя и серпентинныя колонны свезены были изъ Европы и Азіи, изъ Аѳинъ и Сизика, изъ храма Діаны въ Ефесѣ, изъ храма Солнца въ Геліополѣ. Изъ этихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ создали чудное зданіе, котораго не могли исказить грабежи, не въ силахъ были затмить всѣ новѣйшіе памятники. Напрасно землетрясенія колебали его стѣны, крестоносцы похищали украшенія, венеціанцы вывозили колонны и двери, турки съ фанатизмомъ отбивали его мраморы и мозаики, —Софійскій соборъ остался несокрушимымъ и неподражаемымъ памятникомъ человѣческаго искусства.

Здѣсь и тамъ со стѣнъ и сводовъ, изъ-подъ золотыхъ надписей Корана, сквозь турецкую закраску и золотыя арабески, выглядываютъ остатки греческихъ мозаикъ; видны и серафимы, и фигуры святыхъ, но всѣ они старательно прикрыты какимъ-нибудь украшеніемъ въ восточномъ вкусѣ. На мѣстѣ алтаря—теперь камень изъ розоваго мрамора, показывающій направленіе къ Меккѣ [1]); тутъ же и полинялый коверъ, на которомъ молился Магометъ. Подъ куполомъ развѣшаны зеленые щиты, а со сводовъ висятъ на проволокахъ фарфоровыя лампады, очень напоминающія чайныя чашки.

Эта знаменитая мечеть такъ же, какъ и другія, приходитъ съ каждымъ годомъ все въ большій упадокъ: въ ея стѣнахъ во многихъ мѣстахъ уже образовались трещины, мозаики отпадаютъ кусками, и турки продаютъ ихъ туристамъ.

Большинство другихъ мечетей представляетъ обыкновенно одну огромную комнату, почти безъ всякихъ украшеній. Куполъ поддерживается колоннами; свѣтъ проникаетъ черезъ множество оконъ. Съ потолка на тонкой веревкѣ опускается люстра изъ проволоки, украшенная страусовыми яйцами. На стѣнахъ изреченія изъ Корана, и, кромѣ того, непремѣнно замѣтите возвышенное мѣсто, на которомъ молится султанъ, такъ какъ онъ хотя разъ въ году побываетъ въ каждой значительной мечети города. Полъ обыкновенно покрытъ цыновками. Во время службы каждая мечеть наполнена турками.

У колоннъ мечети, совершенно отдѣльно отъ мужчинъ, стоятъ турчанки. Магометъ не считаетъ женщину такимъ-же разумнымъ существомъ, какъ мужчину, поэтому она до сихъ поръ въ Турціи не только не играетъ никакой роли ни въ общественной, ни въ семейной жизни; даже въ храмѣ Божіемъ она отдѣлена отъ мужчинъ. Другая характерная черта всѣхъ мечетей—громадная толпа нищихъ. Войдите въ любую изъ нихъ, въ какое угодно время, и вы убѣдитесь, что они всегда здѣсь валяются, молятся, отдыхаютъ, даже ѣдятъ и выпрашиваютъ милостыню. Для мечети нищіе представляютъ тяжелое бремя. Довольно сказать, что въ одномъ Константинополѣ до 60-ти тысячъ кормятся ежедневно обѣдами отъ ме-

[1]) Городъ въ Аравіи, гдѣ находится Кааба—древняя святыня магометанъ.

6412

четей. Правда, мечети располагаютъ большими средствами, владѣютъ обыкновенно нѣсколькими домами или богатою землею, но не мало и нужно, чтобы прокормить здѣшнихъ нищихъ. Нищіе и калѣки располагаются во дворахъ мечети, какъ у себя дома: они закусываютъ, разговариваютъ, курятъ. Отъ времени до времени то тотъ, то другой изъ нихъ начинаетъ сыпать крошки на землю: на эту приманку бросается цѣлая туча голубей. Просто удивительно, какое безчисленное количество голубей водится въ Константинополѣ. Болѣе всего, вѣроятно, это зависитъ отъ того, что мусульмане считаютъ голубей священными птицами, и потому послѣдній бѣднякъ находитъ необходимымъ, хотя немного, удѣлять имъ отъ своей скудной трапезы. Что-же касается людей богатыхъ, то многіе изъ нихъ ежемѣсячно тратятъ извѣстную сумму для покупки различныхъ зеренъ голубямъ. Впрочемъ, Константинополь кишитъ весьма разнообразными породами птицъ, и онѣ, съ утра до вечера, оживляютъ этотъ городъ своимъ пѣніемъ и щебетаніемъ. Здѣсь имъ есть гдѣ вить гнѣзда: въ рощахъ платановъ и кипарисовъ, въ кустахъ и садахъ, въ капителяхъ колоннъ, подъ многоярусными балкончиками минаретовъ, подъ карнизами куполовъ мечетей онѣ чувствуютъ себя вполнѣ привольно, а въ узкихъ кварталахъ онѣ заходятъ въ раскрытыя двери жилищъ, гдѣ дѣти встрѣчаютъ ихъ съ большою радостію.

ДЕРВИШИ.

Ихъ жизнь, занятія, пища, одежда. — Отношеніе къ нимъ народа. — Дервиши, изгоняемые изъ своихъ орденовъ за дурное поведеніе. — Характеристика ученія дервишей. — Ихъ религіозные обряды.

Дервишами называются магометане, вступившіе на высшую степень спасенія и отличающіеся отъ остальныхъ своею одеждою, жизнію и своими правилами. Иностранцы называютъ ихъ монахами, но сами они считаютъ такое названіе несоотвѣтствующимъ ни своему положенію, ни даже ученію. Свое ученіе дервиши называютъ *«тарикатомъ»* (слово арабскаго происхожденія, отъ глагола «таракъ», т.-е. отрекся, пересталъ), что означаетъ отреченіе отъ міра, отъ его прелестей и соблазновъ. «Дервишъ», «факиръ», «суфи»—такъ называютъ послѣдователей тариката.

Каждый дервишъ принадлежитъ къ какому-нибудь ордену, каждый орденъ раздѣляется на множество мелкихъ общинъ, распространенныхъ по всѣмъ магометанскимъ странамъ. Въ каждомъ болѣе или менѣе значительномъ мѣстѣ или городѣ непремѣнно существуетъ община дервишей, состоящая обыкновенно изъ 20, 30 или 40 мужчинъ. Мусульманскія женщины никогда не дѣлаются дервишами.

Дервиши совершенно чужды принципа безбрачія. Желающіе могутъ жениться, и нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ одну жену, другіе нѣсколькихъ, а есть и такіе, у которыхъ цѣлый гаремъ; но бываютъ дервиши и неженатые.

Матеріальное положеніе дервишей и образъ ихъ жизни чрезвычайно разнообразны: одни изъ нихъ по своему состоянію равняются богатымъ владѣтельнымъ князьямъ, другіе имѣютъ скромныя средства, а есть и такіе, которые живутъ подаяніемъ. Одни живутъ на одномъ мѣстѣ, но есть и странствующіе дервиши. Къ какому-бы ордену ни принадлежалъ дервишъ, главнымъ центромъ, откуда исходятъ всѣ распоряженія, касающіяся его участи, служитъ то мѣсто, гдѣ находится прахъ и памятникъ основателя его ордена; тутъ живетъ генералъ каждаго ордена или «райсъ-уль-мешейхъ». Этотъ генералъ или начальникъ помѣщается въ одномъ изъ зданій, предназначенныхъ для дервишей, извѣстныхъ подъ названіемъ «тэккіэ».

Иностранцы называютъ ихъ монастырями, но это совсѣмъ не вѣрно; «тэккіэ» болѣе всего походятъ на гостиницы, съ даровыми для дервишей номерами, пищей и одеждой. Если генералъ ордена женатъ (что болѣе нравится его паствѣ и что вполнѣ зависитъ отъ него самого), то для него со всѣмъ его гаремомъ отводятъ въ тэккіэ особый домъ; если-же онъ не женатъ, то живетъ въ одной изъ келій. Что касается остальныхъ, то, если они не женаты и не принадлежатъ къ орденамъ странствующихъ дервишей, они размѣщаются по одному или по два въ кельѣ. Женатые не имѣютъ права на квартиру въ тэккіэ, но у большей части орденовъ существуетъ правило, по которому каждый дервишъ долженъ ночевать въ тэккіэ два или три раза въ недѣлю, въ особенности въ ночи, предшествующія ихъ мистическимъ религіознымъ обрядамъ. Странствующіе дервиши, какъ женатые, такъ и неженатые, когда приходятъ въ города или мѣстечки, гдѣ существуетъ тэккіэ, всегда находятъ въ немъ временный пріютъ. Но и тамъ, гдѣ его нѣтъ, дервишъ не останется безъ крова: двери каждаго дома всегда открыты для него, и каждый магометанинъ, богатъ онъ или бѣденъ, считаетъ приходъ дервиша великимъ счастьемъ для себя и дозволяетъ ему проникать даже въ святую святыхъ своего дома—въ свой гаремъ.

Вездѣ, гдѣ появляется дервишъ, къ нему стекается множество народа за совѣтомъ въ своихъ болѣзняхъ, такъ какъ народъ безусловно вѣритъ въ ихъ нашептыванія и пророчества. Какъ-бы ни были нелѣпы ихъ медицинскіе совѣты, дервиши не несутъ никакой отвѣтственности, такъ какъ сама религія въ этомъ случаѣ беретъ ихъ подъ свое покровительство. Магометане вѣрятъ въ предопредѣленіе, т.-е. они твердо убѣждены въ томъ, что съ человѣкомъ сбудется все, что ему предназначено съ самаго его рожденія. Поэтому, когда паціентъ умираетъ, дервишъ говоритъ его родственникамъ, что это было такъ угодно Аллаху, и несчастные даже и въ мысляхъ не обвинятъ лѣкаря.

Кромѣ осѣдлыхъ и странствующихъ дервишей, есть и такіе, которые, вдали отъ міра и людей, ведутъ уединенную жизнь при памятникахъ мусульманскихъ святыхъ, столь многочисленныхъ у магометанъ. Хотя образъ жизни такихъ старцевъ-дервишей чрезвычайно уединенный, но все-же они въ большинствѣ случаевъ живутъ не одиноко: они берутъ съ собою одного-двухъ юныхъ дервишей и дѣлаются ихъ руководителями.

Хотя дервиши считаютъ своимъ девизомъ «бѣдность—моя гордость», и многіе изъ нихъ люди, дѣйствительно, очень бѣдные, однако ихъ ордена вообще и главнѣйшіе начальники въ частности владѣютъ огромными богатствами. Кстати замѣтимъ, что хотя ордена и признаны государствомъ, но правительство не отводило имъ земель, не назначало и особыхъ суммъ на ихъ поддержку; они всегда находились на личномъ иждивеніи мусульманскихъ государей, богачей и даже простаго люда. Самымъ богатымъ изъ всѣхъ считается орденъ Мевлеви. Онъ владѣетъ громадными поземельными угодьями и большими капиталами. Султаны, особенно въ прежнія времена, дарили орденамъ, и чаще всего Мевлеви, «вакуфы», или завѣщанныя имѣнія, состоящія изъ огромныхъ поземельныхъ владѣній. Бывали случаи, когда султаны дарили какому-нибудь ордену полный сборъ поголовной подати съ покореннаго имъ народа. Въ такой щедрости не отставали отъ государей и богатые мусульмане: они строили и строятъ на свой счетъ «тэккіэ», жертвуютъ изъ своихъ имѣній вакуфы, вносятъ въ пользу орденовъ капиталы и единовременныя пособія. Хорошее матеріальное положеніе орденовъ не мало поддерживаютъ и странствующіе дервиши своими сборами подаянія у мусульманскаго простонародья, которое въ такихъ случаяхъ никогда не отказываетъ и жертвуетъ послѣднюю трудовую копѣйку. Всѣми этими пожертвованіями началь-

ники орденовъ распоряжаются безконтрольно; они должны ихъ употреблять на свое собственное содержаніе, на поддержку тэккіэ, на содержаніе странствующихъ дервишей, заходящихъ къ нимъ отъ времени до времени, на неженатыхъ дервишей, а также помогать бѣднымъ изъ женатыхъ. Но такъ какъ званію начальниковъ орденовъ и общинъ несвойственно заниматься матерьяльными дѣлами, то они поручаютъ ихъ своимъ экономамъ, которые, разумѣется, распоряжаются согласно ихъ указаніямъ.

Дервиши, живущіе въ «тэккіэ», получаютъ одежду и столъ, состоящій изъ двухъ, иногда изъ трехъ блюдъ, а тѣ изъ нихъ, которые живутъ на частныхъ квартирахъ, сами заботятся объ одеждѣ и пищѣ для себя и своего семейства; поэтому многіе изъ нихъ занимаются ремеслами, нѣкоторые—торговлею, а умѣющіе хорошо писать добываютъ средства перепиской религіозныхъ книгъ; нѣкоторые выдѣлываютъ половики и домашнюю посуду изъ дерева и мрамора, а также разныя украшенія, ожерелья, пряжки для поясовъ и т. п.

Одинъ орденъ отличается отъ другаго покроемъ платья, цвѣтомъ матеріи, формой головнаго убора и, наконецъ, своимъ знаменемъ. Одеждѣ они придаютъ огромное значеніе; каждая пуговица имѣетъ у нихъ свой особенный символическій смыслъ. У ордена Руфаи знамя чернаго цвѣта, у Кадріе—бѣлаго, у Бекташи, Накшибенди и другихъ—зеленаго. Шапка—войлочная или суконная, но тоже, смотря по ордену, различной величины, формы и цвѣта: у однихъ она высокая, у другихъ низкая. У Мевлеви она имѣетъ форму цвѣточнаго горшка, опрокинутаго вверхъ дномъ; у Кадріе и у Накшибенди—коническую форму, ау Бекташи—форму мѣдной кострюли безъ ручки. У однихъ цвѣтъ шапки бѣлый, у другихъ черный, красный, зеленый и т. п. Но какого бы цвѣта и формы ни была шапка, вы найдете на ней обыкновенно множество надписей, мистическія слова, иниціалы ордена или стихи изъ корана. Вотъ, что можно прочитать на шапкѣ дервишей ордена Бекташи: «все, что есть, погибнетъ, кромѣ Его существа; Ему принадлежитъ всевластіе, отъ Него все зависитъ». Относительно происхожденія каждой части своего туалета дервиши разсказываютъ много чудеснаго. Нѣкоторые носятъ серьги, другіе, вмѣсто нихъ носятъ въ ушахъ камень въ формѣ полумѣсяца.

Платье дервишей разныхъ орденовъ тоже отличается и по формѣ и по цвѣту; но въ общемъ—это длинная одежда, безъ ворота и съ длинными широкими рукавами, нѣсколько напоминающая рясу нашего духовенства. Эти верхнія платья, «хирки», дервиши снимаютъ передъ началомъ своего религіознаго обряда. За хиркой идетъ одежда, опоясанная поясомъ, который дѣлается изъ шерсти той овцы, какую дервишъ долженъ былъ принести въ жертву при своемъ посвященіи. Кромѣ пояса, дервиши нѣкоторыхъ орденовъ носятъ веревку на чреслахъ: она служитъ прообразомъ той веревки, которою конюхъ зятя Могомета и преданнѣйшаго его ученика, Али, спутывалъ любимаго коня своего господина.

Каждый истинный мусульманинъ считаетъ долгомъ носить четки, что же касается дервишей, то они съ ними положительно никогда не разстаются и всегда держатъ ихъ за поясомъ или въ рукахъ. У однихъ они состоятъ изъ 99 шариковъ, у другихъ изъ 34, у третьихъ изъ 66. Каждый шарикъ служитъ символомъ одного изъ божественныхъ аттрибутовъ или, такъ называемыхъ, «прекрасныхъ» именъ божіихъ. Пересчитывая «божественные аттрибуты», магометане останавливаются лишь на одной изъ слѣдующихъ цифръ: 34 или 66, 1001 и даже 4000; «прекрасныхъ» же именъ божіихъ у нихъ 99. Дервиши особенно уважаютъ послѣднія и произносятъ ихъ постоянно по своимъ четкамъ. Вотъ по порядку первыя изъ прекрасныхъ именъ божіихъ: «Богъ, милостивый, милосердый, царь, святой, дающій миръ, по-

датель вѣры, защитникъ, сильный, независимый, превознесенный» и т. д. Перебирая четки, дервиши постоянно, въ строгомъ порядкѣ, произносятъ эти имена; по ихъ понятіямъ, это очищаетъ, освящаетъ душу и сообщаетъ ей сверхъестественную силу. Многіе дервиши носятъ также маленькій мѣшокъ у пояса для бумагъ и книгъ въ воспоминаніе той сумки, которую будто бы Магометъ далъ своему дядѣ въ Меккѣ.

Особенно курьезно одѣваются дервиши, изгнанные изъ своихъ орденовъ за дурное поведеніе и живущіе обыкновенно милостынею. Нѣкоторые изъ нихъ ходятъ совсѣмъ голыми, другіе облекаются въ длинную хламиду, состоящую изъ кусковъ разноцвѣтныхъ матерій. На головѣ у нихъ оборванный тюрбанъ, въ рукахъ палка, къ которой прикрѣплено множество лохмотьевъ изъ разноцвѣтныхъ матерій.

Дервиши отпускаютъ бороду и усы; у нѣкоторыхъ орденовъ есть обычай носить длинные волосы, а другіе сплетаютъ ихъ и прячутъ подъ тюрбанъ.

У нѣкоторыхъ орденовъ существуютъ оригинальныя орудія для посвященія и для наказаній. Такъ, напр., у дервишей Бекташи существуетъ рогачъ, съ которымъ вводятъ новичка во дворъ тэккіэ, а также и веревка, которую надѣваютъ на шею посвящаемаго. Для наказанія у нихъ-же существуетъ крючковатая палка: она служитъ символомъ той дубинки, которою Али наказывалъ своего конюха.

Музыкальные инструменты также служатъ отличительнымъ признакомъ одного ордена отъ другаго, но и ордена, не имѣющіе своихъ собственныхъ музыкантовъ, теперь не чуждаются музыки. Музыка у дервишей, при ихъ религіозныхъ обрядахъ, вошла въ обычай не вдругъ, такъ какъ коранъ считаетъ оскорбительнымъ употреблять ее при выраженіи богопочитанія; но теперь дервиши не придерживаются этого, и если у того или другаго ордена нѣтъ своихъ музыкантовъ, то они приглашаютъ ихъ изъ другихъ орденовъ.

Главный принципъ дервишескаго богопочитанія—погруженіе личной жизни человѣка въ лоно безличнаго божества. Такое погруженіе дервиши считаютъ долгомъ доводить до мистическаго экстаза, что практически они осуществляютъ въ своихъ богослуженіяхъ, заканчивающихся у нѣкоторыхъ орденовъ изступленнымъ состояніемъ, тяжкими самобичеваніями и самоистязаніями. Самый оригинальный принципъ ученія дервишей заключается не въ томъ, чтобы разными уродливыми самоистязаніями достигнуть духовнаго совершенства, а чтобы посредствомъ ихъ вызвать и какъ можно скорѣе обнаружить спиритуалистическія силы. Чѣмъ болѣе точно выполняетъ дервишъ предписанныя ему правила, тѣмъ скорѣе, по его понятіямъ, сообщаются ему сверхъестественныя спиритуалистическія силы, которыя дѣлаютъ его всемогущимъ и свободнымъ отъ всего, чему обязаны повиноваться простые смертные. Дервишъ не только долженъ стремиться самъ лично погрузиться въ лоно божества, но онъ обязанъ это дѣлать вмѣстѣ со всею природою: въ каждомъ твореніи, въ каждомъ явленіи природы онъ долженъ видѣть Бога и любить его въ природѣ. Любовь къ Богу—первая обязанность. Для достиженія божественнаго блаженства существуетъ только одно средство — дойти во время богослуженія до полнаго экстаза, т.-е. до такого состоянія, когда человѣкъ теряетъ всякій проблескъ мысли. Этотъ восторгъ даетъ возможность испытывать небесное блаженство, изгоняетъ изъ души всѣ мысли, чувства, всѣ личные помыслы и желанія, отдѣляетъ ее отъ тѣла, открываетъ дервишу сущность Бога во всей полнотѣ и сообщаетъ ему такія спиритуалистическія силы, которыя даютъ ему возможность творить какія угодно чудеса, заставляютъ являться передъ нимъ, по его желанію, отсутствующаго человѣка, будь онъ живой, мертвый или даже только воображаемый.

Чтобы имѣть возможность приходить въ состояніе полнаго экстаза, молодой

дервишъ долженъ вполнѣ подчиниться, точнѣе сказать, вполнѣ подпасть подъ вліяніе своего духовнаго руководителя, совершенно уничтожиться передъ нимъ. Для этого вновь вступающій въ дервиши долженъ ослабить свои тѣлесныя силы постомъ, утомленіемъ въ молитвѣ, долженъ вполнѣ вѣрить тому, что его учитель подвинетъ его къ настоящему спасенію. Во время предварительныхъ религіозныхъ упражненій новичекъ долженъ оставить всѣ помыслы о земномъ и совершенно погрузиться въ созерцаніе божества.

Для достиженія экстаза дервиши прибѣгаютъ также къ опіуму. Изъ предъидущаго очерка мы знаемъ уже, что турки вообще большіе любители опіума; дервиши чаще другихъ прибѣгаютъ къ нему и употребляютъ его не только въ видѣ пилюль, но и при куреніи, примѣшивая еще къ нему особое ароматическое вещество, называемое «бахарабъ», которое и само по себѣ производитъ необыкновенно возбуждающее дѣйствіе.

Въ одной изъ лучшихъ мѣстностей Перы построенъ тэккіэ дервишей Мевлеви. Кругомъ этого зданія расположено кладбище, гдѣ въ зелени кипарисовъ стоятъ мраморные надгробные столбики. Налѣво тянется низенькое деревянное строеніе, занятое кельями; направо—мечеть, а посреди—прелестный фонтанъ. Огромная толпа народа всѣхъ націй того и другаго пола всегда нетерпѣливо ждетъ у рѣшетки начала богослуженія или представленія,—такъ, кажется, вѣрнѣе будетъ назвать эти пляски и кривлянья, изъ которыхъ и состоитъ ихъ богослуженіе. Турчанки обыкновенно составляютъ большую часть зрителей. И это понятно: при однообразной затворнической жизни, тамошнія женщины никогда не пропускаютъ ни одного зрѣлища.

Лишь только откроютъ желѣзныя ворота, публика бросается впередъ. Взору прежде всего представляется большая зала, съ трехъ сторонъ обведенная двойной галлереей. Въ верхнемъ ярусѣ помѣщается оркестръ, состоящій изъ нѣсколькихъ флейтъ и литавръ и изъ небольшаго хора поющихъ дервишей; въ нижнемъ ряду—богомольцы и зрители, а по бокамъ—женскія ложи, которыя обведены до того высокой рѣшеткой, что сидящихъ въ нихъ почти совсѣмъ не видно. Нѣсколько деревянныхъ колоннъ и рядъ перилъ отдѣляютъ зрителей отъ мѣста, гдѣ совершается обрядъ.

Огромнаго размѣра арабскія надписи изъ корана украшаютъ стѣну съ восточной стороны. Зеленая подушка для настоятеля ордена и нѣсколько цыновокъ для братіи—вотъ и все внутреннее убранство. Полъ залы, гдѣ совершаются обряды, точно для танцевъ, полированъ, какъ стекло.

Настоятель, сухой, какъ скелетъ, старикъ, въ зеленой мантіи и съ зеленымъ тюрбаномъ на огромномъ колпакѣ, неподвижно, какъ истуканъ, сидитъ на подушкѣ. Три старыхъ дервиша стоятъ по сторонамъ, сложивъ руки и потупивъ взоры. Но вотъ, наконецъ, попарно вошли въ залу и остальные мевлеви. Медленно и едва слышно ступаютъ они своими босыми ногами и идутъ, смиренно опустивъ глаза внизъ и со сложенными на груди руками. Одѣты они въ коричневыхъ рясахъ и войлочныхъ шапкахъ. Необыкновенное смиреніе, которое они представляютъ всей своей фигурой, блѣдность ихъ лицъ, высокіе колпаки, длинныя, сѣдыя бороды и ихъ странная одежда, все это придаетъ имъ какую-то таинственность. Когда всѣ вошли и размѣстились въ одинаковомъ другъ отъ друга разстояніи настоятель, встаетъ съ своего мѣста и начинаетъ читать молитву. Въ отвѣтъ ему раздается визгливое пѣніе хора. При этомъ дервиши разомъ опускаются на колѣна, вытягиваютъ впередъ руки, падая на нихъ ницъ, дружно издаютъ какой-то стонъ и крикъ. «Это онъ! Это онъ!» Затѣмъ они откидываются назадъ и опять падаютъ на протянутыя руки

съ тѣмъ же завываніемъ. Пѣніе смолкло и нѣсколько минутъ царствуетъ глубокая тишина. Послѣ этого дервиши подымаются на ноги: лица ихъ пылаютъ, глаза блестятъ какимъ-то страннымъ огнемъ.

Настоятель торжественно входитъ на разостланный коверъ. Раздаются рѣзкіе звуки флейты и визгливое пѣніе. Въ эту минуту одинъ изъ дервишей медленно подходитъ къ настоятелю, кланяется ему въ поясъ, потомъ отходитъ на средину, складываетъ руки на груди и начинаетъ тихо кружиться на пяткахъ. Затѣмъ выходитъ другой, также кланяется настоятелю и точно также кружится. То же поочереди дѣлаетъ каждый, и скоро вся зала наполняется вертящимися фигурами. Музыка постепенно становится громче и скорѣе, хоръ все болѣе дико и рѣзко взвизгиваетъ славословіе Аллаху, дервиши все быстрѣе кружатся. Они вытянули свои руки горизонтально, головы ихъ склонились на бокъ, глаза начали смыкаться, лица озарились восторженной улыбкой, а ихъ одежда поднялась на воздухъ и образовала огромные вертящіеся круги, среди которыхъ блѣдные дервиши кажутся какими-то куклами на пружинахъ. Между тѣмъ настоятель стоитъ неподвижно посреди, набожно опустивъ внизъ глаза.

Музыка, пѣніе и восклицанія хора слились, наконецъ, въ дикій, оглушительный ревъ; но вотъ дервиши вдругъ содрогнулись и сразу остановились въ тѣхъ же разстояніяхъ одинъ отъ другаго, какъ при началѣ представленія. Черезъ минуту они, шатаясь, отступили къ баллюстрадѣ и опустились на колѣни. Это былъ молитвенный антрактъ.

Эти дикіе звуки и пляска такъ овладѣли присутствующими, что всѣ они превратились въ зрѣніе и слухъ, вытянули лица и восторженными глазами впились въ дервишей. Послѣ небольшаго отдыха началась опять пляска. Теперь музыка играла еще быстрѣе: флейты, литавры, барабаны готовы были разорваться на части. Дервиши кружились съ непостижимою скоростью; потъ лился съ нихъ градомъ, однако нѣкоторые изнемогали и ихъ выводили изъ тэккіэ. И немудрено: нужны нечеловѣческія усилія, чтобы принимать участіе въ третьемъ актѣ этой душеспасительной гимнастики.

Когда пляска возобновляется въ третій и послѣдній разъ, оркестръ доходитъ до такой быстроты темпа, что вы слышите только неистовый ревъ и гулъ. Всѣ три акта этого религіознаго бѣснованія продолжаются около часу съ небольшимъ, и во время этого страннаго балета дервиши, въ изступленномъ бѣшенствѣ, точно волчки, то и дѣло, мелькаютъ передъ глазами настоятеля. У другаго отъ этого давно бы запестрило въ глазахъ и закружилась голова, но онъ до послѣдней минуты бодро и тихо, никого не задѣвая, скользитъ между пляшущими. Это верченье дало поводъ иностранцамъ назвать ихъ вертящимися, или танцующими дервишами.

Къ чести дервишей мевлеви должно прибавить, что они никогда не доходятъ до бѣшенаго фанатизма, которымъ славятся другіе. Они до неистовства и до полнаго помраченія разсудка пляшутъ во славу Аллаха, но не вырываютъ себѣ зубовъ, какъ это дѣлаютъ другіе, не привязываютъ себя за волосы къ стѣнѣ, чтобы не уснуть всю ночь, и не терзаютъ своего тѣла раскаленнымъ желѣзомъ, не поражаютъ кинжалами себя въ бокъ, руки и ноги. Особеннымъ фанатизмомъ отличаются дервиши Руфаи, Шемси и др. По стѣнамъ ихъ моленъ развѣшаны разныя орудія пытки, напоминающія инквизицію: желѣзные крючья, тонкіе кинжалы, кривыя, иззубренныя сабли и безчисленное множество подобныхъ инструментовъ. Тутъ при звукахъ дикой и оглушительной музыки дѣлаются всевозможныя безобразія. Одинъ выходитъ на средину, срываетъ съ себя мантію, махаетъ надъ своей головой кинжаломъ въ разныя стороны и затѣмъ ударяетъ имъ себя въ грудь. Другой кидается на остріе

кинжала. Нѣкоторые бьютъ себя раскаленнымъ желѣзомъ или держатъ его въ зубахъ, грызутъ его и такъ далѣе, съ тѣми или другими измѣненіями, смотря по ордену братства, къ которому они принадлежатъ. Но какія бы раны ни наносили себѣ дервиши, они обыкновенно остаются здравыми и невредимыми. Одни приписываютъ это тому, что эти фанатики знаютъ только имъ извѣстныя средства тотчасъ залѣчивать свои раны; другіе на эти религіозныя самобичеванія смотрятъ, какъ на ловкое фокусничество; но, кажется, вѣрнѣе всего предположеніе нѣкоторыхъ ученыхъ, объясняющихъ неуязвимость дервишей потерей чувствительности подъ вліяніемъ гипнотическаго состоянія.

Въ ихъ молельни народъ приноситъ десятки больныхъ дѣтей для излѣченія. Несчастнаго малютку кладутъ на коверъ, и одинъ изъ этихъ дервишей ставитъ ему на грудь сперва одну ногу, потомъ другую и затѣмъ выпрямляется. Послѣ этого такимъ же образомъ подносятъ другаго, и такъ всѣхъ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ, искренніе фанатики, совершенно убѣждены, что наложеніемъ своихъ ногъ на больнаго они исцѣляютъ его.

МАГОМЕТАНСКАЯ ВѢРА.

Ея значеніе для турокъ.—Ихъ набожность.—Какое вліяніе имѣетъ магометанская религія на нравственность, образованіе и положеніе народа.

Турки исповѣдываютъ *магометанскую вѣру*, названную такъ по имени пророка Магомета, основателя этой религіи; ее называютъ также *исламомъ* [1]) и *мусульманствомъ*. Послѣдователи этой религіи называются мусульманами, т.-е. преданными Божьей волѣ и магоматанами по имени пророка.

Хотя магометанскую вѣру въ настоящее время исповѣдываютъ различныя племена, но между всѣми послѣдователями этой религіи чрезвычайно много общаго не только въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, но и въ понятіяхъ и взглядахъ на честь, совѣсть, нравственность, а также въ образѣ ихъ жизни. Такому единству нравовъ въ частной и общественной жизни магометанъ содѣйствовали многія обстоятельства, между прочимъ чрезвычайно сильное вліяніе оказала религія: Магометъ предписываетъ своимъ послѣдователямъ законы и правила не только для религіозной жизни, но и для домашней, общественной и политической. Согласно съ свою религіею магометанинъ устраиваетъ свою семейную жизнь, согласно съ нею и султанъ управляетъ Турецкою имперіею. Какое вліяніе оказывала магометанская религія на весь строй чаловѣческой жизни нѣсколько столѣтій тому назадъ, такое же значеніе имѣетъ она и теперь.

Исламъ возникъ впервые въ Аравіи (въ юго-западномъ полуостровѣ Азіи), въ VII-мъ вѣкѣ по христіанскому лѣтосчисленію. Жители этой страны—арабы были язычниками. Чрезвычайно многія черты ихъ личнаго характера, тѣмъ болѣе ихъ языческихъ вѣрованій, обрядовъ, нравовъ и семейныхъ обычаевъ навсегда оставили глубокій слѣдъ въ магометанской религіи и вполнѣ отразились на всемъ складѣ жизни современныхъ магометанъ.

Арабы были истинными сынами своей родины, большая часть которой представляла огромную пустыню. Жизнь въ ней способствовала развитію мужества, гостепріимства, состраданія къ нуждающимся; но вмѣстѣ съ тѣмъ она скорѣе вызы-

[1]) Исламъ означаетъ покорность, подчиненіе.

вала разбойническіе набѣги, чѣмъ содѣйствовала устройству прочнаго государственнаго порядка, а слѣдовательно мѣшала развитію любви къ родинѣ и гражданскихъ добродѣтелей.

Характерными качествами арабовъ прежде всего были: впечатлительность, необыкновенно живая фантазія и преобладаніе чувствъ и страстей надъ разсудкомъ.

Хотя арабы были идолопоклонниками, но въ то же время нѣкоторыя изъ ихъ племенъ поклонялись верховному божеству—Аллаху, котораго они считали наиболѣе всемогущимъ и сильнымъ. Съ теченіемъ времени, а именно къ концу VI-го столѣтія, Аллахъ въ почитаніи арабовъ уже отступалъ на задній планъ, и громадное большинство ихъ поклонялось звѣздамъ и всевозможнымъ идоламъ; своею святынею они считали деревья и камни.

Главною религіозною обязанностью арабовъ было паломничество, т.-е. путешествіе къ святымъ мѣстамъ, изъ которыхъ болѣе всего славилась Кааба (слово Кааба означаетъ кубъ), представляющая собою незакрытое пространство, съ четырехъ сторонъ окруженное стѣнами, гдѣ находились идолы различныхъ арабскихъ племенъ. Предметомъ же наибольшаго почитанія, самымъ важнымъ сокровищемъ этого святилища считался древній черный камень, который, по вѣрованію арабовъ, былъ доставленъ имъ прямо съ неба. Своими религіозными обязанностями арабы считали также жертвоприношенія богамъ, постъ, омовеніе, молитву и милостыню неимущимъ; очень многіе возставали противъ употребленія вина.

Арабы хорошо были знакомы какъ съ еврейской, такъ и съ христіанской религіей. Въ Аравіи, еще до возникновенія магометанской религіи, жило много евреевъ, и нѣкоторые изъ арабовъ переходили въ іудейство. Что же касается христіанства [1]), то оно очень рано проникло въ Аравію и съ тѣхъ поръ продолжало здѣсь существовать даже и послѣ появленія ислама.

Вотъ въ этой-то странѣ и родился Магометъ (въ 569 г., умеръ въ 632 г.), основатель магометанской религіи. Въ исламъ онъ внесъ болѣе всего языческихъ вѣрованій своихъ соотечественниковъ арабовъ, такъ какъ самъ былъ воспитанъ въ правилахъ языческой религіи. Но къ идолопоклонству Магометъ питалъ величайшее отвращеніе и строго запретилъ его своимъ послѣдователямъ; многіе же изъ языческихъ обрядовъ, съ незапамятныхъ временъ соблюдаемыхъ арабами, если только въ нихъ не было ничего несовмѣстнаго съ ученіемъ о единствѣ Бога, были перенесены имъ въ новую религію, какъ, напримѣръ, путешествіе на богомолье въ Мекку, обходъ Каабы со всѣми обрядами, омовеніе передъ молитвой, постъ, вѣру въ злыхъ духовъ, «джинновъ», многоженство, необходимость жертвоприношеній [2]) и многое другое. Магометъ съ ранняго дѣтства былъ знакомъ съ іудейскою религіей, и изъ религіозныхъ вѣрованій евреевъ онъ заимствовалъ вѣру въ единаго Бога, сотвореніе міра въ шесть дней и покой Божества на седьмой, воздаяніе по смерти въ раю и аду, воскресеніе мертвыхъ, страшный судъ и многое другое. Свои заимствованія изъ разныхъ религій Магометъ соединилъ въ одно цѣлое, кое-что сократилъ и прибавилъ, но все, что онъ заимствовалъ, онъ разукрасилъ своею богатой фантазіей.

[1]) Аравія была уже задолго до Магомета убѣжищемъ гонимыхъ христіанскихъ сектантовъ разнаго рода.

[2]) У турокъ до сихъ поръ существуетъ „курбанъ-байрамъ“, то-есть праздникъ жертвоприношенія. Каждый правовѣрный своими руками закалываетъ въ этотъ день барана и одну часть его приготовляетъ для себя, а другую отдаетъ бѣднымъ. Барановъ закалываютъ и наканунѣ отъѣзда въ далекій путь, и по возвращеніи изъ путешествія, и во время болѣзни кого-нибудь изъ членовъ семейства; при этомъ устраиваютъ такъ, чтобы кровь животнаго обагрила порогъ дома.

Магометъ былъ знакомъ также и съ христіанскою религіей, но онъ не взялъ изъ нея ни одного основнаго догмата. Онъ признаетъ Іисуса Христа однимъ изъ величайшихъ пророковъ, посланныхъ до него, но отвергаетъ его божественность. Магометъ запретилъ также употребленіе иконъ и поклоненіе святымъ. Онъ болѣе всего разсчитывалъ имѣть послѣдователей между арабами и іудеями, поэтому и въ свое ученіе онъ старался внести религіозныя понятія и обряды, уже усвоенные этими народами. Къ тому же онъ сознавалъ, что распространять свою религію ему придется не словомъ убѣжденія, а съ мечемъ въ рукахъ, и уже по одному этому онъ не могъ особенно сочувствовать всепримиряющей, полной любви и прощенія христіанской религіи. Вотъ потому-то онъ заимствовалъ изъ нея менѣе, чѣмъ изъ другихъ религій.

Магометанская вѣра изложена въ коранѣ или алкоранѣ, что значитъ—чтеніе, книга. Коранъ, однако, нельзя назвать магометанскимъ евангеліемъ, — это скорѣе сборникъ различныхъ рѣчей, разсужденій, наставленій и замѣчаній магометанскаго пророка, которыя онъ произносилъ въ разное время, по поводу самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ. Онъ диктовалъ одному изъ своихъ приближенныхъ то откровеніе, будто-бы только что полученное имъ отъ Бога, то новую молитву, нравственное или житейское правило для практической жизни, а иной разъ отвѣтъ на нападки своихъ противниковъ,—все это вошло въ коранъ. Вотъ потому-то въ этой священнѣйшей для магометанъ книгѣ вы найдете изложеніе ихъ символа вѣры и наставленій не только о томъ, какъ спасать свою душу, но и какъ беречь свое тѣло, какихъ обычаевъ придерживаться въ домашней жизни. Магометъ до мелочей предписываетъ своимъ послѣдователямъ, что пить, что ѣсть, какую носить одежду, обувь, не забылъ даже и бороды, которую приказываетъ отпускать, а усы брить. Однимъ словомъ коранъ представляетъ для магометанъ сводъ законовъ не только религіозныхъ, но и гражданскихъ и уголовныхъ. Очень многое изложено въ немъ безъ всякой связи и совершенно противорѣчиво. Отчасти это произошло оттого, что Магометъ давалъ толкованія своей религіи въ разное время, притомъ коранъ былъ изданъ не имъ самимъ, а его послѣдователями и послѣ его смерти. При его жизни его ученики записывали поученія своего учителя и проповѣдника на пергаментѣ, кожѣ, камнѣ. Впослѣдствіи эти отдѣльные отрывки были соединены вмѣстѣ, но безъ всякаго плана и порядка, при этомъ многое внесено было и изъ того, что у нѣкоторыхъ учениковъ сохранилось лишь въ памяти, очень часто весьма обманчивой,— извѣстно, что у многихъ существуетъ даже привычка прикрашивать чужія слова. Вслѣдствіе всего этого въ магометанское ученіе вкралось очень много противорѣчій. Нужно помнить также, что время, когда появился коранъ, было въ высшей степени грубое и жестокое; къ тому-же, при всемъ своемъ природномъ умѣ, Магометъ былъ человѣкъ совершенно невѣжественный и безграмотный. Не смотря на то, что наука съ того времени далеко ушла впередъ, что теперь совершенно иначе объясняютъ большую часть явленій природы и что взглядъ на отношеніе людей другъ къ другу сдѣлался болѣе мягкимъ и человѣколюбивымъ, турки и въ настоящее время находятъ мудрыми всѣ изреченія корана. Хотя они живутъ уже въ концѣ XIX столѣтія и среди образованныхъ европейскихъ народовъ, они смотрятъ на окружающій міръ и людей точно такъ, какъ смотрѣли ихъ соотечественники арабы въ VI и VII вѣкахъ. Земля, по словамъ корана, держится плотно на своемъ мѣстѣ тяжестью горъ; небо магометане представляютъ себѣ въ видѣ зданія изъ семи этажей, изъ которыхъ самый верхній служитъ жилищемъ Бога, а самый нижній украшенъ свѣтилами, которыя преграждаютъ доступъ дьяволамъ.

Магометанская религія требуетъ *вѣры и добрыхъ дѣлъ*. Для магометанина обязательны шесть членовъ вѣры: 1) *вѣра въ единаго Бога*; 2) *въ Его ангеловъ;* 3) *въ Его писаніе или коранъ;* 4) *въ Его пророковъ*; 5) *въ воскресеніе и послѣдній судъ;* 6) *въ предопредѣленіе*.

«Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ его пророкъ»,—вотъ чему учитъ *первый членъ ислама*. Это самое распространенное, наиболѣе употребительное изрѣченіе; его повторяетъ каждый правовѣрный и въ мечети, и дома, и на улицѣ; онъ слышитъ его пять разъ въ день въ призывномъ возгласѣ муэззиновъ, которые заунывно, протяжно и гнусливо распѣваютъ его съ высоты минарета каждой мечети, сзывая правовѣрныхъ на молитву. Однимъ словомъ, вся жизнь правовѣрныхъ складывается такъ, что имъ всюду, на каждомъ шагу, съ ранняго дѣтства и до могилы, приходится укрѣплять въ себѣ вѣру въ единаго Бога, — въ этомъ главная основа магометанской религіи. Ни о чемъ такъ часто не напоминаетъ Магометъ своимъ послѣдователямъ, какъ о единобожіи; самое сильное его желаніе, ясно и отчетливо высказываемое во всемъ коранѣ,—крѣпко утвердить въ своихъ послѣдователяхъ вѣру въ единаго Бога.

Величіе, могущество, премудрость и совершенства Бога Магометъ изображаетъ въ самыхъ сильныхъ, поэтическихъ выраженіяхъ. Но, не смотря на благоговѣйное преклоненіе передъ Творцомъ, Богъ магометанъ является въ коранѣ самымъ ловкимъ изъ хитрецовъ. Его хитрости на столько тонки, что самый хитрый человѣкъ не смекнетъ, въ чемъ дѣло, не съумѣетъ себя обезопасить отъ нихъ. Магометъ постоянно называетъ Бога всеблагимъ, милостивымъ и справедливымъ, но Богъ магометанъ часто является въ коранѣ существомъ мстительнымъ, несправедливымъ и самовластнымъ деспотомъ. Онъ жалостливъ и милосердъ не къ тѣмъ, кто своею честною жизнью и добрыми поступками долженъ былъ бы заслужить его милость, а исключительно по самовластному хотѣнію, по своему безпредѣльному могуществу. Богъ вдругъ захотѣлъ явить свою милость къ такому-то, онъ его и милуетъ, пожелалъ безъ всякой причины покарать или ввести въ заблужденіе, и выполняетъ свое желаніе; поведеніе человѣка, его праведная жизнь ни при карѣ божьей, ни при наградѣ не имѣютъ никакого значенія. Такимъ образомъ Богъ магометанъ ничто иное, какъ грозный деспотъ, несправедливый распорядитель людскихъ судебъ, какими являются у турокъ ихъ султаны, высшіе сановники и правители, у которыхъ милость смѣняется гнѣвомъ не вслѣдствіе поведенія подданнаго, а по личному произволу, раздраженію или вслѣдствіе навѣтовъ приближенныхъ. Въ Турціи не рѣдкость, что сегодняшняго раба султанъ жалуетъ въ высокій санъ, даритъ ему громадныя помѣстья или отнимаетъ у него все его достояніе и пускаетъ по міру, а нерѣдко приказываетъ и казнить его. Причину такого гнѣва часто никто не знаетъ: турецкій султанъ отчета никому не даетъ, что захочетъ, то и дѣлаетъ. Такъ и Богъ магометанскій творитъ милость и являетъ гнѣвъ не по заслугамъ людскимъ, а когда ему вздумается, когда онъ этого захочетъ.

Магометъ такъ опасался, чтобы его послѣдователи не сдѣлались когда-нибудь идолопоклонниками, что строго запретилъ имъ заниматься какимъ бы то ни было искусствомъ, напримѣръ, живописью (изображеніемъ картинъ красками) и скульптурою (изваяніемъ статуй). По понятіямъ Магомета, занятіе какъ тѣмъ, такъ и другимъ искусствомъ поведетъ людей къ тому, что они будутъ творить себѣ кумировъ. Мусульмане допускаютъ только изображеніе цвѣтовъ и рѣзьбу, а потому въ Турціи ни въ настоящемъ, ни въ давно прошедшемъ не встрѣчаешь ни одного имени великаго художника и скульптора. Этотъ первый членъ корана не позволяетъ также

магометанамъ производить раскопокъ въ землѣ и извлекать изъ нея древніе памятники. Поэтому археологіи, какъ науки, не существуетъ въ Турціи, и никакихъ раскопокъ въ ней не производится. Также недобрительно отнесся Магометъ и къ музыкѣ, поэтому у турокъ не было ни одного великаго музыканта, и вы никогда не услышите здѣсь не только хорошей музыки, но даже и пѣсни, которая бы пѣлась общимъ хоромъ рабочихъ: ни за дѣломъ, ни за отдыхомъ турокъ не поетъ. Если въ турецкой странѣ съ поля и доносится пѣсня, ее поютъ христіанскіе подданные султана. Изрѣдка пѣсню вы можете услышать развѣ въ кофейнѣ, но и тутъ ея не поютъ, а тянутъ однимъ и тѣмъ же напѣвомъ. Хотя магометанская религія и не одобряетъ музыки, но турки очень любятъ громкіе, раздирательные звуки музыкальнаго оркестра кофейни. И кое въ чемъ другомъ турки отступаютъ теперь отъ правилъ, указанныхъ Магометомъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ всѣ отступленія ограничиваются лишь пустою внѣшностью: вмѣсто туфель, указанныхъ Магометомъ, нѣкоторые носятъ сапоги, вмѣсто чалмы очень многіе стали носить фесъ.

Гоненіе Магомета на искусство, столь облагораживающее человѣка, мѣшало развитію нравственныхъ чувствъ и понятій въ его послѣдователяхъ, а вмѣстѣ съ этимъ и усовершенствованію промышленности и ремеслъ среди нихъ. И это естественно: искусства развиваютъ вкусъ, фантазію и творчество, однимъ словомъ, способствуютъ умѣнью сдѣлать тотъ или другой предметъ болѣе красивымъ, изящнымъ. Вотъ потому-то всѣ издѣлія турокъ отличаются такою грубостью, такимъ отсутствіемъ вкуса, и они до сихъ поръ дѣлаютъ все по стариннымъ аляповатымъ образцамъ.

Запрещаются магометанину и всѣ игры, даже такія невинныя, какъ игры въ шахматы и въ шашки. Желая сдѣлать своихъ послѣдователей людьми воинственными, чтобы они хотя съ мечемъ въ рукѣ, но постоянно распространяли его ученіе, и опасаясь, чтобы домашнія забавы не ослабили ихъ воинственнаго пыла, не привязали бы черезчуръ къ домашнему очагу, Магометъ запретилъ всякія игры, кромѣ упражненія въ верховой ѣздѣ, метанія копій и стрѣлъ. Нѣтъ у человѣка во время отдыха невинныхъ забавъ въ родѣ игръ, пляски и пѣнія, и онъ невольно предается постыднымъ развлеченіямъ: въ дни празднествъ турки жадно смотрятъ на непристойныя, отвратительныя кукольныя комедіи и только и дѣлаютъ, что объѣдаются до пресыщенія.

Второй членъ символа магометанской религіи—*вѣра въ ангеловъ*. Люди, по ученію корана, сотворены изъ земли, а ангелы изъ огня. Они безгрѣшны, лучезарной красоты, вѣчно юны, но они все-таки умрутъ, какъ и все созданное Аллахомъ, кромѣ тѣхъ изъ нихъ, которыхъ онъ самъ пожелаетъ оставить жить. Ангелы или добрые духи всегда живутъ на небѣ, но они, по словамъ корана, не дѣти Бога, а только высшіе его слуги; одни изъ нихъ окружаютъ его небесный престолъ, другіе славословятъ его денно и нощно, третьи служатъ вѣстниками, передавая отъ Бога людямъ его волю и угрозы, четвертые предохраняютъ родъ людской отъ злыхъ дьяволовъ. Главная обязанность ангеловъ - зорко наблюдать за людьми, записывать ихъ дѣла, вымаливать у Всевышняго прощеніе ихъ прегрѣшеній. Однако, не смотря на то, что они угодны Богу и любимы имъ, ихъ ходатайство за людей можетъ быть успѣшно только по волѣ Аллаха̀.

Третій членъ вѣра въ коранъ. Магометъ утверждаетъ, что коранъ, завѣщанный имъ правовѣрнымъ, представляетъ точную копію съ небеснаго корана, начертаннаго на небесной скрижали, находящейся въ рукахъ самого Аллаха. Этотъ коранъ, по словамъ Магомета, переданъ ему ангеломъ Гавріиломъ.

Послѣдователи Магомета питаютъ необыкновенное уваженіе къ корану и при-

даютъ ему громадное значенiе: они клянутся этой священной для нихъ книгой и гадаютъ по ней: чтобы узнать, будетъ-ли удачно то или другое предпрiятiе, раскрываютъ коранъ и читаютъ первое попавшееся мѣсто: оно предсказываетъ имъ, могутъ-ли они ждать удачи въ томъ или другомъ предпрiятiи. Если предсказанiе не исполняется, они обвиняютъ себя въ томъ, что не поняли текста корана или неправильно его истолковали, но никогда не усомнятся въ непогрѣшимости своей священной книги. Магометане питаютъ къ корану не только глубокое, но даже рабское благоговѣнiе. Для турка нѣтъ больше радости, какъ имѣть экземпляръ корана въ великолѣпномъ переплетѣ. Такъ какъ Магометъ предписываетъ точныя правила относительно всего, что онъ считаетъ священнымъ, то особенно много такихъ правилъ относительно корана. Считается большимъ грѣхомъ во время чтенiя держать эту книгу ниже пояса; сохрани Богъ когда-нибудь положить ее на полъ, уронить и т. п. Турки заставляютъ своихъ дѣтей заучивать и записывать изреченiя изъ корана еще въ томъ возрастѣ, когда они совсѣмъ не понимаютъ ихъ смысла. Этими изреченiями, расписанными крупными золотыми или яркихъ цвѣтовъ буквами, магометане украшаютъ свои мечи, знамена, карнизы, косяки домовъ и стѣны мечетей, но такъ, чтобы эти надписи не касались близко пола или земли, иначе выказываешь недостатокъ уваженiя къ этой священной для магометанъ книгѣ. На тонкихъ листочкахъ мелко переписанныя изреченiя корана зашиваютъ въ ладонки, вѣшаютъ ихъ на шею людямъ и животнымъ въ твердой увѣренности, что это предохранитъ отъ дурнаго глаза и всевозможныхъ опасностей.

Съ такимъ же трепетнымъ благоговѣнiемъ, доходящимъ до нелѣпости, турки обязаны приступать къ чтенiю своей божественной книги. Науку правильнаго чтенiя корана серьезно изучаютъ въ магометанскихъ школахъ. Чѣмъ больше прочтешь въ день страницъ корана, тѣмъ большая награда ждетъ правовѣрнаго въ будущемъ. Многiе считаютъ долгомъ въ одинъ день прочитать весь коранъ отъ начала до конца; при такой поспѣшности турки невольно привыкаютъ машинально относиться къ этой обязанности и не вникаютъ въ смыслъ и содержанiе читаемаго.

Четвертый членъ — вѣра въ пророковъ. Число ихъ очень велико; однимъ изъ нихъ является Iисусъ, но болѣе великимъ, однако, магометане считаютъ Моисея; Магометъ же является у нихъ величайшимъ изъ всѣхъ пророковъ и посланъ мiру, какъ особая божья милость. Черезъ пророковъ, по ученiю магометанъ, Аллахъ издревле возвѣщалъ людямъ свою волю, но впослѣдствiи всѣ эти божественныя откровенiя были искажены людьми, а потому для возстановленiя истинной религiи Аллахъ послалъ послѣдняго и высшаго изъ пророковъ, то-есть Магомета. Однако, всѣ эти пророки, въ томъ числѣ и Магометъ, по ученiю корана, были обыкновенными смертными, съ плотью и кровью, нуждались въ пищѣ и питьѣ, имѣли женъ и дѣтей, умирали, какъ обыкновенные люди, но отличались отъ нихъ лишь тѣмъ, что Богъ оказывалъ имъ свое особое покровительство и различными знаменiями доказывалъ ихъ божественное призванiе.

Пятый членъ ислама—вѣра въ воскресенiе и послѣднiй судъ.

Воскресенiю мертвыхъ будутъ предшествовать поражающiя знаменiя: солнце начнетъ всходить, вмѣсто востока, на западѣ, будутъ происходить частыя лунныя затменiя, мало-по-малу станетъ обнаруживаться оскудѣнiе вѣры, пойдутъ войны, смуты. Такая жизнь, полная вѣчнаго ужаса, новаго и новаго горя, въ конецъ истерзаетъ людей, они съ завистью будутъ думать о спокойствiи мертвыхъ.

Но вотъ, неожиданно для всѣхъ, раздается звукъ трубы архангела Израфила. Во мгновенiе ока земля заколебалась, небо омрачилось и разорвалось на части, солнце,

луна и звѣзды померкли и упали въ море, горы сдвинулись съ своихъ основаній; жилища и цѣлые города падаютъ на землю съ страшнымъ грохотомъ; моря закипѣли и покатили огненныя волны. Дикіе звѣри лѣсовъ выбѣгаютъ изъ своихъ логовищъ; страшное, невообразимо-громадное, ужасающее чудовище, рыкая, вылѣзаетъ изъ нѣдръ земли... Ужасъ и отчаяніе охватятъ всѣхъ живущихъ: люди побѣгутъ, куда глаза глядятъ, даже матери бросятъ на произволъ судьбы своихъ грудныхъ младенцевъ.

Раздается второй звукъ трубы,—это часъ истребленія. Все живущее на небѣ и землѣ, въ водахъ и подъ землею, ангелы и «джинны», люди и звѣри,—всѣ умрутъ, за исключеніемъ немногихъ избранныхъ, особенно угодныхъ Аллаху.

Въ третій разъ прогремѣла труба Израфила,—она возвѣщаетъ всеобщее воскресеніе и послѣдній страшный судъ. При этомъ звукѣ все пространство между небомъ и землею наполнится душами мертвыхъ: каждая изъ нихъ летая будетъ искать свое тѣло. Земля разверзится, человѣческія кости загремятъ, съ страшнымъ шумомъ ударяясь другъ о друга, разсѣянныя части человѣческаго тѣла соберутся вмѣстѣ, мертвые возстанутъ отъ вѣчнаго сна и явятся на судъ. Вся собравшаяся толпа двинется за Магометомъ черезъ мостъ, узкій, какъ остріе меча, перекинутый черезъ геенну (адъ). Грѣшники, вслѣдствіе тяжести своихъ грѣховъ, упадутъ въ геенну, а праведники благополучно переберутся чрезъ мостъ и достигнутъ воротъ рая.

Описаніе мученій въ аду и блаженства въ раю краснорѣчиво говоритъ объ изумительно богатой фантазіи основателя ислама, но ни въ картинахъ адскихъ мученій, ни въ изображеніи райскаго блаженства нѣтъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, ничего духовнаго.

Геенна или адъ—вѣчное обиталище осужденныхъ на муки грѣшниковъ. Трудно вообразить мѣсто болѣе ужасное! Здѣсь, по ученію магометанъ, вмѣсто вѣтвей—на деревьяхъ извиваются змѣи, вмѣсто плодовъ — выростаютъ головы дьяволовъ. Несчастные грѣшники будутъ поражены яростнымъ клокотаніемъ пылающихъ огней и кипящей смолы. Заразительный вѣтеръ пронзитъ ихъ насквозь, и черный дымъ охватитъ со всѣхъ сторонъ. Обремененные цѣпями и ошейниками, они будутъ кипѣть въ смолѣ и горѣть въ огнѣ. Пищею имъ будетъ служить терновникъ, который будетъ жечь внутренности; для питья у нихъ не будетъ ничего, кромѣ вонючей воды и гноя; при этомъ ихъ постоянно будутъ колотить желѣзными дубинами. Изнывая въ жестокихъ мученіяхъ, грѣшники отъ времени до времени пытаются вырваться изъ ада, но ихъ толкаютъ назадъ желѣзными прутьями.

Рай Магомета сулитъ такое блаженство праведнымъ, которое можетъ присниться лишь во снѣ, да и то человѣку, жадному до житейскихъ утѣхъ. Изъ описанія рая мы видимъ, какое грубое понятіе даетъ эта религія о счастьѣ человѣка: она представляетъ блаженство не иначе, какъ въ обжорствѣ, въ роскоши одежды и въ другихъ наслажденіяхъ, лишенныхъ всего нравственнаго и духовнаго.

Магометъ описываетъ рай дивнымъ, роскошнымъ, громаднымъ садомъ. Воздухъ въ немъ пропитанъ чудными благоуханіями, дорожки усыпаны жемчугомъ и цвѣтами. Рѣки блещутъ чистой, какъ хрусталь, водою, либо привлекаютъ къ себѣ молокомъ, чуднымъ виномъ или медомъ; вѣтви громадныхъ деревьевъ обременены прекрасными плодами. У каждаго праведника будетъ въ распоряженіи по сотнѣ слугъ: ихъ обязанность—подавать роскошныя яства на золотыхъ блюдахъ и чудное вино въ золотыхъ кубкахъ. Такимъ образомъ Магометъ и за гробомъ не сулитъ людямъ полнаго равенства, а дѣлитъ ихъ на рабовъ и господъ. Нужно замѣтить, что во времена Магомета невольничество было распространено повсемѣстно. Если бы онъ открыто вы-

ступилъ съ проповѣдью въ защиту рабовъ противъ угнетенія, униженія и порабощенія ихъ, если бы онъ выяснилъ окружающимъ всю несправедливость рабства, Магометъ нажилъ бы себѣ множество враговъ, а еще скорѣе подвергся бы изгнанію и казни. Но для подобной проповѣди въ тѣ суровыя и тяжелыя времена рабства нужно было быть истинно святымъ человѣкомъ, проникнутымъ до мозга костей чувствомъ состраданія и безкорыстной любви къ несчастнымъ, задавленнымъ гнетомъ рабамъ. Магометъ былъ добрый и справедливый человѣкъ, но далеко не святой, напротивъ того, даже со множествомъ слабостей и очень дурныхъ страстишекъ. При недостаткѣ высоконравственной чистоты, при отсутствіи образованія, Магометъ не имѣлъ, а потому и не могъ внушить другимъ понятія о необходимости равенства между людьми. Онъ думалъ прежде всего о томъ, чтобы религія его была какъ можно болѣе распространена. Вотъ поэтому онъ сулитъ правовѣрнымъ рабовъ и за гробомъ и въ земной жизни дозволяетъ своимъ послѣдователямъ обзаводиться ими; мало того, магометанскій пророкъ опредѣляетъ даже число палочныхъ ударовъ, которыми правовѣрный мусульманинъ можетъ наказать строптиваго раба, ударяя его за нѣкоторыя провинности по спинѣ, за другія по пяткамъ. Однако, позволяя господамъ въ случаѣ неповиновенія рабовъ прибѣгать даже къ тѣлесному наказанію, Магометъ въ то же время ограждаетъ ихъ отъ произвола; онъ учитъ своихъ послѣдователей обходиться съ ними милостиво и смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ собственныхъ дѣтей, за которыхъ придется отвѣчать передъ Богомъ. Онъ говоритъ даже, что мусульманинъ, желающій совершить истинно доброе дѣло, долженъ дать свободу рабу, который служилъ ему вѣрою и правдою. Такое наставленіе пророка имѣло огромное значеніе. Каждый рабъ, получая свой отпускной листъ отъ господина, становится такимъ же равноправнымъ гражданиномъ, какъ и турокъ, и можетъ занимать въ государствѣ различныя должности и достигнуть высшихъ почестей. И дѣйствительно, многіе сановники и полководцы Турецкой имперіи, принадлежали къ сословію освобожденныхъ невольниковъ. Когда невольница получаетъ увольненіе, она уже становится дамою, «ханумъ», и съ этой минуты никто не въ правѣ сдѣлать ее своею рабою.

Красивыхъ невольницъ помѣщаютъ въ гаремы, менѣе красивыя поступаютъ прислужницами при гаремахъ. Прежде, когда рабы были даже у простаго народа, турки заставляли ихъ воздѣлывать свои поля. Но какія бы обязанности ни лежали на рабахъ, турки, согласно съ требованіями корана, обходились съ ними во времена рабства гораздо человѣколюбивѣе другихъ народовъ, и многіе изъ нихъ, дѣйствительно, заботились о своихъ рабахъ съ отеческою любовью. Это гуманное обращеніе съ рабами и возможность для нихъ сдѣлаться равноправными гражданами въ то время, когда другіе относились къ нимъ съ высокомѣріемъ и презрѣніемъ, заставили многихъ невольниковъ бросать свою религію и вступать въ ряды мусульманъ.

Возвратимся къ описанію магометанскаго рая. Рабы и различныя удобства дадутъ возможность праведнымъ магометанамъ жить въ немъ совсѣмъ по-барски: они будутъ одѣты въ цвѣтныя шелковыя ткани, сверкающія драгоцѣнными камнями, въ золотыхъ вѣнцахъ на головѣ, украшенныхъ жемчугомъ и брильянтами. Въ дивномъ райскомъ саду праведники будутъ лишь прогуливаться, а для ихъ жизни имъ отведутъ пышные чертоги; спать они будутъ на роскошныхъ кроватяхъ, усыпанныхъ драгоцѣнными камнями, ходить по пушистымъ коврамъ, питаться мясомъ райскихъ птицъ и превосходными плодами, но ѣсть они будутъ безъ пресыщенія, пить вино безъ опьянѣнія, — однимъ словомъ, пей, ѣшь и любуйся. Для услады слуха въ раю будутъ раздаваться славословія Аллаху. Но высшее наслажде-

ніе, уготованное правовѣрнымъ, состоитъ въ томъ, что они въ раю будутъ наслаждаться обществомъ женщинъ и дѣвицъ дивной красоты. Кромѣ земныхъ женъ, преображенныхъ въ очаровательныхъ красавицъ, съ которыми правовѣрные снова соединятся, ихъ ожидаютъ здѣсь гуріи, черноокія дѣвы. Эти чернобровыя, черноокія, лучезарныя гуріи необычайной красоты напоминаютъ въ одно и то же время жемчугъ, кораллъ и брильянтъ. Эти необыкновенныя красавицы не имѣютъ никакихъ человѣческихъ недостатковъ, никогда не потеряютъ ни своей юности, ни красоты. Каждому благочестивому правовѣрному, кромѣ его земныхъ женъ, назначено въ раю по семьдесятъ двѣ гуріи. Чтобы вполнѣ наслаждаться въ раю, благочестивые правовѣрные возстанутъ изъ могилъ въ первой порѣ мужества, то-есть въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ, и никогда уже не постарѣютъ. Дѣти, родившіяся въ этой обители райскаго блаженства, въ одинъ часъ будутъ достигать роста своихъ родителей.

Съ дѣтства получивъ такое понятіе о блаженствѣ въ раю, мусульманинъ не имѣетъ представленія объ иномъ счастьѣ на землѣ и еще при жизни старается его достигнуть. Когда крайняя необходимость не вынуждаетъ его работать, турокъ по цѣлымъ днямъ сидитъ неподвижно, куритъ трубку, пьетъ кофе, прислушивается къ журчанію фонтановъ, разгуливаетъ въ тѣнистыхъ аллеяхъ и такимъ образомъ предвкушаетъ будущее блаженство.

Шестой и послѣдній членъ магометанской вѣры—предопредѣленіе. «Никакое бѣдствіе не совершается ни на землѣ, ни среди людей, если оно не было предопредѣлено», сказано въ коранѣ, и турки вѣрятъ, что каждому, уже при его рожденіи, предназначено свыше, отъ болѣзни-ли онъ умретъ, отъ войны или отъ другой какой напасти. Магоматане крѣпко вѣрятъ, что все, что случается съ человѣкомъ въ жизни, заранѣе предназначено ему отъ Аллаха. Точно также, по ученію Магомета, сдѣлаетъ-ли человѣкъ что-нибудь доброе или злое, полезное или вредное, будетъ-ли онъ правдивъ или лживъ,—это зависитъ совсѣмъ не отъ него, а только отъ Аллаха. Вотъ потому-то слово «судьба» никогда не сходитъ съ языка турка, и онъ не только не принимаетъ никакихъ предосторожностей отъ заразительныхъ болѣзней, но съ остервенѣніемъ набрасывается на каждаго, въ комъ замѣтитъ малѣйшее желаніе остеречься. Проносятъ-ли турки покойника, умершаго отъ какой-нибудь заразы, и лишь только будетъ замѣчено, что кто-нибудь осторожно пробирается, чтобы не задѣть несильщиковъ, — бѣда: турки начнутъ проклинать его за то, что онъ хочетъ отвратить неотвратимую руку судьбы. Вскрытіе трупа здѣсь строго запрещено; вслѣдствіе этого хирургія и медицина вообще не могутъ успѣшно развиваться.

Вѣра въ предопредѣленіе не только вредитъ здоровью, но развращаетъ душу и ведетъ къ полной нравственной распущенности: все, что можетъ случиться съ человѣкомъ,—нищета, пожаръ, болѣзнь, хотя бы то было и по его нерадѣнію и безпечности, по понятіямъ магометанъ происходитъ по волѣ Аллаха. Выходитъ такъ, что, какъ бы ни былъ человѣкъ заботливъ и добропорядоченъ, его старанія ни къ чему не ведутъ, такъ какъ Аллахъ уже сотворилъ человѣка злымъ или добрымъ, лѣнтяемъ или трудолюбивымъ. Если турокъ и сдѣлаетъ что-нибудь скверное, онъ говоритъ «такова воля Аллаха» и легко успокоивается. Да и что ему страдать или краснѣть за подлость, когда его религія учитъ тому, что какъ безчестный, такъ и благородный поступокъ человѣка произошелъ по желанію Бога. Вѣра магометанъ въ предопредѣленіе съ дѣтства вытравляетъ въ нихъ стремленіе быть добрѣе, полезнѣе своимъ ближнимъ, просвѣтить и облагородить себя и другихъ свѣтомъ образованія, старательнѣе изучить ремесло, добросовѣстнѣе исполнять свои обязанности. Вотъ отчасти

почему такъ вялы, безпечны и лѣнивы турки. Мудрая русская поговорка «на Бога надѣйся, а самъ не плошай»—для нихъ не доступна.

Вѣра въ предопредѣленіе имѣетъ также вредное вліяніе на общественныя и государственныя дѣла: никакое полезное предпріятіе, никакія улучшенія въ земледѣліи, ремеслахъ, торговлѣ и вообще во всей жизни и нравахъ турокъ не прививаются къ нимъ. Если султанъ и задумаетъ предпринять какую-нибудь перемѣну въ жизни своихъ подданныхъ, наиболѣе религіозные люди въ странѣ кричатъ противъ этого, какъ противъ тяжкаго грѣха, и всѣми силами противодѣйствуютъ каждому нововведенію, а если имъ и приходится подчиниться, то подчиняются лишь для проформы, только по внѣшности.

Вѣра въ предопредѣленіе (фатализмъ), приносящая столько вреда образованію, умственному развитію, процвѣтанію наукъ и искусствъ, усовершенствованіямъ во всѣхъ областяхъ труда турокъ и преуспѣянію ихъ въ матеріальной жизни, оказываетъ имъ великія услуги на полѣ сраженія, а именно внушаетъ отчаянную рѣшимость. Турокъ крѣпко вѣритъ, что, гдѣ-бы онъ ни былъ, на войнѣ или въ постели, онъ не умретъ, если это не опредѣлено свыше и безстрашно бросается въ самую отчаянную схватку. Къ тому же, по ученію корана, смерть на полѣ битвы равняется мученичеству и даетъ правовѣрному право на безпрепятственный доступъ въ рай. Слѣдовательно, какъ въ случаѣ смерти, такъ и въ случаѣ побѣды надъ врагомъ, онъ всегда останется въ выигрышѣ. Вотъ потому-то мусульмане на войнѣ обыкновенно обнаруживаютъ отчаянную смѣлость и безъ страха и раздумья идутъ на вѣрную смерть; но такое поведеніе мусульманъ происходитъ не изъ любви къ родинѣ, а изъ фатализма (вѣра въ предопредѣленіе), которымъ они проникаются съ ранняго дѣтства.

Магометъ требуетъ не только вѣры въ шесть названныхъ членовъ, но считаетъ необходимымъ и добрыя дѣла; при этомъ онъ указываетъ на *молитву*, *омовеніе*, *милостыню*, *постъ*, *путешествіе къ святымъ мѣстамъ и на войну съ невѣрными*, какъ на самыя главныя добрыя дѣла.

Магометанская религія придаетъ особенно важное значеніе молитвѣ: «Кто скажетъ въ день слово молитвы сто разъ, заслуга того равняется освобожденію десяти невольниковъ; сто добрыхъ дѣлъ ему вписываются и сто дурныхъ вычеркиваются...» При такихъ условіяхъ, разумѣется, каждый магометанинъ долженъ быть въ раю, такъ какъ помолиться пять разъ въ день вовсе не трудно и можно пріучиться дѣлать это чисто механически.

Какъ совершать молитву, въ какомъ положеніи должно быть при этомъ тѣло, какъ складывать руки и куда смотрѣть,—все это опредѣлено въ точности. Каждый молящійся начинаетъ свою молитву стоя, повернувшись лицомъ по направленію къ Меккѣ, затѣмъ падаетъ на колѣни и прикасается лбомъ къ землѣ, потомъ поднимаетъ верхнюю часть тѣла и, наконецъ, встаетъ снова на ноги. Ежедневно слѣдуетъ молиться пять разъ въ опредѣленные часы и совершать молитву всюду, куда бы ни забросили обстоятельства: на дому, кораблѣ, на улицѣ, въ мечети. Но молитва, совершенная въ мечети подъ руководствомъ муллы, въ двадцать пять разъ превосходнѣе молитвы на дому. Еще болѣе значенія имѣетъ молитва въ мечети въ пятницу. Не менѣе значенія придаютъ магометане общей молитвѣ въ мечети во время солнечныхъ и лунныхъ затменій или въ продолжительную засуху. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ строгихъ и точныхъ предписаній молитва у мусульманъ является не движеніемъ сердца, когда человѣкъ всѣ свои муки и печали изливаетъ передъ Богомъ и горячо молитъ Его предохранить отъ нихъ, а лишь формальнымъ выполненіемъ обряда, ме-

ханическою обязанностью. Богослуженіе въ мечети совершается у нихъ торжественно и благопристойно, но какъ-то вяло и чинно, точно собравшіеся выполняютъ заданный урокъ. Толпа молящихся, какъ солдаты по командѣ, падаютъ ничкомъ съ дикими завываніями, но это нисколько не подкупаетъ васъ, не заставляетъ вѣрить въ глубину ихъ религіознаго чувства. Чуть заслышитъ мусульманинъ съ высоты минарета призывъ къ молитвѣ, гдѣ-бы онъ ни находился—на пароходѣ, въ лавкѣ или даже въ кругу иновѣрцевъ, онъ немедленно разстилаетъ на полу свою верхнюю одежду, обращается лицомъ къ Меккѣ (гдѣ находится древняя святыня мусульманъ—Кааба) и начинаетъ молиться.

Омовенія должны совершаться передъ молитвою, передъ выступленіемъ въ путь на богомолье, а также послѣ ѣды, послѣ прикосновенія къ нечистымъ вещамъ и послѣ окончанія нечистыхъ занятій. Въ коранѣ съ точностью и подробно опредѣлено все, что при этомъ слѣдуетъ дѣлать: лицо, руки, локти, ноги и четвертую часть головы слѣдуетъ омывать одинъ разъ; кисти рукъ, ротъ, ноздри—три раза; уши смачивать водою, оставшеюся отъ омовенія головы. Омовеніе предписывается для того, чтобы молящійся могъ предстать предъ Аллахомъ чистымъ душою и тѣломъ.

Благотворительность или милостыня вызвана глубокимъ состраданіемъ къ бѣдняку. Это самая нравственная и человѣколюбивая изъ всѣхъ заповѣдей корана. Магометъ повелѣваетъ давать бѣдняку не то, что человѣкъ считаетъ для себя негоднымъ, а, напротивъ, лучшее изъ всего имущества. Благотворительнаго человѣка онъ изображаетъ въ свѣтлыхъ, трогательныхъ чертахъ, а скупца въ самомъ мрачномъ видѣ и угрожаетъ ему гибелью. Милостыня, по предписанію пророка, не должна быть лицемѣріемъ, то-есть давать ее слѣдуетъ не для того, чтобы выказать себя добродѣтельнымъ, а изъ истиннаго участія и состраданія къ ближнему. «Если будете открыто творить милостыню, — прекрасно», говоритъ онъ, «но если будете тайно подавать ее бѣднымъ, это будетъ еще лучше для васъ и загладитъ ваши злыя дѣла». Магометъ требуетъ, чтобы правовѣрные тратили на вспомоществованіе неимущимъ десятую часть своихъ доходовъ. И нужно отдать имъ справедливость: они, дѣйствительно, сострадательны къ бѣднымъ и щедро подаютъ милостыню, но, къ сожалѣнію, только своимъ единовѣрцамъ.

Четвертая обязанность—постъ въ продолженіи рамазана. Во время этого поста мусульманинъ долженъ подвергать себя самому строгому воздержанію отъ пищи и питья днемъ съ разсвѣта до захода солнца, но за то имѣетъ полное право вознаградить себя за это лишеніе ночью, когда можетъ предаваться всѣмъ страстямъ, услаждать свой слухъ и зрѣніе, чѣмъ вздумается, и угощать себя любимыми яствами на столько, на сколько можетъ вынести его желудокъ. Мусульмане совершенно точно выполняютъ это предписаніе: дни во время этого поста они проводятъ въ молитвѣ или во снѣ,—если только этому не мѣшаетъ неотложная работа, а ночи—во всевозможномъ чревоугодіи, въ обжорствѣ и пьянствѣ. По ночамъ во время рамазана все мусульманское населеніе предается кутежамъ и попойкамъ. Нѣкоторые въ одну ночь перебываютъ въ нѣсколькихъ кофейняхъ, тѣмъ болѣе, что каждая изъ нихъ чѣмъ-нибудь славится: одна—своимъ пѣвцомъ, другая—разсказчикомъ, третья—кукольными комедіями; въ иной подкутившій турокъ любуется пляскою. Извѣстно, что правовѣрные сами никогда не пляшутъ, но не прочь посмотрѣть, какъ отплясываетъ молодой красивый грекъ или армянинъ. Эти пляски, пѣніе, разсказы, кукольная комедія и всѣ прочія увеселенія рамазанныхъ ночей совсѣмъ не отличаются душеспасительнымъ характеромъ.

Путешествіе къ святымъ мѣстамъ—пятая обязанность. Каждый право-

вѣрный, хотя разъ въ жизни, долженъ совершить путешествіе въ священный городъ Мекку на поклоненіе древней святынѣ магометанъ—Каабѣ. Если болѣзнь или другія обстоятельства мѣшаютъ сдѣлать это путешествіе, его можно поручить за себя другому единовѣрцу, такъ что для людей богатыхъ эта обязанность не обременительна: нанялъ за себя другого, онъ и избавитъ тебя отъ этого далекаго обязательнаго странствованія къ святымъ мѣстамъ.

Паломничество къ святымъ мѣстамъ вполнѣ заимствовано у арабовъ-язычниковъ и совершается магометанами въ настоящее время совершенно такъ же, какъ и язычниками въ древнія времена. Когда богомольцы доходятъ до священнаго округа Каабы, они обриваютъ головы и одѣваются въ «ирамъ», то есть въ простое пилигримское одѣяніе. Въ Каабѣ они молятся и совершаютъ различные обряды и установленные обходы вокругъ своей святыни: прикладываются къ черному камню, который будто бы вдѣланъ былъ самимъ Авраамомъ, пьютъ воду изъ ключа Зямзяма, нѣкогда якобы пробившагося изъ земли у ногъ истомившагося отъ жажды Измаила, и, наконецъ, въ воспоминаніе объ ужасномъ блужданіи Агари въ поискахъ за водою для Измаила, ходятъ взадъ и впередъ между холмами. Послѣ совершенія всѣхъ этихъ обрядовъ, богомольцы отправляются къ горѣ Гарафату (въ шести часахъ разстоянія отъ Каабы), на которой Магометъ произнесъ прощальную проповѣдь и гдѣ, по вѣрованію магометанъ, изгнанные изъ рая прародители снова встрѣтились другъ съ другомъ послѣ долгой разлуки. Здѣсь правовѣрные выслушиваютъ поученіе и снова выполняютъ различные обряды, между прочимъ приносятъ въ жертву барановъ или верблюдовъ, въ воспоминаніе о жертвоприношеніи, совершенномъ Авраамомъ, когда ему возвѣщено было ангеломъ, чтобы онъ не приносилъ въ жертву своего сына Измаила.

Война съ невѣрными — шестая обязанность, священнѣйшій долгъ каждаго мусульманина.

Ненависть къ немусульманамъ, внушаемая кораномъ, — самая вредная сторона магометанскаго ученія. Религія эта не смотритъ, подобно христіанской, на всѣхъ людей, какъ на братьевъ, но дѣлитъ родъ людской на двѣ части—на мусульманъ и немусульманъ. Къ единовѣрцу, по ученію Магомета, слѣдуетъ быть сострадательнымъ, добрымъ, къ немусульманамъ-же предписывается питать презрѣніе и стараться истреблять ихъ огнемъ и мечемъ. «Джихадъ» (война за вѣру) считается Магометомъ самымъ высшимъ подвигомъ. Войну противъ невѣрныхъ, по ученію ислама, должно вести всегда, пока на свѣтѣ есть хотя одинъ немусульманинъ. Отъ этой войны имѣетъ право отказаться только хромой и слѣпой.

Послѣдователи Магомета, въ самомъ началѣ распространенія его ученія, начали вести постоянныя войны и дѣлать поразительно быстрыя завоеванія. Уже въ двадцать первомъ году гиджры [1]) магометане господствовали надъ областью столь обширною, что она равнялась по величинѣ Римской имперіи, а менѣе чѣмъ черезъ столѣтіе власть халифовъ [2]) простиралась уже отъ крайняго африканскаго запада вплоть до границъ Китая и Индіи и отъ южной оконечности Аравіи до Каспійскаго моря и

[1]) Гиджра — лѣтосчисленіе магометанъ. Безнадежное положеніе пророка въ Меккѣ заставило его со всѣми своими послѣдователями бѣжать въ Медину, въ 622 г. Годомъ бѣгства, гиджрой, магометане начинаютъ свое лѣтосчисленіе, что имѣетъ основаніе, такъ какъ именно съ этого времени исламъ началъ пользоваться особенною силою.

[2]) Халифъ—намѣстникъ пророка въ магометанскихъ странахъ и въ то же время государь во ввѣренной ему области; онъ исповѣдывалъ исламъ и соединялъ въ своихъ рукахъ духовную и свѣтскую власть.

Оксуса (Аму-Дарья). Хотя Магометъ съ особеннымъ жаромъ проповѣдывалъ вѣчную войну противъ невѣрныхъ, тѣмъ не менѣе онъ далъ не мало предписаній, которыми онъ старался предотвратить излишнія жестокости, сопряженныя съ военнымъ ремесломъ: въ коранѣ запрещается убивать дѣтей, женщинъ и невольниковъ, если только они не принимали участія въ военныхъ дѣйствіяхъ; не должны быть умерщвляемы и заложники; селенія и деревья не должны быть безъ нужды сожигаемы; трупы не дозволяется уродовать. Но постоянныя войны въ продолженіи многихъ столѣтій развили въ магометанахъ воинственный духъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно давали поводъ къ захвату, корыстолюбію и звѣрству, что способствовало выработкѣ грубыхъ, звѣрскихъ склонностей. Страсти, возбуждаемыя войною, невольно заставляли забывать о предписаніяхъ корана, брошенныхъ мимоходомъ, и все крѣпче утверждали въ мысли, что первая обязанность мусульманина — война съ невѣрными. Грубые инстинкты, съ теченіемъ времени, проявляли себя все болѣе и болѣе жестокими злодѣяніями: начали обезображивать трупы убитыхъ, города и селенія выжигали безъ надобности, самымъ злодѣйскимъ образомъ умерщвляли безчисленныя массы народа, военноплѣнныхъ убивали послѣ неслыханныхъ мучительствъ. Все это постепенно вытравляло въ магометанахъ всякое состраданіе къ людямъ другой вѣры, пріучало ихъ смотрѣть на немусульманъ, какъ на массу, обреченную самимъ Аллахомъ на погибель или по крайней мѣрѣ на подчиненіе правовѣрнымъ. Одичаніе, грубость, изувѣрство, жестокость, неуваженіе къ человѣческой жизни дѣлались все привычнѣе магометанамъ и постепенно давали себя чувствовать въ отношеніи какъ иновѣрцевъ, такъ и единовѣрцевъ: сажаніе на колъ, замуравленіе въ стѣну, умерщвленіе голодною смертью, изувѣченія и пытки всякаго рода начали практиковаться все чаще и чаще и до сихъ поръ господствуютъ въ мусульманскихъ странахъ.

Вообще въ коранѣ нѣтъ недостатка въ нравственныхъ предписаніяхъ: горячо и настоятельно требуется любовь къ ближнимъ, справедливость, уступчивость, смиреніе, самоотреченіе, благотворительность, точное исполненіе обязательствъ. Магометъ строго порицаетъ неправосудіе, высокомѣріе, ложь, развращенность. Къ сожалѣнію, множество противорѣчій въ коранѣ ограничиваютъ силу и значеніе нравственныхъ заповѣдей: подъ любовью къ ближнимъ подразумѣвается состраданіе къ единовѣрцамъ, ложь нерѣдко тоже оправдывается, когда дѣло касается иновѣрцевъ: даже ложная клятва можетъ быть отпущена виновному, если онъ накормитъ десять нищихъ или отпуститъ на свободу невольника. Если клятвопреступленіе совершитъ бѣднякъ, не имѣющій возможности ни накормить неимущихъ, ни отпустить на волю раба, онъ все же можетъ загладить свое преступленіе трехдневнымъ постомъ. Равенство и братство всѣхъ вѣрующихъ, провозглашенныя пророкомъ магометанамъ, тоже довольно сомнительнаго качества, такъ какъ за гробомъ Магометъ обѣщаетъ праведникамъ особыхъ слугъ.

Турки, какъ всѣ магометане вообще, народъ чрезвычайно набожный. Эту набожность развиваетъ коранъ, она лежитъ въ основѣ и характерѣ магометанскаго вѣроученія: цѣлая сѣть самыхъ разнообразныхъ религіозныхъ обрядовъ и церемоній опутываетъ всю жизнь мусульманъ, каждую минуту напоминая имъ Аллаха, а также ихъ величайшаго пророка и его предписанія. Со всякимъ обыденнымъ занятіемъ, передъ ѣдою и послѣ нея, передъ началомъ и концомъ каждаго дѣла, при куплѣ и продажѣ, при открытіи и закрытіи дверей дома установлена обязательная и строго опредѣленная молитва. Такъ, напримѣръ, при умываніи шеи у нихъ существуетъ одна молитва («Боже, защити мою шею отъ огня, отъ плѣна и цѣпей»), при умываніи ногъ — другая: «Боже, укрѣпи ноги мои, когда они ступятъ на мостъ

сиратскій (ведущій въ рай черезъ адскую бездну), въ день, когда они будутъ дрожать и спотыкаться на этомъ страшномъ переходѣ».

Въ Турціи никогда не услышишь непочтительнаго слова противъ Аллаха и религіи вообще; вольнодумцы, если они въ самыхъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ и появляются здѣсь, никогда не посмѣютъ вслухъ выражать свои взгляды и сомнѣнія относительно религіи. Любимую тему разговоровъ составляютъ вопросы религіозные, и чѣмъ болѣе текстовъ изъ корана умѣешь привести кстати и на память, тѣмъ болѣе пріобрѣтаешь почтенія и извѣстности. Полное подчиненіе волѣ Аллаха, совершенное отрѣшеніе отъ всякаго протеста, покорность, послушаніе—вотъ въ чемъ заключается главный характеръ и духъ магометанскаго благочестія, не даромъ же исламъ означаетъ покорность, подчиненіе.

Набожность магометанъ сильно поддерживается массовыми путешествіями въ Мекку. Изъ самыхъ разнообразныхъ странъ богомольцы, громадными партіями, проходятъ вмѣстѣ большія пространства, все время поддерживая другъ въ другѣ религіозное настроеніе, сообщая другъ другу разсказы, доказывающіе великое значеніе и силу ислама. И вотъ, когда, наконецъ, послѣ утомительнаго и долгаго странствованія, передъ ними покажутся стѣны священнаго города, крики восторга раздаются со всѣхъ сторонъ: «Мекка! Мекка! святыня!» кричатъ богомольцы въ восторгѣ, что Аллахъ сподобилъ ихъ увидѣть величайшую святыню, и искреннія слезы умиленія и счастья текутъ изъ ихъ глазъ. Всѣ помѣщенія близъ Каабы, предназначенныя для паломниковъ, переполнены; сюда приносятъ больныхъ для исцѣленія, умирающіе желаютъ именно здѣсь испустить свой послѣдній вздохъ. Возвращаются паломники по домамъ еще болѣе религіозными, еще болѣе укрѣпленными въ мысли, что нѣтъ другой религіи, по величію равной исламу.

Набожность магометанъ усиливается и отъ пятикратной молитвы, и отъ обязательнаго чтенія корана и его поученій, которыми приходится руководствоваться во всѣхъ случаяхъ какъ частной, такъ и общественной жизни.

Мусульманская религія пріучаетъ своихъ послѣдователей къ полному повиновенію и подчиненію всѣмъ ея догматамъ, обрядамъ и предписаніямъ, но эта точно опредѣленная, строгая дисциплина, которая держитъ человѣка въ своихъ тискахъ съ утра до вечера, убила въ немъ всякій душевный порывъ, внутреннее сознательное отношеніе къ религіи и повела къ внѣшнему, безсознательному, чисто механическому богопочитанію. Возьмемъ, напримѣръ, хотя бы молитву: молящійся обязанъ выполнять всѣ дѣйствія и всѣ слова выговаривать точь-въ-точь такъ, какъ это установлено: самое ничтожное отклоненіе отъ предписанныхъ правилъ лишаетъ молитву ея значенія. Такимъ образомъ, хотя турки — народъ и весьма набожный, но ихъ набожность чисто внѣшняя, формальная, представляетъ что-то въ родѣ обязательной дани Аллаху.

Выше было сказано, что Магометъ сильно опасался, чтобы его послѣдователи не сдѣлались когда-нибудь идолопоклонниками, поэтому строго запретилъ имъ заниматься какимъ бы то ни было искусствомъ. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ коснулся и нѣкоторыхъ полезныхъ знаній. Такъ, напримѣръ, анатомія совершенно исключена изъ списка мусульманскихъ наукъ потому, что умершій, по мнѣнію магометанъ, долженъ немедленно представиться ангелу смерти. Поэтому медицина въ мусульманскихъ земляхъ въ самомъ жалкомъ состояніи. Она ограничивается только изученіемъ нѣкоторыхъ лѣкарствъ, но такъ какъ докторъ не знаетъ устройства и отправленій человѣческаго тѣла, то его лѣкарства не могутъ быть удачны, а главное—безъ знанія анатоміи невозможно распознавать и самыхъ болѣзней.

Пагубное вліяніе мусульманской религіи на образованіе и нравственность и безъ того должно было породить въ туркахъ множество суевѣрій, но кромѣ этого еще сама религія распространяетъ ихъ. По извѣстію мусульманскихъ писателей, Магометъ самъ выдумывалъ разныя заклинанія, и поэтому носить на шеѣ амулетъ, въ которомъ вложена хорошо переписанная та или другая глава корана, считается самою лучшею охраною противъ дурнаго глаза и т. п. Турки самый невѣжественный, самый суевѣрный народъ. Всѣ они вѣрятъ снамъ, заговариваютъ болѣзни, почти всѣмъ камнямъ приписываютъ какую-то таинственную силу. У нихъ даже для талисмановъ существуетъ особая наука.

Религія даетъ туркамъ самое высокое понятіе о себѣ и самое низкое о всякомъ немусульманинѣ. Вслѣдствіе этого они пришли къ заключенію, что они должны быть господами, а христіане ихъ вѣчными рабами. Поэтому турокъ уже издавна привыкъ избѣгать всякой трудной и усидчивой работы, и если обстоятельства заставляютъ его пріобрѣтать средства къ жизни, онъ всегда ищетъ себѣ такого занятія, гдѣ бы онъ могъ надзирать, распоряжаться, продавать, но всѣми силами старается избѣгать работы, которая могла бы утомить его руки, ноги, а тѣмъ болѣе его мозгъ. Онъ охотно идетъ въ заптіи (жандармы), сторожа, надзиратели, въ крайнемъ случаѣ готовъ даже довольствоваться самою незначительною платою, лишь бы избавиться отъ работы, какъ бы она ни была выгодна.

Такимъ образомъ весь государственный строй Турецкой имперіи, основанный на магометанской религіи, совершенно неподвижной и глухой къ современнымъ требованіямъ, окончательно остановилъ въ мусульманахъ всякое умственное движеніе. Вотъ почему турки такъ непоколебимо усвоили убѣжденіе, что пытливость и любознательность противны благочестію. Съ этой точки зрѣнія наука о природѣ и исторія противорѣчатъ богопочитанію. Умственная спячка, индифферентизмъ, апатія, эти характерныя черты мусульманскаго народа, теперь будутъ намъ совершенно понятны. Убивая науку, исламизмъ осудилъ себя на полную умственную косность даже въ далекомъ будущемъ. Въ этомъ также заключается причина глубокаго промышленнаго упадка Турціи. Отчасти потому также и самыя блестящія реформы въ этой странѣ не имѣютъ никакого практическаго примѣненія. На всякое новое учрежденіе, какъ бы оно ни было хорошо и гуманно, турецкій народъ прежде всего смотритъ съ предубѣжденіемъ, какъ на отступничество отъ корана. Это предубѣжденіе переходитъ мало-по-малу во всеобщую вражду, такъ что власти невольно глядятъ сквозь пальцы на дурное выполненіе новаго декрета, а чрезъ нѣсколько времени обыкновенно все идетъ по старому, и новой реформы—какъ не бывало.

ПОЧЕМУ МАГОМЕТАНСКАЯ РЕЛИГІЯ НЕ МѢШАЛА РАСПРОСТРАНЕНІЮ ОБРАЗОВАННОСТИ СРЕДИ АРАБОВЪ?

Познакомившись съ предыдущимъ очеркомъ, читатель, пожалуй, задастъ вопросъ, почему же арабы, которые исповѣдывали магометанскую религію, были въ высшей степени образованнымъ народомъ?

Дѣйствительно, было время, когда арабы, несмотря на свою магометанскую религію, были народомъ замѣчательно образованнымъ и умственно развитымъ. Въ блестящую эпоху ихъ жизни, въ большихъ городахъ, находившихся подъ мусульманскимъ владычествомъ, были воздвигнуты великолѣпныя зданія. Дворецъ халифовъ въ Дамаскѣ сіялъ золотомъ и мраморами; мозаики украшали его стѣны и полъ; не перестающіе

бить фонтаны распространяли пріятную прохладу. Не менѣе величественъ былъ и дворецъ въ Багдадѣ, занимавшій почти четверть города. Въ Кордовѣ, Севильѣ и вообще по берегамъ Гвадалквивира, на протяженіи нѣсколькихъ миль, тянулись тѣнистые сады, въ зелени которыхъ утопали дворцы и виллы. Въ это время, однако, строили не только дворцы, но и колоссальныя мечети, общественныя бани, госпитали для бѣдныхъ, множество благотворительныхъ учрежденій. Обращено было также серьезное вниманіе на устройство и содержаніе въ исправности путей сообщенія, водопроводовъ и плотинъ. Процвѣтали земледѣліе и торговля; посредствомъ канализаціи непроизводительныя пространства были превращены въ обработанныя поля. Въ Сициліи съ большимъ усердіемъ занимались культурою маслины, хлопчатника и сахарнаго тростника. Въ Испаніи равнины Гренады, Мурсіи и Валенсіи въ изобиліи производили продукты всякаго рода.

Благодаря роскоши при дворахъ халифовъ, чрезвычайно быстро развивались ремесла и промыслы. Во многихъ мѣстностяхъ владѣній халифовъ наперерывъ старались усовершенствовать шелковыя, бумажныя и шерстяныя ткани. Западная Азія славилась своими издѣліями изъ кожи и выдѣлкою полотна. Въ Сиріи процвѣтала стеклянная промышленность, въ Египтѣ—фабрикація писчей бумаги, въ Персіи—металлическія издѣлія и оружіе всякаго рода.

Блестящему состоянію торговли не мало помогали богомольцы, которые, отправляясь въ Мекку, брали съ собою произведенія своей родины и обмѣнивали ихъ дорогою на чужеземные товары. Но еще болѣе содѣйствовала этому свобода проѣзда, что давало возможность самымъ разнообразнымъ издѣліямъ проникать въ отдаленнѣйшіе уголки мусульманскихъ владѣній. По всѣмъ дорогамъ тянулись караваны, а по морямъ плавало безчисленное множество торговыхъ судовъ.

Въ эту культурную эпоху арабовъ большіе города исламскаго міра были въ то же время и разсадниками просвѣщенія. При всѣхъ дворцахъ наука и ея служители, т.-е. ученые и писатели, были въ большомъ почетѣ; въ городахъ устроено было множество библіотекъ. Болѣе другихъ наукъ процвѣтали математика, астрономія, физика, химія, богословіе и правовѣдѣніе. Лишь врачебной профессіей занимались обыкновенно не арабы, а христіане и евреи, но, не смотря на это, наиболѣе значительное медицинское сочиненіе, которое имѣло огромное вліяніе и на западѣ, написано было всетаки мусульманиномъ. Весьма серьезны были заслуги арабовъ-магометанъ въ географіи и исторіи. Нѣкоторые ученые, для изученія странъ, предпринимали далекія путешествія. Первый толчекъ къ научнымъ путешествіямъ данъ былъ паломничествомъ, пробуждавшимъ въ арабахъ любовь къ странствованіямъ. Не мало было образованныхъ людей, серьезно изучавшихъ философію; въ этотъ же періодъ времени написано было множество руководствъ логики, большею частью по Аристотелю.

Поэзія шла рука объ руку съ наукою. Любовь къ поэзіи была чрезвычайно сильно распространена въ арабскомъ народѣ: поэтическое и ораторское дарованія, на ряду съ личною храбростью, считались лучшимъ украшеніемъ человѣка. На базарахъ устраивались даже поэтическія состязанія; поэты пользовались огромнымъ вліяніемъ и почетомъ. Что касается танцевъ, музыки и пѣнія, то они были тоже въ большой модѣ и чрезвычайно любимы: безъ нихъ не мыслимы были пиры и торжества. Къ ногамъ музыкантовъ, пѣвцовъ и пѣвицъ несли золото и драгоцѣнности.

Народное образованіе составляло одну изъ величайшихъ и ревностныхъ заботъ арабскаго правительства: устроено было множество школъ, государи и вельможи съ изумительнымъ рвеніемъ всегда поддерживали ихъ, и, въ цвѣтущую эпоху халифата, почти всѣ мусульмане были грамотны.

Почему же исламъ создалъ среди арабовъ такую культурную эпоху, могъ вызвать къ жизни науки и искусства, между тѣмъ какъ турки, исповѣдующіе ту же религію, погрязаютъ въ совершенномъ невѣжествѣ, суевѣріяхъ и предразсудкахъ, въ семейныхъ и общественныхъ интригахъ, что ставитъ ихъ на ряду съ самыми неразвитыми, дикими, азіатскими народами? Почему въ блестящую культурную эпоху арабовъ у нихъ были роскошнѣйшія сооруженія, процвѣтали земледѣліе, торговля и промышленность, а въ Турецкой имперіи еще недавно богатѣйшія земледѣльческія области превратились въ пустыри, и во всѣхъ сферахъ жизни и дѣятельности турокъ господствуютъ страшный упадокъ, застой и разложеніе? Тутъ географическое положеніе страны, этнографическія особенности, историческія условія,—все имѣло огромное значеніе; но несомнѣнно, что и магометанская религія оказала въ высшей степени растлѣвающее вліяніе не только на турокъ, но въ концѣ концовъ даже и на образованныхъ арабовъ, и это видно уже изъ того, что отъ всей ихъ блестящей культурной эпохи давнымъ давно не осталось и слѣда: богатѣйшія произведенія архитектуры лежатъ въ развалинахъ, и ничто новое не развивается и не созидается на почвѣ этихъ развалинъ. Отчасти произошло это и оттого, что арабы не создавали культуры, не боролись шагъ за шагомъ за ея водвореніе, а лишь содѣйствовали ея развитію въ побѣжденныхъ странахъ. Въ ихъ власти, уже въ первую эпоху ислама, очутились сокровища трехъ частей свѣта; при этомъ они нашли распространенную греческую образованность и подпали ея вліянію. Но не одно это развивало и просвѣщало ихъ. Въ это время среди нихъ жили образованные евреи и послѣдователи одной христіанской секты—несторіане; тѣ и другіе съ большимъ успѣхомъ занимались тогда медициной и другими науками. Нужно замѣтить, что несторіане и евреи терпѣли много преслѣдованій въ Византійскомъ имперіи за то, что не исповѣдывали господствующей христіанской религіи; поэтому тѣ и другіе сблизились съ ея врагами—арабами и распространили между ними свои знанія. Наконецъ, быстрому распространенію образованія въ государствахъ, основанныхъ арабами, содѣйствовало еще и то, что среди нихъ не было религіозной вражды между различными народностями, ихъ населяющими. Незадолго передъ тѣмъ христіанскую церковь волновали разнообразныя секты, между которыми шла самая ожесточенная борьба. Вотъ эти-то раздоры и помогли мусульманамъ повсюду водворить свою религію.

Какъ ни была высока культура арабовъ, но черезъ нѣсколько вѣковъ все же сказалось вліяніе корана: торговля и промышленность начали падать, народъ облагали все болѣе тяжелыми налогами, любовь къ труду постепенно исчезала, промыслы и ремесла остановились въ своемъ развитіи и западныя произведенія мало-по-малу стали проникать къ арабамъ. Гаремъ, рабство, война и фатализмъ, — главныя основы магометанской религіи, наиболѣе содѣйствовали паденію культуры арабовъ.

Гаремъ, какъ будетъ сказано ниже, имѣетъ въ высшей степени пагубное вліяніе на воспитаніе молодого поколѣнія; не менѣе вреденъ онъ и тѣмъ, что раздѣляетъ мусульманское общество на два совершенно обособленныхъ класса, не имѣющихъ между собою рѣшительно ничего общаго—мужчинъ и женщинъ: каждый изъ этихъ двухъ половъ имѣетъ свои особые взгляды, понятія, привычки, интересы, интриги, дѣла, свое особое хозяйство. Понятно, что такая обособленность прежде всего вредно вліяетъ на женщину, которая такимъ образомъ не можетъ принимать никакого участія въ умственныхъ интересахъ: въ общественныхъ собраніяхъ царствуетъ подавляющая скука и грубость, что, разумѣется, мѣшаетъ умственному развитію и мужчинъ, но этимъ еще не исчерпывается вредъ гаремныхъ учрежденій. Гаремъ не

мыслимъ безъ множества служащихъ, безъ огромнаго штата невольниковъ и невольницъ, такъ какъ женщина не можетъ являться передъ глазами свободнаго человѣка иначе, какъ закрытою; вслѣдствіе этого спросъ на рабовъ никогда не исчезаетъ при существованіи гарема. Хотя Магометъ провозгласилъ братство среди своихъ послѣдователей, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находилъ вполнѣ законнымъ и естественнымъ существованіе рабства. Правда, онъ постоянно внушалъ своимъ послѣдователямъ человѣколюбивыя отношенія къ рабамъ; освобожденіе невольника или невольницы онъ считаетъ дѣломъ наиболѣе богоугоднымъ. И дѣйствительно, нужно признать, что ни у древнихъ народовъ, ни даже у самихъ христіанъ рабы никогда не пользовались такимъ кроткимъ обращеніемъ, какъ у мусульманъ. Но постоянныя войны мусульманъ привели за собою въ исламскія страны огромныя массы рабовъ, и всѣ, взятые въ плѣнъ, тоже становились рабами. Дома богатыхъ и знатныхъ людей переполнились рабами; въ нихъ уже не могли обходиться безъ огромнаго штата прислуги; вмѣстѣ съ этимъ быстро исчезала простота жизни, вкусовъ и привычекъ. Съ увеличеніемъ количества рабовъ ихъ участь становилась болѣе суровою. Во всякомъ случаѣ рабъ, по мусульманскому законодательству, — собственность своего господина, который имѣетъ надъ нимъ право жизни и смерти. Рабство быстро развивало не только лѣнь и барство, но и множество самыхъ гнусныхъ пороковъ.

Война, которая, по мнѣнію Магомета, должна продолжаться до тѣхъ поръ, пока на свѣтѣ останется хотя одинъ немагометанинъ, оказалась проклятіемъ не только для невѣрныхъ, но въ концѣ концовъ и для самихъ мусульманъ. Магометанскій пророкъ сдѣлалъ изъ своихъ послѣдователей величайшихъ въ мірѣ опустошителей, что постепенно развивало дикіе инстинкты и воинскія доблести въ ущербъ гражданскимъ добродѣтелямъ и постоянно давало поводъ къ корыстолюбію, къ возмутительнымъ жестокостямъ, звѣрству и хищничеству. Привычка жить не трудами своихъ рукъ, а захватомъ и грабежомъ на войнѣ, заставлять работать за себя побѣжденныхъ и рабовъ—всасывалась въ плоть и кровь араба. Вмѣстѣ съ этимъ быстро усиливалась роскошь, изнѣженность и барство высшихъ классовъ и въ то же время нищета и бездолье низшихъ классовъ. Въ домахъ знати начали вести жизнь съ такою безумною роскошью, которая до сихъ поръ остается въ исторіи почти безпримѣрною. Знатные не только держали по пятнадцати тысячъ рабовъ, а то и гораздо болѣе, но въ то же время и по нѣскольку тысячъ евнуховъ для стражи надъ гаремами, а также по цѣлой сотнѣ прикованныхъ львовъ. Не рѣдкость было встрѣтить въ одномъ домѣ нѣсколько кухонъ, съ сотнею очаговъ въ каждой, и всѣ онѣ ежедневно были заняты стряпнею: такъ великъ былъ у арабовъ и ихъ женъ штатъ служащихъ, такое огромное количество гостей они принимали, на такую широкую ногу они жили. На свою одежду арабы стали дѣлать безумныя траты; женщины до такой степени обременяли себя дорогими украшеніями, что едва могли въ нихъ двигаться; мужчины не менѣе женщинъ щеголяли своими нарядами. Кромѣ гаремныхъ наслажденій, знатные люди развлекались попойками, сказками, собачьими и пѣтушиными боями, шашками и азартными играми. Такимъ образомъ высшіе классы постепенно привыкали къ чувственнымъ наслажденіямъ, къ барству, лѣни и роскоши, а милліоны несчастныхъ въ это же время вели жалкую жизнь, полную лишеній и непосильнаго труда, чтобы дать возможность утопать въ нѣгѣ и удовольствіяхъ ничтожному меньшинству. Кстати замѣтимъ, что относительно этой культурной эпохи арабовъ, какъ въ давно прошедшія времена, такъ и теперь, очень много было говорено о блескѣ дворцовъ того времени и очень мало о стонахъ въ жалкихъ лачугахъ, въ которыхъ въ эту блестящую эпоху жили массы, испытывая почти безпрерывно

голодъ и нищету. До чего шатко и непрочно было основаніе культуры арабовъ, видно уже изъ того, что эта блестящая эпоха продолжалась недолго. Такимъ образомъ арабы дѣлали успѣхи въ наукахъ и улучшали свою матеріальную жизнь, не смотря на исламъ, но лишь до тѣхъ поръ, пока нѣкоторыя, особенно вредныя правила этой религіи не пустили глубокихъ корней въ ихъ нравы.

Турки ни въ давнопрошедшія времена, ни позже—никогда не были культурнымъ народомъ, и это потому, что ихъ положеніе было совсѣмъ иное. Это была дикая орда, вышедшая изъ центральной Азіи и не подвергавшаяся тѣмъ образовательнымъ вліяніямъ, которымъ подпали арабы. Византійская имперія въ это время уже совершенно одряхлѣла и клонилась къ упадку. Правда, она еще хранила остатки греческой образованности, но эта образованность была достояніемъ весьма немногихъ кабинетныхъ тружениковъ, которые кропотливо собирали и хранили плоды греческой мудрости, но ничуть не двигали науку впередъ и не имѣли никакого вліянія въ обществѣ. При такомъ положеніи населеніе Балканскаго полуострова не только не видало большой бѣды въ томъ, что турки, прочно утвердившіеся въ Малой Азіи, покорятъ дряхлую Византію, но многіе даже положительно желали этого и входили въ сношеніе съ турками. Простой народъ уже потому могъ желать имъ успѣха, что подати, налагаемыя въ то время турками, были значительно легче налоговъ, собираемыхъ византійскими императорами. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ Византійская имперія рухнула подъ напоромъ турецкаго нашествія. Повидимому, теперь съ турками могло бы случиться то же, что и съ арабами, т.-е. они могли бы также цивилизоваться. Но это только повидимому. Прежде всего турки, какъ мы упомянули, были народомъ гораздо болѣе грубымъ и менѣе способнымъ къ развитію, чѣмъ арабы. Къ тому же греческая образованность въ это время въ значительной степени потеряла свою жизненность и силу. Ко всему этому присоединилось и еще одно важное обстоятельство, мѣшающее ихъ развитію. Арабы весьма быстро обращали въ магометанство покоренные народы, туркамъ же это почти совершенно не удавалось. Причиною этого было то, что, со времени турецкаго нашествія, христіанство уже справилось почти со всѣми сектами, раздиравшими его прежде, окончательно окрѣпло и пустило глубокіе корни въ народонаселеніи Балканскаго полуострова. Кромѣ того, это народонаселеніе было еще недавно свидѣтелемъ крестовыхъ походовъ, направленныхъ противъ турокъ, овладѣвшихъ гробомъ Господнимъ; поэтому, если христіане по своимъ политическимъ и экономическимъ соображеніямъ и могли иногда желать замѣны власти византійскаго императора властью турецкаго падишаха, то все-таки на турокъ они не могли смотрѣть иначе, какъ на враговъ христіанской вѣры, слѣдовательно не могли принять ихъ религію. Религіозная вражда между христіанами и магометанами еще болѣе окрѣпла, когда турки измѣнили своей прежней благоразумной политикѣ и стали обирать и грабить покоренные ими народы. Мы уже говорили, что быстрому распространенію образованія между арабами весьма помогло то обстоятельство, что они представляли единый народъ, исповѣдующій одну религію; между тѣмъ въ Турецкой имперіи мы видимъ постоянную вражду между побѣдителями и побѣжденными. Правда, воинственный жаръ турокъ со временемъ нѣсколько охладѣлъ, но господствующее положеніе на Балканскомъ полуостровѣ среди разныхъ славянскихъ племенъ, болѣе или менѣе имъ подвластныхъ, было причиною того, что къ нимъ совсѣмъ не привилась способность къ труду, а это представляетъ главное условіе усовершенствованія въ области духовной и матеріальной. Не имѣя возможности подвергнуться образовательнымъ вліяніямъ и построивъ всю жизнь политическую, государственную, экономическую, общественную и семейную почти исклю-

чительно на основахъ магометанской религіи, турки, естественно, должны были остаться грубымъ и неразвитымъ народомъ, который лишь грабитъ и разоряетъ подвластныя племена,—народомъ, которому остались чужды идеи и стремленія другихъ европейскихъ государствъ.

РАМАЗАНЪ И БАЙРАМЪ.

Какъ постятся турки.—Ночи Рамазана.—Карагёзъ.—Рамазанъ во дворцѣ.—Обрядъ цѣлованія „священной мантіи".—Байрамъ.

Съ мыслію о постѣ мы обыкновенно привыкли соединять тѣ или другія лишенія, умерщвленіе плоти и страстей. Но такое понятіе совсѣмъ не вяжется съ мусульманскимъ постомъ, который не воплощаетъ собой никакого событія, исполняется неизвѣстно зачѣмъ и ни къ чему не ведетъ: это—совершенно пустая форма безъ всякой идеи.

Съ разсвѣта, или, точнѣе, «съ минуты, когда возможно отличать бѣлую нитку отъ черной», какъ сказано въ коранѣ мусульманинъ долженъ подвергать себя самому строгому воздержанію отъ пищи и питья во все время Рамазана, но за то онъ имѣетъ полное право вознаграждать себя за это лишеніе ночью: тогда онъ можетъ предаваться всѣмъ своимъ страстямъ, услаждать свой слухъ и зрѣніе, чѣмъ ему вздумается, угощать себя любимыми яствами на столько, на сколько потребуетъ его желудокъ, отощавшій послѣ дневнаго поста. Относительно питья то же самое: онъ можетъ пить шербеты и другіе любимые напитки, за исключеніемъ вина, вообще запрещеннаго кораномъ. У турокъ вино замѣняютъ ракіей—родъ водки, которая во времена пророка не была еще изобрѣтена и потому какъ будто не запрещена кораномъ. Ракію пьютъ весьма многіе турки, но нельзя сказать, чтобы они очень злоупотребляли этимъ напиткомъ, и во время празднествъ и религіозныхъ процессій совершенно пьянаго турка-мусульманина рѣдко можно встрѣтить.

Турки точно выполняютъ всѣ предписанія, данныя на время Рамазана. Днемъ они такъ постятся, что стараются даже какъ можно меньше говорить, чтобы рѣже открывать ротъ и такимъ образомъ какъ можно меньше впускать въ себя воздухъ, но за то въ теченіи цѣлой ночи пресыщаются рѣшительно всѣмъ, такъ что Рамазанъ превращается изъ поста въ самый веселый мѣсяцъ въ году.

Рамазанъ долженъ непремѣнно совпадать съ новолуніемъ, но у турокъ не существуетъ никакихъ астрономическихъ вычисленій, и все рѣшаютъ особые астрологи. Когда приближается это время, они отправляются къ Босфору, на вершину высокой горы, называемой Гигантъ. Гора эта служитъ и босфорской обсерваторіей, и мѣстомъ поклоненія. Тутъ, съ самихъ древнихъ временъ, находится какой-то памятникъ. Византійцы называли его гробомъ великана, а турки, завладѣвши имъ, стали признавать его мусульманскою святынею и приписываютъ ему чудодѣйственную силу. Больные турки и турчанки съ дѣтьми стекаются сюда на поклоненіе и обвѣшиваютъ лоскутьями отъ бѣлья и платья цвѣты и кустарникъ, которыми обсажена гробница. Они твердо вѣрятъ, что вмѣстѣ со своими лохмотьями передаютъ растеніямъ и свою болѣзнь. Такъ вотъ съ этой-то поэтической вершины, прославленный многими преданіями, и высматриваютъ астрологи появленіе новой луны въ началѣ и въ концѣ Рамазана. Иногда за облаками вовсе не видать луны, но имъ надоѣдаетъ долго смотрѣть, и они объявляютъ, что луна появилась и Рамазанъ начался. Тогда нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ даютъ знать всѣмъ о началѣ поста. Тотчасъ на

минаретахъ зажигаютъ плошки, воздухъ оглашается звуками пронзительной военной музыки, ночные сторожа оглушаютъ свои кварталы стуканьемъ по огромному бубну. Но первая ночь проходитъ безъ особеннаго оживленія, такъ какъ всѣ стараются провести ее въ своихъ гаремахъ и въ кругу своего семейства: это нѣчто въ родѣ нашего заговѣнья. Впрочемъ, безъ особеннаго шума проходятъ и слѣдующія ночи, до первой рамазанной пятницы, когда по ночамъ идетъ страшный разгулъ.

Разскажемъ по порядку весь день. Утромъ, на восходѣ солнца и вечеромъ, при его закатѣ, пушечными выстрѣлами возвѣщаютъ начало и конецъ поста,—сообразно этому правовѣрные распредѣляютъ свою жизнь. Поздно встаетъ турокъ, такъ какъ ночь онъ провелъ безъ сна, въ ежеминутномъ пополненіи своего желудка, да, наконецъ, ему просто хотѣлось бы проспать все время поста, т.-е. всѣ дни. Поэтому во время Рамазана на улицахъ царствуетъ необыкновенная тишина. Изъ домовъ рѣдко кто показывается, и то развѣ за какимъ-нибудь важнымъ дѣломъ. Турокъ и безъ того лѣнивъ, а тутъ ужъ совсѣмъ еле двигается. Его всегда вялая, заспанная физіономія теперь безжизненна до идіотизма. Турки побогаче совсѣмъ не выходятъ на улицу; они стараются покончить всѣ свои дѣла до Рамазана, чтобы спать цѣликомъ всѣ дни. Присутственныя мѣста и Безестенъ, лучшій стамбульскій базаръ, открыты только часа на два, на три въ день.

Солнце близко къ закату; турки стараются поскорѣе кончить свои дѣла, неподвижныя физіономіи нѣсколько оживляются, но ни одинъ изъ нихъ не позволитъ себѣ разговѣться до опредѣленнаго для этого времени. Вотъ загремѣла пушка, со всѣхъ минаретовъ раздалось пѣніе муэззиновъ; правовѣрные омыли лице и руки и спѣшатъ въ мечети. Молитва кончена, и все мусульманское населеніе устремляется или домой, или въ кофейню на представленіе. На стамбульскихъ улицахъ сразу все ожило и проснулось: собаки и калѣки вылѣзли изъ своихъ норъ; всюду множество народа, улицы освѣщены необыкновенно фантастично: карнизы минаретовъ обставлены зажженными шкаликами, нѣкоторые изъ нихъ даже висятъ на проволокахъ между минаретами, и издали кажется, будто горятъ звѣзды въ самомъ небѣ. Здѣсь и тамъ изъ шкаликовъ составлены разныя фигуры, слова и цѣлыя фразы. И дѣйствительно, очень заманчиво въ темную ночь разобрать и прочесть огненныя слова «Аллахъ» или разсмотрѣть огненный султанскій каикъ и украшенія на мечетяхъ. Нѣкоторыя зданія украшены гирляндами изъ бумажныхъ цвѣтовъ, и изъ оконъ ихъ раздаются звуки музыки и пѣнія. Большинство правовѣрныхъ отправляются въ эти ночи смотрѣть китайскія тѣни или кукольныя комедіи, необыкновенно любимыя турками и которыя чаще всего даются въ рамазанныя ночи: это—единственное драматическое представленіе въ Турецкой имперіи, имъ восхищается какъ простой народъ, такъ и высшее сословіе, вотъ поэтому мы и скажемъ о немъ нѣсколько словъ.

Китайскія тѣни даютъ обыкновенно только черные силуэты фигуръ, но куклы Карагёза отражаютъ на занавѣскѣ всѣ свои пестрые цвѣта. Этими китайскими тѣнями занимаютъ большую часть кофейни. Тогда съ одной стороны развѣшивается занавѣсъ; за нимъ стоитъ съ яркимъ свѣтомъ лампа, передъ которой двигаются бумажныя куклы въ $^1/_4$ аршина величиною. Куклы эти передвигаетъ и говоритъ за нихъ актеръ, сидящій за занавѣсомъ. Онъ изображаетъ иногда не только турокъ, но и другія племена Турецкой имперіи, а очень часто и гяуровъ, поэтому актеръ долженъ хотя немного говорить на разныхъ языкахъ. Интрига комедіи очень не сложна; въ ней обыкновенно два главныхъ дѣйствующихъ лица: Карагёзъ (что значитъ черноглазый) и его сподвижникъ Айвасъ. Первый говоритъ всегда басомъ и выражается просто·

народно, а второй гнуситъ и щеголяетъ мудреными выраженіями. Карагёзъ — въ родѣ нашего Петрушки, но нужно отдать справедливость этому турецкому полишинелю,—онъ несравненно остроумнѣе своего россійскаго собрата по ремеслу.

Представленія, въ которыхъ Карагёзъ играетъ главную роль, носятъ въ высшей степени первобытный характеръ: сцены слѣдуютъ за сценами безъ особенной связи, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ иногда и очень мало смысла. При томъ очень многія выходки, слова и выраженія дѣйствующихъ лицъ совсѣмъ не вяжутся съ содержаніемъ пьесы и сами по себѣ чрезвычайно грубы и циничны. Мало того, эти неприличныя выраженія вставлены иногда нарочно, чтобы выкинуть какую-нибудь сальность и польстить грубому вкусу неразвитыхъ зрителей. Актеру, который говоритъ за куколъ и сидитъ за сценой, нѣтъ никакой возможности выказать свое сценическое дарованіе. Но, несмотря на весь первобытный, грубый, даже циничный характеръ этихъ представленій, они служатъ единственной сатирой на общественные нравы. Нѣкоторые изъ Карагёзовъ, дѣйствительно, обладаютъ изряднымъ запасомъ остроумія и довольно зло выставляютъ дикіе порядки и полный произволъ на своей родинѣ, грабежъ и взяточничество служащихъ.

Когда передъ представленіемъ входишь въ кофейню, клубы табачнаго дыма совершенно скрываютъ зрителей, которыми биткомъ набита вся комната. Нѣсколько музыкантовъ въ углу неистово пилятъ на инструментахъ въ родѣ скрипокъ и бьютъ въ барабаны. Но вотъ звуки музыки смолкли, огни потушены, и комната погрузилась въ глубокій мракъ. Бѣлый четыреугольникъ занавѣса, сзади ярко освѣщеннаго свѣтомъ лампы, рѣзко выступаетъ въ темнотѣ. На бѣломъ фонѣ занавѣса пестрыми красками вырисовывается декорація, изображающая одну изъ площадей Стамбула, съ блистающими полумѣсяцами его мечетей и стройныхъ минаретовъ, съ фонтаномъ и мусульманскими домами, среди которыхъ мелькаютъ даже рѣшетки гаремовъ.

Снова раздались по обыкновенію далеко не мелодичные звуки турецкаго оркестра, и на площади задвигалась комическая фигура софта, ѣдущаго на ослѣ. И оселъ, и фигура молодого турецкаго студента представлены въ преувеличенно смѣшномъ видѣ: худенькій, палкообразный юноша, въ огромномъ фесѣ и въ очень широкомъ одѣяніи сидитъ верхомъ на животномъ съ огромными ушами. Наѣздникъ подвигается чрезвычайно медленно и торжественно; но вдругъ животное спотыкается, и софтъ падаетъ на землю. Онъ медленно поднимается и снова падаетъ, но, наконецъ, встаетъ на ноги, что-то бормочетъ, поправляетъ сѣдло, не умѣетъ, однако, справиться и съ этимъ и начинаетъ жалобно звать на помощь.

Въ тощей, жалкой фигурѣ софта, въ его неумѣньѣ найтись, какъ выпутаться изъ самого простого затрудненія, ясно выражается стремленіе автора пьесы осмѣять турецкаго юношу, котораго безплодная наука изсушила до того, что онъ теряетъ всякій практическій смыслъ.

На его крикъ въ одномъ изъ крайнихъ домовъ открывается окно, и въ немъ показывается голова Карагёза. Это черноглазый, чернобровый человѣкъ, съ громадной черной бородой, съ большимъ горбатымъ носомъ, въ огромной чалмѣ яркаго цвѣта. Вмѣстѣ съ Карагёзомъ на крикъ софта выбѣгаетъ и Айвасъ — худощавый человѣкъ, съ огромнымъ кинжаломъ за поясомъ. «Что съ тобою случилось?» спрашиваетъ Карагёзъ несчастнаго софта. «Не спрашивай его, эффенди», отвѣчаетъ за него Айвасъ, «онъ говоритъ на языкѣ адитовъ и темуда [1]), которому ихъ учатъ въ школѣ,—другого языка они не знаютъ». «Да почему же этотъ юноша такой ху-

[1]) Адиты и темудиты—народы, первоначально заселявшіе Аравію и исчезнувшіе еще до Магомета.

дой, точно голодный верблюдъ?» спрашиваетъ снова Карагёзъ. — «Его въ медрессэ совсѣмъ заморили»... Тогда Карагёзъ приглашаетъ Айваса идти вмѣстѣ съ нимъ помогать софту и появляется на площади въ цвѣтномъ пышномъ нарядѣ, но горбатый и комичный. Вмѣстѣ съ товарищемъ Карагёзъ помогаетъ софту въ его маленькой бѣдѣ, усаживаетъ его на осла, и тотъ, наконецъ, уѣзжаетъ, а вмѣсто него на сценѣ тотчасъ появляется новое лицо — богатый турецкій купецъ, съ громаднымъ животомъ, толстый и отъѣвшійся. Между купцомъ и Карагёзомъ начинается разговоръ, въ которомъ послѣдній сообщаетъ о своихъ злоключеніяхъ, а именно о томъ, какъ онъ сѣялъ табакъ и кукурузу, какъ паши разорили его налогами, бакшишами и всяческими вымогательствами до того, что у него не осталось теперь ни гроша. Терпѣливо выслушавъ разсказъ злосчастнаго Карагёза, купецъ самодовольно заявляетъ, что ему, напротивъ, живется очень хорошо, что купечеству вообще не приходится жаловаться, и что этимъ оно вполнѣ обязано мудрости и заботливости казначея падишаха. Въ чемъ выражаются эти доблестныя качества казначея, купецъ поясняетъ примѣромъ изъ собственной практики, разсказавъ Карагёзу, какъ онъ самъ подарилъ ему, т.-е. казначею, богатый сераль и много драгоцѣнностей, какъ онъ самъ посѣщалъ его и видѣлъ собственными глазами, какъ прекрасно ему живется. Карагёзъ завидуетъ великому казначею падишаха и высказываетъ желаніе сдѣлаться имъ. Лишь только съ его устъ срывается эта фраза, какъ изъ-за угла выскакиваютъ вооруженные полицейскіе, хватаютъ его и садятъ въ тюрьму. Карагёзъ толстымъ ломомъ пробиваетъ стѣну тюрьмы и бѣжитъ изъ нея съ помощью Айваса. Послѣ этого на сценѣ появляется, закутанная въ яшмакъ, сестра Карагёза, которая съ кувшиномъ на плечѣ отправляется за водой къ городскому фонтану. Въ это время черезъ площадь проѣзжаетъ самъ султанъ, видитъ красавицу, влюбляется въ нее и беретъ ее себѣ въ жены. Молодая, любимая жена султана имѣетъ огромное вліяніе на своего царственнаго супруга, дѣлаетъ много добра народу, который постоянно обращается къ ней съ просьбами, и, наконецъ, согласно ея желанію, ея братъ Карагёзъ становится великимъ визиремъ.

Трудно себѣ вообразить, какъ эти представленія интересуютъ публику: притаивъ дыханіе, смотритъ она на сцену, и флегматичныя лица турокъ оживляются все болѣе, но когда появляется Карагёзъ, этотъ общій любимецъ, они приходятъ въ настоящій восторгъ,что случается съ ними чрезвычайно рѣдко.

Но вотъ, наконецъ, наступаютъ послѣдніе, самые священные дни Рамазана: по религіозному повѣрью, если усердно помолишься Аллаху въ одну изъ этихъ ночей, то всякое желаніе будетъ исполнено. Такая таинственная, чудесная ночь и выпадаетъ обыкновенно на 27-ое число Рамазана. Турки думаютъ, что молитвы, совершаемыя въ одну эту ночь, равняются самымъ усерднымъ молитвамъ за нѣсколько лѣтъ. Они искренно вѣрятъ, что въ эту ночь творятся милліоны чудесъ и что въ ней есть такая минута, когда исполняется всякое желаніе правовѣрнаго. Эта «ночь судьбы», какъ ее называютъ мусульмане, проходитъ въ Константинополѣ слѣдующимъ образомъ. Въ восемь часовъ вечера пушечные выстрѣлы возвѣщаютъ выѣздъ султана изъ дворца въ мечеть на молитву. Мечети и минареты иллюминованы, улицы биткомъ набиты народомъ, который собрался посмотрѣть и на своего падишаха, и на бенгальскіе огни, зажигаемые въ это время по берегу и на каикахъ, что на Босфорѣ. Помолившись въ мечети около часу, султанъ возвращается къ себѣ во дворецъ, сопровождаемый пушечными выстрѣлами и при свѣтѣ ракетъ; темная ночь, голубыя волны Босфора и Золотого Рога придаютъ этому освѣщенію особенную прелесть. Вслѣдъ за султаномъ расходится и весь народъ, и въ городѣ наступаетъ мертвая тишина.

Посмотримъ, однако, что дѣлается въ дни Рамазана во дворцѣ падишаха. Самое важное торжество—обрядъ цѣлованія «священной мантіи» мусульманскаго пророка, хранящейся въ старомъ дворцѣ, совершается въ серединѣ поста. Мантія пророка пользуется глубочайшимъ почтеніемъ и хранится въ особой комнатѣ, которая называется «комнатою священной мантіи». Снаружи комната эта завѣшана планами Мекки и Медины, внутри она покрыта черною матеріей, по которой вышиты стихи изъ корана. Посреди стоятъ два драгоцѣнныхъ ящика: въ одномъ хранится мантія, а въ другомъ—знамя; тутъ же въ нишѣ стѣны есть и другія вещи, принадлежавшія пророку. Чрезвычайно роскошный, драгоцѣнный сундукъ съ священной мантіей окруженъ наибольшимъ почетомъ. Кругомъ его стоятъ нѣсколько огромныхъ, серебряныхъ шандаловъ, съ потолка къ нему спускаются серебряныя лампы, которыя горятъ по ночамъ. Самая мантія обернута въ сорокъ чахловъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ матерій.

Въ пятнадцатый день Рамазана сюда пріѣзжаетъ султанъ, и собираются всѣ сановники имперіи. Съ молитвами и съ необыкновеннымъ благоговѣніемъ развертываютъ сорокъ покрововъ мантіи, затѣмъ къ ней подходитъ султанъ и прикладывается, а за нимъ, одинъ за другимъ, идутъ сановники и цѣлуютъ край мантіи. Съ одной стороны мантіи стоитъ при этомъ особый церемоніймейстеръ съ жезломъ въ рукахъ который наблюдаетъ, чтобы сановники подходили, строго соблюдая различіе своего чина: полковникъ не смѣетъ приложиться раньше генерала и т. д. Съ другой стороны стоитъ придворный, подлѣ котораго на богатой подушкѣ лежитъ множество кисейныхъ платковъ; ими онъ стираетъ съ мантіи каждый поцѣлуй и затѣмъ подаетъ платокъ приложившемуся.

Когда всѣ исполнили обрядъ цѣлованія, нѣсколько духовныхъ лицъ осторожно поднимаютъ мантію и при чтеніи молитвъ опускаютъ ее въ серебряный бассейнъ, наполненный водою; тотъ край, который только что былъ покрытъ поцѣлуями, слегка полощутъ въ водѣ. Затѣмъ опять съ молитвами и съ такимъ же благоговѣніемъ завертываютъ мантію въ сорокъ чахловъ и уже не открываютъ ее до будущаго Рамазана.

Воду, въ которой полоскали мантію, съ этой минуты считаютъ уже священной, наливаютъ ее въ пузырьки и запечатываютъ султанскою печатью, затѣмъ съ придворными служителями разсылаютъ ихъ ко всѣмъ, присутствовавшимъ при обрядѣ цѣлованія. Эту воду вливаютъ по одной, по двѣ капли въ обыкновенную и, прежде чѣмъ принять пищу въ ночь Рамазана, разговляются этой священной водой.

Но вотъ наступаетъ и Байрамъ—трехдневный праздникъ разговѣнія послѣ поста Рамазана. Мусульмане омываются, одѣваютъ свое лучшее платье, разговляются передъ байрамнымъ моленьемъ и идутъ въ мечеть. По выходѣ оттуда они въ этотъ день непремѣнно должны раздавать милостыню. Въ эти три праздничные дня женщины толпами ходятъ на могилы родственниковъ и украшаютъ ихъ пальмовыми листьями. На площадяхъ показываютъ лубочныя картинки. Но самое главное торжество этого праздника сосредоточивается во дворцѣ султана.

Еще до солнечнаго восхода собираются туда всѣ сановники, и каждый занимаетъ мѣсто, соотвѣтствующее его званію. Отъ дворца до мечети, въ которую отправится султанъ молиться, по обѣимъ сторонамъ дороги разставляютъ солдатъ въ парадной формѣ. Въ семь часовъ начинается шествіе. Впереди негры въ бѣлыхъ чалмахъ ведутъ подъ уздцы восемь султанскихъ лошадей; ихъ головы убраны страусовыми перьями; уздечки покрыты серебромъ, золотомъ и драгоцѣнными камнями; на спинахъ шитыя турецкія сѣдла съ длинными чепраками, на которыхъ изобра-

женъ султанскій вензель изъ дорогихъ камней. За ними верхами на статныхъ коняхъ, по два въ рядъ одни за другими, ѣдутъ высшіе сановники, далѣе опять ведутъ двухъ султанскихъ лошадей знаменитой кровной породы «Неджд», прославленной въ арабскихъ пѣсняхъ. Весь уборъ на этихъ лошадяхъ сіяетъ золотомъ и алмазами. Кругомъ ихъ гвардейцы въ турецкихъ темно-зеленыхъ мундирахъ съ киверами на головахъ. Дальше стража, вооруженная сѣкирами, и среди нея верхомъ самъ султанъ. На немъ накинутъ плащъ, пристегнутый бриллiантовымъ аграфомъ, а на головѣ фесъ. Поѣздъ замыкаютъ менѣе важные чиновники. Парадъ этотъ иногда нѣсколько измѣняется: то больше свиты впереди, то сзади, смотря по предписанію. «Падишахъ аминъ» (да здравствуетъ императоръ!), кричатъ войска, и затѣмъ все тотчасъ смолкаетъ. Мусульманскій этикетъ воспрещаетъ излишній шумъ при султанскомъ шествіи.

По окончаніи молитвы султанъ возвращается тѣмъ же порядкомъ въ свой дворецъ, и тутъ происходитъ парадное поздравленіе съ праздникомъ и лобызаніе султанской одежды. Падишахъ садится на тронъ, а всѣ сановники и духовенство, опять каждый строго соблюдая свой чинъ, подходятъ къ султану цѣловать его ногу или платье. Великій визирь (послѣ султана самое важное лицо въ государствѣ) два раза падаетъ ницъ передъ султаномъ и затѣмъ цѣлуетъ его ногу. Послѣ него всѣ высшіе государственные чины имѣютъ право поклониться уже одинъ разъ и удостоиваются только приложиться къ низу одежды; низшіе чины цѣлуютъ край султанскаго рукава. Духовенство безъ поклоновъ цѣлуетъ одежду султану на груди, а низшее духовенство—край одежды. Бывали примѣры, что за малѣйшую оплошность въ порядкѣ приближенія къ особѣ государя церемоніймейстеровъ наказывали вѣчной ссылкой на какой-нибудь изъ отдаленныхъ острововъ.

ТУРЧАНКА.

Затворничество женщинъ.—Нарядъ турчанки и ея физіономія.—Житье-бытье гаремныхъ затворницъ.—Пагубное вліяніе такого затворничества на общество.—Турецкая свадьба.—Рожденіе ребенка.

Самый вредный изъ гражданскихъ законовъ корана—многоженство, унизительное положеніе женщины и ея затворническая, гаремная жизнь. Мусульманскій законъ дозволяетъ мужчинѣ жениться на одной, двухъ, трехъ и даже четырехъ женахъ и держать столько невольницъ, сколько каждый можетъ ихъ купить и кормить. При этомъ законъ ставитъ мусульманину только одно условіе, чтобы онъ обезпечилъ приданымъ каждую жену, съ которою вступилъ въ бракъ. Вступить же въ бракъ необходимо каждому мусульманину, такъ какъ холостому совсѣмъ не дадутъ ходу. Холостой не можетъ пользоваться всѣми гражданскими правами, и всѣ презираютъ его.

Трудно опредѣленно сказать, какъ коранъ смотритъ на женщину: Магометъ относится къ ней то человѣколюбиво и даетъ ей нѣкоторыя права, то говоритъ о ней съ совершеннымъ презрѣніемъ, какъ о существѣ, по природѣ болѣе низшемъ, чѣмъ мужчина. Впрочемъ, въ коранѣ презрѣнія къ женщинѣ болѣе, нежели уваженія. Главные догматы магометанской религіи дѣлаютъ ее рабой, утѣхой мужчины и игрушкой въ его рукахъ. По смыслу корана женщина совсѣмъ не должна появляться въ обществѣ мужчинъ: она обязана думать и заботиться только о домашнихъ обязанностяхъ и всю свою жизнь проводить въ стѣнахъ гарема. Магометъ, отличавшійся женолюбіемъ, грубою чувственностью и сладострастіемъ, получившій,

по его словамъ, отъ Аллаха полное право брать себѣ сколько угодно женъ, не могъ, разумѣется, собственною жизнью подавать своимъ послѣдователямъ примѣръ воздержанія, не могъ смотрѣть на женщину съ уваженіемъ, какъ на мать своихъ дѣтей, и съ любовью, какъ на подругу, которая должна дѣлить радость и горе, помогать мужу своимъ совѣтомъ и трудомъ. Онъ видѣлъ въ ней только поводъ къ соблазну, и требуетъ отъ женщины, чтобы она всегда «потупляла свои взоры» и ходила подъ покрываломъ. Магометанки, появляясь на улицѣ, до сихъ поръ окутываютъ лицо свое покрываломъ (яшмакомъ) и снимаютъ его только въ присутствіи самыхъ близкихъ родственниковъ и домашнихъ. Однако, это покрывало въ настоящее время совершенно прозрачно, и лицо турчанки на улицѣ можно прекрасно разсмотрѣть. Въ коранѣ женщина называется *нечистою*, въ немъ говорится и о томъ, что она удостоена будетъ рая лишь по милости своего мужа, что она погибнетъ для будущей жизни, если не будетъ раболѣпно преклоняться передъ каждымъ его словомъ, не будетъ безпрекословно потакать всѣмъ его прихотямъ. Мужу, по закону Магомета, дозволяется даже бить и наказывать свою жену, ему доступенъ гораздо легче разводъ и новый бракъ, но въ то же время ему вмѣняется въ обязанность поступать съ своею женою мягко, вѣжливо, благородно, доставлять ей удовольствія, чтобы она не скучала о родительскомъ домѣ. Но эти, по временамъ, человѣколюбивыя предписанія въ отношеніи къ женщинѣ не прикрываютъ полнаго презрѣнія къ ней. Мужчина не долженъ спрашивать у жены совѣта въ серьезныхъ дѣлахъ, изрѣдка развѣ, да и то лишь въ домашнихъ пустякахъ. Не даромъ же у магометанъ существуетъ не мало разсказовъ и поговорокъ, которые всѣ сводятся къ одному, что если мужчина рѣшительно нигдѣ не можетъ найти совѣта, пусть обратится къ женѣ, но поступать онъ долженъ совсѣмъ наоборотъ тому, какъ она ему посовѣтуетъ. Объ участи, ожидающей женщину за гробомъ, тоже нельзя вынести вполнѣ опредѣленнаго понятія. Относительно этого вопроса магометане различно объясняютъ слова своего пророка: одни изъ нихъ утверждаютъ, что женщины составятъ большую часть обитателей ада и что въ рай войдутъ лишь самыя молодыя, да и то ради потѣхи мужчинъ, другіе же полагаютъ, что праведныя женщины будутъ допущены въ рай, но займутъ въ немъ особое отъ мужчинъ мѣсто. Что будетъ на томъ свѣтѣ со вдовами и старыми дѣвами, коранъ умалчиваетъ: такихъ женщинъ въ Турціи считаютъ совсѣмъ ничтожными, презрѣнными существами. Вотъ потому-то замужество для турецкой женщины все: безъ этого ни ея набожность, ни ея добродѣтели, ни подвиги благочестія, ничто не заслужитъ ей вѣчной жизни; по понятіямъ магометанъ, даже молитвы незамужней женщины не угодны Богу. Такой взглядъ на женщину заставляетъ турчанку, во что бы то ни стало, искать себѣ мужа и съ величайшею радостью выходить за перваго, кто попроситъ ея руки. Особенно потѣшна бываетъ эта погоня женщинъ за мужьями, когда приходитъ время отправиться въ Мекку. Мы уже говорили, что каждый мусульманинъ обязанъ, хотя разъ въ жизни, побывать въ Меккѣ для поклоненія Каабѣ. Понятно, что это обязательно и для женщинъ, но престарѣлая дѣвушка или вдова никакъ не можетъ разсчитывать, что такое путешествіе въ священный городъ будетъ угодно Аллаху. Поэтому всякій разъ, когда богомольцы отправляются къ святымъ мѣстамъ, незамужнія женщины, вдовицы и дѣвушки усердно отыскиваютъ мужчинъ, которые согласились бы сдѣлаться ихъ мужьями, хотя на время путешествія.

«Магометъ-Ага», говоритъ въ такихъ случаяхъ вдова или престарѣлая дѣвушка, «хочешь быть моимъ мужемъ на время богомолья?»—«Пожалуй», отвѣчаетъ Ага, не придавая никакого значенія этому браку, и затѣмъ являются свидѣтели, удосто-

вѣряющіе, что между такими-то лицами заключенъ законный, краткосрочный бракъ. Когда богомольцы возвращаются изъ Мекки, новобрачные прощаются и расходятся навсегда. Такіе браки даютъ поводъ ко множеству злоупотребленій. Временный мужъ, узнавъ о томъ, что жена его богата, очень часто не даетъ ей развода, прежде чѣмъ получитъ съ нея хорошее вознагражденіе, и несчастной ничего не остается дѣлать, какъ выполнить всѣ его требованія.

Разводъ въ Турціи совершается весьма легко и происходитъ очень часто. Надоѣла жена, и мужу стоитъ только сказать: «жена, уйди отъ меня!» При этихъ словахъ, женщина окутываетъ свое лицо покрываломъ, собираетъ свои пожитки и по первому слову навѣки удаляется изъ-подъ супружескаго крова. Жена тоже имѣетъ право требовать развода, даже въ томъ случаѣ, если мужъ не можетъ содержать ее «соотвѣтственно ея достоинству», но она гораздо рѣже мужчины пользуется своимъ правомъ: вся ея жизнь пріучаетъ ее къ тому, чтобы безпрекословно выполнять волю своего повелителя, и она только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ настаиваетъ на своемъ требованіи. Часто прибѣгать къ разводу ей не приходится также и потому, что къ разведенной женѣ, какъ и къ незамужней, турки относятся съ полнымъ презрѣніемъ, и ей несравненно труднѣе во второй разъ пріискать себѣ мужа, чѣмъ мужчинѣ жену. Однако, не слѣдуетъ думать, чтобы турчанка совсѣмъ лишена была правъ; напротивъ, въ этомъ отношеніи она болѣе обезпечена, чѣмъ многія женщины на Западѣ. Если мужчина обращается съ нею слишкомъ дурно, она можетъ подать на него жалобу въ судъ, и эту жалобу не оставятъ безъ вниманія. Ея имущественныя права еще значительнѣе: мужъ, вступая въ бракъ, обязанъ обезпечить жену. При разводѣ онъ долженъ выплатить ей мехръ (такъ называется это обезпеченіе) и, кромѣ того, вознаградить ее. Необходимость выплачивать мехръ и давать вознагражденіе сильно удерживаетъ многихъ мужей отъ частыхъ разводовъ, но очень богатыхъ это не стѣсняетъ, и они могутъ разводиться сколько угодно, съ условіемъ не имѣть сразу болѣе четырехъ законныхъ женъ. Теперь, однако, когда золотыя времена Турціи давно прошли, когда страна эта бѣднѣетъ годъ отъ году, когда количество богатыхъ людей въ ней сильно уменьшается, когда крупные богачи совсѣмъ почти исчезли, въ этой странѣ все рѣже встрѣчаются турки, имѣющіе нѣсколькихъ женъ. Лишь очень немногіе, да и то наиболѣе богатые и знатные изъ нихъ, имѣютъ по двѣ жены, а такихъ, у которыхъ по три, а тѣмъ болѣе четыре жены—уже немного. При этомъ нужно замѣтить, что образованные турки, ихъ, впрочемъ, очень мало въ Турціи, даже будучи людьми зажиточными, имѣютъ лишь по одной женѣ.

Вмѣстѣ съ увеличивающеюся бѣдностью турки стали держать менѣе и рабынь при гаремахъ, но все же и теперь еще ихъ достаточно въ Турціи. При каждомъ гаремѣ можно встрѣтить и одалисокъ, то-есть временныхъ женъ, которыми обыкновенно бываютъ рабыни.

Рабынь турки-магометане получаютъ въ подарокъ отъ близкихъ людей, но еще чаще покупаютъ за деньги; цѣна на нихъ очень различна, приблизительно отъ одной до сорока тысячъ рублей. Эта позорная купля и продажа, эти подарки живыми людьми никого здѣсь не возмущаютъ. Въ случаѣ развода съ одною изъ женъ, одалиска можетъ легко сдѣлаться законною женою своего господина, но, даже и оставаясь одалискою, у людей зажиточныхъ она имѣетъ свое особое помѣщеніе, свою прислугу, нерѣдко своихъ лошадей; ея дѣти считаются вполнѣ законными и пользуются такими-же правами, какъ дѣти законныхъ женъ.

Жены турка, ихъ дѣти (мальчики до 7-ми-лѣтняго возраста, а дочери до замужества), мать хозяина, его родственницы, одалиски и женская прислуга живутъ

въ гаремахъ. Домъ богатаго и знатнаго турка раздѣляется на двѣ совершенно особыя половины: *селямликъ*, гдѣ живетъ хозяинъ, его родственники, если они есть, и вообще взрослые мужчины, и *гаремъ*—женская половина. Гаремъ — самая большая часть дома, съ желѣзными дверями, съ рѣшетчатыми окнами и съ садомъ, обнесеннымъ высокимъ заборомъ. Гаремъ означаетъ запрещенное мѣсто. Такъ называются эти помѣщенія потому, что туда могутъ проникать только женщины, а изъ мужчинъ одинъ мужъ и самые близкіе родственники. Впрочемъ, и мужъ не всегда можетъ войти въ это священное мѣсто. Видя туфли у двери жены, онъ не осмѣлится къ ней войти и возвращается къ себѣ. Турокъ только собственныхъ женъ можетъ видѣть безъ покрывала; между тѣмъ, когда женщины пріѣзжаютъ другъ къ другу въ гости, онѣ бесѣдуютъ между собой съ непокрытыми лицами. Выставляя туфли, жена предупреждаетъ мужа, чтобы онъ не вошелъ къ ней въ такую минуту, когда онъ можетъ встрѣтить безъ покрывала постороннюю женщину.

Когда турокъ желаетъ избѣжать непріятнаго посѣщенія, встрѣчи, избавиться отъ какого-нибудь требованія, скрыться отъ своего кредитора, онъ уходитъ въ свой гаремъ. Посѣтитель, которому объявляютъ, что хозяинъ въ гаремѣ, уже, разумѣется, не послѣдуетъ туда за нимъ. Вызвать турка изъ гарема можно только по дѣлу, не терпящему отлагательства, иначе это считается величайшею дерзостью и нахальствомъ.

Чтобы не возбуждать зависти между женами, ихъ размѣщаютъ въ отдѣльныхъ, совершенно одинаково меблированныхъ комнатахъ, даютъ имъ одинаковые экипажи, одинаковое количество прислуги. Но это нисколько не уменьшаетъ интригъ между ними, и много женщинъ умираетъ въ чахоткѣ отъ слишкомъ бурной жизни среди своихъ гаремныхъ товарокъ, которыя смотрятъ другъ на друга, какъ на смертельныхъ враговъ.

Какъ нѣсколько столѣтій тому назадъ, такъ и теперь, вы встрѣтите турчанку только на улицѣ или на гуляньѣ, въ своемъ широкомъ *фередже* (нѣчто въ родѣ плаща) розоваго, зеленаго или лиловаго цвѣта, въ цвѣтныхъ туфляхъ, которыя теперь все болѣе замѣняются ботинками, всегда подъ покрываломъ передъ всѣмъ свѣтомъ, кромѣ своего мужа. Безъ яшмака и фередже ни одна женщина не смѣетъ появиться на улицѣ, иначе она подвергаетъ себя разнымъ оскорбленіямъ. Правда, турчанки ловко приноравливаются носить свою одежду такъ, чтобы и себя показать, и другихъ посмотрѣть: молоденькія дѣлаютъ свое покрывало изъ прозрачной матеріи и такъ ловко набрасываютъ его на лицо, что и законъ пророка соблюдаютъ, и отлично выставляютъ свои глаза съ насурмленными рѣсницами и подкрашенными бровями. Тоже и съ фередже: несмотря на неуклюжесть этого верхняго платья, щеголихи умѣютъ одѣвать его такъ, что оно прекрасно обрисовываетъ ихъ станъ.

Возвратившись домой, женщины снимаютъ покрывала и плащи и остаются въ домашнемъ нарядѣ, то-есть въ шелковыхъ широкихъ шальварахъ, поверхъ которыхъ одѣто длинное съ прорѣзами по бокамъ платье, перехваченное по таліи широкимъ матерчатымъ поясомъ. На волосы, заплетенные въ мелкія косички, турчанки одѣваютъ атласную шапочку, красную или голубую, иногда всю сплошь изъ жемчужныхъ нитокъ, украшенную драгоцѣнными камнями. Какъ и всѣ восточныя женщины, турчанки любятъ носить браслеты, ожерелья, тяжелыя серьги. Богатыя и знатныя женщины начинаютъ и здѣсь носить платья моднаго парижскаго покроя. Правда, и такія модницы, выходя изъ дому, все-таки накидываютъ яшмакъ и надѣваютъ фередже, но изъ-подъ него у многихъ теперь уже выглядываетъ европейское платье. Однако, у турчанки, даже при самой роскошной одеждѣ, замѣчается не только полное

неумѣнье одѣться, но и неряшество, совершенно немыслимое въ другихъ странахъ: на дорогомъ платьѣ болтаются тесемки; чулки, грязные и отрепанные, спускаются на башмаки, украшенные иногда драгоцѣнными камнями.

Вся жизнь богатой и болѣе или менѣе знатной турчанки протекаетъ въ гаремахъ, среди другихъ такихъ же, какъ она, затворницъ, совершенно невѣжественныхъ, не всегда хорошо умѣющихъ читать и писать, никогда не занимающихся ни чтеніемъ, ни какою либо полезною работой. Все воспитаніе турецкихъ женщинъ направлено къ тому, чтобы онѣ могли въ будущемъ нравиться своимъ мужьямъ и умѣли развлекать себя отъ гаремной скуки. Для этого прежде всего обращаютъ вниманіе на умѣнье одѣваться, болтать всякій вздоръ, обучаютъ пустячнымъ рукодѣльямъ и танцамъ. Замѣтьте, что та же религія, которая мужчинамъ не разрѣшаетъ пляски и считаетъ ее для нихъ предосудительною, дозволяетъ ее женщинѣ, такъ какъ самъ Магометъ часто развлекался пляскою своихъ женъ. Понятно, что у женщинъ, воспитанныхъ такимъ образомъ, не можетъ быть стремленія къ какому нибудь полезному занятію. Работы имъ тоже никакой не полагается: турокъ, который не можетъ окружить жену прислужницами, и не возьметъ нѣсколькихъ женъ. Такимъ образомъ, гаремныя затворницы всегда обезпечены на столько, чтобы самимъ не работать. Но что же онѣ дѣлаютъ цѣлый день? Бездѣльничаютъ, сплетничаютъ, бранятся, взводятъ другъ на друга бывалыя и небывалыя преступленія.

Привычка всегда сидѣть на мягкомъ не даетъ возможности, даже молоденькой женщинѣ, просидѣть, какъ слѣдуетъ, и нѣсколько минутъ: она подкладываетъ одну подушку подъ бокъ, другую подъ локоть, третью подъ спину и, полулежа, пускаетъ дымъ изъ папиросы. Черезъ полчаса она уже скатывается съ матраса на мягкій коверъ на полу и, заламывая руки надъ головой, долго глядитъ въ потолокъ. Очень часто, даже днемъ, она такъ и засыпаетъ на полу, какъ маленькій ребенокъ, среди бѣлаго дня. Дѣйствительно, въ турчанкахъ есть что-то свойственное дѣтямъ, но дѣтямъ испорченнымъ бездѣльной жизнью, воспитаннымъ въ развращающей атмосферѣ гарема.

Если женщины въ сборѣ, вотъ что вы обыкновенно увидите: двѣ, три что-то вышиваютъ, но большинство, пожевывая сласти, сидитъ и валяется на мягкихъ софахъ: однѣ изъ нихъ щебечутъ, какъ сороки, другія бѣгаютъ изъ комнаты въ комнату, третьи смотрятъ въ окно, наблюдая собакъ и прохожихъ, примѣряютъ наряды. Иногда онѣ зовутъ рабынь и заставляютъ ихъ танцовать подъ тамбуринъ и цимбалы, но чѣмъ бы онѣ ни развлекались (всю свою жизнь онѣ *только* развлекаются), онѣ съ утра до вечера ѣдятъ, сосутъ, курятъ, пьютъ и жуютъ. Вѣчныя сласти и бездѣлье, мягкая постель, жизнь безъ серьезной заботы заставляютъ ихъ неимовѣрно толстѣть уже къ 25-ти лѣтамъ. Ихъ развлеченія разнообразятся безконечными ссорами, дрязгами и бранью, до того площадной, что слышать ее рѣдко приходится даже въ нашихъ рынкахъ, между тѣмъ это случается въ гаремахъ людей весьма знатныхъ. Ссора подымается обыкновенно изъ-за самаго ничтожнаго пустяка или спора и нерѣдко оканчивается дракой, общей свалкой и скандаломъ.

Любимое развлеченіе гаремныхъ женщинъ — покупка нарядовъ и бани, въ которыхъ турчанки остаются по цѣлымъ днямъ, ѣдятъ, пьютъ, пляшутъ, поютъ, хохочутъ до слезъ безъ всякой причины, однимъ словомъ продолжаютъ то же времяпрепровожденіе, что и дома. Въ хорошую погоду онѣ отправляются въ садъ, который обыкновенно бываетъ при богатыхъ гаремахъ. Тамъ, подъ тѣнистыми деревьями, имъ разстилаютъ ковры и перины, кладутъ подушки и, лѣниво развалившись, онѣ жуютъ тутъ же снимаемые для нихъ фрукты. Надоѣло слушать журчаніе фонтана и жевать, — онѣ пускаются въ танцы.

Самое страстное желаніе каждой гаремной затворницы состоитъ въ томъ, чтобы мужъ любилъ ее болѣе другихъ и далъ ей возможность командовать надъ остальными. Ласками и услужливостью то одна, то другая изъ нихъ добивается войдти въ большее довѣріе къ мужу. При этомъ, какъ женщина, не имѣющая никакихъ нравственныхъ понятій, она не стѣсняется никакими средствами и старается оклеветать свою подругу.

Доволенъ или нѣтъ хозяинъ поведеніемъ своихъ гаремныхъ затворницъ, онъ всегда держитъ при своемъ гаремѣ особаго стража—евнуха, охранителя своей чести и чистоты своихъ женъ. Евнухомъ обыкновенно бываетъ безобразный, черный невольникъ. Но во всѣ времена бывало не мало примѣровъ, что и къ этимъ, столь строго охраняемымъ, турецкимъ женщинамъ проникали посторонніе мужчины. Евнухи, конечно, строгіе стражи, но они падки на золото и за большія деньги нерѣдко продаютъ довѣріе своего хозяина. Въ концѣ концовъ евнухи своимъ соглядатайствомъ и доносами скорѣе развращаютъ женщину, чѣмъ охраняютъ ее, и увеличиваютъ безконечныя интриги гарема. Вслѣдствіе этихъ интригъ еще недавно въ гаремахъ происходили ужасныя вещи. Провинившуюся, а то и вслѣдствіе клеветы вызвавшую гнѣвъ своего супруга зашивали въ мѣшокъ и бросали въ море, безъ всякаго суда и расправы, такъ какъ мужъ самовластный властелинъ своего гаремнаго царства.

Среди этихъ-то интригъ, пошлыхъ и мелочныхъ дрязгъ растутъ и воспитываются дѣти гаремныхъ затворницъ. Какой примѣръ можетъ видѣть здѣсь ребенокъ? Онъ рано начинаетъ понимать, что всѣ эти женщины, какъ хищные звѣри, каждую минуту готовы растерзать другъ друга, и ребенокъ скоро начинаетъ сознавать, что жизнь его матери виситъ на волоскѣ, что онъ каждый день можетъ быть оторванъ отъ родной груди... Вѣчныя дрязги и въ ребенкѣ развиваютъ интересъ къ нимъ, и онъ мало-по-малу самъ начинаетъ отъ одной къ другой переносить сплетни. Къ тому же матери-затворницы такъ поглощены интригами, что мало и занимаются своими дѣтьми. Да и какое же воспитаніе, какое образованіе можетъ дать своему ребенку невѣжественная мать, которая не имѣетъ житейскаго опыта и никогда не знала трудовой жизни? Турокъ выбираетъ себѣ жену, въ большинствѣ случаевъ не только ни разу не поговоривши съ ней, но часто ни разу и не видавъ ее до брака.

Задумалъ молодой турокъ жениться, и объявляетъ о своемъ намѣреніи матери, а если ея нѣтъ, то свахѣ. Та и другая въ этомъ случаѣ играютъ совершенно одинаковую роль. Мать, разузнавъ отъ знакомыхъ ей женщинъ о дѣвицахъ, которыя могли бы быть приличными невѣстами для ея сына, отправляется стучать въ эти дома, хотя бы до этого она ни разу въ нихъ не входила. Въ ту минуту, когда служанка подходитъ къ ней, она только произноситъ слово: «гіурруджи», т.-е. смотрѣть невѣсту, и та съ полнымъ радушіемъ бросается снимать съ нея головное покрывало и фередже. Хозяйка дома, извѣщенная о намѣреніи посѣтительницы, хотя лично съ ней не знакома и ничего о ней не слыхала, тотчасъ приказываетъ дочери явиться въ лучшихъ своихъ нарядахъ и во всемъ блескѣ своей красоты, сама же торопится къ гостьѣ, чтобы принять ее со всевозможнымъ почетомъ. Обѣ матери, сидя рядомъ на диванѣ, ведутъ между собою какую-нибудь пустую болтовню, говорятъ другъ другу принятые при этомъ комплименты, пока не войдетъ дѣвушка. Тогда разговоръ прекращается, и мать жениха устремляетъ на невѣсту пытливый взоръ. «Масхаллахъ! Масхаллахъ!» (чудо Божіе) вскрикиваетъ гостья, будто пораженная красотою дѣвушки. «Ахъ, сударыня! ваша дочка какъ луна прекрасна! глаза, волосы черны, какъ смоль! Если бы она была невольница, вѣрьте, сударыня, она стоила бы по меньшей мѣрѣ тысячу кошельковъ» (около 40 тыс. рублей),—и по-

добные комплименты сыплются, какъ горохъ, изъ устъ гостьи, даже и тогда, когда она вовсе не намѣрена отрекомендовать дѣвушку своему сыну.

Между тѣмъ дѣвушка старается какъ можно граціознѣе поклониться гостьѣ, затѣмъ хватаетъ край ея платья, чтобы его поцѣловать, потомъ отходитъ на нѣсколько шаговъ, чтобы дать возможность вполнѣ себя осмотрѣть.

Такимъ образомъ объѣзжаетъ мать или сваха каждый домъ, вездѣ обѣщая непремѣнно вернуться завтра съ утвердительнымъ отвѣтомъ. Конечно, бываютъ случаи, когда молодому человѣку нравится дѣвушка, которую онъ встрѣтитъ на улицѣ; онъ узнаетъ, кто она, и проситъ мать начать сватовство въ домѣ ея родителей; но обыкновенно дѣло обходится и безъ этого.

Когда уже сдѣлано предложеніе и получено согласіе, семейство жениха шлетъ въ подарокъ невѣстѣ серебряный ящикъ, зеркало и другія туалетныя принадлежности. Невѣста отдаривается табакеркой, подтяжками и т. п. Нѣсколько дней спустя послѣ помолвки, женихъ шлетъ отцу своей невѣсты извѣстную сумму, какъ бы выкупъ за нее. Всѣ эти деньги до копѣйки, съ большою прибавкою отцовскихъ, расходуются на свадебныя пиршества. Турки считаютъ свадьбу самымъ торжественнымъ, самымъ веселымъ, самымъ счастливымъ днемъ своей жизни, и потому каждый отецъ старается отпраздновать свадьбу своей дочери съ возможно большимъ шумомъ, блескомъ и на свадебный пиръ ставитъ ребромъ послѣднюю копѣйку. А какъ бьется сердце невѣсты, что наконецъ-то насталъ и ея праздникъ! Да это и понятно: турецкую дѣвушку не учили ничему путному, держали ее въ гаремѣ, все равно, что птичку въ тѣсной клѣткѣ, разжигая при этомъ ея воображеніе только сказками о нарядахъ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ, которыми разукрасятъ ее въ день свадьбы. Вотъ она и ждетъ не дождется этого дня, а о тѣхъ обязанностяхъ, которыя за нимъ послѣдуютъ, она и не думаетъ.

Черезъ восемь дней послѣ помолвки совершается брачный контрактъ. Эта церемонія не имѣетъ никакого религіознаго характера, такъ какъ бракъ по мусульманскому закону не считается религіознымъ обрядомъ, а только гражданскимъ договоромъ. Весь этотъ обрядъ ограничивается тѣмъ, что женихъ шлетъ въ домъ своей невѣсты своего повѣреннаго въ сопровожденіи двухъ свидѣтелей. Невѣста съ своей стороны тоже пригласила свидѣтелей и имама. Когда всѣ соберутся въ комнатѣ, всѣ встаютъ съ своихъ мѣстъ, и одинъ изъ свидѣтелей жениха вслухъ и съ торжественною медленностью произноситъ, что Гасанъ-Ага или Магометъ-Али желаетъ взять себѣ въ жены Фатьму, дочь Гаджи-Улимъ-Эффенди. Это заявленіе повторяется три раза. Послѣ него имамъ подходитъ къ полуоткрытой двери гарема и спрашиваетъ названную дѣвушку о согласіи на бракъ. Та черезъ щель двери нѣсколько разъ отвѣчаетъ «да». Вотъ и вся церемонія. Брачный контрактъ вписывается въ книгу и скрѣпляется подписью имама и свидѣтелей, и всѣ расходятся по домамъ.

Затѣмъ наступаетъ свадебный пиръ. Послѣ полудня женихъ подъѣзжаетъ къ невѣстиному дому, въ которомъ всѣ двери открыты настежь для всѣхъ, желающихъ видѣть свадьбу. Онъ поднимается по лѣстницѣ къ гарему и на минуту останавливается на площадкѣ. Тутъ передъ нимъ, какъ призракъ, выступаетъ человѣческая фигура, окутанная въ шитую золотомъ ткань, съ лицомъ, покрытымъ густою, розовою вуалью. Этотъ призракъ—невѣста, которую женихъ беретъ за руку и вводитъ въ комнату, посреди которой устроенъ красивый тронъ. Надъ трономъ сдѣланъ прелестный балдахинъ изъ розоваго тюля, шелку или бархата. Женихъ подводитъ невѣсту къ этому трону и усаживаетъ ее на немъ: затѣмъ отвѣшиваетъ ей низкій поклонъ и отправляется въ особые покои пировать съ товарищами. Какъ бы

женихъ ни сгоралъ нетерпѣніемъ поскорѣе увидѣть свою невѣсту, онъ, въ продолженіе этой небольшой церемоніи, все-таки не посмѣетъ открыть ея вуаль.

Лишь только женихъ вышелъ изъ комнаты, какъ въ нее врывается цѣлая толпа, по большей части, вовсе незнакомыхъ женщинъ, чтобы поглазѣть на невѣсту и ея приданое. Первая встрѣчная на улицѣ женщина, безъ всякой церемоніи, входитъ въ домъ невѣсты, останавливается передъ трономъ и, какъ статую, осматриваетъ дѣвушку съ ногъ до головы, дѣлаетъ вслухъ свои замѣчанія о ея физіономіи, о туалетѣ и т. п. Послѣ этого собравшійся людъ оглядываетъ каждый фестонъ балдахина и, наконецъ, отправляется смотрѣть приданое, которое выставлено нарочно для зрителей на особыхъ столахъ, обнесенныхъ рѣшеткою, чтобы зрительницы ничего не трогали руками.

Когда толпа разойдется, невѣста сходитъ съ своего трона, неподвижно просидѣвъ на немъ около двухъ, трехъ часовъ. Затѣмъ она отправляется къ гостямъ, которыхъ то и дѣло угощаютъ сластями, тогда какъ музыканты и танцовщицы лѣзутъ изъ кожи, чтобы ихъ развеселить.

На мужской половинѣ тоже идетъ пиръ, но нерѣдко съ болѣе буйнымъ оттѣнкомъ, такъ какъ при этомъ принято выпить болѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Наконецъ, въ 8 часовъ имамъ произноситъ молитву, послѣ которой новобрачный отправляется къ своей женѣ. Въ эту минуту къ нему съ разныхъ сторонъ бросаются его товарищи и бьютъ его кулаками и старой подошвой: это дѣлается, чтобы предохранить отъ дурного глаза и изгнать на вѣки скуку изъ сердца новобрачнаго. Новобрачный увертывается отъ пріятелей и вбѣгаетъ въ гаремъ, въ дверяхъ котораго его встрѣчаетъ евнухъ съ факеломъ въ рукѣ. Посреди комнаты стоитъ его жена, еще окутанная непроницаемой вуалью,—онъ подбѣгаетъ къ ней и разрываетъ вуаль. Въ ту же минуту изъ двери выходитъ старушка и повелительнымъ жестомъ указываетъ новобрачному на коверъ. Этотъ жестъ означаетъ, что новобрачный долженъ прежде всего возблагодарить Аллаха за ниспосланное ему счастіе. «Есть за что благодарить», приходится сказать иногда турку злобно, и онъ, если не понравилась ему жена, прогоняетъ старуху и начинаетъ бранить несчастную новобрачную на чемъ свѣтъ за то, что та имѣла несчастіе ему не понравиться, проклинаетъ и сваху. И такъ иногда турокъ съ первой минуты начинаетъ думать, какъ бы ему отдѣлаться отъ своей жены. Потерпитъ ее два, три мѣсяца, а тамъ и разводъ. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда турчанка красива и нравится мужу въ первую минуту, это еще не обѣщаетъ ей счастья въ будущемъ. Не зная характера и привычекъ другъ друга, новобрачные скоро начинаютъ ссоры, во время которыхъ мужъ нерѣдко вразумляетъ жену звонкими пощечинами. Если новобрачная понравилась, она можетъ надѣяться, что мужъ не такъ скоро дастъ ей разводъ, и хотя возьметъ другую, третью, а можетъ быть и четвертую жену, все-таки пожалѣетъ ее и оставитъ при себѣ въ гаремѣ. Такъ происходятъ сватовство и свадьба у людей болѣе или менѣе зажиточныхъ.

Когда ребенокъ является на свѣтъ Божій, его тотчасъ стягиваютъ свивальникомъ, насколько возможно; на голову ему натягиваютъ красную, шелковую шапочку съ бисерною кистью, на шею вѣшаютъ амулетъ, въ которомъ зашитъ чеснокъ и стихи изъ корана,—послѣднее, чтобы предохранить отъ дурного глаза.

Главная забота предъ появленіемъ ребенка на свѣтъ — приготовить парадную постель для него и особенно для матери. Все, что есть цѣннаго въ домѣ, идетъ на украшеніе постели родильницы: газъ, шелкъ, золотыя вышивки, тончайшая кисея. Подушки сдѣланы изъ шелковой матеріи и покрыты газомъ съ тончайшими золо-

тыми вышивками. Нѣсколько одѣялъ, которыми покрываютъ въ это время мать,— одно богаче другого; ими драпируютъ больную такъ, что посѣтители могутъ видѣть каждое изъ нихъ. Богатыя турчанки въ это время покрываются стегаными одѣялами, иногда украшенными жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Несмотря, однако, на такія нарядныя покрывала, голова матери безобразно обвязана краснымъ шарфомъ съ кистью наверху, а въ углу комнаты торчитъ палка, на верхушкѣ которой прикрѣплена луковица — отъ дурного глаза. Когда одѣнутъ мать и ребенка, зовутъ имама, который даетъ новорожденному имя, избранное родителями, и шепчетъ ему то на одно, то на другое ухо молитвы.

Турки не имѣютъ фамилій, что же касается до именъ, то у нихъ ихъ также немного, такъ какъ число ихъ святыхъ мучениковъ, павшихъ за вѣру, — очень не велико. Поэтому каждый новорожденный получаетъ вмѣсто имени или какое-нибудь благочестивое прозвище, какъ это дѣлалось въ прошломъ столѣтіи и въ средніе вѣка у католиковъ, когда давали имена въ родѣ «живи честно» или «надѣйся на Бога», или, наконецъ, какое-нибудь другое названіе. Такъ какъ въ каждой мѣстности очень много людей съ одинаковыми именами, то, чтобы обозначить ту или другую личность, къ его имени прибавляютъ титулъ, его прозвище, а если этого недостаточно, то и мѣсто рожденія и даже имя отца, если только послѣдній пользовался какою-нибудь извѣстностью. Напр. Ибрагимъ изъ Визоки, или Арсланъ [1]) ага мостарскій [2]), сынъ Али-паши. Не имѣя фамиліи, мусульмане лишены, такъ сказать, и фамильной славы; только въ такихъ случаяхъ, когда человѣкъ низшаго происхожденія достигаетъ высокаго сана и значенія, его имя продолжаетъ жить въ памяти семьи и на родинѣ. Магометанскія женщины точно также получаютъ разныя прозвища, напр. «услужливая», «прекрасная», «благородная» Нѣсколько именъ взято изъ христіанскаго міра: Марія у турокъ Маріемъ.

Появленіе на свѣтъ Божій новаго человѣка сопряжено въ Турціи съ громадными издержками и хлопотами. Только что разнесется объ этомъ вѣсть, какъ множество посѣтительницъ въ первый же день спѣшатъ поздравить счастливую мать. Онѣ снимаютъ свои яшмаки и фередже въ передней и входятъ въ комнату больной: «да будетъ дитя многолѣтне и счастливо», привѣтствуютъ онѣ хозяйку и здороваются съ ней. Затѣмъ, оглянувшись въ сторону ребенка, плюютъ на полъ, и, наклоняясь къ малюткѣ, произносятъ привѣтствія въ родѣ слѣдующихъ: «фу, безобразный, упрямый, дрянной» и т. п. Такими любезностями осыпаютъ новорожденнаго, чтобы не навлечь подозрѣнія въ дурномъ глазѣ. Какъ только посѣтительницы усядутся, ихъ тотчасъ угощаютъ шербетомъ (питье изъ фруктовъ), конфектами, кофе и папиросами.

На другой день приготовляютъ огромное количество шербета, и бутылки его разсылаютъ друзьямъ и знакомымъ черезъ старуху, которая спеціально занимается разносомъ приглашеній на разныя церемоніи. Тотъ, кто получаетъ такую бутылку, долженъ явиться на *джеметъ*—празднество на третій день. На джеметъ собирается множество не только званыхъ гостей, но и незваныхъ, — всѣмъ открываютъ двери въ этотъ день, съ тою разницею только, что первыхъ угощаютъ обѣдомъ, а вторыхъ однимъ шербетомъ. Съ особеннымъ торжествомъ встрѣчаютъ хозяева знатныхъ посѣтителей, которые пріѣзжаютъ въ этотъ день толпами, окруженные цѣлою арміею слугъ. Позади многихъ посѣтительницъ, особенно если онѣ родственницы или въ

[1]) Арсланъ, т. е. левъ.
[2]) Мостарскій—изъ Мостара.

близкихъ отношеніяхъ къ хозяйкѣ, прислуга торжественно несетъ корзины съ лакомствами, пестро украшенныя цвѣтами, золотой бумагой и лентами.

По предписаніямъ корана, дѣтей нужно кормить грудью два года. Весь этотъ длинный періодъ турецкія женщины кормятъ сами своихъ дѣтей. Въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ нанимаютъ кормилицъ, и то въ очень зажиточныхъ семействахъ.

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ БОГАТЫХЪ ТУРОКЪ.

Турецкіе дома и ихъ убранство.—Гаремликъ и селямликъ.—Пища.—Пріемъ гостей.

Въ домахъ своихъ турки, какъ вездѣ и во всемъ, предпочитаютъ комфортъ изяществу и красотѣ убранства. Но наше понятіе объ удобствѣ совсѣмъ не то, что у турка. Тамъ все, что мало-мальски можетъ понѣжить тѣло, дать ему возможность безъ всякой мысли провести нѣсколько минутъ, доведено до высокой степени совершенства. Болѣе или менѣе зажиточный домъ турка обыкновенно раздѣляется на двѣ половины: одна предназначается для мужчинъ—*селямликъ*, въ другой—гаремъ, женское отдѣленіе, которое въ Турціи представляетъ совершенно отдѣльную часть дома и соединяется галлереею съ комнатами, въ которыхъ живутъ мужчины. Это одно уже доказываетъ, какъ много у нихъ комнатъ,—имъ иначе и нельзя. У нихъ обыкновенно нѣсколько женъ и при нихъ множество прислужницъ, да и у мужчинъ пропасть прислуги равнаго рода: варильщикъ кофе или *каведжи*; *чубукчи*, подъ вѣдѣніемъ котораго находятся курительныя принадлежности хозяина; особый *привратникъ*, вся обязанность котораго заключается въ томъ, чтобы отворять двери. У знатныхъ турецкихъ вельможъ бываетъ по цѣлой дюжинѣ этихъ *чубукчи* и *каведжи*, и въ такихъ случаяхъ тутъ есть всегда главный, который распоряжается другими, имѣетъ особую комнату и называется *каведжи-баши*, *чубукчи-баши*.

Меблировка турецкаго дома состоитъ изъ ковровъ и дивановъ. Вы здѣсь не найдете ни столовъ, ни стульевъ. Причина отсутствія такой, по мнѣнію европейца, необходимой мебели понятна. Сидя за столомъ на стулѣ, будешь чувствовать жесткость дерева, да и сидѣть приходится болѣе или менѣе прямо. Совсѣмъ иначе располагаются турки на своихъ низкихъ софахъ (диванахъ), которыя стоятъ обыкновенно у стѣнъ каждой комнаты. На нихъ турокъ располагается очень удобно, поджавъ подъ себя ноги, полулежа и облокотившись на мягкія подушки. Такимъ образомъ онъ избѣгаетъ всякаго безпокойства. По этой же самой причинѣ ни одинъ изъ нихъ никогда бы не вынесъ нашихъ паркетовъ. Полъ у нихъ всегда покрытъ цыновкой или мягкимъ ковромъ, чтобы хозяина не тревожилъ шумъ шаговъ, чтобы нога его не утомлялась ощущеніемъ жесткаго дерева. Обутъ онъ всегда въ тонкія, легкія туфли и, слѣдовательно, не чувствуетъ жесткой кожи сапога. И не только дома у себя онъ наслаждается всѣми этими благами: куда ни пойдетъ, его будетъ окружать тотъ же комфортъ. Катается ли онъ по Босфору,—въ каикѣ своемъ онъ утопаетъ въ мягкихъ подушкахъ; скачетъ ли онъ верхомъ на жеребцѣ,—и тутъ сидитъ на мягкомъ сѣдлѣ, какъ въ креслѣ, а если вздумается ему подышать чистымъ воздухомъ отдохнуть гдѣ-нибудь подъ тѣнистымъ деревомъ, неподалеку отъ фонтана или среди своихъ роскошныхъ цвѣтниковъ, сколько ковровъ, сколько подушекъ и сафьянныхъ тюфяковъ должны сперва разостлать ему рабы. Вздумалось ему для того же кейфа ѣхать за нѣсколько верстъ,—и всѣ его чубукчи, каведжи, подушки и ковры тоже ѣдутъ вмѣстѣ съ нимъ.

Чубукъ, изъ котораго знатный турокъ будетъ курить, опрыскиваютъ водою, чтобы дымъ былъ свѣжѣе и прохладнѣе, и несутъ на прогулку въ шелковомъ чехлѣ. Да иначе и нельзя: на трубкахъ сосредоточенъ не только весь изящный вкусъ турка, но въ большинствѣ случаевъ и огромная часть его богатства. По мѣрѣ того, какъ падаетъ воинственный духъ турка, на украшеніе чубуковъ все больше употребляютъ золота и камней, которые прежде шли на оружіе. У нѣкоторыхъ, кромѣ янтарныхъ мундштуковъ, убранныхъ эмалью, кораллами и драгоцѣнными камнями, самыя даже трубки покрыты настоящей позолотой и усыпаны алмазами. У самыхъ богатыхъ, вмѣсто простого чубука, слуга несетъ въ сафьянномъ футлярѣ великолѣпный кальянъ или трубку, изъ которой курятъ крѣпкій табакъ, пропуская его черезъ воду, налитую въ золоченыя наргилэ (такъ называются вазы, которыя служатъ въ этихъ случаяхъ для кальяна). Но возвратимся къ описанію дома.

Конакъ, или домъ зажиточнаго турка,—зданіе неправильной формы, совершенно лишенное европейскаго комфорта, состоящее изъ двухъ этажей; жилыя комнаты, какъ въ гаремѣ, такъ и въ селямликѣ, убраны диванами, которые тянутся по стѣнамъ. Турки не употребляютъ кроватей: они спятъ или на софахъ, или матрацы на ночь стелятъ прямо на полъ, а на день убираютъ ихъ въ шкафы, устроенные въ стѣнахъ комнаты. Сами по себѣ стѣны совсѣмъ голыя, ничѣмъ не украшены, только выбѣлены известкой. Въ наиболѣе богатыхъ жилищахъ, въ одной изъ лучшихъ комнатъ, кромѣ турецкихъ дивановъ, вы найдете и небольшой диванчикъ европейскаго фасона, нѣсколько креселъ, столикъ со стѣннымъ зеркаломъ, украшенный парою лампъ. Но вообще обстановка даже самыхъ богатыхъ турецкихъ жилищъ, съ точки зрѣнія европейца, очень не уютная, неприглядная и не комфортабельная. Вы не найдете въ нихъ даже той восточной роскоши, о которой вообще ходятъ преувеличенныя розсказни. Хотя въ нѣкоторыхъ домахъ можно видѣть прекрасный фарфоръ, дорогое старинное оружіе и цѣнныя вещи, которыми можно было бы украсить комнаты, но у турокъ все это уложено въ сундукахъ. Особенно некрасиво и неудобно расположены окна въ турецкихъ жилищахъ: они пробиты въ стѣнахъ со всѣхъ сторонъ и на очень близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Трудно исчислить всѣ неудобства отъ такого множества оконъ и отъ страннаго ихъ расположенія: лѣтомъ яркіе лучи солнца проникаютъ въ комнату со всѣхъ сторонъ, а зимою отовсюду пронизываетъ сквозной вѣтеръ.

Турокъ обѣдаетъ или съ одной изъ своихъ женъ, или отдѣльно на своей половинѣ, въ селямликѣ. Когда у кого-нибудь изъ супруговъ есть гости, каждый обѣдаетъ на своей половинѣ. Послѣдуемъ за хозяиномъ въ селямликъ. Когда гости собрались, слуга входитъ въ комнату, смежную съ кухнею и предназначенную для пріема кушаній отъ повара. Онъ ставитъ на подносъ сразу всѣ четыре, шесть, а иногда и восемь блюдъ въ плоскихъ сосудахъ въ видѣ чашъ, кладетъ нѣсколько деревянныхъ ложекъ по числу обѣдающихъ и хлѣбъ, испеченный безъ дрожжей, и все это ставитъ на скамейку, или, точнѣе сказать, на треножникъ, который и вноситъ въ комнату своего господина. Хозяинъ вмѣстѣ съ гостями размѣщаются вокругъ скамейки съ подносомъ и садятся на полъ, покрытый ковромъ, поджавъ подъ себя ноги. Одинъ изъ слугъ кладетъ на колѣни сидящихъ длинное полотенце. За обѣдомъ не существуетъ ни ножей, ни вилокъ: хлѣбъ ломаютъ, мясо раздираютъ и ѣдятъ руками. Прежде чѣмъ приняться за супъ, хозяинъ произноситъ обычное «прошу», и тогда всѣ начинаютъ ѣсть изъ одной и той же чаши. Только тогда, когда всѣ положатъ ложки на подносъ, въ знакъ того, что не хотятъ болѣе того же кушанья, чашку съ супомъ снимаютъ и принимаются за другое. Такимъ образомъ,

почти безъ всякихъ разговоровъ, уничтожается кушанье за кушаньемъ. Порядокъ блюдъ обыкновенно такой: сначала супъ, затѣмъ овощи, потомъ мясныя кушанья; послѣ этого «питта», мучное кушанье, приготовленное въ видѣ лепешки, и, наконецъ, *пилавъ*—кушанье изъ риса. Творогъ служитъ ежедневною пищею. Пьютъ фруктовый квасъ въ большихъ красивыхъ чашахъ. Послѣ обѣда подаютъ халву—любимое угощеніе мусульманина. Одинъ или двое босоногихъ слугъ, въ почтительныхъ позахъ, стоятъ въ комнатѣ, гдѣ обѣдаютъ, для исполненія приказаній господина. Когда обѣдъ оконченъ, подносъ уносятъ, и черезъ нѣсколько минутъ слуга является снова и несетъ мѣдную чашу съ кружкой, наполненную водой. Сначала онъ подаетъ мыться гостямъ, а потомъ хозяину. Всѣ моютъ руки, смачиваютъ уши, а иногда и глаза, вытираются поданнымъ полотенцемъ, и хозяинъ дома приглашаетъ гостей сѣсть на диваны. Когда всѣ размѣстились, снова являются двое слугъ, изъ которыхъ одинъ несетъ чашу, гдѣ находится необходимое число блюдечекъ съ маленькими чашками, напоминающими наши рюмки для яицъ, и съ кофейникомъ. Другой слуга снимаетъ полотенце, которымъ покрыты чашки, наливаетъ въ нихъ кофе безъ сахара и подаетъ ихъ присутствующимъ, прижимая при этомъ каждый разъ лѣвую руку къ сердцу въ знакъ того, что онъ, по порученію своего господина, предлагаетъ угощеніе отъ всего сердца. Послѣ кофе подаютъ нерѣдко рагатъ-лу-кумъ и вареные въ сахарѣ фрукты. Во время дессерта, а иногда и послѣ него, приносятъ трубки.

Въ высшей степени оригинально принимаютъ турки своихъ гостей. Когда мусульманинъ приходитъ къ равному себѣ по положенію, объ немъ тотчасъ докладываетъ слуга, находящійся въ передней. Когда посѣтитель сниметъ туфли или калоши, его вводятъ въ пріемную, гдѣ находится хозяинъ. Вошедшій прикладываетъ правую руку къ сердцу, ко рту и ко лбу (это означаетъ, что онъ того, кому кланяется, носитъ въ сердцѣ и въ умѣ и всюду будетъ говорить ему похвалу); затѣмъ, не говоря ни слова, опускается на диванъ или на подушку, лежащую на полу. Чѣмъ знатнѣе лицо, къ которому вошелъ гость, тѣмъ глубже будетъ поклонъ; бѣднякъ или проситель опускаетъ сначала руку до земли, а потомъ крѣпко прижимаетъ ее къ сердцу, желая этимъ выразить, что онъ хотѣлъ бы также прижать къ своему сердцу того, кому кланяется. Когда гость и хозяинъ усѣлись, опять нужно въ точности исполнить извѣстный этикетъ: если оба лица, сидящія другъ передъ другомъ, одинаковаго положенія, хозяинъ первый начинаетъ разговоръ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда ихъ положеніе неравное, начинаетъ разговоръ болѣе знатный.

ОБРАЗОВАНІЕ.

Обученіе въ первоначальныхъ, среднихъ и высшихъ школахъ.—Университетъ.—Турецкіе студенты, профессора и доктора.—Библіотеки и книжное дѣло.—Суевѣрія народа.

Наружность турецкаго мальчика, пока безсмысленное заучиваніе корана наизусть не притупитъ его умственныхъ силъ, весьма привлекательна, хотя въ его характерѣ совсѣмъ нѣтъ рѣзвости и живости, свойственныхъ его сверстникамъ въ другихъ странахъ: его большіе, круглые глаза вдумчиво всматриваются въ окружающій міръ; крупныя черты его лица очень выразительны.

Когда мальчикъ изъ богатой семьи подрастетъ, его отдаютъ подъ надзоръ хаджи или воспитателя, который учитъ ребенка читать, заставляетъ его наизусть затверживать коранъ, молитвы и обучаетъ всѣмъ религіознымъ обрядамъ и церемоніямъ.

Люди богатые и знатные обращаютъ серьезное вниманіе и на то, чтобы ихъ дѣти были обучены искусству сочинять письма цвѣтистымъ, напыщеннымъ слогомъ, чтобы они умѣли не только красиво ихъ переписывать, но и складывать, чтобы они свой высокопарный языкъ въ разговорѣ умѣли пересыпать текстами изъ корана. Воспитатель долженъ также заботиться о томъ, чтобы привить ученику учтивость, которая, впрочемъ, болѣе всего смахиваетъ на лицемѣріе; при встрѣчахъ и на пріемахъ каждый добропорядочный турокъ долженъ умѣть соблюдать массу различныхъ церемоній. Чѣмъ знатнѣе лицо, съ которымъ встрѣтился молодой человѣкъ, тѣмъ униженнѣе и болѣе рабски долженъ онъ засвидѣтельствовать ему свое почтеніе. Вмѣсто «я» онъ долженъ говорить «твой холопъ», «твой слуга», «твой рабъ», «пыль твоихъ подошвъ». Для второго лица употребляютъ выраженія въ родѣ: «твоя высокая особа», «твоя сіятельная особа». Воспитанный молодой человѣкъ долженъ тонко понимать различіе, какъ кланяться высшимъ и низшимъ, и множество другихъ правилъ, безъ которыхъ нельзя считаться образованнымъ туркомъ. На образованіе дѣвочекъ не обращаютъ никакого вниманія, что же касается ихъ воспитанія, то о немъ будетъ сказано ниже.

Люди низшихъ классовъ, а теперь часто даже и богатые, стараются отдавать своихъ дѣтей въ школы. Хотя турецкія школы до сихъ поръ были болѣе чѣмъ неудовлетворительны, но нужно помнить, что на такомъ же низкомъ уровнѣ развитія находилось народное образованіе въ большей части европейскихъ странъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Вся разница въ томъ, что народное образованіе въ другихъ европейскихъ государствахъ далеко ушло впередъ за послѣднее пятидесятилѣтіе, тогда какъ въ Турціи за это время оно не сдѣлало ни малѣйшихъ успѣховъ. Все обученіе въ турецкихъ школахъ, какъ и въ прежнее время, основано на затверживаніи наизусть догматовъ магометанской религіи; даже свѣтскія науки преподаютъ въ нихъ такъ, что онѣ скорѣе притупляютъ умственныя способности, чѣмъ развиваютъ ихъ. Во всякомъ случаѣ всѣ турецкія школы, какъ высшія, такъ и низшія, не уничтожаютъ темноты народа, не просвѣтляютъ его ума, не облагораживаютъ сердца, а лишь умножаютъ предразсудки.

Въ первоначальныя школы отдаютъ очень маленькихъ дѣтей шести, семи и не старше восьми лѣтъ. Они начинаютъ здѣсь учиться азбукѣ по-турецки и по-арабски, и когда начинаютъ разбирать слова, ихъ заставляютъ уже зазубривать коранъ. Эти школы даютъ своимъ воспитанникамъ право, по окончаніи въ нихъ курса, на занятіе мелкихъ канцелярскихъ должностей.

Внѣшній видъ турецкихъ школъ болѣе или менѣе одинаковъ. Это прежде всего большая и свѣтлая комната, въ которой бросается въ глаза высокое сидѣнье для учителя. По стѣнамъ, а иногда и въ серединѣ комнаты, стоятъ скамейки съ наклонными столами. Хотя въ большей части турецкихъ школъ скамьи устроены теперь по-европейски, но ученики не могутъ привыкнуть сидѣть на нихъ, а все садятся на полъ, покрытый цыновкой или овечьей шкурой, и, какъ ихъ отцы, пишутъ, кладя бумагу на колѣни.

Въ первоначальныхъ школахъ дѣти остаются по 5-ти—6-ти лѣтъ. Если родители думаютъ, что ихъ дѣти способны къ «ученой мудрости», то по окончаніи обученія здѣсь ихъ отдаютъ въ школы, имѣющія значеніе среднеучебныхъ заведеній и которыя называются *рушдійе*; въ нихъ принимаютъ 12-ти—13-ти лѣтнихъ мальчугановъ.

Въ *рушдійе* программа обученія нѣсколько расширена: дѣти учатся здѣсь читать и писать, первымъ правиламъ ариѳметики и географіи. Но что же они дѣлали въ продолженіе 5 ти, 6-ти лѣтъ въ первоначальной школѣ? Они выучились тамъ

нѣсколько разбирать турецкую и арабскую грамоту и затѣмъ все время убили на зубреніе корана. Они поступили въ *рушдійе*, не умѣя правильно писать, не получивъ ни малѣйшаго понятія о числѣ, не зная объяснить ни одного, самаго обычнаго явленія природы.

Въ *рушдійе* мальчики остаются по 4 и 5-ти лѣтъ и во все это время, научившись нѣсколько писать и рѣшать самыя несложныя ариѳметическія задачи, совершенствуются въ знаніи корана. Окончивъ курсъ въ этомъ заведеніи въ 16 — 17-ть лѣтъ, юноша не только обязанъ знать наизусть коранъ, но и безъ запинки отвѣчать на вопросы въ родѣ слѣдующихъ: на какой строчкѣ и на какой страницѣ написанъ тотъ или другой стихъ корана. Произойти такую мудрость весьма не легко, такъ какъ коранъ состоитъ изъ главъ и стиховъ, собранныхъ безъ всякаго логическаго порядка. Если ученикъ выдерживаетъ такой экзаменъ, то, даже и не продолжая далѣе своихъ занятій, онъ пользуется большимъ уваженіемъ, всѣ считаютъ его ученымъ, родители и родственники дѣлаютъ ему подарки. Не смотря на то, что молодой человѣкъ, окончившій курсъ въ *рушдійе*, пользуется такимъ почетомъ въ обществѣ, въ этихъ школахъ, какъ и во всѣхъ первоначальныхъ, учениковъ за лѣнь и невниманіе наказываютъ палками. Но такъ какъ учитель, какъ истый турокъ, лѣнивъ, то для наказанія учениковъ существуютъ чрезвычайно длинныя палки, которыми учителя и бьютъ провинившихся, не трогаясь съ мѣста.

Если молодой человѣкъ, окончившій курсъ въ *рушдійе*, хочетъ посвятить себя духовному званію или сдѣлаться судьею, онъ начинаетъ подготовляться къ тому или другому званію очень усидчиво, просиживая иногда цѣлые дни. Однако, подготовка эта состоитъ исключительно въ переписываніи корана. Когда онъ напрактикуется въ этомъ такъ, что почеркъ его становится четкимъ и красивымъ, то всѣ окружающіе мало по малу начинаютъ называть его *эффенди* (господинъ, ученый). Впрочемъ, этимъ титуломъ называютъ всѣхъ, кто имѣетъ болѣе или менѣе приличный видъ.

Выше *рушдійе* стоятъ *медресэ*, или школы при мечетяхъ, гдѣ обучаютъ турецкому, арабскому и персидскому языкамъ, а также философіи, богословію и исторіи. Константинопольскіе *медресэ* при мечетяхъ нѣсколько напоминаютъ наши семинаріи давнопрошедшихъ временъ: та же безтолковая, многолѣтняя зубрежка учебниковъ, та же бурсацкая неуклюжесть и своеобразная типичность воспитанниковъ. Порядокъ ученія, впрочемъ, еще безобразнѣе: софты (студенты) поочередно штудируютъ по одному предмету и не покидаютъ учебника до тѣхъ поръ, пока не выучатъ его отъ крышки до крышки, и тогда уже принимаются за другой. Софты, окончивъ ученіе въ *медресэ*, могутъ, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, занимать должности имамовъ, школьныхъ учителей и др.

Кромѣ этихъ общественныхъ школъ, доступныхъ безразлично для всѣхъ мусульманъ, есть еще спеціальныя школы; но говорить о каждой изъ нихъ особо не позволяютъ размѣры книги, а потому я дамъ лишь нѣкоторое понятіе о школѣ для докторовъ, какъ наиболѣе важной изъ нихъ.

Медицинская школа была основана въ началѣ нынѣшняго столѣтія и сперва достигала своей цѣли, такъ какъ была подъ руководствомъ образованныхъ и опытныхъ нѣмецкихъ ученыхъ. Но это продолжалось недолго, и скоро школа эта пришла въ совершеннѣйшій упадокъ: нѣмецкіе ученые были замѣнены невѣжественными туземными учителями, которые никогда не учились никакимъ медицинскимъ наукамъ. Въ такомъ же положеніи находится медицинская школа турокъ и въ настоящее время. Поэтому турецкіе доктора выходятъ не только не имѣющими никакихъ медицинскихъ знаній, но круглыми невѣждами, которые лѣчатъ народъ нашептываніемъ, заговорами,

талисманами. Понятіе о медицинскихъ наукахъ, даже въ самыхъ образованныхъ классахъ Турціи, не лучше, чѣмъ у того паши, который, захворавъ, пригласилъ пятерыхъ докторовъ и принялъ заразъ всѣ пять прописанныхъ ими лѣкарствъ. Одинъ англійскій докторъ, пріѣхавъ въ Константинополь, долженъ былъ тамъ остаться на нѣкоторое время. Не смотря на свою извѣстность на родинѣ и на совершенный недостатокъ хорошихъ врачей въ Константинополѣ, онъ не могъ получить здѣсь никакой практики. Тогда онъ рѣшился сыграть такую комедію. Однажды онъ важно вошелъ въ кофейню, наполненную народомъ, въ сопровожденіи своего пріятеля, хорошо говорившаго по турецки. Онъ съ ученымъ видомъ усѣлся на скамьѣ, а его пріятель, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, принявъ торжественный видъ и указывая на него сидящимъ въ кофейнѣ, сталъ исчислять его заслуги: «на-дняхъ», заговорилъ онъ, «этотъ достопочтенный *хекимъ* (мудрецъ), цвѣтъ мудрецовъ всѣхъ гяуровъ, вылѣчилъ въ присутствіи тысячи свидѣтелей почти умирающаго эффенди: онъ извлекъ изъ груди больного легкое, очистилъ его отъ всѣхъ поврежденій, положилъ назадъ, и на другой день эффенди былъ въ вожделѣнномъ здравіи, за что тотъ и наградилъ его пятью мѣшками золота». Одинъ изъ слушателей тотчасъ всталъ и сказалъ: «гяуръ, иди за мной». Такимъ образомъ англійскій врачъ скоро получилъ большую практику. Всѣ доктора, которымъ приходилось практиковать въ Турціи, утверждаютъ, что для того, чтобы возбудить довѣріе больного турка, необходимо передъ нимъ что-нибудь пошептать или сдѣлать нѣсколько знаковъ, говорящихъ объ умѣньѣ доктора ворожить, иначе онъ никогда не повѣритъ ни его знаніямъ, ни его медицинской опытности.

Теперь многіе софты, кончившіе курсъ въ *медресэ*, вступаютъ еще въ турецкій университетъ, на которомъ красуется надпись: «домъ наукъ». Науки въ этомъ турецкомъ университетѣ читаютъ или, правильнѣе будетъ сказать, преподаютъ въ такомъ видѣ и объемѣ, какъ это дѣлаютъ у насъ въ младшихъ классахъ нашихъ средне-учебныхъ заведеній. Напримѣръ, университетское преподаваніе географіи состоитъ въ томъ, что профессоръ вызываетъ къ доскѣ студентовъ, какъ настоящихъ школьниковъ, и заставляетъ ихъ чертить земную орбиту и опредѣлять положеніе земли по отношенію къ солнцу. Нужно помнить, что эти знанія преподаются въ университетѣ людямъ, кончившимъ курсъ въ медресахъ—высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Турціи, гдѣ юноши называются уже студентами. Къ тому же эти студенты, прежде чѣмъ вступить въ университетъ, уже учились въ разныхъ школахъ среднимъ числомъ лѣтъ 15, и въ «домѣ науки» сидятъ нерѣдко люди 30-ти и болѣе лѣтъ. Лекціи по языку читаются такъ же элементарно, какъ и географія: профессоръ вызываетъ студентовъ къ доскѣ и заставляетъ ихъ писать подъ диктовку и дѣлать разборъ словъ и предложеній. Студенты пишутъ чрезвычайно неправильно и плохо знаютъ турецкую грамматику. Профессора, преисполненные необыкновенной важности, совсѣмъ не церемонятся съ своими слушателями: если они не умѣютъ отвѣтить на заданный вопросъ или плохо справляются съ своею задачею, профессора осыпаютъ ихъ чувствительными упреками за незнаніе и приказываютъ записывать то, что диктуютъ; если одинъ изъ студентовъ задумаетъ почему нибудь выйти изъ аудиторіи, профессоръ останавливаетъ его, спрашиваетъ, куда и зачѣмъ тотъ идетъ, а то и приказываетъ ему возвратиться на свое мѣсто, чему каждый студентъ безпрекословно повинуется.

Но прежде всего въ турецкомъ университетѣ преподаютъ науки, которыя испоконъ вѣка составляютъ курсъ высшихъ мусульманскихъ школъ, каковы: коранъ и его толкованіе, преданія съ толкованіями, арабская грамматика, логика. Всѣ учебники по этимъ предметамъ написаны въ пышныхъ, высокопарныхъ, безсмысленныхъ фразахъ и, разумѣется, нисколько не расширяютъ кругозоръ турецкаго юношества.

Окончивъ высшее образованіе, турецкій юноша знаетъ наизусть много мѣстъ изъ корана, бѣгло читаетъ и пишетъ, но точно такъ-же, какъ и при домашнемъ воспитаніи, не становится ни болѣе образованнымъ, ни болѣе развитымъ. Общество сверстниковъ, какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ школахъ, не развиваетъ въ юношѣ ни любви къ чтенію, ни любознательности. Турецкіе софты (студенты) — истинные сыны своей родины. Какъ и вся турецкая молодежь, они не обнаруживаютъ ни страсти къ наукѣ, ни любви къ серьезному чтенію, ни благородныхъ и горячихъ порывовъ: они далеки отъ мечты приносить въ будущемъ пользу обществу, къ чему стремится лучшая часть молодежи всѣхъ европейскихъ университетовъ. Тупо, вяло, безцвѣтно проводятъ они свою студенческую жизнь, зубря коранъ, похаживая ровнымъ шагомъ и переваливаясь съ ноги на ногу, а еще чаще сидятъ въ углу и, держа книгу на колѣняхъ, уставятся въ какую-нибудь одну точку, заткнутъ уши и зубрятъ, зубрятъ безъ конца. Они никогда не собираются вмѣстѣ, чтобы прочесть сообща какое-нибудь научное или серьезное сочиненіе, никогда не поднимаютъ между собой горячихъ споровъ, не ставятъ другъ другу никакихъ научныхъ вопросовъ. Ихъ сомнѣніе касается лишь одного предмета: имѣлъ ли основаніе Магометъ запретить употребленіе вина, и они высказываются въ томъ смыслѣ, что это было необходимо только въ то время, когда жилъ пророкъ, но что теперь въ этомъ нѣтъ нужды, и, не опасаясь возмездія Аллаха, изрядно потягиваютъ спиртные напитки.

Библіотеки въ Турціи обязаны своимъ учрежденіемъ не правительству, а составляютъ особый видъ богоугодной благотворительности частныхъ лицъ на пользу общую, ради спасенія своей души. Оттого и на самыхъ книгахъ обыкновенно надписано, что это приношеніе такого то. Большинство книгъ въ библіотекахъ рукописныя, и очень немного печатныхъ. Даже кабинеты для чтенія въ Стамбулѣ, и тѣ, за исключеніемъ газетъ, имѣютъ рукописныя сочиненія, хотя нѣкоторыя изъ нихъ уже давно существуютъ въ печати. Печатная книга въ глазахъ турка не имѣетъ такого значенія, какъ рукопись.

«Библіотеки посѣщаются болѣе всего студентами. Одни изъ нихъ занимаются здѣсь штудированіемъ задаваемыхъ имъ уроковъ, которые состоятъ въ изученіи манускриптовъ и задалбливаніи различныхъ толкованій на тексты корана и на «хадисы», преданія; другіе приходятъ за какими-нибудь справками для своихъ ученыхъ работъ, состоящихъ обыкновенно въ компилированіи и перецѣживаніи прежнихъ многословныхъ разглагольствованій и толкованій касательно теологическихъ предметовъ.

Весьма забавна картина читающей публики, если посмотришь со стороны: одинъ сидитъ, другой лежитъ на спинѣ, третій—уткнувшись носомъ въ книгу. Иной, должно быть увлекшись интереснымъ чтеніемъ, заснулъ сладчайшимъ сномъ; наконецъ, каждый изъ посѣтителей непремѣнно хоть разъ продѣлаетъ обрядъ омовенія и совершитъ намазъ. Для этой цѣли у одной стѣны на веревочкѣ виситъ полотенце, и правовѣрные, утершись имъ, передъ нимъ же творятъ и молитвенные поклоны. Нѣкоторые исполняютъ обрядъ этотъ совершенно механически, потому что зачастую, шепча про себя молитву, въ то же время глазѣютъ по сторонамъ и даже пересмѣиваются съ сосѣдями».

Въ Константинополѣ не только нѣтъ большихъ книжныхъ магазиновъ, но даже очень мало маленькихъ книжныхъ лавокъ, которыя бы исключительно были заняты книгами. Обыкновенно продажа книгъ соединяется съ продажею табаку. На первомъ планѣ въ такой лавкѣ стоятъ мѣшки съ табакомъ, а гдѣ-нибудь въ уголку или на верхнихъ полкахъ лежатъ кучками книги.

У турокъ не издается журналовъ, а всѣ сочиненія выходятъ отдѣльными кни-

гами. Всѣ повѣсти, стихи и другія беллетристическія произведенія носятъ отпечатокъ самой дѣтской мысли и самаго узкаго кругозора, хотя нѣкоторыя изъ нихъ написаны чрезвычайно легко; наиболѣе удачныя изъ нихъ тѣ, которыя носятъ печать юмора. Научныхъ оригинальныхъ сочиненій у турокъ вовсе нѣтъ.

Если у турокъ не издается журналовъ, зато много газетъ, и въ особенности сатирическихъ листковъ. Впрочемъ, послѣдніе какъ внезапно появляются, такъ и быстро исчезаютъ; многіе изъ нихъ существуютъ только нѣсколько дней. Предметомъ насмѣшекъ сатирическихъ листковъ служатъ обыкновенно дамскія моды, такъ какъ многія турчанки начали наряжаться теперь въ парижскіе туалеты, и внѣшнее подражаніе турецкой молодежи европейскимъ нравамъ, обычаямъ и манерамъ съ каждымъ днемъ принимаетъ все болѣе широкіе размѣры.

Турки всѣхъ классовъ общества, какъ знатные, такъ и простые, какъ тѣ, которые окончили курсъ наукъ въ какой-нибудь школѣ, такъ и совершенно безграмотные, мужчины и женщины, старики и молодежь—народъ въ высшей степени суевѣрный. Самъ Магометъ былъ человѣкъ замѣчательно суевѣрный: въ самыхъ мелочныхъ фактахъ онъ видѣлъ добрыя или дурныя предзнаменованія, вѣрилъ въ сны, признавалъ злыхъ духовъ или джинновъ. Всѣ суевѣрія, какъ самого Магомета, такъ и его соотечественниковъ арабовъ, цѣликомъ перешли въ коранъ или, по крайней мѣрѣ, отразились въ немъ. Турки особенно боятся джинновъ—злыхъ духовъ, которые, по ихъ понятіямъ, могутъ причинить людямъ много вреда: они порождаютъ моръ и заразу, пожираютъ людей, производятъ пожары, могутъ помѣшать всякому дѣлу. Страхъ передъ джиннами такъ великъ, что онъ не разъ приводилъ въ волненіе цѣлыя магометанскія области. Не менѣе, чѣмъ вѣра въ джинновъ, распространенъ и страхъ дурного глаза: худѣетъ, болѣетъ человѣкъ, становится менѣе красивымъ, теряетъ аппетитъ, сонъ,—все это потому, что его сглазили. Чтобы обезопасить себя отъ дурного глаза, носятъ на груди различные амулеты, т.-е. ладонки, въ которыя зашиты священные для магометанъ предметы—тексты корана, камешки и др. мелочи, принесенныя изъ Мекки. Въ Турціи, какъ и въ другихъ магометанскихъ странахъ, вообще сильно распространена алхимія (суевѣрное исканіе тайны обращенія металловъ въ золото), астрологія (суевѣрное звѣздогаданіе, мнимое искусство предсказывать земныя событіи по взаимному положенію небесныхъ тѣлъ) и волшебство. Въ странѣ чрезвычайно много предсказателей судьбы, чародѣевъ и толкователей сновъ. Насчетъ толкованія сновъ имѣются огромныя сочиненія, которыя удостоиваются даже одобренія со стороны мусульманскихъ ученыхъ. За самыми ничтожными исключеніями, всѣ турки лѣчатъ болѣзни не медицинскими средствами, а нашептываніемъ и заговорами; почти всѣхъ камнямъ приписываютъ чудотворную силу.

КРЕСТЬЯНЕ.

Какого рода работу предпочитаетъ турецкій народъ. — Крестьяне и ихъ жизнь. — Полный упадокъ земледѣлія.

Турція, не смотря на потерю значительныхъ провинцій, еще обладаетъ обширными, плодородными землями, и ея земледѣліе служитъ главнымъ источникомъ благосостоянія страны и въ то же время единственнымъ средствомъ существованія огромной части населенія. Мало того, земледѣліе въ Турціи составляетъ почти единственный источникъ государственныхъ доходовъ, служитъ единственной основой торговли. Не смотря на это, турецкое простонародье не имѣетъ ни склонности, ни тяготѣнія къ

земледѣльческому труду. Турки изъ всѣхъ силъ отбиваются отъ физическаго труда, въ родѣ земледѣльческаго, ремесленнаго и фабричнаго. Отъ земледѣльческой и фабричной работы спину ломитъ, плечи ноютъ, руки устаютъ, а къ концу дня изломаетъ и всего человѣка,—турокъ этого не любитъ. А если между турками и попадается трудолюбивый земледѣлецъ, тяжелыя условія, среди которыхъ онъ живетъ, скоро отбиваютъ у него всякую любовь и охоту къ земледѣлію.

Турки уже съ конца XIV столѣтія начали мало-по-малу покорять христіанскіе народы Балканскаго полуострова. Сначала они завоевали единоплеменныхъ намъ славянъ—сербовъ и болгаръ и заставили румынъ платить себѣ дань. Но они не удовлетворились этими завоеваніями: ихъ султаны стали подумывать, какъ бы отнять у грековъ Византійскую имперію и сдѣлать главный ея городъ Константинополь (Царьградъ) своею столицей. И дѣйствительно, въ XV столѣтіи (въ 1453 г.) они привели въ исполненіе свое желаніе. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого турки покорили и всю Грецію. Съ тѣхъ поръ они стали владычествовать и сдѣлались господами-повелителями побѣжденныхъ христіанъ. Въ настоящемъ, т.-е. въ XIX столѣтіи, христіанскіе народы—румыны, греки, а также сербы и большая часть болгаръ—мало-по-малу освободились изъ-подъ турецкаго ига, но турки господствовали надъ христіанскими народами болѣе четырехсотъ лѣтъ. Въ продолженіе всего этого времени они жили трудами подвластныхъ имъ народовъ: христіане работали за нихъ, были ихъ рабами и кормильцами, а турки ихъ господами и повелителями. За четыре столѣтія своего господства надъ христіанами, турки совершенно облѣнились и привыкли избѣгать тяжелой физической работы. Вотъ потому то и до сихъ поръ, если обстоятельства заставляютъ турка трудомъ добывать себѣ пропитаніе, онъ всегда ищетъ такого занятія, гдѣ бы онъ могъ надзирать, распоряжаться, продавать что-нибудь, но всѣми силами старается избѣгать работы, которая могла бы утомить его руки и спину. Естественно, что къ земледѣлію и промысламъ у него менѣе всего лежитъ душа, и ими въ Турціи занимаются преимущественно подвластные султану народы. Та незначительная часть турецкихъ крестьянъ, которая живетъ въ сельскихъ округахъ Турціи и вынуждена прокармливать себя и свои семьи земледѣліемъ и ремеслами, живетъ въ страшной бѣдности. Это прежде всего видно по убогимъ, совсѣмъ разваливающимся хижинамъ, по нищенской одеждѣ обитателей и обитательницъ этихъ жилищъ.

Ужасная нищета турецкихъ крестьянъ происходитъ отъ все болѣе *усиливающихся и несправедливыхъ рекрутскихъ наборовъ*, отъ *ежегодно возрастающихъ налоговъ и податей*, отъ *возмутительно-неправильнаго и недобросовѣстнаго ихъ взиманія*, отъ всевозможныхъ *поборовъ* и *вымогательствъ*, которые вездѣ и всюду практикуются турецкими чиновниками.

Богатые турки и жители городовъ легко обходятъ рекрутскую повинность, а потому вся ея тяжесть падаетъ на наиболѣе покорную, бѣдную и беззащитную часть населенія, т.-е. на турецкихъ крестьянъ. Старикъ-хозяинъ, понадѣявшись на трехъ-четырехъ сыновей, обрабатываетъ и засѣваетъ довольно большой участокъ земли. Приходитъ время снимать жатву, и вдругъ у него берутъ въ солдаты всѣхъ его сыновей. Такіе примѣры здѣсь не рѣдкость. Хозяинъ съ женой, съ нѣсколькими дочерьми и двумя-тремя подростками не могутъ справиться и съ половиною хозяйства. Мало-по-малу они бросаютъ одинъ клочекъ земли за другимъ, поля глохнутъ, все разрушается. Еще болѣе тяжелымъ бременемъ на турецкихъ крестьянъ ложатся подати и налоги. Неправильный и несправедливый способъ взиманія податей и налоговъ вконецъ разоряетъ сельскій людъ. Для примѣра возьмемъ самый извѣстный изъ всѣхъ

поборовъ, «десятинный», названный такъ потому, что крестьяне должны отдавать десятую часть всѣхъ произведеній своей земли. Этотъ десятинный сборъ правительство отдаетъ въ аренду тому, кто ему болѣе заплатитъ за это право. Слѣдовательно, арендаторъ долженъ взять съ крестьянъ не только десятую часть произведеній, но и ту взятку, которую онъ уплатилъ, чтобы получить эту аренду, да и самъ онъ не захочетъ остаться съ пустыми руками. Но этого еще мало. Правительство каждый годъ медлитъ назначеніемъ арендаторовъ, постоянно выжидая, кто изъ нихъ больше дастъ за свое право. Между тѣмъ крестьянинъ не имѣетъ права свезти свое вымолоченное зерно въ амбаръ до тѣхъ поръ, пока съ него не будетъ взята десятина. Сжатый хлѣбъ остается на поляхъ неубраннымъ и, чтобы его не растаскали, ссыпается въ конусообразныя груды. Вслѣдствіе этого часто случается, что въ той или другой провинціи весь урожай пропадаетъ отъ дождя, и на такое вопіющее зло крестьянинъ не можетъ даже пожаловаться. Но вотъ, наконецъ, пріѣзжаетъ арендаторъ собирать десятину со множествомъ писарей, служителей, полицейскихъ. Правительство, правда, строго запрещаетъ арендаторамъ брать что-либо для себя и для своихъ служащихъ безплатно у крестьянъ, однако не было еще примѣра, чтобы такое приказаніе исполнялось. Арендаторъ поселяется въ такихъ случаяхъ въ деревнѣ, и крестьяне безплатно должны кормить его и его свиту. Безконечное горе и полное разореніе ждутъ тѣхъ крестьянъ, которые потребуютъ отъ арендатора платы за продовольствіе: онъ всегда найдетъ случай отомстить имъ за это. Отъ арендатора вполнѣ зависитъ брать десятинную подать натурою или деньгами, и въ этомъ онъ руководствуется исключительно своими личными интересами. Если онъ, вмѣсто зерна, требуетъ денегъ, то самъ произвольно назначаетъ цѣны на хлѣбъ. Однимъ словомъ, арендаторъ десятиннаго сбора—бичъ хлѣбопашца, и этотъ сборъ одна изъ самыхъ важныхъ причинъ запустѣнія деревень. Это сознаетъ и само правительство, но, съ одной стороны, не можетъ уничтожить его вслѣдствіе плохого состоянія своихъ финансовъ, съ другой—десятинный сборъ предписывается самимъ пророкомъ: уничтожая его, пришлось бы поколебать вѣру въ божественную силу корана.

Злоупотребленія, которымъ подвергаются земледѣльцы, просто неисчислимы. Когда у нѣкоторыхъ крестьянъ въ окрестностяхъ Константинополя масло выжато, но еще недостаточно чисто, чтобы поступить въ продажу, а у другихъ въ то время, когда шелковичные коконы уже готовы къ размоткѣ, чиновники разсылаютъ предписаніе о немедленной уплатѣ податей. Это дѣлается для того, что именно въ это время ни одинъ крестьянинъ не имѣетъ денегъ, а слѣдовательно не можетъ выполнить требованія. Придравшись къ этому, чиновники отнимаютъ у крестьянъ ихъ собственность и продаютъ ее ростовщикамъ. Если вырученныя деньги не покрываютъ податей, чиновники забираютъ у крестьянъ все, что найдутъ въ ихъ жалкихъ хатахъ: кухонную утварь, скотъ, земледѣльческія орудія. Гдѣ строятъ шоссе, плотины, желѣзныя дороги, тамъ все населеніе сгоняютъ на работу, въ видѣ натуральной повинности, не обращая вниманія на то, что изъ-за этого часто остается невоздѣланнымъ собственный земельный участокъ крестьянина.

Вся тягость государственныхъ налоговъ лежитъ на земледѣльцѣ, а незаконный способъ взиманія ихъ еще болѣе увеличиваетъ его нищету. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣкоторыя части Турціи испытывали жестокій неурожай, а холера и лихорадки косили людей, земледѣльцы, имѣвшіе полное право разсчитывать на помощь правительственныхъ властей, не видѣли отъ нихъ ничего, кромѣ жестокихъ притѣсненій. У народа, совершенно разореннаго эпидеміями и неурожаемъ, безъ жалости захватывали скотъ, орудія и домашнюю утварь и продавали все это для по-

полненія недоимокъ. Налоги же такъ велики, что составляютъ болѣе чѣмъ половину дохода земледѣльца, такъ что изъ той части, которая ему остается отъ уплаты податей, онъ и въ самый урожайный годъ едва можетъ прокормиться впроголодь.

Отдавая государству болѣе половины своего дохода, земледѣлецъ взамѣнъ этого не имѣетъ ни хорошихъ дорогъ, ни справедливаго суда. При этомъ не удивительно, что сельскіе жители часто бываютъ вынуждены въ бѣгствѣ искать спасенія отъ сборщика податей; при этомъ они или совсѣмъ бросаютъ свою землю, или переселяются въ городъ для какого-нибудь промысла, а то и просто для нищенства. Вотъ почему теперь обезлюдѣли многія земледѣльческія провинціи, множество плодороднѣйшихъ и прекрасно обработанныхъ прежде полей теперь остаются въ запустѣніи, тогда какъ города переполняются здоровыми, крѣпкими, способными къ труду и ничего не дѣлающими людьми. Высчитано, что теперь обрабатывается только десятая часть земель, остальныя девять десятыхъ представляютъ пустыню, которую никто не воздѣлываетъ, изъ которой никто ничего не извлекаетъ. Такимъ образомъ одна изъ прекраснѣйшихъ странъ въ мірѣ, Турецкая имперія, превратилась въ пустыню и вынуждена покупать за границею громадное количество хлѣба и другихъ земледѣльческихъ продуктовъ. Итакъ, богатѣйшая по плодородію страна, къ тому же съ рѣдкимъ населеніемъ, покупаетъ у иностранцевъ главныя произведенія сельскаго хозяйства, и населеніе этой благословенной страны испытываетъ жестокія лишенія и нищету.

Трудно представить существо болѣе несчастное, чѣмъ турецкій крестьянинъ: онъ не только живетъ впроголодь и въ жалкой хижинѣ, которую не имѣетъ средствъ поправить даже въ то время, когда она разваливается, но каждый можетъ его обидѣть, обобрать, снять съ него послѣднюю нищенскую рубашку. Онъ, конечно, можетъ подавать жалобу на обиды и притѣсненія, которымъ онъ подвергается, но опасается пользоваться этимъ правомъ: дадутъ-ли еще ходъ его жалобѣ, между тѣмъ особа, на которую онъ жалуется, можетъ бросить его въ тюрьму и держать его въ ней, сколько ему заблагоразсудится. Да и возможно-ли ему, несчастному турецкому крестьянину, добиться правосудія, когда человѣкъ, посадившій его въ тюрьму, — важный чиновникъ, вѣроятно, имѣетъ въ различныхъ министерствахъ и во дворцѣ султана могущественныхъ покровителей, которые не только не дадутъ никакого хода его дѣлу, а еще строже накажутъ его за продерзость.

При всѣхъ своихъ безконечныхъ несчастіяхъ, турецкій крестьянинъ существо въ высшей степени добродушное, замѣчательно покойное, безконечно терпѣливое, вполнѣ покорное, часто даже совсѣмъ угнетенное своими несчастіями. Теряя всѣхъ своихъ сыновей во время рекрутскаго набора, онъ горько жалуется на свою несчастную долю, но покорно подчиняется предписанію даже и въ то время, когда его сосѣдъ, болѣе чѣмъ онъ зажиточный, менѣе его страдаетъ отъ рекрутской повинности. Онъ горько сѣтуетъ и на разорительныя подати на безсовѣстныя взятки, но продаетъ весь свой хламъ до послѣдней нитки, чтобы уплатить все, что съ него требуется, а если еще и это не удовлетворяетъ чиновниковъ и сборщиковъ податей, онъ безропотно отсиживаетъ свой срокъ въ тюрьмѣ. Заговорите съ нимъ о чиновникахъ, съ которыми ему приходится имѣть дѣло, и онъ много поразскажетъ вамъ о ихъ возмутительномъ взяточничествѣ и недобросовѣстности. Не смотря на это, ему и въ голову никогда не придетъ оказать имъ неповиновеніе, подбить другихъ, такихъ же несчастныхъ и ограбленныхъ, какъ онъ самъ, на какое-нибудь сопротивленіе.

Турецкій крестьянинъ — человѣкъ худощавый, но красивый, статный, малоприхотливый и выносливый. У него не существуетъ, какъ у христіанскихъ его сосѣдей, ни сельскихъ праздниковъ, ни плясокъ. Такую грустную жизнь не ведетъ ни одинъ народъ

въ Европѣ. Его удовольствія и развлеченія ограничиваются трубкою и чашкою кофе. Онъ выпьетъ чашку кофе прежде, чѣмъ идти на работу, и вечеркомъ, а если то же самое ему удастся сдѣлать и среди дня, то онъ уже вполнѣ доволенъ. Работать нѣсколько часовъ сряду, ни разу не затянувшись изъ своего длиннаго чубука, онъ не въ силахъ и чувствуетъ себя на верху блаженства, когда ему удается растянуться подъ развѣсистымъ деревомъ и наслаждаться этимъ удовольствіемъ часъ-другой, покойно и медленно пуская облака дыма.

Жилище турецкаго крестьянина такъ же жалко внутри, какъ и снаружи: зимою въ немъ всегда очень холодно, а лѣтомъ слишкомъ жарко. Но, не смотря на это, вы съ удовольствіемъ проведете въ немъ нѣсколько часовъ: полъ всегда подметенъ, посуда вымыта, вездѣ чистота и порядокъ. Отпечатокъ нищеты, конечно, лежитъ на всемъ; кромѣ жалкихъ постельныхъ принадлежностей, вы найдете еще нѣсколько рогожекъ и кое-какую жалкую посуду,—болѣе этого здѣсь нѣтъ ничего.

Между женщинами очень часто попадаются красивыя, выразительныя лица, но по своему характеру онѣ ничѣмъ не отличаются отъ своихъ мужей и братьевъ: та же тупая покорность судьбѣ, апатія и совершенное отсутствіе какой бы то ни было предпріимчивости. Не смотря на постоянныя лишенія, даже тѣ турчанки, которыя живутъ близъ городовъ, почти никогда не пытаются улучшить свое положеніе поденной работой или какимъ-нибудь заработкомъ. Ихъ жизнь такъ же убійственно однообразна, какъ жизнь мужчинъ; онѣ вѣчно сидятъ дома, у нихъ не существуетъ ни посидѣлокъ, ни оживленныхъ собраній. Даже очень молодыя дѣвушки чрезвычайно рѣдко собираются для игръ и увеселеній. Только свадебные праздники нѣсколько нарушаютъ однообразіе ихъ жизни. Тутъ молоденькія дѣвушки поютъ пѣсни и забавляются разными играми; замужнія смотрятъ на нихъ и болтаютъ между собой.

Дѣвушки выходятъ замужъ очень рано за крестьянъ своей или близьлежащей деревни. Многоженство встрѣчается у турецкихъ крестьянъ какъ самое рѣдкое исключеніе. Большинство изъ нихъ говоритъ обыкновенно, что они слишкомъ бѣдны, чтобы имѣть нѣсколькихъ женъ, и слишкомъ заняты, чтобы разбирать дрязги, всегда возникающія тамъ, гдѣ въ одномъ домѣ живетъ нѣсколько женщинъ: вотъ потому-то у нихъ и не существуетъ такого отдѣленія одного пола отъ другого, какъ среди богатыхъ и знатныхъ турокъ.

СУЛТАНЪ И ПОЛОЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВА.

Дворцы.—Ихъ роскошь и убранство.—Жизнь въ сералѣ.—Времяпрепровожденіе султана.—Гаремъ во дворцѣ и происхожденіе его обитательницъ.—Воспитаніе принцевъ и принцессъ.— Отношеніе султана къ подданнымъ.— Управленіе страною.— Администрація.— Взяточничество.— Торговля и промышленность.— Денежныя дѣла государства.—Улемы и ихъ значеніе.—Конституція 1877 г.—Современное положеніе.

Въ окрестностяхъ Константинополя разбросано множество сералей, т.-е. дворцовъ. Нѣкоторые изъ нихъ выстроены на берегу Босфора, но, гдѣ-бы они ни находились, они возбуждаютъ удивленіе своею роскошью и чисто восточнымъ великолѣпіемъ, хотя теперь они приходятъ все въ большій упадокъ. Самымъ знаменитымъ изъ нихъ считаются Долма-Бахче и Беглеръ-Бей. Мебель въ турецкихъ дворцахъ и кіоскахъ заказываютъ въ Европѣ. При входѣ въ большинство сералей васъ ослѣпляетъ обиліе золотыхъ украшеній, золотой и серебряной парчи, великолѣпныхъ канделябръ и люстръ, громадныхъ зеркалъ въ богатой оправѣ, рѣзьбы и инкрустацій

на мебели. Но еще болѣе они отличаются своими роскошными садами. Дивная природа вокругъ довершаетъ волшебство. Горы, долины и ущелья, окружающія дворцы, покрыты лѣсомъ; мѣстами фруктовые сады и виноградники разнообразятъ пейзажъ. Въ другихъ мѣстахъ склоны холмовъ обвиты фантастическими узорами вьющагося плюща, перемежающагося съ болѣе яркою листвою другихъ растеній. Не даромъ эти серали, кіоски, яли или загородные дома, не уступающіе въ изяществѣ дворцамъ большихъ размѣровъ, стоили неимовѣрныхъ суммъ и, вмѣстѣ съ расходами на содержаніе султанскаго двора и на удовлетвореніе безумныхъ прихотей своихъ властителей, разорили казну и обременили ее неоплатными долгами.

Сераль, какъ и другія жилища зажиточныхъ турокъ, дѣлится на *гаремликъ*, или гаремъ, и *селямликъ;* въ гаремѣ живутъ жены султана и невольницы, въ селямликѣ султанъ принимаетъ должностныхъ лицъ и имѣетъ кабинеты для своихъ занятій. *Мабейномъ* называютъ рядъ комнатъ между двумя названными половинами. Сюда султанъ приходитъ въ своемъ утреннемъ костюмѣ: посидѣвъ здѣсь съ полчаса и принявъ рапорты отъ служащихъ, онъ отправляется въ свой кабинетъ заниматься дѣлами.

Въ гаремѣ каждаго султана обыкновенно живетъ отъ 1000 до 1500 женщинъ; нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ къ семейству самого султана, другія состоятъ при его матери—султаншѣ Валиде, третьи, наконецъ, при принцахъ крови. Эта толпа женщинъ всѣхъ званій и возрастовъ состоитъ изъ невольницъ, которыхъ привозятъ въ Турцію съ Кавказа, Грузіи, Абиссиніи и Аравіи. Эти женщины были проданы на своей родинѣ въ неволю своими безсердечными родственниками, нѣкоторыя изъ нихъ были похищены враждебными племенами и затѣмъ точно также проданы торговцамъ невольниками. Слѣдовательно, всѣ эти гаремныя затворницы сералей родились въ какихъ-нибудь убогихъ шалашахъ свирѣпыхъ полудикихъ племенъ, и потому онѣ совершенно невѣжественны и отличаются самыми грубыми суевѣріями. Попавъ въ молодости въ сераль, онѣ получаютъ воспитаніе, смотря по тому, къ чему предназначаютъ ихъ начальницы, спеціально для этой цѣли живущія въ сераляхъ. Особенно выдающихся своею красотою дѣвушекъ онѣ знакомятъ съ правилами турецкаго этикета, учатъ пѣть и играть на какомъ-нибудь инструментѣ, читать и писать на турецкомъ языкѣ. Когда султанша Валиде находитъ черезъ годъ или два, что та или другая особа достаточно успѣла въ изяществѣ манеръ, въ искусствѣ украшать себя и нѣсколько понимаетъ турецкій языкъ, она даритъ ее султану или какому-нибудь другому вельможѣ. Женщины менѣе красивыя предназначаются для услугъ, и ихъ тоже въ продолженіе нѣкотораго времени пріучаютъ къ различнымъ работамъ. Самое любопытное то, что турецкіе султаны, за двумя только исключеніями, никогда не вступали въ бракъ. Обыкновенно невольница, которую приближаетъ къ себѣ султанъ, тогда начинаетъ считаться его женою, когда у нея является на свѣтъ ребенокъ. Итакъ, турецкій султанъ обыкновенно бываетъ сыномъ рабыни. Первая жена султана называется Башъ-Кадынъ-Эффенди, и такъ каждая имѣетъ свое названіе. Невольницы, которыя, при наличности женъ, имѣютъ дѣтей отъ султана, носятъ титулъ «ханумъ», и дѣти ихъ точно также считаются законными и занимаютъ одинаковое положеніе съ остальными принцами и принцессами крови. Нерѣдко невольница, предназначенная для черныхъ работъ, обращаетъ на себя вниманіе повелителя; тогда онъ призываетъ къ себѣ надзирательницу гарема и извѣщаетъ ее объ этомъ. Та немедленно одѣваетъ избранную какъ можно изящнѣе и отводитъ ее къ султану, и жалкая судомойка сегодня—завтра можетъ пользоваться могуществомъ и вліяніемъ. Точно также быстро можетъ упасть любимая жена султана, которая

только что достигла верха могущества. Невольница, сдѣлавшись женою султана, получаетъ особое помѣщеніе, толпу невольницъ для прислуги, своихъ евнуховъ, экипажи и каики. Ей тотчасъ приносятъ множество нарядовъ, драгоцѣнные камни и заново убираютъ ея апартаменты. Ея подруги уже не смѣютъ обращаться съ ней, какъ съ равной: онѣ стоятъ передъ ней со сложенными на груди руками, цѣлуютъ подолъ ея платья и рабски исполняютъ малѣйшія ея приказанія. Единственная цѣль жизни турчанки, достигшей могущества,—сохранить свою красоту, которой она обязана своимъ возвышеніемъ.

Но какимъ бы почетомъ, значеніемъ и вліяніемъ ни пользовались любимыя жены, первое мѣсто между ними всегда занимаетъ мать султана—Валиде. Она пользуется помѣщеніемъ, самымъ близкимъ къ комнатамъ, занимаемымъ ея могущественнымъ сыномъ; при ней безчисленный штатъ невольницъ, ей оказываютъ глубочайшее вниманіе султанъ и всѣ высшія должностныя лица въ государствѣ. Мать султана обыкновенно вмѣшивается во всѣ государственныя дѣла, и ея гнѣвъ, даже для самыхъ высокопоставленныхъ лицъ, не менѣе опасенъ, чѣмъ немилость султана. Въ случаѣ, если бы у султана не было матери при вступленіи его на престолъ, мѣсто ея занимаетъ его кормилица, и это родство считается священнымъ въ глазахъ всѣхъ добрыхъ мусульманъ.

Въ прежнее время восточный костюмъ былъ обязательнымъ въ султанскомъ гаремѣ, но теперешнія обитательницы его одѣваются по европейской модѣ, обыкновенно носятъ чрезвычайно дорогіе туалеты, великолѣпные брилліанты и живутъ припѣваючи. Онѣ часто разъѣзжаютъ по гостямъ, посѣщаютъ базары и всевозможныя общественныя гулянья. Кромѣ того у нихъ много развлеченій въ самомъ гаремѣ: устроенъ хорошенькій театръ въ садахъ дворца, гдѣ часто даются оперы и балеты, охотно смотрятъ и кукольныя представленія.

Воспитаніе принцессъ и принцевъ крови мало чѣмъ отличается отъ воспитанія невольницъ. Принцессъ учатъ рукодѣліямъ и турецкому языку. Когда имъ исполнится 15, 16 лѣтъ, имъ отводятъ особый дворецъ и выдаютъ замужъ за какого-нибудь придворнаго любимца. Рожденныя отъ необразованныхъ, полудикихъ матерей, не получивъ никакого образованія, узнавъ съ пеленокъ всѣ гнуснѣйшія тайны и интриги гарема и при этомъ пользуясь большимъ почетомъ, эти принцессы отличаются обыкновенно своимъ властолюбіемъ и сумасбродствомъ. Не смотря на то, что мужа каждой принцессы ожидаетъ въ будущемъ почетъ, повышенія по службѣ и богатство, не каждая изъ нихъ выходитъ замужъ, — такою дурною репутаціей пользуются онѣ въ высшемъ обществѣ столицы.

Образованіе принцевъ крови, а слѣдовательно и будущаго падишаха, мало чѣмъ отличается отъ образованія ихъ сестеръ. Все отличіе состоитъ въ томъ, что прежде принцевъ учили персидскому, турецкому и арабскому языкамъ, а теперь вводятъ и новѣйшіе языки. Нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно могутъ теперь объясняться на двухъ языкахъ, но образованія попрежнему они не получаютъ никакого. Воспитать будущаго падишаха въ безусловномъ невѣжествѣ всегда было высшей государственной задачей турецкой правительственной системы. При этомъ всегда старались строго слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не могъ благотворно вліять на него. Вслѣдствіе этого какъ принцамъ, такъ и будущему падишаху не позволяютъ никуда выходить изъ своихъ комнатъ. За ихъ малѣйшими движеніями бдительно глядятъ соглядатаи, сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ имъ невозможно, потому что никто не смѣетъ приблизиться къ нимъ. Ѳни окружены только толпою рабовъ, которые предупреждаютъ всѣ ихъ прихоти, стараются добиться ихъ любви грубою лестью или потаканіемъ дур-

нымъ наклонностямъ. Наиболѣе честолюбивые изъ безнравственныхъ рабовъ стараются добиться особаго довѣрія того или другаго принца: интригами и доносами они разжигаютъ въ юномъ сердцѣ вражду къ другимъ. Такимъ образомъ лучшіе годы жизни какъ будущаго падишаха, такъ и всѣхъ остальныхъ принцевъ протекаютъ въ затхлой атмосферѣ гарема, среди евнуховъ, невѣжественныхъ слугъ, гнусныхъ интригъ, подъ вліяніемъ неразвитой матери, которая старается возбудить въ душѣ ребенка только ненависть къ своимъ соперницамъ.

Суевѣріе, крайнее невѣжество турокъ и самого султана заставляютъ обыкновенно послѣдняго высокомѣрно относиться къ своимъ подданнымъ, или, точнѣе сказать, онъ совсѣмъ недоступенъ для нихъ. Наружные знаки, посредствомъ которыхъ всѣ остальные люди, къ какому бы званію и положенію они ни принадлежали, выражаютъ свое крайнее уничиженіе и всесовершеннѣйшее благоговѣніе передъ своимъ падишахомъ, свидѣтельствуютъ о необъятномъ всемогуществѣ его власти. Для народа султанъ недоступенъ. Онъ принимаетъ у себя лишь однихъ членовъ царственной династіи, случайно заѣзжающихъ въ Константинополь, посланниковъ, *великаго визиря*, который по свѣтскимъ дѣламъ послѣ султана—первое лицо въ государствѣ, *шейхъ-уль-ислама*, главу духовенства, и больше никого. Не только для всѣхъ остальныхъ смертныхъ, но даже для всѣхъ высшихъ чиновниковъ, кромѣ названныхъ, лицезрѣть падишаха—честь немыслимая. Лица, удостоивающіяся аудіенціи у султана, подходятъ къ нему не иначе, какъ съ благоговѣйнымъ трепетомъ, и нерѣдко по нѣскольку часовъ въ передней выжидаютъ пріема. Уморительно смотрѣть на турокъ, когда они входятъ въ ту комнату, гдѣ ихъ ожидаетъ султанъ. Какое бы высокое положеніе они ни занимали, вся фигура ихъ внезапно мѣняется. Какъ перепуганные школьники, они жмутся у стѣны залы и, въ полунаклоненномъ положеніи, съ скрещенными на животѣ руками, совершенно уставившись въ полъ, терпѣливо ждутъ безъ конца, пока повелитель раскроетъ свои уста, чтобы изречь имъ свою всесильную волю. Никто не осмѣлится прямо посмотрѣть ему въ лицо, и развѣ только въ тѣ минуты, когда онъ обращается къ кому-нибудь съ вопросомъ, послѣдній дерзаетъ робко приподнять глаза, выражая своимъ взглядомъ благоговѣйное умиленіе передъ его властью. При каждомъ словѣ султана ему отвѣшиваютъ поклонъ: опускаютъ руку до полу и затѣмъ медленно поднимаютъ ее, прикладывая къ губамъ, къ сердцу и ко лбу. Чѣмъ ниже опускается рука, тѣмъ поклонъ считается почтительнѣе. Въ присутствіи султана никто никогда не садится; исключеніе допускается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда падишахъ приглашаетъ какого-либо заѣзжаго принца къ обѣденному столу; тогда онъ удостоиваетъ нѣкоторыхъ высшихъ сановниковъ чести сидѣть съ нимъ за однимъ столомъ. Трудно себѣ представить, какой комическій видъ имѣютъ тогда эти представители государственной власти. Ни одинъ изъ нихъ не сядетъ просто на стулъ, ни за что не займетъ всего сидѣнья, а умѣстится только на кончикѣ, и во время всего обѣда до смерти боится, чтобы не упасть или не сдѣлать какой-нибудь другой неловкости. Еще болѣе можетъ выказать турокъ знаніе этикета, если ему придется, что уже бываетъ совсѣмъ рѣдко, сидѣть съ султаномъ en face. Онъ долженъ тогда совсѣмъ скрючить ноги и руки, закатить глаза, покрутить головой, искривить ротъ—и все это въ доказательство своего ничтожества передъ столь высокою особою. Горе тому, кто пренебрежетъ всѣми этими ужимками: съ нимъ не только весьма круто поступитъ султанъ, но и всѣ его приближенные навѣки прокричатъ о немъ, какъ о человѣкѣ опасномъ.

Когда султанъ выходитъ или выѣзжаетъ изъ дворца, онъ не кланяется народу,

и народъ не смѣетъ приближаться къ нему; напротивъ, каждый прохожій отходитъ въ сторону и, скрестивъ руки, преклоняется всѣмъ станомъ и не смѣетъ разогнуть спины и приподнять головы, пока не проѣдетъ повелитель.

Какъ же турецкіе султаны, при своемъ невѣжествѣ и неразвитости, управляютъ дѣлами государства? Султанская система правленія состоитъ въ томъ, чтобы заставлять другаго править вмѣсто себя. Вмѣсто султана, все дѣлаетъ его уполномоченный, даже пишетъ письма къ себѣ отъ имени своего повелителя и подаетъ ему для подписи, что тотъ и дѣлаетъ, не читая. Первое достоинство великаго визиря состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно меньше говорить съ султаномъ о дѣлахъ, и для всѣхъ высшихъ должностныхъ лицъ единственное средство сохранить свой постъ— никогда не дѣлать султану никакихъ замѣчаній. Каждый визирь старается употребить всѣ средства, чтобы вселить къ себѣ довѣріе и такимъ образомъ вертѣть государствомъ по своему усмотрѣнію. Видя со стороны визиря полнѣйшее вниманіе къ своимъ прихотямъ и слабостямъ, султанъ окончательно перестаетъ думать о своихъ обязанностяхъ и взваливаетъ бремя правленія на того, кто ему лично лучше умѣлъ угодить.

Нынѣшній султанъ Абдулъ-Гамидъ живетъ очень уединенно и однообразно, но громадное большинство его предшественниковъ отдавало все свое время удовольствіямъ, къ которымъ они получили вкусъ еще въ ранней юности. При дворѣ устраивали бои атлетовъ, барановъ и пѣтуховъ. Султанъ Абдулъ-Азисъ предавался этимъ развлеченіемъ даже и въ то время, когда его странѣ грозили тяжелыя испытанія и противъ него возстали его подданные. Этотъ султанъ любилъ бороться съ своими приближенными, когда бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа. Кто во время такой борьбы умѣлъ съ улыбкой принимать отъ него тычки и быть всегда имъ побѣжденнымъ, получалъ въ награду первѣйшія должности въ государствѣ.

Двѣ трети всѣхъ государственныхъ доходовъ тратятся на нужды султана и поступаютъ въ его дворецъ. Прежніе турецкіе султаны открыто признавали всѣ государственные доходы своею личною собственностью, тѣмъ не менѣе они все-же болѣе церемонились съ казною и брали для своихъ нуждъ лишь остатокъ отъ государственныхъ доходовъ, выплативъ напередъ всѣ расходы по администраціи. Теперешніе султаны считаютъ необходимымъ обнародовать свѣдѣнія о состояніи денежныхъ дѣлъ государства и, не смотря на это, тратятъ на свои потребности болѣе, чѣмъ на нужды всего государства. Между тѣмъ доходы Турецкой имперіи въ высшей степени уменьшились сравнительно съ прежними; мало того, они съ каждымъ годомъ продолжаютъ понижаться, а дворцовыя издержки годъ отъ году все увеличиваются. Вслѣдствіе этого очень мало остается на удовлетвореніе государственныхъ нуждъ и на необходимые расходы различныхъ министерствъ. Чиновники, офицеры и солдаты испытываютъ неслыханное промедленіе въ выдачѣ жалованья, а нерѣдко имъ и совсѣмъ ничего не даютъ за истекшее полугодіе, а то даже и за цѣлый годъ. Солдаты ходятъ въ лохмотьяхъ, не имѣютъ обуви, но безропотно переносятъ свои лишенія.

Султанъ, при томъ воспитаніи, какое ему даютъ, не имѣетъ и не можетъ имѣть ни малѣйшаго понятія о нуждахъ своихъ подданныхъ. Безвыходно сидитъ онъ въ своемъ сералѣ, откуда онъ выходитъ только въ мечеть по пятницамъ. О томъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ и даже въ его странѣ, онъ знаетъ только то, что его приближенные считаютъ нужнымъ довести до его свѣдѣнія. Между тѣмъ эта дворцовая челядь систематически обманываетъ своего повелителя и, чтобы держать его въ рукахъ, чтобы заручиться вліяніемъ надъ нимъ, постоянно возбуждаетъ въ немъ опасенія, развиваетъ подозрительность, страхъ, недовѣріе и ужасъ ко всѣмъ,

кромѣ ихъ, его окружающихъ, вѣчно нашептывая ему о готовящемся, будто бы, покушеніи на его жизнь и престолъ. Эти вѣчныя опасенія заставляютъ султана сосредоточивать въ столицѣ огромное число солдатъ для охраненія своей особы, нерѣдко даже въ такое время, когда необходимо послать войско туда, гдѣ этого требуетъ безопасность государства. Недовѣріе и страхъ за свой престолъ заставляютъ султановъ прибѣгать къ жестокостямъ въ отношеніи не только къ подданнымъ, но и къ высокопоставленнымъ лицамъ, а также и къ членамъ своей собственной семьи. Въ настоящее время младшій братъ нынѣшняго султана—вѣроятный его наслѣдникъ, заключенъ въ одномъ изъ дворцовъ, вмѣстѣ съ своимъ гаремомъ и свитой. Онъ содержится чрезвычайно строго, какъ государственный преступникъ: лишенъ свободы, ему запрещено получать письма, газеты, книги; безъ строгаго контроля и разрѣшенія начальства къ нему не допускаютъ ни одного посѣтителя. Смуты при дворѣ увеличиваются какъ отъ неудовлетворительныхъ законовъ о престолонаслѣдіи, такъ и вслѣдствіе большого количества сыновей: при многоженствѣ ихъ обыкновенно не мало; все это издавна давало поводъ къ самымъ кровавымъ драмамъ, самоубійствамъ и убійствамъ въ домахъ мусульманскихъ властителей. Отъ этихъ семейныхъ раздоровъ, интригъ и заговоровъ одинаково страдаютъ и интересы турецкихъ государей, и подвластная имъ страна. Царствующіе государи привыкли смотрѣть съ недовѣріемъ на своихъ ближайшихъ родственниковъ, на своихъ братьевъ, дядей, племянниковъ, и жизнь послѣднихъ постоянно находится въ опасности. Огромное большинство мусульманскихъ повелителей запятнало руки свои въ крови собственнаго своего дома: одинъ изъ нихъ (Мурадъ III-й) приказалъ задушить пятерыхъ своихъ братьевъ, другой (Мухаммедъ III-й) умертвилъ семнадцать своихъ братьевъ.

Для обезпеченія престола отъ заговоровъ и покушеній существуетъ даже тайное общество. По доносу его членовъ, безъ всякаго суда, арестуютъ и ввергаютъ въ темницу каждаго, на кого падетъ подозрѣніе. Хотя при вступленіи въ тайное общество даютъ торжественную клятву всю свою жизнь отдавать на охраненіе безопасности султана, но, насколько это небезвыгодное занятіе для кармановъ, видно уже изъ того, что нѣкоторые изъ членовъ общества наживаютъ этою службою огромное состояніе.

Власть турецкаго султана, этого съ виду неограниченнаго повелителя, въ дѣйствительности сильно ограничена кораномъ. Нужно помнить, что весь строй турецкаго государства зиждется на коранѣ: его предписанія касаются не только духовной и религіозной жизни мусульманъ, но и политической, государственной и гражданской; въ немъ есть постановленія даже относительно административнаго устройства и сбора податей. Султанъ, глава свѣтской и духовной власти, обязанъ быть стражемъ точнаго исполненія всѣхъ предписаній корана, блюстителемъ неизмѣняемости государственныхъ основъ, на которыхъ лежитъ печать божественности. Если бы султанъ сознаръ, что то или другое учрежденіе въ его государствѣ совершенно устарѣло, если бы онъ самъ задумалъ уничтожить хотя тѣ постановленія, которыя мѣшаютъ успѣхамъ наукъ и просвѣщенія, его престолу грозила бы неизбѣжная опасность. Запретить подданнымъ слѣдовать тѣмъ или другимъ предписаніямъ или требованіямъ корана, находящимся въ тѣсной связи съ основами государственнаго строя, это значитъ вызвать полный переворотъ, произвести совершенное крушеніе Турецкой имперіи. Вотъ тутъ-то и сказывается все безсиліе, все ничтожество власти султана. Этотъ неограниченный монархъ обыкновенно не въ силахъ провести въ подвластномъ ему государствѣ даже такой реформы, пользу и необходимость которой онъ вполнѣ

сознаетъ. Онъ можетъ, конечно, издавать законы, какіе ему заблагоразсудится, но, если они не соотвѣтствуютъ религіознымъ понятіямъ его народа, они останутся мертвою буквою даже и тогда, когда правительство угрожаетъ ослушникамъ тяжкими наказаніями.

Вся турецкая администрація представляетъ собою картину страшной продажности и неслыханнаго ни въ какой европейской странѣ нравственнаго упадка. Даже лица, безусловно честныя въ частной жизни, вынуждены, когда они поступаютъ на государственную службу, брать взятки, какъ всѣ остальные служащіе, или выйти въ отставку.

Тѣмъ не менѣе въ Константинополѣ существуетъ еще хотя какой-нибудь контроль, слѣдовательно нѣтъ такого раздолья для лихоимства, зато провинція представляетъ въ этомъ отношеніи для турецкихъ чиновниковъ обѣтованный край. Тамъ не только обираютъ народъ и пускаютъ его по міру, но вторгаются даже въ государственную казну. Само правительство нѣсколько лѣтъ тому назадъ заявило въ печати, что злоупотребленія его чиновниковъ, въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ, доходили до крайнихъ размѣровъ и были одною изъ главныхъ причинъ, вызвавшихъ возстанія въ различныхъ областяхъ.

Все управленіе турецкихъ властей сводится къ одному: нажиться какъ можно скорѣе. Турецкіе чиновники безсовѣстно грабятъ и обираютъ всѣхъ подданныхъ султана безъ различія вѣроисповѣданій, но наибольшему насилію подвергаются всетаки христіане. Всякое насиліе надъ христіаниномъ представляется въ глазахъ турокъ не только заслугой, но даже религіознымъ подвигомъ.

Въ каждой отрасли администраціи служащихъ вчетверо больше, чѣмъ это нужно. Къ тому-же всѣ турецкіе администраторы, какое-бы жалованье они ни получали, никогда не удовлетворяются имъ, такъ какъ привыкли жить чрезвычайно широко, содержать огромный гаремъ и цѣлую армію служителей; все это требуетъ громадныхъ расходовъ, и потому они прибѣгаютъ къ непомѣрному, самому возмутительному взяточничеству. Особенно плохо устроено управленіе по областямъ. Паша, т.-е. губернаторъ области, то же самое, что султанъ въ Константинополѣ, полновластный властелинъ надъ жизнію и имуществомъ ввѣренныхъ ему согражданъ.

Дворянства въ Турціи не существуетъ, и всѣ почетныя мѣста пріобрѣтаются не знатностію происхожденія, не достоинствами и заслугами отечеству, а просто за деньги или личнымъ благоволеніемъ султана, великаго визиря, Валиде-султанши, многочисленныхъ женъ султана или благосклонностью другихъ пашей.

Вотъ какъ въ большинствѣ случаевъ возводятъ въ Турціи молодыхъ людей въ государственныя должности. Понравится высокопоставленному лицу или даже самому султану мальчикъ красивой наружности—его берутъ въ услуженіе. Это счастіе болѣе всего выпадаетъ на долю армянъ и константинопольскихъ грековъ, такъ какъ тѣхъ и другихъ природа одарила стройнымъ станомъ и красивыми чертами лица. Этихъ юношей обращаютъ въ магометанство, и знатные люди держатъ ихъ при себѣ для мелкихъ услугъ. Красивые мальчуганы подаютъ своимъ патронамъ трубку, кисетъ съ табакомъ, подстилаютъ коврики подъ ноги, поддерживаютъ подъ руки, когда патронъ влѣзаетъ на сѣдло, вообще исполняютъ службу, которую у насъ во время помѣщичьяго быта несли на себѣ казачки, съ тою только разницею, что наши казачки вѣкъ свой такъ и оставались казачками или дѣлались со временемъ лакеями, буфетчиками и никогда не выше. Въ Турціи же эти красивые мальчики, заслуживъ благосклонность патрона, дѣлаются губернаторами (пашами), получаютъ и другія высшія должности. Понятно, какъ можетъ управлять цѣлой областью человѣкъ, не

получившій никакого образованія, который всю молодость провелъ въ праздной и пустой жизни у богатаго турецкаго вельможи, въ лакейскихъ занятіяхъ,—человѣкъ, который былъ всегда наготовѣ получить затрещину за плохо набитую трубку и съ раннихъ лѣтъ ожидалъ за свои услуги хорошаго мѣста. Разумѣется, сдѣлавшись пашею, такой человѣкъ не только не заботится о благосостояніи ввѣреннаго ему края, но не имѣетъ о своихъ обязанностяхъ ни малѣйшаго понятія. Его первая забота—устроить огромный гаремъ, имѣть массу прислуги, держать толпу красивыхъ мальчиковъ, евнуховъ, множество лошадей. Чтобы поддерживать огромный штатъ и удовлетворять своимъ прихотямъ, приходится, что называется, драть съ живого и съ мертваго.

Въ Турціи отъ писца до губернатора всѣ живутъ доходами отъ занимаемыхъ мѣстъ, тѣмъ болѣе что жалованье нѣкоторые чиновники получаютъ самое ничтожное. Получивъ мѣсто, каждый чиновникъ торопится выручить ту сумму, которую онъ затратилъ для его пріобрѣтенія. Такимъ образомъ все управленіе есть не что иное, какъ грабежъ, возведенный въ систему,—грабежъ поселянъ, грабежъ купцовъ и банкировъ: у послѣднихъ знатные часто берутъ взаймы безъ отдачи. Не смотря на то, что паши смѣняются почти ежегодно, новый паша дѣйствуетъ обыкновенно такъ же, какъ и всѣ его предшественники. Важнѣйшія должности во ввѣренной ему области, для которыхъ требуются люди съ наибольшимъ знаніемъ, опытностью и талантомъ, паша самовластно раздаетъ любимцамъ изъ своего многочисленнаго штата прислуги. Видя этихъ домашнихъ прислужниковъ, раболѣпныхъ, услужливыхъ и заискивающихъ, никому и въ голову не придетъ, что они управляютъ сердцемъ, умомъ и кошелькомъ высокопоставленнаго эффенди.

Вліяніе слугъ не ограничивается домашнимъ хозяйствомъ ихъ господина, но отражается даже и на дѣлахъ государственныхъ, при назначеніи или отрѣшеніи того или другого чиновника, даже при обсужденіи многихъ важныхъ государственныхъ вопросовъ. Ловкій и вкрадчивый слуга умѣетъ въ очень короткое время завладѣть довѣріемъ своего господина. Изъ слугъ особенно вкрадываются въ довѣріе *чубукчи*, т.-е. слуги, завѣдывающіе всѣми курительными принадлежностями. При турецкомъ пристрастіи къ куренію и покою, они, какъ тѣнь, слѣдуютъ за каждымъ туркомъ, имѣющимъ какія-либо притязанія на знатность, богатство и почетъ. Съ ранняго утра и до поздняго вечера чубукчи не отходитъ ни на шагъ отъ своего господина: все равно, работаетъ ли тотъ дома, принимаетъ ли гостей, занимается ли общественными или оффиціальными дѣлами, отправляется ли на базаръ, на прогулку или въ баню, всюду слѣдуетъ за нимъ его чубукчи. Съ длиннымъ чубукомъ въ одной и съ жестянымъ блюдцемъ, служащимъ подставкою, въ другой рукѣ, проходитъ онъ черезъ залу совѣта и, въ то время, какъ присѣвъ на корточки, подаетъ своему господину трубку, огонь и чашу, до ушей его долетаетъ не одна государственная тайна. Онъ знаетъ ранѣе всѣхъ, кто назначенъ губернаторомъ провинціи или посланникомъ, кто выбранъ для того или другого порученія. Эти чубукчи бываютъ нерѣдко чрезвычайно богаты и не потому только, что продаютъ свои новости, а также и потому, что, сдѣлавшись любимцами своихъ господъ, опредѣляютъ чиновниковъ на мѣста, за что получаютъ отъ нихъ соотвѣтственные подарки.

Понятно, какъ должна быть деморализована турецкая администрація при такомъ положеніи дѣлъ, и, дѣйствительно, всѣ турецкіе чиновники, начиная съ высокопоставленныхъ чиновъ имперіи и кончая послѣднимъ жандармомъ, развращены до мозга костей. Всѣ они живутъ исключительно взятками, которыя обыкновенно называются здѣсь подарками. *Подарки* эти въ такомъ ходу, что тому, кто ихъ беретъ, и въ го-

лову не придетъ скрываться: онъ знаетъ, что они нисколько не унизятъ его въ общественномъ мнѣніи, нисколько не повредятъ его служебной репутаціи. Чтобы дать понятіе о размѣрахъ этихъ поборовъ, укажемъ на факты. Таможенные чиновники получаютъ жалованье незначительное, напр. оцѣнщикъ — піастровъ 200 въ мѣсяцъ (піастръ равняется $5^1/_2$ коп.), бухгалтеръ — 350, контролеръ — 500; но, судя по обстановкѣ ихъ жизни, можно думать, что расходы во много разъ превышаютъ ихъ жалованье.

Если крайняя необходимость вынуждаетъ турка работать, онъ выбираетъ лишь одну изъ четырехъ профессій: чиновника, солдата, священника или земледѣльца. Но изъ этихъ четырехъ профессій самая желанная для него—чиновничество. Онъ прекрасно знаетъ, что чиновничье жалованье на его родинѣ самое ничтожное и что изъ этого жалкаго вознагражденія у него будутъ еще удерживать треть, а то и добрую половину, но онъ все-таки стремится попасть въ администрацію. Онъ видитъ кругомъ, что взятками каждый вознаграждаетъ себя сторицею за то, что ему не доплачиваетъ казна. При этомъ турокъ по натурѣ — человѣкъ въ высшей степени лѣнивый и тщеславный, чиновничество же вполнѣ удовлетворяетъ этимъ его свойствамъ. Въ Турціи даже самый ничтожный чиновникъ пользуется почетомъ, окруженъ искателями и льстецами. Особенно утруждать себя работою, чего онъ такъ боится, ему тоже не придется; турецкіе чиновники прославились самымъ нерадивымъ, безсовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Иногда самыя простыя дѣла тянутся здѣсь не только по мѣсяцамъ, но и по цѣлымъ годамъ. Возьмемъ для примѣра почтамтскихъ чиновниковъ: каждая національность въ Константинополѣ имѣетъ свою почту, такъ какъ турецкая почта отличается своими безпорядками, несвоевременной отправкою писемъ. Почтовые чиновники не могутъ примириться съ мыслью, что необходимо себя утруждать и безпокоить изъ-за какого нибудь клочка бумаги презрѣннаго гяура.

Порядки въ турецкихъ таможняхъ еще ужаснѣе. Сохранность имущества, довѣреннаго таможнѣ, нисколько не заботитъ здѣшняго чиновника. Чтобы получить изъ таможни чемоданъ, даже и разсовывая бакшиши направо и налѣво, вамъ придется потерять несравненно больше времени, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Безъ бакшиша, какъ здѣсь, такъ и всюду въ Турціи, ни одинъ чиновникъ не двинется съ мѣста. Выручить товаръ еще мудренѣе. Прежде, чѣмъ его отдаютъ, вамъ много разъ придется ходить къ различнымъ чиновникамъ, унижаться передъ ними, сыпать повсюду бакшиши. Мало того, всѣ тюки свалены въ совершенномъ безпорядкѣ, цѣлыми горами, и чтобы отыскать товаръ, принадлежащій вамъ, приходится съ опасностью для цѣлости своихъ костей, самому лазить по грудамъ ящиковъ и тюковъ. Но когда вы, наконецъ, нашли свой тюкъ, вы еще не можете тотчасъ его взять: раньше этого онъ долженъ пройти черезъ множество мытарствъ; еще много придется вамъ переплатить за него бакшишей и пошлинъ. Прежде всего его необходимо взвѣсить, слѣдовательно дать башкиши вѣсовщикамъ и ихъ помощникамъ, затѣмъ уплатить таможенную пошлину, однимъ словомъ внести, какъ это высчитано, восемь сборовъ: за осмотръ товара, за помѣщеніе его въ складѣ, за выпускъ его изъ склада и т. д. Уплативъ всѣ эти сборы, приходится еще за дорогую цѣну нанять крючниковъ, доставляющихъ вамъ этотъ товаръ на домъ. Можно себѣ представить, какъ всѣ эти проволочки, потеря времени, затрудненія, хлопоты, бакшиши, налоги, составляющіе въ концѣ концовъ солидную сумму, удорожаютъ товаръ, гибельно вліяютъ на торговлю!

Денежныя дѣла Турціи въ самомъ плачевномъ состояніи. Не смотря на то, что подати за послѣдніе годы становятся все болѣе обременительными для населе-

нія, не смотря на то, что сборы взимаются все съ большею жестокостью, доходы государства все уменьшаются и уменьшаются, и Турція постоянно прибѣгаетъ къ громаднымъ займамъ. Расходы давно уже превышаютъ, болѣе, чѣмъ на половину, самый приходъ. При такомъ безотрадномъ положеніи дѣлъ, Турція не сегодня-завтра должна ждать, что она лишится всякаго кредита. Чтобы поправить свои денежныя дѣла, странѣ этой необходимо или поднять свои доходы, или уменьшить расходы. Большую часть государственныхъ издержекъ, какъ мы уже упоминали, составляютъ затраты на содержаніе султана и на уплату процентовъ по займамъ; какъ тѣ, такъ и другіе расходы все возрастаютъ и представляютъ теперь сумму громадныхъ размѣровъ. Но у правительства есть и другія не менѣе существенныя нужды. Страна эта должна поддерживать значеніе великой державы, содержать сильную армію, броненосный флотъ, цѣлый легіонъ всевозможныхъ чиновниковъ, отъ времени до времени вести войну съ могущественными врагами, безпрестанно подавлять возстанія въ провинціяхъ и противостоять алчности своихъ сосѣдей, которые каждую минуту готовы оторвать отъ Турціи тотъ или другой клочекъ земли.

Но можетъ быть возможно увеличить доходы страны? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе на состояніе промышленности и торговли.

Константинополь считается наиболѣе торговымъ и промышленнымъ пунктомъ, между тѣмъ ни въ турецкой столицѣ, ни въ ея окрестностяхъ вы не найдете настоящихъ большихъ фабрикъ. Вся мануфактура ограничивается грубыми ручными издѣліями, которыя носятъ на себѣ такой же первобытный характеръ, какъ и пятьдесятъ, сто лѣтъ тому назадъ. Турецкая столица и ея окрестности буквально кишатъ всевозможными ткачами, лудильщиками, мѣдниками, вообще людьми, которые исключительно занимаются ручными издѣліями; эти турецкіе ремесленники цѣлыми кварталами заселяютъ Стамбулъ.

Каждое ремесло переходитъ у турокъ изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну. Эта громадная армія ремесленниковъ влачитъ здѣсь самое жалкое существованіе, живетъ впроголодь, а то и нищенствуетъ по цѣлымъ годамъ. Годовой, а тѣмъ болѣе ежемѣсячный или ежедневный заработокъ турецкихъ ремесленниковъ опредѣлить невозможно. Вотъ ткачъ, который всю свою жизнь провелъ за ручнымъ первобытнымъ станкомъ, и изъ его рукъ выходила матерія, однообразная по рисунку, но къ которой испоконъ вѣка привыкло уже населеніе; другой ремесленникъ весь свой вѣкъ занимается выдѣлываніемъ четокъ... Вдругъ въ лавкахъ константинопольскихъ базаровъ появляются и четки, и матерія, по рисунку сильно напоминающія турецкое ручное производство, которое точно такъ же, какъ и старое, вполнѣ удовлетворяетъ вкусамъ и привычкамъ турокъ, съ тою только разницею, что новый товаръ болѣе красивъ, продается несравненно дешевле и притомъ выдѣланъ не руками ремесленниковъ-турокъ, а на громадныхъ фабрикахъ западной Европы.

Фабричныя издѣлія французовъ, англичанъ и нѣмцевъ въ послѣднее время переполнили всѣ магазины, лавки и базары Константинополя, что совершенно вытѣсняетъ и убиваетъ турецкую ручную промышленность. Пока ремесленники, лишенные заработка, отыщутъ себѣ новое занятіе и приноровятся къ нему, что особенно тяжело для турка, не отличающагося энергіею, они голодаютъ годами, а часто и окончательно переходятъ въ разрядъ нищихъ.

Если турки не заведутъ въ очень близкомъ будущемъ своихъ фабрикъ, ихъ промышленность и торговля будутъ окончательно убиты иностранцами: магазины и лавки константинопольскихъ базаровъ теперь уже совершенно переполнены иностран-

нымъ товаромъ. Французы, англичане, итальянцы, нѣмцы Австріи и Германіи являются въ нихъ настоящими хозяевами. Все, что у этихъ иностранцевъ дома бракуется, вслѣдствіе болѣе развитаго вкуса и пониманія ихъ соотечественниковъ, все, что у нихъ дома поплоше, однимъ словомъ—весь свой бракъ, всѣ залежалыя, негодныя издѣлія своихъ фабрикъ они везутъ въ Константинополь и наживаютъ здѣсь большіе барыши, такъ какъ сбываютъ все это по баснословно дорогимъ цѣнамъ. Конечно, и въ Константинополѣ можно найти хорошія французскія и англійскія издѣлія, но лишь въ немногихъ богатыхъ магазинахъ Перы, спеціально предназначенныхъ для европейцевъ.

Турку, даже на своей родинѣ, трудно конкуррировать съ иностранцами въ отношеніи промышленности. Если ему вздумается попытать счастье начать какое нибудь промышленное предпріятіе, то для этого отъ него потребуется такая масса хлопотъ, переписки, поклоновъ, униженій, а главное, такъ много всевозможныхъ взятокъ, что въ концѣ концовъ его ждетъ лишь одно разореніе. Кстати замѣтимъ, что такая живая дѣятельность совсѣмъ не свойственна характеру турка. При своей настойчивости и энергіи, иностранецъ, даже и въ чужой странѣ, съумѣетъ лучше взяться за дѣло, можетъ дать взятку бо́льшихъ размѣровъ, съумѣетъ сильнѣе напустить страхъ и на турецкаго чиновника, который вслѣдствіе этого меньше будетъ тормозить его предпріятіе, чѣмъ своего единовѣрца.

Такимъ образомъ въ настоящее время, когда въ цивилизованныхъ странахъ Европы промышленность дѣлаетъ нообыкновенно быстрые успѣхи, у турокъ она стоитъ на самой низкой ступени развитія. Паръ до сихъ поръ остается въ Турціи почти безъ всякаго примѣненія, машинъ нѣтъ; другія усовершенствованія послѣдняго времени тоже не проникли еще въ Турецкую имперію. Успѣхамъ промышленности мѣшаетъ и недостатокъ образованія народа, и плохое управленіе страною, и замѣчательная лѣнь турокъ, которая проявляется рѣшительно во всемъ и вездѣ. Турокъ сидитъ не только тогда, когда онъ отдыхаетъ, но и во время работы. Столяру, бондарю и т. п. ремесленникамъ въ другихъ странахъ большую часть работы приходится исполнять стоя; турокъ, наоборотъ, все дѣлаетъ сидя, даже и въ томъ случаѣ, когда онъ самъ понимаетъ, что отъ этого страдаетъ качество его работы. Что же касается того, чтобы сдѣлать каждый предметъ покрасивѣе, получше, чѣмъ онъ дѣлалъ его до сихъ поръ, то это турку и въ голову никогда не приходитъ. У него и отъ природы нѣтъ вкуса, къ тому же никто и никогда не обучалъ его искусствамъ: религія запрещаетъ магометанину живопись, скульптуру и всѣ другія искусства, которыя такъ развиваютъ вкусъ и даютъ возможность усовершенствовать ремесла и промышленность.

Вмѣстѣ съ промышленностью падаетъ и торговля: за послѣднее двадцатилѣтіе торговые обороты Турціи дѣлаются все менѣе значительными. Самые большіе магазины въ Константинополѣ, лавки, аптеки уже перешли въ руки иностранцевъ; изъ нихъ же набираются и служащіе въ этихъ заведеніяхъ. Хотя турки охотно берутся за торговлю, но у нихъ для этого не хватаетъ ни дѣловаго ума, ни практической сметки. Даже богатый турокъ никогда не пускается въ сколько-нибудь крупные торговые обороты. Здѣсь никогда не услышишь, чтобы какое-нибудь большое предпріятіе было затѣяно и основано турками, чтобы они самостоятельно составили компанію для разработки минеральныхъ богатствъ, для проведенія желѣзной дороги или для какого-нибудь другого предпріятія.

Плохое управленіе страною, полный упадокъ и застой промышленности и торговли, отсутствіе безопасности, взятки, поборы, обременительные налоги — все это

привело къ страшнѣйшему и все усиливающемуся развитію разбойничества. Не говоря о провинціяхъ, оно процвѣтаетъ теперь и въ окрестностяхъ Константинополя. Увѣренные въ безсиліи правительства, разбойники безпрепятственно организуются въ шайки все болѣе грозныхъ размѣровъ.

Господствующая церковь находится подъ управленіемъ улемовъ или ученыхъ теологовъ; глава улемовъ называется *муфтій* или *шейхъ-уль-исламъ*, т.-е. глава или старѣйшина религіи. Эти улемы пользуются громаднымъ вліяніемъ въ странѣ, между тѣмъ они не что иное, какъ изувѣры, люди, не получившіе никакого общечеловѣческаго образованія, отличающіеся только тѣмъ, что отлично знаютъ коранъ. Они глухи къ различнымъ нововведеніямъ, которыхъ требуетъ отъ религіи Магомета духъ времени, и называютъ еретикомъ, требуютъ немедленной казни каждаго, кто хотя на іоту уклоняется отъ буквы закона. Между тѣмъ они не только имѣютъ громадное вліяніе на государственную и политическую жизнь, но и на своего падишаха, реформы и предписанія котораго получаютъ только тогда силу и значеніе, когда ихъ одобрятъ улемы. Улемы вмѣшиваются во всѣ дѣла, и такъ какъ они прежде всего сообразуются съ кораномъ, то всякій, менѣе знакомый съ нимъ, сильно нуждается въ нихъ. Султанъ желаетъ ввести реформу въ какую-нибудь отрасль государственнаго управленія, муфти говоритъ ему: «Падишахъ, это противно исламу»,—и этого достаточно, чтобы султанъ оставилъ свое намѣреніе. Изъ сказаннаго видно, что *шейхъ-уль-исламъ*, глава духовенства и главное должностное лицо въ Турецкой имперіи, имѣетъ громадную силу и значеніе. Но такъ какъ турецкій султанъ—все же неограниченный монархъ и повелитель, то казалось бы, что онъ совершенно независимъ отъ кого бы то ни было, но это только такъ кажется. Въ дѣйствительности же султанъ и шейхъ-уль-исламъ тѣсно связаны другъ съ другомъ и чрезвычайно зависятъ одинъ отъ другого: ни тотъ, ни другой изъ нихъ не призваны утверждать новые догматы, а лишь наблюдать за сохраненіемъ ихъ и поддерживать усердіе правовѣрныхъ къ магометанской вѣрѣ. Хотя султанъ можетъ уволить шейхъ-уль-ислама по своему усмотрѣнію, но въ свою очередь согласіе этого должностнаго лица необходимо для удаленія самого султана съ престола. Когда былъ составленъ заговоръ, чтобы свергнуть съ престола Абдулъ-Азиса, то первое, что сдѣлали при этомъ—это запаслись письменнымъ разрѣшеніемъ шейхъ-уль-ислама на сверженіе съ престола султана Абдулъ-Азиса.

Теперь будетъ понятно, что при подобномъ управленіи конституція, провозглашенная въ Турціи въ 1877 г., должна была остаться мертвою буквою.

По тексту этой конституціи въ Турціи введена была представительная форма правленія, т.-е. деспотическая, неограниченная монархія должна была превратиться въ конституціонную. Эта конституція провозглашала гражданскую и политическую свободу; жителямъ Турецкой имперіи, къ какой бы религіи они ни принадлежали и на какой бы ступени общественнаго положенія они ни находились, она давала одинаковыя съ магометанами права передъ закономъ. На основаніи этого закона народъ долженъ былъ принимать живѣйшее участіе въ управленіи государствомъ. Но эта новая конституціонная форма правленія совершенно не привилась, такъ какъ она противорѣчитъ главнымъ основаніямъ магометанской религіи. На основаніи предписаній корана, форма государства можетъ быть только монархическая. Государь долженъ соединять въ своихъ рукахъ духовную и свѣтскую власть. Власть государя ограничена *только* предписаніями религіи, за исполненіемъ которыхъ должны наблюдать высшія духовныя лица. Государь не можетъ предпринять ничего новаго, противнаго религіи, такъ какъ, по словамъ пророка, «всякій новый законъ есть ново-

введеніе, всякое нововведеніе — заблужденіе, а всякое заблужденіе ведетъ въ огонь вѣчный».

Такимъ образомъ конституція, дарованная странѣ нынѣшнимъ султаномъ Абдулъ-Гамидомъ при его вступленіи на престолъ, была скоро уничтожена. Вслѣдъ за этимъ султанъ самъ началъ систематически искоренять свободу мысли и слова. Онъ достигаетъ этого съ помощью тайной полиціи и цензуры, доходящей въ Турціи до невообразимыхъ нелѣпостей: тайная полиція вскрываетъ частныя письма, придирается къ каждому слову въ нихъ, всюду подсылаетъ своихъ шпіоновъ, и люди тысячами, часто по самымъ ничтожнымъ подозрѣніямъ, заключаются въ тюрьмы, а то и безъ суда исчезаютъ невѣдомо куда. Всякая книга, затрогивающая хотя бы только косвенно магометанскую вѣру или турецкое правительство, безусловно запрещается. Ни одна печатная строка не можетъ появиться въ свѣтъ безъ разрѣшенія цензуры, но очень часто задерживаются газеты и книги, прошедшія и черезъ цензуру.

АЛБАНІЯ.

Характеръ страны.—Разбойничество.—Произведенія природы.—Племена.—Религія.—Положеніе албанцевъ подъ турецкимъ владычествомъ.—Характеръ народа. — Свирѣпый обычай кровавой мести и его значеніе.—Одежда, музыка, танцы, жилища, занятія и пища.—Женщина въ Албаніи.—Воспитаніе дѣтей.—Общественное устройство.—Какое значеніе придаютъ албанцы своей землѣ.

Албанія строго отдѣлена отъ сосѣднихъ странъ рѣзкими, естественными границами. Она представляетъ узкую полосу по берегу Адріатическаго моря; въ нѣкоторыхъ частяхъ эта береговая полоса до того узка, что горы подходятъ къ самому морю и оканчиваются отвѣсными, высокими, скалистыми стѣнами. Страна эта находится между Черногоріей, Босніей, Румеліей, Македоніей, Ѳессаліей и Греціей и занимаетъ мѣсто древней Иллиріи и древняго Эпира. На туземномъ языкѣ она называется Скипери, что означаетъ страна скалъ. Албанія вполнѣ заслуживаетъ это названіе. Громадныя горы, перерѣзанныя глубокими, отвѣсными ущельями, съ грохочущими потоками, скалы, дикія лѣсныя мѣстности, ужасныя дороги по непроходимымъ дебрямъ и каменистымъ утесамъ, нерѣдко висящимъ надъ бездонными пропастями и горными потоками,—вотъ характерныя черты природы Албаніи.

Климатъ страны чрезвычайно мягкій, теплый и пріятный; онъ сильно напоминаетъ климатъ Италіи. Только въ низменностяхъ сѣвернаго Адріатическаго побережья онъ не совсѣмъ здоровъ, вслѣдствіе болотистыхъ мѣстностей. Но все остальное побережье и горныя долины даютъ возможность произрастать всевозможнымъ хлѣбнымъ злакамъ и богатѣйшей растительности.

Горы въ средней Албаніи чрезвычайно богаты минералами, но онѣ, какъ и другія богатства, не разрабатываются въ этой странѣ. Много попадается холодныхъ и горячихъ минеральныхъ источниковъ, особенно сѣрныхъ. Такъ, въ окрестностяхъ Эльбассана 14 горячихъ источниковъ, постоянно бьющихъ изъ скалъ; но есть нѣсколько и такихъ, которые бьютъ только черезъ извѣстные промежутки времени. Дѣти близьлежащихъ деревень часто прибѣгаютъ къ нимъ и поютъ пѣсни, вызывая источникъ, въ полной увѣренности, что онъ начнетъ сейчасъ бить. Когда онъ, наконецъ, появляется, это доставляетъ имъ шумную радость.

Загроможденная горами и отвѣсными скалами, страна эта, уже по своей природѣ, ставитъ препятствія путешественникамъ, и только самые смѣлые изъ нихъ иногда рѣшались проникнуть въ Албанію. Дикій, буйный, воинственный нравъ обитателей дѣлаетъ большинство дорогъ этой страны въ высшей степени опасными. Здѣсь часто даже по большому тракту совсѣмъ не видно частныхъ жилищъ, а по-

падаются только ханы, т.-е. постоялые дома. Не говоря уже о томъ, что въ ханахъ этихъ европейскій путешественникъ страдаетъ отъ недостатка самаго элементарнаго комфорта, но, имѣя при себѣ деньги и багажъ, въ нихъ опасно даже ночевать. Большинство албанскихъ хановъ—пріюты разнаго рода воровъ и мошенниковъ, атаманы которыхъ очень часто являются ихъ хозяевами.

Албанцы живутъ въ горахъ и долинахъ. Многіе города и безчисленныя крѣпости Албаніи расположены на вершинахъ высокихъ горъ. Въ этой маленькой странѣ (въ длину она тянется на сто часовъ ѣзды, а въ ширину на тридцать) албанцевъ 1,600,000 чел., и Албанію считаютъ въ числѣ наиболѣе населенныхъ провинцій Турецкой имперіи.

Албанія никогда не была извѣстна, какъ страна самостоятельная, и албанцы никогда не играли выдающейся роли. За 200 л. до Р. Хр. Албанія была покорена Римомъ, и не смотря на то, что она считалась римскою провинціею, народъ ея крѣпко держался своихъ обычаевъ и языка. Когда германскіе народы разрушили Римскую имперію, и въ Албаніи исчезли слѣды римскаго владычества. Въ IX-мъ в. Албанія попадаетъ подъ владычество болгарскаго князя, и господство славянъ въ этой странѣ продолжается слишкомъ 200 лѣтъ. Въ XIV столѣтіи албанцы, вмѣстѣ съ славянами и венграми, выступаютъ противъ общаго врага—турокъ. Битва на Косовомъ полѣ укрѣпила владычество турокъ въ Европѣ, и вслѣдъ за этимъ (въ XV-мъ столѣтіи) Албанія дѣлается турецкою провинціею. Однако, далеко не всѣ албанцы оказались подданными турокъ: между ними есть независимыя племена, которыя выполняютъ относительно Турціи лишь извѣстныя обязательства. Но турецкой власти никогда не удавалось вполнѣ усмирить даже и тѣхъ албанцевъ, которые считаются ея подданными: возстанія въ Албаніи, отъ времени до времени, постоянно повторяются, но турки въ концѣ концовъ всегда подавляютъ ихъ, очень часто самымъ возмутительнымъ и вѣроломнымъ образомъ.

Какъ прежде, такъ и теперь между албанцами можно найти много воиновъ, пастуховъ и болѣе всего разбойниковъ, но не существуетъ ни одной албанской книги, и большинство народа безграмотно. Когда въ теченіи многихъ вѣковъ Балканскій полуостровъ оглашался боевымъ кличемъ, албанцы проявляли себя самыми смѣлыми, дикими, свирѣпыми бойцами, но никогда ничего не сдѣлали для культуры своего народа. Въ Албаніи живетъ чрезвычайно много грековъ; особенно на югѣ этой страны албанцы и греки такъ перемѣшаны между собой, что не знаешь даже, какой языкъ раздается здѣсь чаще. Вотъ потому-то для обозначенія албанскихъ словъ воспользовались греческою азбукою; такъ какъ каждый албанецъ понимаетъ по-гречески и греческій языкъ служитъ для всѣхъ сношеній внѣ дома и семьи, то имъ и пользуются обыкновенно, когда приходится писать.

Въ настоящее время разбойничьихъ шаекъ въ Турецкой имперіи бродитъ несравненно меньше, чѣмъ прежде, но и теперь еще ихъ весьма достаточно,—предводителями этихъ разбойничьихъ шаекъ обыкновенно являются албанцы. Дикому, воинственному албанцу уже по складу характера и по условіямъ его воспитанія разбой нравится самъ по себѣ, и онъ охотно дѣлаетъ изъ него профессію. Весною, лишь только пробуждается природа, шайки эти смѣло выходятъ на дорогу, скрываясь отъ времени до времени въ ущельяхъ, непроходимыхъ дебряхъ и въ ханахъ, которые охотно даютъ имъ пріютъ и предоставляютъ жертвъ. Пробираясь по той или другой дорогѣ, путешественникъ нерѣдко встрѣчаетъ людей, поверженныхъ на землю, зарѣзанныхъ и ограбленныхъ разбойниками.

У самыхъ отчаянныхъ здѣшнихъ разбойниковъ бываютъ нерѣдко въ городѣ

вліятельные пріятели, которые извѣщаютъ ихъ объ угрожающей имъ опасности и предупреждаютъ ихъ, когда и гдѣ проѣдетъ человѣкъ съ казенными деньгами, богатый путешественникъ или купецъ съ товаромъ. Земледѣльцы, пастухи и мирные жители не смѣютъ извѣстить властей о присутствіи разбойниковъ: за такія попытки они всегда поплатятся жизнію. Только женщина, къ какой бы національности она ни принадлежала, можетъ совершенно безопасно путешествовать въ этой странѣ. Албанецъ никогда не прицѣлится въ женщину изъ своего длиннаго ружья, никогда не занесетъ ятагана надъ ея головой, и если по дорогамъ Албаніи вы натолкнетесь на зарѣзанныхъ и ограбленныхъ женщинъ, можете быть увѣрены, что не албанская шайка производила здѣсь свою кровавую расправу. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ многія части Албаніи остаются еще до сихъ поръ не изслѣдованными, другія вовсе не обработаны,—все это увеличиваетъ дикую прелесть пейзажа, но не способствуетъ улучшенію матеріальнаго положенія народа. Не смотря на богатство природы и ея плодородіе, земледѣліе, находящееся во всей Турціи въ самомъ первобытномъ видѣ, въ Албаніи въ болѣе жалкомъ состояніи, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Между тѣмъ въ странѣ этой водятся прекрасныя лошади, бараны, быки, легко произрастаетъ кукуруза и всевозможныя породы хлѣба; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ растетъ не мало тутовыхъ деревьевъ, такъ что жители разводятъ шелковичныхъ червей и выдѣлываютъ шелковую матерію, хотя, конечно, грубаго качества. Мѣстный шелкъ употребляютъ также для вышивокъ, богато украшающихъ живописный, національный албанскій костюмъ. Южная Албанія пользуется болѣе благопріятнымъ климатомъ и потому еще болѣе богата произведеніями природы. Кромѣ названныхъ продуктовъ, тутъ произрастаютъ: хлопчатникъ, рисъ, оливковыя деревья, табакъ, апельсины, лимоны, виноградъ, разводятъ также и кошениль. Но, не смотря на это, мѣстная промышленность также въ самомъ жалкомъ состояніи.

Если Константинополь кишитъ людьми всевозможныхъ національностей, то Албанія въ этомъ отношеніи представляетъ тоже не менѣе пеструю картину. Тутъ вы встрѣтите цыганъ, румынъ, сербовъ, черногорцевъ и болѣе всего, конечно, албанцевъ, которые слывутъ подъ названіемъ арнаутовъ, а сами себя они называютъ скипитарами. На Балканскомъ полуостровѣ никогда не существовало правильной статистики, и потому всѣ статистическія данныя можно считать скорѣе приблизительными, чѣмъ точными. Албанцевъ всего на всего считаютъ болѣе 2-хъ милліоновъ: ихъ особенно много въ Босніи и въ западной части Сербіи; ихъ колоніи существуютъ и въ Болгаріи. Но они живутъ не только на Балканскомъ полуостровѣ: ихъ очень много въ Малой Азіи, въ Сициліи, въ Неаполѣ; больше всего ихъ въ Греческомъ королевствѣ. Многія мѣстности греческаго материка и нѣкоторые острова исключительно населены албанцами, такъ что греки приняли даже ихъ одежду. Число албанцевъ въ Греціи доходитъ до 200,000, и они составляютъ пятую часть населенія Греческаго королевства.

Турецкіе албанцы дѣлятся на множество племенъ, постоянно враждующихъ между собой; главныя изъ нихъ: *геги*—жители Верхней Албаніи (отъ Антивари до Эльбасана) и *тоски*—Нижней Албаніи (отъ Эльбасана до залива Превезы). Племена эти кое въ чемъ отличаются другъ отъ друга, но болѣе всего по языку. Различіе въ языкѣ *геговъ* и *тосковъ* такъ велико, что они только съ большимъ трудомъ понимаютъ другъ друга. Вообще языкъ албанцевъ совершенно особый, непохожій ни на одинъ изъ европейскихъ; однако, ученые думаютъ, что это одинъ изъ индоевропейскихъ языковъ.

Все населеніе Албаніи по религіи дѣлится на три части: на магометанъ (до

70%), православныхъ (21%) и католиковъ (9%). Прежде всѣ албанцы были христіанами, но, со времени завоеванія Албаніи Турціею, населеніе этой страны стало постепенно переходить въ магометанство. Даже и теперь не рѣдки случаи, когда жители той или другой албанской деревни бросаютъ свою католическую или православную религію и становятся магометанами. Многіе думаютъ, что христіанскій элементъ современемъ уступитъ давленію обстоятельствъ и всѣ жители этой издревле христіанской страны въ скоромъ будущемъ будутъ магометанами. Множество албанцевъ-магометанъ еще помнятъ, что ихъ отцы или дѣды были христіанами; очень часто они могутъ указать, когда совершился переходъ въ исламъ ихъ деревни, такъ какъ такой переходъ рѣдко совершается отдѣльными личностями. Вотъ поэтому-то магометане-албанцы не только относятся безъ всякой вражды къ христіанамъ, но крѣпко держатся многихъ христіанскихъ обычаевъ.

Албанцы-христіане переходятъ въ магометанство по очень многимъ причинамъ: чтобы избавиться отъ притѣсненій богатыхъ землевладѣльцевъ-магометанъ, чтобы избѣгнуть платежа подушной подати, чтобы получить выгодное мѣсто или награду, чтобы избѣгать придирокъ и гнета турецкихъ властей, отъ которыхъ несравненно болѣе страдаютъ христіане. Нерѣдко этому переходу помогаютъ католическіе священники, большіе невѣжды и плохіе пастыри. Лѣтъ 50 тому назадъ всѣ жители одного округа, близъ Антивари, были католиками. Они перешли въ исламъ вслѣдствіе упрямства своего священника, не желавшаго въ первый день Пасхи отслужить обѣдню нѣсколько позднѣе, чтобы дать возможность жителямъ отдаленныхъ деревень собраться къ службѣ. Когда священникъ наотрѣзъ отказался исполнить ихъ просьбу, взбѣшенные жители отправились въ Скутари и, подъ предводительствомъ своихъ старѣйшинъ, объявили себя и населеніе всего округа магометанами, за что они были осыпаны почестями, подарками и различными милостями и льготами со стороны турокъ.

Албанцы-магометане крѣпко сохраняютъ нѣкоторые христіанскіе обычаи: очень многіе изъ нихъ празднуютъ Рождество, Николинъ день, молятся Спасителю и Божьей Матери, ходятъ на поклоненіе въ монастыри. Въ этомъ отношеніи особенно извѣстенъ монастырь св. Антонія (католическій): къ нему, въ извѣстные дни, спускаются съ своихъ горъ не только албанцы-католики, но и албанцы-магометане. Нѣкоторые изъ нихъ приносятъ сюда все, что у нихъ есть въ домѣ наиболѣе цѣннаго, и поручаютъ на храненіе монахамъ всѣ свои сокровища, опасаясь жадности и насилія своихъ пашей. Кромѣ того каждый, какъ магометанинъ, такъ и католикъ, приноситъ что-нибудь и въ даръ монастырю: одинъ—деньги, другой—свѣчи, сыръ, воскъ, барановъ, шелковыя и шерстяныя матеріи, такъ что монастырь св. Антонія считается однимъ изъ самыхъ богатыхъ въ Албаніи. Многіе албанцы-магометане во время болѣзни призываютъ католическаго священника и просятъ его читать молитвы, которыя они съ вѣрою и благоговѣніемъ повторяютъ за нимъ. Въ честь св. Николая и Георгія зажигаютъ свѣчи. Многіе албанцы переходятъ въ исламъ только для виду, а сами остаются христіанами и тайно исповѣдуютъ христіанскую религію,—такъ, напримѣръ, жители мѣстечка Шпатъ въ южной Албаніи. Они посѣщаютъ православную церковь и тайно выполняютъ всѣ обряды этой религіи; для того, чтобы избѣжать податей и другихъ притѣсненій, они объявили себя магометанами, приняли турецкія имена, но къ исламу питаютъ презрѣніе. Вслѣдствіе переходовъ албанцевъ изъ одной религіи въ другую бываютъ и печальные случаи. Жители одной деревни перешли изъ католичества въ исламъ, но затѣмъ рѣшили, что они дурно поступили, и объявили, что они оставляютъ магометанство и снова переходятъ въ католичество. За это турки подвергли ихъ страшнымъ жестокостямъ и даже переселили въ Азію.

Не смотря на то, что албанцы постоянно волнуются и часто возстаютъ противъ турецкихъ властей, они съ удовольствіемъ служатъ въ турецкихъ войскахъ, и при воинственномъ характерѣ имъ по душѣ военная служба, которая во время войны доставляетъ имъ добычу. Впрочемъ, въ Албаніи возстанія происходятъ не съ цѣлью достиженія національной независимости, а ради защиты своихъ привилегій. Только въ самое послѣднее время между албанцами сталъ возникать вопросъ о національной независимости и самобытности. Поводомъ послужило слѣдующее: по берлинскому трактату сербы и болгары получили національную независимость, значительная часть подвластныхъ туркамъ грековъ была присоединена къ Греческому королевству, и только объ Албаніи ничего не было упомянуто въ договорѣ, такъ какъ албанцы ничѣмъ не заявили своихъ стремленій къ независимости. Мало того, по этому договору небольшія части албанской территоріи должны были отойти къ Сербіи и Черногоріи. Сербы тотчасъ расположили свои войска въ присужденной имъ территоріи, но земли, назначенныя черногорцамъ, еще не были ими заняты, и турецкое правительство, согласно своему вѣроломному характеру, рѣшило попытаться не уступать имъ этихъ земель. Чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли, оно поручило скутарійскому губернатору возбудить въ албанцахъ національное чувство, и тотъ, созвавъ ихъ представителей, сталъ возбуждать ихъ національную гордость вопросами въ такомъ родѣ: «неужели храбрые албанцы уступятъ свои родныя земли черногорцамъ?» Албанскіе старшины постановили протестовать противъ передачи означенныхъ земель и образовать лигу для защиты національныхъ интересовъ. Разъ національное чувство было возбуждено, оно пошло гораздо далѣе, чѣмъ того могли ожидать турки. И дѣйствительно, албанцы скоро стали требовать у Турціи автономіи, т.-е. извѣстной самостоятельности и самоуправленія, обѣщая, впрочемъ, попрежнему проливать свою кровь за султана, если ихъ требованія будутъ удовлетворены. Въ Константинополѣ ихъ обнадеживали, султанъ ласково обращался съ ихъ депутатами, нѣкоторые изъ ихъ соотечественниковъ были даже назначены на высшія должности и въ администраціи, и при дворѣ, но все это дѣлалось лишь съ цѣлью выиграть время и уклониться отъ исполненія требованій албанскаго народа. Такъ какъ имъ все только обѣщали и ничего для нихъ не дѣлали, то возбужденіе среди албанскихъ племенъ все росло, и мятежи, то здѣсь, то тамъ, усиливались со дня на день. Тогда Порта прибѣгла къ чисто азіатской хитрости и созвала совѣтъ, на который были приглашены и албанскіе вожди. Послѣдніе, вообразивъ, что совѣтъ созываютъ съ цѣлью обсудить, наконецъ, ихъ требованія, довѣрчиво явились, но тутъ же были арестованы и разосланы по тюрьмамъ. Какъ только извѣстіе объ этомъ разнеслось по странѣ, албанцы взялись за оружіе, и послѣдовало открытое возмущеніе. Турецкое правительство немедленно предписало своимъ войскамъ двинуться противъ мятежниковъ, и албанцы были разбиты на голову.

И въ данную минуту отношенія между Турціей и Албаніею не вполнѣ еще выяснились. Номинально, конечно, еще и теперь Порта владѣетъ Албаніею, но фактически она уже давно не владѣетъ ею, и все ея господство ограничивается городами Скодрою и четырьмя другими, т. е. тѣми мѣстами, гдѣ стоятъ турецкія войска.

Хотя албанцы дѣлятся на множество племенъ, исповѣдуютъ различную религію и отличаются другъ отъ друга многими особенностями въ нравахъ и обычаяхъ, но все-же въ ихъ характерѣ и жизни много общаго. Поэтому мы и укажемъ сначала на черты, общія всѣмъ албанцамъ.

Албанцы прекраснаго сложенія: это народъ необыкновенно рослый. Самая характерная ихъ особенность—длинная шея, длинныя узкія лица съ рѣзкими чер-

М. Рашевскій
В. Васнецовъ

тами и необыкновенно суровымъ выраженіемъ, дышащимъ силой, самоувѣренностью и отвагой.

Своими разбоями, вспыльчивымъ и воинственнымъ характеромъ народъ этотъ наводитъ ужасъ и страхъ на чужестранца, но стоитъ только пріобрѣсти довѣріе хотя самаго отчаяннаго разбойника, и вы можете вполнѣ положиться на него. Албанецъ никогда не измѣнитъ своему честному слову, ни за какія блага въ мірѣ не предастъ васъ, если вы довѣрились ему, положились на него въ критическую для себя минуту, не ограбитъ васъ, если вы когда-нибудь оказали ему хотя маленькую услугу или дѣлили съ нимъ свою хлѣбъ-соль. Эти черты характера такъ общи албанцамъ, что европейцы, живущіе въ Турціи, всегда стараются нанять прислугу изъ албанцевъ. Нерѣдко люди, которыхъ обстоятельства заставляютъ пуститься въ опасное путешествіе по странѣ, разыскиваютъ какого-нибудь свирѣпаго атамана шайки, наводящаго ужасъ въ окрестности, и упрашиваютъ его быть провожатымъ по опаснымъ и незнакомымъ мѣстностямъ. Если самый свирѣпый албанецъ согласится на такое предложеніе, путешественникъ можетъ быть вполнѣ увѣренъ въ своей полной безопасности. Конечно, онъ не согласится на это даромъ, но лучше заплатить большую сумму, чѣмъ быть ограбленнымъ и даже убитымъ. Никогда не согласится албанецъ ограбить человѣка, у котораго онъ служитъ, развѣ уже напередъ предупредитъ его, что впредь онъ разрываетъ съ нимъ всякія отношенія. Нерѣдко тотъ или другой господинъ, оказавшій услугу албанцу, получаетъ письмо, въ которомъ его извѣщаютъ, что на него готовится нападеніе разбойничьей шайки. Въ концѣ письма слѣдуетъ подпись въ такомъ родѣ: «Почтительно цѣлую вашу руку и остаюсь однимъ изъ членовъ этой шайки».

Свой насущный хлѣбъ албанецъ болѣе всего любитъ добывать грабежемъ или войной и охотно записывается въ ряды наемныхъ войскъ, состоящихъ подъ начальствомъ ихъ собственныхъ предводителей, которымъ албанцы оказываютъ безусловное повиновеніе. Албанскими солдатами дорожатъ всѣ, кому приходилось имѣть съ ними дѣло, потому что они отличаются необыкновенною стойкостью, совершеннымъ презрѣніемъ къ опасностямъ и способностью выносить всевозможныя лишенія. Не даромъ знаменитый англійскій поэтъ Байронъ такъ описываетъ этотъ народъ:

«Свирѣпъ и дикъ албанецъ съ виду;
Но вы, Албаніи сыны,
Врагамъ дадитесь ли въ обиду?
Они несутъ труды войны,
Они стремительны и скоры,
Суровымъ мужествомъ горды;
Они, какъ скалы ихъ и горы,
Непоборимы и тверды....»

Всѣ албанцы превосходные стрѣлки и самый дикій и воинственный народъ. Величайшіе храбрецы въ странѣ, отличившіеся на полѣ битвы, называются *паликарами*.

Самая характерная черта, общая всѣмъ албанцамъ, къ какому бы племени и къ какой бы религіи они ни принадлежали,—кровавая месть за малѣйшее оскорбленіе. Страстный, вспыльчивый темпераментъ народа, до сихъ поръ не смягченный цивилизаціею, его первобытныя понятія о чести и совѣсти, крайняя щепетильность и щекотливость во всемъ, что ея касается, упрямый консерватизмъ относительно какой бы то ни было перемѣны въ нравахъ народа, — вотъ чѣмъ можно объяснить этотъ обычай, пустившій такіе глубокіе корни. Кровавая месть между албанцами существуетъ испоконъ вѣка и даже урегулирована законами.

И ничтожныя причины, и серьезные поводы легко вызываютъ ее: пустая ссора,

нарушеніе клятвы или честнаго слова и обѣщанія, похищеніе и обезчещеніе дѣвушки, невѣрность въ бракѣ, клевета, разрывъ обрученія, часто даже неблагопріятное показаніе на судѣ, оскорбленіе, нанесенное гостю,—за все это и за очень многое другое, по понятію албанца, слѣдуетъ мстить не на жизнь, а на смерть. Кровавая месть нерѣдко волнуетъ всю округу. Одинъ албанецъ убилъ другого (для этого нуженъ весьма ничтожный поводъ: однажды 12 человѣкъ пало въ одинъ день вслѣдствіе того, что одинъ отказалъ товарищу въ обѣщанныхъ патронахъ),—вся округа приходитъ въ страшное волненіе, о случившемся даютъ знать булукъ-баши (турецкій чиновникъ, поставленный въ каждомъ округѣ, кромѣ мирдитовъ и нѣкоторыхъ другихъ почти независимыхъ племенъ), тотъ посылаетъ полицейскихъ, которые сжигаютъ домъ убійцы и арестуютъ его родственниковъ; послѣдніе до тѣхъ поръ содержатся въ заключеніи, пока не явится убійца. Если убійца спасся бѣгствомъ, онъ еще не можетъ считать себя въ безопасности. Надъ его головой, подобно дамоклову мечу, виситъ кровавая месть, и онъ долженъ опасаться каждую минуту, что родственникъ или другъ его жертвы вотъ-вотъ появится передъ нимъ и убьетъ его. Убійца нигдѣ въ Албаніи не можетъ найти угла, гдѣ бы онъ могъ преклонить голову, такъ какъ семейство, давшее ему пріютъ, подвергается изгнанію, что считается здѣсь тяжкимъ наказаніемъ. Если онъ бѣжитъ, его родственники поплатятся за него. Семейство жертвы, при первомъ извѣстіи объ убійствѣ, хватается за оружіе и нападаетъ на родственниковъ и на друзей убійцы. Завязывается уличная борьба, которая оканчивается отступленіемъ или избіеніемъ одной стороны или, наконецъ, вмѣшательствомъ нейтральныхъ лицъ, всего чаще женщинъ. Тутъ принимается за дѣло кавасъ (полицейскій чиновникъ); булукъ-баши, собираетъ совѣтъ, который обыкновенно постановляетъ такой приговоръ: семейство убійцы должно заплатить 1,500 піастровъ (піастръ $5^1/_2$ коп.) генералъ-губернатору (турецкій паша—главный начальникъ албанцевъ, который, впрочемъ, въ сношеніяхъ съ ними долженъ руководствоваться мѣстными обычаями) и соотвѣтственную сумму семьѣ убитаго. Если послѣдняя удовлетворится денежнымъ вознагражденіемъ, а семья убійцы въ состояніи выплатить назначенное, то кровавая месть прекращается. Но корыстолюбіе рѣдко одерживаетъ здѣсь верхъ надъ стремленіемъ къ кровавой мести. У племени мирдитовъ и нѣкоторыхъ другихъ считается даже позоромъ продать свое право на месть. Съ минуты, когда произошло убійство, семья жертвы только и мечтаетъ о томъ, какъ бы погубить членовъ другой семьи и даже ея друзей. Если убійство совершено жителемъ другой деревни, то обязана мстить деревня, къ которой принадлежалъ убитый. Тогда все мужское населеніе ея выступаетъ противъ деревни убійцы, жители которой тоже, конечно, хватаются за оружіе. Происходитъ сраженіе, оканчивающееся или отраженіемъ нападенія, или осадою деревни, если только своевременно не вмѣшаются женщины и не добьются перемирія. Тутъ являются булукъ-баши и его кавасъ и стараются примирить враждебныя стороны, и въ концѣ концовъ все дѣло обыкновенно предоставляютъ двумъ наиболѣе близко затронутымъ семействамъ, а обѣ враждующія деревни заключаютъ между собою миръ. Но при этомъ та деревня, которая менѣе пострадала, должна оплатить разницу взаимныхъ потерь, а именно за каждаго убитаго 1500 піастровъ, за тяжело раненнаго 750 піастровъ, за легко раненнаго отъ 100 до 200.

Албанцы до такой степени жадны до кровавой мести, что ихъ менѣе огорчаетъ потеря близкаго человѣка, чѣмъ невозможность мстить, что бываетъ, если бѣжавшій убійца не оставилъ ни родственниковъ, ни друзей. Въ этомъ случаѣ мстительный албанецъ часто стрѣляетъ даже въ такихъ людей, которые не имѣютъ ничего общаго съ убійцею, кромѣ того развѣ, что какой-нибудь разъ-другой поговорили съ нимъ.

Нерѣдко кровавая месть безконечно затягивается, и къ ней привлекаются все новыя семьи. Можно назвать не мало примѣровъ, когда вражда переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе и тянулась цѣлыя столѣтія.

Какъ и другіе патріархальные народы, албанцы свято соблюдають обычай гостепріимства: принимають каждаго путника радушно и ничего не берутъ за угощеніе. Если имъ удается даже очень щедро угостить гостя, обычай требуетъ просить у него извиненія за дурное угощеніе, увѣряя его, что ему было подано все, что только есть въ домѣ, и это всегда чистѣйшая правда. Если въ домѣ нѣтъ мужчинъ, обязанность гостепріимства должны исполнять женщины. Гостя, который пріѣзжаетъ на болѣе или менѣе продолжительное время, албанецъ водитъ по всему селенію, изъ дома въ домъ, и его вездѣ принимаютъ съ почетомъ и угощеніемъ. Если бы албанецъ не исполнилъ свято всѣхъ правилъ гостепріимства относительно гостя или какого-нибудь случайно забревшаго къ нему путника, а его односельчане какъ-нибудь узнали бы объ этомъ, онъ долженъ представить удовлетворительное объясненіе своего поступка. Его оправдаютъ, если въ домѣ и у его ближайшихъ сосѣдей случились тяжело больные или произошло какое-нибудь другое несчастіе,—въ противномъ случаѣ онъ рискуетъ подвергнуться всеобщему презрѣнію. Лучшимъ доказательствомъ гостепріимства албанцевъ служитъ то обстоятельство, что убійство гостя считается здѣсь величайшимъ оскорбленіемъ, болѣе тяжкимъ даже, чѣмъ убійство члена семьи. Въ этомъ случаѣ вся деревня, въ которой жилъ гость, а часто даже и все племя считаетъ месть своею обязанностью. Это происходитъ особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда убитому чужестранцу была гарантирована безопасность (бесса) со стороны того или другого племени или деревни. По этому поводу нерѣдко происходитъ страшная вражда, которая превращается въ настоящую междоусобицу.

Албанецъ, принадлежащій къ какому-нибудь изъ двухъ враждебныхъ племенъ, каждую минуту долженъ опасаться за свою жизнь. Когда онъ издали встрѣчаетъ незнакомца, тотъ кричитъ ему: «изъ какого ты племени?» и если несчастный принадлежитъ къ враждебному племени, то за отвѣтомъ слѣдуютъ два выстрѣла. Честь запрещаетъ въ такихъ случаяхъ отказаться отвѣчать или солгать. Если родственнику убійцы удастся получить отъ оскорбленнаго семейства «бессу», то убійца и его семейство могутъ жить въ полной безопасности, такъ какъ кровомщеніе послѣ бессы считается позоромъ. Если убійство произошло случайно, то убійца можетъ не опасаться кровавой мести, если только онъ выплатитъ положенное вознагражденіе.

Въ дѣлѣ чести албанцы очень чувствительны. На похищеніе и обезчещеніе дѣвушки они смотрятъ какъ на величайшее несчастье, и тутъ уже никакое примиреніе невозможно. Семейство, которое удовлетворилось-бы въ этомъ случаѣ денежнымъ вознагражденіемъ, лишилось-бы всякаго уваженія,—только кровью можно смыть такой позоръ. Но къ бѣдной дѣвушкѣ въ этомъ случаѣ бываютъ очень несправедливы: если даже она сдѣлалась жертвою насилія, родственники безпощадно убиваютъ ее. Если ей удастся спастись бѣгствомъ, то братья и отецъ не успокоятся до тѣхъ поръ, пока не выслѣдятъ ея убѣжища и не убьютъ какъ дѣвушку, такъ и ребенка, если онъ у нея есть. Если родные простятъ несчастную, то народъ побьетъ ее камнями или сожжетъ. Соблазнителя также убиваютъ родственники несчастной дѣвушки, ни въ комъ не вызывая за это кровавой мести, такъ какъ соблазнъ дѣвушки считается здѣсь наитягчайшимъ преступленіемъ и позоромъ. Щекотливость мирдитовъ въ этомъ случаѣ заходитъ такъ далеко, что дѣвушка считается обезчещенною, если она поболтаетъ съ чужимъ парнемъ, будь то даже совсѣмъ невинная болтовня. Были

случаи, что дѣвушки даже сами убивали себя, если про нихъ пускали молву, что видѣли ихъ разговаривающими съ чужими парнями. Если это оказывается клеветою, то тотъ, кто пустилъ ее, падаетъ жертвою кровавой мести.

Кровомщеніе иногда оканчивается примиреніемъ. Когда прошли уже многіе годы въ бурной враждѣ и она начинаетъ ослабѣвать, дальній родственникъ убійцы или священникъ рѣшается пойти къ родственнику жертвы, чтобы отъ имени убійцы вымолить у него прощеніе. Если тотъ отказывается, священникъ одѣваетъ свое облаченіе и, предшествуемый пономаремъ съ крестомъ и евангеліемъ, торжественно отправляется въ жилище оскорбленнаго родственника. Священникъ заклинаетъ его во имя христіанской религіи, которая повелѣваетъ прощать врагу, простить лицу, его оскорбившему. Для большаго эффекта пускаютъ въ ходъ маленькихъ дѣтей, которые, упавъ на колѣни, съ плачемъ обнимаютъ ноги оскорбленнаго. Если тотъ упрямится, священникъ прибѣгаетъ къ угрозамъ, стращаетъ его мученіями въ аду, расписывая ихъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Если и это не помогаетъ, то раздраженный священникъ объявляетъ жестокосердому отлученіе отъ церкви, порога которой онъ не долженъ переступать съ этой минуты. При этомъ онъ произноситъ самыя тяжелыя для албанца проклятія: «пусть твой порохъ никогда не вспыхиваетъ, пусть твоя пуля никогда не попадаетъ въ цѣль, пусть твой родъ исчезнетъ съ лица земли и пусть ты со всѣмъ семействомъ умрешь, не сдѣлавъ выстрѣла». Но албанецъ рѣдко доведетъ свое упрямство до произнесенія проклятій. Картина мученій въ аду такъ потрясаетъ его, что онъ объявляетъ свое согласіе на примиреніе.

Въ назначенный день самые отдаленные родственники оскорбленнаго собираются у дома убійцы, куда приходитъ и священникъ съ пономаремъ. Когда всѣ собрались, они выступаютъ торжественной процессіей къ дому оскорбленнаго: впереди идетъ пономарь съ крестомъ и евангеліемъ, потомъ священникъ въ облаченіи, далѣе слѣдуютъ колыбели съ грудными ребятами въ возможно большемъ количествѣ, затѣмъ выступаетъ убійца или его родственникъ со связанными назадъ руками, причемъ орудіе убійства виситъ у него на шеѣ; сзади шествуетъ все семейство и даже самые отдаленные родственники убійцы. Подойдя къ дому оскорбленнаго, всѣ останавливаются. Мужчины снимаютъ шапки и кладутъ ихъ на колыбели; священникъ подводитъ убійцу къ двери дома, и онъ садится. Въ эту минуту на порогѣ появляется оскорбленный и, съ притворнымъ удивленіемъ, спрашиваетъ, что все это означаетъ. Священникъ объясняетъ ему, приводитъ въ примѣръ Спасителя, простившаго врагамъ, и обращается къ его милосердію. Тотъ отрицательно качаетъ головой. Священникъ удваиваетъ свои просьбы, но оскорбленный, повидимому, все еще испытываетъ душевную борьбу. Наконецъ, онъ беретъ одну колыбель, нѣсколько разъ проходитъ съ нею слѣва направо и ставитъ ее на мѣсто такимъ образомъ, что ребенокъ смотритъ на Западъ. Другіе такимъ-же образомъ переставляютъ колыбели, обращенныя прежде на востокъ. Тогда священникъ и друзья убійцы преклоняютъ колѣна передъ оскорбленнымъ и умоляютъ его простить убійцу. Оскорбленный опять какъ будто борется съ собой, плачетъ, вздыхаетъ, описываетъ прекрасныя качества своего убитаго родственника и отвѣчаетъ на всѣ просьбы: «мое сердце еще не готово». Если онъ хочетъ унизить врага, онъ можетъ тянуть эту комедію цѣлые часы. Но вотъ, наконецъ, на всѣхъ лицахъ выражается томительная скука; тогда онъ подходитъ къ убійцѣ, все еще стоящему на колѣняхъ, срываетъ орудіе убійства съ его шеи, бросаетъ его въ сторону и поднимаетъ убійцу, обнимая и цѣлуя его со словами прощенія. Другіе родственники убитаго съ тѣми-же словами обнимаютъ убійцу,—такимъ образомъ вражда прекращена. При этомъ въ видѣ примирительнаго подарка родствен-

ники и друзья убійцы подносятъ оскорбленному самое драгоцѣнное изъ своего имущества, т.-е. свое оружіе. Есть, однако, время, въ продолженіи котораго прекращается всякое кровомщеніе,—это война.

Кромѣ духовныхъ лицъ и торговцевъ-горожанъ, албанцы-магометане сбриваютъ волосы на головѣ, за исключеніемъ чуба на маковкѣ. Они носятъ длинные усы и оставляютъ брови въ неприкосновенности, но вырываютъ всѣ волосы на тѣлѣ. У многихъ мужчинъ такимъ образомъ совершенно голый черепъ; нѣкоторые сбриваютъ и чубъ, но оставляютъ пучки волосъ надъ ушами. Чтобы не простудиться, на голову надѣваютъ гладкую шапочку, а сверху фесъ; другіе имѣютъ наполовину выбритую голову, но нѣкоторые молодые совсѣмъ не бреютъ головы. Албанцы-магометане болѣе стройны и красивы, чѣмъ католики, и ихъ въ высшей степени живописный костюмъ (у католиковъ, какъ, напр., у мирдитовъ, онъ гораздо проще) придаетъ ихъ лицамъ, дышащимъ отвагой и энергіею, какую-то своеобразную мужественную красоту.

Бѣлая фустанелла, одѣтая поверхъ рубашки, драпируется у таліи безчисленнымъ множествомъ складокъ и напоминаетъ короткую женскую юбку. Чѣмъ богаче албанецъ, тѣмъ шире его фустанелла,—у нѣкоторыхъ этихъ складокъ бываетъ до 750. Подъ фустанеллой носятъ широкія шаровары, которыя теряются въ штиблетахъ; у богатыхъ онѣ роскошно вышиты. Талія перетянута широкимъ краснымъ или пестрымъ поясомъ, за которымъ заткнуты пистолетъ, ятаганъ или кинжалъ, обыкновенно въ ножнахъ, со множествомъ серебряныхъ украшеній. На рубашку одѣваютъ жилетъ, вышитый краснымъ, чернымъ или золотомъ; поверхъ него набрасываютъ красную, вышитую золотомъ, короткую куртку съ висячими рукавами. Бѣдные албанцы, которые не могутъ обзавестись фустанеллой, замѣняютъ ее широкими шароварами. На головѣ носятъ фесъ. Чѣмъ болѣе албанецъ наживаетъ денегъ, тѣмъ богаче онъ носитъ одежду. Большинство богатыхъ людей носитъ на себѣ все свое достояніе въ видѣ роскошно расшитой одежды и дорогого оружія. Если албанцу и удастся какъ-нибудь зашить въ свой поясъ небольшую сумму денегъ про черный день, то, при его веселомъ, безпечномъ характерѣ, она недолго у него пролежитъ, и онъ, легкомысленно истративъ все до полушки, сначала спускаетъ свое роскошное платье, а потомъ продаетъ и оружіе, которымъ такъ тщеславится. Какъ бы онъ ни страдалъ въ душѣ, что лишился платья и любимаго оружія, онъ никогда не падаетъ духомъ и всегда сохраняетъ свою гордую, самодовольную осанку. Когда ему долго не удается обновить свой костюмъ, онъ вскидываетъ свое ружье на плечо и выходитъ на большую дорогу.

Албанцы-магометане меньше поютъ, чѣмъ христіане, но все-же въ Албаніи поютъ несравненно больше, чѣмъ въ Турціи, гдѣ пѣсни услышишь развѣ отъ пѣвца въ кофейной. Здѣсь, напротивъ, пѣсня нерѣдко раздается и за работой. Знатные и богатые часто приглашаютъ музыкантовъ цыганъ и заставляютъ ихъ играть танцы; нерѣдко цыгане аккомпанируютъ и монотонному пѣнію магометанъ. Изъ инструментовъ вы найдете здѣсь скрипку, грушевидную мандолину съ 4—12-ю металлическими струнами, на которыхъ играютъ стволомъ гусинаго пера, флейту, бубны, употребляемые при танцахъ только цыганами, наконецъ, національный музыкальный инструментъ—нѣчто среднее между мандолиной и цитрой—«тамбурика», звукъ которой меланхолически-глухой и тихо-жалобный. Онъ служитъ для аккомпанимента пѣнія монотонныхъ народныхъ пѣсенъ.

Албанцы-магометане сами не танцуютъ, но приглашаютъ для этого цыганокъ, которыя отплясываютъ съ распущенными волосами и потрясая кастаньетами. Когда

албанецъ доволенъ танцами, онъ подзываетъ лучшую танцорку-цыганку и слюною приклеиваетъ на ея лобъ и губы золотую монету.

Танцы албанцевъ-христіанъ состоятъ обыкновенно изъ скачковъ и граціозныхъ движеній, и во многихъ изъ нихъ воспроизводятъ сцены изъ семейной жизни. Женщины танцуютъ только между собой, попарно, уперши одну руку въ бокъ, а другою помахивая платкомъ надъ головой.

Зажиточные магометане-албанцы строятъ свои жилища и обставляютъ ихъ такъ же, какъ и въ Турціи. При появленіи на свѣтъ ребенка, при похоронахъ и свадьбахъ они соблюдаютъ, за немногими исключеніями, тѣ же обычаи, какъ и тамъ, съ тою разницею, что у албанцевъ-магометанъ многоженство является какъ въ высшей степени рѣдкое исключеніе, и всѣ здѣсь имѣютъ одну жену. Жилища небогатыхъ людей, кто бы они ни были,—магометане, православные или католики, поражаютъ своимъ жалкимъ, грязноватымъ видомъ. Въ окнахъ очень часто нѣтъ никакихъ стеколъ, а только висятъ ставни. Зимой, когда поднимется вѣтеръ и вьюга, снѣгомъ занесетъ всѣхъ, кто сидитъ въ хижинѣ. Тутъ уже одно спасеніе: закроютъ ставни, а сами усядутся вокругъ очага, трясутся да согрѣваютъ у огня свои окоченѣвшіе члены. Въ горныхъ мѣстностяхъ Албаніи жилища находятся на далекомъ разстояніи другъ отъ друга и, какъ птичьи гнѣзда, ютятся на вершинахъ. Дома чаще каменные, чѣмъ деревянные, безъ мебели: очагъ изъ камней и изъ глины посреди комнаты; надъ нимъ въ потолкѣ дырка, или нѣчто въ родѣ дымовой трубы. Постелями служатъ цыновки, подушки и мѣшки съ соломою; вмѣсто стола—ящикъ или камень. Въ домахъ людей позажиточнѣе — башни, которыя составляютъ часть дома или совершенно особыя зданія. Особо стоящія башни имѣютъ четырехъ-угольную форму, въ три, а иногда даже и въ четыре этажа. Сообщеніе между этажами происходитъ посредствомъ витой лѣстницы; нижніе этажи освѣщаются лишь бойницами и только верхніе маленькими окошками. Дверь въ башню сдѣлана во второмъ этажѣ; къ ней ведетъ обыкновенно каменная лѣстница, отстоящая отъ башни на пять, на шесть футовъ и соединяющаяся съ дверью башни посредствомъ подъемнаго моста. Эти зданія стоятъ обыкновенно на возвышенныхъ мѣстахъ, такъ что ихъ видно уже издали. Чаще всего, однако, жилища одноэтажныя, въ высшей степени жалкія и безъ всякихъ башенъ. Но болѣе всего путешественника поражаетъ то, что въ этихъ жалкихъ албанскихъ жилищахъ онъ нерѣдко встрѣчаетъ драгоцѣнныя вещи: дорогое оружіе, чеканные кувшины, богатыя ожерелья, обыкновенно добытыя грабежемъ.

Албанцы чрезвычайно мало занимаются земледѣліемъ и презираютъ тяжелый трудъ. Большую часть своей земли они обратили въ пастбища и гоняютъ на нихъ свои стада. Въ то время, когда сынъ, какъ Менелай, гонитъ быковъ на лугъ, его отецъ самъ сторожитъ свой домъ, какъ Улиссъ. Если придетъ гость, хозяинъ самъ закалываетъ барана, какъ это дѣлалъ Ахиллесъ. Барана, теленка, а иногда даже и быка зажариваютъ цѣликомъ и начиняютъ рисомъ. Это самое роскошное и любимое блюдо. Въ будніе же дни ихъ ежедневную пищу составляетъ: маисовый хлѣбъ, спеченный на угольяхъ, кое-какая растительная пища, молоко—и больше ничего. Пьютъ обыкновенно воду, но въ праздникъ и для гостя подаютъ вино и ракію (водку). За обѣдомъ прислуживаютъ женщины.

Положеніе женщины въ Албаніи, кто бы она ни была, магометанка, католичка или православная, весьма унизительное. Громадное большинство женщинъ, даже въ зажиточныхъ семьяхъ, безграмотны и въ высшей степени суевѣрны, — впрочемъ, въ этомъ отношеніи отъ нихъ не отстаютъ и мужчины, воспитанные невѣжественными, суевѣрными матерями, которыя до замужества

вели чрезвычайно замкнутый образъ жизни. Тѣмъ не менѣе албанки-магометанки и въ нравственномъ, и въ умственномъ отношеніи выше католичекъ, совершенно развращенныхъ вліяніемъ невѣжественнаго и корыстолюбиваго католическаго духовенства. Магометанки въ Албаніи во всѣхъ отношеніяхъ дѣльнѣе и нравственнѣе своихъ сестеръ въ Турціи: многоженства здѣсь не существуетъ, и оно является лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ даже у людей очень зажиточныхъ. Такимъ образомъ магометанку не развращаетъ здѣсь, какъ въ Турціи, пошлая бездѣятельная жизнь, полная гаремныхъ интригъ. Магометанки въ Албаніи вообще красивы, хорошо сложены, но, какъ и въ Турціи, чрезвычайно наклонны къ полнотѣ, какъ и тамъ, носятъ «фередже» и яшмакъ. Какъ у магометанокъ, такъ и у католичекъ въ большомъ употребленіи румяна и всевозможныя притиранія. Волоса и брови красятъ въ черную краску, губы—въ красную, ногти рукъ и ногъ—въ желтую; многія даже чернятъ губы. Эти притиранія преждевременно разрушаютъ волосы, кожу и губы албанокъ.

Воспитаніе дѣтей у всѣхъ албанцевъ носитъ спартанскій характеръ. Съ первыхъ дней появленія на свѣтъ ребенка мать даетъ ему вина, чтобы онъ былъ крѣпче. До 7-ми лѣтъ дѣтей держатъ чрезвычайно сурово: они всюду должны ходить, бѣгать, лазить по горамъ и пасти скотъ съ непокрытой головой, безъ штановъ и босикомъ. Только въ самое суровое время года, поверхъ единственной рубашки, имъ позволяютъ что-нибудь накинуть.

Бѣдный классъ албанцевъ-магометанъ такъ-же мало пользуется школьнымъ обученіемъ, какъ и бѣдняки изъ католиковъ. Если дѣтей обучаютъ читать и писать, то стараются учить ихъ по турецки, такъ какъ это даетъ имъ возможность впослѣдствіи получать мѣста на государственной службѣ, а языкъ своего племени они знаютъ и безъ обученія. Гораздо больше, чѣмъ объ обученіи, албанцы заботятся объ умѣніи мальчика обращаться съ оружіемъ.

Почтеніе сыновей къ родителямъ такъ велико, что сынъ въ присутствіи чужихъ не смѣетъ ѣсть вмѣстѣ съ отцомъ и говоритъ только тогда, когда его спросятъ. Непокорнаго сына отецъ можетъ прогнать и лишить наслѣдства. Сколько бы лѣтъ ни провелъ албанскій юноша на чужбинѣ, это только усиливаетъ его любовь къ родинѣ. Тутъ никто не помнитъ случая, чтобы кто-нибудь женился на чужой сторонѣ или перевезъ туда свою семью: такого-бы всякій сталъ презирать.

Дѣвушки не получаютъ никакого воспитанія. Магометанки до 12-ти лѣтъ ходятъ непокрытыми, а затѣмъ должны носить яшмакъ; богатые, впрочемъ, отдаютъ иногда въ школы своихъ дочерей; затѣмъ онѣ подвергаются домашнему аресту до замужества. Онѣ занимаются домашними работами—шитьемъ, вышиваніемъ, и какъ магометанки, такъ и христіанки обучаются румяниться, что здѣсь считается для дѣвушки немаловажною наукою.

Албанцы, живущіе въ Горной или Сѣверной Албаніи, — *геги*, не признаютъ никакой другой турецкой власти, кромѣ турецкаго паши, который въ сношеніяхъ съ ними долженъ руководствоваться мѣстными обычаями того племени, съ которымъ онъ имѣетъ дѣло. Албанія дѣлится на нѣсколько частей; изъ нихъ каждая имѣетъ своего *булукъ-баши*, обязаннаго защищать передъ пашею интересы жителей своей мѣстности. Въ должность свою булукъ-баши выбираются пашею, но ихъ выборъ долженъ быть одобренъ старшинами племени и начальниками деревень; они не вмѣшиваются въ мѣстныя дѣла своихъ племенъ и могутъ являться къ нимъ только съ позволенія мѣстныхъ начальниковъ. Булукъ-баши племени *готти* (одного изъ албанскихъ племенъ, пользующагося привилегіею выходить первымъ на войну) — выше другихъ и

послѣ паши считается вторымъ лицомъ въ Албаніи; онъ пользуется, передъ всѣми своими собратьями, наибольшимъ вліяніемъ у паши. На обязанности каждаго булукъ-баши лежитъ передача приказаній губернатора (т.-е. паши), командованіе своимъ племенемъ во время войны и раздача съѣстныхъ припасовъ. Но истинные начальники горныхъ албанскихъ племенъ—*байрактары* (знаменоносцы), называемые такъ потому, что они носятъ на войну знамя своего племени. Кромѣ нихъ, еще существуетъ *совѣтъ старшинъ* или воеводъ, въ которомъ каждый родъ имѣетъ своего представителя. Воеводы и байрактары обязаны примѣнять законы, защищать интересы своей мѣстности, но не имѣютъ никакого права дѣлать нововведенія, такъ какъ законодательная власть принадлежитъ всему народному собранію. Ни одинъ законъ не можетъ быть принятъ, если на собраніи не будетъ, по крайней мѣрѣ, по одному человѣку отъ каждаго дома. Собранія бываютъ въ опредѣленное время, и начальники объявляютъ объ нихъ въ каждой деревнѣ черезъ одного изъ своихъ слугъ. Одно собраніе обыкновенно бываетъ весной, а другое осенью: на нихъ опредѣляютъ мѣста для пастбищъ и время, въ которое каждый можетъ послать туда свой скотъ и когда онъ долженъ его оттуда угнать, и занимаются другими дѣлами въ этомъ родѣ. Нарушителей законовъ или рѣшеній, постановленныхъ въ этихъ собраніяхъ, наказываютъ пенею, которую опредѣляютъ старшины; она и состоитъ обыкновенно изъ извѣстной суммы денегъ, барановъ, козъ, быковъ и соразмѣряется съ важностью преступленія. Кромѣ этихъ общинъ, есть еще отдѣльныя собранія, касающіяся интересовъ одной какой-нибудь мѣстности. Наконецъ, случается, что жители всей Албаніи соединяются въ одно собраніе, чтобы обсудить свои общіе интересы или чтобы условиться, какимъ образомъ сообща выказать сопротивленіе полученнымъ отъ турецкихъ властей приказаніямъ, если они ихъ считаютъ несправедливыми или черезчуръ требовательными. Въ этихъ собраніяхъ племя готти занимаетъ почетное мѣсто.

Тотъ, кто долженъ присутствовать на тѣхъ или другихъ собраніяхъ и не явится въ надлежащее время, платитъ штрафъ. Въ собраніяхъ начальники и старшины собираются въ кругъ; около нихъ толпится народъ. Когда всѣ сошлись и если это собраніе всѣхъ племенъ, начинаетъ говорить байрактаръ племени готти: онъ объясняетъ собравшимся причины, по которымъ въ данную минуту созвано собраніе. Послѣ преній, въ которыхъ всѣ присутствующіе могутъ принимать участіе, отходитъ въ сторону нѣсколько лицъ, особо для этого назначенныхъ, совѣщается между собой и со старшинами, затѣмъ выходятъ передъ собравшимся народомъ и предлагаютъ ему постановить рѣшеніе, которое имъ кажется наиболѣе подходящимъ къ данному случаю; народъ обыкновенно соглашается на ихъ предложеніе.

На этихъ же собраніяхъ судятъ за преступленія, совершенныя противъ общины, взимаютъ за это штрафъ животными и собранный такимъ образомъ скотъ съѣдаютъ на пиру, въ заранѣе назначенномъ домѣ. На этомъ пиру должны принимать участіе по одному человѣку изъ каждаго дома.

Хотя албанецъ и не занимается земледѣліемъ, но онъ дорого цѣнитъ свою землю, которая служитъ ему пастбищемъ для скота, и не желаетъ видѣть ее не только въ рукахъ чужестранца, но даже и человѣка чужого племени. Чтобъ земля не перешла въ чужія руки, продажа ея сопряжена съ большими хлопотами и обставлена большими ограниченіями. Тотъ, кто вздумаетъ продать свой участокъ, долженъ сначала объявить объ этомъ своимъ самымъ близкимъ родственникамъ, которые, преимущественно передъ всѣми, имѣютъ право купить землю. Если близкіе родственники не имѣютъ средствъ или не хотятъ ее купить, ее предлагаютъ болѣе дальнимъ родственникамъ, и только въ случаѣ отказа всѣхъ, земля можетъ перейти въ руки чужого рода.

Наслѣдство переходитъ только по мужской линіи, женщины не имѣютъ на него никакого права. Но если послѣ смерти родителей остается только одна дочь, то, подъ условіемъ безбрачія, она можетъ пользоваться ихъ имуществомъ. Когда албанецъ умираетъ бездѣтнымъ и оставляетъ послѣ себя жену, его родственники дѣлятъ между собой его имущество, но съ обязательствомъ давать содержаніе его вдовѣ въ размѣрѣ, опредѣленномъ мѣстными старшинами, и затѣмъ она можетъ поселиться, гдѣ пожелаетъ.

МИРДИТЫ.

Природа страны.—Одежда жителей, ихъ характеръ, нравы и обычаи.—Духовенство.—Женщины.—Свадьба.—Избавленіе отъ ненавистнаго жениха.—Управленіе страною.—Нарушеніе правъ мирдитовъ.—Правосудіе.

Когда оставляешь Скутари (или Скодру) и отправляешься нѣсколько южнѣе въ Орошъ, главный городъ мирдитовъ и резиденцію ихъ князя (мирдиты одно изъ албанскихъ племенъ, наименѣе зависимыхъ отъ Порты), природа страны замѣтно мѣняется. Поля этой разнообразной, волнистой мѣстности отлично обработаны, часто попадаются богатые виноградники и шелковичныя деревья, но еще чаще богатые дубовые лѣса. Мѣстами, однако, встрѣтишь и совершенные пустыри, такъ что въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ ѣзды не увидишь иногда ни клочка поля: только горы, скалы да камни, и кой-гдѣ небольшія лужайки. Пастбища мирдитовъ довольно значительны, такъ что они не имѣютъ нужды посылать свои стада въ равнины, что сильно содѣйствовало сохраненію ихъ независимости. Мирдиты, попадающіеся по дорогѣ, одѣты гораздо проще, чѣмъ другіе албанцы. Длинная, бѣлая, шерстяная куртка, замѣняющая имъ въ то же время и рубашку, опоясана широкимъ краснымъ поясомъ, за которымъ торчатъ пистолеты съ рукоятками, украшенными кораллами и гранатами; длинныя широкія шаровары подвязаны почти у самой ступни; ноги въ кожаныхъ башмакахъ; на головѣ—бѣлая войлочная шапка. Кромѣ пистолетовъ, у каждаго изъ нихъ превосходное длинное албанское ружье; вообще здѣсь всѣ вооружены, нерѣдко даже у женщинъ пистолетъ заткнутъ за поясъ.

Мирдиты самые свирѣпые и воинственные изъ албанцевъ. Они никогда не были покорены турками и управляются своимъ собственнымъ княземъ или «капитаномъ». Всѣ мирдиты христіанской вѣры, римско-католическаго исповѣданія, но въ своемъ богослуженіи они удержали многіе греческіе обряды; самое замѣчательное—причащеніе подъ обоими видами, а настоящіе католики причащаются только оплатками, т.-е. отъ плоти І. Х. Въ нѣкоторыхъ ихъ церквахъ можно найти православные кресты и остатки византійской живописи. Мирдиты чрезвычайно смѣлый и необыкновенно фанатичный народъ; они ни за что не позволятъ магометанину поселиться между ними, и ни одно оскорбленіе ихъ религіи не пройдетъ у нихъ не отомщеннымъ. Однажды скодрскій паша (губернаторъ) сталъ противиться построенію въ этомъ городѣ римско-католической семинаріи для ихъ священниковъ и приказалъ срыть стѣны, которыя уже отчасти были построены. Хотя это намѣреніе и не было приведено въ исполненіе и семинарія была построена, но лишь только мирдиты прослышали о желаніи паши, они тотчасъ всѣ собрались, чтобы спуститься въ равнину и, разрушивъ магометанскую мечеть, отомстить за оскорбленіе своей религіи. Князь и священники едва могли отговорить ихъ отъ этого предпріятія, такъ какъ оно могло повредить и другимъ христіанамъ, которыхъ магометане въ свою очередь, навѣрно, стали бы за это преслѣдовать.

Религіозное воспитаніе дѣтей ограничивается зазубриваніемъ нѣсколькихъ молитвъ; но еще раньше этого мать пріучаетъ ихъ вѣрить духамъ, вампирамъ, колдунамъ, вѣдьмамъ, амулетамъ, дурному глазу. Величайшее благоговѣніе внушаетъ она своему питомцу къ католическому священнику, здѣсь всегда невѣжественному и въ большинствѣ случаевъ весьма безнравственному. Въ 10 лѣтъ мальчикъ вступаетъ въ школу, гдѣ его обучаютъ съ грѣхомъ пополамъ чтенію, письму, счету и отрывочнымъ религіознымъ правиламъ, совсѣмъ не выясняющимъ духа христіанскаго ученія. Свое обученіе мальчикъ кончаетъ въ 13 лѣтъ, и учиться чему-нибудь болѣе ни одному албанцу еще и въ голову не приходило.

Албанское католическое духовенство, за немногими исключеніями, пользуется религіей, чтобы обогащаться, втираться въ семьи и играть тамъ роль господина. Іезуиты, францисканцы и бѣлое духовенство господствуютъ и властвуютъ здѣсь надъ суевѣрными католиками-албанцами съ такою неограниченною властью, какая можетъ показаться въ наше время совсѣмъ невѣроятною. Священникъ имѣетъ доступъ во всѣ дома, каждая женщина считаетъ величайшею честью имѣть его своимъ другомъ; онъ является настоящимъ господиномъ дома, ведетъ семейныя дѣла, всѣмъ управляетъ, приказываетъ, передъ его желаніемъ склоняется хозяинъ дома и ничего не смѣетъ сдѣлать безъ его одобренія. Такое значеніе безнравственныхъ священниковъ въ семьѣ мирдитовъ имѣетъ самое гибельное вліяніе на католическую паству албанцевъ: они поддерживаютъ суевѣрія матерей, продаютъ имъ въ громадномъ количествѣ треугольныя дощечки, исписанныя мистическими словами, чтобы вѣшать дѣтямъ на шею, совѣтуютъ имъ обвѣшивать лошадей священными предметами, которые тутъ же продаютъ, и такой торговлей наживаютъ порядочныя деньги. Албанцы-католики, а между ними особенно мирдиты, отличаются фанатической преданностью къ религіи, но выполняютъ религіозныя обязанности лишь внѣшнимъ образомъ: не соблюсти постъ для мирдита болѣе важное преступленіе, чѣмъ убить человѣка, а о прощеніи онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія.

У мирдитовъ бракъ заключается, когда сынъ достигаетъ 18-ти лѣтъ. Отецъ считаетъ себя обязаннымъ подыскать сыну жену. Если онъ нашелъ невѣсту, то входитъ въ переговоры съ ея отцомъ; если тотъ соглашается на предложенную сумму, то приступаютъ къ обрученью. Обыкновенно за невѣсту вносятъ 500—1,500 піастровъ, а у богатыхъ и до 4 тыс. піастровъ. Затѣмъ отецъ жениха посылаетъ матери дѣвушки кольцо, завернутое въ платокъ; если она его приметъ, то обрученіе считается совершившимся. Не мирдитъ не можетъ жениться на мирдиткѣ. Мирдиты высшаго сословія похищаютъ женъ изъ знатныхъ турецкихъ семействъ, крестятъ ихъ по правиламъ своей религіи и затѣмъ уже вступаютъ въ бракъ.

Въ четвергъ передъ свадьбой всѣ знакомые жениха собираются въ его домъ, гдѣ они кутятъ и пируютъ до понедѣльника; въ субботу 12-ть празднично разодѣтыхъ друзей жениха отправляются въ домъ невѣсты и торжественно выносятъ ее прямо въ церковь. Хотя мирдитки не носятъ покрывала, но въ день вѣнчанія лицо невѣсты закрыто; когда она подниметъ покрывало, то женихъ, если она ему не понравилась и онъ прежде не видалъ ее, можетъ отказаться вступить въ бракъ, но рискуетъ подвергнуться кровавой мести со стороны ея родителей; впрочемъ, такіе случаи здѣсь рѣдки.

Глупыхъ мученій невѣсты, обычныхъ у сѣверныхъ албанцевъ (гдѣ она въ день свадьбы и три дня послѣ нея стоитъ неподвижно въ углу, какъ статуя), мирдитка не испытываетъ. Тѣмъ не менѣе и здѣсь невѣста въ продолженіи свадебнаго празднества должна держаться съ женщинами, но при проходѣ мужа или его родственниковъ она обязана почтительно вставать.

У мирдитокъ существуетъ оригинальное средство избавиться отъ брака съ ненавистнымъ женихомъ, не навлекая кровомщенія со стороны его семейства: она объявляетъ тогда намѣреніе сдѣлаться мужчиной. Въ этомъ случаѣ священникъ, послѣ богослуженія, доводитъ до общаго свѣдѣнія, что дѣвица такая-то съ этого времени принимаетъ мужское имя «Додъ», или какое ей вздумается, и съ этой минуты она должна считаться мужчиной. Затѣмъ такая дѣвушка переодѣвается въ мужское платье, беретъ оружіе и начинаетъ вести мужской образъ жизни; но только этотъ мужчина-женщина долженъ остерегаться сдѣлаться матерью,—въ такомъ случаѣ его казнятъ.

Мирдиты, какъ и всѣ албанцы, живутъ преимущественно скотоводствомъ, но, не смотря на это, они рѣдко употребляютъ въ пищу говядину, развѣ по большимъ праздникамъ, во время тяжелыхъ работъ. Обыкновенная пища у нихъ—растительная, состоящая изъ зелени, а также риса, сыра, молока и хлѣба. Для хлѣба не хватаетъ ни собственнаго маиса, ни пшеницы: и то, и другое ввозятъ. Маисовый хлѣбъ употребляютъ въ большомъ количествѣ, а пшеничный ѣдятъ только по праздникамъ. Въ южной части страны много занимаются винодѣліемъ, но вина не вывозятъ, жители сами употребляютъ его.

Мирдиты слишкомъ горды, чтобы существовать службою, но самымъ бѣднымъ изъ нихъ все же приходится идти въ услуженіе къ духовенству и въ богатые дома; но, и будучи работниками, они требуютъ полнѣйшаго равенства съ членами семейства. Хозяева и рабочіе ѣдятъ вмѣстѣ, а женщины обѣдаютъ послѣ мужчинъ.

Если мирдитъ не на войнѣ, онъ ведетъ жизнь совершенно замкнутую, семейную; онъ только тогда покидаетъ свои горы, когда ему нужно купить соли или желѣза. При патріархальной жизни албанцевъ нечего удивляться, что семейства здѣсь чрезвычайно многочисленны; есть такія, которыя насчитываютъ 50 и даже 100 душъ. Глава семьи—дѣдъ, прадѣдъ, вообще самый старшій. Пока онъ живъ, никто не рѣшится посягнуть на его права; лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ братья дѣлятся по смерти отца. Только если сынъ дѣлается духовнымъ лицомъ, онъ оставляетъ семью, которая выплачиваетъ ему соотвѣтственную часть дохода. Уваженіе къ главѣ семейства выражается вставаніемъ съ мѣста и цѣлованіемъ руки, но этотъ обычай не повсемѣстенъ. Только духовнымъ лицамъ выражается вездѣ эта дань уваженія.

Дворецъ князя въ Орошѣ нисколько, разумѣется, не соотвѣтствуетъ понятію европейцевъ о дворцахъ, не смотря на то, что это всетаки самая лучшая постройка не только въ этомъ городѣ, но и во всей странѣ мирдитовъ. Стѣны орошскаго дворца грубо выложены изъ камня, съ бойницами для защиты, которыя представляютъ не что иное, какъ узкія окошки безъ стекла, такъ что изъ нихъ можно стрѣлять на случай непріятельскаго нашествія. Каменная лѣстница ведетъ въ залу дворца, всю обвѣшенную длинными ружьями, богато украшенными серебромъ. За залою идетъ плохо меблированная комната для княжеской стражи, которая бросается въ глаза своими длинными локонами, ниспадающими съ затылка, и необыкновенно свирѣпымъ видомъ. По бокамъ двѣ красиво и оригинально убранныя комнаты, изъ которыхъ одна столовая, а другая служитъ спальнею для княжескихъ гостей. Обѣ комнаты, вмѣсто обой, выложены душистою горною елью и красивою рѣзьбою. Въ столовой—массивный буфетъ. Однимъ словомъ, этотъ дворецъ считался бы у насъ порядочною квартирою человѣка средней руки, если бы его не портили маленькія окна съ желѣзными рѣшетками и до того плохо устроенныя печки, что отъ нихъ даже дымитъ.

Если вы спросите у мирдита, какъ богатъ ихъ князь, онъ не скажетъ вамъ, что онъ имѣетъ столько-то тысячъ рублей или такія-то помѣстья, а совершенно точно опредѣлитъ его имущество, сказавши: 800 быковъ и коровъ, 1,300 барановъ,

Bayerische Staatsbibliothek München

столько-то лошадей и проч. Каждый подданный князя можетъ совершенно свободно войти къ нему во дворецъ и просить его совѣта о томъ или другомъ дѣлѣ.

Всѣ усилія турокъ подчинить себѣ мирдитовъ не привели ни къ чему: они могли проникнуть въ ихъ горы только черезъ ущелья, защищаемыя людьми, рѣшившимися лучше умереть, чѣмъ сдаться. Наконецъ, отчаявшись въ возможности подчинить себѣ мирдитовъ силою, турки предложили имъ капитуляцію, которая и была принята. По этой капитуляціи турки признали за мирдитами право имѣть своего особаго начальника, отказались отъ всякаго вмѣшательства въ ихъ внутреннее управленіе, предоставили имъ полную свободу вѣроисповѣданія и освободили отъ всѣхъ налоговъ, но съ условіемъ выставлять во время войны по человѣку съ каждой семьи, которые на войнѣ составляютъ отдѣльный отрядъ подъ начальствомъ своего начальника. Всѣ другіе горные албанцы служатъ въ турецкихъ войскахъ даромъ, получая только хлѣбъ и сыръ во время кампаніи; одни только мирдиты получаютъ солдатскій паекъ и жалованье.

Въ политическомъ отношеніи страна мирдитовъ—родъ аристократической республики: князь не можетъ принять никакого рѣшенія безъ согласія собранія старшинъ и байрактаровъ, званіе которыхъ наслѣдственно, какъ и званіе князя, или, точнѣе сказать, начальника племени. Такимъ образомъ, хотя въ странѣ мирдитовъ и есть глава, т.-е. князь и собраніе, въ которое являются представители всего народа, но на дѣлѣ все управленіе страною находится въ рукахъ знатнѣйшихъ фамилій.

Каждый округъ имѣетъ своего *байрактара*, или знаменоносца, и старшинъ или воеводъ, которыми бываютъ главы родовъ. Званіе это наслѣдственно, такъ что и ребенокъ можетъ быть воеводою, только въ этомъ случаѣ всѣ обязанности до его совершеннолѣтія исполняетъ опекунъ. Князь не можетъ принять никакихъ мѣръ безъ согласія совѣта старшинъ, который состоитъ изъ всѣхъ *байрактаровъ* и *воеводъ*, а когда нужно обсудить предметы самой большой важности, то сзываютъ на совѣтъ и народъ; на это народное собраніе являются представители отъ каждаго семейства. Однако, на дѣлѣ народное собраніе не имѣетъ никакого вліянія и сзывается только для того, чтобы придать большій вѣсъ и значеніе рѣшенію, постановленному воеводами, которые тоже непремѣнно должны присутствовать на этихъ собраніяхъ.

Когда совѣтъ старшинъ собирается по требованію князя, то засѣданія его бываютъ во дворцѣ или около дворца, но онъ можетъ собраться и самъ совершенно самостоятельно. Если князь пригласилъ совѣтъ старшинъ собраться у него, тогда въ его дворцѣ идутъ большія приготовленія: убиваютъ трехъ-четырехъ быковъ, нѣсколькихъ барановъ и козловъ, и князь дѣлаетъ угощеніе старшинамъ на свой счетъ.

Проступки и тяжбы разбираютъ и судятъ старшины каждаго округа. Каждое нарушеніе законовъ карается штрафомъ, состоящимъ изъ извѣстнаго количества скота, который считается главнымъ богатствомъ страны, а деньги представляютъ рѣдкое явленіе. Мирдиты чрезвычайно жадны до скота и стараются увеличить его количество кражами: не даромъ они пріобрѣли славу первыхъ воровъ въ странѣ. Когда они являются въ какой-нибудь городъ большими толпами, жители начинаютъ все припрятывать, но это не помогаетъ.

Воровство внѣ собственной страны остается безнаказаннымъ, но совершившій его въ области мирдитовъ не только долженъ возвратить украденное, но и поплатиться штрафомъ; клеветникъ подвергается такому же взысканію. Нѣкоторыя преступленія ведутъ за собою смертную казнь.

БОЛГАРІЯ.

ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ БОЛГАРЪ.

Прошлая судьба болгаръ.—Зависимость отъ грековъ. — Турецкое иго. — Фанаріоты и ихъ вліяніе.—Положеніе болгаръ и ихъ отношеніе къ туркамъ и грекамъ.—Гайдуки и ихъ значеніе для порабощеннаго народа. - Жизнь болгаръ въ XIX-томъ стол.— Звѣрства турокъ въ 1876 г.—Война 1877 г.—Страданія народа во время этой войны.—Значеніе для страны с.-стефанскаго договора и берлинскаго трактата. — Тырновская конституція.— Правленіе Александра Баттенберга.—Регентство.—Фердинандъ Кобургскій и управленіе Стамбулова.—Присоединеніе принца Бориса къ православной церкви.— Примиреніе съ Россіею. — Современное положеніе новаго Болгарскаго княжества. — Финансы, тяжелые налоги и торговля.—Печать и просвѣщеніе народа.

Болгары самый многочисленный народъ изъ всѣхъ племенъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ. Они живутъ въ Болгарскомъ княжествѣ, между Дунаемъ и Балканами, въ провинціи Восточной Румеліи, въ Македоніи, Ѳессаліи, до самаго прибрежья Средиземнаго моря; встрѣчаются они также въ Эпирѣ, Румыніи, въ Малой Азіи и въ Новороссійскомъ краѣ. Это славянское племя чрезвычайно смѣшано съ разными окружающими его сосѣдями. На югѣ болгары живутъ рядомъ съ греками, а также и съ влахами (они называются еще куцовлахами; влахи считаются ближайшими соплеменниками румынъ, но отличаются отъ нихъ своимъ нарѣчіемъ); на юго-западѣ они смѣшаны съ албанцами, на западѣ—съ сербами, на сѣверо-востокѣ—съ татарами и съ русскими раскольниками—некрасовцами. Громадное большинство болгаръ—православные, но есть и католики (павликіане) и магометане (помаки).

Такое смѣшеніе съ разными народами сильно отразилось на бытѣ болгаръ: въ ихъ языкѣ, понятіяхъ, одеждѣ, обычаяхъ—много общаго съ ихъ смертельными врагами турками и греками. Не смотря на это, болгары все-таки удержали много древнихъ славянскихъ вѣрованій и обычаевъ. Вслѣдствіе этого смѣшенія нравовъ, обычаевъ и языка, болгаръ совсѣмъ почти не знали до послѣдняго времени. Многіе путешественники, странствовавшіе по Балканскому полуострову не болѣе, какъ лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, встрѣчая болгаръ, считали ихъ за татарское племя, неизвѣстно почему говорящее какимъ-то испорченнымъ славянскимъ нарѣчіемъ. Даже ихъ соплеменники—русскіе не имѣли о нихъ около этого времени никакого понятія и въ своихъ путевыхъ воспоминаніяхъ съ удивленіемъ говорили о томъ, что въ европейской Турціи весьма во многихъ мѣстахъ встрѣчаются православные люди, говорящіе языкомъ весьма близкимъ къ церковно-славянскому. Однимъ словомъ, болгары долго были забыты всѣмъ міромъ.

Съ IX до XI вѣка Болгарія представляла довольно сильное государство съ своими собственными царями. Цари эти мало-по-малу стали вводить при своемъ дворѣ роскошь, блескъ, напыщенность и церемоніи, господствовавшія въ Византіи, съ которой Болгарія находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ. Такъ какъ болгары приняли христіанство отъ Византіи, то византійское духовенство и стало мало-по-малу вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Въ XI-мъ ст. болгарское царство пало и сдѣлалось одною изъ провинцій Византійской имперіи. Тогда началось полное господство грековъ: они стали уничтожать послѣдніе слѣды самостоятельнаго болгарскаго правленія и подавлять ихъ національное развитіе. Болгары находились цѣлыхъ полтораста лѣтъ подъ игомъ грековъ, но затѣмъ имъ снова удалось возстановить болгарское царство, которое въ XIII-мъ столѣтіи возвысилось до небывалаго могущества. Болгары стали страшны даже для грековъ. Императоръ византійскій искалъ помощи у царя болгарскаго и вступилъ съ нимъ въ родственныя связи. Это помогло болгарскому царю основать свое собственное, самостоятельное патріаршество въ новой столицѣ болгарскаго царства, къ Тырновѣ. Но и въ этомъ новомъ царствѣ не было прочныхъ залоговъ національнаго развитія: оно скоро стало ослабѣвать, подпало вліянію сосѣдей, нѣсколько лѣтъ зависѣло даже отъ татаръ, потомъ подчинилось сильнымъ въ то время сербамъ и, наконецъ, въ 1392 году, почти безъ всякаго сопротивленія было покорено турками.

Такимъ образомъ Болгарія потеряла свою политическую независимость, но пока удержала еще духовную въ лицѣ своего тырновскаго патріарха, къ которому народъ прибѣгалъ, какъ къ своему заступнику и утѣшителю въ постигшихъ его несчастіяхъ. И дѣйствительно, пока болгары имѣли свое національное духовенство, они еще не совсѣмъ пали духомъ. Болгарское духовенство было въ это время очень любимо народомъ и заслужило это тѣмъ, что поддерживало въ немъ любовь къ своей несчастной родинѣ, стремленіе къ самостоятельности и даже воинственный духъ. Нѣкоторые болгарскіе города еще отъ времени до времени освобождались отъ турокъ или платили имъ небольшую дань и управлялись своими законами. Кромѣ духовенства, этому много способствовали гайдуки, или разбойники, въ которые шелъ въ это время цвѣтъ болгарскаго юношества.

Завоеванія турокъ въ Европѣ расли постепенно, такъ что въ 1453 году они окончательно покорили Византійскую имперію. Константинополь былъ почти совершенно разоренъ, и побѣжденнымъ грекамъ было отведено въ немъ особое мѣсто, куда прежде сваливали всякія нечистоты—фанаръ, или фена-едъ (турецкое слово, означающее нечистое мѣсто); съ тѣхъ поръ всѣ константинопольскіе греки и называются фанаріотами. Когда такимъ образомъ Константинополь былъ покоренъ турками, подъ властію турецкаго султана очутились три патріарха: греческій, болгарскій и сербскій. Казалось, что при общемъ несчастіи христіанъ прежнее соперничество между греками и болгарами, прекратится и они пойдутъ рука объ руку противъ общаго врага. Вышло наоборотъ: каждый константинопольскій патріархъ стремился теперь къ тому, чтобы сдѣлаться единою духовною главою всѣхъ побѣжденныхъ турками славянъ. При этомъ ими руководило, разумѣется, не только желаніе первенствовать, но и денежный разсчетъ. Они стали мало-по-малу подслуживаться султану и за это пріобрѣтали отъ него разныя привилегіи. По примѣру константинопольскихъ патріарховъ и вся ихъ паства, т.-е. всѣ фанаріоты, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, все болѣе становились корыстолюбивыми. Они дружили съ турками и убѣждали ихъ, что они, т.-е. константинопольскіе греки, издавна питаютъ ненависть къ безпокойнымъ, покореннымъ славянамъ, что, слѣдовательно, ихъ надежды и пожеланія относительно этихъ племенъ совпадаютъ со взглядами турокъ. Справедливость своихъ словъ они доказали тѣмъ, что сражались вмѣстѣ

съ турками, подавляя возстаніе въ нѣкоторыхъ болгарскихъ городахъ. Заручившись довѣріемъ турокъ, фанаріоты стали внушать имъ мысль объ уничтоженіи самостоятельнаго болгарскаго духовенства. Они представляли это, какъ дѣло необходимое для спокойствія Турціи, указывая на болгарскихъ духовныхъ, какъ на главныхъ зачинщиковъ всѣхъ мятежей. Турки согласились и на это, и тогда во всѣхъ концахъ Болгаріи кровь полилась ручьями. Дѣятельнѣйшими палачами болгаръ сдѣлались фанаріоты, и такимъ образомъ для этой страны наступило двойное рабство. Трудно сказать, которое изъ нихъ было ужаснѣе для народа—турецкій произволъ или гнетъ константинопольскихъ фанаріотовъ, которые съумѣли взять въ свои руки болгарскую іерархію и отнимали у народа послѣднее достояніе.

Положеніе болгаръ все ухудшалось: многіе изъ нихъ бѣжали въ горы, другіе потурчились, знатныя болгарскія фамиліи выселялись съ родины, и такъ годъ отъ году уменьшалось число болгаръ, да и тѣ, что остались, все болѣе забывали свой языкъ, все болѣе перенимали у турокъ и грековъ ихъ обычаи и нравы. Духовные іерархи болгаръ, которые все еще кое-какъ держались, хотя давно уже не имѣли никакого голоса, теперь замѣнены были греками, и патріархія въ Тырновѣ переименована въ экзархатъ всей Болгаріи. Теперь въ Болгаріи не существовало высшаго сословія, какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго. Чтобы успѣшнѣе грабить несчастныхъ болгаръ, фанаріоты, отъ времени до времени, поддѣлывались къ нимъ, показывали даже видъ, что всякая вражда забыта. Въ ту минуту, когда убитые горемъ болгары начинали имъ вѣрить, они подъ величайшею тайною открывали имъ, что турки собираются ограбить ихъ церковныя сокровища и устраивали дѣло такъ, что болгары, съ искреннею благодарностью, поручали имъ припрятать все, что было подороже. Кончалось обыкновенно тѣмъ, что, взявъ золотую и серебряную церковную утварь, будто бы на сохраненіе, фанаріоты старались поскорѣе сбыть ее банкирамъ и употребляли вырученныя деньги по своему усмотрѣнію. Вмѣсто того, чтобы заступаться и защищать передъ турецкимъ правительствомъ своихъ братьевъ по вѣрѣ, греческіе іерархи зорко слѣдили за каждымъ болгариномъ, не обмолвится ли онъ какимъ-нибудь словомъ противъ турокъ, а если это не удавалось, просто-на-просто клеветали на него, и дѣло кончалось тѣмъ, что болгарина бросали въ тюрьму или сажали на колъ. По настоянію греческаго духовенства славянская обѣдня скоро была замѣнена греческой. Вездѣ стали жестоко преслѣдовать болгаръ, говорящихъ на своемъ родномъ языкѣ. Греческій языкъ стали вводить во всѣхъ болгарскихъ школахъ и училищахъ. Скоро болгары такъ огречились, что уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія тотъ, кто не умѣлъ говорить по-гречески, считался у нихъ круглымъ невѣждою. Не только дѣловую, но даже частную корреспонденцію вели теперь на греческомъ языкѣ. Если спрашивали болгарина о его національности, то онъ, нерѣдко даже въ Тырновѣ, выдавалъ себя за грека. Многіе изъ нихъ оскорблялись, когда ихъ называли болгарами. Названіе «болгаринъ» сдѣлалось бранной кличкой. На болгарскомъ языкѣ говорили только дома, такъ какъ женщины рѣдко учились греческому языку. Не смотря, однако, на то, что болгары огречились, ихъ ненависть къ грекамъ росла все болѣе и болѣе. Ее вызывало не только предательское отношеніе къ нимъ грековъ, но и холопское отношеніе этихъ послѣднихъ къ Портѣ, ихъ корыстолюбіе и жадность, ихъ поборы и взятки, которыя тяжелымъ бременемъ ложились на плечи болгаръ. Этотъ гнетъ былъ особенно чувствителенъ для болгарскаго духовенства. Подчиненный греческому епископу болгарскій священникъ нигдѣ не могъ найти защиты противъ произвола. Греческіе епископы употребляли всѣ усилія, чтобы держать болгарское духовенство въ крайнемъ невѣжествѣ и нищетѣ. За свое посвященіе болгарскій священникъ долженъ былъ

давать греческому духовенству чрезвычайно тяжелую для него взятку, которая его надолго разоряла: онъ долженъ былъ весь свой вѣкъ трудиться, какъ простой крестьянинъ, отъ котораго онъ отличался только бородой. Чтобы окончательно унизить въ глазахъ паствы болгарскихъ священниковъ, греческое духовенство обращалось съ ними какъ съ рабами, какъ съ безсловесными животными: иной греческій епископъ нарочно заставитъ болгарскаго священника носить себѣ воду, ухаживать за своимъ скотомъ, выполнять самыя тяжелыя работы. Нерѣдко въ присутствіи собравшихся прихожанъ епископъ немилосердно билъ болгарскаго священника и обращался съ нимъ не лучше, чѣмъ наши помѣщики со своими крѣпостными.

Введеніе греческаго языка въ болгарскія школы и училища, греческая литургія, однимъ словомъ—совершенная элленизація болгаръ, ихъ совершенное устраненіе отъ высшихъ должностей—все это казалось еще недостаточнымъ для фанаріотовъ. Они воздвигли гоненіе на все болгарское. Болгарскія рукописи, которыя были пощажены въ продолженіе столѣтій войнами, пожарами и сыростью, теперь были повсюду сожжены греками. Болгары, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей, совсѣмъ забыли, что они жили когда-то самостоятельною жизнью. Они не имѣли также ни малѣйшаго понятія какъ о численности своего народа, такъ и о предѣлахъ и пространствѣ своихъ поселеній.

Пробужденіе національнаго самосознанія началось съ появленія въ 1762 г. небольшой книги монаха Паисія, написанной на болгарскомъ нарѣчіи, и которая называлась «Словенско-болгарская исторія болгарскаго народа, царей и святыхъ». Эта книга, не имѣющая научнаго значенія, оказала болгарамъ огромную услугу: она напоминала народу время, когда онъ былъ независимъ, горячо порицала греческое духовенство, которое держитъ народъ въ невѣжествѣ и вмѣстѣ съ турками попираетъ всѣ божескія и человѣческія права, съ энтузіазмомъ убѣждала противиться деспотизму и возстановить забытый родной языкъ. Это сочиненіе было встрѣчено болгарами съ необыкновеннымъ сочувствіемъ, и мало-по-малу появились послѣдователи этого направленія. Наконецъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ уже нынѣшняго столѣтія Юрій Венелинъ, своимъ сочиненіемъ «Древніе и нынѣшніе болгары», окончательно воскресилъ умирающую болгарскую народность. Имя этого ученаго никогда не изгладится изъ памяти болгаръ. Съ тѣхъ поръ все больше и больше, на всѣхъ поприщахъ дѣятельности, стали появляться борцы—герои болгарскаго возрожденія: одни изъ нихъ погибали въ бою съ врагами, другіе дѣйствовали словомъ и умирали въ турецкихъ тюрьмахъ, отъ турецкаго яда и ятагана. Эти первые защитники своего угнетеннаго народа пали, но ихъ дѣло не умерло. Съ тѣхъ поръ, болѣе чѣмъ прежде, молодые болгары стали пріѣзжать въ Россію для образованія и, возвращаясь на родину, все болѣе побуждали народъ сознательно относиться къ его прошлому. Результатомъ этого прежде всего былъ неизбѣжный церковный споръ между греками и болгарами о введеніи славянскаго языка въ богослуженіе. Справедливыя требованія болгаръ вызвали страшную бурю со стороны константинопольской патріархіи. Споры, пререканія и борьба по этому поводу длились въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ; наконецъ, болгарамъ удалось получить отъ Порты самостоятельнаго іерарха.

Отношенія болгаръ къ фанаріотамъ теперь совершенно измѣнились: болгары имѣютъ теперь своего духовнаго главу, совершенно не зависятъ отъ грековъ, но ненависть ихъ къ фанаріотамъ нисколько не уменьшилась. Впрочемъ, не только болгары, но большинство славянъ питаетъ къ нимъ невыразимое отвращеніе, и всего замѣчательнѣе то, что даже ихъ соплеменники, греки въ Греческомъ королевствѣ, смотрятъ

съ презрѣніемъ на фанаріотовъ. Причина этому та, что фанаріоты предъ всѣмъ міромъ запятнали себя множествомъ гнусныхъ поступковъ.

Въ небольшомъ очеркѣ трудно дать полное представленіе о вопіющемъ произволѣ, несправедливостяхъ, обидахъ и оскорбленіяхъ, пережитыхъ болгарами во время пятисотлѣтняго ига подъ турецкимъ владычествомъ. Лучшіе участки болгарской земли принадлежали туркамъ, и болгаринъ-земледѣлецъ долженъ былъ снимать ее у нихъ. Турки отдавали внаймы землю обыкновенно за половину убраннаго съ поля хлѣба, а иногда за оброкъ натурою или деньгами. Когда случался неурожай, что было дѣлать болгарину, не имѣющему денегъ? Оставалось одно—отдать турку все, что ему можетъ понравиться. Правда, можно было занять денегъ у другого турка или еврея, но первый же заемъ болгарина былъ для него совершенною гибелью: онъ могъ добыть деньги взаймы только за страшные проценты. Черезъ годъ, если онъ не могъ заплатить своего долга, выросшаго почти вдвое, продавали все его имущество. Оно, разумѣется, никогда не покрывало той суммы, которую онъ долженъ былъ выплатить своему кредитору, но если бы его и хватило, то болгаринъ все-таки не могъ продолжать вести свое маленькое хозяйство безъ домашней утвари и земледѣльческихъ орудій. Какъ ни силился болгаринъ дольше простоять на своихъ ногахъ, но кончалось обыкновенно тѣмъ, что, проклиная день, въ который родился, еще болѣе кляня врага, онъ шелъ къ нему въ домъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ отслуживать свой долгъ. Служа у турка, онъ все же не избавлялся отъ податей и другихъ повинностей и налоговъ; кромѣ того, онъ долженъ былъ самъ одѣвать себя и свое семейство. Такимъ образомъ онъ должалъ турку все болѣе и болѣе и не могъ уже освободиться отъ него. Оставалось одно средство избавиться отъ долга: отдать турку свою жену, дочь или сына-мальчика, если тотъ былъ хорошъ собой. Болгаринъ не соглашается на это. А долгъ растетъ все болѣе и болѣе до неоплатной цифры, и самъ онъ дѣлается все хилѣе отъ чрезвычайно трудныхъ работъ. Когда турку понравились дѣти или жена его несчастнаго работника, онъ показываетъ видъ, что ему надоѣло ждать, когда тотъ отработаетъ свой долгъ, а то просто къ чему-нибудь придерется въ работѣ и прогоняетъ его отъ себя, оставляя въ залогъ жену и дѣтей, или только однихъ дѣтей, если жена его не годится для гарема. Выгнанный болгаринъ рѣдко гдѣ послѣ этого находилъ мѣсто; къ тому же горе и позоръ убивали въ немъ послѣднюю энергію къ труду; у него было теперь только одно на умѣ: какъ бы влѣпить турку пулю въ лобъ. Въ такомъ положеніи несчастный болгаринъ и рѣшался обыкновенно сдѣлаться гайдукомъ. Ему оставалось теперь въ жизни одно—месть, и онъ отдавался ей всецѣло.

Немногимъ лучше былъ исходъ и въ урожайный годъ; снявъ хлѣбъ, болгаринъ долженъ былъ прежде всего отдать половину урожая землевладѣльцу, а изъ остальной половины продать столько, чтобъ заплатить долгъ турку, и ему приходилось отдавать хлѣбъ по дешевой цѣнѣ, потому что уплата требовалась послѣ жатвы, а въ это время цѣны стоятъ очень низкія. Прошла половина зимы — хлѣба у болгарина уже нѣтъ, и онъ вынужденъ опять занимать, чтобъ прожить какъ-нибудь годъ; но у своего брата болгарина трудно позаимствоваться, потому что каждый изъ нихъ долженъ быть наготовѣ защищать себя хотя карманомъ отъ постоянныхъ придирокъ со стороны турокъ и припасать себѣ на черный день. Особенно отягощали болгарскій народъ налоги: садоводство, огородничество, ремесла, однимъ словомъ все обложено было особыми налогами. За каждую лошадь, корову, за каждую голову домашняго скота нужно было платить особую подать.

Ко всему этому скоро присоединились и другія, не менѣе ужасныя бѣдствія.

Въ шестидесятыхъ годахъ XIX стол. 12 тысячъ крымскихъ татаръ выселились въ Турцію, которая приняла въ нихъ участіе, какъ въ своихъ братьяхъ по вѣрѣ, и назначила переселенцамъ лучшія земли въ Болгаріи. Болгары, у которыхъ были еще свои земли, не только должны были отдавать татарамъ лучшія изъ нихъ, но ихъ принуждали даже строить для переселенцевъ дома и удѣлять имъ свой скотъ для хозяйственнаго обзаведенія. Болгары не могли вынести этого новаго гнета и должны были искать убѣжища въ другихъ странахъ. Множество болгаръ переселилось въ Сербію, а другіе бросились даже въ Крымъ, гдѣ они надѣялись занять оставленныя татарами земли. Но въ слѣдующемъ году, окончательно разоренные, они должны были возвратиться назадъ въ свою несчастную родину.

Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ надъ Болгаріею разразилось новое страшное несчастье. Въ 1864 г. Россія, послѣ столѣтней войны, покорила Кавказъ. Тѣ изъ горцевъ, которые не хотѣли покориться русскимъ, оставили свои родныя горы и рѣшились переселиться въ Турцію къ своимъ единовѣрцамъ, и вотъ до полумилліона этого дикаго, жаждущаго грабежей народа двинулось съ Кавказа частью въ Малую Азію, частью въ Европейскую Турцію. Въ первое время черкесы поплатились за это страшными бѣдствіями и лишеніями. Турецкое правительство не предприняло ни административныхъ, ни санитарныхъ мѣръ при помѣщеніи переселенцевъ въ малоазійскихъ пристаняхъ: для нихъ не было приготовлено ни съѣстныхъ припасовъ, ни помѣщеній. Черкесы въ буквальномъ смыслѣ голодали на судахъ, а высаживаясь на землю, оставались безъ хлѣба, безъ крова, безъ одежды. Когда они пристали къ берегу, положеніе ихъ было не лучше: отъ голода, холода и лишеній распространился тифъ. Больные оставались безъ всякой врачебной помощи и умирали каждый день сотнями. Трупы оставались непогребенными, гнили тамъ, гдѣ лежали, заражая другихъ и распространяя страшные міазмы.

Наконецъ, и эти переселенцы были разселены по преимуществу между болгарскимъ населеніемъ. Болгары должны были дать пришельцамъ кровъ въ своихъ бѣдныхъ хижинахъ, вмѣстѣ съ своими семействами, на все время, пока черкесамъ не будетъ устроено жилищъ. Это гостепріимство дорого обошлось бѣдному люду. У болгаръ отрѣзали земли для черкесскихъ колоній, безъ всякаго за нихъ вознагражденія. Какъ и для татаръ, они должны были строить новымъ колонистамъ дома, забросивъ свои поля и хозяйство. Между тѣмъ болгары еще не успѣли оправиться отъ устройства колоній татарамъ. Черкесы, едва осмотрѣлись на новыхъ мѣстахъ, тотчасъ принялись за свое старое ремесло: начали грабить мирныхъ поселянъ, уводить отъ нихъ скотъ, нападать на купеческіе караваны. Своими насиліями и грабежами черкесскія колоніи пріобрѣли громкую извѣстность и называются въ народѣ «проклятыми мѣстами» и «разбойничьими селами». Всѣ въ Турціи, не только христіане, но даже и турецкія власти, откровенно сознаются, что выходцы съ Кавказа—бичъ Божій для населенія. Между тѣмъ турецкое правительство ничего не предпринимало, чтобы ослабить хищническіе набѣги черкесовъ на земли и собственность болгаръ. Турки достигли желанной цѣли: усилили мусульманское населеніе, которое въ каждомъ гяурѣ видитъ своего врага и на все остальное смотритъ сквозь пальцы. Посредствомъ черкесовъ турецкія власти установили постоянный надзоръ за болгарами и такимъ образомъ еще болѣе ослабили ихъ.

Въ то же самое время, когда Болгарія такъ тяжко страдала отъ нашествія дикихъ татарскихъ и черкесскихъ ордъ, надъ ней нависли грозныя политическія тучи. Въ 1862 г. турки вѣроломно бомбардируютъ Бѣлградъ. Поднимается Герцеговина и Черногорія, Сербія готовится къ поголовному ополченію. Но бѣдная Болгарія слиш-

комъ изстрадалась, слишкомъ забита, чтобы возстать. Въ ней образовалось нѣсколько гайдуцкихъ шаекъ, которыя и стали все болѣе и болѣе тревожить турокъ своими набѣгами, вступали даже съ ними въ открытый бой. Но это народное движеніе принесло несчастной странѣ только новыя бѣдствія. Гайдуцкія шайки были со всѣхъ сторонъ сдавлены турецкими войсками. Сербія заключила въ это время миръ съ Турціею, и у Болгаріи не осталось болѣе союзниковъ; она должна была сама отдаться въ руки своимъ враговъ. И отомстили же имъ за это турки! Цвѣтъ болгарской молодежи былъ брошенъ въ тюрьмы; множество изъ нихъ было сослано въ Малую Азію и другія мѣстности. Болѣе всѣхъ пострадали болгарскіе учителя и священники, какъ представители болгарской интеллигенціи и друзья народа.

Единственными защитниками болгарскаго народа, единственными мстителями за жестокое угнетеніе и поруганіе ихъ національности во время турецкаго ига являлись гайдуки. Поэтому мы считаемъ необходимымъ хотя кратко познакомить съ ними читателей. Въ гайдуки или разбойники болгарская молодежь начала вступать съ тѣхъ поръ, какъ болгары подпали подъ турецкое иго и когда они не только страдали отъ своихъ поработителей, но и отъ корыстолюбія безнравственныхъ фанаріотовъ. Множество шаекъ этихъ гайдуковъ издавна бродило въ Балканскихъ горахъ: они нападали на караваны турокъ, отправлявшихся въ Мекку, убивали и грабили ихъ имущество. Хотя гайдуки грабили и убивали, но цѣль и характеръ ихъ разбойничества были иные, чѣмъ у обыкновенныхъ разбойниковъ. Въ болгарскомъ гайдукѣ выразился народный идеалъ: къ нему стремился въ тяжелую для родины годину каждый *юнакъ* (юноша), въ которомъ еще не совсѣмъ остыла кровь, который не очерствѣлъ настолько, чтобы во время тяжкихъ народныхъ бѣдствій думать только о своемъ карманѣ. Поступая въ гайдуки, юнакъ бросалъ свою семью, приставалъ къ какой нибудь шайкѣ и вмѣстѣ съ нею велъ самую дикую, первобытную жизнь. Прячась въ ущельяхъ и самыхъ непроходимыхъ мѣстахъ, безпощадно грабя и убивая турокъ, гайдуки мстили такимъ образомъ, сколько хватало силъ, за угнетеніе своей родины. Къ соотечественникамъ своимъ они питали горячую, братскую привязанность и съ самоотверженіемъ оказывали имъ всякую помощь, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ нужно было защитить отъ турка или отомстить за оскорбленіе, нанесенное болгарской семьѣ. Вотъ почему тамъ, гдѣ укрывались гайдуки, болгары не были такъ подавлены, какъ въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ не было. Въ гайдуки шли обыкновенно тѣ, у которыхъ похищали жену, дочь или сына, тѣ, которыхъ тяжко и безъ вины оскорбили или дочиста ограбили турки. Несчастнымъ нечего было уже больше терять: они покончили всѣ счеты съ жизнію и жаждали только одного—отомстить врагу. Но были и такіе, которые бросали родительскій кровъ и дѣлались гайдуками только потому, что съ молокомъ матери всосали ненависть къ притѣснителямъ; это чувство постоянно крѣпло въ молодой груди, поддерживаемое болгарскими пѣснями, дышащими тою же злобою и ненавистью къ врагу и разжигаемое разсказами близкихъ. Молодой человѣкъ поступалъ въ шайку гайдуковъ, единогласно выбираемый за храбрость своими товарищами. Когда въ шайку вступалъ новичекъ, атаманъ, въ присутствіи всѣхъ собравшихся гайдуковъ, торжественно прочитывалъ уставъ: «Если ты убьешь христіанина или ограбишь его, чтобы поживиться его достояніемъ, если обидишь дѣвушку, изъ ненависти убьешь старика, старуху, ребенка, если возьмешь у турка деньги, а его за выкупъ или изъ страха и жалости выпустишь изъ рукъ живого, если убѣжишь изъ шайки во время опаснаго боя,—ты долженъ будешь умереть! Изъ награбленнаго отъ турка имущества ты получишь такую же часть, какъ и всѣ товарищи, но да будешь проклятъ небомъ, если ты изъ нея не удѣлишь

угнетенному собрату, который встрѣтится тебѣ на дорогѣ. Да будешь проклятъ, если не защитишь собрата, не поможешь ему тотчасъ по первой его просьбѣ».

Защищать собратій, жертвуя для этого покоемъ и семейнымъ счастіемъ, конечно, подвигъ достойный всякаго уваженія, но средство, которымъ гайдуки достигали этой цѣли, все же вело ихъ ко множеству безнравственныхъ поступковъ. Скитальческая жизнь, всегда съ оружіемъ въ рукахъ, грабежъ, убійства, хотя и враговъ, разбой, какъ единственный заработокъ,—все это мало-по-малу заглушало въ юношѣ состраданіе къ ближнему, очерствляло его душу, безвозвратно губило его нравственныя понятія.

Съ 1864 по 1868 г. Болгаріею управлялъ или, точнѣе будетъ сказать, кроваво расправлялся въ ней Митхадъ-паша. Турецкое взяточничество и насиліе надъ болгарами достигли во время его управленія своего апогея. Болѣе всего онъ разорялъ народъ тѣмъ, что задумалъ украшать города; одно это стоило народу много крови и слезъ. Этотъ человѣкъ былъ гораздо большимъ деспотомъ, чѣмъ его предшественники, и еще болѣе ихъ заботился о томъ, какъ бы потуже набить свой карманъ. Онъ былъ сильно обрадованъ, когда ему донесли о какомъ-то заговорѣ между болгарами: онъ съ жаромъ ухватился за это и сталъ вѣшать и сажать на колъ не только взрослыхъ людей, но даже дѣтей.

Такой порядокъ вещей въ Болгаріи, когда то наступали періоды величайшихъ жестокостей и притѣсненій отъ турокъ, то опять нѣсколько ослабѣвали, продолжался до 1876 г., когда турки стали поголовно совершать надъ болгарами такія неистовства, при мысли о которыхъ въ жилахъ стынетъ кровь, примѣра которымъ нѣтъ даже въ среднихъ вѣкахъ. Весною 1876 г. въ нѣкоторыхъ деревняхъ Болгаріи вспыхнуло возстаніе, вызванное крайнимъ произволомъ и жестокостью турецкихъ властей. Когда было получено извѣстіе о возстаніи, турецкія власти тотчасъ вооружили мусульманское населеніе и вмѣстѣ съ башибузуками и солдатами двинули это войско противъ болгаръ. Возставшія болгарскія деревни въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказывали очень мало сопротивленія, а въ другихъ и вовсе не сопротивлялись. Большинство болгаръ отдавало свое оружіе по первому требованію. Не смотря на это, множество болгарскихъ селъ было разграблено или сожжено. Народонаселеніе большей части возставшихъ деревень было перерѣзано, сдѣлавшись предварительно жертвою насилій, самыхъ жестокихъ и самыхъ гнусныхъ. Эти преступленія были совершаемы турецкими регулярными войсками наравнѣ съ баши-бузуками. Только въ одномъ филиппопольскомъ округѣ было совершенно разрушено 65 деревень, убито 110 тысячъ людей, земля на нѣсколько верстъ въ окружности была покрыта гніющими трупами несчастныхъ болгаръ.

Сербы и черногорцы объявили войну туркамъ. Сельское населеніе болгаръ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, къ которымъ двинулась сербская армія, съ радостью присоединилось къ ней. Однако, счастье измѣнило сербамъ. Приставшіе болгары частью опять подчинились туркамъ, частью бѣжали въ Сербію. Башибузуки и черкесы разорили и сожгли ихъ деревни, а тѣ, которые во-время не успѣли спастись, были убиты самымъ варварскимъ образомъ. Начались опять звѣрства надъ болгарами. Европа содрогнулась и устыдилась равнодушія, съ которымъ она до сихъ поръ относилась къ событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ. Собралась конференція для обсужденія реформъ, которыя слѣдовало ввести въ Болгаріи подъ наблюденіемъ великихъ державъ. Турки отвѣтили на это провозглашеніемъ конституціи. Они надѣялись нагляднѣе доказать этимъ способность своего государства къ дальнѣйшему прогрессивному развитію. Но всѣ отлично сознавали, что турецкая конституція не будетъ имѣть никакого

значенія для подвластныхъ христіанъ, нисколько не улучшитъ ихъ судьбы, не внесетъ даже никакого обновленія въ жизнь турецкаго общества. И дѣйствительно, Турція вполнѣ оправдала эти предположенія и тотчасъ доказала на дѣлѣ, что на провозглашенную ею конституцію она сама смотритъ, какъ на рекламу для европейскихъ правительствъ, которая должна имъ отвести глаза отъ ужасовъ, совершаемыхъ въ Болгаріи. Россія, какъ могущественная славянская держава, не могла дольше оставаться равнодушною при видѣ этихъ звѣрствъ и въ 1877 г. объявила войну Турціи. Болгары тоже участвовали въ этой войнѣ: изъ нихъ сформировалось нѣсколько дружинъ добровольцевъ. Война тянулась безъ малаго годъ и стоила русскимъ чрезвычайно много жизней и денегъ. Что касается болгаръ, то они испытывали въ это время отъ турокъ еще болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, звѣрствъ, ужасовъ и тяжкаго горя. Раздраженные войною, которая началась изъ-за болгаръ, турки уже нисколько не стѣснялись грабить и убивать ихъ. Около 15 тысячъ человѣкъ было отправлено ими въ Азію; даже цареградскіе болгары, которыхъ турки до тѣхъ поръ не тревожили, теперь были или заточены по тюрьмамъ, или изгнаны изъ страны. Въ Филиппополѣ, Адріанополѣ и Сливнѣ сотни болгаръ всѣхъ сословій были повѣшены, множество деревень сожжено; лѣса и горы переполнились тысячами людей, лишившихся крова и спасавшихся отъ преслѣдованій. Нѣсколько болгарскихъ городовъ были сожжены до основанія; Софія сгорѣла отчасти, а Систово, Тырново и Филиппополь спаслись только благодаря искуснымъ движеніямъ русскихъ войскъ и своевременному ихъ занятію.

Блестящія побѣды русской арміи заставили, наконецъ, турокъ прекратить войну и заключить санъ-стефанскій трактатъ въ 1878 г. По этому трактату должно было возникнуть огромное Болгарское княжество. Но европейскія державы признали условія с.-стефанскаго договора несообразными съ политическими видами Европы и обратились къ Россіи съ настойчивымъ требованіемъ уступокъ подъ угрозой европейской войны. На берлинскомъ конгрессѣ 1878 г. с.-стефанскій трактатъ былъ сильно измѣненъ и вмѣсто него выработанъ берлинскій договоръ, согласно съ которымъ теперь и устроены всѣ дѣла на Балканскомъ полуостровѣ. Новое Болгарское княжество, по величинѣ территоріи и по численности населенія, было сильно сокращено сравнительно съ тѣмъ, какъ оно предполагалось по с.-стефанскому трактату.

Герцеговина и Боснія, первыя поднявшія возстаніе противъ Турціи, были отданы, по берлинскому договору, въ распоряженіе Австріи. Много зла, недовольства, народныхъ вспышекъ и возстаній между славянами Балканскаго полуострова породилъ этотъ берлинскій договоръ и прежде всего уже тѣмъ, что онъ ввелъ въ Боснію и Герцеговину (населенныя сербами) такого могущественнаго врага всѣхъ славянъ, какъ австрійцы.

Что же касается Болгаріи, изъ-за которой произошла война, то она, вмѣсто огромнаго Болгарскаго княжества, какъ это предполагалось по с.-стефанскому трактату, теперь, по берлинскому договору, была раздроблена на *три* части, изъ которыхъ одна—Македонія, колыбель болгарскаго народа, по преимуществу имъ населенная, оставлена подъ властью турокъ, которые вымещаютъ на ней всѣ свои неудачи. Въ ней и въ настоящее время совершаются такіе же поборы, какіе совершались во всей Болгаріи до 1878 г. Не избавлены болгары Македоніи отъ ужасовъ, насилій и притѣсненій, какіе отъ времени до времени практикуютъ надъ ними турки еще и теперь. Христіанское населеніе Македоніи платитъ и въ настоящее время на 300% болѣе государственныхъ податей и сборовъ, чѣмъ магометанское. Во многихъ частяхъ Македоніи *беги* (богатые землевладѣльцы магометанскаго исповѣданія) владѣютъ всей землей, между тѣмъ какъ христіане находятся въ полной отъ нихъ зависимости. Та-

кимъ образомъ болгаръ Македоніи грабятъ и беги, доводя ихъ до совершеннаго обнищанія. Правосудія для македонскихъ болгаръ положительно не существуетъ. Подкупы до сихъ поръ господствуютъ во всей названной области и совершаются самымъ безцеремоннымъ образомъ. Недавно турецкій полицейскій убилъ цѣлую семью невинныхъ болгаръ и былъ посаженъ за это подъ арестъ только на три дня.

Другая часть Болгаріи — Восточная Румелія образовала, по берлинскому договору, автономную провинцію Турціи, т.-е. такую провинцію, которая управляется до нѣкоторой степени самостоятельно, но подъ верховной властью турецкаго губернатора.

Только третья часть Болгаріи образовала по берлинскому договору *почти* совершенно самостоятельное Болгарское княжество. Мы говоримъ, что Болгарское княжество теперь почти самостоятельно потому, что вся зависимость его отъ Турціи состоитъ лишь въ ежегодной небольшой дани, которую княжество выплачиваетъ турецкому правительству, да въ утвержденіи султаномъ избраннаго болгарскаго князя. Впрочемъ, зависимость княжества отъ Турціи скорѣе фиктивная, чѣмъ дѣйствительная. Эта зависимость не помѣшала болгарамъ присоединить въ 1885 г. къ своему княжеству созданную тѣмъ же берлинскимъ договоромъ турецкую автономную провинцію, подъ названіемъ Восточной Румеліи. Такимъ образомъ, фактически Болгарское княжество заключаетъ теперь и эту провинцію.

Послѣ освобожденія отъ турецкаго ига болгарамъ пришлось устраивать заново рѣшительно все, что требуется для цивилизованнаго существованія: имъ необходимо было имѣть теперь свое управленіе, войско, школы,—однимъ словомъ, установить на новыхъ началахъ свой политическій и гражданскій бытъ. Этотъ трудъ созиданія новыхъ основъ и въ настоящее время далеко еще не законченъ, и болгары до самаго послѣдняго времени переживали его въ высшей степени тревожно.

Въ первое время послѣ утвержденія берлинскаго договора въ Болгаріи оставались русскія войска, и въ русскихъ же рукахъ было все гражданское управленіе страною. Въ 1879 г. было созвано народное собраніе въ Тырновѣ; оно состояло, во-первыхъ, изъ представителей высшаго болгарскаго духовенства, во-вторыхъ,—изъ высшихъ болгарскихъ чиновниковъ, назначенныхъ русскими властями, въ-третьихъ, изъ лицъ, тоже назначенныхъ русскими исключительно для участія въ этомъ собраніи, въ-четвертыхъ, изъ депутатовъ, выбранныхъ болгарскимъ народомъ. Это собраніе должно было выработать конституцію, т.-е. законы, на основаніи которыхъ долженъ былъ управляться болгарскій народъ. Вотъ существенные пункты этой тырновской конституціи.

Болгарское княжество—монархія наслѣдственная и конституціонная, съ народнымъ представительствомъ. Во главѣ государства долженъ стоять князь, управляющій при посредствѣ министровъ. Перваго князя необходимо выбрать; онъ подлежитъ утвержденію султана и великихъ европейскихъ державъ, а затѣмъ власть его должна переходить по наслѣдству. Законодательная власть, однако, принадлежитъ не князю, а народному собранію, члены котораго (депутаты) выбираются народомъ на три года, по одному на 10,000 жителей. Каждый болгаринъ, какъ богатый, такъ и бѣдный, образованный и безграмотный, можетъ подавать голосъ на выборахъ (при избраніи депутата), если только онъ достигъ 21-лѣтняго возраста. Народное собраніе назначаетъ подати и опредѣляетъ государственные расходы. Кстати замѣтимъ, что по проекту болгарской конституціи, предложенной Россіею, организація народнаго собранія должна была быть нѣсколько иною. По русскому проекту членами народнаго собранія, кромѣ депутатовъ, должны были быть чиновники, духовенство и люди, назначенные княземъ; депутатовъ могло быть всего около половины собра-

нія. Такимъ образомъ власть и полномочія болгарскаго князя были бы очень обширны, и онъ въ собраніи могъ дѣлать все, что пожелалъ. Между тѣмъ интересы князя и народа очень часто могли бы оказаться далеко не одинаковыми, что и обнаружилось даже на этомъ первомъ тырновскомъ собраніи, которое сократило содержаніе князя съ 1 милл. франковъ въ годъ, предложеннаго по русскому проекту, до 600 тысячъ. Къ тому же эта сумма не могла быть ни увеличена безъ народнаго собранія, ни уменьшена безъ дозволенія князя. Ни одинъ законъ Болгарскаго княжества не могъ быть изданъ, дополненъ и отмѣненъ безъ предварительнаго обсужденія и принятія его народнымъ собраніемъ. Законъ, принятый народнымъ собраніемъ, представляется на утвержденіе князя. Затѣмъ народному собранію принадлежитъ еще одно важное право: оно можетъ отдавать подъ судъ министровъ, когда тѣ не исполняютъ законовъ или требованій собранія. Частная переписка отнынѣ должна была составлять тайну и считаться неприкосновенною. Эта тырновская конституція гарантировала также полную свободу печати: никакой цензуры не допускается и никакого залога не требуется отъ автора и издателя; преступленія по дѣламъ печати судятся въ общихъ судахъ. Первоначальное обученіе—безплатно и обязательно для всѣхъ подданныхъ Болгарскаго княжества. Тырновская конституція даровала также болгарамъ право совершенно свободно устраивать общества и сходки. Теперь они могли собираться вмѣстѣ, составлять всевозможные митинги и сходки для обсужденія всякаго рода вопросовъ безъ предварительнаго на то разрѣшенія. Наконецъ, тырновская конституція признала полное равенство всѣхъ болгаръ передъ закономъ, запретивъ дѣленіе народа на сословія; всѣ должны были быть равны передъ закономъ и пользоваться одинаковыми правами и преимуществами; даже ордена и другіе знаки отличія, какъ нарушающіе равенство, строго были запрещены для гражданъ Болгарскаго княжества и сохранены только для военныхъ за военные подвиги, но никакъ не въ мирное время. Этотъ законъ вполнѣ соотвѣтствовалъ характеру болгарскаго народа, не имѣющаго ни дворянъ, ни крестьянъ. Для выбора перваго князя или для избранія регентовъ (назначаемыхъ, когда престолъ на время остается вакантнымъ, или когда вступающій на престолъ князь не достигъ еще совершеннолѣтія), равно какъ и для пересмотра конституціи, если бы это понадобилось, должно быть созвано особое, такъ называемое великое народное собраніе, тоже избираемое народомъ, но съ двойнымъ числомъ депутатовъ.

Первымъ княземъ Болгаріи, согласно желанію русскаго Императора, былъ избранъ нѣмецкій принцъ Александръ Баттенбергъ. Этотъ прусскій лейтенантъ, пользовавшійся на своей родинѣ весьма скудными матеріальными средствами и незавиднымъ положеніемъ, очень обрадовался своему избранію. Совершенно чуждый болгарамъ по своему происхожденію, языку и религіи, онъ не могъ понимать стремленій болгаръ и думалъ лишь о томъ, какъ бы разбогатѣть и возвеличиться. Его корыстныя побужденія очень скоро обнаружились, а потому и болгары стали враждебно къ нему относиться. Такъ какъ на избраніи Баттенберга особенно настаивала Россія, то вмѣстѣ съ нелюбовью къ новому князю болгары стали выказывать и неудовольствіе къ Россіи и русскимъ. Впрочемъ, это недовольство освобожденныхъ болгаръ противъ своихъ освободителей русскихъ, которые проливали за нихъ столько крови, принесли для ихъ освобожденія столько величайшихъ жертвъ, началось среди болгаръ уже на театрѣ войны, а затѣмъ оно стало усиливаться послѣ ея окончанія. Причинъ для этого было достаточно: многіе болгары были недовольны русскими чиновниками, когда тѣ управляли Болгаріею до водворенія у нихъ князя Баттенберга; но большая часть недоразумѣній между русскими и болгарами возникала отъ различія

въ характерѣ того и другого народа. Русскаго человѣка, щедраго и добродушнаго по натурѣ, чувствовавшаго себя освободителемъ и спасителемъ болгаръ и со всею наивностью дававшаго имъ это чувствовать на каждомъ шагу, возмущала разсчетливость, скупость, недовѣрчивость и порою даже жестокость болгарскаго народа. Но настоящую вражду къ русскимъ болгары стали проявлять послѣ берлинскаго договора; она усилилась еще во время правленія Александра Баттенберга. С.-стефанскій трактатъ заставлялъ трепетать сердца болгарскихъ патріотовъ отъ счастія и надеждъ,— онъ дѣлалъ Болгарію единою и нераздѣльною, но когда этотъ трактатъ былъ заново перекроенъ, и вмѣсто него явился берлинскій договоръ, то болгарскимъ патріотамъ пришлось сильно разочароваться. Вмѣсто огромнаго болгарскаго царства образовалось маленькое княжество; выбранный князь оказался корыстолюбивымъ и тщеславнымъ человѣкомъ, близко принимающимъ къ сердцу не судьбу своего народа, а лишь собственныя выгоды, притомъ, по своему происхожденію, совершенно чуждымъ интересамъ славянъ вообще. Вдобавокъ къ этому Болгарія, вмѣсто полной самостоятельности и независимости, осталась въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Турціи, а часть Болгаріи—Македонія не была даже и освобождена. И вотъ, во всемъ этомъ болгары винили Россію. Имъ казалось что, если бы столь могущественное государство, какъ Россія, не было такъ уступчиво относительно европейскихъ державъ, с.-стефанскій трактатъ могъ бы войти въ силу; недовольны они были Россіею и за избраніе Баттенберга,—имъ казалось, что они въ концѣ концовъ могли бы найти болѣе достойнаго князя.

Въ началѣ своего правленія князь Баттенбергъ выражалъ самую горячую преданность русскому государю (имп. Александру II), но вскорѣ онъ началъ заявлять, что ему тяжело управлять Болгаріею вслѣдствіе слишкомъ либеральной ея конституціи. Вступивъ на престолъ съ мечтами о громадной власти, о царскомъ содержаніи, о блестящихъ дворцахъ, ему было трудно мириться съ простотою нравовъ болгаръ; не по душѣ ему была и ихъ разсчетливость: народное собраніе назначило на его содержаніе такую скромную сумму. О блестящихъ дворцахъ тоже не могло быть и помину: на перестройку его дворца назначили тоже не столь значительную сумму, какую требовалъ этотъ расточительный болгарскій князь. Не менѣе раздражала его и ограниченность той власти, которою онъ пользовался. Не прошло и года послѣ его вступленія на престолъ, какъ онъ началъ уже подумывать о томъ, какъ бы, хотя насильственно, расширить свою власть. Въ 1881 г. онъ потребовалъ, чтобы ему были предоставлены неограниченныя полномочія на управленіе страною въ теченіе семи лѣтъ, грозя въ противномъ случаѣ отказаться отъ престола. Либеральная партія вела энергическую пропаганду противъ предоставленія требуемыхъ имъ полномочій, но результаты выборовъ, произведенныхъ подъ давленіемъ назначеннаго княземъ временнаго министерства, во главѣ котораго стоялъ русскій генералъ Эрнротъ, оказались благопріятны для Баттенберга, и народное собраніе изъявило согласіе на его требованія. Такимъ образомъ власть князя была чрезвычайно усилена въ ущербъ народному собранію.

Этотъ переворотъ, который Баттенбергу удалось произвести съ помощью русскихъ офицеровъ, въ то время служившихъ еще въ Болгаріи и дѣйствовавшихъ по приказанію своего начальника Эрнрота, возмутилъ всѣхъ болгарскихъ патріотовъ и вызвалъ крайнее негодованіе противъ русскихъ. Послѣ этого переворота Баттенбергъ, уже не стѣсняемый болѣе народнымъ собраніемъ, началъ распоряжаться въ странѣ совсѣмъ безцеремонно: вся забота правительства была направлена теперь на увеличеніе арміи, на украшеніе городовъ, на постройку дворцовъ, на проведеніе ненужныхъ

желѣзныхъ дорогъ, однимъ словомъ на осуществленіе различныхъ предпріятій, которыя давали возможность урывать порядочные куши. Понятно, что во главѣ всѣхъ этихъ предпріятій и подрядовъ стояли люди, близкіе къ князю Баттенбергу, и что подобныя предпріятія вели къ чрезвычайнымъ расходамъ: въ государствѣ не хватало денегъ и пришлось увеличить подати. Неурядицу въ странѣ усиливали безконечныя дрязги, интриги, ссоры и доносы другъ на друга, какъ среди лицъ, окружающихъ Баттенберга, такъ и среди высшаго правительственнаго персонала: возможность урывать все новые куши заставляла ихъ быть на ножахъ другъ съ другомъ и усиливала ихъ пошлые инстинкты и вожделѣнія. Отъ свободы скоро не осталось и помину: лучшія газеты были запрещены, многіе истинные болгарскіе патріоты или сами покидали родину, или были брошены въ тюрьмы. Не смотря на то, что русское правительство считало Баттенберга своимъ вѣрнымъ союзникомъ и осыпало его подарками (оно дало ему орденъ и, помимо получаемаго имъ содержанія изъ болгарской казны, ежегодно выдавало ему денежную субсидію), онъ интриговалъ противъ русскихъ министровъ и возбуждалъ болгарскій народъ противъ Россіи.

Однако, въ 1883 г. Баттенбергъ былъ вынужденъ обстоятельствами возстановить тырновскую конституцію: болгары не мирились съ созданнымъ имъ гнетомъ, и, при враждебномъ отношеніи къ нему, онъ всегда могъ ожидать взрыва народнаго негодованія. Возстановить тырновскую конституцію заставили его и настоянія его перваго министра, русскаго генерала Соболева. Но благородное поведеніе Соболева уже не могло примирить болгаръ съ Россіей; они въ то время едва ли и знали о его роли въ этомъ дѣлѣ, къ тому же они были уже черезчуръ враждебно настроены противъ русскихъ и думали, что возстановленіемъ тырновской конституціи они исключительно обязаны своему князю, который по необходимости рѣшилъ перемѣнить свою политику. И дѣйствительно, Баттенбергъ теперь старался пользоваться рѣшительно всѣмъ, чтобы возстановить свой пошатнувшійся авторитетъ. Для примиренія съ болгарскимъ народомъ князю скоро представился весьма удобный случай.

Жители автономной провинціи Восточной Румеліи были крайне недовольны порядками, созданными въ ихъ странѣ берлинскимъ договоромъ. Доходы этой области за послѣдніе годы постоянно уменьшались потому, что главный источникъ заработка (вывозная торговля зерновымъ хлѣбомъ) сильно страдалъ отъ американской конкуренціи, что, въ свою очередь, чрезвычайно неблагопріятно отзывалось на всей торговлѣ этой области. Что же касается промышленности, то правительство Восточной Румеліи не обращало ни малѣйшаго вниманія на ея развитіе. Между тѣмъ расходы быстро возрастали, что не трудно объяснить двойною, отдѣльною отъ Болгаріи администраціею. Чтобы покрывать всѣ эти расходы, увеличивали налоги, и румелійскіе болгары буквально изнемогали подъ ихъ бременемъ. Если бы Восточная Румелія еще нѣсколько лѣтъ просуществовала отдѣльно отъ Болгарскаго княжества, обѣ эти области были бы вконецъ разорены. Необходимость ихъ возсоединенія прекрасно сознавали какъ болгары румелійскіе, такъ и болгары княжества.

Обремененіе румелійскихъ болгаръ тяжелыми налогами и ихъ страстное стремленіе къ возсоединенію съ княжествомъ привели въ концѣ концовъ къ народному востанію въ 1885 г. Въ ночь съ 5 на 6 сентября вооруженные крестьяне окрестныхъ деревень ворвались въ городъ, и съ ними соединилась дружина румелійскаго ополченія. Генералъ-губернаторъ, назначенный Портою, былъ посаженъ подъ арестъ. Послѣ этого было провозглашено соединеніе Восточной Румеліи съ Болгарскимъ княжествомъ. Князь Александръ, не безъ вѣдома котораго подготовлялось все это движеніе, приведшее къ перевороту, приказалъ своимъ войскамъ войти въ Восточную

Румелію и черезъ нѣсколько дней уже совершилъ торжественный въѣздъ въ Филиппополь, главный городъ Восточной Румеліи. Въ тотъ же день была получена телеграмма съ извѣстіемъ, что русское правительство не одобряетъ румелійскаго переворота (хотя по санъ-стефанскому договору предполагалось присоединить къ Болгаріи не только Восточную Румелію, но даже Македонію), и русскіе офицеры, которые обучали болгарскую армію, должны были ее оставить и возвратиться въ Россію. Болгары недоумѣвали, какъ имъ слѣдуетъ смотрѣть на недовольство, выказанное въ этомъ случаѣ русскими: когда ихъ князь посягалъ на народныя вольности, Россія ему покровительствовала, а теперь, когда онъ содѣйствовалъ осуществленію завѣтной мечты болгарскаго народа, т.-е. соединенію Восточной Румеліи съ княжествомъ, Россія отступилась отъ Болгаріи. Болгарамъ мало было извѣстно, въ какое враждебное отношеніе къ русскому правительству успѣлъ стать къ этому времени ихъ князь Александръ. Послѣ этого Баттенбергъ публично заявилъ, что день, въ который ему удалось видѣть свое войско подъ командою исключительно болгарскихъ офицеровъ, онъ считаетъ счастливѣйшимъ въ своей жизни и при этомъ презрительно отозвался о русскихъ, сказавъ, что они покинули свои посты въ минуты опасности. Отвѣтомъ нашего правительства было исключеніе князя болгарскаго изъ списка русской арміи, въ которой онъ числился генераломъ.

По полученіи извѣстія о румелійскомъ переворотѣ, сербскій король Миланъ мобилизировалъ свою армію и объявилъ представителямъ великихъ державъ, что онъ не можетъ допустить соединенія обѣихъ Болгарій безъ соотвѣтственнаго земельнаго увеличенія своей страны. Братоубійственная война двухъ близкихъ народовъ началось вторженіемъ сербовъ въ Болгарію (въ 1885 г.). Но болгары геройски отразили нападеніе, разбили войско Милана и, смѣло перейдя въ наступленіе, сами вторглись въ сербскіе предѣлы. Побѣдоносно подвигаясь впередъ, они взяли съ боя сербскій городъ Пиротъ, послѣ чего разстроенная сербская армія была не въ силахъ остановить движенія ихъ даже къ Бѣлграду — сербской столицѣ. Величайшая опасность грозила не только сербской столицѣ, но даже престолу Милана, когда въ главной квартирѣ князя Александра появился австрійскій посланникъ и заявилъ ему, что если болгары будутъ подвигаться впередъ, то въ Сербію, для ея защиты, вступитъ австро-венгерская армія. Князь Александръ пріостановилъ военныя дѣйствія, продолжавшіяся всего двѣ недѣли; между Сербіею и Болгаріею былъ заключенъ миръ, причемъ Болгарія, не смотря на свои побѣды, не получила отъ Сербіи никакого вознагражденія за испытанное ею несправедливое нападеніе.

Европейскимъ державамъ предстояло теперь рѣшить трудный вопросъ, какъ поступить съ Восточною Румеліею, которая по берлинскому договору должна была быть особою провинціею и управляться генералъ-губернаторомъ, назначаемымъ Портою на пятилѣтній срокъ, между тѣмъ какъ она теперь соединилась съ Болгарскимъ княжествомъ. Дѣло это рѣшилось такимъ образомъ: европейскія державы постановили, что генералъ-губернаторство въ Восточной Румеліи ввѣряется князю болгарскому на основаніи берлинскаго трактата, т.-е. лишь на пятилѣтній срокъ.

Хотя желаніе болгаръ относительно соединенія съ В. Румеліей теперь оказалось осуществившимся, но такъ какъ болгарскій князь былъ признанъ лишь временнымъ правителемъ Румеліи, то это не нравилось болгарскому народу. Недоволенъ онъ былъ и тѣмъ, что князь не съумѣлъ сохранить дружескихъ отношеній съ Россіей. Хотя болгары еще недавно выражали сильное неудовольствіе противъ Россіи, но наиболѣе благоразумные элементы въ Болгаріи всегда сознавали всю необходимость дружбы съ Россіею. Возбуждалъ князь неудовольствіе болгаръ и тѣмъ, что онъ

слишкомъ дорого стоилъ государству. Слѣдствіемъ всего этого было то, что въ 1886 г. одинъ болгарскій военный отрядъ, при участіи воспитанниковъ военнаго училища въ Софіи, произвелъ государственный переворотъ: князь Александръ былъ арестованъ и высланъ изъ предѣловъ Болгаріи. Но черезъ нѣсколько дней одержала верхъ другая партія, призвавшая князя обратно. Александръ Баттенбергъ почувствовалъ, однако, что власть его можетъ быть прочною лишь при добрыхъ отношеніяхъ къ Россіи и спросилъ телеграммою у русскаго Императора, можетъ ли онъ на это разсчитывать. Государь отвѣчалъ, что русское правительство будетъ воздерживаться «отъ всякаго вмѣшательства въ печальное положеніе дѣлъ, до котораго доведена Болгарія», пока князь Александръ будетъ въ ней оставаться. Тогда князь Баттенбергъ отрекся отъ престола и оставилъ Болгарію, назначивъ регентство изъ трехъ лицъ. Русское правительство отправило въ Болгарію своего военнаго агента, барона Каульбарса, съ цѣлью ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ странѣ и выяснить населенію истинныя намѣренія Россіи. Созванное въ это время народное собраніе выбрало княземъ датскаго принца, но когда тотъ отказался принять это избраніе,— утвердило регентство. Все это шло въ разрѣзъ съ требованіями русскаго правительства; когда же русскіе стали подвергаться въ Болгаріи различнымъ непріятностямъ и оскорбленіямъ, представитель русскаго правительства, баронъ Каульбарсъ, выѣхалъ изъ Болгаріи, предписавъ сдѣлать то же и всѣмъ русскимъ консуламъ въ Болгаріи и Румеліи. Такимъ образомъ дипломатическія сношенія между Болгаріею и Россіею были прерваны.

Положеніе вещей въ Болгаріи не только не улучшилось во время регентства, но скорѣе еще ухудшилось, что вызывало сильное неудовольствіе какъ среди земледѣльческаго населенія, такъ и среди войска; послѣдствіемъ этого было нѣсколько военныхъ возстаній. Нужно замѣтить, что болгарское правительство во время регентства вполнѣ подчинялось наиболѣе энергичному и смѣлому изъ регентовъ, а именно Стамбулову, подавлявшему эти возстанія съ величайшею суровостью. Всѣхъ зачинщиковъ этихъ возстаній, а часто и лицъ, лишь заподозрѣнныхъ въ участіи въ нихъ разстрѣливали или сотнями бросали въ тюрьмы; при этомъ заключенныхъ жестоко пытали и всячески истязали. Все это страшно возмущало и волновало народъ. Господствовавшее въ странѣ возбужденіе угрожало новымъ переворотомъ. Это заставило правителей Болгаріи, т.-е. главнымъ образомъ Стамбулова, спѣшить избраніемъ новаго князя. Вслѣдствіе этого болгарская депутація отправилась въ западную Европу съ просьбою о посредничествѣ великихъ державъ, подписавшихъ берлинскій договоръ. Европейскіе кабинеты, такъ-же, какъ и турецкое правительство, дали депутаціи совѣтъ войти по этому поводу въ непосредственное соглашеніе съ Россіею. Но депутація, вопреки совѣту, обратилась къ принцу Фердинанду Кобургскому съ предложеніемъ болгарскаго престола. Принцъ Кобургскій вступилъ въ сношенія съ регенствомъ и выразилъ ему свое желаніе сдѣлаться болгарскимъ княземъ, но съ условіемъ, чтобы онъ былъ признанъ болгарскимъ княземъ державами, подписавшими берлинскій договоръ. Однако, несмотря на отказъ державъ одобрить его кандидатуру, Фердинандъ Кобургскій, избранный болгарскимъ княземъ въ 1887 г. народнымъ собраніемъ, отправился въ Софію, столицу Болгарскаго княжества, и вступилъ въ управленіе страною. Онъ поручилъ составленіе министерства Стамбулову, который немедленно назначилъ на вліятельный постъ военнаго министра своего зятя Муткурова и составилъ министерство исключительно изъ своихъ приверженцевъ, усердныхъ сторонниковъ принца Кобургскаго. Не признанный ни Портою, ни великими державами, сознавая шаткость своего положенія, новый князь возложилъ всѣ свои надежды на Стамбулова, который главнымъ обра-

зомъ помогъ его избранію на болгарскій престолъ. Стамбуловъ, дѣйствительно, оказался человѣкомъ весьма умнымъ, образованнымъ, изъ ряду вонъ энергичнымъ, но въ то же время корыстолюбивымъ, жестокимъ, порочнымъ и безпринципнымъ. И вотъ такой-то человѣкъ сдѣлался первымъ министромъ, полновластнымъ хозяиномъ въ странѣ и распоряжался ею по своему произволу до 1894 г. Весь этотъ семи-восьмилѣтній періодъ жизни болгаръ напоминалъ лишь самые худшія времена турецкаго ига. Въ такомъ небольшомъ очеркѣ, какъ нашъ, трудно дать полное представленіе о томъ злѣ, которое Стамбуловъ сдѣлалъ странѣ, объ ужасахъ и несправедливостяхъ, испытанныхъ болгарами во время его господства; онъ не стѣснялся ни съ отдѣльными личностями, какое бы положеніе онѣ ни занимали, ни съ законами страны.

Однажды вечеромъ (въ 1891 г.), когда Стамбуловъ прогуливался вмѣстѣ съ министромъ финансовъ Бельчевымъ, раздались выстрѣлы, и Бельчевъ палъ мертвымъ. По всей вѣроятности хотѣли убить не его, а Стамбулова: народъ, выведенный изъ терпѣнія его тираніею, рѣшилъ ему отомстить. Возможно также и то, что его убійствомъ хотѣли вызвать народное волненіе и низверженіе правительства. Такъ или иначе, но это осталось неизвѣстнымъ; убійцы скрылись, и Стамбуловъ принялъ всѣ мѣры, чтобы ихъ отыскать: немедленно было объявлено въ Софіи осадное положеніе и въ то же время массами стали хватать народъ; сажали въ тюрьмы множество невинныхъ людей, чтобы при такомъ удобномъ случаѣ извести всѣхъ, непріятныхъ диктатору. Вмѣстѣ съ множествомъ невинныхъ людей бросили въ тюрьму и замѣчательнаго болгарскаго патріота Каравелова [1]). Жены, матери и сестры лицъ, лишенныхъ свободы по подозрѣнію въ участіи въ убійствѣ Бельчева, подали коллективное прошеніе всѣмъ находившимся въ Софіи представителямъ державъ. Въ немъ указывалось, что ихъ родственниковъ, заключенныхъ въ тюрьмы лишь по подозрѣнію, подвергаютъ жесточайшимъ пыткамъ, что между прочимъ пытаютъ даже огнемъ, отчего одинъ изъ заключенныхъ уже умеръ. Просители умоляли представителей державъ употребить свое вліяніе и положить конецъ этимъ беззаконіямъ. Большинство заключенныхъ въ концѣ концовъ, дѣйствительно, пришлось освободить, такъ какъ, при всемъ стараніи, противъ нихъ не нашлось рѣшительно никакихъ данныхъ, доказывавшихъ ихъ виновность.

А вотъ и другой, не менѣе характерный, примѣръ режима Стамбулова. Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что князь Фердинандъ женится на католичкѣ, въ Болгаріи появилось много католиковъ, а вмѣстѣ съ этимъ стала быстро распространяться и католическая пропаганда; это сильно возмущало всѣхъ ревностныхъ православныхъ болгаръ. Тырновскій митрополитъ Климентъ произнесъ въ церкви проповѣдь, пригла-

[1]) Петко Каравеловъ—человѣкъ въ высшей степени образованный и популярный, замѣчательный ораторъ и бывшій министръ финансовъ. Во время его министерства и при его непосредственномъ участіи совершилось соединеніе Болгарскаго княжества съ В. Румеліею. Онъ палъ послѣ переворота 1886 г. Въ 1892 г. стамбуловское правительство отдало Каравелова подъ военный судъ по обвиненію въ участіи въ убійствѣ Бельчева, хотя для такого обвиненія не было никакихъ данныхъ; но по своимъ взглядамъ, которые онъ проводилъ своимъ соотечественникамъ въ своихъ статьяхъ и устныхъ бесѣдахъ, по своему возвышенному образу мыслей, по своему благородному характеру и по своей громкой популярности въ странѣ онъ былъ ненавистенъ Стамбулову. Понятно, что, хотя для его обвиненія не было ни малѣйшихъ данныхъ, онъ всетаки былъ приговоренъ къ пятилѣтнему тюремному заключенію, во время котораго крайне пошатнулось его здоровье. Нѣсколько позже, еще во время его заключенія въ тюрьмѣ, ему предлагали свободу съ условіемъ, чтобы онъ отказался отъ борьбы съ княземъ, но онъ съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе. Его идеальная честность не оспаривается даже его врагами: будучи министромъ, онъ не нажилъ никакихъ средствъ, и семья его, во время его тюремнаго заключенія, существовала лишь на заработокъ его жены-учительницы.

шая присутствующихъ быть твердыми въ православной вѣрѣ, хранить ее и строго выполнять завѣты своей церкви. Правительство усмотрѣло въ этомъ оскорбленіе князя и призывъ населенія къ неповиновенію. На другой день уличная толпа, предводительствуемая агентами Стамбулова, напала на тырновскую митрополію, самымъ гнуснымъ образомъ вытащила оттуда митрополита, осыпая его ругательствами и побоями, и засадила въ Петропавловскій монастырь. Правительство предало митрополита обыкновенному суду, созвавъ для этой цѣли особый составъ окружнаго суда, т.-е. смѣнивъ тѣхъ членовъ суда, которые могли бы рѣшить дѣло несчастнаго митрополита по чести и совѣсти, и замѣнивъ ихъ сторонниками правительства. Этотъ судъ приговорилъ митрополита къ вѣчному заточенію. Дѣло это перешло на апелляцію, но и апелляціонный судъ былъ составленъ такъ же, какъ и первый: хотя подсудимый извѣстилъ судъ о томъ, что онъ желаетъ присутствовать при разсмотрѣніи своего дѣла, тѣмъ не менѣе оно разсматривалось въ его отсутствіи, такъ какъ полиція не дозволила ему явиться въ судъ, который призналъ Климента виновнымъ въ оскорбленіи князя, но отвергъ его виновность въ призывѣ къ революціи и приговорилъ его къ трехлѣтнему тюремному заключенію.

Въ народномъ собраніи было много противниковъ диктатора, и выборы въ это главнѣйшее учрежденіе болгарскаго княжества были превращены Стамбуловымъ въ простую комедію. Давленіе на выборы со стороны Стамбулова было такъ безцеремонно, что онъ прямо приказывалъ выбрать въ извѣстный округъ того или другого депутата. Чтобы точно выполнить это приказаніе, низшія власти не брезгали никакими средствами: нерѣдко переодѣтые городовые избивали до полусмерти всѣхъ избирателей, выбиравшихъ въ депутаты противниковъ Стамбулова,—имъ также грозила тюрьма и ссылка. Практиковались и другіе способы: избирательныя урны оказывались иногда наполненными бюллетенями съ написанными на нихъ именами еще до открытія выборовъ. Такъ какъ выборы сопряжены были не только съ непріятностями, но даже съ опасностью для здоровья и жизни для людей болѣе или менѣе независимыхъ, то очень многіе болгары стали устраняться отъ выборовъ и совсѣмъ не являлись на нихъ. Такъ какъ депутаты въ народное собраніе были теперь, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, люди желательные для Стамбулова, то они и проводили лишь то, чего онъ добивался. Такимъ образомъ, народное собраніе, — это основное учрежденіе Болгаріи, въ концѣ концовъ тоже явилось послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Стамбулова.

Точно также и на сходкахъ не допускалось теперь свободнаго обсужденія очень многихъ вопросовъ: какъ только произносились рѣчи, непріятныя правительству, полиція немедленно разгоняла собравшихся, а ораторовъ высылали въ провинціальныя захолустья или бросали въ тюрьмы.

Чтобы избавиться отъ всѣхъ непріятныхъ для него элементовъ въ странѣ, Стамбуловъ приказалъ вскрывать всѣ письма и окружилъ себя цѣлымъ легіономъ шпіоновъ и доносчиковъ. Наступилъ настоящій терроръ: во всей странѣ нельзя было произнести ни одного слова, мало-мальски непріятнаго правительству, т.-е. Стамбулову: шпіоны были во всѣхъ ресторанахъ, на всѣхъ сходкахъ, на гуляньѣ, однимъ словомъ всюду. Армія этихъ шпіоновъ увеличивалась съ каждымъ днемъ и стоила княжеству огромныхъ денегъ. Доносами, лукавствомъ, хитростью, гнуснымъ предательствомъ, всевозможными средствами эти шпіоны улавливали въ свои сѣти множество людей и широкой волной розлили въ странѣ горе, отчаяніе, злобу, страстное стремленіе отомстить Стамбулову.

Во все время правленія Стамбулова, вмѣсто свободы слова и печати, закона и правосудія, гарантіи чести, жизни и имущества,—всѣхъ благъ, дарованныхъ болга-

рамъ тырновскою конституціею, въ странѣ господствовали лишь терроръ, тюрьма и ссылка, побои, истязанія, полнѣйшій произволъ, палочники, жандармы и шпіоны. Волненія слѣдовали за волненіями, правительство усмиряло и карало безъ всякаго снисхожденія не только виновныхъ, но и невинныхъ; тюрьмы были переполнены арестантами, множество народу было сослано административнымъ порядкомъ въ разные захолустные уголки.

Когда все было въ рукахъ Стамбулова, когда все трепетало передъ нимъ, онъ нашелъ, что наступилъ моментъ, когда онъ открыто можетъ узаконить свои беззаконія, и смѣло приступилъ къ перемѣнамъ въ тырновской конституціи. Въ 1893 г. было созвано въ Тырновѣ великое народное собраніе, которое единогласно утвердило слѣдующія измѣненія въ болгарской конституціи: 1) князь получаетъ титулъ «царское высочество». Титулъ этотъ принятъ на томъ основаніи, что встарину Болгарія имѣла своихъ царей. 2) Избранный князь и его первый преемникъ могутъ не принадлежать къ православной вѣрѣ. 3) Князь имѣетъ право раздавать ордена (по прежней конституціи ордена за гражданскія заслуги были воспрещены). 4) Депутаты въ народное собраніе избираются по одному на 20.000 чел. об. пола и на 5 лѣтъ, между тѣмъ какъ прежде одинъ избирался на 10.000 человѣкъ и на 3 года. Не смотря на стамбуловскій гнетъ, это измѣненіе было встрѣчено съ большимъ неодобреніемъ: оно наглядно показывало стремленіе правительства ослабить участіе народа въ управленіи страною и желаніе, во чтобы то ни стало, усилить правительственную власть въ ущербъ народной волѣ. 5) Народное собраніе можетъ постановить рѣшеніе при наличности болѣе, чѣмъ одной трети общаго числа депутатовъ,— прежде для этого требовалась половина. Это необходимо было Стамбулову для того, чтобы желательный для него проектъ проходилъ легче и быстрѣе. 6) Тайное голосованіе можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если это будетъ предложено десятью депутатами и если предложеніе будетъ принято собраніемъ. Этого условія не было до сихъ поръ въ конституціи. 7) Князь получаетъ право разрѣшать заемъ на 3 мил. франковъ съ одобренія ближайшимъ народнымъ собраніемъ,—прежде онъ могъ разрѣшать заемъ лишь на 1 мил. франковъ. Князь получаетъ также право увеличивать своею властью цифру утвержденныхъ собраніемъ расходовъ на 1 мил. франковъ,—прежде эта сумма не могла превышать 300.000 франковъ. 8) Всѣ депутаты получаютъ суточныя деньги,—прежде на это имѣли право только тѣ депутаты, мѣсто жительство которыхъ находилось не въ городѣ, гдѣ происходило собраніе. 9) Число членовъ великаго народнаго собранія должно быть вдвое больше числа членовъ обыкновеннаго собранія. 10) Учреждаются два новыхъ министерства: а) министерство торговли, сельскаго хозяйства и промышленности и б) министерство общественныхъ работъ и путей сообщенія. Число министерствъ такимъ образомъ возросло до восьми, что сразу сильно увеличивало расходы государства.

Послѣ всѣхъ этихъ перемѣнъ въ конституціи, народное собраніе стало окончательно выполнять не волю народа, а желанія Стамбулова. Даже бюджетъ княжества разсматривался теперь собраніемъ лишь для проформы, и такимъ образомъ у него отнималась главная его функція — контролировать финансы страны. Между тѣмъ расточительность правительства и хищеніе казны превосходили всякое вѣроятіе, быстро разоряли государство и тяжелымъ бременемъ ложились на плечи народа,— его подати и налоги все возрастали. Планы новыхъ грандіозныхъ построекъ и всевозможныхъ предпріятій росли съ невѣроятной быстротой, но громадное большинство построекъ не было даже начато, а другія брошены при самомъ началѣ. Между тѣмъ на всѣ эти предпріятія ассигнованы были громадныя суммы, которыя пошли въ

карманы людей почему-либо нужныхъ или пріятныхъ Стамбулову. Впрочемъ, государство разоряли не одни предпріятія, уже исключительно и задуманныя съ хищническими цѣлями: своимъ министрамъ Стамбуловъ часто давалъ заграничныя командировки; при сохраненіи полнаго содержанія они получали еще въ это время по 200 фр. суточныхъ. Наконецъ, самъ Стамбуловъ совершенно безцеремонно пользовался государственной казною: когда онъ только что получилъ власть, онъ былъ небогатымъ человѣкомъ, но, оставивъ ее, онъ оказался милліонеромъ: у него были собственные дома, огромное помѣстье, капиталы въ иностранныхъ банкахъ.

Несмотря на терроръ, который господствовалъ въ это время въ Болгаріи, все-же отъ времени до времени то тамъ, то здѣсь раздавались голоса: «Долой тирана, долой Стамбулова!» или «подъ судъ Стамбулова!» Наконецъ, обстоятельства вынудили Стамбулова подать въ отставку (въ 1894 г.), но онъ твердо былъ увѣренъ, что князь снова призоветъ его къ власти; онъ ошибся, однако, и отставка его была принята. Моментально облетѣла эта вѣсть всю Болгарію, и въ Софіи было получено болѣе 20.000 телеграммъ, въ которыхъ выражали восторгъ и благодарность князю за избавленіе страны отъ тирана и хищника. Вскорѣ послѣ этого Стамбуловъ былъ убитъ такимъ варварскимъ способомъ, при воспоминаніи о которомъ кровь стынетъ въ жилахъ. Та-же страшная ненависть народа къ этому злодѣю выразилась и при его похоронахъ, и въ телеграммахъ, полученныхъ женою покойнаго.

Какой вредъ сдѣлалъ Стамбуловъ странѣ, хорошо сформулировано въ оффиціальномъ докладѣ парламентской слѣдственной коммиссіи въ 1895 г. Этотъ оффиціальный докладъ, подтверждаемый цѣлою массою документовъ, указываетъ на слѣдующія злоупотребленія и злодѣянія Стамбулова: 1) была совершенно устранена свобода выборовъ и насиловалась народная воля; 2) были воспрещены митинги, имѣющіе цѣлью порицаніе дѣйствій властей; 3) уничтожена была тайна частныхъ писемъ и телеграммъ; 4) нарушена была неприкосновенность личности и жилищъ; 5) созданъ былъ не предвидѣнный законами институтъ шпіоновъ; 6) задушена свобода печати; 7) налагаема была на населеніе экзекуція (постой войскъ); 8) были куплены 70 милліоновъ патроновъ по самой дорогой оцѣнкѣ, чѣмъ была причинена потеря казнѣ въ размѣрѣ двухъ милліоновъ франковъ; 9) постройка желѣзнодорожныхъ линій стоила государству на 7—8 мил. фр. дороже дѣйствительной стоимости; 10) куплены 146,000 ружей по цѣнѣ, гораздо высшей ихъ дѣйствительной стоимости, причемъ при пріемкѣ ихъ не было забраковано ни одного ружья, несмотря на то, что бездна ружей была совершенно негодныхъ; 11) при покупкѣ пушекъ и артиллерійскихъ матеріаловъ произведены были злоупотребленія на 2 мил. фр.; 12) куплено было незаконнымъ образомъ 100,000 метровъ сукна, которое, по причинѣ негодности его, ничего не стоило; 13) тайные фонды были вынимаемы изъ банка совершенно безконтрольно (въ началѣ 1894 г. Стамбуловъ и Грековъ такимъ образомъ вынули 240,000 франковъ золотомъ, которые, тутъ-же въ банкѣ, были переведены на ихъ личный кредитъ; когда-же потребовали отъ нихъ отчета, они отказались возвратить эти деньги казнѣ); 14) военно-полевой судъ издавалъ рѣшенія по приказамъ Стамбулова; 15) Стамбуловъ незаконно присвоивалъ чужія имущества, о чемъ имѣется болѣе 80-ти жалобъ; 16) въ коммиссію поступило множество заявленій о незаконныхъ арестахъ и административныхъ высылкахъ, изъ нихъ 17—съ жалобами незаконно арестованныхъ, содержимыхъ по тюрьмамъ и участкамъ; 25 заявленій объ арестахъ во время выборовъ и, кромѣ этого, еще цѣлый рядъ жалобъ со стороны отдѣльныхъ лицъ и селъ на разнаго рода насилія, учиненныя надъ ними.

На основаніи вышеизложеннаго, коммиссія пришла къ единогласному заключе-

нію предложить собранію: отдать подъ судъ всѣхъ бывшихъ министровъ, товарищей Стамбулова; относительно же его самого и Муткурова, умершихъ, коммиссія того мнѣнія, что государство имѣетъ право возбудить только гражданскій искъ за убытки. Всѣмъ чиновникамъ, совершавшимъ преступленія по приказу Стамбулова, опредѣлить соотвѣтствующія наказанія, такъ какъ въ законахъ княжества не существуетъ такой статьи, которая обязывала бы ихъ исполнять противозаконные приказы. Всѣ суммы, израсходованныя на содержаніе политическихъ шпіоновъ и сыщиковъ, должны быть возвращены государственному казначейству, какъ израсходованныя не по назначенію. Что же касается самихъ шпіоновъ, то пусть ихъ имена, опубликованныя, останутся на позоръ передъ настоящимъ и будущимъ поколѣніями.

Личность князя почти стушевывалась во время господства Стамбулова; къ тому же онъ совсѣмъ не зналъ ни языка, ни народа страны, престолъ которой онъ занималъ. Послѣ паденія Стамбулова для князя сдѣлалось очевиднымъ, какой страшный вредъ приносилъ его премьеръ, и онъ началъ дѣйствовать болѣе самостоятельно. Но такъ какъ болѣе или менѣе самостоятельный образъ дѣйствій князя начался лишь 3—4 года тому назадъ, то о его управленіи за эти годы можно сказать лишь очень немногое. Самый выдающійся фактъ за это время—примиреніе съ Россіею.

Разрывъ русскаго правительства съ болгарскимъ продолжался 10 лѣтъ. Въ теченіе всего этого времени все русское совершенно отсутствовало въ Болгаріи; господствовали австрійцы и англичане. Безъ участія русскаго правительства и вопреки ему водворилась въ княжествѣ династія Кобурга; вся власть въ Болгаріи перешла въ руки противниковъ русскаго правительства, которые находились подъ руководствомъ Стамбулова и подъ покровительствомъ Англіи и Австро-Венгріи. Послѣ паденія Стамбулова симпатіи болгаръ къ Россіи опять стали давать себя чувствовать. Князь Фердинандъ, опасаясь утратить всякій авторитетъ въ Болгаріи за продолжительный режимъ Стамбулова, а также сознавая всю необходимость дружбы съ Россіей и имѣя въ то же время доказательства все большей симпатіи къ ней болгаръ, рѣшилъ дѣлать все, чтобы пріобрѣсти ея могущественное покровительство. Отвергнутый Россіею, не признаваемый ни Турціею, ни Европою, Фердинандъ, въ первые годы своего правленія, былъ лишь избранникомъ болгарскихъ представителей, руководимыхъ Стамбуловымъ; вотъ почему ему пришлось по вступленіи на престолъ связать свою судьбу съ судьбою Стамбулова и дать ему самыя широкія полномочія. Когда Стамбуловъ палъ, принцъ Кобургскій рѣшилъ употребить всѣ средства, чтобы вернуть болгарамъ расположеніе Россіи и ея могущественное покровительство. Онъ нашелъ, что лучшее средство для этого—присоединить къ православію своего наслѣдника, принца Бориса. Онъ обратился съ просьбою по этому поводу къ русскому государю о присылкѣ въ Софію особаго русскаго представителя, который бы могъ присутствовать при обрядѣ присоединенія его сына къ православной церкви. Князь Фердинандъ получилъ благосклонный отвѣтъ отъ русскаго государя, послѣ чего наши оффиціальныя отношенія съ княжествомъ были возстановлены назначеніемъ въ Софію русскаго дипломатическаго агента. Кромѣ того, государь императоръ согласился быть воспріемникомъ князя Бориса при крещеніи (вмѣсто государя присутствовалъ графъ Голенищевъ-Кутузовъ.).

Обрядъ присоединенія принца Бориса къ православію совершился вь Софіи 14 февраля 1896 г. съ большимъ торжествомъ, въ присутствіи чрезвычайныхъ посланниковъ Россіи и Турціи, среди общаго энтузіазма болгарскаго населенія. Этотъ восторгъ былъ вызванъ многими причинами: во-первыхъ тѣмъ, что будущій князь болгаръ будетъ воспитанъ въ вѣрѣ ихъ отцовъ, чему они придаютъ такое громадное

значеніе, во-вторыхъ, этимъ актомъ они отнынѣ примирялись съ могущественною державою, которая всегда была ихъ защитницею, покровительницею и даже освободительницею. Болгары понимали, что присутствіе русскихъ и турецкихъ представителей означаетъ формальное признаніе законности установленнаго политическаго порядка въ княжествѣ и что уже одно это послужитъ къ уничтоженію многихъ осложненій и безпорядковъ.

Въ настоящее время по предложенію султана, какъ сюзерена Болгаріи, съ предварительнаго одобренія и согласія Россіи, принцъ Фердинандъ утвержденъ великими державами въ званіи болгарскаго князя и генералъ-губернатора Восточной Румеліи. Такимъ образомъ Болгарія имѣетъ теперь свою законную власть, дѣйствующую на основаніи конституціи, и свое самостоятельное управленіе, отвѣтственное передъ народнымъ собраніемъ. Нужно-замѣтить однако, что признаніе принца Фердинанда законнымъ княземъ Болгаріи должно отразиться извѣстнымъ образомъ на внутреннихъ дѣлахъ этой страны; оно прежде всего усиливаетъ положеніе правительства и возвышаетъ его авторитетъ, чѣмъ косвенно ослабляетъ роль народнаго собранія и отдѣльныхъ политическихъ партій.

Ошибочно было бы думать, что Болгарія, обладая парламентскими учрежденіями, управляется вполнѣ по образцу настоящаго конституціоннаго государства. Но неправильно было бы заключить изъ того, что управленіе ея не всегда согласуется съ конституціонными началами, что она находится подъ неограниченнымъ самодержавнымъ режимомъ князя; точнѣе будетъ сказать, что Болгарія управляется на основаніи демократическихъ принциповъ, умѣряемыхъ властью князя.

Въ Болгаріи высшее управленіе въ рукахъ князя, министровъ и народнаго собранія. Князю принадлежатъ права болѣе обширныя, чѣмъ тѣ, которыми обыкновенно надѣляются конституціонные государи. Какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ онъ назначаетъ министерство и командуетъ арміей, и его личное благорасположеніе или непріязнь оказываютъ въ политикѣ вліяніе, какого не можетъ имѣть государь въ странахъ съ установившимся парламентскимъ режимомъ. Онъ назначаетъ и смѣщаетъ министровъ, но онъ не можетъ очень долго сохранять одно и то же министерство, если оно не соотвѣтствуетъ національнымъ желаніямъ. Не можетъ онъ, даже если бы онъ и встрѣчалъ полную поддержку со стороны своихъ министровъ, долго вести политику, которая бы слишкомъ шла въ разрѣзъ съ стремленіями своего народа. То же можно сказать и о министрахъ: хотя въ общемъ болгарскіе министры пользуются болѣе обширною властью, чѣмъ ихъ товарищи въ болѣе культурныхъ странахъ, но ихъ власть, въ концѣ концовъ, тоже сильно ограничена. Пока они управляютъ согласно съ волею князя и обращаютъ вниманіе на желанія своего народа, они могутъ пользоваться весьма не симпатичными пріемами, такъ, напр., производить давленіе на выборахъ, и все это сходитъ имъ съ рукъ.

Что касается народнаго собранія, то оно до сихъ поръ далеко еще не вполнѣ пользуется всею широтою своихъ полномочій и пока не достигло того вліянія, какое обыкновенно имѣютъ законодательныя собранія народныхъ представителей. Вѣроятно, это отчасти происходитъ оттого, что болгарскій народъ еще очень невѣжественъ и мало грамотенъ. Кромѣ большихъ городовъ, населеніе выказываетъ чрезвычайно мало интереса къ политикѣ, избиратели же равнодушно относятся къ выбору депутатовъ,—вотъ это и помогало правительству оказывать давленіе на выборахъ. Однако, нѣсколько лѣтъ, прожитыхъ подъ конституціоннымъ режимомъ, заставляютъ болгаръ уже сознательнѣе относиться къ своимъ правамъ и политическимъ явленіямъ своей жизни. Уже бывали случаи, когда тому или другому министру приходилось

выходить въ отставку не потому, что его не поддерживалъ князь, а потому, что онъ не пользовался довѣріемъ и одобреніемъ собранія. И среди избирателей теперь нѣсколько болѣе крѣпнетъ сознаніе того, что въ народное собраніе необходимо выбирать такихъ депутатовъ, которые бы умѣли и могли поддерживать и защищать интересы народа.

Благодаря безцеремонному хозяйству во время семи-восьмилѣтняго господства Стамбулова, финансы Болгаріи оказались въ весьма плачевномъ состояніи. Прежде не только была возможность сводить расходы съ доходами, но еще оставались небольшія сбереженія. Но съ 1888 г. доходовъ поступило 52 мил. франк., а расходовъ было болѣе 71 мил., такъ что дефицитъ оказался болѣе, чѣмъ въ 18 мил.; въ 1891 г. дефицитъ равнялся почти $12^1/_2$ мил. фр., а въ 1893 г. онъ простирался до 9 мил. Изъ этихъ цифръ видно, что даже въ первые годы послѣ войны за освобожденіе, когда требовались экстраординарные расходы, денежныя дѣла Болгаріи, сравнительно съ послѣдующими годами, были въ блестящемъ положеніи. Они стали ухудшаться при Стамбуловѣ: по докладу контрольной палаты за 1891 г. видно, что болѣе 18 мил. фр. были израсходованы по простымъ роспискамъ, вопреки постановленію закона, требующаго строжайшаго контроля. Несмотря на это, всѣ министерства, особенно военное, не оправдывали документами сдѣланныхъ ими растратъ; болѣе 20 мил. фр., непредвидѣнныхъ въ бюджетѣ, израсходованы были разными министерствами. Эти растраты происходили какъ вслѣдствіе безобразныхъ хищеній, такъ и вслѣдствіе того, что деньги шли на предпріятія ненужныя или слишкомъ обременительныя для такой маленькой страны, какъ Болгарія. Огромные дефициты были покрыты займами, а отчасти недоимками, которыя собирались съ населенія не менѣе жестоко, чѣмъ во времена турецкаго ига: ихъ вымогали побоями и продажею всего достоянія земледѣльца.

Нѣкоторые недальновидные болгарскіе политики утѣшаютъ себя тѣмъ, что долги существуютъ не у одной Болгаріи и что она еще не утратила кредита за границею. Болгарія, дѣйствительно, имъ пользуется, но покупаетъ его дорогою цѣною, такъ какъ иностранные банки, давая деньги взаймы, берутъ съ болгаръ не только большіе проценты, но, въ обезпеченіе займа, требуютъ еще залога. Такъ напр., заёмъ 1892 г. былъ обезпеченъ уже существовавшею тогда желѣзною дорогой (Рущукъ-Варна) и другою, которую въ это время только предполагали построить; кромѣ того, этотъ заемъ былъ еще обезпеченъ двумя болгарскими портами. Контрактъ, заключенный по этому займу, гласилъ, что если болгарское правительство не уплатитъ черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ срока процентовъ за этотъ заемъ, то отъ него будетъ отнято право эксплуатаціи желѣзнодорожныхъ линій и портовъ, взятыхъ подъ залогъ, а если проценты не будутъ уплачены въ продолженіе 2-хъ лѣтъ, то кредиторы могутъ продать названныя линіи. Такъ какъ долги княжества все растутъ, то въ близкомъ будущемъ, вѣроятно, и другіе государственные доходы Болгаріи тоже перейдутъ въ руки иностранцевъ. Это легко можетъ случиться уже потому, что Болгарія съ каждымъ годомъ выплачиваетъ все болѣе крупную сумму только на погашеніе и на проценты по государственнымъ долгамъ: въ 1894 г. она уплачивала на это уже болѣе $10^1/_2$ милл. фр.

Особенно печально то, что болгарскіе финансы такъ плохи, несмотря на чрезмѣрное обремененіе народа всевозможными налогами. Послѣ объединенія Болгаріи съ Вост. Румеліею и въ той, и другой области удвоились прямые налоги: въ 1889 г. платили 32 мил., а въ 1892 г. населеніе выплачивало налоговъ уже $43^1/_2$ мил. фр. Все имущество болгарина обложено налогами: онъ платитъ за землю, за свои виноградники,

за овецъ, козъ и т. п. Высчитано, что болгарскій земледѣлецъ платитъ государству, округамъ и обществамъ $12^1/_2$ % своего годоваго дохода, что считается очень тяжелымъ налогомъ. Налоги, какъ прямые, такъ и косвенные (послѣдніе уплачиваютъ при покупкѣ товаровъ, обложенныхъ пошлиною) увеличиваются, между тѣмъ заработокъ болгарскаго народа скуденъ и ненадеженъ, такъ какъ земледѣліе, скотоводство и сельское хозяйство находятся далеко не въ блестящемъ положеніи, фабричная-же промышленность развита крайне слабо. Правда, среди болгаръ довольно сильно развито кустарное производство, и множество ихъ издѣлій славится даже за границею, но эти издѣлія въ послѣднее время совсѣмъ не совершенствуются и ихъ все менѣе появляются на рынкахъ страны, такъ какъ ихъ совсѣмъ вытѣсняютъ иностранные товары.

Тотчасъ послѣ освобожденія Болгаріи отъ турецкаго ига, въ нее нахлынули всевозможные иностранцы, особенно австрійцы. Въ Софіи, столицѣ болгаръ, явились цѣлыя австрійскія улицы; постоянно появлялись магазины и все болѣе нѣмецкіе, такъ что въ настоящее время въ столицѣ болгаръ очень не много магазиновъ чисто болгарскихъ. Мало того: почти въ каждой болгарской деревнѣ разъѣзжаетъ австрійскій агентъ, изучающій любимые населеніемъ рисунки, чтобы по нимъ заготовлять матеріи для продажи болгарамъ. Если онъ находитъ подходящаго купца изъ обывателей, то вступаетъ съ нимъ въ прямыя сношенія, если это невозможно,—открываетъ собственные склады. Если австрійскій агентъ входитъ въ сношенія съ болгарскимъ купцомъ, то оказываетъ ему различныя услуги, давая возможность легче сбывать порученный ему товаръ. Австрійскіе агенты всюду посылаютъ свои пароходы, чтобы ввозить въ Болгарію свои собственные товары—всевозможныя издѣлія австро-венгерской промышленности. Когда гдѣ-нибудь проводится желѣзная дорога, они вліяютъ на то, чтобы она была проведена въ выгодномъ для нихъ направленіи. Они, наконецъ, стараются привить болгарамъ потребности и привычки, которыя имѣютъ наиболѣе сходства съ ихъ собственными, опять-же для того, чтобы имѣть возможность какъ можно болѣе сбывать свой товаръ. Такъ, напр., вино мѣстнаго производства очень дешево въ Болгаріи, но австрійцевъ это не смущаетъ: они въ то же время всѣми силами распространяютъ свое пиво. Не было въ Софіи подходящаго мѣста для препровожденія времени,—они устроили рестораны съ садиками, и туда ходятъ болгары проводить время и слушать нѣмецкую музыку. Мало того: если земледѣльцу нужно земледѣльческое орудіе, то теперь почти уже въ каждомъ болгарскомъ городѣ существуетъ складъ австрійскихъ плуговъ и другихъ земледѣльческихъ орудій. У австрійцевъ здѣсь есть своя почта, свои библіотеки, свои школы, а подъ шумокъ они занимаются пропагандой католицизма. Такимъ образомъ, Болгарія постепенно впадаетъ все въ большую экономическую зависимость отъ Австріи,—вотъ одна изъ главныхъ причинъ, почему ея собственная промышленность почти совсѣмъ не развивается, вотъ почему также болгарскій народъ все болѣе бѣднѣетъ, все менѣе находитъ заработковъ на родинѣ. Бѣдность болгарскаго народа увеличивается и оттого, что австрійцы сбываютъ имъ хламъ своихъ рынковъ, продаютъ залежалые товары, да еще втридорога. Этотъ ввозъ австрійскихъ товаровъ въ Болгарію ежегодно такъ увеличивается, что еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ ихъ ввозили въ эту страну на 8—10 мил., а теперь уже на 50 мил. франк.

Въ Болгаріи нѣтъ почти города, гдѣ-бы не печаталось какое-либо періодическое изданіе, или книга. Это какъ будто говоритъ о необыкновенномъ подъемѣ умственной жизни болгаръ, но въ дѣйствительности этого вовсе нѣтъ. Громадное большинство болгарскихъ изданій чрезвычайно убоги содержаніемъ, и въ нихъ не найдешь ни возвышенныхъ стремленій, ни строго опредѣленнаго направленія; притомъ

одни изъ нихъ еле влачатъ свое жалкое существованіе, другія быстро исчезаютъ послѣ своего появленія. Хотя тырновская конституція даетъ полную свободу печати и не допускаетъ цензуры, но во время господства Стамбулова всѣ независимые органы были крайне стѣснены правительствомъ.

Въ характеристикѣ собственно печати вполнѣ сходятся между собой всѣ болгарскіе органы, какого-бы направленія они ни придерживались. Вотъ что говоритъ по этому поводу газета «Свобода» (4 декабря 1892 г.): «любовь нашего молодого поколѣнія къ литературной дѣятельности превратилась въ болѣзнь, извѣстную подъ названіемъ маніи. Болгарское литературное поле превратилось въ грибную почву, на которой каждый день являются, какъ грибы, новые журналы и газеты и быстро гибнутъ и исчезаютъ. Нашъ литературный рынокъ загроможденъ всевозможными листками, которые содержатъ одинъ только вздоръ и гнилье». Такую-же печальную картину печати даетъ и «Свободное Слово» (17 окт. 1893 г.). «Неизвѣстно», восклицаетъ эта газета, «какую пользу приносятъ эти журналы (болгарскіе) тѣмъ, которые получаютъ ихъ, потому что они издаются лицами, обладающими крайне слабыми познаніями. Найдете-ли вы въ нихъ хотя слабое отраженіе народной жизни, ея духовнаго міра, ея невзгодъ и страданій? Нисколько. Исключая произведеній Вазова, С. Михайловскаго и отчасти Славейкова, мы получимъ массу книжнаго хлама самой низкой пробы, вызваннаго не духовною потребностью, а иными мелочными разсчетами». «Болгарскія газеты новѣйшаго времени», жалуются «Новини» (10 авг. 1893 г.), «испортили наше общество, пробудили въ немъ самые дикіе, самые неблагородные инстинкты. Наши публицисты переступаютъ границы приличія: ругательства, клевета, извращеніе фактовъ,—вотъ способъ обсужденія ими вопросовъ». И дѣйствительно, для болгаръ, находившихся почти 500 лѣтъ подъ турецкимъ игомъ, затѣмъ 8 лѣтъ проживших подъ растлѣвающимъ режимомъ Стамбулова, трудно и въ печати обойтись безъ отборныхъ ругательствъ, лжи, доносовъ и клеветы. Въ прессѣ то же, что и въ общественной жизни болгаръ, которые дѣлятся по политическимъ партіямъ, проявляющимъ другъ къ другу ужасающую вражду. Ненависть и злоба лицъ одной партіи къ людямъ противуположнаго лагеря такъ велики, что очень рѣдко они стѣсняются пустить про противника ложь и клевету.

Настоящія народныя школы въ Болгаріи начали устраивать очень недавно. Еще въ школахъ, основанныхъ въ началѣ XIX ст., преподавали на греческомъ языкѣ, притомъ всему обучались исключительно въ зубряжку. Такая школа вообще могла приносить очень мало пользы, еще менѣе полезна была она тѣмъ болгарамъ, которые плохо знали греческій языкъ. Существовали школы и при церквахъ и монастыряхъ, но въ нихъ уже все преподаваніе состояло въ письмѣ и заучиваніи церковныхъ книгъ. Основаніе настоящей народной школы было положено въ 1835 г. въ Габровѣ образованными болгарами, восторженными почитателями Венелина, извѣстнаго болгарскаго патріота, который далъ такой сильный толчекъ для пробужденія народнаго самосознанія. Послѣ освобожденія болгаръ дѣло народнаго образованія пошло несравненно быстрѣе. Во время русскаго управленія въ Болгаріи много сдѣлалъ для просвѣщенія народа профессоръ харьковскаго университета Дриновъ, родомъ болгаринъ: онъ между прочимъ старался вновь открывать народныя школы, закрытыя во время войны. Всетаки дѣло народной школы долго еще не могло подвигаться впередъ особенно успѣшно вслѣдствіе недостатка образованныхъ учителей, школьныхъ книгъ и школьныхъ зданій. Дѣло просвѣщенія народа замѣтно начало развиваться лишь тогда, когда были устроены учительскіе съѣзды во многихъ пунктахъ княжества во время вакацій. На нихъ являлись опытные педагоги и собирали вокругъ себя моло-

дыхъ народныхъ учителей, одѣтыхъ по-крестьянски, съ турецкой чернильницею за краснымъ поясомъ; старые учителя обучали неопытныхъ молодыхъ учителей въ теченіе 6—7 недѣль и давали имъ элементарныя педагогическія свѣдѣнія.

Болгары чрезвычайно охотно и толково учатся. Со времени освобожденія у нихъ развилось чуть не болѣзненное стремленіе къ тому, чтобы дѣти ихъ были образованными людьми. Это, вѣроятно, происходитъ оттого, что даже среди безграмотныхъ простолюдиновъ здѣсь существуетъ глубокое убѣжденіе, что образованіе народа—первое условіе для того, чтобы Болгарія заняла въ Европѣ видное мѣсто. Кромѣ того, эту жажду болгаръ къ образованію можно объяснить и ихъ замѣчательною практичностью: каждый изъ нихъ сильно разсчитываетъ на то, что образованіе откроетъ доступъ его дѣтямъ къ государственной службѣ. Все окружающее укрѣпляетъ его въ этой мысли: на государственной службѣ едва ли есть хотя одинъ человѣкъ, родители котораго не были бы простыми крестьянами. Видя, какихъ постовъ достигли многіе изъ нихъ, болгары знаютъ, что этимъ высокимъ своимъ положеніемъ они обязаны исключительно своему образованію. Вотъ потому-то каждый старается дать образованіе своимъ сыновьямъ. То, что въ этомъ стремленіи болгаръ къ образованію сильно даетъ себя чувствовать практическая жилка, видно изъ того, что на развитіе женщинъ здѣсь до сихъ поръ совсѣмъ почти не обращаютъ вниманія. Но это стремленіе къ образованію, эта жажда къ знанію не принесли еще пока особенно блестящихъ результатовъ отчасти потому, что такое страстное стремленіе болгаръ къ просвѣщенію проявилось еще недавно, отчасти потому, что даже со времени освобожденія княжества почти до самаго послѣдняго времени болгарскій народъ жилъ очень тревожною жизнью, что сильно мѣшало правильному распространенію образованія. До сихъ поръ грамотность въ Болгаріи не особенно распространена: въ Софіи, столицѣ Болгаріи, насчитываютъ болѣе половины неграмотныхъ, въ провинціи же (въ Восточной Румеліи вмѣстѣ съ княжествомъ)—всего 11—12 грамотныхъ на 100 человѣкъ. По конституціи начальное образованіе объявлено *даровымъ* и *обязательнымъ;* въ каждомъ болгарскомъ городкѣ, мѣстечкѣ и селеніи имѣются помѣщенія для школы и школьный учитель. Большинство школъ—большія зданія, часто украшенныя національными знаменами и вѣнками, обыкновенно лучшіе дома въ селахъ и городахъ. Нерѣдко, совсѣмъ въ захолустьѣ, среди убогихъ хижинъ вдругъ выростаетъ двухъэтажное каменное зданіе школы. Въ будущемъ, когда Болгарія заживетъ болѣе покойною жизнью, есть серьезныя основанія разсчитывать, что страна эта будетъ дѣлать быстрые успѣхи въ образованіи, такъ какъ обученіе не только обязательно, но и даровое, и при томъ въ болгарскомъ народѣ сказывается сильное стремленіе къ просвѣщенію. Здѣсь не только дѣти въ народныхъ школахъ обучаются даромъ, но и въ среднеучебныхъ заведеніяхъ,—въ послѣднихъ взимается лишь небольшая плата, въ размѣрѣ 7—8 р. въ годъ, которая идетъ на образованіе фонда для устройства школьныхъ библіотекъ. Съ 8 до 12-ти-лѣтняго возраста родители обязаны посылать каждаго ребенка въ народную школу.

Для средняго образованія существуютъ здѣсь гимназіи мужскія и женскія, реальныя училища и порядочное число спеціальныхъ заведеній. Число учащихся въ среднеучебныхъ заведеніяхъ растетъ съ каждымъ годомъ,—многія изъ нихъ даже черезчуръ переполнены учащимися.

Въ Софіи существуетъ и университетъ, съ тремя факультетами, который называется «Высшей школой».

ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ И ХАРАКТЕРЪ НАРОДА.

Въ Болгаріи нѣтъ сословій: здѣсь существуютъ только крестьяне, пастухи, ремесленники, лавочники и, наконецъ, интеллигентные классы, т.-е. люди, болѣе или менѣе образованные. Болгары — народъ въ высшей степени демократическій: занимаетъ ли кто-нибудь изъ нихъ высшій постъ въ государствѣ, или онъ только пастухъ, родители и родственники какъ того, такъ и другого обыкновенно принадлежатъ къ простонародію, большая часть котораго совершенно безграмотна. Понятно, что основа всего характера болгаръ чисто демократическая; притомъ необходимо замѣтить, что, кромѣ нѣсколькихъ чертъ характера, которыми спеціально отличается болгарская интеллигенція, всѣ остальные вкусы и привычки одни и тѣ же какъ у городскихъ, такъ и у деревенскихъ жителей, какъ у земледѣльца, такъ и у человѣка, занимающаго вліятельный постъ. Болгары совсѣмъ не расположены къ привилегированнымъ классамъ, титуламъ, орденамъ и мундирамъ. Хотя вслѣдствіе перемѣнъ въ конституціи, произведенныхъ при Фердинандѣ, князь имѣетъ право награждать орденами, но это нисколько не поколебало отвращенія къ нимъ болгарскаго народа. Это непріязненное чувство къ нимъ идетъ у нихъ со временъ турецкаго рабства, когда среди нихъ только предатели и шпіоны имѣли какіе-нибудь знаки отличія. Число болгарской интеллигенціи опредѣлить трудно, такъ какъ она возрастаетъ чрезвычайно быстро; къ ней можно отнести весьма многочисленный классъ чиновниковъ, офицеровъ, юристовъ, врачей, инженеровъ, всевозможныхъ учителей, предпринимателей, фабрикантовъ, купцовъ, и, наконецъ, лицъ духовнаго званія. Всѣ эти люди самой разнообразной закваски и совершенно различнаго воспитанія: среди нихъ есть окончившіе среднее учебное заведеніе, а иногда и университетъ въ Россіи, есть и питомцы Франціи, Германіи, еще чаще Австріи и Константинополя, много, наконецъ, между ними и простыхъ самоучекъ; тутъ есть вліятельные люди въ государствѣ, и бывшіе вліятельными, но потерявшіе свое положеніе, и патріоты, изгнанные и долго жившіе въ ссылкѣ и только теперь возвратившіеся на родину, — преимущественно преобладаетъ элементъ молодой. Вся эта болгарская интеллигенція группируется по политическимъ партіямъ, но также по происхожденію изъ однихъ городовъ или краевъ. Можно себѣ представить, какая между ними господствуетъ смѣсь понятій и взглядовъ! Въ настоящее время большая часть интеллигентныхъ людей состоитъ на государственной службѣ, или они вытѣснены изъ нея только на время. Очень образованныхъ людей съ серьезными знаніями среди нихъ чрезвычайно мало: большая часть западно-европейскихъ образовательныхъ заведеній принимала болгаръ въ то или другое учрежденіе безъ особенной подготовки, въ виду того, что на родинѣ имъ было трудно получить какое-нибудь образованіе.

Среди интеллигенціи болѣе всего чиновниковъ; въ одной Софіи ихъ насчитываютъ 1,500 человѣкъ. Можно себѣ представить, сколько ихъ должно быть во всей странѣ! Этотъ классъ общества въ Болгаріи особенно великъ потому, что онъ состоитъ не только изъ людей, служащихъ въ данную минуту, но изъ такихъ также, которые только-что оставили государственную службу: каждая перемѣна правительства (а это случается здѣсь очень часто) влечетъ за собою и перемѣну чиновниковъ. Къ тому же каждый болгаринъ, получившій какое-нибудь образованіе, непремѣнно стремится быть чиновникомъ, — чиновничество въ Болгаріи даетъ большія выгоды и

преимущества. По закону всѣ чиновники военнаго и гражданскаго вѣдомства получаютъ пенсію въ размѣрѣ полнаго содержанія уже черезъ 15 лѣтъ своей службы. Такого выгоднаго положенія для чиновниковъ нѣтъ, кажется, ни въ одной странѣ, но это отзывается здѣсь весьма печально какъ на характерѣ чиновниковъ, такъ и на характерѣ ихъ службы. Выгоды, которыя представляетъ имъ служба, лишаютъ ихъ всякой самостоятельности и заставляютъ ихъ быть не исполнителями того, что диктуетъ имъ честь, совѣсть и справедливость, а слѣпыми орудіями тѣхъ, отъ кого зависитъ ихъ положеніе. Каждый болгарскій чиновникъ готовъ дѣлать все, что прикажетъ ему его прямой начальникъ, лишь бы удержаться на мѣстѣ и дослужиться до пенсіи. Вотъ почему при перемѣнѣ министерства чиновники легко и быстро мѣняютъ свои убѣжденія, при этомъ они ловко умѣютъ направиться по вѣтру и проникнуться направленіемъ, совершенно противоположнымъ тому, которому они служили еще вчера. Законъ о пенсіяхъ и слишкомъ выгодное положеніе вредны также и потому, что они истощаютъ казну и дѣлаютъ даже изъ живыхъ и даровитыхъ людей бездушныхъ и безжизненныхъ субъектовъ. Къ тому же, при законѣ о пенсіяхъ, болгарскій чиновникъ часто въ 32 — 35 лѣтъ можетъ получить уже пенсію и удалиться отъ всякихъ дѣлъ въ такіе годы, когда у другихъ начинается самая рабочая пора.

Военное сословіе въ Болгаріи тоже оказывается въ чрезвычайно привилегированномъ положеніи, такъ какъ оно представляетъ собою главный оплотъ правительства. Высшіе военные чины получаютъ въ этой маленькой и бѣдной странѣ огромное вознагражденіе: генералы и полковники—по 15,000 франк. въ годъ, подполковники—по 11,000 и т. д. Болгарія черезчуръ увлекается успѣшной и быстрой организаціей своей арміи, чѣмъ она прежде всего обязана Россіи, и слишкомъ много тратитъ денегъ на военныя силы. Кромѣ экстраординарныхъ расходовъ на укрѣпленія и перевооруженіе, военный бюджетъ Болгаріи ежегодно превышаетъ 20 милл. фр., не считая около 5 милл. на жандармерію, которая отчасти тоже имѣетъ назначеніе подкрѣпить армію въ военное время.

Во всѣхъ собраніяхъ людей интеллигентныхъ можно встрѣтить множество учителей, но болѣе значительную роль въ обществѣ играютъ врачи. Нѣкоторые болгарскіе министры принадлежали къ этому сословію, но превратность судьбы, которая въ Болгаріи даетъ себя чувствовать такъ многимъ, заставляла ихъ, послѣ потери власти, заниматься лѣченіемъ своихъ гражданъ. Характерная черта здѣшнихъ интеллигентныхъ людей та, что они, несмотря на очень поверхностное свое образованіе и отсутствіе серьезныхъ знаній, владѣютъ нѣсколькими языками: многіе прекрасно знаютъ турецкій языкъ, и всѣ наиболѣе развитые и образованные считаютъ необходимымъ не только знать, но и говорить на русскомъ языкѣ: даже противники русской политики читаютъ русскіе журналы и книги. Сильно распространено и знаніе нѣмецкаго языка, который необходимъ болгарамъ при торговыхъ сношеніяхъ, а также и потому, что многіе изъ нихъ учатся въ школахъ Австріи, Германіи и Швейцаріи; многіе знаютъ и французскій языкъ. Прежде было сильно распространено и знаніе новогреческаго языка, но теперь онъ въ совершенномъ упадкѣ.

Болгары—большіе патріоты, и, несмотря на скупость и бережливость, что составляетъ самую характерную черту всего болгарскаго народа, для патріотическихъ цѣлей они дѣлаютъ грандіозныя пожертвованія: одинъ изъ нихъ завѣщаетъ послѣ смерти все свое состояніе на устройство и улучшеніе гимназій, другой—на реальныя училища, третій—на народныя школы и т. д. Во всѣхъ областяхъ дѣятельности болгары выказываютъ большую смѣтку, понятливость и умѣнье быстро освои-

ваться съ различнаго рода службою и съ самою разнообразною дѣятельностью. Они умѣютъ наблюдать, хорошо понимаютъ людей и безпрекословно повинуются приказаніямъ: въ послѣдней войнѣ съ сербами они одержали побѣду прежде всего потому, что каждый изъ нихъ, на какомъ бы посту онъ ни находился, пунктуально исполнялъ свои обязанности. Несмотря на безконечно миролюбивый характеръ болгаръ, среди нихъ попадается не мало людей храбрыхъ. Эта храбрость воспитана въ нихъ вѣчными войнами, волненіями и бѣдствіями. Очень непріятная сторона ихъ характера—это завистливость: многое хорошее не удается имъ потому, что даже пріятель относится недоброжелательно къ товарищу, достигшему успѣха, если только тотъ ему не нуженъ при осуществленій какихъ-нибудь его практическихъ плановъ; похвала въ печати тоже создаетъ враговъ и завистниковъ.

Болгарская интеллигенція дѣлится на политическія партіи; при этомъ люди одного политическаго лагеря горячо ненавидятъ всѣхъ тѣхъ, кто принадлежитъ къ группѣ людей иного направленія. Но, несмотря на то, что ихъ политическія страсти очень горячи и сильны, ихъ убѣжденія, по крайней мѣрѣ у громаднаго большинства, не особенно стойки и глубоки. Доказательствомъ этого служитъ то, что, при каждомъ новомъ вѣяніи въ политикѣ, множество болгаръ быстро мѣняютъ свои убѣжденія. Людей, которымъ очень многіе поклоняются сегодня, завтра сбрасываютъ съ ихъ пьедесталовъ и замѣняютъ другими. Въ концѣ правленія Баттенберга его враги сдѣлались самыми преданными его приверженцами; приверженцы Стамбулова оказались его рьяными врагами, когда онъ потерялъ власть,—въ этомъ виденъ не только корыстный разсчетъ, но и полная неустойчивость характера, отсутствіе убѣжденій и самоуваженія. Эта неустойчивость и лихорадочная измѣнчивость взглядовъ и убѣжденій создаютъ ожесточенную, отчаянную вражду партій. Въ Софіи, среди интеллигенціи идутъ такія ссоры, дрязги, интриги, клевета, сплетни, что на свѣжаго человѣка, нѣсколько времени пожившаго въ болгарской столицѣ, это производитъ крайне удручающее впечатлѣніе. Трудно даже себѣ представить, чтобы человѣкъ, во всѣхъ отношеніяхъ совершенно порядочный, могъ въ такой степени, какъ здѣсь, въ минуту раздраженія противъ своего врага, взвести на него самыя небывалыя преступленія, подкапываться подъ его честь и доброе имя, распускать о немъ отвратительные слухи. Въ періоды подъема политическихъ страстей болгары обнаруживаютъ полный недостатокъ правдивости и великую склонность все перевирать и преувеличивать. Но все вышесказанное составляетъ характерныя черты, главнымъ образомъ, интеллигентныхъ классовъ Болгаріи. Теперь познакомимся съ характеромъ и привычками, свойственными всѣмъ болгарамъ безъ исключенія, живутъ-ли они въ городѣ или деревнѣ.

Съ внѣшней стороны болгаринъ производитъ впечатлѣніе человѣка спокойнаго, даже флегматичнаго; но при болѣе близкомъ знакомствѣ легко замѣтить, что подъ наружнымъ спокойствіемъ таится страстный темпераментъ, характеръ въ высшей степени вспыльчивый. Въ его душевномъ складѣ мало поэзіи и полное отсутствіе жизнерадостности. Болгаринъ прежде всего человѣкъ въ высшей степени трудолюбивый: его способность къ труду, какъ при обработкѣ поля, такъ въ ремеслахъ и за канцелярскимъ столомъ, почти безгранична. Грубоватый, недовѣрчивый и хитрый по натурѣ, онъ отличается большою наблюдательностью и понятливостью: онъ быстро усвоиваетъ сущность каждаго дѣла—учащійся-ли онъ, солдатъ, ремесленникъ или купецъ. Несмотря на добродушное настроеніе, во время выборовъ или на полѣ сраженія его охватываетъ истинный энтузіазмъ. Но это возбужденіе продолжается не долго и уступаетъ мѣсто обычному спокойствію и разсудительности.

Болгары—народъ въ высшей степени честный: кража въ деревнѣ, какъ у своего, такъ и у чужого, большая рѣдкость; въ этомъ отношеніи всѣ себя чувствуютъ здѣсь въ полной безопасности и спятъ почти при открытыхъ дверяхъ; лишь объ одной деревнѣ, въ восточной части Балканскихъ горъ, идетъ молва, что у путешественниковъ часто пропадаютъ вещи. Когда болгаринъ раздраженъ, съ его губъ срываются рѣзкія слова и выраженія, но при обычномъ, покойномъ состояніи, онъ не любитъ употреблять ни сильныхъ выраженій, ни бранныхъ словъ; въ этомъ отношеніи онъ совсѣмъ не походитъ на серба, который считается величайшимъ ругателемъ.

Всѣ болгары чувствуютъ себя болѣе или менѣе равными и въ большинствѣ случаевъ обращаются другъ къ другу на «ты». Въ городахъ, при обращеніи, всѣхъ называютъ «господинъ», «госпожа», иногда слышится даже «госпожица», но послѣднее, впрочемъ, довольно рѣдко. Крестьяне на поляхъ привѣтствуютъ встрѣчныхъ словами: «добрая встрѣча», «въ добрый часъ». Когда въ деревняхъ ожидаютъ пріѣзда крупнаго чиновника или значительнаго гостя, то жители селенія выѣзжаютъ къ нему навстрѣчу верхами и провожаютъ къ себѣ кавалькадой. Прежде гостя угощали виномъ и водкой, теперь, въ большинствѣ случаевъ, ему подаютъ черный кофе и засахаренные фрукты въ стеклянныхъ сосудахъ, изъ которыхъ гость достаетъ ихъ ложкой въ то время, какъ хозяинъ приговариваетъ: «на здоровье», или «пусть будетъ тебѣ сладко». Если гостю приходится сдѣлать много визитовъ, то это угощеніе сластями и кофе превращается въ пытку. Вообще гостепріимство болгаръ, особенно въ маленькихъ городахъ, какъ у всѣхъ славянъ, очень велико. При этомъ путешественникъ чувствуетъ себя смущеннымъ, такъ какъ часто ничѣмъ не можетъ отблагодарить этихъ добрыхъ и радушныхъ людей; какой-нибудь ничтожный подарокъ дѣтямъ еще принимаютъ, но многіе и его любезно отклоняютъ.

Какъ гости, такъ и хозяева обыкновенно сидятъ на коврахъ, на подушкахъ или низкихъ скамейкахъ вокругъ круглаго стола и ѣдятъ ложками и вилками изъ общаго горшка. Тарелки на колѣняхъ служатъ, главнымъ образомъ, для сохраненія въ чистотѣ платья. Любимое народное удовольствіе,—это пирушка на лонѣ природы, въ лѣсу или на лужайкѣ. Въ такихъ случаяхъ принято угощаться мясомъ ягненка, зажареннаго на вертелѣ, овечьимъ сыромъ и виномъ въ большихъ деревянныхъ фляжкахъ.

Болгары представляютъ совершенную противоположность воинственнымъ черногорцамъ: у нихъ совсѣмъ не развито военное тщеславіе. Изъ всѣхъ славянскихъ народовъ это самый тихій, осторожный, покладливый, подозрительный, замкнутый въ себѣ и наименѣе воинственный народъ. Однако, не всѣ эти черты лежатъ въ его натурѣ, а многое привито ему тяжкой неволей. Болгары не всегда были такими смирными, какъ теперь. Въ IX и X в. они были ужасомъ сосѣдей; передъ ними дрожала Византія. Смѣлымъ и энергичнымъ является болгаринъ и теперь, но только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ могъ укрыться отъ турецкаго гнета. Для примѣра возьмемъ болгарина-горца, въ которомъ вы совсѣмъ уже не замѣтите покладливости жителя долинъ. Не отличаются этимъ и помаки—потурчившіеся болгары, т.-е тѣ изъ нихъ, которые приняли исламъ, чтобы сохранить нѣкоторыя права и привилегіи или чтобы кораномъ защитить себя отъ невыносимыхъ угнетеній. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи замѣтна большая разница между живущими по сю и по ту сторону Балканъ и между горцами, отличающимися совершенно другимъ, несравненно болѣе энергическимъ и подвижнымъ характеромъ. Тѣмъ не менѣе вліяніе разныхъ историческихъ и политическихъ причинъ сдѣлало преобладающею чертою характера болгаръ сильную склонность и лю-

бовь къ тихой семейной жизни. Для болгарина нѣтъ ничего на свѣтѣ дороже его семейства. Его жена и его поле — вотъ чѣмъ заняты всѣ его помыслы, къ чему стремится его душа. Онъ ищетъ счастья только въ домашней жизни. Вездѣ внѣ дома презираемый и угнетаемый до самаго послѣдняго времени, онъ уже давно привыкъ сосредоточивать все въ семьѣ, только въ ней и среди нея чувствовать себя господиномъ. Вотъ почему родственная любовь между членами семьи здѣсь такъ велика, авторитетъ отца семейства—непоколебимъ. Эта однообразная, сосредоточенная жизнь въ семействѣ выработала покойный характеръ, разсудительность, предупредительную заботливость, бережливость, скромность и простоту; но она же должна была породить и весьма непривлекательныя стороны: бережливость легко переходитъ у нихъ въ чрезмѣрную скупость, даже алчность и въ страстное стремленіе къ наживѣ, а излишняя осторожность—въ хитрость. Болгаринъ прежде всего трудолюбивый работникъ, смышленый семьянинъ, добрый мужъ, заботливый отецъ,—человѣкъ, обладающій всѣми семейными добродѣтелями.

Люди, наиболѣе основательно изучившіе Болгарію и ея народъ, пришли къ такому заключенію: въ мѣстностяхъ, гдѣ менѣе всего было турокъ, татаръ и черкесовъ, болгары живутъ несравненно богаче, смотрятъ смѣлѣе и развитѣе; тамъ-же, гдѣ хотя $^1/_3$ населенія составляли турки, даже и теперь еще все убито и безжизненно: народъ вялый, со всѣми пороками людей, долго подавляемыхъ тяжелымъ игомъ рабства. Природа въ такихъ мѣстностяхъ тоже жалкая: вмѣсто роскошныхъ полей тянутся необработанные пустыри. Систовскій округъ, напр., гораздо хуже обработанъ, и жители его несравненно бѣднѣе, чѣмъ въ тырновскомъ округѣ. Это произошло вслѣдствіе періодическихъ разореній дунайскихъ прибрежій турецкими насиліями, войнами и слабаго населенія этого округа болгарами. Поэтому въ систовскомъ округѣ вы не встрѣтите ни большихъ, красивыхъ болгарскихъ деревень, ни зажиточныхъ поселянъ. Передъ вашими взорами тамъ разстилаются степныя пространства съ жалкимъ сѣнокосомъ по холмистымъ и волнообразнымъ мѣстностямъ. Но чѣмъ болѣе вы приближаетесь къ Балканамъ и къ тырновскому округу, тѣмъ роскошнѣе становится природа, несравненно зажиточнѣе деревни, встрѣчающіеся по дорогѣ люди съ вида смѣлѣе, энергичнѣе. Вамъ все чаще попадаются виноградники, роскошныя поля, огороды, огромныя деревни съ тысячью и даже болѣе домовъ. Вокругъ селъ — тутовыя деревья для шелковичныхъ червей. Въ деревняхъ тырновскаго округа чаще всего встрѣчаешь церкви и училища.

Собственно болгарскаго типа не существуетъ, и внѣшній видъ народа чрезвычайно разнообразенъ. Чаще всего попадаются люди крѣпкаго, мускулистаго сложенія; они скорѣе худощавы, и между ними рѣдко встрѣчаются толстяки. Болгары болѣе высокаго роста и стройнаго сложенія попадаются у Дуная и въ окрестностяхъ Софіи. Волосы у нихъ чаще всего темные, но на сѣверѣ страны можно встрѣтить и блондиновъ. Въ ихъ наружности, благодаря ихъ мирному характеру, выражается гораздо болѣе доброты и кротости, чѣмъ мужества и энергіи. Лица, въ выраженіи которыхъ сказывается недюжинный умъ, нерѣдко попадаются между болгарами, но въ нихъ поражаетъ прежде всего ихъ серьезность. Лица болгаръ — самаго разнообразнаго характера: наряду съ славянскимъ типомъ встрѣчаешь людей съ орлиными носами, а иногда широкія лица съ небольшимъ носомъ и выдавшимся личными костями, сильно напоминающія турецкія. Встрѣчаются здѣсь и лица цыганскаго характера: шапка черныхъ волосъ, густыя, черныя брови, черные глаза, бронзовый цвѣтъ лица. Прежде носили только усы, теперь нѣкоторые начинаютъ отпускать и длинную бороду.

Женщины здѣсь, даже въ интеллигентныхъ кружкахъ, держатся отдѣльно отъ мужчинъ, очень скромны, молчаливы, прекрасныя хозяйки, вѣрныя жены, страстныя матери. Мужчина отправляется на сходку, устраиваетъ въ странѣ перевороты, «превраты», какъ ихъ здѣсь называютъ, споритъ съ знакомымъ по поводу того или другого событія,—болгарка, самая развитая (впрочемъ, такихъ здѣсь очень не много), никогда не вмѣшается въ разговоръ мужа, не будетъ разсуждать о политическихъ вопросахъ,—она знаетъ только дѣтскую и кухню. Въ обществѣ мужчинъ, даже сидя съ ними въ одной комнатѣ, во время общаго разговора, она держитъ себя какъ-то отдѣльно, скромно отвѣчаетъ на вопросы. Среди болгарокъ чаще встрѣчаются лица интеллигентныя, чѣмъ красивыя: онѣ средняго роста, широкоплечи, съ тяжелой, неуклюжей походкой. Но есть мѣстности, правда, очень немногія, гдѣ можно встрѣтить и красивыхъ. Черныя густыя брови дугой, смуглое лицо, легкій станъ, живость движеній, обычная у южной женщины, черная или русая головка съ прядями необыкновенно длинныхъ густыхъ волосъ. Особенно замѣчательны ихъ длинные волоса,—у нѣкоторыхъ изъ нихъ они сплошь покрываютъ спину. Но къ сожалѣнію, восточный обычай бѣлиться и румяниться очень рано портитъ ихъ свѣжія отъ природы лица. По выходѣ замужъ, часто уже къ 22-мъ годамъ, онѣ совсѣмъ утрачиваютъ свою красоту, которая пропадаетъ прежде всего отъ трудной физической работы, всей тяжестью лежащей на болгаркахъ, какъ на всѣхъ южно-славянскихъ женщинахъ. Но если отправиться на сборъ розъ, винограда или на какую-нибудь работу сообща, то среди массы очень юныхъ болгарокъ можно всюду встрѣтить нѣсколько миловидныхъ лицъ. Къ нѣкоторымъ изъ нихъ очень идутъ цвѣты.

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ И РЕЛИГІЯ.

Жилища.—Пища.—Одежда.—Семейный бытъ.—Какъ болгары записываютъ свои расходы.—Положеніе женщины.—Религія народа.—Его суевѣрія.—Монастыри и ихъ значеніе.—Духовенство и монахи.

Обыкновеннымъ типомъ болгарскаго жилища слѣдуетъ считать наиболѣе распространенную на всемъ пространствѣ Болгаріи «кешту». Характеръ постройки этихъ «кештъ» вездѣ одинъ и тотъ же: она представляетъ собою параллелограмъ, раздѣленный крестообразно на четыре равныя части: три изъ нихъ заняты комнатами, четвертая верандой или балкономъ; внизу, въ подпольѣ, устроенъ погребъ, такъ какъ «кешта» строится такъ, что верхняя ея часть, жилье, находится на 2—3 аршина надъ поверхностью земли. Фундаментъ такого дома бываетъ иногда изъ камня, но чаще всего представляетъ деревянный срубъ. Стѣны дѣлаются изъ вбитыхъ въ землю грубо обтесанныхъ брусьевъ, переплетенныхъ древесными вѣтвями. Переплетъ этотъ снаружи и внутри обмазываютъ глиною, смѣшанною съ навозомъ и соломой, затѣмъ бѣлятъ известкой, а крышу покрываютъ черепицею. Въ окнахъ, для безопасности, вставляютъ желѣзныя или деревянныя рѣшетки. Въ кештѣ бываетъ одна и двѣ, но чаще всего три комнаты: въ одной изъ нихъ, самой большой, принимаютъ гостей (иногда это дѣлаютъ и на верандѣ); въ ней устраиваютъ домашнія совѣщанія, а также помѣщается глава семейства съ своею женою. Здѣсь все многочисленное семейство собирается къ обѣду и ужину, при этомъ всѣ ѣдятъ за однимъ столомъ, не исключая даже слугъ, если они есть. На полу этой комнаты разостланы ковры, вдоль стѣнъ лежатъ длинныя, узкія подушки, а иногда вмѣсто нихъ стоитъ очень длинный и низкій диванъ, покрытый ковромъ и обложенный по-

ушками. Другая комната служитъ кладовой для домашняго имущества: одежды, сундуковъ; въ третьей — очагъ съ крюкомъ, подъ которымъ раскладываютъ огонь. Здѣсь приготовляютъ кушанья, обѣдаютъ, спятъ въ повалку на полу вокругъ очага, который въ холодное время никогда не гасятъ, и онъ одинъ только и согрѣваетъ въ стужу болгаръ, окоченѣвшихъ отъ морозовъ и ненастья. Русскаго человѣка въ жилищѣ болгарина болѣе всего поражаетъ отсутствіе печей, скамеекъ и столовъ: печи для отопленія устраиваютъ только люди весьма зажиточные и то лишь въ одной большой комнатѣ. Кромѣ дивановъ, которые встрѣчаются въ домахъ болѣе богатыхъ семействъ, въ комнатахъ почти не бываетъ никакой другой мебели, за исключеніемъ круглаго столика на чрезвычайно низкихъ ножкахъ, на который во время обѣда ставятъ кушанья, и трехъ-четырехъ маленькихъ, очень низенькихъ скамеечекъ. Болгары такъ крѣпко усвоили привычку по восточному обычаю сидѣть на полу, поджавши ноги, что у нихъ нѣтъ и потребности обзаводиться мебелью. Вообще въ обстановкѣ совсѣмъ не сказывается потребность въ комфортѣ. Обиліе цыновокъ, ковровъ, постелей, подушекъ, одѣялъ, которое находишь даже въ самомъ бѣдномъ жилищѣ, не вознаграждаетъ за необходимость спать на полу, никогда не раздѣваясь. Постели, свернутыя въ трубку, днемъ убираютъ въ одинъ изъ угловъ комнаты. У одной изъ стѣнъ—углубленіе, въ которомъ помѣщаютъ грубо намалеванные образа; передъ болѣе почитаемыми иконами горитъ лампадка. На полкахъ, на первомъ мѣстѣ, стоитъ кофейникъ, чашки, глиняная посуда и другіе предметы домашняго обихода. Въ углу непремѣнно найдете *мангалъ*—мѣдный или желѣзный тазъ на трехъ ножкахъ, въ которомъ горятъ угли; вокругъ него въ холодные дни собираются болгары и грѣютъ ноги; чѣмъ богаче болгаринъ, тѣмъ болѣе у него мѣдной посуды. Но бѣденъ или богатъ хозяинъ, вездѣ царствуетъ необыкновенная чистота; полъ хотя и земляной, но этого не замѣтишь съ перваго раза,—такъ онъ всегда чисто выметенъ, такъ плотно убита на немъ земля. Вездѣ пыль вытерта, все стоитъ на своемъ мѣстѣ, каждый уголокъ говоритъ о привязанности къ домашнему очагу, о любви къ тихому, семейному счастію и о необыкновенной домовитости и хозяйственности. Дворъ каждаго дома почти всегда обнесенъ довольно высокой каменной стѣной, съ нѣсколькими выходами кромѣ воротъ. Въ крестьянскихъ усадьбахъ обыкновенно бываетъ два двора: внутренній и внѣшній. Во внутреннемъ дворѣ, гдѣ находится кешта, помѣщается житница; во внѣшнемъ дворѣ, выходящемъ на улицу,—гумно, хлѣвъ для овецъ, помѣщеніе для воловъ и буйволовъ, которыми болгары обрабатываютъ свои поля, хлѣвъ для свиней, птичникъ для гусей, куръ, индѣекъ, утокъ и другихъ домашнихъ птицъ, составляющихъ главное богатство каждаго семейства. Дворы эти отдѣлены другъ отъ друга плетнемъ, вообще довольно велики, и все это содержится въ большомъ порядкѣ.

Пища болгаръ очень проста, преимущественно растительная, совсѣмъ запросто приготовленная. Бобовую похлебку, приправленную перцемъ и уксусомъ, чаще всего можно встрѣтить за столомъ болгарина. Хозяйка печетъ часто и кукурузныя лепешки, приготовляя ихъ самымъ первобытнымъ способомъ. Ѣдятъ также хлѣбъ съ чеснокомъ и лукомъ, разную зелень, овощи. Вообще пища громаднаго большинства болгарскаго простонародья хотя очень проста, но не однообразна; они примѣшиваютъ къ ней много жиру и пряностей, особенно перца и чеснока, употребленіе которыхъ въ непомѣрномъ количествѣ и въ самыхъ разнообразныхъ видахъ дѣлаетъ кушанья болгаръ невозможными для посторонняго. Острый запахъ чеснока при богослуженіи не только въ деревенскихъ церквахъ, но даже въ Софіи смѣшивается съ ѳиміамомъ въ церкви и даетъ себя чувствовать всюду. Кромѣ того, къ своимъ

разнообразнымъ кушаньямъ болгары примѣшиваютъ разныя сласти и варенья; такъ напримѣръ, блины, которые они очень любятъ, они употребляютъ съ медомъ, съ орѣхами, съ печеной тыквой, но неизмѣнно съ примѣсью чеснока, перца и соли. Много ѣдятъ и сушеныхъ, и свѣжихъ фруктовъ, фигъ, дынь, арбузовъ; въ большомъ употребленіи и овечій сыръ; лѣтомъ пьютъ много кислаго молока. Хлѣбъ пекутъ изъ хорошо просѣянной ржаной муки (режаникъ) и только у людей очень бѣдныхъ съ большою примѣсью просяной (просеникъ). Жители близъ береговъ Дуная и моря употребляютъ въ пищу рыбу, въ свѣжемъ, вяленомъ и соленомъ видѣ. Но гдѣ-бы ни жили болгары, на берегу моря, рѣки или въ центрѣ страны, они вездѣ чрезвычайно много употребляютъ всевозможныхъ овощей, то примѣшивая ихъ къ кушаньямъ, то просто закусывая ими съ хлѣбомъ и солью, то подавая ихъ отдѣльно. Перецъ, чеснокъ, лукъ, морковь, маслины, рѣпа, бобы, горохъ, чечевица — вотъ что наиболѣе употребляется здѣсь. Въ большомъ ходу всевозможныя кушанья изъ молока; мясо въ селахъ ѣдятъ очень рѣдко; когда приготовляютъ мясное кушанье, то въ немъ зелень преобладаетъ надъ мясомъ. Гораздо чаще вы встрѣтите за столомъ болгарина домашнюю птицу, которой такое множество въ каждомъ хозяйствѣ: особенно любимъ кислый, приправленный перцемъ куриный супъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что пища купцовъ, чиновниковъ, однимъ словомъ людей интеллигентныхъ, не особенно сильно отличается отъ пищи простолюдиновъ, какъ это мы находимъ вездѣ въ среднемъ сословіи остальной Европы, такъ какъ въ Болгаріи во всѣхъ классахъ общества еще вполнѣ господствуетъ національный вкусъ. Пьютъ вино, ракію (водку изъ сливъ), но еще больше другіе, вовсе не опьяняющіе напитки. Вообще болгары—люди въ высшей степени трезвые: встрѣтить пьяницу здѣсь — большая рѣдкость. Главныя возбуждающія средства, кофе и табакъ, въ общемъ употребленіи.

Большинство болгаръ живетъ по нѣскольку семей вмѣстѣ. Сыновья, вступая въ бракъ, не оставляютъ дома родителей, также внуки и правнуки, такъ что въ одномъ семействѣ бываетъ иногда до пятидесяти, до шестидесяти человѣкъ. Такимъ образомъ они образуютъ одно хозяйство, одну семейную общину (задругу). Когда члены семьи такъ расплодятся, что въ главной избѣ имъ уже не хватаетъ мѣста, то выстраиваютъ особыя жилища во дворѣ. Бываетъ, что и весь дворъ застроятъ, а мѣста все же не хватаетъ многимъ, тогда вблизи отъ роднаго села основываются выселки или поселки, жители которыхъ, точно такъ же, какъ и живущіе во дворѣ, состоятъ подъ управленіемъ хозяина (*дядо*, *домачинъ*) главной избы, съ населеніемъ которой посельчане живутъ въ полномъ ладу и миру. Выселки эти носятъ прозваніе по имени того дядо, въ управленіе котораго они основались, напр.: Влайковцы, Ганчевцы, Енковцы. Всѣ они получили свои названія отъ именъ дядовъ: Влайка, Ганчи и Енки.

Всѣ обязаны слушать дядо и свято исполнять его волю. Дядо долженъ смотрѣть за порядкомъ и за спокойствіемъ въ домѣ; онъ долженъ назначать каждому работу, платить подати, распоряжаться кассою и вообще заботиться о нуждахъ всей общины. При совѣщаніяхъ въ важныхъ семейныхъ дѣлахъ или въ случаѣ ссоръ и несогласій между членами семьи, дядо собираетъ совѣтъ изъ старшихъ членовъ и рѣшаетъ дѣло по большинству голосовъ. Что бы ни затѣвалъ дядо, онъ непремѣнно скажетъ объ этомъ всей общинѣ, и при этомъ каждый, кромѣ несовершеннолѣтнихъ, выражаетъ свое мнѣніе или неудовольствіе, и голосъ каждаго имѣетъ значеніе. Этотъ семейный судъ происходитъ съ нѣкоторою торжественностью: всѣ члены семьи собираются въ большой комнатѣ около зажженной свѣчи или возлѣ семейнаго очага,

и домачинъ объявляетъ, что предстоитъ обсуждать. Если одинъ или двое въ чемъ нибудь не могутъ согласиться съ остальными членами семьи, ихъ стараются убѣдить принять общее рѣшеніе: «ну, ради Бога, согласитесь уже», кричатъ имъ съ разныхъ сторонъ, «пусть уже будетъ, какъ всѣ хотятъ, пусть не разсыплется кешта, пусть надъ нами люди не смѣются»... И въ такихъ случаяхъ рѣдко кто не уступаетъ. Такимъ образомъ всѣ вопросы, какъ экономическіе, такъ и чисто семейные обсуждаются всѣми сообща, и постановляется рѣшеніе. На такое рѣшеніе обычай уже не допускаетъ жаловаться правительственному суду, но въ крайнемъ случаѣ обращаются иногда къ суду деревенской общины или священника. Изъ этого мы видимъ, что власть домачина ограничена; къ тому же, по рѣшенію своей семейной общины, онъ можетъ быть и лишенъ своего званія. Это бываетъ въ случаѣ его престарѣлости, старческаго слабоумія, если онъ оказывается драчуномъ или начинаетъ вести безнравственный образъ жизни. Но послѣднее бываетъ весьма рѣдко, и въ большинствѣ случаевъ домачинъ лицо весьма почтенное, чрезвычайно почитаемое всѣми членами своего многочисленнаго семейства. Онъ всюду занимаетъ первое мѣсто. Во время обѣда по правую его руку сидятъ мужчины, по лѣвую женщины, всѣ рядомъ и всегда размѣщаются по возрасту: за этимъ строго слѣдятъ старшіе и самъ дядо. Въ праздничные дни молодежь не можетъ затѣять никакихъ игръ на лугу безъ дозволенія дядо; все дѣлается съ его разрѣшенія.

Всѣмъ женскимъ хозяйствомъ распоряжается *баба* (бабушка), у которой находятся ключи отъ всего хозяйства. Въ большинствѣ случаевъ *баба*—жена дядо, т.-е. хозяина. Когда дядо вмѣстѣ съ остальными членами семьи уходитъ изъ дому на нѣсколько мѣсяцевъ на заработки, хозяйка вполнѣ заступаетъ его мѣсто. При покупкѣ и продажѣ, при займахъ и при отдачѣ взятаго, она заключаетъ условія, и всѣ ея договоры остаются священными для семьи и по возвращеніи хозяина.

Вся недвижимость, т.-е. земля, виноградники, участки пастбища и лѣса, хозяйственныя постройки, а также орудія труда—неотъемлемая собственность всей семейной общины. Если домачинъ (дядо), пользуясь своимъ авторитетомъ или отсутствіемъ сыновей, продаетъ часть имѣнія или что-нибудь необходимое въ домашнемъ хозяйствѣ, все его семейство, да и вся деревня смотритъ на это, какъ на великую «грѣхоту и срамоту», а на покупщиковъ такого имущества, какъ на послѣднихъ негодяевъ. Но каждый членъ общины можетъ имѣть и свою отдѣльную собственность. Когда всѣ дѣла улажены, тогда каждый можетъ распоряжаться своимъ временемъ, идти на заработокъ, брать къ себѣ работу, и всѣмъ, что онъ при этомъ получитъ, онъ можетъ распоряжаться безъ вѣдома дядо, совершенно самостоятельно.

Эти общины, съ многочисленными членами и нѣсколькими семьями, стали въ послѣднее время распадаться все чаще и чаще. Во многихъ мѣстностяхъ, особенно близъ желѣзной дороги, дѣленіе семействъ послѣ смерти родителей входитъ уже въ обычай. Распаденіе семейныхъ общинъ происходитъ изъ-за ссоръ молодухъ между собою, но, вѣроятно, скорѣе всего потому, что этотъ патріархальный образъ жизни вообще рѣдко удерживается, когда въ страну проникаютъ образованіе и развитіе или когда она входитъ въ близкое соприкосновеніе съ европейской жизнью и культурой. Въ такихъ случаяхъ то тотъ, то другой членъ семейства обнаруживаетъ все большее стремленіе къ личной самостоятельности и независимости отъ семейной общины, желаніе трудиться и работать не по указанію главы семейства, а въ той сферѣ, къ какой онъ чувствуетъ склонность, и при этомъ только для себя, за свой счетъ и за своею отвѣтственностью.

Не исчезли еще и многіе другіе патріархальные обычаи; таковъ, напримѣръ,

способъ веденія счетовъ. Онъ состоитъ въ томъ, что на длинныхъ палкахъ черточками, вырѣзанными на деревѣ, обозначаютъ расходы. Такія палки пользуются большимъ довѣріемъ, чѣмъ запись на бумагѣ. Палка каждаго отдѣльнаго крестьянина хранится у *кмета* (общественнаго старшины), съ обозначенными на ней государственными и общественными сборами. Кромѣ того, все общество имѣетъ, такъ сказать, «общую книгу» въ видѣ длиннаго шеста, съ отмѣченными на немъ общественными счетами. Старшина знаетъ на память, кому принадлежитъ какая палка; немедленно узнаетъ свою палку и каждый крестьянинъ по отмѣткѣ, вырѣзанной на верхнемъ концѣ ея разнообразными вертикальными и горизонтальными линіями. На одной сторонѣ палки обозначаютъ уже выплаченную сумму, на другой ту, которую предстоитъ выплатить.

Въ то время, когда у сербовъ мужъ относится къ женѣ, какъ строптивый господинъ къ презираемой рабѣ, болгаринъ не начнетъ никакого дѣла, не посовѣтовавшись съ своею женою. У болгаръ между мужемъ и женою, между матерью и сыномъ существуетъ полное равенство, которое вовсе не въ обычаѣ у южныхъ славянъ. Въ домѣ, конечно, мужъ—глава семейства, онъ имѣетъ высшую власть, призванъ судить и рядить, и поэтому онъ долженъ держать жену въ повиновеніи; но это мужнино первенство или главенство въ Болгаріи не имѣетъ ничего общаго съ мужнинымъ деспотизмомъ другихъ славянъ. Къ тому же болгарка пользуется и положительными правами наравнѣ съ мужемъ: она принимаетъ участіе въ семейныхъ совѣтахъ, особенно когда дѣло идетъ о бракѣ и домашнихъ дѣлахъ,—тутъ голосъ женщины имѣетъ еще болѣе важное значеніе, чѣмъ голосъ мужчины. Во многихъ случаяхъ женщина даже пользуется исключительнымъ правомъ распоряжаться. Въ отсутствіи мужа жена всегда заступаетъ его мѣсто, заключаетъ условія, продаетъ и покупаетъ, однимъ словомъ ведетъ хозяйство совершенно самостоятельно. Наконецъ, нерѣдко женщина, по смерти своего мужа, который былъ главою семейной общины, заступаетъ его мѣсто, и сама становится главой семьи, и это бываетъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда сыновья взрослые. Такимъ образомъ, оставаясь главою дома, болгаринъ не становится неограниченнымъ властелиномъ надъ женой, и она не превращается въ безгласную рабу, безпрекословную исполнительницу прихотей мужа. Семейный очагъ—это все, что есть у болгарина самаго дорогого, самаго священнаго: это—мѣсто его отдыха, радости и горя, которые онъ дѣлитъ съ любимою женою, съ своими близкими. Болгары чрезвычайно строго осуждаютъ семьи, гдѣ мужъ пьяница, забіяка и грубо обращается съ женою. Боязнь осужденія односельчанъ и вмѣшательства родственниковъ въ случаѣ нехорошаго поведенія кого-нибудь изъ супруговъ служитъ также нѣкоторой гарантіей добрыхъ семейныхъ отношеній. А ужъ если между мужемъ и женой пошли нелады, то приступаютъ къ разводу, какъ къ неизбѣжному злу. Обманутый мужъ здѣсь свободно можетъ выгнать преступную жену и легко получаетъ разводъ, но точно также и женѣ даютъ разводъ при безпутномъ поведеніи мужа. Такимъ образомъ положеніе женщины въ болгарскомъ семействѣ лучше, чѣмъ у другихъ восточныхъ народовъ. Болгарка истинная помощница мужа; ея дѣло—забота о домѣ, дѣтяхъ, домашнемъ скотѣ, ѣдѣ и одеждѣ; земледѣліе же, покупки и продажа—дѣло мужское. Величайшая похвала для болгарки быть названной хорошей хозяйкой. Въ отношеніяхъ къ постороннимъ онѣ держатся совершенно естественно, безъ дикаго страха и испуга. Когда въ домъ входитъ гость, ихъ серьезныя лица принимаютъ выраженіе особенной заботливости. Лишь въ городахъ, бывшихъ ранѣе главнымъ образомъ турецкими, подъ вліяніемъ магометанскихъ нравовъ, болгарка осталась конфузливой, молчаливой и постоянно прячущейся. Въ отсутствіи мужа, особенно въ горныхъ

деревняхъ, мужское населеніе которыхъ уходитъ далеко на заработки, женщина—полновластная хозяйка въ домѣ. Нравы болгарской семьи патріархальны, чисты и въ высшей степени строги. Болгарка изъ простонародья или изъ общества—идеальная мать и жена.

Трудолюбіе ея не знаетъ предѣловъ. Она приготовляетъ всю одежду для своего семейства, заботится о домашнемъ хозяйствѣ, которое она ведетъ чрезвычайно старательно и аккуратно. Плотно утоптанный земляной полъ ея хаты всегда чисто выметенъ, постельныя принадлежности бережно сложены, кухонная посуда чисто вымыта и всегда на своемъ мѣстѣ. Стряпня болгарки очень простая, но она умѣетъ вкусно приготовить и разнообразить свои незатѣйливыя кушанья. Она буквально не имѣетъ свободной минуты. Если она не въ полѣ, то занята чѣмъ-нибудь по хозяйству. Она то чиститъ у колодца домашнюю утварь, то моетъ бѣлье, то краситъ и бѣлитъ разныя ткани, то приготовляетъ обѣдъ, сидитъ за прялкой, шитьемъ или починкой, то кормитъ ребенка, бѣжитъ заглянуть на пастбище, гдѣ пасется скотъ, доитъ его, когда онъ возвращается, заботится о немъ ночью и рано утромъ. Мало этого, жена помогаетъ мужу даже при постройкѣ дома: замазываніе щелей глиною и бѣленіе жилыхъ домовъ составляетъ исключительно ея обязанность. Также заботится болгарка и о домашнемъ садикѣ. Почти каждая семья имѣетъ садикъ при своемъ домѣ, и уходъ за нимъ исключительно лежитъ опять таки на женщинѣ. Садомъ болгарка занимается съ особенною любовью: цвѣты—существеннѣйшая часть женскаго наряда, да и молодые люди вкалываютъ ихъ себѣ, куда могутъ, отправляясь въ церковь или поле, на праздникъ или танцы. Поэтому въ каждомъ садикѣ вы непремѣнно увидите розы, гвоздику, фіалки, макъ и др.

Одежда деревенскихъ болгарскихъ женщинъ отличается особеннымъ разнообразіемъ. Почти въ каждомъ округѣ существуютъ свои особыя моды; очень многія заплетаютъ волосы въ косы. Сильно распространенъ между болгарками обычай прикрѣплять къ собственнымъ волосамъ фальшивую косу изъ козьяго волоса или шерсти, которую, какъ и натуральную косу, украшаютъ монетами и цвѣтами. Въ большинствѣ случаевъ замужнія женщины покрываютъ голову платкомъ, а дѣвушки ходятъ непокрытыми.

Болѣе всего заботится болгарка о своей рубашкѣ, которую она роскошно вышиваетъ разноцвѣтной шерстью или шелкомъ на груди, плечахъ и по краямъ рукавовъ. Сверхъ этой рубашки одѣваютъ юбку изъ полосатой шерстяной матеріи домашняго тканья; поверхъ ея повязываютъ общитый бахромой фартукъ. Его одѣваютъ спереди, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ носятъ и сразу два фартука: сборчатый сзади, гладкій спереди и оба разныхъ цвѣтовъ. Есть округа, гдѣ фартукъ надѣваютъ прямо на рубашку, безъ юбки; въ другихъ мѣстностяхъ носятъ очень коротенькую кофточку (напоминающія наши «фигаро»), которая плотно обтягиваетъ талію, не сходится спереди, такъ что даетъ возможность видѣть роскошно вышитую рубашку. Юбка и фартукъ перехвачены у таліи кушакомъ (кожанымъ или матерчатымъ), украшеннымъ большими металлическими или перламутровыми пряжками. Эти пояса переходятъ по наслѣдству, какъ самыя драгоцѣнныя вещи въ женскомъ туалетѣ, такъ какъ украшенія на нихъ иногда бываютъ изъ чистаго серебра. Болгарскія женщины вообще любятъ всевозможныя украшенія. Монеты вокругъ шеи, монеты на кушакѣ, иногда монеты съ цвѣтами, въ видѣ діадемы, украшаютъ лобъ. Кромѣ того, почти каждая изъ нихъ носитъ серьги, множество колецъ, браслетъ, ожерелья изъ бусъ, кораловъ, жемчуга; все это онѣ умѣютъ расположить съ большимъ вкусомъ, что заставляетъ предполагать въ нихъ врожденное чувство изящнаго.

Вмѣсто столь еще употребительнаго въ Сербіи феса, мужчины носятъ здѣсь колпакъ изъ темной, а иногда и свѣтлой овчины, которую называютъ *чубара*. Изъ-подъ этой шапки висятъ обыкновенно длинные волоса. Его рубашка, съ широкими рукавами, пестро вышита на груди и плечахъ. Штаны лѣтомъ изъ полотна, а зимою изъ грубаго сукна, подвязаны ниже колѣнъ тесемками или ремнемъ; поверхъ у таліи эти штаны много разъ обертываются широкимъ кушакомъ или шарфомъ, за который засунутъ ножикъ и засовываютъ мелкія вещи. Въ холодное время люди побогаче носятъ куртку, вышитую снуркомъ, а нѣкоторые длинный кафтанъ. Обувью служатъ обыкновенно самодѣльныя *опанки* или *бабуши* (турецкія туфли). Впрочемъ, мужская одежда, какъ и женская, различна, смотря по мѣстности.

Болгары, какъ и всѣ жители Балканскаго полуострова, народъ въ высшей степени суевѣрный. Они такъ крѣпко вѣрятъ въ *самовилъ* и *самодивъ* (феи), что въ честь ихъ установили даже праздники, которые празднуютъ въ продолженіе 8-ми дней. Въ эти дни они приводятъ и приносятъ въ лѣсныя прогалины, гдѣ растутъ розы (любимая пища самовилъ), множество больныхъ, страждущихъ умопомѣшательствомъ, падучей и другими неизлѣчимыми болѣзнями. Этихъ больныхъ такъ и оставляютъ на ночь однихъ въ лѣсу, въ томъ убѣжденіи, что вилы въ свой праздникъ будутъ водить хороводы вокругъ больныхъ и рѣшатъ ихъ судьбу, жить имъ, или умереть. Вѣра въ самовилъ такъ сильна, что болгарскія женщины, несмотря на то, что чрезвычайно любятъ украшать голову цвѣтами, никогда не приколятъ дикихъ розъ къ своимъ волосамъ, опасаясь несчастья въ томъ случаѣ, если вилы прикоснулись къ нимъ.

Образованный врачъ не имѣлъ-бы здѣсь никакой практики. Для исцѣленія глазъ народъ ходитъ къ ключамъ, которые слывутъ цѣлебными въ глазной болѣзни и въ другихъ случаяхъ. Большую часть болѣзней лѣчатъ заклинаніями, но это далеко не приноситъ такого вреда, какъ лѣкарки, которыя употребляютъ самыя варварскія средства: въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ больнымъ прикладываютъ къ груди раскаленный металлическій крестъ. Въ каждой деревнѣ есть «вѣдунья», знающаяся съ домовыми: ея боится не только народъ, но даже мѣстные священники, большинство которыхъ крайне невѣжественно, сами оказываютъ ей вниманіе и уваженіе и нерѣдко лично прибѣгаютъ къ ней за совѣтами.

По вѣроисповѣданію болгары раздѣляются на *православныхъ*, которыхъ 76 чел. изъ сотни жителей, *магометанъ* (болгары-магометане называются «*помаками*»), ихъ $21\frac{1}{2}\%$ и *католиковъ*—менѣе одного на сотню. Такимъ образомъ, болгарскій народъ, въ огромномъ большинствѣ, исповѣдуетъ православную вѣру. Въ религіозномъ отношеніи болгары не отличаются ни индифферентизмомъ, ни энтузіазмомъ: всѣ религіозные обряды они выполняютъ покойно, безъ порывовъ, какъ необходимыя обязанности; строго держатъ посты, отправляются на богомолье въ многочисленные монастыри (въ этой маленькой странѣ насчитываютъ 79 мужскихъ и 14 женскихъ монастырей), исправно посѣщаютъ церкви въ большіе праздники. Среди болгаръ много живетъ евреевъ, цыганъ, татаръ, турокъ и различныхъ азіатовъ, въ родѣ персовъ, курдовъ, черкесовъ, арабовъ и др. Какъ относительно вѣры, такъ и относительно національности болгары показываютъ полную терпимость. Правда, они до сихъ поръ ненавидятъ грековъ и турокъ, но только, какъ своихъ прежнихъ притѣснителей, но ничего не имѣютъ ни противъ магометанской, ни противъ какой-нибудь другой вѣры.

Громадное большинство православнаго болгарскаго духовенства не отличается ни своимъ образованіемъ, ни умственнымъ развитіемъ; они усвоили только внѣшнюю

сторону христіанства, поэтому между болгарами до сихъ поръ сохранилось множество языческихъ и старо-славянскихъ обычаевъ; между ними первое мѣсто занимаютъ всѣ обычаи по отношенію къ мертвымъ. По понятіямъ народа покойникъ не долженъ ни въ чемъ нуждаться, и живые обязаны какъ можно чаще доказывать ему, что они его помнятъ. Память о покойникѣ и желаніе доставить ему все нужное должны выражаться прежде всего въ томъ, чтобы какъ можно чаще носить ему на могилу пищу и питье.

Три года спустя послѣ погребенія, кости усопшихъ выкапываютъ изъ земли, перемываютъ, складываютъ въ полотняный мѣшокъ, приносятъ въ церковь и кладутъ передъ епископскимъ трономъ, который существуетъ здѣсь даже въ маленькихъ деревенскихъ церквахъ. Священникъ благословляетъ кости, и ихъ погребаютъ снова. По совершеніи этого вторичнаго погребенія, ближайшіе родственники ходятъ на могилу покойника въ пятницу вечеромъ и въ субботу утромъ.

Суевѣрія живутъ въ народѣ и вслѣдствіе изобилія невѣжественныхъ монаховъ въ Болгаріи. На склонахъ и въ ущельяхъ Балканъ особенно много сгруппировалось монастырей, и тамъ часто, на разстояніи 3—4-хъ часовъ ходьбы, можно встрѣтить 2—3 монастыря. Самый замѣчательный изъ болгарскихъ монастырей—Рыльскій. Въ немъ существуетъ, между прочимъ, часовня, гдѣ можно видѣть множество череповъ на алтарѣ. Положить черепъ на алтарь здѣсь значитъ оказать большую почесть усопшему, за что родственники его охотно платятъ. Въ Рыльскомъ монастырѣ, какъ и въ другихъ болгарскихъ монастыряхъ, умершихъ нерѣдко выкапываютъ для того, чтобы судить, по состоянію ихъ тѣлъ, въ раю или въ аду ихъ души. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ существуютъ склепы, сплошь уставленные маленькими ящиками, въ которыхъ сохраняютъ черепа умершихъ монаховъ, съ надписью ихъ именъ и съ знаками креста. Въ извѣстные дни сюда собираются болгарки и разыскиваютъ черепа тѣхъ монаховъ, которые имъ приходились родственниками или были имъ близки. Несмотря на то, что женщины эти безграмотны, каждая быстро находитъ черепъ, который ей нуженъ, приклеиваетъ къ нему горящую восковую свѣчку, отходитъ на нѣсколько шаговъ и начинаетъ молиться о спасеніи души усопшаго. Нерѣдко собирается сразу нѣсколько женщинъ, и когда всѣ онѣ прилѣпятъ горящія свѣчи къ черепамъ и среди гробовой тишины молятся въ этомъ склепѣ, это производитъ оригинальное впечатлѣніе.

Болгарскіе монахи далеко не аскеты: свою келью въ монастырѣ они удобно отдѣлываютъ коврами и подушками для сидѣнья, любятъ принимать гостей, и потому у каждаго изъ нихъ въ комнатѣ найдется нѣсколько трубокъ и кое-что изъ посуды. На стѣнахъ висятъ иконы святыхъ, фотографіи друзей и родныхъ. Книгъ найдете мало, но зато много оружія. Ружья, кинжалы, пистолеты, сѣдла висятъ не какъ праздное украшеніе: монахи нуждаются въ нихъ для защиты, когда отправляются путешествовать. Почти всѣ они прекрасные охотники и не только изъ страсти, но и по необходимости. Многія мѣстности Балканъ богаты дичью: козули, олени, лисицы встрѣчаются во множествѣ; медвѣди, волки, кабаны тоже не рѣдки. Шкуры волковъ найдете почти въ каждой кельѣ. Волки часто дѣлаютъ опустошенія въ монастырскихъ стадахъ, и потому монахамъ нерѣдко приходится употреблять въ дѣло свое оружіе. Монахи усердно занимаются въ своихъ кельяхъ и различными работами: портняжничаютъ, чинятъ сапоги. Всѣ занятія правильно распредѣлены между ними: одни изъ нихъ наблюдаютъ за стадами, другіе за постройками, третьи занимаются ремеслами.

Въ храмовые праздники въ монастыри собирается множество народа; къ такимъ

днямъ приходится закалывать много скота. Тогда всѣ дворы и мѣста около монастыря превращаются въ огромный лагерь: ночью зажигаютъ огни, а днемъ ярмарка, на которой дѣлаютъ закупки, но отъ времени до времени танцуютъ; вечеромъ и утромъ желающіе молятся. Такіе праздники наносятъ большой ущербъ монастырямъ, такъ какъ имъ приходится много тратить на угощеніе, за которое посѣтители платятъ только въ такомъ случаѣ, когда они этого сами пожелаютъ; остальные могутъ кормиться даромъ, на счетъ монастыря.

ЗАНЯТІЯ.

Климатъ.—Богатство природы.—Населеніе. — Земледѣліе и землевладѣніе. — Садоводство и огородничество.—Шелководство.—Сборъ винограда и розъ—любимыя занятія болгарской молодежи. — Сливы. — Лѣса. — Минеральные источники.—Обиліе воды.—Замѣчательная склонность болгаръ къ промышленности. — Ковры.—Сукно.—Кожи.—Почему все въ упадкѣ въ этой благословенной странѣ.—Болгарскіе ремесленники и ихъ положеніе.—Скотоводство.—Охота и рыбная ловля.

Въ Болгаріи прекрасный, здоровый климатъ и плодородная почва: въ этомъ отношеніи это, въ полномъ смыслѣ слова, благословенная страна. Несмотря на то, что здѣсь множество высокихъ горъ и что снѣгъ лежитъ всю зиму по скатамъ вершинъ, Болгарія, кромѣ небольшихъ ея клочковъ, одна изъ плодороднѣйшихъ странъ въ Европѣ. Всѣ продукты умѣреннаго климата произрастаютъ здѣсь въ изобиліи. Черноземъ вездѣ: его можно встрѣтить даже на самыхъ вершинахъ; при этомъ страна эта отличается чрезвычайно мягкимъ климатомъ. Впрочемъ, высокія вершины Балканъ уже въ октябрѣ покрыты снѣгомъ и представляютъ разительный контрастъ съ роскошною растительностью равнинъ и горныхъ долинъ, сохраняющихъ въ это время всю свою свѣжесть. Здѣшній климатъ вообще очень здоровъ; только Дунайская низменность у Виддина и Силистріи и низменность Марицы пользуются дурною славою и служатъ разсадникомъ лихорадокъ въ жаркое время года. Впрочемъ, частые случаи ломоты въ костяхъ, чѣмъ такъ страдаютъ здѣшніе жители, не столько происходятъ отъ быстрыхъ перемѣнъ погоды, сколько отъ привычки спать на земляномъ полу.

Болгарія представляетъ образецъ крестьянскаго государства, страну, въ которой нѣтъ ни крупныхъ богачей, ни совершенныхъ пролетаріевъ, въ которой наибольшее количество гражданъ владѣетъ извѣстнымъ земельнымъ участкомъ, гдѣ нѣтъ привиллегированныхъ классовъ и никакихъ соціальныхъ различій.

Въ объединенной Болгаріи теперь считается $3^1/_2$ милл. жителей. Несмотря на множество выселяющихся, населеніе быстро растетъ; ежегодный приростъ опредѣляютъ въ 150 тысячъ чел. Изъ всего населенія земледѣліемъ существуетъ $2^1/_2$ милл. чел., т.-е. 72%, и среди нихъ — подавляющее число мелкихъ землевладѣльцевъ; изъ этого ясно, что Болгарія носитъ чисто земледѣльческій характеръ.

Статистическія данныя относительно земледѣлія и землевладѣнія въ Болгаріи чрезвычайно скудны и сбивчивы, а потому весьма трудно точно опредѣлить размѣры крестьянскаго земельнаго участка. По словамъ людей, хорошо знакомыхъ съ сельскимъ хозяйствомъ болгаръ, на семейство средней величины приходится 7 гектаровъ (гектаръ — немного менѣе нашей десятины, а именно, онъ равняется 0,915 десятины), на каждаго же человѣка, безъ различія возраста и пола, приходится по одной десятинѣ.

Количество частныхъ имѣній въ Болгаріи, преимущественно принадлежащихъ туркамъ, очень не велико, да и онп существуютъ лишь въ нѣкоторыхъ округахъ, а въ другихъ ихъ совсѣмъ не имѣется; къ тому же сами по себѣ размѣры этихъ частныхъ имѣній, сравнительно съ помѣстьями въ западно-европейскихъ государствахъ, совсѣмъ ничтожны: самыя большія изъ нихъ около 100 — 120, а очень многія даже въ 12—16 десятинъ. Турки теперь все чаще продаютъ свои земли въ Болгаріи, а потому число этихъ имѣній въ странѣ уменьшается съ каждымъ годомъ; къ тому же размѣры этихъ помѣстій мельчаютъ, благодаря закону, который удалось провести въ послѣднее время. По этому закону запрещено продавать крупныя помѣстья цѣликомъ и въ однѣ руки,—вслѣдствіе этого земли болѣе или менѣе крупныхъ владѣльцевъ продаются теперь лишь небольшими участками. Этотъ законъ, при строгомъ его выполненіи, могъ бы быстро повести къ полному уничтоженію и тѣхъ, сравнительно немногихъ, крупныхъ частныхъ имѣній, которыя еще уцѣлѣли въ Болгаріи, но, къ сожалѣнію, онъ никогда не былъ вполнѣ строго примѣненъ на практикѣ. Тѣмъ не менѣе онъ повліялъ на то, что число сравнительно крупныхъ землевладѣльцевъ въ Болгаріи уменьшилось, а количество мелкихъ сильно возрасло. Вслѣдствіе этого классъ земледѣльческихъ рабочихъ, или батраковъ, который и прежде былъ здѣсь очень невеликъ, теперь сдѣлался совсѣмъ незначительнымъ. Хотя въ Болгаріи нѣтъ такого пролетаріата среди земледѣльческаго класса, какъ въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ странахъ, тѣмъ не менѣе положеніе здѣшнихъ земледѣльцевъ все ухудшается. Земельная собственность крестьянъ въ нѣкоторыхъ округахъ этой страны въ такой степени обременена долгами, что стоитъ только предъявить долговыя обязательства ко взысканію, и весьма много крестьянскихъ земель останется въ рукахъ земледѣльческихъ кассъ, банковъ, а еще скорѣе ростовщиковъ, къ займу у которыхъ такъ часто прибѣгаютъ болгарскіе крестьяне. Главная причина задолженности земледѣльцевъ заключается въ плохомъ состояніи земледѣлія. Нужно помнить, что Болгарія—страна земледѣльческая по преимуществу, слѣдовательно ея богатство и благосостояніе ея жителей находятся въ прямой зависимости отъ земледѣлія. Между тѣмъ правительство этой страны, до самаго послѣдняго времени, обращало очень мало вниманія на плохое состояніе земледѣлія и на причины этого явленія. Несмотря на то, что почва Болгаріи чрезвычайно производительна, большая часть ея тучной, богатой, черноземной земли остается совершенно невоздѣланной. Густой кустарникъ покрываетъ огромныя пространства плодороднѣйшихъ земель, которыя могли бы прокормить населеніе втрое больше нынѣшняго. Сравнительно со всей Европою, въ Болгаріи обрабатывается самая незначительная часть всей ея земли. Объ искусственномъ орошеніи луговъ здѣсь не имѣютъ ни малѣйшаго представленія. Лѣса, несмотря на законы, истребляются самымъ хищническимъ образомъ. Небывалое до сихъ поръ пониженіе цѣнъ на зерновые продукты заставляетъ земледѣльца продавать за безцѣнокъ хлѣбъ своихъ полей. Деньги, которыя онъ при этомъ выручаетъ, не только не вознаграждаютъ его за трудъ, но и не даютъ ему возможности выплачивать налоги, а это волей-неволей заставляетъ его входить въ долги. Теперь уже не мало такихъ землевладѣльцевъ въ Болгаріи, которые бы съ радостью бросили свои земельные участки и перемѣнили бы хлѣбопашество на другой родъ дѣятельности, но земледѣліе въ этой странѣ служитъ почти единственнымъ источникомъ прокормленія населенія: здѣсь повсюду чрезвычайно слабо развита какъ фабричная промышленность, такъ и торговля. Вслѣдствіе этого въ Болгаріи все вниманіе слѣдовало бы обратить на подъёмъ земледѣлія, т.-е. на расширеніе площади обрабатываемой земли, на улучшеніе

почвы, на пріобрѣтеніе новѣйшихъ орудій труда, на улучшеніе способа обработки земли, на усовершенствованіе путей сообщенія, на разведеніе скота лучшей породы, на распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній. Между тѣмъ земледѣліе находится въ самомъ плачевномъ состояніи. То обстоятельство, что въ этой странѣ съ каждымъ годомъ землевладѣльцы все чаще бросаютъ свои деревни и отправляются въ города, несмотря на невозможность, въ большинствѣ случаевъ, и тамъ отыскать какой-нибудь заработокъ, мало-по-малу будетъ создавать классъ людей безъ постоянныхъ занятій и увеличивать площадь необработанной земли. Для улучшенія земледѣлія въ Болгаріи до сихъ поръ ничего не дѣлали, а то малое, что предпринималось для этого, не приноситъ надлежащей пользы. Двѣ земледѣльческія школы не оказываютъ почти никакихъ услугъ земледѣлію: здѣсь находится мало охотниковъ посвятить себя спеціальному изученію сельскаго хозяйства, такъ какъ школы поставлены плохо, и окончившіе въ нихъ курсъ предпочитаютъ поступать на гражданскую и военную службу. Ухудшаетъ положеніе земледѣлія, а слѣдовательно и благосостояніе земледѣльцевъ также и то обстоятельство, что крестьянину приходится занимать деньги въ трудную минуту у ростовщиковъ, такъ какъ прибѣгать къ земледѣльческимъ кассамъ, существующимъ въ странѣ, народу не легко: въ нихъ требуется поручительство или взносъ залога, а то и другое не всегда возможно для болгарина.

Недостатокъ техническихъ школъ, продолжительный турецкій гнетъ, отчаянное положеніе страны во время послѣдней войны съ турками, произволъ, насиліе, усиленные налоги во время «стамбуловщины», плохое состояніе путей сообщенія,—все это сильно вредитъ земледѣлію. Плаваніе по Марицѣ, протекающей по богатымъ равнинамъ, совершается самымъ первобытнымъ образомъ посредствомъ плотовъ. Многія рѣки, служащія единственными путями сообщенія между нѣкоторыми рынками, скоро совсѣмъ будутъ занесены пескомъ. Къ тому же провозъ хлѣба по рѣкамъ стоитъ здѣсь страшно дорого. Если бы пути сообщенія не были такъ плохи, уже одно это немедленно повліяло бы на улучшеніе земледѣлія.

Нельзя сказать, чтобы въ Болгаріи при обработкѣ земли не предпринимали никакихъ нововведеній: теперь уже ввозятъ сюда и желѣзные плуги новыхъ системъ, и вѣялки, и жатвенныя машины, но эти новыя орудія труда очень туго распространяются; пріобрѣтенію ихъ мѣшаетъ бѣдность народа, неумѣнье обращаться съ ними и невозможность скоро починить ихъ при поврежденіи, такъ какъ въ странѣ не существуетъ свѣдущихъ мастеровъ. Такимъ образомъ, за очень небольшими исключеніями, земледѣльческія работы производятся самымъ первобытнымъ способомъ. Почву удобряютъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ; чтобы запахать посѣвъ, рѣдко употребляютъ даже борону, а просто привязываютъ къ лошади или волу какой-нибудь сухой кустъ, наваливаютъ на него камни и таскаютъ по полю. Въ сѣверной Болгаріи сѣютъ преимущественно рожь, въ южной-же пшеницу, но въ той и другой также овесъ, ячмень, просо, кукурузу. Молотятъ такимъ образомъ: на круглую, тщательно утоптанную площадку съ врытымъ по срединѣ столбомъ, накидываютъ снопы; затѣмъ къ столбу привязываютъ лошадей и заставляютъ ихъ бѣгать вокругъ столба, чтобы онѣ своими копытами выбивали зерно изъ колосьевъ. Другіе хозяева молотьбу производятъ инымъ способомъ: берутъ длинную, широкую и тяжелую доску, съ одной стороны загнутую вверхъ наподобіе передка саней; нижняя сторона этой доски усажена вбитыми въ нее небольшими камнями. Въ это каменное орудіе впрягаютъ, къ приподнятому его концу, одну или двѣ лошади и таскаютъ его по снопамъ; при этомъ камни выбиваютъ зерно изъ колосьевъ.

Главнѣйшая отрасль земледѣлія—*хлѣбопашество*, *разведеніе винограда*, *огородничество съ садоводствомъ*, наконецъ, *воздѣлываніе табаку* и *розъ*. Изъ хлѣбныхъ растеній болѣе всего получается *проса*, *пшеницы*, *ржи*, *ячменя*, *овса* и *кукурузы*. Во многихъ мѣстностяхъ Болгаріи изъ кукурузы или маиса пекутъ хлѣбъ. Несмотря на первобытный способъ обработки земли, на отсутствіе удобренія, на допотопныя орудія труда—урожаи получаются превосходные: маисъ, пшеница и ячмень въ урожайный годъ даютъ самъ 15 — 18. Можно себѣ представить, какъ богата была бы Болгарія хлѣбомъ, если бы все увеличивали площадь пахотной земли и ввели бы новѣйшіе, улучшенные способы хозяйства.

Болгары—замѣчательные садоводы и огородники: умѣньемъ ухаживать за деревьями и цвѣтами и разводить овощи они пріобрѣли такую извѣстность, что ихъ охотно принимаютъ за границей въ качествѣ садовниковъ и огородниковъ; у нихъ всюду растутъ груши, яблони, персики, вишни, черешни, грецкіе орѣхи, но особенно много сливъ; ихъ просто здѣсь не оберешься; изъ сливъ приготовляютъ «ракію» (водку). Деревья волошскихъ орѣховъ достигаютъ въ Болгаріи такой высоты, какъ нигдѣ. Они очень красивы на видъ и даютъ столько орѣховъ, что ихъ даже продаютъ на значительную сумму. Стволы этихъ деревьевъ очень цѣнятся и идутъ на различныя столярныя издѣлія. Изъ огородныхъ овощей особымъ почетомъ пользуются перецъ и чеснокъ, служащіе приправой чуть не каждаго кушанья, а также лукъ, бобы и т. п., — все это выращиваютъ здѣсь въ неимовѣрнымъ количествѣ.

Мягкій климатъ благопріятствуетъ шелководству: оно распространено по всей Болгаріи. Итальянскіе торговцы дорого платятъ за яйца болгарскихъ шелковичныхъ червей. Заботливое правительство могло бы сдѣлать выгодную статью дохода изъ болгарскаго шелководства, которымъ славились здѣшнія мѣстности еще во времена Византіи, но оно находится въ первобытномъ состояніи,—вотъ почему болгарскій шелкъ не имѣетъ на европейскомъ рынкѣ такого сбыта, какой онъ могъ бы имѣть при болѣе усовершенствованномъ веденіи дѣла.

Виноградъ здѣсь чрызвычайно хорошъ, и родится его очень много, но вино изъ него выдѣлывается первобытнымъ способомъ, скоро киснетъ и портится, а потому употребляется только на своей родинѣ. Сборъ винограда осенью—самое любимое занятіе сельскихъ дѣвушекъ. Для этого онѣ собираются со всѣхъ селъ, разряженныя, какъ на самый большой праздникъ. Собирая виноградъ, дѣвушки поютъ разныя пѣсни; сначала поетъ одна деревня, потомъ другая, и такимъ образомъ поютъ онѣ до тѣхъ поръ, пока выскажутъ все, что есть въ ихъ жизни веселаго или печальнаго. Тутъ же телѣга виноградаря, нагруженная полными бочками, спускается внизъ къ селу, а дѣти съ раскраснѣвшимися личиками бѣгутъ за нею и весело кричатъ.

Производство розоваго масла на южномъ склонѣ Балканъ составляетъ очень выгодную статью дохода въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Масло это продается очень дорого и расходится по всей Европѣ въ маленькихъ закупоренныхъ стклянкахъ. Болѣе всего розъ растетъ въ долинѣ Казанлыка, поэтому ее и называютъ обыкновенно «Долиною Розъ». Долину эту (лежащую при подошвѣ Гемуса) болгары превратили въ прелестную страну, богатѣйшую въ земледѣльческомъ отношеніи. Городъ Казанлыкъ окруженъ великолѣпными орѣховыми деревьями и полями розовыхъ кустовъ, изъ которыхъ и добывается знаменитое «розовое масло», составляющее предметъ значительной торговли на всемъ востокѣ. Долина Розъ, дѣйствительно, прекрасна и вполнѣ заслуживаетъ свое поэтическое названіе. Точно кольцомъ оцѣпили ее величавыя Балканы, охраняя такимъ образомъ отъ холодныхъ и рѣзкихъ вѣтровъ. Поэтому климатъ

A. REGULSKI

здѣсь чрезвычайно мягкій, снѣгъ выпадаетъ рѣдкую зиму; быстрые и прозрачные ручейки, спадающіе съ горъ, извиваясь въ разныхъ направленіяхъ, умѣряютъ лѣтомъ зной и предохраняютъ почву отъ засухи. Растительность въ этой долинѣ просто изумительна. Могучіе дубы, буки, платаны стоятъ цѣлыми рощами. Орѣховое дерево, яблони, груши, сливы попадаются такъ же часто, какъ у насъ рябина. По сторонамъ дороги тянется непрерывный рядъ тутовыхъ и розовыхъ плантацій; горные склоны покрыты виноградниками. Плющъ прихотливыми узорами покрываетъ стѣны домовъ и мечетей, заборы и стволы толстыхъ деревьевъ. Но болѣе всего растетъ здѣсь розъ: ихъ кусты вездѣ тянутся правильными рядами по грядкамъ плантацій. Когда розы начинаютъ цвѣсти, трудно вообразить, какое дивное благоуханіе несется отовсюду на цѣлые десятки верстъ въ окрестности. Сборъ розъ — любимое занятіе болгарской молодежи, и она ждетъ его съ нетерпѣніемъ. Чтобы сохранить силу и свѣжесть аромата этихъ прелестныхъ цвѣтовъ, ихъ собираютъ на разсвѣтѣ, до солнечнаго восхода, когда полураскрывшіеся бутоны еще обрызганы росою. Народъ веселою толпою, настроенный по-праздничному и разодѣтый въ лучшія платья, отправляется къ этимъ розовымъ плантаціямъ съ корзинами въ рукахъ. Съ веселымъ говоромъ, съ шутками и пѣснями дѣвушки срываютъ бутоны и бросаютъ ихъ въ корзины. Мужчины тоже помогаютъ. Корзины дѣвушекъ уже черезъ нѣсколько минутъ полны до краевъ, но и головы ихъ тоже оказываются убранными цвѣтами. Дѣти веселой гурьбой шныряютъ взадъ и впередъ, выхватываютъ переполненныя корзины и бѣгутъ высыпать ихъ передъ пожилыми женщинами, которыя тутъ же, въ сторонѣ, сидя въ тѣни деревьевъ, занимаются сортировкою розъ.

Болгарія очень богата также минеральными источниками. Нерѣдко встрѣчаются ключи въ 47° теплоты по Ц. Въ землѣ кроется также много минеральныхъ богатствъ. Особенною извѣстностью пользуются залежи желѣза въ Сомаковѣ (верстахъ въ 40 къ югу отъ Софіи), но разрабатываются они самымъ первобытнымъ образомъ, такъ что прибыль отъ этихъ залежей самая ничтожная.

Изобиліе воды въ Болгаріи способствуетъ промышленнымъ предпріятіямъ, и здѣсь почти повсемѣстно примѣняется ея сила. Нерѣдко довольно большой заводъ управляется пятью, шестью рабочами,—сила воды замѣняетъ все остальное.

Наконецъ, въ здѣшнихъ горахъ находятъ даже золотой и серебряный песокъ. Практическіе люди не могутъ равнодушно смотрѣть на эти богатства. «Боже!» восклицаютъ они, «что за благословенная страна! Желѣзная руда въ изобиліи, топлива пропасть, водяная сила къ услугамъ человѣка.... Какъ обогатилась бы страна, какіе баснословные барыши можно получить только отъ примѣненія новыхъ способовъ къ винодѣлію и шелководству!» Между тѣмъ горная промышленность находится въ зародышѣ, минеральныя богатства страны еще не тронуты, существующіе рудники хищнически эксплоатируются населеніемъ для собственной нужды, народъ же въ этой богатѣйшей въ мірѣ странѣ далеко не благоденствуетъ. Но почему же это? Можетъ быть это неразвитое, невѣжественное болгарское племя ничѣмъ не умѣетъ воспользоваться, ни на что не способно? Напротивъ, по отзыву всѣхъ извѣстныхъ путешественниковъ, изъ всѣхъ народовъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ, болгарское племя самое трудолюбивое, самое смышленое и даже самое артистическое. Нравы болгаръ отличаются необыкновенною, чисто голубиною кротостью. Даже ихъ злѣйшіе враги турки, въ своихъ оффиціальныхъ отчетахъ, не иначе отзывались о болгарахъ, какъ о людяхъ замѣчательно «кроткаго характера и патріархальныхъ нравовъ». Болгары одарены врожденнымъ чувствомъ пониманія симметріи и формы, необыкновенною ловкостью и проворствомъ въ рукахъ и, главное, огромнымъ архитек-

турнымъ талантомъ, который сказывается въ постройкѣ домовъ, въ гидравлическихъ работахъ, въ сооруженіи мостовъ и церквей. Лучшій изъ болгарскихъ мостовъ, Янтрскій у Белы, сооруженъ двумя доморощенными болгарскими зодчими. Церкви, синагоги и даже мечети болѣе значительныхъ городовъ съ ихъ смѣлыми минаретами и куполами также воздвигнуты необразованными болгарами, едва владѣющими карандашемъ. Всѣ, посѣщавшіе Болгарію, приходятъ въ неописанное удивленіе отъ безчисленныхъ болгарскихъ издѣлій, доведенныхъ до высшей степени совершенства, какъ, напр., *серебряныя* и *желѣзныя вещи*, *ковры*, *рѣзьба на деревѣ*. Особенно ковры по своей прочности, яркости красокъ, по художественности своего узора и по дешевизнѣ могли бы поспорить съ лучшими произведеніями этого рода во всемъ свѣтѣ. Они ткутся на обѣ стороны: одна износилась, на другую переверните,—да имъ и износу нѣтъ! Но въ Европѣ ихъ совсѣмъ не знаютъ; до сихъ поръ только турки наполняли ими свои гаремы. Въ небольшомъ городкѣ Сомаковѣ выдѣлывается превосходное сукно. Непостижимо, какъ могли уцѣлѣть эти способности, этотъ высоко-художественный вкусъ ко всему у этого истерзаннаго, изстрадавшагося племени.

Громадная часть кожи, употребляемая на перчатки, идетъ въ Европу изъ Болгаріи. Куда ни взглянете, даже на самыя мелкія домашнія работы, все заставляетъ васъ глубоко жалѣть, что не дано высшаго развитія несомнѣннымъ художественнымъ способностямъ этого талантливаго южно-славянскаго племени.

Вся болгарская промышленность заключается почти исключительно въ ремеслахъ, находящихся въ настоящее время въ совершенномъ упадкѣ. Да и какъ имъ процвѣтать, когда до сихъ поръ не обращали вниманія на ихъ усовершенствованіе, несмотря даже на то, что болгары издавна выказывали положительно выдающіяся способности ко всевозможнымъ издѣліямъ. Теперь ихъ изготовленіе окончательно убито распространеніемъ дешевыхъ фабричныхъ товаровъ Англіи, Франціи, но болѣе всего Австро-Венгріи, которая буквально наводнила своими товарами всѣ рынки страны. Прежде трудъ ремесленника хорошо оплачивался, но это было въ то время, когда болгары вполнѣ удовлетворялись еще мѣстными произведеніями. Когда иностранные товары стали проникать въ страну, вкусы болгаръ начали быстро мѣняться; послѣ же освобожденія Болгаріи ея населеніе набросилось на иностранные фабричные товары и стало предпочитать ихъ мѣстнымъ произведеніямъ. Вотъ это-то обстоятельство самымъ роковымъ образомъ повліяло на ремесла. Многіе болгары совсѣмъ бросили ихъ; нынѣшніе ремесленники окончательно потеряли возможность жить исключительно своимъ ремесломъ. Они занимаются теперь земледѣліемъ или торговлею и при этомъ, какъ побочнымъ занятіемъ, какимъ-нибудь ремесломъ. Нѣкоторые изъ нихъ, иногда бѣдствуя подолгу безъ всякаго заработка, рѣшаются сдѣлаться бродячими ремесленниками. То въ одиночку, то группами уходятъ они въ Константинополь и другіе турецкіе, а также греческіе, сербскіе и румынскіе города, чтобы зарабатывать себѣ хлѣбъ въ качествѣ каменьщиковъ, булочниковъ, а еще чаще садовниковъ. Не мало болгаръ находятъ себѣ заработокъ въ качествѣ пастуховъ. Весною со своими стадами, въ сопровожденіи огромныхъ собакъ и съ посудой для сыроваренія, отправляются они на тучныя пастбища Балканскихъ горъ. Только поздно осенью возвращаются они въ свою родную долину.

Улучшенныхъ породъ скота въ Болгаріи не разводятъ и раціональнаго скотоводства здѣсь совсѣмъ не существуетъ, но зато и нѣтъ недостатка ни въ рабочемъ, ни въ домашнемъ скотѣ. Несомнѣнно, что этимъ страна обязана прежде всего существованію общинныхъ пастбищъ, которыя даютъ возможность каждому держать необходимое для него количество скота. Зато далеко не въ каждомъ болгарскомъ се-

мействѣ существуютъ лошади; ихъ очень часто замѣняютъ здѣсь волы и буйволы. Болгарскіе волы одной породы съ черкасскими, которые славятся своей силой и дородностью, но здѣсь они измельчали вслѣдствіе дурного ухода за ними. Особенно много въ каждомъ хозяйствѣ козъ, но еще гораздо болѣе овецъ; однако, вслѣдствіе неумѣлаго ухода за ними, онѣ далеко не приносятъ той пользы, какую могли бы приносить.

Чтобы улучшить свое матеріальное положеніе, трудолюбивые болгары повсемѣстно занимаются охотою на звѣрей и рыбною ловлею. Съ наступленіемъ зимы каждый земледѣлецъ отправляется охотиться на кабановъ или участвуетъ въ облавахъ на волковъ. Рыболовствомъ, какъ спеціальнымъ промысломъ, жители занимаются по берегамъ Дуная и по окраинамъ Чернаго моря, но чтобы имѣть подспорье въ домашнемъ хозяйствѣ, рыбу ловятъ вездѣ, гдѣ существуетъ вода, самыми разнообразными способами, напр., неводами, имѣющими такое же устройство, какъ и у насъ, но большинство просто ловитъ ее руками. Такимъ первобытнымъ способомъ болѣе всего ловятъ сомовъ: человѣкъ осторожно входитъ въ воду и становится у камня, объ которые любятъ тереться сомы, подкарауливаетъ ихъ, быстрымъ движеніемъ хватаетъ пальцами за жабры и нанизываетъ пойманную рыбу на гибкій ивовый прутикъ. Также первобытны и другіе способы рыбной ловли.

РАЗВЛЕЧЕНІЯ НАРОДА И ЕГО ОБЫЧАИ.

Канунъ Рождества.—Танцы и пѣніе.—Музыкальные инструменты.—Гаданье.—Сѣдѣнки.—Свадебные обряды и пиршества.—Похищеніе невѣсты.

Въ праздничныхъ обрядахъ болгаръ, какъ и у другихъ славянъ, сохранилось много древнихъ языческихъ обычаевъ. Народные обычаи въ большихъ городахъ Болгаріи уже давно исчезли и сохранились только въ деревняхъ. Вотъ какъ они празднуютъ Рождество.

Утромъ наканунѣ Рождества женщины замѣшиваютъ хлѣбъ, въ которомъ запекаютъ монету. Когда начинаютъ печь хлѣбъ и готовить кушанье для вечера, старшій въ домѣ выходитъ на дворъ съ зажженною лучиною; за нимъ выступаетъ вся семья тоже съ зажженными лучинками. Тутъ они поднимаютъ полѣно, снимаютъ шапки и читаютъ молитву; затѣмъ вносятъ его въ домъ, кладутъ на огонь и опять читаютъ молитву. При этомъ кто-нибудь беретъ обгорѣлое полѣно и ударяетъ имъ о печь. Если посыпется послѣ перваго удара много искръ, это означаетъ, по мнѣнію болгаръ, что въ этомъ году у нихъ родится много лошадей; искры отъ второго удара предсказываютъ плодовитость коровъ и т. д. Оставшійся кусокъ отъ дерева зарываютъ въ виноградникъ, чтобы былъ урожай. Но вотъ и вечеръ: на чисто накрытомъ столѣ ставятъ множество кушаньевъ; посреди стоитъ *боговица* (прѣсный хлѣбъ) съ запеченой монетой. Вокругъ должны стоять девять кушаньевъ вареныхъ и множество овощей. И чего, чего тутъ нѣтъ: фасоль, бобы, медъ, яблоки, сливы, сухіе персики, изюмъ, стручки, виноградъ, орѣхи и непремѣнно графинъ съ виномъ и ракіей (водка). Когда все подано, отецъ семейства беретъ кадильницу и, читая молитвы, кадитъ вокругъ стола. Затѣмъ хозяинъ ломаетъ горячую боговицу на куски, обмакиваетъ ихъ въ медъ и раздаетъ по старшинству. Кому попался кусокъ съ монетою, тотъ будетъ счастливѣе другихъ въ будущемъ году. Лишь только отъужинаютъ, какъ въ комнату входятъ старики и поютъ пѣсню, оканчивающуюся припѣвомъ: «Ой коледо, мой коледо».

Въ первый день Рождества, послѣ обѣдни—праздникъ дѣтей и священниковъ; они стучатся во всѣ двери, славятъ коледу и поютъ духовныя пѣсни. Отецъ семейства послѣ обѣдни ставитъ на столъ мѣру пшеницы и втыкаетъ въ нее столько зажженныхъ свѣчей, сколько членовъ въ домѣ: при этомъ онъ ходитъ съ кадильницею, кадитъ и поетъ молитвы.

Каждый вечеръ праздника принадлежитъ молодежи, и его-то они ждутъ не дождутся. Лишь только отъужинаютъ, дѣвушки опрометью бѣгутъ на улицу и съ криками созываютъ подругъ пѣть и плясать. Изъ всѣхъ удовольствій болгарка болѣе всего любитъ танцы. Во время ихъ она забываетъ свое горе и вся отдается этому удовольствію. Въ любимыхъ танцахъ въ характерѣ болгарки сказывается не южная страсть испанки, а непосредственная дѣтская натура.

Свой національный танецъ «хоро» они танцуютъ, держа другъ друга за руки, длиннымъ рядомъ, кругомъ или же полукругомъ; при этомъ танцующіе подвигаются то впередъ, то назадъ, то быстрѣе, то медленнѣе. Иногда вереница танцующихъ проходитъ черезъ «ворота», образуемыя руками. Наибольшее оживленіе выказываютъ два танцора—выступающій во главѣ и тотъ, который въ хвостѣ. Хотя звуки волынки однообразны и даже нѣсколько заунывны, но они чрезвычайно дороги сердцу болгарина не только во время танцевъ, но и на чужбинѣ. Второй національный инструментъ—постушеская свирѣль, рѣзкій звукъ которой раздается въ горахъ. Существуетъ у болгаръ и «gadùlka» — инструментъ, похожій на скрипку, о двухъ струнахъ—на немъ играютъ смычкомъ. Въ домахъ позажиточнѣе можно встрѣтить родъ маленькой гитары (bulgarìna), на четырехъ струнахъ которой играютъ гусинымъ перомъ.

Пѣсни болгаръ чрезвычайно разнообразны: во время танцевъ, жатвы, свадьбы у нихъ на все особая пѣсня; существуетъ также много и сатирическихъ, и лирическихъ, и историческихъ пѣсней,—въ послѣднихъ они воспѣваютъ подвиги гайдуковъ. Встрѣчаются и пѣвцы, схожіе съ сербскими гуслярами. Болгары поютъ не только въ дни веселья и праздниковъ, но и во время работы. Оригинально послушать, какъ пастухи или жницы, занятые своимъ дѣломъ на высотахъ, лежащихъ другъ противъ друга, поютъ поперемѣнно, смѣняя одни другихъ: одна строфа раздается съ одной высоты, слѣдующая—съ другой. Страстная любовь къ пѣнію сказывается съ особенною силой по вечерамъ, въ тихую, ясную погоду: пѣніе несется тогда не только со всѣхъ высотъ, съ полей и изъ лѣса, но даже путешествующіе по странѣ, пѣшкомъ или на лошади, въ сопровожденіи слугъ или одинокіе пѣшеходы, въ поискахъ за работой, всѣ останавливаются отъ времени до времени и громко подтягиваютъ ту пѣсню, которая раздается громче другихъ,—такимъ образомъ отдыхаютъ путники и ихъ лошади. Городскіе, интеллигентные классы болгарскаго общества тоже не могутъ собраться вмѣстѣ и не пѣть. Каждая пирушка, каждое праздничное сборище у нихъ, какъ и у простонародья, главнымъ образомъ проходитъ въ пѣніи и въ національномъ танцѣ «хоро», которому съ особеннымъ оживленіемъ отдаются даже прекрасно знающіе уже французскіе танцы.

Гадать болгарки любятъ такъ же, какъ и наши русскія дѣвушки, и гадаютъ онѣ не только въ святки, но и въ цвѣтную или Лазареву недѣлю,—такъ называется у нихъ шестая недѣля Великаго поста. Эту недѣлю болгарки также встрѣчаютъ и провожаютъ пѣснями, припѣвками и гаданьями.

Когда болгары уберутъ хлѣбъ съ полей и окончатъ молотьбу, деревенскія дѣвушки начинаютъ собираться по вечерамъ работать вмѣстѣ, что называется у нихъ «сѣдѣнками» (наши посидѣлки). Осенью, когда еще стоитъ хорошая погода, дѣвушки

и молодыя женщины, въ праздничныхъ платьяхъ, разукрасивъ голову живыми цвѣтами, отправляются на гумно или на сельскую площадь. Тутъ онѣ разводятъ огонь, ставятъ вокругъ него лавки и всѣ вмѣстѣ работаютъ: прядутъ, очищаютъ маисъ отъ шелухи и при этомъ поютъ безъ конца. Какъ только парни заслышали пѣсни женщинъ, немедленно отправляются къ нимъ. «Добрый вамъ вечеръ, сестрицы», весело, въ одинъ голосъ говорятъ пришедшіе. «Далъ бы вамъ Богъ добро, хорошо пожаловали», вставая, отвѣчаютъ дѣвушки. «Садитесь, сестрицы, и попойте намъ». Тогда дѣвушки начинаютъ прясть въ перегонку и пѣть пѣсни. Послѣ этого собравшіеся начинаютъ водить хороводы.

Хотя бракъ въ Болгаріи очень часто происходитъ по разсчету и представляетъ простую сдѣлку родителей той и другой стороны, но все же между болгарами чаще, чѣмъ у другихъ славянъ, бракъ устраивается по взаимной склонности. Раньше, чѣмъ дѣвушка вступаетъ въ бракъ, она имѣла много случаевъ познакомиться съ юнакомъ (молодцомъ): много вмѣстѣ они плясали, играли, видѣлись на посидѣлкахъ. Все же и въ такихъ случаяхъ семейный совѣтъ предшествуетъ окончательному выбору невѣсты, и его мнѣніе почти всегда имѣетъ значеніе. Однако, въ послѣднее время не мало случаевъ, когда молодые люди вступаютъ въ бракъ безъ согласія родителей. Если отецъ не соглашается выдать дочь за любимаго человѣка, бракъ все таки совершается, но путемъ кражи невѣсты женихомъ. Эти похищенія вошли въ обычай и уже давнымъ-давно почти повсемѣстно существуютъ въ Болгаріи. Имъ пользуются иногда даже въ такихъ случаяхъ, когда не представляется никакой надобности въ увозѣ невѣсты, т.-е. когда родители обѣихъ сторонъ вполнѣ согласны на бракъ между ихъ дѣтьми. Въ западной части княжества рѣдко дожидаются вѣнчанія и похищаютъ невѣсту ранѣе этого дня, хотя къ браку нѣтъ ни малѣйшихъ препятствій; очень часто это происходитъ исключительно для того, чтобы избавиться отъ расходовъ на брачныя пиршества и отъ взаимныхъ подарковъ. Если молодому человѣку отказываютъ въ рукѣ дѣвушки, и она сама не противъ брака съ нимъ, онъ въ сопровожденіи товарищей нападаетъ ночью на домъ дѣвушки, насильно захватываетъ ее и немедленно старается умчать ее въ горы, чтобы избавиться отъ преслѣдованія ея родителей, которое бываетъ нерѣдко чрезвычайно упорно и оканчивается кровопролитіемъ. Побродивъ въ горахъ недѣлю-другую, молодые люди спокойно возвращаются домой, и родители волей-неволей соглашаются на ихъ бракъ.

Бываетъ и такъ: если дѣвушка встрѣчаетъ препятствіе къ браку со стороны своихъ родителей, а между тѣмъ любимому ею молодому человѣку и его родителямъ хочется имѣть ее у себя въ домѣ, она собираетъ тайкомъ въ узелокъ свои вещи и является въ домъ избранника своего сердца. Въ такихъ случаяхъ она при входѣ должна помѣшать огонь въ очагѣ въ знакъ того, что она проситъ помощи у присутствующихъ и затѣмъ цѣлуетъ руки всѣмъ домочадцамъ, которые просятъ ее остаться. Послѣ этого немедленно справляютъ свадьбу, но уже безъ всякаго торжества, и натянутыя отношенія между обѣими семьями скоро улаживаются. Такая невѣста называется «пристанка».

Какъ бы ни рѣшилась вѣнчаться дѣвушка, путемъ-ли похищенія ея, или послѣ прихода въ домъ жениха, она должна заявить не только передъ духовенствомъ, но и мѣстнымъ властямъ, что она выходитъ замужъ добровольно и что ея похищеніе состоялось съ ея вѣдома. Духовныя власти изслѣдуютъ это дѣло и никогда не отказываютъ въ своемъ одобреніи, если дѣвушка вступаетъ въ бракъ согласно своему желанію. Но если дѣвушку похитятъ противъ ея воли, и она даже и повѣнчанная

во время бѣгства задумаетъ бросить своего мужа-похитителя и возвращается къ отцу, бракъ въ такомъ случаѣ считается недѣйствительнымъ.

Когда бракъ совершается обычнымъ порядкомъ, свадьбѣ всегда предшествуетъ обрученіе; но иногда свадьба очень не скоро слѣдуетъ за обрученіемъ. Это происходитъ оттого, что родители невѣсты, не желая разстаться съ дочерью, которая представляетъ весьма цѣнную рабочую силу въ семьѣ, стараются оттянуть свадьбу.

Свадьба у болгаръ сопровождается всевозможными пиршествами: они начинаются за цѣлую недѣлю до брака и продолжаются добрыхъ пять, шесть дней послѣ него. Каждый день свои особыя церемоніи, торжества и обряды, въ каждой мѣстности свой норовъ, свой порядокъ церемоніямъ. Но рѣдкій день обходится безъ музыки, пѣнія и танцевъ, этихъ необходимыхъ принадлежностей жизни болгаръ Кромѣ того, почти вездѣ въ Болгаріи за нѣсколько дней до брака совершается обрядъ, называемый *засѣвкою*. Между всѣми славянами только у однихъ болгаръ существуетъ этотъ обрядъ.

Въ назначенный день собирается множество гостей и родственниковъ въ домѣ жениха; это бываетъ утромъ. Посреди избы стоятъ три скамьи и на каждой изъ нихъ—по ситу и по корыту. Когда всѣ собрались, начинаютъ пѣть торжественно и протяжно. Вскорѣ изъ толпы выдѣляются три дѣвушки съ мукою, каждая подходитъ къ одному изъ корытъ и начинаютъ просѣвать муку подъ звуки пѣсни. Маленькій мальчикъ, одѣтый по-праздничному, бросаетъ соль въ каждую кучу муки и наливаетъ воду. Дѣвушки мѣсятъ тѣсто и дѣлаютъ хлѣбъ и калачъ, сажаютъ въ печку и при этомъ все поютъ и поютъ. Когда хлѣбы готовы, женщины сажаютъ жениха на скамью, развязываютъ ему поясъ, одинъ конецъ набрасываютъ на глаза черезъ голову, младшая сноха разламываетъ надъ его головою *меденикъ* (калачъ обмазанный медомъ) и вымазанными медомъ руками мажетъ его по лицу, приговаривая: «Любите да жалуйте другъ друга, какъ пчела медъ». Затѣмъ она разламываетъ калачъ на мелкіе куски и разноситъ всѣмъ гостямъ, которые тотчасъ запиваютъ его виномъ изъ серебряной чарки. Такія чарки можно найти у каждаго селянина въ Болгаріи; онѣ употребляются только въ торжественныхъ случаяхъ и передаются въ наслѣдство отъ отца дѣтямъ. Вечеромъ того же дня у жениха и невѣсты, у каждаго изъ нихъ порознь, справляется вечеринка, которая, вѣроятно, поэтому и называется *раздѣлна вечера*. На этой вечеринкѣ женихъ прощается съ своими друзьями; онъ уже теперь переходитъ въ разрядъ женатыхъ людей. Вечеринки эти особенно любимы молодежью. На нихъ исключительно собираются дѣвушки и юнаки, все народъ неженатый; старики и даже молодыя замужнія женщины сюда не допускаются. Смѣху, веселью и остротамъ конца нѣтъ. Свадебныя пиршества нерѣдко вконецъ разоряли болгаръ, и теперь власти стараются сократить ихъ продолжительный срокъ, но и нынѣ, въ большинствѣ мѣстностей, свадьба празднуется нѣсколько дней. Особенно оживляется молодежь послѣ ужина въ предсвадебныя пирушки, когда водятъ хороводы, при чемъ поются «припѣвки», т.-е. коротенькія пѣсенки, въ которыхъ величаютъ жениха и невѣсту. Вотъ одна изъ нихъ въ русскомъ переводѣ: «Вода течетъ по бѣлому камешку. А кто идетъ воды зачерпнуть? Ганка идетъ за водой, отнести Стояну на хуторъ, не сказалъ бы: «умираю отъ жажды», а сказалъ бы: «умираю отъ Ганки, отъ ея бѣлаго лица, стройнаго стана, бѣлаго лба и тонкихъ бровей».

Наканунѣ свадьбы у жениха собирается вся родня. При всей честной компаніи выводятъ на улицу быка, голова и рога котораго украшены цвѣтами и вѣнками. Собравшіеся начинаютъ пѣть, а въ это время убиваютъ быка, назначеннаго для свадебнаго пиршества.

Свадьбу справляютъ въ воскресенье. Разряженныя дѣвушки, одежда которыхъ покрыта серебряными украшеніями, головы убраны цвѣтами, показываются уже съ ранняго утра то тамъ, то здѣсь на улицѣ. Молодые люди тоже разукрашены цвѣтами и разодѣты въ лучшіе наряды. Но войдемъ въ домъ невѣсты. Она ждетъ поѣзжанъ, сидя торжественно въ подвѣнечномъ платьѣ и въ накидкѣ, иногда усѣянной серебряными монетами, въ цвѣтахъ на головѣ, тоже иногда перевитыхъ монетами. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ невѣста одѣваетъ на голову длинные, золотые, распущенные волосы—изъ золоченыхъ нитокъ.

СЕРБІЯ.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ СЕРБСКАГО НАРОДА.

Судьба сербовъ въ давнопрошедшее время. — Ихъ рабство подъ игомъ турокъ. — Освобожденіе. — Положеніе Сербіи въ настоящее время. — Долги, разоряющіе государство и народъ. — Налоги, подъ бременемъ которыхъ страдаютъ сербы. — Природа и климатъ страны. — Государственное устройство. — Король и его значеніе. — Скупщина. — Выборы. — Отношеніе къ Австріи.

Сербы рано подпали вліянію Византіи; это, однако, не помѣшало имъ сохранить свою независимость подъ властію своихъ правителей. Но могущества и значенія они достигли лишь въ XIV ст., при Стефанѣ Душанѣ. Онъ покорилъ Боснію, Македонію, Албанію; царь болгарскій и Дубровникъ (Рагуза) находились подъ его вліяніемъ. Наконецъ, онъ провозгласилъ себя царемъ. Душанъ дѣлалъ всѣ усилія, чтобы остановить наплывъ турокъ, которыхъ призывали византійскіе императоры противъ своихъ враговъ, такъ какъ онъ уже тогда понялъ всю опасность ихъ частыхъ переходовъ въ Европу. Проживи онъ долѣе, сербы, навѣрно, стали бы въ ряду цивилизованныхъ народовъ. Въ сношеніяхъ съ папой Душанъ держался такой политики: онъ изъявилъ покорность папскому престолу, такъ какъ надѣялся чрезъ это пріобрѣсти много выгодъ для своего народа, но это не помѣшало ему быть ревностнымъ православнымъ, строить православныя церкви, помогать своимъ монастырямъ и даже посылать въ рудники тѣхъ, кто склонялся въ «латинскую ересь». Душанъ особенно прославился своимъ законодательствомъ и основаніемъ сербскаго патріаршества, которое ему нужно было для пріобрѣтенія полной самостоятельности. Такимъ образомъ, сербы зажили при немъ самостоятельною государственною и общественною жизнію, пріобрѣли церковную независимость, развили свои внутреннія силы, расширили свои границы. Смерть Душана не только помѣшала осуществленію его будущихъ плановъ, но и разстроила почти все то, что онъ уже сдѣлалъ. При его преемникахъ опять, какъ и до него, стали происходить всевозможные раздоры, и сербы, въ концѣ концовъ, не могли спастись отъ турокъ. Турецкій султанъ Мурадъ вторгнулся въ Сербію съ огромными войсками; произошла знаменитая Косовская битва (1389 г.), окончившая независимое существованіе сербовъ. Рабство сербовъ подъ тяжелымъ турецкимъ игомъ продолжалось 400 лѣтъ и ознаменовано казнями, насиліями, совершеннымъ разореніемъ жителей и опустошеніемъ края.

Турецкое войско почти ежегодно ходило черезъ Сербію къ венгерскимъ границамъ и жестоко обирало и безъ того обѣднѣвшихъ сербовъ. Сербскіе поселяне,

изъ самыхъ отдаленныхъ окрестностей, вынуждены были отправляться косить сѣно на султанскихъ лугахъ. Понятно, что на одну дорогу требовалось обыкновенно чрезвычайно много времени, да еще тамъ нужно было долго работать, и все это происходило въ самую горячую рабочую пору, поэтому сербу и приходилось вовсе бросать свое собственное хозяйство. Послѣ тяжелаго труда и длиннаго пути рабочій возвращался въ свой домъ, къ своему заброшенному и разоренному хозяйству, совершенно измученнымъ и нищимъ въ полномъ смыслѣ слова. Онъ не только не приносилъ никакого заработка, но еще продавалъ на дорогѣ свое послѣднее платье, такъ какъ ему ни гроша не дали на дорогу. Можно себѣ представить, какой голодъ и нищету должна была испытывать его семья.

Вся страна была подѣлена между знатными турками, и сербы обязаны были отправлять имъ всякаго рода службу. Но это еще далеко не все: каждыя пять лѣтъ изъ сербскихъ семействъ набирали множество мальчиковъ; ихъ уводили въ Константинополь для службы султану, и изъ нихъ выростали ревностные губители христіанства. Однимъ словомъ, Сербія находилась въ крайне бѣдственномъ положеніи, постоянно была ареной различныхъ войнъ, и сербскія земли переходили изъ рукъ въ руки. Тѣснили даже сербскихъ патріарховъ; тогда одинъ изъ нихъ, Арсеній Черноевичъ, вынужденъ былъ покинуть родину и переселиться въ Австрію. Такой поступокъ главы народа не остался безъ подражанія: за нимъ выселилось 37,000 семействъ. Турки пришли въ ярость отъ этого и, опасаясь, что Арсеній Черноевичъ будетъ и изъ Австріи вліять на свою паству въ Сербіи, стали строго преслѣдовать всякое съ нимъ сношеніе. Вскорѣ затѣмъ они окончательно отняли у сербовъ право выбирать собственнаго патріарха и подчинили ихъ патріаршеству константинопольскому, въ вѣрности котораго они не сомнѣвались. Для народа это было великимъ несчастьемъ. Онъ лишился независимости своей церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ утратилъ свое послѣднее значеніе въ общественной жизни и послѣднюю возможность къ образованію. Съ этихъ поръ началась полная зависимость сербовъ отъ турокъ. Тяжесть турецкаго ига заставляла множество сербовъ принимать исламъ. Однако, въ это время они еще пытались возвратить свою самостоятельность; но это оканчивалось большимъ ихъ угнетеніемъ. Турки приходили усмирять возстаніе, казнили, обирали всѣхъ, кто попадался подъ руку, жгли города, деревни, опустошали поля, уводили съ собой множество плѣнныхъ, которые такимъ образомъ сотнями гибли въ Турціи отъ голода и болѣзней. Многіе сербы бѣжали въ лѣса и, чтобы отомстить врагамъ, становились *гайдуками*. Кромѣ общаго тяжкаго гнета, который испытывали сербы безъ различія пола, возраста и положенія, каждая сербская семья страдала отъ турокъ, была такъ или иначе смертельно оскорблена ими: въ одной изъ нихъ они подвергли истязаніямъ хозяина дома за то, что онъ недостаточно хорошо угостилъ ихъ, когда они нагрянули къ нему подъ какимъ-нибудь предлогомъ, въ другой — увели сына, въ третьей—убили мать или дочь. Съ каждымъ годомъ все большее число сербовъ клялось отомстить туркамъ,—одинъ за отца, другой за сестру, но очень многіе шли въ гайдуки только для того, чтобы уничтожать враговъ своей родины. Такимъ образомъ гайдуками дѣлались наиболѣе горячіе, энергичные, смѣлые люди, однимъ словомъ—цвѣтъ сербской молодежи. Чтобы мстить ненавистнымъ туркамъ, всѣ средства были хороши: гайдуки подстерегали своихъ враговъ на дорогѣ, отнимали у нихъ денежныя суммы и безпощадно убивали ихъ. Отнятое добро они дѣлили не только между своими товарищами, но и раздавали награбленое своимъ несчастнымъ собратьямъ. Сербы никогда не смотрѣли на гайдуковъ, какъ на разбойниковъ и преступниковъ: напротивъ, они считали ихъ героями, защитниками своей родины, сво-

его несчастнаго, угнетеннаго народа и прославляли ихъ въ своихъ пѣсняхъ. Гайдуки, несомнѣнно, уже тѣмъ приносили пользу сербамъ, что постоянно держали въ нѣкоторомъ страхѣ турокъ, но все-же занятіе грабежемъ и разбоемъ, хотя и для блага родины, не могло развивать въ сербской молодежи нравственныхъ чувствъ.

Какъ въ началѣ рабства, такъ и въ концѣ XVIII вѣка положеніе сербовъ было одно и то же: это были райи, т.-е. беззащитное стадо, главная обязанность которыхъ—полная покорность и униженіе передъ своими побѣдителями турками. Сербы должны были носить особое платье, не смѣли строить домовъ выше мусульманскихъ, не имѣли права ѣздить верхомъ на лошади, а главное—ни подъ какимъ видомъ не должны были носить при себѣ оружія. Всѣ турки, знатные и незнатные, считали себя господами сербовъ. Красивое оружіе, богатая одежда, большіе дома и проч. составляли исключительное достояніе турокъ. Все богатство сербовъ того времени заключалось въ скотѣ и особенно въ свиньяхъ. Сербу не только было тяжело жить, но каждая встрѣча съ туркомъ приносила ему оскорбленіе. Онъ никогда не смѣлъ попасться на глаза турку иначе, какъ пѣшій; при этомъ турокъ могъ подозвать его къ себѣ, послать его, куда ему вздумается, или приказать ему что-нибудь сдѣлать, однимъ словомъ распорядиться съ нимъ, какъ съ своею собственностью, какъ съ своимъ рабомъ. Встрѣчаясь съ туркомъ за городомъ, каждый сербъ долженъ былъ уступить ему дорогу; если съ нимъ было оружіе для защиты отъ разбойниковъ, онъ долженъ былъ незамѣтно его спрятать, иначе турокъ могъ отнять его. Не легче было положеніе сербскихъ женщинъ. Каждый турокъ могъ оскорблять ихъ, брать насильно себѣ въ жены, въ свои гаремы. Начальникъ области часто наберетъ человѣкъ сто и болѣе охотниковъ до увеселеній и отправляется съ ними странствовать изъ села въ село. Гдѣ ему вздумается, онъ заставитъ явиться всѣхъ сербскихъ женщинъ и дѣвицъ, приказываетъ имъ устроить пляски, пѣсни. При этомъ турокъ съ своими пріятелями занимаетъ самое видное мѣсто. Послѣ этого онъ заставлялъ женщинъ садиться возлѣ своихъ друзей, а сербовъ прислуживать женщинамъ и себѣ, подавать угощеніе. Сносить оскорбленія было для сербовъ обоего пола обязанностью, отвѣчать на нихъ—тяжкимъ преступленіемъ.

Еще въ концѣ прошлаго столѣтія каждому путешественнику по Сербіи прежде всего бросалась въ глаза рѣзкая разница между городами и селами. Въ большихъ и малыхъ городахъ жили турки, сербскій же народъ исключительно селился въ селахъ, разсыпанныхъ по лѣсамъ и небольшимъ долинамъ. Каждый сербъ старался какъ можно рѣже бывать въ городахъ, и многіе изъ нихъ доживали до 60 лѣтъ, ни разу не видавъ ближайшаго города. У сербовъ было множество монастырей. Они постоянно совѣтывались съ монахами и священниками, которые имѣли на нихъ огромное вліяніе и старались вмѣстѣ съ религіею поддержать въ народѣ уваженіе къ старинѣ. Множество монастырей и жизнь въ уединенныхъ селахъ, гдѣ-нибудь въ лѣсной глуши, сильно поддерживали старинные сербскіе обычаи и преданія. Этому еще помогало и то, что мѣстное сельское управленіе находилось въ рукахъ людей, избираемыхъ сербскимъ народомъ. Въ каждой общинѣ былъ *оберкнезъ*, въ каждомъ селеніи нѣсколько кметовъ (нѣчто въ родѣ нашего волостнаго старшины) и сельскій кнезъ; но эти оберкнезы утверждались въ должности султанами. Черезъ оберкнезовъ турецкій паша той или другой области передавалъ свои требованія сербскому народу, налагалъ подати на цѣлую область. Подати, собранныя съ народа оберкнезами, передавались пашѣ. Кнезы и кметы разбирали всѣ распри между своими сельчанами. Эти народные сербскіе правители нисколько не отличались своей одеждою отъ другихъ поселянъ, и они точно также должны были унижаться передъ

турками и выполнять всѣ ихъ унизительныя требованія, предписанныя всему сербскому народу. Къ тому же нужно замѣтить, что, несмотря на право общиннаго самоуправленія, сербскій народъ всетаки не имѣлъ никакихъ политическихъ правъ, какъ и вся райя въ остальныхъ турецкихъ провинціяхъ. Господствующимъ сословіемъ были только лица, исповѣдывавшія магометанство. Политическими правами пользовались только спахіи (землевладѣльцы-помѣщики), большая часть которыхъ происходила отъ старыхъ сербскихъ фамилій изъ Босніи и Герцоговины, перешедшихъ въ мусульманство ради сохраненія своихъ вотчинныхъ правъ, и только немногіе были чисто османскаго происхожденія.

Такъ жили сербы до 1804 г., когда они всѣ поголовно возстали противъ турокъ. Во главѣ возстанія былъ Карагеоргій,—человѣкъ необыкновенно энергичный. Онъ представлялъ собою типъ истаго, умнаго, проницательнаго серба, горячо ненавидящаго своихъ притѣснителей. Когда Карагеоргій провозглашенъ былъ главою, онъ долго отказывался отъ этой чести, говоря: «я человѣкъ лютый и злой, и кто меня не послушаетъ, или кто уклонится въ сторону, я убью того, а вамъ то будетъ омерзительно, и каждый станетъ осуждать и злобиться, а турки будутъ тому рады, и мы можемъ пропасть». Однако, его уломали, онъ принялъ главенство и началъ нападать на турокъ. Карагеоргій ходилъ съ своей дружиной по селамъ и изгонялъ турецкую стражу; всюду народъ приставалъ къ нему, и дружина его все росла, все болѣе значительныя побѣды одерживала надъ врагами. Война продолжалась десять лѣтъ, у сербовъ почти не было оружія, они часто стрѣляли изъ деревянныхъ пушекъ, но дрались отчаянно и выгнали турокъ изъ Сербіи. Въ этомъ помогли имъ и русскіе; но въ 1812 году на Россію двинулось войско, какого еще не видала Европа; его велъ Наполеонъ. Россіи приходилось теперь самой выдерживать борьбу, и русскимъ войскамъ пришлось выйти изъ Сербіи, такъ какъ Россіи необходимо было собирать всѣ свои силы для борьбы, которая должна была рѣшить ея собственную судьбу. Теперь туркамъ некого было бояться, тѣмъ болѣе, что десятилѣтняя война внесла много раздора между сербскими вождями и ослабила ихъ силы; поэтому турецкія войска скоро появились близъ границъ Сербіи. Началась война при самыхъ плачевныхъ обстоятельствахъ. Ужасъ и отчаяніе не только овладѣли сербскимъ народомъ, но и лучшими его представителями, въ числѣ которыхъ былъ и Карагеоргій. И онъ въ самую тяжелую для родины минуту бѣжалъ за Дунай въ Австрію. Выходъ русскихъ войскъ, бѣгство Карагеоргія и смерть одного изъ самыхъ смѣлыхъ сербскихъ гайдуковъ, наводившихъ страхъ на турокъ, были рѣшительнымъ ударомъ для Сербіи. Турки легко овладѣли Бѣлградомъ (главнымъ городомъ Сербіи), куда въ общей сумятицѣ сербы позабыли послать съѣстныхъ припасовъ. И послѣ этого уже нигдѣ не было сопротивленія. Многіе сербы скрывались въ лѣсахъ, другіе перебѣгали въ Австрію, и Сербія вновь была совершенно опустошена.

Удачнѣе Карагеоргія дѣйствовалъ Милошъ Обреновичъ, избранный главою народа. Онъ часто разбивалъ турокъ и всегда умѣлъ пользоваться своею побѣдою. При немъ сербы опять получили отъ турецкаго правительства болѣе самостоятельности, но отъ этого народу было не легче, такъ какъ внутри страны шли постоянныя неурядицы, великія смуты и поборы съ сербскаго народа, а также совершались надъ нимъ возмутительныя звѣрства и истязанія. Во время одного волненія (въ 1814 г.) турки обезглавили до полутораста человѣкъ, 36 человѣкъ посадили на колъ, и все—цвѣтъ сербскаго юношества, храбрыхъ и сильныхъ. Однихъ изъ нихъ казнили, потому что подозрѣвали въ нихъ зачинщиковъ возстанія, другихъ

потому, что они могли быть опасными впослѣдствіи. Чтобы обозопасить себя отъ волненій и въ будущемъ, турки опять стали отбирать оружіе у сербовъ, и при этомъ не было конца всякаго рода поборамъ и насиліямъ: отбирали все, что было получше, и въ особенности купленное платье, на томъ основаніи, что по закону, предписанному ими, сербы не должны были носить другой ткани, кромѣ сотканной ихъ женами. Даже жена Милоша Обреновича, который своей умной политикой пріобрѣлъ у турокъ большое значеніе, не смѣла явиться передъ турецкими чиновниками иначе, какъ въ самодѣльномъ платьѣ. При малѣйшемъ сопротивленіи сербовъ во время обысковъ, имъ привязывали къ подбородку мѣшки, изъ которыхъ кормятъ лошадей, клали туда золу и потомъ, поднявши мѣшокъ кверху, засыпали ею носъ и ротъ. Иныхъ связывали по рукамъ и ногамъ, вѣшали на перекладину и клали на тѣло тяжелые камни; иныхъ засѣкали до смерти, сажали на колъ и даже живыхъ поджаривали. Цыгане-магометане — и тѣ могли остановить каждаго встрѣченнаго на дорогѣ серба, снять съ него всю одежду, бросить взамѣнъ свои лохмотья, а вмѣсто ихъ одѣться въ хорошую сербскую одежду. Не были пощажены и главные представители сербскаго народа. Въ числѣ казненныхъ передъ бѣлградскими воротами были прежніе сенаторы, старые и знатные воеводы.

Вотъ какіе ужасы происходили на Балканскомъ полуостровѣ еще въ XIX ст., вотъ какъ долго страдали сербы и сколько они натерпѣлись отъ турокъ! Впрочемъ, народъ этотъ терпѣлъ не только отъ турокъ, но и отъ своихъ правителей. Милошъ Обреновичъ взялъ у турецкаго правительства на откупъ сборъ государственныхъ налоговъ и при этомъ нажилъ себѣ огромное состояніе. Тѣмъ не менѣе своимъ умѣньемъ нравиться туркамъ Милошъ мало-по-малу получалъ возможность улучшать бытъ своего народа, все болѣе упрочивалъ его самостоятельность, пріобрѣталъ значеніе и вѣсъ. Постепенно, шагъ за шагомъ, входя въ силу, Милошъ съумѣлъ добиться того, что въ 1817 г. сербы признали его своимъ княземъ, а въ 1820 г. онъ добился того же и отъ турецкаго султана.

Однако, хотя сербы и получали отъ времени до времени нѣкоторыя права отъ турецкаго правительства, но соблюденіе этихъ правъ не было ничѣмъ обезпечено. Рѣшительное вліяніе на положеніе Сербіи имѣла русско-турецкая война 1828 и 1829 г. Война эта внушила туркамъ страхъ къ русскому оружію, а потому и заставила ихъ иначе отнестись къ сербамъ. Въ 1830 г. Милошъ объявилъ, что сербскому народу дарованы слѣдующія права: свобода богослуженія, право выбирать изъ своей среды начальниковъ, самостоятельное судопроизводство, уплата дани Портѣ въ опредѣленномъ размѣрѣ. Такимъ образомъ Сербія сдѣлалась независимымъ княжествомъ. Сербы стали теперь сами выбирать себѣ князя, начали пользоваться самостоятельнымъ законодательствомъ, управленіемъ и судомъ; они имѣли также право выставлять нѣкоторое оборонительное войско и имѣть свои гарнизоны въ крѣпостяхъ. Затѣмъ, вслѣдствіе большихъ уступокъ, которыя Турція сдѣлала Сербіи въ 1867 году, страна эта стала почти независимой. Кромѣ дани, которую Сербія ежегодно выплачивала султану, его права во всемъ остальномъ были лишь номинальными. Избраннаго народомъ князя султанъ утверждалъ въ этомъ достоинствѣ; на крѣпостныхъ стѣнахъ подлѣ сербскаго флага красовался и флагъ турецкій. Кромѣ опредѣленной, ежегодной подати, Турція не имѣла теперь права требовать никакой другой помощи отъ Сербіи, ни деньгами, ни войскомъ. Въ случаѣ войны, турецкія войска не могли проходить черезъ сербскія владѣнія, ни вступать въ нихъ и въ мирное время. Такъ все это было до объявленія Сербіею войны Турціи въ 1876 году.

Вслѣдствіе постоянныхъ волненій, порядокъ престолонаслѣдія до 1868 года не былъ установленъ, и сербская корона переходила изъ рукъ въ руки потомковъ двухъ фамилій—Карагеоргіевичей и Обреновичей, каждый разъ по свободному выбору скупщины, этого важнѣйшаго изъ государственныхъ учрежденій Сербіи. Въ 1868 г. былъ убитъ послѣдній сербскій князь Михаилъ III Обреновичъ. Въ этомъ убійствѣ были замѣшаны Карагеоргіевичи, что заставило скупщину своимъ приговоромъ навсегда устранить ихъ отъ престола. Въ 1882 г. королемъ былъ провозглашенъ Миланъ Обреновичъ, и Сербія сдѣлалась вполнѣ самостоятельнымъ королевствомъ.

Миланъ, немедленно послѣ восшествія на престолъ, въ полномъ блескѣ обнаружилъ свой эгоизмъ: во время всего своего правленія онъ болѣе думалъ о себѣ, объ удовлетвореніи своихъ прихотей и затѣй, чѣмъ о благѣ своихъ подданныхъ. Онъ скоро прославился своею безумною расточительностью и непроизводительными тратами, которыя тяжелымъ бременемъ ложились на государственную казну, и безъ того уже страшно обремененную. Сербскій народъ, отличающійся въ семейной жизни высокой нравственностью, все съ большимъ презрѣніемъ смотрѣлъ на своего короля, у котораго въ семействѣ шли вѣчные раздоры, ссоры и дрязги съ женой, королевой Наталіей. Еще болѣе негодованія вызывалъ Миланъ въ своихъ подданныхъ своимъ полнымъ подчиненіемъ Австріи. Между тѣмъ Сербіи, и при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, слѣдовало бы остерегаться своей сильной сосѣдки. Сербія, какъ по своему географическому, такъ и по экономическому положенію, находится въ большой зависимости отъ Австріи; эта сильная сосѣдка врѣзалась глубокимъ клиномъ въ самую середину сербскихъ земель и охватила ее съ двухъ сторонъ. Сербія не имѣетъ рѣшительно никакого выхода для сбыта своихъ произведеній, и Австрія является ея единственнымъ рынкомъ. Несмотря на все это, сербскій король Миланъ дѣлается угодникомъ и прислужникомъ Австріи. Онъ отлично сознавалъ, что тяжелое положеніе народа, если не имъ лично созданное, то весьма усиленное его непроизводительными тратами и эгоизмомъ, порождало уже смуты и волненія и все усиливало непріязнь къ нему его подданныхъ. Чтобы найти защиту въ случаѣ недоразумѣній съ своими подданными и волненій въ своей странѣ, Миланъ и началъ добиваться покровительства и поддержки у Австріи. Въ то же время, опасаясь вызывать все большее неудовольствіе противъ себя, онъ въ 1888 году провелъ черезъ народное представительство (скупщину) новую конституцію. Эта конституція впервые устанавливала въ Сербіи настоящее парламентское правленіе и должна была замѣнить уставъ 1869 г., заключавшій въ себѣ не мало правилъ, ограничивавшихъ права и свободу народа. Сербскій народъ съ восторгомъ принялъ новую конституцію, но продолжалъ попрежнему недовѣрчиво относиться къ своему королю, который велъ свой обычный образъ жизни, разорительный для государства, и свою прежнюю политику относительно Австріи,—чрезвычайно вредную для своей родины и слишкомъ унизительную для достоинства Сербіи, какъ самостоятельнаго королевства. Убѣдившись, что недовольство въ народѣ противъ него все растетъ, Миланъ отказался отъ престола въ пользу своего сына Александра, нынѣшняго короля Сербіи.

Во время малолѣтства Александра учреждено было регентство, которое постепенно начало нарушать основные законы конституціи 1888 г. Когда Александръ, ранѣе достиженія своего совершеннолѣтія, рѣшился взять въ свои руки бразды правленія, народъ чрезвычайно обрадовался этому: онъ думалъ, что молодой король возмущается тѣмъ, что регентство нарушаетъ законы и что онъ, ихъ молодой король, устранитъ незаконныя измѣненія въ конституціи. Эти мечты были, между прочимъ, основаны на словахъ самаго короля Александра, который, чтобы объяснить причину

преждевременнаго вступленія на престолъ, говорилъ, что онъ желаетъ возстановить конституцію 1888 г. Твердо вѣрить этому сербовъ заставляла и присяга, которую молодой король произнесъ при вступленіи своемъ на престолъ передъ собраніемъ народныхъ представителей (скупщиной). Вотъ эта присяга: «Я, Александръ, вступая на престолъ королевства Сербскаго и принимая королевскую власть, призываю въ свидѣтели Бога и даю честное слово, что буду защищать независимость Сербскаго государства, что буду дорожить государственнымъ уставомъ (т.-е. уставомъ 1888 г.), какъ самымъ для меня священнымъ, буду управлять по законамъ, всегда буду имѣть въ виду благосостояніе народа. Давая эту клятву, я призываю въ свидѣтели Господа Бога, мой народъ и за все сдѣланное мною дамъ отвѣтъ передъ страшнымъ судомъ. Если я поступлю дурно, пусть Богъ отвернется отъ меня. Аминь».

Но, несмотря на торжественную клятву и на всѣ свои обѣщанія, молодой король совершилъ полный государственный переворотъ: однимъ почеркомъ пера онъ уничтожилъ конституцію 1888 года, которой онъ клялся оставаться вѣрнымъ, и возстановилъ уставъ 1869 г. Такимъ образомъ плодами новой конституціи сербы почти не воспользовались

Несмотря на то, что Сербія получила теперь полную независимость, несмотря на то, что эту страну не разоряютъ болѣе ея исконные враги—турки, денежныя дѣла государства находятся въ самомъ плачевномъ состояніи, народъ страдаетъ подъ тяжестью налоговъ и все болѣе нищаетъ, всѣ сербскія земли, какъ казенныя, такъ и частныя, обременены чрезвычайно тяжелыми долгами.

Трудно себѣ представить, какое множество разнообразныхъ податей и налоговъ уплачиваетъ народъ. Каждый сербъ долженъ платить за землю, которою онъ владѣетъ, за тотъ доходъ, который получаетъ съ капитала, если онъ его имѣетъ. Кромѣ этихъ налоговъ, каждый дѣлаетъ взносъ, и весьма обременительный, на уплату многочисленныхъ долговъ Сербскаго королевства. При этомъ еще съ каждаго человѣка взимаютъ на расходы по управленію и на разные фонды: на инвалидный, санитарный, школьный и др. Если сербъ занимается какою-нибудь промышленностью, съ него, кромѣ того, взимаютъ еще особый налогъ,—однимъ словомъ, сербскій народъ погибаетъ подъ тяжестью налоговъ, которые къ тому же распредѣлены весьма неравномѣрно.

Государственные долги Сербіи доходятъ до ужасающихъ размѣровъ. До 1880 г. доходы превышали расходы, но съ этого времени дефицитъ растетъ съ ужасающею быстротою. Плачевное экономическое и финансовое положеніе Сербскаго королевства сдѣлалось уже извѣстнымъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ: иностранные банки и капиталисты, у которыхъ беретъ взаймы сербское правительство, одолжаютъ его не только за большіе проценты, но и не иначе, какъ подъ вѣрное обезпеченіе. И вотъ сербское правительство, чтобы сдѣлать заемъ, закладываетъ все, что существуетъ въ государствѣ: всевозможное государственное имущество, желѣзныя дороги, таможенные сборы, доходъ отъ продажи гербовыхъ марокъ, прямые налоги и т. п. Потери при займахъ чрезвычайно чувствительны: занимая 68 динаровъ (сербская монета; въ нашемъ рублѣ приблизительно 3 динара), приходится заплатить 100 динаровъ, а иногда и болѣе.

Государственное хозяйство Сербіи ведется такъ-же безтолково и неумѣло, какъ и сельское хозяйство простыхъ поселянъ, несмотря на то, что первое ведутъ наиболѣе образованные люди въ странѣ, а второе—умственно неразвитые и малограмотные земледѣльцы. Сербскіе поселяне безпощадно уничтожаютъ свой лѣсъ: сначала они выкорчевываютъ его, чтобы получить землю для пахоты, но никогда вновь не

насаждаютъ его, а полученною изъ-подъ лѣса землею пользуются до тѣхъ поръ, пока не доведутъ ее до полнаго истощенія; не заботятся они также и о томъ, чтобы удобрять эту землю. Земля, которая въ началѣ отличалась удивительнымъ плодородіемъ, дѣлается въ концѣ концовъ безплодною. Со своимъ скотомъ они поступаютъ не лучше: они пользуются мясомъ, молокомъ, шерстью, а уходъ за нимъ предоставляютъ только природѣ. Вслѣдствіе этого породы скота мельчаютъ; поселяне все меньше получаютъ отъ него выгоды, что заставляетъ ихъ дѣлать займы у кулаковъ. Деньги, полученныя подъ огромные проценты, поселяне употребляютъ не на покупку земледѣльческихъ орудій, не на удобреніе, не на пріобрѣтеніе улучшенныхъ породъ скота,—они тратятъ ихъ на нужды по дому и на уплату громадныхъ податей, между тѣмъ долги ихъ все растутъ, а сельское хозяйство ухудшается. Наступаетъ срокъ платить долгъ, и селякъ снова вынужденъ занимать, но уже у другихъ кулаковъ, чтобы возвратить долги первымъ. Такъ точно поступаютъ и люди государственные. Главная ихъ забота состоитъ въ сборѣ налоговъ, въ уплатѣ жалованья многочисленнымъ чиновникамъ, въ заботѣ разыскивать капиталистовъ, у которыхъ можно было бы сдѣлать новый и новый заемъ. Государственные люди никогда не употребляютъ своихъ доходовъ производительно, т.-е. на удовлетвореніе такихъ нуждъ, которыя бы улучшали сельское хозяйство народа и его экономическое положеніе. Деньги, получаемыя отъ государственныхъ налоговъ, сербское правительство не тратитъ ни на разведеніе лѣса, ни на урегулированіе рѣкъ, которыми уже давно пора пользоваться, какъ удобными путями сообщенія. Между тѣмъ урегулированіе рѣкъ необходимо также и для того, чтобы положить конецъ разливамъ, причиняющимъ тяжелыя бѣдствія земледѣльцамъ. Мало того: занимая деньги повсюду и обременяя народъ тяжелыми налогами, сербское правительство не заботится и о здоровьѣ своихъ подданныхъ: въ деревняхъ нѣтъ ни докторовъ, ни больницъ, и поселяне, при своемъ невѣжествѣ и безконечныхъ суевѣріяхъ, до сихъ поръ лѣчатся у знахарокъ. Какъ сербскіе селяки не ведутъ никакихъ счетовъ и не знаютъ, какіе у нихъ долги, какіе проценты имъ приходится выплачивать, точно такъ-же и государственные люди Сербіи. Въ 1885 г. можно было видѣть по книгамъ министерства финансовъ, что оно не знаетъ, какіе проценты ему нужно заплатить за взятыя деньги, и уплачивало по тѣмъ счетамъ, которые ему были представлены его кредиторами. Очень часто не имѣется денегъ, чтобъ оплатить эти счета, и тогда дѣлаютъ новые займы. Каждая необходимая постройка или предпріятіе обходится государству гораздо дороже, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Все возрастающій государственный долгъ вконецъ разоряетъ сербскій народъ и причиняетъ ему не меньше зла, чѣмъ моръ и продолжительныя войны.

Между тѣмъ въ Сербіи есть все, чтобы сдѣлать народъ счастливымъ. Страна эта щедро одарена всевозможными благами природы. Ея прекрасный климатъ благопріятно вліяетъ на развитіе растительности. Плодородіе нѣкоторыхъ равнинъ, гдѣ земля еще не истощена, можно сравнить лишь съ плодородіемъ Египта. Правда, лѣтомъ иногда бываютъ довольно сильная жара, но она рѣдко доходитъ до той степени, когда человѣкъ совсѣмъ изнемогаетъ или долженъ дѣлать сверхъестественныя усилія, чтобы работать. Къ тому же здѣшняя жара никогда не продолжается особенно долго. Горы, съ безчисленнымъ множествомъ ущелій и отдѣльныхъ вершинъ, загромождаютъ всю страну. По большей части все это длинные хребты или широкія планины (горы, покрытыя лѣсомъ), изрѣзанныя многочисленными ручьями и потоками. Скалистыхъ горъ, однако, почти нѣтъ: ихъ скаты покрыты виноградниками или высокимъ буковымъ и хвойнымъ лѣсомъ. Весна здѣсь бываетъ рано: уже въ началѣ апрѣля все расцвѣтаетъ и покрывается великолѣпною зеленью; свѣжесть лѣсовъ,

вѣтры и дожди умѣряютъ жаръ лѣта. Самая большая рѣка въ Сербіи—Морава. Пробѣгая съ юга на сѣверъ чрезъ большую часть Сербіи, Морава, кажется, должна составлять ея главный водяной путь,—еще въ древности она играла важную роль. Не смотря на свое значеніе въ древности, теперь она совсѣмъ не судоходна. Она сильно разливается, случаются очень большія наводненія, а лѣтомъ во время засухъ на рѣкѣ появляется много отмелей. Не мало вредитъ судоходству множество мельничныхъ и рыболовныхъ построекъ, которыми сплошь загромождена вся эта рѣка, и, наконецъ, ея безчисленные изгибы часто требуютъ устройства обводнаго канала. На все это надо много денегъ, но сербское правительство не имѣетъ ихъ въ своемъ распоряженіи. Недостатокъ въ деньгахъ не даетъ ему возможности пользоваться ископаемыми богатствами своей страны. Между тѣмъ залежи каменнаго угля здѣсь такъ велики, что по разсчету, при соотвѣтствующей разработкѣ и вывозѣ за границу, онѣ могли бы дать доходу до 12 милліардовъ франковъ. Кромѣ того, сливы, всевозможные фрукты, виноградъ, сало, воскъ, шерсть, а особенно многочисленные лѣса, если бы ими занимались съ знаніемъ дѣла, приносили бы Сербіи громадные доходы. Но всѣ эти богатства или ничего не даютъ, или даютъ самый ничтожный доходъ, потому что въ странѣ этой нѣтъ ни знающихъ, способныхъ къ дѣлу людей, ни необходимыхъ капиталовъ. Земля обрабатывается самымъ первобытнымъ образомъ; богатѣйшіе лѣса истребляются такъ безпощадно, что во многихъ горныхъ мѣстностяхъ, гдѣ послѣ вырубки лѣса проливные дожди смыли тонкій слой земли, теперь остался только голый камень. Что касается внутренней торговли, когда одна часть страны мѣняется своими продуктами и сельскими сбереженіями съ другой, то такая торговля въ Сербіи почти невозможна вслѣдствіе плохихъ путей сообщенія,—у правительства до сихъ поръ не хватаетъ денегъ на ихъ усовершенствованіе. Многочисленные виноградники еще недавно давали весьма большую прибыль, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ филоксера (болѣзнь на виноградъ) уничтожила огромное количество виноградниковъ.

Не поддерживая, не разрабатывая и не усовершенствуя источники своихъ естественныхъ сокровищъ, сербское правительство или получаетъ отъ нихъ сравнительно ничтожную выгоду, или совсѣмъ ничего не получаетъ. Отдавая при займахъ въ залогъ казенные доходы и имущество и уплачивая громадные проценты, Сербія погружается все болѣе въ неоплатные долги и идетъ по дорогѣ Турціи: она даетъ могущественное средство другимъ государствамъ и даже отдѣльнымъ крупнымъ капиталистамъ вмѣшиваться въ свои внутреннія дѣла. Все это заставляетъ Сербію мало-помалу терять свою экономическую, а вмѣстѣ съ тѣмъ и политическую независимость. Правда, Сербія не платитъ болѣе дани турецкому султану, но вѣнскимъ и парижскимъ милліонерамъ она переплачиваетъ гораздо болѣе и при болѣе худшихъ условіяхъ. Народъ сербскій нищаетъ, подати и налоги поступаютъ въ казну все менѣе аккуратно, къ тому же много поглощаетъ денегъ громадная армія чиновниковъ, большинство которыхъ безсовѣстно обращается съ казенными деньгами. Въ послѣднее время самый вѣрный доходъ давалъ государству сборъ съ «казенныхъ марокъ». И вдругъ недавно оказалось, что эти марки пропадаютъ въ огромномъ количествѣ. Безпрестанно обнаруживаются и другіе случаи воровства и самыхъ вопіющихъ злоупотребленій государственными доходами.

Теперь познакомимся съ законами страны и съ ея государственнымъ устройствомъ.

Всѣ сербы равны передъ закономъ: гражданамъ сербскимъ нельзя ни давать, ни признавать за ними никакихъ титуловъ. И дѣйствительно, никто изъ сербовъ

не ищетъ и не думаетъ покупать ни высокихъ титуловъ, ни крестовъ, ни другихъ какихъ бы то ни было отличій, хотя всетаки знаки отличія существуютъ въ Сербіи. Вслѣдствіе этого здѣсь не можетъ быть интригъ, вызываемыхъ тщеславіемъ, и Сербія въ полномъ смыслѣ слова одна изъ самыхъ демократическихъ странъ. Въ ней нѣтъ и слѣда не только аристократіи, но даже вообще дворянства. Народъ сербскій по конституціи обладаетъ довольно широкими правами: ни къ одному сербу нельзя вторгнуться въ домъ ночью и арестовать его. Для политическихъ преступниковъ не существуетъ смертной казни, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда кто-нибудь дѣлаетъ попытку убить короля или кого-нибудь изъ королевскаго дома. Сербы исповѣдуютъ православную религію, но здѣсь существуетъ полная свобода вѣроисповѣданія. Человѣкъ, впавшій въ ересь противъ православной религіи, можетъ свободно ее проповѣдывать, безъ боязни быть высланнымъ изъ предѣловъ своей родины. Каждый сербъ имѣетъ право жаловаться, какъ отъ своего имени, такъ и сообща, на незаконныя дѣйствія администраціи.

Сербія — конституціонное государство. Законодательную власть король раздѣляетъ съ народными представителями, т.-е. со *скупщиною*, но власть исполнительная и назначеніе министровъ исключительно принадлежатъ королю.

Скупщина — важнѣйшее государственное учрежденіе. По сербской конституціи (1869 г.) скупщина бываетъ двухъ родовъ: *большая*, состоящая исключительно изъ депутатовъ, выбранныхъ народомъ, и созываемая лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда приходится объявить войну, заключить миръ и т. п., и *малая* или *обыкновенная*, которая собирается ежегодно и состоитъ изъ депутатовъ, выбираемыхъ и назначаемыхъ на три года; три четверти всего числа этихъ депутатовъ выборные народомъ, а одна четверть назначается королемъ. Понятно, что депутаты, назначаемые королемъ, всегда находятся подъ его вліяніемъ и стараются проводить мысли и желанія, благопріятныя королю, нерѣдко идущія въ разрѣзъ съ народными интересами. Каждый законъ долженъ быть утвержденъ какъ королемъ, такъ и скупщиной. Король имѣетъ право закрыть «малую скупщину» съ тѣмъ, чтобы она собралась не дольше, какъ черезъ два мѣсяца; «большая скупщина» свободна отъ вліянія короля: разъ она собралась, онъ не имѣетъ права ее закрыть. Съ 1888 до 1892 г. существовалъ также законъ, что никакое приказаніе короля нельзя исполнить безъ подписи надлежащаго министра, который отвѣчаетъ за нее передъ скупщиной. Но въ настоящее время этотъ законъ уничтоженъ королемъ Александромъ.

Каждый сербъ старше 21 года, если онъ платитъ больше 15 динаровъ государственныхъ налоговъ, имѣетъ право выбирать депутатовъ въ скупщину. Члены задруги (о задругѣ см. ниже) имѣютъ право выбирать народныхъ представителей даже тогда, когда они платятъ меньше 15 динаровъ. Офицеры и солдаты не имѣютъ права выбирать народныхъ представителей; его лишаются и осужденные на тюремное заключеніе. Тѣ, которые злоупотребляли властью или были заподозрѣны въ подкупѣ народныхъ представителей, тоже лишаются права выбирать. Не могутъ быть избирателями и тѣ, имущество которыхъ продается за долги.

Правомъ быть выбраннымъ въ депутаты пользуются лишь лица, достигшія 30-ти лѣтъ, платящія подати и не имѣющія ни казенной службы, ни содержанія отъ государства. Слѣдовательно, люди служащіе, чиновники, учителя, составляющіе единственный образованный классъ въ странѣ, лишены возможности быть выбранными въ народные представители. Между тѣмъ чиновниковъ въ этой странѣ чрезвычайно много, — несравненно болѣе, чѣмъ это нужно для государственныхъ потребностей. Это происходитъ отъ многихъ причинъ. Простого человѣка страна эта удо-

влетворяетъ своими естественными произведеніями, образованному же сербу хочется имѣть уже кое-что другое, вотъ онъ и дѣлается чиновникомъ, чтобы пріобрѣсти нѣкоторыя средства. Поэтому въ Сербіи каждый мало-мальски образованный человѣкъ— обыкновенно чиновникъ. Правительство и старается, чтобы чиновники не были скупштинарами, такъ какъ въ противномъ случаѣ они могли бы въ собраніи скупщины обсуждать дѣйствія правительства. Теперь же большинство скупштинаровъ,— люди вовсе не образованные, и они обыкновенно не только соглашаются со всѣмъ, что угодно правительству, но сами, по своему невѣжеству, уничтожаютъ свои же права, принимаютъ то, что идетъ имъ прямо во вредъ. Такіе порядки имѣютъ чрезвычайно дурное вліяніе на ходъ всѣхъ дѣлъ въ странѣ, и къ тому же отсюда вытекаетъ и другое, не менѣе печальное, явленіе — вражда между классомъ чиновниковъ и народомъ. Взаимная непріязнь двухъ классовъ такъ велика, что между ними лежитъ цѣлая пропасть. Этому разладу опять-таки помогаетъ правительство: чиновникъ не только не можетъ быть выбранъ членомъ скупщины, но и ни въ одно народное собраніе; даже на бесѣду чиновника съ селяниномъ полиція смотритъ подозрительно. Съ другой стороны, какъ бы ни оскорбилъ чиновникъ селянина, тотъ не можетъ на него жаловаться, не испросивъ на то разрѣшенія ближайшаго начальства, а начальство никогда не дозволитъ своего чиновника отдать подъ судъ по частной жалобѣ и даже по жалобѣ цѣлаго общества. Поэтому чиновникъ смотритъ на народъ, какъ на нѣчто ему совершенно чуждое, которому онъ ничѣмъ не обязанъ, съ которымъ онъ не долженъ имѣть ничего общаго; народъ, съ своей стороны, смотритъ на него еще хуже: онъ видитъ въ немъ своего врага, ненавидитъ его и не допускаетъ въ свое общество.

Всѣ почти сербскія государственныя учрежденія—законодательныя, судебныя, административныя и полицейскія—сложились въ Сербіи не соотвѣтственно народному быту, а скорѣе навязаны ему извнѣ и болѣе всего изъ Австріи. Народъ видѣлъ въ Милошѣ своего освободителя и потому единодушно покорился и довѣрился ему. И князь этотъ своимъ замѣчательнымъ умомъ, разумною политикою и глубокимъ знаніемъ нуждъ и характера своего народа много сдѣлалъ добра для своей страны, но въ то же время былъ и виновникомъ множества безпорядковъ. Своимъ корыстолюбіемъ Милошъ часто подавалъ поводъ къ заговорамъ противъ себя, къ волненіямъ среди народа и къ постороннему вмѣшательству во внутреннія дѣла Сербіи, а вмѣстѣ съ этимъ вносились въ страну и чужестранныя учрежденія. Къ тому же большинство государственныхъ людей Сербіи — питомцы и почитатели Австріи. И потому не только большая часть австрійскихъ учрежденій пересажена цѣликомъ на сербскую почву, но даже политическія симпатіи и антипатіи правящихъ классовъ этой страны сложились подъ вліяніемъ Австріи. Этотъ государственный строй, столь мало соотвѣтствующій патріархальному быту народа, въ послѣднее время все печальнѣе отзывается на экономическомъ положеніи народа. Нужно замѣтить, впрочемъ, что, благодаря обилію земли, среди земледѣльческаго класса Сербіи не могло образоваться безземельнаго пролетаріата; этому мѣшаетъ существованіе семейныхъ общинъ (задругъ), а также законъ, который запрещаетъ продавать даже за долги нѣкоторое имущество селянина, напр.: его домъ, около 2-хъ десятинъ земли, лошадь, рогатый скотъ и земледѣльческія орудія.

Богатые, сильные и алчные люди въ Сербіи такъ же, какъ и чиновники, пріятели австрійцевъ и ненавистники народа; они подъ разными видами проповѣдуютъ необходимость уничтожить патріархальный народный бытъ, служащій, по ихъ мнѣнію, признакомъ его варварства и доказываютъ всю выгоду жить въ мирѣ съ Австріею, что на ихъ языкѣ

означаетъ необходимость безпрекословно выполнять всѣ ея требованія. Между тѣмъ сербскій народъ ненавидитъ австрійцевъ отъ всего сердца и считаетъ ихъ своими злѣйшими врагами. Это сказывается во всемъ и видно изъ катехизиса сербскаго народа, недавно напечатаннаго въ одной сербской газетѣ. Въ немъ прямо высказывается, что «величайшій врагъ сербовъ — Австро-Венгрія: она насильно отобрала Боснію и Герцоговину, мучитъ и терзаетъ нашъ народъ, да и остальныхъ сербовъ угнетаетъ и обижаетъ, не уважая ихъ правъ, не цѣня ихъ заслугъ. Исторія полна примѣрами этого: она мѣшала нашему первому освобожденію, нашей независимости, а теперь препятствуетъ нашему внутреннему развитію».

Все увеличивающійся и ничего не производящій классъ чиновниковъ тоже не только ничего общаго не имѣетъ съ народомъ, но и совершенно враждебно относится къ нему. Простыя доморощенныя произведенія сербовъ, ихъ домашняя промышленность, вполнѣ удовлетворявшая прежде требованіямъ патріархальной жизни, теперь уже не можетъ болѣе удовлетворять нуждамъ чиновниковъ и торговаго сословія. Поэтому торговцы все болѣе привлекаютъ въ страну фабричныя издѣлія Австріи, находящейся бокъ-о бокъ съ Сербіею, а національная промышленность совершенно падаетъ. Земля селяковъ (такъ называютъ въ этой странѣ сербскихъ земледѣльцевъ, живущихъ въ селахъ) постепенно скопляется въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ-торговцевъ, и сербскому простонародью въ близкомъ будущемъ угрожаетъ пролетаріатъ, появленія котораго при другомъ складѣ государственной жизни еще долго могла бы не опасаться Сербія, благодаря своему оригинальному семейному устройству и патріархальнымъ нравамъ.

ПРОСВѢЩЕНІЕ.

Грамотность.—Основныя школы и отношеніе къ нимъ народа.—Гимназіи.—Сербскій университетъ и студенты.—Печать.

Число основныхъ или элементарныхъ школъ въ Сербіи въ послѣднее время начинаетъ увеличиваться, а вмѣстѣ съ этимъ усиливается и грамотность. Тѣмъ не менѣе еще до сихъ поръ въ городахъ изъ ста человѣкъ лишь 46 грамотныхъ, а въ селахъ и еще меньше, а именно изъ ста человѣкъ насчитываютъ лишь 9 грамотныхъ. Особенно мало грамотныхъ среди женщинъ. Правительство однако затрачиваетъ много средствъ на устройство и содержаніе школъ. Но дѣло въ томъ, что все, что устраиваетъ сербское правительсво, обходится ему дороже, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и къ тому же все устроенное имъ обыкновенно не достигаетъ своей цѣли. Основывая школы, правительство мало соображается съ нуждами народа, его нравами, взглядами и условіями жизни, — вотъ потому то онѣ и не приносятъ народу той пользы, которую могли бы приносить. Нельзя сказать, чтобы сербскій людъ былъ противъ просвѣщенія, но въ своихъ школахъ онъ не находитъ того, чего требуетъ. Дѣтей не обучаютъ здѣсь ни рукодѣльямъ, ни ремесламъ; мало того, родители замѣчаютъ, что ихъ дѣти, окончивъ курсъ въ основной (элементарной) школѣ, совсѣмъ отбиваются отъ простой работы. Сербъ, будучи по натурѣ человѣкомъ въ высшей степени практическимъ, находитъ излишнимъ посылать въ школы своихъ дѣтей, которыя какъ разъ въ школьный возрастъ всегда нужны ему для хозяйства, напримѣръ, для присмотра за скотиной и для всевозможныхъ услугъ. Хотя обученіе въ этой странѣ обязательно, но сербскіе поселяне взятками и обманомъ,

однимъ словомъ, всѣми правдами и неправдами, стараются удерживать своихъ дѣтей дома и такимъ образомъ громадное большинство сербовъ остается безграмотнымъ.

Экзамены въ основныхъ школахъ производятся довольно оригинально: правительство для этого назначаетъ профессора, называемаго въ это время ревизоромъ, который долженъ присутствовать на экзаменахъ и ставить отмѣтки не только ученикамъ, но и учителямъ. Если учитель или учительница въ продолженіе четырехъ лѣтъ получаютъ высшіе балы, т.-е. 4 или 5, тогда имъ, по прошествіи этого срока, нѣсколько увеличиваютъ плату за трудъ; если въ слѣдующее четырехлѣтіе они опять получатъ хорошія отмѣтки, имъ опять повышаютъ вознагражденіе. Народный учитель или учительница получаютъ въ среднемъ въ мѣсяцъ 120 динаровъ (приблизительно 40 руб. на наши деньги); смотря по успѣхамъ и отмѣткамъ ревизора, эта плата увеличивается.

Въ Сербіи существуетъ болѣе 20-ти классическихъ гимназій, но учениковъ не отягощаютъ здѣсь изученіемъ мертвыхъ языковъ: латинскому языку обучаютъ съ 5-го класса, а греческій совсѣмъ не проходятъ. Тѣмъ не менѣе сербскія гимназіи не даютъ ученикамъ ни надлежащихъ знаній, ни любви къ чтенію и умственнымъ занятіямъ.

Сербскій университетъ въ Бѣлградѣ (главный городъ страны) называется «Великою Школою»; онъ съ шестью факультетами (безъ медицинскаго). Сербскіе студенты, желающіе серьезно подготовиться къ умственной дѣятельности, не ограничиваются знаніями, полученными въ собственномъ университетѣ, а отправляются заниматься въ Россію или за границу, и это весьма естественно: здѣшніе профессора, учителя, инженеры—люди въ высшей степени невѣжественные. Громадное большинство молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ «Великой Школѣ», обыкновенно дѣлается чиновниками. Не даромъ наиболѣе развитые сербы сами называютъ свой университетъ «фабрикою чиновниковъ».

Студенты пользуются въ «Великой Школѣ» полною независимостью. Они собираются въ помѣщеніи этого заведенія, когда пожелаютъ, въ свободное время, никому не даютъ отчета въ томъ, что они тамъ читаютъ или о чемъ разсуждаютъ. У нихъ есть собственная касса, которою они распоряжаются по своему усмотрѣнію, и свой пѣвческій хоръ. Они любятъ пѣсни преимущественно патріотическія и часто такія, которыя сложились въ народѣ еще во времена ихъ рабства подъ игомъ турокъ. Вотъ начало одной изъ нихъ: «Умирайте, братья! Топитесь въ крови! Оставьте селенія, пусть пламя пожираетъ ихъ! Въ огонь бросайте сами своихъ дѣтей! Сбросьте съ себя рабство и срамъ! Боритесь братья-юнаки (герои сербскіе), вы—герои, боритесь же. Вашу борьбу узнаетъ весь свѣтъ. Небо будетъ плакать долго и горько» и т. д.

Русскій языкъ преподается въ Сербіи въ нѣсколькихъ заведеніяхъ: въ Великой Школѣ, въ военной академіи, въ школахъ для учителей, въ духовной семинаріи, а также въ высшемъ женскомъ училищѣ, которое высшее лишь по названію, а въ дѣйствительности среднее.

Печать свободна,—цензуры не существуетъ: издатель (или самъ авторъ) можетъ выпускать въ свѣтъ какое угодно сочиненіе совершенно безпрепятственно; но если въ немъ есть что нибудь оскорбительное для короля, королевскаго семейства или для иностранныхъ монарховъ, оно задерживается. Въ такихъ случаяхъ полицейская власть, въ продолженіе 24 часовъ, обязана заявить объ этомъ суду и получить отъ него законное разрѣшеніе для пріостановки такого произведенія. Это разрѣшеніе полицейская власть обязана доставить писателю или издателю въ 24 часа. Если этого не сдѣлано въ означенный срокъ, то считается, что сочиненіе можетъ выйти без-

препятственно. Но въ послѣднее время этотъ параграфъ конституціи, нѣсколько пострадалъ: король Александръ въ 1892 г. издалъ циркуляръ, мѣшающій этому параграфу дѣйствовать вполнѣ свободно.

Сербы довольно богаты газетами, но бѣдны журналами и изданіями учено-литературными. Сербскіе газеты и листки вообще бѣдны содержаніемъ и носятъ исключительно партійный или правительственный характеръ: защищая интересы своей партіи, они постоянно ведутъ между собой полемику и для знакомства съ настоящимъ положеніемъ вещей въ Сербіи даютъ вполнѣ достаточный матеріалъ, но общеинтересныхъ статей въ нихъ никогда почти не встрѣчается, общечеловѣческихъ вопросовъ они не затрогиваютъ. Любовь къ чтенію, даже среди наиболѣе образованныхъ людей, развита чрезвычайно слабо, и всѣ эти печатные органы насчитываютъ по тысячѣ, много по полторы тысячи подписчиковъ.

ЗАДРУГА.

Какъ живутъ сербскіе поселяне.—Ихъ дома и домашняя обстановка.—Задруга: ея характеръ и значеніе.—Обычай кадить.—Женщина и ея положеніе.—Старѣйшина: его обязанности и отношеніе къ остальнымъ членамъ.—Задругари.—Глубокая привязанность сербскихъ женщинъ къ своимъ братьямъ.—Моба.—Сербскія посидѣлки.—Побратимство.—Хорошія и дурныя стороны семейно-общинныхъ отношеній.—Раздѣлъ задруги и ея послѣдствія.

Въ королевствѣ сербскомъ 2.314.153 жит. (въ 1895 г.). Во время турецкаго ига всѣ сербы жили въ селахъ, города же были исключительно населены турками. Когда они были изгнаны, города опустѣли, и сербы очень медленно начали заселять ихъ, такъ что и въ настоящее время небольшое количество сербовъ живетъ въ городахъ; громадное же большинство ихъ и теперь населяетъ села, занимаясь преимущественно земледѣліемъ и скотоводствомъ. Однимъ словомъ, Сербія въ полномъ смыслѣ слова—страна поселянъ или селяковъ.

Сербскіе поселяне, какъ и болгары, живутъ *задружно*, т.-е. нѣсколько родныхъ и двоюродныхъ братьевъ, дядьевъ и племянниковъ, вмѣстѣ со своими женами, дѣтьми, внуками и правнуками, живутъ вмѣстѣ. Члены задруги, большею частью, родственники по крови, особенно въ мужской линіи, за исключеніемъ слугъ, которыхъ, впрочемъ, здѣсь держатъ очень немногіе поселяне. Всѣ члены такой задруги или семейной общины пользуются одинаковыми правами: сообща работаютъ на однихъ пашняхъ, сѣнокосахъ, въ однихъ виноградникахъ и поровну расходуютъ общій приходъ. Все, что есть въ домѣ задруги,—общее достояніе: земля, пашни, покосы, луга, виноградникъ, садъ, лѣса, огороды, полевыя орудія, стада, хлѣва, конюшни и разныя постройки для жилья и хозяйственныхъ потребностей, — все это принадлежитъ всѣмъ вмѣстѣ и никому въ частности, и въ то же время каждый членъ имѣетъ во всемъ этомъ свою непремѣнную часть. Задругами живутъ только въ селахъ и отнюдь не въ городахъ. Когда члены задруги начинаютъ ссориться между собой, а это чаще всего бываетъ, когда задруга сильно размножилась и въ ней много женщинъ, тогда происходитъ раздѣлъ. По крайней мѣрѣ сами сербы убѣждены въ томъ, что причина раздѣла—женщины.

Женщина въ Сербіи полнѣйшая раба своего мужа, а тутъ еще къ стѣсненію отъ мужа прибавляются различныя стѣсненія отъ многочисленныхъ членовъ задруги. Кто своими глазами не видалъ быта сербскихъ поселянъ, тому и представить трудно,

какая масса разнообразныхъ, тяжелыхъ обязанностей лежитъ здѣсь на женщинѣ. Она нянчитъ ребятъ, съ ногъ до головы сама одѣваетъ себя, мужа, всѣхъ дѣтей, а часто и другихъ сожителей задруги. Все, что одѣто на ней и на членахъ ея семьи,— все это приготовлено ея руками. Ленъ, изъ котораго она выпряла нитки для холста, она сама сѣяла, трепала, чесала, пряла, ткала, бѣлила. Тоже дѣлала она и съ шерстяною одеждою, только мужчины стригли съ овецъ волну. Женщины готовятъ кушанья и на своихъ плечахъ разносятъ его работающимъ въ поляхъ, хотя тѣ иногда находятся на часъ и болѣе разстоянія отъ дома. При этомъ имъ приходится идти по горамъ, въ самый жаръ и послѣ тяжелой работы. Затѣмъ онѣ возвращаются домой и начинаютъ таскать воду для скотины и птицы. Не въ счетъ дѣла и между дѣломъ, онѣ должны приготовлять сыры, доить коровъ, кормить своихъ многочисленныхъ свиней. Кромѣ того женщина обыкновенно служитъ свекру, старшему деверю, ухаживаетъ за ними и помогаетъ имъ почти во всякой полевой работѣ. Мало полевыхъ работъ, въ которыхъ женщины не помогали бы мужчинамъ, между тѣмъ рѣдкій мужчина рѣшится помочь женщинѣ и большую часть ея работъ считаетъ для себя унизительными. Право, трудно сказать, когда здѣсь женщины отдыхаютъ: днемъ онѣ заняты задружными работами, ночью каждая изъ нихъ старается подѣлать что-нибудь себѣ. Вотъ онѣ и ссорятся, лишь только одна замѣтитъ, что у другой болѣе времени, чѣмъ у нея, завидуютъ другъ другу и затѣмъ начинаютъ мучить своихъ мужей. Происходитъ раздѣлъ, и задруга распадается.

Обыкновенно поселяне встаютъ очень рано,—солнце никогда не застаетъ ихъ въ постели. Умывшись, они молятся Богу, но, будучи въ большинствѣ случаевъ людьми безграмотными, они не знаютъ молитвъ и считаютъ за святыхъ названія дней недѣли. Вмѣстѣ съ обращеніемъ къ Богородицѣ и Іисусу Христу они просятъ святое воскресенье, святую пятницу и Пасху защитить ихъ. Они возносятъ молитвы къ Богу въ такомъ родѣ: «сохрани насъ, Боже и всѣ святые, которыхъ христіане прославляютъ. Хотя мы не можемъ васъ всѣхъ назвать, но можемъ вамъ поклониться и помолиться». Послѣ молитвы сербы выпиваютъ немного водки, съѣдаютъ кусокъ хлѣба и отправляются на работу. Женщинамъ приходится вставать еще раньше мужчинъ, чтобы справить множество домашнихъ обязанностей и подавать мужчинамъ мыться. Въ 9 часовъ утра «ручконоша» (такъ называютъ въ задругѣ ту женщину, очередь которой нести въ поле обѣдъ) отправляется на ниву и несетъ на коромыслѣ посудину съ ѣдой. Сербская женщина не ограничивается однимъ какимъ нибудь трудомъ, а старается сразу исполнять два дѣла. Прялка, и во время ходьбы, всегда заткнута у нея за поясъ, и она, куда бы ни отправлялась, походя прядетъ—даже и тогда, когда несетъ обѣдъ. Сербы, какъ только пообѣдаютъ, не отдыхая, продолжаютъ работать. Часовъ около 2-хъ—3-хъ дня имъ приносятъ опять поѣсть, что, несмотря на раннее время, называется ужиномъ. Послѣ него рабочіе отдыхаютъ съ полчаса подъ тѣнистыми деревьями. Вечеромъ возвращаются домой вечерять, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они ночуютъ въ полѣ.

Лѣтъ 50 тому назадъ задруги были гораздо многочисленнѣе; теперь онѣ состоятъ изъ 16—20 членовъ, но попадаются и очень многочисленныя, въ 30, 40, даже 60 ч. Во время тяжелаго турецкаго гнета сербамъ по необходимости приходилось дружно держаться семейныхъ узъ. Семья, состоящая изъ многихъ членовъ, общими силами могла надежнѣе охранять свое достояніе, чѣмъ небольшая семья. Къ тому же доли имущества каждаго отдѣльнаго лица, соединенныя въ одно цѣлое, представляли болѣе силы и гарантіи для бѣдняка въ случаѣ голода и турецкаго грабежа. Рабство укрѣпляло семейныя узы сербовъ еще и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Въ продолженіе

всего четырехсотлѣтняго турецкаго ига сербы нисколько не развивались умственно и стояли все на той же ступени первобытныхъ, патріархальныхъ отношеній, какъ это было до ихъ порабощенія. Поэтому почти до нашихъ дней въ народѣ жило глубочайшее уваженіе къ задругѣ и къ семейнымъ патріархальнымъ отношеніямъ. Теперь же, когда сербъ получилъ возможность жить свободною жизнью, родовыя, задружныя узы стали разрываться, раздѣлы происходятъ чаще, задруга дѣлается малочисленнѣе. Однако и теперь еще задруга—самое характерное явленіе семейной жизни серба.

Сербскіе поселяне строятъ свои дома весьма различно, но мы опишемъ домъ въ Шумадіи (сѣверо-западная часть Сербіи). Его строятъ обыкновенно изъ прутьевъ, которые обмазываютъ грязью и затѣмъ бѣлятъ известью. Каждый домъ (тамъ, гдѣ главный входъ) имѣетъ балконъ. Въ главномъ домѣ двѣ комнаты: та изъ нихъ, въ которой огнище (костеръ), называется «куча». Она обыкновенно не имѣетъ потолка, вмѣсто котораго высится крыша, съ отверстіемъ посреди для прохода дыма. Очень рѣдко встрѣтишь въ Сербіи «кучу» съ потолкомъ, и въ такихъ случаяхъ бываетъ дымовая труба. Обыкновенно избы курныя; во время сырой погоды дымъ не можетъ сразу выйти черезъ отверстіе и наполняетъ весь домъ. Окошки очень маленькія, безъ стеколъ; впрочемъ, это скорѣе отверстіе, чѣмъ окно, и закрывается оно выдвижной доской, а потому въ «кучѣ» чрезвычайно темно: если бы не было горящаго костра, здѣсь вѣчно царилъ бы совершенный мракъ. Этотъ костеръ (огнище) посреди «кучи» устроенъ изъ кирпичей, положенныхъ другъ на друга; на нихъ навалены прутья и обрубки, которые всегда горятъ и трещатъ. Кромѣ пылающаго костра, въ этой комнатѣ ничего не зажигаютъ. Надъ костромъ виситъ котелъ, въ которомъ кипитъ вода или молоко. У одной стѣны «кучи» прикрѣплены полки: на нихъ разставлены оловянныя тарелки, посуда, глиняные подсвѣчники, деревянныя ложки, кружки для воды и др. Стеклянной посуды здѣсь вообще чрезвычайно мало, такъ какъ всѣ стеклянныя издѣлія въ Сербіи, въ большинствѣ случаевъ, привозныя; поэтому въ домахъ земледѣльцевъ такъ рѣдко можно встрѣтить даже стекла въ окнахъ. На свободныхъ стѣнахъ «кучи» вбиты гвозди, и на нихъ висятъ небольшіе мѣшки, куски сала, вѣнки лука, паприка (стручки перца); въ отверстіи въ крышѣ, черезъ которое проходитъ дымъ, повѣшены куски свинины или мяса для копченія. Въ «кучѣ» зимой, по вечерамъ, собираются всѣ члены задруги для ѣды и для вечерняго отдыха: они или разговариваютъ между собой, или слушаютъ гусляра, который подъ аккомпаниментъ гуслей (однострунный славянскій древній инструментъ) поетъ очень монотонно, но его пѣсни трогаютъ сердце серба, особенно, когда онъ воспѣваетъ героевъ родины. Когда гусляръ чрезвычайно громкимъ, воинственнымъ, вызывающимъ аккордомъ кончаетъ свою пѣсню, послѣ него начинаютъ пѣть хоромъ, въ которомъ принимаютъ участіе какъ мужчины, такъ и женщины. Сербская женщина поетъ, но не играетъ на гусляхъ, кромѣ рѣдкихъ исключеній. Во время пѣнія никто изъ женщинъ не забудетъ своего дѣла: всѣ онѣ прядутъ, плетутъ, шьютъ, вышиваютъ; подлѣ бѣгаютъ маленькія дѣти; мальчики-подростки чутко прислушиваются къ пѣснѣ пѣвца. Трепещущій свѣтъ горящаго костра то ярко вспыхиваетъ и обливаетъ огненнымъ пламенемъ всѣхъ присутствующихъ, то нѣсколько меркнетъ и на минуту оставляетъ всѣхъ въ тѣни.

Вторая комната главнаго задружнаго дома вымазана бѣлою известью; она очень низенькая и съ землянымъ поломъ; только у немногихъ земля покрыта досками; эта комната—съ потолкомъ, поддерживаемымъ нѣсколькими балками, тоже вымазанными известью; печь—большая глиняная, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ желѣзная. И тутъ,

какъ и въ «кучѣ», окна очень маленькія, но они не закрываются задвижной доской, а заклеены бумагой. Окно это никогда не открывается, солнце еле-еле проникаетъ въ эту очень невысокую комнату; даже утромъ, въ свѣтлый солнечный день, здѣсь господствуетъ полумракъ; понятно, что воздухъ здѣсь всегда спертый и отвратительный. Обстановка комнаты—невысокій столъ, скамейки и нѣсколько чрезвычайно низенькихъ треножныхъ табуретокъ, которыя нѣсколько напоминаютъ наши скамеечки для ногъ. У стѣнъ—полки, на которыхъ, какъ и въ «кучѣ», стоитъ множество посуды, но рѣже употребляемой. На восточной сторонѣ—образъ того святого, который считается патрономъ (покровителемъ) семейства. Чѣмъ богаче сербъ, тѣмъ болѣе образовъ въ его домѣ. Передъ ними виситъ оловянная лампада, а около—*гусли*, музыкальный инструментъ сербовъ. Съ другой стороны образовъ виситъ оружіе хозяина — сабли, пистолеты, кинжалы. Обычай вывѣшивать на стѣнахъ оружіе существуетъ лишь у поселянъ: сербы-горожане не украшаютъ ими своихъ домовъ. Иногда по стѣнамъ развѣшаны литографіи сербскихъ героевъ. Поселяне всячески стараются украсить свой домъ: земляной полъ они устилаютъ цыновками, а богатые—самотканными коврами; эти цыновки съ нѣсколькими подушками служатъ также и для сна. Кровати и шкафы здѣсь большая рѣдкость. Платье хранится въ пестро раскрашенныхъ сундукахъ.

Въ этой второй комнатѣ дома живетъ старѣйшина съ своею женою и малолѣтними дѣтьми. Несмотря на старость, они такъ же, какъ всѣ остальные, спятъ на полу, покрывшись ковромъ съ головы до пятъ. Можно себѣ представить, какимъ ужаснымъ воздухомъ должны дышать сербы во время сна, плотно покрывая голову тяжелымъ ковромъ, который никогда не провѣтривается, и лёжа въ избѣ, никогда не вентилируемой. Въ этой второй комнатѣ не только спитъ старѣйшина съ младшими членами своей семьи, но сюда же днемъ собираются всѣ члены задруги для обѣда, общаго совѣта и дневныхъ занятій.

Кромѣ главнаго дома, состоящаго изъ двухъ комнатъ, въ каждой задругѣ существуетъ еще немало разнообразныхъ пристроекъ. Остальные члены съ своими семьями имѣютъ свои особыя крошечныя помѣщенія изъ досокъ, въ одну комнату, безъ печки. Огонь въ нихъ не разводятъ, но приносятъ зимой горячихъ угольевъ въ какой нибудь посудинѣ, и все отопленіе этимъ ограничивается. Эти крошечные домики служатъ лишь спальнями для отдѣльныхъ семействъ; весь день, во время ѣды и работъ, какъ взрослые, такъ и дѣти находятся въ главномъ домѣ. Кромѣ главнаго дома и отдѣльныхъ домиковъ, въ каждой задругѣ существуетъ еще нѣсколько построекъ: въ одной изъ нихъ сохраняютъ молоко, въ другой пшеницу, кукурузу, есть свиной и овечій хлѣва, сарай для скота и т. п. Въ богатыхъ задругахъ бываетъ иногда особое помѣщеніе, болѣе высокое, чѣмъ всѣ остальныя, спеціально предназначенное для пріема гостей, и называется оно «конакъ». Однимъ словомъ, въ каждой задругѣ такъ много различныхъ построекъ, что если посмотрѣть на нихъ съ какого-нибудь высокаго пункта, онѣ имѣютъ видъ цѣлаго маленькаго селенія. Большинство построекъ на невысокихъ столбикахъ, и домашнія животныя прячутся подъ ними въ дурную погоду. Въ одномъ уголку этихъ построекъ—огородъ, въ другомъ—полисадникъ для цвѣтовъ. За огородомъ обыкновенно находится садъ, въ которомъ нѣсколько яблонь, грушевыхъ и черешневыхъ деревьевъ, но больше всего сливъ. Всѣ эти постройки, пристройки, кладовыя, чуланы, сараи и хлѣва, вмѣстѣ съ садомъ, огородомъ и полисадникомъ, обнесены частоколомъ, и во дворъ задруги приходится входить черезъ ворота.

Хозяйство задруги (семейной общины) вообще весьма сложно; такъ же разнообразны и ея хозяйственныя принадлежности. Даже въ бѣдной задругѣ вы найдете угольную лопату, всевозможные горшки для варки, различную глиняную посуду для

мучныхъ печеній, металлическіе листы и т. п. Но это еще далеко не все: необходимыми принадлежностями каждаго хозяйства оказываются котелъ, посудина для черпанья воды, металлическія, деревянныя и фарфоровыя тарелки, солонки, ножи, ложки, двѣ-три вилки, корчага для воды, чашки для питья турецкаго кофе, разная посуда для вина, что-то въ родѣ чайника, металлическіе стаканы для питья воды, рѣшето и сито, чашки для тѣста, доска, на которой раскатываютъ хлѣбъ, металлическая ступка и кое-что другое. Между прочимъ вы всегда найдете тыкву, очищенную внутри, въ которой держатъ воду, — это общераспространенная принадлежность каждаго сербскаго хозяйства.

Ѣдятъ изъ общей миски, но тотъ, кто сидитъ отъ нея далеко или кто пожелаетъ, беретъ отдѣльную деревянную или глиняную тарелку, кладетъ въ нее кушанье и ѣстъ тутъ же за столомъ. Въ тѣ дни, когда въ задругѣ гости, подаютъ фарфоровыя тарелки. Столъ, на которомъ обыкновенно обѣдаютъ, чаще всего круглый, очень низкій; для ѣды всѣ садятся вокругъ него на очень низенькихъ табуреткахъ о трехъ ножкахъ, но когда есть гости, трапезу подаютъ на высокомъ столѣ и сидятъ на деревянныхъ стульяхъ.

Главное лицо задруги — *старѣйшина*, называемый также *домачиномъ*. Старѣйшиною бываетъ обыкновенно тотъ, кто старше годами; но часто случается, что онъ самъ уступаетъ это достоинство младшему, если задруга считаетъ его самымъ способнымъ и радивымъ изъ всѣхъ членомъ. Въ большинствѣ случаевъ, когда старѣйшина совсѣмъ одряхлѣетъ и начинаетъ тяготиться своею обязанностью, онъ передаетъ ее старшему брату или сыну; но если тотъ дурно заявилъ себя, то старѣйшинство переходитъ къ младшему. При избраніи старѣйшины прежде всего имѣютъ въ виду, чтобы онъ былъ человѣкъ твердый и справедливый, умѣлъ приказывать и распоряжаться дѣлами, былъ бережливъ на деньги, умѣлъ защищать своихъ, пользовался бы уваженіемъ чужихъ и, наконецъ, отличался бы трезвостью. Вотъ какъ онъ передаетъ свое старшинство другому: онъ собираетъ всѣхъ мужчинъ задруги, высказываетъ свое намѣреніе и называетъ того, кому желаетъ передать свою обязанность. Затѣмъ онъ снимаетъ съ шеи снурокъ, на которомъ виситъ мѣшокъ съ деньгами, пересчитываетъ ихъ передъ собравшимися, снова кладетъ ихъ въ мѣшокъ и передаетъ его новому старѣйшинѣ.

Старѣйшина управляетъ всѣмъ домомъ и имѣніемъ, но не самовластно, а соображаясь съ обычаемъ и всегда *съ общаго согласія всѣхъ взрослыхъ членовъ*. Сербскій народъ во всемъ любитъ держать совѣтъ и уговоръ и охотно все исполняетъ, если только ему при этомъ указываютъ разумныя причины. Это до такой степени отличительная черта серба, что даже въ болѣе зажиточныхъ и образованныхъ семействахъ, гдѣ есть слуги, господинъ никогда ничего не предприметъ въ хозяйствѣ, не посовѣтовавшись съ своимъ слугою. Вотъ почему задружное правило — во всемъ совѣтоваться и совѣщаться другъ съ другомъ — такъ пришлось по нраву сербскому народу. Старѣйшинѣ прежде всего принадлежитъ власть распорядительная. Онъ назначаетъ каждому, куда идти, что и когда дѣлать, и самъ помогаетъ въ домашней работѣ, если только у него остается время. Онъ долженъ присматривать и распоряжаться задружнымъ имуществомъ, можетъ покупать все, что нужно для хозяйства, но самовольно продавать имущество не имѣетъ права; онъ заступается за членовъ задруги передъ начальствомъ, идетъ на всевозможные собранія и договоры. Когда молятся Богу, онъ стоитъ впереди всѣхъ; когда гости приходятъ, онъ занимаетъ ихъ, заботится о малолѣтнихъ членахъ задруги, если у нихъ умерли родители,—однимъ словомъ, онъ является отцомъ и хозяиномъ всей этой семейной об-

щины, и всѣ слушаются его безприкословно, имѣя въ виду, что воля его — воля всей задруги.

Члены задруги питаютъ къ нему глубочайшее уваженіе и выражаютъ его при всякомъ удобномъ случаѣ. Лишь только онъ гдѣ появляется, всѣ встаютъ. Танцы, музыка, игры никогда не начинаются въ его присутствіи, безъ особаго съ его стороны дозволенія; при немъ не курятъ. За столомъ онъ занимаетъ почетное мѣсто; подаютъ ему первому, и онъ самъ раздаетъ кушанья. У него есть своя ложка для кушанья, и стряпуха не должна мѣшать этою ложкою никакого кушанья, такъ какъ, по понятію сербовъ, отъ этого старѣйшина можетъ смѣшаться въ мысляхъ, когда будетъ говорить съ властями о важныхъ дѣлахъ. Однимъ словомъ, старѣйшина — представитель и защитникъ своей задруги и всѣхъ ея членовъ. Онъ даетъ совѣты, бранитъ нерадивыхъ, судитъ и миритъ побранившихся. Младшаго онъ иной разъ и ударитъ, но для взрослыхъ у него только совѣтъ да увѣщаніе, а чтобы слова его лучше подѣйствовали, онъ нерѣдко созываетъ и наиболѣе уважаемыхъ членовъ задруги, чтобы они серьёзно поговорили съ молодымъ человѣкомъ. Тѣ съ своей стороны стараются отклонить его отъ дурного поступка, общими силами уговариваютъ его, усовѣщиваютъ. Старѣйшина держитъ у себя деньги, и остальные члены семейной общины должны спрашивать ихъ у него на свои нужды и затѣмъ давать ему отчетъ, сколько и на что было потрачено. Онъ же, т.-е. старѣйшина, нанимаетъ работниковъ, если не хватаетъ домашнихъ силъ, чтобы справиться съ той или другой работою, продаетъ излишекъ домашнихъ сбереженій и покупаетъ все, что нужно для дома. На немъ лежатъ и болѣе важныя обязанности и тяжелая отвѣтственность. Какъ глава и представитель своего рода, онъ ходитъ на сельскую сходку, принимаетъ здѣсь приказы отъ властей и передаетъ ихъ своимъ домашнимъ. Его зовутъ каждый разъ къ отвѣту, если кто изъ членовъ его общины причинилъ ущербъ чужому имѣнію. Такимъ образомъ онъ не только глава и полный хозяинъ въ задругѣ, но и посредникъ между нею и сельскою властью.

Старѣйшина можетъ быть лишенъ своей власти за крайнюю неспособность и за неисполненіе своихъ обязанностей, за превышеніе своей власти, т.-е. если онъ, не посовѣтовавшись съ членами задруги, по своему исключительному усмотрѣнію, распорядился чѣмъ-нибудь очень серьёзнымъ и важнымъ. Но и тогда отрѣшеніе отъ старѣйшинства происходитъ по общему согласію всѣхъ задругарей. Въ нѣкоторыхъ задругахъ, какъ только одного старѣйшину лишили власти, сейчасъ выбираютъ новаго, въ другихъ выбираютъ черезъ сорокъ дней. На это время дѣла задруги ведутся съ общаго совѣта, а иногда выбирается временный старѣйшина, который за это время нерѣдко такъ хорошо выполняетъ всѣ свои обязанности, что окончательно признается старѣйшиною.

Жена старѣйшины большею частью признается *домачицей* или *старѣйшицей*. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ женщины имѣютъ право сами выбирать домачицу, только выборъ этотъ долженъ быть объявленъ и подтвержденъ на семейномъ совѣтѣ. Домачица стоитъ во главѣ хозяйства: деньги, вырученныя продажею молока и птицы, отдаются ей, а она передаетъ ихъ старѣйшинѣ. Домачица распоряжается также женскими работами, присматриваетъ за женщинами, даетъ имъ наставленія, разбираетъ ихъ ссоры, провожаетъ ихъ въ церковь, пріучаетъ ихъ къ разнымъ работамъ, надзираетъ за всѣмъ домомъ. Съ ней совѣтуются на счетъ брака дѣвушекъ, о приданомъ для которыхъ она тоже должна заботиться, — однимъ словомъ, она играетъ роль матери, и если она, дѣйствительно, свято исполняетъ всѣ обязанности, всѣ любятъ и уважаютъ ее, какъ мать. Во время длинныхъ зимнихъ вечеровъ, когда

огонь трещитъ на очагѣ, домачица собираетъ вокругъ себя молодыхъ дѣвушекъ и разсказываетъ имъ сказки или народныя преданія, которыя потомъ онѣ сами будутъ передавать своимъ дѣтямъ. Сама домачица состоитъ подъ властью старѣйшины, а относительно остальныхъ членовъ задруги мужскаго пола она должна относиться къ нимъ, какъ и всѣ остальныя женщины. Но она не обязана встрѣчать у воротъ дома мужчинъ, возвращающихся съ работъ или съ какой-нибудь поѣздки, не обязана и служить имъ: всѣ эти обязанности лежатъ на остальныхъ женщинахъ задруги.

Каждый задругарь имѣетъ свое опредѣленное занятіе: взрослые работаютъ на полѣ, подростки, если не ходятъ въ школу, пасутъ скотъ. Точно такъ-же, какъ мы уже знаемъ, распредѣлены задружныя обязанности и между женщинами, иначе задруга распадается, или, какъ говорятъ сербы, тамъ уже «два дома». Поэтому каждая изъ женщинъ домашними работами занимается поочереди: одна въ теченіе одной недѣли стряпаетъ на всѣхъ и въ то же время приглядываетъ за маленькими дѣтьми; затѣмъ эту обязанность принимаетъ на себя другая и т. д. Молочнымъ хозяйствомъ обыкновенно занимается одна и та же въ продолженіе года. Отъ очереди здѣсь освобождается лишь *молодица*, т.-е. женщина, только что успѣвшая вступить въ новую для нея семью. Этою льготою она пользуется одинъ годъ. Впрочемъ, такъ бываетъ только въ задругахъ, гдѣ между членами существуетъ миръ и согласіе.

Всякій задругарь, работая во время отдыха остальныхъ членовъ, можетъ собственно для себя добыть кое-что: починитъ въ гулевой день кому-нибудь телѣгу, наобручитъ бочку, и то, что онъ добудетъ за свою работу, уже составляетъ его собственность, въ которой онъ можетъ не отдавать никакого отчета старѣйшинѣ. Когда задругарь отправляется куда-нибудь въ кумовья, или на какой-нибудь праздникъ, старѣйшина всегда дастъ ему немного деньжонокъ, чтобы онъ передъ другими не ударилъ въ грязь лицомъ. Другіе тамъ будутъ обновы покупать, а онъ на людей только глазами хлопать; еще, пожалуй, подумаютъ, что ихъ задруга не въ ладу живетъ. Вотъ старѣйшина и даетъ на праздникъ каждому хоть нѣсколько мелкихъ монетъ. Но этого все-таки мало: у серба широкая славянская натура. Ужъ если на праздникъ идти, такъ ему нужно и другихъ посмотрѣть и себя показать; для этого онъ и ляжетъ попозже, и встанетъ пораньше, смотришь — къ празднику и припасетъ, и ужъ тутъ-то знай нашихъ: онъ поставитъ ребромъ послѣднюю копѣйку.

Такъ живетъ задруга, рѣдко когда нуждаясь въ чужой помощи. Мужчины сами строятъ себѣ дома, сколачиваютъ по заведенному изстари образцу плугъ и телѣгу, приготовляютъ упряжь для вьючнаго скота, набиваютъ обручи на кадки, шьютъ опанки (кожаные башмаки). Все остальное—на попеченіи женщинъ.

Чтобы составить себѣ полную картину патріархальнаго задружнаго житья, войдемъ въ какой-нибудь домъ, въ то время, когда всѣ члены задруги въ полномъ сборѣ. Самая удобная для этого минута—зимой вечеромъ, когда всѣ сидятъ дома и грѣются у ярко пылающаго очага. По всей комнатѣ идетъ пріятный для серба запахъ кислой капусты съ мясомъ и саломъ, которая тутъ же варится въ горшкахъ. Надъ костромъ виситъ котелъ коровьяго молока, смѣшаннаго съ овечьимъ, а то съ козьимъ. Немного поотогрѣвшись, вдругъ всѣ смолкаютъ на минуту. Тогда съ своего мѣста встаетъ старѣйшина и этимъ даетъ знать, что пора молиться Богу. Ему тотчасъ подаютъ кадильницу съ огнемъ, въ которой горитъ ладонъ. Эта кадильница совсѣмъ не напоминаетъ нашей церковной кадильницы на цѣпочкахъ; та, которою кадятъ въ сербскихъ домахъ во время молитвы, не что иное, какъ небольшая глиняная вазочка (такую кадильницу можно видѣть на картинкѣ «крстно имя» въ рукахъ у священника). Возносятся молитвы къ Богу, въ Сербіи обыкновенно принято кадить, или, точ-

нѣе сказать, окуривать себя ладономъ. Если случится священникъ въ гостяхъ у селянина, кадильницу подаютъ ему первому. Въ обычное же время эту обязанность исполняетъ старѣйшина: онъ окуриваетъ восточный уголъ дома, затѣмъ кадитъ себѣ и передаетъ кадильницу тому, кто стоитъ подлѣ него; такимъ образомъ всѣ члены задруги, не исключая дѣтей и женщинъ, окуриваютъ себя ладономъ. При этомъ взоры молящихся постоянно обращены въ восточный уголъ, въ которомъ горитъ восковая свѣчка. Всѣ стоятъ чинно, благопристойно и усердно крестятся; здѣсь и тамъ то и дѣло раздается громкимъ шопотомъ: «Господи, помилуй».

«Дайте, жене, вечеру!» (т.-е. женщины, подайте ужинъ), говоритъ старѣйшина, окончивъ молитву,—и молодыя женщины вносятъ два низенькихъ стола: одинъ для взрослыхъ, другой для ребятъ обоего пола. Женщины, что прислуживаютъ, ужинаютъ потомъ. «Обувь снимай», слышится послѣ ужина приказъ мужей женамъ. Также сурово и грубо отдаютъ мужья и другія приказанія своимъ женамъ, а тѣ стараются безпрекословно выполнить данное имъ приказаніе.

Мы уже говорили, какъ завалена сербская женщина работой съ ранняго утра до поздней ночи; съ нравственной стороны ея жизнь еще, пожалуй, тяжелѣй. Отъ мужа она никогда не услышитъ ласковаго слова, онъ не называетъ ея даже по имени, а употребляетъ вмѣсто имени «она»; когда сербъ при другихъ произноситъ это слово, каждый знаетъ, что онъ подразумѣваетъ подъ этимъ свою жену. Впрочемъ говорить другимъ о своей женѣ, даже въ третьемъ лицѣ, сербъ старается какъ можно рѣже, иначе кто-нибудь еще заподозритъ его въ нѣжности, а это невыразимый стыдъ для серба! Да не только говорить съ кѣмъ-нибудь о своей женѣ, но съ ней самой разговаривать при комъ-нибудь, поспорить, пошутить, затянуть вмѣстѣ пѣсню, однимъ словомъ всякое человѣческое проявленіе чувствъ къ женѣ—все это считается здѣсь позоромъ. Можно смѣло сказать, что у сербовъ отношеніе мужа къ женѣ и положеніе женщины—болѣе унизительное, чѣмъ у всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ. Всегда грубо, какъ послѣдней рабѣ, отдаетъ сербъ своей женѣ приказанія; по отношенію къ ней у него никогда не бываетъ просьбы, а только приказаніе. Въ лицѣ мужа вы видите обыкновенно свирѣпаго, какъ звѣрь, варвара, въ лицѣ жены—несчастное, подавленное существо, безправное, не защищенное ни закономъ, ни обычаемъ, какъ вьючное животное, вѣчно гнущее свою спину надъ тяжелой работой. Это неравенство прежде всего поддерживается здѣсь самою женщиною. Сербская женщина еще рѣже мужчины грамотна, еще менѣе его умственно развита; всѣ ея взгляды, понятія и воззрѣнія крайне первобытны. И не мудрено: ея понятія и взгляды складывались не только во время турецкаго ига, отъ котораго страдали всѣ сербы безъ различія пола, но и при рабскомъ гнетѣ отъ каждаго мужчины,—а отъ этого рабства сербскія женщины страдаютъ испоконъ вѣка. Что же мудренаго, что сербская женщина совсѣмъ не понимаетъ, не замѣчаетъ и не чувствуетъ всей глубины униженія своего человѣческаго достоинства, что же удивительнаго въ томъ, что она первая возмущается, когда ея сосѣдка или пріятельница не выполняетъ какой-нибудь мелочи, необходимой по сербскому этикету въ отношеніи къ мужчинѣ. Какими бы преимуществами ума и сердца ни отличалась сербская женщина, ея подруги и родственницы всегда ставятъ ее ниже мужчины. Она молитъ Бога даровать ей сына и стыдится, какъ позора, объявить, что у нея родилась дочь. Это желаніе раздѣляетъ съ нею и вся задруга: родится мальчикъ, всѣ ея члены радуются, а дѣвочку всѣ встрѣчаютъ съ огорченіемъ.

При встрѣчѣ женщины съ мужчиной онъ говоритъ ей: «добрый день», или «помогай Богъ». Женщина отвѣчаетъ: «добрый день», или «пусть Богъ тебѣ помо-

жетъ». Женщина никогда не смѣетъ сидя отвѣчать на привѣтствіе мужчины; при его появленіи она должна немедленно встать. Если она прядетъ или что-нибудь дѣлаетъ, она должна оставить прялку, положить свою работу въ сторону, встать и, какъ можно вѣжливѣе, поздороваться съ мужчиной. Когда она встрѣтится съ нимъ, она не смѣетъ перейти ему дорогу. Лишь только она завидитъ, что мужчина идетъ ей навстрѣчу, она должна немедленно остановиться, поздороваться съ нимъ, сначала пропустить его и уже затѣмъ продолжать свою дорогу.

Такъ же неравноправны женщины, сравнительно съ мужчинами, въ экономическомъ отношеніи. Женщина не имѣетъ права на собственность,—это исключительное право мужчины. Жена можетъ пользоваться имуществомъ мужа, но не смѣетъ считать его своимъ. Законъ, и то лишь съ 1885 г., даетъ право женщинѣ на приданое,—его она можетъ назвать своимъ, но такой взглядъ совершенно идетъ въ разрѣзъ съ правами, обычаями и воззрѣніями народа: несмотря на законъ, сербская женщина не пользуется даже и своимъ приданымъ. Она не имѣетъ права на наслѣдство, пока есть мужскіе члены задруги. Она всегда прислуживаетъ мужчинѣ: снимаетъ съ него обувь, приноситъ ему одежду, моетъ мужу ноги (невѣста моетъ ноги всѣмъ мужчинамъ), подаетъ имъ мыться, прислуживаетъ во время обѣда: есть мѣсто гдѣ-нибудь въ уголкѣ,—она присядетъ, а гости пришли,—она все время должна быть на ногахъ и всегда прислуживать. Жена не называетъ своего мужа по имени, а описываетъ его такъ, что всѣ понимаютъ, о комъ идетъ рѣчь; чаще всего она называетъ его «онъ»; дѣтямъ же она говоритъ: «тата (или отецъ) вамъ купилъ то-то и то-то». Женщина обязана цѣловать руку мужчинѣ, хотя бы онъ былъ гораздо моложе ея годами. Унизительное положеніе женщины въ Сербіи доходитъ до того, что даже въ церквахъ, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, есть особыя мѣста для женщинъ. Только старость заставляетъ оказывать ей нѣкоторое почтеніе: мальчикъ цѣлуетъ руку уважаемой старухѣ.

Главная причина такого унизительнаго положенія женщины въ сербскихъ селахъ, разумѣется, кроется прежде всего въ невѣжествѣ сербскаго селянина, но много этому способствуетъ и вступленіе въ бракъ безъ всякой взаимной склонности, даже безъ всякаго предварительнаго знакомства. Хотя въ Сербіи бывали случаи, когда женщина отчаянно влюбляется и, если не можетъ выйти замужъ за любимаго человѣка, то топится съ отчаянія, а мужчина убиваетъ себя кинжаломъ, но это случается очень рѣдко, чаще всего браки заключаются здѣсь по разсчету родителей. По этому во всемъ сербскомъ племени гораздо болѣе развилось чувство любви и привязанности между братомъ и сестрой, чѣмъ между мужемъ и женой; очень часто существуетъ болѣе прочная привязанность сестры къ брату и брата къ сестрѣ, чѣмъ къ родному отцу и къ матери; по крайней мѣрѣ отношенія между братомъ и сестрой всегда бываютъ болѣе искренни и задушевны, чѣмъ отношенія дѣтей къ ихъ родителямъ. Братъ привязанъ къ своей сестрѣ: только для нея у молодого человѣка горячее слово, ласка, привѣтъ; изъ всѣхъ женщинъ только ея совѣта онъ иногда послушается, только ей не стыдится иногда говорить о своемъ горѣ, подѣлиться съ ней своимъ счастьемъ. Сестру сербъ защищаетъ съ большимъ жаромъ, отвагой и опасностью для себя, зато и сестра отвѣчаетъ ему еще болѣе глубокою привязанностью и такимъ горячимъ чувствомъ, выше, дороже котораго у нея нѣтъ ничего на свѣтѣ. Такая обоюдная привязанность между братомъ и сестрою здѣсь встрѣчается повсемѣстно, и женщинѣ стоитъ только поклясться именемъ брата, чтобы каждый повѣрилъ ей, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что такая клятва для нея священна.

Въ задругѣ всякая работа дѣлается сообща, такъ что все идетъ скорѣе, а для полевой работы это просто благодать. Если три селянина работаютъ каждый порознь, они сработаютъ гораздо меньше трехъ работающихъ вмѣстѣ. Несмотря, однако, на то, что всѣ работы справляются сообща, задруга не поспѣваетъ иногда съ полевыми работами. Тогда нѣсколько домовъ условливаются помогать другъ другу. Есть церковные праздники, въ которые запрещается работать на себя или за плату, но дозволяется работать даромъ на другого, «идти къ сосѣду на помочи». Такой способъ уборки хлѣба, называемый «моба», чрезвычайно любимъ поселянами. Моба устраивается такимъ образомъ: какой-нибудь задругарь нѣсколько дней передъ лѣтними праздниками, если только они не считаются особенно важными, ходитъ по селамъ и объявляетъ, что въ такой-то праздникъ у нихъ моба, а потому онъ проситъ пожаловать всѣхъ, кто не прочь въ этотъ день добрымъ людямъ помочь и вечеромъ попировать. Отъ этого приглашенія никто не отказывается, и въ назначенный праздникъ всѣ, старые и молодые, наряжаются въ лучшее платье и съ серпами, зацѣпленными за плечо, отправляются къ назначенному мѣсту. Такимъ образомъ соберется въ полѣ до ста, а иногда и болѣе человѣкъ, и начинается разудалая работа. Это-то и есть «моба». «Одни жнутъ и кладутъ пучки позади, другіе подбираютъ эти пучки, третьи вяжутъ снопы, четвертые, наконецъ, плетутъ для сноповъ веревки. И всякій тутъ работаетъ, что ему подъ силу. Веревки плетутъ люди пожилые; снопы вяжутъ—у кого мышцы поздоровѣе; подбираютъ пучки ребятишки, а жнетъ народъ сильный: мужчины и женщины. Вотъ гдѣ трудъ облекается въ чудную, поэтическую форму! Позади жнецовъ шагаетъ важнымъ шагомъ свирѣльщикъ съ слышною далеко свирѣлью. Пѣсня слѣдуетъ за пѣсней, восклицанія за восклицаніями, остроты за остротами, пока, наконецъ, всеобщій хохотъ не поглотитъ разомъ и звука пѣсней, и звука свирѣли»! Часовъ около двухъ звуки музыки смолкаютъ, и рабочіе идутъ къ густому дереву,—передохнуть, поѣсть. Послѣ этого опять работаютъ, а когда все покончено, отправляются къ дому задруги, которая устроила «мобу». Не входя въ хату, народъ, какъ попало, садится подлѣ нея: кто на табуреткѣ, кто просто на землѣ или на какомъ-нибудь обрубкѣ. Мужчинамъ немедленно подаютъ мыть руки, затѣмъ старѣйшинѣ приносятъ зажженную восковую свѣчку, которую онъ прикрѣпляетъ къ какому-нибудь дереву на восточной сторонѣ; послѣ этого онъ беретъ кадильницу. Всѣ встаютъ, благоговѣйно снимаютъ шляпы и молятся. Послѣ молитвы садятся за «вечеру», а послѣ нея поютъ, танцуютъ, веселятся до поздней ночи. Такую «мобу» устраиваютъ только болѣе или менѣе зажиточные земледѣльцы; на помощь къ бѣдняку собираются и тогда, когда онъ не устраиваетъ никакого угощенія. По окончаніи работы всѣ расходятся по домамъ, чтобы не заставлять бѣднаго человѣка тратиться на угощеніе.

Другой обычай, распространенный во всѣхъ задругахъ, «прела», т.-е. посидѣлки, которыя происходятъ обыкновенно раннею осенью, когда женщины и дѣвушки собираются то въ одинъ, то въ другой домъ, разводятъ яркій костеръ, садятся вокругъ него, прядутъ и поютъ. Къ нимъ приходятъ и нѣсколько старухъ, но мужчинъ на этихъ посидѣлкахъ совсѣмъ не бываетъ. Когда кончается пѣніе, начинаются разсказы, шутки и пересуды. На этихъ посидѣлкахъ часто происходятъ и печальные случаи: парни садятся въ какую-нибудь засаду и кидаютъ въ старухъ камнями и землей, чтобы отогнать ихъ отъ дѣвушекъ. Подымаются ссоры, которыя нерѣдко кончаются тѣмъ, что то у одного, то у другого оказываются разбитыя головы.

Кромѣ кровнаго, чрезвычайно многочисленнаго родства, въ Сербіи, какъ и въ Черногоріи, существуетъ родство, которое называется *побратимствомъ*. Оно

состоитъ въ томъ, что двое людей, которые любятъ другъ друга и дружатъ между собою, совершаютъ обрядъ, послѣ котораго считаютъ себя братьями. Связь эта считается болѣе тѣсною и священной, чѣмъ кровная связь. Побратимы не только обязаны во всемъ помогать другъ другу, но каждый изъ нихъ долженъ быть всегда готовъ положить жизнь за брата. Побратимство можетъ быть заключено въ церкви и внѣ ея, такимъ образомъ эта связь признается священною даже церковью. Теперь, впрочемъ, въ церкви побратимство заключается чаще всего вслѣдствіе болѣзни. Больной, желая вступить съ кѣмъ-нибудь въ побратимство, проситъ его отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ церковь. Священникъ читаетъ для вступающихъ въ побратимство молитву, во время которой они становятся подъ епитрахиль священника, который подноситъ имъ чашу съ святыми дарами; они разомъ къ ней приникаютъ и три раза причащаются. Затѣмъ побратимы три раза цѣлуются другъ съ другомъ и уходятъ. Очень часто тотъ, кто первый предложилъ побратимство, зоветъ побратима къ себѣ на обѣдъ, во время котораго присутствуютъ всѣ его родственники, и дѣлаетъ ему какой-нибудь подарокъ — ружье, кинжалъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Прежде, при вступленіи въ побратимство, побратимы порѣзывали себѣ руки, и каждый выпивалъ каплю крови другого, слѣдовательно, дѣлался какъ бы кровнымъ братомъ. Хотя теперь, при заключеніи этого союза, не считаютъ уже нужнымъ выпивать по каплѣ крови, тѣмъ не менѣе побратимство всюду распространено въ Сербіи и Черногоріи: въ той и другой странѣ это считается священнымъ, и къ нему всѣ сербы и черногорцы относятся съ величайшимъ уваженіемъ. Женщины могутъ заключать между собой «посестримство». Нерѣдко мужчина заключаетъ побратимство и съ женщиной, и тогда уже онъ не можетъ на ней жениться. Въ пѣсняхъ каждый сербскій герой имѣетъ своего побратима, а его посестримой является обыкновенно *вила* (горная нимфа). Обычай побратимства существуетъ только между простыми сербскими и черногорскими поселянами.

Вышеописанное общинное устройство семейнаго быта существуетъ въ сельскомъ населеніи всѣхъ южныхъ славянъ: въ Кроаціи, Славоніи, въ королевствѣ Сербскомъ, въ Босніи, въ Герцоговинѣ, въ Черногоріи и въ Болгаріи, за исключеніемъ городовъ и узкой береговой полосы Далмаціи. Эти семейныя общины въ одной странѣ бываютъ больше, въ другой меньше; у нѣкоторыхъ славянъ эти семейныя отношенія поддерживаются правительствомъ, въ другихъ мѣстахъ они предоставлены сами себѣ. Въ отношеніяхъ между членами семьи, разумѣется, много мѣстныхъ особенностей, но разница тутъ въ мелочахъ и во внѣшней формѣ, основаніе же вездѣ одно. Это устройство семейно-общиннаго быта—коренное славянское, и оно существовало у южныхъ славянъ уже изстари, въ продолженіе 1000 лѣтъ. Нужно удивляться, какъ вкоренился этотъ обычай въ нравахъ южныхъ славянскихъ племенъ; несмотря на всѣ политическія перемѣны, семейно-общинный бытъ всегда являлся главною основою этой народности.

При этомъ вотъ что замѣчательно у сербовъ: несмотря на преобладаніе чувствъ кровнаго родства, слѣдовательно при патріархальныхъ младенческихъ формахъ общежитія, они не знаютъ кровавой мести, которая обыкновенно существуетъ у народовъ, живущихъ въ подобномъ состояніи, и которая еще недавно играла такую важную роль у ихъ соплеменниковъ—черногорцевъ. Сербамъ посчастливилось избѣгнуть обычая кровавой мести больше всего по слѣдующей причинѣ: турки, считавшіе смертоубійство не столько важнымъ преступленіемъ, сколько убыткомъ для себя, брали съ села, въ которомъ оно совершалось, очень высокую плату за кровь. Когда плата была внесена, убійца могъ спокойно возвратиться домой, и оба семейства—

убитаго и убійцы, старались какъ можно скорѣе примириться между собой, чтобы изъ-за какой-нибудь ссоры вторично не было совершено новаго убійства. Естественно, что при этомъ у сербовъ сложился взглядъ на убійство, какъ на величайшее преступленіе, на которое человѣкъ не имѣетъ права покушаться изъ-за личной ссоры и такимъ образомъ отнимать у другого жизнь и новымъ поборомъ подвергать еще большей нищетѣ и безъ того обездоленный народъ.

Во время турецкаго ига задруга была единственнымъ спасеніемъ для сербовъ; теперь же, когда они сдѣлались свободными, дурныя и хорошія ея стороны стали гораздо очевиднѣе. Задружный бытъ имѣетъ много хорошихъ сторонъ: онъ содѣйствуетъ развитію дѣльнаго и работящаго молодого поколѣнія, такъ какъ дѣти съ первыхъ лѣтъ видятъ, какъ старѣйшина слѣдитъ за радивостью и усидчивостью каждаго, какъ строго взыскиваетъ за лѣнь и неисправность; ребенокъ постоянно окруженъ занятыми людьми, привыкаетъ къ порядку. Въ отдѣльныхъ семьяхъ у простолюдина не можетъ быть большого присмотра за дѣтьми, такъ какъ родители цѣлый день на работѣ; въ задругѣ же за дѣтьми всегда присматриваетъ бабка или нарочно для этого назначаютъ ту или другую немолодую женщину. Въ задругѣ каждый ребенокъ имѣетъ товарищей, и если его родители дурны, то въ громадной семьѣ всегда найдется достаточно людей порядочныхъ, которые укажутъ ему на его дурные поступки, помогутъ ему выпутаться изъ затрудненія. Задруга представляетъ вѣрный кровъ для несчастныхъ и убогихъ: больного и калѣку въ задругѣ не выбрасываютъ, а кормятъ и ухаживаютъ за нимъ. Задруга хранитъ обычаи старины и наблюдаетъ за точнымъ выполненіемъ религіозныхъ обрядовъ. Пѣснями, прославляющими народныхъ сербскихъ героевъ, которыя всегда поются у пылающаго костра, вѣчными разсказами о нихъ члены задруги развиваютъ въ молодомъ поколѣніи искренній патріотизмъ, охраняютъ свою вѣру и поддерживаютъ коренные національные сербскіе обычаи. Не менѣе услугъ оказываетъ задруга отдѣльнымъ своимъ членамъ и тѣмъ, что при задружномъ бытѣ каждый выигрываетъ много свободнаго времени. При обычной жизни каждая семья стряпаетъ отдѣльно, и такимъ образомъ у каждой женщины ежедневно пропадаетъ на стряпню болѣе половины дня, между тѣмъ при задружномъ бытѣ каждой приходится стряпать разъ въ недѣлю, а иногда еще гораздо рѣже,—и такъ во всей остальной работѣ. Но самая важная заслуга задруги въ томъ, что она спасаетъ своихъ членовъ отъ крайней бѣдности,—вотъ потому-то въ Сербіи меньше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, нищихъ. То, что задружный бытъ болѣе всего поддерживаетъ благосостояніе народа, особенно становится очевиднымъ при раздѣлахъ. Вмѣсто прежнихъ зажиточныхъ семейныхъ общинъ, имѣвшихъ во владѣніи огромный участокъ земли, отъ 7 до 8 штукъ рабочаго скота и столько же коровъ, послѣ раздѣла являются маленькія отдѣльныя семьи, которыя вслѣдъ за тѣмъ обыкновенно начинаютъ сильно бѣдствовать на своихъ мелкихъ участкахъ, съ одною лошадью, очень часто безъ упряжи и плуга, иногда даже безъ коровы. Дробленіе семьи ведетъ и къ сокращенію рабочихъ силъ. Тамъ, гдѣ прежде общее управленіе домомъ лежало на одномъ лицѣ, а другіе члены работали въ полѣ, теперь, если община, положимъ, раздѣлилась на три семьи, эта обязанность лежитъ на трехъ домохозяевахъ, и въ случаѣ какого-нибудь правительственнаго требованія, уплаты податей или чего другого, всѣ трое должны являться въ назначенное мѣсто и такимъ образомъ прогуливать рабочіе дни, три пастуха—пасти скотъ. Между тѣмъ въ задругѣ каждую изъ этихъ обязанностей несъ на себѣ одинъ человѣкъ, а остальные всѣ работали.

Если эти семейно-общинныя отношенія приносятъ народу огромную выгоду въ

матеріальномъ отношеніи, нельзя сказать того же относительно его нравственнаго развитія. Безпрекословно подчиняясь старѣйшинѣ, члены семьи прывыкають командовать или подчиняться, не разсуждая. Кромѣ того, каждымъ членомъ задруги, всѣми его поступками, отъ ранней юности до его смерти, всегда руководитъ старѣйшина. Естественно, что человѣкъ, который вѣчно ходитъ на помочахъ, подъ конецъ утрачиваетъ всякую самостоятельность, а это служитъ для него впослѣдствіи источникомъ величайшихъ несчастій. Представьте себѣ, что человѣкъ, которымъ вѣчно руководили, который никогда не зналъ, что онъ будетъ дѣлать черезъ два, три часа, такъ какъ старѣйшина могъ послать его то на одну, то на другую работу, вдругъ сразу дѣлается хозяиномъ и руководителемъ. Такой человѣкъ не умѣетъ ни семью вести, ни рабочее время распредѣлить, нѣтъ у него въ хозяйствѣ никакой предпріимчивости, никакой сноровки, какъ, что, когда и сколько чего заготовить для семьи. Къ тому же руководящимъ лицомъ въ задругѣ, т.-е. старѣйшиною, обыкновенно бываютъ люди весьма пожилые, которые поддерживаютъ старыя традиціи, старые порядки, языческіе обряды, нелѣпыя суевѣрія, всегда приносящіе болѣе вреда, чѣмъ пользы. Между тѣмъ съ ранняго дѣтства каждый привыкаетъ уважать старѣйшину, а слѣдовательно и усвоиваетъ всѣ его взгляды.

ХАРАКТЕРЪ И ВѢРОВАНІЯ СЕРБОВЪ.

Наружность, одежда мужчинъ и женщинъ.—Женскія притиранія.—Характеръ народа и болѣзни, господствующія среди него.—Религіозность серба.—Церкви и монастыри—мѣста молитвы и народныхъ увеселеній.—Суевѣрія народа и знахарки.—Народныя пѣсни.—Гусляръ и его пѣніе.—Любимый богатырь Марко-Кралевичъ.

Сербъ отличается рѣзкими чертами лица, выдающимися скулами; онъ сильнаго сложенія, большого роста, широкоплечъ. Его бѣлокурые или черные волосы коротко подстрижены. Только духовенство носитъ длинные волосы и бороды, остальные стригутъ ихъ немного пониже уха; горожанинъ еще носитъ иногда бакенбарды, но деревенскій житель—только усы.

Нарядъ сербскаго селянина: на головѣ—низкая красная шапочка, фесъ, съ темною, свѣсившеюся кистью, а то такъ и совсѣмъ безъ кисти. Фесъ начинаетъ выходить изъ употребленія и замѣняется мѣховою шапкою, иногда даже и лѣтомъ. Панталоны полотняныя, длинныя, широкія, собраны немного пониже колѣнъ, а у большей части спускаются до самаго низу. Поверхъ полотняныхъ панталонъ надѣта рубашка, разрѣзанная на груди и подвязанная краснымъ шерстянымъ поясомъ, а поверхъ его застегнутъ еще другой поясъ — кожаный, за которымъ засунуты два пистолета; сзади къ нему прикрѣпленъ вышитый или металлическій патронташъ (но онъ не всегда бываетъ). На правомъ боку, на шнуркахъ, виситъ у этого пояса короткій ножъ въ кожаныхъ или металлическихъ ножнахъ, огниво и коробка съ жиромъ для смазки оружія. Если селянинъ собирается въ дорогу, онъ одѣваетъ еще жилетъ, сверху накидываетъ вышитую шнурками *гуню* (нѣчто въ родѣ кафтана) и надѣваетъ черезъ плечо ружье, что придаетъ ему воинственный видъ. Обувь его—удивительно замысловато связанные чулки съ яркими букетами и *опанки* (примитивные, кожаные башмаки). Въ одеждѣ сербскаго простолюдина много разнообразія. Въ западной Сербіи селянинъ обыкновенно носитъ шаровары изъ коричневаго сукна, у колѣнъ укрѣпленныя застежками. На югѣ въ одеждѣ серба уже много албанскаго, а на востокѣ—румынская одежда.

Въ городахъ мужская одежда (если только сербъ не чиновникъ и купецъ, такъ какъ тѣ и другіе носятъ теперь европейское платье)—весьма роскошна и вмѣстѣ съ тѣмъ удобна. Одежда горожанъ большей частью синяго цвѣта. Штаны изъ синяго сукна богато вышиты черными шнурками. Широкій пестрый поясъ изъ шелковой или шерстяной матеріи въ нѣсколько разъ обхватываетъ талію. Красная, вышитая золотыми шнурками жилетка плотно лежитъ на рубашкѣ, тоже затѣйливо расшитой. За поясомъ засунуты два пистолета, выложенные серебромъ, и иногда богатый патронташъ; на головѣ фесъ съ длинною синею кистью. Обувь — пестрые или бѣлые чулки и темные кожаные башмаки, —*опанки*.

Между женщинами есть и красивыя, но имъ не достаетъ легкости въ походкѣ и движеніяхъ. Сербскій народъ считаетъ всякую женщину съ черными волосами, бѣлую и румяную—красавицею, а потому здѣсь въ большомъ употребленіи крашеніе волосъ, бѣлила и румяна. Что же касается женскаго туалета, то онъ здѣсь такъ разнообразенъ, какъ нигдѣ. Что ни округъ, то свой нарядъ. Особенно разнообразны головныя украшенія. Въ Бѣлградѣ дѣвушки носятъ въ волосахъ, заплетенныхъ въ косы, цвѣты и монеты; при этомъ надо лбомъ волосы подстригаютъ довольно коротко и подвиваютъ въ мелкія завитушки. Во многихъ мѣстностяхъ замужнія женщины носятъ маленькую, красную шапочку съ темною кистью и кругомъ эту шапочку обвиваютъ своей длинной косой; у кого не хватаетъ своей косы, привязываютъ фальшивую. Спереди въ косу прикалываютъ цвѣтокъ или унизываютъ ее золотыми монетами. Замужнія женщины, вмѣсто феса (который чаще всего носятъ въ городахъ), одѣваютъ иногда нѣчто въ родѣ кокошника, который подъ подбородкомъ подвязываютъ лентами, а сверху кокошника, позади, на плечи падаетъ бѣлый платокъ, напоминающій итальянскій уборъ. У богатыхъ завязки у подбородка сплошь унизаны серебряными монетами, такъ что лицо точно въ металлической рамкѣ. На западѣ Сербіи головное украшеніе женщины имѣетъ форму тарелки съ платкомъ, падающимъ назадъ складками. Самая важная часть костюма сербской поселянки—длинная рубашка отъ шеи до пятъ. Эта рубашка вышита разноцвѣтною шерстью на груди, плечахъ и рукахъ. Дома и въ полѣ женщина обыкновенно сидитъ въ этой длинной рубашкѣ или одѣваетъ еще два вышитыхъ передника; одинъ привязываютъ сзади, а другой спереди; талія стягивается поясомъ, и иногда накидывается еще коротенькая курточка, открытая спереди. Верхнее платье, употребляемое почти во всей Сербіи, которое женщины носятъ, когда идутъ со двора, — камзолъ безъ рукавовъ, спереди открытый, пестро расшитый огромными букетами и полосами, съ прорѣзами на бокахъ. Пестрые чулки и опанки составляютъ обувь, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ. На шеѣ непремѣнно носятъ какія-нибудь украшенія изъ бусъ и монетъ, при этомъ у каждой—браслеты на рукахъ, множество колецъ на пальцахъ, огромныя серьги въ ушахъ изъ дешевыхъ металловъ.

Натура серба чисто славянская: онъ добръ до простодушія, впечатлителенъ, наблюдателенъ, уменъ и необыкновенно терпѣливъ. Впрочемъ, не только сербамъ, но и всему славянскому племени — не занимать стать терпѣнія. Исторія всѣхъ этихъ племенъ—длинная повѣсть страданій народа, а страданія пріучаютъ къ терпѣнію и отчасти заставляютъ сживаться съ ними. Вотъ почему сербы такъ вяло и терпѣливо относятся ко многимъ весьма вреднымъ и дурнымъ сторонамъ своего правленія и быта. Исторія народа громко говоритъ о его братскомъ чувствѣ, о его любви къ отечеству, о его личномъ мужествѣ. Впрочемъ, его храбрость и военныя доблести давно извѣстны: онѣ были прославлены еще византійцами. Въ физіономіи серба выражается или полнѣйшее добродушіе и простота, или мужество и чувство собствен-

наго достоинства. Онъ не только уменъ, но и хитеръ; самъ не обманетъ, и другому трудно его провести. Натура у него широкая: онъ любитъ угостить гостя, товарища, иногда покутить вмѣстѣ съ нимъ; но по природѣ онъ не наклоненъ къ кутежу, разойдется же иногда съ товарищемъ, чтобы себя показать: дескать—ѣшь, пей, веселись, ничего не жалѣю. Хотя онъ и любитъ иногда погулять, расщедриться, но въ важныхъ дѣлахъ никогда не упуститъ своей выгоды. Однако, несмотря на разсчетливость, милосердіе — одна изъ характерныхъ чертъ сербскаго народа. Нищимъ въ этой странѣ, хотя ихъ чрезвычайно мало, никогда не отказываютъ въ милостынѣ. При этомъ сербъ не относится къ нимъ презрительно. «Нищенскій посохъ и сума», говоритъ сербская пословица, «происходятъ отъ Бога». Гостепріимство серба не знаетъ границъ: тотъ, кто переступаетъ порогъ его дома, считается подъ покровительствомъ всего семейства, и кто бы онъ ни былъ, его тотчасъ приглашаютъ принять участіе въ обѣдѣ. Въ Сербіи просто считаютъ за счастье принимать гостей. Семейство, которому выпадаетъ случай часто принимать ихъ, считается особенно счастливымъ. «Не порицай этого дома,—онъ всегда полонъ гостями», скажетъ желающій защитить домъ отъ клеветы. Сербъ—человѣкъ воинственный, бросается въ глаза въ высшей степени живымъ темпераментомъ, откровененъ, краснорѣчивъ и любитъ выказать свое краснорѣчіе въ застольныхъ бесѣдахъ, расточителенъ, особенно въ компаніи, когда онъ ставитъ послѣднюю копѣйку ребромъ, и отличается гордымъ характеромъ. Въ деревняхъ между сербскими поселянами чрезвычайно рѣдко можно встрѣтить батраковъ и домашнюю прислугу. Богатые люди въ Сербіи нанимаютъ себѣ прислугу, приходящую изъ Австро-Венгріи: найти ее среди сербовъ очень трудно; это происходитъ отчасти оттого, что задруга всегда находитъ дѣло для каждаго своего члена, а также вслѣдствіе гордаго характера сербовъ, которые готовы лучше взять на себя болѣе тяжелый трудъ, чѣмъ сдѣлаться батракомъ или слугою въ чужомъ домѣ. Сравнительно съ болгарами сербы менѣе трудолюбивы, но настойчивы и послѣдовательны въ трудѣ.

Не менѣе характерная черта серба—уваженіе къ старшимъ. «Безъ повиновенія старшимъ нѣтъ спасенія»,—вотъ что прежде всего родители считаютъ долгомъ внушить своимъ дѣтямъ. Повиновеніе считается обязательнымъ какъ относительно мужчинъ, такъ и относительно женщинъ, но, конечно, только преклонныхъ лѣтами. На семейныхъ совѣщаніяхъ старики имѣютъ право голоса передъ всѣми остальными. Когда они входятъ въ домъ, молодые не только встаютъ, но и стоятъ до тѣхъ поръ, пока тѣ не дозволятъ имъ сѣсть. У знакомаго старика молодой человѣкъ цѣлуетъ руку и никогда не позволитъ себѣ ссориться съ кѣмъ бы то ни было въ его присутствіи. Сидя и болтая съ товарищами гдѣ-нибудь на улицѣ, онъ зорко слѣдитъ, чтобы не остаться сидѣть, когда будетъ проходить какой-нибудь старикъ. Не позволитъ себѣ также молодежь начать въ присутствіи пожилыхъ мужчинъ или женщинъ веселыя игры, забавы, шутки.

Жизнь среди многочисленнаго семейства развила въ сербахъ братскія чувства ко всѣмъ своимъ соотечественникамъ: сербъ даже совершенно чужихъ людей называетъ «братъ», «родичъ», «домачинъ», «дядя», а женщинъ «сестра», «тетя», «сноха». Эти родственныя чувства развились также и вслѣдствіе 400-лѣтняго турецкаго ига, когда каждый чувствовалъ, что лишь согласіе и миръ между своими могутъ дать хотя минуту отрады въ годину тяжкаго гнета и сдѣлать впослѣдствіи сербскій народъ самостоятельнымъ. Эти братскія чувства такъ свойственны всѣмъ сербамъ, что даже нищій говоритъ проходящему: «подай мнѣ, братъ», и князья сербскіе, когда обращались къ народу, говорили ему: «братья!» Только нынѣш-

ній сербскій король Александръ обращается къ сербамъ съ словами «сербскій народъ!»

Въ Сербіи, какъ уже было сказано, нѣтъ ни аристократіи, ни дворянства, и иностранцу, который первый разъ пріѣзжаетъ въ эту страну, прежде всего бросается въ глаза демократическій характеръ народа. Высшій сановникъ, министръ или членъ государственнаго совѣта сидитъ нерѣдко на лавкѣ подлѣ простого селянина, совершенно дружелюбно и просто разговариваетъ съ нимъ, и они называютъ другъ друга «ты»; при прощаніи и встрѣчѣ они цѣлуются и пожимаютъ другъ другу руки. Этотъ врожденный демократизмъ обѣщаетъ въ будущемъ много хорошаго. Не растрачивая нравственныхъ и умственныхъ силъ въ погонѣ за высокими титулами, орденами и другими отличіями, сербскій народъ сохранитъ свои силы для достиженія въ будущемъ солидныхъ качествъ ума и сердца.

Родители, старѣйшины задругъ, священники и старцы вообще, по понятіямъ сербовъ, имѣютъ право проклинать людей за дурные поступки, и народъ страшно боится этихъ проклятій. Ихъ боятся потому, что по понятіямъ сербовъ, того, кто подвергается проклятіямъ, ждутъ всевозможныя неудачи и несчастія, и потому, что дѣти человѣка, подвергнувшагося проклятію будто бы будутъ помѣшанными, горбатыми, какими-нибудь калѣками. Народная сербская пѣсня, которая есть точное воспроизведеніе и отраженіе воззрѣній, вѣрованій и нравовъ народа, разсказываетъ, какъ сербскій король Вукашинъ, обидѣвшись на своего сына, проклинаетъ его: «сынъ мой, Марко, пусть Богъ тебя убьетъ, пусть не будетъ у тебя могилы, пусть не будетъ у тебя рода, пусть ты не умрешь, пока не будешь служить у турецкаго султана». Если служащій обидитъ своего хозяина, тотъ проклинаетъ его словами: «пусть проклятіемъ будетъ для тебя хлѣбъ и соль, которые ты ѣлъ у меня». Наоборотъ, слуга, обиженный хозяиномъ, такъ проклинаетъ его: «пусть будетъ тебѣ проклятіемъ мой трудъ и потъ». Когда поселяне продаютъ что-нибудь другъ другу, они очень боятся проклятія, и чтобы избѣжать его, обыкновенно говорятъ: «пусть будетъ тебѣ благословеніемъ то, что ты отъ меня получилъ».

Привычка къ брани—самая отвратительная черта характера народа; сербъ—въ полномъ смыслѣ слова истинный ругатель. Какъ бы онъ ни былъ друженъ съ товарищемъ, братомъ, сестрой, онъ въ сердитую минуту можетъ выругать близкихъ и чужихъ самыми отборными выраженіями. Противъ этой привычки къ брани уже издавна возставала церковь, а власти наказывали ругающихся розгами, но ничего не помогало, и сербы до сихъ поръ отчаянно бранятся между собой и теперь уже не несутъ за это никакой отвѣтственности. Множество ругательныхъ словъ вошло въ обычную рѣчь серба и нерѣдко произносятся имъ просто по привычкѣ. Въ спорѣ сербъ горячится и ругается напропалую, но воли рукамъ не даетъ. Съ женщиной онъ никогда не споритъ, такъ какъ, по его понятію, она уже отъ природы лишена всякаго пониманія, а потому должна быть во всемъ согласна съ нимъ.

Хотя климатъ въ Сербіи прекрасный, но народъ не отличается особеннымъ здоровьемъ. Сербскіе доктора утверждаютъ даже, что физическое развитіе народа ухудшается: «теперь уже нечего искать», говоритъ одинъ изъ нихъ, «геркулесовскаго сложенія прежнихъ сербскихъ героевъ, вожаковъ въ борьбѣ противъ турокъ. Посмотрите на теперешнихъ солдатъ, — 22-хъ-лѣтніе часто выглядятъ совершенными дѣтьми. Женщины не лучше». Сколько рекрутъ забраковывается вслѣдствіе физическихъ недостатковъ,—точно неизвѣстно, но, судя по цифрамъ забракованныхъ рекрутъ въ отдѣльныхъ округахъ, видно, что ихъ число весьма велико: въ одномъ округѣ

изъ 216-ти рекрутъ (нѣсколько лѣтъ тому назадъ) было забраковано 51 чел., въ другомъ изъ 200—46.

Болѣзнь, которая наиболѣе ослабляетъ физическія силы поселянъ,—лихорадка, которою отъ времени до времени страдаютъ всѣ сербы не только въ болотистыхъ мѣстностяхъ, но даже въ гористыхъ предѣлахъ. Она появляется во всякое время, но особенно распространена лѣтомъ, когда ею заболѣваетъ болѣе половины населенія. Результатомъ этой болѣзни являются опухоль печени, малокровіе и расположеніе ко всевозможнымъ страданіямъ. Главная причина заболѣванія этою болѣзнью въ жаркое время—плохое питаніе въ такую пору, когда приходится особенно много работать. Болѣе всего развиваютъ эту болѣзнь условія жизни, среди которыхъ живутъ сербскіе поселяне: они спятъ рядомъ другъ возлѣ друга, на полу, подкинувъ подъ себя охапку сѣна или соломы, и при этомъ покрываются всѣ вмѣстѣ однимъ огромнымъ ковромъ, который никогда не провѣтривается, покрываются съ головы до пятъ, такъ что имъ приходится дышать всю ночь пылью ковра. Развиваетъ и усиливаетъ лихорадку дымъ костровъ въ домахъ, отъ котораго сильно страдаютъ также глаза и дыхательные органы. Болѣзни пищеварительныхъ органовъ тоже сильно изнуряютъ сербовъ. Всѣ эти болѣзни въ концѣ концовъ ведутъ къ чахоткѣ, которая въ послѣднее время стала сильно распространяться во многихъ уголкахъ страны. Усиливаетъ распространеніе этой болѣзни привычка не достаточно тепло одѣваться въ холодное время и отвратительный воздухъ въ хатахъ, который никогда не вентилируется. Хотя въ самое послѣднее время одежда и жилища сербовъ улучшились, но легочныя заболѣванія и болѣзни дыхательныхъ органовъ не уменьшаются, а усиливаются. Это объясняютъ тѣмъ, что прежде постройки были бревенчатыя, которыя допускали обмѣнъ воздуха, теперь же многіе строятъ дома изъ кирпича и камня, между тѣмъ въ жилищахъ попрежнему не существуетъ настоящихъ оконъ, которыя бы давали возможность очищать воздухъ. И дѣйствительно, воздухъ въ сербскихъ хатахъ чрезвычайно спертый, испорченный, удушливый и слишкомъ теплый. Многіе ночью чувствуютъ, что имъ нечѣмъ дышать, срываютъ съ себя коверъ, въ одной рубашкѣ бѣгутъ освѣжиться во дворъ и нерѣдко схватываютъ жестокую простуду. Лѣтомъ, когда пища поселянъ состоитъ изъ хлѣба, огурцовъ, всевозможной зелени, кукурузы и недозрѣлыхъ фруктовъ, появляется дизентерія (кровавый поносъ), которая массами губитъ дѣтей. Всевозможныя накожныя болѣзни, особенно чесотка, въ такой степени распространены между сербами, что многіе изъ нихъ родятся и умираютъ съ ними.

Въ болѣзняхъ прибѣгаютъ не къ докторамъ, а къ знахаркамъ, къ ворожбѣ, или лѣчатся домашними средствами. Отъ чесотки смазываютъ тѣло смолой или натираютъ настойкой изъ перца, пшеницы и крѣпкой водки; нерѣдко настойку приготовляютъ изъ соли, керосина и водки и этимъ только усиливаютъ всевозможныя сыпи. Къ ссадинамъ, нарывамъ и волдырямъ прикладываютъ чеснокъ съ разнообразными травами или смазываютъ ихъ смѣсью изъ горчицы, нашатырнаго спирта и уксуса, что превращаетъ изъязвленное мѣсто въ настоящую рану. Вообще лѣчатся самымъ первобытнымъ способомъ и уже однимъ этимъ нерѣдко прививаютъ опасныя болѣзни. Не одно невѣжество заставляетъ сербовъ лѣчиться у знахарокъ, но и совершенное отсутствіе въ селахъ докторовъ: на 12.270 человѣкъ приходится одинъ докторъ, да и тотъ живетъ въ городѣ,—до него добраться селянину очень трудно. Не мало вредитъ здоровью и вѣра въ фатализмъ (предопредѣленіе), которую сербы заимствовали отъ турокъ. Они говорятъ: «смерть не придетъ, если не наступитъ тотъ день, который назначенъ каждому», и уже одно это заставляетъ многихъ относиться къ лѣченію недовѣрчиво.

Пища серба тоже содѣйствуетъ заболѣваніямъ: рыбный супъ съ кислымъ молокомъ и кислая капуста съ саломъ — любимыя кушанья. Хлѣбъ пекутъ, какъ въ большей части странъ на Балканскомъ полуостровѣ, изъ маисовой муки, иногда смѣшавъ ее съ пшеничной, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ изъ овсяной муки. Кромѣ хлѣба, ѣдятъ сушеную рыбу, но еще чаще бобы, фасоль, огурцы, горохъ, картофель, рѣдьку, чеснокъ и много другихъ овощей. Крѣпкій перецъ служитъ приправой ко всѣмъ кушаньямъ. Сербы строго соблюдаютъ посты: постное ѣдятъ всѣ четыре поста въ году, а также каждую среду и пятницу, однимъ словомъ, двѣ трети года сербъ питается почти исключительно растительною пищею. Въ остальное время года онъ ѣстъ молоко, сыръ, яйца, простоквашу. Мясо ѣдятъ рѣдко. Въ большіе праздники на столъ подаютъ любимыя кушанья: кислый супъ, приготовленный изъ свинины или баранины, а чаще всего изъ курицы или индѣйки; въ него вливаютъ немного молока или свиного жира, кладутъ два, три яйца, уксусъ и перецъ. Второе національное сербское кушанье—фасоль или бобы съ мясомъ, или съ свинымъ жиромъ; въ него тоже прибавляютъ нѣсколько молока и перцу. Подаютъ въ праздники и «гибаницу». Это кушанье приготовляютъ такимъ образомъ: раскатываютъ тѣсто, разрѣзываютъ на нѣсколько тонкихъ листовъ, кладутъ въ посудину, посыпаютъ слоемъ изъ сыра (овечьяго), сырыхъ яицъ, масла и соли, покрываютъ другимъ листомъ изъ тѣста, затѣмъ опять смазываютъ тою же смѣсью, и такимъ образомъ получается мучное кушанье «гибаница», чрезвычайно любимое всѣми сербами.

Сербы—православнаго исповѣданія. Богослуженіе у нихъ, какъ и у насъ, совершается на церковно-славянскомъ языкѣ. Хотя ему обучаютъ въ школахъ, но такъ какъ большинство сербовъ — народъ безграмотный, а между этимъ языкомъ и сербскимъ большое различіе, то поселяне мало понимаютъ богослуженіе. Церкви, богослуженіе и облаченіе духовенства въ Сербіи—то же самое, что у насъ. Сербскихъ священниковъ содержитъ ихъ паства; по закону, кромѣ платы за требы, они получаютъ болѣе 50-ти коп. на наши деньги съ каждаго платящаго подать. Многіе изъ нихъ весьма невѣжественны и разсчетливы; они мало чѣмъ отличаются отъ простонародья: такъ-же какъ и простые земледѣльцы, они сами обрабатываютъ свои поля, раздѣляютъ народныя симпатіи и антипатіи, всѣ они горячіе патріоты и не стремятся играть какую-нибудь выдающуюся роль въ государствѣ.

Сербъ человѣкъ глубоко и искренно религіозный; въ его религіи нѣтъ и тѣни ханжества. Всякое свое дѣло онъ начинаетъ молитвою. Онъ даже считаетъ грѣхомъ что-нибудь пообѣщать, не прибавивъ: «если Богу будетъ угодно». Самый языкъ серба получилъ отъ этого особый оттѣнокъ, и рѣчь его изобилуетъ оригинальными сокращеніями. Вмѣсто того, чтобы сказать путешественнику: «Куда ты идешь, если Богу угодно?» онъ говоритъ: «Если Богу угодно», самый же вопросъ опускается. Сербы молятся не менѣе трехъ разъ: утромъ, передъ ужиномъ и ложась спать. При этомъ они молятся не всегда передъ образами, а тамъ, гдѣ найдется наиболѣе уединенное мѣсто: подъ дубомъ, на дорогѣ, въ избѣ. Передъ питьемъ вина, садясь за пирушку, сербъ непремѣнно скажетъ: «во славу Божію!» Когда онъ идетъ приглашать къ себѣ на праздникъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, свое приглашеніе онъ всегда начинаетъ такъ: «вашъ домъ также Божій домъ, просимъ васъ придти на вечеръ, угостимъ, чѣмъ святой послалъ». Церкви, мощи, кресты и иконы глубоко почитаются въ сербскомъ народѣ. По природѣ разсудительный и умный, сербъ не увлекается внѣшностью, а старается проникнуть въ сущность религіи. Когда забредетъ въ Сербію аѳонскій монахъ съ мощами и остановится въ какомъ-нибудь домѣ, домашніе немедленно прекращаютъ между собою ссоры и брань, что такъ сильно развито у

сербовъ, чистятъ весь домъ и стараются, во все время пребыванія мощей въ домѣ, наблюдать строжайшій порядокъ, миръ и чистоту. Входя въ домъ неожиданно, вы часто можете застать серба колѣнопреклоненнымъ, съ горячею молитвою на устахъ; въ церкви же, напротивъ, онъ стоитъ всегда чинно. Часто креститься и кланяться на виду у всѣхъ сербъ считаетъ ханжествомъ и отворачивается отъ такихъ людей. Вотъ почему, несмотря на свою религіозность, онъ очень рѣдко посѣщаетъ церковь и предпочитаетъ молиться наединѣ, у себя дома.

Но несмотря, однако, на глубокое почитаніе религіи, сербскій народъ чрезвычайно любитъ попѣть, поплясать и повеселиться въ праздничные дни около своихъ монастырей. Онъ привыкъ собираться у церквей и монастырей еще во времена своего рабства. Монастыри и церкви были выстроены, да и теперь еще нѣкоторые изъ нихъ находятся въ лѣсахъ. Тутъ народъ укрывался отъ своихъ поработителей, сюда стекались сербы за совѣтомъ къ своимъ священникамъ, и теперь въ праздничный день народъ цѣлыми толпами направляется къ церквамъ монастырей.

Особенно много собирается народа въ дни церковныхъ праздниковъ. Въ такихъ случаяхъ народъ толпится еще наканунѣ у монастырской ограды. Здѣсь и тамъ стоятъ лошади, запряженныя въ телѣги, на которыхъ поселяне пріѣхали сами и привезли съ собой различныя сельскія сбереженія и домашнія женскія издѣлія. Противъ монастырскихъ стѣнъ устраивается нѣчто въ родѣ ярмарки: въ крошечныхъ импровизированныхъ лавчонкахъ продаютъ дешевыя украшенія для женщинъ, домашнее полотно, платки, а также хлѣбъ, водку и т. п. Многія женщины пріѣзжаютъ сюда верхами,—и вообще онѣ свободно ѣздятъ верхомъ на лошади, сидя на мужскомъ сѣдлѣ. Одни собрались сюда, чтобы помолиться, другіе—что-нибудь купить или продать, нѣкоторые — чтобы встрѣтить родственника или знакомаго, съ которымъ давно не видались, иные, чтобъ приглядѣть невѣсту для сына и, наконецъ, чтобы повеселиться. Тутъ можно быть свидѣтелемъ самыхъ разнообразныхъ сценъ. Вотъ одна женщина узнала въ толпѣ своего родственника, быстро подходитъ къ нему, склоняется къ его плечу съ воемъ и рыданіями, начинаетъ голосить и пересчитывать хорошія качества своего умершаго мужа или сына. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе она задыхается отъ рыданій; слезы катятся градомъ. По кодексу приличій сербскихъ поселянъ, женщина всегда должна сообщать о смерти близкаго человѣка съ рыданіями и причитаніями. Мужчина, обыкновенно, довольно вяло и равнодушно утѣшаетъ ее при этомъ: «Богу такъ угодно было», или: «перестань, есть несчастнѣе тебя!» Такъ какъ это только обычай, то очень часто та женщина, которая только что потрясала воздухъ своими рыданіями, черезъ нѣсколько минутъ хохочетъ или весело танцуетъ въ хороводѣ.

При первомъ ударѣ колокола огромная толпа чинно отправляется на всенощную, но послѣ нея начинаются танцы, пѣсни и игры. Вся окрестность оглашается тогда протяжными сербскими пѣснями. На каждомъ шагу попадается медленно движущееся *коло* (хороводъ). Часто въ этомъ хороводѣ одинъ какой-нибудь голосъ пропоетъ какой-то стихъ, и всѣ громко расхохочутся. Здѣсь и тамъ горящіе костры придаютъ собравшимся необыкновенно оригинальный видъ. Одни у костровъ разогрѣваютъ кушанья, привезенныя съ собой, другіе—варятъ кофе, а нѣсколько дальше компанія угощается ракіей (водкой). Вдругъ появляется монахъ съ бумажкой и карандашемъ въ рукахъ; онъ садится на какой-нибудь камень, и къ нему, одинъ за другимъ, подходятъ мужчины и женщины, называютъ свои имена, которыя онъ и записываетъ. Во время ночной церковной службы, а также на другой день при богослуженіи эта записка съ именами читается въ церкви. На другой день, послѣ окон-

чанія богослуженія, тоже поютъ пѣсни, танцуютъ, здѣсь и тамъ раздаются звуки гуслей и пѣніе гусляра.

Сербы не танцуютъ никакого танца, кромѣ «коло», т.-е. хоровода. Его танцуютъ мужчины съ мужчинами, женщины съ женщинами, но эти хороводы болѣе всего любимы тогда, когда въ нихъ участвуютъ мужчины вмѣстѣ съ женщинами. Въ такихъ случаяхъ мужчина становится между двумя женщинами; женщина кладетъ мужчинѣ руку на плечо, а онъ другой рукой держитъ ее за талію; при этомъ, въ большинствѣ случаевъ, женщины опоясываютъ талію ремешкомъ или платкомъ, чтобы мужчины, съ той и съ другой стороны, могли зацѣпить ее пальцемъ. Всѣ танцующіе составляютъ кругъ, иногда большой, иногда малый. Пляшутъ подъ звуки музыки, двигаясь то вправо, то влѣво. При этомъ играютъ на свирѣли, а еще чаще на скрипкѣ, и скрипачемъ обыкновенно является цыганъ. Кромѣ музыки, иногда кто-нибудь изъ танцующихъ начинаетъ припѣвать какую-нибудь пѣсенку, пригоняя ее къ такту. Эти пѣсенки нерѣдко остроумны, еще чаще онѣ совершенно безразличны: «иди нога за ногой, какъ рыба за водой, какъ дѣвица за молодцомъ. Хопа... цупа... сапоги мои... дома еще двое, да все же не мои...».

На одной площадкѣ пляшутъ, на другой раздаются монотонные звуки гуслей. Гусли—въ родѣ нашей скрипки, только съ одною струною. Звуки, вызываемые изъ этой струны смычкомъ, прекрасно гармонируютъ съ характеромъ пѣнія гусляра. Иной гусляръ такъ воодушевляется, поетъ въ такой степени громко, что звуки его пѣсни раздаются далеко и отличаются въ высшей степени величественнымъ, воинственнымъ и своеобразнымъ характеромъ.

Богатая фантазія сербскаго народа особенно выражается въ его пѣсняхъ. Никто не съумѣетъ вамъ назвать ихъ сочинителя; да и кому до того дѣло, кто написалъ пѣсню, пришлась бы она по душѣ сербу, и онъ ее всюду будетъ распѣвать. Не даромъ въ каждомъ домѣ висятъ на стѣнѣ гусли, подъ аккомпанементъ которыхъ и поются эти пѣсни. Зимними вечерами, когда семья собирается вокругъ огня и женщины прядутъ, тотъ, кто лучше поетъ, берется за гусли. Даже настоятели монастырей не считаютъ для себя неприличнымъ играть на гусляхъ и пѣть. Сербская пѣсня скорѣе сказывается, чѣмъ поется: это нѣчто въ родѣ нашихъ речитативовъ, только напѣвъ ея очень грустный и монотонный, чему особенно способствуютъ гусли—инструментъ однострунный. Въ горахъ, гдѣ характеръ природы болѣе величественный и дикій, поются юнацкія пѣсни, которыя воспѣваютъ гайдуковъ. Въ нихъ живо изображены всѣ опасности, которымъ подвергался гайдукъ, скалы, изъ-за которыхъ онъ сторожилъ турка, пещеры, въ которыя онъ прятался, его быстрое нападеніе на врага. Замѣчательно, что въ этихъ пѣсняхъ мелочи изображены иногда со всевозможными подробностями. Въ одной изъ нихъ разсказывается о стрѣльбѣ юнака; при этомъ говорится, какъ онъ беретъ ружье по срединѣ, какъ припадаетъ на правое колѣно, кладетъ ружье на лѣвое, прицѣливается. Описаніе ранъ, полученныхъ юнакомъ въ бою, доведено иногда до анатомическихъ тонкостей. Но прежде всего въ этихъ пѣсняхъ выступаетъ страшная ненависть къ невѣрному; въ нихъ юнаку приписываютъ и гуманные поступки: онъ заботится о своемъ плѣнникѣ, выводитъ его грѣться на солнцѣ. Вѣчная борьба съ турками развила ненависть къ нимъ и воинственный духъ,—вотъ почему сербы и до сихъ поръ еще такъ любятъ юнацкія пѣсни. Впрочемъ, они поютъ различныя пѣсни; даже и тѣ сербы, которые еще въ ранней юности обратились въ исламъ, не утратили своей любви къ пѣснямъ. По этому признаку вы тотчасъ отличите серба-магометанина отъ турка-магометанина, который всегда молчитъ. Куда вы ни пойдете, повсюду раздаются пѣсни: въ горы, въ которыхъ

пастухъ пасетъ свое стадо, въ поля, на которыхъ убираютъ хлѣбъ, въ лѣса,—со всѣхъ сторонъ несется пѣсня, неразлучная спутница всѣхъ занятій этого народа. На праздникахъ, когда народъ толпами собирается у монастырей, являются слѣпые, которые поютъ здѣсь съ особеннымъ искусствомъ.

Сербскія пѣсни знакомятъ насъ и съ трудовою жизнію земледѣльца, и съ его семейнымъ бытомъ. Одна пѣсня хвалитъ земледѣльца, у котораго «руки черны, за то хлѣбъ бѣлъ», другая—почтеннаго старца съ длинной бородою, третья—изображаетъ цвѣтущую дѣвушку, когда она повѣряетъ свою тайну цвѣтку. Ихъ пѣсни не скрываютъ и тяжести семейной жизни; въ нихъ часто разсказывается, какъ злы бываютъ мачихи, какъ ссорятся между собою невѣстки: ласточка завидуетъ кукушкѣ, такъ какъ она не слышитъ ихъ перебранокъ.

Самыя лучшія пѣсни сербовъ—тѣ, которыя воспѣваютъ разныя историческія событія ихъ прошлой жизни, хотя о многомъ разсказывается не такъ, какъ было на дѣлѣ. На первомъ планѣ здѣсь является Стефанъ Душанъ, этотъ главнѣйшій представитель кратковременнаго могущества и славы Сербіи. Несчастная Косовская битва такъ поразила воображеніе народа, что о ней разсказывается въ большей части пѣсней. Герои сербскіе при этомъ необыкновенно воинственны, просты и набожны. Война для нихъ выше всего, мужество—первая добродѣтель; они свято хранятъ клятву и честное слово, щадятъ плѣнныхъ и не ругаются надъ трупами враговъ. Но больше всего пѣсней сложилось у сербовъ про Марка-Кралевича. Марко преисполненъ необыкновенной силы и могущества, онъ самый любимый сербскій богатырь, мало походитъ на другихъ героевъ, и, по народному преданію, въ его судьбѣ—что-то сверхъестественное. Цѣлыхъ 300 лѣтъ прожилъ Марко, совершая свои богатырскіе подвиги. Всѣ эти сказанія передаются безъ всякой послѣдовательности, въ отдѣльныхъ пѣсняхъ, изъ которыхъ каждая представляетъ особое цѣлое. Но во всѣхъ нихъ одинъ смыслъ, одинъ и тотъ же взглядъ на вещи, одни и тѣ же чувства. Марко-Кралевичъ, въ большинствѣ пѣсней,—воплощенная исторія сербовъ. Марко, всегда справедливый, всюду является защитникомъ нищихъ, сиротъ и убогихъ; самый воинственный изъ всѣхъ юнаковъ міра, онъ живетъ неразлучно съ своимъ конемъ, котораго онъ поитъ виномъ изъ одной чаши съ собой. Онъ сидитъ на немъ—драконъ па драконѣ. Его не беретъ ни сабля, ни булава. Сидя на конѣ, Марко пускаетъ въ воздухъ множество стрѣлъ вслѣдъ за вилою, которая поранила до смерти его товарища. Его стрѣла попадаетъ въ нее; тогда вила смирилась передъ нимъ, упросила его быть ея побратимомъ, обѣщалась помогать ему въ нуждѣ и воскресила товарища. Но что же дѣлаетъ этотъ богатырь, одаренный такимъ чудеснымъ мужествомъ? Онъ служитъ туркамъ. Сосѣдніе короли приглашаютъ Марко на праздникъ, но въ это же самое время султанъ зоветъ его на войну, и онъ идетъ воевать за турокъ. Слѣдовательно, пѣсни, въ которыхъ Марко-Кралевичъ олицетворяетъ собою народъ, изображаютъ его, согласно съ исторіей, не врагомъ султана, а вѣрнымъ, хотя и не дающимъ себя въ обиду слугою его.

Сербы, какъ и всѣ жители Балканскаго полуострова, чрезвычайно суевѣрны: у каждаго изъ нихъ множество примѣтъ хорошихъ и дурныхъ, благопріятныхъ и злыхъ предзнаменованій. Когда кто заболѣетъ, первое, что имъ приходитъ въ голову,—не отъ дурного ли глаза это случилось. Если ни знахарка, ни домашнія средства не помогаютъ больному, его несутъ въ церковь или въ монастырь, къ чудотворной иконѣ. Если и послѣ этого болѣзнь не прошла, тогда народъ говоритъ, что его испортила *вѣщица* (вѣдьма). Сербскіе поселяне вѣрятъ также въ драконовъ, пожирающихъ людей, въ змѣй, которыя наводятъ облака, грозу и градъ, уничтожающій

посѣвы. Суевѣрный страхъ передъ змѣями объясняется тѣмъ, что въ Сербіи много змѣй и между ними попадаются ядовитыя. Когда собирается гроза, женщины выбѣгаютъ на улицу съ посудой, стучатъ и думаютъ, что такимъ образомъ отгоняютъ змѣй и предотвращаютъ грозу.

Болѣе всего распространена здѣсь вѣра въ вилъ (горныя нимфы); это—прекрасныя, бѣлолицыя, воздушныя женщины, живущія на высокихъ горахъ. Вилы эти, по понятію сербовъ, не приносятъ никому вреда, если только ихъ не трогаютъ. Онѣ водятъ хороводы на высокихъ горахъ, и, чтобы онѣ не сдѣлали вреда человѣку, ему необходимо избѣгать смотрѣть на эти хороводы. О вилахъ у сербовъ много пѣсней. Самовилы (русалки) живутъ по берегамъ рѣкъ.

ЗАНЯТІЯ НАРОДА.

Земледѣліе. — Первобытный способъ обработки земли и плохія орудія. — Посѣвъ и молотьба. — Маисъ и зерновой хлѣбъ. — Фруктовыя деревья. — Винодѣліе. — Уходъ за виноградниками.—Скотоводство.—Свиньи и роль, которую играютъ эти животныя въ сербскомъ хозяйствѣ.—Шелководство.—Лѣсоводство.—Рудники.—Фабричная и домашняя промышленность.—Тканье ковровъ.—Торговый договоръ.

Земледѣліе и скотоводство съ давняго времени составляютъ главное занятіе народа. Природа страны и роскошныя пастбища какъ нельзя болѣе способствуютъ тому, чтобы вести это дѣло въ совершенствѣ. Въ Сербіи не мало мѣстностей, гдѣ земля такъ плодородна, что можетъ выносить многолѣтнюю и мѣстами непрерывную обработку даже безъ всякаго удобренія, дренажа (осушеніе почвы съ помощью подземныхъ трубъ) и искусственнаго орошенія. Въ большинствѣ случаевъ поле обрабатываютъ два и три года сряду и потомъ одинъ годъ его оставляютъ подъ паромъ. Но земледѣліе въ Сербіи находится на самой низкой степени развитія. До сихъ поръ въ странѣ обработана только $^1/_8$ часть земли. Проѣзжая по Сербіи, путешественнику кажется, что онъ находится среди новыхъ американскихъ поселеній. Опустошенные лѣса то и дѣло чередуются съ плохо обработанными пашнями. Изъ пшеничныхъ и маисовыхъ полей поднимаются обугленные пни деревьевъ. На пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ миль очень часто не встрѣтишь ни одного хорошаго поля, а только *новины* (въ первый разъ воздѣланное поле) да пустыри. Одна изъ важныхъ причинъ несовершенства земледѣлія та, что сербскій селянинъ употребляетъ самыя первобытныя орудія. Зрѣлище, которое представится постороннему наблюдателю при здѣшней обработкѣ поля, переноситъ его далеко въ первобытныя времена. Четыре, шесть, а иногда даже и восемь животныхъ и три, четыре, а то и болѣе человѣкъ съ большимъ шумомъ сдвигаютъ тяжелый сербскій плугъ. Но когда неуклюжее орудіе сдвинуто, за плугомъ идетъ одинъ селянинъ, который и наблюдаетъ за пашней. Сзади пашущаго идетъ его жена или дочь и въ проведенную борозду бросаетъ зерна; позади женщины прыгаетъ иногда полдюжины босыхъ ребятъ. Они сбрасываютъ ногами взрытую плугомъ землю и затаптываютъ зерна, брошенныя въ борозду. Когда земля запахана и засѣяна, плугъ отпрягаютъ и вмѣсто него впрягаютъ борону, наваливаютъ на нее камни и такимъ образомъ возятъ по полю.

Въ западной Европѣ для молотьбы давно уже употребляютъ машины, а въ Сербіи не вездѣ извѣстенъ и молотильный цѣпъ. Хлѣбъ здѣсь молотятъ на плотно утоптанномъ току быками или лошадьми. Это происходитъ такимъ образомъ: по срединѣ тока вбитъ столбъ; къ нему на веревкѣ привязываютъ лошадей и пускаютъ ихъ бѣ-

гать вокругъ. Веревка все болѣе закручивается, и лошадь бѣжитъ по спиральной линіи, потомъ ее заставляютъ бѣжать назадъ и продолжаютъ это до тѣхъ поръ, пока хлѣбъ вымолоченъ.

Въ Сербіи, какъ и во всей Турціи, больше всего разводятъ маисъ или кукурузу. Хлѣбъ изъ маисовой муки составляетъ главную пищу народа. Маисовыми зернами откармливаютъ свиней, а стеблями кормятъ зимою и прочій скотъ. Рожь и пшеницу сѣютъ преимущественно въ областяхъ Савы и Дуная, овесъ, ячмень, просо и полбу—почти вездѣ. Изъ стручковыхъ плодовъ сѣютъ преимущественно бобы, какъ любимую пищу во время частыхъ сербскихъ постовъ. Дыни, перецъ, тыквы, чеснокъ и лукъ разводятъ во всей странѣ. Не мало здѣсь также вишневыхъ деревьевъ и различныхъ фруктовыхъ: яблони, абрикосовыя деревья, но больше всего сливъ. Въ послѣдніе годы сербы стали сушить сливы и вывозить ихъ изъ своей страны въ громадномъ количествѣ. Изъ нихъ сербы приготовляютъ свой любимый напитокъ ракію (водку), которая имѣетъ ароматическій вкусъ и запахъ горькихъ миндалей. Ракію приготовляютъ въ огромномъ количествѣ, однако, несмотря на сильное потребленіе въ странѣ, ее очень много вывозятъ. Однимъ словомъ, сливы имѣютъ для серба такое же важное значеніе, какъ и маисъ. Къ сожалѣнію, въ странѣ въ послѣднее время стали сильно уничтожать птицъ, а это содѣйствовало размноженію насѣкомыхъ, вредныхъ для всякой растительности и особенно для плодовыхъ деревьевъ. Виноградныя лозы разводятся почти исключительно на холмистыхъ террасахъ, спускающихся къ Дунаю. Приготовленіе винъ самое первобытное: спѣлый и недозрѣлый виноградъ сваливаютъ въ одну бочку и изъ него приготовляютъ вино. Собираютъ виноградъ не тогда, когда это дозволяетъ погода, а по приказанію властей, несмотря на дождь. Когда виноградъ собранъ, въ виноградникахъ нерѣдко бродитъ скотъ, что приноситъ имъ страшный вредъ. Землю подъ виноградники тоже приготовляютъ самымъ первобытнымъ образомъ.

Скотоводство въ Сербіи, какъ и земледѣліе, стоитъ на низкой степени. Недостатокъ знанія и неумѣнье примѣнять новые способы для усовершенствованія своего хозяйства, значительно ухудшили мѣстныя породы рогатаго скота. Скотъ чрезвычайно долго оставляютъ на пастбищѣ; зимою его держатъ вблизи жилья, подъ открытымъ небомъ или въ совершенно неудобныхъ помѣщеніяхъ, и кормятъ только сухими, маисовыми стволами, такъ какъ небольшое количество сѣна, которое заготовляютъ, отдаютъ лошадямъ и овцамъ. Поэтому весною на роскошныхъ лугахъ путешественникъ встрѣчаетъ здѣсь необыкновенно тощихъ и плохихъ животныхъ. Производство масла и сыра на европейскій манеръ вовсе неизвѣстно; здѣсь приготовляютъ только кислое молоко и густыя сливки, да кой-гдѣ самые простые сорты сыровъ.

Важнѣйшій промыселъ въ Сербіи и самый главный предметъ дохода въ сельскомъ хозяйствѣ—свиньи. Сербская свинья играетъ важную роль не только въ здѣшнемъ хозяйствѣ, но и въ пропитаніи почти всей средней Европы. Разведеніе свиней, особенно въ Шумадіи, ведется въ весьма большомъ размѣрѣ. Для этого не нужно особенныхъ капиталовъ, и этому промыслу помогаетъ даже нераціональное сербское хозяйство, оставляющее необработанными большія пространства земли; маисъ и желуди съ громадныхъ дубовыхъ лѣсовъ—ихъ главная пища. Средоточіе этой промышленности—въ Шумадіи, такъ какъ горы ея покрыты дубовыми лѣсами. Тутъ находится множество загороженныхъ мѣстъ для свиней. Безпрестанно встрѣчаешь покатыя мѣста съ большимъ углубленіемъ внизу, гдѣ въ холодной водѣ и тинѣ барахтаются эти животныя.

Весною множество торговцевъ свиньями начинаютъ ходить изъ села въ село и

скупаютъ у сельчанъ этихъ животныхъ. Такимъ образомъ собираются огромныя стада, и погонщики, по большей части на лошадяхъ, окружаютъ съ разныхъ сторонъ громадный табунъ свиней. Множество объѣденныхъ маисовыхъ шишекъ у ручьевъ показываетъ путь, по которому проходили эти стада. Во многихъ округахъ Сербіи продажа свиней составляетъ единственный доходъ хозяина.

Чего только не родитъ сербская земля! Шелковица растетъ такъ хорошо, что достигаетъ величины липы, такъ что здѣсь легко можно было бы завести прекрасныя шелковыя фабрики. Богатая природа скоро бы возвратила сторицею затраченный капиталъ, а устройство шелковыхъ фабрикъ было бы какъ нельзя болѣе кстати сербскимъ женщинамъ. Онѣ обнаруживаютъ большую способность къ вышиванію шелками и къ тканью матерій. Но въ Сербіи не хватаетъ для этого ни капиталовъ, ни знанія, какъ взяться за дѣло.

Лѣса Сербіи принадлежатъ къ самымъ богатѣйшимъ въ Европѣ. Еще 100 лѣтъ тому назадъ вся страна представляла огромный, чуть не сплошной лѣсъ. Во время турецкаго ига лѣсъ былъ самымъ главнымъ защитникомъ всѣхъ гонимыхъ и преслѣдуемыхъ. Но послѣ освобожденія страны народъ безжалостно напалъ на своего защитника и своего главнаго кормильца (безъ лѣсу сербы не могли бы получать и такого дохода со своихъ свиней). Мы не говоримъ о тѣхъ частяхъ лѣса, которыя были превращены въ пашни: это было необходимо сдѣлать, и такія мѣста ничтожны сравнительно съ другими, гдѣ лѣсъ истребленъ совершенно неразумно. При подобныхъ опустошеніяхъ нечего удивляться, что въ лѣсистой Сербіи теперь уже есть мѣстности, гдѣ скоро окажется недостатокъ въ дровахъ. Опустошеніе лѣсовъ вынудило правительство объявить ихъ государственною собственностью. Это сдѣлано относительно тѣхъ лѣсовъ, на которые общины или частныя лица не могутъ точно доказать своихъ правъ. Впрочемъ, общины, лежащія около такихъ государственныхъ лѣсовъ, пользуются правомъ пастбища въ нихъ и могутъ рубить строевой или дровяной лѣсъ за самую ничтожную плату. Государство не защищаетъ своихъ лѣсовъ даже на столько, на сколько оно имѣетъ права по закону. Вслѣдствіе этого каждый, кто не лѣнивъ, рубитъ лѣсъ безъ стѣсненія. Не даромъ здѣсь существуетъ даже поговорка: «если вздумаешь наживать деньги, иди въ государственный лѣсъ». Не менѣе гибнетъ лѣсъ и отъ пожаровъ, а также и вслѣдствіе привычки поселянъ обдирать кору деревьевъ и употреблять ее для покрышки избъ и различныхъ построекъ. Множество громадныхъ лѣсныхъ пространствъ были вырублены иностранцами, которымъ отдавали въ аренду рудники. Такъ или иначе уничтоженный лѣсъ никогда снова не насаждаютъ. При такихъ условіяхъ совсѣмъ не мудрено, что Сербія, одна изъ богатѣйшихъ въ мірѣ странъ по лѣснымъ богатствамъ, теперь болѣе чѣмъ на половину лишена своего лѣса и далеко не получаетъ отъ него тѣхъ выгодъ, какія бы она могла имѣть.

Хотя Сербія извлекаетъ ничтожную выгоду изъ своего сельскаго хозяйства, изъ своихъ богатѣйшихъ лѣсовъ и скотоводства, тѣмъ не менѣе у нея кое-что имѣется для вывоза. Но она граничитъ съ такими землями, какъ Банатъ, Срѣмъ, Славонія, Боснія и Болгарія, которыя многими изъ тѣхъ же естественныхъ произведеній даже богаче Сербіи, слѣдовательно, сбывать въ эти страны хозяйственныя сбереженія для нея невозможно. Но не только въ сосѣднія страны, даже и на свои рынки сербскимъ поселянамъ трудно отправлять излишекъ отъ хозяйства, такъ какъ въ странѣ чрезвычайно плохіе пути сообщенія: только въ весьма немногихъ мѣстностяхъ есть хорошія шоссейныя дороги, но нѣтъ ни порядочныхъ мостовъ, ни каналовъ. Остается одна Австро-Венгрія. Но торговый договоръ съ этой страной чрезвычайно вредитъ Сербіи

въ экономическомъ отношеніи; въ одномъ изъ его пунктовъ сказано, что Австро-Венгрія, чтобы удостовѣриться въ здоровьѣ животныхъ, пригоняемыхъ изъ Сербіи, имѣетъ право удерживать ихъ 8 дней на границѣ. Если Сербія въ чемъ-нибудь провинилась передъ Австро-Венгріей или если послѣдняя пожелаетъ показать свой авторитетъ, она возвращаетъ нѣсколько вагоновъ скота со словами: «скотъ негоденъ—гони обратно» и даетъ знать сербскому правительству, что скотъ не пропущенъ вслѣдствіе такой-то болѣзни, хотя бы ея вовсе не было. Вотъ этотъ-то торговый договоръ и даетъ возможность Австро-Венгріи всегда держать Сербію въ своихъ рукахъ и совершенно разоряетъ страну. Сербскіе купцы, сдѣлавъ большія затраты для прогона скота до границы и потерявъ много денегъ и времени при восьмидневной задержкѣ, возвращаются домой съ пустыми карманами и со скотомъ, на покупку котораго они затратили большія деньги и который, несмотря на страшный убытокъ, остается у нихъ на рукахъ. Это не только вконецъ разоряетъ сербскихъ купцовъ, но у многихъ изъ нихъ навсегда отбиваетъ охоту во второй разъ гнать скотъ на продажу.

Ископаемыя богатства Сербіи весьма велики: въ ея горахъ и въ пескѣ нѣкоторыхъ ея рѣкъ можно найти золото; въ странѣ этой есть также серебро, ртуть, мышьякъ, кобальтъ, мѣдь, желѣзо, свинецъ и др.

Въ давно прошедшія времена въ Сербіи обращали большое вниманіе на рудники и получали отъ нихъ такую громадную выгоду, что это давало возможность поддерживать политическое могущество этой страны. Но когда они перешли въ руки невѣжественныхъ турокъ, на нихъ стали обращать несравненно меньше вниманія. Когда Сербія могла самостоятельно распоряжаться своими дѣлами, ея государственные люди скоро пришли къ убѣжденію, что сами они не могутъ вести горнаго дѣла, какъ по недостатку капиталовъ, такъ и потому, что у нихъ нѣтъ для этого свѣдущихъ людей, и разработку руды стали отдавать въ аренду разнымъ иностраннымъ обществамъ. Иностранцы мало обращали вниманія на горное дѣло, а истребляли лѣса, окружающіе рудники, что давало имъ возможность получать большую выгоду. Такимъ образомъ Сербія въ продолженіе болѣе чѣмъ 30 лѣтъ (съ 1847 по 1879 годъ) не получала никакой выгоды отъ своихъ ископаемыхъ богатствъ, а только все болѣе и болѣе лишалась своихъ богатѣйшихъ лѣсовъ. Рудники, которые отдавались въ аренду иностранцамъ, теперь закрыты. Несмотря на то, что страна эта чрезвычайно богата каменнымъ углемъ и его удобно вывозить во всѣ стороны по Дунаю, тѣмъ не менѣе для отопленія въ Сербіи преимущественно пользуются деревомъ.

Фабричная промышленность—въ зачаточномъ состояніи. Какъ прежде, такъ и теперь домашняя промышленность почти вся сосредоточена въ рукахъ женщинъ. Дѣвочку, которая только-что начинаетъ ходить, уже пріучаютъ къ женскимъ рукодѣльямъ; будучи подросткомъ, она должна знать огромное количество всевозможныхъ женскихъ работъ. Сербскія женщины вяжутъ, прядутъ, вышиваютъ, ткутъ. На доморощенномъ ткацкомъ станкѣ женщина ткетъ полотно, какъ льняное, такъ и бумажное, сукно разныхъ сортовъ, ковры, покрывала, передники. Полотно, какъ бумажное, такъ и льняное, бываетъ иногда чрезвычайно тонко и изящно; ковры получили громкую извѣстность даже за границею; они отличаются своими яркими красками, необыкновенною прочностью и огромной величиной. До освобожденія одинъ Пиротъ вывозилъ за границу ковровъ на 100,000 динаровъ; но затѣмъ это производство стало уменьшаться, потому что ввозъ въ Болгарію, Боснію и Турцію обложили пошлинами. Развитію этого производства мѣшало и то, что правительство не обращало никакого вниманія на его усовершенствованіе. Свое искусство и вкусъ сербскія женщины

выказываютъ почти во всѣхъ своихъ рукодѣльяхъ. Мужчины приготовляютъ земледѣльческіе инструменты, домашнюю утварь, телѣги, сани, гусли, прялки, дудки; все это производится самыми первобытными инструментами.

Во всей странѣ существуетъ около 20-ти фабрикъ и нѣсколько пивоваренныхъ заводовъ, такъ что въ Сербіи пьютъ пиво своего производства. Самая огромная фабрика—въ Парачинѣ (въ восточной Сербіи), на которой вырабатываютъ ковры и сукно, но и она имѣетъ лишь 280 рабочихъ, а фабричныхъ рабочихъ во всей странѣ не болѣе одной тысячи. Отчасти вслѣдствіе ничтожнаго количества фабричныхъ рабочихъ, отчасти вслѣдствіе патріархальныхъ отношеній между хозяевами и фабричными, здѣсь не проявляется никакой вражды между тѣми и другими.

Фабричная промышленность Сербіи совсѣмъ не идетъ впередъ, и существующія фабрики поддерживаются искусственно. Здѣсь есть законъ, на основаніи котораго каждый фабрикантъ пользуется различными привилегіями. Такъ, напримѣръ, въ маленькомъ городкѣ Парачинѣ есть фабрика для выработки сукна и шерсти; она получаетъ отъ государства даромъ дрова, землю, на которой построена, пользуется отъ желѣзной дороги уступкою при провозѣ своего товара, и притомъ ея произведенія при вывозѣ не облагаются налогами, — но это еще не все. Государство обязалось покупать на этой фабрикѣ сукно для своего войска цѣною на 10% дороже, чѣмъ оно можетъ получить его въ другихъ странахъ. Несмотря на такія громадныя привилегіи, а можетъ быть и благодаря имъ, эта фабрика прибѣгаетъ къ такому злоупотребленію: наложивъ свой штемпель на иностранный товаръ, она продаетъ его сербскому государству подъ названіемъ сукна фабричнаго издѣлія Сербіи. Другая фабрика существуетъ для производства земледѣльческихъ орудій. Она пользуется отъ правительства привилегіею привозить изъ-за границы матеріалъ для своего производства, не уплачивая никакихъ пошлинъ. Но и тутъ дѣло не обходится безъ злоупотребленія: покупаютъ плугъ въ Австро-Венгріи, разбираютъ его на составныя части и везутъ домой въ Сербію, какъ матеріалъ для производства плуга; въ Сербіи же составныя части складываютъ и продаютъ его, какъ плугъ сербскаго производства. Между тѣмъ всѣ остальные покупщики заграничныхъ плуговъ платятъ такія огромныя пошлины, что не имѣютъ средствъ вводить ихъ въ странѣ и продолжаютъ обрабатывать свою землю первобытными орудіями. Такимъ образомъ всѣ эти привилегіи, вмѣсто пользы, приносятъ лишь одинъ вредъ: онѣ тормозятъ только развитіе національной промышленности и ведутъ ко множеству злоупотребленій. Фабричная и заводская промышленность Сербіи лишаетъ заработка ремесленниковъ, убиваетъ домашнюю промышленность, а между тѣмъ сама по себѣ не дѣлаетъ никакихъ успѣховъ; это видно уже изъ того, что число фабрикъ въ послѣднее время почти не увеличивается, и, сравнительно съ фабриками промышленныхъ городовъ западной Европы, онѣ влачатъ лишь жалкое существованіе.

ОБЫЧАИ И ПРАЗДНИКИ.

Смерть и погребеніе.—Свадьба.—Слава и здравицы.

Сербы совсѣмъ не боятся смерти, но они далеко не такъ равнодушны къ мѣсту своего вѣчнаго успокоенія. Многіе изъ нихъ, еще наслаждаясь полнымъ здоровьемъ, думаютъ о томъ, какъ-бы украсить свое будущее жилище; нѣкоторые изъ нихъ приготовляютъ даже доски для гроба, сохраняютъ бочку водки для угощенія послѣ своей смерти.

Когда сербъ чувствуетъ приближеніе смерти, онъ говоритъ: «Мірко, прости меня». Тотъ къ кому обращаются, снимаетъ шапку со словами: «я тебѣ прощаю, и пусть Богъ проститъ тебя на этомъ и другомъ свѣтѣ».

Одѣвъ покойника въ лучшую одежду, ему вставляютъ въ руки зажженную восковую свѣчку. Мать, сестры, дочери усопшаго (но не его жена) садятся у его изголовья, оплакиваютъ его и причитаютъ. Въ этихъ причитаніяхъ оплакивающая покойника, захлебываясь слезами и надрываясь отъ рыданій, пересчитываетъ, хорошія качества умершаго и такимъ образомъ прославляетъ его. Есть спеціалистки по этой части, которыя такъ прославились своими причитаніями, что ихъ даже нанимаютъ въ домъ, гдѣ у покойника нѣтъ родственницъ. Теперь женщины только воютъ и причитаютъ, а прежде по случаю смерти своего родственника онѣ царапали себѣ лицо до крови. Затѣмъ этотъ обычай измѣнился, и онѣ начали пачкать свои лица такъ, что при видѣ ихъ невольно думаешь, что онѣ долго и горько оплакивали своихъ близкихъ. Въ настоящее время пачканье лицъ тоже все болѣе выходитъ изъ моды, и скорбь женщинъ по усопшему ограничивается причитаніями.

Когда похоронная процессія провожаетъ на могилу неженатаго человѣка, среди провожающихъ бросается въ глаза дѣвушка, одѣтая въ праздничный костюмъ; по бокамъ ея идутъ два шафера, каждый съ вѣнкомъ въ рукахъ. Одинъ изъ этихъ вѣнковъ бросаютъ въ могилу, а другой надѣваютъ на голову молодой дѣвушкѣ, и она такимъ образомъ становится въ родѣ невѣсты умершаго, хотя-бы при его жизни она никогда и не думала о немъ. Вѣнокъ этотъ она носитъ нѣсколько дней.

Близкіе родственники покойнаго, въ теченіе 9 дней, ходятъ въ знакъ скорби даже во время холодовъ съ непокрытой головой; женщины носятъ черный платокъ, молодежь не танцуетъ и не поетъ цѣлый годъ, но если кому-нибудь изъ нихъ сильно захочется потанцовать, онъ долженъ войти въ кругъ хоровода, бросить на землю полотенце, прыгнуть черезъ него и подарить его музыкантамъ.

Знакомые приходятъ въ домъ покойника, и каждый изъ нихъ приноситъ что-нибудь съѣстное. Гостей встрѣчаютъ женщины въ трaурѣ, то-есть въ черныхъ платкахъ и проводятъ ихъ въ комнату, гдѣ приготовлена трапеза. Тутъ одинъ изъ членовъ задруги принимаетъ приношенія со словами: «сосѣдъ принесъ намъ для поминовенія усопшаго то-то (называетъ, что́ онъ принесъ), дай Богъ, чтобы мы вернули ему это въ часъ его радости». «Дай Богъ», сразу отвѣчаютъ на это всѣ присутствующіе печальнымъ и скорбнымъ голосомъ. Затѣмъ всѣ садятся за трапезу. Въ ту же минуту одна изъ самыхъ близкихъ родственницъ усопшаго, съ распущенными волосами, держа руки въ боки и медленно расхаживая по комнатѣ, въ которой происходитъ трапеза, начинаетъ голосить, выть, причитать и высчитывать добродѣтели покойнаго, прерывая свои слова рыданіями и слезами. Она причитаетъ иногда такъ трогательно, что всѣ присутствующіе плачутъ. Во все время трапезы собравшіеся сидятъ съ опущенными внизъ глазами, ѣдятъ тихо, покачиваютъ головами, вообще проявляютъ всевозможные знаки скорби.

Каждое село имѣетъ одно, а иногда и два кладбища. Они находятся въ самыхъ красивыхъ, поэтическихъ уголкахъ. Кладбище обнесено, обыкновенно, хорошей оградой. На могилѣ тотчасъ послѣ погребенія ставятъ маленькій крестикъ изъ дерева, который потомъ замѣняютъ большимъ, изъ камня или мрамора съ надписью, въ которой обозначена краткая біографія усопшаго и упомянуто, кто воздвигъ крестъ, напримѣръ: «благодарный сынъ отцу». Въ скалистыхъ мѣстностяхъ Сербіи многіе устраиваютъ въ память усопшаго колодезь или источникъ, чтобы проходящій могъ напиться за успокоеніе души,—это считается самымъ лучшимъ памятникомъ. Иногда на крестѣ

нарисована картина изъ священнаго писанія, исполненная самымъ первобытнымъ образомъ—грубыми, яркими красками, или написанъ портретъ усопшаго, видимо не претендующій на сходство, съ надписью: «путешественникъ, будь милостивъ, помолись за душу усопшаго» (его имя и краткая біографія). На кресты вѣшаютъ полотенца, вѣнки, на могилы ставятъ ѣду, и все это въ деревняхъ никто никогда не сторожитъ и не трогаетъ.

Бракъ въ Сербіи только въ исключительныхъ случаяхъ устраивается по взаимной склонности; въ большинствѣ случаевъ брачущихся заставляютъ смотрѣть на бракъ, какъ на дѣло не только ихъ личное, но и всѣхъ членовъ задруги. Чаще тутъ все зависитъ не отъ жениха и невѣсты, не отъ ихъ взаимнаго желанія, а исключительно отъ старѣйшины задруги и отъ отца жениха. При этомъ тотъ и другой принимаютъ прежде всего во вниманіе поведеніе дѣвушки, ея трудолюбіе и репутацію семьи, къ которой она принадлежитъ. Когда необходимыя справки наведены, начинаются переговоры между старѣйшинами и отцами двухъ семействъ. Если семья невѣсты не прочь выдать ее замужъ, отецъ жениха садится на лошадь и отправляется въ домъ невѣсты. Пріѣхавшаго угощаютъ, и при этомъ прислуживаетъ дѣвушка, которую пріѣхали сватать. Въ первое свое посѣщеніе отецъ жениха умалчиваетъ о своей цѣли, но если все видѣнное имъ соотвѣтствуетъ его желаніямъ, тогда онъ отправляется къ невѣстѣ во второй разъ сватомъ и беретъ съ собою двухъ-трехъ наиболѣе уважаемыхъ родственниковъ, которые захватываютъ съ собою ружья или пистолеты.

Сватовство происходитъ вечеромъ. Но къ дѣлу приступаютъ не тотчасъ: гости разговариваютъ, ѣдятъ и пьютъ все, что имъ подаютъ, но о цѣли посѣщенія не заикаются. Какъ только стемнѣетъ, накрываютъ столъ для ужина, за который въ порядкѣ старшинства садятся всѣ присутствующіе, и когда пройдетъ половина ужина, вдругъ одинъ изъ сватовъ съ слѣдующими словами обращается къ старѣйшинѣ: «Братъ, ты не спрашиваешь, а мы тебѣ не говоримъ, зачѣмъ мы пришли. Мы явились къ тебѣ не затѣмъ, чтобы поѣсть и попить, а затѣмъ, чтобы устроить одно дѣло, если это Богу и тебѣ угодно!»—«Братъ, я ничего не знаю и думаю, что вы скажете же, наконецъ, зачѣмъ пришли?»—«Если Богу будетъ угодно и ты не будешь противъ этого, то нашъ братъ (указываетъ на отца жениха и называетъ его имя) предлагаетъ взять твою дочь (ея имя) въ жены для своего сына».

При этихъ словахъ отецъ жениха вынимаетъ изъ мѣшка хлѣбъ и деньги изъ кошелька, и затѣмъ начинается торгъ. Хозяинъ требуетъ, чтобы сваты внесли за дѣвицу 20 червонныхъ; тѣ сначала даютъ 4, потомъ 5 и такъ, торгуясь мало-помалу, доходятъ до 10, много до 15 червонцевъ. Когда это порѣшили, хозяинъ требуетъ еще, чтобы сваты купили одному родственнику невѣсты куртку, другому сапоги и т. д. Тутъ опять начинается торгъ, но при взаимныхъ уступкахъ и это улаживается. Тогда отецъ жениха вынимаетъ кошелекъ и раскладываетъ передъ хозяиномъ условленные червонцы. «А невѣстѣ на подарокъ?» Отецъ жениха вынимаетъ еще нѣсколько червонцевъ. Хозяинъ уложилъ въ свой кошелекъ плату за невѣсту, но червонцы, предназначенные ей самой, онъ не тронулъ и пошелъ объявить ей, чтобы она брала свое «*обилежье*», т.-е. червонный подарокъ, который посылаетъ ей женихъ. При появленіи отца съ словами «обилежье», дѣвушку окружаютъ всѣ ея родственницы. Она вышла на середину, потупилась, заплакала и показываетъ видъ, что не хочетъ выходить замужъ. Такъ принимаетъ эту вѣсть каждая невѣста, такъ что трудно различить, у кого изъ нихъ отказъ и слезы искренни, а кто изъ нихъ выполняетъ только обрядъ. «Бери деньги», говоритъ строго отецъ. Дѣвушка

начинаетъ мяться, отворачиваться, краснѣть, но, наконецъ, беретъ-таки блестящіе червонцы. Затѣмъ она цѣлуетъ руку у старѣйшины и у всѣхъ гостей и уходитъ вонъ. Вслѣдъ за этимъ на дворѣ раздаются выстрѣлы изъ пистолета; это означаетъ, что совершилась помолвка. Гости уговариваются, когда невѣсту будутъ перстеновать (обручать) и уѣзжаютъ, выстрѣливъ передъ отъѣздомъ нѣсколько разъ.

Въ день обрученія, отецъ жениха, отправляется съ сыномъ въ домъ невѣсты. Если хорошая погода, гостей усаживаютъ въ саду и начинаютъ угощать. Затѣмъ старѣйшина беретъ мѣшокъ и вынимаетъ оттуда огромный хлѣбъ; на хлѣбъ онъ кладетъ вѣнокъ, а посреди перстень. Зовутъ невѣсту съ матерью. Невѣста входитъ, потупивъ взоры, цѣлуетъ руку своего отца, отца жениха, всѣхъ гостей и свою мать, кромѣ жениха, и направляется къ двери; мать беретъ хлѣбъ, цвѣты и перстень и выходитъ за дочерью. При этомъ стрѣляютъ изъ пистолетовъ.

Если семья жениха богата, то ко дню свадьбы пригласятъ до 40 сватовъ; главный между ними—крестный отецъ. Когда наступилъ свадебный день, то изъ сватовъ выбираютъ самаго молодцоватаго въ знаменоносцы и вручаютъ ему знамя. Затѣмъ всѣ эти сваты садятся на лошадей и ѣдутъ къ дому невѣсты; шаферъ ведетъ подъ уздцы лошадь для невѣсты. Эту дорогу сваты совершаютъ самымъ торжественнымъ образомъ: они все время стрѣляютъ и поютъ пѣсни. У дома невѣсты собралось уже множество женщинъ: онѣ поютъ, танцуютъ, угощаются. Вдругъ раздается выстрѣлъ: это означаетъ, что пріѣхали за невѣстою. Ее усаживаютъ, въ большинствѣ случаевъ, верхомъ на лошадь, на мужское сѣдло, иногда просто на телѣгу, въ которую впряжены волы. Но если невѣста ѣдетъ верхомъ на лошади, то шаферъ ведетъ эту лошадь подъ уздцы до самой церкви.

Когда вѣнчаніе кончено, изъ церкви выходитъ одинъ изъ сватовъ и чуть не съ самаго порога начинаетъ стрѣлять изъ пистолета. Затѣмъ всѣ снова садятся на лошадей и ѣдутъ въ прежнемъ порядкѣ къ дому жениха. Тамъ ихъ ждетъ множество свадебныхъ гостей, поющихъ, играющихъ, танцующихъ. Пріѣхавши, сваты слѣзаютъ съ лошадей и отдаютъ ихъ прислужникамъ; только одна невѣста сидитъ еще на конѣ или въ телѣгѣ. Къ ней подносятъ самаго маленькаго ребенка въ семействѣ; она его цѣлуетъ и даритъ плоды или сласти. Затѣмъ ей подаютъ рѣшето съ пшеницею, которую она бросаетъ горстью на крышу дома и, наконецъ, туда же закидываетъ самое рѣшето.

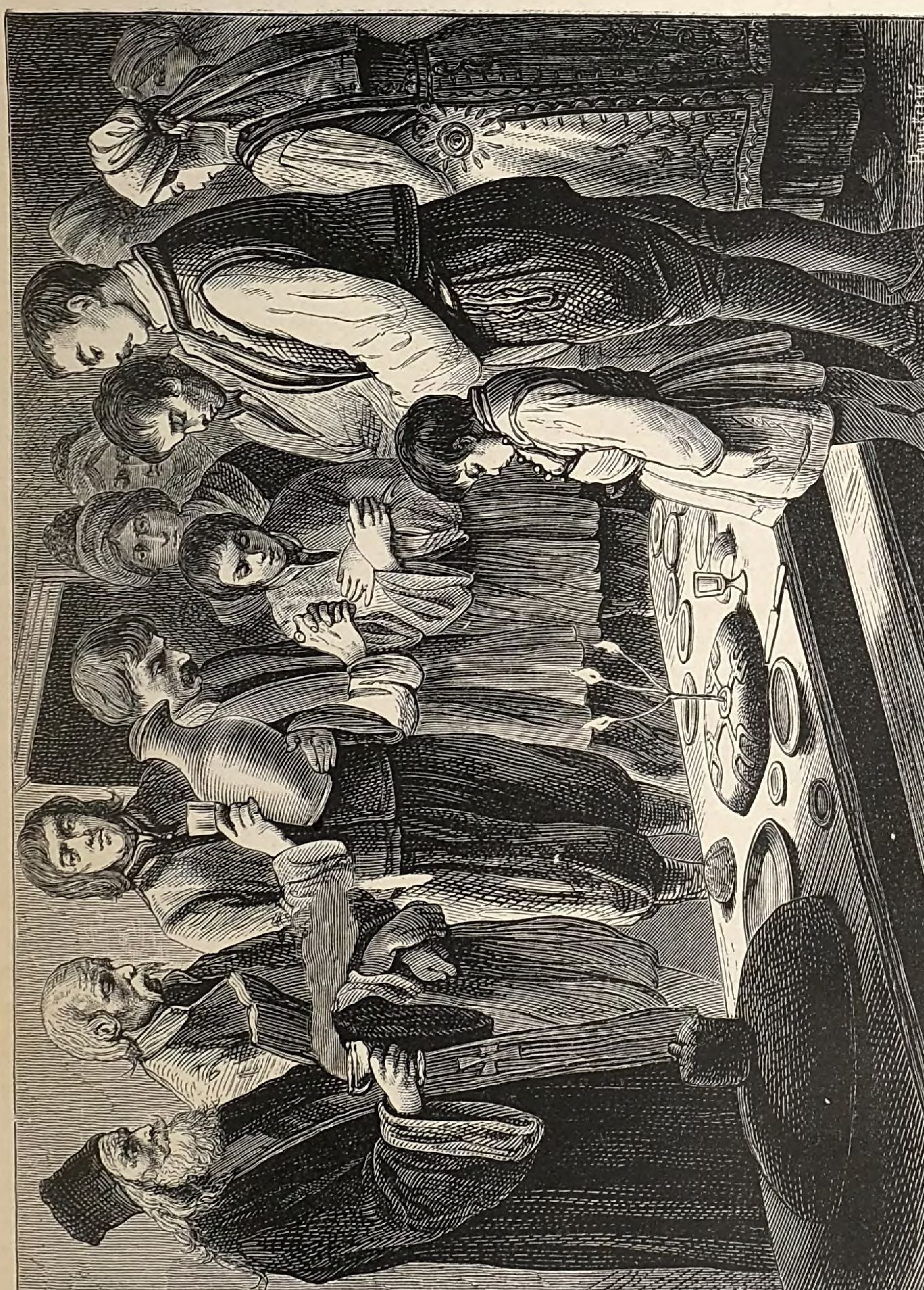
Въ первый годъ замужества молодуха можетъ не печь хлѣбовъ: ее на первое время освобождаютъ отъ нѣкоторыхъ работъ. Но уже съ перваго дня вступленія въ домъ своего мужа она должна аккуратно соблюдать всѣ порядки и обычаи, а главное твердо помнить, какое и кому изъ семьи мужа она должна оказывать почтеніе. Ложатся спать свекръ и братья мужа, и она должна почтительно подойти къ нимъ, снять обувь, почистить ее на другой день, прежде чѣмъ они встанутъ. Мало того, она должна даже мыть ноги свекру и свекрови. Каждое утро она должна вставать раньше всѣхъ, приготовить все нужное для умыванья свекрови и свекру, вычистить все, что нужно братьямъ мужа. Войдетъ ли свекръ въ комнату, она обязана тотчасъ встать съ своего мѣста, поцѣловать ему руку, взять все, что онъ держитъ и поставить, куда слѣдуетъ, однимъ словомъ, встрѣчать, провожать, всячески услуживать братьямъ мужа и особенно свекру и свекрови.

Сербы не называютъ другъ друга по отечеству, а только по имени, напримѣръ: Душанъ, Іованъ, Коста, Алекса, Любоміръ, Драгоміръ; рѣже называютъ просто по фамиліямъ, которыя оканчиваются (но не всегда) на *ичъ*: Тодоровичъ, Каричъ, Миличевичъ, Ивановичъ. Сербскія фамиліи происходятъ иногда отъ мѣстности, въ которой

жилъ носящій ее или его отдаленный предокъ: Нѣгушъ, Качянскій, Рѣсавацъ отъ рѣчки Рѣсава; другіе получили прозвище отъ какого-нибудь событія, въ которомъ они принимали участіе, отъ занятія, иногда даже отъ физическихъ свойствъ ихъ предка: Ковачевичъ (кузнецъ), Грбичъ (горбатый), Слѣпчевичъ (слѣпой). Наиболѣе распространенныя женскія имена: Милена, Даница, Іованка, Софія.

Каждое семейство состоитъ подъ покровительствомъ своего патрона и празднуетъ день этого святаго, т.-е. *крстно-имя* (крестное имя) патрона (покровителя, защитника) своего семейства. Вотъ этотъ-то праздникъ *крстно-имя* патрона задруги или отдѣльной семьи — величайшій изъ всѣхъ сербскихъ праздниковъ. Гдѣ бы ни жили сербы: въ сербскомъ королевствѣ, въ Босніи, Герцеговинѣ, Черногоріи,—они вездѣ благоговѣйно чтутъ этотъ праздникъ, какъ величайшій день въ году, и празднованіемъ этого дня отличаются отъ всѣхъ остальныхъ славянъ, у которыхъ не существуетъ подобнаго праздника. Сербы относятся съ благоговѣніемъ къ святому, день котораго они празднуютъ; нѣтъ важнѣе клятвы, какъ клятва святымъ: «клянусь моимъ святымъ», говоритъ сербъ, и при этомъ ему всѣ вѣрятъ. Патронъ дома у сербовъ соотвѣтствуетъ римскимъ пенатамъ (домашніе боги римлянъ); патронъ сербовъ, какъ и тѣ, имѣетъ свое мѣстопребываніе въ домѣ, и они вѣрятъ, что онъ приноситъ имъ всякое благополучіе. У него просятъ благословенія на всякую работу, здоровья для стадъ и домашнихъ. Для серба патронъ—главный защитникъ и послѣ Бога первѣйшій источникъ всѣхъ милостей и домашняго счастья. Никто не сомнѣвается въ его вліяніи у всемогущаго Бога; его посредничество можетъ быть благопріятно для исполненія всевозможныхъ желаній. При всѣхъ случаяхъ жизни, въ радости и горѣ, каждый отдѣльный членъ семьи проситъ у него милости и заступничества передъ Богомъ для себя и для всего семейнаго очага, такъ какъ съ его благополучіемъ тѣсно связано благополучіе каждаго отдѣльнаго лица. Какъ римляне въ честь своихъ пенатовъ зажигали жертвенный огонь, такъ и сербъ передъ изображеніемъ своего патрона (это обыкновенно ярко раскрашенная русская или вѣнская литографія) зажигаетъ лампадку по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Праздникъ «крстно-имя» или «слава» (такъ какъ вся задруга чествуетъ, славитъ имя своего патрона) считается до такой степени важнымъ семейнымъ праздникомъ, что онъ не можетъ быть даже отложенъ въ случаѣ какого-нибудь тяжкаго семейнаго горя. Если кто-нибудь умретъ въ этотъ день, его близкіе могутъ удалиться поплакать, но все же они не должны прерывать торжества, не имѣютъ права совершенно лишить гостей своего присутствія. Къ этому торжественному дню каждое семейство должно приготовить особую восковую свѣчу—«*крстни-свеча*», хлѣбъ или пирогъ—«*крстни-калач*» и «*коливо*»—родъ густой каши, которой придаютъ форму хлѣба и приготовляютъ изъ зеренъ пшеницы, вмѣстѣ съ толчеными орѣхами, миндалемъ и сахаромъ; *коливо* убираютъ и украшаютъ разными сластями.

Къ этому празднику зовутъ всѣхъ кумовьевъ, родственниковъ и пріятелей. Это приглашеніе дѣлается въ такой формѣ: когда сербъ входитъ въ домъ къ людямъ, которыхъ онъ хочетъ пригласить къ себѣ на праздникъ, онъ послѣ обычнаго привѣтствія говоритъ: «И вашъ домъ—домъ Господень; мы просимъ васъ завтра осчастливить нашъ домъ своимъ посѣщеніемъ; мы не скроемъ того, чѣмъ надѣлилъ насъ Господь!..» И дѣйствительно, въ день славы подается гостямъ все, что только есть въ домѣ. Мало того, семейная община, которая будетъ праздновать свою «славу», задолго до этого начинаетъ приберегать и отказывать себѣ во всемъ, что есть у нея лучшаго, чѣмъ только можно угостить. Этотъ день чрезвычайно важенъ какъ для каждаго серба отдѣльно, такъ и для всѣхъ ихъ вмѣстѣ. Тутъ задруга лучше, чѣмъ

когда-нибудь, можетъ показать себя передъ другими, какой у нея порядокъ, довольство. И ни одинъ изъ ея членовъ не захочетъ отстать отъ другого; каждый старается перещеголять другъ друга своею любезностью въ прiемѣ гостей, гостепрiимствомъ, радушiемъ. Поэтому еще задолго до праздника семейная община начинаетъ во всемъ сокращать свои расходы. Если у нея остается немного вина, и она видитъ, что, продолжая расходовать такимъ образомъ, его не хватитъ для «славы», всѣ члены общины перестаютъ пить вино. То же самое они дѣлаютъ съ кофе, съ сахаромъ, который вообще употребляютъ очень мало, но въ день «славы» всего должно быть въ изобилiи. И это, дѣйствительно, необходимо, такъ какъ на «славу» можетъ придти всякiй, даже безъ приглашенiя. Свойственники, знакомые, прiятели и т. д. часто прiѣзжаютъ къ славящимъ еще наканунѣ. Передъ этимъ праздникомъ домъ украшаютъ зеленью и цвѣтами. Но вотъ наступилъ самый день «славы».

Посрединѣ комнаты ставятъ большой длинный столъ. Приборы на этомъ столѣ состоятъ изъ множества пестро-окрашенныхъ глиняныхъ и фарфоровыхъ тарелокъ, металлическихъ ложекъ, перечницы, солонки и т. д. Средину стола занимаетъ большой хлѣбъ—*крстни-калач*, который играетъ главную роль въ религiозной части праздника и долженъ быть непремѣнно испеченъ изъ пшеничной муки. На верхней части этого хлѣба особою просфорною печатью оттиснутъ выдающiйся крестъ и начальныя буквы словъ: Iисусъ Христосъ Ника, т.-е. Iисусъ Христосъ побѣдитель.

Когда въ эту комнату входитъ священникъ, то собранiе бываетъ уже весьма многочисленно: всякаго вошедшаго громко привѣтствуютъ, и онъ, по сербскому обычаю, со всѣми цѣлуется въ обѣ щеки. Наконецъ, всѣ собрались; тогда въ большой хлѣбъ, который лежитъ посреди стола, втыкаютъ тонкую, высокую восковую свѣчку и къ ней приклеиваютъ съ каждой стороны по одной свѣчкѣ поменьше, такъ что, когда эти свѣчи зажгутъ, онѣ представляютъ трикирiй—символъ Святой Троицы. Подлѣ хлѣба стоитъ полная чаша съ виномъ, которая такъ же, какъ и хлѣбъ, необходима для религiозной церемонiи. Надѣвъ эпитрахиль, священникъ становится по одну сторону стола, около него слѣва старѣйшина, за нимъ мужскiе члены семьи. Справа отъ священника стоятъ кумовья, близкiе родственники и гости. Женщины наполняютъ заднюю часть комнаты. Священникъ начинаетъ богослуженiе чтенiемъ молитвъ. Потомъ онъ освящаетъ хлѣбъ, продолжая молитвы съ кадильницею въ рукѣ. При этомъ онъ призываетъ благословенiе Бога и домашняго патрона на этотъ домъ. Облака благоухающаго дыма, блескъ горящихъ свѣчей, торжественный голосъ священника, горячiя молитвы, которыми оживлены лица этихъ простыхъ людей,—все это настраиваетъ какъ-то торжественно даже посторонняго зрителя.

Наконецъ, старѣйшина беретъ освященный хлѣбъ, снимаетъ съ него свѣчи и вмѣстѣ съ священникомъ начинаетъ его вертѣть какъ бы около своей оси съ пѣнiемъ «Исаiе, ликуй», т.-е. тѣхъ же молитвъ, которыя поются при вѣнчанiи. Послѣ троекратнаго кругообращенiя, онъ съ тѣмъ же священникомъ ломаетъ этотъ хлѣбъ пополамъ. Затѣмъ внутрь этого хлѣба льютъ вино, и священникъ со старѣйшиной начинаютъ высасывать это вино своими губами, а потомъ цѣлуются. Потомъ обѣ половины разламываютъ еще на куски, отдаютъ ихъ главнымъ членамъ семьи, и тѣ въ свою очередь дѣлятъ ихъ между всѣми членами задруги.

Когда служба окончена, священникъ снимаетъ эпитрахиль и занимаетъ почетное мѣсто за столомъ. Пиръ начинается ѣдою; прежде всего подаютъ похлебку, затѣмъ жаренаго ягненка, послѣ этого бобы, сыръ, плоды и т. д. Пьютъ ракiю и вино, и каждый непремѣнно долженъ отвѣдать «коливо». Между тѣмъ священникъ встаетъ и произноситъ нѣсколько словъ во славу Бога; послѣ этого начинаются тосты—«сербскiя здравицы».

Каждый селянинъ знаетъ на память множество «*здравицъ*» на всякій торжественный случай. Въ *первой здравицѣ*, которую старѣйшина произноситъ во время «славы», онъ превозноситъ имя Бога и проситъ Его о помощи всѣмъ присутствующимъ. Если между собравшимися найдется какой-нибудь старикъ, который можетъ назвать имена всѣхъ святыхъ, онъ начинаетъ: «во славу Бога, Святой Троицы, Господа нашего Іисуса Христа и преблагословенной, славной Владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи, честнаго и животворящаго Креста; во славу славнаго пророка Предтечи и Крестителя Іована, славныхъ пророковъ Моисея и Аарона, Иліи и Елисея, Давида и Есѣя, святыхъ трехъ отроковъ и Даніила пророка; во славу четырехъ евангелистовъ» и т. д. онъ называетъ до ста святыхъ, и чѣмъ болѣе онъ назоветъ ихъ, тѣмъ болѣе задруга гордится своимъ гостемъ и рада, что такой мудрый старикъ посѣтилъ ее въ торжественный и дорогой для нея день. *Вторая здравица* состоитъ изъ пожеланія, чтобы все, что будетъ происходить съ присутствующими, всегда было къ лучшему. *Третья здравица* произносится съ пожеланіемъ всего лучшаго всѣмъ присутствующимъ. Въ *четвертой* — обращаются къ Святой Троицѣ, чтобы она помогла въ пути, въ судѣ, въ темномъ лѣсу, въ мутной водѣ: «избавь насъ отъ грязи и болотъ, укажи намъ прямую дорогу, протяни намъ руку, устрани нашу муку». *Пятая здравица* — за здоровье гостей: «добро пожаловать, дорогіе гости, и честь тому мѣсту, которое вы заняли». *Шестую здравицу* одинъ изъ присутствующихъ произноситъ «за здоровье хозяина и всѣхъ членовъ задруги». *Седьмую здравицу* опять произноситъ старѣйшина за здоровье сосѣдей, всѣхъ приглашенныхъ и неприглашенныхъ.

Пиръ въ день «славы» продолжается за полночь; у многихъ бываютъ торжественный обѣдъ и торжественный ужинъ не только въ самый день славы, но и наканунѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ праздникъ продолжается и три дня. Почти всюду онъ сопровождается пѣснями, которыя поются за обѣдомъ и ужиномъ; вечеромъ молодежь водитъ «*коло*», т.-е. хороводъ. Церкви тоже имѣютъ свою «славу». Въ эти дни у монастырей и церквей собираются тысячи народа и устраиваются ярмарки. Въ Бѣлградѣ эту «славу» празднуютъ особенно торжественно на кладбищѣ, 25-го апрѣля, въ день св. Марка. Церковный причтъ тоже готовитъ къ этому торжеству «крстни-калач» и «коливо». Всѣ учебныя заведенія празднуютъ свою «славу» 14-го января, въ день св. Саввы, перваго сербскаго просвѣтителя и патріота. И на этой «славѣ» соблюдаются всѣ обычаи, т.-е. приготовляютъ и освящаютъ «крстни-калач», раздаютъ «коливу» и т. п.

Здравицы, которыя можно услышать на всѣхъ сербскихъ собраніяхъ и обѣдахъ, начинаются обыкновенно пожеланіями: «Дай Богъ, чтобъ у тебя было то-то и то-то». Каждый сербъ чрезвычайно любитъ, въ высшей степени гордится, если ему удастся сказать здравицу въ торжественныхъ выраженіяхъ, произнести длинную витіеватую рѣчь. «Три птички», говоритъ одинъ ораторъ, «перелетаютъ черезъ горы, и каждая въ своемъ клювикѣ несетъ какую-нибудь благодать: одна несетъ пшеничный колосъ, другая—виноградную лозу, третья—веселость и здоровье. Та, что несетъ полный пшеничный колосъ, опускается на Бачскую равнину, и Бачка приноситъ богатую пшеничную жатву; та, что несетъ тяжелую виноградную лозу, опускается на Фрушка-гору, и Фрушка даетъ богатый виноградный сборъ; пусть та, что несетъ веселость и здоровье, опустится на нашу трапезу, чтобы мы всѣ были веселы и здоровы...»

— «За твое здоровье, братъ хозяинъ!» говоритъ другой.

— «Съ помощью Божіею и во имя Божье собрались мы къ тебѣ, чтобы уве-

личить твою славу и уменьшить твое вино. Пусть ты мало сѣешь, а много пожинаешь, и дай Богъ, чтобъ мы собрались также здѣсь и на будущій годъ отвѣдать плодовъ земныхъ съ твоихъ полей и садовъ. Пошли тебѣ Богъ никогда не забывать во славу Божію приглашать твоихъ друзей, чтобы они всегда украшали твой домъ». «Да благословитъ Богъ твою землю», говоритъ другой, «и да умножитъ твои стада: пусть они даютъ тебѣ столько сыровъ, сколько мельница намелетъ муки. А ты хвали Бога и всегда угощай своихъ гостей: пусть тебя любятъ твои братья, и пусть друзья приходятъ къ тебѣ изо всѣхъ концовъ земли и приносятъ тебѣ любовь, хвалу и жизнь. Да будутъ всегда открыты двери, черезъ которыя приходятъ къ тебѣ друзья, и заростетъ репейникомъ ходъ для врага. Выходя изъ дому, да возвратишься ты въ него всегда съ честью, со счастьемъ и благополучіемъ... Пусть Богъ держитъ подальше отъ тебя раскаленную золу, невѣрнаго друга, турецкаго судью и всякое несчастье, а теперь этотъ кубокъ мнѣ, а этотъ тебѣ».

Эти «здравицы» составляютъ главную приправу при застольныхъ разговорахъ во время всѣхъ сербскихъ торжествъ. Сербъ, какъ и всякій славянинъ, во время пира всегда веселъ, добродушенъ и остеръ, поэтому и большая часть его тостовъ хотя и отличается нѣкоторою напыщенностью, но все же въ нихъ проглядываетъ и не мало игривости и остроумія. Тосты эти обыкновенно говорятся въ честь хозяина дома, кумовей, сватовъ, друзей, только никогда не произносятся они въ честь женщинъ: женщины здѣсь всегда и во всемъ играютъ самую послѣднюю, самую жалкую роль.

ЧЕРНОГОРІЯ.

ПРИРОДА СТРАНЫ.

Внѣшній видъ Черногоріи.—Климатъ.—Недостатокъ воды.—Пещеры.

Черногорія, иначе называемая Черная гора, сравнительно со всѣми остальными государствами Балканскаго полуострова, самая небольшая страна: она въ семь разъ менѣе Сербіи, Болгаріи и Греціи, взятыхъ порознь, и въ тринадцать разъ меньше Румыніи. Огромную часть этой маленькой страны занимаютъ высокія горы; въ этой гористой части, здѣсь и тамъ, встрѣчаешь гигантскія груды камней и каменныхъ плитъ; между ними торчатъ скалы, то совершенно обнаженныя, то подернутыя зеленымъ плющемъ. Куда ни взглянешь, отовсюду высятся горы, горы безъ конца, то лишенныя растительности, то покрытыя густыми лѣсами. Особенно гориста Катунская нахія (округъ), занимающая почти половину всей Черногоріи. Въ ней повсюду, вдоль и поперекъ, подымаются горы съ вершинами, упирающимися въ облака. Кромѣ четырехъ небольшихъ равнинъ, во всей Катунской нахіи нѣтъ ни одного ровнаго пространства, которое бы имѣло хотя полъ часа въ поперечникѣ. Если на Катунскую нахію посмотрѣть съ возвышеннаго пункта, то, при видѣ этихъ голыхъ, отвѣсныхъ скалъ съ острыми шпицами, ужасъ охватываетъ человѣка, и невольно спрашиваешь себя: возможно-ли, чтобъ люди жили среди такихъ голыхъ утесовъ и обрывовъ? Тутъ невольно вспоминается народное черногорское преданіе: «Когда Богъ сѣялъ камни по свѣту, у него прорвался мѣшокъ на мѣстѣ, гдѣ теперь Черная Гора, и здѣсь высыпалось всего болѣе сѣмянъ; потому-то Черногорія вся изъ камня».

Среди этого моря гигантскихъ кучъ камней, каменныхъ плитъ, острыхъ скалистыхъ шпицевъ и горъ разнообразнаго вида и формы, маленькими островками выдѣляются клочки обработанной земли. Черногорія лежитъ на одной широтѣ съ средней Италіей и южной Франціей, по климатическія ея условія, а слѣдовательно и растительность, смотря по мѣстности, чрезвычайно разнообразны. Въ то время, когда въ болѣе высокихъ мѣстностяхъ лежитъ снѣгъ, внизу растутъ фиги, лавръ и миртъ, фруктовыя деревья, айва, маслины, тутовое дерево, каштаны, гранаты, виноградъ, всюду зеленѣетъ растительность, цвѣтутъ цвѣты. Въ высокихъ мѣстностяхъ зима съ морозами и снѣгомъ наступаетъ уже въ октябрѣ, и деревья одѣваются листомъ лишь въ концѣ апрѣля; но есть мѣстности въ Черногоріи, гдѣ не бываетъ настоящей зимы, цвѣты не перестаютъ цвѣсти всю зиму, полевыя работы не прекращаются.

Черногорцы, особенно въ западныхъ частяхъ страны, въ высшей степени страдаютъ отъ недостатка воды, иногда даже тѣ изъ нихъ, жилища которыхъ построены у самой рѣки. Это бываетъ, когда берегъ чрезвычайно крутъ, а до болѣе удобнаго мѣста ходьбы два-три часа; между тѣмъ ключей въ такихъ мѣстностяхъ или совсѣмъ нѣтъ, или они пересыхаютъ во время жары и бездождья. Въ такихъ случаяхъ черногорцы особенно страдаютъ отъ недостатка воды: даже въ колодцахъ остается тогда только мутная, грязная вода. Если приходится путешествовать по Черногоріи во время засухи, вы не достанете воды и за деньги: вамъ дадутъ молока, вина, но небольшую порцію хорошей воды бережно сохраняютъ только для приготовленія пищи. Этотъ недостатокъ воды происходитъ отъ сухой известковой почвы, которая не можетъ задерживать воду на своей поверхности и пропускаетъ ее въ глубину, часто совершенно недоступную для человѣка. Трудно представить, какимъ бы страшнымъ бѣдствіямъ были подвержены многія мѣстности этой страны отъ недостатка воды, если бы нѣсколько не выручалъ снѣгъ, который держится круглый годъ на вершинахъ, въ щеляхъ горъ и въ различныхъ углубленіяхъ земли. Этотъ снѣгъ, какъ для собственнаго употребленія, такъ и для домашняго скота, черногорцы тщательно собираютъ на высокихъ горахъ и растаиваютъ въ корытахъ. Дождю жители радуются здѣсь, какъ величайшему благодѣянію, и тщательно собираютъ дождевыя капли. Бѣда, когда лѣтомъ начинаются жары: жители мечутся изъ стороны въ сторону, не знаютъ, какъ напоить домашній скотъ, который отъ недостатка питья и отъ зноя обнаруживаетъ страшное безпокойство. Зато черногорецъ съ ранняго дѣтства изощряется въ умѣньѣ отыскивать воду: взобравшись на вершину, онъ сейчасъ опредѣлитъ мѣстность, гдѣ можетъ быть вода. Несмотря на особенное пристрастіе къ хорошей водѣ, въ случаѣ ея недостатка, черногорецъ удовлетворяетъ жажду самой отвратительной водой—мутной, грязной, переполненной лягушками и другими животными, а когда и ея не оказывается, кладетъ въ ротъ пулю изъ своего патрона и, вызывая тѣмъ слюну, заглушаетъ въ себѣ жажду.

Другая особенность природы Черногоріи—многочисленныя пещеры; нѣкоторыя изъ нихъ до того обширны, что въ нихъ можно полюбоваться прелестными озерками и водопадами, по другимъ же протекаютъ рѣки, которыя очень часто имѣютъ сообщенія съ горными потоками и даже съ моремъ. Есть пещеры, гдѣ вода потока всегда страшно бурлитъ, клокочетъ и шумитъ, и этимъ гуломъ наполняетъ всю окрестность; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ клокочущая рѣка несется съ дикимъ ревомъ; во время сильныхъ дождей она вырывается изъ отверстія пещеры, вынося оттуда цѣлые камни и бѣшенымъ каскадомъ скачетъ впередъ съ уступа на уступъ. «Встрѣчая на пути торчащія скалы, она взлетаетъ на нихъ и широкимъ фонтаномъ взбивается кверху, разсыпаясь пѣной и пылью, которая разлетается, какъ дымъ». Въ эти пещеры укрывались люди, чтобы найти временное убѣжище отъ преслѣдованія турокъ, но иногда пушечные выстрѣлы, направленные въ отверстіе пещеры, заставляли ихъ сдаться. Кромѣ пещеръ, здѣсь существуетъ множество проваловъ и отверстій въ землѣ, идущихъ въ недосягаемую глубину. Во время грозы и бури, когда горные потоки несутся водопадами и съ страшнымъ грохотомъ скачутъ съ утеса на утесъ, когда провалы переполняются водою и вскипаютъ, по всей Черногоріи слышится подземный гулъ, сливающійся съ отдаленнымъ горнымъ эхомъ. Бездны недосягаемой глубины, страшные провалы, громадныя пещеры, высокія голыя скалы, все это, разумѣется, мало можетъ способствовать обогащенію жителей. Несмотря на это, здѣсь попадаются мѣстности, богато одаренныя природою.

ПРОШЛАЯ СУДЬБА ЧЕРНОГОРЦЕВЪ.

Черногорцы тѣ же сербы, то-есть какъ тѣ, такъ и другіе принадлежатъ къ одному и тому же славяно-сербскому племени, а Черногорія не болѣе, какъ часть бывшаго сербскаго королевства. Незадолго до вторженія турокъ въ Европу, когда процвѣтало обширное сербское царство, Черногорія, подъ именемъ Зеты, составляла не болѣе, какъ часть его. Вскорѣ однако Зета отложилась отъ Сербіи и зажила своею самостоятельною жизнью. Потомъ она присоединилась опять къ Сербіи, но уже ненадолго, и то болѣе какъ союзное, самостоятельное государство, чѣмъ какъ подчиненная провинція. Въ 1389 году произошла знаменитая битва на Косовомъ полѣ. Молодое славянское царство было въ это время очень разстроено разными междуусобицами и потому не могло устоять передъ турками. Битва на Косовомъ полѣ была проиграна; всѣ области Сербскаго царства, исключая Зеты, подчинились Турціи. Зета продолжала управляться своими самостоятельными правителями. Во главѣ ея стоялъ въ то время Бальшъ; у него былъ сынъ Стефанъ, прозванный Чернымъ, и потому весь родъ его, правившій Зетой въ первую эпоху ея независимой жизни, прозвался Черноевичами.

Положеніе Зеты было шатко и ненадежно. Она населена была небольшою горстью сербовъ, и на эту горсть готовились нагрянуть несмѣтныя полчища турокъ. Помощи ожидать было неоткуда, а самой защищаться было трудно. Нужно замѣтить, что Зета состояла изъ двухъ частей: долины и горъ. Одинъ изъ ея правителей, Иванъ Черноевичъ, рѣшился наконецъ прибѣгнуть къ крайнему средству: онъ оставилъ долину, сжегъ старинную столицу отцовъ и удалился съ храбрыми зетчанами въ горы. Этотъ поступокъ рѣшилъ навсегда судьбу Черногоріи. Иванъ Черноевичъ понялъ, что въ долинахъ чрезвычайно трудно защищаться народу, который не зналъ военнаго искусства. Въ горахъ негдѣ было туркамъ развернуть свои несмѣтныя войска и ринуться на непріятеля съ гикомъ и остервененіемъ. Для защищающихся въ горахъ каждое ущелье служитъ естественною крѣпостью: устроивъ невидимую засаду изъ небольшого отряда, мѣткими пулями можно истребить по одиночкѣ множество непріятелей, а не то очень удобно опрокинуть въ пропасть и весь непріятельскій отрядъ.

Заключившись въ горы, Иванъ Черноевичъ оставилъ намѣстникомъ сына своего, а самъ поѣхалъ въ западную Европу искать союзниковъ, но привезъ оттуда одно убѣжденіе, что у Черногоріи нѣтъ союзниковъ, что она сама должна оспаривать независимость своей родины у страшнаго врага—турокъ, передъ которыми тогда все трепетало. Однако, онъ не смутился, собралъ своихъ храбрыхъ сподвижниковъ и поклялся съ ними вѣчно воевать съ турками. «Если какой-нибудь черногорецъ убѣжитъ съ поля битвы», рѣшили они, «онъ потеряетъ доброе имя, честь и уваженіе. Его одѣнутъ въ женское платье, и женщины прялками будутъ гнать его изъ одной деревни въ другую по всей Черногоріи». Эта клятва сдѣлалась залогомъ всей жизни черногорца и вся ихъ прошлая судьба не что иное, какъ одна сплошная ненависть къ туркамъ. Тяжела была туркамъ эта ненависть: много мусульманскихъ войскъ входило въ неприступныя горы Зеты съ тѣмъ, чтобы болѣе не возвратиться оттуда, но много погибало и черногорцевъ.

Въ началѣ XVI-го ст. послѣдній изъ Черноевичей оставилъ Черногорію. Безпрерывныя тревоги со стороны турокъ и венеціанцевъ (послѣдніе пытались даже обратить въ католичество черногорскій народъ, всегда твердо стоявшій за свою

православную вѣру) заставили его отказаться отъ своей власти. Но, прежде чѣмъ покинуть родину, онъ предложилъ черногорцамъ признать правителемъ митрополита своей страны.

Послѣ удаленія князя, Черногорія болѣе трехъ столѣтій (съ 1516 до 1851 г.) управлялась митрополитами или владыками. Эти владыки были не только правителями, но въ то же время и духовными пастырями народа, учителями вѣры, вождями въ борьбѣ съ непріятелемъ, верховными судьями и примирителями его тяжбъ и распрей, хранителями его духовнаго самосознанія, основаннаго на вѣрѣ и на преданіи о его славныхъ предкахъ. Правленіе владыкъ спасло народъ не только отъ турокъ, но и отъ покушеній католиковъ на православную вѣру черногорскаго народа. Одинъ изъ владыкъ, Даніилъ, отдѣлилъ духовную власть отъ свѣтской: передавъ санъ и власть митрополита другому лицу, онъ принялъ присягу народа на вѣрность ему, какъ князю Черногоріи. Несмотря на непродолжительность своего правленія, Даніилъ издалъ новые законы для черногорцевъ и нанесъ жестокое пораженіе туркамъ. Князь Даніилъ не оставилъ дѣтей мужскаго пола, поэтому ему наслѣдовалъ его племянникъ князь Николай, который правитъ Черногоріею и въ настоящее время.

Самое характерное явленіе всей прошлой жизни черногорцевъ—это ихъ вѣчная, непримиримая вражда съ турками. Она началась съ самаго начала поселенія черногорцевъ въ Зетѣ и продолжалась до послѣдняго времени, но далеко еще не совсѣмъ прекратилась и въ настоящее время. Черногорцы всю свою жизнь воевали съ турками: отъ времени до времени между ними происходила настоящая война, а схватки и нападенія другъ на друга никогда не прекращались; не совсѣмъ прекратились онѣ и въ настоящее время. Турки, когда представлялся къ этому случай, и предательски, и открыто нападали на черногорцевъ, которые платили имъ за это непримиримою ненавистью и отчаянною местью. Эта ненависть къ туркамъ всасывалась съ молокомъ матери. Чтобы никогда не оставлять своихъ враговъ въ покоѣ и вѣчно мстить имъ, черногорцы вступали въ *чету*, т.-е. въ шайку или въ небольшой отрядъ (такихъ четъ образовалось въ Черногоріи очень много), не только вѣчно тревожившій своими нападеніями и преслѣдованіями тѣхъ турокъ, которые появлялись въ ихъ странѣ, но и заходившій далеко въ глубь вражескихъ земель,—однимъ словомъ, всѣми силами старались вредить туркамъ, употребляли всевозможныя средства, чтобы безпощадно истреблять ихъ. Въ такую чету вступалъ каждый черногорецъ уже съ 14—15 л. возраста; того, кто уклонялся отъ этого, всѣ считали самымъ презрѣннымъ человѣкомъ. Такимъ образомъ черногорская молодежь съ ранняго возраста пріучалась не только ненавидѣть турокъ, но и презирать опасности, переносить всевозможныя лишенія и постепенно вырабатывала въ себѣ спеціально военные инстинкты. Вслѣдствіе безпрерывной войны, нравы черногорскаго народа огрубѣли и одичали, и Черногорія до самаго послѣдняго времени оставалась самою дикою, некультурною страною. Въ этомъ отношеніи въ несравненно лучшемъ положеніи находились даже тѣ сербы, которые остались подъ турецкимъ господствомъ: они могли посвящать себя мирнымъ занятіямъ,—поэтому-то среди нихъ, хотя очень медленно и слабо, но все-таки развивались ремесла и торговля, земледѣліе, садоводство, и все это улучшало ихъ жизнь, но, конечно, только по сравненію съ черногорцами, такъ какъ во всѣхъ областяхъ труда сербы вообще сильно отставали отъ другихъ народовъ западной Европы. У черногорцевъ не могло существовать и такого развитія мирнаго труда: они вѣчно вели войну, не имѣли покоя ни днемъ, ни ночью и, чтобы быть въ состояніи каждую минуту напасть на врага, часто даже спали съ оружіемъ. Могли-ли они

думать о развитіи ремеслъ, объ улучшеніи своего жилища, когда въ Черногоріи не было мѣста, котораго-бы нѣсколько разъ не сожгли и не разорили турки. Вѣчная война отучала черногорцевъ отъ всякаго мирнаго занятія въ полѣ и домѣ, развивала презрѣніе къ ремесламъ и земледѣлію, — изъ нихъ вырабатывались суровые, закаленные воины, которые ничего не хотѣли знать, кромѣ войны.

Племенной бытъ черногорцевъ еще болѣе поддерживалъ ихъ воинственныя склонности, суровую дикость и младенческое состояніе. Черногорія дѣлится на нѣсколько племенъ. Каждое племя имѣетъ своего предка — *чукунджеда*, который въ старыя времена переселился въ Черную Гору (такъ называютъ также Черногорію); его потомство такъ съ тѣхъ поръ и прозывается по его имени. Всякое племя имѣетъ свое преданіе о поселеніи и прославляетъ своего чукунджеда, гордится имъ и хвастаетъ имъ другъ передъ другомъ. Племена дѣлятся на братства: въ каждомъ племени бываетъ по пяти, по шести и болѣе братствъ. Всякое племя имѣетъ своего *главаря*. Эти племена прежде постоянно враждовали между собою, отчего происходило много бѣдствій для страны. Соперничество порождало вѣчныя ссоры, кровопролитія и вызывало даже кровавую месть. Ссоры между племенами бываютъ и теперь изъ-за женщинъ, иногда изъ-за мѣткой, но грубой остроты, на которую такъ способны всѣ славяне, а въ особенности черногорцы. Тутъ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, кипятъ страсти, и самая ничтожная причина можетъ вывести изъ себя черногорца. И такъ какъ черногорецъ человѣкъ совсѣмъ необразованный и умственно неразвитой, то онъ самымъ первобытнымъ способомъ успокаиваетъ свои расходившіеся нервы. Совершенно достаточно сказать ему, что всѣ его предки умерли въ постели, и ссора разгорѣлась, а отъ ссоры недалеко и до поединка. Поединокъ между двумя поссорившимися нерѣдко кончался настоящимъ сраженіемъ между двумя племенами и кровавой местью, продолжавшеюся десятки лѣтъ. Поединки и кровавая месть, столь обычные между черногорцами еще лѣтъ 40—50 тому назадъ, имѣли чрезвычайно много общаго съ поединками и кровавой местью, до сихъ поръ существующими среди албанцевъ, и потому для ознакомленія съ ними мы отсылаемъ читателей къ нашему очерку объ Албаніи. Теперь эти поединки совершенно уничтожены: правительство караетъ того, кто убьетъ кого-нибудь на поединкѣ такъ-же строго, какъ и простого убійцу. Въ странѣ не существовало и двухъ племенъ, которыя-бы жили мирно между собой. Если по временамъ утихали раздоры между ними и устанавливалось перемиріе, то на очень короткое время; послѣ этого вражда возобновлялась еще съ большимъ ожесточеніемъ и кончалась цѣлымъ рядомъ кровавыхъ схватокъ и междуусобицъ, во время которыхъ были убиты, избиты и искалѣчены цѣлые роды.

Вѣчная война какъ съ внѣшними врагами, такъ и между племенами не давала возможности черногорцамъ предаваться мирной дѣятельности. Черногорія нищала все болѣе и болѣе, годы отчаянныхъ голодовокъ наступали все чаще, и, наконецъ, много народу стало выселяться съ своей родины. Но черногорцамъ трудно было ужиться на чужбинѣ,—вездѣ отъ нихъ требовали труда, отъ котораго они совершенно отвыкли, и очень многіе изъ нихъ вынуждены были возвращаться въ свою несчастную родину.

Несмотря однако на всѣ невзгоды, количество жителей Черногоріи, хотя очень медленно, но все-же увеличивалось, что происходило и отъ притока изъ родственныхъ сербскихъ странъ новыхъ поселенцевъ, бѣжавшихъ отъ турецкой неволи. При этомъ они постепенно сплачивались въ единый народъ. При князѣ Даніилѣ (предшественникѣ нынѣшняго князя Николая) была отмѣнена племенная кровавая черногорская месть. Одновременно съ отмѣною этого укоренившагося пагубнаго обычая и

съ чрезвычайно строгимъ преслѣдованіемъ воровства, совершился переходъ черногорцевъ изъ разбойническаго, военнаго быта къ быту земледѣльческому. Самыя тяжелыя заботы по земледѣлію и хозяйству, исключительно лежавшія на одной женщинѣ, становятся съ этого времени отчасти и обязанностью мужчинъ. Земля, воздѣлываемая здѣсь съ величайшимъ трудомъ, доставляетъ теперь несравненно больше, чѣмъ прежде, хлѣба, овощей и винограда. Страна эта, еще полвѣка тому назадъ управляемая владыками, нищавшая отъ племенныхъ раздоровъ и вѣчныхъ войнъ съ турками, сдѣлалась теперь вполнѣ свѣтскимъ государствомъ съ самодержавнымъ образомъ правленія; племенные раздоры въ ней совершенно исчезли, и Черногорія, сравнительно съ прежнимъ, умиротворена вслѣдствіе увеличенія объема ея территоріи и проведенія точной границы ея владѣній. Такимъ образомъ, вѣчная война въ Черногоріи прекратилась, но едва-ли черногорцы скоро будутъ наслаждаться полнымъ спокойствіемъ. Хотя теперь они зажили несравненно болѣе мирною жизнью, но и въ настоящее время у нихъ постоянно происходятъ кровавыя столкновенія съ сосѣдями вслѣдствіе неразумно проведенной границы. Эта граница совершенно изломана, и мѣстами извилистыя полосы и неправильные клины чужой земли врѣзываются въ черногорскую территорію и иногда прерываютъ даже сообщеніе между собой черногорскихъ селъ. Не обезпечена эта страна и со стороны моря, такъ какъ по берлинскому трактату она не имѣетъ права имѣть ни военнаго флота, ни укрѣпленій. Такъ же мало ограждена она и съ юга: туркамъ легко подойти къ Черногоріи на судахъ по Боянѣ, которая считается международной рѣкой; съ сѣвера страны возвышаются горы, находящіяся всецѣло въ рукахъ турокъ, что имъ даетъ, сравнительно съ Черногоріей, огромную силу и большія преимущества. Албано-черногорская граница проведена такъ, что пастбища черногорцевъ находятся мѣстами на сторонѣ турецкой, а албанскія—на черногорской. Вслѣдствіе этого, въ этихъ мѣстностяхъ, постоянно происходятъ стычки между албанцами и черногорцами. Лишь въ зимнее время наступаетъ затишье, но только-что стаиваетъ снѣгъ, какъ начинаются нападенія турокъ и албанцевъ на черногорцевъ—и наоборотъ. На выстрѣлы сбѣгаются пограничные жители той и другой страны, и при этомъ обыкновенно завязывается горячая перестрѣлка, оканчивающаяся нерѣдко нѣсколькими убитыми съ той и другой стороны. Далеко не въ полной безопасности чувствуютъ себя черногорцы и съ запада, гдѣ тянется огромное поле, покрытое австрійскими укрѣпленіями, ихъ войсками и казармами. Даже для жителей сильной страны трудно избѣгать пограничныхъ столкновеній съ сосѣдями, тѣмъ болѣе это невозможно для Черногоріи, которая со всѣхъ сторонъ окружена врагами и очень мало защищена отъ нихъ.

Событіе крупной важности произошло въ Черногоріи въ 1888 г. Чтобы окончательно вывести народъ изъ младенческаго состоянія и сблизить съ другими государствами, далеко опередившими его своимъ просвѣщеніемъ, въ этомъ году былъ торжественно обнародованъ новый черногорскій «Законникъ», въ которомъ болѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, приняты во вниманіе народные нравы, обычаи и воззрѣнія. Тотчасъ послѣ его введенія черногорцы воочію убѣдились въ его громадной пользѣ. Еще въ самое послѣднее время народъ этотъ страшно разоряли тяжбы,—сутяжничество поддерживалось, между прочимъ, и неопредѣленностью черногорскихъ законовъ. Въ этихъ тяжбахъ часто даже не интересъ игралъ главную роль, а задоръ и упрямство во чтобы то ни стало поставить на своемъ,—характерныя качества черногорцевъ. Чтобы разобрать тяжбу, тяжущіяся стороны обыкновенно отправлялись въ Цетинье, гдѣ тратили много времени и денегъ по корчмамъ. Иногда этимъ дѣло не кончалось, и наряжали особыхъ приставовъ для его разслѣдованія на мѣстѣ,—тогда

издержки оказывались уже громадными, а проигравшій тяжбу совершенно разорялся. Теперь подобныя тяжбы рѣшаются однимъ указаніемъ на статью закона. Вообще, новый «Законникъ» регулируетъ запутанныя отношенія между черногорцами, часто совершенно несоотвѣтствующія духу времени, уничтожаетъ множество злоупотребленій, беретъ подъ свою защиту слабѣйшаго, вноситъ въ жизнь народа новыя, полезныя понятія, вводитъ прекрасныя правила честныхъ товарищескихъ и сосѣдскихъ отношеній, вмѣсто еще недавно распространеннаго правила «око за око», — однимъ словомъ, въ основу его положены современныя гуманныя и полезныя начала, которыя до сихъ поръ были чужды этому младенческому народу. Кстати замѣтимъ, что «Законникъ» этотъ написанъ чисто-народнымъ языкомъ, слѣдовательно, съ большимъ распространеніемъ грамотности въ Черногоріи, идеи и начала, положенныя въ его основу, войдутъ въ кровь и плоть черногорскаго народа.

ЗАНЯТІЯ.

Скотоводство. — Рыболовство. — Лѣса. — Земледѣліе. — Промышленность и торговля. — Экономическое положеніе народа и его выселеніе.

Скотоводство — самое распространенное занятіе и совершенно въ нравахъ народа: оно не вызываетъ его ни на какой утомительный, черный трудъ, къ которому съ такимъ презрѣніемъ относится черногорецъ, съ другой стороны, оно соединено съ большими опасностями, что ему особенно нравится. Вотъ поэтому заниматься скотоводствомъ, быть пастухомъ — считается здѣсь даже почетнымъ. Всѣ черногорцы въ извѣстный періодъ своей жизни дѣлаются пастухами. За недостаткомъ пастбищъ въ своемъ краю, черногорцы и прежде вынуждены были водить свои стада на турецкую территорію и тамъ пасти ихъ силою; столкновенія изъ за пастбищъ продолжаются и до сихъ поръ. Однимъ словомъ, черногорцы уже издавна вынуждены были съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать чуть не каждаго барана, — иной баранъ стоилъ головы черногорскаго пастуха или пастушки. Пастушество рано укрѣпляло нервы молодой дѣвушки, рано пробуждало въ молодой душѣ месть къ туркамъ; здѣсь ей уже съ самыхъ юныхъ лѣтъ приходилось самой участвовать въ кровопролитныхъ схваткахъ. Въ тѣ минуты, когда дѣвочка-пастушка можетъ спокойно наблюдать за своимъ стадомъ, она, сидя на выступѣ какой-нибудь скалы, среди неприступныхъ черногорскихъ горъ, вяжетъ, напѣвая пѣсни, которыя поддерживаютъ ея воинственный духъ: «Рости мой женихъ, пока не выростешь; когда выростешь, проси меня у отца, но принеси мнѣ въ подарокъ яблоко — турецкую голову на остромъ колу».

Своихъ воловъ, коровъ, овецъ, козъ и свиней черногорцы въ продолженіе цѣлаго года гоняютъ то въ одинъ, то въ другой изъ прилежащихъ городковъ и продаютъ ихъ тамъ. Они получаютъ отъ своего скота и другую выгоду: продаютъ на рынкахъ сушеное мясо, шерсть, сало, сыръ, масло. Изобиліе гористыхъ луговъ даетъ возможность разводить многочисленныя стада. Ежегодно закалываютъ, солятъ и коптятъ сто тысячъ головъ мелкаго скота, который вывозятъ во всѣ гавани Адріатическаго моря.

Послѣ скотоводства болѣе всего промышляютъ разной рыбой. Море у черногорскихъ береговъ и нѣкоторыя рѣки чрезвычайно богаты рыбою, при этомъ ея породы въ высшей степени разнообразны. Болѣе всего здѣсь оказывается лососей, угрей, карповъ, что же касается скоранцы (немного потолще сардинки) и скакавицы (кефалъ),

то этой рыбою, въ полномъ смыслѣ слова, кишатъ всѣ воды Черногоріи. Черногорцы, однако, не умѣютъ еще пользоваться этими богатствами: они не знакомы съ искусствомъ надлежащимъ образомъ заготовлять ее въ прокъ. Скакавица (такъ называютъ эту рыбу потому, что она высоко подскакиваетъ надъ водой), или кефалъ, идетъ «громадными стаями далеко отъ берега. Сначала вы видите вдали потемнѣвшую, покрывшуюся мелкою рябью полосу и надъ нею черною тучею несущихся баклановъ, а выше ихъ въ одиночку вьются морскіе орлы, то спускаясь на поверхность воды, то снова взвиваясь кверху; тутъ-же шныряютъ и стаи бѣлыхъ чаекъ. Море будто кипитъ, и кипящая полоса эта двигается впередъ и приближается къ берегу, увлекая за собою всю тучу пернатыхъ ловцовъ. Съ приближеніемъ ея, вы ясно различаете, что эта кипящая масса вся состоитъ изъ рыбы: темная, взъерошенная поверхность воды вся блеститъ серебромъ показывающей свои бѣлыя блестящія брюшки рыбы, которая кишитъ и мечется, выскакиваетъ на поверхность воды, кувыркаясь и скользя по ней. Иногда вдругъ кипѣніе прекращается: игривая толпа испугалась чего-то, нырнула въ глубь, и море стало спокойно и гладко, какъ зеркало; зато въ другомъ мѣстѣ снова закипѣло. Такимъ образомъ этотъ рыбій потокъ приближается къ берегу и входитъ въ заливы, чего только и ждутъ рыболовы. Сторожа обыкновенно наблюдаютъ за ходомъ рыбы съ какой нибудь высоты и даютъ знать о направленіи его крикомъ и другими знаками. Рыболовы немедленно и бросаются туда съ неводомъ».

При сліяніи рѣки Бояны, особенно славящейся обиліемъ рыбы, съ Скадарскимъ озеромъ чрезвычайно много вылавливаютъ скоранцы, которая съ приближеніемъ зимы такими громадными массами переходитъ изъ озера въ рѣку, что ее черпаютъ, точно изъ чана. Когда происходитъ этотъ уловъ, множество птицъ набрасывается на рыбу, такъ что особые караульщики стараются помѣшать этому до поры до времени. Когда рыболовы приготовили все нужное, караульщики бьютъ въ ладоши и испускаютъ пронзительные крики. Безчисленное количество птицъ, точно ожидавшихъ этого момента, быстро бросается на поверхность воды. Взбивая волны и ныряя, птицы съ жадностью вылавливаютъ и пожираютъ рыбу, которая, испугавшись этого быстраго и неожиданнаго нападенія, мечется во всѣ стороны и въ баснословномъ количествѣ прямо попадаетъ въ нарочно разставленныя сѣти. Птицы-же такъ наѣдаются рыбою, что послѣ этого не могутъ тотчасъ улетѣть; ихъ легко можно ловить тогда руками, а тѣ изъ нихъ, которыя подымутся на дерево, сидятъ неподвижно, и ихъ убиваютъ выстрѣлами изъ ружья въ громадномъ количествѣ.

Есть мѣстности въ Черногоріи, весьма богатыя лѣсами, притомъ разнообразіе породъ, какъ лиственныхъ, такъ и хвойныхъ деревьевъ, просто удивительно. Но здѣсь всюду идетъ самое хищническое истребленіе лѣса: нерѣдко превосходныя строевыя деревья срубаютъ только для того, чтобы дать своимъ овцамъ и козамъ объѣсть ихъ листья.

Земледѣліе въ послѣднее время сдѣлало въ Черногоріи большіе успѣхи: великолѣпные сады всюду поднимаются террасами по склонамъ горъ, виноградники смѣняются садами масличныхъ деревьевъ, рощами смоковницъ, гранатными, плодовыми, оливковыми и миндальными деревьями; грецкіе орѣшники, кукуруза, дыни и даже лимоны встрѣчаются здѣсь довольно часто. Нельзя не удивляться изобрѣтательности черногорцевъ, съ которою они на маленькихъ площадкахъ, на крутыхъ оврагахъ и часто даже на безплодныхъ скалахъ устраиваютъ сады или превращаютъ ихъ въ плодоносныя поля. Чтобы вполнѣ оцѣнить земледѣліе въ Черногоріи, нужно помнить, что здѣшнія полевыя работы тяжелѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, такъ какъ эта страна представляетъ сплошную массу горъ и голыхъ скалъ. Плодородная земля, возможная

для обработки, здѣсь большая рѣдкость, но черногорцы дорожатъ каждымъ клочкомъ земли и съ толкомъ умѣютъ имъ пользоваться. Только съ помощью постоянной борьбы съ дикой и непокорной природой имъ удалось извлечь изъ почвы то, что она могла произвести. Иногда черногорецъ замѣчалъ небольшія рытвины между скалами: онъ тотчасъ переносилъ туда черноземъ и на слѣдующій годъ разводилъ здѣсь овощи и табакъ. Воздѣлывать и убирать такое поле чрезвычайно тяжело и небезопасно. Камни падаютъ съ нависшихъ горъ и скалъ и грозятъ не только уничтожить весь посѣвъ, но и убить работника. Чтобы предупредить несчастіе, мѣстность окружаютъ валомъ. Эти валы удерживаютъ также влагу и капли дождя, которыя иначе непремѣнно должны были бы стекать съ покатыхъ мѣстъ.

Весною на здѣшнихъ поляхъ всюду кипитъ работа: тамъ пашутъ раломъ (родъ сохи) парою воловъ, тамъ копаютъ землю, здѣсь очищаютъ ее отъ камня и при этомъ собранный камень складываютъ въ стѣнку; одни носятъ удобреніе въ корзинахъ, другіе подвозятъ его на лошакѣ къ своему клочку земли; тамъ, гдѣ-то, слышатся взрывы минъ: это съ помощью пороха взрываютъ камни, чтобы расчистить и разровнять мѣсто, образовать новую площадку, на которую потомъ нужно будетъ нагрести и натаскать земли, однимъ словомъ, постоянно приходится создавать самую землю.

Промышленности въ этой странѣ почти не существуетъ. Портные, сапожники, столяры, слесаря и другіе ремесленники,—все это въ большей части случайно или на время поселившіеся въ странѣ албанскіе или далматинскіе рабочіе, очень часто даже бѣглецы и бродяги. Черногорцы не только не имѣютъ никакой склонности къ ремеслу, но и презираютъ его. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ князь Николай пригласилъ ремесленниковъ изъ Австріи и думалъ самъ набирать для нихъ учениковъ изъ молодежи; но кому онъ ни предлагалъ, всѣ говорили: «господару! наши предки рѣзали турокъ, а не сапоги шили; мы убѣжимъ въ Турцію, если насъ заставятъ работать». Нечего было дѣлать, и князю пришлось отказаться отъ своего плана. Послѣ этого князь какъ-то встрѣтилъ одного хромого черногорца, который уже не могъ быть воиномъ. Князь долго уговаривалъ его взяться за какое-нибудь ремесло, наконецъ сказалъ: «Ну, Чокета, знай,—я тебя повѣшу, если ты не начнешь работать!»—«Вѣшай, государь: я предпочитаю смерть этому постыдному ремеслу!»—«Такъ вотъ что мы сдѣлаемъ», отвѣчалъ ему князь: «мы пойдемъ съ тобой къ сапожнику и поработаемъ вмѣстѣ; если черногорцы будутъ надъ тобой смѣяться, ты говори имъ: «я съ господаремъ работалъ». Князь заставилъ работать Чокету, и такимъ образомъ явился первый черногорскій сапожникъ, но до сихъ поръ очень немногіе занимаются ремеслами, такъ какъ народъ смотритъ на нихъ съ презрѣніемъ, говоря: «бабьимъ дѣломъ занимаются». Между тѣмъ это презрѣніе къ ремеслу совершенно исчезаетъ, когда черногорецъ оставляетъ свою родину. Переселенный въ другую страну, онъ становится ремесленникомъ, носильщикомъ, неутомимымъ работникомъ, но, вернувшись въ отечество, онъ, какъ и прежде, съ презрѣніемъ относится къ ремеслу.

Отсутствіе промысловъ, недостатокъ заработковъ, бѣдность природы, а въ прежнее время еще и вѣчная необезпеченность вслѣдствіе безпрерывныхъ войнъ, а также въ сильной степени и тѣснота,—всѣ эти причины уже издавна заставляли черногорца бросать свою родину и искать счастія на чужбинѣ. Однако, въ послѣднее время нѣкоторыя условія жизни черногорцевъ значительно измѣнились къ лучшему: строгое преслѣдованіе поединковъ и кровавой мести даетъ возможность жить на родинѣ съ большею безопасностью, чѣмъ прежде; теперь въ Черногоріи больше простора и меньше

тѣсноты, такъ какъ недавно черногорцы пріобрѣли новыя земли, что дало имъ возможность свободно расселиться; наконецъ, увеличилась производительность земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, и средства къ жизни. Между тѣмъ выселенія изъ Черногоріи продолжаются, и въ настоящее время покидать родину черногорцевъ вынуждаютъ налоги, которые въ послѣднее время чрезвычайно возвысились, такъ что теперь каждая семья платитъ ежегодно подати около 10 рублей на наши деньги. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что это немного, но для черногорца оказывается чрезвычайно затруднительнымъ выплачивать и эту подать: иногда на одну семью здѣсь приходится не болѣе $5^1/_2$ ралъ (въ одной русской десятинѣ около $6^1/_2$ ралъ), слѣдовательно цѣлая семья живетъ иногда менѣе, чѣмъ одной десятиной. Правда, земля нѣкоторыхъ мѣстностей Черногоріи въ высшей степени плодородна: пшеница родится самъ 10, греча самъ 30, но болѣе всего урожая даетъ кукуруза, поэтому она составляетъ главный хлѣбъ, и ея сѣется всего болѣе. Земля здѣсь чрезвычайно мало отдыхаетъ, и изъ всей пахотной земли гуляетъ едва $^1/_5$ часть. Подспорьемъ къ хлѣбу служатъ молоко и молочные скопы, которыми черногорцы питаются отъ Юрьева до Митрова дня (23 апрѣля—26 октября); не остаются они также и безъ мяса свѣжаго и сушенаго. Поэтому черногорцы питаются лучше, чѣмъ поселяне многихъ другихъ мѣстностей Европы. Мало того, у нихъ почти всегда есть остатокъ отъ хлѣба, не мало и скота, который они могли бы продать, есть также и другія доходныя статьи,—и между тѣмъ очень часто случается, что имъ нечѣмъ уплатить податей, хотя онѣ и разсрочены на три пріема въ годъ. Скотъ за границу не идетъ, потому что въ Австріи ввозъ его обложенъ слишкомъ высокою пошлиною, а для доставки его въ Италію нѣтъ перевозочныхъ средствъ. Невозможность сбыть что-нибудь, кромѣ мелкихъ домашнихъ сбереженій, на базарѣ, заставляетъ даже людей, имѣющихъ весьма достаточно хлѣба и скота, входить въ долги для уплаты податей и въ концѣ концовъ такъ запутываться въ долгахъ, что приходится бросать землю и хозяйство и выселяться въ другія страны.

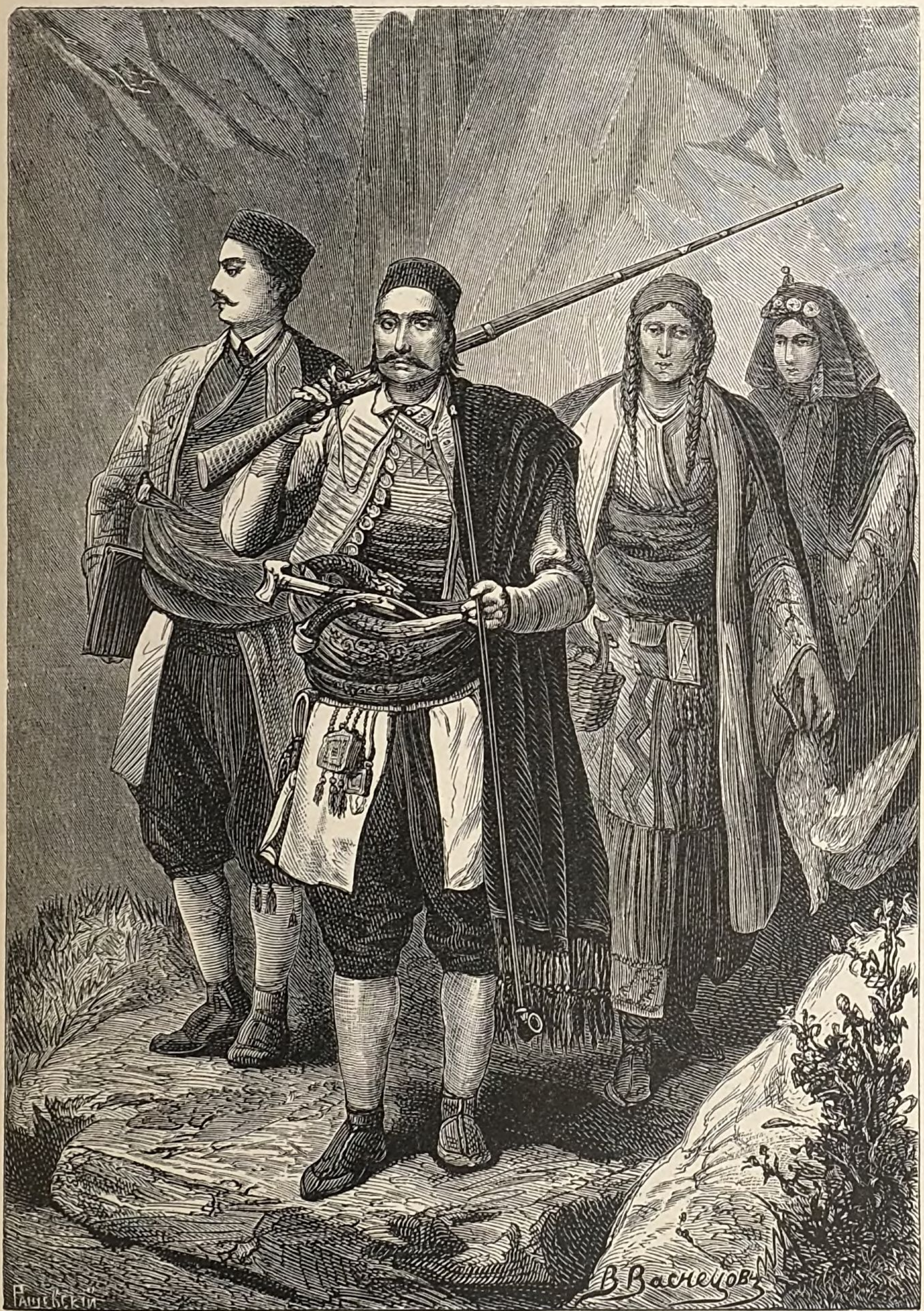
ХАРАКТЕРЪ НАРОДА.

Черногорка: ея наружность, одежда, положеніе въ семьѣ и отношеніе къ дѣтямъ.— Черногорецъ: его образъ жизни, понятія и отношеніе къ женщинѣ.— Одежда, жилище и пища народа.—Дѣтство черногорца и его посвященіе въ юнаки.— Развлеченія.—Религія, церковь и образованіе.—Замѣчательная честность черногорцевъ.—Воровство и его послѣдствія.—Тюрьма и отношеніе къ ней заключенныхъ.

Семейная жизнь черногорцевъ, ихъ почтеніе къ старшимъ, нѣжная привязанность и любовь между братомъ и сестрой, побратимство, суевѣрія, семейные праздники, похороны и другіе обычаи и нравы, кромѣ небольшой разницы въ нѣкоторыхъ мелочахъ, тѣ-же, что и у сербовъ; да и быть иначе не можетъ, такъ какъ черногорцы—тѣ-же сербы. Вотъ потому-то при описаніи характера черногорскаго народа мы останавливаемся только на тѣхъ его чертахъ, которыми онъ отличается отъ сербовъ, или, по крайней мѣрѣ, которыя выступаютъ еще рѣзче, чѣмъ у послѣднихъ.

Жителей въ этой крошечной странѣ очень немного,—ихъ всего насчитываютъ теперь 350,000 человѣкъ. Черногорцы—народъ бѣдный, но отъ того-ли, что они горды, или потому, что потребности ихъ очень ограничены, вы никогда не услышите отъ нихъ жалобы на свою бѣдность. Гдѣ бы вы ни встрѣтили черногорца, все богатство его всегда при себѣ и на себѣ: въ груди его бьется мужественное сердце героя, поступь у него смѣлая, осанка молодецкая, на немъ всегда одѣто самое цѣнное его имуще-

ство—оружіе. Да какъ ему и не носить оружія, когда онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ врагами, когда ему всегда почти приходится съ кѣмъ-нибудь драться, защищать свою семью и самостоятельность своей родины. Черногорцы борятся съ турками безъ устали уже пять столѣтій, и въ этой постоянной борьбѣ огрубѣлъ ихъ характеръ, закалилась ихъ природа; они стали необыкновенно воинственны, но зато въ просвѣщеніи и умственномъ развитіи они сильно отстали отъ другихъ народовъ западной Европы. Вслѣдствіе постоянной ходьбы, они привыкають ходить необыкновенно скоро: чѣмъ тяжелѣе непривычному путешественнику взбираться на страшныя крутизны ихъ горъ, тѣмъ болѣе поражають его черногорцы: когда они торопятся на базаръ, то, для сокращенія пути, они, какъ дикія козы, перепрыгивають съ одного остраго камня на другой, а женщины при этомъ еще навьючены какой-нибудь тяжелою ношею. Согнувшись въ три погибели подъ тяжестью дровъ или сѣна, съ корзинками яицъ и дичи въ рукахъ, онѣ, какъ и мужчины, тоже перескакивають съ камня на камень. Всѣ эти хозяйственныя сбереженія черногоркѣ удалось сохранить послѣ огромныхъ лишеній, а на базарѣ она получитъ за всѣ свои припасы пятнадцать-двадцать копѣекъ. Но крайняя бѣдность, общая громадному большинству черногорцевъ, необходимость, выпадающая въ этой странѣ на долю женщины чаще, чѣмъ гдѣ бы то ни было, быть единственной опорой семьи (братья, мужья, сыновья такъ часто гибнутъ въ схваткахъ) заставляють ее переносить на спинѣ и еще большія тяжести, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже наниматься въ носильщицы. Но, какъ бы ни была тяжела ея ноша, какъ воль, терпѣливо идетъ она впередъ, останавливаясь развѣ на минуту, чтобы передохнуть, прислонившись къ какому-нибудь выступу въ скалѣ. Если она, покончивъ работу, возвращается домой налегкѣ, она и тутъ не съ пустыми руками: вяжетъ на ходу кружева, мотаетъ пряжу, умудряется даже прясть. Хотя черногорки имѣють чрезвычайно изнуренный видъ и впалую грудь, но ихъ красивыя черты лица и блестящіе, живые глаза останавливають вниманіе каждаго; въ большинствѣ случаевъ онѣ средняго роста, плотнаго сложенія и съ огрубѣлыми отъ загара лицами. Какъ ни тяжелы ихъ ноши, походка ихъ легка и граціозна; станъ прямой и стройный. Наружность черногорки вообще очень привлекательна: въ выраженіи умныхъ глазъ много рѣшимости и отваги. Одѣты онѣ большею частью бѣдно, часто босыя, а если и есть обувь, то грубые чулки и *опанки* (башмаки изъ бычачьей кожи); зато эта обувь удобна для ходьбы по горамъ. Молодыя дѣвушки носятъ на головѣ шапочки, похожія на мужскія; сверху ихъ онѣ пришпиливають бѣлый платокъ съ распущенными концами. У нѣкоторыхъ изъ нихъ волосы, какъ у дѣвушекъ, такъ и у женщинъ, жирно намазаны и заплетены въ двѣ косы; косы висятъ по сторонамъ. Замужнія женщины покрывають голову чернымъ платкомъ, ниспадающимъ на плечи. Поверхъ холстинной рубашки съ узенькимъ воротничкомъ, расшитымъ разноцвѣтной бумагой или шелкомъ, надѣта черная юбка; на плечи накинуто что-то въ родѣ длинной кофты съ таліей и безъ рукавовъ,—*коретъ*. Этотъ коретъ изъ бѣлаго сукна, въ углахъ и по краямъ вышитый золотомъ, стягивають шерстянымъ кушакомъ или огромнымъ кожанымъ поясомъ, широкимъ, какъ лошадиный хомутъ, съ массивнымъ мѣднымъ аграфомъ. Этотъ огромный и уже самъ по себѣ тяжелый кушакъ еще тяжелѣе отъ множества камней, которыми онъ выложенъ. Черногорки, какъ и всѣ южныя женщины, носятъ много разныхъ украшеній, но самое любимое изъ нихъ—кушакъ. У тѣхъ, что побогаче, кушаки покрыты серебряными и вызолоченными бляхами, большая же часть ихъ отдѣланы латунью и украшены сердоликами, халцедонами, ониксами.

Рашевскій
В Васнецовъ

Нерадостно встрѣчаютъ женщину при ея появленіи на свѣтъ, и она въ этомъ можетъ прочесть роковой приговоръ всей своей судьбѣ. Рожденіе мальчика, будущаго воина и защитника родины, родители и родственники встрѣчаютъ взрывомъ шумной радости, пальбою и веселымъ пиромъ. Совсѣмъ не то, когда появилась на свѣтъ дѣвочка: всѣ въ домѣ мрачны, отецъ даже какъ-то конфузливо встрѣчаетъ тѣхъ, кто къ нему зайдетъ въ эти дни, точно какой-нибудь позоръ палъ на его голову. Тутъ, кромѣ пренебрежительнаго отношенія къ женщинѣ, свойственнаго всѣмъ сербамъ вообще, сказывается и воинственная натура черногорца. Только за послѣднее 50-лѣтіе прекратились племенныя распри. Въ то время надѣяться на побѣду могла только та сторона, въ которой преобладало мужское населеніе, а потому домъ и племя, въ которомъ было больше мужчинъ, брало верхъ надъ другими племенами. Наконецъ, вся жизнь и воспитаніе черногорцевъ обоего пола направлено къ тому, чтобы болѣе всего на свѣтѣ цѣнить и уважать геройство и храбрость. Несомнѣнно, что всѣ эти причины вмѣстѣ постоянно возбуждали въ черногорцѣ презрительный взглядъ на женщину, которая, конечно, имѣла несравненно менѣе случаевъ отличиться мужествомъ, проявить храбрость, геройство. Но мы увидимъ ниже, что разъ черногоркѣ удастся это, ея полъ забытъ, и она пользуется чуть-ли не бóльшимъ уваженіемъ, чѣмъ мужчина герой. Недаромъ черногорка убаюкиваетъ дочь словами юнацкихъ пѣсенъ, обѣщая ей въ нихъ мужа — не богача, не красавца, но богатыря: «Рости, дочка, пока не выростешь красивою дѣвушкою, тогда я выдамъ тебя замужъ за храбреца».

Дѣти, какъ мальчики, такъ и дѣвочки, получаютъ воспитаніе чисто спартанское. Новорожденнаго ребенка, спеленатаго, укладываютъ въ качалку, въ родѣ ящика, и вынимаютъ его оттуда только въ крайнемъ случаѣ: привязывая колыбель къ спинѣ матери или поставивъ ей ее на голову, ребенка переносятъ съ мѣста на мѣсто; когда нужно его покормить, мать подноситъ его къ груди тоже вмѣстѣ съ колыбелью. Никогда не вынимаютъ ребенка изъ этой колыбели, чтобы покачать на рукахъ, полюбоваться его первымъ лепетомъ, позабавить его. Онъ часто по цѣлымъ ночамъ кричитъ отъ голода и холода, и никто не подойдетъ къ нему, хотя тутъ же подлѣ мать спитъ, какъ убитая. И это понятно: она слишкомъ подавлена тяжкой, изнурительной работой за цѣлый день, чтобы слышать его плачъ во время сна. Это, однако, вовсе не означаетъ, чтобы здѣшняя женщина не любила своего дитяти. Черногорка — страстная мать: она, какъ львица, защищаетъ своего ребенка противъ непріятеля даже и цѣною своей жизни. Когда изъ дому уходитъ мужъ и другіе мужчины, она съ какою-то дикою страстью припадаетъ къ нему лицомъ, покрываетъ его страстными поцѣлуями, нюхаетъ, слегка кусаетъ, задыхаясь отъ упоенія. Но эта материнская страсть проявляется у черногорки порывами, а въ остальное время она точно совсѣмъ забываетъ о ребенкѣ, о его нуждахъ и потребностяхъ. Отчасти это происходитъ отъ неуравновѣшеннаго темперамента страстной натуры черногорки, но болѣе всего, конечно, отъ того, что она совсѣмъ подавлена работой.

Когда дѣвочкѣ исполнилось 7—8 лѣтъ, на ея нѣжныя плечи уже сразу наваливаютъ много тяжелыхъ домашнихъ работъ. Еще ребенкомъ вы увидите ее спускающуюся съ горъ съ тяжелой вязанкой дровъ, ею самою нарубленныхъ. Она одна идетъ далеко, какъ серна перепрыгивая съ утеса на утесъ, съ невообразимыми тяжестями, продавать на рынкѣ домашнія сбереженія. Въ 12—13 лѣтъ она дѣлается пастушкой, и тутъ главнымъ образомъ развивается ея геройскій духъ. Многіе путешественники удивляются, какимъ образомъ матери пускаютъ своихъ дочерей такъ далеко однѣхъ, какъ рѣшаются онѣ оставлять ихъ такъ долго въ обществѣ юношей.

Но въ Черногоріи женщины безопасны отъ всякаго оскорбленія; юношу, который осмѣлится забыть это, убиваютъ братья оскорбленной дѣвушки. Къ тому же молодая дѣвушка сама отлично знаетъ, что своею несдержанностью она можетъ уронить свой домъ, навлечь на себя позоръ и потому ведетъ себя безукоризненно. Правда, при ея столкновеніяхъ съ турками, тѣ, конечно, совсѣмъ иначе относились къ ней. Но и турецкіе пастухи смертельно боятся подступить къ черногоркѣ, такъ какъ юнаки тотчасъ отомстятъ за нее, въ крайнихъ же случаяхъ черногорка всегда предпочтетъ смерть безчестью.

Женщинѣ здѣсь приходится работать болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было: лѣтомъ и весной въ густыхъ лѣсахъ и пастбищахъ, осенью и зимой у домашняго очага. Это происходитъ отъ того, что мужчина въ этой странѣ мало въ чемъ ей помогаетъ: ему постоянно приходилось и приходится драться съ врагомъ, во много разъ болѣе сильнымъ; поэтому женѣ и дочери необходимо заниматься всѣми работами, чтобы какъ-нибудь прокормить семейство. Удивительно, какое множество разнообразныхъ обязанностей исполняютъ черногорки. Работъ, въ которыхъ онѣ не принимаютъ участія, такъ мало, что ихъ легко даже перечесть. Женщины здѣсь никогда не пашутъ; пахота—несчастіе, позоръ для черногорки; не даромъ, когда кого хотятъ здѣсь проклясть, говорятъ: «дай Богъ, чтобъ у васъ пахала женщина». На это существуетъ и поговорка: «Богъ смѣется, когда женщина пашетъ». Она также не окапываетъ кукурузы и не коситъ. Вотъ и все, въ чемъ она не принимаетъ участія, или, лучше сказать, принимаетъ участіе въ крайнихъ случаяхъ. Во всѣхъ остальныхъ работахъ она участвуетъ или наравнѣ съ мужчиной, или все исключительно лежитъ на ея плечахъ. Она убираетъ весь хлѣбъ, лущитъ кукурузныя шишки, мелетъ на ручномъ жерновѣ, ухаживаетъ за скотомъ, заготовляетъ молочные скопы, прядетъ шерсть, вяжетъ, ткетъ сукно для одежды мужу, себѣ и дѣтямъ; изъ толстой воловьей кожи она дѣлаетъ опанки (обувь), таскаетъ дрова, носитъ воду, часто изъ мѣстностей за пять верстъ и болѣе, нерѣдко рубитъ дрова; домашнія сбереженія, составляющія иногда тяжесть въ пудъ и болѣе, навьючиваетъ на себя и несетъ продавать на рынокъ. И вотъ что замѣчательно: мужчина, даже и въ томъ случаѣ, когда идетъ съ нею рядомъ, никогда не облегчитъ ея, не возьметъ на себя ея тяжести. Боже сохрани взвалить себѣ ношу за плечи, — это такой стыдъ для черногорца, о которомъ онъ даже равнодушно и думать не можетъ. Его дѣло — ружье, и онъ не входитъ въ семейныя дѣла: все это должна знать жена, обо всемъ распорядиться, подумать, все приготовить, достать хлѣбъ, когда былъ неурожай, продать избытокъ въ хозяйствѣ,—а онъ, какъ дорогой гость, придетъ въ устроенное хозяйство, къ домашней трапезѣ.

Отношеніе мужа къ женѣ, по крайней мѣрѣ внѣшнее его проявленіе, въ высшей степени грубо и сурово. Мужъ никогда не называетъ ея по имени, замѣняя его мѣстоименіемъ «ты» или «она». «Слышишь ты?» «Принеси ты!» «Эй, ты, иди сюда!»—вотъ обычное обращеніе мужа къ женѣ. Чѣмъ болѣе въ х[illegible] постороннихъ, тѣмъ грубѣе мужъ относится къ женѣ. Этимъ, ему кажется, [illegible] поддерживаетъ свое достоинство и не даетъ возможности постороннимъ заподозр[illegible] его въ нѣжности къ женѣ. Жена не смѣетъ вмѣшиваться въ дѣла своего мужа, не смѣетъ спросить его, откуда онъ пришелъ и куда идетъ. Если она даже случайно и знаетъ, гдѣ мужъ, и ее объ этомъ спрашиваютъ другіе, она отвѣчаетъ: «не знаю». Жена только отъ постороннихъ узнаетъ иногда, что мужъ ея уѣхалъ въ Константинополь, или еще дальше, но не смѣетъ справляться о немъ, не смѣетъ писать ему, какъ бы долго онъ ни находился въ отлучкѣ. Иногда черногорецъ по-

сылаетъ своей женѣ деньги, но никогда не напишетъ ей ни одного слова. Жена тоже никогда не называетъ по имени своего мужа. Спросите у нея, какъ зовутъ ея мужа; она, смѣясь, отвѣтитъ: «не знаю, чортъ его побери». Когда мужъ поставленъ въ необходимость сказать, что это его жена, онъ съ замѣшательствомъ и скороговоркою произноситъ: «извините, это моя жена»,—точно этимъ признаніемъ нарушается его мужская благопристойность. Черногорка никогда не сопровождаетъ мужа въ его поѣздкахъ; когда она въ сопровожденіи друзей случайно встрѣтитъ мужа на дорогѣ, то старается, чтобы избѣжать встрѣчи, повернуть въ другую сторону. Когда встрѣча супруговъ дѣлается неизбѣжной, то мужъ, подъ предлогомъ закурить трубку, нѣсколько отстаетъ, чтобы жена поскорѣе прошла. Онъ никогда не долженъ встрѣчаться съ ней лицомъ къ лицу, никогда не долженъ сопровождать ее, если не хочетъ сдѣлаться предметомъ насмѣшекъ всей деревни. Боже сохрани, если на базарѣ они столкнутся вмѣстѣ, и имъ нѣсколько минутъ придется стоять рядомъ: онъ непремѣнно отомститъ ей за это самымъ жестокимъ образомъ.

Когда черногорецъ заболѣваетъ, жена его рѣдко ухаживаетъ за нимъ, даже рѣдко видитъ его въ это время. За больнымъ присматриваютъ родственники и друзья, а жена продолжаетъ заниматься своимъ дѣломъ. Она узнаетъ отъ окружающихъ, что мужъ ея очень плохъ, и если она считаетъ себя порядочной женщиной, то должна встрѣтить это извѣстіе совершенно равнодушно и продолжать свое дѣло, не выказывая ни малѣйшаго волненія; и только когда мужъ ея уже умеръ, она вмѣстѣ съ другими можетъ причитать у тѣла покойнаго. Но въ своихъ причитаніяхъ она не будетъ превозносить мужа, какъ человѣка; она хвалитъ только его храбрость и разсказываетъ о многочисленныхъ трофеяхъ, принесенныхъ имъ съ поля битвы.

Женщина унижается не только передъ мужемъ и отцомъ, но и передъ всѣми знакомыми. Когда входитъ посторонній, она цѣлуетъ ему руку, плечо или край его одежды, снимаетъ съ него обувь и сушитъ ее, приноситъ теплой или холодной воды и обмываетъ ноги посѣтителю. Когда наступаетъ время ужина, она не садится за общій столъ, а прислуживаетъ гостямъ, держитъ въ рукѣ горящую лучину и такимъ образомъ освѣщаетъ всю комнату. Несмотря на эту, если можно такъ выразиться, рабскую обрядность, вамъ не удастся подмѣтить здѣсь въ женщинѣ ни тѣни страха передъ мужемъ: она держится свободно, какъ и всѣ. Мы говоримъ—рабская обрядность, потому что черногорская женщина, несмотря на пренебрежительное отношеніе къ ней мужчины, въ дѣйствительности совершенно свободна, и ея жизнь въ семьѣ не имѣетъ ничего общаго съ жизнью турецкихъ женщинъ. Мы уже говорили, что мужъ не вмѣшивается въ ея распоряженія по дому; также свободна она и внѣ его. Она одна идетъ на базары, находящіеся на очень далекомъ разстояніи, можетъ торговать, свободно заключать устные и письменные контракты. Въ церковь она ходитъ вмѣстѣ съ мужчинами съ открытымъ лицомъ, но пропускаетъ ихъ впередъ, а сама остается у входа; въ хороводахъ она свободно можетъ танцовать съ мужчинами. Внѣ дома всякій мужчина, знакомый и незнакомый, будетъ ей рыцарски покровительствовать. Хотя мужъ при другихъ относится къ ней пренебрежительно, но съ глазу на глазъ обращается съ нею гораздо ласковѣе, спрашиваетъ ея совѣта, въ случаѣ малѣйшаго ея оскорбленія готовъ отдать за нее жизнь. Правда, пренебреженіе мужчины доходитъ здѣсь нерѣдко до деспотизма, и на долю женщины выпадаютъ иногда даже побои отъ мужа, но она имѣетъ право жаловаться на него не только своимъ роднымъ и суду, но и самому князю, требовать развода.

Пренебрежительное отношеніе къ женщинѣ замѣняется глубокимъ уваженіемъ, разъ у женщины мужъ и сыновья—герои, или сама она имѣла возможность выка-

зать личную храбрость. Ни одинъ изъ существующихъ народовъ не имѣлъ столько самоотверженныхъ, храбрыхъ героинь, какъ эта маленькая страна, своимъ геройствомъ обратившая на себя вниманіе всей Европы. Замѣчательныя героини-женщины были въ Черногоріи во всѣ періоды ея исторіи. Черногорскія женщины не разъ заставляли отступающихъ черногорцевъ снова идти въ схватку, не разъ сами собственнымъ ятаганомъ поражали враговъ. Перевязывая раны, женщины поощряютъ юнаковъ къ битвѣ, восхищаются храбрецами, воодушевляютъ сражающихся возгласами: «За честный крестъ, черногорскіе герои!» «За черногорскую свободу!» А чуть они начинали колебаться, женщины, которыя обыкновенно съ возвышенныхъ пунктовъ наблюдали за сраженіемъ, неистово кричали: «Срамъ, срамъ! И вы смѣете называть себя мужчинами! Берите наши прялки и передники! Подавайте намъ ваши ружья, мы лучше съумѣемъ отстоять золотую свободу, дорогую родину!» Понятно, что послѣ такихъ оскорбительныхъ упрековъ черногорецъ бросался въ бой, какъ разъяренный левъ, и обращалъ въ бѣгство въ десять разъ сильнѣйшаго непріятеля. Женщина не можетъ болѣе кровно обидѣть подругу, какъ сказавъ ей: «Дай Богъ, чтобъ всѣ твои умирали въ кровати!» Мать не плачетъ о потерѣ сына, даже стыдится плакать, если только онъ умеръ геройской смертью во время сраженія и съ презрѣніемъ встрѣтитъ струсившаго въ битвѣ. Объ этомъ говорится и въ пѣсняхъ, съ самыми разнообразными варіяціями: «Пусть ядомъ и проклятіемъ станетъ пища, которою я тебя кормила, и пусть мое молоко выйдетъ черезъ твои раны,—потерялъ ты честь юнака».

Черногорецъ прежде всего обязанъ защищать свою жену и ея честь, и въ этомъ отношеніи онъ, дѣйствительно, не жалѣетъ своей жизни. Ея трудовая жизнь въ семьѣ, ея, по понятію черногорца, несчастная природа, которая мѣшаетъ ей сдѣлаться богатыремъ, даютъ ей особыя права и преимущества. Личность ея неприкосновенна, и оскорбленіе женщины считается въ Черногоріи величайшимъ преступленіемъ. Черногорецъ скорѣе проститъ свою обиду, нежели обиду жены или дочери. На каждое дерзкое слово женщинѣ одинъ отвѣтъ—ударъ кинжаломъ или выстрѣлъ изъ пистолета. Что бы ни сдѣлалъ мужъ, сколько бы онъ ни имѣлъ враговъ, ихъ месть никогда не падаетъ на женщину. Во время самыхъ кровопролитныхъ битвъ и поединковъ враждебныхъ племенъ женщина совершенно безопасно могла войти въ семью враждебнаго племени.

Вся гордость, всѣ мечты женщины—имѣть какъ можно больше сыновей и вдохнуть въ нихъ непоколебимое мужество; въ такомъ случаѣ ее всѣ будутъ уважать. Мать любитъ сына и ласкаетъ его болѣе, чѣмъ дочь. Самые счастливые дни для черногорки наступаютъ тогда, когда ея мужъ или сынъ отличился на войнѣ и, прославляемый общимъ голосомъ товарищей, возвращается съ поля битвы. Какъ бьется тогда ея сердце! Какимъ невыразимымъ счастіемъ и гордостью дышатъ тогда всѣ черты ея лица! Сколько ей тогда почета! Въ полѣ или вечеромъ на посидѣлкахъ всѣ женщины смотрятъ на нее съ завистью и уступаютъ ей первое мѣсто, даже мужчины даютъ ей дорогу, первые кланяются ей съ уваженіемъ. Въ этомъ наивномъ выраженіи своего уваженія къ женѣ героя черногорцы инстинктивно признаютъ громадное вліяніе женщины даже и въ дѣлѣ военной доблести.

Зато какъ часто въ этой странѣ женщина дѣлается вдовой. Если вражья пуля пронзитъ сердце ея мужа, а у нея нѣтъ брата, который могъ бы за нее отомстить, дѣти же ея слишкомъ малы, тогда, чему много было примѣровъ, она сама хватаетъ саблю и ружье и бѣжитъ въ первые ряды своихъ. Тутъ она будетъ уже не только одобрять, но и дѣйствовать, и не уйдетъ съ поля сраженія, если не положитъ хоть

одного врага. «О, горе мнѣ, Станица», вопитъ съ поля битвы добрый молодецъ, «некому будетъ отомстить за тебя на бѣломъ свѣтѣ»,—такъ говорится въ одной изъ самыхъ любимыхъ черногорскихъ пѣсенъ. «Далеко по полю пронеслись эти звуки, услышала ихъ Станица и поняла, что умираетъ ея мужъ. Она хватаетъ въ руки ружье и смѣло бѣжитъ къ тропинкѣ, по которой спускались въ это время турки, убійцы ея мужа; ихъ было пятнадцать, и вмѣстѣ съ ними ихъ предводитель Ага. Она бросилась къ нимъ и первымъ кладетъ наповалъ Агу. Остальные турки, испуганные смѣлостью этой женщины, убѣгаютъ, даютъ ей возможность отрѣзать голову ихъ начальника, и она несетъ ее съ торжествомъ въ свою деревню. «Христіанка!» пишетъ ей вдова Аги, «убивъ моего Агу, ты лишила меня зрѣнія; если ты настоящая черногорка, приходи завтра одна къ границѣ, я приду тоже одна, мы помѣримся съ тобой силой и увидимъ, которая изъ насъ двухъ болѣе предана своему супругу». Черногорка сбрасываетъ свое женское платье и въ костюмѣ убитаго ею Аги и въ его блестящемъ вооруженіи является къ назначенному мѣсту. Тутъ видитъ она вѣроломную турчанку съ сообщникомъ, который въ ту же минуту бросается на нее. Черногорка не испугалась, и ея мѣткая пуля пронзила его сердце. Отрѣзавъ голову врагу, она догоняетъ убѣгавшую турчанку и связанною привозитъ къ себѣ, держитъ ее 15 лѣтъ у себя въ услуженіи, заставляя ее убаюкивать пѣснями своихъ маленькихъ сиротъ».

Послѣ женщины самое священное существо для черногорца—путешественникъ: попроситъ ли онъ пить, проходя мимо какой-нибудь хаты, и по первой его просьбѣ со всѣхъ сторонъ высыпаетъ народъ, стараясь въ точности исполнить все, что онъ пожелаетъ. Хозяинъ выноситъ ему не только воду, но и вино, если только оно у него есть; при этомъ онъ какъ величайшей чести добивается того, чтобы путешественникъ вошелъ въ его хату; если тотъ на это соглашается, одинъ изъ мужчинъ подходитъ къ гостю и беретъ у него оружіе, а женщина помоложе снимаетъ ему сапоги и умываетъ ноги, беретъ его одежду и сушитъ у огня, если она промокла отъ дождя или снѣга. Радушію нѣтъ конца, каждый старается чѣмъ-нибудь услужить: въ одну минуту нанесутъ цѣлый ворохъ подушекъ и обкладываютъ ими деревянныя скамейки, чтобы путешественнику не было жестко сидѣть; на низенькомъ столикѣ появляется буквально все, что есть въ домѣ. Угощать путешественника считается великою честью, и хозяинъ дома никому ея не уступитъ. Сидя на камнѣ передъ гостемъ, онъ безпрестанно подноситъ ему то кофе, то яйца, то кубокъ ракіи или *кастрадину* (копченое овечье или козье мясо—самое любимое кушанье черногорцевъ). Послѣ обѣда его усаживаютъ къ пылающему огню, и тутъ онъ переслушаетъ очень много сербскихъ пѣсенъ подъ аккомпанементъ гуслей (скрипка съ одною струною изъ конскихъ волосъ). Когда на слѣдующій день гость уходитъ, женщины цѣлуютъ ему руку, мужчины ограничиваются рукопожатіемъ; хозяинъ обыкновенно проводитъ гостя; наконецъ, простившись, гость стрѣляетъ изъ пистолета, хозяинъ отвѣчаетъ ему тѣмъ же. Радушіе и гостепріимство особенно проявляются во время праздника «крстно имя», которое празднуется здѣсь такъ же торжественно, какъ и въ Сербіи. Но гораздо важнѣе гостепріимства то, что каждый путешественникъ можетъ совершенно безопасно разъѣзжать по Черногоріи, входить въ каждую хату, располагаться, какъ у себя дома, почевать, гдѣ ему угодно. Въ этой странѣ убить или обокрасть чужестранца, который довѣрчиво рѣшился проникнуть въ горы, считается величайшимъ преступленіемъ, страшнымъ клеймомъ и позоромъ, не только для того, кто отважился на такой поступокъ, но и для всѣхъ черногорцевъ. Поэтому, лишь только путешественникъ вступаетъ на черногорскую землю, тысячи невиди-

мыхъ глазъ считаютъ своею святѣйшею обязанностью наблюдать, чтобы ему не нанесли ни малѣйшаго вреда.

Черногорецъ представляетъ совершенную противоположность своей женѣ. Въ то время, когда она по дорогѣ идетъ не иначе, какъ согнувшись въ три погибели подъ какой-нибудь тяжестью, черногорецъ всегда налегкѣ: одною рукою онъ придерживаетъ свое ружье, другою свой длинный чубукъ, изъ котораго безпрестанно потягиваетъ съ видимымъ наслажденіемъ. Онъ сразу бросается въ глаза своей молодцоватостью и красивой легкой поступью. Мужественный и большею частью рослый черногорецъ передъ своею женою кажется великаномъ и богатыремъ. Его смуглое лицо дышетъ отвагой, самонадѣянностью и непобѣдимымъ мужествомъ; его осанка необыкновенно величественна; самый обыкновенный разговоръ онъ сопровождаетъ выразительными жестами и восклицаніями; все въ немъ дышетъ молодецкою удалью человѣка, закаленнаго въ битвахъ, сознаніемъ собственной силы. И дѣйствительно, сила черногорца, скрытая иногда подъ тщедушною наружностью, чрезвычайно велика; это болѣе всего происходитъ отъ упражненія мускуловъ, а также вслѣдствіе наслѣдственности, такъ какъ его отцы и прадѣды всѣ были такіе же храбрецы и герои, какъ и онъ. Быстрота его необыкновенна; ѣдетъ ли онъ верхомъ, или идетъ пѣшкомъ, онъ достигаетъ мѣста почти въ одно и то же время. При этомъ замѣчательна его легкость: онъ идетъ такъ тихо, такъ легко перепрыгиваетъ со скалы на скалу, что присутствіе его вы замѣчаете только по легкому бряцанію его оружія. Тяжесть этого оружія нисколько не мѣшаетъ равновѣсію и не уменьшаетъ его ловкости. Онъ отличается также необыкновенною умѣренностью въ пищѣ; онъ въ состояніи проходить натощакъ цѣлый день, останавливаясь только у источниковъ, чтобы утолить жажду.

Въ нравственномъ отношеніи черногорецъ отличается веселостью, живостью ума, необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, пылкимъ воображеніемъ, поэтическимъ чувствомъ, но въ то же время и немалою дозою тщеславія, самохвальства, способностью все преувеличить и прикрасить,—онъ не прочь даже и приврать иногда. Не смотря на свою гордость и самолюбіе, отъ него нерѣдко можно слышать жалобу на то, что онъ, несмотря на свою храбрость, не имѣетъ медали, между тѣмъ какъ его знакомый, гораздо менѣе его мужественный, уже награжденъ. Черногорецъ не можетъ вынести не только ни малѣйшаго оскорбленія или обиды, но даже насмѣшки и жертвуетъ жизнью очень часто изъ-за ничтожныхъ пустяковъ. Подчиниться чужой власти для него немыслимо; холодъ, голодъ, смерть—на все онъ идетъ смѣло, только-бы не рабство, не униженіе. Его предки предпочли безплодныя скалы плодороднымъ равнинамъ, вѣру отцовъ—магометанству, свободу и нищету—рабству. Въ нуждѣ черногорецъ съ благодарностью принимаетъ помощь, если она не унижаетъ его, не въ ущербъ его человѣческому достоинству. За малѣйшую услугу онъ чувствуетъ глубочайшую признательность и будетъ употреблять всѣ силы выказать ее на дѣлѣ, если только его къ этому не понуждаютъ. Однако, несмотря на его гордость, несмотря на всю ненависть къ подчиненію, энергичные правители Черногоріи послѣдовательно привели его къ слѣпому повиновенію волѣ князя. Теперь на сколько онъ храбръ и безстрашенъ по отношенію къ непріятелю, на столько онъ послушенъ и робокъ передъ своимъ княземъ; онъ покорно цѣлуетъ его руку, даже ногу и одежду, безпрекословно и точно выполняетъ всѣ его повелѣнія. Пьянство и распутство здѣсь являются въ видѣ рѣдкихъ исключеній, можетъ быть отчасти потому, что въ черногорцѣ сильна склонность къ очень раннимъ бракамъ, отчасти потому, что въ немъ сильно развита воинственность, которая имѣетъ исходъ въ постоянныхъ стычкахъ.

Веселость, шутливость, иронія удачно гармонирують въ его характерѣ съ непоколебимою твердостью, напоминающею природу, среди которой онъ живетъ. Черногорецъ съ дѣтства привыкаетъ слышать о смерти того или другого изъ своихъ близкихъ, и у него не существуетъ ни малѣйшаго страха передъ смертью на войнѣ. Совсѣмъ иначе онъ относится къ смерти, когда болѣзнь все крѣпче и крѣпче приковываетъ его къ постели; тогда онъ нѣжно смотритъ въ глаза окружающимъ, какъ-бы умоляя ихъ удалить отъ него эту роковую минуту. Какъ ни храбры, однако, черногорцы, передъ началомъ боя ими овладѣваетъ такое сильное нервное возбужденіе, что многіе изъ нихъ начинаютъ даже дрожать, но этотъ трепетъ и нервное возбужденіе не страхъ, а лишь нетерпѣніе, сильное желаніе какъ можно скорѣе ринуться въ бой. Отправляясь на войну, черногорецъ, какъ человѣкъ суевѣрный, наблюдаетъ примѣты, особенно сны, которые онъ всегда разсказываетъ своимъ близкимъ. Эти сны очень часто появляются и въ пѣсняхъ, въ которыхъ разсказывается о приготовленіи черногорца къ войнѣ. Воинственность черногорца, воспитанная всею его прошлою жизнью, развивала въ немъ не только пренебреженіе къ скромнымъ занятіямъ ремеслами, но непостоянство вообще, любовь къ приключеніямъ, стремленіе къ первенству и господству въ семьѣ и на войнѣ, возможность убійства изъ-за ничтожной причины. Раздѣленія на сословія въ европейскомъ смыслѣ здѣсь не существуетъ; сами себя они дѣлятъ лишь на трусовъ и юнаковъ. Въ послѣднее время кое-кто изъ молодежи, получившей образованіе въ европейскихъ столицахъ, силились было создать изъ себя извѣстнаго рода аристократію, но это имъ не удалось, такъ какъ народъ сталъ презрительно относиться къ людямъ, выдѣлявшимъ себя отъ другихъ. При всей своей самоувѣренности черногорецъ не лишенъ хитрости. Онъ никогда не выскажетъ прямо своего мнѣнія о той или другой личности, о томъ или другомъ фактѣ, не подумавъ напередъ, насколько это можетъ быть выгодно для него.

Врожденное краснорѣчіе черногорца составляетъ удивительную черту его характера. Положительно можно сказать, что онъ такой же искусный ораторъ, какъ и искусный воинъ. Для того, чтобы вполнѣ оцѣнить его ораторскія способности, нужно послушать его на вечернихъ собраніяхъ, когда онъ начинаетъ разсказывать о подвигахъ своихъ или своихъ товарищей, сопровождая свой разсказъ оживленною мимикою и выразительною интонаціею. Когда онъ долженъ защищать свое личное дѣло, онъ умѣетъ, какъ самый искусный адвокатъ, выбрать чрезвычайно убѣдительные доводы. Онъ говоритъ всегда коротко, ясно и энергично и всегда приводитъ только необходимыя доказательства для рѣшенія дѣла.

Какъ у всѣхъ сербовъ, поэтическое чувство черногорцевъ чрезвычайно развито. Вы не найдете между ними извѣстныхъ писателей: черногорская поэзія почти вся состоитъ изъ пѣсенъ, въ которыхъ воспѣваютъ смѣлость и отвагу ратныхъ борцовъ за свободу родины. Эта поэзія—созданіе всего народа; этимъ пѣснямъ выучиваются дѣти еще въ раннемъ возрастѣ, и не изъ книгъ, а изъ устъ своихъ вѣчно воюющихъ отцовъ. Сознаніе собственнаго достоинства, рыцарскія чувства, внушенныя съ колыбели и отвага придаютъ наружности черногорца гордый и презрительный видъ, которому онъ старается не измѣнить даже и въ критическія минуты своей жизни. Гордо подбоченясь, онъ самодовольно прогуливается въ часы досуга. Если онъ занимаетъ какую-нибудь высшую должность, онъ съ пренебреженіемъ относится къ почету, съ которымъ его встрѣчаютъ.

Близорукость въ Черногоріи не извѣстна, и черногорецъ отличается необыкновенно острымъ зрѣніемъ. Онъ издали увидитъ врага и съ поразительною точностью попадаетъ въ цѣль. Одаренный необыкновенно тонкимъ слухомъ, онъ на далекихъ

разстояніяхъ слышитъ вопросы, дѣлаемые часто на противоположной горѣ. Зато его обоняніе совсѣмъ плохо развито: его не поражаютъ самыя отвратительныя испаренія.

Въ мирное время черногорецъ проводитъ день гораздо болѣе праздно, чѣмъ его жена. Поработавъ надъ полемъ или надъ какимъ-нибудь другимъ занятіемъ утромъ, онъ остальную половину дня рѣшительно ничего не дѣлаетъ, сидитъ съ трубкою у очага, покуриваетъ, болтаетъ съ пріятелями или поетъ пѣсни. Сколько бы ни было заботъ у жены, облегчить которыя онъ могъ бы въ нѣсколько минутъ, онъ ни за что не сдвинется съ мѣста, если только это не крайне необходимо. Дѣло жены—кряхтѣть и работать, съ него довольно и того, что онъ сдѣлалъ поутру. Главное его дѣло, которому онъ отдается всѣмъ сердцемъ,—война. Тогда онъ дѣлается настоящимъ львомъ, не думаетъ ни о красотѣ своихъ движеній, ни о своей величественной осанкѣ, безъ страха и оглядки бросается навстрѣчу вѣрной смерти и падаетъ мертвымъ или поражаетъ врага. Онъ никогда не струситъ, никогда не побѣжитъ назадъ, иначе его бы стали презирать родные и друзья, показывали бы на него пальцами, какъ на труса, а это для него хуже тысячи смертей. Убить много враговъ, быть героемъ—вотъ мечта, которую онъ лелѣетъ съ ранняго дѣтства.

Къ несчастію, черногорецъ гордится не одними воинственными подвигами: онъ любитъ привлекать вниманіе блескомъ своей одежды, красотой своего оружія и своею величественною осанкою. Правда, черногорецъ не подчиняется измѣнчивости моды: онъ носитъ костюмъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, которые, какъ и онъ, сражались за независимость своей родины. Слѣдуетъ также отдать справедливость и тому, что его одежда весьма приноровлена къ его жизни: его легкая обувь говоритъ о человѣкѣ, привыкшемъ скакать съ утеса на утесъ и безъ устали проходить огромныя пространства; множество оружія въ самомъ наилучшемъ видѣ указываетъ на солдата, который каждую минуту помнитъ о своихъ обязанностяхъ и при первомъ призывѣ готовъ отразить врага. Но ничѣмъ, кромѣ тщеславія, нельзя объяснить роскошь его одежды, которая нерѣдко вводитъ его въ долги и повергаетъ его семью въ нищету.

Костюмъ черногорца гораздо болѣе живописенъ, чѣмъ костюмъ его жены. На немъ на распашку одѣта *гуня* или *гунина:* это—родъ кафтана по колѣно, съ узкими рукавами и со складками на таліи. Она носится широко-раскрытой, какъ для удобства ходьбы, такъ и для того, чтобы не закрывать шитье джамадана (жилетъ). Платье это дѣлается изъ бѣлаго сукна съ рядомъ пуговицъ, петель, которыя, впрочемъ, ни къ чему не служатъ, и съ золотымъ шитьемъ. Изъ-подъ гуни виденъ широкій жилетъ, застегивающійся на груди, тоже часто украшенный золотымъ шитьемъ, а также синіе шаровары (гачэ),—они доходятъ только до колѣнъ и тамъ удерживаются подвязкою. Одинъ поясъ обхватываетъ талію поверхъ гунины,—онъ сдѣланъ изъ красной шерсти; другой поясъ называется *коланомъ*,—сдѣланъ изъ краснаго сафьяна и состоитъ изъ множества ремешковъ и петелекъ, взаимно другъ друга прикрывающихъ, съ цѣлью защитить отъ дождя пистолеты, которые за нимъ затыкаются. Иногда сверхъ гунины черногорецъ одѣваетъ камзолъ безъ рукавовъ изъ краснаго сукна, украшенный снурками, а то и позументомъ. На головѣ онъ носитъ шапку съ плоскимъ дномъ изъ краснаго сукна, но она покрывается по всей своей высотѣ черной шелковой лентой, — эта шапка называется *капа*. *Струка* (родъ плэда)—необходимѣйшая принадлежность одежды черногорцевъ обоего пола. Во время путешествія черногорцы накидываютъ ее на плечи. Струка—очень длинный, съ бахромою внизу, сѣрый плэдъ, весьма напоминающій шотландскій, защищаетъ черногорца отъ дождя, вѣтра и холода, а также часто замѣняетъ ему матрацъ, одѣяло и подушку. Поэтому сложилась такая пословица: «хорошая ли погода, дурная ли—все

равно, бери свою струку: ты ляжешь или на ней, или подъ ней». Сапоги и башмаки замѣнены въ Черногоріи опанками, употребленіе которыхъ сильно распространено на всемъ Балканскомъ полуостровѣ. Кромѣ опанокъ, на ногахъ чулки, поверхъ которыхъ одѣты штиблеты изъ толстой матеріи. *Доколѣница* (такъ называются эти штиблеты) обхватываетъ плотно всю ногу до самой щиколотки и застегивается сбоку на мѣдныхъ крючкахъ. Люди съ состояніемъ носятъ доколѣницу изъ тонкаго сукна, часто зеленаго цвѣта и украшенную золотыми позументами.

Но самое главное украшеніе черногорца—его оружіе; съ нимъ онъ никогда не разстается и начинаетъ носить его очень рано. Оно состоитъ изъ длиннаго, такъ называемаго, арнаутскаго ружья, почти всегда изукрашеннаго мелкой искусной насѣчкой изъ серебра и перламутра, двухъ пистолетовъ, изъ ятагана, который вмѣстѣ съ пистолетами носятъ за поясомъ. Кромѣ этого оружія, черногорецъ носитъ еще въ своемъ коланѣ маленькую палочку для заряжанія пистолетовъ;сзади, на поясѣ, привѣшаны патронницы, которыя состоятъ изъ двухъ ящиковъ, сдѣланныхъ изъ твердой кожи; тутъ же у пояса виситъ огниво и все необходимое для смазки и чистки оружія. Длинная трубка или чубукъ тоже составляетъ необходимую принадлежность черногорца. Черногорецъ сбриваетъ волоса на головѣ отъ одного уха до другаго, такъ что лобъ и темя всегда остаются обнаженными. Нѣкоторые отращиваютъ бороды, но громадное большинство совсѣмъ безъ бороды. Носить же усы каждый черногорецъ считаетъ своею священною обязанностью; дотронуться до нихъ—величайшее оскорбленіе, за которое онъ считаетъ непремѣннымъ долгомъ отомстить.

Чтобы вполнѣ понять, какимъ образомъ жизнь создаетъ такихъ богатырей, необходимо узнать, какъ растетъ и воспитывается черногорецъ. Нерѣдко судьба призываетъ его къ жизни въ ту минуту, когда турки или албанцы, подпаливъ деревню, вступаютъ въ рукопашную съ ея обитателями, убиваютъ его отца; иногда онъ рождается на неприступной скалѣ, и его кладутъ не въ мягкую постельку, а на жесткій камень. Матери некогда за нимъ ухаживать: ей нужно защищаться отъ турокъ или бѣжать, наскоро захвативъ ребенка, чтобы поспѣть домой на работу.

Окрестивши новорожденнаго съ необыкновеннымъ торжествомъ, при огромномъ стеченіи народа, отецъ цѣлуется со всѣми гостями и подноситъ имъ своего сына, чтобы они его поцѣловали. Затѣмъ новорожденнаго относятъ въ колыбель и торжественно кладутъ къ нему съ двухъ сторонъ оружіе: ружье и пистолетъ. При этомъ гости шумно и весело пьютъ вино и говорятъ разныя *здравицы* (тосты): «пусть будущій воинъ поскорѣе обольетъ свое оружіе вражьей кровью», произноситъ одинъ. «Пусть онъ остается всегда свободнымъ!» желаетъ другой. «Пусть будетъ непримиримымъ врагомъ турокъ и дерется, какъ отецъ!».

Мальчикъ начинаетъ ходить, крѣпнуть, всматривается въ жизнь, и въ его душѣ прежде всего запечатлѣвается горячая любовь къ героямъ страны, жажда военныхъ подвиговъ и славы, ненависть къ врагамъ. Его съ пеленокъ окружаютъ богатыри; они съ такимъ презрѣніемъ говорятъ ему о трусахъ, подзадориваютъ его своимъ блестящимъ оружіемъ, глядя на которое и безъ того у каждаго ребенка разгораются глазки. Первый рѣзкій шумъ, который различаетъ ребенокъ,—выстрѣлы, и мать не упуститъ случая объяснить ему, что бьютъ враговъ. При этомъ она начинаетъ ему разсказывать, какъ онъ выростетъ большой, какъ будетъ много убивать непріятелей, съ какимъ почетомъ всѣ тогда его будутъ встрѣчать.

Въ долгіе зимніе вечера у огня, притаивъ дыханіе, съ трепетнымъ вниманіемъ слушаетъ онъ разсказы своего отца и старшихъ братьевъ о недавнихъ стычкахъ съ непріятелемъ или пѣсни о славныхъ богатыряхъ добраго стараго времени. Правда,

какъ эти пѣсни, такъ и все его дѣтское воспитаніе мало вліяютъ на умъ, но зато сильно развиваютъ любовь къ родинѣ, ненависть къ врагу, искреннее стремленіе скорѣе сдѣлаться защитникомъ своей страны и самое страстное желаніе быть неустрашимымъ воиномъ-героемъ, которому бы всѣ удивлялись и поклонялись. Эта строго опредѣленная цѣль въ жизни, къ которой стремится ребенокъ уже съ 7-ми,—8-ми лѣтъ, придаетъ рѣзкій, энергичный и интеллигентный характеръ выраженію физіономіи и въ нравственномъ отношеніи ставитъ черногорцевъ выше многихъ цивилизованныхъ націй, большинство которыхъ равнодушно ко всему, кромѣ своего кармана, и всю жизнь живетъ безъ всякаго идеала.

Дѣти съ самаго ранняго возраста возятся съ заряженными пистолетами своихъ отцовъ. Въ то время, когда они еще играютъ на полу, они часто слышатъ внезапный шумъ, видятъ общее смятеніе: «албанцы пришли», кричатъ старшіе и хватаютъ оружіе; всѣ бѣгутъ отгонять врага, возвращаются съ трофеями, а нерѣдко съ убитымъ отцемъ или братомъ. Любимая игра здѣшнихъ ребятишекъ—война, и ихъ отцы нарочно стравливаютъ мальчугановъ, не допуская ихъ лишь до кровавой драки; но борьба, начатая при родителяхъ, въ ихъ отсутствіе принимаетъ серьезный характеръ и иногда кончается очень печально. Быть храбрецомъ и имѣть богатое оружіе—мечта черногорскаго мальчика. Онъ рано начинаетъ понимать, какое значеніе будетъ имѣть для него оружіе во всю его жизнь; онъ видитъ, какая это святыня для его отца, какое нравственное значеніе имѣетъ оно для него.

Первыя попытки трудовой жизни для мальчика начинаются съ званія *чобана* (пастуха). Сначала ему даютъ стеречь телятъ, ягнятъ, потомъ коровъ, наконецъ овецъ и барановъ. Пастушество для маленькаго черногорца настоящая военная школа; здѣсь нѣтъ мальчика, который не былъ бы пастухомъ. Нынѣшній черногорскій князь Николай въ раннемъ дѣтствѣ тоже былъ пастухомъ. Хорошій пастухъ даетъ родителямъ надежду, что со временемъ онъ будетъ хорошимъ воиномъ. Пастбища расположены по границамъ съ албанцами и съ турками, и потому черногорцу приходится съ оружіемъ въ рукахъ защищать свое стадо и за голову барана часто класть свою собственную. Жизнь черногорскаго пастуха — безконечный рядъ приключеній, вѣчная борьба за существованіе. Пастбищъ, гдѣ удобно пасти скотъ, немного, и къ тому же они обыкновенно составляютъ предметъ спора: черногорцы отбиваютъ ихъ у албанцевъ и турокъ и наоборотъ. Настоящимъ *чобаномъ* (пастухомъ) черногорецъ дѣлается лѣтъ 15—16; но онъ уже съ 4-хъ лѣтъ отправляется на лѣтнее кочевье въ горы, гдѣ и живетъ до сильныхъ холодовъ; тутъ онъ развивается физически и нравственно. Горный воздухъ укрѣпляетъ его мускулы и нервы, а кругомъ приволье, роскошная зелень, необозримыя пространства, которыя открываются съ высоты горъ и изощряютъ зрѣніе; обильная молочная пища, отсутствіе усиленной работы, крѣпкій сонъ на чистомъ воздухѣ помогаютъ быстрому росту и укрѣпленію организма.

Вечеромъ, когда стада мирно пасутся, пастухи сходятся и играютъ, состязаясь въ томъ, кто дальше прыгнетъ или броситъ камень, кто побѣдитъ въ борьбѣ, кто быстрѣе пробѣжитъ или скорѣе и легче вскарабкается на высокое дерево, кто лучше перепрыгнетъ черезъ лошадь или другія препятствія. Часто можно видѣть, какъ маленькіе пастухи взбираются на неприступныя скалы надъ зіяющими пропастями. Иногда они садятся въ кружекъ, и старшій пастухъ разсказываетъ имъ сказки, а еще чаще событія изъ военной жизни. Они и здѣсь не забываютъ играть въ войну, а то и составляютъ хороводы или поютъ пѣсни. Жизнь въ самомъ тѣсномъ общеніи съ природой даетъ возможность рано переносить холодъ, дождливую погоду и скудную пищу, состоящую въ продолженіе дня изъ куска кукурузнаго хлѣба и сыра, такъ

какъ ребенокъ знаетъ, что вечеромъ, когда подоютъ коровъ, онъ вдоволь наѣстся молока и пріятно проведетъ вечеръ въ забавахъ съ товарищами. Тутъ взрослыхъ мужчинъ, кромѣ одного парня лѣтъ 18—19, не бываетъ: живутъ только женщины и пастухи—дѣти обоего пола. Подъ руководствомъ взрослаго парня, главнаго пастуха, мальчики уже къ 8-ми годамъ выучиваются хорошо стрѣлять и сознаютъ себя защитниками всего здѣшняго люда. Вотъ тутъ-то прежде всего вырабатываются неустрашимость и находчивость во всякаго рода опасностяхъ—характерныя черты черногорца. Но у маленькихъ пастуховъ не только развиваются будущія военныя доблести: они тутъ же усваиваютъ и начала гражданственности. Старшій пастухъ, не имѣя здѣсь общества взрослыхъ, разсуждаетъ съ ними о дѣлахъ своей общины.

Школъ въ Черногоріи пока еще недостаточно, и все обученіе черногорца въ большинствѣ случаевъ ограничивается тѣмъ, что ему показываютъ правила, какъ стрѣлять въ цѣль, метать камни, чистить оружіе. Къ 14-ти годамъ его обученіе вполнѣ окончено: онъ пляшетъ легко и граціозно, въ борьбѣ, въ кулачномъ бою, въ метаніи камней—рукою и пращей, въ метаніи диска [1]) онъ напоминаетъ древняго грека. Онъ отлично владѣетъ кистенемъ и ятаганомъ и необыкновенно искусный стрѣлокъ; далеко-далеко, когда человѣкъ намъ кажется точкой, черногорецъ отлично различитъ, что это пастухъ, и пастухъ турецкій, и въ ту же минуту раздается выстрѣлъ. Какъ бы ни было это далеко, рука черногорца никогда не промахнется, и онъ съ увѣренностью и съ лихорадочною радостью опытнаго охотника, подстрѣлившаго дичь, бѣжитъ къ роковому мѣсту, обираетъ у него все, что находитъ, нерѣдко отрѣзываетъ носъ и спѣшитъ похвастать своимъ подвигомъ, вслѣдствіе котораго однимъ поганымъ нехристемъ стало меньше на свѣтѣ.

Когда такимъ образомъ четырнадцатилѣтній юноша прошелъ всю эту науку, надъ нимъ совершается обрядъ посвященія въ юнаки [2]). Обрядъ этотъ совершается чрезвычайно торжественно. Собираются всѣ родственники и друзья дома, и юноша долженъ публично, передъ всѣми собравшимися, показать свое искусство. Это обыкновенно удается каждому, и отецъ публично вручаетъ ему оружіе, внушительно произнося: «ты никогда не долженъ разставаться съ этимъ оружіемъ; если когда нибудь его бросишь, не показывайся мнѣ на глаза». И оружіе это считается священнымъ: его нельзя ни продать, какъ бы ни была велика крайность, ни промѣнять на другое, ни тѣмъ болѣе оставить на полѣ сраженія. И дѣйствительно, ни одинъ черногорецъ не отдастъ живой своего оружія, никогда съ нимъ не разстанется.

Европейцу, впервые вступающему въ Черногорію, странно видѣть передъ собою людей, вооруженныхъ съ ногъ до головы даже въ мирное врамя. Гдѣ бы ни находился черногорецъ, даже тогда, когда онъ въ столицѣ своей страны—Цетиньѣ, онъ никогда не разстается съ оружіемъ. Отправляется-ли онъ въ лавку, въ канцелярію, въ гости—на пріятельскую бесѣду, револьверъ всегда за поясомъ, и рука его вѣчно ощупываетъ, тутъ ли онъ. Пускаясь въ пляску, онъ скачетъ и въ то же время дѣлаетъ выстрѣлъ на лету изъ револьвера. Каждый семейный праздникъ, всякое торжество онъ возвѣщаетъ выстрѣлами. Садясь на дорогѣ отдохнуть, онъ безпрестанно прицѣливается, чтобы на лету убить птицу, а очень часто и безъ всякой цѣли, по привычкѣ постоянно имѣть дѣло съ оружіемъ. Своимъ ружьемъ и пистолетомъ онъ не только убиваетъ звѣрей и птицъ, но даже и рыбу. Тамъ, гдѣ есть горныя рѣки, самое обычное дѣло стрѣлять форелей, какъ у насъ зайцевъ или утокъ.

[1]) Дискъ — деревянный кругъ, который бросаютъ за тридцать шаговъ, стараясь попасть въ начертанную на землѣ цѣль.

[2]) Юнакъ—юноша: молодецъ, человѣкъ способный носить оружіе, воинъ.

Послѣ обряда посвященія на юношу уже смотрятъ, какъ на взрослаго человѣка, какъ на защитника своей родины и чести своего семейства. Съ этой поры для молодого черногорца начинается точь-въ-точь такая же дѣятельность и жизнь, какую вели его отцы, дѣды и прадѣды.

Хотя образованному человѣку и кажутся странными нравы и привычки первобытнаго черногорца, но онъ въ то же время внушаетъ глубочайшее уваженіе къ себѣ своею пламенною любовью къ родинѣ. Когда непріятельская армія угрожаетъ опасностію странѣ, тогда не только воины, но старики, дѣти, женщины—всѣ, какъ одинъ человѣкъ, бросаютъ свои жилища на произволъ судьбы и бѣгутъ защищать родную землю. Многія женщины одѣваютъ мужскую одежду и дерутся не хуже мужчинъ; старики и дѣти, которые совсѣмъ не могутъ стать въ ряды, прячутся за холмы, пригорки и кусты и оттуда направляютъ на врага свое оружіе, а то и просто камень.

Черногорцы живутъ въ весьма бѣдныхъ лачужкахъ, называемыхъ *кучами*. Черногорскія кучи каменныя, но камни этихъ жилищъ безъ всякаго цемента, коекакъ набросаны другъ на друга. Жилища эти нерѣдко о трехъ стѣнахъ, четвертою же своею стороною они прислонены къ какому-нибудь утесу; онѣ очень низки, съ наклонною крышею, покрытою соломою, безъ трубы и безъ печей. Когда въ избѣ что-нибудь готовятъ, дымъ наполняетъ всю хату и выходитъ изъ растворенной въ это время настежь двери. Внутренность жилища вполнѣ гармонируетъ съ его внѣшнимъ видомъ: оно состоитъ изъ одной, много изъ двухъ комнатъ, безъ пола, безъ оконныхъ рамъ, съ отверстіями вмѣсто оконъ. Посреди кучи (избы) *огнище* (очагъ), а надъ нимъ висятъ цѣпи съ привѣшеннымъ котломъ; на этомъ очагѣ приготовляютъ кушанье, и тутъ же вечеркомъ вокругъ него собирается вся семья погрѣться, послушать разсказы дѣда или пѣсню гусляра. Внутреннее убранство хаты такое же, какъ и у всѣхъ сербовъ.

Войдите въ черногорскую кучу днемъ въ мирное время, и вы застанете въ ней только стариковъ, т.-е. хозяина и хозяйку, малыхъ ребятъ, да развѣ такого юнака, которому бабка залѣчиваетъ раны, полученные имъ въ недавнихъ походахъ. Кстати замѣтимъ, что въ Черногоріи чрезвычайно много цѣлебныхъ травъ, которыми здѣшнія женщины отлично залѣчиваютъ раны своихъ храбрыхъ воиновъ. Всѣ остальные члены семьи—каждый за своимъ дѣломъ, внѣ дома. Но вотъ солнце, единственные часы черногорцевъ, по которымъ они распредѣляютъ свою жизнь, спускается къ горизонту, приближается время обѣда, и вся семья, одинъ за другимъ, входитъ въ хату. Прежде всего каждый съ глубочайшимъ уваженіемъ подходитъ къ дѣду и бабкѣ, цѣлуетъ имъ руки, и затѣмъ всѣ раскланиваются между собой.

Нравы здѣсь, даже болѣе патріархальные, чѣмъ въ Сербіи, напоминаютъ времена древнихъ героевъ Греціи; родственныя, семейныя отношенія имѣютъ громадное значеніе: власть отца и матери здѣсь такъ же велика, какъ и въ древности. Эти родственныя отношенія до того развиты у южныхъ славянъ, что въ ихъ языкѣ существуютъ слова для обозначенія самыхъ тончайшихъ оттѣнковъ самаго отдаленнаго родства. Дѣти одного отца — братья; дѣти двухъ братьевъ — братучеды; дѣти братучедовъ—братаничи; дѣти братаничей—братственницы и т. д. Черногорцы считаютъ родство до седьмого колѣна, и всѣ эти родственники не могутъ между собою вступать въ бракъ и составляютъ братства; члены одного братства во всемъ заодно: и въ церкви, и въ судѣ, и при всякомъ собраніи и договорѣ. Каждое братство гордится, если въ немъ болѣе мужчинъ, чѣмъ въ другомъ братствѣ.

Обогрѣвшись у очага, всѣ садятся за обѣдъ, состоящій изъ маисоваго хлѣба, твердаго и тяжелаго, какъ свинецъ, изъ сырого лука, кислаго молока, картофеля;

изрѣдка подаютъ *кастрадину* и непремѣнно *сочиво*—родъ каши изъ чечевицы. Иногда каша эта бываетъ до того крута, что ее разрѣзываютъ ножемъ и ѣдятъ вмѣсто хлѣба. За столомъ черногорца бываетъ больше всего овощей, и особенно луку, такъ какъ онъ думаетъ вовсе не о томъ, какъ бы хорошо поѣсть, а только чтобы сытымъ быть. У него замѣчательно здоровый желудокъ, который отлично перевариваетъ все; часто можно видѣть, какъ онъ, убивая борова, вынимаетъ сало и поѣдаетъ его тутъ же совершенно сырымъ. Послѣ обѣда всѣ ложатся спать. Съ наступленіемъ сумерекъ встаютъ, и тогда начинаются часы вечернихъ собраній, столь любимыхъ черногорцами.

Едва кончается ужинъ, какъ всѣ садятся къ пылающему очагу; посѣтители съ длинными чубуками въ рукахъ входятъ въ домъ безъ всякихъ приглашеній. Если входитъ старикъ, всѣ встрѣчаютъ его съ почтеніемъ; женщины и дѣти цѣлуютъ ему руки, а юноши—въ грудь. Старикъ возлагаетъ на голову каждаго юноши руки и цѣлуетъ его въ лобъ. Послѣ поклоновъ и привѣтствій всѣ усаживаются около очага. Веселое пламя подымается до балокъ крыши и освѣщаетъ блестящее оружіе воиновъ и ихъ мужественныя, красивыя лица. Вотъ тутъ то и идутъ длинные разсказы о герояхъ добраго стараго времени, поются пѣсни. Что бы ни говорили черногорцы и сколько бы разъ они ни повторяли одинъ и тотъ же разсказъ, все у нихъ выходитъ занимательно и дѣльно: они отъ природы одарены свѣтлымъ умомъ и быстрымъ соображеніемъ. Отличительная черта всѣхъ ихъ разсказовъ—знаніе исторіи своей страны. Вокругъ собравшихся молча ходятъ женщины, приготовляя кофе, предлагая свѣжей воды и вина, налитаго въ огромный кубокъ, который обходитъ теперь всю компанію. Нужно, однако, замѣтить, что сильной привязанности къ горячительнымъ напиткамъ нѣтъ у черногорца. Умѣренный во всемъ, онъ пьетъ умѣренно свою ракію только для того, чтобы подкрѣпить себя послѣ горячей стычки, послѣ утомительнаго перехода черезъ свои горы или чтобы поразвлечься въ компаніи. Но зато у черногорца другая страсть—къ табаку. Безъ него онъ не можетъ обойтись и не выпускаетъ изъ рукъ своего чубука.

Угостившись виномъ, кто-нибудь изъ присутствующихъ снимаетъ со стѣны гусли и затягиваетъ пѣсню подъ аккомпанементъ этого первобытнаго инструмента. Пѣсенъ въ Черногоріи много; кромѣ своихъ мѣстныхъ, они поютъ тѣ же пѣсни, что и всѣ сербы.

Чрезвычайно оригинальны, дики и воинственны ихъ танцы: есть фигуры, которыя преимущественно состоятъ въ подпрыгиваніи и въ высокихъ скачкахъ; при этомъ они поднимаютъ руки надъ головою, приходятъ все въ большій азартъ, дико вскрикиваютъ, подскакиваютъ на нѣсколько футовъ отъ земли; въ ту же минуту мужчины выхватываютъ пистолетъ изъ-за пояса и стрѣляютъ. Въ другой фигурѣ танцующіе вытягиваютъ одну руку впередъ, другую поднимаютъ сзади, сжимаютъ кулаки и наклоняютъ нѣсколько голову. Такъ бѣгутъ они одинъ за однимъ и, кажется, какъ будто угрожаютъ другъ другу. Пріятно смотрѣть на женщинъ, когда онѣ танцуютъ: онѣ отскакиваютъ отъ земли ловко и граціозно, точно мячики, и при этомъ вскрикиваютъ. Когда прекращается танецъ, мужчина цѣлуется съ мужчиной, а женщина съ женщиной. Очень часто, однако, мужчины танцуютъ и съ женщинами; тогда фигуры и мимика нѣсколько измѣняются. Танцоръ то простираетъ надъ танцоркой свои руки, какъ будто беретъ ее подъ свое покровительство, то легко и быстро кружится кругомъ нея, точно хищникъ, который съ высоты облаковъ собирается броситься на беззащитную горлицу и вонзить въ нее свои когти. Относительно танцевъ въ народѣ существуетъ поэтическое преданіе. Черногорцы знаютъ и танцуютъ «коло»—свой національный сербскій танецъ, но имъ непремѣнно захотѣлось выду-

мать свой собственный, черногорскій танецъ. «Нѣтъ», сказали они, «не возьмемъ ничего у другихъ; дѣти горъ, живущіе въ сосѣдствѣ съ облаками, мы возьмемъ танецъ орла». И съ этихъ поръ, говоритъ преданіе, черногорцы въ своемъ танцѣ начали подражать движеніямъ царя пернатыхъ, когда онъ нападаетъ на свою жертву. Звуки инструмента никогда не аккомпанируютъ національному черногорскому танцу, а грустная, монотонная пѣсня замѣняетъ ему оркестръ.

Трудно себѣ представить, до чего суевѣрны черногорцы. Эти герои, которые такъ смѣло смотрятъ въ глаза самой смерти, которыхъ весь свѣтъ считаетъ такими неустрашимыми, дрожатъ, какъ дѣти, пробираясь ночью черезъ кладбище. Но такъ какъ ихъ суевѣрія тѣ же, что у сербовъ (см. предыдущую статью о Сербіи), то мы и не будемъ здѣсь вторично о нихъ распространяться.

Черногорцы—православнаго исповѣданія и совершенно независимы въ духовномъ отношеніи: они не повинуются ни патріарху константинопольскому, ни русскому синоду, даже съ сербскою церковью связаны только чувствами симпатіи. Черногорцы очень набожны: часто ходятъ въ церковь и наблюдаютъ воскресные дни и посты. Съ величайшимъ благоговѣніемъ относятся они къ своей религіи и святымъ, и иностранца или магометанина, который осмѣлится произнести какую-нибудь насмѣшку надъ ихъ религіею, ждетъ пуля или ударъ ятаганомъ. Наиболѣе почитаемые святые тѣ, которые были уроженцами Черногоріи, какъ, напр., св. Петръ Цетинскій, св. Василій Острожскій: черногорецъ не примется ни за какое дѣло, не сказавъ предварительно: «помоги Боже и св. Петре!».

У черногорцевъ много церквей, но архитектура ихъ чрезвычайно первобытна: внутренняя отдѣлка бѣдна до крайности, книгъ и церковной утвари чрезвычайно мало, кромѣ тѣхъ церквей, которыя получили пожертвованія изъ Россіи. Черногорцы любятъ жертвовать на свои церкви, но эти пожертвованія, вслѣдствіе бѣдности народа, такъ скудны, что ихъ церкви поражаютъ своимъ нищенскимъ видомъ. Вслѣдствіе бѣдности народа и доходъ священниковъ и монаховъ очень незначителенъ.

Хотя въ Черногоріи живутъ почти исключительно православные, но можно смѣло сказать, что здѣсь господствуетъ полная вѣротерпимость. Нѣсколько магометанъ и католиковъ, которымъ по разнымъ обстоятельствамъ пришлось здѣсь жить, не возбуждаютъ противъ себя никакого гоненія и преслѣдованія за свою религію.

Вѣчныя войны, распри, междуусобицы, наконецъ, весьма скудныя матеріальныя средства не давали возможности черногорцамъ думать о своемъ просвѣщеніи. Народное образованіе можетъ развиваться только въ той странѣ, гдѣ народъ пользуется хотя нѣкоторымъ благосостояніемъ. Наконецъ, для успѣшнаго распространенія образованія страна непремѣнно должна быть обезпечена отъ непріятельскихъ вторженій. Въ тѣхъ земляхъ, гдѣ народъ вынужденъ не выпускать оружія изъ своихъ рукъ, гдѣ долгое время онъ не былъ огражденъ отъ своихъ враговъ, какъ это мы видѣли въ Черногоріи, тамъ на первомъ планѣ стоятъ интересы военные, а не научные. Распространенію просвѣщенія вредило и то обстоятельство, что ихъ священники были и до сихъ поръ остаются очень неразвитыми и необразованными. До 1894 г. иностранцу трудно было отличить священника отъ простолюдина: черногорскіе священники до названнаго года носили обыкновенную одежду, брили бороду, подстригали волосы на головѣ, стрѣляли, носили оружіе, съ которымъ не разставались даже и тогда, когда шли служить; только входя въ храмъ, они снимали его, а, окончивши службу, опять тотчасъ одѣвали. Нерѣдко священники входили даже въ алтарь съ оружіемъ, чтобы и тутъ на случай мести имѣть возможность защитить себя. Такимъ образомъ священника только и можно было отличить отъ остального народа тогда, когда онъ слу-

жилъ; иначе онъ, какъ и остальные, пахалъ землю, торговалъ, ходилъ на базаръ, участвовалъ въ бояхъ. Лишь очень недавно, а именно въ 1894 г., правительство издало указъ, въ силу котораго всѣмъ священникамъ запрещается носить оружіе, а въ городахъ они обязываются, вмѣсто прежней народной одежды, облечься въ священническія рясы, какъ это принято въ другихъ православныхъ государствахъ. Имѣя въ виду, какъ тяжела такая перемѣна черногорскому духовенству, всегда служившему въ рядахъ войска, въ этомъ указѣ для смягченія такого требованія прибавлено, что «миръ, въ которомъ живетъ теперь Черногорія, устраняетъ прежнюю необходимость каждому носить оружіе, а буде встрѣтится въ этомъ надобность, то самъ князь не преминетъ снова вооружить священство своей богохранимой державы».

Своего священника черногорцы называютъ *попе*, но въ этомъ прозвищѣ нѣтъ и тѣни презрѣнія, такъ какъ духовенство въ Черногоріи всегда пользовалось большимъ почетомъ; даже правителемъ государства въ прежнее время былъ владыка, который соединялъ въ своемъ лицѣ и свѣтскую, и духовную власть. Теперь свѣтская власть совершенно отдѣлена отъ духовной.

Только 20 — 25 лѣтъ тому назадъ началось серьезное школьное движеніе, и число народныхъ школъ увеличивается теперь съ каждымъ годомъ. Обученіе безплатное; ученики и ученицы получаютъ все необходимое для ученія. Въ настоящее время въ Черногоріи нѣтъ уже ни одного значительнаго села, которое бы не имѣло своей школы. Черногорскія дѣти необыкновенно способны, усваиваютъ знанія съ замѣчательною легкостью и въ высшей степени любознательны. Въ настоящее время весьма замѣтно стремленіе въ народѣ не только усвоить грамоту, но получить среднее и даже высшее образованіе, въ которомъ большинство видитъ средство занять впослѣдствіи какое-нибудь оффиціальное положеніе. Но такъ какъ Черногорія имѣетъ для этого лишь одну неполную гимназію и богословскую—учительскую семинарію, то большинство остается только при этомъ желаніи и лишь немногіе счастливцы уѣзжаютъ за границу, куда отправляетъ ихъ само правительство. Для женскаго образованія существуетъ женскій институтъ въ Цетиньѣ; онъ находится подъ покровительствомъ нашей Государыни и подъ надзоромъ княгини Милены, жены нынѣшняго черногорскаго князя Николая.

Теперь уже не допускается тѣлесное наказаніе въ школахъ, а провинившихся въ большихъ проступкахъ увольняютъ навсегда изъ училища. Но воспитанники, воспитанницы и юноши держатъ себя съ достоинствомъ, свойственнымъ этой гордой націи, и выказываютъ такое изумительное рвеніе къ ученію, что ихъ не только не приходится исключать изъ училища, но даже дѣлать имъ какіе бы то ни было упреки.

Черногорцы удивительно честный народъ: нерѣдко въ продолженіе цѣлаго года во всей странѣ не происходитъ ни малѣйшаго воровства. Окна и двери во всѣхъ домахъ открыты цѣлый день, а иногда и ночью. Всѣ единодушно разсказываютъ замѣчательные примѣры ихъ честности. Вслѣдствіе этого вы не встрѣтите даже въ Цетиньѣ, столицѣ страны, дома, который бы запирался на тяжелые запоры, какъ это дѣлается у насъ. Воровство считается въ Черногоріи самымъ позорнымъ преступленіемъ, и въ уголовныхъ законахъ, обнародованныхъ въ 1855 г. при князѣ Даніилѣ, мы находимъ относительно него такія постановленія: вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія, наказываютъ ударами палокъ; похитившій оружіе получаетъ 100 палокъ, конокрадъ—50 палокъ, такое же число ударовъ—похитившіе жеребенка, теленка или быка; за самую незначительную кражу въ домѣ воръ получаетъ 20 ударовъ. Если черногорецъ убьетъ вора на мѣстѣ преступленія, то получитъ вознагражденіе; но всякій долженъ опасаться убить невиннаго, такъ какъ въ этомъ случаѣ

онъ будетъ отвѣчать передъ судомъ, какъ настоящій убійца. За кражу государственнаго провіанта и государственной казны полагается смертная казнь. Жена, обокравшая своего мужа, въ первый разъ наказывается тюремнымъ заключеніемъ, а во второй разъ подвергается тѣлесному наказанію. Кромѣ того, за кражу мужъ можетъ развестись съ женою, если онъ того пожелаетъ; женщина, разведенная съ мужемъ за воровство, не имѣетъ права выйти замужъ во второй разъ. Этотъ драконовъ законъ совершенно избавилъ страну отъ воровъ. Теперешній князь Николай отмѣнилъ смертную казнь, и она присуждается только въ одномъ случаѣ: за убійство, совершенное преднамѣренно.

Въ исправительной тюрьмѣ въ Цетиньѣ относятся къ заключеннымъ гораздо мягче, чѣмъ въ другихъ европейскихъ странахъ: днемъ ихъ заставляютъ исполнять какую-нибудь работу, къ которой они привыкли, а вечеромъ ихъ ожидаетъ такая же пища и постель, какую они имѣютъ дома. Хотя теперь при тюрьмѣ и существуетъ сторожъ (прежде его даже и совсѣмъ не было), но онъ присматриваетъ за порядкомъ, а вовсе не за заключенными: онъ отлично знаетъ, что преступникъ никуда не убѣжитъ. Дѣло въ томъ, что здѣсь у заключеннаго въ тюрьму отбираютъ оружіе, а черногорецъ ни за что нигдѣ не покажется безъ своего пистолета и ятагана, такъ какъ, по мѣстнымъ понятіямъ, это значило-бы обезчестить себя. Если заключенный убѣжитъ въ горы, его тотчасъ узнаютъ, и каждый будетъ считать своею обязанностью отправить его назадъ; если же ему удастся бѣжать за границу, то его никто не преслѣдуетъ, такъ какъ онъ такимъ образомъ избавляетъ страну отъ своей личности.

ЦЕТИНЬЕ.

Внѣшній видъ города.—Княжескій дворецъ.—Нынѣшній черногорскій князь Николай.—Образъ правленія.—Сенатъ.—Тяжбы.—Реформы послѣдняго времени.

Столица Черногоріи, Цетинье, расположена въ Цетинской долинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ горами и скалами (она имѣетъ около 13 верстъ длины и около 6—7 ширины). Цетинье не только не напоминаетъ ни одну въ мірѣ столицу, но мало походитъ даже и на большой городъ. Это скорѣе огромное село, зданія котораго отстроены, впрочемъ, по-европейски. Жителей въ столицѣ 2400 человѣкъ. Мѣстоположеніе Цетиньи въ углу долины очень не выгодно, такъ какъ сдѣсь много набирается воды, во время таянія снѣга, лежащаго въ продолженіе трехъ зимнихъ мѣсяцевъ. Тогда жильцамъ нижнихъ этажей приходится очень плохо. Впрочемъ, и въ зимнее время здѣшнимъ жителямъ бываетъ не лучше: жилища сплошь заваливаетъ снѣгомъ, а по дорогѣ всюду такіе сугробы, что къ сосѣду пробраться трудно. Крыши домовъ проваливаются отъ снѣга, а то ихъ срываетъ буря, которая такъ часто внезапно подымается въ это время.

Въ Цетиньѣ 7—8 улицъ, и та изъ нихъ, что пошире, ведетъ ко дворцу князя Николая, нынѣшняго черногорскаго правителя. Княжескій дворецъ расположенъ недалеко отъ монастыря,—это чрезвычайно большое зданіе, отдѣланное внутри съ европейскою роскошью. Площадь передъ дворцомъ обстроена рядомъ небольшихъ домовъ, принадлежащихъ сановникамъ. Прежде черногорскіе правители жили въ монастырѣ; но за послѣднія 20 — 25 л. внѣшній видъ города совершенно измѣнился. Теперь вездѣ разбиты сады, и въ этой миніатюрной черногорской столицѣ много большихъ зданій: княжескій дворецъ, дворецъ наслѣдника, казарма, театръ,

женскій институтъ, да и дома жителей, правда, очень небольшіе, но опрятные, придаютъ городу совершенно европейскій характеръ, и только національный костюмъ жителей напоминаетъ вамъ, что вы находитесь въ странѣ, дорожащей своими племенными особенностями.

Нынѣшній князь Николай—природный черногорецъ. Въ дѣтствѣ онъ велъ жизнь, какъ всѣ черногорскія дѣти: босой и въ одной рубахѣ онъ лазилъ по скаламъ и пасъ козъ, но когда онъ сталъ юношею, жизнь его совершенно измѣнилась. Его дядя, Данила, вступивъ въ управленіе Черногоріей, отправилъ своего племянника, учиться въ Парижъ. Тамъ князь Николай познакомился съ европейскою образованностью и, сдѣлавшись послѣ смерти дяди черногорскимъ правителемъ, придалъ внѣшній лоскъ своему двору. Его пониманіе европейскаго образованія принесло много пользы его странѣ: онъ сталъ энергично распространять образованіе среди своего народа и жестоко преслѣдуетъ стародавніе обычаи, приносившіе страшный вредъ: мы говоримъ о поединкахъ и кровомщеніи, которые при немъ быстро стали исчезать.

По своему государственному устройству Черногорія до 1879 г. весьма приближалась къ патріархальному строю. До означеннаго времени у черногорцевъ былъ сенатъ, который являлся и княжескимъ совѣтомъ, и высшею административною властью, и въ то же время судомъ. Сенаторы назначались самимъ княземъ; при этомъ онъ болѣе всего обращалъ вниманіе на ихъ военныя заслуги. Что же касается политическихъ вопросовъ, то сенату объявлялось только рѣшеніе ихъ. Хотя князь не обязанъ былъ давать отчетъ въ дѣлахъ внѣшней политики, но обыкновенно онъ совѣтовался съ сенаторами о всѣхъ государственныхъ дѣлахъ.

Жалованье сенаторы получали самое ничтожное: президентъ получалъ въ годъ около 800 р. на наши деньги, вице-президентъ—до 750 р., каждый изъ сенаторовъ по 375 р. Большинство этихъ сенаторовъ и ихъ семейства жили съ первобытной простотой. Президентъ жилъ въ домѣ о трехъ окнахъ; меблировка дома у него была болѣе чѣмъ скромная, жены и дочери его работали на кухнѣ.

Когда случалось какое-нибудь дѣло, князь тотчасъ звалъ своихъ сенаторовъ; они немедленно собирались и, если погода стояла хорошая, то, поджавъ ноги по-турецки, садились на травѣ подъ старою липою; если же погода этого не позволяла, то собирались въ княжескомъ дворцѣ. Сидя такимъ образомъ подъ деревомъ, сенаторы слушали дѣла; они подавали голоса, не выпуская изо рта своей трубки. Когда присутствовалъ самъ князь, онъ садился выше всѣхъ, подъ самой липой, и одѣтъ былъ въ національномъ костюмѣ. Судебныя дѣла велись устно и рѣшались тутъ же на мѣстѣ: рѣдко какое-нибудь дѣло откладывалось до слѣдующаго собранія. Тяжущіеся или просящіе были на-лицо. Они подходили къ сенаторамъ и излагали свою просьбу или жалобу. Послѣ этого князь спрашивалъ мнѣнія сенаторовъ и согласно съ этимъ постановлялъ свое рѣшеніе; затѣмъ предоставлялъ его на утвержденіе собранія. Сенаторы отлично знали взгляды князя на всѣ вопросы, подымаемые въ собраніи сената,—понятно, что они никогда не подавали мнѣнія, которое могло бы быть хоть сколько-нибудь непріятно князю: этимъ они могли подвергнуть себя опалѣ и лишиться своего мѣста, а вмѣстѣ съ тѣмъ и своего маленькаго жалованья. Но, конечно, большинство дѣлъ нисколько не затрогивало интересовъ и убѣжденій князя, и тогда они рѣшались вполнѣ безпристрастно.

Послѣ войны 1877 г. Черногорія усердно принялась за внутреннія реформы; теперь судебное вѣдомство отдѣлено отъ администраціи и учреждены: 1) Государственный Совѣтъ, 2) Министерство, 3) Великій судъ. Въ составъ Государственнаго

Совѣта входятъ министры и другія лица, по назначенію князя. Великій Судъ судитъ преступленія, изъятыя изъ вѣдѣнія окружныхъ судовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ собою апелляціонную судебную инстанцію для жалобъ на окружные суды.

Несмотря на нѣкоторый этикетъ, введенный нынѣшнимъ княземъ, до сихъ поръ въ отношеніяхъ между народомъ и правителемъ сохранилась непосредственная простота. Каждый можетъ придти къ нему, поговорить съ нимъ о своемъ дѣлѣ, просить его совѣта. И онъ чрезвычайно терпѣливо выслушиваетъ каждаго и даетъ совѣты. Вечеромъ онъ, какъ и всѣ черногорцы, съ своими воинами и близкими сидитъ у очага, гдѣ огонь весело трещитъ, и ведетъ съ ними бесѣду запросто: съ одними толкуетъ о городскихъ новостяхъ, другихъ спрашиваетъ о томъ, что дѣлается въ отдаленныхъ мѣстностяхъ. Изъ этихъ разговоровъ онъ узнаетъ все, что касается интересовъ страны: о неурожаяхъ въ той или другой мѣстности, о доходахъ и даже о дѣлахъ, касающихся частныхъ лицъ. Самъ князь сообщаетъ окружающимъ главныя событія европейской политики, стараясь при этомъ объяснить своимъ слушателямъ, большею частью лишеннымъ научнаго образованія, ихъ значеніе и смыслъ. Если въ собраніи случится старый воинъ, онъ разсказываетъ, по просьбѣ князя, про какую-нибудь битву, въ которой принималъ участіе. Эта вечерняя бесѣда во дворцѣ князя, какъ и въ хижинѣ простого черногорца, не обходится безъ пѣвца, который подъ звуки гуслей воспѣваетъ народныхъ героевъ.

РУМЫНІЯ.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ.

Прошлая судьба румынъ.—Значеніе боярства.—Покровительство Порты.—Грабежи пашей.-Назначеніе Портою господарей изъ туземныхъ бояръ.—Замѣна ихъ фанаріотами.—Послѣдствіе ихъ господства въ странѣ.—Освобожденіе.—Свобода печати.

На пространствѣ между теченіемъ Тиссы и Днѣстра, до Карпатскихъ горъ на сѣверѣ и Дуная на югѣ, живетъ совершенно особый народъ, который называютъ румынами, но собственно землею румынъ можно считать только соединенныя княжества Молдавіи и Валахіи. Все пространство земли отъ Тиссы до Днѣстра въ давно прошедшія времена носило названіе Дакіи и было одною изъ провинцій римской имперіи. Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ римская Дакія не знала покоя и постоянно подвергалась наплыву то азіатскихъ полчищъ, то различныхъ славянскихъ племенъ. Эти народы поперемѣнно изгоняли другъ друга, господствовали въ странѣ, страшно опустошали ее и послѣ себя оставляли слѣды не только въ языкѣ, но въ нравахъ, обычаяхъ, даже въ самомъ типѣ лица этого романизированнаго дакскаго населенія. Отъ постоянныхъ набѣговъ и жестокихъ преслѣдованій румыны бѣжали въ горы, а оставшіеся были покорены сначала готами, потомъ гуннами, затѣмъ славянами; сильно нападали на страну также и венгры. Наконецъ, въ XIII вѣкѣ румыны, отчасти перемѣшанные со славянами, бросили колоніи, основанныя ими въ горахъ, и подъ предводительствомъ двухъ своихъ военачальниковъ возвратились въ страну. Одинъ изъ нихъ занялъ Валахію, другой Молдавію. Съ этихъ поръ и начинается исторія этихъ княжествъ, родныхъ по языку, богослуженію, учрежденіямъ и по прошлой судьбѣ народа, ихъ населяющаго.

Обѣ страны, вслѣдствіе постоянныхъ опустошеній, представляли громадные пустыри и безплодныя равнины. Жители вели первобытную жизнь; всѣ были равны между собою; высшихъ начальниковъ надъ страною выбирали безразлично изъ людей всѣхъ классовъ—изъ бояръ, духовенства и крестьянъ. Бояриномъ назывался у нихъ тогда каждый ведущій войну, военный; позже титулъ этотъ означалъ чинъ, пріобрѣтенный на службѣ, и исключительно принадлежалъ военному, удостоившемуся повышенія; сынъ же боярина, не выслужившій награды на войнѣ, не былъ бояриномъ. Отличіе было доступно всѣмъ, и каждый могъ до него дослужиться. Мужикъ доходилъ иногда до высшихъ степеней, а сыновья знаменитыхъ бояръ становились въ ряды простыхъ воиновъ.

Съ XIV вѣка начинается вторженіе турокъ; румыны не выдержали напора сильнаго врага, и сначала Валахія (въ 1392 г.) признала ихъ покровительство, а затѣмъ, нѣсколько позже, и Молдавія. Но эти княжества, можетъ быть вслѣдствіе того, что они сами признали покровительство турокъ, сохраняли въ началѣ многія льготы. Султанъ обязался за себя и за своихъ преемниковъ защищать ихъ противъ враговъ, но зато удерживалъ за собою верховное право надъ страною, воеводы которой обязались платить Портѣ ежегодную подать. Турки обѣщали не вмѣшиваться во внутреннее управленіе княжествъ, и ни одинъ турокъ не долженъ былъ безъ важныхъ причинъ проживать въ странѣ. Но это сносное положеніе и мирное отношеніе къ Турціи длились недолго. Постоянныя войны сосѣдей нарушали спокойствіе румынъ, и непріятельскія войска, передвигаясь чрезъ обширныя равнины ихъ страны, жестоко ее грабили. Турція, получая аккуратно дань изъ княжествъ, совсѣмъ забыла о нихъ. Турецкіе паши, увѣренные въ безнаказанности, нападали на села, уводили скотъ, а жителей обращали въ рабство. Тяжкая жизнь настала для жителей Молдавіи и Валахіи: большая часть населенія была разорена и дошла до нищеты. Наконецъ, Порта открыто нарушила свои условія. Вопреки статьѣ, запрещающей магометанину постоянное пребываніе въ княжествахъ, въ нихъ стали возводить турецкія крѣпости, что сильно облегчило войскамъ султана возможность постоянно нападать на румынскій народъ и еще болѣе разорять страну. Къ довершенію этихъ несчастій въ ней разгорается и раздоръ религіозный: князья и бояре подвергаются вліянію іезуитовъ, народъ отстаиваетъ свое православное богослуженіе и не хочетъ признать папскую власть.

Къ довершенію всѣхъ несчастій Молдавія и Валахія становятся врагами между собою и обезсиливаютъ другъ друга въ междуусобной войнѣ. Порта пользуется этой неурядицей, увеличиваетъ платимую ей княжествами дань и посвоему распоряжается ихъ судьбою. Ея самоуправство доходитъ до того, что она открыто уничтожаетъ право народа, обезпеченное договорами, на самостоятельное избраніе господарей и назначаетъ ихъ сама, по своему произволу. Тогда въ странѣ появляется масса честолюбцевъ, которые, не разбирая средствъ, другъ передъ другомъ стараются сдѣлаться господарями. Самыми безчестными средствами они наживаютъ капиталъ, безпрестанно отсылаютъ цѣнные дары въ Константинополь, другъ передъ другомъ задариваютъ султанскихъ чиновниковъ и всѣхъ, кто можетъ имѣть вліяніе на выборъ господаря. Достигнувъ желаемаго, такой господарь старался не только вернуть все, что онъ истратилъ на подарки, но обогатиться какъ можно скорѣе, тѣмъ болѣе, что тысячи глазъ уже смотрятъ на него съ завистью, мѣтятъ на его мѣсто, и въ свою очередь подарками, прислуживаньемъ и лестью могли не сегодня—завтра смѣнить его. Бѣдность народа въ это время возросла до ужасающихъ размѣровъ: крестьяне превратились въ совершенныхъ нищихъ; земли были окончательно разграблены и истощены. Между боярами является страшная деморализація, и въ народѣ уныніе скоро смѣняется полнѣйшимъ равнодушіемъ къ своей несчастной судьбѣ. Въ 1594 г. былъ обнародованъ законъ, который закрѣпощалъ за боярами всѣхъ земледѣльцевъ, находящихся на ихъ земляхъ, и съ этихъ поръ имъ запрещено было переходить съ одной земли на другую. По этому закону укрѣплены были за боярами и тѣ земледѣльцы, которые въ тяжкую годину испытаній жили для своей безопасности на земляхъ, прилегающихъ къ владѣніямъ сильныхъ бояръ, и отъ времени до времени прибѣгали къ ихъ покровительству, но отнюдь никогда не отдавали себя въ полную ихъ зависимость. За боярами закрѣпощены были и тѣ несчастные, которые ничего не могли добыть со своихъ опустошенныхъ полей, между

тѣмъ должны были прокармливать свои семьи и уплачивать громадные налоги; поэтому они обрабатывали по найму земли бояръ, но все надѣялись когда-нибудь возвратиться и къ своему заброшенному полю. Теперь и они были прикрѣплены къ тѣмъ землямъ, гдѣ застало ихъ законоположеніе. Такимъ образомъ у румынъ создается крѣпостное право. Возстанія, смуты, междуусобная война со всѣми ея ужасами наполняютъ XVII столѣтіе, а Порта все болѣе пользуется внутренними раздорами, все болѣе увеличиваетъ свои притязанія.

Господари, недовольные непрочностью своего положенія, такъ сказать, шаткостью своего величія, покупаемаго низкопоклонствомъ и дорогою цѣною въ Константинополѣ, рѣшились искать защиты у русскаго царя Петра Великаго, обѣщавшаго имъ признать независимость княжествъ, если они ему помогутъ въ войнѣ съ Турціею. Хотя Порта до сихъ поръ постоянно нарушала свои договоры съ княжествами и уничтожила право избранія народомъ своихъ господарей, но, назначая господарей изъ туземныхъ бояръ, она все же хотя нѣсколько уважала древніе обычаи страны. Измѣна же послѣднихъ господарей и сношенія ихъ съ русскимъ царемъ возбудили въ Портѣ страшное негодованіе противъ княжествъ, и въ отмщеніе за это она поразила несчастную, совсѣмъ истерзанную страну еще новымъ бѣдствіемъ: она стала назначать въ княжество господарей уже не изъ туземныхъ бояръ, а изъ грековъ-фанаріотовъ.

О фанаріотахъ, ихъ характерѣ, объ ихъ значеніи въ различныхъ земляхъ Балканскаго полуострова, объ ихъ хитрости и корыстолюбіи мы достаточно сообщали нашимъ читателямъ. Какъ въ Болгаріи, Босніи, Сербіи, такъ и здѣсь фанаріоты грабили послѣднее достояніе народа и развращали его. Въ княжествахъ имъ особенно легко было безчинствовать, такъ какъ они стояли во главѣ правленія. Лишь только дѣлались они господарями, какъ тотчасъ окружали себя свитою изъ всякаго сброда, раздавали ей высшія придворныя мѣста и правительственныя должности и начинали жестоко преслѣдовать туземныхъ бояръ и обирать народъ. Тогда въ княжествахъ начинаютъ рѣдѣть ряды древнихъ потомственныхъ родовъ: одни бѣгутъ отъ угнетенія за границу, другіе уѣзжаютъ въ отдаленныя свои помѣстья; остаются только тѣ, которые легко могутъ превратиться въ льстецовъ новыхъ временщиковъ. Наступило время повсемѣстныхъ страшныхъ гоненій: съ цѣлью уничтожить всякіе проблески народной самобытности и развитія, при которомъ еще возможны были возмущенія народа противъ своихъ притѣснителей, всюду въ Румыніи начали закрывать школы, распускать народныя ополченія и замѣнять ихъ наемниками изъ албанцевъ и турокъ; румынскій языкъ выводятъ насильно изъ употребленія, и скоро даже названіе румына становится презрѣннымъ прозвищемъ.

Каждый бояринъ, смотря по классу и чину, сверхъ жалованья получалъ въ свое полное владѣніе извѣстное число душъ крестьянъ: простой бояринъ—до 10 человѣкъ, а знатный—множество. Всякая общественная должность давала право на полученіе крестьянъ: при умноженіи приверженцевъ фанаріотовъ возросло и число должностей; соразмѣрно съ этимъ должно было увеличиваться и число раздаваемыхъ такимъ образомъ крестьянъ. Въ то же время налоги до того были увеличены, что большая часть жителей, не будучи въ состояніи ихъ уплачивать, бѣжала или предавалась разбою. Довольно сказать, что число людей, способныхъ къ платежу податей, за нѣсколько лѣтъ уменьшилось болѣе, чѣмъ на половину. Не одни господари съ приверженцами своими грабили несчастныя княжества: Порта сильно помогала имъ въ этомъ и наносила странѣ ударъ за ударомъ. Она заставила жителей продавать всѣ свои сельскія произведенія назначеннымъ отъ турецкаго правительства греческимъ купцамъ. Эти купцы скупали у жителей и у владѣльцевъ сельскія произве-

денія по таксѣ, присылаемой изъ Константинополя, и эти же самыя произведенія продавали румынамъ въ городахъ въ три-дорога; словомъ, вездѣ царствовало полное самоуправство и произволъ. Въ 1774 г. судьба несчастныхъ княжествъ нѣсколько улучшилась: румыны возстали, наконецъ, и низвергли ненавистное иго фанаріотовъ. Однако, порядокъ въ странѣ не могъ быть возстановленъ почти вплоть до 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, когда Молдавія и Валахія окончательно соединились въ одно государство подъ властью одного князя и стали называться Молдовлахіей или Румыніей. До этого же времени княжества то оживали, то опять подпадали подъ иго турокъ и фанаріотовъ, то были раздираемы внутренними раздорами и неурядицами. Даже послѣ 1861 года, т.-е. послѣ соединенія Молдовлахіи подъ управленіемъ князя Кузы, и послѣ 1866 года, т.-е. послѣ избранія нынѣшняго князя Карла I-го (изъ прусскаго дома Гогенцоллерновъ), открыто въ странѣ во всѣхъ отрасляхъ правленія множество злоупотребленій. Судьи рѣшали процессы въ пользу того, отъ кого получали взятки, начальникъ полиціи продавалъ безопасность жителей разбойникамъ и мошенникамъ, начальникъ арміи и военный министръ пріобрѣли славу громадными кражами государственной казны; деньги, ввѣренныя чиновникамъ и назначенныя для нуждъ населенія, были растрачены на ихъ личныя прихоти. Когда послѣ отреченія князя Кузы открыли бухарестскую тюрьму, тамъ нашли болѣе сотни лицъ, которыхъ никто никогда не судилъ, которыя произвольно были заключены властями и томились годы безъ всякой вины, часто по одному подозрѣнію, еще чаще потому, что они не нравились властямъ, между тѣмъ какъ въ той же самой тюрьмѣ не было налицо злѣйшихъ мошенниковъ и разбойниковъ, которые въ ней числились. Начальникъ полиціи часто выпускалъ изъ тюрьмы и самыхъ тяжкихъ преступниковъ, если получалъ за это хорошій выкупъ.

Въ 1866 году была введена конституція, и главное управленіе страною сосредоточено въ рукахъ сената и палаты депутатовъ. Члены въ палату депутатовъ съ этихъ поръ выбираются всѣмъ народомъ или, лучше сказать, всѣми грамотными изъ среды его. Послѣ этого въ странѣ стала быстро развиваться общественная жизнь. Въ короткій промежутокъ времени народнымъ собраніемъ сдѣлано много важныхъ перемѣнъ; напомнимъ хотя главныя изъ нихъ: освободили крѣпостныхъ цыганъ (личную свободу румынскіе крестьяне получили уже ранѣе, а именно въ 1856 г., надѣлены же они были землею въ 1864), уничтожили смертную казнь, отобрали земли у монастырей, начали устраивать народныя школы, дозволили частнымъ лицамъ безпрепятственно распространять просвѣщеніе, дали полную свободу печати.

Но все-таки Румынія платила Турціи дань и была вассальнымъ турецкимъ княжествомъ. Только по берлинскому трактату, въ 1878 г., она сдѣлалась княжествомъ, вполнѣ независимымъ отъ Турціи; въ 1881 г. румынскій князь былъ торжественно коронованъ, какъ первый румынскій король, и съ этихъ поръ Румынія сдѣлалась королевствомъ. Но большая часть этихъ реформъ, даже величайшая изъ нихъ—освобожденіе крестьянъ съ землею, не улучшили, какъ мы увидимъ ниже, экономическаго положенія народа. Къ тому же въ странѣ этой такъ долго господствовали страшныя неурядицы, она такъ долго служила гнѣздомъ самаго возмутительнаго лихоимства, что многія реформы остаются и теперь лишь на бумагѣ, не внося въ жизнь ничего обновляющаго,—такова, напр., избирательная реформа. Хотя по закону члены въ палату депутатовъ должны быть выбираемы народомъ, но на самомъ дѣлѣ онъ не можетъ свободно выбрать туда человѣка, который бы, по его понятіямъ, могъ въ этомъ важномъ представительномъ учрежденіи отстаивать его интересы, а долженъ выбирать въ депутаты того, на кого ему укажутъ министры. Министры прибѣгаютъ

при выборахъ къ самому возмутительному, грубому насилію надъ выборщиками, требуя отъ нихъ, чтобы они выбирали въ депутаты не тѣхъ, кого они желаютъ, а тѣхъ, кого желаетъ правительство. Передъ выборами агенты министровъ входятъ въ дома выборщиковъ и, нисколько не стѣсняясь, прямо заявляютъ, что, въ случаѣ подачи голоса за такого-то и такого-то, то-есть за нежелательнаго министерству кандидата, выборщикамъ грозитъ увольненіе отъ службы, преслѣдованія, иногда лишеніе всѣхъ средствъ къ существованію. Мало того, сторонники министровъ нерѣдко организуютъ во время выборовъ шайки палочниковъ, которые наносятъ жестокіе побои, раны, увѣчья, поджигаютъ даже дома выборщиковъ оппозиціи, если только они осмѣлятся выбрать кандидатами въ палату депутатовъ враговъ министерства, а не его сторонниковъ.

Въ Румыніи—полная свобода печати: каждый имѣетъ право издавать, что вздумается, на какомъ угодно языкѣ, съ какой угодно программой; будь авторъ иностранецъ или румынъ, онъ можетъ писать въ своей газетѣ или книгѣ все, что ему вздумается. Цензуры не существуетъ, точно такъ-же, какъ не существуетъ никакихъ предостереженій. Преступленія по дѣламъ печати судятся судомъ присяжныхъ; судопроизводство гласное и публичное. Румыны до послѣдняго времени читали чрезвычайно мало, но во время русско-турецкой войны между ними сталъ быстро развиваться большой интересъ къ газетамъ. Въ данную минуту газета проникла всюду, и въ низшихъ слояхъ населенія, гдѣ только есть грамотные (къ сожалѣнію, ихъ пока очень немного), она составляетъ такую же насущную потребность, какъ и въ высшихъ. Вы воочію убѣждаетесь въ этомъ въ большихъ румынскихъ городахъ: извозчикъ, ожидая сѣдока, непремѣнно читаетъ газету; лавочники и торговцы до прихода покупателя тоже пробѣгаютъ дешевую газету. Благодаря распространенію газетъ, Бухарестъ, главный городъ страны, сбросилъ въ послѣднее время свою восточную лѣнь и неподвижность, и жители его съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидаютъ выхода газетъ въ періоды различныхъ событій. Одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ румынскихъ дѣятелей сказалъ недавно въ своей рѣчи, что газета въ Румыніи была однимъ изъ могущественныхъ факторовъ національнаго возрожденія румынъ.

ВЫСШЕЕ И СРЕДНЕЕ СОСЛОВІЯ.

Бояре: ихъ дворцы и жизнь.—Среднее сословіе.—Казино и его значеніе.—Мнимая смерть.

Населеніе Румыніи распадается на три главныхъ класса: первый изъ нихъ составляютъ бояре, владѣльцы крупной поземельной собственности, занимающіе высшія государственныя должности, ко второму классу причисляютъ духовенство, фермеровъ, наиболѣе состоятельныхъ гражданъ, мелкихъ чиновниковъ и прежде всего мелкихъ бояръ или низшее дворянство. Прежде число дворянъ было такъ велико, что въ Валахіи одинъ дворянинъ приходился на 28 жителей. Третій и самый многочисленный классъ составляютъ крестьяне и цыгане.

Слово бояринъ означало прежде «человѣкъ войны». Этимъ tитуломъ, пріобрѣтаемымъ на полѣ битвы, часто гордился и скромный земледѣлецъ, всегда первый подавая примѣръ къ самоотверженію. Теперь, напротивъ, бояре не несутъ воинской повинности и, владѣя самыми большими участками земли, избавлены отъ всѣхъ податей и повинностей. Однако, дворянство, или здѣшнее боярство, и теперь не наслѣд-

ственно. Сынъ боярина еще считается бояриномъ, но и онъ обязанъ служить, внукъ же его, если не занимаетъ никакой общественной должности, не несетъ никакой гражданской службы, уже перестаетъ быть бояриномъ. Бояре поэтому изъ силъ выбиваются, чтобы опредѣлить дѣтей на службу, т.-е. упрочить за ними боярство. Бояре, начинающіе приходить въ бѣдность, постепенно нисходятъ въ низшіе кружки чиновничества и остаются въ нихъ до тѣхъ поръ, пока хватитъ средствъ остаться на службѣ, т.-е. пока не обнищаютъ совершенно; тогда они переходятъ въ классъ мелкихъ собственниковъ. Здѣшніе бояре даже и теперь далеко не всѣ румынскаго происхожденія: множество татарскихъ, венгерскихъ и греческихъ родовъ смѣшалось съ чисто румынскимъ дворянствомъ. Но болѣе всего между ними грековъ. Вотъ какъ и теперь еще нѣкоторые изъ нихъ получаютъ свое боярство: бѣдный, оборванный грекъ кое-какъ приплелся въ Румынію; онъ смотритъ на нее, какъ на золотое дно, какъ на мѣсто, гдѣ онъ можетъ пріобрѣсти почести и богатство, о которыхъ онъ не смѣлъ и мечтать на своей родинѣ. Ничего не имѣя въ данную минуту, не зная ни мѣстнаго языка, ни нравовъ и обычаевъ жителей, оборвышъ-грекъ обыкновенно отыскиваетъ своихъ земляковъ, и тѣ опредѣляютъ его дворникомъ, лакеемъ или разсыльнымъ къ своему же соотечественнику-боярину. У бояръ—цѣлая свора прислуги, и бояринъ-грекъ всегда отдаетъ предпочтеніе земляку: онъ дѣлаетъ пришельца надсмотрщикомъ надъ остальною прислугою. Грекъ-новичекъ старается всѣми силами: работаетъ, доноситъ на прислугу, сдираетъ съ нея взятки, пуще своего глаза бережетъ жалованье, которое получаетъ отъ своего хозяина. Глядишь—въ нѣсколько лѣтъ онъ скопилъ небольшой капиталецъ, отлично познакомился съ жителями, выучился языку и тогда раскланивается съ хозяиномъ и беретъ въ аренду кабакъ. Торговля служитъ основаніемъ его будущаго могущества: къ этому занятію онъ необыкновенно способенъ. Онъ отлично умѣетъ пользоваться всякими обстоятельствами—неразвитостью народа, его простотой и добродушіемъ, и всѣми правдами и неправдами выжимаетъ изъ него сокъ, насколько хватаетъ силъ. Скоро онъ накопилъ столько, что беретъ въ аренду землю той деревни, въ которой онъ продавалъ водку и которую отлично изучилъ. Онъ еще раньше этого устроилъ дѣла такъ, что всѣ крестьяне—его должники, и теперь онъ заставляетъ ихъ за кабачные долги обрабатывать землю. Крестьяне такимъ образомъ барщиной платятъ за эти долги, но грекъ такъ мало цѣнитъ ихъ трудъ, что имъ едва приходится отработать проценты, а долгъ все останется непогашеннымъ, такъ что они вѣчно работаютъ только за проценты. Нерѣдко эти долги доходятъ до того, что крестьянинъ, наконецъ, теряетъ возможность уплатить ихъ работой всей жизни. Между тѣмъ какъ простой народъ погрязаетъ въ долгахъ, имѣніе грека все растетъ и растетъ. Затѣмъ онъ покупаетъ помѣстье, пріобрѣтаетъ должность въ государствѣ и боярствуетъ. Достигши боярства, грекъ, разумѣется, преслѣдуетъ тѣ же цѣли, т.-е. старается обогатиться во что бы то ни стало и для этого не брезгаетъ никакими средствами. Какъ видите, румынское боярство ни по своему рожденію, ни по своимъ нравственнымъ понятіямъ ничуть не напоминаетъ аристократію другихъ странъ; возьмемъ въ примѣръ хоть англійскихъ лордовъ. Если въ послѣднихъ и найдемъ пороки и недостатки ихъ званія, недоступность, высокомѣріе съ низшими, зато они стараются обыкновенно превзойти другихъ своимъ образованіемъ, оказать родинѣ какую-нибудь услугу, облегчить несчастіе своего народа. Нынѣшніе румынскіе бояре не могутъ опереться ни на древность рода, ни на отличія и заслуги своихъ предковъ. Потомки древнихъ родовъ румынскихъ одни въ изгнаніи, а нѣкоторые обратились даже въ земледѣльцевъ. Тѣмъ не менѣе румынскіе бояре живутъ ничуть не хуже разныхъ

европейскихъ князьковъ и знатныхъ аристократическихъ родовъ. Ихъ дома тѣ же дворцы съ роскошными садами, украшенные мраморными фонтанами; громадныя залы этихъ дворцовъ отдѣланы съ большою роскошью: всюду фарфоръ, этажерки съ драгоцѣнными бездѣлушками, груды серебра, золота, очень часто даже оранжереи и зимніе сады.

Жизнь бояръ самая пустая: единственная мечта—щегольнуть хорошимъ туалетомъ, каретой, поѣхать покутить въ Парижъ, блеснуть чистѣйшимъ французскимъ акцентомъ. Этому упадку немало способствуютъ и женщины: до безумія преданныя самымъ пустымъ свѣтскимъ удовольствіямъ, онѣ только разоряютъ своихъ мужей на наряды и балы и, при своей праздности, то и дѣло разводятся съ однимъ мужемъ и выходятъ замужъ за другого, за третьяго. Въ румынскомъ обществѣ разводы между супругами совершаются безпрестанно и безъ всякихъ затрудненій. Здѣсь совсѣмъ не рѣдкость видѣть въ обществѣ, какъ вошедшая женщина очень дружелюбно направо и налѣво подаетъ руку своимъ бывшимъ мужьямъ. Общество не порицаетъ, не клеймитъ этихъ людей и даже не ставитъ имъ этого въ вину, а, напротивъ, попрежнему принимаетъ ихъ въ свою среду. Да и сами разведшіеся супруги обыкновенно расходятся совершенно хладнокровно, безъ всякой ненависти и вражды, часто оставаясь между собою въ дружескихъ отношеніяхъ.

Величайшее зло для воспитанія молодого поколѣнія представляютъ пустыя, неразвитыя румынскія женщины, которыя ведутъ между собой вѣчныя интриги и сплетни. Дѣти растутъ на рукахъ няньки-француженки или няньки-цыганки, а когда становятся юношами—ихъ отправляютъ въ Парижъ. Не получивъ дома никакого развитія, не полюбивъ даже чтенія, они и въ Парижѣ живутъ пошлою, уличною жизнью кофеенъ, къ которой почувствовали склонность еще дома. Если бы бояре были маломальски разсудительными хозяевами, понимающими свою выгоду, они раздѣлили бы часть своихъ земель на участки и продавали бы ихъ или отдавали въ аренду крестьянамъ. Но они, чтобы получить сразу болѣе крупную сумму, отдаютъ свои земли въ аренду фермерамъ и спекулянтамъ, и сами не имѣютъ никакихъ сношеній съ крестьянами. Хозяйства ихъ совершенно запущены и годъ отъ году приходятъ въ большій упадокъ; часто, чтобы получить сумму, необходимую для одного парижскаго сезона, они продаютъ за безцѣнокъ даже будущую жатву. О своихъ помѣстьяхъ они не думаютъ и никогда не живутъ въ нихъ: когда прокутятъ все, что имѣютъ, въ игорныхъ домахъ, въ Парижѣ и на водахъ, тогда возвращаются въ Бухарестъ—столицу страны, и ищутъ себѣ какой-нибудь должности или проживаютъ послѣднія крохи. Какъ только бояринъ получитъ отъ спекулянта арендную плату за свои помѣстья, хотя и вдвое меньше прежней,—вы уже видите его въ блестящемъ экипажѣ, окруженнаго цѣлою арміею прислуги, среди которой прежде всего бросается въ глаза албанецъ въ національномъ костюмѣ, съ великолѣпными пистолетами, выложенными серебромъ.

Какъ всякая страна, только-что вышедшая изъ варварскаго состоянія, въ которой торговля и промыслы совершенно ничтожны и захвачены иноземцами, румыны, собственно говоря, почти не имѣютъ еще средняго сословія. Въ настоящее время къ среднему сословію, какъ мы уже сказали, здѣсь причисляютъ мелкихъ бояръ, духовенство, фермеровъ, мелкихъ землевладѣльцевъ, зажиточныхъ хозяевъ магазиновъ и мелкихъ чиновниковъ. Все стремленіе этихъ людей и ихъ семействъ, когда они нѣсколько разжились, тянуться за аристократіей, чтобы во всемъ сравняться съ боярами. Къ среднему классу можно было бы отнести и интеллигенцію, но въ Румыніи не сформировался еще классъ ученыхъ, нѣтъ въ ней и людей, получившихъ

всесвѣтную извѣстность въ области наукъ, искусствъ и литературы; даже мало такихъ, которые были бы вполнѣ образованными. Только въ самое послѣднее время явился небольшой кружокъ юношей, которые серьезно принялись за свое образованіе. Этому сильно помогло развитіе въ странѣ политической, конституціонной жизни. Нѣкоторые изъ этихъ молодыхъ людей ѣдутъ въ германскіе университеты и пріучаются къ серьезному труду. Но это пока еще весьма рѣдкія исключенія, встрѣчаемыя въ интеллигентномъ обществѣ, которое только начинаетъ слагаться здѣсь изъ представителей печати, судебнаго сословія, адвокатуры; но и этимъ людямъ еще не чужды пороки бояръ. Люди средняго сословія не имѣютъ достаточно средствъ, чтобы прожигать жизнь въ Парижѣ или кутить на водахъ, но они и на родинѣ большею частью ведутъ такую же праздную, пустую жизнь, какъ и люди высшаго сословія, если только обстоятельства не заставляютъ сидѣть цѣлый день въ канцеляріи или за прилавкомъ магазина. Едва настанетъ день, глава семейства, не сказавъ двухъ словъ съ женою, не взглянувъ даже на дѣтей, отправляется въ казино. Выпивъ чашку чернаго кофе, затянувшись трубкой, румынъ начинаетъ съ сосѣдомъ играть на бильярдѣ, а еще чаще въ «табло». Табло—доска въ родѣ шахматной, только съ большимъ количествомъ клѣтокъ; на ней круглыя костяныя шашечки съ точками; кости бросаютъ по доскѣ, и игра совершенно зависитъ отъ счастья, какъ упадутъ костяные кружочки; у кого будетъ на нихъ большее количество точекъ,—тотъ выигрываетъ. Когда вы ни войдете въ казино, и утромъ, и вечеромъ, всегда пропасть народу всѣхъ сословій, исключая самаго низшаго и бѣднѣйшаго класса. Больше всего здѣсь играютъ въ карты за маленькими столиками, которые стоятъ передъ диванами вокругъ всѣхъ стѣнъ большой залы; посрединѣ—бильярдный столъ. Тотъ, кто не пришелъ сюда играть въ карты или на бильярдѣ, непремѣнно является послушать городскія новости или потолковать о какой-нибудь сплетнѣ; тутъ же читаютъ газеты и разныя объявленія, дѣлаемыя городской полиціей или высшимъ начальствомъ. Вся жизнь румынъ сосредоточивается въ этихъ ежедневныхъ занятіяхъ: тутъ торгующій классъ заключаетъ свои контракты, разсуждаетъ о возвышеніи и пониженіи цѣнъ на какіе-либо предметы торговли; здѣсь толкуютъ о распоряженіяхъ правительства, о выборахъ; однимъ словомъ, казино—сосредоточіе всей политики, торговли и новостей.

Женщины въ свою очередь ведутъ тоже пустую, разнообразно-веселую жизнь. Съ ранняго утра наряжаются, чтобы ѣхать въ паркъ, оттуда возвращаются домой пообѣдать, переодѣться и отправится на сандрафію, т.-е. на какую-нибудь вечеринку или балъ. На каждой сандрафіи непремѣнно музыка и танцы. На всѣхъ этихъ вечеринкахъ даже совершенно посторонній человѣкъ, появляющійся въ первый разъ, будетъ чувствовать себя какъ дома,—такъ просто и нараспашку идетъ здѣсь веселье. Дамы всегда сами ищутъ себѣ кавалеровъ на танцы и, нисколько не стѣсняясь, ангажируютъ мужчинъ и составляютъ кадрили. Во всѣхъ классахъ общества жизни семейной не существуетъ; румыны, пожалуй, и сидятъ дома, но тогда, когда это почему-нибудь особенно необходимо. Посидѣть же съ женой, съ дѣтьми, въ тѣсномъ кругу друзей и пріятелей—для нихъ смертельная скука. Каждому мужчинѣ необходимо казино, женщинѣ—сандрафія, бѣшеный вальсъ и для всѣхъ—огромное сборище людей, музыка, шумъ, говоръ, пестрота. Женщины какъ высшаго, такъ и средняго сословія бѣлятся, притираются и румянятся, какъ нигдѣ; первыя дѣлаютъ это, конечно, искуснѣе, но женщины средняго сословія аляповато намазываютъ лица цѣлымъ слоемъ вредныхъ веществъ; зато лица ихъ и руки неизмѣнно бѣлы, какъ мѣлъ, щеки румяны, какъ клюква. Нигдѣ такъ не обильны скандалезныя хроники, какъ

въ Румыніи, нигдѣ такъ не часты и разнообразны романы, интриги и авантюры, какъ здѣсь, но финалъ ихъ всегда одинъ и тотъ же—полное разореніе.

Такое положеніе вещей привело само собой къ особаго рода мошенничеству, называемому «мнимая смерть». Къ этому мошенничеству прибѣгаютъ въ Румыніи промотавшіеся кутилы или люди, замѣшанные въ какое-нибудь грязное дѣло, послѣ котораго имъ уже нельзя показаться ни въ какомъ порядочномъ обществѣ. Такое лицо наводитъ справки о человѣкѣ, который можетъ выдать ему фальшивое свидѣтельство о его смерти. Найти такого человѣка не трудно: торгъ фальшивыми свидѣтельствами о смерти здѣсь сильно распространенъ, и лица, занимающіяся имъ, хорошо извѣстны. «Я хочу умереть въ возможно скоромъ времени», говоритъ такому агенту желающій получить фальшивое свидѣтельство. «Можно,—только есть ли у васъ надлежащія средства?» За этимъ начинается продолжительный торгъ о цѣнѣ. Наконецъ, сумма опредѣлена и выложена на столъ. Агентъ отправляется къ священнику. «Господинъ такой-то (онъ называетъ имя, фамилію, мѣсто жительства и родъ занятій своего паціента) умеръ и сегодня похороненъ. Потрудитесь выдать на это формальное свидѣтельство». Понятно, что духовное лицо отлично понимаетъ, что оно должно выдать фальшивый документъ, но оно вполнѣ солидарно съ агентомъ, начинаетъ въ свою очередь съ нимъ торговаться и въ концѣ концовъ выдаетъ требуемое. При этомъ приходится нерѣдко подкупить и полицейскихъ властей, но подобный агентъ отлично знаетъ свою спеціальность и съ успѣхомъ выходитъ изъ всѣхъ затрудненій. Человѣкъ, получившій документъ о мнимой смерти, черезъ другого агента получаетъ фальшивый паспортъ и выѣзжаетъ на время изъ Румыніи или только изъ того города, гдѣ съ нимъ произошелъ громкій скандалъ.

РУМЫНСКОЕ ПРОСТОНАРОДЬЕ.

Богатая природа страны.—Характеръ румынъ и румынокъ.—Положеніе женщины въ семьѣ.—Дома.—Бѣдность домашней обстановки.—Пища и одежда народа.—Пеллягра и малярія.—Развлеченія, пѣсни, языкъ и религія румынъ.—Ихъ духовенство, монастыри и школы.—Занятія народа.—Земледѣліе.—Положеніе земледѣльческаго люда.—Скотоводство.—Рыболовство.—Добываніе петролеума.—Евреи и цыгане. — Лаутари и ихъ значеніе въ странѣ.

Румынія относительно плодородія и производительности земли—одна изъ богатѣйшихъ странъ въ Европѣ. И дѣйствительно, плодородіе здѣсь удивительно: здѣшняя земля не нуждается ни въ удобреніи, ни въ искусственномъ орошеніи. Одной борозды плуга достаточно для того, чтобы посѣянныя сѣмена произвели стебли болѣе сажени вышиною. Румынія по плодородію почвы превосходитъ прекрасныя равнины Бельгіи, Пьемонта и Ломбардіи. Даже многія плодоноснѣйшія мѣстности Алжира не выдерживаютъ сравненія съ полями этой страны; можно смѣло сказать, что эти поля по плодородію могутъ поспорить съ Нильской дельтой. Такое изумительное плодородіе въ долинахъ Румыніи объясняютъ тѣмъ, что отъ разливовъ Дуная вѣками скоплялся илъ, отъ разложенія котораго образовался богатый черноземъ. Когда распахиваютъ эту почву въ первый разъ, ее нужно по крайней мѣрѣ три года сряду засѣвать маисомъ, чтобы этимъ хотя нѣсколько умѣрить ея производительную силу. Если же тотчасъ засѣять зерновымъ хлѣбомъ, то солома дѣлается такой рослой и тяжелой, что падаетъ на землю отъ собственной тяжести и гніетъ. Пшеница даетъ на одну мѣру болѣе 70-ти, что рѣдко даже и въ Америкѣ. Только саранча часто губитъ

здѣшнія поля. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно видѣть, какъ множество людей, оцѣпивъ огромное пространство, сметаютъ саранчу въ середину, постепенно уменьшая кругъ. А въ самомъ центрѣ нѣсколько людей бичами заставляютъ лошадей скакать, топтать и мѣшать сметенныя кучи насѣкомыхъ.

А что за изумительная здѣсь растительность! Махровый макъ очень часто растетъ кустами по окраинамъ дороги; повилика обвиваетъ камыши и украшаетъ каждый сгнивающій пень: луга застланы ползучими и цвѣтущими растеніями. Только здѣшняя сочная трава и можетъ кормить этихъ громадныхъ буйволовъ и тонкорунныхъ овецъ; ихъ ростъ и сила по всей вѣроятности находятся въ прямой зависимости отъ силы и роста растительнаго царства. Правда, въ дождливое время земля представляетъ липкую грязь, а въ засуху всюду подымаются облака пыли, что причиняетъ много неудобствъ; зато этотъ гpунтъ даетъ безъ большого труда всякіе плоды, овощи и фрукты. Спаржа, цвѣтная капуста, горохъ, салатъ самыхъ разнообразныхъ сортовъ растутъ сами собою; дыни, арбузы, разъ они посѣяны, созрѣваютъ безъ всякаго ухода. Еловые и сосновые лѣса густо покрываютъ скалы и горныя верхушки фантастической формы; въ лѣсахъ множество грибовъ, трюфели, разныя ягоды, каштаны, яблоки, черешни, груши, грецкіе орѣхи. Въ весьма многихъ мѣстностяхъ отлично созрѣваетъ виноградъ. При домѣ даже самаго несчастнаго простолюдина вы найдете прекрасный садикъ, въ которомъ множество персиковъ, абрикосовъ, фиговыхъ деревьевъ, сливы всѣхъ сортовъ, вишни, яблоки.

Многія рѣки содержатъ золотоносный песокъ, но болѣе всего этотъ металлъ находится въ пескахъ рѣки Ольтецы, на протяженіи 5-ти миль. На этомъ пространствѣ находятся богатѣйшіе золотоносные пески Валахіи: они имѣютъ черновато-красный цвѣтъ и перемѣшаны съ глиною и кварцемъ. Послѣ убыли воды, среди самаго русла рѣки, нерѣдко находятъ довольно большіе самородки золота. Есть тутъ также и мѣдь; во многихъ мѣстахъ находятъ слои каменнаго угля; часто встрѣчается ртуть, нефть, сѣра, янтарь, гранаты и, кромѣ всего этого, много минеральныхъ водъ. Но главное ископаемое богатство Румыніи—каменная соль. Однако, разработка этихъ богатствъ до послѣдняго времени была самая ничтожная. Въ высокихъ горахъ еще встрѣчаются дѣвственные лѣса, но въ большинствѣ случаевъ они вырублены на высотахъ, земля смыта дождями, и теперь виднѣются только голыя скалы и камни. Вслѣдствіе этого жители равнинъ отапливаютъ жилища маисовыми шишками, а въ Яссахъ и Бухарестѣ платятъ за дрова чрезвычайно дорого. Едва треть черноземныхъ долинъ воздѣлана, разумныя правила сельскаго хозяйства почти неизвѣстны; еще недавно соль получалась здѣсь изъ Галиціи и Трансильваніи, тогда какъ собственныя богатыя копи были подъ рукою,—да и не могло быть иначе при чужеземномъ игѣ и внутреннихъ раздорахъ. По той же причинѣ въ Румыніи не существуетъ ни улучшенныхъ породъ скота, ни правильнаго огородничества и земледѣлія.

Несмотря, однако, на богатство природы, жилища народа имѣютъ жалкій, убогій видъ. Это нечто иное, какъ небольшія мазанки изъ ивовыхъ вѣтвей, кое какъ замазанныхъ въ промежуткахъ глиной, выдающаяся крыша которыхъ покрыта дранками и соломой. Такъ какъ онѣ выбѣлены мѣломъ, то среди зеленыхъ и цвѣтущихъ луговъ онѣ представляютъ прекрасный ландшафтъ. Но эти жилища плохо защищаютъ и во время сильныхъ морозовъ, и въ дождливую погоду. Первобытный способъ ихъ постройки, жалкая обстановка внутри—все говоритъ о томъ, что румынскій крестьянинъ мало заботится о своемъ жилищѣ: въ виду чрезмѣрнаго труда, который ему приходится нести, чтобы не умереть съ голоду, въ виду безъисходной нищеты, въ которой онъ совсѣмъ погрязъ, его нельзя и винить въ этомъ; у него во всемъ

сказывается или отвращеніе къ жизни, или полное равнодушіе къ ней. Воздухъ въ крестьянскихъ жилищахъ, въ особенности зимою, до такой степени смраденъ, что непривычный человѣкъ, входя въ румынскую хату, буквально въ ней задыхается. Постелей въ домахъ не существуетъ; румынъ спитъ на голомъ полу, зимою завернувшись въ свой тулупъ, а въ теплыя ночи—на верандѣ, которую образуетъ выдающаяся крыша, подпертая столбами. Лишь въ очень немногихъ жилищахъ можно встрѣтить такую роскошь, какъ полъ. Вся домашняя утварь состоитъ изъ котла, низенькаго стола, простого деревяннаго сундука для платья и ткацкаго станка въ углу.

Одежда румынъ такъ же проста и несложна, какъ ихъ домашняя обстановка: огромные сапоги, при здѣшней вязкой и топкой почвѣ, составляютъ существенную принадлежность ихъ костюма; но очень многіе ходятъ босикомъ или носятъ нѣчто въ родѣ сандалій, привязанныхъ ремнями къ ногамъ, которыя, кромѣ того, еще обвиты грубой, яркихъ цвѣтовъ, шерстяною матеріей. Длинная бѣлая рубаха, края которой вышиты голубой или красной шерстью, выпускается надъ шароварами и опоясывается кожанымъ поясомъ, которымъ больше всего щеголяютъ здѣшніе парни; за поясомъ ножъ, короткая трубка, огниво и табакъ. Шаровары, рубаха, опоясанная поясомъ, да сапоги—вотъ и весь домашній нарядъ румына. Когда онъ собирается въ гости, то набрасываетъ цвѣтной камзолъ, а зимою одѣваетъ еще тулупъ, который во время дождя выворачиваетъ шерстью вверхъ, такъ какъ съ наружной стороны онъ расшитъ цвѣтными шелками. Но когда бы вы ни встрѣтили румына, въ страшный зимній холодъ или во время нестерпимой лѣтней жары, все равно—прорѣха его рубахи и воротъ всегда открыты, грудь и шея обнажены. Борода у румына выбрита, вьющіяся длинныя черныя кудри въ безпорядкѣ падаютъ по плечамъ, и высокая черная, а иногда и бѣлая конусообразная барашковая шапка довершаетъ его костюмъ.

Женщина у себя дома ходитъ босою и въ одной длинной рубашкѣ. Когда вздумается ей пойти къ сосѣдкѣ или въ поле на работу, она одѣваетъ такіе же огромные сапоги, какъ и мужчина, и свою длинную рубашку, вышитую голубой и красной шерстью или шелкомъ на груди, плечахъ и воротѣ, она подвязываетъ поясомъ, спереди и сзади котораго почти до самыхъ ногъ спускается бахрома. Этотъ оригинальный поясъ и длинная бахрома яркокраснаго цвѣта представляютъ совершенный контрастъ съ бѣлоснѣжной рубашкой. Иногда поверхъ рубашки женщины надѣваютъ шерстяной коврикъ, крѣпко обхватывающій талію и бедра, съ красной бахромой внизу. Этотъ нарядъ замѣняетъ имъ юбку съ тою разницею, что съ одного бока всегда остается широкая прорѣха. Но нерѣдко вмѣсто этого носятъ два передника, одинъ спереди, а другой сзади. Зимою одѣваютъ еще кафтанъ съ рукавами, опущенный мѣхомъ, а то и просто полушубокъ, весьма схожій съ мужскимъ. Голову онѣ украшаютъ цвѣтами, монетами, бусами. Лѣсныя и горныя жительницы носятъ бѣлыя вуали изъ полотна или шелковой матеріи, которыя легко набрасываютъ на голову и подбородокъ и чрезвычайно эффектно закидываютъ оба конца на спину. Замужнія женщины повязываютъ голову платками, расшитыми съ необыкновеннымъ искусствомъ; дѣвушки ходятъ съ открытой головой, стараясь какъ можно пестрѣе разукрасить свои волосы. На шеѣ у нихъ бусы или монеты, а иногда жемчугъ. Къ сожалѣнію, румынки, несмотря на прекрасный цвѣтъ своего лица, бѣлятся и румянятся, что рано портитъ кожу ихъ лица и быстро старитъ ихъ.

Здѣшнія крестьянки, за рѣдкими исключеніями, хороши собою: ихъ блестящіе черные глаза, волосы, черные какъ вороново крыло, правильный профиль — могли бы возбудить зависть любой изъ записныхъ красавицъ роскошныхъ европейскихъ салоновъ. Римскій типъ здѣшнихъ женщинъ, хотя уже нѣсколько смѣшавшійся съ

славянскимъ посредствомъ браковъ, еще сохранился въ красивой классической формѣ носа, въ тонко и рѣзко очерченныхъ губахъ, въ черныхъ, лоснящихся волосахъ и въ бронзовомъ оттѣнкѣ лица. Смотря на молодую румынку въ ея праздничномъ нарядѣ, прислушиваясь къ ея говору, напоминающему языкъ древняго Рима, вы невольно представляете себѣ древнюю римлянку. Стройныя, онѣ не любятъ сгибаться подъ тяжестью ноши, и если нужно, несутъ ее на головѣ. Телѣжекъ онѣ тоже не любятъ и всѣ свои овощи большею частью доставляютъ на рынокъ въ двухъ корзинахъ, прикрѣпленныхъ къ коромыслу, которое несутъ на плечахъ.

Рожденная въ бѣдной хижинѣ, дѣвочка ростетъ на свободѣ, безъ всякаго присмотра, не пользуясь отъ своихъ родителей ничѣмъ, кромѣ пищи. Она не доставляетъ имъ никакихъ заботъ и расходовъ, даже относительно необходимой одежды. Въ румынскихъ деревняхъ 4-хъ—5-лѣтняя дѣвочка носитъ одну и ту-же полотняную рубашку по нѣскольку мѣсяцевъ сряду, пока та сама собою не свалится съ тѣла, или не наступитъ какой-нибудь большой праздникъ. Съ 8—9 лѣтъ она начинаетъ уже помогать матери въ самыхъ трудныхъ хозяйственныхъ работахъ. На тринадцатомъ, четырнадцатомъ, и уже самое позднее на пятнадцатомъ году жизни румынка бываетъ совершенно развита физически, и въ этомъ возрастѣ вы можете встрѣтить здѣсь дѣйствительно прелестныхъ дѣвушекъ.

Молодость ея коротка, удовольствій испытать приходится немного. Въ эти годы родители одѣваютъ ее понаряднѣе; по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ она отправляется въ церковь, а послѣ обѣдни, на площади передъ шинкомъ, пляшетъ съ деревенскою молодежью. Оркестръ состоитъ изъ двухъ цыганъ—скрипача и цимбалиста, одѣтыхъ въ какія-то лохмотья. Эти танцы молодежи на площади не прекращаются и зимой во время сильныхъ холодовъ. Странно видѣть молодыхъ дѣвушекъ, пляшущихъ на снѣгу, въ однѣхъ бѣлоснѣжныхъ рубашкахъ. Начиная танцовать, каждая изъ нихъ снимаетъ свою овчинную кофточку и вновь одѣваетъ ее по окончаніи танца. Парни тоже снимаютъ съ себя верхнее платье. Танцуетъ ли молодежь свой любимый танецъ «романа», или какой другой, она танцуетъ его ловко и даже граціозно.

Молодежь собирается и въ домахъ повеселиться въ праздничное время. При этомъ каждая дѣвушка, появляясь на такомъ собраніи, что-нибудь приноситъ съ собой для ужина: пирогъ, рыбу, хлѣбъ. Юноши хватаютъ принесенное и весело подымаютъ вверхъ съ возгласомъ: «радуйтесь,—вотъ вамъ еще хлѣбъ!» Какъ на площади, такъ и здѣсь молодежь танцуетъ подъ музыку цыганъ, съ тою разницею, что въ домахъ музыканты во время игры становятся даже на столы, чтобы только менѣе занимать мѣста. Парни разнообразятъ танцы усердною выпивкою, каждый разъ поднося и дѣвушкамъ отвѣдать вина, но тѣ чуть только дотрогиваются до него губами. Позже, черезъ 3—4 года, когда дѣвушка выйдетъ замужъ и выпьетъ до дна всю чашу горя, обыкновенно выпадающую на долю замужней женщины, она иногда перещеголяетъ въ пьянствѣ и парней, но теперь пока она развлекается еще кой-чѣмъ другимъ. Въ промежуткахъ между танцами она затягиваетъ пѣсню, въ которой выражаетъ чувства, подходящія и къ данному случаю, и къ настроенію, а если ни одна изъ нихъ не подходитъ, она импровизируетъ новую. Вотъ какъ одинъ извѣстный путешественникъ, самъ присутствовавшій на домашнихъ собраніяхъ румынской молодежи, описываетъ такія импровизаціи дѣвушекъ. «Одна изъ присутствующихъ выказывала въ этомъ отношеніи особенную находчивость. Ее нельзя было назвать красавицею, но она обращала вниманіе своими сверкающими глазами, полными блеска и живого ума; во всей ея смѣлой фигурѣ проглядывалъ отпечатокъ умственныхъ

способностей и воспріимчивости. Ее нѣсколько разъ просили пѣть, и она импровизировала строфу за строфой, изображая чувства влюбленнаго и дѣлая при этомъ разные намеки на присутствующихъ. Прежде чѣмъ начать пѣть, она выходила на середину избы, задумывалась на нѣсколько минутъ, затѣмъ на ея губахъ появлялась лукавая улыбка, и она, покачиваясь изъ стороны въ сторону, начинала пѣть голосомъ рѣзкимъ, но исполненнымъ дикаго, поэтическаго огня. Особенно одна ея пѣсня развеселила всѣхъ и возбудила громкій хохотъ; она, очевидно, заключала намекъ на одно должностное лицо, страсть котораго къ одной дѣвушкѣ была извѣстна всей деревнѣ: «мой возлюбленный сидитъ въ канцеляріи; однимъ глазомъ смотритъ онъ на свои бумаги, другимъ подсматриваетъ за мною. Одною рукою пишетъ онъ свои протоколы, другою дѣлаетъ мнѣ знаки; мало выйдетъ пользы изъ того, что онъ пишетъ, потому что всѣ его мысли обращены на меня. Пусть онъ придетъ ко мнѣ, и тотчасъ разсѣются всѣ его печальныя мысли». Импровизируютъ обыкновенно рифмованными стихами.

Но дѣвичья жизнь пролетѣла, какъ сонъ; въ 14—15 лѣтъ дѣвушка уже выходитъ замужъ и должна навѣки проститься со всѣми радостями. Между тѣмъ румыны обоего пола въ молодости очень любятъ повеселиться: и женившись мужчина заходитъ въ корчму, въ гости, но у женщины совсѣмъ почти не остается на это времени. Работа и забота — вотъ все, что ее ждетъ теперь. По ея спинѣ съ этихъ поръ не только часто будетъ гулять ременная плетка мужа, но на нее одну взваливаютъ всѣ домашнія хлопоты: ея мужъ за долги долженъ работать на чужой нивѣ.

Выдающеюся чертою характера замужней женщины прежде всего является необыкновенное трудолюбіе. Посмотрите на группу женщинъ, когда онѣ возвращаются съ какой-нибудь тяжелой работы. Вмѣсто того, чтобы отдохнуть хотя въ эту минуту, каждая изъ нихъ что-нибудь дѣлаетъ: одна сматываетъ на клубокъ нитки, другая вяжетъ, но большинство прядетъ. У большей части румынокъ, куда-нибудь отправляющихся, прялка всегда за поясомъ. Нельзя не удивляться тому, какъ онѣ могутъ прясть во время ходьбы, тѣмъ болѣе, что онѣ обыкновенно ходятъ очень быстро. Такимъ образомъ даже во время ходьбы онѣ не даютъ ни минуты отдыха ни рукамъ своимъ, ни ногамъ, ни даже языку, такъ какъ онѣ въ молодости любятъ много пѣть или весело болтаютъ между собой. Зимою румынка сидитъ дома за ткацкимъ станкомъ, и челнокъ быстро бѣгаетъ въ ея проворныхъ рукахъ. Трудно представить, какую массу работы она успѣваетъ исполнить! Она выткала полотняную рубашку, которую мужъ ея носитъ подъ верхнимъ платьемъ, да и самое это платье приготовлено ею. Мужъ самъ дѣлаетъ свои сандаліи: это просто кусокъ кожи, въ которую завертываютъ ногу и затѣмъ обвязываютъ ее ремнями; но матерія, въ которую завертываютъ ногу, поверхъ кожи,—домашняго издѣлія, такъ что одежда мужа съ головы до ногъ—домашней фабрикаціи. На головѣ у него мѣховая шапка изъ шкуры его же овецъ, но сшита она опять-таки его женою. Точно также и для себя она не только выткала всю матерію, которую она носитъ, но все это добыто ею изъ шерсти ея собственныхъ овецъ. Ею приготовлены даже для матеріи краски изъ всевозможныхъ растительныхъ веществъ. Для нѣкоторыхъ красокъ приходится собирать растенія съ очень высокихъ скалъ. Какъ и большая часть женщинъ на востокѣ, румынки ткутъ великолѣпные ковры, искусно вышиваютъ рубахи и полотенца, которыми румыны любятъ украшать свои жилища; но, кромѣ всего этого, онѣ еще въ высшей степени искусно плетутъ корзины изъ тростника, которыя употребляютъ во всей странѣ. Особенно изящно выходятъ у нихъ сквозныя корзины съ самыми разнообразными украшеніями и самыхъ фантастическихъ формъ и узоровъ.

Несмотря на изнурительную работу, на грубое обращеніе мужа, на плохое питаніе, общее всѣмъ жителямъ долинъ, румынка не представляетъ собой тупую, ни о чемъ не думающую рабочую машину: у нея на все свое собственное міровоззрѣніе. Она всегда со всѣми привѣтлива, весела, большая охотница пѣть пѣсни. Правда, большинство ея пѣсенъ такъ безнадежно грустны, что забираютъ за сердце даже чужестранца, но она разнообразитъ ихъ веселыми напѣвами національныхъ танцевъ.

Румынка очень набожна, но при этомъ и въ высшей степени суевѣрна. Въ день памяти святыхъ она ставитъ передъ образами восковыя свѣчи, но также аккуратно выполняетъ и обряды, которые отгоняютъ злыхъ духовъ. Каждая чудотворная икона, по ея понятіямъ, спеціально славится исцѣленіемъ какой-нибудь болѣзни: одна— отъ лихорадки, другая—отъ головной боли. Румынка твердо это помнитъ, и какъ бы далеко ни находилась икона, врачующая лихорадку, она отправится именно къ ней, если только она страдаетъ этою болѣзнью, а не будетъ молиться въ это время передъ другою иконою.

Дурная сторона характера крестьянки-румынки—ея пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ. Конечно, главная причина этого—ея изнурительная работа, но мы знаемъ уже, что вообще на востокѣ всѣ женщины работаютъ чрезвычайно много, однако нигдѣ женщина не предается такъ пьянству, какъ здѣсь. Въ этомъ пристрастіи она часто не уступаетъ своему мужу. Здѣсь такъ привыкли къ пьянымъ женщинамъ, что послѣобѣденное похмѣлье по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ принадлежитъ къ числу самыхъ обыденныхъ явленій. Супруги, сидя другъ противъ друга, угощаются до тѣхъ поръ, пока оба не свалятся подъ столъ.

Пища румынскихъ крестьянъ такъ же отвратительна, какъ и ихъ жилище; она почти исключительно состоитъ изъ овощей: луку, огурцовъ, кислой капусты, перцу и, кромѣ того, маиса (кукурузы) во всевозможныхъ видахъ. Хлѣбъ пекутъ изъ маисовой муки; румынскую *мамалыгу* приготовляютъ изъ нея же. Мамалыгу,—это національное кушанье румынъ, дѣлаютъ такимъ образомъ: маисовую муку насыпаютъ въ соленый кипятокъ; поваривъ полчаса эту мучную кашицу, выворачиваютъ ее на доску и ѣдятъ холодною или горячею. Эту мамалыгу ѣдятъ съ саломъ или молокомъ, а когда она сварена черезчуръ густо, ее разрѣзываютъ ножомъ и ломтики посыпаютъ *брынзой*—сыромъ изъ овечьяго молока. Очень часто кукурузныя зерна обертываютъ въ капустные или виноградные листья и жарятъ ихъ въ салѣ или въ постномъ маслѣ; изъ маисовой муки дѣлаютъ также лепешки; часто даже недозрѣвшія маисовыя шишки просто жарятъ на угольяхъ и ѣдятъ. Во время постовъ румынъ ничего не ѣстъ, кромѣ мамалыги, рыбы, огурцовъ и кислой капусты, т.-е. самой непитательной пищи. Такая пища еще могла бы быть сносной при постоянно тепломъ климатѣ, но въ странѣ, какъ Румынія, гдѣ зимніе холода достигаютъ иногда 30° мороза и гдѣ къ тому же господствуетъ *малярія* (перемежающаяся лихорадка), она оказывается въ высшей степени вредной и разрушительной для организма. Занимаясь полевыми работами, румынскій крестьянинъ поспѣваетъ сработать едва половину того, что можетъ выполнить въ тотъ же промежутокъ времени англійскій или французскій земледѣлецъ. И все-таки, принимая въ разсчетъ питаніе румынскаго крестьянина, суровые посты, которые онъ соблюдаетъ въ продолженіе 185 дней въ году и во время которыхъ онъ совершенно истощается, можно еще удивляться быстротѣ его работы. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ несчастныхъ условій, румынскій крестьянинъ отличается очень незначительною физическою силою: его мускулы слабы, онъ чрезвычайно худъ, имѣетъ въ высшей степени истощенный видъ и быстро утомляется.

Самое главное зло—вопіющая бѣдность, угнетающая большую часть румынскаго земледѣльческаго населенія.

Истощенный до крайности организмъ румынскаго земледѣльца поддается чрезвычайно легко всевозможнымъ болѣзненнымъ вліяніямъ. Изъ болѣзней, свирѣпствующихъ среди сельскаго населенія Румыніи, укажемъ прежде всего на *пеллагру*, въ высшей степени изнуряющую организмъ и въ большинствѣ случаевъ имѣющую печальныя послѣдствія. Теперь уже сдѣлалось извѣстнымъ, что она происходитъ отъ употребленія въ пищу непитательныхъ веществъ и особенно отъ испортившейся вслѣдствіе влажной погоды кукурузы, такъ какъ при дурныхъ урожаяхъ маиса среди населенія всегда усиливается пеллягра. Она выражается въ томъ, что у заболѣвшаго дѣлается зудъ въ кожѣ, которая немедленно краснѣетъ; затѣмъ болѣзнь охватываетъ кишечный каналъ и нервную систему и мѣшаетъ всякой дѣятельности. Лѣтъ тридцать тому назадъ о ней не имѣли здѣсь и понятія, но по мѣрѣ того, какъ экономическое положеніе населенія все болѣе ухудшалось, начала обнаруживаться и эта болѣзнь. Она прогрессируетъ здѣсь съ ужасающею быстротою; въ настоящее время одинъ больной пеллягрою приходится на 250 ч. населенія. Въ сельскихъ больницахъ не хватаетъ мѣстъ для такого рода больныхъ, въ виду чего теперь спѣшатъ устраивать все новыя больничныя помѣщенія, очень быстро переполняющіяся. Наряду съ пеллягрой усиливается и малярія. Все это содѣйствуетъ окончательному вырожденію населенія.

Румыны совершенно особая народность, съ своимъ особымъ языкомъ, сходнымъ съ латинскимъ. Что касается ихъ происхожденія, то одни утверждаютъ, что они происходятъ отъ даковъ, а другіе—отъ римлянъ. Какъ бы то ни было, но положительно извѣстно, что Дакія была колонизована римлянами, а затѣмъ страну поочереди наводняли готы, гунны, авары, болгары. Войны въ древности были страшно опустошительны, и каждый изъ народовъ, начиная господствовать въ странѣ, истреблялъ своихъ предшественниковъ; но никакое племя, какъ бы кровожадно и многочисленно оно ни было, не могло опустошить край до того, чтобы ни лѣсъ, ни горы, никакія убѣжища не укрыли жителей отъ преслѣдованія. Непремѣнно должны были уцѣлѣть остатки каждаго племени, т.-е. даковъ, римлянъ, готовъ, гунновъ и др.; изъ нихъ мало-по-малу слагалась особая народность, разнохарактерность которой отразилась на народныхъ обычаяхъ, типахъ и языкѣ. Латинскій элементъ болѣе всего замѣтенъ въ языкѣ; впрочемъ, и славянское вліяніе было не менѣе сильно, особенно въ началѣ, когда румыны даже писали кирилицею, къ которой они присоединили нѣкоторыя новыя буквы. Только въ самыя позднѣйшія времена румыны ввели латинскую азбуку и теперь пишутъ и печатаютъ латинскими буквами. Въ настоящее время румынскій языкъ сталъ развиваться и получилъ способность выражать самыя отвлеченныя идеи; онъ сдѣлался орудіемъ краснорѣчія въ палатахъ, въ церквахъ и въ печати. Но еще 40 лѣтъ тому назадъ средства этого языка были такъ ограничены, что онъ былъ пригоденъ лишь для выраженія обыденныхъ потребностей, и не мудрено: при фанаріотахъ, подъ тяжелымъ игомъ которыхъ народъ цѣпенѣлъ 150 лѣтъ, не только изъ румынскихъ школъ, но даже и изъ церквей былъ изгнанъ румынскій языкъ и замѣненъ греческимъ. Подъ конецъ управленія фанаріотовъ народъ дошелъ до того, что не только сталъ забывать свой языкъ, но даже стыдился говорить на немъ. Народъ тогда говорилъ по-гречески, а высшіе слои общества по-французски; нынѣ всѣ заговорили на своемъ родномъ языкѣ.

Тяжелый гнетъ, испытанный румынами, оставилъ глубокій слѣдъ въ пѣсняхъ этого народа. Народная пѣсня выражаетъ всѣ его мысли и душевныя стремленія; она

переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе прежде всего черезъ женщинъ, которыя прилаживаютъ ее ко всѣмъ обстоятельствамъ своей жизни: нѣтъ такого чувства, положенія, горя, счастія, для которыхъ бы румынка не нашла подходящей пѣсни. А если, наконецъ, ея и не нашлось,—это нисколько не затрудняетъ ее. Она немедленно импровизируетъ пѣсню, которую часто сама забываетъ, но ее подхватываютъ другіе, и новая пѣсня, переходя изъ устъ въ уста, дѣлается достояніемъ народа.

Въ Румыніи можно встрѣтить много юношей и еще болѣе дѣвушекъ, которые въ кругу своихъ знакомыхъ и родныхъ за свой импровизаторскій талантъ пользуются вполнѣ заслуженною славою. Мы уже видѣли выше, какъ во время вечеринокъ молодежь импровизируетъ свои пѣсни. Теперь добавимъ, что ихъ содержаніемъ служатъ не только любовь и личныя чувства, но и борьба съ турками, страданія и казнь народныхъ героевъ, разбойническіе подвиги. Въ душѣ румына накопилось много горя и злобы, но, какъ у всякаго долго подавляемаго народа, онѣ перешли въ чувство покорной, тихой грусти. Оттого такъ и поражаютъ каждаго иностранца необыкновенно заунывные звуки ихъ пѣсенъ; этимъ отчасти можно объяснить и недостатокъ въ нихъ воинственнаго элемента. Конечно, у народовъ, которые вполнѣ сложились и получили серьезное развитіе, остываютъ воинственныя стремленія, но румыны еще народъ далеко не образованный, и воинственный элементъ въ пѣсняхъ былъ бы у нихъ только признакомъ энергіи и любви къ родинѣ. Но румынамъ неоткуда было заимствовать этого воинственнаго пыла. Хотя они и вели войны, но обыкновенно такія, которыя носили характеръ личной вражды господарей къ господарямъ или къ сосѣднимъ владѣтельнымъ лицамъ; народъ не былъ заинтересованъ въ этихъ войнахъ, и народная фантазія не могла извлечь изъ нихъ ничего возвышеннаго.

Румыны исповѣдуютъ православную, греко-каѳолическую религію. Въ этой странѣ никогда не было ни религіозныхъ войнъ, ни религіозныхъ сектъ, всегда существовала полнѣйшая религіозная терпимость, хотя она признана парламентомъ лишь въ 1864 г., но, въ сущности, это было только подтвержденіемъ путемъ закона уже давно вкоренившагося народнаго обычая. Среди румынъ живетъ много сектантовъ, и каждая секта свободно исполняетъ свои обряды. У румынъ есть свой митрополитъ и епископы, свой синодъ. Ихъ духовенство носитъ длинные волосы, длинную бороду и длинное черное платье,—однимъ словомъ, за исключеніемъ мелочей, по внѣшности напоминаетъ наше духовенство. Прежде духовенство зависѣло отъ патріарха константинопольскаго, но правительство Кузы сдѣлало румынскую церковь самостоятельною. Обряды совершаются съ большой торжественностью, заимствованною у грековъ. Румынское духовенство находилось прежде въ большой зависимости: обрабатывало поля, уплачивало налоги, исполняло барщину за пользованіе землею, и потому оно до сихъ поръ осталось совершенно невѣжественнымъ. Все его образованіе заключается въ знаніи грамоты, евангелія и службы. Хотя духовенство пользуется теперь полною личною независимостью, но его матеріальное положеніе такъ же плохо, какъ и прежде: въ провинціальныхъ городахъ священники получаютъ жалованья 30 левовъ въ годъ (левъ почти равняется французскому франку), а въ деревняхъ и еще того меньше. Понятно, что многимъ изъ нихъ и теперь приходится пахать свою землю. Они вынуждены поддерживать себя платою за требы; ихъ образованіе и развитіе не идетъ впередъ и въ настоящее время. Вѣрованія румынскаго народа представляютъ собою смѣсь кое-какихъ безсвязныхъ отрывковъ христіанскаго ученія съ массою допотопныхъ предразсудковъ и языческихъ суевѣрій.

Множество монастырей существовало въ Румыніи еще издавна, и они принадлежали къ самымъ богатѣйшимъ въ Европѣ. Но въ 1863 г. законодательное со-

браніе обратило многіе монастыри въ собственность государства со всѣми ихъ громадными владѣніями и помѣстьями, и въ самое послѣднее время число монаховъ и монастырей стало быстро уменьшаться; еще 20 лѣтъ тому назадъ въ Румыніи было 262 монастыря (мужскихъ и женскихъ), а теперь ихъ только 160. Такимъ образомъ монашеская жизнь въ странѣ постепенно падаетъ.

Отчаянное экономическое положеніе здѣшняго крестьянина и тяжелая работа не даютъ ему возможности пускать дѣтей въ школу, такъ какъ они ему всегда нужны, какъ помощники. Это обстоятельство, а также крайній недостатокъ школъ, дѣлали Румынію до самаго послѣдняго времени одною изъ безграмотнѣйшихъ странъ западной Европы: до 1893 г. въ ней едва насчитывали въ среднемъ 7—8 грамотныхъ на сто человѣкъ. Въ послѣднія 4 — 5 лѣтъ построили много новыхъ школъ, и, кромѣ этого, началъ дѣйствовать законъ 1893 г., по которому начальное обученіе обязательно и безплатно: оно должно начинаться съ 7 лѣтъ и продолжается до 14. На того, кто уклоняется отъ обученія своихъ дѣтей, налагаютъ штрафъ, штрафуютъ также и тѣхъ, кто не пускаетъ своихъ дѣтей въ школу безъ уважительной причины. Какую перемѣну произведетъ эта новая школьная реформа—еще неизвѣстно.

Внѣшній обликъ румына производитъ пріятное впечатлѣніе: онъ всегда задумчивъ, меланхоличенъ, и въ выраженіи его лица чрезвычайно много добродушія, кротости, простосердечія и въ то же время непремѣнно есть что-то болѣзненное. Растительная пища, которую уже въ продолженіе цѣлыхъ поколѣній употребляютъ крестьяне въ придунайскихъ долинахъ, создала своеобразный типъ придунайскаго мужика: худой, слабый, безкровный, онъ чрезвычайно подверженъ заболѣванію маляріею и пеллягрою,—болѣзнями, безпощадно губящими населеніе. Развитію малокровія помогаетъ и то, что румынскій крестьянинъ чрезвычайно сурово соблюдаетъ множество постовъ; высчитано, что онъ постится въ годъ 185 дней. Въ постные дни онъ не употребляетъ въ пищу ни мяса, ни молока; огурцы и мамалыга, мамалыга и огурцы—вотъ все, что онъ ѣстъ въ эти дни. Эти частые и истощающіе посты болѣе всего развиваютъ въ румынскомъ простонародіи страсть къ спиртнымъ напиткамъ: чувствуя послѣ поста страшную слабость, истощеніе силъ, часто не будучи въ состояніи уже съ утра приняться за дѣло, онъ долженъ выпить, чтобы возбудить сколько-нибудь дѣятельность организма. Зимняя стужа и морозы тоже не мало содѣйствуютъ развитію пьянства. Къ тому же самый строгій постъ падаетъ на то время, когда климатическія условія страны способствуютъ развитію разныхъ міазмовъ, когда въ туманѣ болотныхъ мѣстъ, на залитыхъ весенними водами поляхъ и лугахъ, нарождается ужасная малярія (злокачественная лихорадка),—этотъ бичъ придунайскихъ княжествъ. А тутъ еще въ Великомъ посту оказывается самый тяжелый трудъ—обработка полей. Вотъ почему дѣло не спорится у румынскаго рабочаго и, нанявшись на работу, онъ работаетъ только 3—4 первые дня въ недѣлю, а затѣмъ все бросаетъ и растягивается подъ деревомъ. Понятна и безнадежная пѣсня, которая такъ часто вырывается у него изъ груди: «Что пользы, что у меня красавица невѣста, что у меня рожь хорошо растетъ въ полѣ? А все-таки у меня ничего не спорится, точно все кругомъ заколдовано! Разразись надо мной гроза Божія, унеси, развѣй горе лютое!»

Румынъ одаренъ весьма живымъ умомъ, быстрою сметкою и смѣлымъ воображеніемъ. Всѣ иностранцы единодушно удивляются тому, что съ здѣшнимъ необразованнымъ народомъ по цѣлымъ часамъ можно вести занимательные разговоры. Дѣло въ томъ, что румынскій крестьянинъ, благодаря своимъ народнымъ пѣснямъ и богатымъ устнымъ преданіямъ, обладаетъ самыми разнообразными свѣдѣніями о цвѣ-

тахъ, звѣздахъ, прошлыхъ событіяхъ, — хотя, конечно, ко всему этому примѣшивается много фантазіи, не лишенной, впрочемъ, наивности. Простой крестьянинъ нерѣдко начинаетъ передавать вамъ исторію, которая не что иное, какъ преданіе древнихъ объ Аполлонѣ, Юпитерѣ, Психеѣ, о похищеніи сабинянокъ, исторію Кастора и Поллукса, но, конечно, все это вы услышите въ болѣе или менѣе искаженномъ видѣ. Румынскій крестьянинъ можетъ выражать свои мысли не только красно, но и картинно, образно. «Какъ ты поживаешь?» спрашиваютъ у него. «Какъ собака въ конурѣ.» «У тебя есть дѣти?» «Два сына было, что два бѣлыхъ кролика, кроткихъ, какъ голуби,—да бѣдность сгубила...» и двѣ крупныхъ слезы выкатываются изъ его грустныхъ глазъ. Этотъ добрый, привязчивый народъ сострадательно относится къ горю ближняго, обожаетъ своихъ дѣтей и во время болѣзни какъ ихъ, такъ и своихъ родственниковъ ухаживаетъ за ними до полнаго изнуренія. Многіе крестьяне носятъ латинскія имена, такъ, напр., Туллэ (Туллій), Корнэ (Корнелій), Альбу, Негру, Титу, Станъ, Манэ (Манлій или Манилій) и т. д.

Можно было ожидать, что въ странѣ подъ одной широтой съ Равенной и Болоньей должны господствовать сильныя страсти, между тѣмъ ихъ вовсе не проявляется, и румынскій народъ отличается необыкновеннымъ добродушіемъ, кротостью и терпѣніемъ. Въ спорѣ съ сосѣдомъ румынъ никогда не выйдетъ изъ себя до того, чтобы забыться, и о ножѣ, который такъ часто сверкаетъ въ рукѣ итальянца, здѣсь не можетъ быть и помину. Эту чрезмѣрную кротость и терпѣніе можно объяснить печальнымъ историческимъ прошлымъ, когда турки совершенно разоряли румынъ, а фанаріоты душили всякій проблескъ мысли. Работаетъ и говоритъ румынъ вяло, медленно, и нѣтъ дѣла, которому онъ отдавался бы съ увлеченіемъ. Случается съ нимъ какое несчастіе—пожаръ или саранча истребила все его поле, онъ не предается отчаянію, а только скажетъ: «воля Божія». Отчасти такое равнодушіе къ лишенію и несчастію можно объяснить прекраснымъ обычаемъ въ странѣ: лишившійся имущества человѣкъ никогда не пойдетъ нищенствовать, его со всей семьей радушно и безплатно принимаютъ въ свою хату его сосѣди и по очереди прокармливаютъ всю зиму, точно также и его скотъ. Этотъ обычай, за рѣдкими исключеніями, существуетъ повсемѣстно. Но пока румынъ еще молодъ, и пока горе, большая семья, тяжкій трудъ и неоплатные долги не одолѣли его и не сдѣлали совершенно равнодушнымъ къ жизни, его самое страстное желаніе—добыть себѣ широкій кожаный поясъ съ большою мѣдною пряжкою. Это, кажется, единственная страсть юноши, и она нерѣдко доводитъ его до воровства. На парня, у котораго нѣтъ хорошаго пояса, дѣвушка не обратитъ никакого вниманія: она не пойдетъ съ нимъ плясать, не будетъ много и разговаривать. Чтобы добыть себѣ этотъ поясъ, парень не брезгаетъ никакими средствами. Когда ночью всѣ улягутся въ домѣ спать, онъ тихонько встаетъ, бѣжитъ въ поле и жнетъ хлѣбъ съ какой попало полосы. Много ему хлопотъ прятать этотъ хлѣбъ: то онъ его положитъ въ одну яму и прикроетъ хворостомъ, то въ другую, пока, наконецъ, не является еврей избавитель, который и покупаетъ этотъ хлѣбъ за безцѣнокъ. Много ночей приходится парню пробираться украдкой, много разъ воровать хлѣбъ съ чужихъ полей и съ полей своего отца, пока, наконецъ, онъ не накопитъ столько денегъ, чтобы пріобрѣсти себѣ желанный поясъ. Это мелкое воровство, скорѣе шалость, какъ на нее смотрятъ ихъ отцы, ведетъ къ дурнымъ послѣдствіямъ: румынскій народъ не отличается строгою честностью, какую мы находимъ у шведовъ и у другихъ народовъ. Лучшею стороною его характера служитъ радушіе и гостепріимство, и съ бѣднымъ румынъ всегда готовъ подѣлиться послѣднимъ кускомъ хлѣба.

Всѣ румыны въ высшей степени суевѣрны и невѣжественны; до сихъ поръ еще въ деревняхъ у нихъ существуетъ множество самыхъ старинныхъ обычаевъ и суевѣрій. На похоронахъ непремѣнно присутствуютъ наемныя плакальщицы, раздирающіе крики и вопли которыхъ раздаются далеко отъ дома, гдѣ лежитъ покойникъ. Въ гробъ съ усопшимъ кладутъ палку, съ которою онъ долженъ будетъ переходить Іорданъ, монету же онъ долженъ отдать св. Петру, чтобы тотъ отворилъ ему двери рая; не забываютъ также положить ему въ гробъ хлѣба и поставить вина, чтобы подкрѣпить силы усопшаго по дорогѣ къ раю. Трудно найти другой народъ, который бы выражалъ болѣе уваженія и благоговѣнія къ памяти умершихъ. Но Боже сохрани, если у покойнаго были рыжіе волосы: всѣ сосѣди съ безпокойствомъ долго думаютъ объ этомъ, опасаясь, что нѣтъ-нѣтъ покойникъ вбѣжитъ въ хату въ видѣ собаки или вскочитъ лягушкою. Чтобы этого не случилось, гробъ стараются заколотить какъ можно крѣпче или протыкаютъ могилу коломъ.

Мы нѣсколько разъ упоминали въ этомъ очеркѣ, что настоящее положеніе крестьянъ чрезвычайно печально; чтобы вполнѣ понять причины этого, необходимо сказать хотя нѣсколько словъ объ ихъ прошломъ.

Крѣпостные были освобождены въ обоихъ придунайскихъ княжествахъ въ половинѣ XVIII-го вѣка. Это освобожденіе, однако, не принесло крестьянамъ никакой пользы: съ одной стороны, они обязаны были выполнять множество работъ въ пользу помѣщиковъ, а съ другой — они лишены были права пріобрѣтать земли, и кромѣ того, свобода передвиженій крестьянъ была затруднена цѣлымъ рядомъ предписаній. Мало того, положеніе крестьянъ послѣ этого еще ухудшилось: тѣ обязанности, которыя помѣщики имѣли къ крѣпостнымъ, были уничтожены по отношенію къ освобожденнымъ; въ періоды голодовокъ помѣщики были обязаны кормить своихъ крестьянъ, теперь они были освобождены отъ этой обязанности, между тѣмъ крестьянамъ часто невозможно было найти для себя заработокъ.

Отчаянное положеніе бывшихъ крѣпостныхъ и прогрессивное ухудшеніе ихъ экономическаго положенія заставили правительство издать новый законъ въ 1832 г. По этому закону крестьяне, за право пользованія землей, работали у помѣщиковъ 43 рабочихъ дня въ году. Помѣщики старались заставить крестьянъ отрабатывать имъ эти дни преимущественно лѣтомъ, что вынуждало крестьянина совсѣмъ забрасывать свое хозяйство; между тѣмъ крестьянинъ, кромѣ работы у помѣщика, долженъ былъ еще отдавать ему $^1/_{10}$ урожая. Свобода передвиженія крестьянъ въ обоихъ княжествахъ теперь была уже почти совсѣмъ уничтожена.

Такое положеніе продолжалось до 1864 года, когда былъ изданъ новый законъ для обоихъ княжествъ, по которому часть земли помѣщиковъ была отдана крестьянамъ; такимъ образомъ послѣдніе становились собственниками земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ были уничтожены обязательныя работы на помѣщиковъ въ обоихъ княжествахъ. За земли, уступленныя крестьянамъ, помѣщики были вознаграждены государствомъ. Новые землевладѣльцы, то-есть крестьяне, должны были за свои земли выплачивать государству ежегодную ренту въ продолженіе 15 лѣтъ. Итакъ, съ 1864 года въ этой странѣ явилось очень много мелкихъ землевладѣльцевъ-крестьянъ; крестьянъ, не получившихъ никакого клочка земли, оказалось $12^1/_2\%$, — это уже настоящіе пролетаріи, но и надѣлъ крестьянъ, получившихъ извѣстный участокъ земли въ свое пользованіе, такъ малъ и недостаточенъ, что совершенно не можетъ прокормить крестьянской семьи. Главнымъ недостаткомъ закона 1864 г. и считается недостаточность крестьянскаго надѣла. Не только доходъ съ пахотной земли крестьянина недостаточенъ для прокормленія его семьи, но и его

пастбище и лугъ не могутъ прокормить его скота. Не говоря уже о томъ, что земельный участокъ крестьянина чрезвычайно малъ, ему была отведена, сравнительно съ помѣщичьею, самая худшая земля; кромѣ того, крестьянская земля истощается быстрѣе помѣщичьей отъ постояннаго воздѣлыванія на ней одной кукурузы. Съ унавоживаніемъ земли румынскій крестьянинъ совершенно не знакомъ, и вообще онъ ведетъ свое хозяйство самымъ примитивнымъ образомъ. Поэтому урожай крестьянскихъ земель несравненно меньше помѣщичьяго урожая. Хотя здѣшній крестьянинъ питается, кромѣ овощей, только кукурузой и брынзой (овечьимъ сыромъ), одѣвается болѣе, чѣмъ скромно, и живетъ въ жалкихъ жилищахъ, но высчитано, что даже на кукурузу въ годъ ему нужно имѣть 90 франковъ, на одежду—40 фр., на дрова—10 фр., слѣдовательно, на удовлетвореніе необходимыхъ потребностей онъ долженъ имѣть 140 фр., между тѣмъ если продать все, что растетъ на его небольшомъ земельномъ участкѣ, онъ выручитъ не больше 160—180 франк. Къ тому же вышеприведенный разсчетъ былъ сдѣланъ на одного человѣка, между тѣмъ какъ маленькимъ участкомъ приходится кормиться всей семьѣ крестьянина, состоящей въ среднемъ изъ 4 душъ. Къ этому нужно еще прибавить многочисленные налоги, которые взыскиваются со всею строгостью законовъ; приходится нѣсколько франковъ въ годъ расходовать и на починку орудій, и на поддержку скотоводства, и на разныя требы, и на церковь, и, наконецъ, на спиртные напитки. Потребленіе спиртныхъ напитковъ становится для него необходимостью, какъ добавленіе къ скудной пищѣ. Прежде еще крестьянинъ былъ обязанъ выплачивать государству за землю, полученную имъ отъ помѣщика. Вотъ и выходитъ, что расходъ болѣе, чѣмъ вдвое превышаетъ доходъ; онъ мало уменьшается и отъ небольшихъ получекъ, которыя крестьянинъ выручаетъ кустарнымъ промысломъ, развитымъ здѣсь очень слабо и далеко не во всѣхъ мѣстностяхъ страны. Откуда же взять крестьянину деньги, когда у него требуютъ подати? Въ такихъ случаяхъ, разумѣется, прибѣгаютъ къ займамъ, но задолженность здѣшнихъ крестьянъ такъ велика, а все имущество его такъ ничтожно, что рѣдко кому изъ нихъ теперь удается что нибудь получить въ долгъ. Положеніе крестьянъ едва ли улучшилось въ этомъ отношеніи, когда въ странѣ были открыты земледѣльческіе банки, такъ какъ заемъ въ нихъ сопряженъ съ разными неудобствами, да и проценты за заемъ очень высоки.

При такомъ отчаянномъ положеніи, какъ крестьянъ, совсѣмъ не надѣленныхъ землею, такъ и тѣхъ, кто былъ ею надѣленъ, ничего не остается, какъ идти въ батраки къ помѣщику. Семья мелкаго землевладѣльца сама, собственными силами, обрабатываетъ свой крошечный надѣлъ, а ея глава или нанимается у помѣщика въ батраки, или обрабатываетъ у него землю, получая плату за трудъ маисомъ, или, наконецъ, арендуетъ у него землю. Рабочая плата здѣсь очень низка, а именно отъ 15 до 25 к. въ день, но и поденную работу, особенно зимой, можетъ получить далеко не каждый желающій. Не лучше положеніе крестьянина-арендатора: крестьяне Молдавіи, а тѣмъ болѣе Валахіи арендуютъ землю у крупныхъ землевладѣльцевъ и у крупныхъ арендаторовъ на чрезвычайно тяжелыхъ условіяхъ. Условія этой аренды очень различны; крестьянинъ предпочитаетъ отдавать 50% своего урожая, чѣмъ подвергаться множеству другихъ обязанностей, налагаемыхъ въ этой странѣ на мелкаго арендатора.

Такимъ образомъ экономическое положеніе крестьянъ не улучшилось и послѣ 1864 г., когда очень многіе изъ нихъ были надѣлены землею. Это произошло отъ того, что крестьяне получили слишкомъ мало земли, при этомъ нарѣзка надѣловъ производилась очень недобросовѣстно: крестьяне получали не только плохую землю,

но часто и не все указанное закономъ количество. Никакого значенія не имѣетъ для крестьянъ и то, что они теперь имѣютъ право пріобрѣтать землю; ихъ матеріальное положеніе такое отчаянное, что объ увеличеніи собственности не можетъ быть и рѣчи; вся цѣль жизни направлена на то, чтобы хотя нищенски поддержать существованіе семьи.

Изголодавшійся крестьянинъ, обезумѣвшій отъ труда, лишеній и страшныхъ долговъ, только и думаетъ о томъ, какъ бы ему спастись бѣгствомъ съ родины. Эмиграція съ каждымъ годомъ принимаетъ все бо̀льшіе размѣры. Число эмигрирующихъ такъ велико, что вызвало сильную тревогу въ правительственныхъ сферахъ, и мѣстныя власти получили секретное предписаніе задерживать эмигрантовъ. Мало того, испуганное правительство послало одного извѣстнаго румынскаго прокурора изслѣдовать причину этого явленія. Тотъ имѣлъ смѣлость громогласно заявлять повсюду, что причина эмиграціи—отчаянное, нищенское положеніе народа. За это его немедленно вызвали въ Бухарестъ и потребовали, чтобы онъ печатно отрекся отъ своего заявленія. Онъ отказался это исполнить и былъ немедленно смѣщенъ съ должности. Съ той же цѣлью послали другого, который поступилъ точно такъ же, какъ первый, и подвергся той же участи.

За неплатежъ налоговъ и долговъ обыкновенно слѣдуетъ опись имущества крестьянина и продажа его съ публичнаго торга. Очень часто у огромнаго числа крестьянъ имущество оказывается столь жалкимъ и ничтожнымъ, что уже состоявшіяся постановленія о продажѣ приходится отмѣнять. Вмѣстѣ съ этимъ, отъ времени до времени, происходятъ крестьянскіе бунты. Изъ одного перечня мѣстностей, въ которыхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ произошли безпорядки видно, что движеніе повсюду имѣло одинъ и тотъ же характеръ: начиналось оно изгнаніемъ мѣстныхъ властей, затѣмъ крестьяне производили нападеніе на усадьбы помѣщиковъ, грабили амбары кукурузы и т. п. Бѣжавшіе въ столицу помѣщики распространяли самые тревожные слухи и произвели даже крупный скандалъ въ палатѣ депутатовъ, когда одинъ изъ ея членовъ сталъ доказывать, что причиною аграрнаго бунта является невыносимо бѣдственное положеніе сельскаго люда, доведеннаго до отчаянія непомѣрными налогами и эксплоатаціею со стороны землевладѣльцевъ и крупныхъ арендаторовъ. Правительство выслало войска противъ возмутившихся крестьянъ; но въ одномъ городѣ имъ едва удалось отбить нападеніе возставшихъ, которые прекрасно вооружились, захвативъ оружіе въ цейхгаузахъ.

Нѣсколько лучше положеніе крестьянъ въ горной части Румыніи: они выглядятъ здѣсь гораздо лучше жителей долинъ, зажиточнѣе ихъ, энергичнѣе, оживленнѣе и болѣе способны къ сопротивленію по отношенію къ мѣстнымъ заболѣваніямъ.

Румынія страна почти исключительно земледѣльческая. Земледѣліе и скотоводство—главныя средства пропитанія, и это вполнѣ обусловливается природою страны: превосходное положеніе полей и луговъ, изобиліе источниковъ, плодородная земля, не требующая удобренія,—щедро вознаграждаютъ за сравнительно небольшой трудъ. Около $^2/_3$ населенія занимается земледѣліемъ; румынскія деревни исключительно населены земледѣльцами; занятія ремеслами здѣсь совершенно не развиты, и ремесленники изъ румынъ встрѣчаются очень рѣдко. Крестьяне сами строятъ свои дома, даже сами приготовляютъ земледѣльческія орудія, только металлическую часть изготовляютъ кузнецы изъ цыганъ. Несмотря на бѣдность, крестьянинъ сильно привязанъ къ своей землѣ и съ трудомъ соглашается, чтобы его сынъ вышелъ изъ земледѣльческаго сословія. Что касается крупныхъ землевладѣльцевъ, то громадное ихъ большинство отдаетъ свои земли въ аренду, но не прямо крестьянамъ, а фермерамъ,

которые, заарендовавъ большой участокъ, въ свою очередь раздаютъ землю крестьянамъ уже небольшими клочками.

Румыны не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о правильномъ земледѣліи и хозяйствѣ. Какъ обрабатывали землю предки за 200 лѣтъ, такъ румыны обрабатываютъ ее и теперь. Еще и теперь ее прорѣзываетъ тяжелый, неуклюжій, кое-какъ сколоченный плугъ, который тащатъ 8, а иногда 12 воловъ. Несмотря на тяжесть плуга, борозды совсѣмъ не глубоки, да и ихъ-то проводятъ на большомъ разстояніи другъ отъ друга. Въ плохо обработанное поле бросаютъ сѣмена, не очистивъ ихъ, какъ слѣдуетъ. Борозда съ неразбитою землею только легкимъ слоемъ пыли покрываетъ засѣянное зерно. Малѣйшій вѣтеръ сдуваетъ пыль, обнажаетъ зародышъ, и такимъ образомъ онъ растетъ, не защищенный ни отъ зимняго холода, ни отъ лѣтняго зноя. Вымолачиваніе хлѣба, какъ и во многихъ мѣстахъ Балканскаго полуострова, происходитъ посредствомъ лошадей (см. статью о Сербіи). Вмѣсто амбаровъ и хорошо устроенныхъ кладовыхъ, запасный хлѣбъ держатъ въ ямахъ. Но земля въ Румыніи такъ плодородна, что, несмотря на дурную обработку, безъ удобренія производитъ огромное количество зерноваго хлѣба, и вывозъ его значительно увеличился за послѣдніе годы.

Воздѣлываніе винограда, которымъ еще такъ недавно здѣсь совсѣмъ пренебрегали, точно также увеличивается съ каждымъ годомъ. Теперь виноградники разсѣяны по всей странѣ, но самые лучшіе изъ нихъ въ области холмовъ, составляющихъ предгорія Карпатъ. Однако, несмотря на все это, необработанныя земли въ Румыніи занимаютъ еще половину всей страны.

Плохо ведутъ румыны и свое скотоводство. Часто можно видѣть тучныя стада рогатаго скота по брюхо въ сочной, высокой травѣ, гдѣ-нибудь въ огромной степи. При видѣ чужого человѣка они поднимаютъ свои головы съ громадными рогами и бросаются въ бѣгство или нападаютъ на пришельца. Коровъ здѣсь мало доятъ, такъ какъ молочное хозяйство не развито, а для своего употребленія нужно немного. Впрочемъ, при дурномъ хозяйствѣ румынъ, имъ иначе и нельзя поступать. У нихъ не существуетъ даже для скота никакихъ хлѣвовъ, слѣдовательно въ морозные, зимніе дни онъ стоитъ подъ открытымъ небомъ; только солому бросаютъ ему въ ноги. Много его падаетъ у нихъ зимой, но при такихъ условіяхъ въ другой странѣ скотъ и совсѣмъ бы не выдержалъ. Здѣшній рогатый скотъ отличается особенной крѣпостью и выносливостью, потому что телятъ не отнимаютъ отъ матери, и они по году и по два питаются ея молокомъ. Эту пищу они разнообразятъ густой, сочной травой, которой всюду вдоволь. Если здѣсь не распространено молочное хозяйство, зато продажа быковъ и вывозъ ихъ изъ княжества очень значительный.

Разведеніе и уходъ за лошадьми, какъ и другія отрасли скотоводства, не представляетъ для румына особенныхъ хлопотъ. И лѣтомъ, и зимою лошади гуляютъ здѣсь на свободѣ безъ всякаго присмотра. Даже отъ хищныхъ звѣрей онѣ сами защищаются. Когда къ нимъ приближается волкъ, онѣ тотчасъ становятся всѣ въ кругъ, головами внутрь; всѣ жеребята вбѣгаютъ въ этотъ кругъ, и, когда волкъ къ нимъ подходитъ, лошади лягаютъ его задними ногами. Жеребятъ никогда не разлучаютъ съ матерью, такъ что лошадь можно иногда встрѣтить съ двумя, тремя дѣтьми, и всѣ они сосутъ матку, хотя старшій выглядитъ уже молоденькой лошадкой.

Овцеводство больше всего распространено,—какъ въ Молдавіи, такъ и въ Валахіи. Овцы тоже проводятъ здѣсь зиму и лѣто на открытомъ воздухѣ, но ими все-таки болѣе занимаются, чѣмъ другими животными. Къ концу апрѣля ихъ гонятъ въ горы, а при большой жарѣ съ ними доходятъ до самыхъ высокихъ вершинъ. Изъ овечьяго

молока приготовляютъ сыръ, но онъ идетъ на домашнее употребленіе; зато шерсть вывозятъ въ большомъ количествѣ за границу.

Только буйволъ требуетъ отъ румына болѣе ухода. Онъ считается здѣсь домашнимъ животнымъ, и каждая семья старается его пріобрѣсти, такъ какъ съ помощью его можно произвести множество работъ. Но съ нимъ нужно обходиться крайне бережно: въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ его приходится купать по крайней мѣрѣ хотя разъ въ день, такъ какъ онъ съ большимъ трудомъ переноситъ жаръ. Буйволъ болѣе всего водится въ Валахіи, а въ Молдавіи онъ встрѣчается уже гораздо рѣже.

Шелковичный червь также водится въ Румыніи, но его разведеніемъ занимаются женщины только въ часы, свободные отъ работъ. Тутовое дерево попадается по всей странѣ до самыхъ горъ, но шелководствомъ занимаются только въ количествѣ, необходимомъ для потребностей каждой семьи. Этотъ промыселъ легко могъ бы достигнуть здѣсь несравненно болѣе широкаго развитія, что, вѣроятно, и случится въ самомъ непродолжительномъ времени.

Рыболовство составляетъ здѣсь гораздо болѣе важную отрасль промышленности. Извѣстно, что Дунай образуетъ на румынскомъ берегу множество озеръ и вымоинъ, которыя, переплетаясь между собой, представляютъ сѣть водныхъ протоковъ, окружающихъ множество острововъ и полузатопленныхъ отмелей. Вокругъ такихъ мѣстностей разбросано не мало деревень, жители которыхъ занимаются рыболовствомъ. Большую рыбу ловятъ баграми, а мелкую неводомъ. Занятіе это бываетъ иногда довольно прибыльно, такъ какъ рыба попадается въ огромномъ количествѣ, а икра ея составляетъ важный предметъ торговли. Выпотрошивъ рыбу, ее солятъ, коптятъ, и она продается во многихъ русскихъ городахъ; да и на родинѣ соленая рыба употребляется въ большомъ количествѣ.

Когда продажа домашнихъ сбереженій не даетъ возможности румыну уплатить подати, онъ нанимается для добыванія петролеума, который встрѣчается здѣсь въ изобиліи. Вотъ какъ его здѣсь добываютъ: рабочіе собираются группами по семи человѣкъ, подъ предводительствомъ выбраннаго ими главы. Прежде всего выкапываютъ родъ колодца, затѣмъ одинъ изъ работниковъ спускается въ него и начинаетъ буравить землю; у входа въ колодезь стоятъ двое его товарищей, которые по данному сигналу должны немедленно поднять его оттуда посредствомъ ворота. Работа эта въ высшей степени опасна и тяжела, и на значительной глубинѣ рабочій рѣдко можетъ пробыть болѣе четверти часа по причинѣ удушливыхъ газовъ. Выйдя послѣ этого на свѣжій воздухъ, онъ чувствуетъ страшное головокруженіе и шатается, какъ пьяный. Слѣдующіе рабочіе по очереди занимаютъ его мѣсто, пока не окончатъ работу. Работники одѣты въ длинныя рубашки, а на головѣ у нихъ шляпа изъ жести съ большими полями для защиты отъ петроулема и воды, часто обливающихъ ихъ съ ногъ до головы. Иногда во время работы вода прибываетъ въ такомъ количествѣ, что поневолѣ приходится бросить колодезь, и тогда весь трудъ пропадаетъ даромъ. Въ Бухарестѣ, Галлатѣ и Плоешти, не говоря уже о другихъ мѣстностяхъ, существуютъ заводы для выдѣлки петролеума. Общепринятый здѣсь способъ обработки не можетъ считаться особенно удачнымъ.

Въ Румыніи живутъ самые разнообразные народы: румыны, нѣмцы, французы, армяне, венгры, сербы, болгары, греки, итальянцы, турки, но больше всего цыганъ и евреевъ. Всѣхъ жителей въ Румыніи около $5^1/_2$ милліоновъ; изъ нихъ румынъ $4^1/_2$ милліона (но во всемъ свѣтѣ ихъ болѣе 9 милліоновъ).

Евреи, которыхъ въ странѣ болѣе 300,000, занимаются ремеслами и торговлею. Они здѣсь вовсе не отличаются такою грязью и нечистоплотностью, какъ у

насъ: стѣны ихъ жилищъ, точно такъ-же, какъ и у румынъ, выбѣлены, полы подмыты, посуда въ большой опрятности. Но какъ у насъ, такъ и тамъ характеръ этого народа одинъ и тотъ же: они содержатъ кабаки, даютъ деньги подъ большіе проценты, и при этомъ каждый изъ нихъ за самое ничтожное вознагражденіе всегда готовъ принять на себя всякую унизительную обязанность: за нѣсколько копѣекъ еврей предоставитъ въ ваше пользованіе всѣ свои знанія, умъ, соображеніе, всѣ свои добродѣтели и пороки, свое молчаніе и краснорѣчіе, однимъ словомъ—всего себя.

Цыгане въ княжествахъ приняли наружно христіанскую вѣру, есть и идолопоклонники, но больше всего между ними совершенно равнодушныхъ къ религіи, т.-е. такихъ, которые ни во что не вѣрятъ, ничему не поклоняются. Крестятся они почти всѣ, но таинство крещенія считаютъ средствомъ получить подарокъ и поэтому часто даже крестятся по нѣскольку разъ, всегда выбирая крестныхъ родителей побогаче. Цыганъ въ Румыніи почти столько же сколько евреевъ. Какъ прежде, такъ и теперь ихъ занятія большею частью остались тѣ же; они столярничаютъ, слесарничаютъ, но больше всего занимаются коновальствомъ, служатъ лакеями у бояръ, промышляютъ музыкою, ворожбою, пляскою. Громадное большинство ведетъ жизнь кочевую и бродитъ по полямъ, занимаясь воровствомъ и хищничествомъ. Едва прикрытые, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, подвергаясь холоду и зною, вѣтру и дождю, они живутъ подъ открытымъ небомъ среди полей и луговъ въ легкихъ палаткахъ. Но какъ бы ни жилъ, чѣмъ бы ни занимался этотъ необыкновенно красивый народъ съ черными, будто пережженными кудрями, съ черными огненными глазами,—въ душѣ онъ всегда поэтъ и артистъ. Какъ людямъ первобытнымъ, имъ свойственны и пороки людей первобытныхъ: украсть у своего—преступленіе; украсть не у цыгана—подвигъ. Но незабитые съ дѣтства, вѣчно въ общеніи съ природой, цыгане, если только имъ встрѣтится случай себя образовать, нерѣдко высказываютъ въ своихъ сужденіяхъ свѣтлый взглядъ на вещи. Знатные и богатые румыны иногда женятся на красавицахъ цыганкахъ. Несмотря на свою привычку къ воровству, цыгане, которые нанимаются у бояръ и богатыхъ людей въ лакеи и управители, отличаются необыкновенною честностью и привязанностью къ добрымъ хозяевамъ. Цыганки берутъ мѣста нянекъ и гувернантокъ, и нерѣдко дѣвушка цыганка гораздо болѣе образована и развита, чѣмъ знатная румынка.

Цыгане вообще отличаются необыкновенной музыкальностью, но въ Румыніи, кажется, живутъ самые даровитые изъ нихъ. Музыка вполнѣ отражаетъ ихъ душевное настроеніе: живая, полная чувства, она служитъ отголоскомъ ихъ тяжелой, страннической жизни. Цыгане не знаютъ нотъ, но инстинктивно угадываютъ гармонію. Нигдѣ настоящій артистъ не будетъ такъ оцѣненъ, какъ у здѣшнихъ цыганъ: они считаютъ его за какое-то высшее существо; каждый изъ нихъ будетъ безпрестанно подходить къ нему и, низко кланяясь, цѣловать ему руку. Въ румынскихъ городахъ эти музыканты собираются цѣлыми обществами, играютъ въ публичныхъ садахъ и на балахъ и извѣстны подъ названіемъ *лаутари*.

Лаутари, имя которыхъ происходитъ отъ «лаута», струннаго инструмента, похожаго на нашу гитару,—истинные представители румынской музыки. Нѣкоторые изъ ихъ напѣвовъ и сочиненій имѣютъ въ высшей степени странный характеръ и напоминаютъ, быть можетъ, древнія пѣсни, раздававшіяся на берегахъ Ганга, откуда происходятъ цыгане. Лаутари не знаютъ писаныхъ нотъ: весь ихъ репертуаръ—въ памяти. Пѣть и играть они начинаютъ съ самаго ранняго дѣтства. Въ 4 года цыганскій мальчикъ беретъ уже въ руки флейту, потомъ лауту и, наконецъ, скрипку. Отецъ не смотритъ на страсть сына къ инструменту, какъ на дѣтскую забаву,—напротивъ, онъ

серьезно руководитъ первыми упражненіями ребенка. Конечно, онъ учитъ по слуху, но съ необыкновеннымъ тактомъ умѣетъ заставить сына вслушаться въ только-что сыгранный мотивъ; при природныхъ дарованіяхъ ребенка это быстро развиваетъ музыкальную память, способность къ импровизаціи и умѣнье схватывать налету все слышанное.

Оркестръ лаутари всегда состоитъ изъ маленькой флейты, двухъ скрипокъ и 4-хъ лаутъ. Во всѣхъ большихъ румынскихъ городахъ находится одно или нѣсколько семействъ лаутари, которыя даютъ концерты въ кофейняхъ и играютъ па балахъ. Больше всего ихъ находится въ Бухарестѣ, гдѣ ихъ насчитываютъ до 500 человѣкъ. Они дѣлаютъ большія путешествія, переходятъ Дунай и Карпаты, но никогда не смѣшиваются ни съ румынами, ни съ какимъ другимъ племенемъ. Они никогда не унижаются такъ, какъ ихъ остальные собратья, развѣ только воздаютъ поклоненіе и особенное уваженіе лучшему артисту изъ своей среды,—передъ всѣми остальными они держатъ себя гордо и независимо. Ихъ прекрасныя и выразительныя лица бываютъ особенно хороши, когда они играютъ, и глаза ихъ блестятъ вдохновеніемъ.

УВЕСЕЛЕНІЯ РУМЫНЪ.

Ярмарка и ея оживленіе.—Калюзари.—Народные танцы.—Свадьба.

Ярмарка—самое оживленное время для румынъ. Она начинается обыкновенно 9-го мая и продолжается цѣлую недѣлю. На нее съѣзжается изъ окрестностей множество народу. Болѣе всего торгуютъ па этой ярмаркѣ горцы изъ Карпатъ: они продаютъ горшки и другую глиняную посуду, корзины, бездѣлушки изъ окрашеннаго стекла и груды браслетъ, каждый дешевле гроша. Между грубыми произведеніями горцевъ-румынъ вы часто встрѣчаете сосуды и вазы, сходные съ этрусскими. На этой ярмаркѣ жители запасаются дешево всѣмъ необходимымъ для хозяйства, а все остальное скупаютъ мелочные торговцы и потомъ въ продолженіе года продаютъ въ 10 разъ дороже. На ярмарочное движеніе собирается смотрѣть и высшее общество. «Вереницы каретъ, колясокъ, ландо и бричекъ тянутся во всѣ ярмарочные дни между густыми толпами народа. Музыка гремитъ въ десяти, въ двадцати мѣстахъ разомъ и все разное; бухаютъ турецкіе барабаны, звякаютъ металлическія тарелки, визжатъ цыганскія скрипки и дудки, тромбоны рѣжутъ ухо своимъ усерднымъ, но не всегда стройнымъ аккопанементомъ,—все это, вмѣстѣ съ шумомъ игрушечныхъ трещетокъ, свистомъ глиняныхъ уточекъ, звономъ бубенчиковъ и колокольчиковъ, пѣснями и возгласами народной массы, представляетъ хаосъ невозможныхъ музыкальныхъ диссонансовъ. Тамъ и здѣсь расхаживаютъ женщины въ народныхъ нарядахъ, шеи которыхъ украшены ожерельями изъ монетъ; у дѣвушекъ живые цвѣты на головѣ, у замужнихъ голова покрыта тонкимъ, широко ниспадающимъ вуалемъ. И надъ всею этою вереницею экипажей, всадниковъ и пѣшеходовъ, священническими камилавками греческой формы, надъ всѣмъ этимъ пестрымъ и веселящимся людомъ, летаютъ въ воздухѣ бумажные змѣи, воздушные шары, и вмѣстѣ съ гамомъ голосовъ стоитъ гулъ отъ множества самыхъ разнообразныхъ возгласовъ продавцевъ сладостей, воды, прохладительныхъ напитковъ, табаку, игрушекъ, и отъ множества не менѣе разнообразныхъ высвистовъ, щелканья, звяканья, трескотни. Длиннымъ рядомъ вытянулись палатки и балаганы съ товарами, лотереями, народными ресторацiями и разными представленіями заѣзжихъ фокусниковъ, жонглеровъ, буффоновъ, маговъ и чревовѣщателей; карусели кружатся, здѣсь и тамъ скрипятъ качели; множество крестьян-

скихъ возовъ съ сельскими товарами протянулись длинными рядами; множество пестрыхъ флаговъ на высокихъ шестахъ развѣвается въ воздухѣ. Словомъ, все это ярко, шумно, пестро и производитъ веселое, самое пріятное впечатлѣніе».

По обычаю страны король долженъ самъ открыть ярмарку; если онъ въ отсутствіи, то во что бы то ни стало старается возвратиться къ этому дню, въ противномъ случаѣ ее открываетъ первый сановникъ. Для этого посреди площади раскидываютъ большой красный шатеръ, который убираютъ цвѣтами, зеленью тропическихъ растеній и національными румынскими флагами. Тутъ вечеромъ сидятъ король, чиновники и представители всѣхъ классовъ общества. Шампанское льется рѣкой, безпрестанно слышны французскіе утонченные разговоры, разносятъ дорогія угощенія. Въ нѣсколькихъ шагахъ, подъ звуки военнаго оркестра, высшее общество танцуетъ кадрили и польки, но нерѣдко увлекается и народными танцами. Тутъ придворныя дамы и сановницы подъ звуки оркестра танцуютъ «роману», а тамъ простыя румынки подъ аккомпанементъ цыганскихъ скрипокъ отплясываютъ «жокъ».

Но самая громадная, пестрая толпа народа — на другомъ концѣ площади: всѣ съ необыкновеннымъ вниманіемъ слѣдятъ за пляскою чрезвычайно оригинальныхъ плясуновъ — «калюзари». День 9-го мая, въ который обыкновенно и начинается бухарестская ярмарка, соединяется съ однимъ народнымъ празднествомъ, начало котораго теряется еще во мракѣ временъ языческихъ. Румыны сами считаютъ себя и желаютъ, чтобы всѣ на нихъ смотрѣли не иначе, какъ на прямыхъ потомковъ древнихъ римлянъ, и увѣряютъ, что это празднество, о которомъ мы сейчасъ будемъ говорить, устроено въ воспоминаніе похищенія сабинянокъ. Пляски «калюзари» и напоминаютъ объ этомъ похищеніи, хотя собственно въ нихъ болѣе всего сказывается восточный, дервишскій характеръ.

На танцы въ Бухарестъ въ этотъ день является 12 человѣкъ калюзари, вооруженныхъ длинною палкою и деревяннымъ щитомъ; на нихъ нарядныя, бѣлыя рубашки по колѣно, съ пунцовыми шарфами черезъ плечо, а на ногахъ особыя шпоры съ погремушками. «Каждый изъ танцоровъ держитъ обѣими руками надъ головой довольно толстую палку. Тѣлодвиженія танца, производимыя почти на мѣстѣ руками, ногами и всѣмъ корпусомъ, подъ оживленный, быстрый темпъ, сопровождаются при каждомъ тактѣ возгласомъ «гайда», который выкрикиваютъ всѣ танцоры сразу. Двѣ цыганскія скрипки аккомпанировали танцу, но ихъ почти не было слышно за шумомъ этихъ энергическихъ «гайда» и шпоръ-погремушекъ. Потомъ кругъ разомкнулся, и танцоры, полуприсѣвъ на корточки, съ сильно откинутымъ назадъ корпусомъ и опираясь на свои палицы, продолжали на мѣстѣ ногами и тѣломъ тѣ же энергически-быстрыя, порывистыя движенія, а четверо изъ нихъ выступили впередъ, стали по два въ рядъ лицомъ другъ къ другу и положили свои палки на плечи одинъ къ другому, въ видѣ перекладины. На эту перекладину вскочилъ пятый танцоръ и ловко эквилибрируетъ на ней, выплясывая тотъ же танецъ». Когда потъ катится съ нихъ градомъ, бѣшенство нѣсколько стихаетъ, и они выстраиваются въ рядъ; тогда къ нимъ подходитъ человѣкъ въ маскѣ, ихъ предводитель, и дѣлаетъ имъ какой-то знакъ; они, въ ту же минуту, бросаются на молодую дѣвушку, которая, заинтересованная танцами, болѣе всѣхъ выдвинулась изъ толпы. Калюзари ее насильно вводятъ въ кругъ. Эта какъ бы похищенная дѣвушка должна съ ними танцовать.

Калюзари со своимъ вождемъ, одѣтымъ въ маску, каждый годъ въ этотъ день спускаются съ Карпатъ и такимъ образомъ пляшутъ и похищаютъ для танца молодую особу. Не всякій можетъ стать калюзари: эти люди живутъ совершенно замкнутою жизнью, подчиняются извѣстнымъ правиламъ и принимаютъ въ свое обще-

ство только того, кто выдержитъ долгое, тяжелое испытаніе. Главнымъ ихъ правиломъ обыкновенно бываетъ обѣтъ сорокадневнаго молчанія и поста. Они искренно убѣждены, что того, кто нарушитъ этотъ священный обѣтъ, фея лѣсовъ накажетъ смертью.

Когда калюзари покончили свои пляски, вся толпа разсыпается на множество группъ, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, и каждая, подозвавъ къ себѣ музыку, которая обыкновенно состоитъ изъ волынки и скрипки, начинаетъ разныя пляски. Въ одномъ кружкѣ народъ пляшетъ свой любимый національный танецъ «хоро», въ родѣ нашего хоровода. У нихъ есть и воинственный танецъ, во время котораго поютъ пѣсню о низверженіи ига, а въ заключеніе танцоры составляютъ открытую цѣпь, какъ бы вызывая врага на бой. Есть танцы и съ комическимъ оттѣнкомъ, напр. «утиный танецъ», въ которомъ комично подражаютъ движеніямъ утокъ. Но шумнѣе всего тамъ, гдѣ пляшутъ «альнаентэ» (впередъ). Это до такой степени веселый и шумный танецъ, что при немъ обыкновенно присутствуетъ даже мѣстная стража со своими палками. Начинаютъ съ того, что молодцы спорятъ изъ-за чести танцовать первыми. Кто добьется этой чести, тотъ старается заплатить оркестру какъ можно щедрѣе. На юношу, который всѣхъ переспоритъ, пропляшетъ съ дѣвушкой первый, щедро заплатитъ музыкантамъ, всѣ дѣвушки смотрятъ съ восторгомъ и уваженіемъ. Вотъ почему и юноши такъ добиваются чести проплясать первому. Когда одинъ добился этого преимущества, то каждый танцоръ беретъ по одной дѣвушкѣ съ обѣихъ сторонъ и, уставившись такимъ образомъ, колоной другъ за другомъ, медленно подскакивая и постукивая тяжелыми сапогами, танцоры подвигаются впередъ. Но вотъ музыканты заиграли живѣе, и танецъ дѣлается оживленнѣе; молодецъ подымаетъ руку и заставляетъ дѣвушку подъ нею вертѣться. Когда кончается танецъ, дѣвушки стыдливо стараются скрыться въ толпу, но эта стыдливость—одна форма, такъ какъ молоденькія румынки отличаются бойкостью и непринужденностью.

А тамъ, на другомъ концѣ площади, далеко въ сторонѣ отъ пляшущей молодежи, собрался небольшой кружокъ и, подъ аккомпанементъ флейты, ясно можно различить меланхолическія слова пѣсни: «Моя прекрасная, моя дорогая! Отвори двери, холодный вѣтеръ растравляетъ мои раны; сердце разрывается на части!»

Когда парню нравится дѣвушка, онъ посылаетъ сватовъ къ ея родителямъ и, получивъ согласіе, черезъ нѣсколько дней отправляется къ нимъ самъ съ своими родителями и сватами. При этомъ впереди идетъ музыкантъ съ флейтой и ораторъ, спеціальность котораго какъ можно краснорѣчивѣе ораторствовать при выполненіи свадебныхъ обрядовъ. Когда онъ переступаетъ порогъ дома невѣсты, то начинаетъ рѣчь въ такомъ родѣ: «Наши дѣды и прадѣды, отправляясь на охоту, открыли однажды нашу прекрасную страну, текущую медомъ и млекомъ. Слѣдуя ихъ примѣру, охотился и нашъ молодецъ (называетъ имя жениха) по полямъ, лѣсамъ и горамъ и встрѣтилъ робкую серну, которая вдругъ испугалась его и спряталась. Мы выслѣдили ее до этого дома, — робкая серна у васъ, въ вашемъ домѣ. Вы должны отдать намъ ее или показать, гдѣ она спряталась». Родители божатся и клянутся, что въ этотъ домъ не заходила ни одна серна, но такъ какъ ораторъ настаиваетъ на своемъ, то мать невѣсты выводитъ къ нему сначала бабушку, потомъ какую-нибудь другую старуху въ лохмотьяхъ и при этомъ каждый разъ спрашиваетъ: «не эту ли вы отыскиваете?» Но такъ какъ она каждый разъ получаетъ отрицательный отвѣтъ, то проситъ, наконецъ, описать наружность серны, которую они отыскиваютъ. Тутъ ораторъ пускаетъ въ ходъ все свое краснорѣчіе.—«Знайте, что это—красавица-дѣвица, легкая, прелестная, какъ серна!» восклицаетъ онъ. «У

нея глаза блестятъ, какъ алмазы, зубы точно жемчугъ, а губы такія же алыя, какъ черешня, ростъ львицы, бѣлая шея, какъ у лебедя, пальцы нѣжны, какъ воскъ, отъ лица блескъ идетъ, какъ отъ настоящаго солнца», и чѣмъ дальше, — ораторъ все пуще сыплетъ сравненіями и аллегоріями. Наконецъ, родители уступаютъ его просьбамъ и выводятъ свою дочь, разодѣтую въ лучшее платье. «Вотъ серна, вотъ она!» раздается единодушный возгласъ. Къ этому времени входитъ и священникъ, который и совершаетъ обрученіе, состоящее въ обмѣнѣ колецъ.

Въ день, назначенный для брака, рано утромъ всадники ѣдутъ впереди жениха, чтобы извѣстить родственниковъ невѣсты о его приближеніи. Когда женихъ проѣзжаетъ черезъ деревню, въ которой живетъ его невѣста, поѣзжане стрѣляютъ изъ ружей. При этомъ всѣ бросаются изъ своихъ домовъ на улицу, тоже стрѣляютъ и выкрикиваютъ разныя привѣтствія. Женихъ со своей свитой подъѣзжаетъ къ дому невѣсты, но остается во дворѣ, пока сваха не приведетъ къ нему невѣсты подъ покрываломъ. Тогда женихъ и невѣста, въ сопровожденіи огромной свиты, входятъ въ домъ, становятся на колѣни передъ священникомъ и повторяютъ за нимъ свадебныя молитвы. Послѣ этого невѣста, заливаясь слезами, прощается со своими родителями, садится въ повозку, запряженную шестью лошадьми, и ѣдетъ въ церковь по дорогѣ, усыпанной цвѣтами и зелеными вѣтками. На ея головѣ надѣтъ длинный золотой вуаль, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ одѣваютъ длинные золотые волосы.

Въ церкви женихъ и невѣста стоятъ на коврѣ, осыпанномъ монетами, въ знакъ презрѣнія къ деньгамъ и того, что они не считаютъ ихъ основой семейнаго счастья. Деньги эти послѣ бракосочетанія отдаютъ священнику и пѣвчимъ. Въ ту минуту, когда священникъ мѣняетъ вѣнцы, родные жениха и невѣсты бросаютъ въ гостей обсахаренными орѣхами и миндалемъ въ знакъ того, что будущіе супруги отрекаются отъ удовольствій и лакомствъ дѣтскаго возраста. Позади брачной четы обыкновенно стоятъ двое почетныхъ пожилыхъ гостей со свадебными факелами.

Послѣ вѣнца, когда всѣ приглашенные возвратились домой, молодая становится на порогѣ и опрыскиваетъ розовой водой всѣхъ тѣхъ, которые подходятъ къ ней съ поздравленіями. Затѣмъ она начинаетъ бросать на всѣ стороны соль и пшеничныя зерна, потомъ сходитъ съ порога, въ знакъ покорности моетъ свекру ноги и садится на возвышенномъ мѣстѣ между своею матерью и свекровью, такъ какъ только съ ними она можетъ говорить во время пира. Священникъ сидитъ за столомъ на самомъ почетномъ мѣстѣ и долженъ благословлять всѣ кушанья, въ числѣ которыхъ непремѣнно появляется кислый супъ и капуста съ свинымъ саломъ.

На слѣдующій день послѣ обѣда въ домъ новобрачныхъ привозятъ приданое молодой, которое торжественно передаютъ отцу новобрачнаго. Эта передача приданаго дѣлается съ большимъ торжествомъ нерѣдко даже въ знатныхъ семействахъ. Цѣлая армія слугъ, подъ звуки трубъ и другихъ инструментовъ, вноситъ въ домъ молодыхъ сундуки и картонки, и отецъ молодой все это передаетъ, какъ и въ простыхъ семьяхъ, отцу молодого. Разумѣется, обычай этотъ все менѣе выполняется въ высшихъ кругахъ, все болѣе подражающихъ блестящему французскому обществу.

ГРЕЦІЯ.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ СТРАНОЮ.

Природа Греціи и ея климатъ. — Характерныя черты давно прошедшей жизни. — Завоеваніе Греціи турками. — Страданія грековъ подъ турецкимъ игомъ. — Тайныя общества. — Возстаніе грековъ и ихъ освобожденіе. — Регентство и управленіе Оттона I. — Экономическое и финансовое разстройство страны. — Разбойничество. — Современное состояніе Греціи и отчаянное положеніе ея финансовъ. — Армія. — Государственное устройство. — Выборы.

Греческое королевство примыкаетъ своею сѣверною границею къ Турціи, а съ другихъ сторонъ окружено водою. Эта страна очень гориста и наполнена высокими равнинами; сотни большихъ и малыхъ заливовъ и бухтъ врѣзываются въ материкъ, окруженный множествомъ прелестныхъ, плодородныхъ и обитаемыхъ острововъ. Замѣчательно, что эти острова большею частію не что иное, какъ продолженіе мысовъ близлежащаго материка; поэтому многіе изъ нихъ и находятся отъ него на самомъ незначительномъ разстояніи. Греческій полуостровъ особенно отличается развитіемъ своей береговой линіи, длина которой 560 м., между тѣмъ какъ длина береговой линіи сосѣдней Италіи только 350 м. Съ Греціей въ этомъ отношеніи можно сравнить только Великобританію, но послѣдняя совершенно оторвана отъ материка. Итакъ, Греція самый расчлененный полуостровъ не только всей Европы, но и всего земного шара. Сама природа назначила грекамъ сдѣлаться морскою націей, и если ихъ флотъ далеко не имѣетъ того значенія и силы, какъ флотъ англійскій, то причина этому какъ печальное прошлое страны, такъ и ея отчаянное современное экономическое положеніе. Тѣмъ не менѣе Греція обязана своему флоту освобожденіемъ отъ турецкаго владычества, точно такъ же, какъ во времена Ѳемистокла флотъ избавилъ эту страну отъ владычества персовъ.

Природа Греціи съ одной стороны весьма напоминаетъ горную природу Швейцаріи, а съ другой — Скандинавію, изрѣзанную фіордами, съ тою только разницею, что Греція находится подъ яснымъ, южнымъ небомъ. Развѣтвившіеся горные хребты образовали здѣсь цѣлый рядъ областей, изъ которыхъ каждая можетъ существовать совершенно отдѣльно. Житель равнины при нападеніи сильнаго врага обыкновенно покоряется своей судьбѣ, такъ какъ у него нѣтъ никакой защиты. Совсѣмъ не то бываетъ тамъ, гдѣ поля окружены горами съ высокимъ гребнемъ и узкими проходами. Тамъ иногда небольшое число жителей можетъ съ успѣхомъ защищаться противъ болѣе сильнаго непріятеля. Вотъ почему во всѣхъ странахъ, гдѣ сама природа позаботилась о защитѣ жителей, у нихъ развивается необыкновенная энергія, му-

жество, самостоятельность, умѣнье владѣть оружіемъ. При вражескомъ нашествіи народъ всегда можетъ найти себѣ убѣжище на вершинахъ горъ или въ недоступныхъ ущельяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Греція, замкнутая и удобная для самозащиты, несравненно болѣе открыта для сношеній, нежели всякая другая страна. Съ трехъ сторонъ ея проникаетъ море, которое развиваетъ въ жителяхъ отвагу и предпріимчивость. Всегда открытое для мореплаванія, море прежде всего, разумѣется, даетъ возможность развитію торговли, сближаетъ между собой народы, способствуетъ обмѣну мыслей, слѣдовательно даетъ много способовъ къ образованію, развитію и улучшенію матеріальнаго быта. Къ тому же море, съ трехъ сторонъ окружающее Грецію, хотя часто волнуется, но и стихаетъ скоро; при этомъ оно не представляетъ большихъ опасностей, такъ какъ здѣсь множество якорныхъ стоянокъ, въ которыхъ мореплаватель легко можетъ укрыться въ случаѣ бури. Въ этомъ ему всегда помогаетъ прозрачность здѣшняго воздуха, при которой днемъ легко распознавать мѣстность, а ночью, при безоблачномъ небѣ, при яркомъ блескѣ звѣздъ, мореплаватель можетъ спокойно и увѣренно продолжать свой путь. Правда, здѣсь довольно часто бываютъ вѣтры, но они рѣдко переходятъ въ ураганъ, да и время появленія ихъ болѣе или менѣе извѣстно.

Разнообразныя картины природы Греціи восхищаютъ взоръ, развиваютъ чувство изящнаго. Куда бы здѣсь ни отправился путешественникъ, онъ всюду видитъ передъ собой горы самыхъ причудливыхъ формъ и очертаній, или море съ поэтическими островами и оригинальные заливы и бухты извилистой береговой линіи. И все это, въ каждомъ уголкѣ этой поэтической страны, согрѣто яркими лучами солнца, разливающаго повсюду свой лучезарный блескъ. Греція не знаетъ тумановъ: ея удивительно сухой, чистый, прозрачный воздухъ съ утра до поздней ночи напоенъ дивными ароматами благоухающихъ цвѣтовъ и растеній.

Климатъ Греціи чрезвычайно мягкій, теплый и сухой. Особенно прелестно зимнее время, когда небо остается безоблачнымъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ дней, во время которыхъ свирѣпствуютъ пронзительные, сѣверные вѣтры. Морозы чрезвычайно рѣдки, и снѣжные вѣнцы на вершинахъ Гиметта и Парнаса представляютъ рѣзкій контрастъ съ ихъ вѣчно цвѣтущими склонами. Какъ прелестна Греція зимой и весной (кромѣ острововъ Іоническихъ, гдѣ выпадаетъ много дождя и климатъ суровѣе), такъ непріятна она лѣтомъ, когда солнце нестерпимо жжетъ глаза, знойные дни и знойныя ночи слѣдуютъ другъ за другомъ, непрерываемые ни дождемъ, ни освѣжительнымъ вѣтеркомъ.

Зима, въ продолженіе которой часто измѣняется погода и появляется вѣтеръ, когда его менѣе всего ждали, — очень непродолжительна. Морскія теченія, идущія вдоль береговъ, облегчаютъ плаваніе по заливамъ и зундамъ. Стаи перелетныхъ птицъ, массы тунцовъ, переселяющихся въ опредѣленныя времена года, служатъ для мореплавателя прекрасными примѣтами. Правильность во всей жизни природы, въ движеніяхъ воздуха и воды, гостепріимный характеръ Эгейскаго моря, поэтическая, неотразимая красота ландшафтовъ чрезвычайно многихъ уголковъ Греціи,—все это содѣйствовало физическому и духовному развитію древнихъ грековъ, ихъ величію и первенству въ древности, имѣло огромное вліяніе на необыкновенное развитіе ихъ художественныхъ способностей въ области искусства вообще и особенно къ архитектурѣ и ваянію. Значеніе, которымъ пользовались древніе греки въ теченіе долгаго періода всемірной исторіи, прежде всего можно объяснить географическимъ положеніемъ страны. Дѣйствительно, племена того же самаго происхожденія, но жившія не при столь благопріятныхъ условіяхъ, какъ, напр., жители Аркадіи, замкну-

тые въ своихъ горахъ, оставались грубыми и дикими. Если бы Грецiя, такъ удивительно изрѣзанная моремъ, была бы континентальною равниною, соединенною съ пустынями Африки, она никогда не была бы родиной Фидiя, Эсхила, Демосѳена. Грецiя, открытая къ Эгейскому морю своими заливами и портами и окруженная множествомъ островов, которые были вполнѣ удобны для пристаней и стоянокъ, легко вступала въ сношенiя съ болѣе цивилизованными народами, жившими напротивъ, на берегахъ Малой Азiи.

Болѣе всего привлекаетъ къ себѣ вниманiе и сердца всего свѣта не современная, а древняя Грецiя, какъ своими историческими воспоминанiями, такъ и памятниками искусства, которые краснорѣчиво говорятъ о необыкновенномъ подъемѣ духа древнихъ грековъ и объ ихъ умственномъ развитiи въ чрезвычайно разнообразныхъ областяхъ дѣятельности и политической жизни.

Почти каждый замѣчательный городъ древней Грецiи съ окрестною областью составлялъ отдѣльную республику, и вся Грецiя дробилась на множество мелкихъ государствъ. Несмотря на это, греки считали себя однимъ народомъ. Главною связью между ними служили общiй для нихъ греческiй языкъ, одинаковые обычаи и религiя. Идолы, или статуи греческихъ боговъ, имѣли видъ совершенно человѣческiй, такъ какъ греки представляли себѣ ихъ въ образѣ людей, только одаренныхъ необычайными силами и безсмертiемъ. Эти статуи были изваяны изъ дерева, различныхъ металловъ, камней, но чаще всего изъ мрамора, которымъ во всѣ времена такъ богата была Грецiя. Эти статуи боговъ греки ставили въ своихъ храмахъ, отличавшихся изящною отдѣлкой и сами по себѣ представлявшихъ дивные памятники искусства.

Самыми могущественными городами древней Грецiи были Аѳины и Спарта. Особеннаго блеска достигли Аѳины, когда ими управлялъ знаменитый Периклъ; онъ придалъ этому городу необыкновенную красоту постройкою великолѣпныхъ храмовъ, общественныхъ зданiй и разукрасилъ его безчисленнымъ количествомъ прекрасныхъ статуй и различныхъ скульптурныхъ произведенiй. Аѳинская крѣпость, или Акрополь, особенно наполнилась такими постройками.

Изъ другихъ городовъ древней Грецiи также славились Ѳивы, Коринѳъ, Дельфы и Олимпiя. Ѳивы одно время превзошли даже Спарту и Аѳины по своему могуществу и сдѣлались главнымъ городомъ Грецiи; Коринѳъ былъ самый многолюдный, самый торговый и богатый городъ всей страны; Дельфы считались священнымъ городомъ, такъ какъ въ немъ находился храмъ одного изъ главныхъ греческихъ боговъ—Аполлона. Еще болѣе священнымъ городомъ считалась Олимпiя, наполненная языческими святилищами. Но городъ этотъ стяжалъ громкую славу болѣе всего своими олимпiйскими играми, происходившими въ немъ разъ въ четыре года. Эти игры заключались въ борьбѣ, бѣгѣ, въ ѣздѣ многочисленныхъ колесницъ четвернями и парами, въ метанiи металлическихъ круговъ, или дисковъ, и въ другихъ физическихъ упражненiяхъ. Кромѣ силы, ловкости и неутомимости, отъ состязающихся требовались красота движенiй, необыкновенная находчивость и вѣрность взгляда. Кромѣ гимнастическихъ состязанiй, на этихъ играхъ впослѣдствiи писатели и поэты читали свои лучшiя произведенiя. Эти олимпiйскiя игры, въ теченiе длиннаго ряда вѣковъ, имѣли громадное значенiе, и на нихъ стекались не только всѣ греки Эллады, но и различныя греческiя племена, разбросанныя по свѣту. Посмотрѣть на эти игры страстно стремились рѣшительно всѣ: торговцы, ремесленники, музыканты, художники, богатые и бѣдные, знатные и простые граждане. Ихъ привлекали сюда не только любимыя упражненiя и развлеченiя, но и невообразимо-громадное скопище людей всѣхъ званiй и состоянiй; многiе спѣшили сюда въ надеждѣ завязать прiятное или полез-

ное знакомство, нѣкоторыхъ привлекала надежда сбыть свой товаръ, другихъ—желаніе получить на будущее время работу или найти вліятельнаго покровителя; однимъ словомъ, сюда шли рѣшительно всѣ, говорившіе на греческомъ языкѣ. Такимъ образомъ, Олимпія въ дни олимпійскихъ игръ дѣлалась мѣстомъ свиданія и сближенія всѣхъ грековъ между собою, удаленныхъ другъ отъ друга огромнымъ разстояніемъ и различіемъ своего общественнаго положенія,—она становилась тогда настоящею духовною столицею всѣхъ эллиновъ. Древніе греки придавали такое громадное значеніе своимъ олимпійскимъ играмъ, что вели по нимъ свое лѣтосчисленіе: олимпіадой называлось каждое четырехлѣтіе. Городъ Олимпія, исчезнувшій было съ лица земли, теперь откопанъ и представляетъ много интереснѣйшихъ развалинъ и дивныхъ скульптурныхъ произведеній.

Къ несчастью для грековъ, съ теченіемъ времени раздоры и междуусобицы между отдѣльными греческими государствами стали происходить все чаще и такъ ослабили страну, что греки подчинились, наконецъ, верховной власти македонянъ, а затѣмъ безъ малаго за 150 лѣтъ до Р. X. Греція вмѣстѣ съ Македоніею была обращена въ римскую область. Послѣ этого Греція уже быстро пошла къ упадку; ея города нищали, населеніе уменьшалось. Лишь одно преимущество оставалось за греками даже и послѣ завоеванія ихъ другимъ великимъ народомъ древности — римлянами, — это ихъ образованіе. И во время римскаго владычества Греція оставалась самою образованною страною въ мірѣ.

Греки сначала неохотно принимали христіанство, но когда оно стало распространяться между ними, они сдѣлались горячими его послѣдователями. Константинополь, или Византія (прозванная русскими Царьградомъ), сдѣлался столицею Византійской или Греческой имперіи и главнымъ средоточіемъ жизни церковной. Отсюда христіанская вѣра мало-по-малу начала распространяться по всему Балканскому полуострову между различными славянскими народами. Изъ Византіи и мы, русскіе, получили христіанскую вѣру, которую мы исповѣдуемъ одинаково съ греками, называясь такъ же какъ и они, православными, въ отличіе отъ римскихъ католиковъ и протестантовъ. У грековъ и въ настоящее время такое же устройство храмовъ и монастырей, то же самое богослуженіе, какъ и у насъ, такъ какъ у насъ съ ними одна и та-же вѣра.

Послѣ паденія Константинополя въ 1453 г., Греція въ концѣ концовъ была обращена въ турецкую провинцію. Въ первое время своего рабства подъ турецкимъ игомъ, несмотря на тяжелый произволъ турецкой администраціи, греки пользовались нѣкоторыми льготами и правами. Правда, имъ приходилось платить турецкому правительству непосильные подати и налоги, что заставляло ихъ нищать все болѣе и болѣе, но турецкій гнетъ не коснулся ни ихъ церкви, ни ихъ мѣстнаго самоуправленія,—а это-то и спасло греческую національность отъ совершенной гибели. Самостоятельно управлявшаяся греческая церковь сохраняла свой авторитетъ и служила центромъ, связующимъ всѣхъ православныхъ подданныхъ Турецкой имперіи. Кромѣ того, греки сохраняли и свои школы, руководителями которыхъ были ихъ духовныя лица. Благодаря этому, греки даже и во время турецкаго владычества выдѣлялись между всѣми подданными Турціи своимъ образованіемъ. Несмотря, однако, на преимущества, которыми пользовались греки сравнительно съ остальными побѣжденными, они все же переживали много тяжелаго подъ турецкимъ игомъ и съ ненавистью относились къ своимъ поработителямъ. Эта ненависть особенно вызывалась презрѣніемъ турокъ, съ которымъ они относились къ грекамъ, какъ и къ другимъ побѣжденнымъ ими христіанскимъ народамъ,—она еще болѣе усиливалась полнымъ

экономическимъ и политическимъ угнетеніемъ греческаго народа, который жестоко страдалъ отъ произвола, взяточничества и грабежа мѣстныхъ властей,—ими въ Греціи, со временъ турецкаго ига, обыкновенно являлись турки. Вотъ эти-то мѣстныя власть-имущія лица скоро обратили въ мертвую букву льготы, дарованныя грекамъ турецкимъ правительствомъ: чтобы свободно совершать богослуженіе въ своихъ церквахъ, грекамъ скоро пришлось давать огромныя взятки турецкимъ пашамъ; высшія турецкія власти торговали даже мѣстомъ греческаго патріарха; чтобы еще болѣе принизить грековъ, турецкое правительство предписало имъ носить извѣстнаго покроя и цвѣта одежду, строить и красить свои дома по указанному для нихъ образцу. Непосильные налоги, поборы, произволъ и вымогательство мѣстныхъ властей, необезпеченность жизни и имущества,—все это повело къ совершенному упадку греческаго земледѣлія и увеличивало число грековъ, занимавшихся торговлею, которая и безъ того была сильно распространена между ними. Мало-по-малу торговля въ турецкой имперіи сосредоточилась почти исключительно въ рукахъ грековъ, что впослѣдствіи дало возможность, но, конечно, лишь нѣкоторымъ изъ нихъ, сильно богатѣть.

Мало-по-малу между греками стало распространяться страстное желаніе свергнуть ненавистное турецкое иго. Уже въ XVII вѣкѣ греки смотрѣли на единовѣрную имъ Россію, какъ на помощницу и защитницу въ предстоящей имъ неравной борьбѣ съ турками. И дѣйствительно, русскіе государи, начиная съ Петра I, мечтали о завоеваніи Константинополя съ помощью грековъ, а Екатерина II готовила даже будущаго греческаго императора въ лицѣ своего внука Константина. Когда, въ 1770 г., въ Средиземномъ морѣ появилась русская эскадра, Морею (древній Пелопонесъ) охватило возстаніе, которое было, однако, скоро подавлено турками и повело грековъ лишь къ еще большимъ несчастіямъ, преслѣдованію и къ опустошенію страны. Однако, несмотря на всѣ неудачи, стремленіе грековъ къ независимости все болѣе охватывало ихъ. Этому стремленію къ независимости, кромѣ развитія морской торговли, способствовавшей сношеніямъ съ различными народами и поддерживавшей энергію и самостоятельность, сильно помогалъ и обычай состоятельныхъ грековъ посылать своихъ сыновей въ западную Европу для пріобрѣтенія высшаго образованія. Изучая науки въ извѣстнѣйшихъ университетахъ запада, молодые греки въ то-же время серьезно знакомились тамъ съ литературой и исторіей древней Греціи, одушевлялись воспоминаніями о необыкновенной славѣ и блескѣ своей родины и, возвратившись домой, еще съ большей ненавистью относились къ своимъ поработителямъ, еще болѣе горячо распространяли среди своихъ соотечественниковъ идеи самостоятельности и независимости, мысль о необходимости отвоевать свободу своей родинѣ. Все это въ началѣ XIX вѣка повело къ распространенію тайныхъ обществъ. Каждое такое общество называлось *гетеріею* (дружиною) и устраивалось съ цѣлью содѣйствовать освобожденію отечества, подготовлять себя и своихъ соотечественниковъ къ возстанію противъ турокъ.

Въ 1821 г. все было готово для этого, и первоначальное греческое возстаніе произошло въ Молдавіи и Валахіи. Сюда двинулся изъ Бессарабіи съ отрядомъ волонтеровъ одинъ изъ вождей гетеріи, Александръ Ипсиланти. Около него тотчасъ сплотилось множество гетеристовъ и патріотовъ. Однако, это предпріятіе Ипсиланти окончилось полною неудачею: его дружина была дважды разбита, а самъ онъ бѣжалъ въ Австрію, гдѣ былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму. Несмотря на это, скоро вспыхнуло новое возстаніе, но охватило теперь уже весь полуостровъ Морею, гдѣ оно носило характеръ чисто-партизанскій: относительно военныхъ дѣйствій возставшіе не имѣли строго опредѣленнаго плана, но возстаніе, подавленное въ одномъ

мѣстѣ, немедленно вспыхивало въ другомъ. Это возстаніе, охватывавшее съ быстротою пожара все большее количество мѣстностей, застало турецкое правительство совершенно неподготовленнымъ: во многихъ мѣстностяхъ Мореи туркамъ не приходилось даже подавлять возстаніе, а только спасать свою жизнь, запираясь въ крѣпостяхъ и выдерживая осаду. Но тамъ, гдѣ греки попадались въ ихъ руки, злоба турокъ выражалась въ кровавомъ мщеніи, въ рядѣ неистовыхъ жестокостей: турецкая чернь набрасывалась на дома грековъ, грабила, поджигала и безпощадно убивала всѣхъ христіанъ, застигнутыхъ врасплохъ. Въ Константинополѣ турки схватили греческаго патріарха Григорія во время богослуженія и въ полномъ церковномъ облаченіи повѣсили его передъ воротами; той же участи подверглось нѣсколько митрополитовъ и множество грековъ. Но всѣхъ этихъ казней было еще мало туркамъ,—они самымъ постыднымъ образомъ надругались надъ трупами ими замученныхъ и казненныхъ.

Возстаніе и партизанская война грековъ съ турками продолжались цѣлыхъ семь лѣтъ; многіе изъ греческихъ вождей прославились своими геройскими подвигами. Чувство ненависти къ туркамъ объединяло и сплочивало грековъ между собой, помогало имъ поддерживать возстаніе и вести войну противъ турокъ, но это не мѣшало ихъ предводителямъ враждовать между собой и ослаблять свои силы. Какъ возставшіе, такъ и ихъ предводители скоро стали сознавать весь ужасъ своего положенія: они были сильны въ горахъ, но въ открытомъ полѣ не могли долго устоять противъ вражьей силы, несравненно болѣе ихъ значительной, лучше вооруженной и организованной, а потому они и обратились съ просьбою о помощи къ европейскимъ державамъ. Но европейскія правительства не только не выказали сочувствія къ геройскому возстанію этого задавленнаго, крошечнаго народа противъ могущественной, сравнительно съ Греціею, мусульманской имперіи, а напротивъ, дѣлали съ своей стороны все, чтобы подавить эту неравную борьбу порабощеннаго народа съ его поработителемъ. Совершенно иначе отнеслись къ возставшимъ образованные люди всего свѣта: повсюду въ Англіи, Германіи, Франціи, даже въ Соединенныхъ Штатахъ эта геройская борьба грековъ противъ своихъ угнетателей вызывала необыкновенно живое участіе: множество людей являлось въ Грецію принять непосредственное участіе въ ихъ борьбѣ съ врагами, другіе составляли общества съ цѣлью помогать возставшимъ деньгами и военными снарядами. Эти люди, горячо сочувствовавшіе грекамъ, приняли общее названіе *филэллиновъ* (друзья эллиновъ). Англійскій поэтъ Байронъ, охваченный горячею симпатіею къ грекамъ, въ 1823 г. тоже пріѣхалъ въ Грецію сражаться за ея свободу. Этотъ пріѣздъ знаменитаго поэта вызвалъ взрывъ восторга не только въ Греціи, но и во всей Европѣ, и притянулъ въ эту страну еще болѣе образованной молодежи изъ всѣхъ частей свѣта. Преждевременная смерть Байрона (1824 г.) только упрочила общее сочувствіе къ Греціи.

Уже въ началѣ стычекъ съ турками грекамъ удавалось кое-что захватить въ свои руки; они отбили главный городъ Мореи, Триполицу, и въ очень скоромъ времени только нѣсколько пунктовъ Мореи оставалось въ рукахъ турокъ. У грековъ образовался даже небольшой флотъ, который нанесъ туркамъ довольно сильное пораженіе. Греція сдѣлалась почти свободною: подати собирались уже не въ пользу турокъ, а въ пользу временнаго правительства, нѣсколько ранѣе образовавшагося среди грековъ. Въ 1825 г. Турецкій султанъ Махмудъ II, чтобы подавить, наконецъ, возстаніе, обратился за помощью къ своему вассалу, египетскому пашѣ, который отправилъ въ Морею многочисленное сухопутное войско и флотъ. Какъ только вступили въ страну эти войска, такъ дѣла грековъ сразу измѣнились къ

худшему: подавленные огромнымъ числомъ непріятелей греки должны были спасаться бѣгствомъ въ свои горы и крѣпости. Эти египетско-турецкія войска совершенно опустошили полуостровъ и, захватывая плѣнныхъ, тысячами убивали ихъ. Эти злодѣйства надъ греками вызвали къ нимъ въ Европѣ взрывъ новаго сочувствія; особенно сильное впечатлѣніе произвела на всѣхъ продолжительная геройская защита греками крѣпости Миссолунги, которая, наконецъ, пала передъ соединенными усиліями турокъ и египтянъ. Послѣ этого турки, чуть не поголовно, стали вырѣзать все населеніе,—ихъ остервенѣнію не было конца.

Теперь чуть не вся Греція была снова покорена турками, только въ Мореѣ греки удержали за собой нѣсколько пунктовъ. Трудно представить, что въ эту пору представляла собою Греція: она обращена была въ совершенную пустыню,—вмѣсто засѣянныхъ полей и цвѣтущихъ луговъ, всюду валялись трупы людей, лошадей и разнаго скота, издававшіе страшные міазмы; тысячи людей умирали отъ голода и лишеній. Частная благотворительность не бездѣйствовала, но она не могла принести существенной пользы въ этомъ гнѣздѣ общей нищеты и неимовѣрныхъ лишеній. Подати, необходимыя для веденія войны поступали крайне плохо, и безъ того ничтожные доходы временнаго греческаго правительства уменьшались такъ быстро, что съ каждымъ новымъ мѣсяцемъ нужно было ожидать ихъ прекращенія. Турки одерживали все болѣе побѣдъ надъ греками, все большее ихъ число становилось ихъ плѣнными.

Но вотъ, наконецъ, въ политикѣ европейскихъ державъ произошелъ благопріятный для грековъ поворотъ. Русскій императоръ Николай I явился защитникомъ и покровителемъ Греціи, для чего онъ вступилъ въ союзъ съ Англіей и Франціей. Эти державы обратились къ турецкому правительству съ предложеніемъ предоставить Греціи самостоятельность на вассальныхъ отношеніяхъ, но турецкій султанъ Махмудъ II отвѣчалъ на это предложеніе рѣшительнымъ отказомъ. Тогда англійская, французская и русская эскадры напали на турецко-египетскій флотъ, стоявшій при Наваринѣ, и совершенно разбили его. Раздраженный турецкій султанъ объявилъ Россіи войну. Блестящія побѣды русскихъ заставили Турцію просить мира и принять условія европейскихъ державъ. Въ 1830 г. эти державы рѣшили образовать совершенно независимое греческое королевство изъ Мореи, Ливадіи и нѣкоторыхъ сосѣднихъ острововъ Архипелага. Хотя Греція сдѣлалась теперь совершенно самостоятельнымъ королевствомъ, но границы ея были чрезвычайно съужены; она получила слишкомъ небольшой объемъ по настоянію Англіи, политика которой снова измѣнилась, и теперь уже не въ пользу Греціи,—она опять начала прилагать заботы, чтобы поддерживать турецкое иго надъ христіанскими народами Балканскаго полуострова.

Главою правительства греческаго королевства сдѣлался греческій патріотъ графъ Каподистрія. Вмѣсто того, чтобы залѣчивать раны несчастной страны, четыреста лѣтъ страдавшей отъ турецкаго произвола и окончательно разоренной семилѣтней войной, онъ началъ стѣснять мѣстное самоуправленіе, сохранявшееся даже во время турецкаго ига. Такъ же широко практиковалъ Каподистрія систему стѣсненій и въ другихъ областяхъ: онъ приказывалъ вскрывать частную корреспонденцію, установилъ строгую цензуру для литературы, стѣснялъ независимыхъ судей. Вмѣсто того, чтобы подумать объ обсѣмененіи полей сельскаго люда, онъ, чтобы поднять производительность страны, распространялъ культуру картофеля, несоотвѣтственную условіямъ почвы, и при этомъ полицейскими мѣрами; такими же способами наблюдали въ его время и за посадкой фруктовыхъ деревьевъ. Громадная часть средствъ

уходила при немъ на содержаніе войска, слишкомъ большаго для маленькой и совершенно разоренной страны. Бѣдность народа и разстройство финансовъ усилились: обѣднѣвшій народъ толпами бѣжалъ въ горы и устраивалъ разбойничьи шайки. Казна такъ обнищала, что всѣ попытки Каподистріи устроить заёмъ не удались, и ему пришлось прибѣгать къ самымъ отяготительнымъ налогамъ,—все это вызвало въ 1831 г. настоящій бунтъ и серьезныя замѣшательства. Ужаснѣйшія смуты и неурядицы еще болѣе усилились послѣ смерти Каподистріи (онъ былъ убитъ изъ личной мести) и грозили окончательно погубить эту несчастную страну. Чтобы ихъ прекратить, европейскія державы предложили Греціи возвести на престолъ баварскаго принца Оттона, а такъ какъ ему въ это время не исполнилось еще и 17 лѣтъ, то его отцу, королю баварскому, рѣшили предоставить право назначить трехъ регентовъ. Въ 1832 г. Греція была объявлена независимымъ королевствомъ; ея границы были вновь расширены, ей возвратили Акарнанію; но Ѳессалія, Эпиръ, Самосъ и Кандія, населенные греками, оставлены были подъ властью Турціи. Народное собраніе Греціи единогласно выбрало королемъ предложеннаго кандидата, и въ 1833 г. Оттонъ съ тремя регентами изъ баварцевъ и съ баварскимъ отрядомъ вступилъ въ Грецію.

Положеніе Греціи, когда молодой король Оттонъ I вступилъ на ея почву, было самое отчаянное: одичавшая за четыреста лѣтъ турецкаго владычества, совершенно разоренная семилѣтней войной, стѣсненная произвольно-проведенными границами, лишенная во время правленія Каподистріи даже мѣстнаго самоуправленія, приниженная его самоуправствомъ, обремененная непосильными долгами, она представляла одинъ изъ несчастнѣйшихъ уголковъ Европы. Но и мѣры, принятыя новымъ правительствомъ, нисколько не улучшали положенія грековъ. Однимъ изъ первыхъ его мѣропріятій было совершенное уничтоженіе самоуправленія. Столица королевства была перенесена изъ Навиліи въ Аѳины, хотя положеніе этого города, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ моря, въ неплодородной мѣстности, весьма неудобно. Репрессивныя мѣры противъ печати и свободнаго слова продолжались и въ это время; желая добиться извѣстныхъ приговоровъ по тому или другому дѣлу, правительство смѣщало судей и замѣняло ихъ такими, которые были ему угодны. Не говоря уже о печальномъ прошломъ, которое, разумѣется, оставило слѣды и въ настоящемъ, дурное положеніе народа много зависѣло и отъ того, что въ казну собирали поземельную подать въ размѣрѣ 1/10 части со всѣхъ земледѣльческихъ продуктовъ. Но еще болѣе терзали страну вѣчные грабежи и возстанія народа въ различныхъ частяхъ Греціи, отъ самаго вступленія на престолъ короля Оттона до 1843 года. Разбойники грабили казенные магазины, перехватывали на дорогѣ денежныя сумммы, даже и и тогда, когда ихъ посылали подъ прикрытіемъ военныхъ отрядовъ, разоряли села и города. Вскорѣ разбои приняли такіе размѣры, что сосредоточили исключительно на себѣ вниманіе и заботы правительства: въ 1835 году было даже отправлено противъ нихъ большое войско съ тѣмъ, чтобы возстановить порядокъ въ предѣлахъ Ливадіи. Экспедиція эта продолжалась очень долго, что служило доказательствомъ той силы, какою пользовались разбойники, и если тутъ разбои на время прекратились, то, вслѣдъ за выступленіемъ войска, они тотчасъ начинались въ другомъ мѣстѣ. Однажды разбойники расположились даже укрѣпленнымъ лагеремъ около стѣнъ города Миссолунги, грозили овладѣть имъ и въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль опустошали его и всю окрестную страну. Если такіе ужасы происходили безнаказанно въ сѣверной Греціи, то еще большіе размѣры приняли разбои въ Мореѣ, гдѣ самая мѣстность способствовала разбойничьимъ подвигамъ. Въ это время къ правительству безпрестанно являлись огромныя толпы жителей, страшно обезображенныхъ

грабителями: у мужчинъ были отрѣзаны носы и уши, женщины носили на себѣ страшные слѣды пытокъ.

Не улучшилось положеніе Греціи и послѣ 1835 г., когда, вмѣсто регентства, самъ король Оттонъ вступилъ въ управленіе: въ экономическомъ и финансовомъ отношеніи положеніе страны было самое отчаянное; разбойничество все усиливалось. Недовольство всѣхъ классовъ общества стало высказываться все громче и громче. Земледѣльческій классъ былъ недоволенъ тѣмъ, что онъ былъ теперь, какъ и во время турецкаго ига, обремененъ тяжкими и несправедливыми налогами, что не были улучшены пути сообщенія; другимъ не нравилось то, что высшія должности занимали баварцы, а не греки. Такъ шли дѣла до 1843 года, когда войска окружили королевскій дворецъ съ криками: «да здравствуетъ конституція!» При этомъ толпа поручила сказать королю, что она не сойдетъ съ мѣста, пока правительство не дастъ отвѣта на требованіе націи, и ему оставалось только уступить.

Итакъ, въ сентябрѣ 1843 г. Греція сдѣлалась конституціоннымъ государствомъ; однако, съ этого времени до 1862 года, когда король Оттонъ былъ свергнутъ съ престола, конституція страны не принесла ей особенной пользы. Вся система короля Оттона была направлена къ тому, чтобы породить нравственное растлѣніе въ средѣ его подданныхъ. Ему обязаны греки тѣмъ, что конституція сдѣлалась пустой формой, что права личности и собственности гражданъ оставались необезпеченными, что въ странѣ почти вовсе не было дорогъ, что всѣ источники народнаго богатства были расточаемы на удовлетвореніе мелочнаго тщеславія короля и его страсти къ блеску. Недовольство народа правленіемъ Оттона I выразилось множествомъ заговоровъ, обнаруженныхъ по всей странѣ, и серьезнымъ возстаніемъ не только среди народа, но и среди войска. Это революціонное броженіе закончилось тѣмъ, что было избрано временное правительство, объявившее короля низложеннымъ съ престола.

Послѣ Оттона на греческій престолъ въ 1863 г. вступилъ нынѣ царствующій Георгъ I, сынъ короля датскаго и родной братъ вдовствующей русской Государыни Императрицы. Новый король принесъ присягу въ народномъ собраніи на вѣрность конституціи, и дѣйствительно, кромѣ незначительныхъ отступленій, онъ всегда вѣрно соблюдалъ ее.

Самое характерное явленіе государственной жизни Греціи за послѣднее двадцатипятилѣтіе — это стремленіе присоединить къ Греціи турецкія провинціи, населенныя греками; чаще всего эти стремленія проявлялись относительно острова Кандіи или Крита. При освобожденіи Греціи, европейскія державы, опасаясь ея слишкомъ большого могущества на морѣ, несоотвѣтственнаго, съ ихъ точки зрѣнія, величинѣ маленькаго государства, оставили Кандію во власти Турціи. Произволъ турецкихъ властей, насилія, періодическія звѣрства турокъ надъ христіанами этого острова, ихъ совершенное безправіе и политическое угнетеніе, — все это уже издавна заставляло ихъ мечтать о присоединеніи къ Греціи, съ которою они связаны племеннымъ родствомъ, вѣрою и вѣковыми историческими традиціями; греки точно также издавна стремились помочь своимъ соплеменникамъ злополучнаго острова и присоединить ихъ къ Греціи. Отъ времени до времени чаша терпѣнія переполняется, и вспыхиваетъ возстаніе, охватывающее то большую, то меньшую часть жителей острова, то всѣхъ поголовно. Каждое возстаніе турки подавляютъ съ обычнымъ для нихъ звѣрствомъ; разумѣется, и христіане не остаются у нихъ въ долгу и платятъ имъ такими же звѣрствами, если только является для этого возможность. Такимъ образомъ, на этомъ злополучномъ островѣ вѣчно идутъ волненія, отъ времени до времени завязываются стычки, происходитъ настоящая война, и кровь льется рѣкой. Греки не могутъ быть равно-

душными зрителями злодѣйствъ, совершаемыхъ турками надъ критянами, и это сочувствіе всегда отзывается въ Греціи такъ или иначе: то греки собираютъ деньги для вспомоществованія своимъ собратьямъ, пострадавшимъ отъ послѣдняго возстанія, то, когда начинаются военныя дѣйствія между турками и христіанами, они для защиты послѣднихъ посылаютъ на островъ добровольцевъ, то, наконецъ, принимаютъ непосредственное участіе въ войнѣ, какъ это только что было въ послѣдній разъ, т.-е. въ 1897 г. Такое положеніе вещей лишь обостряетъ отношенія Греціи къ Турціи и невыразимо-тяжко отзывается на греческихъ финансахъ, уже давно находящихся въ отчаянномъ состояніи.

Положеніе греческаго правительства изъ ряду вонъ затруднительное: его главная задача—поправить финансы государства и поднять экономическое положеніе народа, но то и другое немыслимо при существующихъ условіяхъ. Греческій народъ издавна привыкъ и учитъ своихъ дѣтей съ младенческихъ лѣтъ горячо сочувствовать собратьямъ, угнетаемымъ турецкимъ владычествомъ, и стремиться всѣми силами души присоединить къ Греціи провинціи, населенныя греками и страдающія отъ турецкаго ига. Едва Греція начинаетъ поправляться послѣ разоренія отъ тѣхъ или другихъ военныхъ дѣйствій, въ которыхъ она принимала непосредственное или косвенное участіе, едва прекращается необходимость держать войска наготовѣ противъ турокъ, какъ немедленно происходятъ новыя тревожныя событія въ Кандіи или въ другихъ греческихъ провинціяхъ Порты, и Греція снова такъ или иначе принимаетъ въ нихъ участіе. Все это каждый разъ требуетъ отъ разоренной уже Греціи новыхъ громадныхъ затратъ, что еще болѣе подрываетъ ея финансы. Греческое правительство прекрасно сознаетъ, что для поправленія финансовъ страны и крайне тяжелаго экономическаго положенія ея народа необходимо спокойствіе, но ей приходится считаться съ панэллинистическими идеями (стремленіемъ къ возсоединенію всѣхъ эллиновъ), которыми издавна проникнуты всѣ греки.

Промышленность Греціи, находившаяся до шестидесятыхъ годовъ нынѣшняго девятнадцатаго столѣтія въ младенческомъ состояніи, невоздѣланныя и заброшенныя поля, полный недостатокъ школъ,—все это замѣтно начало приходить въ порядокъ въ послѣднее царствованіе; вездѣ появились жизнь и движеніе впередъ. Статистическія данныя краснорѣчиво говорятъ, что, сравнительно съ недавнимъ прошлымъ, богатство страны растетъ, промышленность, хотя очень медленно, но все-таки развивается, торговые обороты сильно увеличиваются, и, не смотря на все это, долги государства растутъ съ неимовѣрной быстротой, расходы значительно превышаютъ доходы, и въ финансовомъ отношеніи Греція находится въ настоящую минуту въ такомъ отчаянномъ положеніи, что не можетъ не только уплачивать проценты по сдѣланнымъ займамъ, правительству приходится не только запаздывать съ выдачею жалованья гражданскимъ и военнымъ чиновникамъ, но очень часто оно уплачиваетъ имъ лишь половину, а иногда и того меньше. Тяжесть налоговъ съ 1875 до 1893 г. болѣе, чѣмъ удвоилась, а размѣръ государственнаго долга, приходящагося на каждаго гражданина греческаго королевства, увеличился въ три съ половиною раза, такъ напр.: въ 1875 г. каждый житель выплачивалъ налога 15 франковъ, а въ 1893 г. уже 37 франк.; долгу въ 1875 г. на каждаго приходилось 102, а въ 1893 г. уже 363 франка. Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, Греція стала выпускать черезчуръ много ассигнацій, вслѣдствіе чего стоимость ихъ быстро падаетъ; онѣ стоятъ на 50—60% ниже своей номинальной цѣны, что вызываетъ въ народѣ страхъ за будущее и подрываетъ довѣріе къ правительственнымъ мѣропріятіямъ.

Военное положеніе Греціи не лучше финансоваго; главная причина этого—пло-

хія санитарныя условія жизни солдата, вызывающія множество заболѣваній и значительную смертность: жилища солдатъ нездоровы, пища мало питательна. Недостатокъ больницъ часто заставляетъ распускать по домамъ захворавшихъ воиновъ, что иногда на одну треть, а бываютъ случаи, что и наполовину уменьшаетъ численность арміи.

Греція—государство конституціонное. Законодательная власть принадлежитъ парламенту и королю, оффиціальный титулъ котораго «король эллиновъ». Исполнительная власть принадлежитъ королю и отправляется имъ черезъ своихъ министровъ.

Парламентъ состоитъ изъ одной палаты, число членовъ которой не должно быть меньше 150 ч., избираемыхъ на четырехлѣтній срокъ общею подачею голосовъ и при этомъ посредствомъ тайной баллотировки. Избирателемъ можетъ быть каждый, достигшій 21-го года, грамотный и ни разу не бывшій подъ судомъ. Духовенство лишено права голоса. Въ депутаты могутъ быть избираемы всѣ избиратели, но лишь по достиженіи 30-тилѣтняго возраста; они должны имѣть небольшую собственность или опредѣленную профессію. Высчитано, что въ Греціи большее количество избирателей соотвѣтственно числу жителей, чѣмъ во Франціи. Каждый кандидатъ въ парламентъ имѣетъ особый ящикъ, на которомъ написано его имя. Всѣ эти ящики выставляютъ въ одинъ рядъ въ церкви, гдѣ происходятъ выборы. Ящикъ для шаровъ четыреугольный, съ возвышающейся крышкой и длинной трубой. Подающій голосъ, получивъ сначала свинцовый шарикъ, просовываетъ свою руку въ эту трубу. Внутри ящикъ раздѣленъ на двѣ перегородки и выкрашенъ бѣлою и черною краскою. Бѣлое отдѣленіе — для утвердительныхъ шаровъ, черное — для отрицательныхъ. При этомъ объявляется имя кандидата, написанное на ящикѣ. Подающій голосъ, рука котораго скрыта, простымъ движеніемъ кисти бросаетъ шарикъ въ черное или бѣлое отдѣленіе. Шарикъ падаетъ безъ шума, голосующій вытягиваетъ свою руку, и никто не знаетъ, какой голосъ онъ подалъ. Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока весь народъ округа не подастъ голоса о каждомъ кандидатѣ.

Задолго передъ выборами, греки начинаютъ особенно волноваться; толки и споры о политикѣ, которая всегда составляетъ главный предметъ разговора, въ это время доходятъ до какого-то неистовства; «политическая горячка» охватываетъ все населеніе этой маленькой страны, и въ нѣкоторыхъ ея провинціяхъ споры переходятъ даже въ драки, и войскамъ приходится поддерживать порядокъ. Въ ночь передъ выборами въ Аѳинахъ устраиваютъ процессіи съ факелами и знаменами, и улицы наполняются оглушительнымъ шумомъ патріотическихъ пѣсенъ. Барабаны глухо рокочутъ, флейты и дудки пронзительно взвизгиваютъ, и весь этотъ оглушительный, адскій концертъ влечетъ за собой длинный кортежъ: украшенные флагами извозчики, портреты кандидатовъ на телѣжкахъ, родственники депутатовъ, игумены, явившіеся сюда устроить дѣла своихъ монастырей, самая разнообразная толпа народа, среди котораго чаще всего мелькаютъ люди въ фустанеллахъ, все это движется въ полномъ порядкѣ.

Греки—страстные любители говорить, особенно увлекаются они ораторствомъ во время выборовъ. Иногда полиція запрещаетъ манифестаціи выборщиковъ послѣ 9-ти ч. вечера. Увлеченный ораторъ часто продолжаетъ говорить, не обращая вниманія на время и на многократную просьбу прекратить рѣчь. Въ такихъ случаяхъ полиція иногда дѣлаетъ распоряженіе пустить струю воды на оратора изъ пожарной кишки.

Страстно любятъ греки слушать и парламентскихъ ораторовъ. Въ парламентъ публика приноситъ съ собой свистки и погремушки. Любимцевъ она встрѣчаетъ криками и выраженіемъ оглушительнаго восторга, а презрѣніе и неудовольствіе выказываетъ пронзительными свистками.

По конституціи греки всѣ равны передъ закономъ. Личная свобода ненарушима: никто не можетъ быть преслѣдуемъ, арестованъ или заключенъ въ тюрьму иначе, какъ по особому постановленію суда. Какъ отдѣльныя лица, такъ и многіе вмѣстѣ могутъ подавать правительству петиціи. Греки имѣютъ право собираться на общественныя сходки, но сходки подъ открытымъ небомъ могутъ быть запрещены, если онѣ представляютъ опасность для общественнаго спокойствія. Каждый въ этой странѣ имѣетъ право составлять какія угодно общества и быть членомъ ихъ безъ предварительнаго на то разрѣшенія.

Судопроизводство—публичное; преступленія по дѣламъ печати, а также и политическія преступленія судятся судомъ присяжныхъ.

Господствующее вѣроисповѣданіе — православное; остальныя религіи лишь терпимы.

АѲИНЫ.

Прошлая судьба этого города.—Храмъ Тезея.—Холмъ Пниксъ.—Ареопагъ.—Акрополь.—Пропилеи.—Пинакотека.—Храмъ Безкрылой Побѣды.—Парѳенонъ.—Видъ этихъ памятниковъ въ настоящее время и ихъ значеніе въ прошломъ.—Внѣшній видъ нынѣшнихъ Аѳинъ.—Улицы и постройки.—Садъ королевы Амаліи.—Уличная жизнь.

Между древнѣйшими городами, сохранившимися до настоящаго времени, первое мѣсто принадлежитъ Аѳинамъ. Изящество и оригинальность здѣшнихъ памятниковъ составляютъ главное ихъ достоинство, и потому этотъ городъ, хотя еще въ древности потерялъ свое политическое значеніе, но долго сохранялъ художественное и ученое. Аѳины и до сихъ поръ обращаютъ на себя вниманіе ученыхъ историковъ, археологовъ и художниковъ. Планъ Аѳинъ очень простъ. Двѣ главныя улицы прорѣзываютъ весь городъ вдоль и поперекъ и подъ прямымъ угломъ пересѣкаютъ одна другую по серединѣ; одна изъ нихъ, улица Гермеса, идетъ отъ востока къ западу и теряется въ прекрасныхъ садахъ, окружающихъ королевскую резиденцію. Эта улица была бы совершенно прямая, если бы на одномъ мѣстѣ маленькая, живописная, древняя византійская церковь не выступала впередъ и не дѣлала бы легкаго выгиба; другая улица—Эола идетъ отъ юга къ сѣверу и начинается около Акрополя. Улица Гермеса раздѣляетъ городъ на двѣ половины: направо лежитъ старый городъ; тутъ вы увидите Акрополь и храмъ Тезея, Пниксъ и Ареопагъ, древности и развалины, тѣсныя улицы на обломкахъ старины, гдѣ и самая почва поднялась такъ, что основанія нынѣшнихъ домовъ лежатъ выше кровель старинныхъ построекъ. Налѣво раскидывается новый городъ: тамъ университетъ, новый соборъ, дома французскаго и англійскаго посольствъ, прямыя улицы, европейскія зданія и магазины.

Великіе памятники старины привлекаютъ путешественника гораздо болѣе, чѣмъ новый городъ, поэтому мы и обратимся сначала къ древностямъ. Въ 1456 г. Аѳинами овладѣли турки. Нѣсколько разъ венеціанцы тщетно пытались отнять этотъ городъ у турокъ. Во время одной осады венеціанская бомба разрушила Парѳенонъ, и Аѳины были совершенно разорены. Затѣмъ Аѳины, какъ и вся Греція, подпали подъ власть турокъ.

Начнемъ осматривать памятники внизу, съ храма Тезея, тѣмъ болѣе, что ни одинъ изъ древнихъ аѳинскихъ памятниковъ не уцѣлѣлъ такъ хорошо, какъ этотъ храмъ. Сама судьба берегла этотъ памятникъ. Построенный въ сторонѣ отъ города, куда не долетали венеціанскія бомбы и турецкія ядра, онъ часто служилъ самымъ

низкимъ цѣлямъ: былъ пороховымъ магазиномъ, казармой для солдатъ, конюшней для муловъ, но уцѣлѣлъ лучше Парѳенона, лучше всѣхъ другихъ остатковъ старины. Твердость постройки спасла его отъ землетрясеній, а простота—отъ собирателей и похитителей древностей. Не имѣя изящныхъ украшеній Парѳенона и другихъ памятниковъ, онъ спасся и отъ грабительства извѣстнаго англичанина лорда Эльгина, который прославился тѣмъ, что вывезъ изъ Аѳинъ множество великолѣпнѣйшихъ древностей, обобралъ лучшія украшенія храмовъ и зданій этого города. Храмъ Тезея даетъ полное понятіе о необыкновенномъ искусствѣ древнихъ строителей: весь эффектъ этихъ зданій основанъ на правильномъ, гармоническомъ сочетаніи линій и на пропорціональномъ соотношеніи частей. Все зданіе построено изъ бѣлаго мрамора. Кровля пострадала болѣе другихъ частей, но, несмотря на это, она служитъ единственнымъ образцомъ древняго способа крыть зданія, такъ какъ крыша Парѳенона уже давно не существуетъ. Внутренность храма, въ древности раздѣленнаго на отдѣленія, которыя соотвѣтствовали потребностямъ языческаго культа, была превращена впослѣдствіи въ храмъ христіанскій. Теперь здѣсь устроенъ музей, въ которомъ хранятся древнія вещи, особенно произведенія греческаго ваянія, и цѣльныя, и въ обломкахъ. Храмъ этотъ былъ построенъ въ 465 г. до Р. Х. Первоначальное его назначеніе было служить надгробнымъ памятникомъ герою, въ честь котораго онъ построенъ. Тезей — любимѣйшій аѳинскій герой. Барельефы, украшавшіе прежде этотъ храмъ, изображали подвиги Тезея и Геркулеса. Всѣ эти барельефы повреждены, но всѣ они — произведенія высокаго искусства. Тезеевъ храмъ и теперь еще остается однимъ изъ украшеній Аѳинъ, а площадка передъ нимъ — любимымъ мѣстомъ, куда чаще всего приходятъ нынѣшніе аѳиняне погулять и повеселиться.

Недалеко отъ храма Тезея находится невысокій каменный холмъ — знаменитый Пниксъ, на которомъ бывали въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ аѳинскія народныя собранія. Если эти прогулки и осмотръ древностей вы предпринимаете днемъ и лѣтомъ, то всюду на открытомъ мѣстѣ васъ будетъ немилосердно жечь горячее греческое солнце, и при этомъ южный вѣтеръ дуетъ вамъ въ лицо, точно изъ раскаленной печи. Но вотъ передъ вами открылась ровная полукруглая площадь, которая, приподнимаясь въ одну сторону, оканчивается вертикальной гранитной скалой съ вырубленной наверху маленькой площадкой, служившей, по всей вѣроятности, трибуной ораторамъ. Отсюда раздавались голоса Эсхила, Демосѳена, Перикла; здѣсь обсуждались и рѣшались важнѣйшія государственныя дѣла. И мѣсто для этого, говоритъ одинъ путешественникъ, выбрано необыкновенно удачно. «Съ одной стороны виденъ Парѳенонъ, съ другой храмъ Тезея, посвященные—одинъ мудрости, другой силѣ, а позади Ареопагъ, какъ идея верховнаго правосудія. Что можно придумать лучше этой обстановки? Непонятно только, какъ аѳинскіе демагоги собирались подъ открытымъ небомъ, подъ этими палящими лучами солнца! Въ наше время самая любовь къ отечеству любитъ комфортъ...»

Отъ Пникса перейдемъ къ другому холму—Ареопагу. Ареопагъ—это названіе перваго, извѣстнѣйшаго греческаго судилища. Въ скалѣ сѣраго гранита высѣчены грубыя ступени. Когда поднимешься по этой лѣстницѣ, то вступишь на площадку, вырубленную въ видѣ правильнаго полукруга въ каменномъ утесѣ. Здѣсь, передъ алтаремъ Эвменидъ (богини мщенія, фуріи), собирался Ареопагъ въ свои ночныя засѣданія. Сюда-то, въ виду Акрополя и Пникса, къ этому страшному суду, приводили обвиняемыхъ и оправдывали ихъ или присуждали къ смертной казни.

Перейдемъ къ Акрополю, и теперь еще составляющему славу и гордость Аѳинъ. Какъ древніе называли Аѳины Элладою въ Элладѣ, такъ Акрополь—Аѳинами въ Аѳи-

нахъ. И дѣйствительно, Акрополь—собраніе всего высшаго, что сдѣлано въ скульптурѣ. Акрополь—это отвѣсная скала (вышиною около 160 метровъ надъ уровнемъ моря); по крайней мѣрѣ съ сѣверной, южной и восточной сторонъ онъ возвышается почти отвѣсной стѣною и только на западѣ лишенъ этой естественной защиты; потому-то западная сторона и служила всегда входомъ въ Акрополь. Географическое положеніе Акрополя много способствовало его историческому значенію въ древности. Высокая, неприступная съ трехъ сторонъ скала, такъ сказать, природная твердыня, естественно сама подала мысль о сооруженіи на ней искусственной крѣпости и о сохраненіи на ней всего, что было дорого и священно для жителей страны. Думаютъ также, что самые жители, прежде чѣмъ разселиться въ долинѣ, поселились сначала на скалѣ.

Каждый, кто войдетъ въ ограду, образуемую этими стѣнами, въ изумленіи сотановится передъ образцовымъ созданіемъ древняго искусства,—передъ Пропилеями, построенными греками временъ Перикла. Пропилеи служили торжественными входными воротами въ Акрополь. Онѣ состоятъ изъ главнаго фасада, т.-е. стѣны, прорѣзанной пятью аркообразными отверстіями, и изъ двухъ боковыхъ пристроекъ. Какъ главное строеніе, такъ и боковыя украшены великолѣпными мраморными колоннами. Къ лѣвой пристройкѣ прилегаетъ еще зала, извѣстная подъ именемъ Пинакотеки, бывшая въ древности картинною галлереею. Теперь она обращена въ хранилище древностей, преимущественно для произведеній скульптуры, которыя такъ часто находятъ въ этихъ мѣстахъ. Вправо отъ Пропилей возвышается маленькій, но весьма изящный храмъ Безкрылой Побѣды. Почему въ этомъ храмѣ аѳиняне поставили статую Побѣды безъ крылъ, тогда какъ обыкновенно эта богиня изображалась съ крыльями, это объясняютъ различно; но самымъ основательнымъ кажется такое толкованіе, что аѳиняне рѣшили поставить у себя Побѣду безъ крылъ, чтобы она отъ нихъ никуда не улетѣла.

Храмъ Безкрылой Побѣды совершенно былъ разрушенъ при оборонѣ Акрополя турками противъ венеціанцевъ, и изъ матеріала его даже была сдѣлана батарея. Но въ 1835 году, очищая Пропилеи отъ турецкихъ построекъ, которыми онѣ были загромождены, открыли не только основаніе, но и большую часть этого изящнаго мраморнаго храма и возсоздали его съ удивительнымъ терпѣніемъ и искусствомъ.

Черезъ Пропилеи, по неправильно нагроможденнымъ обломкамъ, подходишь къ Парѳенону, прекраснѣйшему и величайшему храму древности. Двѣ пустынныя залы, стоящія на возвышенномъ основаніи и окруженныя перистилемъ въ 46 колоннъ, безъ крыши, фронтоновъ и статуй,—вотъ все, что остается намъ отъ Парѳенона въ настоящемъ. Конечно, эти стройно уходящія въ высь колонны и карнизы крыши и потолка возбуждаютъ удивленіе и восторгъ своей пропорціональностью и дивной красотой, но все-таки, при первомъ взглядѣ, фантазія не можетъ изъ этого ужаснаго разрушенія, въ которомъ лежитъ теперь Парѳенонъ, живо возсоздать себѣ цѣлое во всемъ его стройномъ величіи. Колонны, которыя подпирали прежде крышу и теперь лишены ея, жалобно смотрятъ на чудное синее небо, а кругомъ, внутри храма, валяются одинъ на другомъ прекрасныя обломки зданія. Парѳенонъ считается самымъ совершеннымъ памятникомъ греческаго зодчества. Это памятникъ великихъ дарованій, ума, находчивости и изящнаго вкуса древнихъ грековъ; съ нимъ для каждаго грека связано много дорогихъ воспоминаній. Парѳенонъ былъ посвященъ покровительницѣ города Аѳинѣ-Парѳеносъ, что значитъ дѣвственница (у римлянъ Минерва). Надъ сооруженіемъ его трудились нѣсколько знаменитѣйшихъ художниковъ подъ главнымъ наблюденіемъ Фидія, который самъ изваялъ главную святыню и лучшее украшеніе

храма—статую богини Аѳины, всю изъ слоновой кости и золота, драгоцѣнную по качеству матеріаловъ и безцѣнную по красотѣ исполненія. Фронтонъ Парфенона былъ украшенъ скульптурными изображеніями; между прочимъ здѣсь представлена была процессія Великихъ Панаѳиней (аѳинскій праздникъ). Парѳенонъ самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ Великими Панаѳинеями, которыя праздновались въ теченіе 6 дней, но только одинъ разъ въ 4 года. Но зато въ эти 6 дней можно было испытать всевозможныя удовольствіи. Тутъ зрителямъ наглядно, во всемъ блескѣ, представлялась полная картина жизни аѳинянъ съ ихъ вѣрованіями, понятіями, со всѣми ихъ талантами къ разнообразнымъ искусствамъ. Праздники эти обыкновенно начинались представленіями въ Одеонѣ (театрѣ), гдѣ слушали пѣніе, чтеніе, игру на киѳарѣ и флейтѣ. Затѣмъ слѣдовали гимнастическія игры: тутъ, кромѣ бѣганья, борьбы, былъ *бѣгъ съ факелами* въ безлунную ночь. Недалеко отъ Пирея былъ *гипподромъ* (конское ристалище), гдѣ состязались всадники и колесницы. Передъ гаванью шли другія увеселенія—состязанія *тріэръ*, т.-е. весельныхъ судовъ въ три ряда веселъ. Тому, кто побѣдилъ, давали деньги на быковъ для благодарственной жертвы. Въ концѣ праздниковъ предпринималась процессія, собиравшаяся съ восходомъ солнца. При этомъ несли коверъ, на которомъ были вытканы подвиги богини Аѳины, событія изъ мѣстной исторіи и даже изображенія отличившихся гражданъ. Въ процессіи принимали участіе всѣ побѣдители предшествующихъ дней и аѳиняне всѣхъ возрастовъ на колесницахъ, лошадяхъ и пѣшкомъ. Всѣ колоніи должны были къ этимъ праздникамъ прислать посольства и принести въ даръ богинѣ Аѳинѣ овецъ и быковъ; обыкновенно въ это же время присутствовали послы и другихъ городовъ. Въ преддверіи храма и въ самомъ храмѣ хранились разныя дорогія приношенія. Въ заднемъ отдѣленіи его была казна. Въ Великія Панаѳинеи на мраморной доскѣ выставлялся отчетъ всѣмъ ея расходамъ. Во время самаго празднества у ногъ статуи садились государственные чиновники и судьи на состязаніяхъ, и они передъ лицомъ богини давали побѣдителямъ вѣнки и трофеи. Публика стояла внизу храма и въ галлереяхъ. По окончаніи празднествъ двери Парѳенона запечатывались, и храмъ дѣлался казнохранилищемъ. Слѣдовательно, Парѳенонъ открывался одинъ разъ въ 4 года, а чтобы проникнуть въ его казнохранилище, приходилось входить въ него съ другой стороны.

Знаменитая статуя богини Аѳины украшала собою Парѳенонъ до VII-го вѣка, когда она перенесена была вмѣстѣ съ другими аѳинскими памятниками въ Византію. Готы и другіе народы, грабившіе и разрушавшіе Аѳины, по какому-то особенному чуду пощадили Парѳенонъ. Онъ только потерпѣлъ нѣкоторое измѣненіе при обращеніи его въ храмъ христіанскій, но первое страшное поврежденіе нанесено было этому дивному зданію въ 1687 г. Въ это время турки, осажденные венеціанцами, устроили въ Парѳенонѣ пороховой магазинъ; осаждающіе пустили туда съ высоты Пникса бомбу, которая, упавъ въ самый складъ пороха, произвела страшный взрывъ и такое разрушеніе, что куски мрамора долетали до лагеря осаждающихъ. Турки, оставшіеся хозяевами Акрополя, устроили въ Парѳенонѣ мечеть и какъ на ея постройку, такъ и на постройку своихъ жилищъ не брали другихъ матеріаловъ, кромѣ тѣхъ великолѣпныхъ мраморовъ, которые находили тутъ же подъ рукой. Однако не они, а цивилизованные европейцы окончательно разорили Парѳенонъ. Въ прошломъ столѣтіи французскій посолъ при Оттоманской портѣ, графъ Шуазель, увезъ во Францію, съ позволенія турокъ, нѣсколько обломковъ изъ Парѳенона. По его примѣру въ 1801 году англійскій посолъ, лордъ Эльгинъ, сдѣлалъ настоящее нашествіе на Парѳенонъ. Обломки колоннъ, статуи, фронтоны, карнизы, надписи и множество другихъ орнаментовъ, словомъ все, что можно было увезти, увезено было имъ въ

Англію на нѣсколькихъ корабляхъ. Такимъ образомъ лордъ Эльгинъ лишилъ храмъ послѣднихъ остатковъ скульпуры и оставилъ одинъ остовъ великаго зданія. Байронъ нашелъ имя лорда Эльгина вырѣзаннымъ на одной изъ колоннъ Парѳенона и справедливо приписалъ подъ нимъ, что его соотечественники докончили то, чего не успѣли сдѣлать варвары. Художнику, желающему въ подробности изучить орнаменты этого чуднаго храма, надо теперь ѣхать не въ Аѳины, а въ Лондонъ, въ британскій музей, купившій греческіе мраморы Парѳенона у лорда Эльгина. Но, несмотря на это, еще и теперь опустошенный, ограбленный и полуразрушенный Парѳенонъ прекрасенъ. Вблизи его, точно такъ-же, какъ и внутри стѣнъ, разбросано и свалено въ кучи множество обломковъ статуй и орнаментовъ, составлявшихъ прежде украшеніе этого зданія.

Новыя Аѳины занимаютъ значительное пространство. Большая часть домовъ, построенныхъ на двухъ главныхъ улицахъ города—Гермеса и Эола, въ два этажа, нерѣдко очень элегантны. Тутъ много кофеенъ и магазиновъ; на площадяхъ устроены цирюльни, въ которыя нынѣшніе греки, какъ и древніе, любятъ заходить, чтобъ поболтать и узнать городскія новости. Сквозь открытыя окна и двери видны мастерскія шляпочниковъ, башмачниковъ и портныхъ, которые обыкновенно работаютъ на чистомъ воздухѣ; со всѣхъ сторонъ видна веселая, дѣятельная уличная жизнь. Тѣмъ не менѣе ограниченность потребностей и бѣдность современныхъ грековъ видны на каждомъ шагу. Магазины, кромѣ очень немногихъ, невелики и наполнены недорогими вещами; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, впрочемъ, не мало золота, брильянтовъ и дорогихъ камней, но большая часть этихъ драгоцѣнностей поддѣльныя, такъ какъ ими любятъ украшать себя женщины средняго круга. Очень часто попадаются мастерскія золотошвеевъ, гдѣ два-три грека, поджавъ ноги, вышиваютъ національныя куртки и фески. Однако, болѣе всего здѣсь табачныхъ лавокъ, такъ какъ одна треть населенія куритъ. Греки обыкновенно говорятъ, что единственная хорошая вещь, которая приходитъ къ нимъ изъ Турціи,—табакъ, и они уничтожаютъ его въ громадномъ количествѣ; но мѣстный табакъ еще болѣе употребляется въ странѣ. На всемъ лежитъ яркій колоритъ востока, со всѣми особенностями его быта и понятій. Рынки Аѳинъ прежде всего обращаютъ на себя въ этомъ отношеніи вниманіе, такъ какъ грязь и вонь даютъ себѣ чувствовать въ первую же минуту. Разбиты эти рынки безъ всякой симметріи, безъ всякой мысли объ удобствахъ купца и покупателя. На ихъ площадкахъ стоятъ ослики, заваленные грудами корзинъ съ зеленью, оливками или свѣжими фигами. На лоткахъ продаютъ орѣхи въ сахарѣ и плитки рахатъ-лукума—любимое лакомство грековъ. Дома греческой столицы построены довольно однообразно, и каждый изъ нихъ предназначается обыкновенно для двухъ семействъ. Балконы выступаютъ почти изъ каждаго дома, такъ какъ женщины проводятъ на нихъ лѣтомъ почти всѣ вечера. Каждый такой домикъ имѣетъ обыкновенно два входа: одинъ входъ въ нижній этажъ—черезъ ворота и дворъ, а другой черезъ лѣстницу, которая видна снаружи и ведетъ въ верхнія комнаты. Позади каждаго дома, въ лучшихъ частяхъ города, существуютъ небольшіе садики. Во многихъ изъ нихъ обломки древнихъ скульптурныхъ произведеній прикрѣплены къ стѣнѣ или вдѣланы въ нее: части вазъ, барельефы, голова безъ туловища, или, наоборотъ, надписи,—все это большею частію было открыто во время земляныхъ работъ при постройкѣ зданія и необыкновенно тщательно и на различныхъ поставкахъ сохраняется владѣльцами. Увозить древности за границу теперь строго запрещено, но нашедшему дозволено удерживать ихъ у себя и украшать ими свой домъ. Такъ какъ новый городъ стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояли и древнія Аѳины, то несомнѣнно, что подъ землею скрывается много археологическихъ остатковъ.

Хотя въ Аѳинахъ и нѣтъ особенно большихъ домовъ, тѣмъ не менѣе этотъ городъ можетъ похвалиться нѣкоторыми общественными зданіями, не уступающими многимъ постройкамъ въ самыхъ значительныхъ европейскихъ столицахъ. Послѣ дворца здѣсь обращаетъ на себя вниманіе своею величиною митрополичья церковь: ея полосатая окраска въ желтый и красный цвѣтъ придаетъ ей оригинальный и пестрый видъ. Университетъ привлекаетъ вниманіе своимъ строго классическимъ фасадомъ, который нѣсколько напоминаетъ постройки древнихъ. Женскій институтъ—видное зданіе съ мраморнымъ порталомъ, отдѣленное отъ бульвара красивою желѣзною рѣшеткою. Улучшеніе Аѳинъ идетъ чрезвычайно быстро.

Тщеславіе и любовь къ древнимъ предкамъ—въ высшей степени выдающіяся черты характера грековъ—играютъ большую роль въ ихъ жизни: они даютъ своимъ дѣтямъ при ихъ рожденіи классическія имена; многіе изъ нихъ носятъ имена Агамемнона, Алкивіада, Перикла и другихъ героевъ древности. Точно также и всѣ городскія улицы носятъ безсмертныя имена: мы уже знаемъ, что главныя изъ нихъ называются улицами Гермеса и Эола; второстепенныя носятъ названія: Праксителя, Эврипида, Ѳукидида, Ѳразибула, Солона и другихъ. Бульваръ Филэллиновъ (т.-е. греко-филовъ, людей преданныхъ Греціи) названъ въ честь друзей Греціи, а площади Конституціи и Согласія внезапно переносятъ изъ миѳологическаго и древне-историческаго періода къ новѣйшимъ фактамъ современной жизни. Дома иностранныхъ посольствъ, министерство, банкъ, университетъ — размѣстились вдали отъ центра города, на открытыхъ мѣстахъ. Улицы, прилегающія къ этой части города, имѣютъ видъ короткихъ, узкихъ и кривыхъ переулковъ; тутъ встрѣчаешь большею частью плохіе домишки. Хотя около многихъ домовъ вы видите садики, тѣмъ не менѣе недостатокъ зелени весьма чувствителенъ. Во всемъ городѣ только одинъ большой садъ королевы даетъ жителямъ прохладу и свѣжесть. Садъ, названный по имени королевы Амаліи, супруги Оттона, богатъ роскошною зеленью, цвѣтами, искусственными водоемами и извилистыми аллеями. Трудно вообразить себѣ что-нибудь восхитительнѣе. Тутъ можно найти не только самыя роскошныя и разнообразныя растенія юга и востока, но и множество деревьевъ, принадлежащихъ къ умѣренной полосѣ Европы. Содержаніе сада чрезвычайно затруднительно въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы, требуетъ самаго искуснаго ухода и поглощаетъ громадныя суммы на его поддержку. Причина такой дороговизны заключается прежде всего въ томъ, что этотъ садъ занимаетъ огромное пространство въ нѣсколько десятинъ, и вслѣдствіе сухости климата часто приходится поливать растенія водою, которая лѣтомъ здѣсь стоитъ не дешево. Наконецъ, не мало денегъ поглощаетъ наемъ садовниковъ и множество рабочихъ для чистки дорожекъ и павильоновъ. Впрочемъ, ими этотъ садъ не особенно щеголяетъ, но зато въ немъ есть рѣдкости, которыхъ не найдешь въ другомъ мѣстѣ. Изъ нихъ можно указать на римскую виллу, остатки которой отрыли, когда разводили садъ. Она уставлена по бокамъ найденными тутъ же статуями, частію цѣлыми, частію въ обломкахъ. Полъ виллы устланъ мозаикой, крышу ея составляетъ рѣшетка, увитая разными растеніями.

Многія улицы, несмотря на множество французскихъ вывѣсокъ и гуляющихъ, разодѣтыхъ по парижской модѣ, вполнѣ сохранили свою самобытную физіономію. Вотъ Аѳинская улица; по ней двигаются *охимы*—очень напоминающія наши кареты, но ихъ кучера въ бѣлой фустанеллѣ и аломъ фесѣ. У разряженной по послѣдней парижской картинкѣ дамы въ каретѣ часто видишь красный фесъ съ золотой кистью, который роскошно обвитъ ея косами. По улицѣ бредутъ ослы, съ привѣшенными къ бокамъ корзинами зелени или огромными кувшинами съ молокомъ и свѣжей во-

дой, а погонщикъ въ фустанеллѣ или черныхъ коленкоровыхъ шароварахъ идетъ позади, погоняя скотину и перебирая свои четки. На каждомъ шагу можно встрѣтить пастуха въ косматомъ овчинномъ тулупѣ, который гонитъ стадо козъ или индѣекъ. Въ извѣстные часы дня длинными рядами тянутся дѣти изъ общественныхъ школъ и сиротскихъ пріютовъ.

ХАРАКТЕРИСТИКА ГРЕКОВЪ.

Жилища народа; его характеръ, одежда и пища.

Жилища греческихъ простолюдиновъ построены самымъ первобытнымъ образомъ: четыре стѣны изъ красныхъ камней, легкая черепичная крыша безъ потолка, совершенное отсутствіе трубъ, дверей и оконъ, вмѣсто которыхъ дыры въ стѣнахъ и потолкахъ, запираемыя на ночь досками. Внутренность такихъ жилищъ такъ же печальна, какъ и ихъ наружный видъ. Пола въ хатѣ нѣтъ, и вмѣсто него земля только нѣсколько утоптана. Посреди одинъ на другомъ сложено нѣсколько большихъ камней, на которыхъ разводятъ огонь; эта незатѣйливая печка, которую можетъ сложить и разобрать каждый ребенокъ, служитъ имъ очагомъ, гдѣ приготовляютъ кушанье, и вокругъ него грѣется семья въ зимніе дни. На стѣнахъ одна, много двѣ полки, на которыхъ нѣсколько ложекъ, тарелокъ, горшковъ, чашекъ и большой котелъ. Но число подобныхъ жилищъ уменьшается съ каждымъ годомъ, и теперь уже все чаще встрѣчаются лучше построенные дома, и больше обращаютъ вниманіе на удобства; многіе изъ нихъ выведены теперь въ два этажа, снабжены трубами и окнами. Еще недавно въ жилищахъ простаго люда не было ни столовъ, ни постелей; теперь уже въ рѣдкой хатѣ нѣтъ стола для обѣда, а у многихъ на столѣ найдете даже скатерть, ножи и вилки. Часто встрѣчается и кровать, но изъ простыхъ досокъ на обрубкахъ, съ тугимъ матрасомъ, покрытымъ вышитымъ одѣяломъ. По всѣмъ стѣнамъ жилища развѣшаны ткани, шнуры, пряжа, одежда,—здѣсь все на виду. Греческая хижина обыкновенно состоитъ изъ двухъ отдѣленій: въ одномъ живутъ хозяева, въ другомъ свалены земледѣльческія орудія, стоятъ бочки и кадки съ запасами провизіи, и сюда же на ночь запираютъ домашнюю птицу.

Злая, сильная порода собакъ, какъ и вездѣ на востокѣ, бережетъ хозяйское добро и громко лаетъ на всякаго приближающагося къ дому. Всего оригинальнѣе то, что возлѣ жилищъ очень часто можно встрѣтить женщину, устроившую себѣ ткацкій станокъ между двумя деревьями: гречанка вся отдалась работѣ, а частыя вѣтви заботливо склоняются надъ нею, и ихъ густая зелень защищаетъ ее отъ палящихъ лучей солнца.

Земля—не единственный источникъ существованія грека, и онъ далеко не такъ прикованъ къ ней, какъ болгаринъ. По своимъ способностямъ онъ болѣе всего склоненъ къ торговымъ предпріятіямъ, сдѣлкамъ и къ самымъ разнообразнымъ спекуляціямъ. Въ характерѣ каждаго грека лежитъ сильное стремленіе къ пріобрѣтенію, къ наживѣ, потребность копить деньгу про черный день. Отецъ разстается съ дѣтьми, посылаетъ ихъ въ чужой домъ, нерѣдко даже совсѣмъ въ другую страну для заработка. По понятіямъ грека, богатый долженъ все больше и больше пріобрѣтать, и онъ заставляетъ искать внѣ дома прибыльныхъ занятій не только сыновей, но даже и дочь, часто уже съ 13—14-тилѣтняго возраста. Поэтому грековъ чрезвычайно много на всемъ Балканскомъ полуостровѣ: они являются докторами, учителями, каменьщиками, музыкантами, разными ремесленниками, но болѣе всего мелкими торгов-

цами. Благодаря своей энергіи, неутомимому трудолюбію и природной ловкости, чѣмъ бы ни занимался грекъ, онъ, особенно на чужбинѣ, всегда добьется не только скромнаго достатка, но и нѣкотораго благосостоянія. Не думайте, однако, что греки, заставляя дѣтей съ ранняго возраста искать счастья на чужбинѣ, не любятъ ихъ или что между членами семейства не существуетъ привязанности. Напротивъ,—разспросите любую гречанку о судьбѣ дѣтей, и она разскажетъ вамъ приблизительно такую исторію: у нея 8 человѣкъ дѣтей (у гречанокъ всегда ихъ очень много), между тѣмъ у нихъ небольшой участокъ земли, который ея мужъ легко обрабатываетъ съ помощью старшаго сына и ея самой; двѣ взрослыхъ дочери въ услуженіи въ городѣ; одинъ мальчикъ поступилъ ученикомъ къ фотографу, другой сдѣлался иконописцемъ. Старшія дочери, которыя находятся въ услуженіи, въ 3 года вдвоемъ скопили настолько солидную сумму, что уже пишутъ брату, который имѣетъ серьезное призваніе къ живописи, чтобы онъ бросилъ писать образа и начиналъ серьезно заниматься искусствомъ; онѣ также постоянно присылали деньги на образованіе своей маленькой сестры, которая еще оставалась дома.

Простой греческій людъ въ умственномъ отношеніи чрезвычайно подвиженъ. Онъ съ большимъ интересомъ слѣдитъ за политикой своей страны по греческимъ газетамъ, которыя часто проникаютъ даже въ самые отдаленные уголки. Впрочемъ, простой народъ читаетъ не только газеты, но и очерки изъ исторіи и біографіи своихъ знаменитыхъ предковъ. Разъ завелся хотя одинъ экземпляръ какой-нибудь книги, онъ обойдетъ населеніе нѣсколькихъ деревень. По окончаніи работъ изъ всѣхъ кофеенъ и харчевенъ раздаются голоса парней, которые горячо спорятъ между собой о политикѣ и о только что прочитанной книгѣ. При этомъ васъ поразитъ не только серьезный предметъ ихъ спора, но и форма выраженія, вполнѣ правильная и нерѣдко литературная, ихъ замѣчательная діалектика и краснорѣчіе.

Патріотизмъ сильно развитъ между греческими крестьянами; не смотря на ихъ страсть къ наживѣ, каждый изъ нихъ съ большою готовностью жертвуетъ деньги на школы, на національные музеи, больницы. Однако, нельзя умолчать и о томъ, что многіе дѣлаютъ это изъ одного тщеславія, такъ какъ это одна изъ преобладающихъ чертъ характера грека. Онъ тщеславится своею ловкостью, злобно издѣваясь надъ мѣшковатостью иностранца, при всякомъ удобномъ случаѣ вспоминаетъ своихъ знаменитыхъ предковъ, гордится своей родиной, ставя это маленькое королевство выше первостепенныхъ европейскихъ государствъ. Тщеславіе простолюдина высказывается въ его страсти къ одеждѣ. Онъ часто на послѣднія деньги покупаетъ штиблеты съ кисточками, шитый золотомъ камзолъ и бѣлую фустанеллу. Такъ или иначе эта характерная черта греческаго народа проявляется во всѣхъ классахъ общества. Военный никогда не оставитъ своей шпаги и старается не разставаться съ нею и тамъ, гдѣ бы онъ могъ легко безъ нея обойтись, и всюду непремѣнно будетъ ею побрякивать. Грекъ отличается также остроуміемъ и, какъ человѣкъ тщеславный, очень гордится своимъ остроуміемъ. Сидя у очага и весело болтая въ тѣсномъ кругу, вы тотчасъ замѣтите, что ничто не ускользнуло отъ его наблюдательности: мелкіе недостатки и промахи собрата онъ умѣетъ представить остроумно и въ каррикатурѣ. Если при этомъ товарищъ подмѣтитъ другія, болѣе тонкія черты и представитъ ихъ болѣе остроумно, глаза всѣхъ присутствующихъ обратятся къ нему съ благоговѣніемъ, и тотъ, кому острота менѣе удалась, серьезно огорчается и ходитъ, какъ опущенный, въ воду. Современные греки, какъ и ихъ предки, любятъ перемѣны, жадны до новостей и всегда съ большимъ любопытствомъ обо всемъ разспрашиваютъ иностранца. Лишь только окажется возможность подольше побесѣдовать, онъ заводитъ

горячій споръ, никогда не забывая выказать свое краснорѣчіе. Греки большіе охотники до споровъ и пререканій, но иностранцы стараются не увлекаться этимъ, такъ какъ находятъ ихъ черезчуръ задосчивыми, слишкомъ пристрастными къ своей родинѣ и въ высшей степени обидчивыми, если противная сторона не выказываетъ полной готовности соглашаться со всѣмъ, чего имъ хочется.

Греки по природѣ народъ восторженный, и тѣ изъ нихъ, которые получили хорошее воспитаніе и образованіе, способны на великія дѣла и подвиги великодушія; если они поставлены въ обыкновенныя условія, при которыхъ развивается громадное большинство, то изъ нихъ прежде всего выходятъ большіе охотники до наживы, а при плохихъ условіяхъ — отпѣтые плуты и негодяи. Въ дерзости, находчивости и ловкости продѣлокъ греческій воръ поспоритъ съ кѣмъ угодно: ни одинъ убійца не вонзитъ свой ножъ съ такимъ хладнокровіемъ, ни одинъ разбойникъ не проявитъ болѣе отчаянной удали, ни одинъ плутъ не съумѣетъ такъ ловко скрыть всѣхъ концовъ. Но какъ бы низко ни упалъ гражданинъ свободной Эллады, вы даже и въ такомъ субъектѣ нерѣдко встрѣчаете качества, которыя рѣзко выдѣляютъ его изъ среды негодяевъ и мошенниковъ другихъ національностей: часто даже самый отъявленный негодяй способенъ проявить великодушіе и состраданіе. Благодарность за оказанную услугу также свойственна грекамъ, какъ и албанцамъ. Съ мошенникомъ, который нѣсколько лѣтъ сряду убивалъ, грабилъ или занимался самымъ низкимъ промысломъ, общество вездѣ въ Европѣ считаетъ всѣ счеты поконченными, между тѣмъ здѣсь сплошь и рядомъ встрѣчаются примѣры полнаго, настоящаго раскаянія и возвратъ на честный путь.

Не только въ нравственномъ отношеніи, но и въ чертахъ лица, и въ тѣлосложеніи современные греки сохраняютъ характеристическія особенности своихъ предковъ. Прекрасные образцы красоты древняго греческаго типа можно видѣть въ скульптурныхъ произведеніяхъ. Такіе же безукоризненные типы красоты попадаются и теперь между современными греками: красивый, открытый лобъ, живые, темнокаріе глаза, полные огня и ума, съ длинными рѣсницами и правильнымъ очертаніемъ бровей, прекрасные зубы, тонкій, правильный профиль, легкая, граціозная походка. Однако, не смотря на тщеславіе грековъ своими знаменитыми предками, не смотря на то, что въ ихъ привычкахъ, характерѣ и даже физіономіи многое, дѣйствительно, напоминаетъ древнихъ эллиновъ, ученые доказываютъ все болѣе и болѣе, что новые греки происходятъ не столько отъ древнихъ эллиновъ, сколько отъ славянъ, наводнившихъ Балканскій полуостровъ во времена великаго переселенія народовъ.

Одежда грековъ очень оригинальна: густыя, черныя кудри ихъ покрыты фесомъ; узенькій, бѣлый воротничекъ лежитъ на роскошно вышитомъ камзолѣ съ висячими, разрѣзными рукавами. Изъ-подъ наряднаго камзола видна бѣлая рубаха, стянутая у таліи цвѣтнымъ кушакомъ; отъ него до колѣнъ спускается бѣлая, широкая фустанелла (юбка); но богато расшитый камзолъ не прямо одѣтъ на рубашку, а поверхъ нея есть еще черный, бархатный, расшитый разноцвѣтными шелками жилетъ. Ниже колѣнъ ноги затянуты въ узкія камаши (нѣчто въ родѣ штиблетъ), пурпурно-красныя или голубыя, съ синими кистями, а ноги обуты въ красные башмаки съ узкими концами или въ сандаліи. Плащъ изъ лохматой козлиной кожи съ висячими рукавами, а у богатыхъ голубое пальто съ краснымъ воротникомъ служитъ имъ верхнимъ платьемъ въ суровое время года. Греки держатъ себя съ необыкновеннымъ благородствомъ и развязностью. Врожденное чувство изящнаго замѣчаешь рѣшительно во всемъ—въ манерахъ, въ походкѣ, въ костюмѣ. «Я часто

встрѣчалъ на улицѣ», говоритъ одинъ путешественникъ, «одного греческаго атамана и одного богатаго человѣка изъ Спарты; рука объ руку гуляли они взадъ и впередъ по улицѣ съ такимъ гордымъ сознаніемъ своей красоты, что я никакъ не могъ вдоволь насмотрѣться на нихъ; они напоминали мнѣ исчезнувшихъ потомковъ царскаго рода, которые даже и подъ плащемъ нищаго умѣли сохранять свое достоинство».

Иностранца болѣе всего поражаетъ обычай многихъ грековъ носить въ рукѣ снурокъ съ деревянными или стеклянными четками, которые онъ перебираетъ, ходя по улицамъ или во время разговора. Этотъ обычай не имѣетъ никакого религіознаго значенія: это просто привычка къ извѣстному движенію, точно такъ-же, какъ у насъ многія женщины не могутъ не вязать чулка, какъ испанки не могутъ не играть вѣеромъ, многіе мужчины ходить безъ палки. При встрѣчѣ молодые греки, какъ и вездѣ въ Европѣ, приподнимаютъ шляпы, но хорошіе знакомые обнимаются и цѣлуются. Поцѣлуи замѣняютъ у нихъ поклоны и пожиманіе руки. Можно видѣть иногда даже, какъ часовой на гауптвахтѣ цѣлуется съ солдатомъ, который приходитъ къ нему на смѣну.

Женщины и дѣвушки высшаго сословія одѣваются по-европейски, только небольшая красная феска, вокругъ которой съ такою роскошью обвиваются толстыя косы, считается здѣсь признакомъ національности, и это головное убранство удержали даже и теперь многія здѣшнія свѣтскія женщины; простой же народъ и бѣдныя гречанки какъ здѣсь, такъ и во всей остальной Греціи носятъ костюмъ албанскій, лишь съ незначительными измѣненіями. Длинное шерстяное платье свѣшивается отъ шеи до ногъ и стягивается въ таліи краснымъ кушакомъ или поясомъ съ аграфомъ сверхъ рубашки; спереди привязываютъ цвѣтной передникъ и надѣваютъ вышитый камзолъ, имѣющій часто большое сходство съ мужскимъ. Многія носятъ яркаго цвѣта шелковую юбку и суконную кофточку, расшитую золотомъ. Выходя изъ дому, накидываютъ еще шубку, отороченную мѣхомъ. Гладко расчесанные волосы гречанки заплетены во множество косъ, и на голову она одѣваетъ фесъ, украшенный золотыми и серебряными монетами; изъ такихъ же монетъ сдѣлано и ея ожерелье. Многія гречанки прикалываютъ на голову вуаль и умѣютъ имъ драпироваться очень эффектно.

Лица женщинъ весьма смуглы, иногда даже темно-бронзовыя; волосы у всѣхъ черные, но особенно красивыхъ гречанокъ очень мало. Всѣ онѣ отцвѣтаютъ чрезвычайно скоро, и это происходитъ, вѣроятно, оттого, что онѣ кормятъ дѣтей своихъ грудью до 3-го, а иногда даже и до 4-го года и завалены въ молодости работами. Не мало портитъ также ихъ кожу и измѣняетъ ихъ цвѣтъ лица обильное употребленіе порошка, которымъ онѣ, съ очень раннихъ лѣтъ, пудрятъ себѣ лицо.

Простая гречанка, какъ всѣ женщины Балканскаго полуострова, много работаетъ дома, но менѣе другихъ обременена полевыми работами и поэтому отличается болѣе утонченнымъ вкусомъ, большею заботливостью объ опрятности и изяществѣ своей одежды и жилища. Въ Греціи считается необходимымъ, чтобы молодая дѣвушка знала множество рукодѣлій, и поэтому ее съ раннихъ лѣтъ учатъ вязать всевозможныя вязанья, прясть шелкъ, ленъ, шерсть, бумагу, ткать холстъ и различныя матеріи. Между 10 и 14-ю годами, она, какъ и въ Черногоріи, пасетъ стадо своего семейства; послѣ этого она или поступаетъ въ услуженіе, въ чужой домъ, или остается дома, если мать очень стара и больше некому присмотрѣть за хозяйствомъ. Каждая дѣвушка стремится отправиться за предѣлы своей родной деревушки; тутъ сказывается и желаніе сдѣлаться поскорѣе совершенно самостоятельною, увидѣть

свѣтъ и вести болѣе разнообразную жизнь. Въ греческомъ простонародіи существуетъ мнѣніе, что поведеніе молодой дѣвушки тѣмъ лучше, чѣмъ она менѣе выходитъ изъ дома; вслѣдствіе этого ее заставляютъ вести очень однообразную, уединенную жизнь; понятно, что дѣвушки ждутъ съ нетерпѣніемъ праздниковъ, на которыхъ онѣ могутъ натанцоваться вволю и одѣться въ праздничный нарядъ.

Самая выдающаяся черта характера гречанки всѣхъ классовъ общества—страсть къ нарядамъ, желаніе блеснуть ими передъ другими и зависть ко всѣмъ женщинамъ, лучше ея одѣтымъ. Это соревнованіе въ одеждѣ доходитъ до того, что большинство женщинъ готовы выносить лишенія, жить впроголодь, лишь бы имѣть возможность отъ времени до времени блеснуть своимъ туалетомъ. Сдѣлавшись самостоятельною, каждая дѣвушка непремѣнно копитъ деньги, чтобы на заработокъ купить на платье яркую матерію, а еще чаще золотыя монеты, которыя онѣ носятъ на шеѣ, въ видѣ ожерелья.

Гречанки отличаются чистотою нравовъ, трудолюбіемъ и глубокою преданностью своимъ мужьямъ. Какое бы горе не случилось съ ея мужемъ, она всюду слѣдуетъ за нимъ, продаетъ для облегченія его судьбы все, что только имѣетъ, даже свое праздничное платье, которымъ она такъ дорожитъ, нерѣдко жертвуетъ даже счастьемъ дѣтей, бросая ихъ на произволъ судьбы, но мужа она не оставитъ до гробовой доски даже и въ томъ случаѣ, если она не по страсти вышла за него замужъ.

Грецію менѣе, чѣмъ какую бы то ни было страну, населяютъ народы другихъ національностей. Турки, прежде столь многочисленные въ нѣкоторыхъ ея частяхъ, должны были бѣжать изъ страны, гдѣ ихъ присутствіе вызывало тяжелыя воспоминанія; свидѣтелями ихъ пребыванія остались теперь только феска, кальянъ и туфли. Евреи, которыхъ такъ много во всѣхъ славянскихъ и мусульманскихъ городахъ, боятся жить между греками, которые представляютъ для нихъ опасныхъ соперниковъ по денежнымъ сдѣлкамъ.

За обѣдомъ простолюдина непремѣнно увидите черныя оливы и яичницу, жареную въ оливковомъ маслѣ, которую они запиваютъ виномъ, на вкусъ очень горькимъ, отзывающимся смолой и непріятнымъ для непривычнаго человѣка. У людей болѣе зажиточныхъ найдешь и пилавъ съ бараниной. Но греки вообще замѣчательно умѣренный народъ: ѣдятъ они очень мало, вино обыкновенно пьютъ за обѣдомъ, но до того немного, что грека никогда не увидишь на улицѣ пьянаго и качающагося изъ стороны въ сторону.

ЗАНЯТІЯ.

Мраморныя богатства грековъ. — Земледѣліе; его жалкое состояніе. — Коринка и оливы. — Что сдѣлала Греція для улучшенія своего быта за послѣднее время. — Торговый и промышленный духъ народа.

Хотя Греція и не бѣдна ископаемыми произведеніями, а въ древности имѣла даже золотые и серебряные рудники, но о правильномъ горномъ промыслѣ не можетъ быть и рѣчи. Ея настоящее богатство—въ мраморѣ. Можно смѣло сказать, что ни одна европейская страна не имѣетъ такого мраморнаго богатства, какъ Греція. Одна Лаконія можетъ представить образцы всѣхъ породъ: кромѣ бѣлаго мрамора, здѣсь въ изобиліи встрѣчается сѣрый, голубой, бѣловатый, даже черный мраморъ, который находится въ большомъ количествѣ, и, наконецъ, знаменитый въ древности, зеленый мраморъ. Какой богатый матеріалъ для великолѣпнѣйшихъ дворцовъ! Но,

къ сожалѣнію, въ Греціи слишкомъ мало денегъ, чтобы строить ихъ, нѣтъ и архитекторовъ, которые могли бы строить зданія съ тѣмъ искусствомъ и изяществомъ, которое имъ завѣщали ихъ предки. Въ $1^1/_2$ миляхъ отъ Аѳинъ находится огромная гора, Пентеликонъ, изъ прекраснаго мрамора которой были построены Парѳенонъ, храмъ Олимпійскаго Зевса и другія безсмертныя исполинскія зданія города Минервы. Богатыя пентеликонскія ломки доставляли также драгоцѣнный матеріалъ для статуй Фидія и Праксителя; мраморъ для статуй болѣе древнихъ, отличающійся своею ослѣпительной бѣлизною, выламывался на островѣ Паросѣ; но если произведенія искусства, сдѣланныя изъ него, восхищаютъ зрѣніе, то запахъ, издаваемый имъ при расколкѣ, производитъ непріятное впечатлѣніе на обоняніе. Двѣ тысячи лѣтъ паросскія мраморныя ломки находились въ бездѣйствіи вслѣдствіе совершеннаго упадка изящныхъ искусствъ въ Греціи, и только теперь, въ самое послѣднее время, около нихъ снова закипѣла жизнь.

Земледѣліе здѣсь не особенно процвѣтаетъ, и способы обработки земли еще самые первобытные: это зависитъ отъ здѣшней почвы и оттого, что греки долго находились подъ турецкимъ игомъ. Греція и прежде не была страною земледѣльческою и хлѣбородною; но все-таки теперь около $^1/_4$ населенія существуетъ земледѣльческими занятіями. Это не особенно мало въ странѣ, гдѣ мореходство и торговля болѣе выгодны. Каменистая почва греческаго королевства, изрѣзанная полосами плодородной земли, годной для произрастанія пшеницы и ячменя, производитъ въ особенномъ изобиліи *оливу*, *виноградъ* и *коринку*,—тотъ же виноградъ, только съ особенныхъ виноградныхъ лозъ, дающихъ чрезвычайно мелкія ягоды. Всѣ три названныя произведенія, а болѣе всѣхъ коринка, по количеству не только внутренняго употребленія, но и заграничнаго сбыта, составляютъ важный источникъ народнаго богатства. И дѣйствительно, виноградниковъ въ странѣ чрезвычайно много; они простираются всюду, куда ни взглянешь, и такъ далеко, какъ только можетъ охватить взоръ, а тамъ и здѣсь обширныя плантаціи оливковыхъ, фиговыхъ, апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ придаютъ очень многимъ мѣстностямъ Греціи видъ обширныхъ садовъ.

Каменистая почва не можетъ, разумѣется, уже сама по себѣ дать хорошаго урожая, а тутъ присоединилась еще и другая причина упадка земледѣлія въ Греціи,— несчастное положеніе страны подъ властью турокъ, которые поощряли всюду произволъ своихъ чиновниковъ и подавали примѣръ презрѣнія къ мирнымъ, осѣдлымъ занятіямъ и въ особенности къ полевымъ работамъ. Вслѣдствіе плохого земледѣлія и тяжелыхъ, неправильно распредѣленныхъ налоговъ, греческій народъ очень бѣденъ до сихъ поръ. Измѣнить политическое положеніе страны, какъ оказалось, было легче, чѣмъ улучшить экономическій бытъ народа. Общими усиліями, въ нѣсколько лѣтъ, свергли иго турокъ, затѣмъ одно правительство смѣняли другимъ, но вотъ уже много десятковъ лѣтъ, несмотря на общія усилія благомыслящихъ людей, не могутъ ввести хорошій плугъ въ сельское хозяйство, не могутъ уничтожить многихъ причинъ народной бѣдности. Между тѣмъ Греція во всѣхъ отношеніяхъ быстро идетъ впередъ и развивается.

Послѣ семилѣтней войны (съ 1821 до 1828 г.) Греція до того была истощена, что народъ ея буквально нищенствовалъ и просилъ по дорогамъ милостыню или добывалъ ее силою, т.-е. просто-напросто разбойничалъ; земледѣліе находилось въ крайнемъ упадкѣ, виноградники были истреблены, фруктовыя деревья сожжены и вырублены турками, главныя статьи торговли почти уничтожены; тысяча жалкихъ судовъ представляли всю морскую силу; города лежали въ развалинахъ. Несмотря на всѣ эти неблагопріятныя условія, при которыхъ создалась и развивалась нынѣшняя

Греція, она сдѣлала весьма значительные успѣхи въ непродолжительный періодъ своего самостоятельнаго существованія. Народонаселеніе ея возросло болѣе, чѣмъ вдвое, — по послѣдней переписи (1889 г.) было 2.287.200 ч.; доходы страны возросли въ пять разъ; почти половина всей площади государства теперь воздѣлана, что было весьма затруднительно при гористой, во многихъ мѣстахъ каменистой и негодной для земледѣлія почвѣ. При этомъ расчищены многіе подземные стоки, предохраняющіе глубокія котловины отъ ежегодныхъ наводненій; это дало возможность пріобрѣсти нѣсколько тысячъ десятинъ отличной земли. Вслѣдствіе этого внѣшняя торговля быстро расширилась. Производство коринки, главный предметъ вывоза, увеличилось въ 15 разъ; количество виноградниковъ и оливковыхъ деревьевъ въ продолженіе 40 лѣтъ увеличилось въ 20 разъ; производство табаку за такой же періодъ времени — въ 5 разъ. Лишь съ 1869 г. появилось въ Греціи фабричное производство. На вновь устроенныхъ фабрикахъ и заводахъ работаетъ теперь болѣе 25.000 ч. Греческій флотъ также значительно увеличился. Мало того, за этотъ періодъ самостоятельной жизни Греціи на пустынныхъ мѣстахъ основано 11 новыхъ городовъ, и болѣе 40 городовъ, разрушенныхъ войною, были за это время возстановлены и увеличены. Нѣкоторыя дороги, по которымъ могли ходить только пѣшеходы или ѣздить всадники, единственные пути сообщенія при турецкомъ господствѣ, замѣнены теперь проѣзжими дорогами, и по королевству протянулись телеграфныя линіи. До 10 портовъ вычищены, углублены и открыты для сообщеній. Построены маяки и мосты.

Однако, какъ ни трудолюбивъ греческій крестьянинъ, сколько ни сдѣлано для улучшенія земледѣлія, но душа его болѣе всего лежитъ къ торговлѣ и промышленности. Развитію этихъ склонностей прежде всего помогаетъ географическое положеніе страны. Ея горные лабиринты и множество бухтъ развили въ обитателяхъ самыя характерныя свойства горнаго и приморскаго народа. При первыхъ признакахъ возрожденія, греки показали такую великую способность къ мореходству и торговлѣ, что наблюдательные англичане, удивляясь ихъ таланту, осмотрительности, опытности, старанію, бережливости, предсказывали имъ великіе успѣхи. Образованіе, которое сильно и быстро распространяется между греками, весьма помогаетъ правильному развитію торговли, доказательствомъ чему служитъ постоянное увеличеніе за послѣднее время торговыхъ сношеній грековъ со всѣмъ свѣтомъ. Теперь важнѣйшіе представители греческой торговли и по своему образованію, и по своему торговому такту и предпріимчивости стоятъ наравнѣ съ представителями торговли самыхъ образованныхъ и промышленныхъ европейскихъ націй. Благодаря лѣности и неспособности турокъ, греки уже до начала нынѣшняго вѣка держали, какъ держатъ и теперь, въ своихъ рукахъ торговлю всего востока; но теперь, кромѣ того, можно найти во всѣхъ первостепенныхъ городахъ не только Стараго, но и Новаго свѣта, богатѣйшіе торговые дома подъ греческими фирмами. Несмотря, однако, на быстрое движеніе впередъ, современное положеніе Греціи во многихъ отношеніяхъ весьма печально. Финансы страны, какъ было указано выше, въ ужасномъ положеніи, бѣдность массы народа увеличивается, налоги и подати все ростутъ, разбойничество еще до сихъ поръ далеко не уничтожено, что, съ одной стороны, заставляетъ чувствовать полную необезпеченность, а съ другой еще болѣе разоряетъ жителей; при безпрестанно повторяющихся войнахъ съ турками изъ-за греческихъ провинцій, оставшихся подъ владычествомъ турокъ, Греція чрезвычайно рѣдко, въ продолженіе длиннаго періода, наслаждается миромъ.

ОБРАЗОВАНІЕ.

Первоначальное образованіе.—Университетъ.—Страсть греческаго народа къ наукѣ.—Лишенія университетской молодежи.—Какая карьера предстоитъ въ будущемъ образованному греку.—Среднее и высшее общество.—Женскій институтъ Арсакѳонъ.—Печать.

Не одинъ торговый, промышленный духъ представляетъ характерную черту этой націи: греки издавна выказывали самое горячее стремленіе къ образованію. «О, золотая луна, что свѣтитъ мнѣ на пути къ наукѣ,—самый драгоцѣнный даръ Бога», такой былъ припѣвъ пѣсни, которую распѣвали греческіе мальчики, отправляясь ночью въ школу во время турецкаго господства. Чтобы избѣгнуть преслѣдованій турокъ, греческія дѣти и ихъ родители ночью тайкомъ подкрадывались къ дому учителя и тамъ продолжали также тайно и тихо свои занятія. Такимъ образомъ деревенская школа и дома учителей дѣлались мѣстомъ тайнаго собранія, но не съ цѣлями революціонной пропаганды, а съ цѣлями взаимнаго просвѣщенія. Въ то время греческихъ школъ было очень мало, но если возможно было открыть школу, несмотря на всю нищету свою, греки тотчасъ собирали для нея деньги. Конечно, обученіе того времени было весьма жалкое, но эти факты все-таки доказываютъ, какъ сильно уже издавна было въ грекахъ стремленіе къ образованію. Послѣ окончанія борьбы за свободу, когда поля Греціи еще дымились кровью, греческое правительство издавало уже декреты объ открытіи школъ, и народъ повсюду громко требовалъ основанія лицеевъ и академій. Но какъ открыть эти общественныя заведенія, когда государство истощено войною? Тогда болѣе зажиточные греки со всѣхъ концовъ родины посылаютъ громадныя пожертвованія на образованіе.

Понятно, что при такой общей, страстной жаждѣ знанія, Греція со времени своего освобожденія ни въ чемъ не сдѣлала такихъ успѣховъ, какъ въ образованіи. Въ этой маленькой странѣ чрезвычайно много самыхъ разнообразныхъ школъ и учебныхъ заведеній: 35 гимназій, 300 школъ второразрядныхъ, университетъ, женскій институтъ и безъ малаго 2.000 первоначальныхъ школъ. Первоначальное образованіе не только даровое, но и обязательное: дѣти обязаны посѣщать школы отъ 7 до 12 л. Обученіе даровое не только въ первоначальныхъ школахъ, но и въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, а также и въ университетѣ. Если обратить вниманіе на то, что̀ Греція затрачиваетъ на свое общественное образованіе, и при этомъ принять въ разсчетъ ея средства вообще, время независимаго существованія и ея населенность, то она займетъ въ этомъ отношеніи одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду всѣхъ націй. Здѣсь какъ самый бѣдный человѣкъ, такъ и самый богатый гордится болѣе всего тѣмъ, что сынъ его образованъ.

Аѳинскій университетъ расширяется съ каждымъ годомъ: теперь въ немъ 62 профессора и 2.600 студентовъ. Зданіе университета одно изъ лучшихъ въ Аѳинахъ; оно построено изъ ослѣпительно-бѣлаго мрамора и въ древнегреческомъ стилѣ. Аѳинскій университетъ открытъ для людей всѣхъ званій, безъ всякой платы, и любовь, которую молодежь обнаруживаетъ къ ученію, просто изумительна. Тутъ, разумѣется, какъ и вездѣ, есть даровитые и бездарные юноши, но всѣ единогласно утверждаютъ, что здѣсь чрезвычайно рѣдко можно встрѣтить юношу, ничего не дѣлающаго. Едва только открылся университетъ, толпы молодежи, со всѣхъ концовъ Греціи, стали въ него стекаться. Множество мальчиковъ приходили издалека въ Аѳины босикомъ, ѣли сухой

хлѣбъ, приготовляли другъ друга къ университету, и такимъ образомъ многіе сдавали вступительные экзамены. Тутъ бываютъ часто такіе случаи: приходятъ юноши въ Аѳины съ нѣсколькими рублями въ карманѣ, опредѣляются слугами къ тому или другому зажиточному человѣку, а то и въ гостинницу, выговариваютъ за всѣ свои услуги только пристанище и кусокъ хлѣба вмѣстѣ со слугами и право на нѣсколько часовъ въ день ходить на лекціи. Ночью такой молодой человѣкъ занимается, а вечеромъ и днемъ набиваетъ трубки, бѣгаетъ по порученіямъ и служитъ. Студентовъ, живущихъ такимъ образомъ, не мало въ аѳинскомъ университетѣ.

Къ сожалѣнію, молодой человѣкъ, окончившій здѣсь высшее образованіе, находитъ весьма мало путей для примѣненія своихъ знаній. Болѣе способные избираютъ научную карьеру, но этотъ трудъ здѣсь весьма дурно оплачивается; нѣкоторые становятся учителями; но эта обязанность требуетъ большого терпѣнія и полнаго отреченія отъ всякихъ надеждъ на славу и извѣстность, что совсѣмъ не въ характерѣ грека, начинающаго мечтать чуть не съ пеленокъ о славѣ и общественной дѣятельности. Весьма затруднительно найти мѣсто и такому молодому человѣку, который рѣшается заниматься не умственнымъ трудомъ, а просто хочетъ получить занятія въ конторѣ: при самомъ незначительномъ жалованьѣ, на эти мѣста всегда сотни претендентовъ. Молодому человѣку, сдѣлавшему цѣлый рядъ неудачныхъ попытокъ, остается только одно: поселившись въ Аѳинахъ, стать въ ряды поклонниковъ какого-нибудь государственнаго дѣятеля, пописывать въ газетахъ, разбивать въ пухъ и прахъ одного министра, чтобы выдвинуть другого, и за это ожидать себѣ какого-нибудь мѣстечка. Большая часть образованной молодежи только и думаетъ о томъ, чтобы попасть въ депутаты, такъ какъ, несмотря на незначительное содержаніе, это мѣсто даетъ возможность греку мечтать о министерскомъ портфелѣ. Честолюбіе—одна изъ главныхъ чертъ характера грека. Понятно, что при такомъ большомъ количествѣ людей, мечтающихъ о званіи министра, парламентъ представляетъ всегда ожесточенную борьбу партій. Очень часто эти партіи не представляютъ существеннаго различія въ мнѣніяхъ по вопросамъ государственнаго управленія, разногласятъ въ мелочахъ и, руководствуясь эгоистическими соображеніями, стараются столкнуть существующее министерство, не всегда потому, чтобы оно было дурно, а часто для того, чтобы посадить на его мѣсто нужныхъ имъ людей. Крайне непродолжительное существованіе каждаго министерства вредно отзывается на государственномъ управленіи, такъ какъ за немногіе мѣсяцы своего существованія министръ не успѣваетъ провести серьезныхъ и полезныхъ мѣръ. Такимъ образомъ, за неимѣніемъ другихъ путей для дѣятельности, множество образованныхъ молодыхъ людей тратятъ свои силы на безплодную политическую борьбу.

Греція—демократическая страна, не имѣющая дворянства. Если вы встрѣчаете военныхъ и не знаете формы, вы не отличите здѣсь солдата отъ офицера; селянина, въ праздничный день, можно принять за учителя или чиновника; у всѣхъ одинаково простонародные вкусы, внѣшность, манеры, говоръ, всѣ одинаково просто обращаются другъ съ другомъ. Средоточіе греческой интеллигенціи (къ которой можно причислить рѣшительно всѣхъ, окончившихъ высшее образованіе, а здѣсь его можетъ получить и сынъ простолюдина) и греческой знати—въ Аѳинахъ. Лица, которыхъ здѣсь причисляютъ къ знати, вовсе не имѣютъ знатныхъ предковъ: министры, люди, занимающіе высшіе посты при дворѣ, всѣ они изъ той же греческой интеллигенціи, отцы которыхъ пашутъ землю или имѣютъ какую-нибудь торговую фирму.

Жизнь этого средняго и высшаго общества въ Аѳинахъ очень скучна и однообразна. Только при дворѣ бываютъ балы, а то всюду царствуетъ полнѣйшее за-

тишье. Зимою Аѳины еще нѣсколько оживляются во время карнавала; тогда улицы наполняются множествомъ масокъ; но такимъ образомъ веселится низшій классъ. Что же касается высшихъ классовъ, то они ограничиваются въ это время визитами къ своимъ друзьямъ въ совершенно закрытыхъ домино и непроницаемыхъ маскахъ, стараясь при этомъ строго сохранять инкогнито. Такимъ образомъ высшій классъ, сановники и государственные люди со своими женами живутъ тихо, просто, уединенно и напоминаютъ своимъ образомъ жизни скорѣе кружокъ людей ученыхъ, замкнутыхъ въ своемъ кабинетѣ и семьѣ, чѣмъ столичную знать. Это происходитъ, главнымъ образомъ, отъ недостаточности средствъ. Жалованье министрамъ и другимъ высшимъ сановникамъ и служащимъ лицамъ такъ ничтожно, что приказчикъ въ коммерческомъ домѣ средней руки не принялъ бы его ни въ Америкѣ, ни въ Лондонѣ. Плата греческому министру около 3 тысячъ руб. на наши деньги, а плата члену парламента около 500 руб. за сессію. На такое жалованье семейному человѣку, даже при аѳинской дешевизнѣ, не приходится особенно роскошничать. Въ то же время это ничтожное жалованье не представляетъ большого соблазна вступать на службу, и если греки стремятся къ ней, то ясно, что не изъ денежнаго разсчета. Служащіе люди оставляютъ здѣсь службу иногда бѣднѣе, чѣмъ они были прежде. Бывали случаи, что люди, занимавшіе самые высшіе посты въ государствѣ, оставивъ службу, должны были прибѣгать къ частной благотворительности. Честолюбіе и любовь къ власти—характерныя черты грека, и онѣ то влекутъ его къ политикѣ, заставляютъ стремиться къ высшимъ должностямъ, несмотря на сознаніе, что власть эта будетъ въ его рукахъ очень недолго и не принесетъ матеріальныхъ выгодъ. По сравненію съ другими государствами, гдѣ европейская знать, кромѣ громаднаго жалованья отъ своихъ должностей, имѣетъ и большія помѣстья и многіе другіе источники дохода, читатели могутъ задать вопросъ: неужели греческія сановныя лица живутъ только своимъ жалованьемъ? Мы отвѣтимъ на это утвердительно. Греческая знать—все большею частью люди бѣдные. Кто изъ нихъ имѣетъ поземельную собственность, у того она въ залогѣ и обременена большими долгами.

Но возвратимся къ описанію учебныхъ заведеній. Послѣ университета, самое замѣчательное учебное заведеніе въ Аѳинахъ—женскій институтъ Арсакеонъ, названный такъ по имени одного богатаго грека Арсаки, который пожертвовалъ огромный капиталъ на его открытіе. Арсакеонъ—огромное женское заведеніе; оно управляется совѣтомъ, который состоитъ изъ профессоровъ университета и почетныхъ городскихъ жителей. Въ институтѣ есть приходящія и тамъ живущія воспитанницы,—всѣхъ вмѣстѣ считается 1500 ученицъ. По окончаніи курса институтки отправляются въ провинціальныя школы учительницами или поступаютъ гувернантками. Заведеніе это пользуется такою извѣстностью, что, задолго до выпуска воспитанницъ, получаются приглашенія не только отъ грековъ, живущихъ въ греческомъ королевствѣ и на островахъ, но даже отъ грековъ изъ Смирны, Константинополя; часто даже греческія семейства, живущія въ Англіи, предпочитаютъ брать свою соотечественницу изъ Арсакеона, чѣмъ иностранку. Свободный доступъ въ аѳинскій институтъ удовлетворяетъ горячему стремленію къ женскому образованію. Большая часть приходящихъ воспитанницъ принадлежитъ къ бѣднѣйшему классу городскихъ жителей. Рыбная торговка, молочница, прачка—не допиваетъ и не доѣдаетъ, откладывая всѣ трудовыя деньги, чтобы помѣстить дочку въ институтъ. Конечно, тутъ, кромѣ стремленія къ образованію, высказывается и желаніе сдѣлать для дочери болѣе счастливую карьеру, чѣмъ своя собственная, такъ какъ институтки этого заведенія никогда не остаются безъ мѣстъ послѣ выпуска.

Печать въ Греціи пользуется замѣчательной свободой: не допускается лишь оскорбленіе короля и религіи, а затѣмъ каждый имѣетъ право выражать свое мнѣніе какимъ путемъ пожелаетъ, т.-е. перомъ или словомъ. Цензуры не существуетъ. До 1821 г. въ странѣ не существовало ни одной газеты; теперь газетъ и журналовъ болѣе 130.

НРАВЫ, ОБЫЧАИ И РАЗВЛЕЧЕНІЯ.

Предложеніе.—Обрученіе.—Обычай молчанія.—Бракъ и церемоніи, какими онъ сопровождается.—Похороны.—Миріологи.—Посты и другіе религіозные обряды.—Засуха.—Пѣсни и ихъ значеніе для грековъ.—Слѣпые пѣвцы.—Танцы.

Богатые греки обыкновенно не имѣютъ никакихъ предразсудковъ въ дѣлѣ замужества своихъ дочерей и часто выдаютъ ихъ замужъ за своихъ слугъ, если только они порядочные люди и молодые люди нравятся другъ другу. Когда парню понравилась дѣвушка, онъ старается выбрать такое время, когда она одна. Гречанка тотчасъ пойметъ, что и молодецъ подходитъ къ ней съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ей предложеніе, такъ какъ прежде, чѣмъ о чемъ-нибудь заговорить, онъ броситъ въ нее цвѣтами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вмѣсто этого подаетъ ей яблоко. Никакой страхъ, никакая опасность не заставятъ юношу перемѣнить намѣреніе, если онъ уже сдѣлалъ дѣвушкѣ предложеніе. «Если бы тысячи мечей и ножей были у меня подъ ногами», распѣваетъ онъ въ это время, «я раздавилъ бы ихъ всѣхъ и пришелъ къ тебѣ». Чтобы доказать своей возлюбленной, что онъ готовъ перенести для нея всякія испытанія, онъ иногда, стоя подъ ея окномъ, вонзаетъ себѣ кинжалъ въ руки и ноги. Но если, несмотря на взаимную привязанность молодыхъ людей, родители не согласятся на ихъ бракъ, то дѣло нерѣдко доходитъ до кровопролитія, поднимается цѣлая деревня, и влюбленный юноша съ помощью молодежи, которая всегда на его сторонѣ, увозитъ свою возлюбленную силою. Нерѣдко дѣвушка сама устраиваетъ побѣгъ и вѣнчается съ любимымъ человѣкомъ.

Когда родители той и другой стороны соглашаются на бракъ своихъ дѣтей, тотчасъ устраиваютъ обрученіе. Въ назначенный вечеръ родители собираются вмѣстѣ, или къ отцу жениха, или въ невѣстинъ домъ; туда же приходитъ и священникъ; кладутъ на столъ контрактъ, и двѣ молодыя дѣвушки вводятъ невѣсту, окутанную вуалью. Женихъ идетъ къ ней навстрѣчу, беретъ ее за руку, и они подходятъ къ священнику, который ихъ благословляетъ и мѣняетъ ихъ кольца. Затѣмъ женихъ и невѣста выходятъ изъ комнаты, а родители остаются, пьютъ, поздравляютъ другъ друга и назначаютъ день свадьбы. Послѣ обрученія свадьбу иногда назначаютъ очень скоро, иногда же откладываютъ на нѣсколько мѣсяцевъ или даже на цѣлый годъ. Но на сколько бы она ни была отсрочена, женихъ и невѣста отъ самаго дня обрученія до свадьбы не могутъ разговаривать между собой. Здѣсь считается величайшимъ позоромъ, если замѣтятъ, что женихъ подойдетъ къ невѣстѣ или скажетъ съ ней хотя одно слово.

За нѣсколько дней до свадьбы родители жениха и невѣсты посылаютъ пригласительныя свадебныя письма ко всѣмъ своимъ родственникамъ, друзьямъ и знакомымъ. Каждый приглашенный, поблагодаривъ посланнаго, считаетъ долгомъ взвалить ему на плечи ягненка, убраннаго цвѣтами и лентами, или часть коровы, нѣсколько хлѣбовъ для свадебныхъ угощеній.

Въ Греціи почти въ каждой мѣстности свои особые брачные обряды и по-

рядки. Большею частью невѣста должна идти подъ вѣнецъ шатаясь, какъ несчастная жертва, окруженная многочисленной толпой, съ музыкою и пѣніемъ. Впереди идетъ ребенокъ и держитъ передъ нею зеркало, а на серединѣ пути ее встрѣчаетъ женихъ со своими. При этомъ головной уборъ невѣсты очень интересенъ: въ волосахъ у нея золотыя нити, которыхъ иногда такъ много, что кажется, будто у дѣвушки золотые волоса, кромѣ того, на головѣ огромная пурпурная повязка; сама она тщательно нарумянена, съ подкрашенными бровями и рѣсницами. Послѣ бракосочетанія идутъ въ домъ жениха, и при этомъ изъ всѣхъ домовъ сбѣгается народъ и бросаетъ въ молодыхъ цвѣтами, плодами, виноградомъ. Жители деревни, изъ которой взята молодая, поютъ: «У насъ похитили прекрасную дѣвушку, и мы теперь остались точно въ разоренномъ городѣ».

Когда молодая вошла въ комнату, то, послѣ разныхъ обрядовъ, всѣ садятся за столъ, кромѣ невѣсты, которая стоитъ закрытая вуалью. Посреди пира къ ней подходитъ дружка и открываетъ лицо. Всѣ обряды сопровождаются пѣснями, и во время пиршествъ никогда не повторяется одна и та же пѣсня, такъ какъ на всякій свадебный обрядъ, на всякое время этого дня существуетъ и особая пѣсня. Эти свадебныя пѣсни поются поочереди, то мужчинами, то женщинами, и этимъ напоминаютъ древне-греческія пѣсни Гименею; нѣкоторыя пѣсни поются всѣми вмѣстѣ. Послѣ обѣда—танцы; если молодая не любитъ танцовать, она можетъ отправиться къ себѣ, но непремѣнно должна начать танецъ.

Лишь только кто-нибудь умеръ, его родственницы въ ту же минуту оставляютъ его и переходятъ въ домъ сосѣдки переодѣться въ трауръ, распустить свои волосы, и только въ такомъ видѣ возвращаются къ покойнику. Между тѣмъ тѣло покойнаго успѣли уже вымыть виномъ, одѣть въ саванъ и положить. При этомъ всѣ двери, гдѣ лежитъ покойникъ, открываютъ, чтобы его друзья, знакомые и незнакомые, всѣ могли придти проститься съ нимъ. Каждаго покойника здѣсь обыкновенно окружаетъ множество плакальщицъ, которыя, въ слезахъ и рыданіяхъ, ломаютъ руки, причитаютъ, или, какъ выражаются здѣсь, произносятъ миріологи. Этими плакальщицами бываютъ или родственницы усопшаго, или наемныя женщины.

«Зачѣмъ ты меня покинулъ», причитаютъ плакальщицы. «Вѣдь у тебя есть все: кремень и огниво, много навозу; твоя коса съ деревянной ручкой изъ чистаго желѣза». Или: «Чего же ты идешь искать? Трава поросла по порогу твоей хаты; твой дворъ опустѣлъ; твои конюшни остались безъ лошадей... О, приходи и оживи твое жилище». Вотъ еще образчикъ: «Наслаждайся свѣтомъ,—ты его видишь послѣдній день, завтра ты будешь лежать въ сырой землѣ! О, мой сынъ! сдѣлайся тучкой, облакомъ или птичкой, чтобы еще наслаждаться свѣтомъ». Вообще миріологи, сказанные кстати и не наемными плакальщицами, а людьми, любившими усопшаго, вызываютъ много горячаго чувства у присутствующихъ. Но тутъ же происходитъ и много страннаго. Иногда во время миріологовъ чихаетъ ребенокъ, тогда сосѣдки бросаются на него и рвутъ на немъ рубашку, полагая, что иначе онъ непремѣнно преждевременно умретъ. Но что производитъ здѣсь особенно тяжелое впечатлѣніе, такъ это то, что у умершихъ женщинъ щеки и губы обыкновенно нарумянены; это придаетъ трупу отвратительный видъ. Когда опускаютъ покойника въ могилу, родственники рвутъ на себѣ волосы и бросаютъ ихъ вмѣстѣ съ нимъ, — обычай, который былъ извѣстенъ еще въ древности. Послѣ похоронъ всѣмъ присутствующимъ раздаютъ теплый хлѣбъ, оливы, сыръ и вино, чтобы они помолились за душу умершаго. Затѣмъ всѣ возвращаются, но, прежде чѣмъ вступить въ домъ, гдѣ приготовленъ поминальный обѣдъ, всѣ должны вымыть руки.

Греки народъ чрезвычайно религіозный; они строго выполняютъ всѣ посты и очень часто ходятъ на богомолье. Если заболѣетъ ребенокъ или кто нибудь изъ близкихъ, у Бога просятъ исцѣленія, обѣщая при этомъ той или другой чудотворной иконѣ какое нибудь цѣнное приношеніе. Эти обѣщанія строго выполняются, и чудотворныя иконы бываютъ обыкновенно увѣшаны рядами глазъ, зубовъ, рукъ и другихъ частей человѣческаго тѣла, сдѣланныхъ изъ какого нибудь металла, въ благодарность за исцѣленіе этихъ частей тѣла отъ той или другой болѣзни.

Всѣ обряды и праздники грековъ чрезвычайно оживляютъ ихъ жизнь, такъ какъ они сопровождаются чудными, полными глубокаго чувства и поэзіи пѣснями. На всякій праздникъ, на различные случаи жизни вы всегда найдете особую пѣсню, и даже не одну, а цѣлый рядъ ихъ.

Засуха—самое обыкновенное явленіе греческой природы; разскажемъ, какъ встрѣчаютъ здѣсь это бѣдствіе. Когда бездождье продолжается болѣе 15, 16 дней, дѣти въ деревняхъ и меленькихъ городкахъ собираются вмѣстѣ, выбираютъ изъ среды своей одного ребенка, непремѣнно сироту, такъ какъ думаютъ, что Богъ скорѣе всего услышитъ просьбу несчастнаго. Этого ребенка раздѣваютъ и буквально съ головы до ногъ обвиваютъ и украшаютъ полевыми цвѣтами и травами. Съ нимъ дѣти ходятъ огромною толпою по улицамъ, и каждая хозяйка дома считаетъ долгомъ вылить на него сосудъ воды въ той надеждѣ, что и Богъ такимъ образомъ прольетъ дождь на землю; при этомъ малюткѣ даютъ мелкую монету. Между тѣмъ дѣти продолжаютъ пѣть пѣсню за пѣсней, и во всѣхъ ихъ они умоляютъ Бога послать дождь, чтобы поля позеленѣли, чтобы расцвѣли душистыя зеленыя травы, чтобы виноградникъ далъ обильныя гроздья.

Наибольшее число народныхъ пѣсенъ обязано своимъ происхожденіемъ особому классу людей—слѣпымъ, странствующимъ пѣвцамъ. Грекъ ненавидитъ нищенствовать: даже и тогда, когда онъ слѣпъ и не можетъ работать, онъ не рѣшится протянуть руку за милостыней, а добываетъ себѣ пропитаніе, расхаживая изъ деревни въ деревню и распѣвая пѣсни, изъ которыхъ многія сложены имъ самимъ. Чаще всего эти слѣпые пѣвцы появляются во время мѣстныхъ праздниковъ той или другой деревни; тогда всѣ собираются вокругъ нихъ и слушаютъ ихъ, притаивъ дыханіе. Эти пѣвцы—живые сборники пѣсенъ: такое невообразимо громадное количество ихъ знаютъ они на память. При пѣніи они аккомпанируютъ себѣ на инструментѣ, весьма напоминающемъ древнюю лиру. Они ходятъ обыкновенно по одиночкѣ, но во время большихъ празднествъ соединяются большими группами.

Множество пѣсенъ существуетъ у грековъ и по поводу разныхъ семейныхъ обстоятельствъ; но больше всего ихъ сложено, кажется, на отъѣздъ, т.-е. на тѣ случаи, когда кто нибудь покидаетъ родную семью. Страстное стремленіе къ ученію, обычай отправляться на заработки, все это заставляетъ грека часто уѣзжать изъ деревни, гдѣ онъ родился и провелъ первые годы дѣтства, и отправляться въ Аѳины или даже за границу. Особенно тяжело бываетъ ему оставить свою родину, гдѣ, какъ говорятъ греческія пѣсни, солнце привѣтливѣе всего улыбается землѣ, страну, гдѣ мать, сестра и жена умѣютъ любить такъ горячо, страну прекрасныхъ долинъ и горъ, извѣстныхъ всему свѣту своими божествами и поэзіею. Всякаго уѣзжающаго толпа знакомыхъ и родственниковъ провожаетъ съ пѣніемъ: поютъ пѣсни во время прощальнаго обѣда, поютъ и въ самую минуту прощанія.

Во время праздниковъ греки не только поютъ, но и танцуютъ. Нѣкоторые ихъ танцы чрезвычайно оригинальны. Танцуетъ обыкновенно каждый полъ отдѣльно. Только по вечерамъ, въ закрытыхъ дворахъ и на маленькихъ собраніяхъ, можно

увидѣть танцующихъ гречанокъ: въ общественныхъ мѣстахъ дѣвушки никогда не танцуютъ. Танцующіе мужчины образуютъ кругъ, взявшись за руки, какъ и у насъ въ хороводахъ, только кругъ этотъ не бываетъ замкнутъ, чтобы оставить проходъ для танцора, который играетъ главную роль. Онъ входитъ въ кругъ и начинаетъ выдѣлывать разные прыжки и скачки, и при этомъ каждому его движенію тотчасъ подражаютъ всѣ танцующіе. Эти скачки и прыжки танцоры выдѣлываютъ подъ тактъ волынки или дудки съ барабаномъ, подъ звуки которыхъ присутствующіе подпѣваютъ плясовыя пѣсни. Постепенно музыка дѣлается оживленнѣе, и движенія танцоровъ переходятъ въ смѣлые, искусные и быстрые прыжки. Но ни музыка, ни танцы не доходятъ здѣсь до того увлеченія, какое можно видѣть въ Испаніи; они всегда остаются здѣсь серьезными и однообразными. «Я видѣлъ однажды», говоритъ одинъ путешественникъ, «какъ танцовалъ пьяный грекъ; даже и онъ сохранялъ въ танцѣ всю серьезность и медленную сдержанность нынѣшнихъ аѳинскихъ танцоровъ». Самый любимый греческій танецъ—*Ромаика*. Число танцоровъ доходитъ до 36-ти человѣкъ. Всѣ они берутся за руки и начинаютъ медленно ходить вокругъ музыканта, то наклоняя голову впередъ, то откидывая ее назадъ. Но вотъ выбѣгаетъ одинъ танцоръ, прыгаетъ, перевертывается, то вскидываетъ руки вверхъ, то опускаетъ ихъ внизъ, бросаетъ кверху одною рукою свой фесъ, а другою выхватываетъ изъ за пояса свой пистолетъ, стрѣляетъ въ свою шапку, опять ловитъ ее на лету, и его бѣлая фустанелла взвивается при этомъ, какъ юбка у нашихъ балетныхъ танцовщицъ; затѣмъ онъ опять выкидываетъ нѣсколько прыжковъ и исчезаетъ въ толпѣ. Хороводъ продолжаетъ двигаться съ тѣмъ же величавымъ спокойствіемъ, какъ и прежде, а на мѣстѣ его появляется другой танцоръ, который, нѣсколько разнообразя перваго, выкидываетъ тѣ же штуки.

ИТАЛІЯ.

ПОЧЕМУ ВСѢХЪ ПРИВЛЕКАЕТЪ КЪ СЕБѢ ИТАЛІЯ.

Италія—страна, гдѣ въ чудной синевѣ неба сіяетъ яркое солнце, подавляющее въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ своимъ пламенемъ, своими горячими лучами. Богатство и разнообразіе растительности этой страны изумительны! Климатъ до такой степени теплый и мягкій, что здѣсь созрѣваютъ лимоны, апельсины, персики, виноградъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ и такой прозрачный, точно онъ напоенъ особымъ свѣтомъ, а нѣжная, кроваво-красная мякоть арбуза таетъ во рту, какъ сахаръ. Каштановыя, миндальныя, финиковыя деревья и пальмы смѣняютъ другъ друга. Лавровыя деревья, кипарисы и большія старинныя рощи оливковыхъ деревьевъ придаютъ прелестный видъ каждому уголку. Зеленые луга усѣяны гіацинтами, нарцисами и другими душистыми цвѣтами. Кактусы, у которыхъ вмѣсто листьевъ зеленоватые, мясистые стебли усажены шипами, украшаютъ опушки лѣсовъ и дорогъ. На югѣ Италіи даже зимою апельсинныя и лимонныя деревья, олеандръ, кипарисъ и многія другія сохраняютъ свою листву и придаютъ природѣ тотъ чудный видъ, который такъ пріятно поражаетъ послѣ угрюмой, зимней природы нашихъ сѣверныхъ странъ.

Какой поэтическій видъ принимаетъ страна эта весною, когда цвѣтутъ лимонныя и апельсинныя деревья, когда распускаются всевозможные цвѣты, издаютъ особый ароматъ разнообразныя травы! Тогда воздухъ всюду напоенъ ихъ чуднымъ благоуханіемъ. Надъ этими душистыми и цвѣтущими деревьями возвышаются отвѣсные утесы, то обнаженные, то бѣлые, то сверху до низу обвитые плющемъ.

Въ каждой мѣстности Италіи васъ поражаетъ какое-нибудь своеобразное явленіе, какая-нибудь поэтическая картина природы. Какъ многихъ влечетъ сюда желаніе увидѣть воочію вулканическія горы! Везувій—знаменитый вулканъ, огнедышащая, вѣчно дымящаяся гора, изъ нѣдръ которой постоянно поднимаются облака дыма. Отъ времени до времени эти черныя, густыя облака становятся багряно-красными; слышится подземный гулъ... Громада Везувія сразу вздрагиваетъ, сыплются огненныя искры, и, наконецъ, снопъ огня вырывается изъ отверстія горы и разсыпается кругомъ причудливымъ фейерверкомъ.

Другихъ плѣняетъ красивый островъ Капри, утопающій въ роскошной зелени виноградниковъ, гранатовыхъ и апельсинныхъ деревьевъ, высокія, зазубренныя скалы котораго придаютъ ему такой прелестный видъ. Этотъ островъ знаменитъ своимъ «лазурнымъ гротомъ» (пещерою). Когда въ нее войдешь, все, на что ни посмотришь кругомъ, освѣщено какимъ-то неземнымъ, чудно-голубымъ свѣтомъ.

Необыкновенную красоту придаетъ Италіи море, которое съ трехъ сторонъ омываетъ эту страну, изрѣзывая ея побережья заливами и мысиками прихотливой формы. Въ гаваняхъ качаются разноцвѣтныя суда, то съ какимъ-нибудь святымъ во весь ростъ на носу, то съ мадонной (Матерь Божія), которую такъ обожаютъ и чтутъ итальянцы.

По западному побережью Италіи тянется непрерывный рядъ городовъ; между ними мелькаетъ то лазурь моря, то лѣсистая зелень горъ, а нерѣдко и прибрежныя скалы съ ихъ сѣрыми пиками. Вездѣ и всюду что-то невыразимо привлекательное!

Италія не только славится своею природою, мягкимъ климатомъ и красотою своего неба чудной синевы, но и своими городами. Римъ, по своему значенію, издавна считался знаменитѣйшимъ городомъ въ мірѣ; о другихъ итальянскихъ городахъ— Флоренціи, Генуѣ, Венеціи въ средніе вѣка всюду гремѣла слава: такъ процвѣтали въ нихъ науки, искусства, торговля. Но гораздо раньше, чѣмъ Флоренція, Генуя и Венеція достигли своей славы и могущества, въ самыя отдаленныя, древнѣйшія времена, еще за нѣсколько столѣтій до Рождества Христова, въ эту страну начали стремиться чрезвычайно многіе народы. Одни изъ нихъ селились въ ней потому, что смотрѣли на Италію, какъ на рай земной, другихъ влекла сюда жажда завоеваній. Одни изъ чужеземцевъ оставались здѣсь недолго, другіе селились въ этой странѣ, какъ дома, или жили въ ней по нѣскольку столѣтій сряду. Большая часть этихъ народовъ оставили въ ней слѣды своего пребыванія: строили всевозможныя частныя и общественныя зданія, храмы и т. п. Вотъ почему Италія обладаетъ такимъ большимъ количествомъ памятниковъ искусства различныхъ временъ и народовъ. И дѣйствительно, ни одна страна въ мірѣ, сравнительно съ Италіею, не обладаетъ такимъ множествомъ городовъ съ замѣчательными дворцами, съ самыми разнообразными зданіями, съ оригинальными украшеніями всякаго рода и съ безконечными музеями статуй и картинъ. Даже въ небольшихъ, мало извѣстныхъ городахъ, если и нѣтъ особенно знаменитыхъ памятниковъ, то непремѣнно существуетъ какая-нибудь группа домовъ, которая бросается въ глаза или своими скульптурными украшеніями, или какими-нибудь другими особенностями. Обожаніе и любовь итальянцевъ къ Мадоннѣ запечатлѣны не только на полотнѣ—въ картинахъ художниковъ, но и въ статуяхъ— рѣзцомъ знаменитыхъ ваятелей. Пробуждая любовь къ прекрасному, вызывая благоговѣніе къ величайшимъ художникамъ, страна эта учитъ понимать искусство, находить истинную, художественную красоту. Все это не могло не повліять на складъ характера народа: итальянцы одарены поэтическою душою и дивнымъ, мелодическимъ голосомъ. Въ этой странѣ даже люди безграмотные нерѣдко вступаютъ между собой въ состязаніе, чтобы рѣшить, кто изъ нихъ лучше сочинитъ стихи. Стихи и пѣсни обыкновенно импровизируются (сочиняются безъ подготовки) тутъ же на мѣстѣ, среди толпы рабочихъ на площади, у кузницы, въ полѣ. Народъ немедленно окружаетъ состязающихся, поощряетъ и поджигаетъ ихъ то насмѣшками, то похвалами, всегда умѣя своимъ тонкимъ чутьемъ указать на дурной стихъ, на неловкое выраженіе. Шумные праздники итальянцевъ во время карнавала (масленицы), ихъ любовь къ представленіямъ всякаго рода, особенно театральнымъ, наконецъ, множество обычаевъ краснорѣчиво доказываютъ, что поэзія присуща ихъ натурѣ и характерная ихъ черта. А пѣсни, эти чудныя итальянскія пѣсни! Ночью подъ куполомъ темносинихъ небесъ съ фіолетовымъ оттѣнкомъ, испещренныхъ безчисленными яркими звѣздочками, повсюду раздаются пѣсни... Въ то же время послѣ томительно-жаркаго дня такъ легко дышать, такъ пріятно вдыхать полной грудью ароматы разнообразныхъ цвѣтовъ.

Въ Италію стекаются, наконецъ, со всѣхъ концовъ земли, чтобы познакомиться съ ея безчисленными памятниками разныхъ временъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь возвышается совершенно новый городъ, нѣкогда находился греческій или какой-нибудь другой. Та или другая крѣпость, каждый загородный домъ стоятъ на мѣстѣ какого-нибудь знаменитаго въ древности укрѣпленія или общественнаго зданія. Всюду, бокъ-о-бокъ съ новыми постройками и церквами, множество древнихъ храмовъ и древнихъ общественныхъ зданій, то разрушенныхъ, въ видѣ живописныхъ развалинъ, то вполнѣ сохранившихся.

Однако, въ этой чудной странѣ существуетъ и много мѣстностей отвратительныхъ, сырыхъ и болотистыхъ, распространяющихъ вредныя испаренія. Мало того, эта поэтическая страна издавна была гнѣздомъ страшнаго нищенства народа, и въ настоящее время тяжко изнуряемаго всевозможными лишеніями и болѣзнями. Ни въ одной, наконецъ, западно-европейской странѣ нѣтъ такого множества разбойниковъ и мошенниковъ всякаго рода, какъ въ Италіи.

Городовъ въ Италіи чрезвычайно много. Въ нихъ, какъ это ни странно, гораздо скорѣе можно познакомиться съ итальянскимъ простонародьемъ, чѣмъ въ деревняхъ, которыхъ здѣсь вообще чрезвычайно мало, а въ южныхъ мѣстностяхъ страны и совсѣмъ не существуетъ; тамъ даже крестьяне, занимающіеся земледѣльческою работою, селятся въ городахъ. Мало того, города Италіи знакомятъ съ въ высшей степени разнообразной природой страны и съ знаменитыми памятниками искусства. Одинъ изъ наиболѣе оригинальныхъ сѣверныхъ городовъ ея, Венеція, лежитъ въ восточной части страны, у Адріатическаго моря.

ВЕНЕЦІЯ.

Лагуны и водяныя улицы Венеціи. — Прошлая и настоящая жизнь этого города. — Площадь.—Соборъ св. Марка.—Дворецъ дожей.—Венеціанцы: нищіе и гондольеры.— Искусство гондольеровъ; ихъ чудныя пѣсни. — Ночныя серенады.

Венеція! Есть-ли въ мірѣ городъ болѣе посѣщаемый, болѣе воспѣтый поэтами, болѣе прославленный художниками! Венеція — это жемчужина Италіи, красавица Адріатики, морская лилія, это—царица морей, теперь уже развѣнчанная, но все же прекрасная! И теперь, какъ прежде, Венеція приковываетъ взоръ каждаго, кто впервые прорѣзываетъ въ гондолѣ бирюзовыя воды ея лагунъ, кто увидитъ эти улицы-рѣки, ея чудное небо, услышитъ ея дивныя ночныя серенады, передъ кѣмъ раскинется, хотя на одну минуту, грандіозная панорама ея мраморныхъ дворцовъ и храмовъ, стройныхъ колоннадъ, смѣло изогнутыхъ мостовъ, мраморныхъ кружевъ, украшающихъ палаццо и церкви, высокихъ остроконечныхъ башенъ, безчисленныхъ и разнообразныхъ оконъ и воздушныхъ балконовъ! Одно звучное, мягкое имя Венеціи уже ласкаетъ слухъ, вызываетъ рядъ чудныхъ воспоминаній, особенно о ея лѣтнемъ солнцѣ, въ горячихъ лучахъ котораго эта флотилія мраморныхъ дворцовъ принимаетъ днемъ чудный розовый оттѣнокъ, а при закатѣ утопаетъ въ цѣломъ морѣ золотого свѣта.

Дѣйствительно, Венеція представляетъ путешественнику зрѣлище, никогда не виданное имъ ни въ одномъ европейскомъ городѣ. Такъ далеко, какъ только можно окинуть взоромъ, — все кругомъ его море и песокъ: ни растеній, ни деревьевъ. Боже, какой странный городъ! Дворцы и храмы среди моря! Море волнуется подъ самыми балконами! Вмѣсто блестящихъ экипажей по водянымъ улицамъ скользятъ

черныя гондолы (лодки). Этотъ оригинальный городъ весь построенъ на водѣ: ни въ центрѣ его, ни подлѣ нѣтъ ни полей, ни луговъ... Вода, вездѣ вода!

Зданія, всплывшія на водѣ, какъ огромныя водяныя растенія, уцѣпились за невидимые, плоскіе, песчаные островки; вслѣдствіе этого и кажется, что всѣ постройки какъ будто вышли прямо изъ моря. Часто около зданія нѣтъ даже самой узкой полосы земли, и венеціанецъ, выходя изъ дому, долженъ прямо сѣсть въ черную гондолу, которыхъ безчисленное множество скользитъ по водянымъ улицамъ города: хотите ли вы посѣтить знакомыхъ или ѣхать за покупками, — гондола къ вашимъ услугамъ и подъѣзжаетъ прямо къ крыльцу. Въ этомъ городѣ не существуетъ ни извозчиковъ, ни экипажей. Появленіе лошади на одной изъ улицъ Венеціи произвело бы не малый переполохъ. Благодаря этому, въ Венеціи нѣтъ ни шума, ни пыли. Вмѣсто мощеныхъ, каменныхъ мостовыхъ, по которымъ съ такимъ грохотомъ и шумомъ проѣзжаютъ экипажи, стучатъ колеса и каблуки пѣшеходовъ, здѣсь тихо, безъ малѣйшаго шума, переправляются въ баркахъ и гондолахъ. Все здѣсь въ высшей степени оригинально: и фантастическая архитектура зданій, омываемыхъ голубыми волнами, и поэтическое, сиреневое венеціанское небо, и, наконецъ, эта необыкновенная тишина въ такомъ большомъ городѣ!

Чтобы ознакомиться съ общей панорамой города, нужно посмотрѣть на него à vol d'oiseau. Для этого лучше всего взобраться на колокольню Св. Марка. Съ ея верхней галлереи вы увидите у своихъ ногъ огромный городъ, точно волшебною силою опущенный среди моря, изрѣзанный сѣтью водяныхъ улицъ и окруженный то зеленоватой, то бирюзовой поверхностью лагунъ.

Но что такое лагуны? Это низменное морское побережье, отдѣляющееся отъ моря то песчаными, то болотистыми островками. Чтобы зыбкая почва болотистыхъ и песчаныхъ острововъ могла выдержать тяжесть громадныхъ зданій, ее пришлось укрѣплять всевозможными подземными сооруженіями, для чего были вырублены громадные лѣса. Болѣе четырехсотъ мраморныхъ мостовъ, перекинутыхъ съ островка на островокъ, соединяютъ между собой улицы и площади Венеціи, а превосходныя гранитныя плотины защищаютъ этотъ оригинальный городъ отъ ярости моря.

Положеніе Венеціи въ высшей степени благопріятно для сношеній съ самыми различными народами и для торговаго обмѣна съ ними. Она легко можетъ посылать свои торговыя суда ко всѣмъ берегамъ Адріатическаго и Средиземнаго морей. Расположенная у самаго Адріатическаго моря, Венеція легко можетъ сообщаться и сухимъ путемъ съ рынками богатыхъ западно-европейскихъ странъ. Наконецъ, такъ какъ городъ этотъ соединенъ съ материкомъ громаднымъ мостомъ, то онъ можетъ отправлять и получать товары, а также и съѣстные припасы прямо изъ центра своей страны.

Въ Венеціи множество каналовъ: они то омываютъ подножія домовъ, то отдѣлены отъ нихъ переулками, до такой степени узкими, что скорѣе походятъ на коридоры, и среди нихъ иностранецъ съ трудомъ можетъ найти дорогу.

Площадь Святаго Марка, который считается покровителемъ Венеціи, представляетъ единственное мѣсто, удобное для гулянья; она вымощена мраморными плитами, окружена съ трехъ сторонъ великолѣпными зданіями, образующими какъ бы одинъ громадный мраморный дворецъ, почернѣвшій отъ времени. Эти дворцы были нѣкогда жилищами первыхъ сановниковъ республики. По всѣмъ направленіямъ двигаются здѣсь гуляющіе, отовсюду раздаются крики разносчиковъ, пѣніе арфистовъ, шарманка и звучный венеціанскій говоръ. Здѣсь и тамъ расхаживаютъ смуглые и курчавые люди въ красныхъ вязаныхъ колпакахъ, водоносчицы въ цвѣтныхъ корсажахъ и въ высокихъ поярковыхъ шляпкахъ съ мѣдными ведрами на коромыслѣ. У кофеенъ,

около столиковъ, сидятъ дамы, играя вѣеромъ; бродятъ продавщицы цвѣтовъ, съ плетеною корзинкою на рукѣ, предлагая букеты изъ фіалокъ и жасминовъ. Изрѣдка мелькаетъ босоногій монахъ съ бритой головою, опоясанный веревкою. Разносчикъ свѣжей воды появляется то въ одной, то въ другой группѣ собравшагося люда и выкрикиваетъ свой товаръ съ пѣвучей мелодіей итальянскаго напѣва.

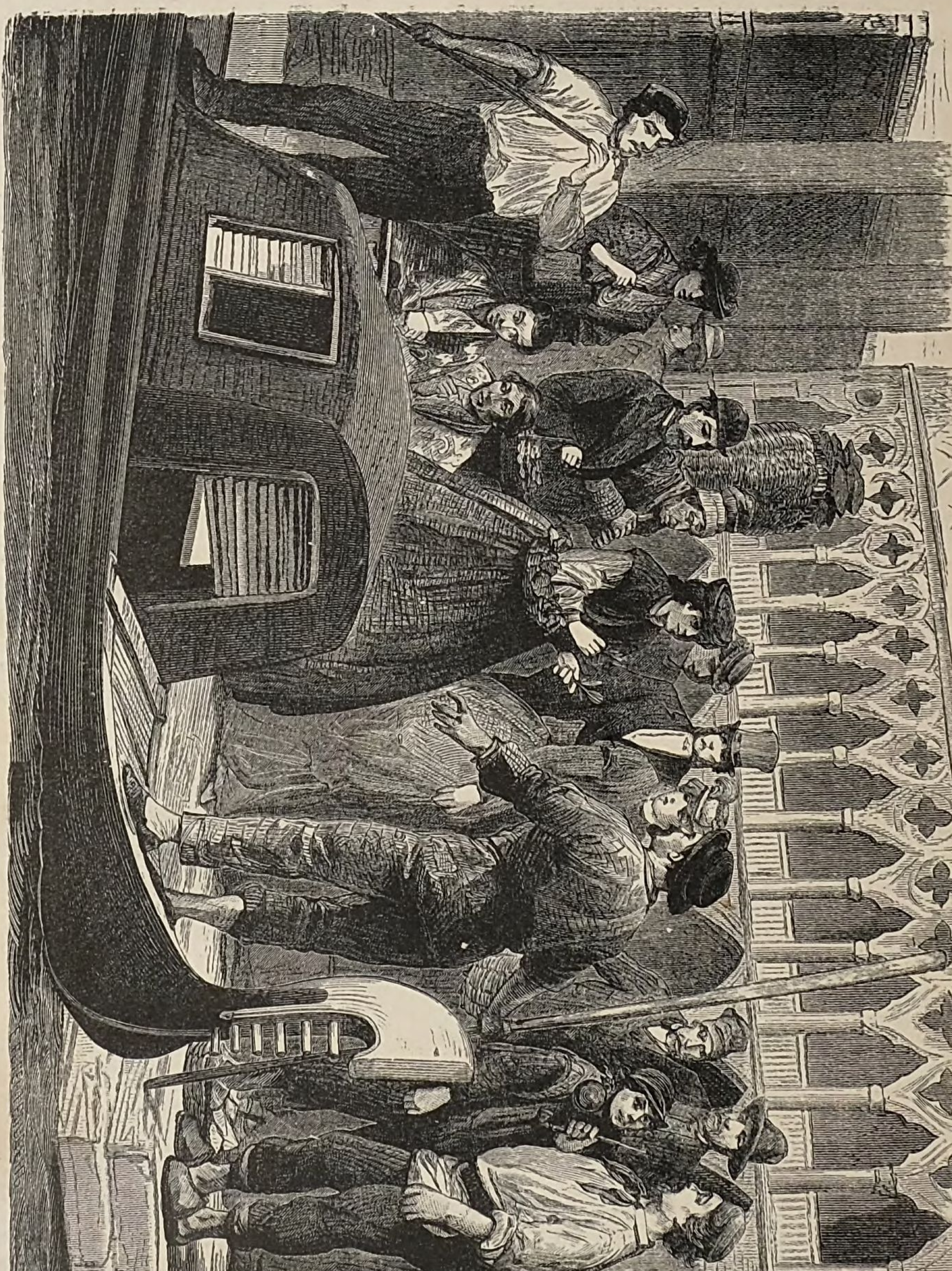
Болѣе всего заслуживаетъ вниманія на этой площади соборъ св. Марка. Онъ поражаетъ не столько своею громадностью, сколько красотою и роскошью, — такое изобиліе позолоты, бронзы и мрамора встрѣчаешь и внутри, и снаружи его. Венеція при постройкѣ этого собора брала колонны и всевозможныя украшенія изъ разныхъ концовъ Европы и Азіи, а геній ея великихъ мастеровъ умѣлъ сложить изъ всего этого зданіе удивительной стройности и красоты. Каждаго вождя, одержавшаго побѣду, каждаго разбогатѣвшаго купца городъ встрѣчалъ вопросомъ: что ты привезъ или что ты дашь св. Марку? И въ даръ ему несли мраморныя колонны, драгоцѣнные камни, золото и жемчугъ.

Много сокровищъ и труда потратила Венеція на сооруженіе собора своему патрону (святому, покровителю), но едва ли не больше израсходовала она на сооруженіе другого, не менѣе знаменитаго зданія — «дворца дожей».

Какъ соборъ св. Марка, такъ и дворецъ дожей, могущественныхъ властителей Венеціи, строился въ продолженіе многихъ вѣковъ и представляетъ замѣчательный памятникъ искусства. Кромѣ величайшихъ произведеній даровитѣйшихъ художниковъ, этотъ дворецъ хранитъ воспоминанія прошлой жизни Венеціанской республики. Вотъ бѣломраморныя ступени лѣстницы Гигантовъ, которая такъ названа потому, что она украшена двумя громадными статуями. На этомъ крыльцѣ вѣнчали дожей, и новоизбранный получалъ золотую шапку, унизанную жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. А вотъ и знаменитыя дыры въ стѣнѣ: прежде тутъ были вставлены мраморныя пасти львовъ, и всѣ желающіе бросали въ нихъ свои доносы.

Наконецъ, вы въ парадныхъ залахъ дворца. Теперь въ нихъ уже нѣтъ ни пурпура, ни золота, ни драгоцѣнныхъ камней, но зато до сихъ поръ сохранилось множество замѣчательныхъ произведеній венеціанской живописи. Въ одной изъ залъ выставлены портреты всѣхъ дожей, но на мѣстѣ Марино Фальери находится только рамка, затянутая черной матеріей, и надпись: «здѣсь мѣсто Марино Фальери, обезглавленнаго за преступленіе». Эта надпись бросалась въ глаза каждому дожу, когда онъ со всѣмъ почетомъ, среди другихъ важныхъ сановниковъ, возсѣдалъ въ этихъ залахъ.

Теперь всѣ эти залы пусты и предназначены для общественнаго музея или заняты библіотекою. Войдемъ, однако, въ залу Совѣта Десяти, гдѣ былъ инквизиціонный судъ. Нельзя представить ничего прелестнѣе тѣхъ сценъ и фигуръ, какими покрыты потолокъ и стѣны этой залы, въ которой собиралось самое мрачное и кровавое судилище въ цѣломъ мірѣ. Подлѣ этой залы нѣсколько тѣсныхъ проходовъ и помѣщеній, въ которыхъ совершались пытки; тутъ же дверь, которая выходитъ на мостъ, висящій высоко надъ водою, называемый Мостомъ Вздоховъ. Инквизиторы изъ своей залы прямо посылали осужденныхъ по этому мосту въ темницы. Изъ той же двери, которая ведетъ на Мостъ Вздоховъ, можно попасть и въ глубокія подземелья дворца, или колодцы, а также и въ пломбы, т.-е. въ темницы подъ свинцовою крышею, гдѣ узниковъ томили жаромъ. Сидѣть въ пломбахъ въ томительно жаркіе дни, когда металлическая крыша страшно накалялась, было, конечно, чрезвычайно мучительно, но тутъ все еще можно было дышать свѣжимъ воздухомъ. Чтобы вполнѣ понять весь ужасъ венеціанскихъ темницъ, нужно сойти на дно *колодцевъ,*

гдѣ въ сырости и темнотѣ изнывали сотни жертвъ, навлекшихъ на себя только ничтожное подозрѣніе.

Къ большинству домовъ въ Венеціи можно подъѣхать въ гондолѣ (лодкѣ), которая замѣняетъ экипажъ. Во времена Венеціанской республики богатые люди тратили на гондолы громадныя суммы: ихъ строили съ золочеными носами, каюты снаружи отдѣлывали атласомъ и шелкомъ, а внутри бархатомъ, окаймляли золотою бахромою; гребешки на носу украшали страусовыми перьями, рукоять весла покрывали серебромъ, а гребцовъ наряжали въ бархатъ, шитый золотомъ; щитъ съ гербомъ хозяина, которому принадлежала гондола, нерѣдко горѣлъ драгоцѣнными камнями. Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что многіе разоряются на гондолы, явился рядъ законовъ, строго предписывавшихъ слѣдовать при ихъ украшеніи и постройкѣ одному типу. Такимъ образомъ всѣ гондолы теперь дѣлаются на одинъ образецъ, хотя, конечно, однѣ попроще, другія побогаче, но всѣ обыкновенно чернаго цвѣта. Эта узкая, легкая, длинная черная лодка съ маленькой черной каютой быстро и тихо скользитъ по водѣ. При каждой гондолѣ стоитъ гондольеръ въ рубахѣ, вложенной въ штаны, и опоясанный краснымъ кушакомъ, или въ курткѣ и въ красномъ колпакѣ, съ оголенными по колѣна ногами.

Усѣвшись на мягкихъ сафьянныхъ подушкахъ, вы ѣдете по зеленоватой водѣ канала, и гондола ровно скользитъ по водѣ. Вы осматриваетесь кругомъ и не можете вдоволь налюбоваться: такъ волшебны эти водяныя улицы, унизанныя мраморными дворцами. Мрачны, печальны почернѣвшіе ихъ фасады, но въ высшей степени оригинальна архитектура этихъ зданій, выдвинутыхъ изъ воды, съ окнами, украшенными замѣчательно тонкими, искусными мраморными кружевами, съ узорчатыми, часто обвитыми виноградной лозой балконами, подъ которыми безъ шума плыветъ гондола. Окна многихъ дворцовъ наглухо заколочены ветхими ставнями, такъ какъ ихъ владѣльцы давно покоятся въ могилахъ. Каждый изъ этихъ дворцовъ остается заколоченнымъ до тѣхъ поръ, пока новый владѣлецъ, купившій его за безцѣнокъ, не возобновитъ его. Со многихъ стѣнъ оборваны даже мраморныя украшенія и только сострадательный плющъ прикрываетъ наготу.

Гостиницы Венеціи, которыхъ здѣсь такъ много, имѣютъ обыкновенно величественный видъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ это дворцы прежнихъ вельможъ, и хотя теперь въ одной залѣ надѣлано по два этажа комнатъ, путешественникъ всетаки удивляется ихъ высотѣ. Очень часто одна часть оконъ выходитъ на каналъ, другая на набережную, на какой-нибудь островокъ и на безпредѣльное царство лагунъ, такъ что, сидя у себя въ комнатѣ, вы можете наблюдать жизнь города. Вотъ огромная крытая барка съ чемоданами, сундуками и пассажирами проходитъ мимо, такъ что ея и не слышно,—это венеціанскій омнибусъ. Тишина совершенная,—только отдаленные голоса съ набережной напоминаютъ по временамъ, что и тутъ есть жизнь. Чу! что это за монотонные звуки вдругъ пронеслись у вашихъ оконъ? Длинная цѣпь гондолъ плыветъ по каналу, зажженныя свѣчи, унылое пѣніе, монахи и черный гробъ посреди барки объясняютъ вамъ тотчасъ эту сцену. Черезъ минуту раздаются совсѣмъ другіе, какіе то рѣзкіе звуки: это мелкіе торговцы разъѣзжаютъ въ гондолахъ и пронзительно выкрикиваютъ о своемъ картофелѣ, апельсинахъ. При этихъ звукахъ то здѣсь, то тамъ отворяется окошко, показывается дѣвушка и вступаетъ въ торгъ съ продавцомъ. Затѣмъ дѣвушка опускаетъ на веревкахъ корзину, въ которой лежатъ деньги, торговецъ взамѣнъ ихъ наполняетъ ее товаромъ, и ее подымаютъ вверхъ такъ же, какъ опустили.

Въ большіе праздники гондольеры показываютъ свою ловкость съ особенною тор-

жественностью. Тогда изъ оконъ домовъ спускаютъ ковры, ткани разныхъ цвѣтовъ, мѣстами стеганыя одѣяла и даже простыни; изъ дворцовъ—бархатныя, шитыя золотомъ и гербами покрывала. Поверхность воды усѣяна тысячами гондолъ, которыя группируются около большой барки съ музыкантами, разукрашенной цвѣтами и задрапированной матеріею. Гондольеры очень любятъ поострить и посмѣяться другъ надъ другомъ. «Что везете?» насмѣшливо спрашиваетъ одинъ изъ нихъ проѣзжающую мимо барку.—«Вино».—«Такъ дайте отвѣдать!»—«Куда имъ», подхватываютъ тотчасъ другіе, если барка, не обращая вниманія, продолжаетъ свой путь. «Они вина не видывали...» и всѣ звонко хохочутъ. Проплыветъ-ли гондола съ пассажиромъ и его вещами, гондольеры осыпаютъ товарища насмѣшками, что онъ везетъ тяжелую поклажу; пустая гондола,—колкія насмѣшки, переходящія въ брань, что онъ безъ пассажира, что его всѣ бракуютъ. При совершенной тишинѣ въ городѣ ихъ голоса разносятся далеко. Разстояніе, на которомъ могутъ переговариваться венеціанцы, особенно поражаетъ путешественника. Уже съ дѣтства они перекликаются и переговариваются съ одного берега канала на другой, и потому голоса ихъ въ высшей степени рѣзки и звучны.

Но ничто не можетъ сравниться въ Венеціи съ ея ночами и ея серенадами (такъ называютъ пѣсни и музыку вечеромъ или ночью). Венеціанская ночь можетъ очаровать хоть кого! Небо серебрится и сверкаетъ, щедро усыпанное яркими звѣздами. Воздухъ здѣсь до того прозраченъ, что днемъ ясно видишь всѣ предметы даже и на далекомъ разстояніи, ночью же на небѣ чрезвычайно много звѣздъ. На пустынной водяной улицѣ темно и тихо. Но вотъ отдѣлилась длинная тѣнь, и красная точка побѣжала поперекъ канала: это гондола съ фонаремъ. Лучшія серенады обыкновенно бываютъ заказаны иностранцами еще съ утра. Для этого приглашаютъ человѣкъ пятнадцать рабочихъ, между которыми маляры считаются лучшими пѣвцами. Какъ только наступаютъ сумерки, они сходятся вмѣстѣ, спѣваются, садятся въ нѣсколько гондолъ и отправляются къ подъѣзду дома, гдѣ серенада заказана. «Приходи», поютъ пѣвцы, «моя Нинетта, барка готова, приходи! Земля, небо,—все ждетъ тебя, моя Нинетта, приходи!» И далеко-далеко разносятся чудные, мелодическіе звуки итальянскаго голоса. А взгляните вокругъ, какъ прекрасны эти дворцы и храмы, эти каналы и скользящія по нимъ гондолы, когда вы видите ихъ ночью, при серебристомъ свѣтѣ луны.

РИМЪ.

Первое впечатлѣніе.—Храмъ св. Петра.—Ватиканъ.—Пантеонъ.—Колизей и его прошлое значеніе для Рима.—Капелла мертвыхъ, убранная человѣческими костями.—Катакомбы.—Римъ во время папъ и въ настоящее время.—Населеніе.—Жизнь въ Римѣ.—Римляне и римлянки: ихъ внѣшній видъ и характеръ.—Корсо.—Своеобразная уличная жизнь.—Уличные ораторы.—Проводники.—Позёры.—Пицикаролли.—Балъ натурщицъ.

Описать Римъ съ его замѣчательными, величественными памятниками, представить причудливую красоту, изобразить въ яркихъ чертахъ его своеобразную жизнь—задача въ высшей степени трудная. Сюда, въ этотъ городъ, со всѣхъ концовъ міра стекаются художники, писатели, пѣвцы, музыканты, мыслители, антикваріи, наконецъ, даже благочестивые христіане-пилигримы, чтобы поклониться мѣстамъ, гдѣ впервые пострадали христіане. И всѣ эти пришельцы разныхъ странъ находятъ въ Римѣ и возможность видѣть, что имъ такъ давно хотѣлось узнать, и богатый матеріалъ для своихъ работъ. Но еще важнѣе для путешественника то, что каждый изъ нихъ, на

какой-бы высокой степени развитія ни стоялъ его талантъ, все-таки найдетъ здѣсь чему поучиться, чтобы еще болѣе развить свой вкусъ и свои дарованія.

Римъ расположенъ на берегу Тибра и окруженъ красноватыми стѣнами со множествомъ башенъ. Этотъ многохолмный городъ особенно живописенъ, когда его наблюдаешь съ одной изъ его высотъ, на которыхъ онъ расположенъ [1]). Передъ зрителями раскидывается чудная панорама: повсюду разбросаны церкви, громадные дворцы, обелиски, фонтаны, статуи, сады, виноградники и тутъ же совсѣмъ заброшенныя огромныя пространства земли, украшенныя множествомъ фантастическихъ развалинъ отъ древнихъ временъ, повсюду пестрѣютъ тысячи куполовъ, колоколенъ, но между всѣми постройками и деревьями много, много выше всего, точно высокая гора на горизонтѣ, поднимается куполъ величайшей въ мірѣ церкви св. Петра, который виденъ не только въ самомъ городѣ, но и тогда, когда находишься отъ него за цѣлые десятки верстъ.

За послѣднее время городъ этотъ страшно измѣнился; Римъ въ періодъ свѣтской власти папъ и теперь — это два совершенно различные города. Столица Италіи въ послѣднее время спѣшитъ, хотя до нѣкоторой степени, приблизиться къ другимъ столицамъ Европы въ отношеніи блеска, красоты и изящества. Путешественникъ, не бывшій здѣсь лѣтъ двадцать, съ изумленіемъ встрѣтитъ «новый городъ», какъ называютъ теперь новый рядъ кварталовъ. На мѣстѣ прежнихъ огородовъ, огромныхъ пустырей и виноградниковъ, по которымъ прежде прогуливались коровы и козы, теперь проведены широкія улицы, застроенныя колоссальными зданіями съ зеркальными окнами, устроены рестораны, магазины.

Несмотря, однако, на большее оживленіе Рима въ послѣднее время, все же и теперь, не только послѣ Лондона и Парижа, но даже послѣ Берлина, онъ кажется мертвымъ городомъ. Хотя Римъ сильно расширяется, здѣсь и тамъ проходятъ уже широкія новыя улицы съ прекрасными тротуарами, съ великолѣпными высокими домами новѣйшей архитектуры, но нужно еще много времени, чтобы покрыть всю площадь, которую когда-то занималъ древній Римъ съ населеніемъ, какъ говорятъ, болѣе двухъ милліоновъ жителей. Особенно поражаетъ путешественниковъ въ первую минуту несоотвѣтствіе размѣровъ и всей вообще внѣшности города съ тѣмъ представленіемъ о Римѣ, которое нарисовало ему его воображеніе и которое онъ отчасти составилъ по планамъ и отдѣльнымъ рисункамъ. Кромѣ широкихъ, новыхъ улицъ, остальныя кривы, узки, мрачны и неряшливы. Прославленные холмы Рима, которые воображеніе рисовало чуть не горами, теперь до того осѣли и понизились, что, вступивъ на нѣкоторые изъ нихъ (напримѣръ, на Эсквилинскій и Виминальскій), будешь крайне пораженъ, что попираешь ногами землю одного изъ римскихъ холмовъ. Знаменитый Корсо, который каждый представляетъ себѣ широкимъ и длиннымъ, такъ узокъ и тѣсенъ, что на нашемъ Невскомъ уложатся одна подлѣ другой три такихъ улицы.

Однако, несмотря на первое непріятное впечатлѣніе, съ каждымъ днемъ пребыванія въ этомъ городѣ интересъ къ нему увеличивается; открываешь все новыя привлекательныя и оригинальныя стороны, съ каждымъ днемъ возрастаетъ значеніе такихъ великихъ памятниковъ, какъ храмъ св. Петра, Ватиканъ, Пантеонъ, Колизей.

[1]) Римъ до сихъ поръ продолжаютъ называть *«семихолмнымъ городомъ»*, но это названіе совсѣмъ не подходитъ къ нему съ тѣхъ поръ, какъ его обошла стѣна Сервія Туллія. Въ стѣнахъ нынѣшняго Рима возвышается девять совершенно отдѣльныхъ холмовъ: *Авентинскій*, куда удалялись плебеи, *Палатинскій*, на которомъ жили цезари, *Капитолійскій*, на которомъ возвышался храмъ Юпитера, *Целійскій* (Монте-Челіо), *Эсквилинскій*, *Виминальскій*, *Квиринальскій*, *Читоріо* и *Монте-Пинчіо*, служащій для прогулокъ.

Въ Римѣ путешественникъ можетъ ознакомиться не только съ древне-римскимъ міромъ, но и съ Римомъ средневѣковымъ, съ Римомъ папскаго всемогущества (Ватиканъ и церковь св. Петра), съ катакомбами, на далекое пространство обрамляющими городъ и служившими убѣжищемъ первымъ христіанамъ. Но Римъ не только городъ безчисленныхъ музеевъ и великихъ памятниковъ старины, — его и до сихъ поръ можно считать всемірною мастерскою для художниковъ всѣхъ національностей. Итакъ, познакомимся хотя съ нѣкоторыми изъ величайшихъ достопримѣчательностей этого города.

Площадь св. Петра представляется во всемъ блескѣ и величіи, оживленная шумомъ двухъ фонтановъ; какъ она сама, такъ и храмъ св. Петра и примыкающій къ нему Ватиканъ—памятники той высоты, на кототорую вознеслось когда-то католичество, и бывшаго всемогущества его представителей, т.-е. папъ. Храмъ св. Петра служитъ усыпальницею папъ и ихъ придворною церковью. При его постройкѣ имѣлось въ виду показать, до какого величія, до какой пышности должно быть доведено служеніе единственнаго въ мірѣ первосвященника. И дѣйствительно, храмъ св. Петра гораздо болѣе прославляетъ величіе папъ, чѣмъ всемогущество Бога: онъ весь наполненъ статуями и гробницами папъ, здѣсь и тамъ начертаны ихъ имена, однимъ словомъ—все здѣсь прославляетъ прежде всего папъ, а затѣмъ уже Бога.

Площадь св. Петра представляетъ квадратъ, передъ которымъ тянется овальное пространство, окруженное грандіозными колоннадами; эти колоннады состоятъ изъ четырехъ рядовъ дорическихъ колоннъ: 284 колонны и 88 столбовъ образуютъ три открытыхъ хода, кровли которыхъ украшены 162 статуями святыхъ (колоннада Казанскаго собора въ Петербургѣ нѣсколько напоминаетъ колоннаду храма св. Петра). Посреди площади стоитъ огромный египетскій обеликсъ; вокругъ него начерчена на землѣ роза вѣтровъ, съ обѣихъ сторонъ его возвышаются два красивыхъ фонтана. Яркіе лучи солнца пронизываютъ ихъ воздушный, серебряный дождь, который играетъ и блеститъ миріадами огней на тысячѣ мраморныхъ колоннъ храма и на стройномъ египетскомъ обелискѣ, который на родинѣ самъ былъ нѣкогда символомъ солнечнаго луча.

Какимъ образомъ и изъ какихъ средствъ могла создаться эта громада, превышающая всякія ожиданія, эта роскошь и богатство внутри, превосходящія самую смѣлую фантазію, — вотъ какой вопросъ рождается у каждаго при первомъ взглядѣ на знаменитый храмъ. Болѣе трехъ столѣтій строили его, и геніи разныхъ временъ трудились надъ украшеніями этого храма; немало и денегъ онъ стоилъ: по приблизительному счету только одно зданіе, безъ внутреннихъ украшеній, обошлось болѣе, чѣмъ въ 300 мил. р. Двѣ колоссальныя статуи апостоловъ Петра и Павла высятся по обѣимъ сторонамъ широкаго крыльца, ведущаго въ храмъ. Но вотъ вы, наконецъ, и въ знаменитомъ храмѣ. Нѣтъ, это еще преддверіе храма, его притворъ; онъ такихъ размѣровъ, что многіе путешественники ошибаются и принимаютъ его за соборъ.

«Необъятно, велико, высоко!...» вотъ первыя слова, которыя невольно вырываются изъ устъ каждаго, впервые посѣщающаго этотъ храмъ. Дѣйствительно, внутри его могло бы помѣститься нѣсколько церквей изрядной величины. Живописи здѣсь меньше, чѣмъ скульптуры, но зато эта послѣдняя поражаетъ своею величиной и колоссальностью своихъ размѣровъ. Есть статуи работы Кановы, Торвальдсена и многихъ другихъ геніевъ. Здѣсь вы видите мраморную статую Пія V-го, колѣнопреклоненнаго передъ богатою ракою, въ которой, какъ говорятъ, покоятся мощи Петра и Павла; тамъ статуя Пія VII-го, дальше фигура Климента XIII; на каждомъ шагу вы встрѣчаете статуи папъ и начальниковъ монашескихъ орденовъ, которымы

такъ изобилуетъ римская церковь. Обойдите предѣлы и портики храма, и вы встрѣтите немало памятниковъ и гробницъ, посвященныхъ памяти папъ. Божеству посвящено здѣсь гораздо менѣе; наиболѣе замѣчательны: прелестная группа «Милосердія» (della Piétà), изображающая Богородицу, держащую на своихъ колѣняхъ тѣло Спасителя, снятаго съ креста, и бронзовая статуя ап. Петра, перелитая изъ статуи Юпитера, когда-то стоявшей на вершинѣ Капитолійскаго храма.

Въ храмѣ Петра до 30 алтарей, болѣе 80 огромныхъ мраморныхъ и бронзовыхъ статуй и до 50 надгробныхъ памятниковъ. Чтобы дать хотя нѣкоторое понятіе о роскоши украшеній, должно сказать, что только одна каѳедра Петра стоила болѣе полумилліона; столько же обошлась одна позолота двухъ, трехъ колоннъ и нѣсколькихъ статуй; что же до драгоцѣннаго мрамора, который тамъ встрѣчается повсюду, золота и дорогихъ камней, это и высчитать даже трудно. Чрезвычайно любопытно взглянуть на самую вершину исполинскаго зданія, которое сооружали цѣлыя поколѣнія; его необъятная крыша населена множествомъ людей, которые стерегутъ храмъ; по отлогой террасѣ можно въѣхать на лошакѣ на самую вершину. Отсюда виденъ монастырь съ разбросанными пальмами, померанцовыми деревьями и огромнымъ виноградникомъ; тутъ мутный Тибръ, далѣе Албанскія и Сабинскія горы, точно подернутыя лиловою дымкою, и все это покрыто громаднымъ синимъ куполомъ итальянскаго неба.

Храмъ св. Петра съ одной стороны примыкаетъ къ роскошнымъ палатамъ Ватиканскаго дворца, который издали походитъ на цѣлый городъ. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о величинѣ Ватикана, упомянемъ хотя о томъ, что онъ имѣетъ до 20 дворовъ, болѣе 12 тысячъ комнатъ; при этомъ еще огромная библіотека, множество галлерей съ знаменитыми картинами и изваяніями языческихъ боговъ и мудрецовъ, царей, героевъ и дикихъ звѣрей. Въ одной изъ залъ показываютъ разнаго рода орудія, которыми терзали мучениковъ за христіанскую вѣру. Тамъ же хранятся старинные, весьма драгоцѣнные церковные сосуды, старинныя иконы, папирусы, монеты, остатки древней живописи,—однимъ словомъ, невозможно перечесть всѣхъ сокровищъ Ватикана.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о древностяхъ Рима, о тѣхъ колоссальныхъ языческихъ памятникахъ, по которымъ такъ наглядно читаешь прошедшую исторію римлянъ. Памятниковъ этихъ здѣсь чрезвычайно много, но мы назовемъ только самые важные изъ нихъ.

Пантеонъ былъ построенъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ и посвященъ богамъ языческаго міра. Разъяренный Тибръ много разъ нагонялъ на его твердыя стѣны свои разрушительныя волны; много разъ набѣгали на Римъ варвары, жгли и грабили Пантеонъ; изъ него брали матеріалъ и для постройки христіанскихъ церквей: оборвали его лучшія украшенія, унесли изъ него все, что только можно было унести, но и до сихъ поръ, хотя и въ нищенскомъ рубищѣ, стоитъ онъ твердо и вполнѣ сохранилъ свой величественный видъ. «Его стѣны, снаружи выложенныя кирпичемъ, были прежде покрыты мраморомъ и штукатуркою. Земля осѣла до такой степени, что храмъ, въ который нужно было прежде подниматься на пять ступенекъ, теперь расположенъ ниже уровня площади. Портикъ поддерживается 16 коринѳскими колоннами изъ гранита: восемь колоннъ спереди; остальныя образуютъ три срединныхъ пространства, сначала сводчатыхъ, а потомъ оканчивающихся по обѣимъ сторонамъ нишами, гдѣ прежде помѣщались колоссальныя статуи Августа и Агриппы. Посреди находится входъ, въ настоящее время запертый античными дверями, украшенными бронзою. Внутренняя часть освѣщается только черезъ отверстіе въ центрѣ купола;

это производитъ необыкновенный эффектъ, такъ какъ отъ этого куполъ имѣетъ сходство съ небеснымъ сводомъ». Уже въ началѣ VII стол. Пантеонъ былъ сдѣланъ христіанскимъ храмомъ. Въ Пантеонѣ были похоронены и до сихъ поръ находятся останки нѣкоторыхъ знаменитыхъ людей, между прочимъ и Рафаэля.

Колизей—обширнѣйшій изъ амфитеатровъ, одно изъ замѣчательнѣшихъ зданій въ цѣломъ мірѣ. Этотъ полуразрушенный колоссъ представляетъ такую страшную громаду, что необходимо представить цифры, чтобы составить себѣ хотя нѣкоторое понятіе о его размѣрахъ: вышины 22 саж., длины 90 саж. и ширины 73 саж. Въ этомъ исполинскомъ театрѣ давали разныя зрѣлища: звѣриныя травли, морскія сраженія, кулачные и гладіаторскіе бои. Однако, гладіаторскіе бои были отмѣнены въ 405 г., какъ несовмѣстные съ духомъ христіанства, но зрѣлища боя быковъ давались здѣсь еще въ 1332 г. Съ XIV вѣка начинается разграбленіе Колизея; на него съ этихъ поръ начинаютъ смотрѣть, какъ на богатую каменоломню. Одни берутъ изъ него матеріалъ для постройки дворца въ Венеціи, другіе—для постройки нѣсколькихъ огромныхъ палаццо въ Римѣ; хотѣли и весь его разобрать, да такую массу не скоро растащишь. Думали даже было сдѣлать изъ него суконную фабрику, да денегъ не хватило на ея устройство. Но въ послѣднее время Колизей начали поддерживать, такъ какъ убѣдились, что Римъ своими развалинами и древними памятниками привлекаетъ въ страну много иностраннаго золота.

Снаружи сохранившаяся отъ Колизея часть (на сѣверо-востокѣ) состоитъ изъ 4 этажей; три нижнихъ образованы арками, столбы которыхъ украшены полуколоннами; четвертый этажъ состоитъ изъ стѣнъ съ окнами, раздѣленными пилястрами коринѳскаго стиля. Двухъ третей этой гигантской постройки не существуетъ болѣе, но все сохранившееся имѣетъ и теперь величественный видъ. Къ сожалѣнію, размѣры нашей книги не позволяютъ намъ описывать другіе памятники Рима, которыхъ здѣсь безчисленное множество, ни даже остановиться долѣе на описаніи названныхъ, и потому перейдемъ къ другимъ достопримѣчательностямъ «вѣчнаго города».

Въ высшей степени любопытно посмотрѣть капеллу мертвыхъ у моста Систо. Войдемъ въ нижнюю часть этой капеллы: стѣны и потолокъ ея сплошь покрыты фантастическими арабесками. Въ одномъ мѣстѣ вы замѣчаете тщательно сдѣланные бѣлые цвѣты, въ другомъ розетки, въ третьемъ звѣзды, квадраты, кресты и самыя разнообразныя украшенія, какія можетъ только изобрѣсти богатая фантазія. И, представьте, все это сдѣлано, все до послѣдней вещи составлено изъ человѣческихъ костей. Въ одномъ мѣстѣ часть стѣны покрыта маленькими дѣтскими черепами, въ другомъ черепами взрослыхъ; тутъ собраны однѣ плечевыя кости, тамъ составлены арабески изъ грудныхъ костей, ключицъ, реберъ, пальцевъ; все подобрано и размѣщено чрезвычайно симметрично. Цѣлые скелеты стоятъ и сидятъ въ нишахъ и на выступахъ вдоль стѣнъ; изъ бѣлыхъ костей воздвигнуты алтари, составлены паникадила, люстры, аналои; каждый изъ нихъ держитъ въ костяныхъ пальцахъ какую-нибудь надпись: изреченіе о суетѣ жизни или просьбу къ живымъ не забывать умершихъ. Такія капеллы, украшенныя костями мертвецовъ и скелетами, существуютъ и во многихъ другихъ мѣстахъ Италіи.

Катакомбы не менѣе любопытны. Говорятъ, онѣ образовались въ ту пору, когда въ цвѣтущій періодъ этого города созидали громадныя постройки; тогда подъ большею частью Рима и были проведены подкопы. Когда христіанство стало сильно распространяться въ этой столицѣ, а римскіе императоры начали преслѣдовать его, то подкопы эти послужили убѣжищемъ, гдѣ преслѣдуемые собирались и совершали свое богослуженіе. Эти подземелья были надежнымъ убѣжищемъ, потому что многія изъ

нихъ представляли лабиринтъ, гдѣ трудно было отыскать людей, въ нихъ скрывавшихся. Христіане и стали правильно устраивать и расширять уже готовыя пещеры, особенно для погребенія своихъ собратій. Эти катакомбы были совершенно забыты въ средніе вѣка и за это время стали разрушаться и дѣлаться недоступными; только въ XVII ст. часть ихъ снова открыли.

Почти всѣ онѣ расположены чрезвычайно неправильно и состоятъ изъ пересѣкающихся, большею частью узкихъ ходовъ. По обѣимъ сторонамъ этихъ ходовъ находятся гробницы, вырубленныя въ туфѣ и закрытыя мраморными плитами или кирпичемъ. Часто отъ восьми до десяти подобныхъ гробницъ лежатъ одна надъ другой; нерѣдко встрѣчаются красивыя кладбища, въ которыхъ надъ могилою въ туфѣ вырублена ниша. Побродивши по узкимъ коридорамъ, часто входишь въ довольно просторную четыреугольную комнату съ круглымъ потолкомъ, украшенную живописью, и въ которой со многихъ сторонъ расположены подъ арками мѣста для погребенія людей болѣе зажиточныхъ. Должно быть, это были или семейные склепы христіанъ, или могилы мучениковъ; думаютъ, что въ этихъ самыхъ комнатахъ и происходили собранія христіанъ.

Римъ, несмотря на перестройки и всевозможныя улучшенія его за послѣднее время, до сихъ поръ привлекаетъ иностранцевъ прежде всего великими памятниками старины и необыкновенно симпатичными сторонами характера своего народа; еще и теперь онъ совсѣмъ не интересуетъ ихъ своею жизнію ни въ общественномъ, ни въ умственномъ, ни въ коммерческомъ, ни въ промышленномъ отношеніяхъ. И это понятно: жизнь въ Римѣ начала обновляться очень недавно, а именно съ того времени, когда городъ этотъ сдѣлался столицею Италіи, т.-е. съ 1870 г.; до тѣхъ поръ, слѣдовательно въ папскій періодъ, Римъ былъ въ полномъ смыслѣ слова мертвымъ городомъ. Папское владычество и самовластіе послѣдовательно изгоняли изъ Рима все живое, все, что хотѣло учиться, развиваться, мыслить, все, что интересовалось политикой. Наука, литература, политика были совершенно изгнаны изъ этого города, и его граждане должны были исключительно заниматься религіозными вопросами. Людей, мало-мальски противорѣчащихъ этому предначертанію папъ, сажали въ тюрьмы и ссылали на каторгу. Римскій университетъ былъ заброшенъ; существовало лишь два среднихъ учебныхъ заведенія, преподаваніе въ которыхъ ограничивалось изученіемъ мертвыхъ языковъ. Администрація была въ рукахъ духовенства, и во всѣхъ сферахъ жизни царствовалъ произволъ, взяточничество и кумовство. Никто не могъ начать самого пустого предпріятія безъ спеціальнаго разрѣшенія правительства; нельзя было ни въѣхать, ни выѣхать изъ города, не заявивъ объ этомъ властямъ.

Такое положеніе вещей не могло содѣйствовать развитію промышленности, торговли, даже какой-нибудь правильной человѣческой дѣятельности. Для тѣхъ, кто не принадлежалъ къ духовенству или не состоялъ на государственной службѣ, не было возможности найти какое-нибудь занятіе. Отсюда всеобщая бѣдность и недовольство. Многіе жили на средства весьма сомнительныя, что было и не трудно, такъ какъ правительство смотрѣло сквозь пальцы на все, что не относилось къ религіи или къ политикѣ. Результатомъ всего этого было полное отсутствіе въ Римѣ какой бы то было общественной жизни, какихъ бы то ни было общихъ интересовъ, которые могли бы сблизить между собою по крайней мѣрѣ людей одного сословія. Каждый жилъ особнякомъ или въ небольшомъ кругу своихъ родственниковъ, относясь ко всѣмъ остальнымъ въ высшей степени подозрительно. Подозрительность—характерная черта папскаго режима; тогда зорко слѣдили за всѣми и заставляли каждаго слѣдить за другими. Молодые люди, не находя никакого примѣненія и пищи для ума и энергіи, тратили

свое время на любовныя похожденія, а тѣ, что отжили свой вѣкъ, исключительно занимались сплетнями и пересудами.

Съ присоединеніемъ Рима къ итальянскому королевству въ жизни этого города происходитъ полный переворотъ. Пріѣздъ двора съ многочисленнымъ штатомъ, съ блестящимъ дипломатическимъ корпусомъ и цѣлой арміей чиновниковъ внесъ въ этотъ, еще недавно мертвый городъ оживленіе и свободу. Съ этихъ поръ Римъ мало-по-малу дѣлается настоящимъ европейскимъ городомъ и теряетъ мѣстный колоритъ: теперь на его площадяхъ уже не слышно болѣе рева буйволовъ, на улицахъ не пестрѣетъ разноцвѣтный костюмъ поселянъ, по нимъ не разъѣзжаютъ болѣе пастухи—странные всадники въ костюмѣ изъ козьей шкуры, съ пикою въ рукахъ.

Въ жизни римскаго общества тоже замѣтны немалыя перемѣны. Какъ только конституція итальянскаго королевства замѣнила папскій режимъ, громадная армія патеровъ и прелатовъ исчезаетъ, и римское общество начинаетъ постепенно оживляться. Но все же Римъ и въ настоящее время не можетъ служить средоточіемъ умственной жизни: папы поощряли искусство, но для развитія науки они всегда ставили всевозможныя преграды; поэтому, всѣ высшія образовательныя заведенія, научныя учрежденія, ученыя общества родились и выросли внѣ Рима, да такъ большинство ихъ и теперь остаются внѣ его.

Къ тому же этотъ переворотъ имѣлъ далеко неодинаковое значеніе для всѣхъ классовъ римскаго общества. Во время папскаго режима все управленіе дѣлами государства было въ рукахъ духовенства; понятно, что аристократія и буржуазія были страшно недовольны папскимъ режимомъ. Аристократія считала себя обиженной потому, что ее удалили отъ всякаго участія въ управленіи дѣлами страны, среднее сословіе было страшно стѣснено во всѣхъ своихъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ. Уничтоженіе папскаго режима для высшихъ классовъ было чрезвычайно благопріятно во всѣхъ отношеніяхъ: аристократіи оно дало возможность занять въ обществѣ почетныя мѣста, получить рѣшающій голосъ въ управленіи дѣлами страны, имѣть хорошіе оклады. Среднее сословіе могло теперь свободно заниматься промышленными и торговыми предпріятіями. Такимъ образомъ тѣмъ и другимъ этотъ переворотъ принесъ свободу и увеличилъ матеріальныя средства. Совсѣмъ не такое благотворное вліяніе имѣлъ онъ на положеніе низшихъ классовъ. Конечно, онъ даровалъ имъ нѣкоторыя права, но ихъ матеріальное положеніе съ тѣхъ поръ, несомнѣнно, ухудшилось. Правда, перенесеніе столицы въ Римъ увеличило спросъ на рабочія руки и привлекло множество рабочихъ изъ окрестныхъ провинцій; заработная плата нѣсколько повысилась, но жизнь въ то же время страшно вздорожала; цѣны на всѣ предметы первой необходимости увеличились несравненно болѣе, чѣмъ рабочая плата. Вслѣдствіе этого положеніе даже тѣхъ изъ римскихъ рабочихъ, которые имѣютъ работу, теперь гораздо тяжелѣе, чѣмъ прежде, а какая масса и вовсе ея не имѣетъ!

Бѣдность римскаго простонародья и недостатокъ работы объясняются также и тѣмъ, что промышленность Рима до сихъ поръ находится въ весьма неблестящемъ положеніи. Развитію промышленности въ Римѣ сильно вредитъ то обстоятельство, что у итальянскаго королевства не хватаетъ средствъ проложить всѣ необходимые пути сообщенія, тѣмъ болѣе, что они должны были бы обойтись государству чрезвычайно дорого. Римъ, окруженный ужасною пустынею Римской Кампаньи [1]), да еще распо-

[1]) Римскою Кампаньею называется все побережье отъ Чивитта-Веккіи до Террачины; большая часть названной мѣстности, за исключеніемъ окрестностей города Остіи, представляетъ печальную и пустынную равнину.

ложенный въ одной изъ наиболѣе жалкихъ ея мѣстностей—Agro Romano, не можетъ имѣть здороваго климата. Несмотря на всевозможные проекты съ цѣлью оживить эту заброшенную, печальную пустыню и тѣмъ содѣйствовать промышленному и торговому развитію Рима, въ настоящее время, какъ и до 1870 г., здѣсь царитъ полное запустѣніе. Поѣздъ желѣзной дороги прорѣзываетъ зеленые ковры, испещренные краснымъ макомъ; луга эти только изрѣдка смѣняются тощими полями, но чаще всего совершенно заброшенными пустырями, гдѣ грудами навалены камни, отъ которыхъ рябитъ въ глазахъ, и болотами. Полная тишина, уединеніе и запустѣніе какъ за 30 верстъ отъ Рима, такъ и у его стѣнъ! Какъ ужасна для благосостоянія города такая пустыня, разстилающаяся на много десятковъ миль вокругъ, безъ мало-мальски порядочно устроенныхъ человѣческихъ жилищъ даже въ ближайшихъ окрестностяхъ столицы. Только Тибръ, такъ обмелѣвшій, что мѣстами въ извѣстное время дѣлается совсѣмъ несудоходнымъ, одиноко катитъ по этой пустынѣ свои мрачныя волны. Немногія годныя для обработки земли заняты лугами, на которыхъ пасутся стада овецъ. Эти овцы да плохіе виноградники—вотъ и все, чѣмъ можетъ похвастать эта мѣстность. Для того, чтобы сдѣлать Кампанью пригодною для земледѣлія и развитія промышленности, необходимо очистить Тибръ и расширить его фарватеръ, прорыть множество широкихъ каналовъ, которые осушили бы зловредныя болота и соединили бы Римъ съ моремъ; необходимо было бы также поднять почву въ ежегодно заливаемыхъ водою предмѣстьяхъ города, и многое другое необходимо для этого, но Италія не обладаетъ средствами, которыя нужны для всѣхъ этихъ усовершенствованій, да и врядъ ли скоро ихъ будетъ имѣть. Такимъ образомъ ни порядочнаго земледѣлія, ни промышленности, ни торговли, ни судоходства въ окрестностяхъ Рима не существуетъ и долго, вѣроятно, не будетъ существовать.

Въ Римѣ до 500,000 жителей. Но среди этого населенія вы не найдете ни богатаго купечества,—ему здѣсь дѣлать нечего, ни мелкой состоятельной буржуазіи, ни значительнаго ремесленнаго класса. Главный контингентъ населенія—бюрократія, вокругъ которой группируются аферисты, жадные до наживы, и иностранцы. Даже рабочіе и торговое населеніе по большей части пришлое, живущее здѣсь съ единственною цѣлью поправить свои дѣлишки и поскорѣй возвратиться на свою сторону. Наплывъ иностранцевъ, какъ и вездѣ въ подобныхъ городахъ, лишь деморализируетъ населеніе; благодаря какъ этому, такъ и всеобщей бѣдности итальянскаго народа, здѣсь развилось множество весьма сомнительныхъ профессій: безчисленное множество проводниковъ по музеямъ, по городу, по церквамъ, по развалинамъ, погонщиковъ муловъ и ословъ, натурщиковъ и натурщицъ, носильщиковъ, шарманщиковъ, уличныхъ пѣвцовъ и т. д. безъ конца.

Иностранцевъ, какъ мы уже упоминали, привлекаютъ въ Римъ не только великіе памятники искусства, но и пріятная, свободная жизнь въ этого городѣ.. Они располагаются здѣсь и проводятъ свое время, какъ кому заблагоразсудится: никого ничѣмъ здѣсь не удивишь, никто даже не обратитъ на васъ вниманія. Иностранецъ можетъ жить здѣсь совершенно уединенно, можетъ имѣть, если пожелаетъ, и огромное общество: римляне всѣхъ классовъ общества общительны, любезны, словоохотливы и въ высшей степени вѣжливы. Ихъ обращеніе чрезвычайно мягкое, манеры изящныя, самый послѣдній безграмотный простолюдинъ вѣжливъ, потому что и къ нему всѣ относятся вѣжливо. Все увеличивающійся классъ чиновниковъ не составляетъ здѣсь замкнутаго сословія и не претендуетъ ни на какія преимущества передъ другими внѣ исполненія своихъ служебныхъ обязанностей. Въ общественныхъ мѣстахъ, въ публичныхъ собраніяхъ рѣшительно не отличишь, кто къ какому классу общества

принадлежитъ: по платью можно только судить о большей или меньшей зажиточности; люди сближаются между собой такъ легко и просто, что это приводитъ въ ужасъ чопорныхъ англичанъ. Иностранецъ по прiѣздѣ можетъ очень быстро перезнакомиться съ половиною города и стать среди нихъ своимъ человѣкомъ. Жизнь въ Римѣ нравится иностранцамъ также и потому, что она сравнительно болѣе дешева, чѣмъ въ другихъ столицахъ Европы; къ тому же теперь чистота и порядокъ на улицахъ образцовые, а въ отношенiи водоснабженiя Римъ положительно превзошелъ многiя южныя столицы. Всюду проведена ключевая вода, почти въ каждомъ домѣ день и ночь бьетъ свой маленькiй ключъ, на многихъ улицахъ и на всѣхъ площадяхъ возвышаются чудные фонтаны.

Римляне народъ красивый, худощавый, изящный, высокорослый; смуглое лице, черные или темнокарiе глаза, тонкiя черты лица—вотъ ихъ типичныя черты. Крайняя вѣжливость въ обращенiи, даже въ простолюдинѣ, просто изумительны: никто никогда не скажетъ вамъ здѣсь грубаго слова, никто не толкнетъ, а если это и случится какъ-нибудь нечаянно, то римлянинъ начинаетъ такъ испуганно и такъ искренно извиняться передъ вами, точно онъ сдѣлалъ какое-нибудь преступленiе. Быстрый, всегда оживленный разговоръ между собою римлянъ какъ-то чрезвычайно гармониченъ, сопровождается красивыми жестами и оживленною мимикою.

Не менѣе красивы, но несравненно менѣе изящны, симпатичны и интеллигентны съ виду римлянки. Въ толпѣ рѣзко выдѣляются два типа женщинъ: очень толстыя, высокiя, прекрасно откормленныя, краснощекiя, съ медленной, плавной походкой, съ массивной красивой головой, съ черными глазами безъ глубины, безъ мысли и безъ оживленiя,—однимъ словомъ типъ женщины, въ которомъ сказывается преобладанiе животнаго элемента надъ духовнымъ, сытости и упитанности надъ умомъ и живымъ соображенiемъ. Худощавыя римлянки болѣе привлекательны: онѣ менѣе массивны, гораздо менѣе красивы, но выраженiе лица болѣе интеллигентное и болѣе оживленное.

Теперь перейдемъ къ своеобразной уличной жизни. Лучшею улицею считается Корсо. Названiе это означаетъ бѣгъ и произошло отъ того, что масляничный карнавалъ на Корсо заканчивался бѣгомъ лошадей черезъ всю улицу, но этого нѣтъ теперь болѣе, отчасти, можетъ быть, потому, что и безъ него достаточно карнавальныхъ забавъ. И Корсо самая удобная для этого улица: этажи домовъ маленькiе, такъ что съ козелъ коляски легко можно влѣзть на любой балконъ второго яруса, что даетъ возможность перестрѣливаться букетами и переговариваться. Корсо застроенъ лучшими магазинами, кафэ, которые занимаютъ нижнiе этажи почти всѣхъ зданiй; но всѣ эти зданiя и магазины не только послѣ Парижа, Лондона и Вѣны, но даже послѣ Петербурга и Москвы покажутся очень скромными. Кромѣ палаццо съ желѣзными рѣшетками, которыя попадаются то тамъ, то здѣсь, вы не найдете на этой улицѣ ничего особенно типичнаго.

Прежде чѣмъ добраться до Корсо, придется пройти много кривыхъ и узкихъ переулковъ, но не оставляйте ихъ безъ вниманiя: тутъ сказывается гораздо болѣе оригинальность итальянской столицы. Несмотря на то, что вы идете по какому-нибудь грязному закоулку, навстрѣчу вамъ летятъ брызги фонтана: то онъ падаетъ передъ вами чуднымъ каскадомъ, то бросаетъ свою хрустальную струйку на мшистый, мраморный бассейнъ. А вотъ и мрачная, совсѣмъ темная улица, но и тутъ звонкiй разговоръ сосѣдокъ изъ одного дома въ другой раздается на всю улицу. Старуха со скальдиной въ рукахъ предлагаетъ вамъ обогрѣться за одинъ байокки (скальдина—это небольшой горшокъ, наполненный угольями, съ дугообразной ручкой по срединѣ, на которую кладутъ ноги). Такъ какъ холодные зимнiе дни здѣсь бываютъ очень

В. Васнецовъ
М. РАШЕВСКIЙ

недолго, то и дома здѣшніе совсѣмъ не приспособлены къ холодамъ. Въ болѣе богатыхъ домахъ есть еще кой-какіе камины, всѣ же остальные согрѣваются только жаровнями и скальдинами. Въ холодные дни эти скальдины выносятъ и на улицу, предлагая проходящимъ согрѣться за мелкую монету. Во многихъ мѣстахъ, въ разныхъ позахъ, сидятъ большіе и малые и играютъ въ орелъ и рѣшетку или въ карты. Въ иной уличкѣ можете сдѣлаться свидѣтелемъ и трагической сцены. Итальянецъ необыкновенно вспыльчивъ, и во время игры онъ вдругъ иногда скоро и часто заговоритъ; при этомъ у него забѣгаютъ и засверкаютъ глаза зловѣщимъ огнемъ, и нерѣдко заблеститъ ножъ. Таскать за волосы, бить кулакомъ, палкой, кочергой, что такъ часто встрѣчается у насъ, ко всему этому итальянецъ чувствуетъ естественное отвращеніе. Зато, часто даже во время ничтожной ссоры, онъ старается не прибить, а убить.

А что это за толпа народа, изъ середины которой раздается декламирующій голосъ? На стѣнѣ, подлѣ которой стоитъ эта группа, большими буквами прибито совершенно свѣжее, ярко-красное объявленіе: «Grasso Lucido»,—это блестящая вакса. Тутъ у столика стоитъ ораторъ, окруженный толпою людей, и въ нескончаемыхъ рѣчахъ превозноситъ всѣ достоинства и превосходства этого Грассо-Лючидо. Любопытно послушать, какъ этотъ ораторъ, въ грязномъ сюртукѣ и длинномъ бархатномъ жилетѣ, по нѣскольку часовъ сряду, не останавливаясь, излагаетъ все новыя воззрѣнія на вещество Грассо-Лючидо. Тутъ вы узнаете не только, какое значеніе имѣетъ эта вакса для разныхъ сортовъ кожи, но и какъ она необходима для человѣческаго общества вообще, для его образованія и развитія. «Грассо-Лючидо», гремитъ онъ, «настоящая, единственная, лучшая и извѣстнѣйшая во всей Европѣ вакса, которая обладаетъ дивной силой проникать въ самую жесткую бычачью кожу и дѣлать ее мягкою, какъ бархатъ. Утверждаютъ, что Грассо-Лючидо содержитъ разъѣдающія кислоты и гибельныя вещества... Смотрите-же: я съѣмъ при васъ этотъ Грассо-Лючидо, и онъ не причинитъ мнѣ ни смерти, ни тошноты, а, напротивъ, оставитъ такое же пріятное впечатлѣніе, какъ прекраснѣйшая полента» (итальянская похлебка изъ маисовой муки). И ораторъ быстро глотаетъ довольно значительное количество ваксы. «Такъ покупайте-же!» восклицаетъ онъ, когда послѣ своей длинной рѣчи еще не видитъ особенной готовности запастись этой прославленной драгоцѣнностью. «Пользуйтесь, говорю вамъ, этимъ въ высшей степени экономнымъ, безвреднымъ, невиннымъ и извѣстнымъ всему міру Грассо-Лючидо. Берите-же, баночка—тринадцать байокки». Но если при этомъ изъ толпы слушателей еще не выступаютъ охотники купить ваксу, ораторъ обводитъ ее взглядомъ презрѣнія и сожалѣнія и безъ всякой паузы продолжаетъ: «Вамъ, можетъ быть, нужно доказать, какой блескъ придаетъ Грассо-Лючидо кожанымъ вещамъ?»—и онъ беретъ клочекъ бумаги, натираетъ ее ваксой, потомъ съ остервенѣніемъ схватываетъ ногу одного изъ ребятъ, которые здѣсь вертятся, и начинаетъ ваксить его обувь, все продолжая на ту же тему свои разглагольствованія. Лицо ребенка блеститъ удовольствіемъ: ему никто еще въ жизни не чистилъ сапогъ. «Смотрите», говоритъ ораторъ, «сію минуту этотъ сапогъ былъ похожъ на свиное копыто, а теперь онъ блеститъ, какъ чистѣйшее серебро».

Въ болѣе широкихъ улицахъ, гдѣ менѣе толкотни и уличной суеты, здѣсь и тамъ расхаживаютъ и сидятъ группами и въ одиночку множество проводниковъ, которые, завидя иностранца, со всѣхъ сторонъ бросаются къ нему съ предложеніемъ своихъ услугъ. Мы уже упоминали о томъ, что съ одной стороны отсутствіе промышленности, съ другой вѣчный наплывъ иностранцевъ развилъ въ народѣ массу непроизводительныхъ, двусмысленныхъ профессій: безконечное число проводниковъ,

подраздѣляемыхъ по роду занятій на множество спеціальностей, уличныхъ пѣвцовъ, шарманщиковъ. «Все это по цѣлымъ днямъ ничего не дѣлаетъ, выжидая, когда Пресвятая Богородица пошлетъ какую-нибудь щедрую иностранную «eccellenza», съ которой можно сорвать что-нибудь. Есть даже особенная разновидность тунеядцевъ, которая встрѣчается и въ другихъ городахъ Италіи, но нигдѣ въ такомъ количествѣ, какъ въ Римѣ: это, если можно такъ выразиться, «*уличные позёры*». Единственное занятіе ихъ состоитъ въ томъ, что они сидятъ или лежатъ гдѣ-нибудь на площади, около наиболѣе часто посѣщаемыхъ иностранцами зданій, принимаютъ красивыя позы, дѣлаютъ красивыя движенія. Такъ какъ они большею частью въ самомъ дѣлѣ удивительно хороши и живописны и надо имѣть особенно черствую душу, чтобы не заглядѣться на ихъ грацію, то почти всѣ останавливаются полюбоваться такими живыми картинами. Какъ только вы остановились хотя на минуту—кончено! картина вскакиваетъ... и, добродушно улыбаясь, съ милымъ, граціознымъ движеніемъ протягиваетъ вамъ руку. Устоять невозможно: вы даете мелкую монету, и всѣ даютъ, а этими подачками преблагополучно живутъ позёры».

Наскучила уличная пестрота,—и путешественникъ заходитъ въ первую попавшуюся лавку. Чаще другихъ попадаются лавки пицикаролли—продавцовъ сыра, колбасъ, ветчины и другихъ жирныхъ товаровъ. И тутъ тоже вы не можете отвести глазъ отъ удивленія. Представьте себѣ, что всѣ жирные товары пицикаролли убраны такъ, что лавка представляетъ нѣчто въ родѣ колбасной капеллы. Симметрично расположенные сыры составляютъ одну стѣну; другая состоитъ изъ огромныхъ кусковъ жиру, края которыхъ оклеены золотыми полосками бумаги, на потолкѣ висятъ различныя фигуры изъ колбасъ, а нѣкоторыя изъ нихъ оригинально покачиваются посреди цвѣтовъ, лавровыхъ и миртовыхъ вѣтвей. Сегодня колбасная убрана въ честь патрона этой самой колбасной, поэтому въ лавкѣ всюду горятъ лампы и свѣчи, и искусный колбасникъ, сіяя гордостью и жиромъ, стоитъ за своимъ столомъ и съ любезными привѣтствіями встрѣчаетъ своихъ покупателей.

Но вотъ уже поздно, сразу наступили сумерки; только въ одной темной улицѣ, куда вы забрели, вы замѣчаете блестящее освѣщеніе въ окнахъ: оказывается, что это балъ натурщицъ. Въ Римѣ существуетъ особый классъ людей—натурщиковъ и натурщицъ, которые по нѣскольку часовъ сряду сидятъ, какъ безжизненныя статуи, передъ художниками, чтобы служить имъ моделями. Эти натурщики и натурщицы только и живутъ тѣмъ, что получаютъ отъ художниковъ, но за то они обязаны являться передъ ними въ разныхъ видахъ и въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ. Сегодня натурщица является голою, завтра—въ драгоцѣнныхъ одеждахъ, то турчанкой, то гречанкой, то римлянкой. Теперь она кающаяся грѣшница, потомъ будетъ неприступной богиней, невольницей.

Странное зрѣлище представляетъ модельная зала. Въ большой неубранной комнатѣ сидитъ на довольно высокомъ пьедесталѣ живая модель, мужчина или женщина, неподвижно, какъ статуя. Вокругъ нея амфитеатромъ человѣкъ сто художниковъ. Передъ каждымъ столикъ и маленькая лампа, каждый рисуетъ модель съ своей точки зрѣнія: спереди, сбоку, сзади, одинъ карандашемъ, другой мѣломъ, третій акварелью, одинъ безобразно, другой превосходно. Уже два часа сидитъ жертва въ одномъ положеніи. Лицо покраснѣло отъ напряженія, черты ослабли, глаза мутны, и только ихъ миганье показываетъ еще неугасшую жизнь. Въ честь этихъ людей и дается этотъ балъ. Зала убрана съ большимъ вкусомъ, хотя полъ ея и черенъ, какъ земля, и очень неровенъ. Гирлянды цвѣтовъ вьются по стѣнамъ и точно поддерживаютъ люстру; всюду встрѣчаешь чрезвычайно эффектныя украшенія изъ золотой и серебряной бумаги.

Музыканты уже настраиваютъ мандолину и тамбуринъ; вдоль стѣнъ сидятъ натурщики и натурщицы, на этотъ разъ очень веселые. Начинаются оживленные и подъ конецъ даже страстные танцы, между которыми первое мѣсто занимаетъ *сальтарелло*.

ПРОПОВѢДЬ ДѢТЕЙ.

Мадонна въ церкви св. Августина.—Бамбино.

Въ высшей степени любопытно во время праздниковъ Рождества зайти въ Римѣ въ красивую и древнюю церковь Ара-Чели, на Капитоліи. Тамъ маленькіе мальчики и дѣвочки, утромъ и вечеромъ, въ продолженіе цѣлой недѣли, говорятъ проповѣди передъ огромною толпою. Въ этой церкви устроена каѳедра, на которую одинъ за другимъ входятъ дѣти отъ девяти до двѣнадцати лѣтъ. Вотъ взошелъ на каѳедру маленькій, хорошенькій мальчикъ и громко, ясно, сильно жестикулируя руками, началъ говорить проповѣдь о пришедшемъ въ міръ Спасителѣ. Слѣдующій за нимъ мальчикъ говоритъ еще искуснѣе. Когда ему приходилось сказать: голова, онъ указывалъ на свою голову, когда упоминалъ о глазѣ,—на глазъ, объ ухѣ,—на ухо. Говоря объ игрѣ на арфѣ, онъ началъ дѣлать такія движенія руками, какъ будто игралъ на этомъ инструментѣ. Послѣ мальчиковъ выступили дѣвочки, маленькія и хорошенькія, въ шляпкахъ съ перьями и въ атласныхъ платьицахъ. Дѣвочекъ-проповѣдницъ больше, чѣмъ маленькихъ проповѣдниковъ. Прежде, чѣмъ начать свою проповѣдь, онѣ крестятся и потомъ уже начинаютъ говорить. Точно такъ же, какъ и мальчики, онѣ говорятъ о грѣхѣ Адамовомъ, объ Іисусѣ и Его крестной смерти. Читатели, вѣроятно, представляютъ себѣ, что эти маленькіе проповѣдники и проповѣдницы напоминаютъ на каѳедрѣ маленькихъ школьниковъ на экзаменѣ. Ничуть не бывало: дѣти говорятъ свои проповѣди совершенно развязно, безъ всякаго смущенія: многія, кажется, гордятся тѣмъ, что проповѣдуютъ передъ такой многочисленной публикой, и голосъ ихъ съ каждой фразой все усиливается, жесты становятся все увѣреннѣе и театральнѣе. Бываютъ, однако, случаи, что въ ту минуту, когда нужно входить на каѳедру, маленькая проповѣдница вдругъ объявляетъ родителямъ, среди которыхъ она стоитъ въ церкви, что она не хочетъ сегодня проповѣдывать. Ее начинаютъ уговаривать, даже угрожаютъ, но иногда ничто не помогаетъ, и ее приходится увезти домой. Родители дѣтей, которымъ предстоитъ сказать проповѣдь, много заботятся о томъ, чтобы она была отлично выучена, и приглашаютъ къ себѣ священника предварительно выслушать заученную рѣчь ребенка. При концѣ проповѣди каждый ораторъ соскакиваетъ съ каѳедры со словами: «придите всѣ поклониться святому Бамбино», и, при громкихъ аплодисментахъ публики, становится на колѣни передъ яслями, въ которыхъ лежитъ Бамбино, изображающій младенца Іисуса. Одна дѣвочка, послѣ своей проповѣди, упавъ передъ нимъ на колѣни, молилась такъ: «миленькій Бамбинелло, открой свои хорошенькіе глазки, брось взглядъ на насъ грѣшныхъ и пошли намъ свое милосердіе». Какъ видите, даже и проповѣдь итальянецъ умѣлъ обставить такъ, что она удовлетворяетъ его страсти къ зрѣлищамъ и къ театральнымъ представленіямъ. Но что-же это за Бамбино, или, какъ его также называютъ, Бамбинелло, къ которому съ такою любовью обращаются маленькія дѣти?

У итальянцевъ много святыхъ, патроновъ и патронессъ; каждый отстаиваетъ своего святаго и искренно вѣритъ, что онъ скорѣе другихъ исполняетъ просьбы и

исцѣляетъ болѣзни. Нѣкоторые святые пользуются бо́льшею извѣстностью и бо́льшимъ почетомъ сравнительно съ другими. Наиболѣе любимые народомъ святые въ то же время и наиболѣе богатые, такъ какъ каждый богомолецъ приноситъ имъ въ даръ деньги и вещи. Мадонна (Богородица) въ церкви святаго Августина обвѣшана брильянтами, жемчугами, драгоцѣнными каменьями; ожерелья опускаются въ двадцать и тридцать рядовъ, браслеты закрываютъ руки; голова исчезаетъ подъ золотыми гребнями и брильянтовыми діадемами. Мадонну св. Августина итальянцы считаютъ заступницею всѣхъ матерей; поэтому у нея чрезвычайно много поклонницъ, которыя, при выздоровленіи ребенка или во время его болѣзни, несутъ послѣднее достояніе, умоляя объ исцѣленіи. Вотъ такъ и скопляются въ церквахъ и часовняхъ имени того или другого святаго громадныя богатства, которыя очень часто, несмотря на всѣ предосторожности, переходятъ въ руки мошенниковъ.

Точно такъ и Бамбино пользуется большою извѣстностью. Онъ вырѣзанъ изъ дерева и представляетъ грудного младенца; рукъ его не видно,—онѣ покрыты пеленками изъ дорогой матеріи, лицо веселое, улыбающееся, румяное, какъ яблочко. Бамбино украшенъ брильянтами и драгоцѣнностями и имѣетъ весьма порядочный годовой доходъ, который составляется изъ приношеній его поклонниковъ. Онъ пользуется огромнымъ значеніемъ и любовью: его возятъ къ больнымъ и умирающимъ.

Бамбино открываютъ для публики только одинъ разъ въ году, въ продолженіе 14-ти дней отъ Рождества до Богоявленія. Въ этотъ день послѣ вечерни его торжественно закрываютъ и въ другое время его показываютъ только развѣ знатнымъ посѣтителямъ.

НЕАПОЛЬ.

Чудный видъ Неаполитанскаго залива.—Городское населеніе: галантуомо и ладзарони.—Уличная жизнь и движеніе.—Удовольствія средняго класса.—Развлеченія народа: чудо кипѣнія крови и фейерверки.—Участіе духовенства въ народныхъ удовольствіяхъ.—Характеръ неаполитанскаго люда.—Неаполитанская дѣвушка, ея жизнь и поэзія.—Моряки.

«Видѣть Неаполь и умереть», говорятъ путешественники, и всѣ они съ необыкновеннымъ восторгомъ описываютъ этотъ городъ, но особенно интересенъ отзывъ одного русскаго знаменитаго писателя. Увидавъ впервые этотъ городъ, его роскошную, дивную природу, кипучій водоворотъ его поэтической, уличной жизни, у него вырывается восторженный крикъ объ этомъ дѣйствительно прелестнѣйшемъ въ мірѣ уголкѣ: «Неаполь нельзя не любить! Если бы вы только провели въ немъ одинъ день, всю жизнь стали бы вспоминать со вздохомъ объ этомъ днѣ! Я ничего подобнаго и не подозрѣвалъ! Просто упиваешься, забываешь все на свѣтѣ, наслаждаешься собой и природой. «Стой, странникъ! лучшаго ты не увидишь!» вотъ что смѣло можно сказать каждому, но «посмотри на Неаполь и потомъ умри»—какъ это глупо! Посмотри на Неаполь—и возненавидь смерть!» Съ этимъ вполнѣ согласится всякій, кто увидитъ этотъ городъ весною, въ апрѣлѣ или маѣ, когда лимонныя и померанцевыя рощи цвѣтутъ и благоухаютъ, въ то время, когда по всѣмъ заборамъ свѣшиваются гирлянды розъ, жасминовъ и тысяча другихъ душистыхъ, распустившихся цвѣтовъ, а воздухъ еще не томитъ палящимъ жаромъ. Посмотрите на городъ съ одного изъ тысячи здѣшнихъ балконовъ, и передъ вами во всемъ величіи предстанетъ первый по красотѣ во всемъ мірѣ Неаполитанскій заливъ, вѣчно

дымящійся Везувій, широкая кайма бѣлыхъ виллъ и селеній у его подошвы, живописные берега Сорренто и Кастелламаре и, наконецъ, очаровательный скалистый островъ Капри. Еще болѣе чудная картина представляется на разсвѣтѣ, когда сквозь утренній туманъ покажется розовое Тирренское море, съ окраиною голубыхъ горъ, которыя загораются одна за другою, вдоль поморья, при легкомъ сіяніи зари. Мало-по-малу сбѣгаетъ утренній туманъ съ роскошнаго залива, и на немъ закипаетъ жизнь. Лодки рыбаковъ несутся одна за другою въ открытое море искать себѣ дневного промысла, и мало-по-малу разоблачается Везувій: спадаетъ легкое покрывало съ двуглавой его верхушки, и онъ поднимается бѣлымъ дымнымъ столбомъ въ ясную лазурь неба. Вотъ и другая полоса горъ, подернутая дымкою тумана, потянулась изъ-за мыса до самаго края залива. Но еще болѣе волшебное зрѣлище представляетъ набережная Санта-Лючіа ночью, когда луна стоитъ надъ Везувіемъ, и ея магическій свѣтъ изливается на горы, море и весь городъ. Темный лѣсъ мачтъ въ гавани утопаетъ въ серебряныхъ парахъ. Тысячи барокъ скользятъ, какъ черныя тѣни, черезъ освѣщенную полосу, появляются и исчезаютъ. Изъ мрака ночи на горизонтѣ поднимается двухъярусная скала Капри, чистымъ серебромъ свѣтятся горы Кастелламаре и Сорренто, тихо блеститъ Везувій; но вотъ онъ вдругъ выбросилъ изъ своего жерла огненную звѣзду: она сверкнула на минуту, освѣтила огненнымъ пламенемъ мрачное покрывало исполина и быстро потухла. Здѣсь, куда бы вы ни пошли, Везувій будетъ васъ вездѣ преслѣдовать, хотя онъ и находится въ двухчасовомъ разстояніи отъ города. Многія улицы города замыкаются этимъ вѣчно дымящимся вулканомъ: плывете ли вы въ баркѣ по заливу, бродите ли по мертвымъ улицамъ Помпеи, слушаете ли подъ пальмой чудную пѣснь неаполитанскихъ рыбаковъ, передъ вами всегда Везувій. Всюду и между лѣсомъ колоннъ, и въ глубинѣ аллей, обвитыхъ виноградными гирляндами, на голубомъ фонѣ неба всегда рисуется онъ съ своимъ дымомъ, какъ духъ тьмы, какъ мрачное видѣніе среди благоухающаго, свѣтлаго, улыбающагося земнаго рая. Вмѣстѣ съ Везувіемъ повсюду васъ здѣсь преслѣдуютъ и чудныя картины природы: куда вы ни обернетесь, благоуханіе померанцевъ, роскошная растительность, вездѣ жизнь бьетъ горячимъ ключемъ.

Вмѣстѣ съ волшебными островами, могучимъ Везувіемъ, чудными картинами природы Неаполь представляетъ еще одно характерное свойство—замѣчательный городской шумъ. Тутъ даже и ночью слухъ вашъ не отдыхаетъ отъ грохота экипажей, говора и криковъ. Чуть занимается заря, и вы не успѣли еще проснуться, какъ цѣлая ватага ребятъ уже толпится у вашихъ оконъ: они визжатъ, пищатъ на разные голоса, что-нибудь декламируютъ съ комическими театральными жестами или распѣваютъ, защемивъ пальцами носъ, жестоко взвизгивая при каждомъ куплетѣ: «тики такъ... тики такъ... чи... чи... эччеленца, дай на макарони! всѣ ѣдятъ макарони!... Чи... чи... эччеленца».

Городское населеніе Италіи состоитъ большею частью не изъ рабочихъ ремесленниковъ и фабричныхъ, а изъ людей, промышляющихъ мелочной торговлею и неопредѣленными промыслами. Въ Неаполѣ и въ другихъ городахъ южной Италіи населеніе дѣлится на два класса: *галантуомо*—порядочные люди, и *ладзарони*. При имени ладзарони мы непремѣнно вспоминаемъ какихъ-то живописныхъ праздношатающихся, которые валяются на солнцѣ, ѣдятъ макароны и выпрашиваютъ подачку. Ладзарони очень рѣдко ѣдятъ макароны,—на это у нихъ не хватаетъ денегъ, а если они иногда и разживутся нѣсколькими копѣйками, чтобы купить ихъ, то кушанье это до такой степени неприглядно, что на него лучше и не смотрѣть; валяются же они на мостовой обыкновенно потому, что не могутъ найти для себя работы. Каждый,

одѣтый здѣсь въ общеевропейскій костюмъ, въ приличномъ бѣльѣ и галстукѣ, въ сапогахъ и шляпѣ—галантуомо. Предполагается, что такой человѣкъ—собственникъ, живетъ своимъ доходомъ или занимается либеральной профессіей: докторъ, адвокатъ, профессоръ или кто-нибудь въ этомъ родѣ. Напротивъ, всякій занимающійся трудомъ физическимъ—ладзарони и отличается простонароднымъ костюмомъ. Костюмъ этотъ, въ большинствѣ случаевъ, состоитъ изъ рубашки, панталонъ и куртки, не одѣтой въ рукава, а накинутой на плечо; но бываютъ и значительныя упрощенія этого костюма. Босыя ноги — явленіе обыкновенное. Куртка часто замѣняется кускомъ парусины, мѣшкомъ, иногда даже овечьей шкурою. Во всемъ этомъ очень мало національнаго и гораздо болѣе общенищенскаго. Подъ общимъ именемъ ладзарони въ Неаполѣ подразумѣваются носильщики, извозчики, рыбаки, продавцы молока, парикмахеры, цирюльники, продавцы воды, каштановъ, фруктовъ, сыра, улитокъ (маруцары), зеленьщики, торговцы простою деревянною обувью, прачки, и въ то же время праздношатающіеся, однимъ словомъ—простой народъ.

Мостовая сдѣлана изъ большихъ плитъ лавы, но улицы, за исключеніемъ одной-двухъ, очень узкія. На нихъ, какъ и въ другихъ городахъ, кофейни, лавки, магазины, а посрединѣ непрерывнымъ рядомъ ѣдутъ экипажи; ремесленники, которые работаютъ подъ открытымъ небомъ, сидя вдоль тротуаровъ, замѣчательная пестрота лицъ, одеждъ и разнообразіе житейскихъ сценъ представляютъ для европейскаго путешественника совершенно незнакомыя ему явленія. Свои издѣлія ремесленники продаютъ тутъ же въ балаганахъ. которые у нѣкоторыхъ доходятъ до средины улицы. Въ углахъ болѣе свободныхъ стоятъ продавцы съ устрицами и макаронами, самымъ любимымъ кушаньемъ неаполитанцевъ; тутъ жарятъ и продаютъ каштаны, кукурузныя шишки; въ высокихъ и чистыхъ палаткахъ торгуютъ замороженной водой, арбузами и всѣми южными фруктами; затѣмъ улицу загромождаютъ столики мѣнялъ и писцовъ, передъ которыми стоятъ женщины и диктуютъ письма и просьбы. А вонъ тамъ собралась кучка людей, посреди которыхъ стоитъ мужчина въ изорванной одеждѣ, держитъ передъ собою истрепанную книгу и съ необыкновеннымъ жаромъ, сопровождая декламацію театральными жестами, читаетъ какую-то устарѣвшую пьеску, гдѣ главнымъ героемъ является разбойникъ. Слушатели не только внимательны, но даже увлекаются такъ, что отъ времени до времени дѣлаютъ выразительные жесты. Тамъ и здѣсь валяются ладзарони, эти дѣти Неаполя, которыя спятъ на мостовыхъ и подъ арками сводовъ, пока не найдутъ какого-нибудь занятія, что такъ трудно на югѣ Италіи, или пока этихъ несчастныхъ безъ работы, крова и хлѣба не подберетъ смерть. И кто же, какъ не она, эта утѣшительница всѣхъ страждущихъ, приметъ участіе въ ладзарони, который десять мѣсяцевъ въ году спитъ подъ открытымъ небомъ, гдѣ придется, всегда босой, въ какихъ-то рваныхъ лохмотьяхъ, которыя совершенно открываютъ его руки и мохнатую грудь. Чтобы пополнить картину уличной неаполитанской жизни, можно еще прибавить, что на набережной Санта-Лючія бьетъ сѣрный ключъ; женщины съ утра до поздней ночи черпаютъ эту цѣлебную воду и предлагаютъ ее тутъ же сидящимъ дамамъ и мужчинамъ, которые, выпивъ стаканъ такой воды, закусываютъ маленькимъ кренделемъ. Кромѣ пустой житейской болтовни на Санта-Лючіи и питья цѣлебной воды, среднее сословіе развлекается еще тѣмъ, что ходитъ смотрѣть на купающихся, которые бросаются передъ всей публикой въ воду. И дѣйствительно, любопытно смотрѣть на ребятишекъ, которые плаваютъ здѣсь, какъ дельфины: они прыгаютъ въ воду откуда-нибудь съ высокаго мѣста, мастерски ныряютъ и выдѣлываютъ всевозможныя штуки.

Любимымъ развлеченіемъ здѣшняго населенія служатъ праздники Януарія, патрона неаполитанцевъ; праздники этого святаго бываютъ обыкновенно весною и осенью, продолжаются по цѣлой недѣлѣ, во время которой каждый день въ соборномъ храмѣ этого святаго совершается передъ народомъ чудо кипѣнія его запекшейся крови. Въ такіе дни устраиваютъ, разумѣется, всевозможныя процессіи. Главную роль при этомъ играютъ грубыя изваянія. Носильщики ставятъ эти изваянія на доски, поверхъ головы, какъ у насъ статуэтчики, и, сопровождаемые духовенствомъ, торжественно носятъ ихъ по улицамъ.

Служба, въ которой совершается чудо кипѣнія запекшейся крови св. Януарія, чрезвычайно оригинальна. При входѣ въ церковь прежде всего бросаются въ глаза десять старыхъ женщинъ, которыя стоятъ у рѣшетки: онѣ носятъ фамилію Януарія и, какъ избранницы слѣпого случая, удостоившіяся носить это святое имя, стоятъ впереди всѣхъ. Священники въ парадныхъ облаченіяхъ выносятъ серебряное изваяніе Януарія, ставятъ его на престолъ и одѣваютъ его въ драгоцѣнныя ризы. Потомъ старшій изъ священниковъ подходитъ къ алтарю съ кристальнымъ сосудомъ въ рукахъ, внутри котораго видна запекшаяся кровь. Священникъ вертитъ въ своихъ рукахъ этотъ сосудъ, какъ бы показывая его народу. Тутъ начинается чтеніе и пѣніе молитвъ, колѣнопреклоненіе, громкія рыданія и вопли. Присутствующіе усердно упрашиваютъ Януарія послать имъ чудо кипѣнія его крови; они такъ страстно, такъ горячо его объ этомъ просятъ, что по всей церкви раздается ихъ шепотъ, а иногда и цѣлыя фразы молитвъ, которыя они тутъ же изобрѣтаютъ, какъ имъ это подсказываетъ ихъ минутное настроеніе. Одни настойчиво требуютъ у Януарія, чтобы онъ скорѣе послалъ чудо, другіе даже съ гнѣвомъ укоряютъ его, что онъ такъ долго заставляетъ ихъ ждать. Между тѣмъ священнодѣйствующій, держа свѣчку въ одной рукѣ, другою все это время вертитъ святой сосудъ. Иногда чудо очень долго не совершается, выраженія гнѣва слышатся со всѣхъ сторонъ все громче и громче; многіе обращаются назадъ и осматриваютъ другъ друга, нѣтъ ли между ними иностранца. «Видно, между нами есть иновѣрецъ, и св. Януарій не хочетъ его удостоить видѣть чудо»,— и въ такомъ случаѣ иностранецъ долженъ поскорѣе отретироваться самъ, пока ему не показали дверь. Послѣ долгихъ молитвъ кровь закипаетъ, и священникъ показываетъ желанное чудо народу, высоко поднимая чашу. Тотчасъ раздаются радостные крики, и всѣ начинаютъ тѣсниться къ священнику, чтобы поцѣловать сосудъ. Тѣмъ и кончается церемонія.

Какимъ образомъ совершается чудо? Быть можетъ, этому помогла близость зажженной свѣчи, которую все время держалъ священникъ, а быть можетъ и что-нибудь другое,—только кровь, дѣйствительна, закипѣла.

Всѣ итальянцы любятъ шумъ, пестроту, движеніе, и потому фейерверки почти во всѣхъ городахъ Италіи въ большой модѣ; но, кажется, нигдѣ они не бываютъ такъ часто, какъ въ Неаполѣ и въ близьлежащихъ городахъ. Если вы проводите лѣто въ какомъ-нибудь пунктѣ Неаполитанскаго залива, съ котораго видна большая часть его побережья, вы очень часто увидите вечеромъ въ девятомъ часу, какъ почти изо всѣхъ городовъ и селеній, окаймляющихъ берегъ, взвиваются ракеты, взлетаютъ на воздухъ римскія свѣчи, разсыпаясь огненнымъ дождемъ. Эти фейерверки по праздникамъ бываютъ даже въ самыхъ незначительныхъ городахъ. Къ вечеру по улицамъ, окружающимъ церковь, устраиваютъ нерѣдко очень оригинальную иллюминацію: разноцвѣтные фонари и шкалики изображаютъ цвѣты, лики святыхъ, сцены изъ св. Писанія. Иногда улицу украшаютъ высокими колоннами зелени и цвѣтовъ, между которыми мелькаютъ огоньки; церкви въ праздничные дни убраны фигурными люстрами,

гирляндами. Любовью народа къ фейерверкамъ пользуется духовенство, чтобы привлечь толпу въ тотъ или другой храмъ. Въ Сициліи есть обычай въ нѣкоторыхъ церквахъ пускать ракеты и даже маленькіе фейерверки въ опредѣленные дни. Сначала взовьется надъ церковью нѣсколько ракетъ, потомъ начинается звонъ колоколовъ; умолкнутъ колокола,—опять ракеты. И дѣйствительно, тамъ, гдѣ въ праздничные дни церкви сверкаютъ ракетами, издаютъ шумъ, трескъ, тамъ болѣе собирается народа, слѣдовательно духовенство такихъ церквей можетъ болѣе набивать свои карманы.

Неаполитанцы худощавы, отличаются гибкостью членовъ и необыкновенною живостью походки. Эта живость фигуры неаполитанца заставляетъ забывать о его небольшомъ, сравнительно съ сѣверными народами, ростѣ. Теперь уже гораздо менѣе восхищаются прославленною красотою итальянокъ, можетъ быть потому, что туристы видятъ ихъ не только въ мастерскихъ художниковъ, но проникаютъ и въ ихъ бѣдныя, жалкія жилища. Между тѣмъ нельзя не замѣтить, что лицо неаполитанки, хотя и не всегда красиво и правильно, но, какъ и у мужчинъ, отличается большою подвижностью и выразительностью. Фигура ея, даже у той, которая изнурена работой, болѣе изящна, чѣмъ у жительницъ сѣверныхъ странъ. Лица же дѣтей съ большими черными глазами блестятъ живымъ умомъ и находчивостью; но отъ тяжести и лишеній нищенской жизни у большинства изъ нихъ рано потухаетъ этотъ чудный взглядъ, и лицо принимаетъ какое-то истомленное выраженіе.

Жизнь неаполитанскаго простонародья чрезвычайно напоминаетъ жизнь ихъ предковъ дохристіанскаго періода. И это понятно: ихъ храмы съ мощами святыхъ нерѣдко находятся на мѣстахъ языческихъ храмовъ. Въ языческій періодъ въ каждомъ домѣ, въ каждой лавкѣ стояло изображеніе языческаго божества, называемаго домашнимъ пенатомъ. Пенаты вынесены теперь изъ домовъ и хранятся въ музеяхъ, но въ каждомъ домѣ, въ каждой лавкѣ стоятъ и висятъ изображенія христіанскихъ патроновъ, сдѣланныя такъ же грубо, какъ и изображенія пенатовъ, и къ нимъ молящіеся относятся точно такъ же какъ къ языческимъ богамъ. Народъ падаетъ ницъ передъ статуей св. Януарія, умоляя этого патрона послать скорѣе чудо кипѣнія крови или сохранить городъ отъ изверженія Везувія; но когда онъ не исполняетъ его желанія, народъ въ раздраженіи проклинаетъ его.—Еще въ 1858 году калабрійскіе поселяне, раздраженные продолжительною засухою, сажали своихъ любимыхъ патроновъ и святыхъ въ тюрьмы за то, что они не посылали дождя. Какъ прежде неаполитанцы, апулійцы и калабрійцы были самымъ миролюбивымъ народомъ, такъ и теперь они отличаются тою же чертою характера: они никогда ничего не завоевывали прежде и теперь ничего не желаютъ завоевывать. У нихъ нѣтъ ни воинственныхъ наклонностей французовъ, ни тщеславія, съ какимъ англичане постоянно стремятся увеличивать свои владѣнія и распространять свое вліяніе. Мало того, даже пища и трудъ остаются тѣ же, какіе были въ древній періодъ ихъ жизни. Южный итальянецъ ѣстъ теперь, какъ и прежде, рыбъ, раковъ, морскихъ пауковъ и разныхъ слизистыхъ и отвратительныхъ на видъ гадовъ; ѣстъ онъ тѣ же фрукты и овощи, пьетъ то же козье молоко и жиденькое красное вино, которое пили жители городовъ, погребенныхъ изверженіемъ Везувія. Пятнистые угри, столь излюбленные древними гастрономами, и теперь считаются самымъ лакомымъ блюдомъ южныхъ итальянцевъ. Понятно, что пища у нихъ осталась та же, такъ какъ и способы приготовленія ея мало чѣмъ отличаются отъ древняго времени. Въ погребенныхъ Везувіемъ городахъ не найдено настоящихъ печей, кромѣ большой печки въ домѣ хлѣбопека. Древніе итальянцы чаще всего приготовляли себѣ пищу на круглыхъ треножникахъ, наполненныхъ углемъ. Точно также и въ настоящее время, въ какой бы городокъ или

селенiе Неаполитанскаго залива вы ни попали, жаровня стоитъ въ дверяхъ не только бѣдняка, но и зажиточнаго человѣка, на улицахъ и на рынкѣ, и на ней народъ варитъ свою похлебку, приготовляетъ макароны и другiя кушанья. Уголья въ этихъ жаровняхъ раздуваютъ обыкновенно тростниковымъ вѣеромъ, и отъ угара, какой онѣ распространяютъ, у сѣвернаго жителя, съ непривычки, всегда болитъ голова. Парикмахеры во многихъ улицахъ накаляютъ на этихъ жаровняхъ свои щипцы и завиваютъ ими волосы франтовъ. Эту же самую жаровню уличныя торговки, сваривъ пищу, ставятъ себѣ подъ платье, чтобы согрѣть свои озябшiя ноги. Только въ самое послѣднее время, и то въ домахъ богачей, появились кухни съ плитой.

Несмотря на то, что итальянцы въ продолжительный перiодъ своей жизни такъ мало измѣнились, они дали свѣту много великихъ людей: ихъ философы, историки, юристы имѣли огромное влiянiе на движенiе человѣческой мысли; особенно велико число первостепенныхъ музыкантовъ и артистовъ по разнымъ отраслямъ искусства. Ни одинъ народъ въ мiрѣ не отличается такимъ громаднымъ музыкальнымъ чутьемъ и способностями, не обладаетъ въ такой степени чувствомъ прекраснаго, какъ итальянцы. Между тѣмъ большинство жителей южной Италiи, даже въ настоящее время, по своему невѣжеству и суевѣрiю занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ между европейцами.

Трудно себѣ представить, какую несчастную жизнь отчужденiя и презрѣнiя приходится вынести человѣку, котораго судьба наградила крючковатымъ носомъ и большими круглыми глазами. Такой субъектъ не можетъ показаться ни въ одинъ домъ; считаютъ, что онъ разноситъ порчу, и каждый боится подойти къ нему, какъ къ зачумленному. Дѣти подымаютъ страшный крикъ, когда онъ идетъ по улицѣ; въ него летятъ палки, камни. Чтобы избавиться отъ его «глаза», итальянцы носятъ амулеты и коралловые талисманы. Жители Калабрiи носятъ подъ рубашкою изображенiя святыхъ, какъ щитомъ покрывая ими всю грудь. Чтобы избавить домашнихъ животныхъ отъ его глаза, у двери дома или на балконѣ ставятъ особое дерево, которое называютъ «дерево отъ дурного глаза». Но страшное невѣжество и суевѣрiя неаполитанскаго народа не мѣшаютъ ему быть прекрасно одареннымъ отъ природы, живымъ, впечатлительнымъ и въ высшей степени остроумнымъ.

Неаполитанская дѣвушка не имѣетъ ничего общаго съ нѣмкой: она не поливаетъ цвѣтовъ на своемъ окнѣ, не кормитъ канарейки,—все это для нея черезчуръ сантиментально, да къ тому же она слишкомъ бѣдна, чтобы имѣть то или другое. Если средства позволяютъ, она лучше купитъ себѣ пестрое платье, чтобы нарядиться въ воскресенье; тогда она щедро напомадитъ свои волоса, искусно заплететъ ихъ и отправится на набережную. У нея нѣтъ особеннаго желанiя нравиться кому-нибудь, она прежде всего любитъ нравиться себѣ самой, что вполнѣ согласно съ словами Овидiя: «Есть намъ утѣха и въ томъ, чтобъ себѣ самому быть прiятнымъ: дѣвушка входитъ въ восторгъ, видя свою красоту!».

Каждая неаполитанка стремится быть продавщицей въ какомъ-нибудь городѣ и, конечно, прежде всего въ Неаполѣ; еще подросткомъ помогаетъ она матери продавать минеральную воду. Въ прекрасные лѣтнiе вечера зажиточные жители Неаполя собираются на Санта-Лючiа пить эту воду съ лимоннымъ сокомъ, разсчитывая на ея цѣлебныя свойства. Торговля идетъ на славу при громкихъ выкрикиванiяхъ матери, между тѣмъ какъ проворная дѣвочка, съ звенящими стаканами, постоянно скользитъ въ пестрой толпѣ больныхъ обоего пола. Улица—школа неаполитанки, и въ другую она не попадаетъ, такъ какъ съ ранняго возраста должна зарабатывать свой хлѣбъ. Тутъ она научается множеству пѣсней, и это не трудно: на морскомъ берегу онѣ раздаются съ утра до поздняго вечера. Мать учитъ ее, какъ приманивать

публику къ своему товару, какъ стоять въ церкви, въ какое время службы слѣдуетъ болѣе креститься, какъ и когда брать св. воду, чтобы посредствомъ ея достигать своихъ желаній,—вотъ и вся наука, которую она получаетъ въ дѣтствѣ.

Скоро ребенокъ выростаетъ изъ своихъ лохмотьевъ; теперь, вмѣсто того, чтобъ помогать матери, она самостоятельно торгуетъ фруктами и умѣетъ всѣ свои чувства и желанія выражать пѣснями.

„Скорѣй, скорѣй купите:
Вотъ яблокъ наливной,
Румяный, золотистый,
Вотъ апельсинъ душистый,
Вотъ груши—вкусъ какой!
Сюда, сюди идите,
Скорѣй, скорѣй купите:

Скорѣй, скорѣй купите
Вотъ фиги съ миндалемъ.
Товаръ мой дешевенекъ:
Собрать бы только денегъ
Для свадебки съ дружкомъ.
Придите же, купите,
Чтобъ быть мнѣ подъ вѣнцомъ.
Отдамъ за что попало,
Лишь денегъ бы мнѣ стало“.

Въ извѣстный періодъ своей жизни она не всегда любитъ, но всегда желаетъ выйти замужъ. Но какъ бы она ни была молода, она никогда не мечтаетъ о счастьѣ въ замужествѣ: она отлично знаетъ, что ее ждутъ еще бо́льшія лишенія и трудъ, но, несмотря на это, во чтобы то ни стало стремится выйти замужъ и выйти непремѣнно за моряка, матроса или рыбака, что она и выражаетъ краснорѣчиво въ пѣснѣ:

„О, молю, святая Катерина,
Дай ты мнѣ матросика въ мужья;
Какъ придетъ въ субботу мой дѣтина,
Запахъ моря пусть услышу я.

Въ морѣ много, много сладкой рыбки,
Хоть вода морская солона:
Охъ, какъ горьки листья у оливки,
Такъ люблю я, ревности полна“.

И кого, какъ не моряка, желать себѣ въ мужья неаполитанской дѣвушкѣ! Рыбаковъ, моряковъ и матросовъ такъ много въ неаполитанскихъ провинціяхъ. Моряки Неаполитанскаго залива принадлежатъ къ числу первыхъ на всемъ полуостровѣ, а какъ рыбаки, они превосходятъ всѣхъ остальныхъ. Тѣ изъ нихъ, которые занимаются ловлею кораллов, такъ прекрасно знаютъ топографію скалъ береговъ Сардиніи и Сициліи, что по малѣйшему движенію въ водѣ или воздухѣ они предвидятъ различныя явленія, о которыхъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія посторонній. Ихъ флотилія обыкновенно состоитъ изъ 4-хъ—5-ти сотъ кораблей, всегда готовыхъ сняться съ якоря, чтобы пуститься въ путь.

Если дѣвушка нравится молодому человѣку, онъ устраиваетъ ей въ полночь, въ одно изъ воскресеній, серенаду. Онъ самъ не можетъ участвовать въ ней, потому что рѣзкій морской воздухъ, сырость и дождь, которые онъ постоянно испытываетъ при своихъ босыхъ ногахъ цѣлый день, съ трубкой во рту, совсѣмъ убили его голосъ; поэтому онъ нанимаетъ нѣсколько гитаръ, мандолинъ, пѣвцовъ, что

здѣсь стоитъ очень дешево, а чаще всего устраивается ради товарища даромъ, и съ помощью музыки побѣждаетъ сердце дѣвушки тѣмъ легче и скорѣе, чѣмъ больше гитаръ участвуетъ въ серенадѣ:

„Такъ добра, такъ прекрасна...
Нѣтъ милѣе тебя!
Я люблю тебя страстно,
Умираю, любя".

Въ періодъ ревности, который тоже всегда наступаетъ во время ухаживанья, ей поютъ:

„Дальше отсюда, греби поскорѣе!
Лодка, лети... мнѣ она измѣнила...
Лодка, лети... ужъ не быть ей моею...
Пусть же ослѣпнетъ, что клятву забыла
А при разлукѣ,
Полная муки,
Все восклицала: мой милый! вернись!

Я въ часъ урочный не могъ воротиться:
Смертью грозили мнѣ бурныя волны;
Но я не думалъ подъ бурей молиться,
Мыслью о ней лишь, обманщицѣ, полный.
Лучше-бъ тогда я,
Злобы не зная,
Съ любящимъ сердцемъ въ пучинѣ погибъ.

Что же теперь? Чѣмъ размыкать кручину?
Да, я ее ужъ навѣки теряю;
Взоръ мой послѣдній къ окну ея кину —
Да, ужъ послѣдній... на вѣкъ уѣзжаю.
Лютое море
Залило-бъ горе!
Лодка, лети, гдѣ погибель грозитъ".

ВЕЗУВІЙ.

Геркуланумъ. — Помпеи. — Видъ Везувія. — Его изверженія. — Жители окрестностей Везувія. — Несчастія, производимыя землетрясеніями.

Трудно описать, какою чудною, волшебно-очаровательною дорогою приходится путешественнику ѣхать изъ Неаполя въ небольшой городъ Резину, который построенъ надъ Геркуланумомъ, погребеннымъ въ 79 году по Р. Х., подъ пылью, пескомъ и пепломъ Везувія. Кажется, болѣе живописныхъ предмѣстій и не существуетъ на свѣтѣ! Тысячами брильянтовъ блеститъ справа Неаполитанскій заливъ, омывая дома Неаполя; слѣва холмы покрыты гранатовыми, апельсинными и персиковыми деревьями, а виллы (загородные дома), которыя безпрестанно попадаются по дорогѣ, утопаютъ въ морѣ лимонныхъ садовъ и виноградниковъ. Наконецъ, вы вступаете въ Резину, маленькій городъ, который иностранцы и посѣщаютъ только потому, что подъ нимъ погребенъ извѣстный въ древности Геркуланумъ.

Въ одномъ изъ тѣсныхъ переулковъ Резины стоитъ небольшой домикъ, черезъ который и входятъ въ Геркуланумъ, освѣщая свой путь зажженнымъ факеломъ. Нужно замѣтить, что городъ этотъ открытъ не въ развалинахъ, а совершенно въ томъ видѣ, какимъ былъ въ послѣднюю минуту передъ катастрофой. На стѣнахъ

уцѣлѣли яркія краски и висѣли совсѣмъ неиспортившіяся картины; только бронзовыя статуи оказались покрытыми металлическою окисью.

Огнедышущая гора Везувій, теперь постоянно дымящаяся, прежде не показывала ни малѣйшихъ признаковъ вулканической жизни. Видъ ея былъ совсѣмъ другой: на вершинѣ громоздились суровыя стѣны скалъ, и даже пустынная поверхность кратера (жерло, провалъ огненной горы) была вся окружена дикимъ виноградомъ. Склоны этой горы были одѣты роскошными полями, а у подошвы ея, возлѣ великолѣпнаго Неаполитанскаго залива, лежали богатые, цвѣтущіе города Геркуланумъ и Помпеи.

Въ 79 г. по Р. Х., 23 августа ночью, вдругъ затряслась земля, раздались подъ землею громовые раскаты, страшный гулъ и трескъ. До самаго основанія поколебался могучій Везувій и изъ своего кратера, съ ужасною силою и быстротою, началъ выбрасывать камни, золу и столбы водяного пара: затѣмъ загремѣлъ громъ, и въ облакѣ, которое стояло надъ Везувіемъ, засверкала молнія и полилъ проливной дождь. Картина безпрестанно мѣнялась. Раскаленные камни вырывались иногда съ большою силою; надъ горою подымались огненные снопы и фигуры самой прихотливой формы. Обломки скалъ высоко взлетали на воздухъ и падали внизъ; между тѣмъ облака пепла и дыма разносились вѣтромъ всюду. Въ то же время во многихъ мѣстахъ могучей горы показалось широкое пламя и высокіе огненные столбы, которые въ темнотѣ ночи горѣли тысячью зловѣщихъ огней. Въ другихъ мѣстахъ уже начинался день, но здѣсь была ночь, чернѣе и мрачнѣе всѣхъ ночей въ мірѣ. Впрочемъ, всюду свѣтились и мелькали огненныя точки отъ зажженныхъ факеловъ: испуганные жители бросились бѣжать во всѣ стороны.

Вся окрестность огласилась отчаяннымъ воплемъ жителей: всѣ они въ ужасѣ и безумномъ страхѣ бѣжали въ разныя стороны; одинъ звалъ одного, другой—другого, и въ давкѣ, суматохѣ и полнѣйшей темнотѣ никто никого не видѣлъ, никто не могъ найти того, кого ему больше всего было нужно; нѣкоторые молили боговъ поскорѣе покончить съ этимъ мученіемъ и послать имъ смерть; другіе проклинали ихъ, повторяя, что боговъ больше нѣтъ и что эта ночь послѣдняя и вѣчная ночь. Многіе бросились къ морю, но и здѣсь имъ угрожала буря, и на корабли валился горячій пепелъ и черные, выжженные и растрескавшіеся отъ огня камни. Скоро, однако, и море стало губить людей. Громадное черное облако, пронизанное миріадами молній, покрыло, какъ саваномъ, поверхность воды. Тогда берегъ вовсе уже скрылся отъ глазъ, весь затянутый такимъ же облакомъ. Несчастные, прибѣжавшіе къ морю, съ ужасомъ бросились въ сторону, но тамъ ихъ преслѣдовала темно-огненная туча дыма, которая все гуще разстилалась по землѣ. Наступила еще бóльшая темнота, сильнѣе возобновился пепельный дождь. Наконецъ, темнота и пепелъ разсѣялись, и показалось желтоватое, не блестящее солнце. Природа цѣлыхъ восемь сутокъ не могла совершенно успокоиться. Когда, черезъ нѣсколько дней, успокоилась ярость подземныхъ огненныхъ силъ и пересталъ свирѣпствовать потрясенный до основанія Везувій, солнце, не затмѣваемое болѣе мрачными тучами пепла, освѣтило однѣ развалины и опустошеніе. Самая гора измѣнила свою форму и подымала къ небу новыя вершины; густой слой камней и пыли покрывалъ еще недавно цвѣтущія поля; кругомъ бродили тысячи несчастныхъ, а три города—Стабія, Геркуланумъ и Помпеи совсѣмъ исчезли, чтобы черезъ много столѣтій освѣтить передъ нами жизнь людей, давно исчезнувшихъ съ лица земли.

Послѣ 79 года изверженія Везувія повторялись не разъ; одно изъ нихъ случилось даже очень недавно, а именно въ 1891 году. Картина этихъ изверженій не

всегда одна и та же. Иной разъ, при изверженіи, Везувій выбрасываетъ въ огромномъ количествѣ дымъ, песокъ, раскаленные камни, при чемъ сверкающія молніи бороздятъ густыя массы темныхъ облаковъ, которыя висятъ надъ кратеромъ (кратеръ—жерло, провалъ въ огнедышущей горѣ). Въ то же время потоки огненно-красной лавы [1]) текутъ по склонамъ этой огнедышащей горы. Но еще чаще при изверженіи на Везувіи является трещина или появляется одна или нѣсколько отдушинъ, изъ которыхъ вытекаетъ раскаленная лава, принимающая ночью, въ темнотѣ, ярко-красный цвѣтъ. А какой невообразимо ужасающій видъ имѣетъ эта раскаленная лава, когда она вытекаетъ изъ нѣсколькихъ отдушинъ! Тогда эти громадныя, дымящіяся огненныя рѣки текутъ внизъ по склонамъ горы, угрожая гибелью и смертью всему, до чего онѣ коснутся. Расплавленная и раскаленная лава скоро по выходѣ изъ какой-нибудь трещины или кратера остываетъ на поверхности и покрывается черною коркою. Текущая горящая лава, или огненная рѣка, имѣетъ такой видъ, точно она состоитъ изъ тягучаго, вязкаго и раскаленнаго тѣста, и болѣе всего напоминаетъ ледоходъ. Какъ на рѣкѣ, когда льдины трещатъ, ломаются и, отодвигаясь другъ отъ друга, даютъ возможность, отъ времени до времени, видѣть воду, такъ и черная корка лавы, раздробляясь на куски, позволяетъ видѣть огонь, при этомъ издаетъ самые разнообразные звуки, иногда даже въ родѣ выстрѣловъ. Пока течетъ эта огненная рѣка, она все время трещитъ, шумитъ, щелкаетъ, шуршитъ. Куски черной корки, которые иногда бываютъ чрезвычайно велики, громоздятся другъ на друга, сразу падаютъ, отодвигаются, и въ трещинахъ въ эти минуты ослѣпительно ярко блеститъ раскаленная лава. Можно себѣ представить, какой жары достигаетъ лава, когда она клокочетъ и кипитъ внутри вулкана, если даже по выходѣ изъ кратера она превышаетъ 800 градусовъ по Реомюру, между тѣмъ какъ вода кипитъ уже при 80 градусахъ.

Но изверженіе Везувія не всегда сопровождается истеченіемъ лавы; по крайней мѣрѣ, ея не было въ 79 г. Вотъ это-то обстоятельство и было причиною того, что такъ хорошо могли сохраниться засыпанные города. Потокъ лавы, безъ сомнѣнія, сжегъ бы все, чего бы онъ ни коснулся, но изверженіе 79 г., погубившее Помпею, Стабію и Геркуланумъ, было именно безъ лавы. Надъ погибшими городами разлились не потоки лавы (во время изверженія 79 г. лава клокотала внутри вулкана, не переступая береговъ кратера), а города эти просто были засыпаны пепломъ, иломъ, пылью и пескомъ, которые со временемъ, подъ вліяніемъ воды, превратились въ туфъ.

На разстояніи двухъ часовъ отъ Геркуланума лежитъ другая жертва Везувія—Помпеи; хотя слой, покрывшій Помпеи, довольно легкій, но этотъ городъ нашли и стали раскапывать только въ половинѣ минувшаго вѣка. Раскопки продолжаются до настоящаго времени и каждый годъ даютъ намъ новыя данныя для того, чтобы возстановлять жизнь древняго Рима до малѣйшихъ подробностей, которая уже и теперь не представляетъ для насъ ничего неизвѣстнаго. Помпеи были городомъ удовольствій, что подтверждается множествомъ зданій, исключительно предназначенныхъ для развлеченій, а также многочисленными и разнообразными надписями на стѣнахъ домовъ, на столбахъ, на мебели: «Охотиться, купаться, играть, смѣяться—вотъ жизнь!» говорится въ одной изъ надписей, вырѣзанныхъ на столѣ, найденномъ здѣсь. Городъ этотъ былъ богатъ самыми разнообразными храмами, общественными и частными зданіями и банями, которыя играли чрезвычайно важную роль въ жизни

[1]) Лава состоитъ изъ многихъ расплавленныхъ металловъ и другихъ веществъ.

древнихъ римлянъ: ванны у богатыхъ людей были сдѣланы изъ дорогого мрамора, стѣны и своды бань украшены превосходною мозаикою. Къ постройкѣ и украшенію бань въ древнее время относились такъ серьезно потому, что богатые римляне проводили въ нихъ значительную часть своей жизни. Страшная катастрофа 79 г., погубившая три богатыхъ, цвѣтущихъ города—Помпеи, Геркуланумъ и Стабію, прекратила въ нихъ теченіе жизни совершенно внезапно, точно судьба нарочно засыпала эти города пепломъ, иломъ, пылью и пескомъ, чтобы тщательнѣе сохранить ихъ для любознательнаго потомства, которое пожелаетъ узнать жизнь своихъ предковъ со всѣми мельчайшими подробностями. И дѣйствительно, черезъ восемнадцать вѣковъ опять явились на свѣтъ Помпеи, со всею свѣжестью своей стѣнной живописи, съ яркою мозаикою своихъ помостовъ, съ недоконченными стѣнами и колоннами различныхъ построекъ въ томъ видѣ, какъ ихъ оставили руки каменщиковъ. Еще стояли жертвенные треножники, на которыхъ приносили жертвы языческимъ богамъ, ящики, гдѣ хранилась казна во внутреннихъ покояхъ, скамьи и лампы въ залахъ и бани со всѣми необходимыми сосудами; кое-гдѣ уцѣлѣли даже остатки послѣдняго пиршества, а въ театрахъ—входные билеты, такъ какъ страшное изверженіе началось во время представленія. Въ подземныхъ погребахъ Діомедова дома нашли много разныхъ драгоцѣнностей, серебряныхъ сосудовъ и денегъ. Открыты многіе дома, въ которыхъ не только сохранилась посуда и множество предметовъ домашняго обихода, но даже зерна различныхъ злаковъ, печеный хлѣбъ, куски матерій и многое другое. Названія домовъ можно прочесть по надписямъ. Въ послѣдніе дни передъ катастрофой въ Помпеяхъ шли городскіе выборы, и выборная горячка господствовала и въ тѣ отдаленныя отъ насъ времена,—все это краснорѣчиво подтверждаютъ многочисленныя надписи на стѣнахъ.

Въ открытыхъ древнихъ Помпеяхъ были не только улицы, но и площади, не только частные дома, но и множество общественныхъ зданій. Въ небольшой части, теперь открытой, найдена великолѣпная продолговатая площадь съ арками, пьедесталами многочисленныхъ и большихъ статуй, фундаментами и остатками колоннъ, судилищъ и храмовъ. Открыты и два театра, многія принадлежности которыхъ великолѣпно сохранились до сихъ поръ. По нѣкоторымъ соображеніямъ можно предположить, что открыто уже болѣе четверти древняго города, но въ зданіяхъ и улицахъ, изъ которыхъ многія великолѣпно сохранились и такъ наглядно говорятъ о прошедшемъ образѣ жизни древнихъ римлянъ, теперь страшная пустота, такъ какъ множество статуй, картинъ и утвари, для лучшаго сохраненія, перевезены въ музеи. Если бы на Помпеи (въ 79 г. по Р. Х.) хлынули потоки раскаленной лавы, то они уничтожили бы всѣ предметы, да и самыя раскопки едва-ли были бы возможны, такъ какъ застывшая лава пріобрѣтаетъ чрезвычайную твердость и крѣпость. Во время раскопокъ въ нижнихъ слояхъ пыли, пепла, песку и пемзы часто находили какія-то пустоты. Одному итальянскому археологу пришла счастливая мысль наполнить эти пустоты гипсовымъ растворомъ, и такимъ образомъ онъ получилъ оттиски труповъ погибшихъ людей и ихъ домашнихъ животныхъ. Эти гипсовыя статуи помѣщены теперь въ витринахъ помпейскаго музея.

Везувій покоился иногда такъ долго, что успѣвали выростать лѣса, которые доходили до самыхъ краевъ кратера; но съ конца XVII столѣтія изверженія стали чаще повторяться. Каждое изъ нихъ совсѣмъ мѣняетъ видъ горы.

Кругомъ Везувія, вездѣ въ его окрестностяхъ, на его склонахъ, разсѣяно множество жилищъ простого люда; даже можно сказать,—чѣмъ ближе къ подошвѣ Везувія, тѣмъ гуще населеніе. Дома, съ окружающими ихъ садами, образуютъ здѣсь

прекрасные оазисы среди пустынныхъ скалъ. Ни погребенные подъ ними города, ни вѣчно дымящійся сосѣдъ, который бѣлыми струйками своего дыма всегда долженъ напоминать о несчастіи, угрожающемъ каждому жителю,—ничто не можетъ заставить его бѣжать изъ здѣшнихъ мѣстъ. Если новое изверженіе Везувія разрушитъ его жилище, уничтожитъ его поля и виноградники, онъ, при первой возможности, опять селится у самаго Везувія, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ лавой, часто даже въ такое время, когда она еще дымится. Она доставляетъ ему матеріалъ для постройки его дома; въ ея наполненныя пепломъ трещины и впадины сажаетъ онъ свои виноградныя лозы, сѣетъ зерно. Но все же въ окрестностяхъ Везувія живетъ чуть ли не самый бѣдный итальянскій людъ.

Какою радостью наполняется сердце крестьянина, когда его поля и деревья обѣщаютъ весною хорошій урожай: фиговое дерево покрылось почками, гранатъ украсился свѣжею зеленью, виноградная лоза въ наилучшемъ видѣ. Онъ уже мечтаетъ заплатить въ этомъ году не только аренду за свой маленькій клочекъ земли, который онъ нанимаетъ, но и подати. Эти надежды оживляютъ подвижныя физіономіи здѣшнихъ жителей: довольство написано на всѣхъ лицахъ, веселыя пѣсни раздаются съ утра до ночи, а вечеромъ послѣ работъ каждый торопится покалякать съ сосѣдомъ и, покуривая изъ тростниковой трубки, толкуетъ у крыльца о предстоящей жатвѣ. И замѣчательно,—въ такую минуту никому изъ нихъ не приходитъ въ голову вспомнить опаснаго сосѣда. Сколько разъ онъ шумѣлъ и грозилъ напрасно, почему же именно теперь быть изверженію.

Заходитъ солнце, всѣ покойно возвращаются съ работъ и ложатся спать. Но вотъ, послѣ полуночи, съ горы послышался ревъ, который скоро обратился въ раскаты грома. Дрожатъ окна, двери и стѣны хижины, а тутъ еще подымается буря. Хозяинъ бросается къ двери и видитъ: идетъ она — грозная разрушительница городовъ и его полей—ужасная лава. Она подползаетъ къ его убогой хижинѣ не ручейкомъ, а широкой, могучей рѣкой огня, пурпурно-красная, подвигаясь съ шумомъ и грохотомъ ближе и ближе. Полевыя травы, низкій кустарникъ, жилища, могучія деревья вспыхиваютъ съ страшнымъ трескомъ при ея приближеніи, съ каждою минутою увеличивая собою громадный потокъ огня. Между тѣмъ этотъ страшный потокъ съ невѣроятною быстротою пробирается уже между виноградниками: виноградныя лозы покачиваютъ свои черныя вѣтви и затѣмъ быстро падаютъ въ волны всепоглощающаго огненнаго моря. Минутами вы видите въ немъ развалины домовъ, виллъ, колоннъ, обугленныя стѣны, которыя здѣсь вспыхиваютъ яркимъ пламенемъ, тамъ тлѣютъ или выпускаютъ громадныя тучи чернаго дыма и затѣмъ далеко уносятся страшнымъ круговоротомъ; передъ вами столбы дыма и пара, вырывающихся изъ милліоновъ отверстій, и вы постоянно ощущаете адскій запахъ сѣры, который все болѣе распространяется въ воздухѣ. Перо безсильно изобразить полную картину изверженія, несчастья и отчаянія жителей: то вы наблюдаете, какъ лава наполняетъ нижній этажъ дома, какъ верхніе этажи, въ моментъ паденія, висятъ въ воздухѣ нѣсколько секундъ и затѣмъ сразу исчезаютъ въ пучинѣ; то дѣлаетесь зрителемъ того, какъ въ уцѣлѣвшихъ домахъ, къ которымъ лава еще не такъ близко подошла, образовались трещины сверху донизу.

Раздается пронзительный, отчаянный крикъ жителей: женщины, внѣ себя отъ горя, призываютъ святыхъ, дѣти плачутъ и мечутся изъ стороны въ сторону, животныя издаютъ пронзительные звуки. Хозяинъ собираетъ свое маленькое стадо, связываетъ пожитки и нагружаетъ ими осла. Изъ церквей раздается звонъ колоколовъ, но крестьяне не могутъ еще бѣжать: у женщинъ на рукахъ и въ рукахъ дѣти и

узлы, мужчины ведутъ нагруженныхъ животныхъ, но у нихъ еще надежда,— «св. Януарій поможетъ!» И каждый изъ нихъ считаетъ долгомъ, прежде чѣмъ пуститься въ бѣгство, привязать изображеніе этого святаго къ кустарнику или винограднику подлѣ своего жилища. Послѣ этого все семейство отправляется въ путь, всѣ спѣшатъ въ Неаполь. По дорогѣ къ городу со всѣхъ сторонъ прибываютъ все новые караваны, и толпа все растетъ и растетъ. Сосѣди, при встрѣчѣ другъ съ другомъ, начинаютъ рыдать, оглядываются назадъ и, если замѣчаютъ, что въ эту минуту рушится ихъ гнѣздо, бросаются на землю въ отчаяніи.

Огненный потокъ остался позади, но густая пыль окружаетъ толпу и облакомъ носится надъ нею. Наконецъ, всѣ чувствуютъ страшную усталость, сразу бросаются на землю, на свои пожитки, и многіе тотчасъ засыпаютъ. Между тѣмъ вся ближайшая къ Везувію земля обратилась въ голую пустыню. Все, что пощадила лава, нерѣдко вслѣдъ затѣмъ уничтожается вконецъ обильнымъ, на цѣлые десятки верстъ падающимъ пепломъ.

Какъ только распространяется вѣсть объ опасности отъ Везувія, въ Неаполѣ все приходитъ въ движеніе: власти города немедленно дѣлаютъ распоряженіе о посылкѣ въ угрожаемую мѣстность охранной стражи; доктора, экипажи, телѣги, носилки, всадники на лошадяхъ и ослахъ,—все это двинулось на встрѣчу несчастнымъ, однако, всего этого всегда оказывается слишкомъ недостаточно. Въ Неаполѣ тотчасъ устраивается процессія. Нѣсколько сотъ женщинъ и дѣвушекъ съ распущенными волосами идутъ за чернымъ крестомъ, окруженнымъ духовенствомъ. Процессія направляется къ статуѣ св. Януарія, защитника и покровителя города, которая стоитъ на одномъ изъ мостовъ: своей протянутой рукой онъ заклинаетъ огнедышащую гору, эту прекрасную и опасную сосѣдку, не разрушать города. Трудно представить себѣ, какое потрясающее впечатлѣніе производятъ въ эту минуту печальные звуки молитвенныхъ напѣвовъ этихъ женщинъ съ длинными распущенными волосами. Къ вечеру, чтобы умилостивить св. Януарія, жители готовятъ ему еще бо́льшее торжество: его статую украшаютъ красными лентами, вѣнками, цвѣтами, фольгой и множествомъ другихъ пестрыхъ украшеній. Съ этою цѣлью толпа мальчиковъ стоитъ на мосту и со всѣхъ ногъ бросается на каждаго прохожаго, чтобы онъ сдѣлалъ какой-нибудь взносъ для предстоящаго умилостивленія св. Януарія.

Между тѣмъ въ Неаполь прибываютъ все новыя толпы бѣгущихъ, и все невообразимѣе становится давка. Конные карабинеры (жандармы) сопровождаютъ заключенныхъ и выпущенныхъ теперь изъ тюремъ угрожаемыхъ Везувіемъ городовъ и препровождаютъ ихъ въ Неаполь. Туда же направляются священники, отряды солдатъ, монахи и монахини, пастухи съ многочисленными стадами, телѣги съ военными принадлежностями и, наконецъ, все новыя и новыя процессіи женщинъ. Къ этому шуму, говору, заунывному пѣнію несмѣтной толпы прибавьте еще звонъ тысячи колоколовъ и колокольчиковъ,—это звонятъ люди въ черныхъ рясахъ. Они созываютъ народъ въ церкви и капеллы, и громадныя толпы бросаются въ храмы умолять Мадонну дать имъ пріютъ и спасти дѣтей отъ голодной смерти, не забывая при этомъ бросить послѣдній грошъ монаху, который подаетъ надежду умилостивить Мадонну (Богородицу).

Сцены отчаянія въ такія минуты очень обыкновенны. Въ одно изъ послѣднихъ изверженій женщины огромною толпою бросились въ храмъ, къ которому подступала лава, и рѣшились умереть, стоя на колѣняхъ. Онѣ не двигались съ мѣста, хотя огненное море быстро приближалось къ церкви; только солдаты, въ самую послѣднюю минуту, силою выгнали ихъ оттуда.

Во время изверженія, какъ только что было сказано, устраиваются постоянныя процессіи въ честь св. Януарія; успокоился Везувій,—святаго благодарятъ за спасеніе жизни. Не смотря, однако, на свою преданность католической религіи вообще и въ особенности Мадоннѣ и своимъ патронамъ, итальянцы подчасъ очень курьезно относятся къ нимъ. Отправляясь торжественной процессіей къ св. Януарію, то одинъ, то другой изъ публики издѣвается надъ статуями другихъ святыхъ, еще недавно пользовавшихся большимъ почетомъ, но въ настоящую минуту забытыхъ и не имѣющихъ уже такого значенія.

Въ тотъ день, когда устраивается благодарственная процессія въ честь св. Януарія, всѣ улицы великолѣпно украшены, а къ вечеру иллюминованы фонарями; всюду красуются алтари, изображенія святыхъ, транспаранты. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изображенъ пылающій Везувій, а надъ нимъ—торжествующій св. Януарій; надъ многими магазинами огненными буквами сіяютъ длинныя надписи, въ родѣ слѣдующихъ: «Да здравствуетъ св. Януарій, славный покровитель города, истинный король нашъ».

Не менѣе ужасны и бѣдствія, причиняемыя южной Италіи землетрясеніями. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ тѣсную связь съ вулканами. Это можно видѣть изъ того, что когда Везувій въ дѣйствіи, то городамъ, расположеннымъ близъ него, разомъ грозитъ тройная опасность: они могутъ быть стерты съ лица земли изверженіемъ, могутъ быть погребены подъ пепломъ и, наконецъ, страдаютъ отъ землетрясенія, которое обыкновенно бываетъ передъ изверженіемъ. Но кромѣ землетрясеній, которыя предшествуютъ изверженіямъ, на югѣ Италіи очень часты и самостоятельныя землетрясенія. Самое ужасное изъ нихъ было въ 1783 г. Первый ударъ продолжался лишь полторы минуты, но имъ было разрушено 109 городовъ и селеній, раздавлено и убито 32,000 человѣкъ. Землетрясеніе 1857 г. стоило жизни болѣе чѣмъ 10,000 человѣкамъ, въ 1883 г. погибло до 13,000 человѣкъ.

Обыкновенно послѣ этихъ землетрясеній земля бываетъ искрещена трещинами, и многія изъ нихъ имѣютъ недосягаемую для глаза глубину; здѣсь и тамъ появляются новые ручьи, цѣлыя озера и болота; разжиженная земля бѣжитъ по склонамъ, какъ настоящій потокъ лавы, затопляетъ дома и покрываетъ поля своимъ безплоднымъ слоемъ. Послѣ землетрясеній часто огромныя пространства такъ мѣняютъ свой видъ, что дѣлаются совсѣмъ неузнаваемыми. Землетрясенія сопровождаются нерѣдко и обвалами земли; погребая людей подъ развалинами, разрушая громадныя зданія, выворачивая самыя крѣпкія деревья, они уничтожаютъ и жатву селянина и обыкновенно приносятъ съ собою множество народныхъ бѣдствій.

КАПРИ.

Природа этого острова.—Виноградари.—Рыбаки.—Дѣти и женщины.—Лазурный гротъ.

Когда плывешь по чудному Тирренскому морю къ Капри, этотъ островъ является въ какомъ-то грозномъ величіи, точно закованный въ скалы, которыя встаютъ изъ водъ отвѣсными стѣнами. Окруженный горами и крутыми обрывами известковыхъ стѣнъ краснаго цвѣта, Капри утопаетъ въ роскошной зелени виноградниковъ, гранатовыхъ и померанцевыхъ деревьевъ. На его высотахъ здѣсь и тамъ выглядываютъ развалины, съ которыхъ причудливыми фестонами свѣшиваются дикій виноградъ и густой зеленый плющъ. Дикія, пустынныя, зазубренныя скалы мелькаютъ высоко подъ облаками, и

надъ ними летаютъ соколы. По берегамъ множество темныхъ, глубокихъ пещеръ, а наверху, на горѣ раскинутъ веселый городокъ съ бѣлыми домами, высокими стѣнами и съ церковнымъ куполомъ. Внизу, на бѣломъ песчаномъ прибрежьѣ, гавань рыбаковъ и много барокъ.

Дома здѣсь бѣлые, маленькіе, и каждая плоская крыша такого домика представляетъ террасу, часто прекрасно разукрашенную цвѣтами; тутъ подъ вечеръ, при звукахъ тамбурина, пляшутъ молодыя дѣвушки. И пожилые люди выходятъ сюда отдохнуть, когда послѣ томительнаго дневного жара наступаетъ отрадная прохлада, когда отовсюду несется благоуханіе померанцевыхъ садовъ. А тамъ на одной изъ террасъ одиноко стоитъ колѣнопреклоненная прелестная смуглянка: она перебираетъ четки и съ увлеченіемъ шепчетъ вечернюю молитву Ave Maria. Въ большинствѣ случаевъ, домъ еще окруженъ верандою [1]), которая вся обвита виноградными лозами, прекрасно украшена голубыми гортензіями, пурпурно-красными гвоздиками и розовыми олеандрами.

Каждый житель Капри (ихъ болѣе 2,000) имѣетъ непремѣнно какое-нибудь опредѣленное занятіе: они земледѣльцы, виноградари или рыбаки. Несмотря, однако, на то, что мѣстное населеніе очень дѣятельно, народъ здѣсь чрезвычайно бѣденъ и не имѣетъ почти никакой собственности. Большая часть виноградниковъ принадлежитъ крупнымъ собственникамъ въ Неаполѣ, и капрейскіе виноградари арендуютъ у нихъ эти виноградники за очень высокую арендную плату. Виноградарь, продавая ягоды или приготовляя вино, долженъ добыть столько, чтобы прокормить свою семью и уплатить высокую аренду. Великое несчастіе для него, когда случится болѣзнь на виноградъ: въ такой годъ эти люди такъ бѣднѣютъ, что потомъ имъ уже трудно поправиться. Въ эти тяжелые годы ихъ жены и дочери распродаютъ свои украшенія: серьги, кольца, цѣпочки, и это заставляетъ ихъ страдать не менѣе, чѣмъ самая нужда. Скотоводство здѣсь тоже незначительно, но дѣятельныя женщины умѣютъ такъ хорошо вести свое молочное хозяйство, что мѣстный сыръ пользуется большою извѣстностью на родинѣ. Осенью и весною островитяне питаются охотою, такъ какъ въ это время прилетаютъ стаи перелетныхъ птицъ.

Другой охоты у нихъ нѣтъ, такъ какъ на островѣ совсѣмъ не водится большихъ животныхъ; только кролики выпрыгиваютъ изъ трещинъ скалъ и бѣгутъ полакомиться на поля. Самый главный промыселъ доставляетъ здѣсь море: тутъ и тунцы, и мурена, мясо которой славится необыкновеннымъ вкусомъ и ослѣпительной бѣлизной, чрезвычайно много сардинокъ и безобразныхъ каракатицъ или сепій. Каракатица—это довольно большое животное, съ большими, подвижными глазами, съ десятью ногами на головѣ; на животѣ его находится мѣшокъ съ жидкостью, изъ которой и добываютъ коричневую краску сепію. Рыбаки ловятъ каракатицъ ночью, привлекая ихъ свѣтомъ факела.

Тяжелую жизнь ведутъ рыбаки: всю ночь проводятъ они на морѣ и возвращаются съ восходомъ солнца. Пусть они устали и изнемогли до послѣдней степени, они все-таки не могутъ тотчасъ ложиться спать: долго еще возятся они, развѣшивая и починяя сѣти. Заснулъ часъ-два и опять на ловлю. Но море не всегда вознаграждаетъ тяжелую, трудовую жизнь рыбаковъ: иногда въ два-три улова

[1]) Веранды очень распространены на югѣ. Это не что иное, какъ галлереи по бокамъ зданія: ихъ устраиваютъ обыкновенно на столбахъ, и всевозможныя вьющіяся растенія сплошь покрываютъ такую галлерею. Веранда представляетъ прохладное мѣсто въ жаркіе лѣтніе дни.

они добываютъ рыбы только на нѣсколько мелкихъ монетъ. Очень часто море прибиваетъ къ берегу куски коралла, ихъ вылавливаетъ куча ребятъ, которые при этомъ всегда толпятся; затѣмъ они разбѣгаются по домамъ и украшаютъ ими коробочки, которыя сбываютъ путешественникамъ.

Дѣвушки съ ранняго утра до поздней ночи прядутъ желтовато-золотистый шелкъ или сидятъ за ткацкими станками и ткутъ шелковыя ленты. Этотъ шелкъ доставляютъ имъ купцы изъ Неаполя, только они весьма мало платятъ бѣднымъ дѣвушкамъ за ихъ труды. Вообще капрейскія дѣвушки, за недостаткомъ на островѣ вьючныхъ животныхъ, исполняютъ всѣ работы. Вы видите, какъ онѣ всходятъ на гору то съ кружками воды на головѣ, то съ корзинками земли и корней. Приходитъ барка съ туфомъ для поправки какого-нибудь зданія, и нѣсколько десятковъ Габріэле, Констанціэле, Randa Кончета, Мари-Антоніа, красотою которыхъ бываютъ такъ поражены всѣ художники, прибѣгаютъ къ берегу, чтобы таскать на себѣ эти камни. Нагруженныя ими, при страшной, томительной жарѣ, онѣ должны разъ шестнадцать взбираться на гору и за это получаютъ въ день только до двадцати копѣекъ на наши деньги.

Какъ ни любопытны нравы капрейцевъ, какъ ни заманчива природа и дикія, зубчатыя вершины острова, которыя такъ фантастично рисуются на неаполитанскомъ горизонтѣ, но не этимъ приманиваетъ Капри путешественниковъ. Лазурный гротъ (пещера) Капри—вотъ чудо, на которое ѣдетъ подивиться весь міръ. Только своенравное, капризное море не всегда дозволяетъ воспользоваться этимъ удовольствіемъ. Желая предпринять путешествіе къ лазурной пещерѣ, приходится идти къ пристани, къ жилищамъ капрейскихъ моряковъ. Если море волнуется, вы засмотритесь, какъ эти мускулистые, огромнаго роста люди съ темными лицами вытягиваютъ барки, если же оно покойно, то моряки спятъ вповалку на пескѣ и такъ близко къ морю, что набѣгающія волны то и дѣло окачиваютъ пѣной ихъ бронзовыя ноги. Впрочемъ, вамъ не дадутъ долго любоваться этою картиною: цѣлый десятокъ проводниковъ къ лазурному гроту тотчасъ окружаетъ васъ, и каждый предлагаетъ свои услуги. Чтобы отправиться въ путь, необходимо выждать совершеннаго безвѣтрія, да и то еще нельзя навѣрное разсчитывать увидѣть лазурное диво. Но вотъ вы отчалили, лодка скользитъ по водѣ, и вы осматриваетесь кругомъ: волны съ страшною силою ударяются о скалы и безпрестанно мѣняютъ свой цвѣтъ: то заблещутъ зеленью, то лазурью, и тогда песокъ на днѣ кажется голубымъ, то вдругъ солнечные лучи скользнутъ по поверхности водъ, и всюду разсыпятся ослѣпительныя, прыгающія искры. Наконецъ, на отвѣсной стѣнѣ утесовъ замѣчаешь черноватую лазейку, полузатопленную моремъ: это—входъ въ лазурную пещеру; онъ кажется такимъ маленькимъ и узкимъ, что вы съ удивленіемъ подумываете, какъ-то вамъ удастся проѣхать черезъ такую щель. Очень часто волны съ дикою яростью набѣгаютъ на стѣну и закрываютъ и это маленькое отверстіе, которое вы въ ней замѣтили. Тогда приходится выжидать. Когда же наступаетъ благопріятная минута, путешественникъ ложится на дно лодки, такъ какъ иначе можно сильно расшибиться о стѣны узкаго отверстія,—и вотъ вы въ волшебной пещерѣ. Тутъ взору представляется довольно обширное пространство, гдѣ всюду господствуетъ какой-то неземной, чудно-голубой цвѣтъ. Даже бѣлыя весла гребцовъ, лишь только ихъ погружаютъ въ воду, принимаютъ великолѣпный лазоревый цвѣтъ. Опустите въ воду руку, и она въ водѣ кажется прозрачною, ярко-голубого цвѣта.

Высокія стѣны пещеры завершаются прелестнымъ куполомъ, будто нарочно высѣченнымъ въ скалѣ геніальными мастерами. Не хочется вѣрить, что сама природа

такъ симметрично, такъ художественно расположила по стѣнамъ и куполу всѣ эти причудливыя арабески сталактитовъ [1]).

«Скалистыя стѣны», такъ описываетъ одинъ путешественникъ эту пещеру, «прозрачная вода, песокъ на днѣ и сталактиты на сводахъ—все здѣсь небесно-голубого цвѣта. Эта синева такъ нѣжна, что кажется, какъ будто на все наброшена дымка серебристаго газа. Я молчалъ, какъ околдованный. Гребецъ поднялъ весла, и барка чуть скользила по бирюзовой влагѣ. На водѣ ни малѣйшей зыби, въ воздухѣ ни малѣйшаго дыханія, кругомъ тишина глубокая, торжественная.

«Вода такъ прозрачна, что видны на блѣдно-золотистомъ днѣ всѣ раковины, всѣ подводныя растенія и кораллы. Я было нагнулся, чтобы выловить одинъ изъ этихъ ‎коралловъ; но для такой операціи понадобилась бы рука по крайней мѣрѣ двух-саженная. При каждомъ ударѣ весла, на поверхность воды выбѣгали миріады серебристыхъ пузырьковъ; каждая капля, упадавшая въ глубь, казалась жемчужнымъ зерномъ. Въ этомъ волшебномъ теремѣ ни лодка, ни человѣческія фигуры не отбрасываютъ отъ себя тѣни. Бѣлый дневной лучъ, заглядывающій въ треугольное отверстіе, остается трепетной звѣздой у входа, не вступая въ борьбу съ царствующимъ здѣсь лазурнымъ полусвѣтомъ. Лазурный гротъ не исключительно лазуренъ. Своды являются зеленоватыми, какъ будто на нихъ падаетъ свѣтъ лампы, проникающій сквозь сосудъ съ жидкостью купороса. Если долго и внимательно всматриваться, опрокинутыя пирамиды сталактитовъ кажутся почти красноватыми, а задняя часть грота принимаетъ блѣдный, мутно-розовый оттѣнокъ».

Но откуда же въ пещерѣ этотъ чудный голубой свѣтъ, такое магическое очарованіе? Такъ какъ въ ней небольшое отверстіе, то солнце не можетъ непосредственно освѣщать воду въ пещерѣ,—въ нее и проникаетъ свѣтъ извнѣ, черезъ значительный слой воды, а такъ какъ вода въ глубинѣ имѣетъ синеватый отливъ, то и всѣмъ предметамъ въ пещерѣ сообщается чудный голубой цвѣтъ. Необыкновенное расположеніе сталактитовъ и оригинальность самой пещеры увеличиваютъ очарованіе и вмѣстѣ съ синевой, которая тутъ царствуетъ, придаютъ гроту какой-то волшебный видъ.

СИЦИЛІЯ.

Чудная природа и климатъ острова. — Сирокко.—Этна. — Упадокъ земледѣлія и его причины. — Страна фруктовъ и винограда. — Ловля тунцовъ. — Сицилійскія сѣрныя копи. — Сициліанцы и ихъ жизнь. — Пѣвцы и состязанія поэтовъ. — Засушенные трупы въ подземныхъ галлереяхъ.

Поэты называютъ этотъ островъ съ тремя мысами «жемчужиной Средиземнаго моря». И есть за что. Сицилія отличается необыкновенною красотою своей природы, разнообразною, богатѣйшею растительностью, чрезвычайно теплымъ климатомъ и издавна прославилась такимъ плодородіемъ почвы, что ее въ древности называли «житницею Италіи». Кромѣ всего этого, и положеніе Сициліи необыкновенно счастливое: этотъ островъ находится въ самомъ центрѣ Средиземнаго моря, между двумя мо-

[1]) Вода, насыщенная известью, просачивается черезъ землю въ пещеру, испаряется и оставляетъ на потолкѣ и стѣнахъ осадки въ различныхъ формахъ, иногда чрезвычайно замысловатые, эффектные и симметричные. Они бываютъ то въ видѣ конусовъ, кристалловъ, а то просто разсыпаны самыми разнообразными, волшебными фигурами.

рями—Тирренскимъ и Іоническимъ, что всегда было чрезвычайно выгодно для сбыта произведеній страны въ самыя отдаленныя государства.

Хотя, вслѣдствіе южнаго положенія Сициліи, лѣто въ ней должно было бы быть томительнымъ и убійственно знойнымъ, но лѣтніе жары здѣсь нѣсколько умѣряются морскими вѣтрами, которые дуютъ въ самые жаркіе часы дня. Морозы въ Сициліи неизвѣстны, снѣгъ выпадаетъ очень рѣдко, да и то немедленно таетъ и остается только на горныхъ высотахъ. Самое плохое время года—поздняя осень, когда дожди часто идутъ, но и они никогда не продолжаются по нѣскольку дней сряду, а быстро смѣняются чудными, теплыми, солнечными днями. Вѣтры въ этой странѣ, дующіе и съ сѣвера, и съ запада,—нисколько не вредоносны, кромѣ одного изъ нихъ—«сирокко», который несется съ юго-востока. Тогда, даже среди прекраснаго дня, небо вдругъ дѣлается свинцовымъ, море волнуется все сильнѣе, воздухъ становится необыкновенно спертымъ, тяжелымъ и удушливымъ. Сирокко скверно отражается на здоровьѣ: голова тяжелѣетъ, человѣкомъ овладѣваетъ мрачное расположеніе духа, а люди съ слабыми легкими и плохими нервами совершенно развинчиваются. Сициліанецъ, чувствуя приближеніе этого вѣтра, торопится покончить всѣ свои дѣла: торговля и всякое движеніе въ улицахъ прекращаются; нѣкоторые домашніе припасы совершенно портятся. Хотя этотъ вредный вѣтеръ продолжается всего два, три и не болѣе четырехъ дней, но онъ составляетъ главный недостатокъ здѣшняго климата. Правда, въ нѣкоторыхъ частяхъ Сициліи весьма вредны также и болотныя испаренія, но въ этомъ уже виноватъ человѣкъ, который до сихъ поръ не высушилъ и не обезвредилъ своихъ болотъ, какъ это дѣлается въ другихъ странахъ.

Благодаря чрезвычайно теплому и при частыхъ дождяхъ влажному климату, въ Сициліи богатѣйшая и разнообразнѣйшая растительность, нерѣдко даже чисто тропическихъ странъ: финиковыя деревья, многія породы пальмъ, различные виды хлопчатника (изъ хлопка котораго прядутъ бумажныя ткани), бананъ, сахарный тростникъ, виноградники, апельсинныя и лимонныя деревья растутъ большими рощами, кипарисы и множество другихъ деревьевъ. Розовые цвѣты олеандра граціозно выглядываютъ среди густой зелени; кустарники клещевины (изъ которой приготовляютъ касторовое масло), съ прекрасною голубою листвою, покрываютъ склоны многихъ горъ. Здѣсь и тамъ мелькаютъ бѣлые цвѣты капорцевъ. Но особенно привлекательно то, что мѣстности, покрытыя деревьями и кустами, зеленѣютъ круглый годъ: апельсинныя и лимонныя деревья, кипарисы, сосна и многія другія деревья какъ зимой, такъ и лѣтомъ сохраняютъ свою листву и придаютъ каждому уголку свѣжій, праздничный видъ. Теплый, мягкій климатъ Сициліи даетъ возможность круглый годъ поддерживать въ садахъ свѣжую зелень и овощи. Среди этой вѣчно зеленой, богатой растительности рѣзко выдѣляются скалы съ отвѣсными утесами; однѣ изъ нихъ обнажены, другія же издали выглядятъ зелеными стѣнами, такъ какъ онѣ сверху донизу обвиты вьющимися растеніями.

Необыкновенно счастливое сочетаніе условій, въ которыхъ находился этотъ островъ, издавна побуждало различные народы овладѣвать имъ и заселять его. Одно время грековъ здѣсь жило не менѣе, чѣмъ на ихъ родинѣ. Они находили въ Сициліи чрезвычайно много общаго съ своей родной Греціей по климату, по прозрачности воздуха, по виду горъ и утесовъ. Римлянамъ этотъ островъ принадлежалъ около семи столѣтій. Жили здѣсь также въ древности финикіяне и карѳагеняне, въ средніе вѣка—вандалы, готы, арабы и норманны, а впослѣдствіи также французы, нѣмцы, испанцы и др. Одни изъ этихъ народовъ строили города въ Сициліи, другіе создавали замѣчательные памятники искусства, и во всякомъ случаѣ тотъ или дру-

гой народъ, въ томъ или другомъ видѣ оставлялъ слѣды своего пребыванія. Поэтому здѣсь встрѣчаешь чрезвычайно много величественныхъ и самыхъ разнообразныхъ храмовъ языческихъ боговъ (нѣкоторые изъ нихъ построены за много столѣтій до Р. Х.); одни изъ нихъ прекрасно сохранились, другіе—въ развалинахъ; одни разрушены людьми, другіе—землетрясеніями; есть тутъ и древне-христіанскія церкви, и бани древнихъ народовъ, и жертвенники, на которыхъ въ жертву языческимъ богамъ сжигали по цѣлой сотнѣ быковъ, громадные театры древнихъ временъ, катакомбы, гдѣ погребали милліоны людей, колоннады, развалины многихъ дивныхъ памятниковъ, Особенно много осталось колоннадъ; онѣ украшаютъ не только храмы, многіе внутренніе дворы старинныхъ дворцовъ и старыхъ частныхъ домовъ также наполнены удивительно красивыми колоннадами, на которыя здѣсь никто не обращаетъ вниманія, — такъ ихъ много и такъ онѣ обыкновенны.

Отовсюду съ окружающаго Сицилію моря видна Этна—самый высокій вулканъ въ Европѣ (нѣсколько болѣе трехъ верстъ высоты). Этотъ гигантъ поднимается замѣчательно громадною, обширною, могучею массою, имѣющею около 140 верстъ въ окружности. Этна—не одна громадная гора; это соединеніе болѣе сотни горъ вмѣстѣ, одна надъ другою въ видѣ конуса (форма сахарной головы), вершина котораго, увѣнчанная снѣгомъ, представляетъ громадное дымящееся отверстіе. Вотъ потому-то надъ этой могучей горой почти всегда стоитъ высокій, густой столбъ дыма. По склонамъ этой горы раскидано болѣе семисотъ конусовъ, напоминающихъ различныя изверженія: тѣ изъ нихъ, которые образовались въ періодъ изверженій въ давно прошедшія времена, почти совершенно разрушены непогодою или погребены подъ потокомъ лавы позднѣйшихъ изверженій, другіе же конусы еще сохранили свою конусообразную форму, представляя настоящія горы, иногда въ сотню саженъ и болѣе высоты.

Громадное отверстіе Этны отъ времени до времени выбрасывало потоки лавы, которые нерѣдко низвергались огненными водопадами. Растекаясь по склонамъ, то крутымъ, то отлогимъ, эти потоки лавы наполняли долины, уничтожали селенія, даже цѣлые города; однимъ словомъ, всегда приносили съ собою нищету и смерть многимъ тысячамъ людей, и, наконецъ, обрушиваясь въ море, они заставляли его отступать передъ собою и застывали въ его волнахъ. Скалы на берегу моря, новыя горы, крутыя стѣны и долины, вообще высокія побережья образовывались изъ тѣстообразныхъ, до-красна раскаленныхъ потоковъ лавы; остывая, они коробились и темнѣли, а потому-то въ окрестностяхъ вулкана вся почва черная, изрытая, покрытая точно нагроможденными другъ на друга холмами. Иногда гора эта по нѣскольку лѣтъ кряду оставалась вполнѣ покойною, посылая изъ кратера къ небесамъ лишь тучи чернаго дыма. Во времена такого покоя верхняя часть застарѣвшаго и затвердѣвшаго потока лавы подъ вліяніемъ солнца, воздуха и дождей разсыпалась въ прахъ, покрывалась густымъ слоемъ чернозема и поростала чудною растительностью. Вотъ потому-то вокругъ Этны многія мѣста представляютъ или роскошные сады, или превосходно обработанныя поля; среди зелени всюду мелькаютъ дома, куполы церквей и монастырей. Но требуется много лѣтъ, прежде чѣмъ обратить въ плодородную почву всеокаменяющую на своемъ пути лаву. Несмотря на то, что Этну считаютъ страшно опасною сосѣдкой, вокругъ нея народъ селится гуще, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Италіи. Города и поселки окружаютъ знаменитый вулканъ почти сплошнымъ кольцомъ. Едва потокъ лавы, уничтоживъ нѣсколько городовъ или поселковъ, успѣетъ остыть, какъ новые жители, а то и тѣ же самые, приходятъ сюда и снова начинаютъ строиться.

Отъ перваго вѣка послѣ Рождества Христова до настоящаго времени насчитываютъ болѣе 80 изверженій. Самое ужасное изъ нихъ было въ 1693 г., сопровождаемое страшнѣйшимъ землетрясеніемъ; оно уничтожило до сорока городовъ и похоронило подъ обломками около ста тысячъ человѣкъ. Два послѣднихъ изъ нихъ были: одно въ 1886 г., а другое черезъ шесть лѣтъ, а именно—въ 1892 г. Это послѣднее изверженіе началось съ того, что вечеромъ (8-го іюля) показалась огромная колонна чернаго дыма, выходившаго изъ главнаго кратера. Это сопровождалось молніей и сильными сотрясеніями почвы. На другой день страшный ударъ встревожилъ населеніе и послужилъ сигналомъ къ началу изверженія. Вскрылся новый кратеръ на нѣкоторой высотѣ, среди виноградниковъ; затѣмъ, одинъ за другимъ, образовалось 17 кратеровъ. Почти всѣ они начали выбрасывать лаву, пепелъ, камни и металлическіе сгустки въ расплавленномъ видѣ. Все это съ страшнымъ трескомъ выбрасывалось вверхъ. Цѣлый потокъ лавы началъ вытекать съ двухъ сторонъ сразу, образуя огненные водопады.

Выше было сказано, что Сицилія прежде была житницею Италіи, но это было въ давнопрошедшія времена. Производительность полей и сельское хозяйство въ Сициліи уже давнымъ-давно начали падать. Какъ только хозяева замѣтили, что хлѣбопашество идетъ у нихъ туго, они стали болѣе заниматься садоводствомъ, особенно усиленно разводить апельсинныя и лимонныя деревья. Теперь изъ Сициліи очень много фруктовъ отправляютъ въ разныя страны Европы и Америки. Упадокъ земледѣлія здѣсь происходитъ прежде всего оттого, что сициліанцы до сихъ поръ, при обработкѣ почвы, придерживаются тѣхъ же первобытныхъ способовъ, какъ и въ древнія времена. Между тѣмъ современная наука какъ въ земледѣліи, такъ и во всѣхъ областяхъ труда далеко ушла впередъ. Въ Бельгіи, Франціи, Англіи и другихъ странахъ, гдѣ считаютъ долгомъ въ области земледѣлія слѣдить за наукой, существуютъ и новые способы удобренія земли (при этомъ на удобреніе нерѣдко идетъ въ дѣло даже и то, что прежде хозяева обыкновенно выбрасывали, какъ ни для кого и ни для чего не нужное, напримѣръ: кости, кровь, тряпье, остатки отъ всевозможныхъ производствъ), осушаютъ луга отводными каналами, научились искусственно поливать особенно скоро высыхающую землю и высушивать болотистыя и сырыя мѣстности, глубже вскапывать и разрыхлять землю, чтобы корни растеній свободно проникали въ нее, ввели машины для различныхъ земледѣльческихъ работъ. Эти-то усовершенствованные способы земледѣлія, часто даже при суровомъ климатѣ и при неплодородной почвѣ, даютъ возможность получать несравненно больше зерна, увеличивать количество запашки и улучшать качество травы. Мало того, самыя мѣстности, гдѣ ведется хозяйство по новому, разумному и научному способу, становятся все здоровѣе. Совсѣмъ не такъ это дѣло обставлено въ Сициліи. Какъ сициліанцы обрабатывали свою землю въ глубокой древности, такъ точно обрабатываютъ они ее и теперь; всѣ ихъ земледѣльческія орудія до сихъ поръ сохраняютъ допотопную форму и не даютъ возможности глубоко вспахивать, хорошо разрыхлить землю: бросивъ въ нее сѣмена, сициліанцы предоставляютъ все природѣ.

Упадку земледѣлія сильно помогаетъ и обычай земледѣльцевъ жить въ городахъ. Въ Сициліи, какъ и въ очень многихъ мѣстностяхъ Италіи, совсѣмъ нѣтъ селъ и деревень въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ понимаемъ, но существуетъ много городовъ. Всѣ здѣшніе земледѣльцы, какъ и древніе горожане, отправляются каждое утро на земледѣльческія работы, которыя находятся иногда очень далеко отъ жилища, и затѣмъ снова возвращаются на ночь домой въ городъ. Для очень многихъ земледѣльцевъ этотъ двойной конецъ, это длинное путешествіе на мѣсто работы оказы-

вается въ высшей степени изнурительнымъ, такъ какъ на ходьбу у многихъ вмѣстѣ съ физическимъ трудомъ уходитъ отъ 18 до 20 часовъ времени, слѣдовательно, спать приходится отъ 4 до 6 часовъ. Нѣкоторыхъ это такъ истощаетъ, что они уже не возвращаются домой на ночь, а тутъ же прикурнутъ въ какой-нибудь пещерѣ или канавѣ, набросавъ на себя для защиты отъ непогоды хворосту и сухой травы. Такимъ образомъ, многіе здѣшніе рабочіе проводятъ ночь послѣ тяжелаго труда не лучше хищныхъ звѣрей,—вообще положеніе народа въ Сициліи самое отчаянное, но объ этомъ болѣе обстоятельно будетъ изложено ниже.

Сицилія—страна не только фруктовъ, но и винограда. Чудный климатъ и особенности почвы южныхъ и западныхъ склоновъ Этны даютъ возможность выращивать виноградъ, сообщающій винамъ необыкновенный огонь. Свои вина, оливковое масло, миндаль, хлопокъ, шафранъ и многое другое сициліанцы отправляютъ на продажу во всѣ страны.

Ловля тунцовъ въ Сициліи имѣетъ большое значеніе для многихъ береговыхъ жителей этого острова. Тунцы—хищная большая рыба, величиною иногда въ сажень, въ апрѣлѣ странствуетъ въ Средиземномъ морѣ цѣлыми стаями. Уже за нѣсколько мѣсяцевъ до ловли сотни людей заняты приготовленіемъ огромныхъ сѣтей. Отъ марта до іюля по берегамъ Сициліи необыкновенное движеніе. Въ началѣ апрѣля сѣти готовы, и тогда къ нимъ привязываютъ камни и поплавки; затѣмъ ихъ складываютъ въ лодки, рыболовы растягиваются на нихъ и, лежа на животѣ, наблюдаютъ за движеніемъ моря,—ждутъ, пока оно совершенно успокоится. Тогда подаютъ знакъ, и всѣ лодки опускаютъ свои сѣти такимъ образомъ, что онѣ представляютъ съ боковъ стѣны, внизу полъ и множество отдѣленій. Опустили сѣти, и рыбаки, опять лежа въ своихъ лодкахъ, наблюдаютъ за тунцами; имъ иногда приходится ждать нѣсколько дней, пока сѣти наполнятся рыбою. Часто, не дождавшись, чтобъ море успокоилось само собой, они поливаютъ на поверхность его масло, и въ этомъ мѣстѣ волненіе быстро стихаетъ. Тогда подаютъ сигналъ, и рыбаки съ страшными криками, блестя на солнцѣ гарпунами и пиками, собираются къ тому мѣсту, гдѣ предполагается битва. Полъ крайняго отдѣленія сѣтей, куда зашла рыба, подымается все выше и выше, потолка нѣтъ, и рыба могла бы выпрыгнуть, но рыбаки бросаются на нее со своими гарпунами,—и вскорѣ прозрачное, синее море превращается въ море крови.

Трудно описать, какой тутъ поднимается шумъ, крикъ, гиканье. Тунцы чрезвычайно сильны въ водѣ, и въ предсмертной агоніи они такъ окачиваютъ рыбаковъ съ головы до ногъ своею кровью, что она течетъ у нихъ ручьми съ лица и волосъ. Ловлю тунцовъ производятъ въ весьма многихъ мѣстахъ сицилійскаго побережья, и это даетъ возможность бѣднякамъ покупать фунтъ-другой этой рыбы за двѣ—три копѣйки.

Самое главное богатство Сициліи—ея сѣра. Залежи сѣры чрезвычайно велики и обильны на этомъ огнедышащемъ островѣ. Если вы проѣзжаете по западному берегу острова, вамъ чаще всего попадаются мулы, нагруженные плитами сѣры; по дорогѣ вездѣ разсыпаны куски сѣры; всюду множество сѣрныхъ рудниковъ. Съ горъ то и дѣло подымаются густые столбы дыма изъ дымящихся сѣрныхъ минъ. Самый воздухъ пропитанъ запахомъ сѣры и ея невыразимо удушливою пылью, такъ что путешественнику приходится дышать не иначе, какъ чрезъ носовой платокъ. Сѣра составляетъ здѣсь главный источникъ пропитанія и самый важный предметъ промышленности: она имѣетъ громадное значеніе. Прежде ее употребляли только въ медицинѣ и для приготовленія пороха, но теперь она служитъ и для добыванія

сѣрной кислоты, которая употребляется почти на всѣхъ фабрикахъ. Съ помощью сѣрной кислоты добываютъ много другихъ кислотъ, приготовляютъ соду, квасцы, желѣзный и мѣдный купоросъ, мыло, спиртъ, очищаютъ разныя масла, отдѣляютъ золото отъ серебра; крѣпкая сѣрная кислота сильно притягиваетъ водяные пары изъ воздуха, и потому ее употребляютъ тамъ, гдѣ нужно осушить воздухъ. Кромѣ того, сѣрою пользуются теперь какъ средствомъ противъ болѣзни винограда.

Изо всѣхъ сѣрныхъ минъ на юго-западѣ острова везутъ сѣру къ гавани Джирдженти. Этотъ плохо обстроенный городъ представляетъ совершенную противоположность древнему Агригенту, который когда-то былъ на его мѣстѣ и славился своею обширною торговлею и блестящей роскошью. Остатки древностей видны еще и теперь, только они внѣ города. Ближайшія сѣрныя мины лежатъ недалеко отъ города и находятся въ самомъ первобытномъ состояніи. Тутъ еще до сихъ поръ неизвѣстны орудія и приборы, которые въ горнозаводскомъ дѣлѣ вошли въ послѣднее время въ общее употребленіе; работа тоже производится на удачу, безъ всякаго опредѣленнаго плана: истощилась случайно одна жила, по сосѣдству роютъ новыя отверстія и въ произвольномъ направленіи проводятъ въ горѣ подземныя галлереи. Громадное большинство копей содержится съ невѣроятною небрежностью. Входы въ подземелья, въ большинствѣ случаевъ, такъ узки, что даже дѣтямъ приходится сгибаться въ три погибели, проползая черезъ нихъ. Подземныя галлереи не выкладываются камнемъ, своды чрезвычайно низки, неровны, и только мѣстами, чтобы поддерживать потолокъ, ставятъ столбы. Со всѣхъ сторонъ тутъ слышатся странные звуки, которые происходятъ отъ далекихъ перекатовъ эхо. Сырость покрываетъ стѣны; капли, падающія со сводовъ, соединяются въ цѣлые потоки липкой грязи и текутъ по землѣ. Воздухъ здѣсь чрезвычайно удушливый, съ запахомъ сѣрнисто-водороднаго газа. Кромѣ того, въ этихъ подземныхъ галлереяхъ страшнѣйшій жаръ. Вслѣдствіе этого люди работаютъ здѣсь безъ одежды, только нѣкоторые съ короткой тряпицей спереди, подвязанной веревкой. Всѣ рабочіе въ сѣрныхъ копяхъ (большинство изъ нихъ дѣти) имѣютъ видъ въ высшей степени истощенный и болѣзненный, но о нихъ подробнѣе будетъ сказано ниже.

Сициліанецъ одаренъ тѣми же качествами ума и сердца, какъ и другіе итальянцы: живостью, подвижностью, вспыльчивостью, способностью быстро схватывать, необыкновенною учтивостью и услужливостью, хорошимъ и веселымъ расположеніемъ духа. Но, такъ какъ въ жилы сициліанцевъ вливалась кровь самыхъ разнообразныхъ народовъ—грековъ, римлянъ, арабовъ, испанцевъ, норманновъ и другихъ, и такъ какъ они живутъ въ болѣе жаркомъ климатѣ, чѣмъ остальные итальянцы, то всѣ чувства ихъ сильнѣе: любовь, ненависть, мстительность, нетерпѣливость,—все у нихъ выражается еще съ большею страстью. Сициліанцы неистощимы въ остротахъ и поговоркахъ. Дѣвочка 12-ти—13-ти лѣтъ выглядитъ здѣсь совершеннолѣтней женщиной, но въ 20 лѣтъ она уже отцвѣтаетъ, и вы дадите ей болѣе, чѣмъ вдвое.

Тутъ еще сильнѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было въ Италіи, любовь къ церемоніямъ, къ народнымъ торжествамъ и праздникамъ; трудъ здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, облекается въ поэтическую форму. Когда вы ни выйдете ночью на улицу, вы всегда услышите звуки гитары и мужской голосъ, напѣвающій одну изъ народныхъ пѣсенъ. Иногда встрѣчаешь здѣсь слѣпца, окруженнаго толпою, который поетъ, или сказочника, который разсказываетъ сказки или рыцарскія приключенія. По большей части эти люди слѣпы или горбаты: во время разсказа они сильно жестикулируютъ. Сициліанцы любятъ этихъ людей, слушаютъ ихъ съ большимъ вниманіемъ и относятся къ нимъ съ глубочайшимъ уваженіемъ. Стихи и

пѣсни нерѣдко импровизируются (сочиняются безъ подготовки) среди рабочихъ въ кузницѣ, въ полѣ, въ виноградникѣ, на городской площади. Когда такой поэтъ остановится, чтобы сказать вслухъ передъ товарищами свою импровизацію, онъ всегда найдетъ себѣ соперника. Народъ немедленно окружаетъ состязающихся, поощряетъ ихъ похвалами или язвитъ насмѣшками, всегда умѣя своимъ тонкимъ чутьемъ указать на дурной стихъ, на неловкое выраженіе. И дѣйствительно, замѣчательна та легкость и быстрота, съ какою импровизируются цѣлыя стихотворенія, какъ будто они сказаны не безъ подготовки, а выучены наизусть. Въ Сициліи есть множество поэтовъ-импровизаторовъ, которые только сочиняютъ стихи, но не распѣваютъ ихъ. Страсть къ сочинительству, въ особенности стиховъ, сильно развита въ итальянскомъ народѣ, и болѣе всего въ Сициліи.

Особенно много разсказчиковъ, пѣвцовъ и поэтовъ-импровизаторовъ появляется на праздникахъ, и тутъ они устраиваютъ между собой состязаніе въ присутствіи огромной толпы. Прежде чѣмъ начнется такое состязаніе, распорядитель праздника тщательно осматриваетъ ихъ и отнимаетъ у нихъ оружіе, если только оно у кого нибудь найдется. Проза здѣсь не допускается. Начинается состязаніе обыкновенно тѣмъ, что поэты привѣтствуютъ другъ друга стихами. Потомъ предлагаютъ темы для импровизаціи, и черезъ нѣсколько минутъ одинъ за другимъ выходятъ и декламируютъ свои произведенія. На побѣдителя побѣжденный бросается иногда съ такою яростью, что присутствующіе едва успѣваютъ ихъ разнять. Но иногда подобныя состязанія происходятъ и совершенно мирно. Вотъ какъ описываютъ одно изъ нихъ. «Въ Ивановъ день собралась толпа до 6 тысячъ слушателей. Около полудня вынесли изображеніе святаго и поставили его на возвышеніи на площади. Затѣмъ сюда одинъ за другимъ вошли пять поэтовъ: еще совсѣмъ юный сынъ кузнеца, два крестьянина, сапожникъ и еще одинъ ремесленникъ. Одинъ за другимъ воспѣвали они чудеса св. Іоанна, и затѣмъ началось состязаніе. Всѣ они были необыкновенно искусны, особенно сынъ кузнеца; по окончаніи они были награждены и увѣнчаны».

Пристрастіе народа Сициліи къ яркимъ цвѣтамъ, любовь къ искусству, богатую фантазію сициліанцевъ можно видѣть въ ихъ привычкѣ украшать свои повозки рисунками, сюжеты которыхъ въ высшей степени разнообразны, отличаются прекраснымъ исполненіемъ и живостью красокъ. На крестьянскихъ повозкахъ мелькаетъ то изображеніе Христа въ Геѳсиманскомъ саду, то пріемъ Колумба королевою Изабеллой, то корзины цвѣтовъ.

Самый оригинальный обычай сициліанцевъ—сохранять тѣла умершихъ. Мы уже знаемъ, что непогребенныя кости встрѣчаются въ Италіи и внѣ Сициліи, и въ очеркѣ о Римѣ описана одна такая капелла мертвыхъ, убранная человѣческими костями и скелетами. Сициліанцы въ этомъ отношеніи пошли дальше. Обычай выставлять мертвыхъ на многіе годы, часто даже на десятки лѣтъ, весьма распространенъ въ Сициліи. Подъ склепами мужскихъ и женскихъ монастырей, въ подземныхъ галлереяхъ, которыя нерѣдко бываютъ очень обширны, можно видѣть прикрѣпленные къ стѣнамъ ряды стоящихъ и лежащихъ покойниковъ. Видъ этого безконечнаго числа изсохшихъ покойниковъ, съ лицами и руками, обтянутыми высохшей кожей, съ обезображенными смертью глазами—просто ужасенъ! Одни изъ нихъ съежились, сгорбились, другіе стоятъ прямо, нѣкоторые покосились на бокъ; у одного изъ нихъ вѣтеръ колышетъ бороду, у другого поднимаетъ волосы, тамъ шелеститъ легкое платье мертвой дѣвочки... Что это значитъ? Мертвецъ, точно съ укоризной, качаетъ своей сѣдой головой! Дѣло вотъ въ чемъ: мышь забралась въ черепъ мертвеца и заставляетъ его то покачиваться изъ стороны въ сто-

рону, то кивать головой. Непривычнаго посѣтителя въ этихъ подземельяхъ просто охватываетъ ужасъ отвращенія. Между тѣмъ выставить трупъ близкаго человѣка въ одномъ изъ склеповъ или подземныхъ галлерей—почетъ, привилегія людей богатыхъ и нѣсколькихъ монашескихъ орденовъ. Въ подземныхъ галлереяхъ Сициліи сохраняются десятки, если не сотни тысячъ подобныхъ труповъ. Родственники многихъ умершихъ добиваются этой чести часто путемъ очень значительныхъ вкладовъ; тѣхъ покойниковъ, за которыхъ перестаютъ платить или дѣлать за нихъ по крайней мѣрѣ небольшіе вклады, зарываютъ въ землю. Нѣкоторые изъ выставленныхъ покойниковъ, особенно дѣти, лежатъ въ стеклянныхъ или простыхъ гробахъ. Одни изъ покойниковъ одѣты въ черные халаты, другіе наряжены въ халаты, расшитые шелкомъ, и въ разукрашенныхъ шапочкахъ на головѣ. Особенно отталкивающій видъ имѣютъ разряженныя покойницы: передъ вами мертвыя головы въ чепцахъ съ лентами и кружевами, бѣлѣющими вокругъ темныхъ лицъ съ черными впадинами вмѣсто глазъ. Вмѣсто щекъ у нихъ высовываются скулы и кости, обтянутыя тонкой кожей. Молодыя дѣвушки (что вы узнаете только по надписи на картонѣ, который виситъ на шеѣ каждаго покойника и покойницы) выглядятъ безобразными старухами; нѣкоторыя изъ нихъ въ пышныхъ бѣлыхъ платьяхъ, съ металлическими вѣнчиками на головахъ. Руки, какъ молодыхъ, такъ и старыхъ, точно сучковатые древесные корни, торчатъ изъ пышныхъ рукавовъ; чулки на ногахъ кажутся пустыми, а башмаки—непропорціонально большими: такъ высохли у нихъ ноги. Но непріятнѣе всего поражаетъ отдѣленіе для покойниковъ изъ духовенства; всѣ они въ роскошномъ церковномъ облаченіи, въ черныхъ, красныхъ и фіолетовыхъ одеждахъ, расшитыхъ золотомъ, въ скуфьяхъ на головѣ, одѣваемыхъ при богослуженіи. Они стоятъ въ различныхъ позахъ: одни изъ нихъ точно поютъ, другіе будто молятся, — нарочно для этого имъ приподняли головы и скрестили руки. А вотъ и трупъ безъ головы: это значитъ, что мыши, которыхъ во всѣхъ подобныхъ мѣстахъ разводится тьма-тьмущая, перегрызли шейныя связки покойника, и его голова отвалилась.

Выставленные трупы не были набальзамированы послѣ смерти, но послѣ церковнаго отпѣванія ихъ подвергаютъ особому процессу высушиванья; при этомъ удаляютъ разлагающіяся внутренности, такъ что кожа на скелетѣ не разлагается, а высыхаетъ.

ИТАЛЬЯНСКАЯ АРИСТОКРАТІЯ.

Ея понятія, привычки, жизнь и положеніе.

Итальянская аристократія не представляетъ собою какого-нибудь особаго самостоятельнаго класса общества. Она не выдѣляется изъ общаго уровня ни своею силою, ни талантами, ни блестящимъ образованіемъ, ни своимъ значеніемъ и вліяніемъ. Однимъ словомъ, она представляетъ полную противоположность могущественной и въ высшей степени вліятельной англійской аристократіи, среди которой такъ много людей, владѣющихъ несмѣтными богатствами, получающихъ царскіе доходы, выдающихся своимъ блестящимъ образованіемъ, своими крупными талантами, сплошь и рядомъ не только стоящихъ во главѣ благотворительныхъ учрежденій, но и горячо проводящихъ въ жизнь самыя свѣтлыя идеи объ образованіи и умственномъ развитіи низшихъ слоевъ общества или объ улучшеніи ихъ матеріальнаго благосостоянія.

Правда, въ средніе вѣка нѣкоторые аристократическіе роды Италіи играли весьма видную роль въ общественной жизни, были дѣятельными и могущественными

покровителями наукъ и искусствъ, но все это прошло безвозвратно. Въ настоящее время итальянскіе аристократы не имѣютъ ни малѣйшаго значенія и вліянія. Нѣкоторые изъ нихъ возвысились только благодаря тому, что были въ родствѣ съ тѣмъ или другимъ папою (такихъ много среди римской аристократіи), другіе имѣютъ предками лавочниковъ и банкировъ; очень многіе получили свои громкіе титулы недавно, отъ короля, между 1870—1880 гг. и добились этого всѣми правдами и неправдами. Такимъ образомъ, большинство итальянскихъ аристократовъ не можетъ даже гордиться древностью своего происхожденія. Изъ этого стремленія итальянцевъ къ высшимъ титуламъ правительство рѣшило извлечь для себя матеріальную выгоду. Такъ какъ денежное положеніе Италіи уже давно становится все болѣе тяжелымъ и безотраднымъ, то одинъ изъ итальянскихъ министровъ назначилъ высокій налогъ на всякій дворянскій титулъ, пожалованный королемъ. Чѣмъ выше былъ титулъ, тѣмъ дороже приходилось платить за него, иногда даже нѣсколько десятковъ тысячъ рублей на наши деньги. Пріобрѣтеніе за деньги громкихъ титуловъ (когда это дѣлалось тайно, происками и подкупами, — это никого не смущало) страшно унизило это сословіе какъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ всѣхъ остальныхъ. Очень высокая такса на дворянскій титулъ и нескрываемое презрѣніе общества ко всѣмъ, получившимъ титулъ за деньги, нѣсколько пріостановили страстное стремленіе лѣзть въ князья и маркизы.

Аристократовъ вообще чрезвычайно много въ Италіи, особенно въ южной ея части, гдѣ то и дѣло встрѣчаешь герцоговъ, маркизовъ или графовъ; но большинство этихъ титуловъ самостоятельно сочинены и самовольно присвоены ихъ владѣльцами. Здѣсь каждый тщеславный человѣкъ очень любитъ пощеголять громкимъ титуломъ. Когда такому человѣку удается разбогатѣть, онъ сразу порываетъ со своимъ неизвѣстнымъ происхожденіемъ, рѣшается назвать себя графомъ или маркизомъ, заказываетъ экипажъ и гербы, соотвѣтственные присвоенному имъ титулу, нанимаетъ представительнаго лакея, наряжаетъ его въ ливрею съ галунами и всѣмъ рекомендуется подъ избраннымъ титуломъ. Надъ вновь испеченнымъ аристократомъ вначалѣ кое-кто подсмѣивается, но онъ старается не смущаться, а затѣмъ всѣ привыкаютъ и начинаютъ величать его такъ, какъ это ему желательно. А тамъ, глядишь, онъ передаетъ этотъ громкій титулъ, имъ самимъ сочиненный, и своимъ дѣтямъ.

Хотя итальянскіе аристократы не имѣютъ особеннаго значеніи, тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нихъ весьма богаты, какъ, напримѣръ, Висконти, Одескальки, Корсини, Рудини и др. Въ большинствѣ случаевъ богатые итальянскіе аристократы сильно уступаютъ по богатству англійскимъ, но въ такой бѣдной странѣ, какъ Италія, при всеобщей бѣдности всѣхъ гражданъ, при полномъ разореніи и нищетѣ народа, они выдѣляются по своему богатству изъ общаго уровня. Самые значительные земельные участки въ Италіи принадлежатъ, въ большинствѣ случаевъ, аристократіи.

Какъ бѣдные, такъ и богатые здѣшніе аристократы чрезвычайно надменны, считаютъ для себя унизительнымъ водить знакомство и дружбу съ людьми другихъ классовъ общества и знаются только между собою. Это, за рѣдкими исключеніями, люди весьма мало образованные, нравственно неразвитые, чрезвычайно лѣнивые и съ своеобразнымъ пониманіемъ чувства чести и долга. Даже самые бѣдные изъ нихъ стыдятся заниматься какимъ-нибудь трудомъ, не допиваютъ и не доѣдаютъ, лишь бы только имѣть собственный экипажъ съ гербами и лакея съ галунами. Тамъ, гдѣ нѣтъ людей, передъ которыми они считаютъ необходимымъ выставлять свой аристократизмъ, все ихъ тщеславіе и гоноръ улетучиваются, и они скорѣе напоминаютъ мѣщанъ средней руки, чѣмъ аристократовъ. Комнаты, предназначенныя не

для пріема гостей, а для жизни собственной семьи, содержатся чрезвычайно неряшливо. Правило, которому они подчиняютъ всю свою жизнь,—дѣлать все напоказъ. Даже тѣ, у которыхъ существуютъ роскошные мраморные дворцы съ парадными комнатами, отдѣланными превосходно и украшенными золотой и серебряной посудой художественной работы, не только проще обставляютъ комнаты для семьи, но лишь кое-какъ присматриваютъ за ними. Здѣсь не рѣдкость встрѣтить и такихъ аристократовъ, которые содержатъ лошадей, имѣютъ экипажи съ гербами и цѣлый штатъ прислуги, а между тѣмъ обѣдаютъ безъ скатерти, питаются болѣе, чѣмъ скудно.

Во время выѣздовъ и торжественныхъ пріемовъ господа держатъ себя въ отношеніи слугъ надменно, но внѣ этихъ торжественныхъ пріемовъ, наоборотъ,—совершенно патріархально. Правда, прислуга цѣлуетъ ручки своихъ господъ, припадаетъ даже къ ихъ стопамъ, называетъ «эччеленца» (превосходительство), но сидитъ въ ихъ присутствіи, иногда даже въ шапкѣ на головѣ, споритъ, возвышая голосъ, зубъ за зубъ. Если «маркизъ» или «графъ» окончательно выйдетъ изъ терпѣнія, онъ даетъ слугѣ зуботычину или, въ лучшемъ случаѣ, обзываетъ его крѣпкимъ словомъ, но ни на то, ни на другое служащіе здѣсь не обижаются.

Также патріархальны и домашніе обычаи: маркизы и графини, поражающія уличныхъ зѣвакъ своими великолѣпными нарядами, ходятъ дома въ стоптанныхъ туфляхъ и грязныхъ платьяхъ. Вообще во всей домашней жизни проглядываетъ неряшливость и экономія, а у́ людей небогатыхъ (бѣдныхъ аристократовъ здѣсь громадное большинство) и скаредность: путемъ тяжелыхъ лишеній въ домашней жизни они все лучшее приберегаютъ для того, чтобы блеснуть передъ другими.

Любви къ родинѣ, пониманія ея интересовъ, научныхъ стремленій у нихъ нѣтъ и въ поминѣ. Между собою высшее итальянское общество говоритъ не на родномъ языкѣ, а по-французски. Впрочемъ, въ самое послѣднее время у нихъ начинаетъ входить въ моду англійскій языкъ и все англійское. Многіе даже завели англійскіе экипажи, занимаются физическими упражненіями, развлекаются скачками и бѣгами.

Всѣ высшіе посты въ странѣ, административныя и общественныя должности находятся въ рукахъ какъ аристократовъ, такъ и людей зажиточныхъ вообще; богатые землевладѣльцы занимаютъ многія общественныя должности въ провинціи. Итальянская администрація прославилась своимъ корыстолюбіемъ, отчаянными злоупотребленіеми и хищеніями. Грабежъ и воровство общественнаго имущества господствуютъ здѣсь въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: общественные лѣса вырубаютъ, общинныя земли сдаютъ за ничтожную плату родственникамъ и друзьямъ вліятельныхъ лицъ. Въ банкахъ, въ которыхъ состоятельные люди и аристократы занимаютъ высшія должности, обнаружены въ послѣднее время страшныя хищенія. Въ шести итальянскихъ банкахъ, имѣвшихъ право выпускать кредитные билеты, слѣдовательно гарантированныхъ правительствомъ и подчиненныхъ строжайшему правительственному контролю, были открыты еще недавно многочисленныя растраты. Директора банковъ, служащіе въ нихъ, депутаты парламента, даже министры оказались болѣе или менѣе прикосновенными къ хищенію.

Тѣ изъ аристократовъ, которые не занимаютъ никакихъ должностей, не несутъ никакихъ общественныхъ обязанностей, уже окончательно ничего не дѣлаютъ. Въ своихъ помѣстьяхъ они строятъ роскошныя виллы, великолѣпно украшаютъ ихъ, но живутъ въ нихъ очень рѣдко, да и то лишь весьма недолго. За самыми рѣдкими исключеніями, они совсѣмъ не занимаются сельскимъ хозяйствомъ, отдаютъ свои земли и помѣстья въ аренду и не заботятся объ ихъ улучшеніи, а проживаютъ въ Парижѣ или другихъ столицахъ арендную плату, получаемую съ своихъ земель.

ПОЛОЖЕНІЕ ИТАЛЬЯНСКАГО НАРОДА.

Характеръ западнаго побережья. — Мареммы. — Римская Кампанья. — Понтійскія болота. — Различіе между восточнымъ и западнымъ побережьемъ. — Роскошная природа и богатство растительности южной Италіи. — Почему Италія при благопріятныхъ условіяхъ всегда была гнѣздомъ невообразимой нищеты рабочихъ классовъ. — Прошлое и настоящее народа. — Плохое положеніе денежныхъ дѣлъ и безотрадное состояніе итальянскаго государства. — Богатые помѣщики. — Крупные арендаторы. — Земледѣліе и сельское хозяйство. — Крупные и мелкіе собственники изъ крестьянъ. — Ихъ отношеніе къ своей землѣ. — Раздѣлы. — Половники. — Поденщики. — Безработица и ея причины. — Воровство на поляхъ. — Обработка риса. — Шелководство. — Сборъ винограда и апельсиновъ. — Скотоводство и жизнь пастуховъ. — Рыболовы. — Ловля кораlловъ.

Италія вполнѣ заслуженно считается благословеннѣйшею въ мірѣ страною. Но глубоко заблуждается тотъ, кто думаетъ, что каждый ея уголокъ представляетъ земной рай. Въ этой чудной странѣ, воспѣтой поэтами, существуетъ не мало болотистыхъ мѣстностей, въ высшей степени вредныхъ для здоровья, и чрезвычайно много невоздѣланныхъ земель; то здѣсь, то тамъ лежатъ громадныя, печальныя, безплодныя и безлюдныя пустыни; наконецъ, западная и восточная части Италіи рѣзко отличаются другъ отъ друга.

Западное побережье представляетъ сравнительно съ восточнымъ гораздо болѣе роскошную растительность, чудные виды и несравненно болѣе обработано; тутъ мы встрѣчаемъ и самые замѣчательные города. Однако, несмотря на все это, въ западной части, на морскомъ побережьѣ Тосканы, то и дѣло попадаются огромныя болотистыя мѣстности, называемыя *мареммами*. Хотя многія изъ этихъ болотъ покрыты тростникомъ и зеленью, но это топкія, опасныя мѣста. Утромъ и вечеромъ надъ мареммами подымаются вредные туманы. Отъ множества болотъ воздухъ чрезвычайно вреденъ для здоровья. Немногочисленное населеніе мареммъ поражаетъ своимъ болѣзненнымъ, изнуреннымъ видомъ. Каждый, мало-мальски поправивъ свои дѣла, старается совсѣмъ покинуть эти пагубныя мѣстности, а если этого не позволяютъ обстоятельства, то по крайней мѣрѣ удалиться отсюда на май и іюнь, когда здѣшній воздухъ бываетъ особенно вреденъ. Несмотря на малонаселенность, мѣстности эти бываютъ, кромѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году, постоянно оживлены рабочими. Нужно замѣтить, что Тосканская область далеко не представляетъ сплошныхъ мареммъ, напротивъ, она считается въ Италіи даже богатою и плодородною, но у низовьевъ ея рѣкъ, и особенно у прибрежья, попадается много мареммъ; часто, однако, и эти огромныя болотистыя мѣстности прерываются то превосходно обработанными полями, то роскошными лугами. Но, по причинѣ зловреднаго воздуха, эти мѣстности очень мало населены. Поэтому мѣстное населеніе не можетъ своими средствами обрабатывать землю, и люди изъ другихъ уголковъ страны приходятъ сюда на работу. Но чуть наступаетъ лѣто, какъ хижины, или, лучше сказать, шалаши, населенные рабочими, остаются пустыми: всѣ стараются скорѣе разойтись по домамъ; не слышно ни удара топора, ни визга пилы, ни громкихъ, ободряющихъ криковъ работниковъ, ни свирѣли пастуха. Однако, и во время лѣтнихъ жаровъ, въ самое вредное время года, мареммы не остаются совершенно пустынными. Двойная плата привлекаетъ сюда для жатвы многихъ бѣдняковъ. Жнецы приходятъ на все время работъ съ своими женами и должны принести съ собой не только припасы для своего продовольствія, но и мѣшокъ съ соломой для отдыха ночью. И не легко же достается

рабочимъ эта возвышенная плата! Они спятъ на открытомъ воздухѣ, въ шалашахъ изъ соломы и древесныхъ вѣтвей; другіе вмѣсто шалашей вѣшаютъ свою койку между столбовъ. Такъ какъ здѣсь нельзя достать свѣжей пищи, то они все время питаются черствымъ хлѣбомъ, взятымъ изъ дому, и овечьимъ сыромъ, приготовляемымъ въ горахъ. Жара нерѣдко доходитъ до 40° по Реомюру, а ночью выпадаетъ роса, и воздухъ сильно охлаждается. Тяжелая работа во время жаровъ возбуждаетъ страшную жажду, а утолять ее они могутъ только мутной, гнилой, болотной водой, по большей части съ растительными и животными веществами. Когда долго стоятъ жары и стоячая вода испаряется подъ жгучими лучами солнца, то среди рабочихъ начинаетъ свирѣпствовать малярія (перемежающаяся лихорадка). Она, впрочемъ, господствуетъ не только здѣсь: съ нѣкоторыми перерывами она посѣщаетъ многія прибрежныя мѣстности южной Италіи, но нигдѣ она не бываетъ такъ опасна, какъ въ тосканскихъ мареммахъ и въ Понтійскихъ болотахъ. Съ ея появленіемъ распространяется множество болѣзней: въ іюнѣ и іюлѣ населеніе страдаетъ обыкновенно лихорадками, въ августѣ и сентябрѣ — нервными, въ октябрѣ желудочными болѣзнями. Больныхъ обыкновенно бываетъ болѣе половины населенія. Въ концѣ октября, когда начинаются сильные дожди, малярія исчезаетъ, и число больныхъ уменьшается. Несчастные рабочіе еще не кончатъ и половины работы, какъ уже схватятъ такую жестокую лихорадку, что имъ приходится продолжать работу дрожащими руками. Ко дню св. Лаврентія (къ 10-му августа), исхудалые, изнуренные, нерѣдко съ развившейся смертельною болѣзнью они возвращаются домой. Кромѣ тосканскихъ мареммъ, въ западной части Италіи существуютъ и другія злокачественныя мѣстности, какъ, напримѣръ, Римская Кампанья. Эта ужасная пустыня окружаетъ столицу Италіи—Римъ. Она представляетъ огромное пространство земли, болѣе 180 тысячъ десятинъ. Луга этой мѣстности перемежаются съ тощими полями и жалкими виноградниками, еще чаще съ громадными болотами или съ совершенно заброшенными пустырями, а то и съ пространствами земли, на которыхъ грудами навалены камни. И несмотря на жалкую природу этой мѣстности, на вредныя испаренія, сюда, какъ и въ тосканскія мареммы, идетъ массами рабочій людъ. Его гонитъ сюда нищета и безработица. Но жестокая малярія (перемежающаяся лихорадка), которую быстро схватываютъ рабочіе, не даетъ имъ возможности долго здѣсь зарабатываться. Какъ только они почувствуютъ приступъ этой болѣзни, они бросаютъ все и отправляются домой. Но болѣзнь обыкновенно уже сдѣлала свое дѣло: истомленные, обезсиленные, они падаютъ на дорогахъ, попадаютъ въ больницы, и лишь половина рабочихъ возвращается домой. Для того, чтобы сдѣлать Римскую Кампанью пригодною для земледѣлія и промышленности, а воздухъ ея безвреднымъ, необходимо очистить Тибръ, который катитъ свои волны по этой пустынѣ, прорыть множество широкихъ каналовъ, которые осушили бы зловредныя болота, поднять земледѣліе, да и многое другое необходимо было бы для этого, но Италія — страна очень бѣдная, а въ настоящее время къ тому же ея денежныя дѣла находятся въ крайне запутанномъ состояніи. Римская Кампанья не только является одною изъ жалкихъ и зловредныхъ мѣстностей Италіи, но климатъ ея еще постоянно ухудшается.

Особенно вредно для здоровья южное побережье Римской Кампаньи, называемое Понтійскими болотами. Когда смотришь на Понтійскую равнину съ какой-нибудь возвышенности, она имѣетъ весьма красивый видъ, такъ какъ вся усѣяна разнообразными цвѣтами. Правда, здѣсь и тамъ выглядываютъ стоячая вода и лужи, но онѣ окружены красивою растительностью. Однако, цвѣтное покрывало не мѣшаетъ лихорадкѣ жестоко свирѣпствовать въ этихъ мѣстностяхъ и сотнями сводитъ въ могилу

пастуховъ и землепашцевъ. Между густымъ, высокимъ тростникомъ проходятъ длинные каналы. Но недостаточное количество этихъ каналовъ не могло осушить Понтійскихъ болотъ; мѣстами торчатъ въ нихъ головы буйволовъ, съ загнутыми назадъ короткими рогами, со слезой на косыхъ, налитыхъ кровью глазахъ. Буйволы во всей Римской Кампаньѣ бродятъ стадами, которыми управляетъ пастухъ, или лежатъ, въ лѣтнее время, по горло въ прохладной, болотной водѣ, а то медленно тащатъ нагруженную снопами повозку. Нерѣдко можно видѣть также, какъ пастухъ гонитъ цѣлое стадо буйволовъ вплавь по каналу, слѣдуя за ними въ лодкѣ, напоминающей корыто. Это дѣлается для того, чтобы очистить каналъ отъ травъ и сорныхъ растеній, которыя мѣшаютъ теченію воды. Отъ времени до времени животныхъ выгоняютъ на берегъ, чтобы они могли стряхнуть облѣпившія ихъ растенія.

Восточная сторона итальянскаго полуострова обработана менѣе западной: она испещрена гораздо большимъ количествомъ болотистыхъ мѣстностей и имѣетъ чрезвычайно узкую прибрежную полосу. Море, особенно на сѣверо-восточномъ берегу, врывается въ эти болотистыя мѣстности, образуя между островами множество заливовъ и каналовъ, называемыхъ лагунами. Всѣ эти лагуны подвержены дѣйствію приливовъ и отливовъ. Во время приливовъ вода быстро наполняетъ ихъ, а при отливѣ она до того спадаетъ, что ея иногда остается не больше фута, и лагуны въ это время распространяютъ страшно вредныя испаренія. Лагуны, отмели, лужи, болота, непроходимыя тростниковыя чащи, запруженные луга, затопленныя поля риса нерѣдко тянутся здѣсь на протяженіи многихъ верстъ. На восточномъ берегу климатъ гораздо суровѣе, и здѣсь нѣтъ значительныхъ городовъ.

Однако, всѣ эти недостатки какъ восточнаго, такъ и западнаго побережья исчезаютъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ болѣе мы подвигаемся къ югу. Съ каждымъ шагомъ впередъ путешественникъ оставляетъ позади себя болотистыя мѣстности, со всѣми ихъ непривлекательными явленіями, и передъ нимъ все роскошнѣе раскидывается вѣчно-цвѣтущая итальянская природа. Теперь уже на каждомъ шагу ему попадается пинія (южная сосна) съ своей верхушкой, въ видѣ шатра, и стройный, темно-зеленый кипарисъ: это два самыя характерныя дерева юга. Далѣе идутъ финиковыя пальмы съ раскидистой верхушкой, зеленыя, мясистыя агавы; тутъ стѣны лавровъ и кусты миртъ, тамъ земляничное дерево съ темною листвою и красными плодами, далѣе прекрасно цвѣтущій олеандръ, апельсинныя и лимонныя деревья. Большая часть зелени зимою бываетъ еще зеленѣе и свѣжѣе, чѣмъ лѣтомъ, такъ какъ отъ сильныхъ жаровъ она часто желтѣетъ, а то и совсѣмъ увядаетъ. Скотъ прокармливается зимою роскошнымъ подножнымъ кормомъ; множество цвѣтовъ и овощей цвѣтутъ и поспѣваютъ круглый годъ. Здѣсь годъ не раздѣляется, какъ у насъ, на оживленное и совершенно мертвое время года, и растительность блекнетъ скорѣе лѣтомъ, чѣмъ зимою. Есть, впрочемъ, и въ южной Италіи деревья, которыя зимою теряютъ свою листву, но и тогда они никогда не стоятъ обнаженными. Темно-зеленый плющъ густо обвиваетъ своею зеленью безчисленные стволы ихъ, между которыми бродишь какъ въ залѣ съ зелеными колоннами. Что же до цвѣтовъ, то они здѣсь въ высшей степени роскошны и разнообразны, и даже самый равнодушный путешественникъ не можетъ устоять, чтобы не обратить съ восторгомъ взоръ на выглядывающую всюду между камнями спутанную чащу цвѣтущихъ кустарниковъ. Особенно весною, послѣ освѣжительнаго дождя, холмы и поля всюду покрываются пестрымъ ковромъ, надъ которымъ порхая носятся бабочки, гораздо болѣе блестящія, чѣмъ на сѣверѣ. Точно также и запахъ растеній въ Италіи несравненно сильнѣе, чѣмъ въ средней и сѣверной Европѣ. Есть времена въ году и мѣстности въ Италіи,

гдѣ все утопаетъ въ благоуханіи, и каждое дуновеніе днемъ и ночью обдаетъ васъ чуднымъ ароматомъ. Почти каждое растеніе, къ которому прикасаешься, почти каждый растираемый листъ оставляетъ въ рукѣ прелестный, долго сохраняющійся запахъ. Масличныя рощи, цвѣты лимонныхъ и апельсинныхъ деревьевъ, нарцисы, желтофіоль, гвоздика, фіалки, роза, мята,—все издаетъ свой особый ароматъ. И куда вы ни пойдете: въ горы или на кладбище, на запустѣлый дворъ или станете бродить между развалинъ, васъ всюду окружаетъ это нѣжное благоуханіе. Не даромъ здѣсь множество растеній, изъ которыхъ приготовляютъ благовонныя воды и эфирныя масла. Горящій кусокъ масличной смолы, зажженная мастиковая вѣтка наполняютъ и хижину бѣдняка пріятными ароматами. Тутъ также много лѣкарственныхъ растеній. Понятно, что при такомъ разнообразіи растительности, кромѣ цѣлебныхъ и ароматныхъ травъ, итальянская почва производитъ также и множество ядовитыхъ растеній, и ихъ ядъ болѣе одуряетъ и болѣе смертеленъ здѣсь, чѣмъ на сѣверѣ. Не даромъ же Италія давала міру въ древности искуснѣйшихъ составителей и составительницъ ядовъ.

Многія итальянскія растенія содержатъ въ себѣ также, то въ корняхъ, то въ листьяхъ, красильныя вещества: ими-то женщины умѣютъ красить въ красное, желтое и голубое свои шерстяныя и полотняныя матеріи, кушаки, платки и передники. Здѣшній народъ необыкновенно любитъ пестрые и яркіе цвѣта въ своей одеждѣ. Да и можетъ-ли быть иначе? Небо такое ясное, всюду обиліе свѣта и красокъ, растенія такъ разнообразно пестры и ярки и даютъ такъ много красильнаго матеріала, — и народъ, по примѣру природы, одѣвается въ яркіе, пестрые цвѣта.

Кромѣ красильныхъ соковъ, итальянскія растенія содержатъ въ себѣ и много питательныхъ веществъ. Здѣсь чрезвычайно много фруктовыхъ деревьевъ, служащихъ большимъ подспорьемъ для народнаго продовольствія. Маслина, напримѣръ, въ южномъ хозяйствѣ играетъ немаловажную роль, потому что растительное масло употребляется и для освѣщенія, и въ видѣ мыла для мытья, и для приготовленія множества кушаньевъ. Неплодородный на маслины годъ—здѣсь большое бѣдствіе. Другое дерево, смоковница, имѣетъ также огромное значеніе: плоды его содержатъ сахаръ; ихъ ѣдятъ здѣсь и свѣжими, и сушеными. Каштаны во многихъ мѣстностяхъ главнѣйшая народная пища въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году. Вездѣ, какъ на югѣ Италіи, такъ и на сѣверѣ, растутъ великолѣпные, самые разнообразные фрукты, въ числѣ ихъ столь рѣдкіе въ Европѣ, какъ лимоны и апельсины, и при томъ въ невѣроятномъ изобиліи, такъ что они составляютъ весьма значительный предметъ вывоза. Оливковыя деревья тоже даютъ огромный доходъ, растутъ почти безъ всякаго ухода и въ такомъ количествѣ, что образуютъ цѣлые лѣса, покрывающіе громадныя пространства. На сѣверѣ ихъ замѣняютъ тутовыя рощи (листомъ тутовыхъ деревьевъ питаются шелковичныя гусеницы), дающія возможность вести обширное шелководство. Огромная область въ сѣверной Италіи, Ломбардія, представляетъ сплошное рисовое поле, и нигдѣ въ Европѣ это драгоцѣнное зерно (составляющее въ Азіи единственную пищу цѣлыхъ сотенъ милліоновъ людей) не родится въ такомъ изобиліи, какъ въ Италіи. Одна Сицилія, по богатству своей природы, могла бы прокормить своимъ хлѣбомъ всю Италію. На многочисленныхъ лугахъ страны пасутся несмѣтныя стада быковъ, лошадей и овецъ; такимъ образомъ и для скотоводства Италія представляетъ такія же удобства, какъ и для земледѣлія, виноделія и рыболовства.

Однако, несмотря на роскошную природу, благодатный климатъ, плодороднѣйшую почву, неистощимыя естественныя богатства страны и выгодное географическое по-

ложеніе—съ одной стороны, а съ другой, несмотря на конституціонную форму правленія, которая даровала объединенной Италіи широкую свободу для личной предпріимчивости, свободу слова и совѣсти, итальянскій народъ до сихъ поръ находится въ крайне бѣдственномъ положеніи. Впрочемъ, страна эта во всѣ времена была гнѣздомъ невообразимой нищеты трудящагося народа, получающаго самое скудное вознагражденіе за трудъ. Такъ было не только тогда, когда ее попирали и угнетали разные завоеватели, не только во времена варварства, но и въ періоды высшаго процвѣтанія, когда Италія была центромъ міра. Болѣе того, политическіе успѣхи, объединеніе и достиженіе политическаго могущества, нынче, какъ и въ древности, всегда отзывались пагубно на положеніи народа. Теперь въ Италіи всѣ предметы первой необходимости: хлѣбъ, мясо, вино, стоятъ почти вдвое дороже, чѣмъ стоили до ея освобожденія отъ чужеземнаго ига и до ея объединенія. Точно также и въ древности, когда Римъ, возвысившись своими завоеваніями, создалъ единую Италію, этотъ политическій успѣхъ выразился тѣмъ, что богатѣйшія страны, славившіяся плодородіемъ, многолюдныя мѣстности, застроенныя городами, какъ Кампанья и Этрурія, превратились въ степи и болота, разносящія болѣзни и злокачественныя лихорадки; мѣстности эти и теперь остаются въ томъ же положеніи.

Что бѣдность народа и его безотрадное положеніе не уменьшаются, а увеличиваются и въ настоящее время, видно изъ множества неопровержимыхъ фактовъ и явленій: изъ быстраго роста эмиграціи (выселенія), изъ широкаго развитія разбойничества, которое, несмотря на энергическія мѣры, правительство не можетъ уничтожить; масса преступленій противъ собственности, сильная смертность среди народонаселенія, рѣзкіе признаки вырожденія населенія Италіи, продажа матерями своихъ дѣтей на чужбину, наконецъ, то здѣсь, то тамъ открытое сопротивленіе властямъ среди рабочихъ,—все это достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о тяжкомъ положеніи итальянскаго простолюдина. Главныя причины безотраднаго положенія итальянскаго народа—его прошлая судьба и крупное землевладѣніе.

Прошлое итальянскаго народа оставило глубокіе слѣды и въ его современной жизни. Еще въ 1859 г. на югѣ Италіи господствовали французы, на сѣверѣ—австрійцы, а папа царилъ въ самомъ сердцѣ итальянскаго полуострова—въ Римѣ. Несмотря на различное правленіе, всѣ они, т.-е. и папа, и французы, и австрійцы одинаково стремились прежде всего какъ можно крѣпче упрочить свое владычество въ Италіи, а чтобы утвердить свое господство, они ни передъ чѣмъ не останавливались: убійство изъ-за угла, тюрьма, ссылка, каторга и даже эшафотъ,—все пускали въ ходъ противъ людей, которые мѣшали имъ въ достиженіи этой цѣли. Поэтому они прежде всего считали опасными для себя людей свободомыслящихъ, критику и науку: каждый ученый, даже каждый образованный и много читающій человѣкъ считался опаснымъ, и полиція должна была собирать справки о такихъ людяхъ, дѣлать у нихъ подъ разными предлогами обыски и не упускать ни одного удобнаго случая, чтобы избавиться отъ нихъ, упрятать ихъ въ тюрьму, сослать на каторгу. Наука на всемъ протяженіи полуострова была въ полномъ загонѣ: когда-то блестящіе университеты Рима, Неаполя и другихъ городовъ изъ источника свѣта обратились въ источникъ умственнаго растленія; немногія среднія учебныя заведенія, въ которыхъ обучались молодые люди изъ аристократіи и средняго сословія, находились въ рукахъ монаховъ, которые изгнали изъ нихъ даже преподаваніе родного языка и свели все обученіе на знакомство съ грамматическими тонкостями древнихъ языковъ и католическаго катехизиса. Народная школа была рѣдкостью даже въ большихъ городахъ, а въ деревнѣ о ней не имѣли ни малѣйшаго понятія. Понятно, что всѣ люди

интеллигентные, честные, мыслящіе должны были бѣжать за границу или, оставаясь на родинѣ, наложить на уста печать молчанія. Кромѣ стремленія упрочить свое господство въ Италіи, французское правительство, а также и папа употребляли всѣ усилія, чтобы увеличить свои собственныя средства. Вслѣдствіе этого они налагали на народъ тяжелые налоги, не останавливались ни передъ расхищеніемъ государственнаго имущества и государственной казны, ни передъ лихоимствомъ, ни передъ продажей чиновъ и должностей. Общественныя должности продавались безъ всякаго стѣсненія: изъ чиновъ и наградъ устроили выгодную торговлю, шпіонство и доносы развили до невѣроятныхъ размѣровъ; продажность и подкупъ охватили всѣ классы населенія. Въ судѣ дѣло выигрывалъ не тотъ, кто былъ правъ, но тотъ, кто могъ больше заплатить и кто имѣлъ больше протекціи. Чиновники, судьи, полиція, всѣ стремились превзойти другъ друга въ умѣньѣ нажиться. При такой необезпеченности собственности и личности не было мѣста развитію земледѣлія, промышленности и торговли. Впрочемъ, для упадка торговли были и другія причины: правительство не долюбливало иностранныхъ купцовъ, которые вмѣстѣ съ товарами могли занести въ страну и духъ вольнодумства; оно подозрительно смотрѣло и на тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которые выѣзжали за границу даже съ чисто коммерческими цѣлями; поэтому оно всевозможными способами старалось тормозить заграничную торговлю. Главная причина упадка земледѣлія заключалась въ томъ, что земля уже давно перешла въ руки крупныхъ аристократическихъ фамилій, а сельское населеніе было доведено до совершенной нищеты: у многихъ не было даже своей лачуги. Несмотря на то, что аристократическія фамиліи имѣли въ своихъ рукахъ громадные поземельные участки, общее положеніе вещей было такого сорта, что оно не давало возможности и имъ благоденствовать. Среднее сословіе не могло вести въ значительныхъ размѣрахъ ни торговыхъ, ни промышленныхъ предпріятій, слѣдовательно дѣла громаднаго большинства и этого сословія тоже были далеко не въ блестящемъ положеніи; что же касается простонародья, то оно, кромѣ рѣдкихъ исключеній, терпѣло страшную нужду, выносило тяжелыя лишенія.

Естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія вещей было, съ одной стороны, непроходимое невѣжество, а съ другой — совершенное отсутствіе какой бы то ни было возможности жить личнымъ трудомъ. У большинства крестьянъ не было своей земли; между тѣмъ вслѣдствіе полнѣйшаго упадка земледѣлія, промышленности и торговли найти работу было чрезвычайно трудно, а за ту, которая попадалась, платили такъ мало, что на заработокъ невозможно было существовать. Для итальянскаго простонародья оставался одинъ только выходъ—нищенство. И дѣйствительно, нищенство въ Италіи развилось и практикуется до сихъ поръ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Но существовать нищенствомъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ всѣ были нищіе, оказывалось тоже невозможнымъ; пришлось искать уже другихъ средствъ. Нашлись и эти средства: для итальянскаго крестьянина—разбойничество, для городскаго жителя—воровство и вымогательство угрозой и силой. Вотъ почему Италія уже давно сдѣлалась страной разбоя, а итальянскіе города гнѣздомъ воровъ, мошенниковъ и нищихъ.

Наступилъ переворотъ: изгнаны австрійцы и французы, но, что еще несравненно важнѣе,—въ 1870 г. папа, глава католическаго міра, былъ лишенъ свѣтской власти, и Римъ сдѣлался столицею Италіи. Этотъ переворотъ оказалъ громадное вліяніе на судьбу всей Европы, а тѣмъ болѣе на политическое положеніе Италіи. Но чтобы это понять, необходимо знать, для чего итальянцы стремились къ объединенію. Прежде всего они не хотѣли, чтобы у нихъ, въ ихъ странѣ, распоря-

жались иностранцы. Къ объединенію подъ управленіемъ одного общаго, національнаго правительства они стремились также и ради того, чтобы быть сильнѣе въ государственномъ отношеніи и такимъ образомъ легче отстаивать свою національную независимость отъ покушеній на нее другихъ народовъ. И дѣйствительно, положеніе Италіи становится съ тѣхъ поръ совсѣмъ инымъ, чѣмъ оно было тогда, когда страна была раздроблена и управлялась различными правителями. Нынѣшняя Италія, то-есть Италія послѣ объединенія,—великая держава; она старается стоять не только на равной ногѣ съ Австріей, которая еще такъ недавно по своему усмотрѣнію распоряжалась на сѣверѣ этой страны, но и съ Германіей, самой грозной военной державой въ Европѣ. Теперь Италія не только не заискиваетъ у Франціи, не смѣя шагу ступить безъ ея позволенія, какъ то было еще недавно, но можетъ даже и вступить съ ней въ войну, когда это она найдетъ для себя необходимымъ. Теперь у Италіи готова къ бою огромная армія, у нея большой военный флотъ, — все это плоды ея объединенія. Вслѣдъ за объединеніемъ превозглашено было новое государственное устройство, при которомъ дарованы были итальянцамъ свобода мысли и совѣсти, свобода печати, сборищъ и общественной дѣятельности. Новый политическій строй обновилъ всѣ сферы умственной, торговой и промышленной дѣятельности; итальянскіе университеты ожили; итальянская печать и наука считаются теперь не послѣдними въ западно-европейскомъ мірѣ; прежній произволъ сильно ослабѣлъ. Неистощимыя естественныя богатства почвы и преимущества географическаго положенія дали возможность оживить упавшую торговлю и промышленность. Но это обновленіе не сдѣлало итальянскій народъ болѣе счастливымъ; онъ успѣлъ еще до объединенія такъ обнищать, что ему трудно поправиться, тѣмъ болѣе что налоги, подати, различные поборы и теперь все увеличиваются; наконецъ, одна изъ главнѣйшихъ причинъ его бѣдности, крупное землевладѣніе, попрежнему остается во всей силѣ.

За послѣднія двадцать пять лѣтъ нищета народа и всевозможныя затрудненія правительства, особенно денежныя, все усиливаются. Несмотря на то, что Италія считается теперь великой державой, трудно представить, до чего плохи ея денежныя дѣла! Денегъ не хватаетъ на самыя необходимыя государственныя нужды, а потому итальянское правительство, чтобы хотя временно выпутаться изъ своего затруднительнаго положенія, чрезмѣрно облагаетъ народъ податями и налогами. Всѣ государственныя имущества, желѣзныя дороги, все, что иностранные капиталисты, давая въ заемъ деньги итальянскому правительству, сочли необходимымъ взять въ обезпеченіе, отдано имъ. Соль, хлѣбъ, все находится въ рукахъ иностранцевъ, и въ то же время все это обложено высокой пошлиной. Несмотря на обременительные налоги и пошлины, тяжесть которыхъ особенно чувствительно отзывается на простонародьѣ, нужды государства требуютъ все новыхъ расходовъ и затратъ; между тѣмъ государственныя процентныя бумаги падаютъ въ цѣнѣ, сельское хозяйство ухудшается съ каждымъ годомъ, все болѣе остается въ странѣ невоздѣланныхъ земель,—однимъ словомъ, національное богатство Италіи идетъ быстро къ упадку. При такомъ безотрадномъ положеніи вывозъ произведеній за границу сокращается, количество работъ уменьшается, и вслѣдствіе этого число безработныхъ, а слѣдовательно нищихъ, все увеличивается. Масса безработныхъ людей, оставшись безъ дѣла и куска хлѣба, толпами расхаживаетъ по улицамъ многочисленныхъ городовъ и отъ времени до времени съ угрозами требуетъ работы и хлѣба.

Положеніе дѣлъ въ Италіи и судьба ея народа послѣ переворота 1870 г. ухудшились прежде всего потому, что объединеніе Италіи и освобожденіе ея отъ ино-

странцевъ стоили государству громадныхъ денегъ. Еще въ 1866 г. этой странѣ пришлось вести войну съ австрійцами, затѣмъ необходимо было много разъ усмирять разбойничество на югѣ, подавлять мятежи въ различныхъ частяхъ страны; кромѣ того, обстоятельства заставили Италію перенести столицу изъ Турина сначала во Флоренцію, а потомъ въ Римъ. Но это еще далеко не все: итальянскому правительству, за послѣдніе годы, пришлось сдѣлать множество затратъ на дорогія желѣзнодорожныя сооруженія, но еще болѣе истощаетъ она свою казну громадными тратами на увеличеніе арміи. Въ 1883 г. Италія присоединилась къ союзу съ Австріей и Германіей противъ Франціи и Россіи, отчего этотъ союзъ получилъ названіе «тройственнаго». Вотъ потому-то, что Италія участвуетъ въ союзѣ съ Германіей и Австріей, ей приходится содержать несравнено большее количество войска, и всѣ эти причины въ высшей степени разстраиваютъ ея государственное хозяйство. Откуда же правительству было взять массу денегъ на всѣ эти расходы? Ему приходилось и приходится постоянно занимать деньги у иностранныхъ капиталистовъ, такъ что сумма государственныхъ долговъ — громадна и все растетъ и растетъ. Одна уплата процентовъ по этимъ громаднымъ долгамъ заставляетъ правительство постоянно увеличивать налоги. Дефицитъ государства увеличивается чрезвычайно быстро: въ 1887 г. онъ простирался до 8 милл.; въ 1888 г. онъ дошелъ до 13 милліон., въ 1889 г. до 113 милл., а въ 1895 г. онъ превышалъ уже 155 милліоновъ лиръ (1 лира почти то же, что одинъ франкъ), и для покрытія его правительство опять предлагаетъ увеличить налоги на 90 милл. Увеличивать налоги даже и теперь, когда итальянскій народъ давнымъ-давно изнемогаетъ подъ ихъ бременемъ и дошелъ уже до полной нищеты! Эта нищета народа, отсутствіе заработка у очень многихъ, тяжелые налоги выражаются, между прочимъ, и въ вѣчныхъ волненіяхъ и смутахъ въ различныхъ мѣстностяхъ Италіи, но чаще всего въ Сициліи. Сицилійскія волненія отъ времени до времени такъ серьезны, что для ихъ подавленія приходится посылать огромныя войска, а затѣмъ объявлять осадное положеніе. Подавленіе такъ часто повторяющихся возстаній, введеніе осаднаго положенія, — все это еще больше разоряетъ народъ и вызываетъ новыя затраты въ этой странѣ, и безъ того находящейся наканунѣ полнаго государственнаго банкротства. У итальянскаго правительства не только не хватаетъ средствъ выплачивать свои долги, но и проценты по нимъ. Мало того, когда приходится думать о новыхъ займахъ, теперь уже очень трудно подыскать иностранную державу или банкировъ, у которыхъ можно было-бы сдѣлать новый заемъ: чуть не всѣ источники государственныхъ доходовъ уже отданы въ залогъ подъ различные займы; а безъ залога едва-ли кто-нибудь въ будущемъ будетъ снабжать деньгами итальянское правительство. Слѣдовательно, при необходимости выпутаться изъ того или другого денежнаго затрудненія, всѣ надежды правительству приходится возлагать на налоги, но итальянскій народъ, вслѣдствіе ихъ тяжести и своей нищеты, началъ массами выселяться въ чужія страны. Бѣдность народа такъ велика, что онъ все болѣе съуживаетъ свои потребности, уменьшаетъ потребленіе предметовъ первой необходимости: за послѣдніе годы потребленіе въ Италіи муки, риса, керосину и сахару сильно уменьшилось. Всѣ изслѣдованія объ итальянскихъ крестьянахъ показываютъ, что они получаютъ несравненно меньшее вознагражденіе за свой трудъ, питаются хуже, живутъ бѣднѣе и менѣе развиты умственно, чѣмъ англійскіе земледѣльцы. Между тѣмъ Италія, въ противоположность Англіи, все еще является гораздо болѣе земледѣльческою, чѣмъ промышленною страною.

Однако, несмотря на то, что Италія страна земледѣльческая, обработка земли совершается въ ней самымъ первобытнымъ способомъ. Болѣе всего сѣютъ пшеницы,

затѣмъ самыя большія пространства заняты виноградниками, потомъ—маисомъ (кукурузою), который составляетъ главную пищу народа, затѣмъ засѣвается рожь, ячмень, овесъ, разводятъ хлопчатникъ, оливки, каштаны. Средній урожай въ Италіи гораздо ниже, чѣмъ въ большей части другихъ западно-европейскихъ странъ. Этотъ низкій средній урожай, въ столь благословенной странѣ, какъ Италія, происходитъ прежде всего оттого, что почва обрабатывается крайне плохо: поля вспахиваются на назначительную глубину, и земледѣльческія орудія остались тѣ же, что были и много столѣтій тому назадъ. О новыхъ усовершенствованныхъ орудіяхъ громадное большинство итальянскихъ крестьянъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Только въ очень немногихъ крупныхъ помѣстьяхъ примѣняются сельско-хозяйственныя машины. Искусственное удобреніе почти не примѣняется, да и обыкновеннаго удобренія кладутъ очень мало, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и совсѣмъ обходится безъ него. Такимъ же первобытнымъ образомъ идетъ дѣло и въ другихъ отрасляхъ, связанныхъ съ земледѣліемъ. И выдѣлка вина, и приготовленіе оливковаго масла, такъ же, какъ и уходъ за виноградниками и оливковыми деревьями, производится старыми способами и крайне небрежно. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ богатые помѣщики живутъ въ своихъ помѣстьяхъ, серьезно занимаются своимъ хозяйствомъ, примѣняютъ въ своихъ земляхъ усовершенствованные способы земледѣлія, они подаютъ примѣръ и крестьянамъ, которые мало-по-малу перенимаютъ у нихъ способъ обработки земли, прибѣгаютъ къ сельско-хозяйственнымъ машинамъ. Ничего этого нѣтъ въ Италіи. Несмотря на то, что здѣсь много крупныхъ собственниковъ и богатыхъ землевладѣльцевъ, несмотря на то, что здѣсь существуютъ и помѣщики средней руки, лишь въ самыхъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ нѣкоторые изъ нихъ серьезно занимаются своимъ хозяйствомъ. Громадное большинство здѣшнихъ землевладѣльцевъ, люди мало образованные, пустые и бездѣльные, никогда не занимаются своимъ хозяйствомъ, о чемъ уже было говорено выше, въ очеркѣ «итальянская аристократія». То обстоятельство, что крупные итальянскіе землевладѣльцы, кто бы они ни были—аристократы, купцы или фабриканты, пріобрѣвшіе большія помѣстья, не живутъ въ нихъ, не тратятъ своихъ доходовъ на деревню, а прожигаютъ жизнь за-границею, уже достаточно краснорѣчиво говоритъ о томъ, что земледѣліе и сельское хозяйство Италіи не могутъ процвѣтать. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ крупные землевладѣльцы большую часть жизни проводятъ въ деревнѣ, какъ, напримѣръ, въ Англіи, уже одно это чрезвычайно вліяетъ на обогащеніе деревень. И это понятно: проживая въ своихъ помѣстьяхъ, помѣщики невольно заботятся о томъ, чтобы деревенскія дороги были исправны, расчищаютъ лѣса и жалкіе пустыри, высушиваютъ болота, возводятъ различныя постройки, поправляютъ изгороди,—все это улучшаетъ мѣстность, очищаетъ воздухъ, даетъ заработокъ мѣстному населенію, хорошія же дороги облегчаютъ ему возможность возить въ городъ на продажу свои сельскія сбереженія. Однимъ словомъ, тамъ, гдѣ богатые землевладѣльцы живутъ въ своихъ помѣстьяхъ, большая часть ихъ доходовъ идетъ на обогащеніе деревень и простонародья; въ Италіи же, наоборотъ, всѣ доходы дворянъ и богачей идутъ на города, а въ большинствѣ случаетъ и совсѣмъ не остаются на родинѣ. Главное стремленіе здѣшнихъ крупныхъ землевладѣльцевъ—получить съ своей земли какъ можно больше дохода, не затрачивая на нее никакого капитала, не подвергая себя риску. Поэтому, громадное большинство здѣшнихъ землевладѣльцевъ или подъ надзоромъ управляющихъ обрабатываетъ свои земли, или отдаетъ ихъ въ аренду крупнымъ арендаторамъ, а то и крестьянамъ на самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, но въ большинствѣ случаевъ за половину урожая.

Здѣшніе землевладѣльцы считаютъ наиболѣе выгоднымъ для себя сдавать свою землю въ аренду на чистыя деньги и при томъ крупнымъ арендаторамъ, которые не что иное, какъ спекулянты. Они арендуютъ громадныя земли (иногда по 10 и даже по 15-ти тысячъ десятинъ), живутъ богато, въ роскошныхъ домахъ и принимаютъ въ то же время участіе въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ или въ какихъ-нибудь другихъ спекуляціяхъ. Конечно, такіе люди никогда не задумываются надъ тѣмъ, улучшится-ли отъ ихъ хозяйничанья земля, которую они арендуютъ, и какъ это отзывается на судьбѣ земледѣльцевъ. Единственная цѣль, которую они преслѣдуютъ,— вернуть съ наибольшими барышами сумму уплачиваемой ими аренды. Въ иныхъ случаяхъ имъ кажется, что они скорѣе всего достигнутъ желаемаго, сокративъ площадь пахоты, и, если только дозволяетъ контрактъ съ помѣщикомъ, они не задумываются исполнить свое желаніе, несмотря на то, что этимъ въ концѣ концовъ обезцѣнивается хозяйство. Очень часто они находятъ для себя наиболѣе удобнымъ раздробить огромную площадь арендуемой ими земли на части и раздать ее по кускамъ болѣе мелкимъ арендаторамъ, которые, въ свою очередь, каждый такой кусокъ земли снова дѣлятъ на части и раздаютъ въ аренду крестьянамъ. Но, какъ бы ни отдавалась въ аренду земля,—большими участками, или самыми ничтожными, — ни землевладѣльцы, ни крупные арендаторы, ни мелкіе, которыми являются крестьяне, никто изъ нихъ не дѣлаетъ ни малѣйшихъ улучшеній въ сельскомъ хозяйствѣ, да это и невозможно, такъ какъ поземельная собственность въ Италіи и сельско-хозяйственное производство (т.-е. все, что даетъ земля и сельское хозяйство) страшно обременены налогами. Въ то время, какъ во Франціи взимается со всего, что даетъ земля, лишь около десятой части чистаго дохода, въ Италіи налоги, падающіе на землю, втрое больше, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они доходятъ до половины чистаго дохода, иногда даже и больше. Кромѣ того, землевладѣльцамъ приходится еще вносить платежи въ различныя общества: дорожныя, водопроводныя, страховыя и другія. При такихъ налогахъ не только мелкимъ, но даже и крупнымъ землевладѣльцамъ трудно вводить на своей землѣ какія бы то ни было усовершенствованія. Тяжелые налоги и плохое, первобытное хозяйство дѣлаютъ то, что здѣшніе помѣщики, сравнительно съ землевладѣльцами другихъ странъ, получаютъ ничтожные доходы. Хотя очень рѣдко и лишь въ исключительныхъ случаяхъ, но и въ Италіи среди крупныхъ землевладѣльцевъ попадаются иногда люди образованные и разумные, которые признаютъ необходимость улучшать свое хозяйство, замѣнять старые плуги новыми, усиливать удобреніе полей, увеличивать количество скота, улучшать его породу; нѣкоторые изъ нихъ пробовали даже кое-что дѣлать въ этомъ отношеніи, но они немедленно должны были отказываться отъ своихъ нововведеній. Затраты, которыя имъ приходилось дѣлать на хозяйство, обременяли ихъ помѣстья такими громадными долгами, что не давали имъ возможности вести дѣло далѣе въ томъ же духѣ, и въ концѣ концовъ имъ приходилось продавать свои земли. Нужно замѣтить, что здѣсь вообще безпрестанно продаются за недоимки какъ земли крупныхъ землевладѣльцевъ, такъ и мелкіе земельные участки крестьянъ.

Вслѣдствіе плохой обработки земли, скуднаго удобренія и первобытнаго хозяйства урожай въ Италіи, сравнительно съ другими европейскими странами, весьма незавидный. Въ гористыхъ мѣстностяхъ урожай покрываетъ только издержки производства и считается хорошимъ, когда онъ даетъ 5 процентовъ барыша; въ болѣе счастливыхъ мѣстностяхъ Италіи онъ приноситъ отъ 10 до 12 процентовъ. При такомъ доходѣ только крупныя имѣнія могутъ обезпечивать землевладѣльцевъ; даже земельные участки среднихъ размѣровъ едва даютъ возможность вести сколько-нибудь

сносное существованіе; крестьяне же, владѣющіе мелкими клочками земли, уже совсѣмъ не могутъ прокармливаться съ своихъ участковъ.

Италія — страна преимущественно крупнаго землевладѣнія: большая часть земель представляетъ обширныя помѣстья, которыя принадлежатъ или знатнымъ княжескимъ фамиліямъ, или богачамъ и фабрикантамъ, купившимъ громадныя земли. Изъ $30^1/_2$ милліоновъ жителей въ Италіи приблизительно около 9-ти милліоновъ душъ обоего пола причисляются къ земледѣльческому классу; но изъ нихъ землевладѣльцевъ всего лишь 1.600.000. Земельная собственность этихъ землевладѣльцевъ чрезвычайно различна: богатые фабриканты и аристократы пользуются собственностью отъ 500 до 7-ми тысячъ десятинъ, а иногда еще и большимъ количествомъ земли, но очень крупныхъ землевладѣльцевъ мало, зато здѣсь чрезвычайно много крестьянъ, владѣющихъ крошечными клочками земли. Когда иному мелкому землевладѣльцу-крестьянину приходится съ аукціона продавать за долги свой крошечный клочекъ, онъ зачастую получаетъ за него 8, 7, а то и 3 р.; но здѣсь множество земельныхъ участковъ и еще болѣе мелкихъ, на которыхъ растетъ лишь 5—6 оливковыхъ деревьевъ. А между тѣмъ и такіе жалкіе землевладѣльцы тоже считаются здѣсь собственниками. Крестьянинъ, который имѣетъ десять - одиннадцать десятинъ земли, уже считается здѣсь крупнымъ собственникомъ, между тѣмъ какъ доходъ даже съ такого сравнительно большого участка не вполнѣ можетъ обезпечить существованіе многочисленной семьи крестьянина. Изъ доходовъ съ своей земли крестьянину необходимо не только прокормить круглый годъ свою семью, но выплатить всѣ подати, налоги, массу самыхъ разнообразныхъ взносовъ и поборовъ. Въ неурожайный годъ даже крупному землевладѣльцу изъ крестьянъ, владѣющему 10—11 десятинами, не приходится продавать произведеній своей земли, но даже и въ урожайный годъ онъ никогда не можетъ сбыть ихъ по настоящей цѣнѣ. Дороги въ Италіи чрезвычайно плохи, доставка сельскихъ сбереженій куда-нибудь подальше требуетъ большихъ расходовъ и большой потери времени въ рабочую пору, а потому крестьянинъ и продаетъ весь свой остатокъ особымъ торговцамъ, которые спеціально занимаются скупкою всѣхъ сельскихъ произведеній. Эти скупщики стараются заплатить крестьянину подешевле, чтобы самимъ выручить барышъ побольше. Понятно, что тотъ, кто владѣетъ меньшимъ количествомъ земли, совсѣмъ не можетъ прокормиться съ своего участка, такъ какъ въ Италіи со всего—съ убитой скотины, за помолъ хлѣба, съ очага, съ семьи, — за все берутъ пошлины и налоги; все, кромѣ воздуха, обложено ими.

Раздробленность крестьянской собственности на слишкомъ мелкіе участки является однимъ изъ величайшихъ бѣдствій здѣшнихъ крестьянъ-собственниковъ. Между тѣмъ это дробленіе земли на все болѣе мелкіе участки постоянно съ годами увеличивается. Главною причиною этого являются раздѣлы между наслѣдниками. Здѣшніе крестьяне съ большою любовью, можно сказать даже съ благоговѣніемъ, относятся къ своей землѣ. Если кому-нибудь изъ нихъ, совершенно исключительному счастливцу, и удастся скопить 10—15 рублей, онъ тотчасъ прикупаетъ себѣ крошечный клочекъ земли; въ большинствѣ же случаевъ крестьянину приходится за долги продавать свою собственность. Но если онъ дожилъ до старости и у него уцѣлѣла маленькая собственность, онъ дѣлитъ ее поровну между всѣми сыновьями. И вотъ, человѣкъ, обладающій 6—7 десятинами земли, состоящей изъ луга, пахоты и каштановаго лѣса, дѣлитъ всю эту собственность между двумя, тремя, а то и четырьмя своими сыновьями, которые становятся собственниками уже совсѣмъ небольшихъ земельныхъ участковъ. Можно себѣ представить, какъ при такой раздробленности

земли бѣдствуютъ здѣшніе мелкіе собственники-крестьяне. Существовать на средства, получаемыя съ маленькаго участка, совсѣмъ нѣтъ возможности, а между тѣмъ здѣсь чрезвычайно много такихъ крестьянъ-землевладѣльцевъ, у которыхъ не больше одной грядки. Если такой мелкій собственникъ не желаетъ умереть съ голода, ему приходится или заниматься заработкомъ на сторонѣ, или принанимать землю у сосѣдняго владѣльца.

Вторую группу земледѣльческаго люда составляютъ половники, — ихъ почти столько же въ Италіи, сколько и крестьянъ-собственниковъ. Половникъ беретъ въ аренду полосу земли, обрабатываетъ ее и затѣмъ весь урожай дѣлитъ пополамъ съ землевладѣльцемъ или съ фермеромъ, у котораго онъ заарендовалъ землю. Когда урожай полученъ, половникъ оказывается въ такомъ положеніи: по обычаю ему слѣдуетъ половина урожая, но, въ дѣйствительности, онъ никогда этого не получаетъ, такъ какъ изъ своей части онъ обязанъ выплатить за ссуду сѣмянъ; изъ нея же онъ уплачиваетъ и часть налоговъ въ пользу государства. Въ концѣ концовъ у половника остается на рукахъ лишь одна четверть урожая.

Половникъ—не самостоятельный хозяинъ на арендуемой имъ землѣ: онъ не можетъ, какъ ему вздумается, обрабатывать ее и засѣвать. Землевладѣлецъ или крупный арендаторъ, отдавая ему въ аренду полосу земли, указываетъ, какъ онъ долженъ ее обработать и чѣмъ засѣять. При хорошемъ урожаѣ половникъ еще пробивается кое-какъ хотя половину года, но въ неурожайный годъ его часть оказывается уже столь незначительною, что не можетъ поддержать его семьи и въ продолженіе двухъ, трехъ мѣсяцевъ въ году. Въ такихъ случаяхъ онъ задолго до новаго урожая начинаетъ все болѣе должать своему землевладѣльцу, фермеру или ростовщику, продаетъ свое маленькое хозяйственное обзаведеніе, наконецъ, даже свое послѣднее достояніе—мула или осла, который дѣлитъ съ крестьяниномъ всѣ его труды и заботы и служитъ единственнымъ сокровищемъ его дѣтей. Въ концѣ концовъ половникъ дѣлается неоплатнымъ должникомъ. Распродать все свое ничтожное имущество и сдѣлаться рабомъ и неоплатнымъ должникомъ ростовщика—дѣло обыкновенное и случается здѣсь со многими мелкими землевладѣльцами и съ половниками. И это понятно: какъ тѣмъ, такъ и другимъ не съ чѣмъ обыкновенно начать самое скромное хозяйство и приходится дѣлать займы за громадные проценты. Если крестьянинъ на короткій срокъ занимаетъ 10 руб., то онъ долженъ заплатить 20 руб. (100%). Положеніе половниковъ нѣсколько лучше только въ Тосканской области: здѣсь, по крайней мѣрѣ, имъ не приходится платить изъ своей половины государственныхъ повинностей,—по обычаю ихъ уплачиваютъ землевладѣльцы.

Какъ ни плохо положеніе мелкихъ собственниковъ и половниковъ, но все же оно несравненно лучше горе-горькой участи поденщиковъ. Эти поденщики—пролетаріи (нищіе) въ полномъ смыслѣ слова; они не только не имѣютъ ни клочка земли, но и никакой собственности. Этихъ несчастныхъ въ Италіи чрезвычайно много, а именно, ихъ насчитываютъ болѣе 3 милліоновъ человѣкъ. Положеніе поденщиковъ, этого огромнаго безземельнаго класса людей въ Италіи, просто ужасно. Населеніе въ Италіи распредѣлено крайне неравномѣрно: рядомъ съ мѣстностями, переполненными народомъ, находятся почти пустынныя пространства. Если въ мѣстности, густо населенной, требуются рабочія руки поденщиковъ, ихъ всегда является такое множество, что они тотчасъ же сбиваютъ плату. Нужно замѣтить, что въ этой странѣ повсемѣстно существуетъ меньше работы, чѣмъ требуется для громадной массы желающихъ ее получить. При этомъ, вмѣстѣ съ поденщиками, вполнѣ безземельными, является искать поденной работы и множество мелкихъ собственниковъ, такъ какъ

ихъ не могутъ прокармливать ихъ крошечные клочки земли. Плата итальянскимъ земледѣльческимъ рабочимъ такъ разнообразна въ различныхъ мѣстностяхъ страны, какъ нигдѣ; притомъ эта плата мало характеризуетъ положеніе итальянскаго рабочаго люда, среди котораго такое множество безработныхъ. Тѣмъ не менѣе заработная плата въ среднемъ приблизительно отъ 37 до 55 к. въ день на наши деньги, 20—30 к.—для женщины, отъ 5 до 20 к.—для подростковъ, и при этомъ—безъ харчей, стоимость которыхъ высчитывается изъ ихъ же платы. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что почти ни одному поденщику не удается получать круглый годъ даже и эту жалкую плату. Громадное большинство ихъ сидитъ безъ работы по полугоду, другіе получаютъ ее 40—50 дней въ году, а есть и такіе, которые насилу добиваются имѣть ее въ продолженіе нѣсколькихъ дней. До чего много желающихъ получить поденную работу, это можно видѣть на городскихъ рынкахъ, куда они приходятъ толпами, ожидая по цѣлымъ днямъ нанимателей. Такъ какъ земледѣльческое населеніе южной Италіи скучено въ городахъ, то мѣсто работы обыкновенно находится далеко отъ рынка, и при жалкомъ заработкѣ имъ еще приходится дѣлать огромное путешествіе для этой работы. Многихъ, однако, нанимаютъ и понедѣльно; такіе рабочіе ночуютъ на мѣстѣ работы, обыкновенно подъ открытымъ небомъ и въ лучшихъ случаяхъ—въ шалашахъ изъ соломы. Часть безземельныхъ рабочихъ идетъ въ батраки на круглый годъ къ землевладѣльцамъ и фермерамъ. Но этихъ батраковъ, круглый годъ обезпеченныхъ кровомъ и пищею, несравненно меньше, чѣмъ поденщиковъ, которымъ ежедневно приходится думать о томъ, будетъ-ли у нихъ завтра обѣдъ и ночлегъ. И это понятно, такъ какъ громадное большинство безземельныхъ страдаетъ болѣе всего безработицею. Да и какъ имъ не страдать отъ этого, когда въ этой странѣ такое огромное количество запущенныхъ пространствъ земли, такъ много болотъ! Усиливаютъ безработицу и столь часто повторяющіяся здѣсь изверженія и землетрясенія: все, что пріобрѣтетъ человѣкъ путемъ долгихъ лишеній,—жилище, скотъ,—все это онъ теряетъ нерѣдко въ одну ночь, даже въ нѣсколько минутъ. Несчастный, который сегодня потерялъ все свое имущество, у котораго изъ-подъ ногъ исчезла даже земля, въ другой странѣ могъ бы найти заработокъ на фабрикѣ, но въ Италіи крупная промышленность развита весьма слабо и, сравнительно съ населеніемъ, даетъ заработокъ небольшому числу рукъ.

Недостатокъ заработка, вѣчная нищета и лишенія сильно развиваютъ среди земледѣльческихъ классовъ воровство на поляхъ въ крупныхъ помѣстьяхъ. Поденщики и мелкіе землевладѣльцы такъ привыкли къ этому, что совсѣмъ не стыдятся воровства и смотрятъ на него, какъ на маленькое подспорье въ своемъ нищенскомъ хозяйствѣ. Это воровство въ сѣверныхъ и центральныхъ частяхъ Италіи переходитъ на югѣ прямо въ разбой.

Земледѣльческій трудъ въ Италіи, сравнительно съ такимъ же трудомъ въ другихъ странахъ, можно считать чрезвычайно тяжелымъ и изнурительнымъ. Отчасти въ центрѣ страны, но особенно на югѣ, не существуетъ деревень: земледѣльческіе рабочіе такихъ мѣстностей живутъ въ городахъ. Этимъ, живущимъ въ городахъ земледѣльцамъ приходится отправляться на работу не только за двѣ, за три версты, но иной разъ за пятнадцать, даже за двадцать верстъ, терять по два дня въ недѣлю для перехода туда и обратно и во время работы спать и жить подъ открытымъ небомъ. Усиливаетъ тяжесть труда и истощающая жара, которая такъ затрудняетъ полевыя работы и въ этой странѣ томитъ нерѣдко по три-четыре мѣсяца сряду. А сколько горя и болѣзней испытываютъ земледѣльческіе рабочіе въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Римская Кампанья, Понтійскія болота и др.!

Вотъ это-то безвыходное положеніе земледѣльческихъ рабочихъ и поденщиковъ заставило наконецъ правительство обратить на нихъ серьезное вниманіе. На обсужденіе парламента внесенъ проектъ объ обязательномъ надѣлѣ крестьянъ землею. Если парламентъ утвердитъ проектъ и онъ получитъ силу закона, тогда правительство скупитъ земли у частныхъ лицъ, нарѣжетъ надѣлы безземельнымъ крестьянамъ, которые въ продолженіе 25-ти лѣтъ должны будутъ за этотъ надѣлъ выплачивать извѣстную сумму, послѣ чего они сдѣлаются полными собственниками этихъ земельныхъ участковъ. Этимъ способомъ хотятъ предотвратить все увеличивающуюся нищету народа и привязать его къ землѣ. Но скоро ли осуществится эта реформа, еще неизвѣстно.

Теперь, когда читатели познакомились съ положеніемъ земледѣльцевъ и съ земледѣліемъ, поговоримъ о другихъ занятіяхъ народа, болѣе или менѣе связанныхъ съ земледѣліемъ.

На сѣверѣ Италіи, кромѣ обработки земли подъ пшеницу и разведенія фруктовыхъ деревьевъ, чрезвычайно много *рисовыхъ плантацій*. Работа на нихъ въ высшей степени тяжелая и нездоровая. Рисъ растетъ только на мокрой почвѣ, такъ такъ что при уборкѣ его рабочимъ приходится стоять по щиколодку въ водѣ, дышать вредными, болотистыми испареніями, подъ палящимъ солнечнымъ жаромъ. Ни одинъ рабочій не уходитъ съ этой работы безъ страшной лихорадки. Можно было-бы ожидать, что при такихъ обстоятельствахъ работа эта хорошо вознаграждается и даетъ возможность хотя порядочно питаться. На дѣлѣ выходитъ совсѣмъ иное. Во всей сѣверной Италіи рабочій питается исключительно кукурузой, рѣдко употребляя въ пищу пшеницу и рисъ, которые онъ самъ воздѣлываетъ. Зато кукуруза требуетъ отъ него мало ухода и даетъ хорошій урожай, но она доставляетъ крайне тяжелую, неудобоваримую, непитательную и часто даже ядовитую пищу.

Шелководство существуетъ въ Италіи еще съ среднихъ вѣковъ; имъ занимаются преимущественно капиталисты, но это дѣло такое простое и несложное, что оно поддерживаетъ и многихъ крестьянъ. Для этого стоитъ только купить небольшое количество сѣмени, которое продается картонами, т.-е. кусками папки, покрытыми яичками червя. Такой картонъ, смотря по количеству сѣмени, стоитъ рублей 18 и дороже, но можно купить полъ, четверть и даже восьмую часть картона, — стало быть денежная затрата не велика. Затѣмъ необходимо имѣть тутовыя деревья, которыя обыкновенно растутъ у домовъ и по всѣмъ дорогамъ и полямъ. Если своихъ тутовыхъ деревьевъ нѣтъ или не хватаетъ для прокормленія шелковичныхъ червей, то за нихъ надо платить по 40 коп. за дерево. Черви выходятъ въ началѣ апрѣля, когда начинаютъ распускаться листья, и въ первое время, пока они очень малы, они требуютъ мало мѣста и ухода. Но уже съ третьей недѣли, при непомѣрно быстромъ ростѣ ихъ и такомъ же быстромъ увеличеніи аппетита, начинается тяжелый трудъ. Въ послѣднихъ періодахъ своего развитія черви требуютъ для себя много мѣста, такъ что для хорошаго вывода одного только картона червей нужна большая комната. По стѣнамъ ея устраиваютъ плетеныя полки, на которыхъ и помѣщаютъ червей. Съ каждымъ днемъ приходится все чаще кормить червей и при этомъ каждый разъ все больше приносить имъ тутовыхъ листьевъ. Если былъ дождь, листья необходимо просушить и, кромѣ того, еще каждый изъ нихъ тщательно вытереть, прежде чѣмъ подавать ихъ червямъ. Въ послѣднемъ періодѣ жизни червей ихъ нужно кормить съ 4-хъ часовъ утра до полуночи, каждые два-три часа. При этомъ нужно постоянно поддерживать большую чистоту въ помѣщеніи, гдѣ ихъ приходится держать. Нѣсколько разъ въ день нужно чистить ихъ полки самымъ тщательнымъ об-

разомъ, такъ какъ на нихъ безпрестанно накопляются нечистоты отъ червей. Помѣщеніе, гдѣ они развиваются, не только должно быть просторно, но и провѣтриваемо какъ можно чаще; въ случаѣ холодной погоды, въ комнатѣ приходится топить каминъ. Когда, наконецъ, черви начинаютъ дѣлать коконы, надо подкладывать имъ вѣтки и стружки, тщательно наблюдая, чтобы они не перепутывали своихъ нитей. Все это, конечно, такъ и дѣлается у капиталистовъ, занимающихся этимъ производствомъ въ обширныхъ размѣрахъ. Для ухода за червями они нанимаютъ женщинъ и дѣтей: первыя ходятъ за ними, а вторыя собираютъ и приготовляютъ листья. Самая большая плата за это женщинамъ—по 40 к. въ день, а дѣтямъ половина этого; но этою работою они заняты отъ 4-хъ часовъ утра до полуночи. При надлежащемъ уходѣ за червями это производство чрезвычайно выгодно, особенно если есть свои тутовыя рощи и своя шелкопрядильня, такъ что продукты сбываются уже въ видѣ шелка-сырца, а не въ видѣ коконовъ. Еще выгоднѣе производить сѣмя, несмотря на большой привозъ его изъ Японіи. Сѣмя, полученное въ Италіи, даетъ червей болѣе выносливыхъ, а коконы изъ него крупнѣе и тяжелѣе японскихъ. Но эта работа очень трудная, продолжительная и требующая спеціальныхъ знаній, такъ какъ чтобы опредѣлить, какого качества сѣмя, его нужно разсматривать въ микроскопъ. Картоны извѣстныхъ добросовѣстныхъ итальянскихъ производителей цѣнятся даже дороже японскихъ.

Крестьяне, конечно, не могутъ вести дѣло вышеописаннымъ образомъ. Воспитаніемъ червей въ крестьянскихъ семьяхъ преимущественно занимаются женщины. Купивъ небольшую часть картона, смотря по своимъ средствамъ, крестьянка выводитъ и содержитъ червей въ собственной постели и въ постеляхъ своихъ домашнихъ, въ тѣснотѣ и духотѣ, при чемъ конечно дѣлаетъ все сама, съ помощью своихъ маленькихъ дѣтей. Если все идетъ благополучно и цѣна на коконы высока, она, при незначительной затратѣ, за свой двухмѣсячный трудъ вмѣстѣ съ своими дѣтьми получитъ до 75 руб. Но доходъ этотъ въ высшей степени ненадежный, такъ какъ при духотѣ и нечистотѣ жилища крестьянки, при неудобномъ помѣщеніи червей, они часто заболѣваютъ и умираютъ, притомъ всегда почти въ концѣ своего развитія, такъ что весь тяжелый, изнурительный трудъ, двухмѣсячное стѣсненіе и лишенія всего семейства,—все иногда пропадаетъ даромъ. Но и на небольшую затрату сѣмени у крестьянъ не хватаетъ денегъ, и они обращаются къ крупнымъ предпринимателямъ, которые даютъ имъ извѣстное количество картона. Когда выйдутъ черви, крестьянинъ долженъ покупать у землевладѣльца тутовые листья для ихъ прокормленія за условленную въ контрактѣ плату; когда у него будутъ коконы, онъ долженъ будетъ ихъ продать ему по условленной цѣнѣ. Нужно, однако, замѣтить, что шелководство въ Италіи въ послѣднее время пришло въ упадокъ отъ пониженія цѣнъ на шелкъ, такъ что многіе производители перестали имъ заниматься и нѣкоторые даже повырубили свои тутовыя плантаціи и замѣнили ихъ другими.

Кромѣ шелководства, множество итальянцевъ зарабатываетъ свой насущный хлѣбъ *сборомъ винограда*,—самая легкая, сравнительно со всѣми остальными, работа и чрезвычайно любимая народомъ. Но, къ сожалѣнію, этою работою занимаются только нѣсколько дней въ году. Длинные ряды виноградныхъ лозъ спускаются съ холмовъ въ долину и опираются на тростниковыя подпорки или навѣшаны на палки, положенныя на вѣтви деревьевъ. Между рядами виноградныхъ лозъ сѣютъ пшеницу и маисъ. Тутъ же стройно и граціозно возвышается миндальное дерево, которое начинаетъ цвѣсти самою раннею весною. Между рядами виноградныхъ лозъ насажены и плодовыя деревья. Виноградная лоза въ южной Италіи часто вьется очень высоко

наверху по деревьямъ, поэтому при сборѣ гроздъ приходится приносить лѣстницы. Работа эта идетъ живо и весело. Собранныя гроздья бросаютъ въ чаны. Затѣмъ двое крестьянъ снимаютъ съ ногъ своихъ обувь, засучиваютъ штаны до колѣнъ, вскакиваютъ въ чаны и, упирая руки въ бока, начинаютъ топтать виноградъ. Сокъ течетъ ручьями по желобу, сдѣланному въ днѣ чана, и стекаетъ въ большую кадку. Когда одна пара работниковъ устала, ее замѣняетъ другая. Изъ сока, выдавленнаго такимъ образомъ, послѣ броженія получается вино перваго сорта. Выжимки никогда не выбрасываютъ: на нихъ снова наливаютъ воду и выдавливаютъ ихъ деревяннымъ прессомъ. Вода, перебродившая на виноградныхъ выжимкахъ, называется здѣсь виномъ втораго сорта. Сокъ, выдавленный изъ винограда, бродитъ нѣсколько недѣль въ закрытыхъ чанахъ. Черезъ мѣсяца два его уже можно пить, но это вино еще молодо: только къ новому году оно настолько выбродитъ, что можетъ считаться уже готовымъ.

Такой же временный заработокъ доставляетъ *сборъ оливокъ*, *лимоновъ* и *апельсиновъ*. Такъ какъ у тамошнихъ богатыхъ землевладѣльцевъ существуютъ цѣлые лѣса оливокъ, то они, на время сбора, нанимаютъ жителей нѣсколькихъ деревень. Этотъ сборъ обставленъ со стороны помѣщиковъ очень оригинально и служитъ лучшимъ доказательствомъ, съ одной стороны, крайней бѣдности народа, съ другой—смѣлости и дерзости разбойниковъ. Сборъ лимоновъ, апельсиновъ и оливокъ происходитъ подъ наблюденіемъ приказчиковъ и подъ охраной нарочно приглашенныхъ для этого жандармовъ.

Тамъ, гдѣ на огромныхъ незаселенныхъ пространствахъ пасутся стада почти дикихъ быковъ и овецъ, принадлежащихъ богатымъ владѣльцамъ этихъ полей, пастухи ведутъ кочевой образъ жизни. Верхомъ, съ длинной пикой въ рукѣ, бродятъ они съ своими стадами, ночуя въ шалашахъ изъ хвороста и по цѣлымъ мѣсяцамъ не заглядывая въ отдаленныя мѣстечки, гдѣ живутъ ихъ семьи. Довольно характерно, что въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ, почти исключительно скотоводческихъ, совершенно неизвѣстно народу употребленіе въ пищу молока и молочныхъ продуктовъ. Коровы такъ дики, что ихъ нельзя доить, и доходъ съ рогатаго скота получается отъ продажи стадъ гуртовщикамъ, которые въ извѣстное время пріѣзжаютъ для этого изъ городовъ и другихъ провинцій.

Значительная часть итальянскаго населенія снискиваетъ себѣ *пропитаніе въ морѣ*, особенно на берегахъ Неаполитанскаго и Тарентскаго заливовъ и Адріатическаго моря, богатыхъ рыбой, устрицами и другими съѣдобными молюсками. Гдѣ бы ни жили рыболовы въ этой странѣ, они вездѣ въ Италіи являются жалкими, оборванными, съ ногами, объѣденными морской водой. Отъ времени до времени всѣ рыбаки подвергаются голодовкамъ во время сильныхъ вѣтровъ съ моря, не позволяющихъ имъ заниматься своимъ промысломъ. Заработокъ ихъ чрезвычайно ничтоженъ, вслѣдствіе дешевизны въ Италіи рыбы, но еще болѣе вслѣдствіе львиной доли, которую взимаютъ съ нихъ торговцы, перепродающіе ихъ добычу публикѣ. Несмотря, однако, на все это, положеніе людей, промышляющихъ моремъ, неизмѣримо лучше положенія сельскихъ рабочихъ: они имѣютъ болѣе питательную пищу и ведутъ болѣе здоровый образъ жизни. Между морскими промыслами существуютъ такіе, которые даютъ значительный заработокъ, но они всегда сопряжены съ смертельными опасностями и губительны для здоровья. Такова, напр., *ловля коралловъ*.

Въ высшей степени оригинально то, что этого рода промысломъ занимаются здѣсь французскія компаніи, но рабочіе у нихъ итальянцы, потому что во Франціи нельзя найти людей, которые согласились бы за такую ничтожную плату

заниматься такимъ тяжелымъ ремесломъ. Кораллы ловятъ машинами, но такъ какъ онѣ ломаютъ и портятъ ихъ, то предпочитаютъ трудъ водолазовъ, ручная работа которыхъ доставляетъ лучшіе и самые крупные куски. Когда большое водное пространство уже пройдено водолазами и все лучшее собрано ими, тогда пускаютъ въ ходъ машину. Но, не говоря уже объ опасности отъ акулъ, ремесло водолаза, вообще въ высшей степени тяжелое, тутъ къ тому же находится еще въ первобытномъ состояніи, слѣдовательно тѣмъ болѣе пагубно отражается на здоровьѣ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ работы, почти каждый здѣшній водолазъ заболѣваетъ разстройствомъ легкихъ и, прочахнувъ нѣкоторое время, умираетъ.

Изъ ковалловъ приготовляютъ самыя разнообразныя издѣлія и въ громадномъ количествѣ отправляютъ за границу, но они расходятся во множествѣ и въ самой Италіи. Кораллы, обработанные въ видѣ рога, кольца или руки, носятъ почти всѣ итальянцы отъ дурного глаза. Поэтому въ Италіи существуетъ множество издѣлій изъ ковалловъ, въ высшей степени дешевыхъ. Но вообще итальянская отдѣлка ковалловъ далеко не такъ изящна, какъ французская.

ПРОМЫШЛЕННЫЕ РАБОЧІЕ.

Фабричная промышленность. — Заработокъ рабочихъ. — Стачки. — Страданія дѣтей. — Работы и порядки въ прядильняхъ и сѣрныхъ копяхъ. — Жилища итальянскаго простонародья. — Его пища и болѣзни.

Фабричная промышленность Италіи, сравнительно съ промышленностью другихъ странъ Европы, совсѣмъ незначительна; это главнымъ образомъ происходитъ отъ того, что въ этой странѣ нѣтъ каменнаго угля. Фабрикъ и заводовъ хотя далеко недостаточно, но все же они существуютъ въ сѣверной Италіи, но на югѣ ихъ вообще очень мало, а въ такой, сравнительно, огромной области, какъ Сицилія, ихъ почти совсѣмъ нѣтъ. Одно время въ Сициліи принялись за выдѣлку черныхъ и синихъ суконъ, но фабрика для изготовленія ихъ просуществовала очень недолго; затѣмъ приступили къ шелковому производству: сначала дѣло пошло хорошо, но скоро совсѣмъ прекратилось. Выдѣлка льняныхъ и пеньковыхъ тканей открыта была недавно въ Джирдженти и съ самаго начала обнаружила неспособность къ дальнѣйшему развитію. Однимъ словомъ, въ Сициліи не разъ возникали фабрики и заводы, которые вслѣдъ затѣмъ приходили въ совершенный упадокъ и закрывались. Вообще по своей промышленности Италія далеко отстаетъ отъ такихъ странъ, какъ Англія, Франція и Германія. Зато она славится изготовленіемъ нѣкоторыхъ предметовъ роскоши: шляпъ изъ тонкой соломы, коралловыхъ и мелкихъ стеклянныхъ вещей, а также отдѣлкою различныхъ камней. Итальянскіе ткачи приготовляютъ огромное количество простенькихъ, узорчатыхъ шелковыхъ тканей, которыя, благодаря дешевизнѣ, проникаютъ даже во Францію. Что же касается бронзы, хрусталя и мозаики, итальянцы не имѣютъ соперниковъ въ Европѣ.

Земледѣльцы, не находя заработка, отправляются искать его на фабрики, заводы и мастерскія, отбиваютъ работу у профессіональныхъ фабричныхъ рабочихъ, среди которыхъ также чувствуется страшный недостатокъ въ заработкѣ. Иначе и быть не можетъ: фабричная промышленность въ Италіи развита весьма слабо, вслѣдствіе чего спросъ на трудъ и въ этой области остается далеко ниже предложенія. Такимъ образомъ, какъ среди земледѣльческихъ, такъ и среди промышленныхъ рабочихъ безработица—обычное явленіе. Между тѣмъ промышленныхъ рабочихъ въ Ита-

ліи чрезвычайно много: ихъ насчитываютъ болѣе 4 милліоновъ (мужчины, женщины и дѣти), но они состоятъ большею частью изъ ремесленниковъ, одна часть которыхъ работаетъ дома, другая въ большихъ и маленькихъ мастерскихъ, такъ какъ фабрикъ и заводовъ, какъ было уже сказано выше, въ странѣ очень немного. Множество безработныхъ даетъ возможность фабрикантамъ и хозяевамъ мастерскихъ платить рабочимъ чрезвычайно низкую плату, которую хозяева, за малыми исключеніями, не повышаютъ, несмотря на увеличивающуюся дороговизну жизни. Удивительная неразборчивость и воздержанность итальянскаго народа въ пищѣ, неприхотливость относительно жилища и одежды, наконецъ, крайняя нищета заставляютъ его браться за работу часто изъ-за куска хлѣба, — все это помогаетъ фабрикантамъ и хозяевамъ мастерскихъ наживаться: промышленный людъ беретъ ту плату, какую ему даютъ, и не требуетъ повышенія заработка, какъ бы низокъ онъ ни былъ.

Далеко не во всѣхъ отрасляхъ труда высчитано, сколько получаютъ итальянскіе рабочіе; къ тому же въ этой странѣ, что ни городъ, то различная плата; но тамъ, гдѣ она приведена въ извѣстность, она такова: средняя плата плотниковъ— полтора рубля въ день, въ сѣрныхъ рудникахъ — 95 коп., каменщики получаютъ 1 р. 30 коп., прядильщики—70 коп., ткачи—65 коп. Въ очень многихъ мѣстностяхъ Италіи и эта плата представляетъ для рабочихъ недостижимую мечту. Къ сожалѣнію, не во всѣхъ родахъ труда высчитано, какое количество рабочихъ сидитъ безъ работы и какъ долго страдаетъ отъ безработицы каждый изъ нихъ. Но тамъ, гдѣ это извѣстно, количество безработныхъ просто ужасно. На нѣкоторыхъ солеварняхъ работаетъ отъ 200 до 1000 чел.; изъ нихъ круглый годъ работу имѣютъ отъ 20 до 30 человѣкъ на сто; всѣ остальные сидятъ безъ всякаго заработка по полугоду.

Въ Италіи несравненно рѣже, чѣмъ въ Англіи, Франціи и Германіи, рабочіе устраиваютъ стачки: очень мало кто изъ нихъ думаетъ о томъ, чтобы увеличить свою заработную плату. Нищета и лишенія такъ ужасны среди итальянскихъ рабочихъ, что громадное большинство думаетъ лишь о томъ, какъ бы получить хотя какую-нибудь работу. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ число промышленныхъ рабочихъ очень велико, то и здѣсь случаются стачки, но онѣ продолжаются очень недолго, и въ нихъ принимаетъ участіе небольшое число рабочихъ. Здѣшнія стачки совсѣмъ не страшны фабрикантамъ и хозяевамъ мастерскихъ: если отказывается работать одна группа рабочихъ, хозяева заявляютъ, что имъ нужны рабочіе, и тѣ немедленно являются въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ это требуется, притомъ многіе изъ нихъ предлагаютъ свои услуги за всякую цѣну, лишь бы только не умереть съ голода.

Какъ итальянскій землевладѣлецъ старается поменьше затратить на свое хозяйство, такъ фабриканты и хозяева мастерскихъ стремятся прежде всего къ тому, чтобы издержки на производство были какъ можно ничтожнѣе. Понятно, что при такихъ условіяхъ промышленность не можетъ быстро усовершенствоваться. Вотъ это-то стремленіе поменьше затрачивать на производство заставляетъ здѣшнихъ хозяевъ платить низкую плату, а также замѣнять мужской трудъ женскимъ и дѣтскимъ, какъ болѣе дешевымъ. Впрочемъ, вообще все итальянское простонародье, особенно на югѣ, стремится свалить на дѣтей и женщинъ наиболѣе тяжелый и грязный трудъ. Въ глазахъ южнаго итальянца грязный трудъ, если его приходится исполнять передъ другими, унижаетъ взрослаго человѣка. Вслѣдствіе этого здѣсь во всѣхъ рудникахъ, въ мастерскихъ и на фабрикахъ чрезвычайно много дѣтей и женщинъ, но болѣе всего тѣхъ и другихъ въ шелкопрядильняхъ и сѣрныхъ копяхъ.

Въ шелкопрядильняхъ преимущественно работаютъ женщины и дѣвочки. Самыя

маленькія изъ нихъ выносятъ и приносятъ корзины съ коконами и отбросами, подметаютъ полы, бѣгаютъ по разнымъ порученіямъ. Дѣвочки постарше сушатъ коконы и очищаютъ ихъ отъ покрывающаго ихъ пушка. Большая часть шелкопрядиленъ находится далеко отъ жилищъ рабочихъ; очень многимъ дѣвочкамъ приходится каждый день проходить къ мѣсту работы отъ 2 до 8 верстъ. Такое продолжительное путешествіе страшно утомительно и для взрослыхъ, а тѣмъ болѣе для дѣтей, если принять во вниманіе, что 8-ми — 9-ти-лѣтнія дѣвочки, послѣ такого утомительнаго перехода, должны тотчасъ приняться за работу, и многія изъ нихъ еще работать цѣлый день стоя. Тяжесть труда въ шелкопрядильняхъ смягчается только тѣмъ, что въ нихъ обыкновенно просторныя, хорошо провѣтренныя помѣщенія, такъ какъ въ комнатахъ со спертымъ воздухомъ коконы дѣлаются негодными и приносятъ хозяевамъ большіе убытки. Вотъ это-то обстоятельство и спасаетъ жизнь маленькихъ дѣвочекъ, всегда страшно переутомленныхъ и отвратительно питающихся. Да и не изъ чего имъ хорошо питаться: даже опытная прядильщица получаетъ около 40 коп. въ день, а дѣвочка половину, а иногда и того меньше.

Самое ужасное впечатлѣніе оставляютъ дѣти, работающія въ сѣрныхъ копяхъ. Здѣсь и взрослымъ тяжко всю жизнь копаться въ подземныхъ галлереяхъ, отвратительно устроенныхъ, тѣмъ болѣе это вредно для слабаго дѣтскаго организма. Положеніе рабочихъ и особенно дѣтей въ сѣрныхъ копяхъ такъ ужасно, что это уже давнымъ-давно возбуждало ропотъ неудовольствія въ людяхъ человѣколюбивыхъ и сдѣлалось извѣстнымъ правительству, которое не разъ вынуждено было изслѣдовать положеніе этихъ рабочихъ.

До 1886 г. ни законъ, ни администрація не вмѣшивались въ дѣла между хозяевами и рабочими; никакой законъ не ограничивалъ злоупотребленій предпринимателей и лицъ, завѣдующихъ общественными работами, не опредѣлялъ продолжительности рабочаго дня взрослыхъ и дѣтей, воскреснаго отдыха, размѣра рабочей платы и т. п. Однако, относительно воскреснаго дня, хотя и не существовало никакого закона, но рабочіе во всемъ итальянскомъ королевствѣ отдыхаютъ въ этотъ день; въ нѣкоторыхъ городахъ и мѣстечкахъ празднуются даже мѣстные праздники. Что же касается продолжительности рабочаго дня взрослыхъ, а также и ихъ вознагражденія, здѣсь до сихъ поръ господствуетъ полный произволъ: въ нѣкоторыхъ мастерскихъ и фабрикахъ работаютъ по 10 и 12 часовъ, но есть и такія, въ которыхъ рабочій день продолжается по 14 и 15 часовъ. Законъ 1886 года ограждаетъ отъ произвола только дѣтей, но не женщинъ и не взрослыхъ рабочихъ. Его главныя требованія состоятъ въ слѣдующемъ: 1) онъ запрещаетъ принимать дѣтей на работу въ промышленныя заведенія, въ каменоломни и рудники раньше 9-ти лѣтъ, а при подземныхъ работахъ и раньше 10 лѣтъ; 2) онъ запрещаетъ принимать дѣтей и отъ 9 до 15 лѣтъ, если ихъ годность къ труду не удостовѣрена надлежащимъ образомъ; 3) онъ запрещаетъ работать дѣтямъ отъ 9 до 12 лѣтъ болѣе 8 часовъ въ день; 4) запрещаетъ употреблять дѣтей моложе 15 лѣтъ на работы опасныя и вредныя для здоровья. Однако, громадное большинство предпринимателей умѣетъ прекрасно обходить этотъ законъ и не обращаетъ на него ни малѣйшаго вниманія.

Первое мѣсто въ промышленности Италіи занимаетъ добываніе сѣры; высчитано, что 79% всей производимой въ мірѣ сѣры приходится на долю Сициліи. Мы уже говорили о томъ, какое громадное значеніе имѣетъ сѣра (см. выше очеркъ «Сицилія») при приготовленіи пороха, какую важную роль играетъ она въ медицинѣ, какую незамѣнимую услугу оказываетъ при добываніи сѣрной кислоты, столь необходимой въ разнообразныхъ производствахъ. Несмотря на это, однако, за

послѣднюю четверть вѣка сильно уменьшился спросъ на сѣру, а вмѣстѣ съ этимъ и цѣна на нее понизилась почти въ три раза (15—20 л. тому назадъ тонна сѣры стоила 140, а теперь лишь 55 франк.). Это пониженіе тяжело отразилось на судьбѣ всѣхъ участвующихъ въ производствѣ: оно уменьшило доходъ собственника сѣрнаго рудника, а вмѣстѣ съ этимъ понизило и заработокъ рудокоповъ почти на половину: теперь немногіе здѣшніе взрослые рудокопы сѣрныхъ рудниковъ получаютъ 3 франка; большинство изъ нихъ довольствуется $1^1/_2$ франк. въ день. Это уменьшеніе платы взрослымъ рудокопамъ въ свою очередь заставило ихъ уменьшить плату «*карузи*»,— такъ называютъ здѣсь дѣтей и подростковъ, главныхъ помощниковъ рудокоповъ.

Большинство копей содержится до сихъ поръ съ самою невѣроятною небрежностью. Нѣкоторые проходы въ подземельяхъ такъ узки, что проходить по нимъ можно только сгибаясь въ три погибели; ступени высѣчены въ скалѣ кое-какъ,—одна высокая, другая низкая, притомъ всѣ онѣ засыпаны пылью, сыры и опасно-скользки. По такимъ-то лѣстницамъ мальчики 9 и 10 лѣтъ вынуждены спускаться и подыматься болѣе, чѣмъ съ пудовою тяжестью по 15 разъ въ день. Чтобы не упасть, ребенку приходится безпрестанно хвататься за стѣны и выступы, которые подперты кое-какъ: недаромъ же здѣсь за послѣдніе годы было два крупныхъ обвала, во время которыхъ погибло нѣсколько десятковъ человѣкъ, что же касается мелкихъ обваловъ, то о нихъ здѣсь никто и не говоритъ,—такъ они обыкновенны.

Взрослые выламываютъ большія сѣрныя глыбы, а дѣти (карузи) вытаскиваютъ на своихъ плечахъ на поверхность земли корзины съ сѣрой. Каждый взрослый рабочій, занятый отбиваніемъ сѣры, называется «пикконьери»; онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи отъ 2 до 4 дѣтей, которыхъ онъ самъ долженъ нанимать и платить имъ изъ получаемаго скуднаго вознагражденія. Мы узнаемъ ниже, какое жалкое вознагражденіе платятъ они этимъ несчастнымъ дѣтямъ и ихъ родителямъ!

Работы въ сѣрныхъ копяхъ чрезвычайно тяжелы и въ высшей степени вредны не только для дѣтей, но и для взрослыхъ. Работая желѣзнымъ ломомъ, рудокопъ пробиваетъ мину въ скалѣ и затѣмъ взрываетъ ее порохомъ. Послѣ этого узкіе корридоры наполняются запахомъ пороховаго дыма, который по цѣлымъ часамъ ѣстъ глаза. Вода то и дѣло выступаетъ изъ пробитой ямы, и ее приходится устранять съ помощью насоса. Но въ Сициліи отвратительно обставлены сѣрныя копи и очень часто не хватаетъ паровыхъ водокачалокъ для устраненія воды. Въ такихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ труду дѣтей, и они по часамъ проводятъ время въ топкой грязи, изнемогая отъ усталости и сырости. Температура въ копяхъ чрезвычайно высокая, и работать въ нихъ приходится чуть прикрытыми. И вотъ мальчикамъ, работающимъ здѣсь въ въ жалкихъ лохмотьяхъ приходится выносить на плечахъ сѣрную руду. Еле прикрытые, съ непосильною для ихъ лѣтъ тяжестью, скользя по мокрымъ ступенямъ, не въ силахъ даже отереть потъ съ лица, они рискуютъ каждую минуту схватить воспаленіе отъ сквозняковъ. Положеніе этихъ дѣтей такъ ужасно, что многіе изъ нихъ спасаются бѣгствомъ. Чтобы хотя нѣсколько удерживать ихъ отъ этого, рудокопы заключаютъ контрактъ съ ихъ родителями, по которому уплачиваютъ имъ впередъ за мальчика 100 или 150 франковъ; затѣмъ они вычитаютъ эту сумму изъ жалованья, получаемаго «карузи». Если рудокопъ въ среднемъ самъ получаетъ $1^1/_2$ франка въ день, то мальчику онъ выплачиваетъ изъ своего жалованья лишь $^1/_3$, а то и меньше. Такимъ образомъ, карузи приходится очень долго работать прежде, чѣмъ онъ начнетъ получать свои, въ полномъ смыслѣ слова кровью и потомъ заработанныя копѣйки, такъ какъ деньгами нельзя назвать тѣ 10—15 коп. въ день, которыя онъ получаетъ отъ «пикконьери», да и тѣ часто попадаютъ не

ему, а его родителямъ. Но еще ужаснѣе то, что всѣ эти дѣти-носильщики поступаютъ въ полное и безконтрольное распоряженіе «пикконьери». За малѣйшую оплошность, за медлительность въ работѣ, за то, что ребенокъ поскользнулся на скользкой лѣстницѣ и облилъ себя масломъ изъ лампочки, прикрѣпленной къ его шапкѣ, его бьютъ самымъ нещаднымъ образомъ, такъ что синяки и кровоподтеки остаются по нѣскольку дней. Видъ дѣтей, работающихъ здѣсь, просто ужасенъ: «задыхаясь, кашляя и плача, взбираются они по узкой каменной лѣстницѣ по три или четыре, одинъ за другимъ со своей несоразмѣрно тяжелой ношей; послѣ влажнаго и горячаго воздуха подземныхъ галлерей они совершенно потными выходятъ на рѣзкій сквозной вѣтеръ. Остановившись на мгновеніе въ изнеможеніи, маленькій отрядъ опять приходитъ въ движеніе и мимо кучъ сѣрныхъ обломковъ идетъ къ кострамъ, лежащимъ на склонѣ горы, гдѣ они должны ждать, пока не будетъ провѣрена и снята ноша каждаго изъ нихъ. По прошествіи немногихъ мѣсяцевъ у большинства изъ нихъ уже замѣчаются признаки чахотки, плечи сводятся, позвоночный хребетъ искривляется. Пища, которою питаются эти дѣти, едва достаточна для поддержанія жизни: большею частью она состоитъ изъ сухого хлѣба. Въ отдаленныя копи дѣти приносятъ въ понедѣльникъ свой хлѣбъ, котораго должно хватить до четверга, когда рано утромъ до восхода солнца они идутъ домой и запасаются до вечера субботы». Воскресенье дѣти, какъ и пикконьери, проводятъ на свѣжемъ воздухѣ, что хотя нѣсколько поддерживаетъ ихъ здоровье. Рудокопы и ихъ несчастные помощники карузи остаются подъ землею 7—8 часовъ: опускаются въ седьмомъ-восьмомъ часу, выходятъ на поверхность во второмъ или третьемъ.

Жилища здѣшняго простонародья вполнѣ соотвѣтствуютъ его нищетѣ: они одинаково плохи какъ у промышленныхъ рабочихъ, такъ и у мелкихъ землевладѣльцевъ и поденщиковъ. Прежде всего эти жилища чрезвычайно тѣсны; только старшіе члены семьи спятъ на постели, остальные ложатся на полъ, т.-е. просто-на-просто на землю, такъ какъ полъ въ избахъ не мощенъ. Во время дождей и въ сырое время года приходится ложиться прямо въ грязь. Въ единственной комнатѣ жилища спитъ не только все семейство, но и всѣ животныя, которыя существуютъ у крестьянина: его свинья, мулъ или осликъ; у нѣкоторыхъ еще кролики и куры. Трудно себѣ представить, что было бы съ несчастными рабочими, если бы имъ приходилось спать такимъ образомъ круглый годъ. Но въ Италіи лѣто очень теплое, а въ южныхъ мѣстностяхъ страны три четверти года люди спятъ на чистомъ воздухѣ. Въ средней Италіи жилища крестьянъ несравненно лучше.

Пища простонародья тоже не можетъ считаться достаточною, несмотря на то, что, благодаря мягкому и теплому климату Италіи, здѣсь для человѣка требуется меньше пищи, чѣмъ въ сѣверныхъ европейскихъ странахъ. На югѣ Италіи, вслѣдствіе разнообразія растительности, и пища народа несравненно болѣе разнообразна; тѣмъ не менѣе, какъ здѣсь, такъ и на сѣверѣ, она почти исключительно растительная: хлѣбъ, различная зелень, картофель и болѣе всего кукуруза; мясо же (баранина, другого они не знаютъ)—только по большимъ праздникамъ. Пшеничный хлѣбъ какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ крестьяне ѣдятъ весьма рѣдко. Свой хлѣбъ итальянскій крестьянинъ печетъ обыкновенно не изъ пшеничной муки, а изъ ячменной, гороховой, изъ муки кукурузы, смѣшивая иногда одно съ другимъ, что весьма не питательно, а очень часто и вредно. Тѣмъ не менѣе, на югѣ Италіи, гдѣ такъ много фруктовъ и разнообразной зелени, ихъ пища все же лучше; на сѣверѣ же она крайне однообразна: маисовая полента (похлебка)—національное кушанье итальянцевъ—разнообразится только картофелемъ, бобами и небольшимъ количествомъ зелени.

Тяжелая работа, иногда подолгу подъ палящими лучами солнца, множество вредныхъ болотистыхъ мѣстностей, работы на рисовыхъ плантаціяхъ, во время которыхъ рабочимъ приходится стоять по щиколодку въ водѣ, грязное, тѣсное и нездоровое жилище, а вмѣстѣ съ этимъ и непитательная пища порождаютъ среди итальянскаго простонародья тифъ и изнурительныя лихорадки. Отвратительныя условія жизни и болѣзни, среди которыхъ издавна живутъ низшіе классы населенія, страшно вліяютъ на ростъ и на весь обликъ человѣка. Замѣчено, что каждое новое поколѣніе здѣшнихъ рабочихъ становится все меньше ростомъ, имѣетъ все болѣе худощавый, изнуренный видъ,—однимъ словомъ, съ ними происходитъ то, что называется вырожденіемъ. Этому вырожденію особенно способствуетъ «пеллягра», страшно тяжкая болѣзнь, которая съ каждымъ годомъ все сильнѣе свирѣпствуетъ въ Италіи среди рабочихъ классовъ. Эта накожная болѣзнь тысячами поражаетъ простой людъ: она происходитъ отъ сырыхъ помѣщеній, отъ непитательной пищи, отъ плохой воды и отъ употребленія кукурузы, испортившейся вслѣдствіе влажности погоды, такъ какъ въ такое время эта болѣзнь особенно усиливается. Она обнаруживается тѣмъ, что у заболѣвшаго дѣлается зудъ въ кожѣ, а затѣмъ появляется лишайная сыпь на лицѣ. Болѣзнь эта переходитъ на кишечный каналъ и разстраиваетъ нервную систему; она обезсиливаетъ больного, доводитъ его до отчаянной душевной тоски; у нѣкоторыхъ больныхъ дѣло кончается полнымъ тупоуміемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ отъ этой болѣзни въ Италіи умирало по сто тысячъ человѣкъ; но съ каждымъ годомъ она все усиливается, а въ 1892 г. отъ нея умерло уже болѣе двухсотъ тысячъ человѣкъ.

Выше уже было сказано, что въ Италіи до объединенія господствовалъ страшный произволъ, который былъ или совершенно уничтоженъ, или ослабѣлъ послѣ 1870 г. Тѣмъ не менѣе и новый общественный строй объединенной Италіи, со свободою печати и равенствомъ всѣхъ гражданъ передъ закономъ, не уничтожилъ крайней матеріальной зависимости рабочаго отъ землевладѣльца и хозяина. И теперь, несмотря на широкую свободу личности, итальянскій крестьянинъ, какъ человѣкъ и гражданинъ, остается въ такой же зависимости отъ владѣющихъ классовъ, какъ и прежде; мало того, эта зависимость послѣ объединенія еще болѣе усилилась, такъ какъ страшно увеличилась сумма налоговъ. Денежныя дѣла Италіи находятся въ крайне плохомъ состояніи, и вслѣдствіе этого правительство обложило налогами все, что только можно было обложить: движимую и недвижимую собственность, предметы первой необходимости—хлѣбъ, рыбу, соль, домашній скотъ, орудія труда. Къ налогамъ правительственнымъ присоединяется еще масса сборовъ на общинныя нужды: на школу, на проведеніе дорогъ и т. п. При этомъ правительство, распредѣляя государственные налоги между различными классами населенія, нисколько не соображается съ ихъ матеріальнымъ положеніемъ: наибольшую долю налога платятъ люди неимущіе, при чемъ мелкіе участки земли обложены относительно гораздо большими налогами, чѣмъ крупныя помѣстья.

ЧТО ДѢЛАЕТЪ ИТАЛЬЯНСКОЕ ПРОСТОНАРОДЬЕ ВЪ БЕЗВЫХОДНОМЪ ПОЛОЖЕНІИ.

Выселеніе.—Разбойничество.—Каморра и мафія.—Торговля дѣтьми.

Въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ бѣдность итальянскаго простонародья возросла вслѣдствіе увеличенія налоговъ и усиленія тяжести воинской повинности.

Выше уже было сказано, что Италія принадлежитъ къ тройственному союзу: это обстоятельство заставляетъ ее тратить весьма солидную часть государственныхъ доходовъ на военныя издержки и усиленно вооружаться, слѣдовательно брать въ солдаты много рабочихъ рукъ и такимъ образомъ лишать семьи рабочихъ здоровыхъ и молодыхъ работниковъ несравненно въ большей степени, чѣмъ это было бы безъ тройственнаго союза. Всѣ эти тяжести Италіи приходится выносить ради желанія играть роль первостепенной европейской державы. Бѣдность низшихъ классовъ нерѣдко доходитъ до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подати приходится собирать не иначе, какъ при помощи жандармовъ. Теряя послѣднее достояніе, крестьяне, доведенные до отчаянія, нерѣдко хватаются за оружіе, и дѣло кончается тѣмъ, что съ той и съ другой стороны падаютъ раненые и убитые.

Нищета и отсутствіе заработка заставляютъ итальянца, несмотря на то, что онъ страстно любитъ свое чудное небо и свою живописную природу, эмигрировать, т.-е. выселяться на чужбину. Одни изъ этихъ эмигрантовъ идутъ въ сосѣднія страны для заработка,—эти еще обыкновенно возвращаются на родину, но другіе отправляются за океанъ, въ Америку и навсегда поселяются на новыхъ мѣстахъ, унося съ собой свое послѣднее достояніе. Слабые, старые, лѣнивые не предпринимаютъ такого дальняго путешествія, у нихъ не хватаетъ на это энергіи, а лишь сильные, молодые и здоровые эмигрируютъ на чужбину, тѣ, которые во что бы то ни стало желаютъ сбросить съ себя нищету. Такимъ образомъ Италія ежегодно лишается наиболѣе здоровыхъ и работящихъ людей. Въ началѣ 70-хъ годовъ итальянцевъ выселялось въ Америку 50.000, а лѣтъ черезъ двадцать эмигрантовъ было уже до 300.000 ч. въ годъ.

Жалкое положеніе народа побуждаетъ его браться даже за разбой на большихъ дорогахъ, вступать въ организованныя шайки бандитовъ (разбойниковъ) всякаго рода и въ различныя тайныя сообщества съ цѣлью грабежа. Особенно распространено разбойничество въ Сициліи. Даже въ самое послѣднее время, въ прошломъ и запрошломъ году, приходилось безпрестанно наталкиваться въ итальянскихъ газетахъ на описаніе разбойническихъ похожденій: «въ двухъ часахъ ѣзды отъ Палермо (городъ въ Сициліи) находится мѣстечко, куда каждые два часа изъ города ходитъ омнибусъ. Такого-то числа, между 3 и 4 ч. дня, въ этомъ омнибусѣ ѣхало четверо пассажировъ купцовъ. На половинѣ пути омнибусъ былъ внезапно остановленъ кучкою вооруженныхъ людей въ маскахъ, которые потребовали у пассажировъ имѣющіяся у нихъ деньги. Пассажиры, чувствуя свое полное безсиліе, отдали имъ все, что имѣли; затѣмъ разбойники отобрали у кондуктора сумку съ деньгами и исчезли безслѣдно». Черезъ нѣсколько дней вы читаете: «въ Палермо, близь артиллерійскихъ казармъ, разбойниками въ маскахъ было сдѣлано нападеніе на одного землевладѣльца, у котораго отняли всѣ деньги, бывшія при немъ». Такихъ случаевъ вооруженнаго нападенія среди бѣлаго дня можно было бы привести множество. Этихъ грабителей ловятъ и арестуютъ, и отъ времени до времени разбойническія нападенія совсѣмъ стихаютъ, а потомъ опять начинаются и нерѣдко даже съ невѣроятною дерзостью. Правительству не удается совсѣмъ уничтожить разбой, такъ какъ главная причина его — нищета народа и безработица; кромѣ того, распространенію разбойничества помогаетъ и невѣжество массъ, а также недостатокъ средствъ у правительства организовать что-нибудь болѣе серьезное для поимки бандитовъ,—однимъ словомъ, печальныя экономическія и соціальныя условія Италіи. Безземельные крестьяне не только не жалѣютъ, но очень многіе изъ нихъ громко выражаютъ свою радость, когда разбойники грабятъ богатыхъ помѣщиковъ, никогда ничего не дѣлающихъ ни для благо-

состоянія своей страны, ни для сосѣдняго населенія. Бѣдняковъ же бандиты не трогаютъ, довольствуясь полученіемъ отъ нихъ нужныхъ свѣдѣній или кое-какихъ припасовъ. Не считаетъ итальянскій народъ нужнымъ помогать правительству ловить бандитовъ, такъ какъ ненавидитъ его за обременительные налоги; увѣренъ онъ и въ томъ, что и само правительство никогда не придетъ къ нему на помощь въ его тяжкой нуждѣ и затрудненіяхъ. Между тѣмъ итальянское простонародье всегда рискуетъ жизнью въ случаѣ, если бы карабинеры и полиція не съумѣли воспользоваться сообщенными свѣдѣніями: разбойники за шпіонство, даже за одно только подозрѣніе въ шпіонствѣ, мстятъ жестоко и безъ всякой пощады. Особенно трудно правительству уничтожить разбойниковъ, принадлежащихъ къ тайнымъ обществамъ. Изъ нихъ прежде всего слѣдуетъ назвать въ Неаполитанской области *каморру*.

Каммористы, члены каморры, представляютъ тайное сообщество съ цѣлью организованнаго грабежа. Каммористы, условившись между собой взять съ землевладѣльца, торговца или съ какого-нибудь другого лица извѣстное количество денегъ, вина, муки, обыкновенно пишутъ этому лицу въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ и просятъ означенные продукты или деньги отнести въ такое-то мѣсто. Если лицо, къ которому они обратились съ такимъ требованіямъ, не исполнитъ его, каммористы наносятъ ему несравненно большій ущербъ. Всѣ это прекрасно знаютъ и исполняютъ предъявляемыя требованія.

Это тайное сообщество существуетъ уже давнымъ-давно, и въ прежнія времена участіе въ немъ было такъ выгодно, что оно привлекало къ себѣ даже людей высшихъ классовъ, которые, если не имѣли обезпеченнаго дохода, находили для себя гораздо болѣе выгоднымъ жить въ качествѣ каммористовъ на готовыя средства, чѣмъ зарабатывать ихъ. Съ другой стороны, участіе въ каморрѣ людей высшаго общества, прокутившихся маркизовъ, чиновниковъ и адвокатовъ расширяло кругъ ея дѣятельности, доставляло ей полезныхъ агентовъ и увеличивало еще болѣе ея средства. Нынѣшнее правительство принялось строго преслѣдовать каммористовъ, и хотя эти преслѣдованія, дѣйствительно, ослабили каморру, но уничтожить ее совсѣмъ пока невозможно, такъ какъ организація ея слишкомъ сильна и многочисленна; при этомъ люди, даже страдающіе отъ каммористовъ, страшно боятся ихъ и не смѣютъ жаловаться на нихъ. Дѣятельность каморры очень проста: нерѣдко торговецъ, успѣвшій продать на нѣсколько рублей своего товара, видитъ подходящаго къ нему прилично одѣтаго человѣка, который заявляетъ ему желаніе получить извѣстный процентъ съ проданнаго. Торговецъ и не подумаетъ сопротивляться, такъ какъ онъ увѣренъ, что въ противномъ случаѣ его завтра же ждетъ смерть или разореніе отъ нападенія тайныхъ разбойниковъ.

Въ Сициліи тайное общество мошенниковъ, преслѣдующее тѣ же цѣли, какъ и каморра, называется *мафія*. Это еще болѣе смѣлая и сильная шайка, которая собираетъ правильную дань со всего населенія Сициліи, оказываетъ сильное давленіе на судъ и администрацію и въ то же время поставляетъ мошенниковъ для грабежа на большихъ дорогахъ, плутовъ на разныя государственныя должности, тайныхъ убійцъ, когда иначе нельзя ограбить богача или когда «мафіозы» (члены мафіи) почему-нибудь находятъ для себя неудобнымъ существованіе того или другого субъекта. Не только простонародье, но даже среднее сословіе такъ боится мести мафіозовъ, что суды присяжныхъ часто отказываются ихъ судить, когда они являются на скамьѣ подсудимыхъ по обвиненію въ какомъ-нибудь уголовномъ преступленіи.

Когда мафіозо намѣтилъ ту или другую жертву, онъ извѣщаетъ ее объ этомъ обыкновенно письменно: «я могъ бы поджечь вашъ палаццо и виноградники, но

оставлю ихъ невредимыми, если вы уплатите мнѣ за это такую-то сумму». Если онъ захватилъ въ свои руки богача, онъ требуетъ съ него выкупъ, иначе грозитъ ему смерью, что и приводитъ въ исполненіе, если плѣнникъ отказывается исполнить требованіе.

Кромѣ членовъ каморры и мафіи, которые, какъ мы видѣли, не что иное, какъ тайные бандиты (разбойники), южная Италія наполнена шайками явныхъ разбойниковъ. Народъ ненавидитъ каморру и мафію, но выказываетъ горячее сочувствіе явнымъ бандитамъ. Въ оба названныя организованныя мошенническія общества вступаютъ люди разныхъ сословій, желая хорошо пожить на чужой счетъ; они грабятъ и богатыхъ, и бѣдныхъ, всѣхъ безъ разбору, и сами проматываютъ награбленное. Въ бандиты народъ идетъ тогда, когда онъ совершенно разоренъ растовщикомъ, землевладѣльцемъ или фабрикантомъ, обнищалъ и запутался въ дѣлахъ, не имѣлъ возможности долго найти себѣ какую-нибудь работу. Доведенный нищетой до бандитства, такой человѣкъ обыкновенно не грабитъ простолюдина, напротивъ, часто даже дѣлится съ нимъ награбленнымъ. Сдѣлавшись бандитомъ, крестьянинъ всю свою месть обращаетъ на собственниковъ: онъ поджигаетъ ихъ дома, крадетъ ихъ скотъ, хватаетъ, если можно, и ихъ самихъ и выпускаетъ только за большой выкупъ. Никто изъ сельскихъ жителей никогда не донесетъ на бандитовъ, не будетъ свидѣтельствовать противъ нихъ. Жители деревни, по которой они проходятъ, снабжаютъ ихъ провизіей, пастухи приносятъ имъ молоко, предупреждаютъ ихъ объ опасности и обманываютъ преслѣдующихъ ихъ жандармовъ. Итальянскіе разбойники рѣдко убиваютъ своего плѣнника и дѣлаютъ это лишь въ томъ случаѣ, если они уже раньше были имъ оскорблены. Конечно, очень многіе, пробродивъ въ горахъ нѣсколько лѣтъ, дѣлаются настоящими разбойниками, но большинство, если поможетъ случай получить честную работу, опять становятся мирными гражданами. Вступая въ шайку, бандитъ, если только онъ былъ набожнымъ, становится еще религіознѣе. Итальянскіе разбойники чрезвычайно усердно молятся Богу, даютъ обѣты Мадоннѣ и своему спеціальному патрону, обѣщаютъ часть добычи и, въ случаѣ удачи, дѣйствительно набожно ее приносятъ къ алтарю. Всѣ они въ высшей степени суевѣрны, носятъ множество амулетовъ, а нѣкоторые дѣлаютъ даже надрѣзъ на груди и рукахъ и вводятъ туда частичку святыхъ даровъ. Въ шайкѣ разбойниковъ нерѣдко бываютъ и женщины, и онѣ производятъ грабежи не только для наживы, а также изъ мести. Еще недавно итальянскія газеты сообщали, что на югѣ Италіи бродила шайка разбойниковъ, которою предводительствовала 20-тилѣтняя женщина, Марія Моника. Всѣ, видѣвшіе ее, разсказывали о ней, какъ о замѣчательной красавицѣ. Она была замужемъ за бандитомъ Пьетро, котораго страстно любила. Пьетро былъ убитъ въ одной стычкѣ съ отрядомъ, высланнымъ противъ его шайки правительствомъ. Тогда Марія, взявъ его карабинъ, поклялась надъ трупомъ мужа отомстить за его смерть. Она сдержала свое слово и сдѣлалась ужасомъ всей южной Италіи. Подъ ея предводительствомъ банда совершала самыя дерзкія нападенія; она являлась всюду, сжигала фермы, угоняла скотъ и грабила.

Гористая мѣстность, со множествомъ удобныхъ притоновъ, сильно затрудняетъ преслѣдованіе бандитовъ войсками. Полиція можетъ захватить разбойниковъ только въ то время, когда они дѣлаютъ набѣги, но это ей чрезвычайно рѣдко удается, такъ какъ крестьяне немедленно предупреждаютъ разбойниковъ, когда полиція собирается сдѣлать на нихъ нападеніе. Еще труднѣе преслѣдовать разбойниковъ, когда они взберутся на первую горную цѣпь. Въ обширныхъ горныхъ лѣсахъ, гдѣ они скитаются, они устраиваютъ себѣ убѣжище и отлично знаютъ каждое мѣстечко,

каждый уголокъ. Они скрываются въ глубокихъ пещерахъ и въ подземныхъ ходахъ, выходы которыхъ закрыты густыми кустарниками. Нерѣдко случалось, что значительный военный отрядъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ тщетно искалъ недалеко скрывавшуюся шайку.

Зная сочувствіе рабочихъ къ разбойникамъ и ненависть къ себѣ, землевладѣльцы во время работъ, исполняемыхъ многочисленною арміею рабочихъ, нерѣдко нанимаютъ отрядъ жандармовъ, такъ какъ бандиты, разграбивъ хозяйскую кассу, имѣютъ обыкновеніе отдавать крестьянамъ значительную часть того, что въ ней заключается, и тѣ бываютъ очень рады ихъ приходу.

Крайняя нищета поселянъ южной Италіи, кромѣ разбоевъ, развила и другое ужасное зло, а именно—*торговлю дѣтьми*. По городамъ и мѣстечкамъ расхаживаетъ много иностранныхъ промышленниковъ, которые за нѣсколько рублей покупаютъ у голодныхъ родителей ихъ дѣтей; чѣмъ дитя красивѣе, тѣмъ больше даютъ за него эти промышленники. Несмотря на недавно изданные законы, угрожающіе дѣтопромышленникамъ строгими наказаніями, они имѣютъ въ странѣ множество тайныхъ сообщниковъ и такъ же, какъ и прежде, продолжаютъ свое гнусное ремесло. Свой живой товаръ они перевозятъ во Францію, въ Англію, въ Америку и дѣлаютъ изъ этихъ дѣтей акробатовъ, шарманщиковъ, уличныхъ пѣвцовъ или просто нищихъ. Дѣтопромышленники особенно любятъ обзавестись этимъ товаромъ въ Базиликатѣ (южной Италіи), такъ какъ жители этой области отличаются большими способностями къ музыкѣ.

ХАРАКТЕРЪ НАРОДА И ЕГО НРАВЫ.

Хорошія и дурныя стороны итальянцевъ.—Любовь къ ночнымъ серенадамъ.—Лоттерея.—Частые случаи татуированія среди простого люда.—Суевѣрія.—Причитанія по усопшимъ.—Обстановка жилища и домашнія животныя.—Положеніе женщины и ея жизнь во всѣхъ классахъ общества.—Народное образованіе.

При всѣхъ печальныхъ условіяхъ — чрезвычайномъ невѣжествѣ итальянскаго народа, при его крайней бѣдности и его безчисленныхъ дикихъ суевѣріяхъ, при многихъ варварскихъ чертахъ его характера, какъ напр. привычка къ расправѣ ножомъ и крайнее равнодушіе къ убійствамъ, итальянцы поражаютъ иностранца своею человѣчностью. Своимъ умомъ, находчивостью, живостью, своимъ тонкимъ чувствомъ ко всему прекрасному они заслуживаютъ полное уваженіе. Между французскими городскими рабочими много людей, несравненно болѣе развитыхъ, чѣмъ итальянскіе работники: первые читаютъ серьезныя книги, газеты, прекрасно знаютъ исторію своей страны и политику; многіе изъ нихъ даже пишутъ и произносятъ превосходныя рѣчи въ собраніяхъ. Но таковъ только классъ городскихъ и фабричныхъ рабочихъ, французскіе-же крестьяне во всѣхъ отношеніяхъ грубѣе и менѣе отесаны, чѣмъ итальянскіе крестьяне. Итальянецъ изъ самой захолустной мѣстности поражаетъ своею вѣжливостью, смѣтливостью, своимъ тонкимъ чутьемъ, никогда не озадачитъ тупостью, какъ грубый, неловкій французскій крестьянинъ. Памятники, украшающіе итальянскіе города, существуютъ не для однихъ иностранцевъ и итальянцевъ высшихъ классовъ, а цѣнятся одинаково всѣми. По воскресеньямъ, когда бываетъ даровой входъ въ музеи, вы встрѣтите въ нихъ больше ладзарони, чѣмъ галантуомовъ. Въ самыхъ подобострастныхъ и унизительныхъ выпрашиваніяхъ у иностранцевъ, сквозь маску униженія ясно пробивается лукаво-шутливый тонъ, что, молъ, иностранецъ—это такая птица, передъ которой нельзя унизиться.

Не мало отличаетъ итальянца отъ другихъ народовъ его умѣренность. По вос-

кресным днямъ вы не найдете здѣсь пьяныхъ, а если такой и встрѣтится въ кабачкѣ, что бываетъ чрезвычайно рѣдко, то сосѣди съ презрѣніемъ отворачиваются отъ него. Та же умѣренность и въ пищѣ. Если онъ и сразу получитъ деньги за работу, онъ никогда не предается обжорству, а только на нѣсколько копѣекъ спроситъ себѣ своихъ любимыхъ макаронъ. Его удовольствія также скромны. По воскресным днямъ онъ играетъ въ мячъ въ тѣнистомъ мѣстѣ или смотритъ на играющихъ, одобряетъ ловкаго въ игрѣ, остритъ надъ неумѣлымъ. Если разговоръ идетъ не о домашнихъ, обычныхъ дѣлахъ, онъ легко увлекается, физіономія его дѣлается въ высшей степени подвижною, рѣчь свою онъ сопровождаетъ оживленною жестикуляціею, говоритъ живо, свободно, можетъ выразить всякую мысль. Очень любитъ молодой итальянецъ и потанцовать съ молодыми дѣвушками, но еще съ большею любовью отдается игрѣ на какомъ-нибудь инструментѣ. Эта любовь такъ сильна въ итальянскомъ народѣ, что, не имѣя подъ руками инструмента, молодой человѣкъ хватаетъ палку и, подражая игрѣ, до того увлекается, что лицо его безпрестанно мѣняется, дѣлается то грустнымъ, то необыкновенно веселымъ. Страсть и привычка итальянца къ пѣнію представляетъ для путешественника даже большое неудобство. Итальянцы всегда поютъ, за дѣломъ и за бездѣльемъ, но болѣе всего любятъ они пѣть по ночамъ. Чѣмъ ближе къ утренней зарѣ, тѣмъ болѣе они водушевляются, поютъ все громче и громче. Они обыкновенно расхаживаютъ ночью по улицамъ компаніею въ 20—30 человѣкъ и подъ конецъ такъ громко поютъ, что мѣшаютъ спать непривычному иностранцу. Многіе жалуются полиціи на ночныхъ пѣвцовъ, но народъ такъ крѣпко держится за этотъ обычай, что его не могутъ искоренить никакими мѣрами. Однажды въ Палермо былъ отданъ строгій приказъ полиціи принять мѣры противъ этихъ нарушителей общественнаго спокойствія. Послѣ этого жандармы въ первую же ночь остановили группу пѣвцовъ, но тѣ приняли это за страшное оскорбленіе и нарушеніе свободы, и, по итальянскому обычаю, пошли тотчасъ же въ ходъ ножи. Полиція схватилась за револьверы, произошло настоящее сраженіе, и съ обѣихъ сторонъ были убитые и раненые. Въ Италіи можно легко устроить серенаду за деньги, но уличные пѣвцы, которые расхаживаютъ большими компаніями по улицамъ города, устраиваютъ эти серенады для себя или для любимыхъ дѣвушекъ своихъ товарищей. Очень часто этимъ уличнымъ хорамъ аккомпанируютъ маленькіе оркестры, состоящіе изъ скрипокъ, трубъ, барабана. Даже въ Римѣ, столицѣ Италіи, часто въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дворца, среди ночной тишины, вдругъ раздастся неистовый грохотъ самыхъ разнообразныхъ инструментовъ и въ высшей степени громкое пѣніе.

Иностранцы, встрѣчая въ большихъ городахъ Италіи цѣлыя арміи итальянскаго простонародья, выпрашивающаго милостыню и живописными группами валяющагося на площадяхъ, у фонтановъ, у входовъ въ храмы и музеи, пришли къ убѣжденію, что итальянцы самый лѣнивый народъ въ мірѣ. Это совершенно не вѣрно: хотя нищихъ здѣсь чрезвычайно много и также много ничего не дѣлающихъ по цѣлымъ днямъ, но то и другое происходитъ отъ невозможности найти какую бы то ни было работу. Вездѣ, гдѣ итальянскій крестьянинъ можетъ взяться за дѣло самостоятельно, онъ показываетъ чудеса энергіи. Возьмемъ въ примѣръ островъ Капри: нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ онъ представлялъ голую скалу, а теперь, благодаря неустанному труду тамошнихъ крестьянъ, значительная часть его уже обращена въ роскошный садъ. Ни одинъ крестьянинъ въ мірѣ, по отзыву ученыхъ, изучавшихъ жизнь итальянскаго народа, не способенъ къ такому продолжительному и упорному труду при такихъ страшныхъ лишеніяхъ, при такой непитательной пищѣ и за такое ничтожное вознагражденіе.

Самая непривлекательная сторона итальянца—страшная неряшливость, результатъ его давнишней бѣдности; не говоря уже о его вѣчно засаленной одеждѣ и о томъ, что отъ него издали несетъ лукомъ, его голова, одежда и тѣло покрыты миріадами паразитовъ: у растворенной двери жилища вы постоянно видите итальянокъ, ищущихъ ихъ другъ у друга. Рабочіе и лодочники бросаются на песокъ набережной и катаются нѣсколько минутъ, чтобы насѣкомыя изъ грязной, рваной рубашки перешли въ песокъ.

Въ каждомъ мѣстечкѣ Италіи, въ каждомъ городкѣ, чуть не на каждой улицѣ большого города, существуютъ маленькія лавочки съ вывѣской «государственная лоттерея». Итальянскій народъ страшно къ нимъ пристрастился, и не только рабочій, но даже нищій, собравъ милостынею нѣсколько копѣекъ, старается, во что бы то ни стало, взять лоттерейный билетъ. Эти лоттереи имѣютъ чрезвычайно вредное вліяніе на итальянскій людъ: онѣ увеличиваютъ его суевѣрія и невѣжество, возбуждаютъ страсть къ игрѣ, пріучаютъ болѣе надѣяться на выигрышъ, чѣмъ на честный трудъ и, въ концѣ концовъ, совершенно разоряютъ его. Прежде, чѣмъ взять билетъ, итальянецъ долго гадаетъ, брать ему его или нѣтъ, выиграетъ онъ или проиграетъ. Все даетъ ему поводъ для гаданія: звѣзды на небѣ, лепестки цвѣтовъ, числа, на которыя падаютъ праздники патроновъ, число морщинъ на лобикѣ новорожденнаго ребенка, и прежде всего сны, за объясненіемъ которыхъ онъ отправляется къ особымъ толкователямъ, платитъ имъ, платитъ и множеству другихъ шарлатановъ даже прежде, чѣмъ потратиться на билетъ. Въ опредѣленные дни недѣли, обыкновенно въ пятницу и субботу, къ лавочкамъ съ вывѣской о лоттереѣ, украшеннымъ государственнымъ гербомъ и громаднымъ количествомъ мадоннъ и иконъ святыхъ, передъ которыми постоянно теплятся свѣчи, со всѣхъ сторонъ стекается народъ: фабричные, земледѣльцы, кухарки, мелкіе торговцы, дѣти, чиновники. Розыгрышъ происходитъ каждое воскресенье, и его-то съ страшнымъ нетерпѣніемъ ждутъ всѣ взявшіе билеты. Въ каждомъ лоттерейномъ бюро по 90 нумеровъ,—изъ нихъ выигрываетъ только 5; но такъ какъ выигрыши еженедѣльные и этихъ бюро очень много, то громадное большинство итальянскаго простонародья спускаетъ свои гроши на эти лоттереи. Какъ много идетъ на нихъ денегъ, видно изъ того, что эти лоттереи ежегодно доставляютъ казначейству отъ 75 до 80 милліоновъ франковъ (по курсу франкъ равняется 37 к.) чистаго дохода. Вредъ этихъ лоттерей для народа очевиденъ для каждаго, и онѣ давно были бы уничтожены, если бы не пополняли вѣчно пустую кассу государственнаго казначейства.

Каждый нумеръ 90-ти билетовъ носитъ какое-нибудь особое названіе, такъ, напримѣръ, 15-й нумеръ извѣстенъ подъ названіемъ «чашка», 27-й—«голова». Какъ только таблицы выигрышей вывѣшены на дверяхъ банка, уличные мальчики бѣгаютъ по улицамъ, выкрикивая тѣ нумера, на которые палъ выигрышъ: «домъ», «голова» и т. д. Всѣ выскакиваютъ изъ домовъ, прислушиваются, переспрашиваютъ мальчиковъ, бѣгутъ сами удостовѣриться... И вслѣдъ затѣмъ раздаются крикъ, вопли, брань, проклятія невыигравшихъ. Каждый изъ нихъ въ первую минуту даетъ слово не брать болѣе билетовъ, но выдерживаетъ характеръ лишь на два, на три дня, а затѣмъ бѣжитъ, какъ угорѣлый, въ бюро, опасаясь опоздать. Иной каждый разъ даетъ слово бросить лоттерею, но беретъ билеты до тѣхъ поръ, пока не продастъ все самое необходимое въ хозяйствѣ. Въ особенности этой азартной игрой увлекаются женщины. Онѣ просто сходятъ съ ума въ этой погонѣ за выигрышемъ, продаютъ все, что только можно продать, морятъ голодомъ себя и своихъ дѣтей, лишь бы снова и снова попытать счастье.

Страсть итальянцевъ къ лоттереямъ создала особый типъ «предсказателей выигрышныхъ нумеровъ». Въ большинствѣ случаевъ ими оказываются нищенствующіе монахи; ловкому и изворотливому изъ нихъ судьба сулитъ большое счастье. Входя въ домъ, онъ не назоветъ нумера, на какой будто бы падетъ выигрышъ, а посматриваетъ на какой-нибудь предметъ, который обозначаетъ тотъ или другой нумеръ. Хозяева дома говорятъ, что онъ не даромъ смотритъ на то или другое, берутъ номеръ, обозначаемый названіемъ того предмета, на который смотрѣлъ монахъ, выигрываютъ,—и вотъ слава монаха упрочена на нѣкоторое время: его всюду приглашаютъ. Въ томъ случаѣ, если невыигравшій пристаетъ къ нему съ вопросомъ, «зачѣмъ-де онъ смотрѣлъ на то или другое, что это и заставило взять несчастный нумеръ», монахъ ловко вывертывается, говоритъ, что онъ смотрѣлъ совсѣмъ не на то, что проигравшій самъ виноватъ, такъ какъ не съумѣлъ его понять. Однако, нерѣдко раздраженные неудачей осыпаютъ монаха бранью и выгоняютъ его вонъ изъ своего дома, а были случаи, что дѣло кончалось даже убійствомъ такого предсказателя.

Между итальянскимъ простонародьемъ нѣкоторые татуируютъ себя. Извѣстно, что этотъ обычай крайне популяренъ у всѣхъ первобытныхъ народовъ, но онъ, съ распространеніемъ цивилизаціи, всюду исчезалъ. Между тѣмъ изслѣдователи народнаго быта нашли, что татуированіе существуетъ въ Италіи и въ настоящее время. Между взрослыми арестантами въ тюрьмахъ татуированныхъ оказалось 8%, между дѣтьми въ исправительныхъ заведеніяхъ и въ пріютахъ для малолѣтнихъ бродягъ— до 40%. Извѣстно, что матросы даже образованныхъ странъ, побывавшіе на островахъ Тихаго океана, нерѣдко отъ скуки перенимаютъ отъ дикарей этотъ обычай. Но татуированные итальянцы обыкновенно не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о дикаряхъ. Болѣе другихъ татуируются пьемонтцы и ломбардцы, т.-е. жители именно тѣхъ областей, которыя лежатъ вдали отъ моря. Люди, занимающіеся татуированіемъ, живутъ въ мѣстахъ, куда стекается много богомольцевъ на поклоненіе святымъ. За плату отъ 60 до 80 сантимовъ, они иглою выводятъ на кожѣ желающихъ кресты или священные символы. Охотникамъ до татуированія приходится поплатиться за эту операцію иногда продолжительною болѣзнью, рожею и лихорадкою. Но главнымъ разсадникомъ татуировки служатъ тюрьма и каторга. Многіе выходятъ изъ этихъ учрежденій съ высшей степени сложными рисунками на тѣлѣ. Между женщинами этотъ обычай распространенъ гораздо меньше. Только нѣкоторыя крестьянки сѣверной Италіи накалываютъ на рукахъ крестъ или священные символы. Причину этого явленія объясняютъ желаніемъ похвастать нечувствительностью къ физической боли или сохранить воспоминаніе о какомъ-нибудь важномъ событіи, но всего болѣе этому содѣйствуетъ скука и бездѣйствіе въ тюрьмахъ.

Висѣлица и мѣсто казни вездѣ въ Италіи играютъ весьма немаловажную роль въ народномъ суевѣріи. Душамъ обезглавленныхъ людей, хотя бы они были казнены за убійство, мошенничество и другія злодѣйства, приписываютъ въ Италіи чудодѣйственную силу. Итальянцы находятъ, что, какъ бы ни былъ порочeнъ и преступенъ человѣкъ при жизни, его душа непремѣнно будетъ въ раю, такъ какъ онъ все искупилъ своею смертью, хотя бы насильственною. Но нигдѣ казненнымъ не придаютъ такого значенія, какъ въ Сициліи. Отъ мала до велика всѣ обращаются съ молитвою къ душамъ обезглавленныхъ людей. Простой народъ считаетъ ихъ своими покровителями и вѣритъ, что онѣ появляются на улицахъ, у всѣхъ рѣкъ, на морѣ во время бури, и во время всѣхъ своихъ несчастій обращаются къ нимъ. Палермо—главное средоточіе этого своеобразнаго культа, потому что здѣсь совершена была большая

часть казней въ прошломъ столѣтіи. Уже въ XVI столѣтіи тамъ возникло общество, задачею котораго было утѣшать осужденныхъ передъ смертью и молиться за ихъ спасеніе послѣ казни. Въ XVII столѣтіи сооружена была, существующая до сихъ поръ, церковь «осужденныхъ», въ которой молятся за преступниковъ, искупившихъ смертью свое преступленіе. Впослѣдствіи возникла и другая церковь «обезглавленныхъ душъ», особенно чтимая народомъ и въ настоящее время. Точно также и въ другихъ городахъ, гдѣ совершались казни преступниковъ, возникали общества съ тою же цѣлью и сооружали церкви. Особеннымъ почитаніемъ пользуется душа Франческо Фрустели, одного крестьянина, который былъ осужденъ за то, что убилъ свою родную мать. У его памятника, на которомъ онъ изображенъ въ тотъ моментъ, когда всходитъ на эшафотъ, виситъ неугасимая лампада, между тѣмъ какъ надпись на одной изъ стѣнъ церкви, находящейся подлѣ, увѣковѣчила день его смерти. Въ народѣ разсказываютъ о необыкновенныхъ чудесахъ, совершенныхъ этимъ обезглавленнымъ. Существуетъ даже нѣсколько книгъ и брошюръ въ стихахъ и прозѣ, гдѣ прославляется его покаяніе передъ кончиной и разсказывается множество чудесъ, которыя онъ совершилъ послѣ смерти. На могилы обезглавленныхъ народъ кладетъ четки, молится передъ ними, приникаетъ къ землѣ и ожидаетъ отвѣта отъ душъ. У входа въ церкви, посвященныя ихъ памяти, по обѣимъ сторонамъ висятъ обыкновенно сотни картинъ, исполненныхъ художниками изъ народа, по обѣту и заказу вѣрующихъ: онѣ изображаютъ чудеса, которыя творятъ души. Стѣны церквей, посвященныхъ ихъ памяти, сплошь увѣшаны этими картинами, и такъ какъ число ихъ увеличивается съ каждымъ годомъ, то старыя обыкновенно замѣняютъ новыми. На многихъ изъ тѣхъ, которыя были исполнены въ 1860 году, изображена битва противъ бурбонскихъ войскъ. Такъ какъ національное возстаніе считается у итальянцевъ святымъ дѣломъ, то герои его, по ихъ понятіямъ, болѣе другихъ пользуются покровительствомъ душъ обезглавленныхъ. Защитники свободы изображены въ обыкновенной крестьянской одеждѣ; многіе изъ нихъ уже ранены и окровавлены, но они въ разныхъ геройскихъ позахъ, съ оружіемъ въ рукахъ, непоколебимо стоятъ стѣною противъ непріятельскихъ солдатъ, между тѣмъ какъ въ уголку картины виднѣются обезглавленные скелеты, которые должны поддерживать храбрость героевъ. На другой картинѣ изображена страшная буря на морѣ, а корабли и пароходы, наполненные гарибальдійцами, борятся съ опасностью; вдали «душа обезглавленнаго» въ молящейся позѣ обращается къ Богу, указывая ему на погибающіе корабли.

Души обезглавленныхъ, по понятію итальянца, если къ нимъ обратиться съ просьбою, спасаютъ отъ воровъ и мошенниковъ, а если не могутъ совсѣмъ избавить отъ несчастія, то, по крайней мѣрѣ, ослабляютъ его. Такимъ образомъ, если воры нападутъ ночью на одного изъ почитателей душъ, онѣ тотчасъ являются, дѣлаютъ раны безвредными или искалѣчиваютъ руку преступника. Это народъ объясняетъ тѣмъ, что души людей, которые при жизни не чувствовали никакого состраданія къ своимъ ближнимъ, послѣ искренняго покаянія и насильственной смерти дѣлаются ненавистниками преступленія и покровителями слабыхъ. Онѣ возвращаютъ здоровье безнадежно-больнымъ, освобождаютъ заключенныхъ, предупреждаютъ опасность, спасаютъ отъ различныхъ поврежденій, и потому число вѣрующихъ въ нихъ настолько велико, что въ одномъ Палермо изъ пожертвованныхъ денегъ образовался капиталъ, проценты котораго оплачиваютъ четыре мессы въ день. Во многихъ мѣстностяхъ Италіи священнымъ днемъ обезглавленныхъ душъ считается понедѣльникъ, а въ Палермо имъ посвящено два дня, понедѣльникъ и пятница. Каждый вѣрующій, у кого случится какая-либо бѣда, даетъ обѣтъ въ одинъ изъ этихъ дней идти на бого-

молье босымъ въ ту или другую церковь, посвященную памяти обезглавленныхъ душъ. Во все время путешествія богомолецъ читаетъ молитвы, перебирая четки. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: «мои обезглавленныя душеньки! васъ девятеро! соберитесь вы всѣ девятеро, предстаньте предъ Вѣчнымъ Отцомъ, разскажите Ему мое горе и просите Его до тѣхъ поръ, пока Онъ явитъ мнѣ свою милость». Или: «душеньки обезглавленныхъ тѣлъ! вы, которыя родились на землѣ, пребываете въ чистилищѣ, ожидаемы въ раю,—просите Вѣчнаго Отца помочь моему горю, просите Господа, чтобы враги мои расположились въ мою пользу». Въ своемъ обращеніи народъ обыкновенно упоминаетъ о девяти душахъ, такъ какъ онъ вѣритъ, что три души висѣльниковъ, три души обезглавленныхъ и три души утопленниковъ соединяются воедино, чтобы помогать людямъ. Достигнувъ церкви обезглавленныхъ душъ, богомолецъ становится на колѣни передъ балюстрадой алтаря, посвященной обезглавленному Іоанну Крестителю, патрону и защитнику обезглавленныхъ, и жертвуетъ свои четки. Затѣмъ онъ идетъ поклониться могилѣ своихъ защитниковъ и вслушивается, какой они дадутъ ему отвѣтъ. Если онъ услышитъ звонъ, то онъ увѣренъ, что милость, о которой онъ просилъ, будетъ ему оказана. Если нѣтъ времени предпринять длинное путешествіе, то почитатель молится дома въ теченіе девяти дней. Каждую ночь онъ зажигаетъ свѣчку передъ изображеніемъ душъ и, пріотворивъ дверь или окно, становится на колѣни, перебирая четки до послѣдняго зерна. Къ своимъ молитвамъ онъ нерѣдко присоединяетъ и угрозу: «разскажите, душеньки, Предвѣчному Отцу мои страданія... Но если вы мнѣ не дадите того, чего я у васъ прошу, я не пожертвую вамъ моихъ четокъ»... Если послѣ молитвы прокричитъ пѣтухъ, залаетъ собака, раздадутся звуки гитары, звонъ колокольчика, шумъ проѣхавшаго экипажа,—просьба сбудется. Дурными предзнаменованіями считаютъ: мяуканье кошки, крикъ осла, стонъ, плачъ, голоса спорящихъ и особенно шумъ воды, которую льютъ на дорогу, быть можетъ потому, что это напоминаетъ слезы.

Изъ обрядовъ по усопшемъ особенно любопытны причитанія. Когда у хозяйки дома скончался кто-нибудь изъ членовъ ея семьи, она отправляется къ сосѣдкамъ и говоритъ каждой изъ нихъ: «Кумушки, придите ко мнѣ оплакивать моего мужа, за это я дамъ вамъ бобовъ»... Затѣмъ она возвращается домой, а за ней и ея сосѣдки. Входя въ комнату, онѣ дѣлаютъ видъ, что не видятъ покойника, затѣмъ сразу, какъ будто нечаянно замѣтивъ его, издаютъ пронзительный крикъ: всплеснувъ руками, онѣ сбрасываютъ покрывающіе ихъ плащи, ломаютъ руки, кричатъ, рыдаютъ и нерѣдко даже царапаютъ себѣ лицо, приговаривая отдѣльныя фразы, вродѣ слѣдующихъ: «зачѣмъ ты насъ покинулъ? На кого бросилъ ты свою семью?»

Въ Сициліи домъ покойника часто не можетъ вмѣстить всѣхъ плакальщицъ; тогда на открытомъ воздухѣ, между двухъ стульевъ, укрѣпляютъ доску и кладутъ на нее мертвеца, одѣтаго капуциномъ, со сложенными руками и ногами, перевязанными желтою лентою. Послѣ этого кто-нибудь изъ семьи покойнаго приглашаетъ родственницъ начать пѣніе. Вслѣдъ за этимъ составляется хороводъ, который пляшетъ вокругъ лежащаго на столѣ покойника, на подобіе траурныхъ танцевъ, изображенныхъ на урнахъ этрусковъ. При этомъ одна изъ родственницъ или особенно прославившаяся въ данной мѣстности пѣвица поетъ: «раздвиньте вашъ кругъ попросторнѣе». Этими словами пѣвица выражаетъ мысль, что ей нуженъ просторъ для ея горя. Послѣднія слова подхватываетъ и повторяетъ хоръ. Къ ночи зажигаютъ костры.

Отъ этого печальнаго обряда перейдемъ къ домашней обстановкѣ простолюдина. Свинья и оселъ или мулъ — любимыя домашнія животныя простолюдина во всей Италіи. Свиней вы встрѣтите въ каждомъ крестьянскомъ домикѣ; въ маленькихъ

южныхъ городахъ Италіи онѣ прогуливаются безъ стѣсненія на улицѣ, суютъ свое рыло въ каждую лавченку, попадающуюся по дорогѣ, и, какъ мы уже говорили, во многихъ мѣстностяхъ такъ привязываются къ хозяину, какъ у насъ собаки. Итальянскому крестьянину жалко тратиться на прокормленіе собаки, которая можетъ только оберегать его скудное имущество. Держать свинью ему ничего не стоитъ: она кормится остатками фруктовъ, которыхъ никто не ѣстъ, между тѣмъ, продавъ ее, онъ можетъ уплатить часть своихъ податей. Оселъ—еще болѣе необходимое для итальянца животное: въ его семействѣ это первый помощникъ и лучшій работникъ. Онъ исполняетъ у него всевозможныя работы, возитъ и носитъ съ утра до ночи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только посмотрѣть на этихъ животныхъ хотя бы на улицахъ Неаполя, нагруженныхъ привозимыми и увозимыми тяжестями. Иногда возъ своею величиною почти поглощаетъ осла, и впряженное животное кажется не больше собаки, стоящей у стога сѣна. Лишиться осла—тяжкое горе для итальянца, пущая нищета для всего семейства. Это вполнѣ выражается въ итальянской народной пѣснѣ:

«Горе, горе, что мнѣ дѣлать?
Вотъ мой осликъ не встаетъ.
О, несчастный я, несчастный,
Если только онъ умретъ.
Ай бѣда! ай бѣда!
Кола Скассо безъ осла,
Что тогда?
Помогите! о проклятье!
Умерла моя жена—
Могъ-ли думать, что мнѣ доля
Еще хуже суждена.
Ай, бѣда!» и т. д.

Если вы войдете въ жилище крестьянина, то неизбѣжно увидите осла, который жуетъ сѣно; подлѣ—очагъ, а въ золѣ лежитъ исхудалая кошка. Прямо противъ входа окно безъ рамы; налѣво постель съ мѣшкомъ, набитымъ соломой, и тутъ же подъ нимъ стоитъ корыто, изъ котораго ѣстъ свинья. Посреди комнаты бѣгаютъ и кудахтаютъ куры, пищатъ цыплята, прогуливается пѣтухъ, между тѣмъ какъ свинья хрюкаетъ подъ постелью, на которой играетъ маленькій ребенокъ. Въ Италіи только женатые люди спятъ на постели, а также и грудной ребенокъ съ матерью, пока не родится слѣдующее дитя; тогда первенца перемѣщаютъ на сундукъ, а при появленіи третьяго онъ уже спитъ зимою на соломѣ возлѣ осла, а лѣтомъ подъ открытымъ небомъ.

Италія во всѣ времена прошлой жизни, точно такъ-же, какъ и въ настоящее время, не мало насчитываетъ громкихъ женскихъ именъ во всѣхъ сферахъ научной дѣятельности, въ литературѣ, поэзіи, наконецъ, даже героинь, отдавшихъ свою жизнь за благо родины. Стоитъ только вспомнить Елену Лукрецію, получившую степень доктора въ Падуанскомъ университетѣ еще въ 1678 году. Столѣтіе спустя мы находимъ Лауру Басси, которую можно считать не только ученѣйшей женщиной Италіи, но она блистала своею ученостью между знаменитостями того времени и занимала въ Болонскомъ университетѣ каѳедры физико-медицинскихъ предметовъ. Не менѣе прославилась Марія Аморетти, какъ юристка, и Луиза Чиччи, какъ поэтъ. Множество итальянскихъ женщинъ имѣли громадное вліяніе на великихъ поэтовъ и художниковъ, и оно оставило слѣды въ поэзіи, литературѣ и искусствѣ: на Данта и его дѣятельность имѣла громадное вліяніе Беатриче, на Рафаэля—Форнарина, на Бокаччіо—Марія Неаполитанская, на Тассо—Леонора д'Эстэ. Въ извѣстные періоды итальян-

ской жизни женщины занимали блестящее положеніе, имъ удивлялись, подчинялись ихъ вліянію.

Въ послѣднее время борьбы за освобожденіе Италіи является цѣлый рядъ героинь, которыя рискуютъ своею жизнью, жертвуютъ своимъ состояніемъ. Еще недавно въ Римѣ умерла Эрмилія Фузинато Фуа—поэтесса и замѣчательный педагогъ, которая первая дала толчекъ женскому образованію. Помощницею ея въ этомъ дѣлѣ была въ высшей степени до сихъ поръ популярная въ Италіи женщина-поэтъ-импровизаторъ Джіаннина Милли. Это, дѣйствительно, замѣчательная женщина. Она дочь простого ремесленника, и уже съ 7-ми лѣтъ гармоническіе стихи слетали съ ея устъ. Это въ полномъ смыслѣ слова народная поэтесса, которая уже въ 1848 году воспѣла въ своихъ произведеніяхъ всѣ надежды своего народа. Въ то время все было въ волненіи, всѣ были полны надеждъ и энтузіазма, и Милли сдѣлалась «музою итальянскаго возрожденія и могущественнымъ средствомъ для народной пропаганды. Какъ древняя пиѳія, послѣ вдохновенныхъ импровизацій своихъ она падала обыкновенно въ изнеможеніи; ея слабое здоровье и порождаемый ею энтузіазмъ, счастливая сдержанность ея выраженій, а быть можетъ, и самая прелесть стиховъ спасали ее отъ строгости полиціи, которая тѣмъ не менѣе со вниманіемъ слѣдила за каждымъ ея словомъ». Но Милли отличается не только поэтическимъ талантомъ, — стремленіе всей ея жизни было возвысить итальянскую женщину. Разбогатѣвшая вслѣдствіе успѣха, осыпанная почестями, она всецѣло предалась дѣлу женскаго образованія и основала для женщинъ нѣсколько школъ, изъ которыхъ одною завѣдывала сама.

Но не одна Милли прославилась поэтическимъ талантомъ въ нынѣшнемъ столѣтіи: въ настоящее время въ Римѣ пользуется большимъ успѣхомъ, какъ писательница и скульпторъ,—Луиза Саредо; время отъ времени носятся слухи о той или другой дѣвушкѣ, съ успѣхомъ окончившей курсъ въ университетѣ; наконецъ, въ настоящую минуту особенною популярностью пользуются три женщины-поэтессы: графиня Лара, Изабелла Патуцци и Ада Негри. Нужно помнить, что выдѣлиться въ этой странѣ поэтическимъ творчествомъ—чрезвычайно трудно, такъ какъ здѣсь очень многіе пишутъ стихи, начиная отъ министра и кончая лакеемъ.

Но всѣ эти блестящіе примѣры и громкія имена—только единичные факты, и положеніе женщинъ въ Италіи самое унизительное сравнительно со всѣми другими женщинами христіанской Европы. И на сѣверѣ, и на югѣ Италіи оно почти одинаково, съ тою только разницею, что на сѣверѣ она имѣетъ право нѣсколько болѣе выходить одна на улицу; тѣмъ не менѣе во всей странѣ замѣтно, гдѣ болѣе, гдѣ менѣе, какое-то восточное удаленіе половъ другъ отъ друга: мужчины сами по себѣ, женщины тоже; женщины ходятъ въ гости къ женщинамъ, мужчины къ мужчинамъ. Тутъ не только считается преступленіемъ идти дѣвушкѣ рука объ руку съ мужчиною, но даже мужъ рѣдко поведетъ жену подъ руку на прогулку, а болѣе держится мужского общества. Между мужчиной и посторонней ему женщиной допускается разговоръ только у открытаго окна или домашней двери. По вечерамъ слышны также подъ окнами жалобные звуки волынки и прелестныя пѣсни, въ которыхъ юноши воспѣваютъ дѣвушекъ, не имѣя возможности запросто побесѣдовать съ ними.

Едва ли гдѣ-нибудь мужчины относятся такъ презрительно къ женщинѣ, какъ въ Италіи. Конечно, среди простонародья, уже вслѣдствіе бѣдности и работы сообща, такое раздѣленіе половъ не наблюдается такъ строго: работникъ, на каждомъ шагу, невольно сталкивается съ работницею, нерѣдко отправляются и возвращаются съ поля вмѣстѣ, но во всѣхъ остальныхъ классахъ общества этотъ обычай строго соблюдается. Но зато среди итальянскаго простонародья, чѣмъ менѣе оно развито

умственно, тѣмъ болѣе замѣтно презрѣнья въ женщинѣ, тѣмъ менѣе жалости сказывается къ ней, тѣмъ болѣе сваливаютъ на нее всѣ тяжелыя работы. Среди итальянцевъ существуетъ множество риѳмованныхъ и нериѳмованныхъ поговорокъ, выражающихъ все ихъ презрѣніе къ нимъ: «жена, что каштанъ — снаружи красивый, внутри негодный»; «гдѣ двѣ женщины и одинъ гусь, тамъ рынокъ»; «три дочери и одна мать—четыре чорта на одного отца»; «все отъ Бога, только не женщины»; «на женщинъ, осла и орѣхи нужны крѣпкія руки»; «какъ при покупкѣ коня, такъ и при женитьбѣ, закрой глаза и положись на небо».—Въ семьяхъ всѣхъ классовъ итальянскаго общества (кромѣ высшей аристократіи, которая ведетъ особый образъ жизни) значеніе имѣетъ только мужчина.

Итальянская женщина не только терпитъ гнетъ и нравственное униженіе, но до 1866 года не пользовалась и никакими правами. Итальянскій депутатъ Морелли, извѣстный публицистъ, энтузіастъ и страстный поклонникъ эмансипаціи женщины и ея правъ на равенство съ мужчинами, уже въ продолженіе 25 лѣтъ во всѣхъ своихъ парламентскихъ рѣчахъ говорилъ о необходимости расширенія права женщинъ. Онъ добился того, что имъ въ послѣднее время предоставлено: 1) право руководить элементарными школами; 2) занимать мѣста телеграфистокъ, почтмейстеровъ и нѣкоторыя другія должности въ этомъ родѣ; 3) право являться свидѣтельницами и подписывать всевозможные документы. Но, къ сожалѣнію, нравы не зависятъ отъ постановленій закона и стоятъ ниже его, такъ что всѣ реформы нисколько не затрогиваютъ общественнаго мнѣнія, которое остается при своемъ.

Въ Италіи во всей силѣ господствуетъ восточный законъ: полная покорность отцу, мужу, сыну и даже брату. Женщина въ этой странѣ—раба въ самомъ полномъ и глубокомъ смыслѣ этого слова. Мальчикъ, лишь только онъ достигаетъ отроческаго возраста, дѣлается главою семьи, и отъ его власти зависятъ не только его младшія и старшія сестры, но даже мать; ни одна изъ нихъ не имѣетъ права распорядиться ни одною копѣйкою. Такъ живутъ женщины какъ въ богатыхъ, такъ и въ бѣдныхъ семействахъ; только высшая аристократія составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе и живетъ, какъ и вездѣ въ остальной Европѣ. Одежда матери и сестеръ, ихъ выѣзды, знакомства, бракъ, однимъ словомъ вся судьба ихъ находится въ рукахъ иногда очень юнаго человѣка. Въ семействахъ, которыя не могутъ держать много прислуги, и у простонародья женщины прислуживаютъ, какъ господамъ,—отцу, сыну, мужу и брату. Мать и сестра спрашиваютъ у юнаго хозяина позволенія идти въ церковь или на балъ. Онъ, если не расположенъ, говоритъ имъ «нельзя» и не пускается въ дальнѣйшія разсужденія, да получившія отказъ никогда и не рѣшатся потребовать отъ него объясненія: онѣ должны, обязаны повиноваться каждому слову.

Ни одна женщина, кромѣ уличныхъ торговокъ, не рѣшается выйти на улицу безъ провожатаго: на такую всѣ смотрятъ съ презрѣніемъ и осаждаютъ ее вопросами и соболѣзнованіями. Въ особенности женщины юга живутъ въ полномъ смыслѣ слова затворническою жизнью. Единственное ихъ развлеченіе—постоять у открытыхъ дверей, у окошка, а главное—на балконахъ, которые подвѣшены на югѣ чуть не къ каждому окну. Такая суровая, замкнутая, аскетическая жизнь вызываетъ, конечно, множество злоупотребленій. Тутъ женщина болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, любитъ принарядиться, показать себя на балконѣ, принимая всевозможныя позы, чтобы привлечь на себя взгляды.

Мужчина не только заставляетъ женщину вести аскетическую жизнь, но и отстраняетъ ее по возможности даже отъ хозяйства: онъ ходитъ на рынокъ покупать

съѣстное, покупаетъ даже платья и наряды всему семейству. Мелкій чиновникъ, лишь только кончится присутствіе, бѣжитъ на рынокъ за покупками. Тутъ онъ столкнется не только съ своимъ братомъ мелкимъ чиновникомъ, но и съ судьею, съ банкиромъ, съ промышленникомъ. Въ Италіи есть мѣстности, гдѣ самая простая судомойка будетъ глубоко обижена, если вы пошлете ее въ лавку. Когда отцы и старшіе сыновья находятся за конторками и въ присутствіи, дѣла съ торговцами поручаютъ вести дѣтямъ—мальчикамъ и дѣвочкамъ: но, разъ дѣвочкѣ минуло 13 лѣтъ, такая обязанность дѣлается для нея позорной.

Что же она дѣлаетъ цѣлый день? Шьетъ, вышиваетъ, сметаетъ пыль съ мебели, выглядываетъ въ окошко и раскрытую дверь, чиститъ платье, перешиваетъ его и, если она дѣвушка, то голова въ продолженіе цѣлаго дня только и занята мечтами о бракѣ. Она знаетъ, что при новой обстановкѣ ее ждетъ та же семейная тиранія, то же затворничество; но ея бракъ внесетъ хоть на полгода, хотя на одинъ мѣсяцъ какое-нибудь разнообразіе; она будетъ веселиться на свадьбѣ, она будетъ ухаживать за маленькимъ ребенкомъ, она будетъ его любить.

Въ сѣверной Италіи женщинъ средняго класса еще можно встрѣтить на улицахъ, на гуляньяхъ, но и тамъ онѣ терпятъ отъ семейнаго ига, и тамъ обязаны повиноваться малѣйшему желанію мужа, брата и выполнять всѣ ихъ прихоти. Такъ какъ во всей Италіи мужчины смотрятъ только на внѣшность женщинъ, то онѣ и заботятся только о ней: онѣ усердно притираютъ себѣ лицо и еще болѣе пудрятся; гораздо рѣже чернятъ себѣ подъ глазами и румянятся. Болѣе всего онѣ любятъ въ туалетѣ яркія краски и пестроту. Первое стремленіе дѣвушки—имѣть массу украшеній. Даже самая бѣдная поденщица не выйдетъ замужъ, если не можетъ купить эти украшенія, по крайней мѣрѣ коралловое, которое должна имѣть каждая. У самой бѣдной дѣвушки первая страсть — туалетъ, то же самое и въ буржуазіи. Каждая прежде думаетъ о платьѣ и украшеніяхъ и потомъ уже о бѣльѣ.

Образованіе итальянскаго народа до самаго послѣдняго времени было весьма печально: духовенство, которое имѣло огромное вліяніе на управленіе страной, захватило въ свои руки громадныя земли и другіе источники богатства, которые по праву принадлежали народу, и взамѣнъ этого оно бросало ему подачки въ видѣ даровыхъ обѣдовъ при церквахъ и монастыряхъ, а объ образованіи оно боялось даже думать. Въ Неаполитанскомъ королевствѣ главными распорядителями народнаго обученія и наставниками были почти исключительно духовные сановники или лица, принадлежавшія къ какой-нибудь религіозной конгрегаціи. Университетскій совѣтъ состоялъ изъ монаховъ, и монашескіе ордена доставляли почти всѣхъ учителей въ элементарныя школы. Среднія учебныя заведенія были въ рукахъ іезуитовъ. Въ Пармѣ владѣтельная герцогиня предоставила все начальное обученіе монахамъ, а среднее и высшее—іезуитамъ. Въ Моденѣ всѣмъ народнымъ образованіемъ заправляла одна духовная конгрегація. Такимъ образомъ во всѣхъ итальянскихъ государствахъ, присоединенныхъ къ Пьемонту, правительство страны застало народное образованіе въ полномъ завѣдываніи духовенства: вмѣсто развитія грамотности, католическое духовенство заботилось только о безсмысленномъ зазубриваніи, больше всего обращая вниманіе на исполненіе обрядовъ и на сценическую сторону религіи, повсюду распространяя суевѣріе и шпіонство. Замѣчательно, что тѣ школы, которыя дольше другихъ оставались подъ вліяніемъ католическаго духовенства, были въ то же время и наиболѣе отсталыми.

Послѣ объединенія Италіи въ 1870 г. духовенство въ этой странѣ стало терять свое значеніе и менѣе принимать участія въ дѣлѣ первоначальнаго обученія;

вмѣстѣ съ этимъ число школъ, а слѣдовательно и число грамотныхъ стало увеличиваться. Но еще и черезъ десять лѣтъ въ Италіи находилось 9000 школъ, содержимыхъ духовенствомъ. Кромѣ этихъ школъ, до сихъ поръ существуетъ множество пансіоновъ для дѣвушекъ, принадлежащихъ разнымъ духовнымъ общинамъ.

Первоначальное обученіе въ Италіи безплатно и въ то же время обязательно какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ: всѣ дѣти отъ 6-ти до 12-ти-лѣтняго возраста обязаны посѣщать школы. Но законъ объ обязательномъ и безплатномъ обученіи очень долго не былъ осуществленъ; даже и въ настоящее время онъ не строго соблюдается во всѣхъ мѣстностяхъ Италіи; тѣмъ не менѣе дѣйствіе его уже начинаетъ благотворно отражаться. Въ 1880 г. число безграмотныхъ было еще очень велико, а именно на сто человѣкъ было семьдесятъ безграмотныхъ. Но за послѣднія пятнадцать лѣтъ число грамотныхъ сильно увеличилось среди итальянскаго народа. Тѣмъ не менѣе страна эта, по просвѣщенію народа, до сихъ поръ занимаетъ среди первостепенныхъ западно-европейскихъ государствъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ: во Франціи на сто новобранцевъ — 9 безграмотныхъ, въ Германіи на двѣсти человѣкъ — одинъ безграмотный, въ Италіи же до сихъ поръ еще на сто человѣкъ 42 безграмотныхъ новобранца.

СТРАСТЬ КЪ ЗРѢЛИЩАМЪ.

Страсть итальянца къ церемоніямъ и различнымъ зрѣлищамъ.—Карнавалъ. — Конфектный и цвѣточный ливень. — Процессія «Торжество смерти». — Шествіе Бахуса.

Если не описать страсти итальянца къ театру, къ различнымъ представленіямъ и процессіямъ, къ церковнымъ церемоніямъ и празднествамъ, однимъ словомъ къ зрѣлищамъ всякаго рода,—нельзя составить себѣ никакого понятія объ этомъ народѣ. Правда, тяжелое положеніе народа въ настоящее время дѣлаетъ его болѣе равнодушнымъ къ празднествамъ, число которыхъ съ каждымъ годомъ уменьшается, но и до сихъ поръ ихъ еще существуетъ достаточное количество. Итальянецъ не предается кутежамъ на своихъ праздникахъ, ему совсѣмъ не нужно вина: онъ требуетъ пестроты, шума, пѣнія и болѣе всего зрѣлищъ.

Страсть къ зрѣлищамъ въ народѣ была сильно развита еще во времена римскихъ императоровъ, и эту склонность въ немъ постоянно старались поддерживать его правители. Хотя нѣкоторые изъ императоровъ и увлекались сами зрѣлищами, но на первомъ планѣ у каждаго изъ нихъ были своекорыстныя цѣли, которыхъ они старались достигнуть, заставляя народъ все болѣе и болѣе привязываться къ представленіямъ. Для этого самыя зрѣлища устраивали такъ, чтобы съ каждымъ часомъ все болѣе приковывать вниманіе народа и разжигать его воображеніе. Въ описаніяхъ этихъ зрѣлищъ не знаешь, чему болѣе удивляться: баснословной ли роскоши, съ которою ихъ устраивали, или грубой испорченности нравовъ, какая тутъ выказывалась на каждомъ шагу.

Зрѣлища обыкновенно начинались съ разсвѣтомъ и оканчивались съ солнечнымъ закатомъ, и такъ народъ съ утра до вечера, цѣлыми днями, былъ занятъ ими. До полудня его обыкновенно занимали ристаніемъ колесницъ, звѣриною охотою; но совсѣмъ другой характеръ принимали удовольствія послѣобѣденныя: по большей части они начинались боемъ звѣрей и съ каждою минутою становились все болѣе кровавыми. Когда зрители уставали смотрѣть на бой звѣрей, начинался бой людей съ кровожадными звѣрями.

«Хлѣба и зрѣлищъ», кричалъ народъ, и имъ бросали, какъ собакамъ, разныя подачки, а для ихъ потѣхи проливали ручьи крови. Тому изъ императоровъ, кто усерднѣе старался удовлетворить этой страсти къ зрѣлищамъ и устраивалъ ихъ съ большею щедростью, народъ прощалъ его деспотизмъ, всѣ пороки и безуміе. И несмотря на совершенный упадокъ нравственности въ народѣ, несмотря то, что такія зрѣлища страшно обременяли государственную казну, которая на нихъ отпускала баснословно громадныя суммы, императоры всѣми средствами поддерживали эту страсть. Они очень хорошо понимали, что только опьяняющія зрѣлища могли отвлечь мысль народа отъ его бѣдственнаго, унизительнаго положенія. Такъ жила итальянская нація въ первыя столѣтія по Р. Х. и очень многое передала въ наслѣдіе своимъ потомкамъ. Страстью къ процессіямъ и всевозможнымъ зрѣлищамъ, къ азартнымъ играмъ, лоттереямъ,—всѣмъ этимъ его, по всей вѣроятности, и надѣлили его предки. Между свѣтскими праздниками самый веселый, самый любимый итальянцами—карнавалъ и шествіе Бахуса.

Карнавалъ происходитъ на масляницѣ и начинается за восемь дней до великаго поста. Уже за мѣсяцъ до карнавала во всѣхъ городахъ Италіи дѣлаютъ множество приготовленій къ этому празднику. Одинъ фабрикуетъ себѣ ужасныхъ размѣровъ бороду, другой нашиваетъ разноцвѣтные куски на кафтанъ, тамъ въ сотый разъ перенизываютъ на нитку бубенчики, шьютъ шутовскіе наряды, колпаки, дѣлаютъ изъ цвѣтной бумаги букеты и цвѣты. По всему этому вы легко угадываете, что тутъ готовится всенародный маскарадъ, въ которомъ каждый явится нѣсколько разъ переряженнымъ. И съ каждымъ днемъ усиливается какая-то лихорадочная дѣятельность, отовсюду только и слышны толки о предстоящемъ празднествѣ. Между тѣмъ и власти не дремлютъ: онѣ торопятся исполнить всѣ приговоры надъ преступниками до карнавала. Это дѣлается потому, что во время праздниковъ будетъ страшная суматоха, которая всегда облегчаетъ мошенникамъ ихъ промыселъ. Вотъ имъ и напоминаютъ во время наибольшаго для нихъ соблазна, что ихъ ожидаетъ, если они преступятъ законы. Уже съ ранняго утра въ субботу вы поражены страшною толкотнею на улицахъ. Изъ всѣхъ оконъ выставлены стеклянныя рамы, и теперь изъ нихъ висятъ пестрые и красные ковры. Особенно балконы изящно украшаютъ цвѣтной матеріей и коврами. Карнавалъ справляютъ очень разнообразно: что ни годъ—стараются устроить какія-нибудь новыя процессіи.

Однажды газеты въ Ниццѣ оповѣстили въ первый день карнавала: «Пришла депеша, что «Король Пира и Танцевъ» прибудетъ къ его вѣрноподданнымъ сегодня, въ 9 часовъ вечера, съ спеціальнымъ поѣздомъ». Комитетъ праздника во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ ожидаетъ «Короля» на дебаркадерѣ. Раздался свистокъ, запыхтѣлъ приближающійся паровозъ и подъѣхалъ поѣздъ. На огромной платформѣ воздвигнутъ былъ высокій тронъ, на тронѣ возсѣдалъ великанъ-манекенъ въ королевскомъ мундирѣ и съ улыбающейся физіономіей добряка; изъ вагоновъ выскакиваетъ многочисленная свита—арлекины, паяцы и шуты. Громадныя толпы народа, собравшейся на встрѣчу его «карнавальнаго величества», снимаютъ шляпы, кричатъ ура, а президентъ комитета почтительно говоритъ «королю» благодарственную рѣчь; манекенъ отвѣчаетъ кивкомъ головы.

Тронъ ставятъ на огромную колесницу, свита садится въ гигантскія кареты, украшенныя цвѣтами и фонарями. Начинается шествіе: впереди жандармы, за ними факельщики, оркестръ. Король, свита, маски конныя и пѣшія, безконечная толпа. Поютъ, пляшутъ, хохочутъ.

Разнообразнѣе и веселѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, справляютъ карнавалъ въ

Римѣ. Въ этотъ день уже съ ранняго утра въ каждомъ углу на улицахъ, въ огромныхъ карзинахъ, продаютъ букеты цвѣтовъ, всевозможныя сласти и въ разныхъ сверткахъ бѣлую чечевичную муку. Разодѣтыя женщины показались у оконъ и балконовъ, которые въ эти дни отдаются иностранцамъ за баснословно дорогую цѣну. Но вотъ ударилъ большой колоколъ Капитолія,—это знакъ, что можно начать карнавальныя увеселенія. Въ ту же минуту грянули пушки, заигралъ огромный оркестръ полковой музыки и потянулся по Корсо поѣздъ знатнѣйшихъ лицъ въ каретахъ, сіяющихъ золотомъ. Вслѣдъ затѣмъ эту улицу покрываетъ такая масса экипажей и такая огромная толпа, что рѣшительно негдѣ упасть яблоку. Чего только вы здѣсь ни увидите! И депутаціи отъ городовъ въ золоченыхъ старинныхъ каретахъ, предшествуемыхъ трубачами и кавалерами въ живописныхъ костюмахъ; другія депутаціи верхами на лошадяхъ въ костюмахъ XIII в., и группы шутовъ, каждая съ своею свитою. Кстати сказать, въ Италіи почти всякая провинція имѣетъ своихъ спеціальныхъ шутовъ: у неаполитанцевъ—Пульчинелли, у венеціанцевъ—Арлекинъ, у тосканцевъ—Стентерелло и т. д. до безконечности. И во время карнавала всѣ они мелькаютъ передъ вами то здѣсь, то тамъ. А вотъ въ лицахъ и опоэтизированная сцена то изъ дѣйствительной современной жизни, то изъ давно прошедшей, то изъ миѳологіи. Вотъ золотая раковина исполинской величины въ сажени четыре длины и въ сажень вышины; эта колесница, еле влекомая шестью быками, наполнена масками, одѣтыми чрезвычайно эффектно. За нею выступаетъ гондола, запряженная четырьмя лошадьми; въ ней сидятъ гондольеры въ своихъ живописныхъ костюмахъ. А эта махина, выше, громаднѣе и живописнѣе всѣхъ остальныхъ,—модель знаменитаго миланскаго собора; ее тоже влекутъ полдюжины здоровеннѣйшихъ быковъ и окружаютъ миланцы въ національныхъ костюмахъ. Шутка-ли, модель въ шесть саженъ длины и двѣ ширины, а колокольня достигаетъ до четвертыхъ этажей римскихъ палаццо, и такъ тщательно исполнена, что ни одна деталь не упущена. Работа эта, говорятъ, стоила комитету пятнадцать тысячъ лиръ и исполнена подъ руководствомъ знаменитаго инженера. Но описывать всѣ колесницы и сцены рѣшительно невозможно, да онѣ и мѣняются ежегодно. Еще любопытнѣе наблюдать въ эти дни толпу. Множество мужчинъ одѣты въ маски; тѣ же, что безъ масокъ, такъ переряжены, что ихъ не узнаетъ даже самый близкій пріятель, а этого только и добиваются. Вы увидите здѣсь людей въ костюмахъ всевозможныхъ племенъ и сословій: греки и турки, мавры и персіяне, красные, рогатые чортики, доктора въ старомодныхъ костюмахъ, выложенныхъ галуномъ, съ напудренной косичкой и огромнымъ кошелькомъ, съ огромной клистирной трубкой въ рукахъ и ключикомъ на часовой цѣпочкѣ въ футъ длины и толщиною въ дюймъ. А вотъ и родные итальянскіе костюмы: одинъ переряженъ погонщикомъ муловъ изъ горъ, другой пастухомъ изъ Кампаньи. Здѣсь и тамъ мелькаютъ бандиты и атаманы разбойничьихъ шаекъ въ живописномъ костюмѣ. Нѣтъ недостатка ни въ каррикатурахъ, ни въ сценахъ! То идетъ высокая, сухая фигура въ длинной женской рубашкѣ, съ чепцомъ на головѣ и съ помеломъ въ рукахъ, то толпа переряженныхъ, въ кафтанахъ и побрякушкахъ, стоя, сидя, громоздясь на кузовы колясокъ, промчится и утонетъ въ общемъ водоворотѣ. Тутъ изъ стороны въ сторону мечется полишинель: онъ ловко наставилъ дудку на сосѣда, свистнулъ ему со всей силы прямо въ ухо, такъ что тотъ отскочилъ! Огромный мужчина на высокихъ ходуляхъ и въ невообразимо огромномъ парикѣ подымаетъ пузырь съ горохомъ и барабанитъ имъ по головамъ всѣхъ, кто ему попадается подъ руку. А вонъ маленькая дѣвочка сбиваетъ съ ногъ туриста, хватаетъ выпавшій у него букетъ, забѣгаетъ къ нему съ другой стороны и про-

даетъ ему снова во второй, а иногда и въ третій разъ. Всюду дребезжаніе телѣгъ, грохотъ лошадей, разукрашенныхъ бубенчиками и разноцвѣтными лентами... На каждомъ шагу встрѣчаешь женщинъ въ сверкающихъ головныхъ уборахъ. И вся эта невообразимо-пестрая, живописная, громадная толпа бѣгаетъ, хихикаетъ, привязывается другъ къ другу, но ихъ тотчасъ увлекаетъ общій потокъ, и каждый летитъ впередъ, не докончивъ начатой фразы. При этомъ каждый бросаетъ другъ въ друга цвѣты и какой-то свертокъ, который вмигъ разлетается, засыпавъ лицо, глаза и платье тому, въ кого онъ былъ брошенъ. Этотъ бѣлый порошокъ и есть чечевичная мука, которую нарочно приготовляютъ для этого случая; но для большей выгоды торговцы очень часто продаютъ вмѣсто этого известь, хотя это и запрещено, такъ какъ известковая пыль разъѣдаетъ глаза. И вся улица, какъ снѣгомъ, покрывается этимъ порошкомъ. Иногда изъ экипажа привстаетъ юноша, замахивается чуднымъ букетомъ цвѣтовъ, разсчитывая попасть имъ въ женщину, которая показалась въ окнѣ, но въ эту минуту онъ вдругъ падаетъ на мостовую,—мука покрывается алою кровью, но только на одну секунду... Юноша исчезаетъ, а печальное мѣсто уже засыпано послѣ того сотню разъ разсыпавшеюся мукою.

Чѣмъ ближе время клонится къ вечеру, тѣмъ скорѣе устаютъ женщины бродить въ толпѣ, тѣмъ плотнѣе пополняются ими балконы. Вотъ тутъ-то начинается настоящій ливень цвѣтовъ и конфектъ. Иногда гордая красавица дѣлаетъ видъ, что она не обращаетъ никакого вниманія на такіе пустяки. Тогда ее буквально всю забрасываютъ букетами. Мирты, фіалки, камеліи, маргаритки, анемоны, цвѣтущій лавръ въ красивыхъ дорогихъ букетахъ, коробочки съ засахареннымъ, поджареннымъ миндалемъ, конфекты, листики красивой почтовой бумаги, исписанные стихами — сыплются на женщинъ градомъ... «Grazia, signor! Signor, mille grazia!» (благодарю синьоръ, тысячу разъ благодарю), кричатъ римлянки, граціозно наклоняя голову, и сами бросаютъ внизъ искусственные цвѣты своей работы и другія рукодѣлія изъ шелку и атласа.

Въ слѣдующіе дни карнавала прежде нерѣдко бывали скачки. За часъ передъ этимъ по данному сигналу всѣ экипажи оставляли Корсо. Затѣмъ появлялся отрядъ кавалеріи, чтобы очистить мѣсто для бѣга... Грянули пушки, и со всѣхъ сторонъ раздался крикъ: «barberi, barberi!» (бѣговыя лошади). Въ ту же минуту, точно по мановенію волшебнаго жезла, въ приготовленный кругъ влетаютъ легкія, быстроногія животныя, пестро изукрашенныя блестками и мишурой; по бокамъ ихъ привязываютъ маленькія блестящія крылышки изъ жести. Шумъ этихъ вертящихся крылышекъ подстрекаетъ лошадей, и онѣ, при восторженныхъ крикахъ разступившагося на двѣ стороны народа, несутся, какъ молнія. Топотъ коней по каменной мостовой, хлопанье въ ладоши, крикъ тысячи голосовъ, все это напоминаетъ ристалище древнихъ римлянъ.

По вечерамъ очень часто площадь Навона служитъ огромной бальной залой; ее ярко освѣщаютъ разноцвѣтными фонарями, и здѣсь весело раздаются звуки музыки. Народъ въ маскахъ веселится въ томъ же родѣ, какъ и днемъ, только теперь къ вечеру всѣ страшно устали, и удовольствія принимаютъ болѣе тихій характеръ. Въ одномъ мѣстѣ кучка молодежи прислушивается къ стихамъ, которые кто-то декламируетъ громко и нараспѣвъ. Но вотъ раздались звуки польки и вальса, и всѣ пустились въ танцы. Когда танцующими овладѣваетъ одушевленіе, появляются музыканты съ тамбуриномъ и мандолиной и начинаютъ *сальтареллу*.

Прощальный вечеръ, послѣдній передъ постомъ, празднуется совершенно особымъ образомъ. Лишь только начинаетъ темнѣть, вездѣ въ окнахъ, на балконахъ и изъ

толпы снующаго по улицамъ народа замелькали огоньки... И огоньки эти каждую минуту умножаются не сотнями, а тысячами. Это праздникъ *моколи* или свѣчекъ; въ это время каждый непремѣнно идетъ съ зажженной тонкой восковой свѣчкой. Когда совсѣмъ стемнѣетъ (а на югѣ полная темнота наступаетъ необыкновенно быстро, почти внезапно), тысячи огней сверкаютъ рѣшительно изо всѣхъ оконъ, балконовъ и съ крышъ. Всѣ кареты на Корсо унизаны свѣчками и факелами, и каждый сидящій въ нихъ держитъ зажженную восковую свѣчу, которую онъ защищаетъ проволочной сѣткой или бумажнымъ фонарикомъ. Самая главная задача въ этотъ вечеръ потушить у другого свѣчку: тотъ и молодецъ, кто, несмотря на то, что свѣчку зорко охраняютъ, хитростью и ловкостью все-таки погаситъ ее; еще больше хвастаетъ потомъ тотъ, у кого долго не потушили огня.

Разнообразныя маски, блестящіе наряды и экипажи, въ которыхъ сидятъ веселыя и разодѣтыя, красивыя римлянки, цѣлое море сверкающихъ огней, смѣхъ, шутки, остроты, маленькія хитрости, чтобы надуть сосѣда и потушить его свѣчку,— все это выходитъ какъ-то еще забавнѣе и даже фантастичнѣе, такъ какъ происходитъ ночью, среди развалинъ и колоннъ, уходящихъ въ небо. Трудно вообразить себѣ что-нибудь болѣе эффектное! Въ эту ночь все римское населеніе превращается въ дѣтей! И, дѣйствительно, нельзя не заразиться этой общей, дѣтски-шаловливой веселостью, которая обуяла всѣхъ,—и стараго, и малаго! Вы видите, какъ на васъ машутъ носовыми платками и шляпами, чтобы потушить вашъ огонь, и вы невольно защищаете себя... У васъ потушили свѣчку, и кругомъ взрывъ хохота и остротъ. Повсюду слышатся жалобные возгласы: «Ахъ! какой стыдъ, безъ свѣчки!»... Этими словами вамъ точно говорятъ: «бѣдный простачекъ, какъ тебя легко провести!» Васъ подзадорили этимъ, и вы невольно бросаетесь съ жаромъ тушить у сосѣда его свѣчку. Балконы тоже въ осадномъ положеніи: собравшіяся внизу около нихъ кучки народа вступаютъ съ ними въ борьбу. Они снизу бросаютъ чѣмъ попало или навязываютъ на длинные шесты носовые платки и размахиваютъ ими во всѣ стороны, чтобы потушить свѣчки. Съ балкона ихъ отражаютъ тростями. Но вотъ молодая дѣвушка, увлекшись этимъ занятіемъ, свѣшивается по поясъ черезъ перила и, несмотря на жаръ тысячи огней, которые бросаютъ ей свѣтъ прямо въ глаза, жгутъ ея щеки, несмотря на опасность сжечь свои черныя косы, ловитъ палку, которая столь многимъ уже погасила огни. Нѣсколько минутъ длится борьба, во время которой огонь нѣсколько разъ опалилъ руки дѣвушки, но вдругъ она вырвала палку, сорвала съ нея платокъ и все это бросила внизъ... Кругомъ раздается оглушительный взрывъ аплодисментовъ. Наконецъ съ безчисленныхъ колоколенъ начинается звонъ Аве-Маріи; въ ту же минуту несутъ хоронить веселаго героя карнавала, окруженнаго зажженными факелами; тотчасъ всѣ тушатъ свѣчи, и празднество окончено.

Итальянцы до такой степени заражены страстью придумывать все новыя и новыя процессіи для предстоящаго карнавала, что имъ иногда, дѣйствительно, удается изобрѣсти что-то поразительно новое и своеобразное, но въ то же время дикое и совсѣмъ неподходящее къ характеру этого вѣчно веселаго, оживленнаго, шумнаго и пестраго итальянскаго праздника — карнавала. Въ прошломъ году (1896), во Флоренціи, по идеѣ художника, пользующагося популярностью и восторженно одобренной флорентинцами, устроена была процессія, носившая названіе «торжество смерти». Эта процессія прежде всего представляла огромную черную колесницу, убранную бѣлыми крестами, костями и серебряными слезами. Эта колесница была запряжена двѣнадцатью парами быковъ; ее окружали люди, ряженые скелетами, а на верхушкѣ ея стояла «смерть» съ косою

въ рукахъ. Сзади колесницы тащились люди, переодѣтые отвратительными трупами, окруженные черными всадниками, съ погребальными факелами въ рукахъ и распѣвавшими заунывнымъ голосомъ «Miserere». По угламъ улицъ устроены были могилы. При приближеніи этой процессіи могилы раскрывались, и изъ нихъ выходили мертвецы.

Сборъ винограда заканчивается процессіею, называемой «шествіе Бахуса», въ которой современные обычаи смѣшиваются съ древне-римскими. Но, чтобы получить настоящее понятіе объ этой процессіи, нужно отправиться въ какой-нибудь менѣе извѣстный городокъ. Въ мѣстахъ, наиболѣе посѣщаемыхъ иностранцами, за послѣднія 50 лѣтъ больше исчезло народныхъ обычаевъ, чѣмъ прежде за нѣсколько столѣтій.

Шествіе открывается его сіятельствомъ господиномъ Бахусомъ. Для этой роли крестьяне выбираютъ изъ своей среды самаго красиваго парня. Его убираютъ, какъ и въ древности, плющемъ и виноградною лозою. Въ рукахъ у него палка, обвитая цвѣтами, съ еловой шишкой наверху. Вмѣсто пантеровой шкуры, которая прежде свѣшивалась съ плечъ бога вина, на нынѣшнемъ Бахусѣ накинута бѣлая овчина; на ней сдѣланы пятна краснымъ виномъ. За Бахусомъ идетъ множество парней и дѣвушекъ въ праздничныхъ нарядахъ; первые несутъ въ рукахъ пучки виноградныхъ гроздьевъ, а вторыя – корзинки на головахъ, наполненныя виноградомъ: тутъ же многіе приплясываютъ, потрясаютъ бубнами, бренчатъ на гитарѣ или мандолинѣ, наигрываютъ на гармоникѣ. За огромной толпой народа слѣдуетъ повозка, убранная зеленью, платками, лентами, цвѣтами и запряженная быками, кожа которыхъ въ пятнахъ, сдѣланныхъ виноградымъ сокомъ. Поѣздъ замыкаетъ парень, ѣдущій на ослѣ; онъ представляетъ Силена, шута Бахуса. Фигура его необыкновенно смѣшна и каррикатурна: лицо вымазано винною гущею, у него привязано огромное, толстое брюхо, самъ онъ дѣлаетъ страшныя гримасы и ужимки, поглядываетъ во всѣ стороны и нещадно отпускаетъ надъ всѣми остроты. Съ каждымъ шагомъ его обступаетъ все большая толпа, нисколько не обижаясь его рѣзкими шутками. Напротивъ, при каждомъ его словѣ раздаются смѣхъ и аплодисменты. Эта ликующая толпа обходитъ торжественнымъ маршемъ всю окрестность, потрясая воздухъ криками: «да здравствуетъ Бахусъ, да здравствуетъ сборъ винограда!»

ПАПА.

Его значеніе въ настоящее время.—Выносъ папы.—Церковныя торжества.—Представленія восковыми фигурами страданій мучениковъ.

Въ настоящее время Италія занимаетъ, сравнительно съ другими государствами, совершенно особое положеніе: Римъ является мѣстопребываніемъ двухъ правительствъ,— правительства короля и правительства духовнаго монарха, т.-е. папы. Какъ только въ 1870 г. Италія была объединена, новое итальянское правительство рѣшило ясно опредѣлить свои отношенія къ папскому престолу. Папой въ то время былъ Пій IX. Хотя онъ лишился свѣтской власти, но, какъ главѣ и владыкѣ католическаго міра, ему было оказано полное вниманіе: ему оставили дворцы Ватиканскій и Латеранскій съ принадлежащими къ нимъ постройками. Король поселился во дворцѣ Квиринальскомъ, а папа въ Ватиканѣ. Но Пія IX ничѣмъ нельзя было удовлетворить: онъ заперся въ своемъ Ватиканскомъ дворцѣ и сталъ разыгрывать роль «ватикан-

скаго узника». Это, однако, нисколько не смущало правительство, которое вскорѣ издало новый законъ о закрытіи монастырей во всей Италіи (за малыми исключеніями).

Въ 1878 г., послѣ смерти Пія IX, избранъ папа Левъ XIII, который чрезвычайно поднялъ упавшее значеніе католической церкви и папской власти. Католики всѣхъ странъ, какъ и въ лучшія времена папства, толпами стекаются къ нему, считаютъ величайшимъ счастьемъ его видѣть, услышать изъ его устъ хотя одно слово, поцѣловать его туфлю. Онъ во всѣхъ странахъ, гдѣ есть католики, имѣетъ чрезвычайное вліяніе; ему, на его личное усмотрѣніе, посылаютъ громадныя суммы.

Когда папа умираетъ, коллегія кардиналовъ (такъ называются высшіе духовные сановники) собирается и назначаетъ новаго папу изъ кандидатовъ, имѣющихъ болѣе 55 лѣтъ, но для окончательнаго избранія нужно еще согласіе правительствъ Франціи, Испаніи, Австріи и Италіи.

Не имѣя въ настоящее время никакой политической власти, папа въ дѣйствительности представляетъ независимѣйшаго монарха. Онъ считается католиками всего міра преемникомъ св. Петра, намѣстникомъ на землѣ Іисуса Христа, а потому и не отвѣчаетъ за свои дѣйствія ни передъ кѣмъ: ни передъ парламентомъ итальянскаго королевства, ни передъ коллегіею кардиналовъ; если онъ и спрашиваетъ ея мнѣнія, то онъ дѣлаетъ это по доброй волѣ и обычаю, но не потому, что обязанъ это дѣлать. Онъ—единственный человѣкъ въ мірѣ, мнѣнія и слова котораго считаются непогрѣшимыми, по крайней мѣрѣ правовѣрными католиками (Ватиканскимъ соборомъ 1870 г. былъ признанъ догматъ о непогрѣшимости папъ въ дѣлахъ религіи); онъ, наконецъ, открываетъ двери ада и рая каждому, кому захочетъ. Несмотря на утрату свѣтской власти, папа окруженъ и въ настоящее время чисто царскими почестями и въ духовныхъ дѣлахъ пользуется королевскими правами. Онъ имѣетъ право содержать дворъ, окруженъ почетною гвардіею, имѣетъ своихъ представителей при многихъ иностранныхъ правительствахъ, созываетъ по своему желанію соборы, назначаетъ лицъ на всѣ духовныя должности, пользуется всякою собственностью, не уплачивая налога, получаетъ въ свое распоряженіе громадную сумму денегъ, называемую «динаріями св. Петра» и доставляемую ему вѣрующими и паломниками, можетъ, наконецъ, ежегодно получать отъ итальянскаго правительства $3^1/_2$ милліона франковъ.

Трудно себѣ представить, какая громадная толпа народа собирается въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда папа служитъ обѣдню. Тогда въ громадномъ соборѣ св. Петра, вмѣщающемъ 50.000 человѣкъ, не хватаетъ мѣста и требуется запасаться билетами; особенно велика толпа въ дни торжественныхъ церемоній.

Громадное вызолоченное кресло, на которомъ носятъ папу въ торжественныхъ случаяхъ, имѣетъ по бокамъ двѣ длиннѣйшія палки, обитыя краснымъ бархатомъ. Эти палки лежатъ на плечахъ людей въ красныхъ шелковыхъ одеждахъ; по бокамъ кресла несутъ два громадныя опахала изъ бѣлыхъ перьевъ. Папа одѣтъ въ серебряную ризу, шитую золотомъ, и въ тіарѣ (папская корона) на головѣ. Кромѣ носильщиковъ и почетной свиты, папское кресло окружаетъ цѣлая толпа кардиналовъ въ роскошныхъ мантіяхъ и красныхъ шапкахъ и епископовъ въ фіолетовыхъ шапкахъ. Далѣе слѣдуетъ высшее духовенство и цѣлый отрядъ папскихъ гвардейцевъ въ крайне пестрыхъ мундирахъ—желтыхъ, красныхъ и другихъ яркихъ цвѣтовъ. Когда папу выносятъ къ собравшемуся люду, всѣ преклоняютъ колѣна и въ то же время начинаютъ хлопать въ ладоши, махать платками, шляпами, оглашать воздухъ криками: «да здравствуетъ папа-король! Да здравствуетъ Левъ XIII!» Папа съ высоты своего сѣдалища благословляетъ народъ, который снова преклоняетъ колѣна.

Церемонія возложенія кардинальскихъ шляпъ происходитъ такимъ образомъ: «новый кардиналъ, одѣтый въ длинную мантію со шлейфомъ, поддерживаемымъ сзади, приближается къ папѣ, становится на колѣни, цѣлуетъ у него руку и ногу; потомъ онъ поднимается и цѣлуется съ папой. Затѣмъ, въ томъ же порядкѣ, отправляется на свое мѣсто. Когда то же самое сдѣлали всѣ кардиналы, начинается возложеніе шляпъ. Кардиналъ становится на колѣни передъ папой; на голову ему кладутъ красную кардинальскую шляпу, все одну и ту же для всѣхъ, папа читаетъ по книгѣ, которую передъ нимъ держатъ, такую формулу: «прими во имя Отца, Сына и Святаго Духа этотъ знакъ высшаго достоинства, цвѣтъ котораго напоминаетъ пролитую за насъ кровь Христову, и да будетъ дѣятельность твоя направлена на поддержаніе церкви и священнаго апостольскаго престола».

Между церковными празднествами особенно любопытны празднества страстной недѣли. Въ это время въ часовняхъ и близъ кладбищъ даютъ часто представленія изъ жизни и страданій мучниковъ, которыхъ изображаютъ восковыми фигурами. Эти восковыя фигуры сдѣланы съ большимъ искусствомъ, и ихъ живописныя одежды и прекрасное освѣщеніе показываютъ, какъ заботятся о привлекательности этихъ представленій. Эти восковыя куклы изображаютъ то мученицу Агнесу, которая въ воздушныхъ одеждахъ спускается съ прозрачныхъ облаковъ, то Моисея въ пустынѣ; при этомъ обыкновенно зрителямъ представляется прекрасный пейзажъ: здѣсь и тамъ нависшія скалы и горы, по которымъ легко пробираются овцы; всюду мелькаетъ чудная зелень пальмъ. Но самое любимое представленіе — мученичество св. Эразма. Святой лежитъ навзничь на доскѣ, животъ у него разрѣзанъ и двое палачей наматываютъ кишки на дощечку. У умирающаго Эразма уже свѣшивается голова; возлѣ него стоитъ жрецъ Зевса съ вѣнкомъ на головѣ, въ пышной одеждѣ, и указываетъ Эразму на Зевса, изображеніе котораго стоитъ тутъ же въ углу. Фигура этого жреца скорѣе добродушная, чѣмъ суровая, и онъ ясно говоритъ своимъ кроткимъ лицомъ: «Принеси, другъ мой Эразмъ, поскорѣе жертву Зевсу, и все будетъ забыто». Все это мученіе совершается передъ престоломъ императора Адріана. Онъ глядитъ на пытку совершенно спокойно; возлѣ него два воина съ копьями въ рукахъ. Въ этихъ представленіяхъ, конечно, нечего искать исторической правды.

ИСПАНІЯ.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ НАРОДОМЪ И СТРАНОЮ.

Испанцы.—Ихъ прошлое и настоящее.—Государственное устройство.—Выборы.—Плохое состояніе финансовъ и тяжелое положеніе народа.

Испанія—страна, гдѣ по вечерамъ въ каждомъ уголку раздаются звуки пѣсенъ подъ аккопанементъ гитаръ, слышится шумъ пляшущихъ подъ щелканье кастаньетъ *), шуршатъ вѣера. Любовь къ танцамъ въ этой странѣ просто поразительна: чуть гдѣ-нибудь раздастся плясовая, и всѣ, молодые и старые, знатные и простые, пускаются въ плясъ. Но Испанія не только страна пѣсенъ, огненныхъ плясокъ, кастаньетъ, вѣера и гитары, но и замѣчательно красивыхъ женщинъ, страна любви, цвѣтовъ и жгучаго солнца.

Испанецъ—человѣкъ въ высшей степени вѣжливый, деликатный и любезный, но въ то же время онъ первый въ мірѣ гордецъ и забіяка: за малѣйшее оскорбленіе у него одинъ отвѣтъ—ударъ навахою (ножомъ). Храбрость, гордость и презрѣніе къ смерти—отличительныя черты характера этого народа. Ни бѣдность, ни даже нищета не заставятъ его унижаться, льстить, заискивать или подлаживаться передъ богатымъ и сильнымъ: онъ будетъ просить милостыню, нерѣдко даже нагло требовать ее, но унижаться—ни за что на свѣтѣ! Всегда остроумный, находчивый и оживленный, испанецъ—беззаботнѣйшее и легкомысленнѣйшее существо. Все, что онъ получаетъ, онъ проживаетъ тотчасъ-же, не задумываясь о завтрашнемъ днѣ, и когда нужда стучится въ дверь, онъ не приходитъ въ уныніе.

Нигдѣ такъ, какъ въ Испаніи, не развита страсть къ зрѣлищамъ, уличной толкотнѣ и оживленію. Чтобы видѣть какую-нибудь процессію, участвовать въ празднествѣ, побывать въ театрѣ, испанецъ бросаетъ свою послѣднюю копѣйку. Здѣсь и церковная служба, и церковныя процессіи обставлены такъ, что прежде всего удовлетворяютъ страсти къ зрѣлищамъ: Богородицу (Мадонну) испанцы почитаютъ и боготворятъ еще больше, чѣмъ итальянцы, и носятъ ея изображеніе во время всѣхъ процессій, разряженное нерѣдко въ дорогое, модное платье. Очень любятъ они и представленія религіознаго характера; при этомъ изображаютъ въ лицахъ страданія

*) Погремушки, которыми побрякиваютъ и прищелкиваютъ во время пляски.

и смерть Христа. Простой народъ до такой степени увлекается этими представленіями, что нерѣдко бросается бить актеровъ, играющихъ роль Пилата, воиновъ, а особенно Іуды, которому зачастую изрядно пересчитываютъ ребра. Но ни къ чему не относятся испанцы съ такою страстью, какъ къ бою быковъ, во время котораго народъ этотъ смотритъ на смерть, страданія и мученія людей и звѣрей съ величайшимъ наслажденіемъ.

Испанія славится своими писателями; изъ нихъ самою громкою извѣстностью пользуется Сервантесъ, безсмертное произведеніе котораго, Донъ-Кихотъ, переведено на всѣ языки. Но несравненно болѣе, чѣмъ писателями, прославилась эта страна своими художниками: Мурильо, Веласкезъ, Зурбарано и очень многіе другіе признаны величайшими въ мірѣ; множество музеевъ и дворцовъ Испаніи наполнены дивными произведеніями искусства. Испанскіе города славятся своими историческими воспоминаніями и памятниками искусства. И это понятно, такъ какъ уже съ самыхъ древнихъ временъ въ странѣ этой селились многіе народы: кельты, финикіяне, греки, кареагеняне, римляне, мавры (арабы) и другіе. Нѣкоторые изъ нихъ прожили здѣсь по нѣскольку столѣтій, воздвигали замѣчательныя постройки и цѣлые города. Но никто изъ нихъ не оставилъ въ Испаніи столько дивныхъ памятниковъ искусства, столько великолѣпныхъ зданій и садовъ съ чудными фонтанами, столько замѣчательно полезныхъ сооруженій, какъ мавры (арабы). Многіе испанскіе города до сихъ поръ славятся только мавританскими дворцами и постройками.

Самый благословенный уголокъ въ Испаніи — Андалузія (въ южной части страны), гдѣ даже главная рѣка носитъ поэтическое имя Гвадалквивира. Богатая растительность Испаніи здѣсь отличается особеннымъ разнобразіемъ, могучей силой роста и нерѣдко принимаетъ характеръ чисто африканскій.

Въ Испаніи не только благословенные уголки, но не мало и совершенно пустынныхъ мѣстностей, выжженныхъ солнцемъ, въ которыхъ на протяженіи многихъ верстъ подъ рядъ не встрѣтишь ни дерева, ни даже кустика. Все-же въ этой странѣ несравненно меньше нездоровыхъ, болотистыхъ мѣстностей, чѣмъ въ Италіи. Этимъ испанцы отчасти обязаны своему сухому климату, но еще больше трудамъ и заботамъ мавровъ. Не вспомнивъ хотя самыхъ характерныхъ чертъ изъ исторіи этого народа, невозможно понять многія явленія современной жизни испанцевъ.

Пиренейскій полуостровъ *) въ VIII столѣтіи по Р. Х. былъ покоренъ замѣчательно воинственнымъ народомъ—маврами (арабами). У мавровъ, однако, мало-помалу остылъ воинственный жаръ, и они обратились къ мирнымъ занятіямъ торговлею, промышленностью и начали усердно заботиться о покоренной ими странѣ. Устроивъ множество каналовъ, они осушили болотистыя мѣстности, а чтобы сдѣлать плодородными тѣ земли, которыя страдали отъ засухи, они устроили искусственное орошеніе. Такимъ образомъ громадныя безплодныя пространства земли мавры сдѣлали плодородными и повсюду разводили сады, въ которыхъ непрерывно раздавалось журчаніе фонтановъ. Но, несмотря на все это, жители покореннаго полуострова никогда не могли считать ихъ своими братьями: различіе религіи (туземцы уже тогда были христіанами, а мавры исповѣдывали магометанскую религію), понятій и, наконецъ, естественная ненависть побѣжденныхъ къ побѣдителямъ,—все это усиливало въ испанцахъ мужество, страстное желаніе избавиться отъ пришельцевъ, горячую любовь

*) Испанія отдѣляется отъ Франціи громадной, высокой стѣной Пиренейскихъ горъ, отъ которыхъ она и получила названіе Пиренейскаго полуострова; его называютъ также Иберійскимъ— отъ иберовъ, древнихъ обитателей этого полуострова.

къ своей родинѣ и преданность къ своей католической религіи. Мавры, однако, не дремали въ покоренной странѣ и продолжали улучшать свой бытъ и свое образованіе. Черезъ нѣсколько столѣтій мы видимъ уже, что они съ большимъ знаніемъ дѣла обрабатываютъ свои земли, занимаются ремеслами, торговлею, строятъ училища, украшаютъ города дворцами, садами, башнями, проводятъ дороги, каналы, строятъ мосты. Но испанцы мало заботились о томъ, чтобы перенять эти улучшенія у своихъ побѣдителей, мавровъ, и примѣнить ихъ къ своему быту: они больше стремились къ тому, чтобы отнять у нихъ захваченныя ими владѣнія. Къ этому, наконецъ, представился случай. У мавровъ пресѣклась одна династія, которая управляла всѣми испанскими владѣніями, и между ними произошли смуты; испанцы воспользовались этимъ и стали отнимать одно за другимъ владѣнія у мавровъ, а затѣмъ всѣ христіанскіе короли Испаніи соединились между собою противъ общаго врага и дали рѣшительную битву, которая нанесла владычеству мавровъ въ Испаніи сильный ударъ.

После XV стол. мавры жили въ Испаніи уже какъ побѣжденные. Христіане стали страшно преслѣдовать ихъ и гнать за вѣру, такъ что многіе изъ мавровъ еще тогда пытались бѣжать изъ Испаніи. Но нужно имѣть много средствъ, чтобы съ семействомъ тотчасъ удалиться въ чужую землю; мавры прожили на полуостровѣ уже нѣсколько столѣтій, хорошо обстроились и обзавелись хозяйствомъ, и даже ихъ прапрадѣды привыкли смотрѣть на Испанію, какъ на свою родину; теперь же ихъ гонятъ изъ родного гнѣзда, Богъ знаетъ куда, принуждая бросить все, что они нажили тяжелымъ трудомъ. Чтобы остаться на мѣстѣ, гдѣ протекла ихъ жизнь, мавры принимаютъ христіанство, но продолжаютъ въ тайнѣ исповѣдывать прежнюю свою магометанскую религію. Когда узналъ объ этомъ папа, глава католической религіи, то, согласно съ желаніемъ тогдашняго испанскаго короля, учредилъ въ Испаніи инквизицію, или «высшее духовное судилище», которое должно было жестоко карать всѣхъ отступниковъ отъ католической вѣры и еретиковъ. Съ этихъ поръ короли испанскіе и духовенство стали пользоваться этимъ «судилищемъ» и, подъ предлогомъ ереси, очень часто губили тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которые имъ не нравились и почему-нибудь казались опасными. Суду инквизиціи подвергались столько же мавры, сколько и всѣ испанскіе подданные, и онъ поступалъ съ своими жертвами съ ужаснымъ варварствомъ. Каждый членъ этого «высшаго духовнаго судилища» обязанъ былъ, несмотря на самое близкое родство и подъ опасеніемъ самому быть признаннымъ еретикомъ, доносить на всякаго, кого только онъ подозрѣваетъ въ еретичествѣ, или, точнѣе сказать, въ неправильномъ исповѣдываніи католической религіи, въ малѣйшемъ отступленіи отъ нея. Это судилище повсюду имѣло множество шпіоновъ, которые очень часто изъ своихъ личныхъ цѣлей, изъ зависти и разсчета обвиняли ненавистныхъ имъ людей. Если обвиненный не тотчасъ отвѣчалъ на вопросы или не сознавался во взводимомъ на него преступленіи, его сажали въ тюрьму и пытали самымъ возмутительнымъ образомъ. Пытки и страшное отчаяніе обыкновенно заставляли несчастнаго сознаться во всемъ, въ чемъ только его обвиняли; къ тому же онъ думалъ, что это сознаніе дастъ ему возможность скорѣе покончить съ ненавистною жизнью. И дѣйствительно, какъ только вырывали у несчастнаго какое бы то ни было признаніе, его присуждали къ сожженію на кострѣ (что называлось *ауто-да-фе*—дѣло вѣры), а все имущество обвиняемаго отбирали въ казну. Осужденнаго везли на площадь и еще живого сжигали на кострѣ, очень часто даже медленнымъ огнемъ. Если осужденный умиралъ подъ пытками, все-таки сжигали на кострѣ его смертные останки. Эти *ауто-да-фе* совершались торжественно: король со всею свитою, вельможи и народъ смотрѣли на нихъ, какъ на веселый пиръ. Вѣроятно

вслѣдствіе этой привычки смотрѣть на жестокія пытки, которыми терзали людей, на эти разведенные костры, ежедневно сожигавшіе десятки жертвъ, привилась къ испанцамъ любовь къ различнымъ постыднымъ зрѣлищамъ, въ родѣ боя быковъ и пѣтуховъ.

Испанскихъ подданныхъ, заподозрѣнныхъ въ томъ, что они неправильно исповѣдывали католическую религію или мало выказывали къ ней усердія, не всегда сжигали на кострахъ, но очень часто подвергали и другимъ жестокимъ наказаніямъ, а именно выгоняли изъ страны. Въ Испаніи издавна жило много евреевъ; большая часть ихъ занималась торговлею, но вотъ, въ 1492 г., ихъ изгоняютъ изъ страны съ страшными жестокостями за то, что они не хотѣли отречься отъ своей религіи, не пожелали креститься. Нужно замѣтить, что большинство испанцевъ, даже въ настоящее время, терпѣть не можетъ заниматься торговлею и съ презрѣніемъ смотритъ на каждаго торговца; тогда же презрѣніе къ торговцу было гораздо сильнѣе. Естественно, что какъ только евреи были изгнаны изъ Испаніи, торговля стала быстро падать и скоро оказалась въ самомъ жалкомъ состояніи. Но высшее католическое духовенство находило еще недостаточными для полнаго торжества вѣры тѣ пытки, которымъ подвергали людей, ихъ казни и изгнаніе.

Въ XVI стол. былъ изданъ приказъ, которымъ предписывалось маврамъ оставить все, что хотя сколько-нибудь могло имъ напоминать прежнюю религію. Подъ страхомъ строжайшихъ наказаній приказано имъ изучать испанскій языкъ и оставить всѣ свои книги; имъ запрещалось не только читать и писать на родномъ языкѣ, но даже и говорить на немъ въ собственныхъ домахъ. Ихъ церемоніи и игры были строго запрещены; даже одежду, съ которою они свыклись, они не смѣли болѣе носить. Но всѣхъ этихъ тяжкихъ угнетеній было еще недостаточно для гонителей несчастныхъ мавровъ: въ началѣ XVII ст. (1609 г.) всѣ они были изгнаны со всего полуострова. Это изгнаніе мавровъ было выполнено съ страшнѣйшимъ варварствомъ. Около милліона самаго трудолюбиваго населенія Испаніи погнали, какъ дикихъ звѣрей, изъ за того только, что была заподозрѣна искренность ихъ религіозныхъ вѣрованій. Многіе изъ нихъ были убиты во время пути, другіе подвергались всевозможнымъ истязаніямъ, а большинство отправлено было въ самомъ невыносимомъ положеніи въ Африку. Во время переѣзда команда, которая ихъ сопровождала, нападала на несчастныхъ, избивала мужчинъ, бросала въ море дѣтей. Послѣ изгнанія мавровъ на Пиренейскомъ полуостровѣ уже не было ни одного еретика. Все было правовѣрно и вѣрно королю: каждый житель громадной страны повиновался церкви и трепеталъ передъ королемъ. Несмотря на это, послѣдствія для Испаніи такого изгнанія были ужасны. Почти изъ каждой мѣстности въ странѣ внезапно были изгнаны массы трудолюбивыхъ земледѣльцевъ и опытныхъ ремесленниковъ. Мавры примѣняли лучшія системы обработки земли, какія были только тогда извѣстны; сухая испанская земля отлично орошалась. Почти одни мавры занимались разведеніемъ риса, хлопка и сахарнаго тростника, такъ-же какъ и фабрикаціею шелка и бумаги. Съ изгнаніемъ ихъ все это рушилось и многое рушилось навсегда, потому что испанцы считали въ то время подобныя занятія унизительными. Воевать за короля или вступать въ духовное званіе — вотъ что они находили хорошимъ и единственно приличнымъ; все остальное по ихъ тогдашнимъ понятіямъ было низко и гнусно. Поэтому, когда мавры были окончательно изгнаны, въ Испаніи не оказалось никого, кто могъ бы замѣстить ихъ; многія искусства и ремесла навсегда исчезли, огромныя полосы удобной земли оставались необработанными; нѣкоторыя богатѣйшія части страны находились въ такомъ пренебреженіи, что не хватало средствъ для прокор-

мленія даже и того скуднаго населенія, которое тамъ оставалось. Цѣлые округа почти мгновенно опустѣли и до нашихъ дней никогда снова не заселялись. Эти пустыни стали служить убѣжищемъ воровъ и разбойниковъ, поселившихся на мѣстахъ, занятыхъ прежде трудолюбивыми людьми; извѣстно, что со времени изгнанія мавровъ появились и тѣ разбойничьи шайки, которыя сдѣлались впослѣдствіи напастью для Испаніи и которыхъ ни одно изъ испанскихъ правительствъ не въ силахъ совершенно уничтожить.

Послѣ изгнанія мавровъ торжество вѣры до того ослѣпило испанцевъ, что они совершенно позабыли мірскія дѣла. Всѣ народы другихъ странъ увеличивали запасъ своихъ знаній, развивали грамотность, распространяли просвѣщеніе,—только одна Испанія все шла назадъ, все падала ниже и ниже; народныя бѣдствія, нищета и голодъ превзошли всякое вѣроятіе.

Конечно, не всѣ несчастія, которыя испытывали и до сихъ поръ испытываютъ испанцы, произошли отъ изгнанія трудолюбивыхъ мавровъ,—въ прошлой судьбѣ этого народа было не мало и другихъ обстоятельствъ, подготовлявшихъ его полное разореніе: много помогали этому—природа страны, ея климатъ, частыя землетрясенія, но болѣе всего государственные перевороты, смуты, волненія, раздоры многочисленныхъ политическихъ партій, кровавыя междуусобицы, которые переживали испанцы въ продолженіе всего нынѣшняго XIX-го столѣтія, что привело народъ къ полному нищенству, а финансы государства въ отчаянное состояніе.

Сухость почвы Испаніи, ея суровые вѣтры, которые чередуются со страшными жарами, въ высшей степени вредны и изнурительны для рабочихъ, а частыя землетрясенія иногда въ нѣсколько часовъ уничтожаютъ пашню крестьянина и лишаютъ его послѣдняго достоянія. Столько-же разоряли народъ безконечныя религіозныя войны, которыя вели испанцы въ продолженіе многихъ вѣковъ. Въ этихъ войнахъ нерѣдко принимали участіе не только солдаты, но всѣ отъ короля до пахаря. Такимъ образомъ испанцы постепенно становились лишь борцами за вѣру, отвыкали мало-по-малу отъ простой ежедневной работы, отъ земледѣлія и ремеслъ, стали считать своею первою обязанностью подчиненіе распоряженіямъ духовенства и преуспѣвали лишь въ воинскихъ доблестяхъ.

Скоро католическое духовенство получило въ странѣ такую власть, что совершенно подчинило себѣ всѣ классы общества. Мало того, оно постепенно завладѣло наиболѣе плодородными и доходными землями, скупило всѣ драгоцѣнности для украшенія церквей и монастырей и, благодаря устройству «священнаго судилища», распоряжалось почти всѣми государственными дѣлами.

Открытіе Америки (въ 1492 году) лишь увеличило несчастія народа. Всѣ любознательные испанцы, желавшіе повидать и испытать новое, всѣ храбрецы, всѣ, искавшіе приключеній или только стремившіеся разбогатѣть, кинулись въ эту вновь открытую часть свѣта, а на родинѣ оставались хилые и старые, и такимъ образомъ Испанія сразу лишилась лучшихъ и наиболѣе энергичныхъ изъ своихъ гражданъ. Испанцы основали въ Америкѣ нѣсколько колоній, которыя доставляли имъ громадныя богатства изъ своихъ рудниковъ. Въ продолженіе двухъ столѣтій (отъ 1500 по 1702 годъ) эти колоніи посылали въ Испанію баснословныя груды золота и драгоцѣнныхъ металловъ, такъ что испанцы ежегодно, безъ всякаго труда, получали громадныя деньги. Но деньги, добываемыя безъ труда, никогда не служатъ на пользу. Такъ было и въ этомъ случаѣ. Деньги, получаемыя испанцами изъ американскихъ колоній, усилили только роскошь среди нихъ и быстро развивали ихъ природную лѣнь: они начали все менѣе работать и все съ большимъ презрѣніемъ отно-

ситься ко всякому честному труду. На земледѣльца, торговца, ремесленника они смотрѣли, какъ на жалкія существа, и уважали только воина и монаха. Понятно, что земледѣліе и промышленность быстро шли къ упадку; даже въ самыхъ промышленныхъ городахъ мастерскія закрывались тысячами, всевозможныя ремесленныя производства прекращались за неимѣніемъ мастеровъ, число лавокъ и магазиновъ уменьшалось, и торговля становилась все болѣе жалкою; рудники и каменоломни перестали разрабатываться, поля оставались незапаханными даже около самыхъ деревень, количество необработанныхъ и запущенныхъ земель все увеличивалось. Испанцы толпами поступали въ монахи, и далеко не всегда изъ религіознаго рвенія, а очень часто только потому, что это давало возможность ничего не дѣлать. Въ школахъ и университетахъ прекратились всякія занятія; суевѣріе и невѣжество, господствовавшія и прежде, теперь стали просто чудовищными; страна обезлюдѣла. Всѣ классы испанскаго общества въ нравственномъ отношеніи падали все ниже и ниже. Въ Испаніи не хватало людей для выполненія серьезной работы, ихъ не хватало даже часто для занятія высшихъ должностей, и для замѣщенія ихъ стали вызывать иностранцевъ, которые толпами нахлынули въ эту страну. Все это привело къ тому, что вмѣсто того, чтобы самимъ производить предметы, необходимые для удовлетворенія первыхъ жизненныхъ потребностей, испанцы начали пріобрѣтать ихъ за границею, куда такимъ образомъ постепенно и уходило все ихъ золото и всѣ ихъ сокровища. Когда впослѣдствіи колоніи въ Америкѣ перестали ихъ кормить (а это случилось тогда, когда онѣ сбросили съ себя иго испанцевъ и, сдѣлавшись самостоятельными, перестали платить имъ подати и налоги), множество испанцевъ изъ всѣхъ классовъ общества, уже облѣнившіеся и опустившіеся, громадными толпами примыкали къ шайкамъ нищихъ и кормились по большимъ дорогамъ подаяніемъ, воровствомъ, насиліемъ и грабежомъ.

Въ концѣ XVIII-го столѣтія *кортесы* (названіе парламента въ Испаніи и Португаліи,—безъ его согласія король не могъ предпринимать ничего важнаго) уже не созывались болѣе; что же касается потомковъ древней аристократіи—испанскихъ *грандовъ*, они были въ этотъ періодъ времени въ совершенномъ загонѣ; во всемъ государствѣ царила только власть короля, который былъ неограниченнымъ монархомъ. Вмѣсто него государствомъ управлялъ кружокъ приближенныхъ къ нему лицъ, прозванный *камарильей*. Кромѣ камарильи, только церковь пользовалась властью: духовенству, какъ и встарину, были оставлены его обширныя помѣстья и его монастыри; оно по прежнему распоряжалось судомъ инквизиціи, посылало на казнь не только заподозрѣнныхъ въ ереси, но всѣхъ непріятныхъ для него людей; такъже, какъ и прежде, оно рѣшало дѣла о разводѣ, что особенно усиливало вліяніе его на частную жизнь; подъ его непосредственнымъ надзоромъ находились всѣ учебныя заведенія, въ его рукахъ, наконецъ, была и цензура. Такимъ образомъ духовенство въ Испаніи и въ этотъ періодъ времени было властелиномъ всей умственной и нравственной жизни націи. Хотя испанцы переносили этотъ двойной гнетъ, но они начинали все болѣе горячо мечтать о томъ, чтобы избавиться отъ него,—пока, однако, они не имѣли для этого достаточно силы.

Лишь въ началѣ XIX-го столѣтія, вслѣдствіе нашествія французовъ, въ этой странѣ были уничтожены старые порядки, а вмѣстѣ съ ними исчезли камарилья и жестокая инквизиція. Наполеонъ I водворилъ въ Мадридѣ короля французскаго происхожденія. Хотя старый, ненавистный порядокъ съ камарильею и инквизиціею былъ уничтоженъ, но испанскіе патріоты возмущались теперь чужеземнымъ господствомъ. Эта непріязнь къ чужеземному правительству выразилась, наконецъ, въ томъ,

что въ 1811-мъ году въ Испаніи было устроено новое, самостоятельное правительство: образовался кружокъ наиболѣе выдающихся испанскихъ политическихъ дѣятелей, горячихъ патріотовъ, взявшихъ на себя управленіе государственными дѣлами. Хотя люди эти не имѣли политическаго образованія, но, благодаря тому, что они не испытывали уже прежняго гнета, что они пользовались въ послѣднее время несравненно большею свободою, что они теперь получили настоящее понятіе о томъ, что дѣлается въ другихъ государствахъ (а это еще такъ недавно тщательно скрывалось отъ нихъ духовенствомъ), —они проявили политическое пониманіе, а нѣкоторые изъ нихъ выказали даже блестящіе таланты. Результатомъ этого движенія явилась конституція 1812 г., которая была въ Испаніи первымъ воплощеніемъ новыхъ политическихъ идеаловъ. Она провозгласила кортесы облеченными верховною властью, положила начала свободы и равенства и совершенно упразднила старые порядки,—цензуру, а также права и преимущества дворянъ. По одному лишь пункту эта конституція не рѣшилась порвать съ старыми преданіями,—она не допустила религіозной свободы. «Религія испанскаго народа», сказано въ одномъ изъ ея пунктовъ, «есть и всегда будетъ римско-католическая, какъ единственно-истинная; народъ охраняетъ ее своими мудрыми и справедливыми законами и запрещаетъ всякое иное богослуженіе». Въ этомъ сказалась давнишняя, вѣками воспитанная и всей исторической жизнью укрѣпленная, пламенная, страстная преданность испанскаго народа къ своей католической религіи. Несмотря, однако, на фанатическую къ ней преданность, кортесы отказались возстановить инквизицію, упраздненную французами, не обращая вниманія на настоятельныя требованія монаховъ возвратить ее.

Этотъ опытъ либеральнаго, конституціоннаго управленія былъ, однако, внезапно прекращенъ. Нужно замѣтить, что какъ передъ введеніемъ конституціи 1812 г., такъ и во время ея въ Испаніи было не мало приверженцевъ абсолютной, неограниченной власти монарха, много было людей, стремившихся возвратить на испанскій престолъ короля Фердинанда, находившагося въ это время во Франціи. Монахи и духовенство мечтали объ его возвращеніи, чтобы уничтожить ненавистный имъ новый порядокъ, чтобы возобновить инквизицію и снова пользоваться громаднымъ вліяніемъ, богатствомъ и почетомъ. Ихъ мечта сбылась: Фердинандъ возвратился въ Испанію и издалъ манифестъ, въ которомъ значилось: «моя королевская воля не только не желаетъ присягать конституціи, не только не желаетъ признавать какіе-либо указы кортесовъ, но объявляетъ эту конституцію и эти указы недѣйствительными. Желающихъ ихъ сохраненія я объявляю виновными въ преступленіи, совершенномъ противъ особы государя». Затѣмъ начались безконечные аресты лицъ, словомъ или дѣломъ служившихъ либеральной конституціи и преданныхъ ея идеямъ: одни изъ нихъ были сосланы на каторгу, другіе заключены въ тюрьмы или монастыри, третьи—высланы въ отдаленныя мѣстности. Такимъ образомъ въ 1815 г. былъ возстановленъ старый порядокъ, существовавшій еще до непріятельскаго вторженія. Положеніе страны въ это время было самое печальное: пять лѣтъ почти безпрерывныхъ войнъ совершенно розорили города и деревни, испортили дороги и мосты; населеніе значительно уменьшилось и обѣднѣло, средства государства сократились, налоги возросли.

Несмотря на все это, война съ Наполеономъ создала и выдвинула въ Испаніи новую силу—классъ офицеровъ. Они сдѣлались вождями народа, ополчившагося противъ чужеземца, а затѣмъ, позже, начали распространять всюду, и прежде всего среди простыхъ солдатъ, мысль о необходимости возстановить конституцію 1812 г. Имъ не трудно было возстановить армію противъ короля Фердинанда, ко-

торый не любилъ ее и которому армія платила тѣмъ-же; король не заботился объ офицерахъ, не обращалъ на нихъ никакого вниманія, не выдвигалъ ихъ въ обществѣ. Что же касается солдатъ, то ихъ содержали чрезвычайно плохо и очень часто не выдавали имъ ни жалованья, ни одежды. Недовольство войскъ стало мало-по-малу переходить въ мятежи, возстанія и бунты. Либералы вошли въ сношенія съ офицерами и образовали мятежную *хунту* (союзъ), провозгласившій въ 1820 г. конституцію 1812 г. Испуганный король Фердинандъ теперь изъявилъ полную готовность присягнуть конституціи. Такимъ образомъ въ этой революціи дѣйствовали мятежная *хунта* и военное *пронунціаменто* (ниспроверженіе существующаго порядка военною силою). Съ этихъ поръ въ Испаніи та и другая сила (мятежная хунта и пронунціаменто) начинаютъ служить орудіями всѣхъ послѣдующихъ переворотовъ и революцій, которыхъ за это XIX-е столѣтіе было такъ много въ этой странѣ. Испанскіе генералы, прежде не игравшіе въ этой странѣ никакой роли, дѣлаются съ этихъ поръ настоящими рѣшителями судебъ. Начался рядъ пронунціаменто: обыкновенно генералъ или офицеръ высшаго чина поднимаетъ знамя возстанія противъ правительства, и, если оно не настолько популярно, чтобы войско вступилось за него, мятежники ниспровергаютъ правительство. Вмѣстѣ съ этимъ постепенно увеличивается въ Испаніи и количество тайныхъ обществъ, политическихъ заговоровъ и политическихъ партій, постоянно враждующихъ между собой.

Тотъ-же король Фердинандъ, который въ 1815 г. казнилъ и изгонялъ изъ страны всѣхъ, признававшихъ конституцію, теперь, черезъ пять лѣтъ (въ 1820 г.), не только торжественно поклялся соблюдать ее, но въ указѣ, изданномъ имъ по этому поводу, грозилъ выслать изъ предѣловъ королевства всѣхъ, кто не пожелаетъ присягнуть на вѣрность конституціи. Страна, однако, не успокоилась послѣ этого: въ ней продолжались смуты, волненія, мятежи, раздоры. Многіе чрезвычайно враждебно относились къ королю и устраивали заговоры съ цѣлью свергнуть его съ престола и изгнать изъ страны; количество невоздѣланныхъ земель въ это время особенно возросло; финансы пришли въ отчаянное состояніе,—государственные долги все росли.

Европейскія державы недружелюбно смотрѣли на дѣла, происходившія въ Испаніи, но пока не рѣшались двинуть свои войска въ эту страну. Въ концѣ концовъ французская армія опять вторглась въ Испанію, но на этотъ разъ уже съ цѣлью возстановить неограниченную власть короля Фердинанда. Американскія колоніи, воспользовавшись затруднительнымъ положеніемъ метрополіи, окончательно отложились отъ нея. Всѣ эти осложненія и замѣшательства въ Испаніи еще усилились, когда король Фердинандъ пожелалъ, на случай своей смерти, упрочить престолъ за своею дочерью Изабеллой. Со времени водворенія Бурбоновъ престолъ въ Испаніи наслѣдовало исключительно мужское поколѣніе. Такъ какъ у Фердинанда не было сыновей, то послѣ него долженъ былъ вступить его братъ донъ-Карлосъ, горячо преданный католическому духовенству. Вотъ потому-то на сторонѣ донъ-Карлоса оказались всѣ монахи, большая часть бѣлаго духовенства, а также много офицеровъ, города Кастиліи и всѣ Пиренейскія провинціи. Такимъ образомъ, къ невообразимой неурядицѣ, и безъ того господствовавшей въ странѣ, присоединяются еще споры о правахъ на престолъ: приверженцы донъ-Карлоса начинаютъ стремиться посадить его на престолъ, и изъ за этого начинается рядъ волненій и кровопролитныхъ междуусобицъ.

Однако, когда король Фердинандъ скоропостижно скончался, бразды правленія перешли въ руки его жены королевы Христины: она была признана регентшею до совершеннолѣтія ея дочери Изабеллы. Чтобы имѣть возможность успѣшно вести войну съ карлистами, королева старалась привлечь на свою сторону либераловъ

и созвала генеральные кортесы. Въ составъ этого парламента вошли на этотъ разъ люди привилегированные и богатые, и это понятно,—кортесы были созваны спеціально королевой. Имъ предоставлено было право лишь разрѣшать налоги и обсуждать законы; министры вовсе не были отвѣтственны передъ ними, а правительство сохраняло за собою правило созывать и распускать кортесы и назначать ихъ президентовъ. Такимъ образомъ Испанія сдѣлалась конституціонною монархіею, но такъ какъ министры не находились въ зависимости отъ представителей страны, то эта конституціонная монархія оказалась безъ народнаго представительства.

Во время регентства Христины страну, кромѣ вѣчныхъ раздоровъ партій, особенно ослабила пятилѣтняя карлистская война; она продолжалась съ перемѣннымъ счастьемъ и вскорѣ съ той и съ другой стороны приняла дикій характеръ: карлисты мучили и убивали плѣнныхъ, т.-е. своихъ же братьевъ, находившихся въ правительственныхъ войскахъ и сражавшихся противъ нихъ; генералы правительственныхъ войскъ приказывали разстрѣливать офицеровъ и солдатъ карлистской арміи. Нѣсколько разъ побѣда склонялась на сторону карлистовъ, но донъ-Карлосъ не былъ ни хорошимъ полководцомъ, ни политикомъ и всѣ свои надежды возлагалъ на Мадонну, которую провозгласилъ главнокомандующимъ войскъ. Въ концѣ концовъ, въ 1839 г. карлистское войско вынуждено было сложить оружіе, а донъ-Карлосъ удалился во Францію.

Финансы страны были въ это время такъ разстроены, что не хватало денегъ на самыя необходимыя нужды государства; вслѣдствіе этого рѣшено было приступить къ продажѣ монастырскихъ имѣній. Монаховъ въ это время было еще 90.000. Цѣлымъ рядомъ указовъ было упразднено громадное большинство монастырей, духовныхъ конгрегацій, часть женскихъ монастырей и объявлено, что ихъ движимое и недвижимое имущество переходитъ съ этихъ поръ въ собственность государства для погашенія его долговъ. Послѣдующія за этимъ одиннадцать лѣтъ прошли не безъ политическихъ треволненій и переворотовъ: королева Христина то оставляла свое королевство, то возвращалась въ него и снова брала власть въ свои руки. Кромѣ того, Испанія два раза выдерживаетъ въ это время диктатуру..

Послѣ этого въ странѣ наступаетъ сильнѣйшая реакція: среди испанцевъ опять является множество людей, стремящихся усилить власть церкви и монархіи. Правительство безъ согласія кортесовъ, въ 1851 г. заключило съ папою конкордатъ, по которому оно опять предоставило духовенству надзоръ за воспитаніемъ юношества и цензуру и отдало себя въ распоряженіе церковной власти. При этомъ правительство приняло на себя обязательство не трогать непроданныхъ еще имуществъ духовенства и разрѣшило ему пріобрѣтать новыя. Эти порядки привели къ нѣсколькимъ военнымъ бунтамъ и къ революціи: населеніе Мадрида построило баррикады и въ теченіе трехъ дней сражалось съ правительственными войсками, подвергая разгрому дома министровъ.

За послѣднее тридцатилѣтіе испанская корона переходила отъ одного лица къ другому; въ то же время страна по прежнему страдала отъ тѣхъ же невзгодъ: одни за другими происходили государственные перевороты, вспыхивали волненія и мятежи внутри, загоралась братоубійственная война между различными партіями, изъ которыхъ одна желала посадить на престолъ одного короля, другая—другого, а третья требовала и совсѣмъ иной формы правленія. Во многихъ мѣстностяхъ Испаніи до настоящей минуты можно встрѣтить нагроможденныя другъ на друга развалины, происшедшія отъ частыхъ и ужасающихъ пожаровъ и всевозможныхъ безпорядковъ; онѣ краснорѣчиво говорятъ о вѣчныхъ волненіяхъ въ этой несчастной странѣ.

Послѣ переворота 1868 г. королева Изабелла вынуждена была бѣжать во

Францію; затѣмъ страна эта выдержала диктатуру, и, наконецъ, въ 1870 г. герцогъ Амедей, сынъ итальянскаго короля Виктора-Эмануила, сдѣлался испанскимъ королемъ. Но Амедей скоро отказался отъ престола, и Испанія съ 1873 г. сдѣлалась республикою, а затѣмъ снова подверглась диктатурѣ.

Въ 1874 г. опять вспыхнуло карлистское возстаніе, и началась война съ карлистами. Какъ и прошлая пятилѣтняя война съ карлистами, такъ и эта война носила тотъ-же характеръ: съ той и съ другой стороны самымъ возмутительнымъ образомъ убивали плѣнныхъ, портили желѣзныя дороги, стрѣляли въ проходящіе поѣзда.

Наконецъ, на престолъ вступилъ Альфонсъ XII, а послѣ его смерти, въ 1885 г., его вдова Марія-Христина (австрійская принцесса) стала управлять государствомъ и управляетъ имъ понынѣ именемъ своего малолѣтняго сына Альфонса XIII-го.

Государственное устройство Испаніи въ настоящее время—конституціонная монархія, основанная въ 1876 г. Кортесы, избранные всеобщимъ голосованіемъ, редактировали нынѣ дѣйствующую въ Испаніи конституцію. Кортесы состоятъ изъ сената и палаты депутатовъ; министры отвѣтственны. На дѣлѣ, однако, кортесы въ большинствѣ случаевъ соглашаются съ мнѣніемъ министерства, а составъ его зависитъ отъ воли короля.

Жестокая инквизиція, варварское угнетеніе мысли во время господства духовенства, наконецъ, только-что представленная нами, изъ ряду вонъ тревожная политическая жизнь испанцевъ за весь XIX вѣкъ, нищета народа, обездоленнаго вѣчными войнами, который въ продолженіе всего этого столѣтія не могъ заниматься мирнымъ трудомъ, все это, разумѣется, оставило страшные слѣды и въ настоящемъ. Еще и теперь испанецъ доводитъ свою религію до идолопоклонства. Большинство изъ нихъ свято вѣритъ въ своего патрона на небесахъ, который во всякую минуту можетъ защитить его отъ всякихъ невзгодъ. Въ культѣ Мадонны гораздо болѣе языческаго идолопоклонства и поклоненія женской красотѣ, чѣмъ христіанскаго религіознаго чувства. Испанцы страшно заражены суевѣріемъ: еще и теперь у входовъ въ церкви и монастыри открыто продаютъ чудотворные амулеты, изъ которыхъ одни должны истреблять заразительныя болѣзни, другіе спасать скотъ отъ той или другой напасти.

Испанія обладаетъ громадными преимуществами и въ естественномъ, и въ климатическомъ отношеніяхъ: омываемая Атлантическимъ океаномъ и Средиземнымъ моремъ, она имѣетъ чрезвычайно выгодное положеніе для торговыхъ сношеній съ Америкой, такъ что сама природа предназначила ее держать въ своихъ рукахъ торговлю обоихъ полушарій. Испанцы имѣютъ богатые, цвѣтущіе города, искусныхъ рабочихъ, извѣстныхъ художниковъ: даровитыя произведенія ихъ живописи и величественные храмы справедливо ставятся на ряду съ чудеснѣйшими дѣлами рукъ человѣческихъ. Они говорятъ прекраснымъ, звучнымъ и гибкимъ языкомъ, и литература ихъ стоитъ не ниже ихъ языка. Ихъ земля даетъ имъ всевозможныя богатства; она изобилуетъ виномъ и масломъ и съ тропическою щедростью даритъ самыми чудными плодами: сладкіе апельсины, лимоны, гранаты, оливки, миндаль, фиги, виноградъ пользуются въ Европѣ громкою извѣстностью. Въ нѣдрахъ земли этой страны находятъ въ такомъ-же богатствѣ и разнообразіи цѣнные минералы: испанскіе серебряные и ртутные рудники хорошо извѣстны всему свѣту. Эта благословенная страна столько же изобилуетъ благородными металлами, сколько и металлами, необходимыми для практической жизни: въ ней много свинца и мѣдныхъ рудъ, которыя еще никогда не были тронуты. Желѣзо лучшихъ сортовъ можно найти почти повсюду въ Испаніи, а астурійскія угольныя копи просто неистощимы.

Но всѣ испанскія богатства не обогащаютъ народа,—Испанія остается страной такой же бѣдной, какъ и прежде, а ея населеніе по прежнему чрезвычайно невѣжественно и находится подъ полнѣйшемъ вліяніемъ духовенства. Ея промышленность въ самомъ жалкомъ состояніи и небреженіи и въ значительной степени находится въ рукахъ иностранцевъ. Въ ея земледѣліи до сихъ поръ еще примѣняются тѣ же примитивные способы обработки земли, какъ и сто лѣтъ тому назадъ, а земледѣльческое населеніе, за исключеніемъ нѣкоторыхъ сѣверныхъ провинцій, живетъ въ такой бѣдности, которая близко граничитъ съ нищетой. Большинство испанскаго простонародья не можетъ удовлетворять самымъ скромнымъ требованіямъ человѣческаго организма, не имѣетъ возможности изъ своего заработка и изъ своихъ собственныхъ средствъ выплачивать налоги и постоянно находится въ рукакъ ростовщиковъ, которые дерутъ съ него безбожные проценты. Поэтому нисколько не удивительно, что въ настоящее время въ рукахъ испанскаго правительства находится множество крестьянскихъ земельныхъ участковъ, конфискованныхъ за неплатежъ податей.

Кромѣ бѣдности, царящей въ испанской деревнѣ, невѣжества и изувѣрства, до сихъ поръ поддерживаемаго католическимъ духовенствомъ, въ ней господствуетъ еще полный произволъ сильнаго надъ слабымъ. Несмотря на то, что конституція страны гарантируетъ гражданамъ полную свободу дѣйствій на выборахъ, въ дѣйствительности избирательный періодъ въ Испаніи—время необузданнаго произвола, когда правительство и его агенты не брезгаютъ самыми недостойными средствами для того, чтобы застращать избирателей, не стѣсняются рѣшительно ничѣмъ, лишь бы достигнуть своей цѣли. Благодаря произволу бюрократіи, унаслѣдованному Испаніею отъ времени Бурбоновъ, выборы обращаются всякій разъ въ самую недостойную комедію, а свобода и равенство подданныхъ попираются самымъ необузданнымъ произволомъ администраціи. Представители различныхъ политическихъ партій, которыхъ въ Испаніи и въ настоящее время несмѣтное количество, въ громадномъ большинствѣ случаевъ руководствуются въ своей жизни и дѣятельности прежде всего личною выгодой, стремленіемъ сначала пробраться къ власти, а потомъ, не разбирая средствъ, удерживать ее въ своихъ рукахъ.

На ряду съ процвѣтаніемъ самаго возмутительнаго взяточничества Испанія, несмотря на конституціонную форму правленія, страна самаго необузданнаго административнаго произвола: губернаторамъ и полицейскимъ чиновникамъ здѣсь ровно ничего не стоитъ арестовать человѣка безъ взякаго повода, бросить его въ тюрьму, а иногда даже—отдать тайное приказаніе спровадить его на тотъ свѣтъ. Мало примѣровъ того, чтобы губернаторъ или его подчиненные платились за свое самоуправство. Въ случаѣ какого-нибудь запроса свыше, имъ стоитъ только отвѣтить, что отправленный по этапу человѣкъ или брошенный въ тюрьму опасенъ для существующаго порядка, и дѣло обходится безъ дальнѣйшихъ хлопотъ.

Хотя монастыри исчезли въ Испаніи и число духовенства сильно уменьшилось, но надзоръ надъ школами до сихъ поръ принадлежитъ исключительно церкви, цензура театральныхъ пьесъ производится духовенствомъ, женщины вполнѣ находятся подъ властью и нравственнымъ гнетомъ католическихъ патеровъ и въ свою очередь въ этомъ направленіи вліяютъ на своихъ мужей и сыновей.

Недостатокъ образованія и развитія прежде всего выражается въ презрѣніи испанцевъ къ какому бы то ни было ремеслу. Они считали (и до сихъ поръ еще этотъ взглядъ сохранился въ большинствѣ случаевъ), что самое благородное занятіе—война, и самый послѣдній простолюдинъ мечтаетъ, какъ бы ему попасть въ войско

и облагородить свое положеніе званіемъ гидальго (благородный). Духъ рыцарства, хотя уже значительно выдохся, но и теперь еще живетъ въ испанскомъ народѣ.

Вслѣдствіе междуусобицъ, постоянныхъ государственныхъ переворотовъ, которые безпрерывно слѣдуютъ одинъ за другимъ, казна находится въ состояніи безпрерывнаго банкротства. Положеніе финансовъ въ данную минуту самое плачевное: военные расходы поглощаютъ весь приходъ; налоги увеличены; рекрутскій наборъ, столь ненавистный испанцамъ, отвлекаетъ отъ производительнаго труда множество людей.

Общему упадку страны сильно содѣйствовалъ также захватъ земли крупными собственниками, духовными орденами и приближенными королей. Они настроили въ странѣ множество замковъ, развели безчисленное число парковъ, роскошныхъ садовъ, совсѣмъ запустили поля. Испанскій простолюдинъ, который и раньше никогда не отдавался землѣ съ особеннымъ рвеніемъ, теперь совсѣмъ сталъ покидать ее: поля запустѣли, нищенство стало всеобщимъ, города и деревни обезлюдѣли.

Кромѣ междуусобицъ и раздора партій, какой-то хаосъ существуетъ и въ умахъ населенія: одна провинція питаетъ къ другой непримиримую ненависть. Борьба и междуусобная война то затихаетъ, то снова разгорается, принося съ собою еще большее запустѣніе полей; промышленность не развивается, и, какъ результатъ всего этого, — страшная бѣдность народа и жалкое положеніе финансовъ сказываются во всѣхъ отрасляхъ жизни, во всѣхъ слояхъ общества: мелкіе чиновники, которымъ обстоятельства не даютъ возможности брать взятки, сидятъ безъ жалованья и влачатъ нищенское существованіе; многіе школьные учителя, иногда подолгу не получая денегъ ни на содержаніе школы, ни жалованья, закрываютъ ихъ и дѣлаются пролетаріями.

Но все же въ самое послѣднее время въ Испаніи началось оживленіе. Хотя нѣкоторыя отрасли труда, напримѣръ торговля, до сихъ поръ возбуждаютъ у испанцевъ отвращеніе, тѣмъ не менѣе вообще они начали уважать трудъ болѣе прежняго. Нѣсколько усовершенствовалась промышленность, ожила и торговля. Всѣмъ этимъ, однако, Испанія прежде всего обязана иностранцамъ: совершенно разстроенныя денежныя дѣла этой страны не даютъ ей возможности самостоятельно разрабатывать всѣ свои богатства, затрачивать капиталы на различныя предпріятія, а потому и приходится все отдавать въ руки иностранныхъ компаній.

ПО ДОРОГАМЪ ИСПАНІИ.

Если путешественнику придется отправиться въ мѣстность, по которой не проведена еще желѣзная дорога, ему безпрестанно попадается на встрѣчу первобытный, ярко выкрашенный возъ, о двухъ колесахъ, запряженный быками. Колеса этого воза безъ ободковъ и спицъ и сколочены изъ закругленныхъ досокъ, — скрипъ, производимый ими, просто ужасенъ. Иногда, вмѣсто такого воза, по дорогѣ тащится оселъ, нагруженный мѣшками; подлѣ него шагаетъ испанецъ гордый и важный, точно настоящій король, и оборванный, какъ настоящій нищій. Нерѣдко вниманіе приковываетъ и еще болѣе оригинальный экипажъ-дилижансъ, который везутъ десятокъ, а то и цѣлая дюжина красивыхъ, сильныхъ муловъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ желѣзныхъ дорогъ, приходится путешествовать на мулахъ или на лошадяхъ въ самыхъ разнообразныхъ экипажахъ. Муловъ своихъ испанцы холятъ и любятъ отъ всей души, и многіе выказываютъ свою нѣжность къ этимъ животнымъ тѣмъ, что украшаютъ ихъ гриву лентами, а на голову прикрѣпляютъ большой и высокій букетъ изъ разноцвѣтной шерсти. Испанскій дилижансъ очень оригиналенъ: это что-то въ

родѣ тяжелой колымяги; внутри для пассажировъ купэ, освѣщенное оконцемъ, которое отъ сильныхъ здѣшнихъ жаровъ завѣшиваютъ шторкой изъ тонкихъ деревянныхъ планочекъ. Муловъ, а иногда и лошадей въ такой дилижансъ впрягаютъ попарно, одну пару сзади другой.

При дилижансѣ четверо служащихъ. Главное лице—*майораль*, то-же, что нашъ кондукторъ. Его одежда очень оригинальна: голова повязана цвѣтнымъ фуляровымъ платкомъ, прикрыта сверху андалузскою шляпою съ приподнятыми краями; широкая куртка вся расшита разноцвѣтнымъ снуркомъ; сзади вышитъ огромный горшокъ съ цвѣтами, раскидывающими свои вѣтви по всей спинѣ. Панталоны майораля спущены немного ниже колѣнъ, сдѣланы изъ сукна, а иногда изъ бараньей кожи; обувь состоитъ изъ бѣлыхъ башмаковъ. Майораль сидитъ на козлахъ, а подлѣ него кучеръ; кромѣ нихъ, есть еще паренекъ, который чуть не всю дорогу бѣжитъ то по одну сторону муловъ, то по другую и понукаетъ лошадей: его называютъ *загаломъ*; и наконецъ четвертый ѣдетъ верхомъ, впереди.

Верхъ дилижанса нагружаютъ багажемъ и нѣсколькими ружьями и тутъ же садятся двое солдатъ, чтобы отстрѣливаться отъ разбойниковъ, которые по дорогамъ иногда нападаютъ на проѣзжающихъ. Когда пассажиры усѣлись и все уже готово, чтобы тронуться въ путь, одинъ изъ служащихъ, обыкновенно юноша лѣтъ 17-ти, надѣваетъ свою шапку изъ мерлушки, что придаетъ его загорѣлому отъ солнца лицу видъ самый дикій, и садится верхомъ на одного изъ муловъ, который идетъ впереди всѣхъ, въ первой парѣ. «А вотъ и осужденный на смерть», говорятъ обыкновенно пассажиры, завидѣвши юношу, и, дѣйствительно, обязанности этихъ верховыхъ необыкновенно тяжелы. Подъ отвѣсными лучами палящаго солнца ему приходится иногда сидѣть цѣлыми днями, соскакивая при остановкахъ лишь на нѣсколько минутъ, чтобы подкрѣпиться.

Но вотъ кучеръ трогаетъ возжи; тогда *загалъ* начинаетъ суетиться около муловъ и осыпаетъ ихъ градомъ ударовъ кнутомъ и палкою. Съ минуту мулы кидаются то вправо, то влѣво, лягаютъ, тяжелый дилижансъ колеблется, но наконецъ онъ срывается съ мѣста и катитъ. Мулы развѣ только на крутую гору идутъ шагомъ, а то все больше рысью или вскачь. Но вотъ они пошли нѣсколько медленнѣе; «загалъ» бросается къ нимъ, погоняетъ ихъ, бранитъ, зоветъ по именамъ, и каждый мулъ отзывается на свою кличку движеніемъ ушей. Но если брань не дѣйствуетъ, паренекъ надѣляетъ то одного, то другого палочными ударами; когда и это не придаетъ имъ бодрости, онъ забѣгаетъ впередъ экипажа, набираетъ по дорогѣ камешки и ловко бросаетъ ихъ одинъ за другимъ въ уши лѣнивыхъ животныхъ,—тогда мулы начинаютъ бѣжать гораздо живѣе прежняго.

МАДРИДЪ [1].

Окрестности испанской столицы.—Ея убійственный климатъ.—Какую важную роль въ жизни испанца играетъ Пуэрта-дель-Соль.—Прадо.—Одежда и характеръ мадридцевъ.—Улица Іеронима.—Площади Мурильо и Майоръ.—Второстепенныя улицы.—Музей.—Кафэ и магазины сигаръ.—Страсть къ театральнымъ представленіямъ.—Серено.

Подъѣзжать къ Мадриду приходится по пустыннымъ равнинамъ, обожженнымъ солнцемъ. Едва насчитаешь нѣсколько деревьевъ, одиноко стоящихъ среди виноград-

[1]) Мадридъ находится въ Новой Кастиліи. Старая и Новая Кастиліи, почти въ центрѣ страны, громадная, самая большая область Испаніи, отличающаяся крайнимъ однообразіемъ при-

никовъ и хлѣбныхъ полей. Кругомъ пусто и бѣдно, и только синяя полоса горъ на минуту разгоняетъ тоску, которую вызываетъ эта жалкая однообразная природа. Чѣмъ ближе вы подъѣзжаете къ Мадриду, тѣмъ чаще показываются деревушки, раскрашенныя самыми фантастическими цвѣтами: свѣтло-зеленымъ, розовымъ, голубымъ. Дома эти не всегда выстроены изъ брусьевъ, но очень часто и изъ кирипича; неизбѣжная принадлежность каждаго испанскаго дома—балконы и всевозможныя украшенія надъ окнами. Лѣтомъ окрестности Мадрида еще печальнѣе. Рѣка Мансанаресъ, которая тутъ протекаетъ, высыхаетъ еще весною, и лѣтомъ отъ нея остается одинъ только ручей; палящее солнце и сухая песчаная почва истребляютъ всякую растительность. Трудно сказать, недостатокъ ли растительности дѣлаетъ климатъ испанской столицы убійственнымъ, или ея возвышенное положеніе (Мадридъ возвышается приблизительно на 600 метровъ надъ уровнемъ моря; метръ=$1^1/_2$ аршина), можетъ быть пронзительные вѣтры Гвадаррамы (горы, отдѣляющія Новую Кастилію отъ Старой) тому причиной, а еще скорѣе, всѣ эти причины вмѣстѣ дѣлаютъ воздухъ Мадрида чрезвычайно вреднымъ даже для самаго здороваго человѣка. Отъ ледянаго вѣтра или, какъ его называютъ, *дуновенія* Гвадаррамы, воздухъ во всей Новой Кастиліи до самыхъ Толедскихъ горъ, а мѣстами даже и до Сіерры-Морены, нерѣдко становится чрезвычайно рѣзкимъ. Это особенно чувствительно и гибельно, когда въ ясный день печетъ раскаленное испанское солнце: тогда эта струя ледянаго воздуха, точно тысячью вонзающихся острыхъ иголокъ, колетъ грудь и пересохшее горло. Чтобы защитить себя отъ этого, жители Мадрида иначе не выходятъ изъ дому, какъ закутавъ свое лицо до самыхъ глазъ. Самая убійственная изъ болѣзней, господствующихъ здѣсь эпидемически,—пораженіе легкихъ. Когда кто-нибудь схватитъ эту болѣзнь, она развивается такъ быстро, что иногда часовъ въ шесть-семь губитъ человѣка. Этому помогаетъ сухая атмосфера и бездождіе. Сырость, дождь или выпадающій снѣгъ встрѣчаютъ здѣсь съ необыкновенною радостью, но, къ сожалѣнію, такіе дни очень рѣдки.

Весна и осень здѣсь чрезвычайно коротки, и весь годъ можно смѣло раздѣлить на два времени года,—на девять мѣсяцевъ лѣта, когда днемъ трудно дышать отъ томительно адской жары, и на три зимнихъ мѣсяца съ жестокими холодами. Такъ какъ бо́льшую часть года приходится испытывать убійственную жару, то дома приноровлены прежде всего къ тому, чтобы спасаться отъ нея: полы вездѣ каменные, окна снабжены ставнями, которыя всегда закрыты до самыхъ сумерекъ. Но если лѣтомъ здѣсь страдаютъ отъ жары, то зимою не менѣе мученій доставляютъ жестокіе холода. Между тѣмъ дома испанской столицы совсѣмъ не защищаютъ отъ нихъ: здѣсь не существуетъ ни печей, ни каминовъ, и согрѣваться въ зимнее время помогаетъ лишь «брасэро», то есть мѣдный тазъ съ горящимъ углемъ, покрытый рѣшеткой; его ставятъ на низенькій столикъ, и всѣ стараются усѣсться поближе къ нему. Но отъ этихъ *брасэро* скорѣе можно угорѣть, чѣмъ согрѣться. Испанецъ вообще, а тѣмъ болѣе житель Мадрида, не любитъ долго засиживаться дома, особенно въ непріятное зимнее время года: часъ-другой погрѣется онъ, или, лучше сказать, промучается у *брасэро*, а затѣмъ накидываетъ свой плащъ (который называется у нихъ «капа») и бѣжитъ изъ дому.

роды. Кромѣ жалкихъ деревьевъ, кое-гдѣ попадающихся на горныхъ склонахъ этой области, необозримыя пространства заняты степями. Эти степи чередуются съ равнинами, покрытыми ароматическими растеніями, въ родѣ розмарина, или верескомъ съ розовыми цвѣточками. Часто на цѣлыя сотни верстъ здѣсь не встрѣтишь ни дерева, ни даже кустика. Эту унылую мѣстность болѣе всего разнообразятъ громадныя стада овецъ: ихъ попадается чрезвычайно много въ безконечныхъ степяхъ обѣихъ Кастилій.

Съ чего начать, описывая Мадридъ, какъ не съ *Пуэрта-дель-Соль*, центра города, этого самаго лучшаго и всѣмъ извѣстнаго мѣста; бѣднякъ испанецъ, если и не видѣлъ его, то ужъ, конечно, отлично знаетъ по слухамъ и всѣмъ сердцемъ стремится побывать тутъ. Пуэрта-дель-Соль—полукруглая площадь, окруженная высокими зданіями, на которой сходятся нѣсколько большихъ улицъ; изъ каждой изъ нихъ сюда ежеминутно притекаетъ огромная толпа пѣшеходовъ и экипажей. Всюду слышится веселый смѣхъ, говоръ, шутки. Вдоль стѣнъ и на углахъ широкихъ тротуаровъ стоятъ цѣлыя арміи торговцевъ восковыми спичками, конфектами, лубочными карикатурами; тамъ и здѣсь безпрерывно раздается: «спички, зонтики»; ихъ перекрикиваютъ продавщицы газетъ и лоттерейныхъ билетовъ. Мѣстный колоритъ придаютъ городу продажа на каждомъ шагу вѣеровъ, гитаръ и портретовъ торреадоровъ, да сохранившіяся мѣстами лавочки публичныхъ писцовъ, сочиняющихъ прошенія въ присутственныя мѣста для мужчинъ и письма для женщинъ.

Въ Пуэрта дель-Соль вы увидите лучшіе магазины, гостиницы и кофейни. Лѣтомъ жаркій удушливый зной, обдающій человѣка точно изъ страшно-раскаленной печки, заставляетъ испанца искать на улицѣ или въ кофейнѣ, чѣмъ-бы прохладиться. Поэтому кофеенъ здѣсь множество, и онѣ славятся своими замороженными питьями изъ лимона, апельсина, земляники и сладкаго миндаля. Но самое любимое питье испанца это agraz—изъ неспѣлаго винограда. Всѣ эти прохладительные напитки приготовлены чрезвычайно вкусно и удивительно ароматичны. Среди площади, украшенной статуею Венеры, находится огромный бассейнъ, а подлѣ стоитъ канделябръ, который вечеромъ многочисленными огнями фантастически освѣщаетъ всю площадь.

Тутъ съ утра до поздняго вечера толпится масса всякаго народа, потому что каждый испанецъ, вышедшій изъ дому погулять или за какимъ-либо дѣломъ, непремѣнно зайдетъ сюда поболтать или послушать споры, толки и новости. Если въ обществѣ подготовляется какое-нибудь волненіе, раздоры партій, безъ которыхъ невозможно даже представить эту страну, — все это начинается съ Пуэрта-дель-Соль, и послѣднія новости о политическихъ движеніяхъ испанецъ непремѣнно узнаетъ здѣсь, на этой площади. Знатные и бѣдняки, всѣ стоятъ здѣсь, какъ всегда, съ серьезнымъ чувствомъ собственнаго достоинства, съ необыкновеннымъ изяществомъ въ манерахъ, чѣмъ они прежде всего отличаются отъ другихъ народовъ Европы. Если вы встрѣтите испанца на улицѣ, вы обыкновенно увидите его въ плащѣ; широкій плащъ и зиму, и лѣто составляетъ необходимую принадлежность его одежды; но высшіе сановники, чиновники и выдающіеся щеголи носятъ европейскій костюмъ. «La capa» (такъ называютъ испанцы свой плащъ), говоритъ испанецъ, «предохраняетъ меня зимой отъ стужи, а лѣтомъ отъ жары и солнца», и вслѣдствіе этого испанецъ никогда съ нимъ не разстается. Безъ плаща испанецъ считаетъ неприличнымъ войти въ какое-нибудь собраніе, идти въ процессіи, присутствовать на свадьбѣ, однимъ словомъ, капа — въ полномъ смыслѣ слова національный мундиръ испанца. Такъ какъ этотъ плащъ закрываетъ всю остальную одежду, то испанецъ и не особенно заботится о томъ, что у него одѣто подъ нимъ. Полы этого плаща испанцы подшиваютъ плюшемъ, большею частью яркаго цвѣта, преимущественно гранатоваго. Одна пола плаща перекидывается черезъ плечо такъ, что прикрываетъ нѣсколько ротъ, чтобы предохранить грудь отъ пронзительнаго вѣтра Гвадаррамы. Испанцы то и дѣло выставляютъ свои руки изъ подъ плаща, вертятъ маленькую папироску и затѣмъ съ утонченною вѣжливостью обращаются къ сосѣду, кто-бы онъ ни былъ, просятъ у него огня и закуриваютъ свою папиросу. Эта простота отношеній, даже больше—тонкое чувство приличія и изящная вѣжливость, чуждая всякой приторности,

царствуютъ безъ исключенія между всѣми классами общества. Испанская аристократія не считаетъ для себя унизительнымъ мѣшаться съ толпою. Туриста прежде всего поражаетъ въ нравахъ испанцевъ то, что они на собраніяхъ и на улицѣ, не обращая вниманія на костюмъ и на общественное положеніе сосѣда, совершенно свободно разговариваютъ съ нимъ, а иногда и очень горячо спорятъ по поводу того или другого политическаго движенія.

На кого вы ни оглянетесь въ толпѣ, на всѣхъ лицахъ—оживленіе, веселье, радость, всегдашняя готовность быть къ вашимъ услугамъ, вступить съ вами въ разговоръ, въ споръ. Иностранецъ освоивается въ этомъ городѣ съ самой первой минуты, забываетъ о своемъ одиночествѣ и вмѣстѣ съ другими бѣгаетъ по веселымъ улицамъ испанской столицы. Особенно привлекаетъ его Пуэрта-дель-Соль, но не своею красотою, не оригинальностью своихъ построекъ,—ни тѣмъ, ни другимъ она вовсе не отличается,—а массою народа въ улицахъ, оживленіемъ и разнообразіемъ зрѣлищъ. Пуэрта-дель-Соль не только мѣсто прогулки, но въ то же время и свѣтскій салонъ, простонародный театръ, академія, рынокъ, парламентъ, аудиторія, биржа, мѣсто для военныхъ экзерцицій. Отъ утренней зари до глубокой ночи движеніе экипажей и людская суета не стихаютъ ни на минуту. Здѣсь собираются негоціанты, тамъ чиновники, элегантные люди, торреадоры, артистки, студенты; здѣсь торгуютъ, тамъ ухаживаютъ за дамами, подлѣ заключаютъ какую-нибудь торговую сдѣлку, прогуливаются, читаютъ газеты, охотятся за должниками, подготовляютъ демонстрацію противъ министерства, фабрикуютъ ложныя новости. Несмотря на широкіе тротуары, на нихъ всегда такая толпа, что приходится силою прокладывать себѣ дорогу, и вы безпрестанно сталкиваетесь то съ маклеромъ, то съ андалузцемъ, то съ бродягою, который, быстро наклоняясь къ вашему уху, проситъ у васъ милостыню такъ, чтобы его не замѣтили. Вотъ кучка крестьянъ, подпоясанныхъ широкими поясами, изъ за которыхъ выглядываютъ рукоятки навахъ (ножей); крестьяне останавливаются у стѣнки зданія и слушаютъ нищихъ, воспѣвающихъ, подъ аккомпанементъ флейтъ и гитаръ, подвиги своихъ героевъ. Въ сторонкѣ, въ яркихъ лохмотьяхъ, пляшетъ молодая цыганка, то ударяя въ раскрашенные бубны, то потрясая ими въ воздухѣ и прищелкивая кастаньетами. Далѣе прогуливаются борцы съ быками; ихъ куртки выложены золотомъ или серебромъ и красиво обхватываютъ стройную фигуру этихъ людей; ихъ пальцы—въ драгоцѣнныхъ перстняхъ; на ихъ жилетахъ висятъ золотыя цѣпочки съ дорогими брелоками. И ни одной этой драгоцѣнности никто изъ нихъ не покупалъ лично,—все это подарки ихъ почитателей. У насъ-ли не ухаживаютъ за знаменитыми пѣвцами, у насъ-ли не задариваютъ ихъ, но это ничто въ сравненіи съ обожаніемъ, которымъ въ Испаніи пользуются борцы съ быками. Вотъ одинъ изъ нихъ,—«пикадоръ» (всадникъ, вооруженный копьемъ), показывается изъ за угла улицы; проходящіе бросаются къ нему съ восторгомъ, подкидываютъ вверхъ свои шапки и выкрикиваютъ его имя. Но на оживленныхъ улицахъ Мадрида не приходится долго смотрѣть одно и то же: ваше вниманіе отвлекаютъ то оригинальныя процессіи съ знаменами и музыкантами, то чудные экипажи, запряженные рысаками. И просто диву даешься, какъ въ такомъ муравейникѣ, какъ Пуэрта-дель-Соль, на этой площади, кишмя кишащей народомъ, такъ быстро летятъ экипажи и не помнутъ эту громадную толпу. «Сочный апельсинъ!» кричитъ передъ вами черноглазая дѣвочка. «Свѣжая, кристальная вода, чистая, какъ слезы Богородицы, холодная, какъ ледъ Гвадаррамы, свѣжая, какъ щечки дѣвушки!» распѣваетъ продавецъ воды, продолжая пересчитывать ея чудныя качества. Ораторское краснорѣчіе, которымъ отличаются испанцы, сказывается и въ уличныхъ торговцахъ, которые, чтобы сбыть то-

варъ поскорѣе съ рукъ, произносятъ цѣлыя рѣчи. Крики, пѣніе, рѣчи уличныхъ продавцовъ, звуки музыки и танцевъ, грохотъ экипажей, шумъ, говоръ и движеніе толпы просто изумительны. И вотъ именно этимъ оживленіемъ вѣчно громадной, суетящейся толпы, этою быстрою смѣною самыхъ разнообразныхъ сценъ, одеждъ и лицъ и славится Пуэрта-дель-Соль среди улицъ всѣхъ столицъ міра.

Пуэрта-дель Соль особенно хороша вечеромъ, при свѣтѣ газа и при лунномъ освѣщеніи. Тогда здѣсь и протолкаться трудно. Томительно удушливый солнечный зной, который обдаетъ человѣка точно изъ раскаленной печи, и дѣла задерживаютъ многихъ днемъ дома, въ конторахъ и на службѣ, а вечеромъ каждый испанецъ, хотя на нѣсколько минутъ, заглянетъ сюда. Въ это время особенно бросаются въ глаза разносчики афишъ: бумажный ящикъ, который они носятъ, прикрѣпленъ къ шесту, что даетъ возможность читать объявленія, которыми испещрены всѣ четыре стороны такого ящика; тутъ объявляется о театральныхъ пьесахъ и о продажѣ различныхъ товаровъ. Когда испанецъ не можетъ держаться на ногахъ, (а это значитъ, что онъ уже очень много ходилъ и бѣгалъ, такъ какъ у каждаго изъ нихъ существуетъ привычка съ утра до вечера быть на ногахъ, расхаживать по улицамъ), тогда онъ отправляется въ кофейню, изъ которой раздаются звуки музыки.

Хотя здѣшнія кофейни и очень красивы, но онѣ далеко не отличаются такимъ блескомъ, какъ кофейни другихъ европейскихъ столицъ. Обыкновенно это огромная зала съ колоннами; вокругъ стѣнъ идутъ бархатные диваны и столики. Тутъ нѣтъ особенныхъ кофеенъ для знатныхъ и простыхъ,—принимаютъ каждаго, лишь бы платилъ. Поэтому по сосѣдству съ знатнымъ зачастую сидитъ и простой ремесленникъ, и оба разговариваютъ и спорятъ безъ всякаго стѣсненія. Здѣшнія кофейни не выписываютъ газетъ: продавцы газетъ и лоттерейныхъ билетовъ шмыгаютъ по залѣ и предлагаютъ свой товаръ посѣтителямъ. Лоттереи въ Испаніи содержатся правительствомъ, и безпрестанно происходятъ розыгрыши. Испанцы совершенно такъ же относятся къ лоттереямъ, какъ и итальянцы, и онѣ здѣсь такъ же разоряютъ бѣдный народъ, какъ и въ Италіи, но мы не будемъ распространяться о нихъ, потому что онѣ подробно описаны выше, въ очеркахъ «Италія».

Въ мадридскую кофейню приходятъ, между прочимъ, чтобы послушать музыку и пѣніе народныхъ пѣсенъ подъ аккомпанементъ гитаръ: испанцы предпочитаютъ всему свои народныя пѣсни. Посѣщаютъ кофейню и для того, чтобы выпить. Испанцы, однако, не любители спиртныхъ напитковъ: это самый трезвый народъ въ мірѣ. Люди какъ высшихъ, такъ и низшихъ классовъ не прочь выпить стаканъ-другой мѣстнаго вина, но оно обыкновенно очень легкое, и настоящихъ пьяницъ среди испанцевъ, сравнительно съ другими европейскими народами, чрезвычайно мало. Но зато они большіе любители прохладительныхъ напитковъ, приготовленіемъ которыхъ такъ славится Испанія. Трудно перечислить ту массу разнообразныхъ прохладительныхъ, которые преподносятъ вамъ въ каждой кофейнѣ, въ каждомъ частномъ домѣ. Всѣ эти апельсинные, миндальные, земляничные и другіе напитки превосходно заморожены, и каждый имѣетъ свой особый ароматъ: есть прохладительное подъ названіемъ «элексиръ молодости», питье, въ которомъ много ванили и другихъ пряностей, «ароматъ весны», въ которомъ чувствуется запахъ фіалокъ, и т. под. Поглощая громадное количество этихъ напитковъ, испанецъ выпиваетъ еще болѣе чистой воды. Прекрасно тутъ приготовляютъ также и мороженое, которое уничтожаютъ въ огромномъ количествѣ.

Посидитъ испанецъ въ кофейнѣ и опять возвращается на Пуэрта-дель-Соль. Вечеромъ здѣсь еще болѣе, чѣмъ днемъ, дамъ и мужчинъ, которые не иначе держатъ

свою шляпу, какъ приподнятою для поклона; всюду улыбки, привѣтствія, крики носильщиковъ, грохотъ дилижансовъ, бряцаніе сабель, звуки гитаръ, пѣніе слѣпыхъ. Это не движеніе и шумъ дѣловыхъ людей, а никогда не прекращающійся праздникъ, веселье празднаго народа. Самый дѣловой человѣкъ, попавшій на эту площадь, увлекается общимъ движеніемъ, болтаетъ, смѣется, цѣлые часы слоняется безъ дѣла изъ одного конца площади въ другой.

Если хотите не только потолкаться среди громадной толпы, но и прогуляться, отправляйтесь въ *Прадо*,—на широкій и безконечный длинный бульваръ. Прадо—мѣсто свиданія наиболѣе блестящаго общества: тутъ прогуливаются, знакомятъ своихъ друзей, бесѣдуютъ, курятъ; кто устанетъ ходить, можетъ присѣсть на одинъ изъ стульевъ, разставленныхъ по бокамъ бульвара. Жители Мадрида считаютъ Прадо чудомъ изъ чудесъ. И дѣствительно, если вспомнишь, какъ безплодны, жалки и безжизненны окрестности Мадрида, да и большая часть обѣихъ Кастилій, въ которой находится эта испанская столица, то найдешь, что такой восторгъ не особенно преувеличенъ. Самая лучшая часть этого прелестнаго бульвара называется «салонъ Прадо»: она представляетъ рядъ чудныхъ, тѣнистыхъ аллей, деревья которыхъ такъ густы, что переплетаются между собой. Однѣ изъ аллей предназначены для пѣшеходовъ, другія для всадниковъ и каретъ. Въ жаркое время здѣсь царитъ прохлада, и тогда на скамейкахъ и стульяхъ вездѣ отдыхающіе; здѣсь и тамъ множество бесѣдокъ съ прохладительными напитками.

Нигдѣ, кромѣ Мадрида, не встрѣтишь на улицахъ такой массы богато разодѣтой публики: безпрестанно встрѣчаешь женщинъ въ дорогихъ кружевахъ и брильянтахъ, мужчинъ—въ роскошныхъ экипажахъ. Но громадное большинство роскошно разодѣтыхъ испанцевъ, блещущихъ драгоцѣнными камнями, живутъ въ скромныхъ квартирахъ, питаются недостаточно питательною пищею. Это происходитъ оттого, что всѣ классы общества заражены страстью къ нарядамъ. Какъ мужчины, такъ тѣмъ болѣе женщины, какъ знатные, такъ и простые, какъ бѣдные, такъ и богатые, готовы во всемъ урѣзать себя, недопивать и недоѣдать, лишь бы обратить вниманіе другихъ на свой нарядъ, или, по крайней мѣрѣ, не явиться въ публикѣ одѣтыми хуже другихъ.

Хотя парижскія моды проникли и къ испанкамъ, но все-таки онѣ до сихъ поръ удержали въ костюмѣ болѣе своего народнаго, чѣмъ другія европейскія женщины. Испанки весьма небольшого роста, живыя, съ нѣжными чертами лица, съ черными, чудными глазами съ густой темно-каштановой косою. Одѣваются онѣ обыкновенно въ черное платье; длинная кружевная мантилья кокетливо накинута на голову. Испанка въ модной шляпкѣ не производитъ особеннаго впечатлѣнія,—она привлекательна только въ своей кружевной мантильѣ. Покрытыя своими воздушными мантильями, испанскія женщины, при свѣтѣ огней, кажутся какими-то фантастическими существами. Какъ у самой бѣдной крестьянки, такъ и у дочери родовитыхъ и сановитыхъ родителей, вѣеръ рѣшительно никогда не выходитъ изъ рукъ, и настоящее искусство владѣть имъ дано только испанкамъ. На улицѣ, въ театрѣ, въ церкви постоянно слышится шумъ и щелканье отъ складыванія и распусканія вѣеровъ; ими испанки даже кланяются, отдаютъ другъ другу привѣтствія, дѣлаютъ знаки, посылаютъ воздушные поцѣлуи. Это пристрастіе къ вѣерамъ будетъ понятно, если мы вспомнимъ, что имъ можно освѣжить лицо во время зноя и жара испанскаго лѣта.

Къ чуднымъ аллеямъ Прадо примыкаетъ нѣсколько улицъ; между ними обращаетъ на себя вниманіе улица Іеронима со статуей величайшаго испанскаго писателя Сервантеса. Надписи на этомъ памятникѣ говорятъ о томъ, что онъ воздвигнутъ

этому писателю за его величайшее произведеніе «Донъ-Кихотъ», названное по имени героя этого романа, который изображенъ отправляющимся на своемъ тощемъ Россинантѣ искать подвиговъ въ невѣдомой дали и всюду биться за правду, угнетенныхъ и обездоленныхъ. За Донъ-Кихотомъ плетется его слуга — добродушный Санхо-Панчо.

Противъ бульвара Прадо существуетъ площадь, названная по имени великаго испанскаго живописца Мурильо, памятникъ котораго и стоитъ здѣсь. Какъ произведенія этого живописца, такъ и память о немъ священны для испанскаго народа. И это понятно: этотъ художникъ великолѣпно воспроизводилъ Мадонну (Богородицу), которую такъ обожаютъ и боготворятъ испанцы.

Площадь «Майоръ», которая имѣла прежде первостепенное значеніе, теперь любопытна только по своимъ историческимъ воспоминаніямъ. На ней устраивали костры для сожженія еретиковъ, особенно много казнили мавровъ и евреевъ, какъ людей завѣдомо не признающихъ католической религіи. Вся эта площадь была пропитана кровью несчастныхъ мучениковъ. Здѣсь было замучено болѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было въ мірѣ, невинныхъ людей: на кострѣ сжигали человѣка даже и тогда, когда на него падало малѣйшее подозрѣніе въ томъ, что онъ неправильно понимаетъ тотъ или другой догматъ католической религіи. Жгли и такихъ, которые никакого сомнѣнія въ религіи не выражали, а просто, чтобы избавиться отъ того или другого человѣка, воспользоваться его состояніемъ, отнять у него жену, сестру, или, наконецъ, просто изъ-за того только, чтобы отомстить ненавистному человѣку. Несмотря на страшныя мученія и пытки, которыя претерпѣвали несчастные на этой площади, ее называли «ступенью въ рай», «площадью святыхъ огней», «алтаремъ карающаго Бога», даже «вратами любви», хотя все то, что тутъ происходило, совершенно противорѣчило не только любви, но и простому человѣколюбію.

Площадь «Майоръ,» на которой сожжено было столько людей, еще въ тѣ жестокія времена была окаймлена домами съ балконами. Въ тѣ дни, когда происходили казни, балконы и окна домовъ были биткомъ набиты зрителями. Они съ нетерпѣніемъ ожидали, когда начнутъ казнить обреченныхъ на смерть людей, и все время стояли на балконахъ, съ наслажденіемъ наблюдая жестокія пытки, претерпѣваемыя несчастными. Мало того, во времена этихъ жестокихъ казней и пытокъ существовалъ обычай приходить на эти зрѣлища въ самыхъ дорогихъ нарядахъ,—въ парчевыхъ, шелковыхъ и бархатныхъ платьяхъ, щедро украшенныхъ драгоцѣнными камнями. Обреченныхъ на сожженіе людей вереницей обводили вокругъ всей площади; у каждаго изъ нихъ во рту была засунута «желѣзная груша», которая мѣшала несчастному произнести хотя одно слово. При этомъ всѣ обреченные на смерть были одѣты въ шутовскую одежду. Впереди этихъ несчастныхъ шли дѣти, одѣтыя ангелами, и пѣли; за ними дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ, духовенство въ пышныхъ одеждахъ, монахи въ саванахъ и съ горящими факелами въ рукахъ, и, наконецъ, позади тянулись войска. Когда несчастные обошли площадь, ихъ привязывали къ шестамъ, укрѣпленнымъ среди костровъ, и поджигали ихъ. Публика на балконахъ и король со своимъ блестящимъ дворомъ наслаждались корчами и муками беззащитныхъ людей, пожираемыхъ пламенемъ. Болѣе всѣхъ подобными казнями упивался Филиппъ II-ой (1556—1598 г.), этотъ испанскій король-палачъ и кровопійца. На этой площади «Майоръ», гдѣ днемъ на кострахъ жгли живыхъ людей, вечеромъ актеры играли комедіи и плясали танцовщицы; здѣсь-же давали и представленія боя быковъ, для которыхъ теперь устроены особыя зданія. Можно-ли удивляться тому, что испанцы до сихъ поръ страстно любятъ отвратительныя, кровавыя зрѣлища въ

родѣ боя быковъ, послѣ того, когда народъ этотъ цѣлыми столѣтіями пріучали къ позорнымъ, безчеловѣчнымъ зрѣлищамъ въ родѣ вышеописанныхъ.

Теперь на площади «Майоръ» разбитъ маленькій садикъ, и вся она окружена высокими каменными зданіями на аркахъ: подъ ними устроены магазины и идетъ всевозможная торговля, а надъ арками высятся этажи громадныхъ домовъ. Каждый этажъ непремѣнно съ балкономъ; такъ какъ дома стоятъ очень тѣсно другъ около друга, то кажется, что эти балконы окружаютъ площадь непрерывною линіей, что придаетъ ей чрезвычайно своеобразный видъ. По вечерамъ здѣсь много гуляющихъ; испанки, одна красивѣе другой, сидятъ на безчисленныхъ балконахъ и смотрятъ на публику, расхаживающую внизу.

Въ Мадридѣ нѣтъ ни особенно роскошныхъ дворцовъ, ни старинныхъ памятниковъ искусства; но улицы испанской столицы, сравнительно съ улицами другихъ южныхъ городовъ, очень чисты, обширны, всегда чрезвычайно оживлены, обстроены домами, выкрашенными въ самые различные цвѣта; онѣ прерываются площадями разнообразныхъ формъ, и на каждой изъ нихъ вы непремѣнно найдете садикъ, фонтанъ, статую. Нѣсколько улицъ поднимаются по крутому склону, но, если вы достигаете самаго возвышеннаго пункта одной изъ нихъ,—другая длинная улица представляется вашимъ взорамъ. Каждую минуту перекрестки пяти, шести, даже восьми улицъ съ вѣчною толкотнею отъ экипажей и народа.

Во второстепенныхъ улицахъ Мадрида живописнымъ сценамъ нѣтъ конца. Цирюльники у дверей своихъ цирюленъ на открытомъ воздухѣ бреютъ мужчинъ; кузнецъ, сидя у входа кузницы, напѣваетъ народную пѣсню, въ которой онъ прославляетъ ловкость и красоту веселой дѣвушки; толпа полуодѣтыхъ мальчиковъ, съ лицомъ бронзоваго цвѣта, играетъ на улицѣ, представляя въ игрѣ бой быковъ; ватага удалыхъ, необыкновенно оживленныхъ и бойкихъ «сигарочницъ» (т.-е. женщинъ, работающихъ на сигарной фабрикѣ) шумно расходится по домамъ. Толпы народа у входа въ харчевни закусываютъ сардинками и салатомъ; угольщикъ перевѣшиваетъ безменомъ набросанные передъ нимъ огромные мѣшки съ углемъ; перевозчики товаровъ гонятъ передъ собою муловъ, разукрашенныхъ разноцвѣтными цвѣтами изъ шерсти.

Кромѣ необыкновеннаго уличнаго оживленія, въ Мадридѣ нѣтъ ничего особеннаго. Только «королевскій музей» достоенъ истиннаго удивленія: онъ, дѣйствительно, занимаетъ не только первое мѣсто въ числѣ достопримѣчательностей испанской столицы, но во всей Европѣ славится, какъ одно изъ лучшихъ хранилищъ величайшихъ художественныхъ произведеній. Въ немъ собраны картины извѣстныхъ художниковъ не только Пиренейскаго полуострова, но и другихъ странъ. Въ прежнія времена испанскіе короли были большими поклонниками живописи. Даже Филиппъ II-ой, этотъ король-звѣрь, какъ называютъ его, пріобрѣталъ во всѣхъ концахъ свѣта произведенія живописи. Зная пристрастіе испанскихъ королей къ живописи, многіе знаменитые художники предлагали имъ свои произведенія раньше, чѣмъ кому-бы то ни было. Испанскіе богачи и аристократы, желая угодить тому или другому изъ своихъ королей, посылали имъ въ подарокъ произведенія извѣстныхъ художниковъ. Вотъ почему въ «королевскомъ мадридскомъ музеѣ» можно найти такое громадное собраніе картинъ знаменитыхъ художниковъ всего свѣта. Изъ всѣхъ испанскихъ художниковъ, картинами которыхъ украшенъ музей, всемірную славу пріобрѣли: Веласкезъ, Мурильо, Рибейра и очень многіе другіе.

Первая прогулка по Мадриду, даже самый внѣшній обзоръ его зданій, вполнѣ доказываютъ путешественнику, что испанцы не даромъ прославились своею страстью

ко всевозможнымъ зрѣлищамъ: на каждомъ шагу ему попадаются то театры, то постройки для какихъ-нибудь представленій. Кромѣ большого театра, цирка, занимающихъ первое мѣсто въ странѣ по величинѣ и наплыву зрителей, тутъ есть множество маленькихъ театровъ, всевозможные цирки, гдѣ идутъ представленія съ лошадьми, театры для концертовъ, театры большіе и малые для знати, для народа. И нѣтъ ни одного, какъ большого, такъ и малаго театра, который не былъ бы полонъ каждый вечеръ; затѣмъ есть циркъ для пѣтушиныхъ боевъ, торосъ или зданіе для боя быковъ, зала для народныхъ баловъ, зала для игръ. Въ извѣстные дни бываетъ до 20-ти различныхъ спектаклей, и они начинаются отъ полудня и продолжаются до глубокой ночи.

Всѣхъ своихъ артистовъ испанцы страстно привѣтствуютъ и устраиваютъ имъ оваціи. Страсть къ музыкѣ и театральному представленію занимаетъ второе мѣсто послѣ боя быковъ. Однако, игра испанскихъ актеровъ не вполнѣ удовлетворительна: ихъ жесты, крики, рыданія слишкомъ утрированы. Кромѣ трагедіи и комедіи, есть еще чисто національное драматическое представленіе «заннете»,—родъ фарса, всего чаще изображающаго андалузскіе нравы. Несмотря на утрировку, испанскіе актеры съ удивительнымъ талантомъ воспроизводятъ жизнь испанскаго простонародья, со всѣми мѣстными особенностями его быта, привычекъ и выговора. Часто даютъ пьесы, испещренныя намеками на политическія событія и съ куплетами для пѣнія; иногда онѣ представляютъ сатиру, фарсъ на событіе дня; даютъ также балеты, пантомимы; въ продолженіе святой недѣли можно видѣть «сцены изъ жизни и страданій Іисуса Христа». Въ маленькихъ театрахъ въ одинъ вечеръ даютъ по три, по четыре представленія, каждое по часу, съ новыми зрителями для каждаго.

Послѣ спектакля всѣ кафэ переполнены народомъ, городъ освѣщенъ, по улицамъ несутся многочисленные экипажи, такъ же, какъ и въ сумерки. Но вотъ вы, наконецъ, выходите изъ кафэ и приближаетесь къ своему дому, но забыли ключъ. Что дѣлать?—Не безпокойтесь,—говоритъ прохожій,—видите въ глубинѣ улицы фонарь: это «серено»,—у него ключи отъ всѣхъ домовъ. Вы кричите «серено!».. фонарь приближается, и человѣкъ, держащій огромную связку ключей, открываетъ вашу дверь. Заплативъ серено франкъ въ мѣсяцъ, вы избавляетесь отъ скуки носить въ карманѣ ключи отъ квартиры. Серено состоятъ на службѣ города, ихъ бываетъ по одному на каждую улицу, и каждый изъ нихъ снабженъ свисткомъ. Если у васъ пожаръ или воры ломятся въ дверь, вы высовываетесь изъ окна и кричите «серено, на помощь!» Серено вашей улицы свиститъ, свистки моментально передаются изъ одной улицы въ другую, и черезъ минуту серено квартала вбѣгаетъ въ вашу квартиру. Въ какомъ бы часу ночи вы ни проснулись, вы слышите голосъ серено, который возвѣщаетъ вамъ, который часъ и какова погода,—хороша или идетъ дождь.

АРАНХУЭСЪ.

Дорога отъ Мадрида до Кордовы идетъ пустыми полями; по дальнимъ окраинамъ ихъ синѣютъ горы; по полямъ—ни одного дерева. Только Аранхуэсъ (лѣтняя королевская резиденція) представляется роскошнѣйшимъ оазисомъ, среди безлюдья и унынія. Въ пустынѣ, гдѣ, кромѣ покрытыхъ пылью кустовъ розмарина, не видать никакой зелени, вдругъ встаютъ гигантскіе платаны, тополи, роскошные дубы, точно волшебствомъ эта пустыня превратилась въ огромный садъ, наполненный чудными рощицами, перерѣзанными во всѣхъ направленіяхъ широкими аллеями. Сразу выросли

передъ вами домики и хижины, обвитые зеленью; тамъ и здѣсь мелькаютъ прелестные фонтаны, цвѣтущіе луга, виноградники, тропинки,—всюду зелень, свѣжесть, ароматъ, весна и лѣто въ одно и то же время, однимъ словомъ, Аранхуэсъ или маленькій земной рай. Вы сходите съ поѣзда и вступаете въ прекрасную тѣнистую аллею. Черезъ минуту вы уже у дворца, построеннаго Филиппомъ II. Всѣ наслѣдники этого «короля гнѣва», какъ его называли, жили здѣсь въ лѣтнее время и прибавляли по своему вкусу все новыя и новыя украшенія, увеличивали его роскошь. И дѣйствительно, этотъ дворецъ и особенно обстановка въ немъ великолѣпны; среди аппартаментовъ особенно славятся блестящая зала для пріема пословъ, китайскій кабинетъ Карла III, великолѣпный будуаръ Изабеллы II и масса драгоцѣнныхъ украшеній. Но всѣ богатства дворца ничто сравнительно съ его дивными садами.

Сады Аранхуэса (Аранхуэсъ—маленькій городокъ, расположенный недалеко отъ дворца) какъ будто предназначены для королей-титановъ, которымъ сады и парки другихъ королей казались слишкомъ ничтожными. Самыя прямыя аллеи такъ длинны, что совершенно теряются изъ виду; ихъ деревья необыкновенно высоки; могучему лѣсу, который пересѣкаютъ эти аллеи, не видать и конца. Этотъ лѣсъ перерѣзываетъ широкая и быстрая Таго, образуя здѣсь и тамъ каскады и бассейны. Таго освѣжаетъ своими благотворными водами эту изсушенную солнцемъ испанскую землю, и земля здѣсь отъ живительной влажности рѣки одѣвается чудною, невиданною растительностью. Среди этой изумительно роскошной растительности выглядываютъ прелестныя дачи, въ которыхъ живутъ придворные, бѣлѣютъ статуи, колонны, фонтаны, выбрасывающіе огромныя струи воды, которыя падаютъ мелкою дождевою пылью на всевозможные цвѣты Европы и Америки. Ночью величественный шумъ каскадовъ соединяется съ пѣніемъ соловьевъ, трели которыхъ раздаются въ таинственной глуши уединенныхъ тропинокъ. Эти благоуханные сады Аранхуэса такъ благотворно дѣйствуютъ на душу, что даже, какъ говорятъ, суровый Филиппъ II не подписалъ здѣсь ни одного смертнаго приговора. Не даромъ испанцы говорятъ: «въ садахъ Аранхуэса никому не хочется умирать».

АНДАЛУЗІЯ.

Природа страны.—Характеръ и одежда андалузцевъ.—Кордова.—Постройки этого города и его замѣчательная мечеть.

Чѣмъ дальше подвигаешься по Новой Кастиліи къ югу, тѣмъ быстрѣе исчезаютъ жалкія кастильскія пустыни, выжженныя солнцемъ, и окружающая природа становится богаче. Наконецъ, появляются величественныя горы Сіерры-Морэны, а за ними богатая андалузская природа является во всей роскоши: рощи оливъ и виноградники встрѣчаются чаще и чаще, растительность сильнѣе, богаче и разнообразнѣе. Тутъ вы чувствуете, что находитесь точно подъ другимъ небомъ: климатъ, характеръ построекъ, одежда, обычаи,—все заставляетъ васъ думать, что вы переселились совсѣмъ въ другую страну. Существуетъ преданіе, что когда французскія войска, при Наполеонѣ, вступили въ эту страну и когда съ вершинъ Сіерры-Морэны они увидали Андалузію, то до такой степени были поражены ея красотою, что, какъ по мановенію, отдали ей честь оружіемъ. По словамъ мавровъ, «равнины Андалузіи богаче цвѣтами и пестрѣе самаго лучшаго ковра; океанъ любитъ ласкаться къ гіацинтамъ и нарцисамъ ея береговъ: пальмы, радуясь теплому солнцу, тѣснятся у ея потоковъ или зеленѣющими башнями возносятся надъ лимонными ро-

щами. Горы Сіерры-Морэны обдаютъ Андалузію благоухающимъ запахомъ своихъ розъ и миртъ; даже козьи стада, вышедшія изъ Сіерръ въ долины, долго сохраняютъ этотъ запахъ».

Андалузцы, какъ большая часть испанцевъ, имѣютъ много общаго между собой, только въ ихъ жилахъ еще болѣе, чѣмъ у остальныхъ испанцевъ, течетъ горячая арабская кровь. И это понятно: мавры, то-есть арабы, вышедшіе изъ Африки, покорили въ VIII-мъ ст. весь Пиренейскій полуостровъ. Сдѣлавшись хозяевами этой страны, мавры разселились почти по всему полуострову, но особенно полюбилась имъ Андалузія, какъ область наиболѣе богато одаренная природой и самая благословенная во всей Испаніи. Мавровъ въ Андалузіи было много во всѣхъ классахъ общества, а среди земледѣльцевъ и рабочихъ ихъ было несравненно больше, чѣмъ мѣстныхъ жителей, такъ какъ мавры были болѣе испанцевъ трудолюбивы и опытны въ работахъ. Мавры господствовали въ Андалузіи почти семь столѣтій, долѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ Испаніи. Работая на ряду съ испанцами въ полѣ, въ мастерской и на фабрикѣ, мавры съ каждымъ годомъ все болѣе входили въ близкія сношенія и роднились съ ними. Такимъ образомъ не только горячее солнце юга придаетъ кожѣ андалузцевъ болѣе темный цвѣтъ лица, но и мавританская кровь, которая течетъ въ ихъ жилахъ больше, чѣмъ у остальныхъ испанцевъ. Въ рѣчи андалузцевъ тоже болѣе, чѣмъ у остальныхъ испанцевъ, арабскихъ словъ и выраженій; точно также въ нравахъ и обычаяхъ, праздникахъ и церемоніяхъ андалузцевъ сохранилось много мавританскихъ чертъ, хотя мавры были магометанами, а андалузцы, какъ и остальные испанцы, теперь, какъ и тогда, христіане и исповѣдуютъ католическую религію. Если такъ много мавританскаго сохранилось въ физіономіи, характерѣ, языкѣ и привычкахъ андалузцевъ, то еще болѣе слѣдовъ оставили мавры въ постройкахъ. Въ городахъ Андалузіи, если и существуютъ замѣчательныя постройки, то это обыкновенно дворцы мавровъ или ихъ мечети (магометанскіе храмы). Даже современныя постройки андалузцевъ носятъ арабскій характеръ: всѣ ихъ богатые дома и теперь еще обращены передними фасадами не наружу, какъ это обыкновенно бываетъ у остальныхъ европейскихъ народовъ, а ко внутреннему двору.

Андалузцы, какъ мужчины, такъ и женщины, отличаются еще большею граціею и изяществомъ, чѣмъ остальные испанцы; они храбры, остроумны, но большіе хвастуны, любятъ постоянно быть на виду, стараются заставить говорить о себѣ; не прочь они также и прикрасить все, о чемъ разсказываютъ, но это происходитъ отъ ихъ богатой фантазіи. Бойкіе, веселые, разудалые андалузцы—первые между испанцами красавцы и щеголи. Одежда андалузца, даже простолюдина, чрезвычайно живописна. Онъ обыкновенно одѣтъ въ куртку, шитую арабесками, съ шелковымъ цвѣтнымъ платкомъ на шеѣ, концы котораго продѣты въ золотое или серебряное кольцо; шляпа его обыкновенно низенькая, съ загнутыми полями, и надѣта на бекрень, что придаетъ веселому и оживленному лицу андалузца какую-то молодцоватость и удальство. У простолюдина подъ шляпою еще шелковый пестрый платокъ, которымъ онъ обвязываетъ голову. Черты лица андалузцевъ, даже среди простонародья, чрезвычайно тонки, манеры изящны, всѣ они держатъ себя просто, но съ большимъ достоинствомъ. Въ разговорѣ ихъ чрезвычайно много остроумія, и обороты рѣчи очень часто поэтическіе, литературные,—трудно повѣрить, что очень многіе изъ нихъ совершенно безграмотны. Андалузки славятся своею замѣчательною красотою. Онѣ не любятъ особенно разнообразить и пестрить своего наряда и предпочитаютъ національный костюмъ парижскимъ модамъ. Черная кружевная мантилья по-

крываетъ женщину съ головы до ногъ; черезъ нее просвѣчиваютъ обыкновенно черное платье и черные волосы и такъ выдѣляются чудные черные глаза, гибкій станъ и бѣлыя руки. Обыкновенный цвѣтъ лица испанокъ вообще, но особенно андалузокъ,—матовая прозрачная блѣдность; у нѣкоторыхъ женщинъ цвѣтъ кожи почти бронзовый. Въ глазахъ андалузки вы не найдете выраженія кротости: въ нихъ блеститъ смѣлость, отвага, рѣшительность и желѣзная сила характера. Но, по недостатку образованія, андалузки тратятъ на пустяки эти прекрасныя качества.

Чѣмъ ближе вы подъѣзжаете къ Кордовѣ, тѣмъ болѣе васъ поражаетъ мавританскій колоритъ, который лежитъ здѣсь на всемъ. Кордова, окруженная мавританскими зубчатыми стѣнами, стоитъ на берегу Гвадалквивира, который течетъ между густыми кустами олеандровъ. Изъ-за стѣнъ виднѣются высокія пальмы. Съ одной стороны города Сіерра-Морэна, отлогіе холмы которой покрыты густою зеленью, съ другой—тянутся рощи оливъ и виноградники. Одежда, дома, улицы,—все носитъ мавританскій характеръ. Невысокіе бѣлые дома, улицы, до того узкія, что три человѣка не вездѣ могутъ пройти въ рядъ, низкія, длинныя стѣны, ярко сверкающія своею известковою бѣлизною, темно-синія облака, въ которыхъ точно тонутъ силуэты какихъ-то совсѣмъ не европейскихъ башенъ, и вдругъ, среди этой арабской деревни, зданія, очень похожія на наши присутственныя мѣста въ губернскихъ городахъ средней руки,—вотъ какой видъ имѣетъ теперь Кордова.

Самое блестящее время для Кордовы было X-ое столѣтіе: тогдас читалось здѣсь до милліона жителей, было девятьсотъ бань, многое множество дворцовъ и роскошныхъ построекъ. Теперь же, вмѣсто мраморныхъ дворцовъ и фонтановъ, вы встрѣтите маленькіе, бѣленькіе домики, часто безъ оконъ и дверей на улицу, и весьма небольшое народонаселеніе. Кордова славится своими заводами андалузскихъ лошадей. И дѣйствительно, андалузскіе кони необыкновенно красивы: густая, волнистая грива, хвостъ до земли, бѣгъ—сильный и порывистый; только голова (общее свойство лошадей андалузской породы) нѣсколько велика; голову и гриву обыкновенно убираютъ лентами.

Изъ достопримѣчательностей Кордовы прежде всего останавливаетъ вниманіе мечеть, построенная маврами. Снаружи она не представляетъ ничего особеннаго, такъ какъ мавры въ своихъ постройкахъ пренебрегали внѣшностью и всю роскошь сосредоточивали на внутренности зданія. Въ эту мечеть входятъ черезъ огромный дворъ, окруженный колоннами. Какъ бы вы ни были подготовлены всевозможными описаніями увидѣть роскошь и замѣчательное искусство въ постройкѣ, все-таки, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, вы остолбенѣете отъ удивленія при видѣ этого замѣчательнаго великолѣпія. Восемьсотъ шестьдесятъ колоннъ (прежде ихъ было, говорятъ, 1,200) изъ драгоцѣннаго мрамора, яшмы, порфира, соединенныхъ легкими арками, представляются густымъ лѣсомъ, въ которомъ теряется взоръ; рѣдкія, маленькія окна едва пропускаютъ свѣтъ, такъ что полумракъ, царствующій здѣсь, еще усиливаетъ впечатлѣніе. При маврахъ днемъ и ночью храмъ этотъ освѣщался нѣсколькими тысячами серебряныхъ лампъ; теперь мечеть сильно искажена испанцами: не говоря уже о мелочахъ (они, напр., замазывали надписи изъ корана, сдѣланныя маврами), передѣлывали полы, главное же искаженіе состоитъ въ томъ, что посреди мечети они построили огромный католическій соборъ.

Но мавританскіе памятники архитектуры, бѣдные дома,—все это исчезаетъ передъ дивнымъ благоуханіемъ апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ. Вездѣ множество цвѣтовъ, садовъ, изгороди которыхъ часто изъ цвѣтущихъ кактусовъ и алоэ. Кордова—это громадный букетъ цвѣтовъ, среди котораго брошено нѣсколько тысячъ домовъ, ослѣпляющихъ своею бѣлизною.

СЕВИЛЬЯ.

Севильскіе дома и знаменитыя патіо.—Вечеръ.—Ночныя сцены.—Хиральда.—Соборъ.—Альказаръ.—Севильскіе цирюльники.

На всемъ протяженіи между Кордовою и Севильею путешественникъ почти не разстается съ цвѣтущими берегами Гвадалквивира. Мѣстность очень разнообразна: передъ вами открывается то дикая скала съ развалинами арабскаго замка, то прелестный, миловидный городокъ, утопающій въ садахъ, окруженный виноградниками и апельсинными деревьями, золотистые плоды которыхъ такъ ярко блестятъ на солнцѣ. Севилья, при первомъ знакомствѣ съ нею, производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе, но скорѣе своею миловидностью, чѣмъ роскошью и великолѣпіемъ. Дома здѣсь большею частью въ два этажа, и каждый изъ нихъ непремѣнно съ нѣсколькими балконами, плотно обвитыми ползучими растеніями и розанами. Въ серединѣ фасада, выбѣленнаго известью, открывается дверь, ведущая въ сѣни, въ глубинѣ которыхъ сквозная желѣзная рѣшетка: черезъ нея-то и можно видѣть патіо, то-есть внутренній дворъ съ фонтанами и цвѣтами. Но слово «дворъ» такъ странно звучитъ въ примѣненіи къ испанскому патіо. Патіо—это, такъ сказать, огромная зала, лежащая подъ открытымъ небомъ, только потолкомъ и крышею для нея служитъ чудное небо. Этотъ внутренній дворъ или патіо вымощенъ плитами, какъ комната, и имѣетъ по всѣмъ четыремъ стѣнамъ колоннаду, достигающую высоты слѣдующаго этажа, который выступаетъ надъ нижнимъ этажемъ во всю ширину этой колоннады. Такимъ образомъ вокругъ патіо идетъ крытая галлерея, потолкомъ для которой служитъ полъ слѣдующаго этажа, а середина его подъ открытымъ небомъ. Такіе дома съ двориками устраивали мавры, и теперь эти патіо составляютъ щегольство жителей Севильи. Богатые стараются украшать такіе дворики возможно лучше: тутъ фонтаны, зеркала, разставлена мебель, висятъ картины, но болѣе всего цвѣтовъ въ красивыхъ горшкахъ. Въ глубинѣ возвышаются кипарисъ, финиковыя пальмы, апельсинныя деревья, вѣтви которыхъ образуютъ бесѣдочки. Такъ украшаютъ севильянцы эти дворики, потому что они служатъ имъ и кабинетомъ, и столовой, и гостиной, а иногда даже и спальней. Чтобы защитить себя отъ дневного жара, надъ «патіо» устраиваютъ крышу изъ виноградныхъ лозъ; для этого кладутъ сверху колья, и виноградная лоза причудливо обвиваетъ ихъ; если же нѣтъ виноградной крыши, то дворъ задергиваютъ сверху полотномъ.

Улицы Севильи не блестятъ щегольскими магазинами, но многія изъ нихъ широки и чисты; всего пріятнѣе здѣсь то, что самые узкіе и темные закоулки не пропитаны грязью, какъ это сплошь и рядомъ бываетъ въ южныхъ городахъ. По вечерамъ въ улицахъ постоянно встрѣчаешь прогуливающихся красавицъ въ черныхъ мантильяхъ, съ вѣерами въ рукахъ; онѣ выходятъ изъ дому «брать прохладу» послѣ дневной жары и жгучаго солнца, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Днемъ здѣсь такая жара, что рѣдко встрѣтишь на улицѣ человѣка, кромѣ «продавцовъ воды». Эти продавцы воды—самое обыкновенное явленіе во всѣхъ испанскихъ городахъ: нѣкоторые изъ нихъ расхаживаютъ съ кувшинами воды, другіе имѣютъ свой столикъ у какой-нибудь стѣны зданія, и тогда они уже продаютъ и прохладительные напитки, и дешевое мороженое, и свѣжую воду.

Севилья оживляется только тогда, когда становится темно. Здѣсь не бываетъ нашихъ долгихъ сумерекъ и темнѣетъ тотчасъ послѣ солнечнаго заката. Тогда каж-

дый «патіо» освѣщенъ лампами, и огромные фонтаны постоянно освѣжаютъ удушливо-теплый воздухъ.

На вечернихъ прогулкахъ вы рѣдко услышите «синьоръ» или «синьора»; знакомые называютъ другъ друга по именамъ: донъ Луи, донна Долоресъ. Тотъ, кто устанетъ ходить, отправляется къ себѣ домой, садится на балконъ и такимъ образомъ очень долго разговариваетъ съ своими знакомыми. Чѣмъ позднѣе, тѣмъ болѣе оживлены улицы Севильи: въ переулкѣ вы различите мужскую фигуру, завернутую въ плащъ; его широкая шляпа низко надвинута на глаза, правую ногу онъ упираетъ о камень, пальцами же быстро перебираетъ струны своей гитары. Дальше на скамейкѣ сидитъ мужчина съ женщиной: красавица то играетъ вѣеромъ, то отмахивается имъ. Но вотъ она залилась звонкимъ, веселымъ смѣхомъ, собесѣдникъ вторитъ ей, остритъ, и всюду этотъ веселый смѣхъ и говоръ гармонично сливаются съ журчаніемъ фонтана. Иногда въ совсѣмъ темномъ переулкѣ вдругъ выступаетъ «патіо», освѣщенный бумажными фонарями и лампами. Но чаще всего вы встрѣчаете слѣдующее: подъ балкономъ молодой человѣкъ, аккомпанируя себѣ на гитарѣ, поетъ со страстью и увлеченіемъ, умоляя въ этой пѣснѣ любимую дѣвушку выйти на балконъ и показаться хотя на минуту. И она выходитъ, но не на минуту, а на нѣсколько часовъ, и молодые люди разговариваютъ между собой до поздней ночи: онъ все время продолжаетъ стоять внизу, у рѣшетки ея балкона, а она на балконѣ. И всюду, со всѣхъ сторонъ раздаются бряцаніе гитаръ, шумъ вѣеровъ, щелканіе кастаньетъ, удары бубенъ, пѣсни, крики, смѣхъ,—и такъ до самой зари.

Изъ замѣчательныхъ построекъ въ Севильѣ прежде всего слѣдуетъ назвать Хиральду—высокую, стройную, розовую башню. Еще приближаясь къ этому городу, первое, что увидишь далеко издали,—это Хиральда. Когда-же находишься въ Севильѣ, на что ни взглянешь, передъ вами всегда будетъ возвышаться эта стройная, высокая башня. Скоро исполнится уже девять вѣковъ, какъ она построена, но ни время, ни землетрясенія, разрушившія въ Севильѣ множество построекъ, не повредили ей, и она, точно только-что выстроенная, и теперь гордо возвышается между всѣми зданіями. Извѣстно, что мавры страстно любили Севилью и воспѣвали ее въ стихахъ и прозѣ, но болѣе всего гордились они своей Хиральдой. Когда король кастильскій Фердинандъ III отвоевалъ Кордову и Севилью, когда у мавровъ не оставалось уже сомнѣнія въ томъ, что они окончательно потеряютъ эти столь любимые ими города, они отправили королю пословъ и просили его, какъ милости, избавить ихъ отъ позора сдать Хиральду, эту гордость мусульманскаго міра, и дозволить имъ самимъ разрушить ее собственными руками. Но они получили въ отвѣтъ, что «за одинъ разбитый кирпичъ этой башни всѣ мавры будутъ перерѣзаны»: вотъ, какъ еще въ то время цѣнили эту башню. Хиральда служила минаретомъ: она оканчивалась площадкой, съ высоты которой мавры (они исповѣдывали магометанскую вѣру) возвѣщали своимъ единовѣрцамъ о началѣ молитвы. Впослѣдствіи на этой площадкѣ была воздвигнута трехъэтажная башня со сквозными арками, черезъ которыя можно видѣть огромные колокола. Больше всего въ Хиральдѣ, еще издали, поражаютъ ея дивныя мраморныя кружева необыкновенно тонкой работы, которыми она такъ чудесно разукрашена.

Существуетъ множество разсказовъ о томъ, до чего мавры страстно любили свою Хиральду и Севилью. Многіе изъ нихъ, и послѣ своего изгнанія изъ этого города, никакъ не могли преодолѣть тоски по родинѣ. Но они прекрасно знали, что, лишь только они покажутся въ этомъ городѣ, они немедленно будутъ схвачены и затѣмъ сожжены на кострѣ. И вотъ тѣ изъ нихъ, которые не находили мѣста отъ

тоски, пробирались въ Севилью ночью переодѣтыми, поднимались на верхнюю площадку Хиральды и, при лунномъ свѣтѣ, любовались городомъ. Съ первыми лучами солнца, съ крикомъ «прощай моя Севилья!» они бросались внизъ. Не даромъ-же подлѣ этой башни одно мѣсто называется «предсмертною тоскою мавра».

Севильскій соборъ — самый замѣчательный памятникъ искусства въ Севильѣ. Внутренность храма этого громаднѣйшаго собора поразительна по замѣчательному богатству и изяществу. Тутъ множество самыхъ лучшихъ произведеній Мурильо и другихъ извѣстнѣйшихъ художниковъ. Глаза повсюду ослѣпляются звѣздами изъ драгоцѣнныхъ камней, мерцаніемъ огней отъ сотенъ паникадилъ, блескомъ налоевъ, шитыхъ жемчугомъ и золотомъ, богатствомъ утвари, столько же драгоцѣнной по работѣ, сколько по матеріалу.

Въ Севильѣ уцѣлѣлъ еще Альказаръ,—онъ былъ то дворцомъ магометанскихъ повелителей мавровъ, то дворцомъ испанскихъ королей. Снаружи дворецъ этотъ представляетъ высокую стѣну съ узкими воротами, внутри необыкновенно изящныя залы, но лучше всего въ немъ его сады: тутъ и банановыя деревья, плоды которыхъ прежде могла ѣсть только одна королева; здѣсь и тамъ раскинуты чудныя лимонныя бесѣдки, и между вѣтвями этихъ деревьевъ выглядываетъ множество разнообразныхъ цвѣтовъ. Въ роскошныхъ аллеяхъ садовъ Альказара всюду пріятно поражаетъ обиліе воды. Не говоря уже о безчисленныхъ бассейнахъ и фонтанахъ, тутъ еще устроены для этого другія затѣи. Всѣ дорожки сада выложены разноцвѣтными камешками и кирпичами; въ этихъ кирпичахъ и камешкахъ сдѣлано множество дырочекъ, которыя соединяются съ безчисленымъ множествомъ мѣдныхъ трубъ, проводящихъ воду; стоитъ повернуть кранъ, и эти тысячи незамѣтныхъ для глаза дырочекъ открываются и тонкими, мелкими водяными брызгами, точно пылью, обдаютъ гуляющихъ.

Говоря объ Испаніи и въ особенности о Севильѣ, нельзя не упомянуть о цирюльникахъ. Севильскіе цюрюльники пріобрѣли себѣ громкую извѣстность и были описаны многими писателями. Цирюльню тотчасъ отличишь отъ всякаго другого дома: она оригинально выкрашена зеленою или голубою краскою съ желтыми полосами. За окнами цирюльни выставлена голова въ парикѣ, нѣсколько банокъ съ піявками и много инструментовъ для разныхъ операцій. Цирюльникъ не только бреетъ и стрижетъ волосы, но и лѣчитъ простой народъ, дергаетъ зубы, пускаетъ кровь, ставитъ піявки,—однимъ словомъ, всѣ его занятія даже трудно пересчитать. Въ домѣ его самая бѣдная обстановка, но онъ не тоскуетъ. У него есть спутница, безъ которой не можетъ жить ни одинъ севильскій цирюльникъ,—его гитара. Если нѣтъ посѣтителей, онъ играетъ на ней и весело напѣваетъ какую-нибудь плясовую; стукнулъ кто въ дверь, — онъ быстро вѣшаетъ гитару на стѣну, хватаетъ стулъ, принадлежности для бритья, между которыми вы непремѣнно найдете большой орѣхъ. Его паціентъ обыкновенно садится на открытомъ воздухѣ, и онъ впихиваетъ ему за щеку орѣхъ и потомъ ловкою рукою намыливаетъ выдавшуюся часть и начинаетъ быстро брить. Во все время этой операціи цирюльникъ не умолкаетъ: онъ живо и остроумно разсказываетъ о приключеніяхъ дня, о всевозможныхъ сплетняхъ, обо всемъ, что дѣлается въ городѣ и на улицѣ. Вотъ почему цирюльники рѣдко сидятъ безъ посѣтителей: если не всегда находятся желающіе бриться и стричься, то навѣрно найдутся желающіе съ ними поболтать.

ЗАНЯТІЯ НАРОДА И ЕГО ПОЛОЖЕНІЕ.

Земледѣліе и землевладѣніе.—Общинныя земли.—Машина для орошенія полей.—„Водяной трибуналъ“.—Виноградники Хереса и винодѣліе.—Оливки и оливковое масло.—Апельсинныя рощи.—Овцы; ихъ громадное значеніе для страны. — Пастухи.—Естественныя богатства Испаніи.—Альмаденъ и его ртутныя копи.—Каталонія и ея жители.—Промышленность. — Оружейныя фабрики. — Фарфоровыя и хрустальныя фабрики.—Фабрикація гитаръ и ювелирныхъ издѣлій. —Фабрикація вѣеровъ.—Барселона.—Солеварни.—Фабрикація восковыхъ спичекъ. — Положеніе фабричныхъ рабочихъ.—Ихъ пища, жилище, заработокъ и выселеніе съ родины.—Образованіе.—Невѣжество, суевѣріе, предразсудки и характеръ испанскаго народа.

Земледѣліе—главное средство пропитанія испанца. Земли Новой Кастиліи, но болѣе всего юга Испаніи и особенно Андалузіи, издавна были раздѣлены между людьми высшихъ классовъ общества. Такимъ образомъ на югѣ Испаніи и въ настоящее время аристократы владѣютъ большими пространствами земли, зато громадное большинство земледѣльцевъ не имѣютъ никакой собственности и зарабатываютъ свой хлѣбъ тѣмъ, что нанимаются въ батраки и поденщики. Этотъ громадный классъ безземельныхъ работниковъ въ Испаніи страшно бѣдствуетъ и страдаетъ отъ безработицы: на каждую земледѣльческую работу, въ томъ или другомъ помѣстьѣ рабочихъ является въ четыре, а то и въ пять разъ больше, чѣмъ требуется. Въ виду такой нужды въ работѣ, можно себѣ представить, какое жалкое вознагражденіе платятъ земледѣльцу. Каждый хозяинъ богатаго помѣстья, каждый управляющій знаетъ, какую-бы плату онъ ни назначилъ за трудъ, ее примутъ съ благодарностью,—безработныхъ всюду чрезвычайно много. Отсутствіе заработка заставляетъ многихъ земледѣльцевъ выходить на большую дорогу и дѣлаться нищими и разбойниками. Вотъ потому-то всѣ испанскіе города буквально переполнены нищими и бродягами всякаго сорта. Но далеко не вездѣ въ Испаніи господствуетъ крупное землевладѣніе. Почти на всемъ сѣверѣ этой страны крестьяне имѣютъ собственный клочекъ земли, но у большинства онъ такъ малъ и незначителенъ, что совсѣмъ не можетъ прокормить семью и вынуждаетъ мелкаго землевладѣльца искать заработка на сторонѣ. Несмотря, однако, на малоземельность крестьянъ, они бѣдствовали бы еще болѣе, если-бы у нихъ не было общинныхъ земель.

Общинное землевладѣніе существуетъ въ Испаніи въ очень многихъ мѣстностяхъ даже и въ настоящее время; его нѣтъ лишь тамъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ Андалузіи, преобладаетъ крупная собственность. Этими землями, принадлежащими всей общинѣ, крестьяне пользуются различно, смотря по мѣстности. Рѣже всего встрѣчается въ Испаніи общинное землевладѣніе въ такомъ видѣ, когда передѣляется и пахотная земля. Всего чаще тамъ, гдѣ есть поземельная община, производится раздѣлъ лишь пастбища и лѣса. Существуютъ общины, которыя въ этомъ случаѣ руководятся обычаемъ захвата: кто сколько можетъ, кто сколько въ состояніи обработать, тотъ такимъ клочкомъ пахотной земли и владѣетъ.

Раздѣлъ общинныхъ участковъ обыкновенно происходитъ весьма торжественно. Глава общины созываетъ сельскій сходъ, на который собираются не только всѣ члены общины, но и ихъ сосѣди; въ торжественной рѣчи онъ приглашаетъ собравшихся выбрать достойныхъ людей, которые честно и добросовѣстно подѣлили бы земли между общинниками. Выбранные, въ присутствіи всѣхъ собравшихся, идутъ давать присягу, въ которой клянутся свято и безпристрастно исполнять возложенную на

нихъ обязанность. Когда раздѣлъ общинной земли произведенъ на столько частей, сколько имѣется членовъ общины, бросаютъ жребій, чтобы опредѣлить, кому владѣть тѣмъ или другимъ участкомъ. Получившій жеребьевый участокъ облагается въ пользу общины извѣстнымъ денежнымъ сборомъ, который идетъ на общинныя нужды. Не вездѣ оказывается достаточное количество земли для передѣла между всѣми членами общины; съ другой стороны въ общинѣ имѣются и поденщики, и батраки, не имѣющіе скота. Того, кто не получаетъ надѣла, община вознаграждаетъ извѣстной суммой изъ собранныхъ денегъ.

Большая часть испанскаго простонародья, а именно изъ каждой сотни 73 человѣка (т.-е. 73%), занимается земледѣліемъ или работами, имѣющими какое-бы то ни было отношеніе къ земледѣлію. Здѣшняя земля хорошо родитъ хлѣбныя растенія, особенно пшеницу и ячмень. Громадныя поля ячменя встрѣчаются рѣшительно вездѣ въ этой странѣ, такъ какъ онъ идетъ здѣсь вмѣсто овса на кормъ лошадямъ. Много полей засѣваютъ также маисомъ (кукурузой); встрѣчаются тутъ и громадныя поля арбузовъ и дынь, а въ низменныхъ мѣстностяхъ обрабатываютъ рисъ.

Прежде, во время владычества мавровъ (арабовъ), югъ Испаніи былъ однимъ изъ самыхъ благословеннѣйшихъ и плодороднѣйшихъ уголковъ въ свѣтѣ; теперь-же онъ по своему земледѣлію и сельскому хозяйству далеко отстаетъ отъ такихъ странъ, какъ Англія, Франція, Германія и Бельгія. Земледѣліе въ Испаніи, процвѣтавшее благодаря маврамъ, сильно пало послѣ того, когда они были изгнаны,—оно въ упадкѣ и въ настоящее время по многимъ причинамъ. Испанцы до сихъ поръ народъ въ высшей степени невѣжественный, грамотность между ними развита очень слабо, еще меньше распространено сельскохозяйственное образованіе, зато предразсудки и отвращеніе ко всему новому—самая характерная черта всѣхъ классовъ общества. Хотя жизнь идетъ впередъ и требуетъ обновленія во всѣхъ областяхъ труда, испанцы и знать не хотятъ этого и стремятся все оставлять по-прежнему, какъ это было при ихъ отцахъ и дѣдахъ, не выносятъ никакихъ улучшеній, никакихъ новшествъ и въ сельскомъ хозяйствѣ.

Англичане, какъ и многіе хозяева другихъ образованныхъ европейскихъ странъ, смотрятъ на удобреніе земли, какъ на вѣрное средство улучшить свое хозяйство. Несмотря на громадное количество удобренія, которое англичане получаютъ отъ многочисленныхъ своихъ стадъ, они находятъ, что этого имъ еще не достаточно. Все, что только можетъ удобрить землю: кости, тряпье, всякіе отбросы отъ различныхъ производствъ — гипсъ, известь и множество другихъ веществъ, они тщательно собираютъ и примѣшиваютъ къ землѣ. Не такъ поступаютъ испанцы: въ давно прошедшее время они удобряли свою землю только навозомъ, тѣмъ же самымъ удобряютъ они ее и теперь. До сихъ поръ обрабатываютъ они землю первобытнымъ плугомъ, который разрыхляетъ ее очень не глубоко, лишь съ самой поверхности, и во всей Испаніи, даже въ настоящее время, нѣтъ хорошихъ фабрикъ земледѣльческихъ орудій.

При страшныхъ жарахъ, изсушающихъ землю, во многихъ мѣстностяхъ Испаніи одно, что поддерживаетъ плодородіе земли,—это искусственное орошеніе, заимствованное у мавровъ. Несмотря, однако, на очевидную пользу отъ него, испанцы очень долго небрежно къ нему относились, и только въ самое послѣднее время они стали все чаще возобновлять старинныя мавританскія сооруженія для искусственнаго орошенія. Тамъ, гдѣ эти сооруженія возобновлены, они даютъ превосходный урожай; но пока ихъ еще очень недостаточно: ни у правитель-

ства, ни у частныхъ лицъ нѣтъ средствъ для того, чтобы ихъ устраивать вездѣ, гдѣ это необходимо, а потому жара и засуха, рѣдкіе дожди и во многихъ мѣстностяхъ еще очень плохое орошеніе страны мѣшаютъ плодородію. Въ большей части Испаніи дни бываютъ до того томительно-жаркіе, что ни одинъ земледѣлецъ не можетъ долго работать и въ продолженіе дня долженъ нѣсколько разъ прерывать свой трудъ, а это пріучаетъ къ лѣни и безъ того не особенно трудолюбиваго испанца.

Искусственное орошеніе устроено различно. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ употребляютъ для этого машину, называемую *норіею*; она устроена такъ, что изъ очень широкаго и глубокаго колодца поднимаютъ воду для орошенія. Для этого въ колодезь опускается веревка съ бадьями. Большое деревянное колесо, устроенное у колодца, вращается на своей оси и сообщаетъ движеніе другому колесу, поддерживающему ведра; они наполняются водою въ колодцѣ и выливаются въ резервуаръ, откуда вода бѣжитъ во множество маленькихъ канавъ, проведенныхъ по полямъ. Весь этотъ механизмъ приводятъ въ движеніе лошадью или муломъ. При этомъ обыкновенно можно видѣть мальчика въ лохмотьяхъ, а по большей части и совершенно голаго, который погоняетъ лошадь. Но въ весьма многихъ мѣстностяхъ и совсѣмъ обходятся безъ человѣка: его тогда замѣняетъ шестъ, такъ ловко и искусно устроенный, что онъ сообщаетъ животному сильный толчекъ всякій разъ, какъ оно начинаетъ останавливаться, и такимъ образомъ заставляетъ его снова двигаться.

На югѣ Испаніи искусственное орошеніе устроено посредствомъ каналовъ, которые несутъ воды Гвадалквивира прямо на поля. При этомъ превосходно устроены и плотины, которыя, смотря по желанію, позволяютъ поднимать и опускать уровень воды, что даетъ возможность избѣгнуть двухъ противоположныхъ неудобствъ: недостатка воды и чрезмѣрнаго наводненія. Вода орошаетъ все поле, стекая по наклонной плоскости. Земляной валъ, окружающій поле, сдерживаетъ воду, которая стекаетъ на сосѣднее поле, когда первое достаточно орошено. Благодаря искусственному орошенію, плодородіе нѣкоторыхъ мѣстностей въ Испаніи, напримѣръ окрестностей Валенсіи, вошло въ пословицу: земля тамъ никогда нс отдыхаетъ, и одна жатва смѣняетъ другую.

Народъ очень цѣнитъ искусственное орошеніе, и вездѣ въ Испаніи такъ нуждаются въ водѣ. что тутъ существуетъ даже особый разрядъ людей, которыхъ называютъ *водяными ворами*; они отводятъ воду на свои поля и удерживаютъ ее долѣе, чѣмъ имѣютъ на это право. Чтобы разбирать спорныя дѣла по орошенію, здѣсь существуетъ *водяное судилище*. Оно было учреждено еще при арабахъ, въ десятомъ столѣтіи, и сохранилось до настоящаго времени въ своемъ первобытномъ видѣ. Это правосудіе самое патріархальное: тутъ нѣтъ ни жандармовъ, ни адвокатовъ и прокуроровъ; судьи—простые рабочіе, выбранные самими же рабочими.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ разъ въ недѣлю, въ полдень, собирается на открытомъ воздухѣ, обыкновенно близъ церкви, *водяной трибуналъ*. Изъ всей мебели на этомъ судилищѣ можно замѣтить одну длинную скамейку, на которую садятся судьи. Столъ былъ бы тутъ безполезенъ, такъ какъ употребленіе перьевъ, бумаги и чернилъ совершенно неизвѣстно этимъ судьямъ. Когда часы бьютъ 12, судъ открываетъ свое засѣданіе. Выходятъ два крестьянина: одинъ изъ нихъ, истецъ, излагаетъ свою жалобу, а отвѣтчикъ возражаетъ ему. Судьи выслушиваютъ стороны, спокойно сидя на скамейкѣ; потомъ одинъ изъ нихъ встаетъ и дѣлаетъ вопросы. Судъ, члены котораго носятъ такую же простонародную одежду, какъ и тяжущіеся, совѣщается и немедленно постановляетъ рѣшеніе. Виновнаго при-

говариваютъ къ денежному штрафу. Вслѣдъ затѣмъ разбираютъ другія дѣла, и въ какихъ-нибудь два часа все оканчивается. Несмотря на простоту формъ водяного трибунала, его постановленія имѣютъ такую же силу, какъ и рѣшенія обыкновенныхъ судовъ.

Въ Испаніи очень много народа занято работами въ виноградникахъ: одни приготовляютъ почву для нихъ, другіе обтесываютъ колышки и укрѣпляютъ на нихъ виноградныя лозы, немало людей исключительно занимается приготовленіемъ бочекъ для храненія вина. Оказались бочки плохими,—и вино выйдетъ скверное, вотъ ихъ и стараются приготовлять чрезвычайно аккуратно: ихъ дѣлаютъ изъ хорошаго дуба и прежде, чѣмъ вколачивать въ нихъ дно, обструганный остовъ бочки обжигаютъ на медленномъ огнѣ. Когда бочка совсѣмъ готова, ее внимательно осматриваютъ на свѣтъ и забиваютъ самыя крошечныя червоточины въ деревѣ деревянными гвоздиками.

Самые лучшіе виноградники находятся близъ города Хереса. Вино, приготовляемое здѣсь, носитъ имя этого города, и испанскій «хересъ» пользуется извѣстностью всюду за границею. Большая часть виноградниковъ принадлежитъ виннымъ торговцамъ. По близости отъ нихъ огромныя зданія, въ которыхъ живетъ иногда до тысячи рабочихъ. Тутъ же стоятъ огромные чаны и обширные погреба для винъ. Когда виноградъ начнетъ созрѣвать, работники раздѣляются на партіи; каждая такая партія, съ надсмотрщикомъ во главѣ, отправляется въ виноградники, и сборъ начинается. Собранныя гроздья раскладываютъ на большихъ тростниковыхъ плетенкахъ и выставляютъ на солнце на нѣсколько дней. Днемъ ихъ много разъ переворачиваютъ, а ночью, чтобы защитить отъ росы, чѣмъ-нибудь покрываютъ. Когда водянистыя части нѣсколько испарились, виноградъ несутъ въ давильные чаны. Сокъ, который при этомъ получается, разливаютъ въ бочки и оставляютъ перебродить на извѣстное время. Это броженіе обыкновенно оканчивается въ январѣ мѣсяцѣ, и тогда этотъ сокъ уже превращается въ настоящее вино. Но въ такомъ видѣ его еще не отправятъ за границу: передъ этимъ его очищаютъ посредствомъ яичнаго бѣлка, смѣшаннаго съ мѣломъ. Послѣ этой операціи въ новое вино прибавляютъ еще немного «вина-матери»,—такъ называютъ старое вино, употребляемое для улучшенія другихъ винъ. Кромѣ того, ко всѣмъ винамъ, вывозимымъ изъ Хереса, прибавляютъ спирту, чтобы они лучше перенесли путешествіе и были больше по вкусу иностранцамъ. Вина Хереса давно пріобрѣли всесвѣтную извѣстность. Владѣльцы здѣшнихъ виноградниковъ любезно принимаютъ иностранцевъ и охотно показываютъ имъ давильные чаны и огромные погреба, гдѣ они сохраняютъ свои вина. Внѣшній видъ этихъ погребовъ не представляетъ ничего живописнаго; но зато васъ обдаетъ чрезвычайно пріятное благоуханіе, лишь только вы открываете дверь погреба. Въ Испаніи приготовляютъ вина въ громадномъ количествѣ не только въ Хересѣ, но также и въ Малагѣ; вино, получаемое отсюда, тоже носитъ имя этого города.

Оливковое дерево, которое часто попадается въ Испаніи громадными рощами, само по себѣ не красиво и вовсе не украшаетъ мѣстности. Одни изъ этихъ деревьевъ даютъ плоды величиною съ голубиное яйцо, другія же породы не болѣе вишни. Собираютъ оливки осенью; когда онѣ созрѣютъ, крестьяне со своими семействами приходятъ въ оливковые лѣса, бросаютъ плоды въ корзины и нагружаютъ ими ословъ. Рѣдко кто любитъ оливковое масло, но испанцы предпочитаютъ его коровьему и рѣшительно всѣ свои кушанья приготовляютъ на немъ.

Чтобы выжимать оливки, во многихъ мѣстностяхъ Испаніи существуютъ фабрики, но все устроено здѣсь самымъ первобытнымъ образомъ. Прессъ для выжиманія

масла состоитъ обыкновенно изъ огромнаго плоскаго камня, на который кладутъ оливки. По этому камню, съ помощью лошади, движется другой, вертикально къ нему прикрѣпленный камень, исполняющій роль жернова: онъ превращаетъ оливки въ черную массу. Затѣмъ эту массу бросаютъ въ мѣшки и кладутъ ихъ другъ на друга на другой камень, на которомъ сдѣланы выемки, соединяющіяся въ одинъ желобъ. Надъ этимъ камнемъ, съ помощью очень простого приспособленія, укрѣплена громадная колода, которая то поднимается, то опускается всею своею тяжестью на мѣшки съ оливками; тогда оттуда масло стекаетъ внизъ, на камень, и по желобу льется въ подставленный сосудъ. Но это масло еще очень горько и черно: чтобы его очистить и придать ему лучшій вкусъ, въ него вливаютъ горячую воду, которую черезъ нѣкоторое время и сливаютъ осторожно. На нѣкоторыхъ фабрикахъ теперь уже обзавелись настоящими прессами для выжиманія масла, но ихъ еще очень немного. Въ большинствѣ случаевъ производство оливковаго масла въ Испаніи, какъ и большая часть другихъ производствъ въ этой странѣ, совершается вполнѣ первобытно, вышеописаннымъ способомъ: вслѣдствіе этого масла получается меньше, чѣмъ его можно было бы имѣть, да оно и не такъ чисто и хорошо на вкусъ, а потому иностранцы неохотно покупаютъ его; большая часть его употребляется на родинѣ, самими испанцами.

Здѣшнія фабрики для выжиманія масла работаютъ не только для собственниковъ большихъ оливковыхъ лѣсовъ, но и для крестьянъ, которые владѣютъ иногда небольшимъ количествомъ оливковыхъ деревьевъ: они тоже приносятъ сюда свои оливки, и имъ выжимаютъ ихъ здѣсь за вознагражденіе натурою, т.-е. они уплачиваютъ за эту работу извѣстнымъ количествомъ оливокъ. Крестьяне, приносящіе свои оливки, берутъ назадъ не только масло, но и грязную воду, которая получается отъ промывки его. Этой грязной водой бѣдные испанскіе крестьяне сдабриваютъ свой супъ изъ риса и перца.

Много въ Испаніи и *апельсинныхъ деревьевъ*; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ихъ, какъ и оливковыя деревья, можно встрѣтить цѣлыя рощи. Многіе думаютъ, что разведеніе апельсинныхъ деревьевъ въ прекрасномъ климатѣ не требуетъ никакого ухода, но такое мнѣніе совершенно ошибочно. И при отличномъ климатѣ деревья эти растутъ не на всякой землѣ; всего пригоднѣе для нихъ песчаная почва, но и при этомъ они требуютъ самыхъ внимательныхъ заботъ: ихъ необходимо поливать, нужно удобрять землю не менѣе трехъ разъ въ году, но болѣе всего необходимо оберегать ихъ отъ сильныхъ вѣтровъ. Для этого владѣлецъ апельсинныхъ рощъ въ Испаніи густо обсаживаетъ ихъ кипарисами. Чѣмъ больше ухаживаютъ за апельсинными деревьями, тѣмъ больше даютъ они плодовъ. Апельсинныя деревья рѣдко даютъ плоды ранѣе пятилѣтняго возраста, но когда они достигли періода полнаго своего развитія, то могутъ давать каждый годъ до 2-хъ тысячъ апельсиновъ, а иногда и до 5-ти тысячъ. Когда ихъ нужно отправлять въ чужіе края, ихъ собираютъ немного недозрѣвшими, чтобы они лучше перенесли перевозку. Любопытно, что свиньи, если ихъ впустить въ апельсинную рощу, не ѣдятъ плодовъ, которыхъ обыкновенно много валяется подъ деревьями, такъ что наша поговорка «понимаетъ толкъ, какъ свинья въ апельсинахъ» оказывается совершенно справедливою. Всего интереснѣе посѣтить апельсинныя рощи въ апрѣлѣ или маѣ. Тогда одни деревья сверху донизу унизаны золотистыми плодами, а другія покрыты чудными цвѣтами. Необыкновенно пріятный, сильный запахъ, распространяемый апельсинными рощами, даетъ себя чувствовать на огромное разстояніе, особенно въ теплые вечера. Цвѣтовъ бываетъ такъ много, что, при небольшомъ вѣтрѣ, они, какъ снѣгъ, покры-

ваютъ землю густымъ, бѣлымъ слоемъ. Но обыкновенно стараются не допускать, чтобы эти цвѣты падали на землю, а разстилаютъ подъ деревьями полотно, собираютъ ихъ и продаютъ въ аптеки и косметическія лавки для духовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ихъ такъ много, что вы безпрестанно встрѣчаете дѣтей, которые катаютъ апельсины, играютъ и перебрасываются ими. Когда апельсины собраны, ихъ сортируютъ по сортамъ въ продолговатые ящики.

Множество пастбищъ въ Испаніи сдѣлали пастушескій трудъ главнымъ занятіемъ, особенно среди населенія обѣихъ Кастилій. Уже издавна въ этой странѣ начали все болѣе увеличивать разведеніе овецъ и крупнаго скота, а вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, увеличивалось пространство пастбищъ въ ущербъ лѣсамъ и обработаннымъ землямъ. Между тѣмъ въ обѣихъ Кастиліяхъ много мѣстъ, удобныхъ для воздѣлыванія хлѣбныхъ растеній; даже многія тамошнія безплодныя земли, если ихъ тщательно обработать, могли бы производить хорошій виноградъ. Но бѣдность испанскаго народа, его невѣжество, лѣнь и привычка все оставлять по старому поддерживаютъ старинный обычай, по которому огромныя стада овецъ уже издавна перекочевываютъ изъ одного мѣста въ другое. Высчитано, что пространство, ежегодно проходимое ими, составляетъ около 1000 верстъ, слѣдовательно, все оно обыкновенно бываетъ опустошено овцами, и земли, которыя могли бы поддерживать существованіе сотни тысячъ людей, служатъ только пастбищами.

Главную отрасль *скотоводства* составляетъ разведеніе овецъ и, между прочимъ, извѣстной испанской *мериносовой породы*. Въ Испаніи два сорта овецъ: 1) осѣдлыя, съ обыкновеннымъ руномъ, остающіяся на томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ родились, и только днемъ выгоняемыя на паству; 2) овцы, которымъ приходится кочевать; послѣднихъ называютъ *мериносами*, и ихъ руно гораздо болѣе цѣнится. Лучшія овцы водятся въ одномъ горномъ округѣ Леона (на сѣверо-западѣ Испаніи); тамъ чрезвычайно много прекрасныхъ пастбищъ и большая часть жителей — пастухи. Распорядитель стадами называется *майораль*; онъ платитъ деньги за наемъ пастбища, выдаетъ жалованье низшимъ пастухамъ и назначаетъ время, когда стадо должно двинуться въ походъ. У «майораля» есть помощникъ, и подъ его начальствомъ находятся всѣ пастухи; они получаютъ небольшое жалованье, но зато имѣютъ право вести на пастбище нѣсколькихъ собственныхъ овецъ, ничего не платя за это. Обыкновенно къ концу сентября стада отправляются въ путь. Приближеніе стадъ узнаешь по отдаленному побрякиванью тысячи колокольчиковъ; затѣмъ поднимается громадное облако пыли, и появляется предводитель одного изъ этихъ стадъ съ своими любимыми баранами, которые, точно вѣрныя собаки, ни на шагъ не отстаютъ отъ него; наконецъ, показывается остальное стадо съ другими пастухами и собаками. Въ переднемъ отрядѣ — вьючный скотъ. Какъ только придутъ на пастбище, пастухи строятъ хижину на зимнее время; ее устраиваютъ самымъ первобытнымъ образомъ изъ земли и вѣтвей; все убранство состоитъ изъ нѣсколькихъ овчинъ, чтобы покрыться ими ночью. Здѣсь пастухи по цѣлымъ мѣсяцамъ остаются наединѣ со своими стадами; ихъ сопровождаютъ собаки съ длинною, грубою шерстью, весьма суровыя на видъ.

Промышленность страны, процвѣтавшая при маврахъ, совсѣмъ упала, когда они были изгнаны, но въ послѣднее время она нѣсколько оживилась; однако и въ настоящее время она не играетъ большой роли въ этой странѣ, такъ какъ даетъ заработокъ очень немногимъ, а именно изъ 100 лишь 3-мъ человѣкамъ (3%). Такимъ образомъ лишь 3% населенія заняты въ этой странѣ на фабрикахъ и заводахъ. Между тѣмъ по своимъ естественнымъ богатствамъ Испанія считается одною

изъ самыхъ благословенныхъ странъ. По количеству ртути, мѣди и олова она занимаетъ первое мѣсто въ Европѣ; въ отношенiи количества соли ее превосходитъ одна Австрiя; по количеству серебра — Испанiя равна Австрiи. Но всѣ эти громадныя богатства не обогащаютъ страну, даютъ заработокъ лишь очень небольшому количеству людей. Большая часть рудниковъ эксплоатируется иностранцами — английскими, французскими и бельгiйскими компанiями. Къ тому же лишь самая незначительная часть этихъ минеральныхъ богатствъ обрабатывается въ странѣ: большею частью все добытое вывозятъ въ сыромъ видѣ; такъ, напримѣръ, желѣзо цѣлыми массами отправляютъ въ Англiю, Францiю и другiя страны.

По части металлическихъ издѣлiй издавна славятся въ Испанiи лишь оружейныя фабрики, особенно въ Толедо (въ Новой Кастилiи). Громкую извѣстность прiобрѣли испанскiя шпаги: дѣйствительно, онѣ гнутся, не ломаясь, такъ же легко, какъ китовый усъ, отличаются необыкновеннымъ холодомъ, что чувствительно при прикосновенiи. Весьма искусно вытравлены на нихъ красками самыя разнообразныя надписи: «пронизываю сердце, какъ молнiя воздухъ», «холодна, какъ ледъ, жгу, какъ пламя», и т. п. Производство оружiя особенно развилось и усовершенствовалось потому, что уже въ давнопрошедшiя времена въ этой странѣ рѣшительно всѣ имѣли обычай носить оружiе; уже двѣнадцатилѣтнiе мальчики носили кинжалы, молодыя дѣвушки никогда не разставались съ ними.

Наиболѣе значенiя для страны имѣетъ Альмаденъ, оживленный городокъ на юго-западномъ концѣ Новой Кастилiи. Альмаденскiя ртутныя копи славились уже издавна, а въ настоящее время онѣ составляютъ главный источникъ дохода испанскаго правительства. Любопытно видѣть разработку этой колоссальной жилы; рабочiе безпрестанно выбрасываютъ заступами темно-красную киноварь. (Киноварь—красная краска, соединенiе ртути съ сѣрою; чтобы получить ртуть, ее пережигаютъ въ печахъ; сѣра сгораетъ, а ртуть перегоняютъ въ какой-нибудь сосудъ). Здѣсь и тамъ въ копяхъ небольшiя пещеры и трещины, наполненныя самородною ртутью. Часто случается, что, когда рудокопъ отколетъ ломомъ кусокъ руды, изъ трещины выкатывается ртутный шарикъ и, прыгая по землѣ, разсыпается на тысячу другихъ маленькихъ шариковъ. Остановить его невозможно, да и не нужно, такъ какъ ртуть отъ этого не теряется. Рабочiе обыкновенно тщательно собираютъ не только самую ртуть, но и весь соръ, на которомъ бѣжалъ и прыгалъ шарикъ, дѣлаютъ изъ него куски въ родѣ кирпичей и потомъ подвергаютъ ихъ перегонкѣ, какъ и самую руду; даже и этотъ соръ даетъ еще нѣсколько процентовъ ртути. Ртуть необыкновенно полезный металлъ: она употребляется въ барометрахъ и термометрахъ, служитъ однимъ изъ важнѣйшихъ лѣкарствъ въ медицинѣ, наконецъ, въ практической жизни она имѣетъ большое значенiе: ее употребляютъ при приготовленiи зеркалъ.

Въ прежнее время работами въ этихъ копяхъ занимались преступники, осужденные на каторгу. Едва начинало свѣтать, каторжниковъ выводили изъ тюремъ подземнымъ ходомъ въ рудникъ. Здѣсь они должны были работать цѣлый день, а съ наступленiемъ ночи опять тѣмъ-же подземнымъ ходомъ они возвращались въ свои тюрьмы. И такъ жили эти несчастные, никогда не видя дневного свѣта. Это довело ихъ до такого отчаянiя, что въ началѣ прошлаго столѣтiя они подожгли рудники, которые въ то время были укрѣплены бревнами, такъ что, въ продолженiе многихъ лѣтъ, совсѣмъ нельзя было въ нихъ работать. Послѣ такого урока, для работы въ этихъ рудникахъ стали нанимать рудокоповъ, которые работаютъ не болѣе 6-ти часовъ въ сутки. Однако, и при такой работѣ, рабочiй можетъ выдержать не болѣе 6—7 лѣтъ; послѣ этого большинство изъ нихъ умираетъ, тѣ же, которые пере-

живаютъ товарищей на нѣсколько лѣтъ, отъ вдыхаемыхъ ртутныхъ испареній подвержены страшной, мучительной болѣзни: у нихъ до конца жизни дрожатъ руки и ноги, лицо искажено ужасными передергиваніями, глаза вѣчно мигаютъ.

Наиболѣе промышленнымъ центромъ Испаніи можно считать Каталонію (на сѣверо-востокѣ, у Средиземнаго моря). Каталонцы изъ всѣхъ испанцевъ—самый промышленный, дѣятельный и трудолюбивый народъ, страстно любящій наживу. Такъ какъ, кромѣ каталонцевъ, всѣ остальные испанцы съ пренебреженіемъ относятся къ наживѣ и ко всякому торговому человѣку, то въ Испаніи не иначе отзываются о каталонцахъ, какъ съ ненавистью и отвращеніемъ, и называютъ ихъ алчными, презрѣнными торгашами и скрягами.

Въ Испаніи уже издавна существуетъ непримиримая ненависть между жителями разныхъ провинцій. Прежде, когда Испанія раздѣлялась на совершенно обособленныя другъ отъ друга области и при этомъ каждая область управлялась особымъ правителемъ, еще было какое-нибудь основаніе для вражды, но теперь для нея нѣтъ никакихъ разумныхъ причинъ, и она продолжаетъ существовать, какъ и прежде, только потому, что испанцы народъ крайне невѣжественный, неразвитой и необразованный. Между тѣмъ эта вражда приноситъ страшный вредъ: въ Испаніи только сосѣдъ, житель одной и той же провинціи, считается соотечественникомъ, но жители одной провинціи къ жителямъ другой относятся даже хуже, чѣмъ къ иностранцамъ: кастильцы враждебно относятся къ андалузцамъ и наоборотъ, и такъ у нихъ всюду. Духовенство могло-бы во имя христіанской религіи проповѣдывать любовь, братство и благожелательство другъ къ другу и такимъ образомъ смягчать вражду и ненависть, но католическое духовенство Испаніи отличается отъ народа лишь своею грамотностью, умственно же оно развито не болѣе его, а нравственно—совершенно испорчено и давно прославилось своими пороками. Эта ненависть жителей одной провинціи къ другой мѣшаетъ испанцамъ заимствовать у каталонцевъ то хорошее, что у нихъ есть. А у каталонцевъ немало хорошаго. Прежде всего они прекрасно ведутъ свое сельское хозяйство и земледѣліе, что такъ рѣдко можно встрѣтить въ Испаніи: имъ не только удалось обратить долины вдоль Средиземнаго моря въ роскошные сады, но они сумѣли обработать и сдѣлать плодородными многіе обнаженные склоны горъ; однимъ словомъ вездѣ, гдѣ это возможно, они обратили безплодныя пространства въ земли, пригодныя для виноградниковъ и для разныхъ хлѣбныхъ растеній. Но это еще далеко не все: фабричная промышленность играетъ несравненно большую роль въ жизни каталонцевъ, нежели сельское хозяйство. Въ Каталоніи существуютъ металлическіе заводы, хлопчато-бумажныя фабрики для фаянсовыхъ и фарфоровыхъ издѣлій и др.

Фаянсъ, фарфоръ и хрусталь испанской фабрикаціи отличаются своими оригинальными рисунками: на чашкахъ, стаканахъ и столовой посудѣ обыкновенно встрѣчаешь прелестные рисунки, изображающіе различныя минуты любимаго зрѣлища испанцевъ—боя быковъ. Фигуры людей и животныхъ исполнены очень живо, характерно и естественно.

Въ очень многихъ мѣстностяхъ Каталоніи можно встрѣтить фабрики гитаръ: этотъ инструментъ въ большомъ ходу въ испанской торговлѣ. Испанецъ, какъ богатый, такъ и бѣдный, мужчины и женщины, однимъ словомъ каждый пріобрѣтаетъ себѣ гитару; здѣсь всѣ поютъ подъ аккомпанементъ этого инструмента.

Точно также много изготовляется въ Каталоніи и ювелирныхъ издѣлій: всѣ женскія украшенія—браслеты, брошки, серьги, пряжки и т. п. отличаются большимъ вкусомъ, тонкостью отдѣлки и оригинальностью рисунка.

Несмотря на недостатокъ или, лучше сказать, на полное отсутствіе образованія, — испанскіе рабочіе, въ большинствѣ случаевъ, совершенно безграмотны, — они во всѣхъ отрасляхъ труда, и притомъ какъ мужчины, такъ и женщины, обнаруживаютъ большой природный вкусъ и художественное пониманіе. Эти природныя качества испанцевъ особенно проявляются при изготовленіи вѣеровъ. Нигдѣ въ мірѣ не употребляютъ столько вѣеровъ, сколько въ Испаніи. Всѣ испанки, начиная съ маленькой дѣвочки и кончая старухой, знатныя и богатыя, бѣдныя и даже уличныя нищенки, непремѣнно имѣетъ вѣеръ. Чѣмъ богаче здѣсь женщина, тѣмъ больше у нея вѣеровъ, и они болѣе драгоцѣнны, а у настоящихъ модницъ и у знатныхъ дамъ ихъ по нѣскольку сотенъ. Почти каждый испанецъ также пріобрѣтаетъ себѣ вѣеръ, чтобы отмахиваться отъ жары и насѣкомыхъ; но вѣера, покупаемые мужчинами, обыкновенно совсѣмъ простенькіе, тогда какъ у знатныхъ испанокъ одинъ вѣеръ стоитъ иногда нѣсколько тысячъ рублей. Испанки особенно поражаютъ разнообразіемъ вѣеровъ, когда онѣ сидятъ въ театрѣ или на боѣ быковъ: драгоцѣнные, разнообразные каменья ихъ вѣеровъ сверкаютъ различными цвѣтами или поражаютъ прелестными картинами, исполненными замѣчательно художественно. Понятно, въ какихъ широкихъ размѣрахъ распространена въ Испаніи фабрикація вѣеровъ; она составляетъ особую отрасль промышленности въ очень многихъ мѣстностяхъ, но болѣе всего въ Каталоніи. Вѣера дѣлаютъ изъ самыхъ разнообразныхъ кружевъ, шелковыхъ и бумажныхъ матерій, изъ перьевъ и стекляруса, изъ атласа и бархата, съ рисунками, содержаніемъ которыхъ служатъ, конечно, различные моменты боя быковъ, цвѣты и свиданія на балконѣ. На вѣерныхъ фабрикахъ существуетъ обыкновенно особое отдѣленіе, въ которомъ молодыя дѣвушки разрисовываютъ вѣера. Ни въ какихъ школахъ онѣ не учились: онѣ видѣли только, какъ это дѣлали ихъ матери, сестры и братья, тоже самоучки; затѣмъ онѣ сами тѣмъ же ремесломъ начинаютъ зарабатывать свой хлѣбъ, но заработокъ ихъ очень не великъ, всего отъ 40 до 60 коп. въ день. Между тѣмъ рисунки многихъ изъ нихъ поражаютъ своею талантливостью. Какъ-же объяснить себѣ, что эти безграмотныя дѣвушки, нигдѣ не учившись рисованію, очень часто исполняютъ рисунки, какъ настоящіе художники? Расположеніе къ живописи и художественное чутье — природныя качества испанцевъ. Много помогаетъ развитію этихъ способностей то, что испанскій народъ видитъ постоянно въ своихъ храмахъ и музеяхъ дивныя произведенія художниковъ.

Хотя въ Каталоніи много различныхъ фабрикъ и заводовъ, но въ ней болѣе всего хлопчатобумажныхъ фабрикъ, — это самая главная отрасль каталонской промышленности: ею занято здѣсь болѣе 100.000 рабочихъ. Въ Каталоніи сосредоточено также и производство суконъ, шерстяныхъ и полотняныхъ матерій; много выдѣлываютъ здѣсь и кружевъ, которыми издавна славилась Испанія. Теперь, однако, производство испанскихъ кружевъ находится въ большомъ упадкѣ, такъ какъ западная Европа стала все менѣе пріобрѣтать ихъ, и должно было бы совершенно упасть, если бы въ самое послѣднее время ихъ не стали употреблять на родинѣ при приготовленіи вѣеровъ; теперь не только все болѣе отдѣлываютъ вѣера кружевами, но часто вмѣсто матеріи изъ нихъ однихъ дѣлаютъ вѣера.

Главный городъ Каталоніи — Барселона; всѣ ея окрестности и сосѣдніе города имѣютъ многочисленныя мануфактурныя заведенія, въ которыхъ приготовляютъ бумажныя, шерстяныя и другія ткани, обрабатываютъ также желѣзо, дерево, кожи и различные химическіе препараты; но болѣе всего Барселона отличается своими хлопчатобумажными фабриками. И мужчины, и женщины, какъ въ Барселонѣ, такъ и вообще во всей Каталоніи, чуть не поголовно сидятъ за прядильными станками.

чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ Барселонѣ, тѣмъ чаще попадаются высокія трубы фабрикъ, а также товарные поѣзда, нагруженные бочками вина и оливковаго масла, тюками хлопчатой бумаги или ящиками бумажныхъ матерій и суконъ.

Въ южной части Испаніи немало занято народа на солеварняхъ. Тамъ, гдѣ встрѣчаются солончаки, они тянутся обыкновенно на очень большія пространства. Земля солончаковъ раздѣлена на небольшіе четыреугольники, ограниченные каналами со стоячею морскою водою. Въ этой-то водѣ стоятъ голые рабочіе и достаютъ со дна шайками мокрую соль, которую другіе ихъ товарищи сваливаютъ въ кучи. Когда эта соль высохнетъ, она кажется издали снѣжною горою, ярко сіяющею на солнцѣ.

Изготовленіе восковыхъ спичекъ—характерная промышленность Испаніи. Кстати замѣтимъ, что въ этой странѣ, кромѣ восковыхъ спичекъ, не употребляютъ другихъ. Хотя на каждой такой фабрикѣ есть нѣсколько взрослыхъ рабочихъ, но больше всего здѣсь работаютъ женщины и подростки, зарабатывая отъ 35 коп. до 1 рубля, а нѣкоторыя изъ нихъ и до 1 руб. 40 коп. въ день. Вотъ какъ описываютъ одну изъ такихъ фабрикъ: «въ первомъ отдѣленіи нѣсколько мальчиковъ рѣжутъ на станкѣ дерево для коробочекъ; тутъ-же происходитъ клейка послѣднихъ. Нѣсколько дальше намотанныя на валу нитки пропускаютъ сквозь растопленный составъ воска, съ примѣсью другихъ веществъ, а затѣмъ черезъ холодную воду, и тѣло спички готово. Особая, довольно остроумно придуманная машина, которою управляетъ одна женщина и дѣвочка, раздѣлываетъ спички, придавая имъ должную длину, и помѣщаетъ ихъ въ щели небольшой четыреугольной доски: когда всѣ щели наполняются, доска принимаетъ видъ щетки, въ которой роль щетинъ замѣняютъ спички. Эти доски (онѣ такъ и называются щетками) несутъ въ другое отдѣленіе, гдѣ спички покрываютъ фосфоромъ. Операція эта очень простая и напоминаетъ собою печатаніе; «щетку» накладываютъ на доску, покрытую тонкимъ слоемъ фосфора, смѣшаннаго съ клеемъ и краскою, придавливаютъ ее сверху, и спички готовы. Послѣ этого онѣ остаются только на нѣсколько часовъ въ сушильнѣ, а затѣмъ происходитъ сортировка и размѣщеніе по коробкамъ. Этимъ дѣломъ занимаются молоденькія дѣвушки, сопровождая свое занятіе веселыми пѣснями. Всѣ работающіе имѣютъ бодрый видъ. Исключеніе составляютъ только работники, которые приготовляютъ фосфорный составъ: они имѣютъ болѣзненный, желтый цвѣтъ лица. Благодаря здоровому и мягкому климату, дозволяющему хорошо провѣтривать всѣ помѣщенія спичечныхъ фабрикъ, занятія въ нихъ не имѣютъ тѣхъ гибельныхъ послѣдствій для рабочихъ, какія замѣчаются въ другихъ странахъ».

До сихъ поръ въ Испаніи не существуетъ никакихъ законовъ и правилъ объ отношеніяхъ хозяина какъ къ фабричному рабочему, такъ и къ ремесленнику; точно также совсѣмъ не опредѣлена продолжительность рабочаго дня. Здѣшній рабочій начинаетъ работу съ восходомъ солнца и оканчиваетъ ее съ закатомъ; онъ прерываетъ ее утромъ на полъ-часа для завтрака и въ полдень на полтора или два часа для обѣда.

Пища рабочихъ, какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ, едва достаточна, чтобы поддерживать ихъ силы: она состоитъ обыкновенно изъ хлѣба, овощей, плодовъ, оливковаго масла и соленой рыбы; картофель употребляютъ меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ; еще рѣже или, лучше сказать, почти никогда за ихъ столомъ не увидите говядины. За завтракомъ подаютъ тунцы, треску или сардинки, хлѣбъ и плоды, за обѣдомъ и ужиномъ обыкновенно ѣдятъ супъ, называемый «пушеро»; онъ состоитъ изъ риса, турецкихъ бобовъ и оливъ.

Несмотря на страсть къ красивой національной одеждѣ, испанскіе рабочіе замѣняютъ ее теперь обычной всѣмъ рабочимъ блузою и брюками изъ бумажной ткани

для лѣта, а для зимы—изъ грубой шерстяной матеріи домашняго приготовленія; но и эту простую одежду они мѣняютъ очень рѣдко: здѣшній рабочій не имѣетъ столько средствъ, чтобы обращать вниманіе на чистоту.

Кромѣ очень немногихъ мѣстностей, также мало здорово и жилище; фабричному рабочему приходится обыкновенно его нанимать въ баракахъ, выстроенныхъ кулаками; въ деревняхъ онъ занимаетъ со своимъ семействомъ отдѣльный домикъ; но какъ тѣ, такъ и другіе грязны и очень плохо защищаютъ отъ холодовъ. Что особенно плохо устроено въ жилищѣ рабочаго и дурно отзывается на его здоровьѣ—это стокъ нечистотъ, порождающихъ даже болѣзни. Домашняя утварь весьма жалкая.

Несмотря на свою умѣренность (испанскій рабочій чрезвычайно мало ѣстъ и отличается большою неприхотливостью), самый лучшій, самый трудолюбивый и въ то же время изъ ряду вонъ счастливый рабочій (т.-е. такой, который имѣетъ заработокъ круглый годъ) едва можетъ сводить концы съ концами. Высчитано, что годовой заработокъ лучшихъ рабочихъ Каталоніи и Валенсіи (обѣ эти провинціи Испаніи лежатъ на востокѣ страны, у Средиземнаго моря, и считаются самыми промышленными) доходитъ приблизительно до четырехъ сотъ рублей въ годъ. Если семья рабочаго вмѣстѣ съ дѣтьми, женой и имъ самимъ состоитъ изъ 5—6 человѣкъ, рабочему приходится расходовать изъ этой суммы въ среднемъ на квартиру—51 руб., на пищу 188 руб., на одежду—144 руб.; слѣдовательно, у него остается въ годъ 15—17 руб., которые ему необходимы на отопленіе, освѣщеніе, лѣченіе во время болѣзни, на подати, которыя съ каждымъ годомъ все увеличиваются. Понятно, что этихъ денегъ не хватаетъ на всѣ эти потребности. Нужно помнить, однако, что лишь самый искусный испанскій рабочій можетъ получить такую сумму, какъ четыреста руб., а выдвигаются во всякой отрасли труда, во всякомъ положеніи лишь очень немногіе. Вотъ и выходитъ, что за самыми выдающимися рабочими, получающими четыреста руб. въ годъ, идетъ огромный классъ рабочихъ, вознагражденіе которыхъ гораздо меньше. Но даже для самыхъ искусныхъ рабочихъ прежде всего является вопросъ, могутъ-ли они имѣть заработокъ круглый годъ. Конечно, нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ постоянный заработокъ, но громадное большинство рабочихъ сидитъ подолгу безъ работы; къ сожалѣнію, не высчитано, въ какихъ отрасляхъ промышленности чаще всего и болѣе продолжительное время рабочіе остаются безъ заработка; извѣстно только, что число нищихъ и выселяющихся съ родины все увеличивается.

Эмиграція (выселеніе) рабочихъ классовъ, какъ земледѣльцевъ, такъ ремесленниковъ и фабричныхъ, настолько усиливается въ послѣднее время, что правительство, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нарядило коммиссію, которой и поручило изслѣдовать, почему такъ много испанцевъ покидаетъ свою родину. Члены коммиссіи переспросили массу лицъ, выселявшихся съ родины, провѣрили ихъ показанія на мѣстѣ и пришли къ заключенію, что испанскій народъ выселяется въ другія страны, особенно въ Америку, вслѣдствіе недостатка заработка и страшной нищеты. Эта народная нищета все растетъ, все усиливается съ каждымъ годомъ. Затруднительное положеніе государства, его плохія денежныя дѣла самымъ плачевнымъ образомъ отзываются на народномъ благосостояніи. Правительство, за неимѣніемъ средствъ, не можетъ поправлять дорогъ и уже однимъ этимъ не даетъ возможности сельскому люду возить свои маленькія домашнія сбереженія въ городъ, на рынки и базары, и тѣмъ лишаетъ его доходовъ отъ сельскаго хозяйства. Но это еще далеко не все. Не имѣя достаточно средствъ, правительство не можетъ затрачивать крупныхъ суммъ на искусственное орошеніе, и часто самыя плодороднѣйшія мѣстности высыхаютъ отъ

солнца и превращаются въ пустыни. Не можетъ также правительство устраивать и плотины, гдѣ это требуется, и принимать мѣры противъ наводненія. Тамъ, гдѣ выпадаютъ дожди, они нерѣдко продолжаются по недѣлямъ и очень часто оканчиваются жестокими наводненіями, которыя уничтожаютъ пашни и дѣлаютъ негодными для хлѣбопашества громадныя пространства земли. Немало случаевъ, когда при такихъ разливахъ были стерты съ лица земли цѣлыя деревни. Все это ухудшаетъ земледѣліе и сельское хозяйство, уменьшаетъ урожаи, а слѣдовательно лишаетъ народъ заработка и крова и усиливаетъ его бѣдность. Дурные урожаи, недостатокъ орошенія, опустошенія потоками, разбой на дорогахъ являются точно также вслѣдствіе денежныхъ затрудненій испанскаго правительства. Чтобы поправить денежныя дѣла, оно облагаетъ народъ все болѣе тяжелыми налогами, но это не даетъ ему возможности выпутаться изъ своихъ безконечныхъ денежныхъ затрудненій. Съ тою же цѣлью правительство стало сильно покровительствовать лоттереямъ, которыя не только еще болѣе разоряютъ испанцевъ, но и совершенно развращаютъ ихъ, такъ какъ дѣлаютъ ихъ еще болѣе нерадивыми и лѣнивыми, заставляя разсчитывать не на свой трудъ, а на выигрышъ. Положеніе правительства находится въ тѣсной зависимости отъ положенія народа: народъ испанскій бѣднѣетъ, и денежныя затрудненія правительства все растутъ и растутъ. Столько же разоряетъ народъ и плохое управленіе страною, постоянныя волненія и государственные перевороты, братоубійственныя войны, которыя такъ часто здѣсь происходятъ между людьми различныхъ партій. Ухудшаютъ положеніе испанскаго народа и возмутительныя чиновничьи злоупотребленія, недостатокъ справедливости въ судахъ, наконецъ, чрезмѣрная тяжесть налоговъ,—вотъ главныя причины бѣдности, а слѣдовательно и выселенія народа.

Испанскій рабочій одаренъ отъ природы большимъ умомъ, смѣткою и общительностью, но онъ до сихъ поръ отличается полнымъ невѣжествомъ. Хотя по натурѣ своей онъ гордъ и независимъ, но онъ требуетъ за собою присмотра, такъ какъ имѣетъ большую склонность къ лѣни, не интересуется своею работою и послѣ нѣсколькихъ часовъ труда продолжаетъ ее уже медленно, невнимательно и вяло, покуривая и болтая съ сосѣдомъ. Жители Каталоніи и Валенсіи составляютъ въ этомъ отношеніи исключеніе: они работаютъ гораздо усидчивѣе сравнительно съ рабочими остальныхъ провинцій и изготовляютъ фабричныя произведенія, заслуживающія серьезнаго вниманія.

До сихъ поръ грамотность чрезвычайно слабо распространяется среди испанскаго народа: изъ ста душъ лишь 27 человѣкъ могутъ читать и писать; но умѣющихъ только читать нѣсколько больше. Во всякомъ случаѣ по распространенію грамотности Испанія занимаетъ лишь девятое мѣсто среди европейскихъ государствъ. Между тѣмъ въ этой странѣ уже больше тридцати лѣтъ существуетъ законъ, по которому всѣ дѣти школьнаго возраста обязаны учиться, и притомъ ученье здѣсь даровое. Но такъ какъ и теперь еще въ Испаніи чувствуется огромный недостатокъ въ школахъ, а прежде ихъ и совсѣмъ было мало, то законъ объ обязательномъ обученіи не достигъ своей цѣли. При этомъ замѣчено, что въ Испаніи, какъ среди низшихъ, такъ и среди высшихъ классовъ общества, не очень-то сильно проявляется стремленіе къ ученію. Какъ объяснить это нерадѣніе и нелюбовь къ ученію въ наше время, когда людей почти всѣхъ національностей въ европейскихъ странахъ охватываетъ такая жажда знанія, когда одна образованная страна передъ другою старается похвастать не тѣмъ, у кого больше войска, а тѣмъ, у кого изъ нихъ больше грамотныхъ, когда всѣ, наконецъ, поняли, что ученье свѣтъ, а неученье тьма? Какъ объяснить эту косность и невѣжество именно испанскаго народа, по натурѣ весьма

одареннаго и талантливаго? Тѣ же причины, которыя разоряютъ народъ, поддерживаютъ и его невѣжество. Если мы вспомнимъ прошлое испанцевъ за одинъ только послѣдній XIX-ый вѣкъ, то увидимъ, что и за это время едва-ли какой-нибудь другой народъ вынесъ больше государственныыхъ переворотовъ, на извѣстное время совершенно измѣнявшихъ образъ правленія страны и гибельно отражавшихся на всѣхъ отрасляхъ труда. Едва-ли въ какой-нибудь другой странѣ вспыхивало за это время болѣе возстаній и мятежей, едва-ли гдѣ-нибудь больше проливалось крови въ братоубійственныхъ стычкахъ,—все это истощало государственную казну. Откуда-же было взять денегъ на просвѣщеніе народа, да и когда было думать о немъ, когда всѣ средства государства уходили на войны, на усмиреніе волненій, на государственные перевороты? Вмѣсто того, чтобы мирно работать въ полѣ и на фабрикѣ, вмѣсто того, чтобы учиться въ школахъ и усердно посѣщать университеты, всѣ становились подъ знамена тѣхъ или другихъ полководцевъ и проливали кровь своихъ родныхъ братьевъ. Вмѣсто того, чтобы развивать въ себѣ любовь въ наукѣ, стремленіе къ чтенію, здѣсь одинъ только вопросъ волновалъ и волнуетъ умы молодежи, какъ среди простонародья, такъ среди высшихъ и среднихъ классовъ,—какая партія восторжествуетъ, кто будетъ сидѣть на престолѣ. И вотъ это-то положеніе вещей превратило всѣхъ испанцевъ въ страстныхъ политиковъ; они постоянно разсуждаютъ и спорятъ между собой о политическихъ событіяхъ своей страны, привыкли болѣе цѣнить полководца и солдата, чѣмъ грамотнаго и умственно развитаго человѣка. Такую-же помѣху просвѣщенію народа оказывало и до сихъ поръ оказываетъ католическое духовенство. Испанія долго была страною монаховъ и монахинь. Католическое духовенство, въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, имѣло въ Испаніи громадное вліяніе на государственныя дѣла. Само по себѣ невѣжественное, корыстолюбивое и порочное, оно болѣе всего заботилось о своихъ личныхъ выгодахъ и всегда враждебно относилось къ истинному просвѣщенію. Короли и очень многіе изъ высшаго католическаго духовенства покровительствовали искусству, большинство знаменитыхъ художниковъ было у нихъ въ чести, но къ истинной наукѣ и ея представителямъ, то-есть къ писателямъ, ученымъ и къ людямъ умственно развитымъ католическое духовенство всегда относилось очень враждебно: всѣхъ подобныхъ лицъ оно старалось изгонять съ родины, бросать въ тюрьмы, однимъ словомъ—преслѣдовало ихъ. Хотя католическое духовенство и само открывало школы и занималось воспитаніемъ юношества, но всегда съ единственною цѣлью—развить въ немъ рабское подчиненіе католической религіи, къ его главѣ—папѣ и ко всему духовенству. Между тѣмъ, еще въ началѣ XIX столѣтія духовныхъ лицъ въ Испаніи было чрезвычайно много; съ 1835 г. ихъ число значительно уменьшилось, монастыри закрывались одинъ за другимъ, а въ 1869 г. множество монаховъ оставило свою родину. Несмотря, однако, на то, что число монаховъ и монастырей сильно уменьшилось въ Испаніи, надзоръ надъ школами до сихъ поръ почти исключительно принадлежитъ церкви, испанскія женщины вполнѣ находятся подъ властью и нравственнымъ гнетомъ католическихъ патеровъ и въ свою очередь въ этомъ направленіи вліяютъ на своихъ мужей и сыновей.

Громадное большинство учителей Испаніи и теперь изъ духовенства, и теперь они, какъ и прежде, отличаются своимъ невѣжествомъ, безчисленными суевѣріями. Они не развиваютъ въ ученикахъ ни любознательности, ни любви къ ученію, и все свое вліяніе направляютъ на то, чтобы вполнѣ подчинить ихъ себѣ. Въ наиболѣе одаренныхъ ученикахъ они возбуждаютъ ненависть и презрѣніе къ себѣ, а у учениковъ съ средними способностями и у дѣвушекъ подавляютъ умственную живость и вполнѣ подчиняютъ ихъ своей волѣ. Всѣ изложенныя причины мѣшаютъ настоящему

умственному развитію испанскаго народа, поддерживаютъ его безконечные предразсудки и тормозятъ развитіе школьнаго дѣла.

Чѣмъ невѣжественнѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе у него всякихъ примѣтъ, повѣрій, предразсудковъ и суевѣрій. Суевѣрія каждаго народа, въ большинствѣ случаевъ, находятся въ тѣсной связи какъ съ прошлою его жизнью, такъ и съ окружающей его природой. Годы голодовокъ, страшныхъ эпидемій, частыя землетрясенія и наводненія постоянно угнетали страну и развивали въ испанцахъ ложныя понятія о явленіяхъ природы. Въ своей религіи, какъ будетъ сказано ниже, испанцы всего болѣе проявляютъ свое суевѣріе и скорѣе являются язычниками, чѣмъ христіанами. Что-же касается суевѣрій въ домашней жизни, то ихъ такъ много, что и не перечислить: они боятся чернаго кота потому, что дьяволъ будто бы принимаетъ образъ этого животнаго; когда сильный вѣтеръ носится по степи, подымая клубы песку и пыли, срывая крыши съ домовъ, испанецъ говоритъ, что это дьяволъ вырвался на волю и гуляетъ на просторѣ; черные, круглые глаза могутъ сглазить ребенка; взгляда косоглазаго человѣка необходимо избѣгать, иначе онъ непремѣнно повредитъ,— подобныхъ примѣтъ и предразудковъ чрезвычайно много.

Несмотря на свою крайнюю бѣдность, испанецъ всегда веселъ, страстно любитъ свои пѣсни, танцы и всевозможныя зрѣлища, но особенно бой быковъ. Въ его пѣсняхъ, подъ аккомпанементъ гитары, въ напѣвахъ то заунывныхъ и безнадежныхъ, то трогательно-печальныхъ, то разудалыхъ и веселыхъ отражается вся его жизнь, которую онъ не цѣнитъ ни въ грошъ и съ которой готовъ покончить каждую минуту.

Въ высшей степени симпатичныя испанскія пѣсни, особенно по своимъ напѣвамъ, очень разнообразны: въ нихъ прославляютъ горячій поцѣлуй красотки, красоту ея очей и стана, ея ловкую пляску, превозносятъ ее и за смѣлость, съ которой она умѣетъ постоять за себя и отомстить врагу, не задумываясь всадить ножъ въ его грудь. Очень много поется пѣсенъ про удаль разбойниковъ, контрабандистовъ и народныхъ героевъ, наконецъ, про бездолье и горести жизни.

Испанецъ не только замѣчательный пѣвецъ и страстный танцоръ, онъ въ то же время и прекрасный разсказчикъ. Онъ все передаетъ чрезвычайно живо и остроумно, увлекается самъ своимъ разсказомъ, и даже совершенно безграмотный человѣкъ умѣетъ выражать самыя тонкія чувства. Испанецъ любитъ поболтать, поострить, пошутить, посмѣяться, когда онъ сидитъ съ пріятелемъ въ трактирѣ, но онъ не болтунъ и не пустословъ: когда нужно объяснить какое-нибудь дѣло, онъ умѣетъ все превосходно передать въ нѣсколькихъ словахъ; иногда для выраженія мысли ему достаточно одного жеста, но этотъ жестъ такъ выразителенъ, что каждый понимаетъ, что онъ хочетъ имъ сказать. Какъ разсказчикъ, онъ обладаетъ необыкновеннымъ талантомъ и во время разсказа такъ увлекается, что съ него хоть картины пиши. Вотъ какъ описываетъ такого разсказчика одинъ путешественникъ: «Голосъ его въ извѣстныхъ мѣстахъ дѣлался громовымъ, въ другихъ — жалобно-плачущимъ. Сегодня онъ развлекаетъ слушателей сказкой: «страданія королевы Ураки и ея вѣрнаго пажа Купидона». Дойдя до того мѣста, когда Купидонъ, уходя въ лѣсную чащу, сталъ призывать дикихъ звѣрей, предлагая имъ себя на съѣденіе, разсказчикъ вскочилъ, обѣжалъ одинъ изъ столовъ кругомъ и началъ бить себя въ грудь кулакомъ, такъ что она гудѣла, какъ барабанъ: «о, лютые волки, о, ядовитые гады»,—и дико-блуждающіе глаза его остановились на разинувшемъ ротъ погонщикѣ ословъ: «о, дьяволы всѣхъ четырехъ странъ свѣта»,—и сказочникъ окинулъ всю компанію негодующимъ взоромъ, «придите, рвите это тѣло», и онъ

рвалъ свое лохмотья, «ѣшьте это мясо!..» Онъ зацѣпилъ было крючковатыми пальцами собственную свою кожу, подъ которой, впрочемъ, никакого мяса не оказалось, ибо сказочникъ былъ необыкновенно тощимъ человѣкомъ, но онъ дѣлалъ видъ, что отрываетъ свое мясо и бросаетъ его передъ собой. Плачъ королевы Урраки онъ изобразилъ такимъ отчаяннымъ воплемъ, что изъ конюшни явился козелъ и всталъ, точно на всякій случай, для порядка, въ дверяхъ трактирчика. Въ заключеніе пажъ Купидонъ и королева Урраки благополучно сочетались бракомъ, но прежде этого первый побѣдилъ всевозможныхъ чудовищъ и рыцарей, а королева избѣжала всѣхъ опасностей, которыя ей устраивалъ злой и хитрый колдунъ». Каждый изъ слушателей съ наслажденіемъ отдаетъ послѣднюю копѣйку разсказчику, если только тотъ ему понравился.

Когда увидишь, какъ легко и изящно пляшетъ испанецъ, какъ онъ ловко и красиво ходитъ, когда услышишь, какъ онъ хорошо говоритъ, какія выраженія тонко развитыхъ и образованныхъ людей употребляетъ онъ, просто подумаешь, что передъ тобой образованный человѣкъ, между тѣмъ — это безграмотный крестьянинъ или простой фабричный рабочій, часто весь въ лохмотьяхъ. Но кто-бы ни былъ испанецъ, будь онъ рабочій или даже нищій, онъ прежде всего человѣкъ въ высшей степени гордый и самолюбивый. Онъ никогда никому не скажетъ грубаго слова, ни съ кѣмъ не заведетъ ссоры, но за ничтожное оскорбленіе, за неделикатный толчокъ считаетъ себя оскорбленнымъ, вспыхиваетъ, какъ порохъ, и бросается съ навахой на оскорбителя. Испанецъ высоко ставитъ свое человѣческое достоинство: онъ не снесетъ пренебрежительнаго отношенія къ себѣ даже отъ короля; онъ дастъ себя ограбить, но оскорбить—никогда. Даже когда онъ проситъ милостыню, онъ сохраняетъ свою благородную, гордую осанку.

Испанецъ безпеченъ и не заботится о завтрашнемъ днѣ; отчасти это происходитъ отъ природной лѣни, отчасти отъ вѣчной безработицы,—сколько ни старайся, ему все равно ничего не удастся скопить. Вслѣдствіе этого, если невзначай у него и заведется лишній грошъ, онъ не припрячетъ его про черный день, а бѣжитъ въ трактиръ, покупаетъ билетъ въ лоттерею или отправляется смотрѣть какое-нибудь представленіе. Будучи человѣкомъ проницательнымъ и наблюдательнымъ, испанецъ умѣетъ до тонкости разглядѣть своего ближняго, можетъ быстро понять его достоинства и недостатки, а скупого онъ отличитъ по самымъ ничтожнымъ признакамъ. Отвращеніе и презрѣніе къ скряжничеству и скопидомству лежитъ въ его натурѣ: никого онъ не осыпаетъ градомъ такихъ ядовитыхъ насмѣшекъ, какъ скупца. Вотъ это-то презрѣніе къ скупости развило въ немъ противоположный недостатокъ—расточительность и невниманіе къ нуждамъ своей семьи.

Страсть къ зрѣлищамъ просто поразительна. Все, на что испанецъ смотритъ на сценѣ, онъ переживаетъ всѣми своими чувствами, всею кровью своего организма: глаза у него лихорадочно горятъ, руки трясутся, — онъ весь вниманіе и слухъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что во время представленія въ актера, играющаго роль злодѣя, онъ бросаетъ все, что у него есть подъ рукой, — яблоко, скорлупу, обрубокъ. Несмотря на свою страстность, отвагу, гордость и самолюбіе, испанцы легко подчиняются тому, чего нельзя устранить, хладнокровно приговаривая: «чему быть, того не миновать».

Испанцы, въ различныхъ мѣстностяхъ страны, имѣютъ свои особенности, отличаются другъ отъ друга даже по внѣшнему виду, но громадное большинство имѣетъ между собой много общаго: они средняго роста, худощавы, но живы, крѣпки, мускулисты, неутомимы въ ходьбѣ. Они чрезвычайно терпѣливо выносятъ бѣдность и

отличаются замѣчательною умѣренностью въ пищѣ и питьѣ. Испанецъ съѣстъ горсть салата и нѣсколько рѣдисокъ съ самымъ маленькимъ кусочкомъ хлѣба и совершенно сытъ. Здѣсь ѣдятъ, пожалуй, столько же разъ, сколько и у насъ въ Россіи, но каждый разъ съѣдаютъ такъ мало, что у насъ не насытится этимъ и ребенокъ. Обжора и лакомка если и встрѣчаются, то только среди духовенства; простолюдинъ, если и мечтаетъ о чемъ-нибудь, то лишь о томъ, какъ бы ему улизнуть отъ дѣла и побѣжать къ товарищамъ, которые въ ту минуту пляшутъ и поютъ, а еще болѣе,—какъ-бы ему пробраться на какое-нибудь зрѣлище. Способность испанцевъ выносить тяжелыя лишенія,—голодъ, холодъ, утомительные переходы, — давно изумляли всѣхъ и пріобрѣли имъ славу превосходныхъ солдатъ. Тѣ, кому приходилось сражаться на ряду съ испанцемъ, характеризуютъ его такъ: «отвага у него южнаго человѣка, сила сѣверянина, но при этомъ онъ не нуждается, какъ послѣдній, въ обильномъ питаніи».

Несмотря на свою безпечность въ обыденной жизни, испанецъ отличается стойкостью и замѣчательнымъ мужествомъ. Онъ лѣниво зарабатываетъ свой насущный хлѣбъ, но если его одушевляетъ какая нибудь идея, онъ, не задумываясь, отдаетъ за нее свою жизнь. Вотъ эти-то характерныя черты испанцевъ и давали имъ возможность вести продолжительныя войны: отвоеваніе ихъ родины у мавровъ продолжалось, почти безъ отдыха, семь вѣковъ; завоеваніе Мексики, Перу и нѣкоторыхъ другихъ странъ Америки было долгою, вѣковою борьбою; война съ Наполеономъ за независимость представляетъ также такой примѣръ самоотверженія и патріотизма, какихъ мало въ исторіи. Во время всѣхъ этихъ войнъ, несмотря на тяжкія лишенія, несмотря на тысячу соблазновъ, между ними никогда не нашлось ни одного шпіона, ни одного предателя. Испанецъ считаетъ величайшимъ позоромъ не только продать врагу свою честь, но и разгласить довѣренную тайну. Онъ сознаетъ всѣ свои преимущества передъ другими и гордо, самоувѣренно, съ чувствомъ собственнаго достоинства относится къ каждому даже и тогда, когда онъ только нищій. Да и что ему нищета и лишенія, когда онъ такъ мало придаетъ имъ значенія: какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, онъ всегда веселъ и счастливъ по-своему; его не страшитъ нищета, онъ умѣетъ примѣняться ко всякому положенію и живетъ, какъ живется.

Несмотря на рѣдкія качества ума и сердца, испанецъ обнаруживаетъ и крупные недостатки: онъ чрезвычайно мстителенъ и за самую пустую личную обиду готовъ убить на мѣстѣ каждаго и мстить всю жизнь. Всякое свое неудовольствіе, малѣйшее оскорбленіе, чуть не каждый горячій споръ онъ рѣшаетъ ударомъ навахи (ножа). Не понравился ему тонъ сосѣда, или кто-нибудь, проталкиваясь въ толпѣ, ударилъ его локтемъ, загородилъ уличное зрѣлище, всего этого достаточно для испанца, чтобы броситься на него съ навахой. Любопытенъ моментъ, когда испанецъ наноситъ ударъ. Онъ неожиданно появляется передъ своимъ врагомъ, появляется безъ страха и колебаній, ударитъ и ждетъ, смѣло и прямо глядя въ глаза противнику, не двигаясь съ мѣста. Бѣжать, какъ-нибудь улизнуть отъ противника считается величайшимъ позоромъ, котораго во-вѣкъ не смоешь никакими добродѣтелями. Тутъ поражаетъ не только смѣлость испанца, но и его готовность умереть каждую минуту, умереть за совершенный пустякъ. Съ виду равнодушный, разсудительный, онъ вспыхиваетъ, какъ порохъ, при малѣйшей ссорѣ и жаждетъ крови. Таковы всѣ испанцы, какъ высшихъ классовъ, такъ и простонародья. Послѣ каждаго большого праздника, когда стеченіе народа бываетъ особенно велико, происходитъ много ссоръ, слѣдовательно, въ такихъ случаяхъ наваху пускаютъ въ

ходъ особенно часто, и человѣкъ пятнадцать-двадцать убитыхъ и столько же раненыхъ — обыкновенное явленіе.

О лѣни испанца и его безпечности мы говорили уже достаточно, о его страсти къ кровожаднымъ и постыднымъ зрѣлищамъ — рѣчь впереди, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о его пристрастіи къ лоттереямъ и къ карточной игрѣ. По всей вѣроятности, онъ бросается на то и другое вовсе не изъ желанія выигрыша и наживы, а вслѣдствіе привычки къ лихорадочной жизни; монотонная, однообразная жизнь труженика не въ натурѣ испанца: ему нужны постоянное движеніе и сильныя ощущенія. Лоттерея и карточная игра держатъ его въ напряженномъ, нервномъ состояніи, заставляютъ переживать самыя разнообразныя чувства: надежда смѣняется отчаяніемъ, горе — радостью, и вотъ этимъ-то прежде всего слѣдуетъ объяснять его пристрастіе къ азартнымъ играмъ. Если лоттерея разоряетъ испанскій народъ, то карточная игра и разоряетъ его, и отвлекаетъ отъ дѣла. Въ какой бы части Испаніи вы ни находились (кромѣ Каталоніи, гдѣ картежная игра развита несравненно меньше), въ какой бы укромный уголокъ вы ни заглянули, — всюду идетъ отчаянный картежъ. Войдите въ конюшню, — и тамъ, навѣрно, въ уголку, бросивъ на землю грязный мѣшокъ и усѣвшись вокругъ него, играютъ въ карты погонщики. Отрывочныя слова, которыми они перебрасываются, заглушаются пронзительнымъ крикомъ ословъ, ржаніемъ лошадей, — но игрокамъ все это ни почемъ, и они продолжаютъ свое дѣло. То-же самое вы видите въ любомъ трактирѣ, гдѣ часто можете встрѣтить не только отчаянно дующихся въ карты рабочихъ, бродягъ, уличныхъ нищихъ, но среди нихъ монаховъ, патеровъ и студентовъ.

БѢДНѢЙШАЯ ЧАСТЬ НАСЕЛЕНІЯ.

Нищіе. — Разбойники. — Контрабандисты. — Шарраны. — Бреттеры. — Смертная казнь. — Цыгане. — Ихъ нравы, характеръ и образъ жизни.

Вслѣдствіе бѣдности народа въ Испаніи множество нищихъ. Нѣтъ страны, гдѣ нищіе выказывали бы большую безцеремонность. Полный чувства собственнаго достоинства и гордости, испанскій нищій важно расхаживаетъ по всѣмъ дорогамъ. Завернувшись въ свое рубище, онъ исполняетъ свое ремесло, не унижаясь и нисколько не конфузясь. Во многихъ семействахъ ремесло нищаго переходитъ по наслѣдству: юноши строго соблюдаютъ наставленія людей, искусившихся въ этомъ дѣлѣ, и пользуются ихъ опытомъ. Ихъ время строго разсчитано; каждый долженъ твердо знать, когда и въ какомъ мѣстѣ выгодно находиться, какой день, какой часъ самый благопріятный, съ какимъ словомъ, съ какимъ выраженіемъ лица нужно обратиться къ проходящему, смотря по его состоянію, полу и возрасту. Нищіе очень искусно даютъ тотъ или другой оттѣнокъ своей просьбѣ; то они молчатъ, какъ убитые, то кричатъ во все горло, если того требуютъ обстоятельства. Очень многіе изъ нихъ слѣпые: это объясняютъ жгучими лучами испанскаго солнца и пылью равнинъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ нищіе имѣютъ на своей шапкѣ значекъ, показывающій, что имъ разрѣшено просить милостыню. Они обыкновенно поютъ духовные стихи въ честь святыхъ подъ аккомпанементъ мандолины или гитары, прерывая пѣніе просьбами о милостынѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дилижансъ, останавливающійся для перемѣны лошадей, осаждаютъ толпы нищихъ. Тогда глазамъ путешественника представляется картина всевозможныхъ человѣческихъ страданій: тутъ женщина, совершенно истощенная нуждою, кормитъ своею тощею грудью

чуть живого младенца; другая, едва одѣтая, бѣжитъ босикомъ по острымъ камнямъ и тащитъ за собою дѣтей голыхъ или еле прикрытыхъ лохмотьями, изъ-подъ которыхъ видно бронзовое тѣло несчастныхъ малютокъ; слѣпые идутъ рядомъ съ хромыми, едва ковыляющими на своихъ костыляхъ, а тамъ везутъ маленькаго уродца, покрытаго язвами. Толпы нищихъ преслѣдуютъ васъ здѣсь всюду: въ городахъ, на станціяхъ, по дорогамъ, при входѣ въ музей и храмъ.

Еще недавно средствомъ пропитанія для народа служило также разбойничество. Каждая дорога находилась во владѣніе извѣстной шайки, которая смотрѣла на нее, какъ на свою собственность. Содержатели дилижансовъ входили въ стачку съ бандитами (разбойниками), которые совершенно свободно нападали на проѣзжающихъ. При этомъ служащіе при дилижансѣ искусно разыгрывали роль перетрусившихъ, а разбойники совершенно покойно подходили къ экипажу и требовали денегъ у проѣзжающихъ. Но и въ настоящую минуту разбойничество далеко не совсѣмъ исчезло въ Испаніи, хотя все-таки оно теперь сильно уменьшилось. Но чѣмъ-бы ни занимался испанецъ, къ какому бы классу общества онъ ни принадлежалъ, онъ всегда и во всѣхъ случаяхъ жизни необыкновенно вѣжливъ; даже когда на большой дорогѣ онъ рѣшается ограбить путешественника, онъ снимаетъ передъ нимъ шляпу и подходитъ къ нему съ словами: «Почтительнѣйше прошу вашу милость отдать мнѣ вашъ кошелекъ».

Другой незаконный промыселъ—контрабанда. Впрочемъ очень часто контрабандистъ становится простымъ разбойникомъ и наоборотъ. Контрабандою болѣе всего занимаются жители горъ на югъ отъ Гвадалквивира. По крутымъ горамъ, изборожденнымъ почти непроходимыми тропинками, пробираются контрабандисты съ товарами, обложенными высокою пошлиною. Но какъ пронести все это на испанскую почву? Это уже дѣло особаго маклера: его занятія состоятъ въ томъ, что онъ подкупаетъ таможенныхъ надсмотрщиковъ, и тѣ сквозь пальцы смотрятъ на тайный провозъ. Иной разъ эти маклера ведутъ большія дѣла и такимъ образомъ выгружаютъ при посредствѣ контрабандистовъ цѣлые корабли. Контрабандисты обыкновенно путешествуютъ не по одиночкѣ, а по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ и при этомъ ночью останавливаются въ уединенныхъ трактирахъ. Они знаютъ самые трудные проходы въ горахъ и съ необыкновенною ловкостью карабкаются по высотамъ съ мѣшкомъ за спиной и съ карабиномъ черезъ плечо, хватаясь руками за выступы скалъ. Они часто въ наилучшихъ отношеніяхъ съ властями въ тѣхъ городахъ, по которымъ проходятъ, а потому-то они никогда не забудутъ подарить ящикъ сигаръ лицу, завѣдующему таможенными дѣлами, табаку—его помощникамъ и фуляру на платье женамъ нужныхъ для нихъ лицъ. Въ большинствѣ случаевъ они безъ всякихъ приключеній совершаютъ свое путешествіе, но иной разъ наткнутся на карабинеровъ (правительственныя войска), и тогда завязывается сраженіе. Перетащивъ товары, контрабандистъ сдаетъ ихъ своему агенту, который дѣлитъ съ нимъ барышъ. Когда онъ не въ дорогѣ, онъ расточительно тратитъ деньги, пріобрѣтенныя съ опасностью жизни, проводитъ время въ кабакѣ, играетъ въ карты, разсказываетъ о своихъ подвигахъ и пьетъ вино. Этого рода люди очень рѣдко пріобрѣтаютъ состояніе и обыкновенно кончаютъ свои подвиги тюрьмою.

Остановимся еще на двухъ народныхъ типахъ. Прогуливаясь по набережной южныхъ испанскихъ городовъ, часто можно видѣть кучку людей, сидящихъ въ тѣни барки, вытащенной на берегъ, и играющихъ въ карты: это *шарраны*. Люди эти имѣютъ повидимому опредѣленное ремесло: продаютъ по улицамъ сардинки или предлагаютъ свои услуги хозяйкамъ отнести покупки на домъ; но на самомъ дѣлѣ они

ничего не дѣлаютъ. Шаррану нечего учиться ловкости и находчивости у самыхъ искусныхъ мошенниковъ Лондона. Вотъ одинъ изъ тысячи случаевъ, который обрисуетъ подобныхъ людей лучше всего. Однажды компанія шаррановъ провѣдала, что у погонщика муловъ, пришедшаго издалека, были кое-какія деньги. Они узнали это слѣдующимъ образомъ: погонщикъ муловъ встрѣтилъ знакомаго крестьянина, который убѣждалъ его пойти съ нимъ въ церковь; недовѣрчивый погонщикъ отвѣчалъ, что у него есть съ собой золотой и что онъ боится мошенниковъ. «Такъ положи его въ ротъ,—тогда ты будешь совершенно безопасенъ», сказалъ ему пріятель. При этомъ разговорѣ шарраны сидѣли неподалеку и все слышали. Погонщикъ послушался пріятеля и отправился съ нимъ въ церковь. Шарраны, какъ ни въ чемъ не бывало, послѣдовали за ними. Двое изъ нихъ положили въ свои платки по нѣскольку мелкихъ монетъ и стали собирать подаяніе на молебенъ въ честь Богородицы. Они подошли и къ погонщику, стали около него на колѣни и забормотали молитвы, не выпуская его изъ виду. По окончаніи обѣдни одинъ изъ нихъ нарочно уронилъ изъ платка монеты, и онѣ покатились по полу. — «Господа», закричалъ тогда одинъ изъ нихъ, «не трогайтесь съ мѣста: эти деньги принадлежатъ Богородицѣ».—«Но гдѣ же золотой?» вдругъ, какъ бы въ ужасѣ, вскричалъ одинъ изъ нихъ. Всѣ наклонились его искать. Вдругъ одинъ изъ толпы (это былъ ихъ третій товарищъ) закричалъ, показывая пальцемъ на бѣднаго погонщика: «Смотрите-ка, вотъ этотъ плутъ поднялъ золотую монету и спряталъ ее въ ротъ». Тотъ смущенный вынулъ монету изо рта, а мошенники, съ искусно разыграннымъ негодованіемъ, вырвали ее у него и бросили въ платокъ своего товарища. Раздраженная толпа осыпала бранью мнимаго вора, и когда, наконецъ, несчастный могъ открыть ротъ, чтобы оправдаться, шарраны уже исчезли. Набережная и площади—мѣста ихъ подвиговъ; тамъ они берутъ свою дань со всѣхъ выгружаемыхъ товаровъ; то треска исчезла подъ ихъ рубашкой, то огромная луковица, дыня; они также очень ловко вонзаютъ свою наваху (ножъ) въ тюкъ и незамѣтно подбираютъ высыпающійся оттуда рисъ. Они очень любятъ играть въ карты и въ орлянку. Эти игры шаррановъ обыкновенно оканчиваются общею свалкой, въ которой они нерѣдко угощаютъ другъ друга навахою.

Другой, еще болѣе любопытный типъ,—*баратеро*, или *бреттёръ*, *забіяка*. Это человѣкъ, прежде всего необыкновенно ловко владѣющій навахою, смѣльчакъ и первѣйшій нахалъ. Уже было сказано, что испанцы большіе картежники; спеціально для этой цѣли существуетъ множество кабачковъ, въ которыхъ они собираются играть въ карты. Но они играютъ не только въ кабачкахъ: на морскомъ берегу, въ тѣни барки, подъ деревьями аллеи, у старой стѣны въ какомъ-нибудь уединенномъ мѣстѣ, однимъ словомъ вездѣ, гдѣ только можетъ помѣститься нѣсколько человѣкъ. Во время игры они представляютъ живописную группу: одни изъ нихъ сидятъ, другіе лежатъ на животѣ передъ колодою грязныхъ картъ. Ихъ подвижныя физіономіи оживлены въ это время болѣе, чѣмъ когда-нибудь, такъ какъ ихъ волнуютъ самыя противоположныя чувства: радость, надежда, отчаяніе, вспышка злобы на товарища, наконецъ, страхъ передъ полицейскимъ. Вдругъ, неизвѣстно откуда, выростаетъ передъ ними человѣкъ съ дерзкимъ, вызывающимъ видомъ, это—*баратеро*. Онъ безцеремонно бросаетъ среди играющихъ колоду картъ со словами: «Здѣсь играютъ только моими картами!» Ясно, что игроки должны ему платить за каждую ставку. Если никто ему не противорѣчитъ и начинаютъ играть его картами, онъ спокойно садится тутъ же и ждетъ окончанія игры, чтобъ получить мелкую монету за свою колоду. Но далеко не всегда такъ мирно кончается. Иногда находится храбрецъ, ко-

торый смѣло говоритъ ему: «видишь, есть своя колода», и спокойно возвращаетъ его карты. Такого смѣльчака баратеро хватаетъ за воротъ; затѣмъ оба вытаскиваютъ навахи, и черезъ мгновеніе видишь и блескъ сверкающей стали, и блескъ сверкающихъ глазъ. Не проходитъ и двухъ минутъ, какъ одинъ изъ нихъ падаетъ окровавленный.

Такіе баратеро встрѣчаются во всѣхъ слояхъ низшаго общества: на фабрикѣ, въ войскѣ, въ тюрьмѣ. Войсковой баратеро—тиранъ своей роты: каждый солдатъ боится его и старается все для него сдѣлать, лишь бы избавиться отъ ссоры, которую онъ заводитъ съ тѣми, кто ему не уступаетъ. Поэтому каждый, хотя и съ проклятіями, отдаетъ баратеро все, на что у того разгораются глаза; всѣ, куда онъ затешется, дѣлаютъ ему всевозможныя уступки. Его часто избавляютъ отъ работъ, дарятъ ему сигары, деньги. И баратеро вездѣ чувствуетъ себя господиномъ: онъ пьетъ вино, не выпускаетъ изо рта сигары, и все это онъ добываетъ не трудомъ, а умѣньемъ наводить на другихъ страхъ и своимъ непоколебимымъ нахальствомъ.

Понятно, какъ кончаетъ баратеро свою жизнь. Разъ онъ попался въ руки правосудія за какое-нибудь убійство, черезъ нѣкоторое время среди площади уже воздвигнутъ эшафотъ, гдѣ назначена казнь преступника.

Въ Испаніи смертная казнь совершается удушеніемъ. Осужденнаго взводятъ на высокій эшафотъ и сажаютъ на табуретъ, прислоненный къ высокому столбу, на которомъ прикрѣплена, такъ называемая, «гаррота», то-есть желѣзный ошейникъ, окружность котораго меньше человѣческой шеи. Къ эшафоту ведутъ нѣсколько ступенекъ. Прежде, чѣмъ привести преступника, вокругъ ступенекъ эшафота становятся члены братства, обязанность которыхъ хоронить казненныхъ: они въ бѣлыхъ мантіяхъ, съ хоругвями и большимъ распятіемъ въ рукахъ. За ними нѣсколько взводовъ солдатъ. Кругомъ—громадная, разношерстная толпа. Испанцы такъ привыкли ко всевозможнымъ постыднымъ зрѣлищамъ, что съ удовольствіемъ бѣгутъ смотрѣть и на казнь людей. Но вотъ позорная колесница остановилась у мѣста казни: съ нея сходитъ преступникъ, одѣтый въ черное, съ широкой, бѣлой пелеринкой; его поддерживаютъ двое патеровъ и вмѣстѣ съ нимъ всходятъ на эшафотъ. Палачъ сажаетъ преступника на табуретъ, даетъ ему въ руки сверкающее на солнцѣ распятіе и связываетъ его ремнями. Когда все это готово, палачъ закрываетъ лицо преступника пелеринкой и застегиваетъ ошейникъ, то-есть гарротту. Быстрымъ движеніемъ рычага, который въ видѣ ручки прикрѣпленъ къ гарроттѣ, палачъ сдавливаетъ шею,—и позорная казнь окончена.

Къ бѣднѣйшей части населенія можно отнести также и цыганъ, которыхъ чрезвычайно много въ этой странѣ. Въ то время, когда въ Испаніи такъ жестоко преслѣдовали, жгли на кострахъ и изгоняли мавровъ, евреевъ и еретиковъ, цыгане никогда не опасались за свою жизнь. Какъ только они поняли, что отъ жителей Пиренейскаго полуострова требуется, чтобы всѣ они были католиками, цыгане немедленно крестились и приняли католическую религію, но на самомъ дѣлѣ они всегда были и остаются настоящими язычниками.

Гдѣ бы ни поселились цыгане, они всегда живутъ особнякомъ среди остального населенія, вступаютъ въ бракъ только другъ съ другомъ и говорятъ особымъ языкомъ. Они стройны, гибки, и нѣкоторые изъ нихъ отличаются замѣчательною красотою: огромные, черные, живые глаза, черные, какъ смоль, волосы и зубы бѣлые, какъ слоновая кость. Цыгане, или, какъ ихъ здѣсь называютъ, «хитаны», на все имѣютъ свои особые взгляды, относительно всего у нихъ свои особыя понятія. Они вѣрятъ въ добрую и злую силу, имѣютъ множество таинственныхъ обы-

чаевъ и обрядовъ, къ которымъ обращаются въ несчастіи и при всякихъ житейскихъ случайностяхъ. Обокрасть христіанина «хитанъ» считаетъ за величайшую заслугу, воровство у своего брата—преступленіе. Удивительно, какъ цыгане повсюду вѣрны своей природѣ и какъ могучъ этотъ типъ, если онъ на такихъ противуположныхъ концахъ Европы, какъ Россія и Испанія, сохранилъ сходство въ характерѣ, даже одинаковую склонность къ извѣстнаго рода занятіямъ. Хитаны въ Испаніи, какъ и во всемъ мірѣ, барышничаютъ лошадьми, лѣчатъ ихъ, для чего они часто напередъ потихоньку опаиваютъ ихъ, занимаются кузнечнымъ ремесломъ, поютъ, гадаютъ, пляшутъ и стригутъ животныхъ. Каждая лошадь, мулъ, оселъ во всей Испаніи ежегодно стригутся цыганами. Какъ ни отличаются они отъ испанцевъ своими нравами и обычаями, все же они многое переняли отъ нихъ: такъ же, какъ и испанцы, они дерутся навахами, а часто и огромными ножницами, которыми стригутъ животныхъ.

Несмотря на дикіе обычаи и горячую южную кровь, хитаны вступаютъ въ бракъ весьма нескоро послѣ обрученія. Обыкновенно молодые люди остаются женихомъ и невѣстою въ продолженіе двухъ лѣтъ; свадьбу празднуютъ очень шумно: нѣсколько дней сряду поютъ, танцуютъ и въ это время истрачиваютъ все, что имѣютъ.

Когда кто-нибудь изъ нихъ умретъ, тѣло покойника кладутъ на землю на соломенномъ тюфякѣ; женщины бросаются ницъ и рвутъ руками свои густые волосы, мужчины же топятъ горе въ винѣ.

Въ городахъ Испаніи цыгане живутъ или въ особыхъ предмѣстьяхъ и кварталахъ, или близъ города, у холмовъ и у горныхъ отроговъ. Болѣе всего они любятъ ютиться у какой-нибудь горы, у склона которой въ такихъ случаяхъ продѣлано множество норъ и пещеръ. Внутренность этихъ ямъ ужасна. Цѣлое семейство, человѣкъ въ восемь, а часто и болѣе, живетъ всю жизнь въ темномъ подземельѣ, шириною шаговъ въ десять, вышиною въ сажень; черезъ дыру, сдѣланную въ сводѣ, проходитъ дымъ, когда готовятъ кушанье; одно и то-же отверстіе служитъ имъ дверью и окномъ. Какая-нибудь скамья въ одномъ углу и столъ—вотъ и вся обстановка жилища; иногда есть нары, но это уже считается роскошью, такъ какъ по большей части все семейство спитъ вповалку на всякомъ отрепьѣ и сорѣ, собираемомъ въ городѣ. Одежды на стѣнахъ не видно: они носятъ одно и то же платье, не перемѣняя его, пока оно не свалится съ плечъ. Дѣти, совершенно голыя, черныя, валяются здѣсь и тамъ посреди домашнихъ птицъ и грязныхъ животныхъ. У дверей этихъ подземныхъ жилищъ вы видите обыкновенно слѣдующія сцены: молодая красавица-цыганка, съ длинными рѣсницами и черными вьющимися волосами, съ тяжелыми серьгами въ ушахъ, стоитъ позади старухи и ищетъ у нея въ головѣ паразитовъ; на рукахъ у старухи спитъ ребенокъ, а другой, почти голый, валяется около большихъ бубенъ у ногъ своей бабушки. Тутъ же его отецъ, съ суровымъ, бронзовымъ лицемъ, посматриваетъ безучастно на эту, привычную для него, сцену. У другой такой же норы сидитъ молодая цыганка, а ея мать расчесываетъ ея длинные волосы, черные, съ синимъ отливомъ, цвѣта вороньяго крыла; кошка и сорока дружелюбно сидятъ на подоконникѣ, а большая собака, съ поднятыми ушами, посматриваетъ на нихъ.

Если иностранецъ остановится въ гостиницѣ, его обыкновенно спрашиваютъ, когда ему будетъ угодно посмотрѣть пляску хитанъ. Въ Испаніи, гдѣ всѣ отличаются необыкновенною ловкостью въ танцахъ, нуженъ выдающійся талантъ, чтобы обратить на себя вниманіе этимъ искусствомъ, тѣмъ не менѣе цыгане пріобрѣли громкую извѣстность своими танцами. Когда иностранцы выражаютъ желаніе по-

смотрѣть на танцы цыганъ, появляется смуглый малый, котораго почему-то называютъ капитаномъ. Онъ нанимаетъ на вечеръ помѣщеніе и проситъ дозволенія у полиціи привести нѣсколькихъ своихъ дѣвушекъ въ городъ изъ загородныхъ пещеръ. Вечеромъ проводникъ ведетъ иностранца въ маленькій домикъ въ какомъ-нибудь захолустьѣ, и тамъ, въ небольшой комнатѣ, онъ находитъ цѣлое общество: пять, шесть молодыхъ цыганокъ отъ 14 до 17 лѣтъ, нѣсколько юношей и самъ капитанъ, распоряжающійся всѣмъ. Дѣвушки поочередно пляшутъ національные испанскіе танцы, юноши приплясываютъ, ударяя въ бубны, капитанъ, сидя, брянчитъ на гитарѣ. Но танцы, устраиваемые для иностранцевъ, не вполнѣ отличаются тою оригинальной дикостью, которая сказывается въ танцахъ цыганъ, когда они танцуютъ для себя. Музыканты наигрываютъ и въ то же время что-то напѣваютъ, сначала довольно медленно. Старуха вооружается большими бубнами, и они начинаютъ звенѣть подъ ея пальцами. Молодая цыганка танцуетъ съ замѣчательною легкостью и граціею. Ея босыя ноги легко касаются земли, усыпанной кремнями, какъ будто бы она танцовала по ковру. Танцовщица двигается все быстрѣе, и вотъ ея длинные черные волосы расплетаются и падаютъ на плечи. Молодой хитанъ подбѣгаетъ къ ней, двѣ другія пары дѣлаютъ то-же и начинаютъ танцовать всѣ вмѣстѣ, сходясь и расходясь. Онѣ останавливаются только тогда, когда утомленные музыканты перестаютъ играть и пѣть. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ присутствующіе, цыгане они или испанцы, старые или молодые, однимъ словомъ—всѣ, кто только смотритъ на танцы или даже слышитъ отдаленные звуки музыки,—пускаются въ плясъ.

ВЫСШЕЕ И СРЕДНЕЕ СОСЛОВІЯ.

Семейная жизнь.—Мужчины и женщины.—Ихъ жизнь и привычки.—Время отдыха.—Домашнія вечеринки.—Бесѣды у балкона въ лунную ночь и пристрастіе къ нимъ испанцевъ.—Аристократы и чиновники: ихъ положеніе и отношеніе къ дѣлу.—Студенты.

Люди высшихъ классовъ, т.-е. аристократы и средній кругъ, за очень небольшими исключеніями, совсѣмъ необразованы и неразвиты. Профессора, доктора, учителя, писатели, вообще всѣ, окончившіе высшее образованіе, поражаютъ иностранцевъ отсутствіемъ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній. Они, наивно и не конфузясь, просятъ объяснить такія вещи, которыя въ культурныхъ странахъ извѣстны каждому школьнику. Громадное большинство испанскихъ докторовъ—люди, не знающіе своего дѣла: они не слѣдятъ за успѣхами медицинскихъ знаній и примѣняютъ къ больнымъ такіе способы лѣченія, какими въ европейскихъ странахъ пользовали болѣе полустолѣтія тому назадъ. Кромѣ знанія своего родного языка, у испанцевъ, окончившихъ высшее образованіе, нѣтъ ни малѣйшаго желанія изучить какой-нибудь другой языкъ. На человѣка, знающаго нѣсколько иностранныхъ языковъ, всѣ остальные смотрятъ здѣсь, какъ на чудо.

Чѣмъ бы ни занимались люди высшаго и средняго круга, они не вносятъ въ дѣло ни особенной добросовѣстности, ни знанія, ни усидчивости. Чиновники, конторщики, профессора, учителя работаютъ не потому, что считаютъ свою дѣятельность полезной, а себя способными именно на этомъ поприщѣ принести наибольшую пользу, а только потому, что безъ работы или службы они не могутъ существовать. Чуть появились деньжонки, они бросаютъ работу съ наслажденіемъ, и никогда человѣкъ обезпеченный не возьмется здѣсь ни за какое дѣло,—исключенія въ этомъ

отношеніи очень рѣдки. Каждый испанецъ проклинаетъ работу и дѣлаетъ все, чтобы улизнуть отъ нея или какъ-нибудь поскорѣе ее кончить, нимало не стыдясь того, что спѣшка гибельно отражается на дѣлѣ, что отъ этого страдаютъ другіе. Испанцы относятся съ любовью только къ военной службѣ, мирнаго же и безкорыстнаго труда они не понимаютъ. Люди высшихъ классовъ просто и безъ тѣни заносчивости обращаются съ простонародьемъ: на улицѣ и въ трактирѣ всѣ разговариваютъ между собой, спорятъ, какъ равный съ равнымъ. Но далѣе случайныхъ встрѣчъ сближеніе не идетъ. Даже современная молодежь высшихъ и среднихъ классовъ не мечтаетъ здѣсь о распространеніи просвѣщенія среди людей обездоленныхъ, объ изученіи ихъ нуждъ, что такъ часто встрѣчается среди англичанъ. Люди высшихъ классовъ Испаніи не отличаются и любовью къ чтенію; только политика занимаетъ ихъ, но политика исключительно мѣстнаго характера: они спорятъ о томъ, какая партія восторжествуетъ въ Испаніи, кто будетъ у нихъ министромъ, кто займетъ тотъ или другой постъ, политическія же событія въ другихъ государствахъ ихъ нимало не интересуютъ. Выбѣжать нѣсколько разъ на улицу и нѣсколько часовъ потолкаться въ толпѣ, ежедневно раскланиваться на прогулкѣ со всѣми знакомыми и переброситься съ ними нѣсколькими новостями, посѣщать каждый вечеръ театръ, какое нибудь представленіе или зрѣлище, поглазѣть на уличную процессію, хотя разъ въ день посидѣть съ пріятелемъ въ кофейнѣ,— вотъ ежедневное времяпрепровожденіе каждаго испанца, если только обстоятельства не вынуждаютъ его зарабатывать свой хлѣбъ. Прихотливый столъ, роскошное жилище, богатая и удобная обстановка нимало не соблазняютъ испанца. Вѣчно пріобрѣтать знанія и вѣчно богатѣть—этотъ идеалъ англичанина всегда былъ чуждъ сердцу испанца.

Испанскія женщины средняго и высшаго круга еще болѣе мужчинъ невѣжественны и умственно неразвиты. По своему воспитанію и образованію онѣ стоятъ несравненно ниже англійскихъ, русскихъ и французскихъ женщинъ. У испанокъ, окончившихъ курсъ средняго образованія, лишь за самыми рѣдкими исключеніями, сказывается стремленіе продолжать научныя занятія или изучать какую-нибудь профессію, которая впослѣдствіи могла бы приносить пользу обществу и дала бы возможность самостоятельно заработать свой кусокъ хлѣба. И это понятно: всѣ школы въ Испаніи устроены очень плохо, и въ нихъ не даютъ необходимыхъ объясненій, а какъ у насъ встарину, просто заставляютъ зазубривать по плохимъ учебникамъ; женскія же учебныя заведенія устроены еще хуже. Испанскія дѣвочки учатся въ монастырскихъ школахъ, подъ строгимъ надзоромъ католическаго духовенства. Ихъ выучиваютъ священной исторіи, катехизису, читать, писать, кое-какъ считать, играть на разныхъ инструментахъ, къ чему онѣ обнаруживаютъ большія способности, и больше рѣшительно ничему. Главная цѣль этихъ монастырскихъ школъ не образованіе дѣвушекъ, а лишь непремѣнное желаніе приготовить изъ каждой испанки «хорошую католичку», точнѣе сказать, такъ вымуштровать ее, чтобы она во всемъ и всегда рабски слушалась и безпрекословно подчинялась своему начальству— католическому духовенству, а въ будущемъ—своему духовнику, то-есть католическому патеру, чтобы она считала своею священною обязанностью—аккуратное посѣщеніе церкви, присутствіе на церковныхъ процессіяхъ, однимъ словомъ, чтобы она выполняла всѣ внѣшніе обряды католической религіи. И дѣйствительно, этого результата блистательно достигаютъ. Оставивъ школу почти безъ всякаго умственнаго багажа, не получивъ даже ни малѣйшей привычки къ умственному труду, испанка вступаетъ въ жизнь. Общество, къ которому она принадлежитъ, то-есть люди высшаго и средняго круга, и не требуютъ отъ нея никакого умственнаго

развитія, никакихъ знаній, напротивъ даже поставятъ ей всевозможныя препятствія, если бы она задумала серьезно учиться. Всему тому, что испанскому обществу нравится въ женщинѣ, она очень скоро сама научается, то-есть умѣнью управлять вѣеромъ, умѣнью ловко танцовать, самому разнообразному кокетству, однимъ словомъ—наукѣ нравиться мужчинамъ. Будучи отъ природы существомъ въ высшей степени подвижнымъ, впечатлительнымъ, остроумнымъ и сообразительнымъ, испанка не только быстро пріобрѣтаетъ умѣнье нравиться, но въ концѣ концовъ выучивается такъ мило и очаровательно болтать, что даже ученыхъ иностранцевъ сбиваетъ съ толку, и тѣ только послѣ продолжительнаго знакомства догадываются, что передъ ними хотя безконечно милое, симпатичное и красивое существо, но совершенно невѣжественное и пустое.

Испанка выходитъ замужъ очень молодою. Въ мужѣ она прежде всего цѣнитъ богатство, а затѣмъ умѣнье держать себя такъ, чтобы не быть смѣшнымъ въ глазахъ другихъ. Того, кто бѣденъ, она можетъ полюбить, будетъ выходить къ нему вечеромъ на балконъ, слушать его пѣніе и болтать съ нимъ, но мечтать о томъ, чтобы выйти замужъ за бѣдняка,—никогда; на это она отважится лишь тогда, когда у нея нѣтъ въ виду болѣе выгодной партіи; человѣка же смѣшного въ глазахъ другихъ испанская красавица и не полюбитъ, и не выйдетъ за него замужъ. Подругой мужа, его помощницей и совѣтницей испанка никогда не можетъ быть: если мужъ ея человѣкъ образованный, что возможно лишь въ исключительныхъ случаяхъ, она совсѣмъ не понимаетъ его интересовъ, не можетъ дать ему никакого умнаго совѣта; если онъ дѣлецъ, то онъ на работѣ съ утра до вечера, а если пустой человѣкъ, то вѣчно ищетъ развлеченій внѣ дома. Какъ бы то ни было, жена проводитъ дома весь день одна, или только въ обществѣ патера, своего духовника. Испанская женщина можетъ приглашать къ себѣ кого угодно, но принимать гостей она имѣетъ право только въ присутствіи мужа, брата или отца. Здѣсь считается верхомъ неприличія и скандала, если у нея сидятъ гости въ отсутствіи главы семейства. Только для патера дѣлается исключеніе, и онъ можетъ оставаться у нея по цѣлымъ днямъ даже и тогда, когда она одна. Правилъ приличія для женщинъ средняго и высшаго круга очень много, и всѣ женщины обязаны строго имъ слѣдовать; та изъ нихъ, которая посмѣетъ пренебрегать ими, не только не будетъ принята въ порядочномъ обществѣ, но ей не отдадутъ поклона и на улицѣ. Ни одинъ мужъ не дозволитъ своей женѣ, а братъ и отецъ—сестрѣ и дочери, ѣхать въ другой городъ безъ провожатаго; существуетъ и множество другихъ правилъ, стѣсняющихъ самостоятельность женщины.

Когда мужъ отправляется на службу, испанка сидитъ одна и рѣшительно ничего не дѣлаетъ. Приличіе заставляетъ женщинъ высшаго и средняго круга держать для хозяйства какую-нибудь старуху. Такимъ образомъ онѣ лишены и этого маленькаго занятія. Тамъ, гдѣ есть дѣти, обыкновенно та-же старуха-экономка занимается и ими; много-много, если мать сама выучитъ своего ребенка читать,—все остальное относительно дѣтей предоставляютъ школѣ. Всѣ домашнія занятія женщины состоятъ въ томъ, что она весь день копается въ своихъ красивыхъ тряпкахъ и обдумываетъ, какое платье ей одѣть на прогулку, когда она выйдетъ гулять, какое вечеромъ, когда она отправится въ гости, въ театръ или на какое-нибудь другое зрѣлище. Впрочемъ, при недостаткѣ средствъ у людей средняго круга, обдумать все это—дѣло нелегкое, такъ какъ въ Испаніи женщины вообще одѣваются въ высшей степени богато и изящно. Очень многія семейства средняго круга обѣдаютъ далеко не каждый день, ихъ дѣти зачастую страдаютъ отъ недостатка пита-

тельной пищи и хорошей квартиры, но туалеты всѣхъ членовъ семьи, особенно матери и старшихъ ея дочерей, должны быть великолѣпны. Испанки появляются на улицѣ и въ театрахъ въ такихъ богатыхъ нарядахъ, а часто и въ такихъ блестящихъ экипажахъ, что иностранцу никогда и въ голову не придетъ, что эти самые люди выносятъ дома всевозможныя лишенія и тратятъ всѣ средства на наряды и выѣзды. Многіе дворяне входятъ въ неоплатные долги, лишь бы разодѣть жену и дочерей въ брильянты, шелкъ, бархатъ и дорогіе кружева. Не нужно, однако, думать, что въ этой странѣ любятъ наряжаться лишь однѣ женщины,— испанцы тоже первые франты въ мірѣ, но ихъ нарядъ, конечно, дешевле женскаго; зато у нихъ все—обувь, шляпа, галстухъ, всегда по послѣдней модѣ, кромѣ плаща (капы), которымъ они только и отличаются отъ парижанъ. Дѣтей тоже наряжаютъ, когда ихъ выводятъ на улицу; вообще страсть къ нарядамъ—самая выдающаяся черта характера испанцевъ средняго и высшаго классовъ общества.

Какое-же воспитаніе до школы получаютъ испанскія дѣти? Видя, какое значеніе всѣ кругомъ придаютъ нарядамъ и зрѣлищамъ, и дѣти, въ свою очередь, очень рано начинаютъ интересоваться ими. Да и что другое могутъ они заимствовать отъ матери, которая, въ сущности, не что иное, какъ прелестная кукла? Патеръ, который такъ часто посѣщаетъ ихъ домъ, не отличается ни своимъ образованіемъ, ни даже своею добротою и нравственностью. Его отношенія къ дѣтямъ ограничиваются обыкновенно лишь сухими наставленіями. Дѣти вообще не любятъ наставленій, а испанскія въ особенности: предоставленныя себѣ, они очень рано начинаютъ понимать жизнь, подмѣчать грѣшки домашняго духовника и относиться къ нему съ нескрываемой насмѣшкой и презрѣніемъ, и такое отношеніе очень часто остается у нихъ навсегда. Испанскія женщины несравненно болѣе мужчинъ преданы католической религіи и своему духовенству; ихъ мужья и отцы равнодушнѣе къ религіи и не прочь поострить, а то и злобно посмѣяться надъ патерами.

Конечно, и среди испанокъ есть нѣсколько женщинъ высокообразованныхъ, которыя получили громкую извѣстность даже за предѣлами родины, какъ напримѣръ знаменитая современная писательница Пардо-Базанъ,—но такія женщины составляютъ весьма и весьма рѣдкое исключеніе въ Испаніи,—всѣ остальныя поражаютъ своимъ невѣжествомъ, пустотой, но въ то-же время красотой и изяществомъ. Кстати замѣтимъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Испаніи устроили высшіе курсы для женщинъ, и испанская королева взяла ихъ подъ свое покровительство. Но студентокъ на этихъ курсахъ очень немного: съ одной стороны, въ Испаніи еще очень мало женщинъ, стремящихся къ высшему образованію, съ другой—испанское общество относится весьма несочувственно и недружелюбно къ своимъ курсисткамъ.

Жизнь испанскихъ семействъ среднихъ и высшихъ классовъ проходитъ по вечерамъ очень весело и разнообразно. Въ продолженіе дня—томительная жара; кого работа не вынуждаетъ выходить, тотъ сидитъ дома. Но когда день склоняется къ вечеру и подуетъ свѣжій вѣтерокъ, всѣ дома сразу пустѣютъ, и мѣста гуляній переполняются народомъ. Немного прогулявшись, всѣ возвращаются домой и принимаютъ гостей, или сами идутъ въ гости, на *тертулью*, т.-е. на домашнюю вечеринку. Время на этихъ вечеринкахъ проходитъ оживленно: поютъ, танцуютъ, спорятъ, играютъ въ карты. Среди горячаго политическаго спора вы услышите вдругъ восклицаніе: «Боже, что за глаза!»—«Гдѣ, гдѣ?» встрепенувшись спрашиваютъ политиканы; всѣ они вскакиваютъ съ своихъ мѣстъ и бросаются за красавицею, которая только-что прошла. Восторженное поклоненіе женской красотѣ—въ крови испанца; старики и молодые одинаково интересуются красивыми женщинами.

Налюбовавшись прелестными глазками, мужчины опять принимаются за свои политическіе споры, если только ихъ не прерываютъ звуки какого-нибудь испанскаго танца, въ которомъ всѣ присутствующіе принимаютъ участіе. Послѣ танца разносятъ оршадъ и мороженое. Пѣніе безпрестанно смѣняетъ танцы. Почти каждая испанка поетъ и играетъ на гитарѣ. Если къ кому-нибудь обращаются съ просьбою спѣть, считается неприличнымъ отказываться или долго заставлять себя уговаривать. Дѣвушка беретъ гитару и начинаетъ пѣть нерѣдко юмористическую народную пѣсню: «У меня есть «перро чико» (маленькая собачка, т.-е. мелкая монета); за нее я хочу купить себѣ жениха; но вотъ бѣда: у меня ихъ двое на примѣтѣ — блондинъ и брюнетъ. Блондинъ хорошъ, — у него красивая золотистая бородка, но и брюнетъ не дуренъ, — у него прекрасные большіе глаза. Я въ затрудненіи, кого изъ нихъ предпочесть, и такъ какъ я не могу рѣшить задачи, то предпочитаю оставить «перро чико» у себя въ карманѣ». Эту веселую пѣсенку прерываетъ страстная пѣсня, которую другая пѣвица поетъ съ увлеченіемъ, дрожащимъ голосомъ: «Ни съ тобой, ни безъ тебя нѣтъ конца моимъ мученьямъ; твоя любовь убиваетъ меня, но когда тебя нѣтъ, я умираю». Въ это время взволнованный мужской голосъ отвѣчаетъ изъ другого угла: «Какъ бѣлый снѣгъ на вершинахъ горъ таетъ отъ жгучихъ лучей солнца, такъ я изнываю отъ любви къ тебѣ, дитя моего сердца». И оба вмѣстѣ поютъ: «Дитя моего сердца, дитя моего сердца!». Поютъ также любовные романсы съ очень оригинальной, жгучей музыкой: «Выходи, рыбакъ, на берегъ, пой мнѣ пѣсню о любви!» Несмотря, однако, на то, что любовь здѣсь воспѣваютъ безъ конца и на всѣ лады, даже на вечеринкѣ или собраніи людей совсѣмъ простыхъ никогда не услышишь ни одной двусмысленной фразы, ни одного грязнаго намека. Да и пѣсни испанскія никогда не бываютъ ни по мысли, ни по содержанію ни пошлыми, ни скабрезными: въ нихъ преимущественно воспѣваютъ страстную любовь и женщину, возвышенную этой любовью до высоты богини.

На этихъ вечеринкахъ, несмотря на всю задушевность и простоту, какъ и вездѣ въ испанскомъ обществѣ, существуетъ свой кодексъ приличій. Юноша никогда не начнетъ высказывать свои мечты и предположенія, какъ онъ думаетъ устроиться въ будущемъ, не предпославъ этому фразы: «хотя я и доволенъ настоящимъ». Можетъ быть, въ сущности, и нѣтъ этого довольства настоящимъ, но такъ уже принято, и всякій порядочный человѣкъ долженъ такъ говорить. Впрочемъ, не одну эту фразу нужно знать испанцу, чтобы считаться учтивымъ и благовоспитаннымъ человѣкомъ. Онъ ничего не долженъ съѣсть, не обратившись къ сосѣду съ вопросомъ: «ваша милость желаетъ?» Но Боже васъ сохрани пожелать, попросить задавшаго вамъ этотъ вопросъ подѣлиться. Этого нельзя дѣлать и тогда, когда кусокъ сосѣда вамъ, дѣйствительно, нравится. На такой вопросъ вы всегда должны отвѣтить: «Благодарю! Пусть пользуется онъ...», то-есть предлагающій. Прощаясь, всегда говорятъ: «Да идетъ ваша милость съ Богомъ». Если кто, говоря про какую-нибудь вещь, спрашиваетъ: «Это принадлежитъ вашей милости?» то владѣлецъ вещи, если только онъ порядочный человѣкъ, непремѣнно прибавитъ: «и вашей милости также».

Вы входите въ домъ испанца и, чтобы удостовѣриться, тутъ-ли живетъ человѣкъ, котораго вы разыскиваете, спрашиваете объ этомъ у прислуги. «Вы не ошиблись», говоритъ хозяинъ выходя: «но этотъ домъ принадлежитъ и вамъ»... На это вы должны отвѣтить: «а вашъ домъ помѣщается въ такой-то улицѣ»... то-есть сообщаете свой адресъ. Испанская вѣжливость требуетъ также, чтобы вы хвалили все, что вамъ будутъ показывать, но не нужно и сильно нахваливать: если хозяинъ замѣтитъ, что какая-нибудь вещица вызываетъ большіе восторги съ вашей стороны, онъ дол-

женъ вамъ ее подарить, а затѣмъ вамъ самимъ слѣдуетъ отдариться. Въ Испаніи не только необходимо знать, *что* и *когда* сказать въ извѣстныхъ случаяхъ, но какъ начать и чѣмъ кончить каждое письмо. Начинать письмо необходимо приблизительно такъ: «полный мой господинъ», а если вы пишите къ учителю, профессору, литератору, однимъ словомъ къ какому бы то ни было общественному дѣятелю, то вы обязаны еще на каждомъ шагу прибавлять «знаменитѣйшій», «извѣстнѣйшій», и т. под., хотя бы лицо, къ которому вы обращаетесь, нисколько не было ни знаменитымъ, ни извѣстнымъ. Кончить письмо слѣдуетъ словами: «вашъ рабъ смиренно цѣлуетъ ваши руки». Являясь въ домъ, вы то же должны говорить хозяйкѣ: «цѣлую ваши руки». Вообще, чѣмъ больше вы будете говорить хозяйкѣ напыщенныхъ комплиментовъ, тѣмъ пріятнѣе и ей, и ея мужу: «нельзя довольно наглядѣться на ваши огненные глаза», обращаетесь вы къ хозяйкѣ, и васъ немедленно благодаритъ за это ея мужъ. А главное, если къ вамъ придетъ въ гости испанецъ или испанка, не забудьте обычая, принятаго въ этой странѣ, — предлагать все свое въ распоряженіе другого: кусокъ, который самъ начинаешь ѣсть, свой экипажъ, домъ, людей. Но если тотъ, кому предлагаютъ, рѣшится чѣмъ нибудь воспользоваться, онъ прослыветъ всюду неучемъ и глупцомъ, и въ другой разъ уже, разумѣется, ему ничего не предложатъ. Такихъ фразъ, которыхъ нужно знать и всегда мило и во-время вставлять, очень много.

Но вотъ кончилась тертулія, всѣ разбрелись по домамъ, и скоро все заснуло мертвымъ сномъ; только влюбленные, *новій* и *новія* (какъ ихъ здѣсь называютъ), разговариваютъ у рѣшетки окна, или новій стоитъ подъ балкономъ, гдѣ живетъ его новія. Дѣвушкѣ нравится молодой человѣкъ, и она дозволяетъ ему ходить разговаривать съ ней къ балкону; затѣмъ она встрѣчаетъ другого, который ей еще больше понравился; она лишаетъ перваго права болтать съ ней при свѣтѣ луны, и къ ней начинаетъ ходить уже второй. Двухъ новіевъ сразу дѣвушка не должна имѣть, и тѣмъ болѣе двое вмѣстѣ уже никогда не явятся къ ея рѣшеткѣ, а если это когда и случится, то кончается очень трагически, обыкновенно дуэлью между новіями. Но что всего любопытнѣе въ этотъ обычаѣ, — новій, въ продолженіе всего свиданія со своей новіей, не можетъ съ нею иначе разговаривать, какъ поднявши голову вверхъ: такъ какъ дѣвушка стоитъ на балконѣ, а онъ внизу. Такимъ образомъ въ лунную ночь чуть не на каждомъ балконѣ (въ Испаніи ихъ чрезвычайно много) стоитъ дѣвушка, а внизу молодой человѣкъ, который поетъ подъ аккомпанементъ гитары, или съ которымъ она болтаетъ по нѣскольку часовъ сряду; тѣмъ не менѣе ни одна изъ нихъ не только не пойдетъ ночью гулять съ молодымъ человѣкомъ, съ которымъ она болтаетъ, но даже и не спустится къ рѣшеткѣ, у которой онъ стоитъ, — это здѣсь строго осуждаютъ. Иногда дѣвушка перемѣняетъ очень много новіевъ, одного за другимъ. Родители, конечно, знаютъ объ этихъ свиданіяхъ своихъ дочерей, но смотрятъ сквозь пальцы: сами они дѣлали то же, когда были молоды, и обычай этотъ сильно укоренился. Знакомство между молодыми людьми нерѣдко завязывается очень оригинально: молодой человѣкъ увидѣлъ на улицѣ дѣвушку, которая ему понравилась. Онъ выслѣдилъ ее до ея дома, у котораго останавливается и ждетъ; если онъ понравился, то, войдя въ домъ, она немедленно покажется ему на балконѣ. Это означаетъ, что ухаживанье принято, и онъ можетъ явиться къ ней на ночное свиданіе. Эти ночныя свиданія далеко не всегда кончаются бракомъ: молодой человѣкъ часто даже не знакомъ съ родными своей «новіи», тѣмъ не менѣе аккуратно каждый вечеръ онъ является къ ней подъ балконъ, вызываетъ ее, напѣвая серенады, и они разговариваютъ до поздней ночи. На прощанье дѣвушка не-

рѣдко опускаетъ къ нему снурокъ съ запиской, молодой человѣкъ отвязываетъ ее и въ свою очередь привязываетъ свое посланіе, и затѣмъ съ словами: «спокойной ночи, малютка!» — «прощай, дорогой!» они обмѣниваются воздушными поцѣлуями и расходятся. Если ухаживанье переходитъ въ болѣе серьезное чувство, молодой человѣкъ ищетъ случая познакомиться съ родителями дѣвушки, что здѣсь очень легко, и, побывавъ въ домѣ нѣкоторое время, дѣлаетъ предложеніе; если это невозможно, онъ продолжаетъ ухаживать совершенно безкорыстно. Сплошь и рядомъ дѣвушка объявляетъ съ балкона молодому человѣку, что увы... ихъ свиданія должны кончиться, потому что она выходитъ замужъ. Происходитъ трогательное прощаніе, и новіи разстаются, часто даже въ продолженіе долгаго знакомства ни разу не пожавъ другъ другу руки.

Испанцы высшаго и средняго круга отличаются отъ другихъ народовъ особенно тѣмъ, что они несравненно менѣе подражаютъ иностранцамъ. Большинство испанокъ, одѣваясь по парижской модѣ, все-таки сохраняютъ кое-что изъ своей національной одежды, напримѣръ кружевную мантилью и вѣеръ, а мужчины — свой плащъ. На вечеринкахъ людей богатыхъ танцуютъ французскіе танцы, но настоящее оживленіе наступаетъ только тогда, когда заиграютъ какой нибудь народный танецъ. То-же можно сказать и относительно пѣнія: поютъ различные романсы, но имъ всѣмъ предпочитаютъ испанскія народныя пѣсни. У людей очень богатыхъ — столъ роскошный и разнообразный, но за каждымъ обѣдомъ подаютъ и какое-нибудь національное кушанье, которое оказывается наиболѣе любимымъ всѣми, но, конечно, оно приготовлено несравненно вкуснѣе и питательнѣе, чѣмъ у простонародья. То, что испанцы менѣе другихъ подражаютъ иностранцамъ, отчасти происходитъ отъ ихъ искренней любви ко всему своему, отчасти изъ гордости, не допускающей, чтобы у другихъ было что-нибудь лучше, чѣмъ у нихъ. Такое самомнѣніе, конечно, результатъ невѣжества, но нельзя отрицать и того, что въ этой трогательной любви ко всему родному — залогъ умственнаго и нравственнаго возрожденія испанцевъ, хотя бы и въ далекомъ будущемъ. Испанцы всѣхъ классовъ общества имѣютъ чрезвычайно много сходства въ своихъ привычкахъ, нравахъ, обычаяхъ, въ своихъ порокахъ и добродѣтеляхъ. Такъ какъ въ одной изъ предыдущихъ главъ мы дали подробную характеристику испанскаго народа, то здѣсь, при описаніи высшаго и средняго класса, не будемъ повторять уже сказаннаго. Главное различіе между тѣми и другими состоитъ въ томъ, что люди высшихъ классовъ живутъ лучше, болѣе развлекаются, и между ними несравненно большее количество людей, ничего не дѣлающихъ; простой же людъ, хотя тоже отличается своею лѣнью, но не можетъ себѣ дозволить ничегонедѣланія, такъ какъ вынужденъ зарабатывать свой насущный хлѣбъ.

Самыя выдающіяся черты характера людей высшихъ классовъ Испаніи — невѣжество, пустота, легкомысленное времяпрепровожденіе, лѣнь, недобросовѣстное отношеніе къ труду и своимъ обязанностямъ, отсутствіе серьезныхъ стремленій, наконецъ, тщеславіе, которое болѣе всего обнаруживается въ щегольствѣ и роскоши нарядовъ. Плохое образованіе въ школѣ и въ университетѣ, отсутствіе нравственнаго воспитанія дома — вотъ главныя причины пошлости и пустоты людей высшихъ и среднихъ классовъ общества.

Нѣсколько аристократическихъ фамилій въ Испаніи владѣютъ цѣлыми провинціями. Эти аристократическіе роды чрезвычайно богаты: не будучи людьми особенно просвѣщенными и не выказывая никакого желанія приносить пользу своей родинѣ и своему народу, они живутъ съ царскимъ великолѣпіемъ и проживаютъ колоссальныя средства. Но есть немало и такихъ аристократовъ, которые уже легкомысленно

растратили свое громадное состояніе, между тѣмъ не могли бросить привычки къ широкой жизни,—въ такихъ случаяхъ у нихъ одна мечта—получить высшій постъ въ государствѣ. Достигнувъ этого, они, кромѣ самыхъ рѣдкихъ исключеній, смотрятъ на Испанію, какъ на свое собственное помѣстье, берутъ взятки направо и налѣво, не брезгаютъ никакими источниками доходовъ, доставляютъ своимъ родственникамъ и друзьямъ выгодныя мѣста. Здѣсь не рѣдкость даже и такіе случаи, когда люди, занимающіе высшія, почетныя должности безъ жалованья, наживаютъ этими должностями громадныя состоянія. Каждый, являющійся въ Мадридъ, столицу Испаніи, по какому-нибудь дѣлу, прежде, чѣмъ начать его, долженъ умаслить мелкихъ чиновниковъ, съ которыми ему придется столкнуться, затѣмъ высшихъ и уже потомъ придти съ глубокимъ поклономъ и набитымъ карманомъ къ тому, отъ кого зависитъ окончательное рѣшеніе его дѣла. Громадное большинство испанскихъ богачей накопило свои милліоны исключительно на счетъ государства, то ссужая правительству деньги за большіе проценты, то получая отъ него концессіи на разныя промышленныя и торговыя предпріятія. Различные сановники, а также губернаторы въ провинціяхъ смотрятъ на свои должности, какъ на законное средство для наживы, и не упускаютъ случая пользоваться не только безгрѣшными доходами, но и такими, которые считаются предосудительными даже въ Испаніи: многіе изъ нихъ, напримѣръ, собираютъ правильный оброкъ въ свою пользу съ игорныхъ домовъ, берутъ взятки и болѣе чудовищнымъ образомъ. Въ Испаніи существуютъ шайки разбойниковъ: занимая высшіе посты, слѣдовательно, имѣя возможность уничтожать эти разбойничьи шайки, они входятъ въ сдѣлку съ мошенниками и ворами, и тѣ уступаютъ имъ извѣстную часть награбленной добычи, лишь-бы они давали имъ возможность разгуливать по странѣ и продолжать грабить, а не садили бы ихъ въ тюрьмы. Такимъ образомъ испанцы, занимая высшія должности, очень часто не гнушаются принимать участіе въ дѣлежѣ добычи съ завѣдомыми ворами и мошенниками.

Люди средняго круга во всемъ подражаютъ высшему сословію: также берутъ взятки, но, конечно, меньшими кушами, стараются по внѣшности, то-есть по платью, походить на аристократовъ.

Повсемѣстное беззастѣнчивое взяточничество существуетъ здѣсь уже издавна,— этотъ порокъ всосался въ плоть и кровь каждаго испанца; кромѣ общихъ причинъ, развивающихъ его, онъ поддерживается и тѣмъ, что чиновники получаютъ за свой трудъ ничтожное вознагражденіе. При постоянныхъ политическихъ переворотахъ здѣсь чрезвычайно часто мѣняются министры. Получивъ мѣсто, каждый чиновникъ думаетъ прежде всего о томъ, что ему недолго придется удержаться: съ перемѣной министра мѣняется и весь штатъ чиновниковъ. Каждый чиновникъ считаетъ своимъ долгомъ въ продолженіе двухъ-трехъ лѣтъ, на которыя онъ только и можетъ разсчитывать, брать взятки при всякомъ удобномъ случаѣ. Воровство и мошенничество широкимъ потокомъ затопляетъ всю Испанію. Губернаторы, министры такъ-же, какъ и мелкіе чиновники, однимъ словомъ всѣ, кто только можетъ, берутъ взятки направо и налѣво. Можно себѣ представить, какъ страдаютъ отъ этого интересы населенія, какая неправда, продажность, подкупы, всевозможныя злоупотребленія и утѣсненія царятъ въ судахъ; какъ расхищается народное достояніе, какъ развращается, наконецъ, испанское общество и подрастающее поколѣніе, которое кругомъ видитъ такіе дурные примѣры.

Умственное развитіе, нравы и обычаи студентовъ мало даютъ надежды на то, что молодое поколѣніе обновитъ общество новыми силами. Среди него, кромѣ самыхъ рѣдкихъ исключеній, не существуетъ такихъ, которые бы серьезно занимались

наукою и литературою, выказывали бы стремленіе основательно подготовить себя къ будущей дѣятельности, мечтали бы въ будущемъ приносить пользу своей родинѣ. Громадное большинство испанскихъ студентовъ—симпатичные, развеселые и разудалые юноши, которые совсѣмъ не занимаются наукою, которыхъ вовсе не интересуютъ ни бесѣды о литературѣ, ни даже чтеніе,—все это они находятъ для себя очень скучнымъ. Спорятъ они между собою объ артистахъ, о всевозможныхъ зрѣлищахъ, о красотѣ женщинъ, и лишь самая небольшая часть изъ нихъ любитъ поболтать о картинахъ. Не изучая серьезно искусства, они съ любовью и интересомъ разсматриваютъ картины въ музеяхъ и затѣмъ спорятъ о ихъ достоинствахъ и недостаткахъ. Но всѣ они безъ исключенія прежде всего страстные любители и ревностные посѣтители боя быковъ. Часто большою компаніею отправляются они даже въ другой городъ, чтобы увидѣть знаменитаго мѣстнаго борца съ быками. Между собой студенты живутъ очень дружно и всегда толпами разгуливаютъ по улицамъ, отправляются въ театръ, занимаютъ раекъ и бѣшено апплодируютъ любимымъ артистамъ, компаніей посѣщаютъ трактиры, гдѣ играютъ въ карты и пируютъ до поздней ночи, но еще болѣе многочисленной компаніей они путешествуютъ въ лѣтнее время по городамъ своей родины, поютъ на площадяхъ и въ частныхъ домахъ. Вездѣ въ провинціи съ нетерпѣніемъ поджидаютъ пріѣзда студентовъ; всѣ провинціальные уголки въ такихъ случаяхъ моментально оживаютъ,—понятно, какъ искренно, съ какимъ радушіемъ каждое семейство приглашаетъ ихъ въ свой домъ. Громадное большинство испанскихъ студентовъ—народъ очень бѣдный, и многіе изъ нихъ лѣтомъ существуютъ исключительно тѣмъ, что являются то въ одинъ, то въ другой домъ и гостятъ по нѣскольку дней. Вездѣ, гдѣ они появляются, устраиваются пѣніе, танцы, слышатся смѣхъ, остроты, — и такою цыганскою жизнью живутъ они каждое лѣто. Испанцы страстно любятъ слушать пѣніе студентовъ, которые знаютъ множество народныхъ пѣсенъ и прекрасно ихъ выполняютъ подъ аккомпанементъ гитаръ, мандолинъ и другихъ инструментовъ. Многіе изъ студентовъ и сами сочиняютъ пѣсни и распѣваютъ ихъ съ товарищами во время своихъ странствованій. Собравшись большою компаніей, они затягиваютъ свои чудныя пѣсни и ночью,—тогда на балконахъ тотчасъ появляются молодыя женщины и дѣвушки.

Нигдѣ, кромѣ Испаніи, нельзя встрѣтить такихъ юныхъ докторовъ медицины, адвокатовъ, профессоровъ, инженеровъ, учителей среднеучебныхъ заведеній: въ Испаніи очень многіе юноши въ 20—22 г. уже оканчиваютъ свое высшее и спеціальное образованіе. Эти двадцатилѣтніе мальчики, снабженные дипломами, совершенно не подготовленные въ научномъ отношеніи къ своей дѣятельности, имѣютъ право тотчасъ же занимать здѣсь самыя отвѣтственныя должности: читать лекціи въ университетѣ, распоряжаться постройками, учить и т. п. Между тѣмъ, эти «молодые ученые» только-что покончили со своимъ студенчествомъ, которое они провели въ пѣсняхъ и странствованіяхъ по городамъ, кабачкамъ, театрамъ и циркамъ. Уже изъ одного этого можно составить понятіе, какъ легкомысленно относятся въ этой странѣ къ наукѣ, къ званію ученаго и къ выполненію самыхъ серьезныхъ обязанностей. Получить ученое званіе, сдѣлаться профессоромъ здѣсь ничего не стоитъ: написалъ какую-нибудь работу, которую въ другихъ странахъ задали бы только гимназисту, и, если она мало-мальски удовлетворительна, за нее награждаютъ ученою степенью. Но, несмотря на легкость, съ которою здѣсь пріобрѣтаются ученыя степени и получаются учительскія мѣста и даже каѳедры, охотниковъ на нихъ очень мало. Каждый испанецъ, окончившій курсъ, какъ въ среднеучебномъ заведеніи, такъ и въ университетѣ, стремится прежде всего сдѣлаться чиновникомъ, а тѣ немногіе, которые ста-

новятся учеными и профессорами, за рѣдкими исключеніями настолько необразованны и неразвиты умственно, настолько молоды и неопытны, что не могутъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на молодежь.

РЕЛИГІЯ.

Главенство папы и догматъ о его непогрѣшимости.—Духовенство и монашескіе ордена.—Іезуиты.—Характерныя черты католической религіи.—Почитаніе Божьей Матери и святыхъ.

Всѣ испанцы католики.

Съ самаго начала христіанства у христіанъ всего міра существовала одна общая для всѣхъ религія—вселенская или каѳолическая (а по другому произношенію—католическая). Такимъ образомъ прежде не было ни католиковъ, ни православныхъ, ни протестантовъ, а были только христіане. Но эта общая для всѣхъ христіанъ церковь въ XI в. (1054 г.) распалась на двѣ отдѣльныхъ церкви: на *восточную*—греко-каѳолическую (православную) и *западную*—римско-каѳолическую, съ римскимъ папою во главѣ. Но какъ та, такъ и другая церковь удержали за собой названіе каѳолической (или католической); православную же вѣру принято называть восточно-каѳолическою, а западную—римско-католическою.

Главный догматъ католиковъ—*главенство папы и его непогрѣшимость*. Восточная церковь учитъ, что единственный глава церкви—Іисусъ Христосъ; по ученію-же католиковъ, кромѣ невидимаго главы І. Х., существуетъ и видимый глава—папа. Причину главенства папы надъ своею церковью католики объясняютъ такъ: всю свою власть І. Х. передалъ апостолу Петру, сдѣлавъ его княземъ апостоловъ и вручивъ ему ключи царствія небеснаго. Апостолъ Петръ, оставляя міръ, передалъ данную ему власть своимъ преемникамъ, т.-е. римскимъ епископамъ. А такъ какъ первый изъ римскихъ епископовъ—папа, то католики и признаютъ его главою своей церкви. Но католики считаютъ папу не только наслѣдникомъ апостола Петра, но намѣстникомъ Христа и смотрятъ на него, какъ на полновластнаго монарха церкви. Папа—верховный судья, духовный владыка, пастырь католиковъ всего міра, представитель Бога на землѣ. Какъ преемникъ апостола Петра, какъ намѣстникъ І. Х. на землѣ, онъ называется *папою* или *святымъ отцомъ*. Католики не только приписываютъ ему *божественное свойство—непогрѣшимость*, но даже признаютъ непогрѣшимость папы за основной догматъ своей религіи. Власть папы въ духовномъ мірѣ *), кажется, не имѣетъ предѣловъ: онъ не только можетъ устанавливать и измѣнять церковные обряды, но имѣетъ право провозглашать даже новыя основы вѣры. Этимъ своимъ правомъ папы и пользовались: такъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ—Пій IX, который былъ предшественникомъ нынѣшняго папы Льва XIII-го, провозгласилъ новый догматъ о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы Маріи, а также догматъ о папской непогрѣшимости, и оба эти догмата были приняты католиками. Католикамъ часто задаютъ вопросъ, какимъ образомъ они могутъ считать обыкновен-

*) Прежде папы пользовались не только духовною, но и свѣтскою властью и отъ времени до времени являлись до такой степени могущественными, что имѣли силу и значеніе болѣе, чѣмъ короли: они могли лишать ихъ престола и возводить на него новаго короля по своему усмотрѣнію, назначать королямъ жестокое и позорное наказаніе за ослушаніе своей власти. Но въ 1870 г. былъ положенъ конецъ свѣтскому господству папъ, и теперь папа считается лишь духовнымъ монархомъ всего католическаго міра.

наго смертнаго непогрѣшимымъ, когда только одинъ Богъ безгрѣшенъ. Они утверждаютъ, что папа имѣетъ право считаться непогрѣшимымъ потому, что онъ владѣетъ ключами божественнаго разумѣнія, т.-е. что только онъ одинъ настоящимъ образомъ понимаетъ смыслъ священнаго писанія, что только онъ одинъ можетъ постичь всю глубину смысла католической религіи. Есть даже и такіе поклонники этой религіи, которые доказываютъ, что если папа будетъ толковать священное писаніе вопреки его прямому смыслу, то и въ такомъ случаѣ нужно ему вѣрить больше, чѣмъ своей совѣсти и разсудку. Папѣ, наконецъ, принадлежитъ не только высшая власть надъ церковью, надъ ея представителями (т.-е. надъ духовенствомъ) и надъ всѣми католиками на землѣ, но онъ имѣетъ значеніе и вліяніе и въ ихъ загробной жизни. Только папа владѣетъ ключами ада и рая, слѣдовательно только онъ одинъ можетъ открывать двери ада и рая. Все, что онъ думаетъ и дѣлаетъ, считается непогрѣшимымъ, только онъ одинъ не отвѣчаетъ ни передъ кѣмъ за свои поступки, только онъ одинъ имѣетъ право объявлять новыхъ святыхъ, при этомъ даже такихъ, прошлая жизнь которыхъ многимъ кажется несовмѣстимою со святостью. Кто усомнится въ какихъ-бы то ни было догматахъ католической религіи, тотъ не настоящій католикъ, а еретикъ; онъ долженъ быть преданъ анаѳемѣ и отлученъ отъ римско-католической церкви. Однако, многіе католики не довольствуются высотой, силой и великимъ значеніемъ папской власти и утверждаютъ, что его власть выше власти святыхъ ангеловъ, выше Пресвятой Дѣвы Маріи, что на папу нельзя жаловаться и искать суда даже у самого Бога, такъ какъ у Бога и папы—одна власть, одна воля. Между католиками есть и такіе, которые учатъ, что папы непогрѣшимы не только въ вѣрѣ, но и въ своей частной жизни. Доказать это очень однако трудно даже для самыхъ ревностныхъ католиковъ: прошлая исторія папъ совсѣмъ не показываетъ ихъ святости. Напротивъ, она изображаетъ многихъ изъ нихъ людьми чрезвычайно порочными, жестокими, запятнавшими себя позоромъ, всевозможными скандалами, возмутительнымъ взяточничествомъ и грабительствомъ. Нѣкоторые изъ папъ виновны были даже въ смертоубійствахъ, отравленіяхъ и другихъ тяжкихъ злодѣяніяхъ. Имѣя это въ виду, католическіе богословы объясняютъ, что непогрѣшимъ не папа, а непогрѣшимо его служеніе; папа непогрѣшимъ не тогда, когда высказываетъ свое мнѣніе, какъ частное лицо, а тогда, когда высказываетъ его, какъ глава церкви, такъ какъ онъ ея верховный первосвященникъ, черезъ котораго всегда, когда нужно, дѣйствуетъ Духъ Святой. Такимъ образомъ непогрѣшимость папы признается во всѣхъ дѣлахъ, касающихся вѣры. Это означаетъ, что все, что папа провозглашаетъ, всѣ его рѣшенія относительно религіозныхъ сомнѣній и споровъ, все, наконецъ, что онъ открываетъ, разрѣшаетъ, осуждаетъ, запрещаетъ,—все это истинные католики должны признавать вполнѣ справедливымъ, разумнымъ, законнымъ, непогрѣшимымъ и слѣдовать буквально всему, что имъ предписано. Католическое духовенство старается всѣми силами показать своей паствѣ великое, недосягаемое ни для кого въ мірѣ значеніе папы, всю высоту и величіе его власти. И взоры католиковъ всего міра обращены на него, какъ на намѣстника Христа; многіе изъ нихъ находятъ, что его значеніе не менѣе значенія самого Спасителя: Христосъ, по понятію католиковъ, тогда прощаетъ грѣхи, когда ихъ уже простилъ папа.

Понятіе о величіи и духовномъ могуществѣ папы поддерживается въ католикахъ необычайными почестями, которыя ему воздаются. Новоизбранный папа возлагаетъ на себя не простую епископскую митру, а тіару, т.-е. тройную корону, въ знакъ получаемой имъ власти надъ церковью, душами вѣрующихъ на землѣ и надъ міромъ загробнымъ. Папскій дворъ (иначе называемый римскою куріею) обставленъ не менѣе

пышно и великолѣпно, чѣмъ любой царскій дворъ. Когда къ папѣ является католическое духовенство, хотя бы самое высшее, всѣ они должны преклоняться передъ нимъ и цѣловать его туфлю, на которой изображенъ крестъ. Съ особенною торжественностью появляется папа, когда показывается передъ народомъ. Его несутъ въ громадномъ золоченомъ креслѣ, окруженнаго высшимъ духовенствомъ, разодѣтаго въ роскошныя мантіи и въ сопровожденіи огромнаго отряда папскихъ гвардейцевъ, съ пѣніемъ священныхъ гимновъ, при звукахъ музыки, при грохотѣ пушекъ (см. выше въ описаніи Италіи, очеркъ «Папа»). Мало того, даже въ таинствѣ причащенія папа отличается отъ всѣхъ прочихъ смертныхъ: не онъ подходитъ къ престолу причащаться, а къ нему, сидящему на богатоубранномъ тронѣ посреди церкви, съ колѣнопреклоненіемъ подносятъ причастіе.

Блескъ, величіе и значеніе, которыми окруженъ папа, его сила и вліяніе на землѣ, его власть за гробомъ,—все это возбуждаетъ въ громадной массѣ католиковъ безпрекословное, рабское повиновеніе ему и страхъ предъ нимъ. Понятіе о всемогуществѣ папы католическое духовенство старается всѣми силами поддерживать и распространять среди простыхъ католиковъ. Патеры внушаютъ мірянамъ, что они обязаны вѣрить безъ разсужденія всему тому, чему учитъ папа, что все, что онъ внушаетъ—истинно, все, что онъ повелѣваетъ—хорошо, а что запрещаетъ—худо. Послушаніе цѣнится въ католикѣ, какъ одна изъ высшихъ добродѣтелей.

Католическое духовенство рѣзко выдѣляется изъ своей паствы. Всѣ католики обязаны во всемъ безпрекословно довѣряться и подчиняться духовнымъ лицамъ; они не имѣютъ права разсуждать о предметахъ вѣры. Католикъ можетъ присутствовать при богослуженіи не понимая даже языка, на которомъ оно совершается. (Въ католическихъ храмахъ богослуженіе, за очень немногими исключеніями, совершается на латинскомъ языкѣ, котораго народъ совсѣмъ не понимаетъ). Въ причащеніи Св. Тайнъ существуетъ огромное различіе между духовными лицами и народомъ: лишь духовенству предоставлено право причащаться Тѣломъ и Кровію Христовою, а народу только Тѣломъ.

Все католическое духовенство, какъ высшее, такъ и низшее, находится подъ строжайшимъ надзоромъ. Судьба низшаго духовенства въ полной зависимости отъ высшаго; понятно, что низшее духовенство должно во всемъ безпрекословно подчиняться высшему, и все церковное управленіе, со всѣми его развѣтвленіями, находится въ рукахъ папы, который имѣетъ надъ католическою церковью неограниченную власть. У католиковъ не допускается выходъ изъ духовнаго званія: недостойный священникъ лишается права совершать какія-либо священныя дѣйствія безъ разрѣшенія высшей власти, но отъ духовнаго сана онъ не избавляется. Все это поддерживаетъ въ католическомъ духовенствѣ строгую дисциплину, вырабатываетъ вѣрныхъ слугъ, преданныхъ интересамъ своей церкви, но зато и не развиваетъ среди нихъ ни взаимныхъ братскихъ чувствъ, ни любви.

Чтобы еще болѣе укрѣпить въ духовныхъ лицахъ преданность интересамъ церкви, введено *безбрачіе духовенства*: ни одно духовное лицо у католиковъ не можетъ быть женатымъ. Однако, вынужденное безбрачіе не увеличиваетъ нравственности: католическое духовенство съ давнопрошедшихъ временъ, сравнительно съ духовенствомъ другихъ религій, считается наиболѣе лицемѣрнымъ. Но это безбрачіе духовенства чрезвычайно помогаетъ распространенію католической религіи: лишенные семьи и привязанностей, католическія духовныя лица совершенно отдаются интересамъ папы и своей церкви.

Болѣе всего услугъ католической религіи оказываютъ монахи. Этихъ монаховъ

въ католическихъ странахъ такое громадное количество (прежде ихъ было несравненно больше), что ихъ называютъ «папскою арміею». Они не имѣютъ ничего общаго съ монахами восточной церкви, которые живутъ въ своихъ монастыряхъ, вдали отъ міра и людей. Католическіе монахи вовсе не отшельники, и очень многіе изъ нихъ занимаются церковно-общественною дѣятельностью. Монахи въ католическихъ странахъ раздѣляются на ордена (родъ монашескихъ общинъ или товариществъ); такъ, напримѣръ, существуетъ орденъ іезуитовъ, доминиканцевъ и другіе. Въ каждомъ орденѣ множество членовъ, т.-е. монаховъ. Одинъ орденъ отличается отъ другого своимъ начальникомъ, своими особыми уставами, цѣлями, обѣтами, которые даютъ при вступленіи. Папа имѣетъ въ этихъ монахахъ усерднѣйшихъ слугъ, которые стараются распространять его вліяніе во всѣхъ странахъ свѣта и увеличивать число католиковъ все новыми послѣдователями. Громадное большинство этихъ монаховъ—напр. въ Италіи и Испаніи, люди совершенно невѣжественные, суевѣрные, а нѣкоторые изъ нихъ, рѣшивъ добиться чего-нибудь на пользу своей церкви, не задумываясь, прибѣгаютъ ко лжи, коварству, обману и къ самымъ низкимъ и подлымъ средствамъ. Между тѣмъ, особенно прежде, эти монахи почти во всѣхъ католическихъ странахъ были главными учителями, воспитателями и руководителями юношества. Въ послѣднее время, однако, уничтожено множество монастырей, а вмѣстѣ съ этимъ уменьшилось и количество монаховъ. Но и теперь еще во многихъ католическихъ странахъ они занимаются воспитаніемъ и обученіемъ юношества, запросто приняты въ семьяхъ какъ простонародья, такъ и высшихъ сословій, поддерживаютъ между членами семьи распри и всевозможныя ссоры, вносятъ раздоры между мужемъ и женою, занимаются интригами какъ въ семьяхъ, такъ и между государственными людьми, запугиваютъ женщинъ ужасами ада и проклятіемъ папы,—и все это они дѣлаютъ якобы во славу Бога, папы и римско-католической религіи. Въ Испаніи и Италіи они стараются влiять особенно на женщинъ и доводятъ ихъ религіозное рвеніе до изувѣрства. Но никто не обнаруживалъ такой энергіи, какъ монахи ордена іезуитовъ. Во всѣхъ странахъ они уже издавна ведутъ тайную и явную борьбу со всѣми врагами папы, а чтобы поднять въ народѣ упавшее религіозное чувство и для болѣе обильнаго сбора денегъ, они изобрѣтаютъ всевозможныя средства, которымъ покровительствуетъ самъ папа. Большинство католическихъ монаховъ живетъ подачками народа и привыкло къ тунеядству и попрошайничеству.

Римско-католическая религія отличается не только своимъ догматомъ о главенствѣ папы и его непогрѣшимости: наша православная вѣра учитъ, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца, *а въ символѣ католической вѣры значится, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца и Сына.*

Особое значеніе имѣетъ въ римско-католической религіи ученіе *о сверхдолжныхъ дѣлахъ и о сокровищницѣ святыхъ.* По этому ученію католикамъ внушаютъ, что есть люди, которые могутъ совершить добрыхъ дѣлъ больше, чѣмъ сколько имъ нужно для спасенія. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые праведники, святые, особенно же Св. Дѣва Марія, сдѣлали такъ много добрыхъ дѣлъ въ своей жизни, что не только заслужили себѣ высшую степень блаженства, но у нихъ отъ ихъ добрыхъ дѣлъ остался еще излишекъ. Этотъ-то излишекъ добрыхъ дѣлъ (сверхдолжныхъ) зачисляется грѣшникамъ, у которыхъ своихъ добрыхъ дѣлъ не достаетъ для того, чтобы получить спасеніе. Вотъ какимъ образомъ по католическому ученію зачисляются грѣшникамъ эти добрыя дѣла: въ церкви Христовой существуетъ *сокровищница* (въ буквальномъ смыслѣ это означаетъ скарбъ, ящикъ) сверхдолжныхъ добрыхъ

дѣлъ. Эта невидимая сокровищница, какъ и вся церковь, находится въ распоряженіи папы, которому Богъ, черезъ апостола Петра, вручилъ ключи ада, чистилища и рая, а слѣдовательно даровалъ и власть раздавать эти добрыя, сверхдолжныя дѣла грѣшникамъ.

Вмѣстѣ съ ученіемъ о сверхдолжныхъ заслугахъ существуетъ и ученіе *о чистилищѣ*. Чистилище для католика—это въ загробной жизни что-то среднее между адомъ и раемъ. Въ чистилищѣ помѣщаются души умершихъ съ покаяніемъ, но по какимъ-нибудь причинамъ не успѣвшихъ выполнить назначенной имъ эпитеміи, а также, по забывчивости или незнанію, не раскаявшихся въ маловажныхъ грѣхахъ; такихъ людей, по ученію католической религіи, въ адъ посылать не слѣдуетъ, но нельзя допустить ихъ и прямо въ рай,—вотъ ихъ и отправляютъ въ чистилище. Нѣкоторыя души остаются здѣсь недолго, другія же томятся десятки, сотни лѣтъ, даже цѣлыя тысячелѣтія, смотря по количеству грѣховъ. Души умершихъ терпятъ въ чистилищѣ разныя мученія, которыя постепенно очищаютъ ихъ отъ грѣховъ. Когда, наконецъ, срокъ истязанія, предназначенный для каждой души, оканчивается, она переходитъ изъ чистилища въ рай.

Въ *ученіи о святыхъ* въ католической религіи сказывается болѣе язычества и грубыхъ суевѣрій, чѣмъ христіанскаго милосердія. Многіе изъ католическаго духовенства, отчасти вслѣдствіе корыстныхъ разсчетовъ, отчасти по своему невѣжеству, распространяютъ въ народѣ самыя нелѣпыя понятія о святыхъ; патеры, посѣщая семьи, разсказываютъ о небывалыхъ чудесахъ святыхъ, и народъ относится къ своимъ святымъ, какъ къ особымъ божествамъ. Въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ существуетъ свой особый святой, патронъ, т.-е. защитникъ и покровитель. Но, кромѣ мѣстныхъ патроновъ, есть еще, такъ сказать, спеціальные: одинъ спеціально спасаетъ дѣтей, другой — несчастныхъ матерей, третій — только невѣстъ; одинъ вылѣчиваетъ отъ болѣзни легкихъ, другой — отъ рака, третій — отъ головной боли; одинъ спасаетъ отъ пожара, другой—отъ наводненія, третій — отъ града, четвертый — отъ засухи и т. д. до безконечности. Не только у людей, но даже у всѣхъ животныхъ свои особые патроны. Этихъ святыхъ художники изображаютъ на полотнѣ и въ статуяхъ. Чѣмъ болѣе прославился патронъ или патронесса, тѣмъ богаче они разукрашены. Есть патронессы, разодѣтыя и убранныя, какъ богатыя дамы: въ роскошныя бархатныя платья, въ кружевахъ, въ наколкахъ, въ дорогихъ накидкахъ; на шеѣ — жемчугъ, въ ушахъ серьги съ брильянтами. Ко всѣмъ этимъ святымъ католики и обращаются, смотря по надобности. Одинъ страдаетъ глазами, другой — ревматизмомъ, но святой или святая, исцѣляющіе отъ этихъ болѣзней, находятся иногда далеко отъ мѣстности, въ которой живетъ больной. И вотъ ревностные католики, между которыми первое мѣсто занимаютъ итальянцы, испанцы и португальцы, бросаютъ свои послѣдніе гроши, прогуливаютъ множество рабочихъ дней, терпятъ страшную нужду, мокнутъ во время проливней, страдаютъ отъ жары и холода—дѣлаютъ все, лишь-бы сходить на поклоненіе къ патрону или патронессѣ и вымолить у нихъ исцѣленіе. Отправляясь въ путешествіе, больной обыкновенно приноситъ что-нибудь въ даръ своему святому. Вотъ потому-то наиболѣе прославленные католическіе святые увѣшаны различными приношеніями и богато разукрашены; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они увѣшаны ногами, руками, носами, пальцами, ушами, сдѣланными изъ воска. Католики вѣрятъ, что стоитъ святому, прославившемуся исцѣленіемъ человѣческихъ органовъ, принести изображеніе изъ воска этого органа, и онъ исцѣлится. Въ католическихъ странахъ среди простонародья безпрестанно происходятъ случаи такого рода: если святой

слишкомъ медлитъ исполнить просьбу или совсѣмъ не исполняетъ ея, католикъ поступаетъ съ нимъ, какъ настоящій дикарь: бросаетъ въ него камнемъ, колотитъ его, чѣмъ попало, кидаетъ въ воду, отнимаетъ свои подарки. Мать горячо молится передъ патронессой дѣтей, умоляя ее спасти ея ребенка, и, чтобы ее умилостивить, украшаетъ шею святой бусами; но ея ребенокъ умираетъ, и она нарочно приходитъ къ той-же патронессѣ, осыпаетъ ее бранью, срываетъ съ шеи святой свои бусы и несетъ ихъ къ другой святой. Такіе примѣры встрѣчаются чаще всего въ Италіи и въ Испаніи, какъ въ католическихъ странахъ, гдѣ простой народъ особенно неразвитъ. Въ одной испанской деревнѣ начался падежъ скота. Народъ толпами приходилъ въ церковь, молился святому Антонію, который считается у нихъ покровителемъ животныхъ, но, несмотря на это, бѣдствіе только усиливалось. Тогда взбѣшенный народъ вытащилъ изъ церкви статую св. Антонія, привязалъ ее къ столбу и съ ругательствами началъ бросать въ нее каменьями, пока не изуродовалъ статую. Однимъ словомъ, католики относятся къ своимъ святымъ, какъ язычники къ своимъ идоламъ.

Никого не обожаютъ такъ католики (особенно испанцы и итальянцы), никому не поклоняются такъ пламенно, какъ Богородицѣ, Мадоннѣ, какъ они ее называютъ. Это страстное обожаніе Св. Дѣвы Маріи существуетъ на западѣ уже давнымъ-давно и вмѣстѣ съ этимъ уже издавна тамъ стало распространяться ученіе о непорочномъ зачатіи и рожденіи ея праведною Анною. Вопреки общему христіанскому ученію, что всѣ люди являются причастными первородному грѣху, католики начали все болѣе распространять ученіе о томъ, что Св. Дѣва Марія зачата и рождена сверхъестественнымъ образомъ и въ самомъ своемъ зачатіи и рожденіи была не причастна первородному грѣху. Это ученіе сперва ни для кого не было обязательнымъ, но въ 1854 г., по опредѣленію покойнаго папы Пія IX-го, было возведено на степень правила вѣры, или догмата, обязательнаго для каждаго католика.

И дѣйствительно, въ католическихъ странахъ, особенно въ Италіи и Испаніи, Св. Дѣву Марію чтутъ болѣе божественнаго ея Сына и Бога Отца. Въ честь ея воздвигнута большая часть храмовъ; во множествѣ часовенъ, по дорогамъ, стоитъ ея образъ, весь украшенный жасминами, розами, лентами, жемчугомъ, брильянтами; если онъ не нарисованъ на полотнѣ или деревѣ, то изображенъ въ лѣпныхъ и рѣзныхъ статуэткахъ. Статуэтки Мадонны разодѣты въ дорогомъ парчевомъ платьѣ, украшены жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. И какое-бы изображеніе ея вы ни встрѣтили, вы увидите распростертую передъ ней толпу народа, и среди нихъ болѣе всего женщинъ. Она—женщина, говорятъ католички, естественно, что Мадонна даже лучше своего божественнаго Сына можетъ понять страдающую женщину. Она любила, какъ мать, она скорбѣла за Сына, когда Онъ былъ на крестѣ, слѣдовательно, любитъ дѣтей и понимаетъ лучше всѣхъ страданія матерей. И къ ней приносятъ дѣтей во время болѣзни въ надеждѣ, что она ихъ исцѣлитъ, къ ней нерѣдко приносятъ и здоровыхъ малютокъ, когда мать должна идти на работу и ей не на кого оставить ихъ дома. Здѣсь, у ногъ Богородицы, по мнѣнію католичекъ, ничего дурного не можетъ съ ними случиться: Мадонна ихъ любитъ, она и убережетъ ихъ отъ напасти. У ея ногъ обручаются, даютъ клятву во взаимной любви; при несчастіи въ семейной жизни, опять обращаются къ ней же. Передъ ней не только всѣ голоса католиковъ сливаются въ восторженномъ умиленіи, не только падаютъ на колѣни, но болѣе, чѣмъ передъ кѣмъ-бы то ни было, лежатъ распростертыми на землѣ, въ видѣ креста, проползаютъ на колѣняхъ по нѣскольку разъ кругомъ церкви или часовни, посвященной ея имени; лобзаютъ каждую ступеньку крыльца ея храма.

При пѣніи молитвъ въ честь ея, каждый, кто идетъ по близости отъ храма, немедленно останавливается и благоговѣйно про себя повторяетъ молитву. Въ молитвахъ и обращеніяхъ къ ней столько задушевной, трогательной нѣжности, поклоненія и любви! «Ты, Царица царей, прекрасная Царица!», «о, чистая, призри насъ. Ты, о, свѣтлая Дѣва небеснаго рая, озари насъ лучемъ своей улыбки!» Южные народы—испанцы и итальянцы, у которыхъ болѣе, чѣмъ у другихъ развито чувство прекраснаго и обожаніе красоты, представляютъ Богородицу въ видѣ то прелестной молодой дѣвушки, то женщины-красавицы, то матери, которая съ необыкновенною любовью и нѣжностью смотритъ на своего Сына.

Какъ въ православной, такъ и въ римско-католической церкви, признается семь таинствъ, но взглядъ послѣдней на эти таинства иной. Въ православной церкви крещеніе совершается черезъ троекратное погруженіе крещаемаго въ воду, а въ католической—черезъ обливаніе. Муропомазаніе у католиковъ совершается не въ одно и то же время съ крещеніемъ, т.-е. не надъ младенцами, а уже надъ взрослыми, и при этомъ помазуется одно только чело. Въ таинствѣ причащенія католическая церковь отличается тѣмъ, что совершаетъ его не на заквашенномъ чистомъ и бѣломъ хлѣбѣ, а на опрѣснокахъ, приготовляемыхъ особеннымъ способомъ. При этомъ католическая церковь не допускаетъ младенцевъ къ причастію и предлагаетъ причащеніе подъ обоими видами (Тѣла и Крови Христовой) лишь священнослужителямъ, а всѣмъ остальнымъ—подъ видомъ одного хлѣба (облатокъ).

Въ католическихъ храмахъ, какъ и въ православныхъ, почитаютъ иконы, но у католиковъ онѣ носятъ нерѣдко свѣтскій характеръ, и католики поклоняются имъ, какъ отдѣльнымъ божествамъ. Католическіе храмы нерѣдко украшены такими картинами, которыми въ другихъ странахъ украшаютъ музеи или стѣны дворцовъ. Христа, Божью Матерь и святыхъ пишутъ красками на полотнѣ и на деревѣ, изображаютъ ихъ и въ статуяхъ. Деревянныя статуи, изображающія святыхъ, особенно распространены въ храмахъ Испаніи; обыкновенно онѣ разрисованы красками; статуи святыхъ мужскаго пола нерѣдко одѣты въ панталоны, статуи святыхъ женскаго пола—въ юбки. Чѣмъ болѣе любимъ святой или святая, тѣмъ болѣе на статуѣ, его изображающей, бархата, кружевъ и драгоцѣнныхъукрашеній. На статуяхъ святыхъ мужскаго пола очень часто одѣты парики, а на изображеніяхъ святыхъ женщинъ—разнообразная прическа: иной разъ волосы заплетены въ косы и пришпилены на головѣ, иногда они падаютъ локонами или густыми прядями по плечамъ; то прическа очень высокая, то густыя косы лежатъ на спинѣ и переплетены жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; глаза обыкновенно эмалированные. Нѣкоторыя статуи сдѣланы и раскрашены такъ превосходно, что напоминаютъ живыхъ людей. Очень часто представлены моменты изъ мученической жизни святыхъ: припухшія раны, рубцы и синяки отъ ударовъ, здѣсь и тамъ сочащаяся и каплями выступающая кровь и различныя пытки святыхъ,—все это представлено такъ живо, что просто морозъ подираетъ по кожѣ. Вотъ на невысокомъ помостѣ двѣ деревянныхъ фигуры; одна изъ нихъ изображаетъ кровожаднаго воина; онъ накрутилъ на свою руку длинную и густую косу святой, которая на колѣняхъ умоляетъ небо послать ей терпѣніе; ноги ея пожираетъ огонь. Въ другой мѣстности изображенъ святой, брошенный въ темницу: онъ весь въ ранахъ, и эти раны представлены такъ натурально, что видно даже, какъ изъ нихъ выступаетъ гной.

Самую церковь въ нѣкоторыхъ католическихъ странахъ убираютъ такъ, что она напоминаетъ собою театръ: напримѣръ, въ великую субботу въ ней устраиваютъ пещеру съ гробомъ І. Х., въ Рождество—ясли, въ которыхъ лежитъ Младенецъ І. Х.,

а около него сидитъ Божья Матерь. Католикамъ дозволяется сидѣть во время богослуженія, поэтому середина храма заставлена креслами и скамейками, которыя нерѣдко продаются прихожанамъ за деньги. Вставать со своихъ мѣстъ молящимся предписывается лишь въ болѣе важныя минуты богослуженія, напримѣръ во время чтенія евангелія.

Католики крестятся не тремя пальцами, а пятью, и сначала на лѣвое, а потомъ на правое плечо; очень часто при богослуженіи молящіеся подымаютъ глаза и руки къ небу, бьютъ себя въ грудь. Все богослуженіе у католиковъ, къ какому-бы народу они ни принадлежали, до самаго недавняго времени совершалось исключительно на мертвомъ, непонятномъ для молящихся, латинскомъ языкѣ. Лишь въ самое послѣднее время нѣкоторымъ народностямъ, исповѣдующимъ католическую религію, дозволено чтеніе и пѣніе молитвъ на своемъ языкѣ, но до сихъ поръ главная часть богослуженія во всѣхъ католическихъ странахъ исполняется на латинскомъ языкѣ. При богослуженіи органъ нерѣдко наигрываетъ веселые музыкальные мотивы. Какъ въ самой церкви, такъ и по улицамъ во всѣхъ католическихъ странахъ совершается множество процессій и церемоній, до которыхъ католики большіе охотники.

Католическая религія чрезвычайно распространена; ея послѣдователей можно встрѣтить во всѣхъ частяхъ свѣта, во всѣхъ странахъ. Всего католиковъ насчитываютъ до двухсотъ милліоновъ; даже у насъ въ Россіи ихъ болѣе 10-ти милліоновъ; но болѣе всего ихъ въ Испаніи, Италіи, Франціи, Бельгіи, Ирландіи, гдѣ всѣ жители, за исключеніемъ иностранцевъ, въ нихъ проживающихъ, послѣдователи католической религіи.

РЕЛИГІОЗНЫЯ ТОРЖЕСТВА И ПРОЦЕССІИ.

Страстная недѣля.—Пазо и ихъ значеніе въ испанскихъ празднествахъ.—Театральныя представленія на Страстной недѣлѣ.—Праздникъ пресвятой Дѣвы Моря въ Альмеріи.—«Танецъ шести» въ Севильскомъ соборѣ.—Испанское богомолье.

Въ Испаніи чрезвычайно часто устраиваютъ религіозныя процессіи; самыя любопытныя изъ нихъ происходятъ на Страстной недѣлѣ, особенно въ Севильѣ. Главную роль въ нихъ играютъ *пазо*, т.-е. изображенія страданій Іисуса Христа. Прежде самые знаменитые испанскіе скульпторы дѣлали и разрисовывали эти «пазо», такъ что еще и до сихъ поръ такихъ скульптурныхъ группъ сохранилось очень много; нѣкоторыя изъ нихъ сдѣланы изъ дерева. «Пазо» изображаетъ иногда цѣлую сцену изъ исторіи страданій Христа, и обыкновенно всѣ фигуры въ натуральную величину прикрѣплены къ площадкѣ. Онѣ поражаютъ замѣчательною роскошью одеждъ, и нѣкоторыя изъ нихъ до того богато расшиты золотомъ и такъ щедро усыпаны жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, что обыкновенно впервые увидавшіе ихъ останавливаются передъ ними въ изумленіи.

Во всѣхъ большихъ севильскихъ церквахъ есть свои *пазо*. Одно изъ самыхъ любопытныхъ изваяній извѣстно подъ именемъ Іисуса Назарянина. Это огромное изображеніе Христа одѣто въ длинное платье изъ чернаго бархата, шитое золотомъ и серебромъ. Іисусъ Христосъ представленъ несущимъ крестъ огромныхъ размѣровъ и драгоцѣнной работы съ инкрустаціями изъ слоновой кости. Съ каждой стороны Христа стоятъ два ангела съ крыльями и несутъ фонари; четыре фонаря побольше помѣщены по угламъ площадки. Понятно, что такое изображеніе и очень велико, и очень тяжело; во время процессій его обыкновенно носятъ по улицамъ нѣсколько

человѣкъ, на головахъ. Отъ краевъ площадки спускается до земли длинная драпировка, совершенно скрывающая людей, несущихъ эти «пазо», такъ что, когда во время процессій «пазо» подвигается впередъ, кажется, что эта тяжелая масса движется сама собою.

Чествованіе Страстной недѣли начинается съ вербнаго воскресенья. Утромъ въ церквахъ совершается церемонія благословенія пальмъ, а послѣ полудня происходитъ процессія: впереди многочисленной толпы торжественно двигается *пазо*, изображающее Христа на крестѣ между двумя разбойниками; тутъ же въ сторонѣ несутъ орудія пытки, и, наконецъ, по угламъ стоятъ большіе фонари. Во главѣ процессіи идутъ солдаты и офицеръ въ парадной формѣ и со шпагою наголо, затѣмъ выступаютъ члены братства въ длинной одеждѣ и съ заостренными капюшонами на головѣ, которые покрываютъ не только голову, но все лицо и даже шею, такъ что для глазъ сдѣлано отверстіе. За ними нѣсколько человѣкъ несутъ серебряные гербы братства, другіе держатъ въ рукахъ большіе барабаны, убранные разноцвѣтною матеріею. Далѣе идутъ попарно нѣсколько человѣкъ и несутъ, повѣсивъ на шею корзины съ восковыми свѣчами. Сзади ихъ несутъ и другое *пазо*, которое даже больше перваго; оно изображаетъ входъ Іисуса въ Іерусалимъ. Посреди іерусалимскихъ стѣнъ зубчатыя ворота, въ которыя Христосъ въѣзжаетъ на ослѣ, сопровождаемый апостолами съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ. Это *пазо* весьма искусной работы: тутъ вы видите очень много фигуръ, и всѣ онѣ сдѣланы въ естественную величину, одѣты въ шелковыя, суконныя и бархатныя одежды. Такъ какъ драпировка скрываетъ людей, несущихъ *пазо*, и они оттуда ничего не могутъ видѣть, то одинъ изъ членовъ братства даетъ имъ знакъ особеннымъ стукомъ, когда они должны остановиться. За такою процессіею двигается толпа народа, и такимъ образомъ расхаживаютъ они по всѣмъ улицамъ города.

Въ страстную среду въ церкви, во время богослуженія, когда произносятся слова «и завѣса церковная раздралася», слышится шумъ отъ раздираемой завѣсы; потомъ, тѣми же средствами, какъ на театрахъ, производятъ громъ и молнію, бывшіе въ ту минуту, когда Іисусъ Христосъ испустилъ духъ. Въ этотъ день тоже носятъ по городу *пазо*; на одномъ изъ нихъ изображена «Молитва въ саду Геѳсиманскомъ», на другомъ—толпа евреевъ тащитъ Христа. Въ этотъ день носятъ нѣсколько *пазо*, и точно также всѣ они напоминаютъ событія, подходящія къ этому дню. Одно изъ нихъ изображаетъ бичеваніе, другое—вѣнчаніе Іисуса Христа терновымъ вѣнцомъ, наконецъ, третье изображаетъ даже Понтія Пилата, умывающаго руки передъ народомъ.

Въ страстную пятницу *пазо* еще болѣе многочисленны, но ихъ изображаютъ уже не деревянныя фигуры, а живые люди. Вотъ фигура съ косою въ рукѣ, изображающая смерть; за нею слѣдуютъ дѣти, представляющіе ангеловъ. Далѣе несутъ изображеніе Христа въ стеклянномъ гробу, окруженномъ солдатами; за ними слѣдуетъ Богородица, св. Іоаннъ, Іосифъ Аримафейскій, Никодимъ и многіе другіе. Повторяемъ: все это изображаютъ люди,—такимъ образомъ это напоминаетъ въ одно и то же время и живыя картины, и наивныя духовныя представленія, содержаніе которыхъ заимствовано изъ библіи и евангелія. Въ страстную субботу вы можете видѣть такую процессію: на тронѣ сидитъ Богъ-Отецъ съ Богомъ-Сыномъ; изъ ранъ Іисуса Христа течетъ струями кровь, которая падаетъ на церковь и оживляетъ ее; церковь изображаетъ молодая дѣвушка одѣтая священникомъ. Другая молодая дѣвушка, съ завязанными глазами, колѣнопреклоненная у ногъ Бога-Отца, изображаетъ вѣру.

На Страстной недѣлѣ, около 7 часовъ вечера, оканчиваются дневныя процессіи, а черезъ часъ вы можете пойти въ театръ и увидѣть четырехъ- или пятиактную пьесу, изображающую послѣдніе дни Спасителя. Дѣйствующими лицами тутъ являются: Божія Матерь, Марія Магдалина, апостолы и фарисеи, дѣти и воины. Іисуса Христа обыкновенно изображаетъ красивый юноша, Марію Магдалину—блондинка, а Іуду—рыжеволосый, косой, некрасивый парень. Занавѣсъ открывается, и на сценѣ Іисусъ Христосъ благословляетъ дѣтей и разговариваетъ съ фарисеями; затѣмъ идетъ Тайная Вечеря, Спаситель въ Геѳсиманскомъ саду и, наконецъ, Іисусъ Христосъ передъ судомъ Пилата. Въ одной изъ сценъ Іуда, терзаемый угрызеніями совѣсти, тутъ же на сценѣ вѣшается и для пущаго правдоподобія высовываетъ при этомъ языкъ. Къ довершенію всего на сценѣ появляются три креста, при чемъ распятые актеры опираются ногами на дощечку, придѣланную внизу, а ихъ руки прикрѣплены веревками къ перекладинѣ креста. Зрители принимаютъ самое живое участіе въ представленіи: когда на сценѣ появляется Іуда, всѣ взоры обращены на него съ негодованіемъ, кое-гдѣ слышатся даже ругательства; когда же, наконецъ, выступаетъ актеръ, изображающій Спасителя, согнувшагося подъ тяжестью креста въ терновомъ вѣнкѣ, облитаго кровью, окруженнаго бьющими его воинами, среди зрителей раздаются рыданія. Вы выходите изъ театра и вновь наталкиваетесь на процессію со множествомъ зажженныхъ свѣчей и фонарей, которые ночью производятъ еще болѣе потрясающее впечатлѣніе.

Во время процессій можно видѣть не только «пазо», т. е. фигуры, изображающія страданія Іисуса Христа, но въ дни праздниковъ святыхъ и патроновъ по улицамъ носятъ и ихъ статуи. При этомъ св. Эльмъ, покровитель моряковъ, держитъ въ рукахъ маленькій корабль; Михаилъ Архангелъ, покровитель военныхъ, одѣтъ въ блестящія латы и съ мечомъ въ рукѣ,—однимъ словомъ, каждый патронъ и патронесса являются съ изображеніемъ того, чему они покровительствуютъ.

Вотъ какъ описываютъ праздникъ пресвятой Дѣвы Моря, патронессы (покровительницы) города Альмеріи. «Въ день этого праздника трудно пробираться по улицамъ съ самаго ранняго утра, такъ какъ на него наѣзжаетъ страшно много народа. Не говоря уже о любви испанца къ празднествамъ и процессіямъ, толпу народа привлекаютъ сюда и бои быковъ, которыми заканчивается этотъ праздникъ. Послѣ обѣдни изъ всѣхъ четырехъ церквей собора вышло духовенство съ причетниками и съ своими изображеніями, т.-е. со статуями изъ воска или дерева. Всѣ собрались около маленькой церкви *Maria del Mar* и отсюда направились по улицамъ на набережную. Во всѣхъ окнахъ и на всѣхъ балконахъ висѣли ковры или бѣлыя простыни, обшитыя красными каймами. Окна, балконы—полны разряженныхъ красавицъ, плоскія крыши или террасы биткомъ набиты народомъ; внизу тоже густыя, пестрыя толпы. Изъ крѣпости слышится канонада, а по всему городу трескотня и шипѣнье ракетъ, и неба не видно за маленькими дымками. Вопреки общему обычаю, здѣсь бываютъ фейерверки и днемъ. Въ Андалузіи, и особенно въ этой мѣстности, существуетъ обыкновеніе *обѣщать* патронессѣ Маріи Моря ракеты къ празднику. И въ этотъ день идетъ страшнѣйшая пальба, потому что каждый дѣлаетъ и пускаетъ ракеты самъ или съ крыши дома, или слѣдуя за процессіей. Процессія вышла на Малеконъ изъ главной улицы и повернула вдоль набережной. Впереди шла полковая музыка, затѣмъ отрядъ верховыхъ жандармовъ; за ними двигалась попарно длинная вереница мужчинъ и женщинъ, съ огромными свѣчами въ рукахъ; нѣкоторые, изысканно и франтовски одѣтые, шли босикомъ, и прибавлю, что между мужчинами я замѣтилъ болѣе босоногихъ, нежели между женщинами. За вереницей этихъ ка-

ющихся несли большое изображеніе, въ человѣческій ростъ, святого Доминга. Это отдѣленіе процессіи было самое оригинальное. Святой этотъ считается покровителемъ земледѣльцевъ, и поэтому всѣ окрестные поселяне несли и окружали его изображеніе. За поселянами съ св. Домингомъ шли лодочники, барочники, рыболовы и матросы и несли огромную восковую статую святого Эльма, патрона и покровителя моряковъ и всего морского. Святой былъ одѣтъ въ длинную ризу и держалъ въ рукахъ маленькій корабль. Вслѣдъ за морскимъ отдѣленіемъ шло военное отдѣленіе и несло изображеніе Михаила Архангела, тоже въ человѣческій ростъ, въ золотыхъ латахъ и съ пламеннымъ мечомъ въ рукѣ. Онъ патронъ военныхъ, поэтому всѣ, сколько было солдатъ и офицеровъ въ Альмеріи, сгруппировались вокругъ него вмѣстѣ съ комендантомъ. За этимъ пестрымъ отдѣленіемъ разныхъ мундировъ подвигалось большимъ чернымъ пятномъ среди разряженной толпы отдѣленіе патеровъ, въ громадныхъ черныхъ шляпахъ и въ длиннополыхъ черныхъ кафтанахъ; среди нихъ несли изображеніе святого Индалесіо, покровителя и патрона духовенства. Статуя была одѣта такъ же, какъ и живые, окружавшіе ее спутники. За ними и епископомъ появились мѣстныя власти, адъютанты коменданта крѣпости, алькады и члены аристократіи. Наконецъ, вслѣдъ за ними—самая виновница торжества, Maria santissima del Mar — святая Марія Моря — мѣстная Мадонна: маленькое изображеніе изъ дерева, лицо совершенно черное и дурно сдѣланное (работа XIV вѣка), на головѣ большая изящная корона изъ листового серебра, съ алмазами, а на плечахъ длинная риза изъ зеленаго бархата, вышитая золотомъ и драгоцѣнными каменьями. На рукахъ младенецъ Іисусъ, тоже старинной работы, въ серебряномъ вѣнцѣ и тоже въ маленькой зеленой мантіи. Эту статую не несли на рукахъ, а она стояла на высокомъ катафалкѣ, который катился на колесахъ невидимою силою: онъ былъ покрытъ парчей, скрывавшей людей, которые катили эту махину. Эта должность особенно почетна, и чтобы быть *катальщикомъ*, надо, говорятъ, дать не малую сумму въ церковь патронессы. За santa Maria del Mar тѣснилась кучка, пускавшая ракеты, и за нею снова верховой отрядъ гвардіи».

Въ севильскомъ соборѣ совершаются еще болѣе любопытныя религіозныя церемоніи, какъ напр., *танецъ шести*. Въ праздникъ «Тѣла Господня», изъ дѣтей, которыя служатъ въ хорѣ пѣвчихъ въ нѣкоторыхъ каѳедральныхъ соборахъ, выбираютъ нѣсколько человѣкъ, чтобы участвовать въ религіозныхъ церемоніяхъ этого дня. Прежде для этого обыкновенно выбирали *шестерыхъ* дѣтей; хотя теперь ихъ больше, но старое названіе сохранилось.

«Танецъ шести»—остатокъ старинныхъ представленій и танцевъ, сопровождавшихъ въ средніе вѣка въ главныхъ городахъ Испаніи праздники Тѣла Господня. Булла папы Евгенія IV утвердила «танецъ шести». Архіепископъ севильскій старался уничтожить его, находя несовмѣстнымъ съ благоговѣніемъ, внушаемымъ христіанину св. причастіемъ. Капитулъ, бывшій другого мнѣнія, нанялъ корабль, и шесть дѣтей, сопровождаемыхъ маэстромъ капеллы, отправились въ Римъ, чтобы показать святому отцу, что ихъ костюмы и танцы только увеличиваютъ блескъ религіозныхъ торжествъ. Вѣроятно, папа убѣдился въ этомъ, такъ какъ эти танцы и пѣніе передъ причастіемъ происходятъ и въ настоящее время. Дѣти, которыя въ нихъ участвуютъ, принадлежатъ обыкновенно къ семействамъ рабочихъ или ремесленниковъ; чтобы быть принятыми, они должны имѣть менѣе десяти лѣтъ и обладать пріятнымъ голосомъ. Выдержавшимъ испытаніе даютъ одинъ костюмъ для буднихъ дней, очень простой, и другой, болѣе богатый, для празднествъ, въ которыхъ они должны участвовать. На улицахъ Севильи ихъ легко узнать по красной шапкѣ и по плащу

того же цвѣта; голубыя брыжжи окружаютъ шею, остальной ихъ костюмъ состоитъ изъ черныхъ чулокъ и башмаковъ съ металлическими нуговицами. Ихъ парадный костюмъ напоминаетъ тотъ, который они носили и въ XVI столѣтіи: шляпа нѣсколько коническая, съ полями, приподнятыми кверху; съ одного края она придерживается бантомъ изъ бѣлаго бархата, къ которому прикрѣпленъ пучекъ голубыхъ и бѣлыхъ перьевъ. Шелковый кафтанъ опоясанъ шарфомъ, завязаннымъ сбоку; небольшой плащъ, накинутый на плечи, граціозно падаетъ до колѣнъ. Но особенно характерная часть костюма—накрахмаленныя кружевныя брыжжи, окружающія шею такъ, что голова нѣсколько напоминаетъ голову Іоанна Крестителя на блюдѣ. Кружевныя манжеты, штаны съ прорѣзами, шелковые голубые чулки и бѣлые башмаки съ кисточками дополняютъ ихъ оригинальный костюмъ.

«Танецъ шести» привлекаетъ въ Севилью не менѣе любопытныхъ, чѣмъ церемоніи Страстной недѣли, и громадный соборъ не можетъ вмѣстить всѣхъ желающихъ видѣть представленіе. Дѣти, которыя участвуютъ въ представленіи, стоятъ въ два ряда предъ главнымъ алтаремъ; въ извѣстное время, поклонившись до земли, они начинаютъ медленно танцовать, побрякивая своими кастаньетами изъ слоновой кости, потомъ останавливаются и поютъ въ честь «Богородицы, дѣвы, матери и супруги, болѣе чистой и прекрасной, чѣмъ заря и утренняя звѣзда». Послѣ каждаго отдѣленія они повторяютъ такой припѣвъ: «пойте во славу Богоматери, во славу царственной покровительницы Испаніи, зачавшей безъ первороднаго грѣха». Это пѣніе, исполненное чистыми, нѣжными дѣтскими голосами, производитъ глубокое впечатлѣніе. Когда они затянутъ припѣвъ во славу Богородицы, раздаются звуки кастаньетъ, и подъ ихъ аккомпанементъ они начинаютъ свои па. Однако, нужно замѣтить, что эти па, которыя они выдѣлываютъ въ храмѣ, вовсе не походятъ на свѣтскіе танцы испанцевъ: это необыкновенно медленныя, плавныя движенія, имѣющія нѣкоторое сходство съ менуэтомъ. Дѣти исполняютъ свои обязанности лишь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; когда ихъ голосъ начнетъ терять дѣтскую интонацію, ихъ замѣняютъ болѣе маленькими дѣтьми; при этомъ они оставляютъ свои блестящіе костюмы въ ризницѣ собора.

Въ нѣкоторые праздничные дни испанцы совершаютъ путешествія, чтобы поклониться той или другой почитаемой иконѣ, но въ этихъ богомольяхъ мало религіознаго. Танцы, вино и всевозможныя удовольствія, которыми они развлекаютъ себя въ это время, вѣроятно, вконецъ уничтожаютъ религіозное настроеніе. По крайней мѣрѣ видъ этого путешествія скорѣе заставитъ думать, что народъ отправляется на веселый пиръ, чѣмъ на богомолье.

За наѣздниками и наѣздницами тянется длинный рядъ повозокъ, запряженныхъ быками съ огромными рогами, голова которыхъ совершенно исчезаетъ подъ различными украшеніями—кистями и бахромою. Повозки переполнены молодыми дѣвушками, которыя поютъ національныя пѣсни; нѣкоторымъ изъ нихъ аккомпанируютъ на гитарѣ; другія щелкаютъ кастаньетами, потрясаютъ бубнами, украшенными лентами. Шумъ, говоръ, звуки инструментовъ и пѣсенъ богомольцевъ, выступившихъ въ путешествіе, сливаются съ звонкимъ смѣхомъ, шутками, остротами въ публикѣ, которая высыпаетъ со всѣхъ балконовъ посмотрѣть выѣздъ на богомолье. Нѣкоторые мужчины-богомольцы идутъ пѣшкомъ, перебирая струны своей гитары, повѣшенной на шею, и потягивая черное вино изъ большого кожанаго мѣха,—но пьяныхъ совсѣмъ не видно.

СТРАСТЬ ИСПАНЦА КЪ ТАНЦАМЪ.

Фанданго.—Ола.—Танецъ среди разставленныхъ стакановъ.—Танцы съ кувшинами на головахъ.—Танцы у смертнаго одра.

Испанцы замѣчательные танцоры: они пляшутъ чуть не каждый вечеръ, послѣ труда и бездѣлья, въ праздничный и въ будній день. Испанецъ весь отдается танцу, увлекается имъ со всѣмъ пыломъ южной страсти. Не даромъ же танцы происходятъ даже въ соборѣ, во время религіозныхъ обрядовъ; танцуютъ, какъ увидимъ ниже, даже тогда, когда человѣка душитъ тоска и когда отъ горя и отчаянія у него разрывается сердце.

Испанцы пляшутъ, прищелкивая кастаньетами; при этомъ кто-нибудь играетъ на гитарѣ или скрипкѣ, а одна изъ дѣвушекъ ударяетъ въ тактъ бубнами, разукрашенными цвѣтными бантиками. Самый извѣстный испанскій танецъ—*фанданго*. При его звукахъ женщины, дѣвушки, молодые, старики—всѣ какъ будто оживаютъ, всѣ повторяютъ его напѣвъ; одни побрякиваютъ кастаньетами, другіе щелкаютъ пальцами, подражая ихъ звуку. Танцующая пара убѣгаетъ, манитъ, преслѣдуетъ другъ друга; но вдругъ музыка прекращается, и искусство танцора состоитъ въ томъ, чтобы въ то же мгновеніе остаться неподвижнымъ; опять раздаются звуки музыки, и танецъ продолжается. Наконецъ, гитары, скрипки, пристукиванія ногами, прищелкиванія кастаньетами и пальцами, гибкія движенія доводятъ и самихъ танцующихъ, и зрителей до высочайшаго восторга.

Не менѣе любимъ танецъ, называемый *ола;* онъ обыкновенно исполняется одною танцовщицею. Ола требуетъ болѣе, чѣмъ всякій другой танецъ, гибкости тѣла и особенной граціи движеній. Танцовщица склоняется назадъ; ея талія, гибкая какъ тростникъ, сгибается, плечи и руки опускаются въ какомъ-то изнеможеніи, и она остается въ такомъ положеніи нѣсколько мгновеній; потомъ она сразу гордо выпрямляется, ударяетъ кастаньетами и пускается въ плясъ.

Не менѣе любопытенъ танецъ, исполняемый среди разставленныхъ стакановъ. Весело и живо зазвенѣли гитары, кастаньеты и бубны. Посреди стоитъ столъ, на которомъ наставлены стаканы, наполненные виномъ. Танцовщица вскакиваетъ на столъ и начинаетъ быстро танцовать, скользя между стаканами и не только не проливая налитого въ нихъ вина, но даже и не задѣвая ихъ. Сидящая вокругъ немногочисленная публика все болѣе приходитъ въ восторгъ и въ тактъ музыки напѣваетъ различныя пѣсенки, съ припѣвомъ въ родѣ слѣдующаго: «молодыя дѣвушки изъ золота, замужнія женщины—изъ серебра, а старушки—изъ жести». Танцовщица продолжаетъ выдѣлывать своими маленькими ножками самые удивительные фокусы, наконецъ соскакиваетъ со стола и исчезаетъ въ толпѣ.

Очень часто танцы устраиваются совершенно случайно, на улицѣ: соберутся нѣсколько мужчинъ и дѣвушекъ; между ними всегда найдется человѣкъ съ гитарой въ рукахъ, и вотъ начинается танецъ при аплодисментахъ всѣхъ присутствующихъ и радостныхъ кувырканіяхъ дѣтей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ танцуютъ иногда очень рано утромъ. Пришли дѣвушки къ фонтану за водой, и въ это время къ нимъ подошли нѣсколько молодыхъ парней. Дѣвушки, поставивъ кувшины съ водою на головы, подаютъ руку кавалеру и начинаютъ танецъ, не проливая ни одной капли воды. Но кто бы ни устраивалъ эти танцы, гдѣ бы они ни происходили, во время ихъ испанцы сильно размахиваютъ руками и всегда танцуютъ со страстью,

до опьянѣнія. Когда мужчина хочетъ танцовать съ какою-нибудь дѣвушкою, то бросаетъ у ногъ ея свою шляпу; послѣ танца дѣвушка обнимаетъ и цѣлуетъ своего кавалера, музыканта и пѣвца. Всѣ испанскіе танцы непремѣнно сопровождаются пѣніемъ. Пѣвецъ начинаетъ куплетъ своей пѣсни глубокимъ вздохомъ, затѣмъ гитара бренчитъ нѣсколько тихихъ аккордовъ, которые становятся все громче и скорѣе; послѣ этого музыканты начинаютъ пѣть пѣсню, слова которой они иногда тутъ-же сочиняютъ. Куплеты нѣкоторыхъ танцевъ начинаются и кончаются какими-то глубокими вздохами пѣвцовъ, и необыкновенно живой танецъ идетъ часто подъ грустную музыку.

Въ этой странѣ танцуютъ даже у смертнаго одра только-что умершаго ребенка, если ему не болѣе 5-ти лѣтъ. Испанскій народъ твердо вѣритъ, что душа ребенка идетъ прямо въ рай, и, превращаясь у престола Всевышняго въ херувима, она начинаетъ покровительствовать своимъ роднымъ, постоянно молится за нихъ, охраняетъ ихъ отъ всякой бѣды и несчастія. Поэтому смерть ребенка считается для семьи величайшимъ счастьемъ, и ее встрѣчаютъ весельемъ, музыкою и пляскою.

Среди комнаты на столѣ лежитъ тѣло дѣвочки лѣтъ 4-хъ, прикрытое ковромъ и одѣтое по-праздничному; головка ея въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ; сбоку стоитъ чаша со святою водою, а по четыремъ угламъ стола горятъ свѣчи. Въ углу сидитъ мать, опустивъ голову на руки и закрывъ лицо. Грудь ея вздрагиваетъ отъ рыданій, которыя она старается подавить всѣми силами; но ей это не удается, и глухіе, тяжелые стоны и отчаянные вопли безпрестанно вырываются изъ ея груди. Между тѣмъ въ другомъ углу комнаты кучкой сидятъ зрители и музыканты, которые наигрываютъ танецъ. Подъ звуки музыки, кастаньетъ и хлопанья присутствующихъ въ ладоши молодежь обоего пола начинаетъ медленно танцовать передъ покойникомъ. Иногда подъ эти звуки напѣваютъ различныя пѣсенки въ такомъ родѣ: «У воротъ рая продаютъ башмачки для ангельчиковъ, что здѣсь были босоноги!»

БОИ БЫКОВЪ И ПѢТУХОВЪ.

Страсть испанца къ боямъ быковъ.—Какъ ведутъ себя испанцы во время этого представленія.—Борцы.—Бои пѣтуховъ.

Самое любимое изъ всѣхъ зрѣлищъ—бои быковъ. Водоносы, погонщики муловъ, женщины, работающія на фабрикахъ, скорѣе откажутся отъ обѣда, чѣмъ пропустятъ это представленіе. Также обожаемы эти бои и въ высшихъ классахъ общества. За нѣсколько дней до представленія всюду появляются афиши: онѣ наклеены на всѣхъ зданіяхъ, и ихъ продаютъ разносчики по улицамъ; въ нихъ обозначено какъ время представленій, такъ и то, сколько быковъ будетъ по одиночкѣ выпущено въ циркъ, и кому принадлежитъ каждый изъ нихъ; затѣмъ слѣдуютъ имена *пикадоровъ* (всадниковъ, вооруженныхъ копьями), *матадоровъ* (убивающихъ быка шпагами) и всѣхъ лицъ, участвующихъ въ бою.

Въ большихъ городахъ Испаніи, при хорошей погодѣ, бои быковъ бываютъ каждое воскресенье, иногда даже два раза въ недѣлю; въ маленькихъ же городахъ—одинъ, два раза въ годъ, но зато они продолжаются обыкновенно по три дня. Бои быковъ происходятъ въ циркахъ, построенныхъ обыкновенно на краю города,—въ нѣкоторыхъ изъ нихъ можетъ помѣщаться до 20,000 человѣкъ. Мѣста для зрителей расположены амфитеатромъ. Цирки эти безъ крыши, и только верхнія и заднія мѣста

защищены навѣсомъ. Поэтому мѣста въ тѣни, подъ навѣсомъ, всегда бываютъ гораздо дороже, чѣмъ мѣста на солнцѣ. Мужчины и женщины, богатые и бѣдные, знатные и простые, всѣ разодѣты въ самый лучшій нарядъ. Держитъ же себя эта публика уже совсѣмъ не чинно: всѣ безъ исключенія кричатъ во все горло, бросаютъ, куда ни попало, объѣдки фруктовъ, однимъ словомъ стараются изо-всѣхъ силъ походить болѣе на животныхъ, чѣмъ на людей. Но вотъ распорядитель празднества подаетъ знакъ изъ своей ложи, — музыка заиграла, ворота отворились, и богато одѣтые борцы торжественно выступаютъ, чтобы раскланяться съ публикою. На нихъ, кромѣ пикадоровъ (всадниковъ, вооруженныхъ копьями), богатая андалузская одежда: коротенькіе шелковые панталоны (зеленые, красные или голубые), широкій поясъ, тонкая рубашка съ узенькимъ отложнымъ воротничкомъ, на ногахъ бѣлые или розовые чулки и башмаки съ пряжками. Но главная часть одежды, на которой сосредоточена вся роскошь,—коротенькая куртка. Она тоже ярко-шелковая, но сверху донизу выложена серебрянымъ или золотымъ шитьемъ, а нерѣдко и драгоцѣнными каменьями; одна такая куртка стоитъ двѣ и три тысячи рублей, а то и больше. Такія богатыя куртки обыкновенно у главныхъ борцовъ; въ одной рукѣ они держатъ плащъ, подбитый красной подкладкой, а въ другой — длинныя шпаги. Но не всѣ борцы играютъ одинаково важную роль, поэтому и въ одеждѣ ихъ есть нѣкоторое различіе.

Пикадоры сидятъ на лошадяхъ или, точнѣе сказать, на жалкихъ клячахъ, которыхъ спеціально для боя за безцѣнокъ скупаютъ на рынкахъ. Пикадоры одѣты или въ простыя бархатныя куртки, или въ куртки, украшенныя серебрянымъ шитьемъ, панталоны ихъ сдѣланы изъ толстой кожи и надѣваются на желѣзные обручи, защищающіе ноги отъ ударовъ. Эти обручи такъ тяжелы, что, когда во время боя пикадоръ опрокинутъ вмѣстѣ съ лошадью, онъ не можетъ даже подняться безъ чужой помощи. Пикадоръ непремѣнно вооруженъ копьемъ, остріе котораго можетъ только уколоть, но не ранить быка. Бойцы въ строгомъ порядкѣ направляются къ мѣсту, гдѣ сидитъ распорядитель, кланяются сначала ему, а потомъ публикѣ. Распорядитель привстаетъ съ своего мѣста и бросаетъ на арену ключъ отъ помѣщенія быковъ.

Не во всѣхъ городахъ Испаніи бои быковъ происходятъ въ одинаковомъ порядкѣ, но ихъ характеръ вездѣ одинъ и тотъ же. Быка, предназначеннаго для боя, за нѣсколько часовъ передъ этимъ ставятъ въ узкій сарай, гдѣ ему трудно даже повернуться, и все время колятъ его острою палкою, которая, впрочемъ, устроена такъ, чтобы причинять сильную боль, но не вызывать кровотеченія. Когда, послѣ такой пытки, несчастному животному открываютъ дверь, онъ съ бѣшеною радостью бросается въ нее, чтобы избавиться отъ пытки. Послѣ всѣхъ мученій, которыя быкъ перенесъ въ сараѣ, за минуту передъ тѣмъ, какъ выпустить его на арену, ему втыкаютъ въ кожу розетку на желѣзной иголкѣ съ крючкомъ на концѣ. Выбѣжавъ, быкъ останавливается только на одно мгновеніе, потомъ нагибаетъ голову къ землѣ и бросается къ одному изъ борцовъ. Тотъ встрѣчаетъ его съ величайшимъ хладнокровіемъ и, держа передъ его глазами плащъ на красной подкладкѣ, ловко увертывается, направляя быка къ пикадорамъ. Тѣ сидятъ на коняхъ неподвижно, съ вытянутыми впередъ пиками, или дѣлаютъ лишь нѣсколько шаговъ навстрѣчу быку, чтобы вызвать его на бой. Такъ какъ они постоянно даютъ нападать на себя справа, то закрываютъ лошадямъ правый глазъ. Быкъ, подбѣжавъ къ одному изъ всадниковъ, останавливается передъ нимъ на нѣсколько секундъ, роетъ землю ногами, бьетъ хвостомъ по воздуху, свирѣпо озирается кругомъ, потомъ вдругъ, опу-

стивъ голову, стремительно бросается на лошадь, но при этомъ натыкается со всего размаху на пику, направленную пикадоромъ въ его затылокъ. Быкъ съ яростнымъ ревомъ отбѣжалъ прочь и затрясъ окровавленной шеей. Потомъ онъ снова бросился на раздразнившихъ его пѣшихъ борцовъ, красные плащи которыхъ выводятъ его изъ себя, и на другого пикадора. При второмъ нападенiи быку удалось добраться до лошади, и онъ въ ту-же минуту воткнулъ ей глубоко въ животъ свои острые рога. Счастье для бѣдной лошади, если первый ударъ попадетъ въ грудь и будетъ для нея смертельнымъ. Бѣда, если рога только распорятъ животъ и выпавшiя кишки волочатся по землѣ, — пикадоръ и при этомъ заставляетъ ее идти противъ быка. Эта отвратительная минута — особенное наслажденiе для испанца. Идетъ такая несчастная лошадь на новую муку, и сама, собственными копытами, путается въ своихъ внутренностяхъ и топчетъ ихъ: при этомъ пикадоры колятъ еще пиками выпавшiя внутренности. Дрожа всѣмъ тѣломъ, судорожно двигая губами, стоятъ лошади и ждутъ второго, третьяго удара разъяреннаго быка, пока смерть не приходитъ, наконецъ, прекратить ихъ пытку: онѣ падаютъ буквально замученныя до смерти. Тогда пикадоры отправляются за арену и снова являются на сцену на свѣжихъ лошадяхъ. Если въ павшихъ животныхъ остается еще хотя искра жизни, ихъ бьютъ и мучаютъ на всевозможные лады, чтобы заставить кое-какъ дотащиться собственными силами до общаго смертнаго одра, предназначеннаго для жертвъ боя. Только убитую наповалъ и болѣе чѣмъ полумертвую лошадь оставляютъ въ покоѣ на мѣстѣ.

При каждомъ удачномъ отпорѣ нападенiю быка зрители аплодируютъ пикадору, при каждомъ ударѣ, полученномъ лошадью, — быку. Раздаются со всѣхъ сторонъ самыя возмутительныя восклицанiя, въ родѣ слѣдующихъ: — «А, попалась лошадка, ступай-ка теперь въ больницу, да полѣчись! видишь, съ какимъ молодцомъ тебѣ пришлось имѣть дѣло» — и тому подобныя изреченiя, приправляемыя грубымъ смѣхомъ. Чѣмъ ужаснѣе изранена лошадь, тѣмъ сильнѣй становится восторгъ зрителей; онъ не уменьшается и тогда, когда падаетъ пикадоръ, а это случается очень часто: то одинъ изъ нихъ, то другой ударится затылкомъ о деревянный барьеръ такъ, что его приходится вынести замертво; нерѣдко несчастный вывихнетъ себѣ руку или ногу и такимъ образомъ становится на всю жизнь неспособнымъ къ бою. Опрокинувъ трехъ, четырехъ пикадоровъ, быкъ свирѣпо бѣгаетъ по аренѣ; въ эту минуту его никто не смѣетъ раздражать: его бѣшеные, налившiеся кровью глаза дико блуждаютъ. Въ это время арена (мѣсто, гдѣ происходитъ бой) пуста, на ней лежатъ только трупы убитыхъ лошадей; въ ярости быкъ снова поднимаетъ ихъ на окровавленные рога, подбрасываетъ ихъ вверхъ, топчетъ, раздираетъ... Въ этомъ и заключается первое дѣйствiе боя; оно продолжается обыкновенно минутъ около двадцати, а иногда и болѣе, смотря по ярости быка. Чѣмъ больше онъ убиваетъ лошадей, чѣмъ скорѣе увѣчитъ людей, участвующихъ въ боѣ, тѣмъ больше имъ восхищается публика.

Но вотъ начинается второе дѣйствiе, — подаютъ знакъ *бандерильерамъ*. На арену выбѣгаютъ ловкiе, быстрые, увертливые бандерильеры, которые такъ называются потому, что держатъ въ рукахъ по двѣ бандерильи, т.-е. двѣ коротенькiя палочки, обернутыя цвѣтной бумагой и съ крючкомъ на концѣ. Бандерильеръ прямо бѣжитъ къ быку, который, удивленный такой дерзостью, вскачь бросается на него. Уже быкъ почти держитъ его между рогами, но въ ту самую минуту, когда онъ наклоняетъ голову, чтобы поднять его на рога, бандерильеръ втыкаетъ ему двѣ стрѣлки по обѣимъ сторонамъ шеи, необыкновенно ловкимъ движенiемъ уклоняется отъ удара и убѣгаетъ. Замѣтьте, что бандерильеръ не можетъ воткнуть

своей стрѣлки иначе, какъ ставши совершенно близко и прямо передъ быкомъ, почти между его рогами. Тутъ малѣйшая нерѣшительность, даже дрожь въ рукахъ могутъ его погубить. Если бандерильеръ, втыкая стрѣлки, по несчастію, упалъ, то долженъ лежать безъ движенія: быкъ рѣдко бьетъ лежачаго,—не изъ великодушія, а потому, что, нанося ударъ, онъ большею частью закрываетъ глаза и такимъ образомъ можетъ пройти или перескочить черезъ человѣка, не замѣчая его. Надобно видѣть быка, который, чувствуя въ шеѣ боль отъ воткнутыхъ крючковъ, носится съ ними по аренѣ, трясетъ головой, прыгаетъ, яростно мычитъ; тутъ прибѣгаетъ другой бандерильеръ и втыкаетъ ему двѣ другія бандерильи и потомъ третій, четвертый. Если же быкъ не изъ храбрыхъ и со всѣхъ ногъ убѣгаетъ отъ своихъ мучителей, то въ публикѣ яростно раздается: «огня, огня!» Это означаетъ, что публика требуетъ, чтобы быка раздражали огнемъ. Тогда бандерильеры втыкаютъ быку стрѣлки, обвитые фитилемъ изъ тлѣющаго трута, который загорается, трещитъ, хлопаетъ, жестоко и мучительно жжетъ шею быка. Что за прыжки, что за удивительные скачки выдѣлываетъ обезумѣвшій отъ боли быкъ, что за безумный хохотъ овладѣваетъ зрителями! Иногда при этомъ бандерильеры выполняютъ особенно трудныя штуки, такъ, напримѣръ, втыкаютъ бандерильи, сидя на стулѣ. Служитель цирка приноситъ соломенный стулъ и ставитъ его посрединѣ арены. Бандерильеръ садится и протягиваетъ руки впередъ со стрѣлами, быкъ бросается на него и, когда онъ находится всего въ двухъ шагахъ отъ стула, бандерильеръ вскакиваетъ, въ одно мгновеніе втыкаетъ стрѣлки и ловко увертывается въ сторону; животное, вдвойнѣ разъяренное и уколомъ, и исчезновеніемъ врага, подбрасываетъ стулъ вверхъ.

Когда ярость животнаго достигаетъ высшей степени, начинается битва одинъ на одинъ. Звукъ трубы вызываетъ *матадора*,—такъ зовутъ тѣхъ изъ бойцовъ, которые сражаются съ быкомъ со шпагой въ рукахъ. Этимъ и начинается третье дѣйствіе. Арена пуста, только бѣшеный быкъ мечется по ней въ послѣдней степени изступленія. Тогда медленно и важно выступаетъ матадоръ, привлекающій вниманіе толпы своей замѣчательной курткой, выложенной золотомъ и драгоцѣнными камнями, и богатымъ плащемъ, небрежно накинутымъ на его лѣвое плечо; въ правой рукѣ онъ держитъ шпагу, въ лѣвой – красное покрывало. Онъ прежде всего оборачивается къ распорядителямъ, потомъ къ публикѣ, затѣмъ обращается къ быку и нѣсколько пріостанавливается. Это самая торжественная минута и для публики, и для бойца. Быкъ, задыхаясь отъ бѣшенства, завидя матадора, бѣжитъ на него и, словно почуя страшнаго врага, вдругъ останавливается, наблюдаетъ его, разсчитываетъ свой ударъ. Между тѣмъ матадоръ сбрасываетъ съ плеча свой плащъ; каждое движеніе его рѣшительно и хладнокровно. Въ этихъ бояхъ—множество своихъ законовъ, и матадоръ не можетъ зарѣзать быка, какъ это было бы ему удобнѣе. Онъ долженъ направить свой ударъ не иначе, какъ въ то мѣсто, гдѣ оканчивается шея и начинается спинной хребетъ; ударъ долженъ быть сверху внизъ. Въ тысячу разъ почетнѣе для матадора умереть, нежели нанести ударъ снизу, сбоку или сзади. Подумайте объ игрѣ, которую играетъ этотъ человѣкъ, подумайте, что рѣдкій матадоръ умираетъ въ постели, и вы согласитесь съ тѣмъ, что если ему и выпадаютъ на долю слава, почетъ и богатство, то все это дается ему весьма не легко. У зрителя замираетъ духъ, когда матадоръ и быкъ приближаются другъ къ другу. Безпрестанно мѣняютъ они свои маневры, словно отгадывая взаимныя намѣренія. «Почти всегда быкъ останавливается передъ матадоромъ и всматривается въ него; потомъ съ видомъ угрозы трясетъ головою, скребетъ копытомъ землю и не хочетъ двинуться впередъ. Матадоръ взмахиваетъ передъ его глазами краснымъ покрываломъ; это такъ

раздражаетъ быка, что онъ бросается на него, но тотъ ловко увертывается отъ удара и снова уже дразнитъ быка своимъ покрываломъ. Быкъ опять дѣлаетъ шагъ впередъ и снова останавливается; они такъ близко другъ отъ друга, что матадоръ уже прицѣливается шпагою... еще секунда, и быкъ бросается... Но въ то самое мгновеніе, какъ быкъ дѣлаетъ головой размахъ, чтобы поднять матадора на рога, онъ, черезъ его наклоненную голову, вонзаетъ ему всю шпагу. Быкъ вдругъ прерываетъ свой взмахъ, нѣсколько капель крови брызнуло ему на шею, ноги его дрожатъ, подгибаются, онъ сразу падаетъ». Надобно видѣть, какой бѣшеный восторгъ овладѣваетъ публикою! Отовсюду раздаются самыя громкія, неистовыя рукоплесканія, самыя шумныя, восторженныя поздравленія матадору, который торжественно обходитъ циркъ и благодаритъ публику.

Въ то время, когда матадоръ обходитъ арену, раскланиваясь съ зрителями, изъ двери выбѣгаютъ четыре мула (очень часто ихъ замѣняютъ лошади), пестро разукрашенные лентами, перьями, бахромой: они запряжены цугомъ, упряжь кончается двумя крючками, которыми зацѣпляютъ убитыхъ лошадей и быка и вывозятъ со сцены. Послѣ этого наступаетъ короткій антрактъ, затѣмъ опять представленіе возобновляется; на сценѣ появляется второй быкъ, за нимъ еще и еще. Каждое представленіе губитъ нѣсколькихъ лошадей и два-три быка; каждый годъ во время этихъ кровавыхъ зрѣлищъ погибаетъ нѣсколько человѣкъ и еще большее число людей остаются навсегда калѣками. Въ Испаніи находится въ настоящее время 101 арена для боя быковъ, и ежегодно происходитъ 475 боевъ.

Послѣ представленія публика высыпаетъ на улицу и ждетъ появленія любимѣйшихъ бойцовъ. Вотъ показался пикадоръ въ своемъ роскошномъ костюмѣ, верхомъ на лошади, но уже не на клячѣ, какъ мы видѣли его въ циркѣ, а на дорогомъ конѣ; затѣмъ, въ большой открытой каретѣ, ѣдутъ всѣ матадоры и бандерильеры. Они возвращаются съ торжествомъ, какъ великіе полководцы съ поля сраженія: толпа снова привѣтствуетъ ихъ восторженными криками, а они съ чувствомъ достоинства раскланиваются съ публикою.

Лучшіе изъ бойцовъ пользуются громкою славою, поклоненіемъ и почетомъ; ихъ принимаютъ у себя даже аристократы. Наиболѣе извѣстные изъ нихъ, давая представленія по всѣмъ городамъ Испаніи, въ одно лѣто могутъ получить до ста тысячъ рублей и такимъ образомъ нерѣдко наживаютъ громадное состояніе. Ихъ біографіи и портреты не только печатаются, но даже особенно удачные удары и продѣлки иллюстрируются въ журналахъ; но жизнь они ведутъ совсѣмъ безпутную. Имъ часто приходится выходить на смертный бой, а потому въ промежуткахъ между представленіями они стараются забыться, покутить на славу: кто знаетъ, удастся-ли въ будущій разъ выйти побѣдителемъ, не придется ли быть растерзаннымъ взбѣшеннымъ быкомъ на глазахъ двадцатитысячной толпы!

Пѣтушиные бои—тоже любимая потѣха испанцевъ, особенно людей зажиточныхъ, такъ какъ при этомъ держатъ пари и нерѣдко проигрываютъ большія деньги. Когда входишь въ циркъ, въ которомъ происходятъ подобныя представленія, прежде всего бросается въ глаза круглая эстрада посреди, окруженная перилами, съ проволочной сѣткой сверху, которая мѣшаетъ пѣтухамъ спасаться бѣгствомъ во время битвы. Вокругъ этой огромной клѣтки съ потолкомъ два ряда дивановъ, обитыхъ краснымъ сукномъ и одинъ выше другого: они предназначаются для распорядителей и судей предстоящаго состязанія. За диванами постепенно возвышаются скамьи; у стѣнъ—галереи. На средину цирка выходитъ человѣкъ и прочитываетъ рядъ цифръ, обозначающихъ вѣсъ пѣтуховъ, которымъ предстоитъ сраженіе. Затѣмъ появляется

другой человѣкъ съ двумя ящиками,—въ каждомъ изъ нихъ сидитъ по пѣтуху: ихъ тутъ же взвѣшиваютъ, и два свидѣтеля зорко наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы все дѣло было безъ обмана, т.-е. чтобы оба пѣтуха имѣли одинаковый вѣсъ. Затѣмъ подносятъ ящики съ пѣтухами къ двумъ противоположнымъ отверстіямъ огромной клѣтки, которая служитъ полемъ битвы для пѣтуховъ, открываютъ оба ящика сразу, и двери за ними тотчасъ захлопываютъ. Зрители внимательно разсматриваютъ тонкихъ и высокихъ пѣтуховъ, съ длинною шеею и съ живыми глазами, выказывающими воинственный азартъ. Теперь у всѣхъ собравшихся одинъ и тотъ же вопросъ: кто изъ двухъ пѣтуховъ останется побѣдителемъ. «Десять пезетъ *) за чернаго»... «Двадцать пезетъ за сѣраго»... раздается со всѣхъ сторонъ... И вся публика заколыхалась, заспорила, заревѣла.

Въ началѣ оба пѣтуха обыкновенно не смотрятъ другъ на друга: одинъ поворачивается въ одну сторону, другой въ другую, выкрикивая кукуреку. Мало-помалу они приближаются, притворяясь, что не видятъ другъ друга: видимо, каждый изъ нихъ желаетъ захватить другого врасплохъ. Вдругъ, съ быстротою молніи, они дѣлаютъ скачекъ съ раскрытыми крыльями, налетая одинъ на другого, сталкиваются, отскакиваютъ. Послѣ перваго удара они останавливаются одинъ противъ другого съ вытянутою шеею, почти касаясь клювами, злобно пронизывая другъ друга взглядами, потомъ вновь схватываются и начинаютъ нападать другъ на друга безъ перерыва. Они бьютъ другъ друга шпорами, лапами, клювомъ, сжимаютъ крыльями, такъ что минутами представляютъ одного двуглаваго пѣтуха; то бросаются къ рѣшеткѣ, преслѣдуя одинъ другого, то падаютъ, ползаютъ, летаютъ,—и мало-по-малу удары сыплются все чаще, перьевъ разлетается все больше и больше, шеи дѣлаются пурпуровыми, кровь льется ручьями, но ярость и клокочущая злоба сражающихся лишь увеличиваются. Сцѣпившись, они, точно молотъ по наковальнѣ, стучатъ клювомъ другъ другу въ голову и въ глаза, все учащая свои удары, точно опасаясь, что ихъ вотъ-вотъ разнимутъ. Они не испускаютъ ни единаго крика, ни единаго стона; слышенъ только шумъ крыльевъ и стукъ клювовъ, ударяющихся о кости. Зрители въ гробовомъ молчаніи слѣдятъ за всѣми движеніями, считаютъ вырванныя перья и раны; но вдругъ кто-то изъ толпы вскрикиваетъ: «20 пезетъ за сѣраго...» «Тридцать за чернаго...» выкрикиваютъ въ отвѣтъ; опять завязываются пари и снова смолкаютъ. Но вотъ одинъ изъ пѣтуховъ замѣтно ослабѣваетъ: онъ продолжаетъ сопротивляться, но его удары клювомъ становятся рѣже, удары шпорами слабѣе; онъ бьется уже не для того, чтобы убить врага, но чтобы защитить себя;онъ отступаетъ, бѣжитъ, падаетъ, поднимается, вновь падаетъ. Тутъ уже зрѣлище становится особенно отвратительнымъ. Въ виду слабости врага, побѣдитель дѣлается все болѣе жестокимъ; его удары клювомъ преслѣдуютъ жертву, точно иголка швейной машины, когда она въ дѣйствіи: его шея вытягивается и опускается, его клювъ то отрываетъ куски мяса, то погружается въ рану врага; потомъ онъ опять начинаетъ стучать въ черепъ, точно хочетъ разбить его и вытащить мозгъ. Трудно выразить словами всю ненависть и ярость, которыя выражаются въ каждомъ ударѣ побѣдителя. Побѣжденный отбивается, бѣгаетъ туда и сюда, а побѣдитель все за нимъ, подлѣ, продолжая все болѣе и болѣе жестоко долбить по головѣ и разрывать на части мясо погибающаго и ослабѣвающаго врага. Побѣжденный пѣтухъ, истекая кровью, общипанный, шатающійся, бѣжитъ и бросается къ столбамъ рѣшетки, ища убѣжища.

*) Пезета — испанская монета, около 35 к. на наши деньги; слѣдовательно, десять пезетъ составятъ приблизительно 3 р. 50 к.

«Ослѣпъ, ослѣпъ!» вдругъ раздаются голоса, и, дѣйствительно, у побѣжденнаго пѣтуха уже не осталось ни кожи, ни глазъ; его шея представляетъ лишь окровавленную кость; его голова — обнаженный черепъ, его крылья, въ которыхъ болтаются теперь лишь два-три пера, волочатся какъ тряпки; казалось невозможнымъ, чтобы онъ могъ еще жить и двигаться; онъ не имѣетъ даже вида пѣтуха... И, однако, эти остатки, этотъ отвратительный, окровавленный скелетъ еще защищается, отбивается, несмотря на слѣпоту, потрясая обезображенными крыльями, вытягивая шею, лишенную мяса, двигая черепомъ на угадъ, туда и сюда... Между тѣмъ его палачъ и побѣдитель продолжаетъ клевать ему раны, долбить уже давно обнаженный его черепъ... Наконецъ, побѣжденный, издыхая, падаетъ на землю. Снова раздаются крики: «Пять пезетъ за то, что онъ не подниметъ больше головы!» — «Шесть пезетъ за то, что онъ ее подниметъ!» Издыхающій пѣтухъ тихо поднимаетъ голову. Побѣдитель, замѣтивъ въ своей жертвѣ признаки жизни, подбѣгаетъ къ нему и немедленно осыпаетъ его градомъ ударовъ: побѣжденный пѣтухъ вздрагиваетъ еще одинъ разъ и вытягивается. Побѣдитель взмахиваетъ крыльями и торжественно выкрикиваетъ «кукуреку». Входитъ слуга и выноситъ сражавшихся. Зрители выходятъ, но черезъ нѣсколько минутъ всѣ опять садятся на свои мѣста, вносятъ другихъ пѣтуховъ, и снова начинается прежнее постыдное зрѣлище.

ПОРТУГАЛІЯ.

ПОРТУГАЛЬЦЫ.

Ихъ прошлая судьба.—Современное положеніе страны и отчаянное состояніе ея финансовъ.—Слѣды вліянія римлянъ, грековъ, мавровъ, испанцевъ и евреевъ.—Галлегосы.—Внѣшній видъ и характеръ народа.—Щепетильность и краснорѣчіе португальцевъ.—Путешествія къ чудотворнымъ иконамъ.—Дома и обстановка.—Общественная жизнь и женщины.—Свадьба.—Языкъ португальцевъ.—Образованіе.—Природа страны.—Положеніе сельскаго и фабричнаго люда.

Хотя Португалія въ одинъ изъ періодовъ своей исторической жизни была могущественнѣйшимъ государствомъ, но въ настоящее время она представляетъ одну изъ самыхъ малыхъ европейскихъ державъ; по своему пространству она гораздо меньше многихъ русскихъ губерній. Взглянувъ на ея карту, съ перваго раза можетъ показаться, что эта страна слишкомъ мала для самостоятельнаго существованія. Несмотря на это, Португалія всегда почти существовала независимо отъ Испаніи; причина этого прежде всего лежитъ въ ея природѣ: береговая линія Португаліи, ея климатъ, растительность, направленіе вѣтровъ одинаковы во всей странѣ, и потому народы, ее населяющіе, уже издавна должны были привыкнуть къ одному образу жизни и сплотиться въ одно политическое цѣлое. Могущественное вліяніе природы сказалось здѣсь тѣмъ очевиднѣе, что въ составъ португальской національности вошли самыя разнородныя племена.

Древніе писатели доказываютъ, что первобытные обитатели Португаліи принадлежали къ кельтской расѣ. Въ давно прошедшія времена страна эта была покорена иберійцами; изъ этихъ двухъ народностей образовалась особая раса, которая была покорена римлянами; они ввели въ покоренную страну свой языкъ, свою администрацію, правительственныя и судебныя учрежденія. Въ то-же время въ Португаліи были колоніи грековъ, финикіянъ и карѳагенянъ; но римское вліяніе было наиболѣе сильное и оставило до настоящаго времени гораздо болѣе слѣдовъ сравнительно съ названными народами.

Въ VIII столѣтіи страна была покорена арабскими племенами, которыя, уничтоживъ всѣ прежнія учрежденія, распространили новыя, ввели свои обычаи, законы, цивилизацію и не коснулись одной только религіи. Такимъ образомъ магометане различнаго происхожденія, завладѣвшіе страной, также содѣйствовали значительному

измѣненію ея обитателей. Еще и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Португаліи, тамъ, гдѣ владычество мусульманъ держалось долѣе, населеніе является на половину мавританскимъ.

Могущество мавровъ, какъ въ Испаніи, такъ и Португаліи, стало пугать испанскихъ королей, и они начали вести борьбу съ маврами. Въ этой борьбѣ имъ много разъ помогали французскіе рыцари. Однимъ изъ нихъ въ концѣ XI вѣка былъ Генрихъ, графъ Византійскій, изъ Бургундскаго дома. Онъ сражался за Альфонса VI, короля кастильскаго, въ его борьбѣ съ невѣрными; благодарный король въ 1094 г. выдалъ за него свою дочь и далъ въ приданое за нею страну между Миньо и Дуэро, графство Португальское. Одинъ изъ его преемниковъ, Генрихъ Завоеватель, расширилъ свои владѣнія къ югу и былъ провозглашенъ португальскимъ королемъ; папа призналъ новую корону, а кортесы установили главнѣйшіе учрежденія и законы. Въ половинѣ XIII столѣтія вся нынѣшняя Португалія принадлежала уже преемникамъ Генриха Завоевателя. При Діонисіи, прозванномъ «отцомъ отечества», страна получила всемірное значеніе; онъ направилъ дѣятельность народа на мореплаваніе и торговлю и заключилъ первый торговый договоръ съ Англіею. Раздѣленіе Пиренейскаго полуострова на два государства было полезно въ томъ отношеніи, что Португалія и Испанія, благодаря своему соперничеству, дѣлали болѣе усилій для достиженія великихъ открытій въ области мореплаванія. Всѣмъ извѣстно значеніе Португаліи при переходѣ средневѣковаго общества въ новую фазу развитія: ея мореплаватели предпринимали далекія путешествія, дѣлали завоеванія и основывали колоніи. Со времени Эммануила Великаго (1495—1521) Португалія была великою державою, и Лиссабонъ сдѣлался богатымъ центромъ всемірной торговли, куда стекались громадныя богатства, гдѣ чеканилась золотая монета. Это время блеска вызвало развитіе литературы, и Камоэнсъ (родился въ 1517 г.) въ своей «Лузіадѣ» воспѣлъ путешествіе Васко-де-Гамо въ Индію. Но за этой блестящей внѣшностью скрывалось и много неутѣшительнаго. Вслѣдствіе открытія новыхъ странъ португальцы одинъ за другимъ стали покидать родину, а съ уменьшеніемъ народонаселенія земледѣліе приходило все въ большій упадокъ. Къ тому же въ эту страну проникли вредныя идеи, господствовавшія въ Испаніи: по навѣтамъ инквизиціи, португальскіе короли, какъ и испанскіе, начали изгонять всѣхъ подданныхъ, уличенныхъ или только подозрѣваемыхъ въ томъ, что они не ревностные католики. Тогда произошло изгнаніе мавровъ. Притѣсненіе и изгнаніе этого народа носило на себѣ тотъ же характеръ, какъ и въ Испаніи; поэтому мы и не будемъ вновь говорить здѣсь объ этомъ. Преслѣдовали также и евреевъ, которые имѣли въ странѣ немало значенія; они были очень многочисленны и пользовались большими привилегіями. Многіе изъ нихъ славились своею ученостью, образованіемъ, занимались изученіемъ наукъ. Вся литература, торговля, медицина были въ ихъ рукахъ; они основали знаменитую Лиссабонскую академію, изъ которой выходили образованнѣйшіе люди въ королевствѣ; первая книга въ Португаліи была напечатана евреями. Но въ 1496 году былъ обнародованъ декретъ, повелѣвавшій всѣмъ евреямъ перейти въ христіанство. Это заставило выселиться изъ страны около восьмисотъ тысячъ самыхъ богатыхъ, умственно развитыхъ и образованныхъ евреевъ. Но опасеніе, что вслѣдствіе этого декрета евреи будутъ эмигрировать и впредь и что это можетъ слишкомъ ослабить населеніе маленькаго королевства, заставило правительство издать новое предписаніе, на основаніи котораго задерживали всѣхъ еврейскихъ дѣтей моложе 14-ти лѣтняго возраста и обращали ихъ въ христіанство. Такимъ образомъ въ жилахъ многихъ благородныхъ португальскихъ фамилій течетъ также и израильская кровь.

Въ 1579 г. умеръ португальскій король, не оставивъ наслѣдника; тогда ближайшій родственникъ его, испанскій король Филиппъ II, присоединилъ Португалію къ своимъ владѣніямъ, и еще столь недавно всемірная держава—Португалія во время испанскаго господства потеряла всякое значеніе. Однако, въ XVII столѣтіи она свергла, наконецъ, испанское иго.

Съ начала XVIII-го столѣтія Португалія вступила въ тѣсный союзъ съ Англіей, которая такъ сумѣла устроить свои дѣла въ этой маленькой странѣ, что получала отъ нея громадныя выгоды; португальскіе виноградники начинаютъ служить съ этихъ поръ только на пользу одной Англіи.

Португаліею въ концѣ XVIII-го вѣка, какъ и Испаніею, управляли приближенные короля (который былъ неограниченнымъ монархомъ) и католическое духовенство, распоряжавшееся цензурою и воспитаніемъ юношества. Въ теченіе XIX вѣка оба названныя государства, хотя и независимыя другъ отъ друга, пережили цѣлый рядъ политическихъ переворотовъ и военныхъ бунтовъ; въ томъ и другомъ изъ нихъ шли вѣчные политическіе раздоры и возстанія. Англичане, забравшіе въ Португаліи въ свои руки всю торговлю виномъ, часто вмѣшивались во внутреннія дѣла португальцевъ, чтобы производить политическіе перевороты или ослаблять ихъ, смотря по тому, было-ли то или другое для нихъ выгодно. Наконецъ, въ 1838 г. Португалія сдѣлалась конституціоннымъ государствомъ.

Португалія теперь уже второстепенная держава; болѣе всего страдаетъ она отъ отчаяннаго положенія своихъ финансовъ. Страна эта обременена долгомъ, слишкомъ тяжелымъ для ея средствъ; между тѣмъ онъ растетъ отъ займовъ, къ которымъ постоянно приходится прибѣгать. Дефицитъ не только не уменьшается, но постоянно возрастаетъ и покрывается не иначе, какъ съ помощью займовъ. За сорокъ послѣднихъ лѣтъ долгъ увеличивался ежегодно среднимъ числомъ на 8 мил. мильрейсовъ *). Для уничтоженія дефицита въ Португаліи прибѣгали къ самымъ разнообразнымъ средствамъ: удерживали часть жалованья, слѣдуемаго чиновникамъ, сокращали ихъ штатъ, уменьшили число генераловъ (ихъ было 142, оставили лишь 32), уничтожили два полка (хотя Португалія, какъ и другія государства, сильно стремилась въ послѣднее время усилить свою армію), увеличили всѣ налоги и обременили народъ новыми, понизили расходы государства. Но всего этого оказалось недостаточно: португальское правительство рѣшило пріостановить уплату процентовъ по двумъ третямъ долга, создать монополію продажи табака въ странѣ на 35 лѣтъ, сдать съ торговъ на 12 лѣтъ спичечную монополію. Компанія, которая возьметъ эту монополію, должна будетъ по опредѣленнымъ цѣнамъ скупать всѣ спичечныя фабрики, и въ теченіе 12 лѣтъ она одна будетъ имѣть право выдѣлывать и продавать спички. При этомъ цѣна спичкамъ назначена такая высокая, что компанія получитъ хорошіе барыши; изъ нихъ она должна будетъ выплачивать правительству извѣстную сумму, но и сама положитъ въ карманъ 1/3 того лишка, который возьметъ съ народа.

Печальное положеніе финансовъ, вѣроятно, скоро приведетъ къ тому, что безъ залога никто не будетъ давать въ долгъ Португаліи, а закладывать ей, кажется, уже нечего. Все, что остается дѣлать этой странѣ, чтобы хотя нѣсколько поправить свои разстроенныя денежныя дѣла,—еще и еще сократить свою армію и на очень многіе годы сдѣлаться совершенно мирною страной, что можетъ послужить только на пользу португальцамъ, сильно отставшимъ въ просвѣщеніи отъ культур-

*) Мильрейсъ (1000 рейсовъ)—ходячая монета въ Португаліи, равняющаяся 5 фр. 60 сант.

ныхъ народовъ запада; въ то-же время это улучшитъ тяжелое экономическое положеніе населенія.

Въ составъ португальскаго типа входятъ не только римскій, арабскій, еврейскій и испанскій элементы, но въ немъ замѣчается также весьма сильная примѣсь негритянскаго элемента, особенно въ южной части Португаліи и на ея морскомъ берегу. Африканскіе невольники уже издавна продавались въ южныхъ портахъ Португаліи. Въ XVI столѣтіи ихъ ежегодно ввозили въ одинъ Лиссабонъ отъ десяти до двѣнадцати тысячъ. Тогда на улицахъ этого города встрѣчалось столько же черныхъ, сколько и бѣлыхъ.

Слѣды римскаго, греческаго, мавританскаго, еврейскаго и негритянскаго элементовъ и въ настоящее время замѣтны рѣшительно во всемъ: въ чертахъ лица, въ нравахъ, въ одеждѣ, въ архитектурѣ (въ этомъ отношеніи здѣсь, какъ и въ Испаніи, имѣли особенное вліяніе мавры), отчасти даже въ языкѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Португаліи костюмъ мужчины сильно напоминаетъ греческую фустанеллу. Жители провинціи Миньо придерживаются системы земледѣлія, заимствованной ими у древнихъ римлянъ. Въ народѣ много древне-римскихъ миѳовъ, въ языкѣ немало латинскихъ словъ. Многія пѣсни крестьянъ—древняго происхожденія. Но болѣе всего въ Португаліи замѣтно вліяніе мавровъ. Кромѣ мавританскихъ построекъ, во многихъ мѣстностяхъ страны какъ мужчины, такъ и женщины носятъ туфли, и снимаютъ ихъ, когда они входятъ въ домъ, какъ это дѣлаютъ мусульмане еще и теперь при входѣ въ мечеть. Ожерелья португальскихъ женщинъ—арабскаго происхожденія. Такъ какъ здѣшнія женщины очень берегутъ эти украшенія, и они обыкновенно переходятъ въ приданое отъ матери къ дочери, то многія изъ нихъ сдѣланы даже, вѣроятно, мусульманскими ювелирами; другія сработаны по ихъ образцу. Здѣшняя двухколесная телѣжка по формѣ чисто-римская, но ярмо—восточное, и оно обыкновенно богато и красиво разукрашено мавританскимъ рисункомъ съ насѣчкой. Домашняя глиняная посуда, кухонные горшки и чаны для воды ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которые дѣлаются горшечниками въ Марокко и Алжирѣ. Вообще нужно замѣтить, что здѣсь все крестьянское хозяйство ведется такъ-же просто, какъ и на востокѣ. Господство въ странѣ въ давно прошедшія времена различныхъ народовъ замѣтно и въ типѣ: въ иной мѣстности встрѣчаешь человѣка съ продолговатыми глазами, полными губами и съ оливковымъ оттѣнкомъ кожи африканскаго мавра; въ нѣкоторыхъ португальскихъ городахъ жители бросаются въ глаза рѣзкими типичными еврейскими чертами лица: тутъ васъ поразитъ негритянскій типъ дѣвушки, тамъ въ ней болѣе всего сказывается испанская кровь. Въ настоящее время изъ чужеземцевъ наибольшее вліяніе на португальцевъ оказываютъ галлегосы (испанцы изъ Галиціи, которая лежитъ на сѣверъ отъ Португаліи); они приходятъ въ большомъ числѣ въ португальскіе города и дѣлаются тамъ носильщиками воды и тяжестей, булочниками, сторожами и служителями. Ихъ въ Португаліи насчитываютъ болѣе 20,000. Нѣсколько человѣкъ галлегосовъ живутъ обыкновенно въ одной хижинѣ, отказывая себѣ во всемъ. Когда-кому нибудь изъ нихъ удастся тяжелымъ трудомъ скопить небольшую сумму, они тотчасъ уѣзжаютъ на родину.

Смѣшеніе всѣхъ этихъ разнообразныхъ элементовъ не произвело красиваго народа. Только очень немногіе португальцы могутъ сравняться красотою и благородствомъ осанки съ своими сосѣдями испанцами. Португальцы большею частью маленькаго роста, смуглаго, почти оливково-желтаго цвѣта лица; вздернутый носъ, толстыя губы не придаютъ особенной миловидности. Португальскія женщины тоже не отличаются красотой испанокъ, только блескъ глазъ, оживленная физіономія и роскошные волосы говорятъ о ихъ южномъ происхожденіи.

Времена величія португальцевъ показали, что въ характерѣ народа много серьезныхъ задатковъ. Всѣ путешественники единогласно хвалятъ ихъ за честность и добродушіе, вѣрность и благородство, за ихъ горячую любовь къ родинѣ, храбрость, гостепріимство и необыкновенную умѣренность въ пищѣ. Португальскіе крестьяне отличаются замѣчательнымъ умѣньемъ хорошо говорить: разговоръ обратился у нихъ просто въ особое искусство. Здѣсь можно встрѣтить много рабочихъ, не только не получившихъ никакого образованія, но и совершенно безграмотныхъ, которые поразятъ васъ умѣньемъ краснорѣчиво выразить самыя разнообразныя мысли и литературною формою выраженія. Люди среднихъ классовъ употребляютъ во зло эту способность: говорятъ очень длинно, утомительно и даже напыщенно.

Страсть португальцевъ къ драгоцѣннымъ украшеніямъ—весьма характерная черта этого народа: не даромъ въ большихъ городахъ этой страны такъ много магазиновъ ювелировъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ. И женщины, и мужчины, и богатые, и бѣдные готовы переносить какія угодно лишенія, лишь бы купить блестящую бездѣлушку. Простой людъ не можетъ украшать себя ни золотомъ, ни драгоцѣнными камнями, но каждая крестьянка имѣетъ множество тяжеловѣсныхъ украшеній изъ разноцвѣтныхъ бусъ, кораллов, латуни, изъ простыхъ разноцвѣтныхъ камней и, когда отправляется въ церковь, сплошь обматываетъ себѣ ими шею, голову, руки, пальцы.

Не менѣе сильна въ португальскомъ народѣ и страсть къ быстрой наживѣ: въ большихъ городахъ, особенно въ Лиссабонѣ, вы встрѣчаете на каждомъ шагу банки, кассы ссудъ и лавочки для продажи лоттерейныхъ билетовъ. Денежныя операціи—въ нравахъ португальцевъ почти столько-же, какъ и евреевъ. Португалецъ, проживъ нѣсколько лѣтъ по дѣламъ въ Бразиліи или Африкѣ, если только избѣгнетъ желтой лихорадки, возвращается на родину съ весьма порядочнымъ капитальцемъ. Онъ никогда, однако, не истратитъ его на землю, также рѣдко устроитъ торговое заведеніе или фабрику, но сейчасъ открываетъ гласную кассу ссудъ и даетъ деньги подъ залогъ за огромные проценты. Страсть къ наживѣ вызвала здѣсь и страсть къ лоттереѣ. Хотя лоттереи составляютъ монополію воспитательнаго дома, но продажа билетовъ служитъ предметомъ громадной спекуляціи. Впрочемъ тутъ торгуютъ не только цѣльными лоттерейными билетами, но и частицами ихъ, а также и въ разсрочку. Страсть къ наживѣ нисколько не мѣшаетъ гостепріимству: португальцы обоего пола чрезвычайно любятъ не только угостить гостя, но и отличиться передъ другими блестящимъ угощеніемъ, что въ концѣ-концовъ даже разоряетъ многихъ изъ нихъ.

Рѣзко выдающуюся черту характера португальцевъ составляетъ горячая ненависть къ испанцамъ, за которую тѣ отплачиваютъ имъ тою-же монетою. Пѣсни, легенды, поговорки и исторія страны краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о страшной ненависти между этими сосѣдями. Впрочемъ, испанцы скорѣе съ презрѣніемъ, чѣмъ съ ненавистью относятся къ португальцамъ: «сумасшедшій маленькій народецъ», говоритъ про португальцевъ кастильская поговорка. Вслѣдствіе ненависти этихъ двухъ народовъ, которыхъ судьба заставила жить на одномъ полуостровѣ, нечего и думать о ихъ соединеніи въ одно государство.

Португальцы такъ же, какъ и испанцы, любятъ бой быковъ, но эти зрѣлища они не доводятъ до такой кровожадности: они насаживаютъ пробки на рога быковъ, и одинъ и тотъ же быкъ является у нихъ на нѣсколькихъ бояхъ. Португальцы не только хорошо обращаются съ домашними животными, что составляетъ совершенную противоположность испанцамъ, но даже отличаются искусствомъ приручать дикихъ

В. Васнецов

звѣрей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ большею частію португальцы приручаютъ куницу, какъ кошку, такъ что она ловитъ крысъ и змѣй. Въ отношеніи другъ къ другу португальцы необыкновенно предупредительны и вѣжливы и доводятъ то и другое до какой-то торжественной деликатности и церемонности. Эту черту характера вы встрѣчаете здѣсь между всѣми крестьянами, даже между нищими, которые попадаются по дорогамъ. Любопытно наблюдать послѣднихъ, когда они закусываютъ, расположившись подъ вѣтвями какого-нибудь густого дерева. Вотъ они важно раскладываютъ на землю свой сухой *броа*, *сардинки* и ставятъ глиняную чашечку съ *устрицами*—все это наиболѣе обычная пища здѣшнихъ бѣдняковъ. Португальцы отличаются такой утонченной, изысканной вѣжливостью, что даже несчастные, оборванные нищіе обращаются другъ съ другомъ, какъ принцы крови. «Сеньора донна-Анна, сдѣлайте одолженіе, садитесь на мое мѣсто,—оно будетъ вамъ удобнѣе», говоритъ нищій, пересаживаясь для подслѣповатой старухи на менѣе удобный клочекъ земли. «Тысячу разъ благодарю за ваше вниманіе, донъ Жеронимо...» отвѣчаютъ ему съ тою же утонченною вѣжливостью. По имени, съ прибавленіемъ синьоръ или синьора, называютъ другъ друга только хорошіе знакомые; обыкновенно же они зовутъ другъ друга очень сложными именами: по имени жены, по своему собственному и по фамиліи, напримѣръ, Донъ-Жеронимо-Жозе-д'Азвето. Когда между простымъ людомъ выходитъ какая-нибудь ссора, вы узнаете это только по страстному выраженію лица, по нервнымъ, быстрымъ жестамъ, но никогда не услышите ни одного браннаго слова, никогда не увидите драки. Если ссора окончательно раздражила португальца, онъ съ блестящими, огненными глазами вскакиваетъ съ своего мѣста и хватается за ножъ. Хотя въ Португаліи много растетъ винограда и много выдѣлываютъ вина, однако, вы никогда не встрѣтите пьяныхъ на улицѣ. Даже нищіе, послѣ закуски, потягиваютъ изъ глиняныхъ кувшиновъ замороженную воду, а не вино.

Португальцы такъ боятся употребить въ своемъ разговорѣ какое-нибудь рѣзкое выраженіе, неприличное названіе, что вовсе не рѣшаются произносить многія слова. Напримѣръ, они считаютъ верхомъ неприличія назвать свинью своимъ именемъ; они могутъ только намекнуть на нее, а такъ какъ португальцы очень любятъ свинину и, по необходимости, должны нерѣдко произносить это слово, то выражаются обыкновенно такъ: «съ вашего позволенія—животное, въ которомъ много сала», или употребляютъ уменьшительное «поросеночекъ». Этотъ обычай не называть свинью своимъ именемъ переходитъ даже и въ научныя сочиненія: «я смѣялся отъ души», говоритъ одинъ извѣстный путешественникъ, «читая португальскій переводъ французскаго ученаго труда объ одной пещерѣ, въ которой были найдены ископаемыя кости и въ томъ числѣ множество свиныхъ костей. Португальскій переводчикъ ловко избѣгалъ всякаго прямого упоминанія объ этомъ животномъ, а тамъ, гдѣ по самому смыслу ученаго сочиненія необходимо было употребить слово свинья, онъ прибѣгалъ къ какой-нибудь фразѣ, въ родѣ слѣдующей: «домашнее млекопитающее, которое мы до сихъ поръ употребляемъ въ пищу». Деликатность и даже щепетильность манеръ и выраженій португальцевъ заслуживаютъ особеннаго вниманія уже и потому, что они большіе охотники поболтать. Краснорѣчіе — въ крови португальца, и эта маленькая страна дала нѣсколько замѣчательныхъ ораторовъ, а одинъ изъ ея поэтовъ, Камоэнсъ, стоитъ на ряду съ самыми знаменитыми. Зато Португалія совсѣмъ не имѣла великихъ артистовъ: изъ ея гражданъ не было ни одного знаменитаго скульптора, живописца или музыканта. Сказать португальцу, что онъ плохо воспитанъ, значитъ нанести ему величайшее оскорбленіе; и дѣйствительно, въ этомъ нельзя

упрекнуть ни высшій, ни простой классъ; только еще въ среднемъ классѣ попадаются грубые, неотесанные люди.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Португаліи, недалеко отъ дорогъ, встрѣчаются группы крестовъ, расположенныхъ продолговатымъ четыреугольникомъ. Эти кресты указываютъ на какое-нибудь чудо, совершенное мѣстнымъ святымъ. Время отъ времени благочестивые люди собираются сюда изъ окрестностей, преклоняютъ колѣна предъ каждымъ крестомъ, произнося извѣстное число разъ молитвы. При этомъ очень часто можно наблюдать оригинальную сцену, какъ тотъ или другой ревностный католикъ, буквально какъ дервишъ, ползаетъ на колѣняхъ вокругъ каждаго креста, но разъ онъ всталъ съ колѣнъ и началъ разговаривать съ товарищемъ, молитвенное настроеніе быстро улетучивается, онъ начинаетъ смѣяться и весело болтать. Но, несмотря на быстрый переходъ изъ молитвеннаго настроеніе въ суетное, португальцы народъ весьма религіозный. До сихъ поръ они отправляются на богомолье къ святымъ мѣстамъ. Каждый порядочный человѣкъ считаетъ своимъ долгомъ нѣсколько разъ въ жизни, въ важныхъ житейскихъ обстоятельствахъ, предпринять путешествіе для поклоненія той или другой чудотворной иконѣ. Такія путешествія въ два конца требуютъ, смотря по силамъ, отъ двухъ до четырехъ дней. Въ день, посвященный памяти той или другой чудотворной иконы, можно видѣть толпу богомольцевъ, доходящую иногда до тридцати тысячъ и болѣе. Спятъ, отдыхаютъ и ѣдятъ эти пилигримы, между которыми можно найти людей всѣхъ классовъ, на открытомъ воздухѣ, подложивъ подъ голову свой небольшой страннической багажъ. На скатахъ одинокихъ холмовъ нерѣдко можно видѣть въ этой странѣ двадцать—тридцать печей, расположенныхъ рядомъ. Въ этихъ-то печахъ пилигримы и готовятъ во время своего путешествія свой незатѣйливый обѣдъ. Между богомольцами находятся обыкновенно не только люди, которые берутся готовить кушанья для себя и для другихъ странниковъ, своихъ сотоварищей по богомолью, но и проповѣдники. Послѣдніе проповѣдуютъ и совершаютъ разные религіозные обряды среди многочисленной толпы богомольцевъ.

Какъ и всякій необразованный человѣкъ, португалецъ очень суевѣренъ; онъ вѣритъ въ оборотней и убѣжденъ, что каждый смертный можетъ обратиться въ волка и дѣлается, какъ онъ, въ это время дикимъ и кровожаднымъ. Трудно представить себѣ, съ какою дѣтскою довѣрчивостью выслушиваетъ этотъ народъ розсказни о скрытыхъ кладахъ. На отыскиваніе этихъ воображаемыхъ кладовъ здѣсь тратятъ очень много времени. Вѣра въ существованіе кладовъ поддерживается отчасти тѣмъ предположеніемъ, что въ прежнія времена, когда жизнь и имущество людей подвергались постоянной опасности, многимъ приходилось зарывать свое имущество въ землю, и тутъ, дѣйствительно, было нѣсколько случаевъ, когда найдены были большія сокровища. Въ городѣ Опорто образовался даже клубъ съ спеціальною цѣлью отыскать алмазъ баснословной величины, зарытый въ самомъ городѣ, или въ его окрестностяхъ. Нѣтъ нигдѣ и никакихъ серьезныхъ указаній относительно этого алмаза, между тѣмъ по этому поводу существуетъ множество легендъ, и даже образовалось общество съ цѣлью отыскать его.

Только люди, трудъ которыхъ тѣсно связанъ съ сельскимъ хозяйствомъ и земледѣліемъ, живутъ въ деревняхъ; среднее и высшее сословія, всѣ безъ исключенія, стремятся въ городъ. Португалецъ на столько любитъ общество, что онъ не находитъ никакого удовольствія жить безъ него въ сосѣдствѣ съ лѣсами, горами, среди дикой или поэтической природы. Въ этомъ отношеніи—это совершенная противоположность англичанину, который страстно любитъ природу и стремится постоянно

жить въ деревнѣ. Португалецъ любитъ верховую ѣзду, рыбную ловлю, охоту, но неспособенъ наслаждаться этимъ долго и никогда не промѣняетъ деревенскихъ удовольствій на шумную городскую жизнь. У кого существуетъ помѣстье, тотъ живетъ въ немъ одинъ — два мѣсяца, затѣмъ уже кричитъ, что ему надоѣла деревня, рвется въ городъ. Большая часть португальцевъ, стремящихся въ городъ, можетъ осуществить эту завѣтную мечту, такъ какъ въ португальскихъ городахъ живутъ съ такой простотой, какая немыслима нигдѣ въ другомъ мѣстѣ.

Португалецъ совсѣмъ не страдаетъ слабостью похвастать своей обстановкой. Войдите въ городской домъ даже человѣка весьма достаточнаго, и васъ поразитъ необыкновенная простота его обстановки. Прежде всего вы видите обыкновенно большой домъ, позади котораго находится клочекъ земли, засаженный капустой. Внутри дома стѣны выбѣлены, но на нихъ нѣтъ ни картинъ, ни зеркалъ; полъ, всегда голый, безъ всякихъ ковровъ. Въ извѣстномъ порядкѣ разставлены деревянные стулья, два-три карточныхъ столика и самый простенькій диванъ. Ни въ гостиной, ни въ спальнѣ нѣтъ камина и даже простой печки; окна безъ занавѣсокъ, столы безъ скатертей; вы не найдете также ни стола съ книгами, журналами и альбомами, ни даже дамскаго рабочаго столика; нигдѣ не замѣтите букета съ цвѣтами, бронзы, изящныхъ бездѣлушекъ, въ которыхъ высказывается вкусъ хозяина, и безъ чего немыслимо ни одно англійское или французское семейство самаго скромнаго достатка. Полное отсутствіе украшеній и комфорта—вотъ характерная черта жилища португальскаго средняго класса.

По тому, какъ португалецъ стремится изъ деревни въ городъ, можно объ немъ составить понятіе, какъ о человѣкѣ общественномъ, который тихой, уединенной жизни предпочитаетъ бурные споры о политикѣ или, по крайней мѣрѣ, шумную городскую жизнь съ ея выѣздами, балами и пирами. Но такое представленіе совершенно ошибочно. Португальцы обоего пола, какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ, ведутъ жизнь въ высшей степени скромную и чисто семейную. Женщины менѣе живы и подвижны и совсѣмъ не интересуются общественною жизнью: онѣ болтаютъ, хозяйничаютъ, но болѣе всего занимаются перешиваніемъ своихъ нарядовъ. Несмотря на то, что португальскія женщины ведутъ скромный, семейный образъ жизни, онѣ, такъ же, какъ и испанки, страстно любятъ наряды. Женщины среднихъ и высшихъ классовъ чрезвычайно фанатизированы своими патерами, пусты, серьезно относятся только къ выполненію внѣшнихъ обрядовъ своей католической религіи и стремятся жить въ городахъ, особенно въ столицѣ страны—Лиссабонѣ, хотя вездѣ ведутъ однообразный образъ жизни. Если лузитанская женщина и выходитъ изъ дому, то обыкновенно для того, чтобы пойти въ церковь или нѣсколько прогуляться и показать свой нарядъ. Менѣе испанки страстная и увлекающаяся, она несравненно болѣе ея сдержанна, менѣе ея любитъ привлекать на себя вниманіе мужчинъ. Когда она гуляетъ по улицѣ, то еле оборачивается и смотритъ по сторонамъ съ выраженіемъ полнаго равнодушія ко всему окружающему. Мужчины болѣе оживлены, но они не ведутъ горячихъ политическихъ споровъ, какъ испанцы, а расхаживаютъ около магазиновъ, курятъ безчисленное множество папиросъ и покойно наслаждаются «siesta» въ жаркую пору дня. Хотя среднее сословіе въ Португаліи весьма многочисленно, но оно ведетъ жизнь чрезвычайно однообразную. Въ провинціальныхъ городахъ нѣтъ никакихъ новостей, читаютъ чрезвычайно мало, и если вы увидите двухъ людей, занятыхъ оживленнымъ и, повидимому, серьезнымъ разговоромъ, то, навѣрно, услышите, какъ одинъ изъ собесѣдниковъ споритъ о томъ, что нужно понизить цѣну на табакъ, а другой опровергаетъ его; очень юные изъ нихъ пересчитываютъ

красивыхъ женщинъ, какихъ они встрѣтили въ этотъ день, говорятъ о любви и гораздо рѣже о прочитанной газетѣ. Мужчины не обращаютъ никакого вниманія на моду, и только самые молодые изъ нихъ питаютъ пристрастіе къ узкимъ сапогамъ; когда они прогуливаются по улицамъ, можно легко замѣтить, какое это имъ доставляетъ мученіе. Впрочемъ, для юношей еще есть занятіе, которое каждаго изъ нихъ всецѣло поглощаетъ въ извѣстное время,—это ухаживанье за молодыми дѣвушками; но оно выражается здѣсь въ такой невинной, дѣтской формѣ, что самая чопорная англійская леди ничего бы не могла имѣть противъ этого. Когда молодому человѣку понравилось въ окошкѣ личико дѣвушки, онъ начинаетъ все чаще передъ нимъ останавливаться. Это длится иногда очень долго. Молодая дѣвушка послѣ долгаго и постояннаго ухаживанья начинаетъ привѣтствовать юношу легкимъ наклоненіемъ головы и только уже послѣ этого улыбкой. Въ рѣдкихъ случаяхъ и послѣ очень продолжительнаго ухаживанья юноша осмѣливается прошептать ей нѣсколько комплиментовъ. Послѣ этого онъ узнаетъ, какую церковь она посѣщаетъ, и становится передъ Мадонной рядомъ съ ней на колѣни. Въ португальскихъ повѣстяхъ, романахъ и стихахъ воспѣты эти терпѣливыя ухаживанья молодежи. Эта первобытная жизнь съ узкими интересами и однообразной обстановкой встрѣчается только въ провинціальныхъ городахъ Португаліи: высшая аристократія въ столицѣ страны, Лиссабонѣ, живетъ съ такимъ же блескомъ, какъ и вездѣ.

Ухаживаніе въ простомъ народѣ отличается большою церемонностью. Такъ, напримѣръ, если лузитанскій крестьянинъ встрѣчаетъ дѣвушку, которая ему нравится, онъ почтительно снимаетъ передъ нею шляпу и стоитъ молча, опираясь на свою длинную палку, въ нѣкоторомъ отдаленіи, между тѣмъ какъ дѣвушка, съ своей стороны, тоже останавливается, снимая съ головы корзину и опуская глаза въ землю. Постоятъ такъ молодые люди другъ противъ друга минуту-другую, улыбнутся и, не сказавъ ни одного слова привѣтствія, быстро расходятся въ разныя стороны. Долгое время дѣло ограничивается обмѣномъ подобныхъ любезностей, и уже послѣ этого молодой человѣкъ дѣлаетъ предложеніе.

Въ низшихъ классахъ бракъ совершается въ приходскихъ церквахъ, а въ высшихъ—въ домашней капеллѣ. Лишь только кончится вѣнчаніе, какъ присутствующіе осыпаютъ новобрачныхъ градомъ конфектъ, — при этомъ нѣкоторыя изъ нихъ, къ особенному удовольствію публики, падаютъ на священника. Новобрачные живутъ въ домѣ родителей жениха, пока домъ не перейдетъ въ ихъ собственность, или до тѣхъ поръ, пока дѣти новой четы не принудятъ ихъ переселиться въ другое жилище.

Въ провинціальныхъ городахъ Португаліи вы нерѣдко встрѣчаете среди европейскихъ экипажей, запряженныхъ маленькими португальскими лошадьми, и мѣстный, очень оригинальный экипажъ. Въ немъ большею частью ѣздятъ женщины: это не что иное, какъ пестро покрашенныя, съ занавѣсями, носилки, длинныя палки которыхъ кладутъ на плечи двухъ муловъ и привязываютъ ихъ ремнями. Но такой экипажъ очень опасенъ: упадетъ или оступится одно изъ животныхъ, и сидящая въ немъ дама должна вылетѣть. По вечерамъ здѣшнія богатыя дамы прогуливаются еще оригинальнѣе: четыре галлегоса въ богатыхъ ливреяхъ и въ шляпахъ, разукрашенныхъ перьями, несутъ роскошно отдѣланное кресло, въ которомъ сидитъ дама; впереди идетъ еще слуга и освѣщаетъ дорогу зажженнымъ факеломъ.

Португальскій языкъ отличается отъ близкаго ему испанскаго (кастильскаго) почти однимъ выговоромъ: вмѣсто свойственныхъ испанскому гортанныхъ звуковъ онъ имѣетъ шипящіе. Напротивъ того, относительно грамматическаго строя и лек-

сическаго богатства оба языка весьма сходны. Разговорный португальскій языкъ, какъ и французскій, необыкновенно легокъ и изященъ, что въ то же время согласно съ общительнымъ характеромъ португальцевъ. Во португальскомъ языкѣ немало словъ арабскихъ, употребляемыхъ, впрочемъ, почти исключительно для обозначенія предметовъ, введенныхъ въ странѣ маврами: кромѣ того, португальцы, такъ же, какъ и испанцы, нерѣдко призываютъ Аллаха: «да будетъ угодно Аллаху!»

Относительно народнаго образованія Португалія отстала отъ другихъ странъ вслѣдствіе испанскаго господства и сильнаго вліянія фанатическаго духовенства; въ нѣкоторыхъ округахъ дѣвочки почти совершенно не посѣщаютъ школы; среди португальскихъ крестьянъ еще сильно распространенъ предразсудокъ, что дѣвушкѣ совсѣмъ не нужна грамота. Въ среднемъ здѣсь 1 ученикъ приходится на 40 жителей, между тѣмъ первоначальное образованіе въ Португаліи безплатно и обязательно. Родители обязаны посылать въ школу своихъ дѣтей отъ 7 до 15 лѣтъ. Неисполняющіе этой обязанности получаютъ сначала выговоръ и затѣмъ присуждаются къ штрафу, если не докажутъ, что обучаютъ дѣтей своихъ дома или что не могутъ посылать ихъ въ школу вслѣдствіе крайней бѣдности. Родители дѣтей, не умѣющихъ по достиженіи 15 лѣтъ ни читать, ни писать, лишаются политическихъ правъ, и такіе безграмотные юноши прежде всѣхъ берутся въ рекруты; несмотря на это, безграмотныхъ, особенно среди женщинъ, чрезвычайно много. Высчитано, что только пятая часть женщинъ умѣетъ читать и писать. На обученіе португальскаго юношества духовенство теперь не имѣетъ никакого вліянія; въ здѣшнихъ школахъ священники даже не учатъ религіи, а обученіе этого предмета лежитъ на обязанности школьныхъ наставниковъ. Наставники начальныхъ школъ на наши деньги получаютъ отъ 135 до 225 р. въ годъ, т.-е. весьма жалкое вознагражденіе.

Природа Португаліи представляетъ сильныя противоположности: то мы находимъ въ ней долины, удивительно плодородныя, то до такой степени прекрасно обработанныя земли, что онѣ напоминаютъ роскошный садъ; то встрѣчаемъ громадныя, безплодныя равнины да голыя скалы; третья часть территоріи совершенно необработана и безплодна. Приморскія области пользуются самымъ счастливымъ климатомъ: близость океана смягчаетъ лѣтній жаръ; но часто и посреди самыхъ благословенныхъ областей находятся болота, вредныя для здоровья. Здѣшнюю зиму можно назвать скорѣе дождливымъ временемъ года, потому что на самыхъ высокихъ горахъ, именно на Сіеррѣ Эстрельѣ, снѣгъ лежитъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; на равнинахъ же и въ особенности въ южной части королевства снѣгъ составляетъ почти неслыханное явленіе; поэтому въ Португаліи въ очень немногихъ домахъ можно найти печь или каминъ. Вообще во всѣ времена года страна эта представляетъ самые рѣзкіе контрасты: тутъ вы всегда можете найти и снѣгъ на вершинахъ Сіерры Эстрельи, и тропическую растительность на южныхъ берегахъ.

Португальскій рабочій людъ, какъ земледѣльческій, такъ и фабричный, трудолюбивѣе испанскаго; онъ такъ же невѣжественъ, такъ же удивительно трезвъ и воздерженъ, но при этомъ у него болѣе усидчивости въ трудѣ. Онъ работаетъ 6 дней въ недѣлю и не менѣе 10 часовъ въ сутки, и хотя празднуетъ въ году 70 праздниковъ, зато незнаетъ понедѣльныхъ прогуловъ. Онъ вѣжливъ, смышленъ, и если ему не достаетъ технической ловкости и образованія, то это не по недостатку способностей и желанія выучиться, а только потому, что объ этомъ никто не заботился: народное образованіе въ Португаліи въ крайне жалкомъ состояніи, а профессіональное обученіе только въ зародышѣ.

Промышленность въ Португаліи весьма слабо развита, и страна эта по преиму-

ществу земледѣльческая. Народонаселеніе Португаліи считается въ 4.300,000 человѣкъ; изъ нихъ только 186,000 принадлежитъ къ промышленному классу, и притомъ громадное большинство этихъ рабочихъ—ремесленники или поденщики; только въ Лиссабонѣ, Опорто и ближайшихъ окрестностяхъ этихъ двухъ городовъ есть нѣсколько большихъ фабрикъ. Въ Опорто нѣсколько шелковыхъ фабрикъ и сахарныхъ заводовъ; ювелиры и перчаточники этого города пользуются даже нѣкоторою извѣстностью.

Положеніе португальскихъ крестьянъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ весьма жалкое, но въ общемъ оно все же лучше положенія испанскихъ земледѣльцевъ. Всего лучше положеніе крестьянъ на сѣверѣ Португаліи, особенно въ провинціи Миньо. Хотя эта область очень густо населена, но земельная собственность здѣсь весьма раздроблена. Крестьяне, собственные участки которыхъ слишкомъ малы, и тѣ, которые ихъ вовсе не имѣютъ, пользуются землею отъ землевладѣльцевъ на правѣ наслѣдственной аренды: это значитъ, что земля, которую предокъ крестьянина взялъ отъ помѣщика въ аренду, переходитъ въ пользованіе его наслѣдниковъ подъ условіемъ аккуратнаго взноса арендной платы, которая здѣсь для крестьянъ не обременительна. Выгоды этой системы, встрѣчающейся и въ другихъ мѣстностяхъ Португаліи, особенно очевидны въ провинціи Миньо, которая славится своимъ земледѣліемъ, благоденствіемъ жителей и великолѣпно обработанной почвой.

Въ южныхъ же провинціяхъ Португаліи положеніе крестьянъ гораздо хуже: здѣсь огромныя пространства земли испоконъ вѣка захвачены нѣсколькими знатными фамиліями и переходятъ по наслѣдству только къ одному сыну землевладѣльца, а не раздѣляются между всѣми его дѣтьми. Эти крупные собственники оставляютъ громадные земельные участки необработанными. Крестьяне здѣсь обыкновенно не имѣютъ вовсе земли и съ большимъ трудомъ находятъ себѣ работу въ качествѣ батраковъ. Въ добываніи работы имъ сильно мѣшаютъ испанскіе крестьяне изъ Галиціи, которые массами приходятъ въ южную Португалію и берутся работать за крайне ничтожную плату. Такимъ образомъ, ни промышленность страны, ни ея земледѣліе не могутъ прокормить всего населенія, и потому португальцы годъ отъ году все болѣе эмигрируютъ въ чужіе края.

Первое богатство страны—виноградники. Извѣстное вино—портвейнъ приготовляется изъ винограда, собираемаго на берегахъ рѣки Дуэро. Тутъ виноградники занимаютъ до 30,000 десятинъ; уходъ за ними весьма старательный и требуетъ много рукъ. Виноградъ расположенъ по террасамъ, искусно построеннымъ. Когда грозды начнутъ увядать, ихъ собираютъ, бросаютъ въ широкіе, плоскіе чаны и вытаптываютъ сокъ. Когда вино готово, его продаютъ виноторговцамъ города Опорто. Однако, нужно замѣтить, что къ винамъ, назначеннымъ для вывоза за границу, обыкновенно прибавляютъ нѣсколько водки, когда они еще находятся въ магазинахъ, и то же самое дѣлаютъ передъ отправленіемъ за границу. Въ провинціи Миньо виноградныя лозы разводятъ обыкновенно такъ, какъ и въ Италіи, т.-е. онѣ обвиваются вокругъ большихъ деревьевъ и ниспадаютъ съ нихъ фестонами; это чрезвычайно украшаетъ пейзажъ.

Разведеніе муловъ служитъ источникомъ значительныхъ доходовъ для сѣверныхъ провинцій. Португальцы занимаются также откармливаніемъ скота и вывозятъ его въ пограничныя испанскія провинціи для отправленія въ Англію. Многіе занимаются здѣсь и разведеніемъ скороспѣлыхъ плодовъ для продажи ихъ на рынкахъ Лондона и Ріо-Жанейро.

Заработная плата въ Португаліи чрезвычайно низка, а именно для земледѣль-

ческихъ рабочихъ отъ 80 сант. до 1 фр. 10 сант., женщинамъ—отъ 45 до 70 сант.; фабричные рабочіе получаютъ нѣсколько больше, отъ 1 фр. до 1 фр. 25 сант.; женщины—отъ 50 до 70 сант. Изворачиваться при такой ничтожной платѣ какъ поденщику-земледѣльцу, такъ и фабричному рабочему чрезвычайно трудно, и потому ему приходится довольствоваться плохимъ помѣщеніемъ и питаться крайне скудно.

Португальское простонародье употребляетъ малопитательную пищу, которая здѣсь состоитъ изъ *броа*, т.-е. хлѣба изъ ржи и кукурузы, сухой трески, маринованныхъ сардинокъ (сардинокъ добываютъ здѣсь такъ много, что ими откармливаютъ даже свиней), риса и похлебки, въ которой главную роль играетъ рѣпа, бобы, лукъ и масло; говядину ѣдятъ крайне рѣдко. Питьемъ служитъ мѣстное красное вино, довольно кислое на вкусъ. Водки, чаю и кофе низшіе классы населенія никогда не видятъ.

ЛИССАБОНЪ.

Видъ города и его восхитительное мѣстоположеніе.—Землетрясеніе 1755 года.

Окрестности Лиссабона, какъ и вся страна, холмисты, живописны и необыкновенно привлекательны. Повсюду виднѣются пробковыя рощи, величественные дубы, финиковыя пальмы, каштаны, миндальныя деревья, виноградники. Поля риса чаще всего привлекаютъ взоръ путешественника. И бѣдный, и богатый португалецъ каждый день, чуть не съ каждымъ кушаньемъ, употребляетъ рисъ. Дома, что попадаются по дорогѣ, чрезвычайно живописны; хотя здѣсь, какъ и вездѣ въ Португаліи, нѣтъ андалузскихъ *patio* (внутреннихъ двориковъ), но почти всѣ дворы обнесены высокой стѣной, изъ-за которой виднѣется жилой домъ, обсаженный апельсинными, масличными деревьями и виноградною лозою. Тутъ же поблизости обыкновенно находится и огородъ, окруженный живою изгородью. Но очень часто здѣсь и тамъ встрѣчаются сухія холмистыя пустыни. На нихъ уже нѣтъ жилищъ, но и онѣ не лишены своей оригинальной прелести: почти круглый годъ, исключая двухъ, трехъ мѣсяцевъ, пустыни эти покрыты верескомъ, миртами и множествомъ другихъ цвѣтущихъ растеній и кустарниковъ.

Подъѣзжать къ Лиссабону приходится по высокому утесистому берегу Таго; по мѣрѣ приближенія къ португальской столицѣ мѣстность все болѣе оживляется. Наконецъ, открывается устье Таго, которое такъ обширно, что представляетъ настоящій морской заливъ: здѣсь и стоитъ Лиссабонъ. Заливъ соединяется съ моремъ узкимъ и глубокимъ проливомъ; вода въ немъ совершенно соленая, и добыча соли составляетъ одно изъ важныхъ занятій жителей окрестностей Лиссабона. Ничего лучшаго для торговаго порта, какъ эта мѣстность, и вообразить нельзя: площадь гавани громадна, въ ней свободно могутъ размѣститься тысячи судовъ, входу и выходу которыхъ помогаютъ приливы и отливы и значительная глубина воды.

Лиссабонъ раскинутъ на утесистомъ берегу моря, на холмахъ, амфитеатромъ, и потому, естественно, онъ имѣетъ въ высшей степени живописный видъ; очень немного городовъ на свѣтѣ имѣютъ такое восхитительное положеніе. За городомъ виднѣются дикія зубчатыя горы Синтра, а напротивъ города красуется лѣвый берегъ Таго, у котораго стоятъ большія суда, а за ними виднѣются дома и сады. Необыкновенно прелестный видъ города больше всего зависитъ отъ холмистой почвы. Португалецъ съ гордостью говоритъ о своей столицѣ: «Кто не видалъ Лиссабона, тотъ не видалъ ничего хорошаго».—Въ восточной сторонѣ города лежитъ старый

Лиссабонъ, расположенный на самой высокой горѣ города. Эта часть столицы наиболѣе своеобразна, такъ какъ она менѣе всего пострадала отъ знаменитаго землетрясенія 1755 г.: здѣсь улицы неправильны, узки и кривы, дома старомодные, съ готическими украшеніями.

Самая лучшая часть города въ 1755 году наиболѣе пострадала отъ землетрясенія; теперь она застроена красивыми домами въ европейскомъ вкусѣ. Недалеко отъ нея возвышается дворецъ бывшей инквизиціи, но не очень давно онъ почти совсѣмъ выгорѣлъ внутри. Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда—мѣсто для публичнаго гулянья, обсаженное густыми рядами тѣнистыхъ деревьевъ. Здѣсь вообще много мѣстъ для прогулокъ, прелестные скверы и поэтическіе сады. Улицы прекрасно шоссированы, освѣщены, тщательно поливаются.

Наружность построекъ новаго города не имѣетъ ничего оригинальнаго; болѣе всего бросаются въ глаза церкви, которыми такъ богатъ Лиссабонъ, и каждая изъ нихъ имѣетъ множество колоколовъ. Португальцы очень любятъ колокольный звонъ, но система звонить здѣсь совсѣмъ не наша. Лиссабонскіе колокола въ рукахъ руководящихъ ими опытныхъ артистовъ вызваниваютъ самый различный репертуаръ оперъ, оперетокъ и даже плясовыхъ мотивовъ. Случается, что по улицѣ несутъ умирающему святые дары, а колокола вызваниваютъ гривуазные мотивы Оффенбаха. Церквей много потому, что на церковную службу собираются не только, чтобы помолиться Богу, но она служитъ здѣсь нерѣдко и любимымъ развлеченіемъ: во время вечерней службы аристократическія церкви великолѣпно освѣщены и убраны живыми цвѣтами; множество дамъ въ нарядныхъ платьяхъ наполняютъ храмъ. Кажется, будто онѣ собрались на театральное представленіе, тѣмъ болѣе, что органъ часто играетъ оперные мотивы.

Улицы, кромѣ ближайшихъ къ порту, довольно пустынны; онѣ не оживляются, какъ въ другихъ южныхъ городахъ Европы, многочисленными кофейнями: португальцы въ кафэ ходить не любятъ. Только босыя рыбачки съ огромными корзинами на головахъ то и дѣло пробѣгаютъ по улицамъ въ своихъ оригинальныхъ черныхъ костюмахъ съ поясомъ и короткими юбками, съ широкими шляпами на головахъ.

Лиссабонскій климатъ превосходенъ, даже въ январѣ очень тепло; только лѣтомъ слишкомъ жарко; жаръ въ 30 градусовъ здѣсь считается очень обыкновеннымъ. Здѣсь очень вкусная вода для питья, и ее берутъ изъ замѣчательнаго каменнаго *Алькантарскаго водопровода*. Этотъ водопроводъ имѣетъ четыре мили длины и 30 саженъ высоты. Вода въ немъ собирается изъ нѣсколькихъ источниковъ; нѣкоторые изъ нихъ находятся на разстояніи 4-хъ часовъ ѣзды отъ Лиссабона. Надъ водопроводомъ устроено до 127 арокъ изъ тесанаго мрамора. По своему искусному устройству онъ представляетъ одну изъ достопримѣчательностей не только Лиссабона, но и всей Европы.

Самая характерная особенность южной Португаліи та, что она подвержена частымъ землетрясеніямъ. Страшное лиссабонское землетрясеніе 1755 года, которое разрушило весь Лиссабонъ, было въ то-же время чувствительно въ Африкѣ, Ирландіи и Америкѣ; оно случилось утромъ въ праздникъ Всѣхъ Святыхъ. Солнце во всемъ блескѣ поднялось на безоблачномъ небѣ и, казалось, обѣщало чудный день. Все народонаселеніе, въ праздничныхъ нарядахъ, спѣшило въ церкви; вдругъ содрогнулась земля и дрожала около 6—7 минутъ. Затѣмъ все смолкло, но черезъ пять минутъ повторился еще болѣе сильный ударъ, который длился нѣсколько менѣе. Черезъ часъ этотъ огромный городъ лежалъ въ развалинахъ. Уже съ первымъ ударомъ народъ въ какомъ-то ужасѣ и отчаяніи пустился бѣжать, но на дорогѣ мно-

жество людей было раздавлено падающими зданіями или поглощено вновь раскрывшимися трещинами и зіяющими пропастями. Оставшіеся въ живыхъ бѣгутъ къ водѣ, надѣясь спастись, переплывъ на другую сторону, но рѣка выступаетъ изъ береговъ и поглощаетъ тѣхъ, кто за минуту вступилъ на ея берегъ. Не лучше и тѣмъ, кто бросился на корабли: страшная буря вдребезги разбиваетъ ихъ, и они въ ту же минуту исчезаютъ въ водоворотѣ. Къ довершенію ужаса, въ то время, когда рушились храмы и дворцы, жилища и фабрики, въ разныхъ мѣстахъ вспыхнулъ пожаръ, который свирѣпствовалъ въ продолженіе шести дней. Что спаслось отъ землетрясенія, то погибло отъ необузданной ярости огня. Число людей, погибшихъ во время этой катастрофы въ одномъ только Лиссабонѣ, частью подъ развалинами, частью въ огнѣ и водѣ, полагаютъ до 40,000.

РАЗВЛЕЧЕНІЯ НАРОДА.

Если случится проѣзжать вечеромъ въ праздничный день по какой бы то ни было деревнѣ Португаліи, вы всегда встрѣтите толпу народа: мужчины играютъ въ шары, а юноши и дѣвушки танцуютъ, окруженные зрителями; звуки гитары, сливаясь съ веселыми голосами, производятъ пріятное впечатлѣніе.

Зачастую въ праздничные вечера крестьяне собираются слушать импровизированное пѣніе. Одинъ изъ парней вызываетъ на состязаніе съ собой желающаго,—это называется «пѣть по вызову». Въ Италіи, какъ мы знаемъ, также существуетъ импровизированное пѣніе; но тамъ, если импровизаторъ не можетъ придумать стиха, онъ зачастую вставляетъ готовую риѳму изъ запаса заученныхъ имъ пѣсенъ, но въ Португаліи импровизаторъ долженъ самостоятельно подобрать риѳму къ стиху своего противника. Обыкновенно импровизаторъ начинаетъ съ того, что старается задѣть въ стихахъ своего противника; тотъ долженъ отвѣтить ему на это подходящей риѳмой. Если противникъ долго медлитъ отвѣтомъ, состязаніе считается неудачнымъ и вызываютъ другого противника. Импровизированные стихи на половину поютъ, на половину говорятъ речитативомъ медленно и протяжно. Такое чередующееся пѣніе съ утра до вечера раздается во время полевыхъ работъ. Пастухъ, стерегущій свои стада на холмѣ, устраиваетъ такое пѣніе съ своимъ пріятелемъ, который находится на другой сторонѣ долины, иногда на далекомъ отъ него разстояніи. Дѣвушка, никогда не разговаривающая при встрѣчѣ съ своимъ возлюбленнымъ, переговаривается съ нимъ такими риѳмованными стихами, хотя ихъ раздѣляетъ иногда цѣлыхъ два поля; такъ они поютъ и переговариваются между собою иногда по нѣсколько дней сряду, пока не выскажутъ всего, чего не могутъ высказать при личномъ свиданіи. Случается, что парень работаетъ одинъ и вблизи нѣтъ никого, кто-бы могъ отвѣтить на его вызовъ; тогда онъ самъ себѣ импровизируетъ отвѣтъ и поетъ его тономъ выше, изображая дѣвушку, которая должна была-бы ему отвѣтить на его привѣтъ. Различіе тона соблюдается даже въ тѣхъ случаяхъ, когда пѣсня поется двумя мужчинами или двумя женщинами. Всего чаще такое пѣніе можно слышать во время жатвы или винограднаго сбора. Издали слушать его гораздо пріятнѣе, чѣмъ вблизи, такъ какъ стихи эти поютъ обыкновенно протяжно и въ носъ, что на близкомъ разстояніи не особенно пріятно для слуха.

ШВЕЙЦАРІЯ.

АЛЬПЫ.

Альпійская природа.—Харастеристика горной области: жизнь, движеніе и богатство окружающей природы.—Климатъ.—Фёнъ и его вліяніе на природу, людей и животныхъ.—Туманы.—Дикіе, бурные потоки; страшнѣйшій вредъ, приносимый ими жителямъ.—Пещеры.

Ни одна въ мірѣ цѣпь горъ не представляетъ такого разнообразія формъ и оттѣнковъ, такого множества великолѣпныхъ видовъ, такой замѣчательно богатой природы, какъ Альпы. Въ то время, когда въ Альпійскихъ долинахъ во всей красотѣ зеленѣетъ пышная листва толстоствольныхъ, высокихъ каштановъ, когда на лугахъ пестрѣетъ роскошная растительность и жители собираютъ богатую жатву и сочный виноградъ, ихъ близкіе сосѣди половину года терпятъ отъ холода. Тамъ есть и такія мѣста, гдѣ люди десять мѣсяцевъ въ году проводятъ среди мятелей и убійственнаго ненастья.

Невозможно не только опредѣлить, но и вполнѣ изслѣдовать разнообразныя богатства альпійскаго міра. Однако, смѣло можно сказать, что Альпы—единственная цѣпь горъ въ Европѣ, которая въ такой степени соединяетъ въ себѣ растенія и животныхъ всѣхъ европейскихъ поясовъ. Растенія и животныя крайняго сѣвера и самаго юга Европы, существуютъ здѣсь на небольшомъ пространствѣ. Нигдѣ въ остальной Европѣ метеорологическія явленія не имѣютъ той ужасающей силы, не представляютъ такого разнообразія и поразительно грандіознаго величія, какъ въ Альпахъ. Видъ и положеніе той или другой альпійской мѣстности то и дѣло мѣняются: деревня, сегодня цвѣтущая, завтра можетъ быть погребена подъ лавиною или снѣжнымъ обваломъ.

Трудно описать всю прелесть альпійской природы. Она такъ разнообразна, что съ каждымъ поворотомъ дороги, когда вы наблюдаете ее съ глетчера (ледника) или изъ долины, съ разной высоты горъ, смотря по времени года и дня, вы видите передъ собою чудную, всегда новую картину, нисколько не похожую ни на одну изъ видѣнныхъ вами прежде. Но, чтобы видѣть различныя явленія природы, понять замѣчательное разнообразіе и всю красоту той или другой альпійской области, необходимо самому лазить по горнымъ вершинамъ, взбираться на крутыя скалы,

обойти цѣлые лабиринты ледниковъ и снѣговыхъ полей, побродить по берегамъ прозрачныхъ озеръ, по цвѣтущимъ склонамъ, обрамляющимъ шумные водопады, или по мрачнымъ, пустынымъ лѣсамъ, проникнуть даже въ гроты, изъ которыхъ вырываются горные потоки и ручьи.

Отъ самыхъ высокихъ вершинъ вплоть до населенныхъ долинъ цѣлыми десятками спускаются *ледники*, гигантскія ледяныя массы, похожія на замерзшія рѣки. Подойдите ближе къ подошвѣ такого ледника, и вы увидите передъ собою гротъ, сіяющій фантастическими красками. Гулъ и грохотъ отъ камней, отъ времени до времени ниспадающихъ на ледники съ нависшихъ надъ ними скалъ, какъ нельзя лучше гармонируютъ съ окружащей обстановкой. Здѣсь и такъ у подошвы ледниковъ дико вырываются мутные источники. По мѣрѣ того, какъ вы подымаетесь на ту или другую высоту, мѣняются климатъ, виды водныхъ теченій, породы растеній и животныхъ, особеннымъ образомъ осѣдаютъ испаренія, замѣтно различное дѣйствіе вѣтровъ и солнечныхъ лучей; звѣзды, луна и самое небо представляютъ иную ясность, оттѣнки, даже другіе цвѣта. На основаніи всего этого обыкновенно раздѣляютъ всю альпійскую природу на три полосы или области: 1) *на горную область* отъ 2,500 до 4,000 ф. высоты надъ уровнемъ моря, 2) отъ 4,000 ф. до 7,000 ф. высоты—среднюю, собственно *альпійскую область* и 3) *снѣжную область*—отъ 7,000 до 14,000 ф. высоты.

Горная область богата роскошною растительностью и прекрасными лугами; здѣсь центръ жизни и движенія, средоточіе промышленной и общественной дѣятельности. Тутъ по долинамъ и горнымъ склонамъ разсыпаны шалэ, красивые города, мызы, деревни. А вонъ тамъ дальше долина поднимается выше надъ уровнемъ моря. Вмѣстѣ съ нею возвышаются дома, сады, пашни. Эти идущія вверхъ долины также покрыты богатыми каштановыми деревьями, виноградниками, разукрашены маленькими голубыми озерами и прелестными источниками хрустальной, прозрачной, нѣсколько зеленоватой воды. Лишь въ очень немногихъ мѣстахъ встрѣчаются въ этой области слѣды бѣдности природы. На каждомъ шагу она представляетъ чудные виды: потоки глетчеровъ, русла множества источниковъ, воды, просачивающіяся изъ скалъ; самые фантастическіе и разнообразной формы водопады.

Горная область—въ то же время область густыхъ, заповѣдныхъ лѣсовъ; тутъ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, земля доступна обработкѣ, даетъ самую разнообразную зелень, хлѣба, цвѣты, тутъ разстилаются огромные, тучные луга.

Климатъ этой области весьма разнообразенъ. Гдѣ долины открыты для сѣвернаго вѣтра или стѣны горъ оставляютъ лишь узкую, плохо освѣщаемую полосу, тамъ холодъ сильнѣе, чѣмъ въ долинахъ, лежащихъ выше, но защищенныхъ со всѣхъ сторонъ и открытыхъ съ юга. Теплота много зависитъ отъ освѣщенія мѣстности солнцемъ, а еще больше отъ господствующихъ вѣтровъ, изъ которыхъ многіе производятъ опустошительные вихри и песчаные смерчи. Во всей горной области Швейцаріи, за исключеніемъ немногихъ мѣстностей, самый извѣстный и оригинальный вѣтеръ—*фёнъ*. Самумъ Сахары, пронесшись черезъ море и отравивъ итальянскій воздухъ подъ именемъ сирокко, врывается сквозь ущелья Альпъ, черезъ Сенъ-Готардъ и долину Рейса,—тутъ его уже зовутъ новымъ именемъ—фёнъ. По мѣстнымъ наблюденіямъ, фёнъ чаще всего является зимою и въ началѣ весны; затѣмъ чаще и сильнѣе ночью, нежели днемъ, когда въ воздухѣ вообще холоднѣе. По нѣкоторымъ явленіямъ угадываютъ приближеніе фёна. Ночь начинается невыносимой духотой, чувствуется какая-то особенная сухость воздуха. Мѣсяцъ окруженъ красноватымъ, мутнымъ кругомъ; звѣзды блестятъ и сверкаютъ ярче обыкновеннаго. Вотъ

подулъ откуда-то вѣтерокъ, раздается болѣе оживленный шелестъ листьевъ, шумъ потоковъ. Вдругъ врывается сильный порывъ вѣтра, который обдаетъ своимъ горячимъ дыханіемъ. Эти бѣшеные порывы фёна доходятъ иногда до страшныхъ ураграновъ, продолжаются по два и по три дня, ломаютъ тысячи деревьевъ и сбрасываютъ ихъ съ вершинъ скалъ въ глубину, срываютъ крыши съ домовъ и мельницъ, однимъ словомъ распространяютъ ужасъ по всей мѣстности. Сильнѣе всего свирѣпствуетъ фёнъ въ долинахъ, примыкающихъ къ сѣвернымъ склонамъ. Безпокойство природы смущаетъ и животныхъ. Пугливо сбѣгаются серны на сѣверную сторону горы или въ глубокія котловины скалъ; лошади, коровы, козы съ безпокойствомъ ищутъ свѣжаго воздуха, потому что фёнъ сушитъ имъ горло. Ни одной птицы не замѣтно ни въ лѣсу, ни въ полѣ, и если этотъ вѣтеръ захватитъ кого-нибудь изъ нихъ во время ихъ странствій изъ одной страны въ другую, онѣ прячутся въ закрытыя мѣста. Это явленіе имѣетъ страшное вліяніе на человѣка: дыханіе захватываетъ въ груди, становится душно, тяжело, и кровообращеніе дѣлается неправильнымъ. Днемъ все прячется отъ фёна, все бросается въ разныя стороны. Лишь только появляется первое предвѣстіе этого страшнаго врага, какъ всюду начинаютъ захлопывать двери балконовъ и окна. Вихри горячей пыли носятся столбомъ, листья падаютъ, вѣтеръ стонетъ въ ущельяхъ, въ трубахъ домовъ, въ снастяхъ парохода. Когда ждутъ появленія фёна ночью, то начинаютъ тушить костры и огни въ печахъ. Особые надсмотрщики бѣгаютъ изъ дома въ домъ и смотрятъ, все-ли потушено, такъ какъ этотъ вѣтеръ при сухости воздуха и деревянныхъ постройкахъ часто причиняетъ страшные пожары. Но фёнъ въ то же время и оживляетъ природу. Во всей горной области онъ растопляетъ снѣгъ и часто однимъ дуновеніемъ измѣняетъ видъ мѣстности. Если бы онъ отъ времени до времени не сметалъ накопившійся снѣгъ, то въ нѣкоторыхъ верхнихъ долинахъ не было бы ни лѣта, ни жизни, а только лежали бы ледяныя поля. Но зато онъ быстро сушитъ цвѣты, деревья, уничтожаетъ жатву, палитъ землю, сожигаетъ и дѣлаетъ черной даже крапиву, какъ будто по ней прошелъ огонь.

Другое характерное явленіе горной области—туманы: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этой области они иногда стоятъ сплошь круглый годъ и бываютъ иногда до того сильны, что въ двухъ шагахъ нельзя различить человѣка. Они ложатся полосами и клочками на горы, лѣса и ручьи; густыми клубами катятся они по долинамъ, останавливаясь въ ложбинахъ горъ или громоздятся другъ на друга высокою стѣною въ нѣсколько тысячъ футовъ. На растительную жизнь туманы дѣйствуютъ не особенно благодѣтельно: они пропитываютъ холодомъ и сыростью воздухъ и землю. Напротивъ, во время сухого и жаркаго лѣта они охраняютъ растительность отъ засухи, принося ей влагу. На болѣе высокихъ горныхъ уступахъ и высочайшихъ вершинахъ туманы клубятся и въ самое ясное лѣтнее время. Во время сильныхъ тумановъ въ шалашахъ звонятъ, чтобы дать знать пастухамъ о дорогѣ, иначе даже привычному человѣку очень легко заблудиться.

Зима въ горной области начинается съ конца декабря, но наступаетъ не сразу и не въ одно и то же время во всѣхъ мѣстностяхъ. Уже въ октябрѣ и ноябрѣ появляются кое-гдѣ снѣгъ, морозы, образуется ледъ на ручьяхъ и иней на кустахъ, но покажется горячее солнышко—и все снова растопитъ. Но когда дни становятся короткими, тогда часто въ одну ночь засыпаетъ снѣгомъ цѣлый округъ. Только на южной сторонѣ Альпъ и на нѣкоторыхъ скатахъ горъ еще сверкаютъ зелень и свѣжіе цвѣты. Наконецъ, снѣгъ проникаетъ и на солнечную сторону и заваливаетъ лѣса, луга и поля. Ручьи леденѣютъ, водопады окаменѣваютъ и представляютъ со-

бою замерзшія колонны изъ ледяныхъ сосулекъ у каменной стѣны. Только мѣстами остается свободнымъ отъ снѣга какое-нибудь небольшое пространство, которое подвержено одному изъ сильныхъ вѣтровъ. Тогда жители горныхъ долинъ отправляются въ лѣса на саняхъ съ топорами. Во множествѣ горныхъ мѣстностей только зимняя дорога и дѣлаетъ возможнымъ вывозъ дровъ.

Теплые вѣтры возвѣщаютъ о веснѣ и помогаютъ солнцу срывать снѣговой покровъ. Какъ и зима, весна не тотчасъ наступаетъ, и часто зажурчавшіе ручьи, зашумѣвшіе водопады, засверкавшіе луга снова заносятся мятелью. Но когда ледъ уже тронутъ, при первыхъ теплыхъ лучахъ солнца онъ быстро начинаетъ таять. Лѣса и кустарники одѣваются въ чудную зеленую одежду: зелень пробивается все больше и больше. Съ каждой террасы бѣгутъ потоки, у каменистыхъ стѣнъ трещатъ ледяные столбы водопада, обливаемые свѣжимъ ливнемъ, и съ страшнымъ трескомъ валятся въ глубоко изрытое ложе. Оттаявшія ледяныя глыбы грохочутъ по скаламъ; къ этому присоединяются глухой громъ катящихся съ вершинъ лавинъ и трещащихъ глетчеровъ, стукъ камней, скопившихся въ щеляхъ скалъ и оттаявшихъ во время оттепелей, однимъ словомъ, весна громко говоритъ о своемъ появленіи и всюду будитъ природу. Такъ же громко привѣтствуетъ весну и весь животный міръ. Весна въ горной области—самый шумный, самый звучный, тысячеголосный періодъ въ природѣ.

Лѣтомъ и осенью часто являются дикіе бурные потоки. Они представляютъ самое страшное и опасное явленіе природы въ этой области. Обыкновенно они приносятъ даже болѣе вреда, чѣмъ лавины и бури. Потоки эти нерѣдко превращаются въ нѣсколько часовъ въ огромныя, бурныя рѣки; это чаще всего случается послѣ продолжительныхъ ливней, когда фёнъ растопляетъ массы горнаго снѣга. Тогда воды эти собираются вверху на покатыхъ поляхъ, затѣмъ, падая внизъ съ бѣшеною силою, онѣ прорываютъ себѣ ложе сквозь огромные обломки скалъ, несутъ въ своихъ желто-грязныхъ волнахъ стоячія ели, валуны, песокъ, землю; часто вырвавшись изъ своего русла, вслѣдствіе какого-нибудь сильнаго сопротивленія, онѣ разливаются по долинѣ, по обработаннымъ полямъ и лугамъ и такъ свирѣпствуютъ, бѣгутъ и ревутъ, пока, наконецъ, не низвергнутся въ какую-нибудь рѣку, въ глубинѣ долины. Трескъ, шумъ, громъ отъ этого низверженія, отъ этихъ дико катящихся другъ черезъ друга каменныхъ глыбъ раздаются по горамъ и долинамъ и наводятъ на жителей отчаяніе. Они бѣгутъ съ шестами, баграми, заступами и стараются по возможности воспрепятствовать напору и раздробить его. Крики, вопли сливаются съ шумомъ и трескомъ каменныхъ скалъ, съ рокотомъ разбушевавшагося потока. Эти дикіе потоки иногда въ нѣсколько часовъ превращаютъ богатыя пастбища и пашни въ каменныя груды и песчаныя пустыни. Нерѣдко они сносятъ дома, конюшни, хлѣва и уничтожаютъ цѣлыя долины. Эти наводненія уступаютъ по производимому ими ужасу развѣ только одному явленію альпійской природы — обваламъ, о которыхъ будетъ сказано ниже.

Не менѣе замѣчательное явленіе—*пещеры*. Онѣ представляются здѣсь въ самомъ разнообразномъ видѣ: то вы видите предъ собою небольшое углубленіе въ скалѣ съ выдающимся сверху навѣсомъ, то онѣ представляются ущелистыми углубленіями, наконецъ—въ видѣ проломовъ въ горѣ. Внутренность этихъ пещеръ иногда очень обширна, съ узкими ходами, съ ямами, съ подземными бассейнами воды, съ ручьями и огромными разсѣлинами, уходящими глубоко внутрь горы. Многія изъ этихъ пещеръ служили убѣжищами для преслѣдуемыхъ и жилищами разбойниковъ; во многихъ изъ нихъ находятъ окаменѣлыя кости, римскія и древне-нѣмецкія монеты, ра-

ковины, округленные валуны серпентина, которыхъ совсѣмъ не встрѣтишь въ горахъ, или массы горныхъ кристалловъ, остатки хищныхъ животныхъ, исчезнувшихъ съ лица земли уже сотни лѣтъ тому назадъ, или, наконецъ, никогда не тающія массы льда. Кристаллы и известковые натеки самыхъ разнообразныхъ формъ украшаютъ внутренность этихъ оригинальныхъ жилищъ.

РАЗНООБРАЗІЕ РАСТИТЕЛЬНОСТИ ГОРНОЙ ОБЛАСТИ.

Кукуруза.—Виноградная лоза.—Каштаны.—Ихъ польза и значеніе для мѣстныхъ жителей.—Животная жизнь.—Пернатые обитатели.—Дѣвственные альпійскіе лѣса.—Вліяніе лѣса на климатъ и почву.

Горная область отличается особеннымъ богатствомъ растительности. Невозможно точно обозначить начало и предѣлъ растительности на той или другой высотѣ. Въ мѣстностяхъ, охраненныхъ такъ или иначе отъ суровой погоды, растенія могутъ произростать и на несвойственной имъ высотѣ. На солнечной сторонѣ каждое растеніе можетъ жить на 400—500 фут. выше своего обычнаго уровня.

Блестящіе длинные листья высокаго маиса покрываютъ собою плодородную почву многихъ долинъ. Табакъ, спаржа, абрикосы и персики встрѣчаются также въ очень многихъ мѣстахъ, часто даже и на высотѣ 2,500 ф. надъ уровнемъ моря. Пшеница, рожь и другія хлѣбныя растенія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приносятъ богатую жатву и воздѣлываются съ большимъ успѣхомъ, хотя часто ихъ и не хватаетъ для продовольствія мѣстныхъ жителей. Названныя растенія занимаютъ большія пространства земли до 2,700 ф. в., но часто встрѣчаются хлѣбныя поля и на гораздо большей высотѣ. Виноградныя лозы не только окаймляютъ дороги, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ необыкновенною граціею обвиваютъ частоколы полисадниковъ, поднимаются на балконы второго и третьяго этажа и свѣшиваютъ на перила безчисленное количество кистей, усѣянныхъ сочными ягодами. Но еще болѣе прелестный видъ представляетъ виноградъ тогда, когда его лоза обвиваетъ высокій стволъ какого-нибудь дерева: она окружаетъ его своими листьями и, поднимаясь между гибкими вѣтвями дерева, распадается на красивыя гирлянды. Далѣе попадается грецкій орѣхъ, который достигаетъ въ сѣверныхъ швейцарскихъ Альпахъ приблизительно 2,500 ф. надъ уровнемъ моря. Часто встрѣчается шелковица или тутовое дерево.

Но лучшимъ украшеніемъ долинъ служатъ каштановыя деревья (въ южныхъ мѣстностяхъ они растутъ на высотѣ 3,200 ф., а въ С.-Галленѣ рѣдко достигаютъ даже и 2,000 ф.). Каштановыя деревья чаще всего покрываютъ долины южныхъ склоновъ Альпъ; особенно въ мѣстностяхъ, орошаемыхъ множествомъ потоковъ, можно встрѣтить луга, осѣненные густою, пышною листвою каштановыхъ деревьевъ. Деревья эти по-истинѣ изумительны какъ по своей величинѣ и красотѣ, такъ и по пользѣ, доставляемой жителямъ. Покрывая своею тѣнью мшистую скалу или хижину, сзади которой шумитъ водопадъ, каштановое дерево погружаетъ въ пѣнистыхъ волнахъ свои гибкія вѣтви, высоко къ небу поднимаетъ свою вершину и скрашиваетъ пейзажъ. Стволы этихъ деревьевъ пусты внутри, такъ что нѣсколько человѣкъ заразъ могутъ иногда укрыться въ нихъ, какъ въ павильонѣ. Но изумительнѣе всего то, что въ самомъ дуплѣ можно разводить даже огонь. Несмотря на то, что внутренность такимъ образомъ бываетъ обуглена, дерево это даетъ вкусные плоды. Часто пастухъ, снимая каштаны, жаритъ ихъ въ дуплѣ того же самаго дерева. Трудно перечислить всю пользу, которую доставляютъ каштановыя деревья. Плоды ихъ замѣняютъ хлѣбъ бѣдняку, а самое дерево идетъ на лучшія постройки и дрова.

Тамъ, гдѣ деревья отступаютъ на заднiй планъ, песчаные и каменистые берега ручьевъ и крутые выступы скалъ и овраговъ покрыты вкусными ягодами и различными травами, а на хорошихъ лугахъ и пастбищахъ встрѣчаешь богатую и разнообразную флору.

Животный мiръ во всемъ, разумѣется, зависитъ отъ растительнаго; особенно лѣса укрываютъ много животныхъ подъ своими вѣтвями и въ своихъ толстыхъ дуплахъ. Если не легко точно опредѣлить предѣлъ высоты, до которой можетъ жить растенiе, то это еще труднѣе относительно подвижнаго животнаго мiра. Голодъ, преслѣдованiе и состоянiе температуры имѣютъ на мѣстопребыванiе животнаго большое влiянiе: принуждаютъ его къ странствованiямъ и заставляютъ иногда переходить въ область, совершенно отличную отъ той, въ которой оно провело свою жизнь. Особенно зима побуждаетъ ихъ къ большимъ переселенiямъ сверху внизъ. Тамъ, гдѣ человѣкъ начинаетъ селиться, обрабатываетъ и воздѣлываетъ почву, животныя постепенно начинаютъ исчезать и переселяться въ мѣста, болѣе отдаленныя отъ жилищъ человѣка.

На невысокихъ горахъ, густо покрытыхъ лиственнымъ лѣсомъ, можно встрѣтить большiя стада оленей. Зимою снѣгъ заставляетъ ихъ спускаться съ горъ въ долины; лѣтомъ они поднимаются на вершины горъ средней величины; впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ замѣтно стараются держаться въ низкомъ кустарникѣ, гдѣ огромные, круглые, вѣтвистые рога не зацѣпятся за вѣтви. Во время бѣга олень замѣчательно легко и ловко перепрыгиваетъ холмы и огромныя рытвины, а въ случаѣ нужды, не задумываясь, переплываетъ большiя рѣки. Въ тѣхъ же самыхъ лѣсахъ можно встрѣтить косулю,—животное, очень похожее на оленя, но поменьше его и съ едва замѣтнымъ хвостомъ. Мѣстные жители особенно любятъ самокъ косули, такъ какъ пойманныя смолоду онѣ скоро дѣлаются ручными, какъ собаки привязываются къ хозяину и становятся настоящими домашними животными. Густые хвойные лѣса даютъ прiютъ дикой кошкѣ. Съ хитростью, свойственною всѣмъ кошкамъ, она подкрадывается къ птицѣ, сидящей въ гнѣздѣ, къ зайцу и бѣлкѣ, которыхъ водится здѣсь довольно много. Большимъ звѣрямъ дикая кошка прыгаетъ на шею и перегрызаетъ имъ шейныя артерiи. Вообще это очень опасный и кровожадный хищный звѣрь: онъ умерщвляетъ гораздо больше животныхъ, чѣмъ можетъ ихъ съѣсть; поэтому альпiйскiе охотники жестоко его преслѣдуютъ. Но стрѣлокъ долженъ вѣрнѣе цѣлиться: если дикая кошка только подстрѣлена, она съ яростью и фырканьемъ вскакиваетъ, сильно выгибаетъ спину, поднимаетъ хвостъ и съ шипѣнiемъ приближается къ охотнику; тутъ она бѣшено бросается на него, глубоко впускаетъ въ его тѣло свои острые когти, особенно въ грудь, такъ что ее почти невозможно отцѣпить, и нерѣдко оставляетъ глубокiя, смертельныя раны. Птицъ въ описываемой области попадается довольно много. Ихъ подвижность, пѣнiе или крикъ, ихъ полетъ, разнообразiе красокъ и формъ много оживляютъ мѣстную природу.

Въ самыхъ дикихъ, мало населенныхъ горныхъ долинахъ Граубиндена и Ваатланда и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, куда рѣдко проникаетъ нога человѣческая, еще встрѣчаются дѣвственные или первобытные лѣса. Дѣвственные лѣса Альпъ имѣютъ величественный, но однообразный и обыкновенно мрачный видъ: слѣды смерти и разрушенiя встрѣчаются тамъ на каждомъ шагу. Громадныя ели и темныя, высокiя лиственницы безжизненно стоятъ съ обсохшими и опущенными внизъ, поломанными вѣтвями, въ изодранной одеждѣ, истерзанной мирiадами насѣкомыхъ, издолбленной дятлами. Но и тутъ не все еще вымерло. На сгнившiе пни вѣтеръ нанесъ песку, земли, разныхъ сѣмячекъ, и вотъ здѣсь и тамъ пробивается

молодая жизнь, и изъ мертвыхъ уже труповъ, усѣянныхъ безчисленнымъ множествомъ грибовъ, проглядываетъ земляника, шиповникъ, а иногда и молодое деревцо. Лоза дикаго винограда, какъ бы прикрывая непривлекательную картину дряхлости и разрушенія, граціозно обвиваетъ стволъ умирающаго великана. Вмѣсто голосистыхъ пѣвцовъ, вы услышите здѣсь только стукъ дятла, долбящаго кору своимъ заостреннымъ носомъ, да печальные крики орловъ и ястребовъ. Грозный шумъ безпрестанно прерываетъ мертвую тишину дѣвственнаго лѣса. То и дѣло слышатся раскаты грома, журчаніе бѣшеныхъ потоковъ, завываніе и дикій вой бури, грохотъ и трескъ отъ паденія лавинъ и скалъ. Дѣвственные или первобытные лѣса сдѣлались теперь весьма рѣдкими и сохранились въ малонаселенныхъ горныхъ долинахъ; ихъ не успѣли еще уничтожить, и они называются *заповѣдными*, т.-е. въ нихъ запрещено сорвать даже вѣтку. Къ несчастію ихъ очень мало въ Швейцаріи: вообще лѣса немилосердно истребляютъ въ этой странѣ.

Замѣчено, что, когда окончательно вырубленъ лѣсъ въ какой-нибудь горной мѣстности, внизу, въ долинахъ, усиливаются весенніе морозы и холода и губятъ множество растеній, которыя прежде прекрасно созрѣвали. Вся изрѣзанная громадными горами Швейцарія постоянно страдаетъ отъ губительнаго дѣйствія потоковъ и наводненій, паденія лавинъ, земляныхъ обваловъ, паденія съ высотъ огромныхъ камней и множества другихъ несчастій, которыя трудно даже перечислить. Всѣ эти бѣдствія увеличиваются отъ истребленія лѣсовъ.

Безлѣсная почва мало поглощаетъ влагу; сбѣгающая вода встрѣчаетъ на своемъ пути другіе ручейки и, соединившись съ ними, стремится внизъ уже бурнымъ потокомъ. Такимъ образомъ лѣсная почва устраняетъ внезапное скопленіе воды въ рѣкахъ и мѣшаетъ выступленію рѣкъ изъ береговъ, наводненію, которое губитъ скотъ, поля и жилища. Стволы деревьевъ и вся лѣсная растительность заграждаютъ дорогу водамъ, текущимъ по склонамъ; пни деревьевъ часто раздробляютъ уже образовавшійся потокъ на нѣсколько отдѣльныхъ ручьевъ, разумѣется, уже не имѣющихъ всей его губительной силы. Тутъ главное зло заключается въ томъ, что воды, при быстромъ стокѣ, размываютъ и сносятъ верхніе слои земной поверхности и такимъ образомъ отнимаютъ у земли плодородную почву. Трудно описать, какъ ужасенъ бываетъ видъ швейцарскихъ мѣстностей, постигнутыхъ этими бѣдствіями. Видя каменистую пустыню, лишенную всякой растительности, не вѣрится даже, когда вамъ говорятъ, что еще годъ тому назадъ это была прекрасная мѣстность съ роскошными пастбищами, съ богатыми хлѣбными полями и виноградниками. Между тѣмъ въ Альпахъ съ каждымъ годомъ образуются новые потоки, и многіе извѣстные ученые уже давно пишутъ о томъ, что теперешнее бѣдственное положеніе большей части альпійскихъ долинъ произошло отъ разрушительнаго дѣйствія потоковъ, образовавшихся вслѣдствіе истребленія лѣсовъ, и что ихъ всесокрушающая сила, при содѣйствіи мороза и зноя (конечно, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ), въ состояніи стереть съ лица земли даже Монъ-Бланъ и Монъ-Розу. Уменьшается плодородная почва,—увеличиваются среди народа нищета, голодъ и смертность.

ВОДОПАДЫ.

Водопады въ высшей степени характерное явленіе. Послѣ дождей они дюжинами ниспадаютъ со всѣхъ стѣнъ горной долины; то же бываетъ при сильномъ таяніи снѣга, но въ лѣтнюю жару они большею частію снова исчезаютъ. Тутъ существуетъ и множество постоянныхъ водопадовъ, которые отличаются другъ отъ

друга своимъ особеннымъ шумомъ, освѣщеніемъ, массою воды и самымъ разнообразнымъ паденіемъ. Необыкновенно красивыми они бываютъ вечеромъ, когда ихъ освѣщаетъ солнечный закатъ: водяныя капли тогда кажутся золотымъ пескомъ, въ то же время внизу разстилаются волны тумана. Иной водопадъ таится гдѣ-нибудь въ лѣсу; онъ открывается вдругъ: горный ручей быстро катится внизъ и покрываетъ широкую стѣну скалы своей разорвавшеюся на-двое или на-трое водяною мантіею. Другой водопадъ точно падаетъ изъ воздуха. Выдающаяся впередъ площадка направляетъ свергающіяся внизъ воды далеко отъ стѣнъ скалы. Такой водопадъ не льется потокомъ, а разсыпается мелкою пылью. Подобныхъ пыльныхъ водопадовъ много не только въ горной, но и въ альпійскихъ областяхъ. Они особенно оригинальны ночью, когда фантастическими тѣнями мечутся изъ стороны въ сторону. Днемъ, отъ преломленія солнечныхъ лучей, они напоминаютъ пальмы, которыя весело шелестятъ своими верхушками у скалистой стѣны, принимая все новые и новые образы. Часто эти водяные потоки бросаются съ уступа на уступъ по каменнымъ террасамъ; иногда они образуютъ нѣсколько отдѣльныхъ водопадовъ. Нѣкоторые изъ нихъ открываются передъ глазами во всей своей полнотѣ, другіе на половину скрываются въ лѣсу и прикрываются выдающеюся скалою или кустомъ. Изъ тысячи водопадовъ ни одинъ не похожъ на другой, но каждый изъ нихъ необыкновенно скрашиваетъ горный пейзажъ. Нужно замѣтить, что вода каскада, падая внизъ, выбиваетъ себѣ углубленіе, часто довольно большой величины, и затѣмъ оттуда продолжаетъ свое теченіе. Почва известковыхъ горъ представляетъ самыя крутыя стѣны и террасы,—вотъ почему многія изъ долинъ богаты прекрасными водопадами. Большихъ водопадовъ въ Альпійской области очень не много; вы скорѣе встрѣтите ихъ ниже, въ горной области.

Одинъ изъ огромныхъ водопадовъ, Штаубахскій, находится около Лаутербруннена, въ Бернскомъ Оберландѣ. По отвѣсной стѣнѣ, съ высоты 900 футовъ, въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, быстро бѣгутъ два потока, затѣмъ сливаются вмѣстѣ, въ одинъ движущійся, могучій водяной столбъ. Когда этотъ водяной столбъ доходитъ до остраго выступа въ стѣнѣ, онъ какъ будто хочетъ здѣсь остановиться. Но это колебаніе длится одно мгновеніе: падающая вода, сверкая тысячами блестящихъ лучей, стремится внизъ по мрачной стѣнѣ, разлетаясь въ воздухѣ милліардами жемчужинъ и превращаясь въ мелкій, блестящій дождь, поддерживающій въ окрестной мѣстности живительную влагу; съ легкимъ шумомъ она падаетъ въ бассейнъ. Бассейнъ этотъ довольно обширенъ, такъ какъ сильная струя, да еще съ такой высоты, разумѣется, и ложе себѣ пробила довольно объемистое. Подойдите ближе къ бассейну, и ваше платье сразу будетъ осыпано множествомъ мелкихъ брильянтовъ, но въ одно мгновеніе все исчезло,—васъ обдало брызгами мелкихъ капель, которыя такъ ярко горятъ на солнцѣ. Не успѣли вы досыта налюбоваться этимъ явленіемъ, какъ ваше вниманіе привлечено массою бѣлыхъ, пѣнящихся, самой разнообразной формы волнъ. По бокамъ бассейна вы увидите холмики, которые образовались изъ обломковъ скалъ. Изъ-подъ нихъ текутъ источники, и въ ихъ водѣ замѣтна чудная игра радужныхъ цвѣтовъ, а если вы спустились къ центру бассейна въ то время, когда его ярко освѣщаетъ солнце, васъ, какъ ореоломъ, осѣнитъ двойною радугой. И, смотря по времени года и дня, этотъ водопадъ представляется вамъ всегда въ новомъ, самомъ разнообразномъ видѣ. Зимою, во время сильныхъ морозовъ, падающія водяныя капли замерзаютъ, а иногда въ минуту все превращается въ крупнѣйшій градъ, который съ грохотомъ падаетъ внизъ. Потомъ, оттуда, гдѣ начинается водопадъ, мало-по-малу образуются двѣ огромныя ледяныя

колонны: онѣ нѣсколько отдѣляются отъ стѣны, усѣянной безчисленнымъ множествомъ блестящихъ иглъ, которыя горятъ на солнцѣ тысячами фантастическихъ огней. Но вотъ въ воздухѣ становится теплѣе; ледяныя колонны ни минуты долѣе не въ состояніи вынести своей тяжести и съ такимъ ужаснымъ грохотомъ падаютъ на льдины, скопляющіяся у подножія, что земля въ окрестности содрогается и, какъ во время землетрясенія, колеблется съ минуту. Объемъ источниковъ послѣ этого увеличивается, и они бурно стремятся внизъ со скалы, унося съ собою ея обломки, иногда вѣсомъ болѣе 2 пудовъ. Быстрота теченія все увеличивается, обломки дико скачутъ и грохочутъ, пока не достигнутъ громадной груды ихъ, лежащей у подошвы. При этомъ столкновеніи происходитъ такое треніе массъ между собою, что скалы сильно нагрѣваются, и кругомъ слышится сильный запахъ сѣры. Вся природа спѣшитъ помочь этому грозному явленію: тяжелыя, свинцовыя тучи заволакиваютъ все небо, раздаются страшные раскаты грома, и сверкающая молнія озаряетъ на минуту голыя, высокія скалы. Все приходитъ въ движеніе, громадныя деревья вырваны съ корнями, и съ шумомъ, и трескомъ падаютъ въ бездну. Наступаетъ жестокая гроза. Ураганъ лѣтомъ заставляетъ иногда водопадъ такъ мѣнять свое направленіе, что бассейнъ на нѣсколько минутъ становится пустымъ. Тогда дѣти изъ сосѣднихъ деревень бросаются къ водопаду и руками выхватываютъ форелей. Но это бываетъ очень не долго, и вода снова наполняетъ бассейнъ.

Совсѣмъ инымъ представляется водопадъ, когда вы наблюдаете его въ спокойномъ состояніи, лѣтомъ, ночью, при блѣдномъ свѣтѣ луны. Рядъ горъ, стоящихъ позади, отбрасываетъ отъ себя длинныя тѣни. Теперь, кажется, исчезъ и легкій дневной шумъ отъ паденія водопада, и только слышно журчаніе его источника. Когда луна освѣщаетъ пѣнящуюся массу, она принимаетъ чистый, серебристый отливъ. Нѣсколько футовъ повыше брильянтовыя капли образуютъ иногда радугу самыхъ нѣжныхъ оттѣнковъ. Видъ водопадовъ совершенно различенъ: тутъ многое зависитъ отъ высоты паденія, отъ природы, которая ихъ окружаетъ, отъ вида скалъ.

Другой, еще болѣе прославленный водопадъ, но гораздо менѣе высокій — это Шафгаузенскій, около Лауфенбурга, въ кантонѣ Ааргау. Въ этомъ мѣстѣ Рейнъ падаетъ съ высоты 80 футовъ съ такою быстротою, что представляетъ силу, равную 130,000 лошадиныхъ силъ. Подъ водопадомъ Рейнъ образуетъ большое вмѣстилище для воды, глубина котораго не можетъ быть измѣрена, потому что сильное движеніе воды дѣлаетъ приближеніе къ этому мѣсту невозможнымъ.

ОБВАЛЫ.

Разрушеніе Гольдау.—Чудные случаи спасенія.—Обрывы камней.—Причина этихъ несчастій.—Чѣмъ помочь горю.

Однажды, послѣ продолжительныхъ проливныхъ дождей (въ 1806 г.) въ маленькомъ швейцарскомъ городкѣ Гольдау пастухи замѣтили на склонахъ Россберга вновь образовавшіяся разсѣлины. Въ сосѣднихъ лѣсахъ слышался продолжительный трескъ, какъ будто корни ломались какою-то подземною силою. То тамъ, то здѣсь съ горъ отрывались и падали огромные обломки. Но жители уже привыкли къ этой подвижной природѣ, гдѣ паденіе камней, ревъ и борьба потоковъ, шумъ водопадовъ — явленіе обыкновенное; поэтому они оставались покойными, ни мало не тревожась за свою судьбу. Но вотъ грохотъ отъ падающихъ обломковъ чрезвычайно усилился, и камни стали скатываться по всѣмъ направленіямъ; земля задрожала на

громадномъ протяженіи,—вдругъ уже раньше замѣченная трещина на склонѣ раскрылась во всѣ стороны. Высокіе стволы сосенъ и ихъ вѣтви, ударяясь однѣ о другія, качались, какъ колосья на нивѣ. Птицы огромными стаями взвились высоко въ воздухѣ и, испуская пронзительные крики, спѣшили улетѣть въ болѣе спокойныя мѣстности. Нѣсколько секундъ спустя, земля съ вершины горъ начала скользить, сперва медленно, а потомъ все съ болѣе и болѣе возрастающею скоростью и падала въ долины, засыпая пастбища, виноградники, поля, дома съ людьми, въ нихъ живущими. Вопли, рыданія и крики ужаса: «бѣжимъ, бѣжимъ»—раздавались со всѣмъ сторонъ, и все, что только могло, спасалось, оставляя свои пожитки. Вдругъ, въ эту самую минуту, раздался ужасный трескъ, точно вся земля готова была развалиться, и масса камня до трехъ верстъ въ длину и тысячу футовъ въ ширину (толщина же ея среднимъ числомъ простиралась до ста футовъ) упала въ долину, увлекая за собой лѣса по откосамъ горы. Это была страшная минута: камни, земля, трава, деревья и кустарники кружились и прыгали, то останавливаясь на минуту, то еще сильнѣе пускаясь опять кружиться и подымая при этомъ тучи пыли. Все рушилось, падало, гремѣло и скатывалось, издавая оглушительный, все потрясающій визгъ, гулъ, свистъ и ревъ. Казалось, насталъ послѣдній день міра. Въ нѣсколько минутъ болѣе ста домовъ и столько же сараевъ, гдѣ былъ скотъ, были уничтожены. Въ то время склонъ Россберга, почти до самой вершины, былъ покрытъ жилищами, а у подошвы богатыя деревни Гольдау, Бюзингенъ и Ловерцъ были населены дѣятельнымъ народомъ. Число жертвъ катастрофы доходило до 147 человѣкъ, погребенныхъ подъ развалинами и умершихъ отъ ранъ. Но среди этихъ отчаянныхъ сценъ разрушенія и смерти были и замѣчательные случаи чудеснаго спасенія.

Лишь только прошла страшная минута разрушенія и кругомъ въ природѣ все мало-по-малу стало успокаиваться, собрались несчастные жители пострадавшей мѣстности, кто посмотрѣть на обломки своего дома, кто въ надеждѣ отыскать хотя что нибудь изъ своихъ пожитковъ; иной, потерявъ все свое имущество, близкій къ помѣшательству, бродилъ среди развалинъ, отыскивая трупъ жены или дитяти. Такъ, Метлеръ, который во время обвала находился съ своимъ стадомъ въ довольно отдаленной отъ катастрофы мѣстности, пришелъ теперь искать трупъ своей жены и двухъ малютокъ, погибшихъ подъ обломками его дома. Въ поискахъ ему помогали друзья и сосѣди. Не было ни малѣйшаго слѣда жилища; цѣлое поле развалинъ разстилалось передъ ними. Но вотъ одинъ предметъ вдругъ привлекаетъ ихъ вниманіе: завязнувшій въ тинѣ тюфякъ. Несмотря на опасность пробираться черезъ густой слой тины, смѣшанной съ кремнемъ, подошли, однако, къ тюфяку,—и что-же: на немъ лежитъ погруженный въ сладкій сонъ одинъ изъ сыновей несчастнаго Метлера. Ребенокъ оказался цѣлъ и невредимъ, только покрытъ былъ густымъ слоемъ грязи.

Но самый удивительный случай спасенія въ этотъ несчастный день былъ въ деревнѣ Бюзингенъ, неподалеку отъ озера Ловерцъ. Во время обвала крестьянинъ Вижетъ съ женою и четырьмя дѣтьми подбиралъ въ своемъ саду падавшіе плоды. Лишь только Вижетъ замѣтилъ, что гора колеблется, онъ схватилъ двухъ старшихъ дѣтей за руки и со всѣхъ ногъ побѣжалъ вонъ изъ сада. Но жена не слѣдуетъ за мужемъ, а, схвативъ двухъ остальныхъ своихъ малютокъ, бросается по направленію къ дому, чтобы вынести оставшуюся тамъ маленькую дочку. На пути ее встрѣчаетъ служанка Франциска, которая спѣшитъ къ ней съ ея маленькой Маріанной на рукахъ. Въ это же мгновеніе сразу наступаетъ совершеннѣйшій мракъ, ихъ домъ

разлетается вдребезги, и несчастные погибаютъ. Франциска чувствуетъ, что ее перебрасываетъ съ одной стороны на другую, и, наконецъ, она падаетъ въ какую то глубокую пропасть; тутъ она лишается чувствъ. Когда же она снова пришла въ себя, то не могла пошевелить ни однимъ членомъ, а голова ея какъ будто завязла въ тинѣ; къ счастью, лицо ея было открыто, и она могла дышать. Въ ту же минуту она разслышала жалобный крикъ маленькой Маріанны. Но обѣ онѣ точно закованы,—совсѣмъ не могутъ двигаться; къ счастью, онѣ могли говорить другъ съ другомъ. Ребенокъ разсказываетъ своей нянѣ, что онъ лежитъ на спинѣ среди кустарниковъ и бревенъ, но что видитъ свѣтъ чрезъ какое-то узкое отверстіе. Онѣ вмѣстѣ напрягаютъ послѣднія силы, начинаютъ звать на помощь,—все напрасно: безмолвіе смерти господствуетъ вездѣ вокругъ. Дитя уже чувствуетъ мученіе голода и умоляетъ свою няню облегчить его страданія. Тогда Франциску начинаетъ терзать мысль быть заживо похороненными. Въ то время, какъ она всѣми силами старается разсѣять ребенка, его стоны становятся все слабѣе и невнятнѣе; наконецъ она не слышитъ ни одного звука. Дѣвушка радуется, что страданія малютки прекратились и начинаетъ молитвой приготовлять и себя къ смерти. Однако, ночью, въ ужасной борьбѣ между жизнью и смертью ей удалось какъ-то высвободить свои ноги, такъ что она уже могла ими двигать и такимъ образомъ способствовать болѣе правильному кровообращенію, но остальная часть ея тѣла все еще была погружена въ тину. Когда утромъ уже предсмертныя судороги пробѣгали по всѣмъ ея членамъ, вдругъ раздается на горѣ утренній колоколъ, и она снова слышитъ стонъ дитяти, котораго уже считала навѣки погибшимъ.

Между тѣмъ ребенокъ, измученный наканунѣ слезами и безполезными усиліями, стараясь высвободиться изъ своего заточенія, крѣпко заснулъ на нѣсколько часовъ, что успокоило его мученіе; но теперь дѣвочка проснулась, и голодъ еще сильнѣе прежняго сталъ ее терзать. Въ это время несчастный отецъ, въ нѣсколько часовъ потерявшій все свое состояніе, жену и дѣтей, съ двумя уцѣлѣвшими сыновьями и нѣсколькими друзьями вездѣ кругомъ раскапывали развалины. Вотъ они уже нашли тѣло бѣдной матери; она погибла, прижимая къ своей груди дѣтей, тоже безжизненныхъ. Всѣ три трупа были покрыты ранами, обезображены ушибами. Вижетъ съ воплями падаетъ передъ ними на колѣни. Но этотъ крикъ отчаянія послужилъ спасеніемъ для двухъ бѣдныхъ дѣвушекъ. Обѣ онѣ начинаютъ звать на помощь. Ихъ, наконецъ, услышали и отрыли: Франциску, совсѣмъ невредимую, но маленькую Маріанну хотя и вынули тоже живою, но съ раздробленною ногою.

Еще и теперь путешественники толпами стекаются посмотрѣть развалины, которыя покрываютъ Гольдау. Почти въ продолженіе четверти столѣтія вся страна, находящаяся надъ Ловерцемъ, представляла картину разрушенія. Но теперь растительность начинаетъ покрывать ее среди развалинъ. Мохъ уже одѣлъ голыя скалы; разныя ползучія растенія, свѣжіе колокольчики и нѣкоторые другіе невзыскательные цвѣточки украшаютъ землю среди камней; нѣсколько кустовъ и маленькіе сосны виднѣются тамъ и здѣсь, и, вѣроятно, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ эта мѣстность снова покроется человѣческими жилищами и роскошными полями.

Обвалы земли, которые вконецъ уничтожаютъ всѣ надежды земледѣльца и сотни семействъ, за нѣсколько часовъ передъ этимъ зажиточныхъ, пускаютъ по міру, сплошь и рядомъ случаются въ различныхъ мѣстностяхъ этой страны. Происходятъ и другія несчастія — обрывы большихъ камней. Очень часто градъ камней, срываясь съ различныхъ высотъ, убиваетъ скотъ, портитъ лѣса, губитъ плодородныя поля. Подобныя несчастія здѣсь такъ часто встрѣчаются, что въ

нѣкоторыхъ мѣстностяхъ есть обыкновеніе застраховывать свой скотъ отъ этой опасности.

Большинство самыхъ памятныхъ обваловъ произошло скоро послѣ того, какъ былъ вырубленъ лѣсъ,—такъ было и съ Гольдау. Верхняя часть горы, обрушившаяся на этотъ городокъ, имѣла весьма крутой склонъ къ селенію. Лѣсъ былъ совсѣмъ вырубленъ, слѣдовательно верхній слой былъ до того оголенъ, что на немъ не только уже не оставалось никакой растительности, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ не было земли, оставался только камень. Вода могла свободно проникать въ него, а такъ какъ солнце и морозы успѣли образовать въ немъ трещины, то вода проникала и дальше, въ глинистый слой, на которомъ лежали скалы. Какъ только глина превратилась въ липкое тѣсто, камень сталъ соскальзываться съ нея и падалъ въ долины.

ЛАВИНЫ.

Какъ деревня Руэрасъ ночью была сдвинута лавиной. — Муки засыпанныхъ снѣгомъ.—Счастливые случаи избавленія.—Когда падаютъ твердыя лавины.—Инстинктъ животныхъ, предугадывающихъ паденіе лавинъ.—Лѣса, какъ охрана отъ лавинъ.

Лавины бываютъ двухъ родовъ: *Staub-Lawine,* порошистыя или пыльныя лавины, обвалы которыхъ случаются зимою, и *Rutsch-Lawine,* т.-е. соскальзывающія лавины, такъ называемыя твердыя лавины, которыя обрушиваются весною. Лавины происходятъ оттого, что снѣгъ не можетъ таять на высокихъ горныхъ склонахъ и падаетъ въ долины. Обвалы пыльныхъ лавинъ случаются такъ: буря, бушующая на вершинѣ, поднимаетъ съ земли огромныя массы свѣжаго, тончайшаго снѣга и относитъ его иногда на очень далекое разстояніе. Эта снѣжная, порошистая масса увеличивается съ каждой минутой; она захватываетъ съ собою все, что попадается ей на пути,—тяжелые камни, строенія, перебрасываетъ все это съ необыкновенной легкостью и скоростью, иногда черезъ огромныя пространства, и, наконецъ, этимъ столбомъ всевозможныхъ обломковъ и снѣжной пыли засыпаетъ въ нѣсколько минутъ цѣлыя деревни, людей, огромныя стада животныхъ.

Однажды вся деревня Руэрасъ въ Граубинденѣ была ночью засыпана подобной лавиной. Такъ какъ всѣ спали, то многіе изъ жителей, дома которыхъ не были разрушены, а только сдвинуты, не замѣтили сначала того ужаснаго положенія, въ которомъ они находились, и только удивлялись, что ночь такъ долго длится, пока наконецъ, не убѣдились въ томъ, что ихъ засыпало снѣгомъ. На другой день жители сосѣднихъ деревень увидали несчастіе и бросились откапывать несчастныхъ. Но какъ найти то мѣсто, гдѣ погибающіе борятся со смертію: откапывая одного, такъ легко засыпать другого. Замѣчательно, что люди, раскапывающіе снѣгъ, никогда не слышатъ ужасныхъ криковъ погибающихъ; напротивъ, спасенные всегда разсказываютъ, что они слышали все, что говорилось надъ ними и даже явственно могли различать голоса говорившихъ. Каково-же мученіе человѣка, погребеннаго подъ снѣгомъ, который слышитъ голоса друзей, истощающихъ всѣ свои силы, чтобы открыть какой нибудь слѣдъ, оставленный имъ, между тѣмъ какъ онъ тутъ же, въ нѣсколькихъ шагахъ, задыхается подъ снѣгомъ, кричитъ, но его не слышатъ и начинаютъ разгребать снѣгъ въ другомъ мѣстѣ. Въ такихъ случаяхъ необыкновенно кстати является инстинктъ животнаго на помощь человѣку. Хорошо выдрессированныя спеціально для этого собаки, часто еще прежде людей, бросаются туда, куда

обрушилась лавина, и безошибочно указываютъ мѣста, гдѣ слѣдуетъ искать погибающихъ. Такъ было и при несчастіи въ деревнѣ Руэрасъ. Людямъ и ихъ лучшимъ помощникамъ — собакамъ въ этотъ разъ удалось спасти до 60 человѣкъ, но болѣе 100 человѣкъ все-таки погибло.

Бываютъ, впрочемъ, и такіе случаи, что людямъ удается какъ-то счастливо отдѣлаться отъ этого несчастія. Однажды четыреста солдатъ, проѣзжавшихъ черезъ Энгадинъ, попали подъ порошистую лавину и были унесены ею въ глубокій ровъ; но вдругъ вся эта снѣжная масса разсыпалась, какъ муравейникъ, и воины, среди взрыва хохота оставшихся на мѣстѣ товарищей, возвратились къ нимъ здравы и невредимы: нѣкоторые изъ нихъ были только слегко контужены.

А вотъ и еще оригинальный случай избавленія: семейство, состоящее изъ мужа, жены и ребенка, проживало въ хорошенькой хижинѣ верхняго Валлиса; однажды мужъ ушелъ на охоту, а жена осталась дома, и вотъ что случилось: лавина несется съ горы и растетъ съ каждымъ шагомъ. Раздаются оглушительные раскаты грома, и черезъ нѣсколько минутъ хижина поглощена громадною массою снѣга. Хозяинъ приближается къ своему жилищу, но въ темнотѣ ночи не узнаетъ окрестныхъ мѣстъ. Когда луна появилась на небѣ, онъ узнаетъ ужасную истину, бѣжитъ къ сосѣдямъ и проситъ о помощи. Толпа спѣшитъ за несчастнымъ, бросается на снѣжную массу, разгребаетъ льдины,—но все напрасно. Надъ хижиною образовался огромный ледяной склепъ. Однако, бѣдный человѣкъ не теряетъ мужества и въ продолженіе десяти дней работаетъ надъ тѣмъ, чтобъ какъ-нибудь проломить ледъ и раскопать снѣгъ. Наконецъ, онъ замѣчаетъ верхушку дерева, которое расло у его хижины. Это придаетъ ему мужества, и онъ вскорѣ откапываетъ трубу своего очага, прикладываетъ къ ней ухо и слышитъ слабый голосъ. Тогда черезъ трубу онъ влѣзаетъ въ жилище и находитъ свою жену и ребенка совершенно невредимыми. Прочная крыша выдержала напоръ снѣга, а жизнь двухъ существъ поддержала коза, которая вмѣстѣ съ семьею была засыпана во время катастрофы.

Быстрота и сила порошистыхъ лавинъ изумительны. Въ 1854 г. одинъ изъ скатовъ Пицъ-Мурауна обнажился въ нѣсколько минутъ, и вся долина Сенъ-Плясисъ была занесена снѣгомъ. Въ это время большой гранитный бассейнъ былъ отброшенъ на разстояніе четверти лье; снесло куполъ колокольни въ Диссентисѣ, хотя она находилась въ полъ-лье отъ пути, по которому стремилась лавина. Очень часто зимняя лавина пролетаетъ по лѣсу, вырываетъ по нѣскольку тысячъ деревьевъ и отбрасываетъ ихъ далеко въ сторону; иногда же она ломаетъ ихъ въ щепы и разбрасываетъ, куда попало. Обыкновенно случается, что упадетъ одна лавина, а за нею сейчасъ и нѣсколько другихъ. Поэтому часто можно слышать, что обвалъ, случившійся въ той или другой мѣстности, продолжался четыре, пять часовъ, а однажды въ долинѣ Лаутербрунненъ былъ обвалъ, который длился двадцать четыре часа. Можно себѣ представить, сколько онъ долженъ былъ причинить людямъ горя и несчастій.

Rutsch-Lawine, соскальзывающія лавины, или еще болѣе подходящее къ нимъ названіе—*твердыя лавины*, случаются тогда, когда природа уже пробуждается отъ своего продолжительнаго сна; тутъ уже не мелкій и мягкій снѣгъ, а старый и твердый, пролежавшій всю зиму на склонахъ горы и превратившійся въ плотный и твердый ледъ. Вѣтеръ, вздымающій на воздухъ снѣжную пыль, не въ состояніи сдвинуть съ мѣста затвердѣвшія лавины; это можетъ сдѣлать только весенняя теплота, которая проникаетъ подъ снѣжный покровъ и уменьшаетъ его связь съ почвою. Вслѣдствіе этого громадная ледяная масса начинаетъ скользить по склону горы

съ возрастающею скоростью. Эта лавина, еще съ гораздо большею силою, чѣмъ порошистая, разрушаетъ и сноситъ въ долины все, что попадается ей на пути. Она обыкновенно скатывается въ овраги. Такъ какъ снѣгъ такихъ лавинъ очень твердъ, то онъ очень медленно таетъ въ оврагахъ, часто остается въ нихъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, образуя родъ временнаго ледника. По нѣкоторымъ явленіямъ можно очень часто заранѣе опредѣлить время паденія лавины.

Извѣстное направленіе облаковъ, даже ихъ форма, влажность воздуха, подтаиваніе и опаденіе ледяныхъ гирляндъ, украшающихъ выступы скалъ,—все это для опытнаго глаза значительныя примѣты, чтобы предостеречь путешественника и указать ему тѣ высоты, куда онъ не долженъ влѣзать въ это время, чтобы не быть задавленнымъ обрушившейся лавиной. Впрочемъ, тутъ еще больше услугъ человѣчеству оказываетъ инстинктъ многихъ животныхъ. Галки, за нѣсколько минутъ до обвала, слетаются съ утесовъ съ зловѣщимъ крикомъ; собаки съ сильнымъ воемъ и лаемъ, дѣлая какіе-то дикіе прыжки, бѣгутъ навстрѣчу путешественнику и часто не пускаютъ его впередъ. Если вы въ дорогѣ съ лошадью, она начинаетъ неистово ржать, просто выбивается изъ силъ, чтобы поскорѣе достигнуть безопаснаго пристанища. Твердыя лавины часто падаютъ въ самыя населенныя долины, заваливая собою проѣзжія дороги. Вотъ почему главныя альпійскія дороги предохраняются отъ лавинъ особенными галлереями. Такія галлереи устроены во многихъ долинахъ Энгадина, Граубиндена и въ другихъ мѣстахъ. Нерѣдко эти глыбы сносятъ дома со всѣми ихъ жителями: часто даже дома разрушаются однимъ сотрясеніемъ воздуха, рѣки запруживаются и потомъ, прорвавъ снѣжную плотину, затопляютъ поля и производятъ страшныя зимнія наводненія. Вотъ какъ одинъ путешественникъ описываетъ паденіе твердыхъ лавинъ.

«Твердая лавина въ весеннее время представляетъ вблизи такое ужасное зрѣлище, о которомъ трудно дать вѣрное понятіе. Какъ описать этотъ хаосъ, это судорожное потрясеніе природы, которое напоминаетъ вамъ и ревъ урагана, и землетрясеніе, и шумъ обваловъ. Хаотическое смѣшеніе снѣга, земли и воздуха, всеобщее разрушеніе, шумъ снѣга, давимаго надвигающимися массами и увлекаемаго ими, трескъ сломанныхъ деревьевъ, гигантскіе прыжки скалъ, со свистомъ разрѣзающихъ воздухъ, чтобы разбиться вдребезги о бока горы, адскій гулъ, повторяемый эхомъ долинъ,—вотъ какую картину представляетъ паденіе лавины, если смотрѣть на нее вблизи.

«Обыкновенно случается такъ, что наблюдатель слышитъ шумъ гораздо прежде, чѣмъ увидитъ самую лавину. Съ непривычки онъ поднимаетъ глаза вверхъ, отыскивая облако, которое могло бы объяснить могучіе раскаты грома,—напрасный трудъ: голубой сводъ неба совершенно чистъ, на немъ не видно ни одного облачка, а между тѣмъ громовые раскаты усиливаются, и, наконецъ, наблюдатель замѣчаетъ какъ будто бѣлый вихрь, несущійся съ горы: это снѣжная лавина, минуту передъ тѣмъ неподвижная, съ неудержимою силою катится внизъ, подобно вспѣненному морю. Она покрываетъ скалы бѣлою пеленою, разбивается объ утесы на тысячи снѣжныхъ каскадовъ, разлетается по воздуху легкими хлопьями, останавливается подобно запруженному ручью, исчезаетъ на мгновеніе въ глубокой расщелинѣ, но все время неудержимо стремится внизъ, пока не достигнетъ равнины или не задержится накопленными въ концѣ оврага обломками. Какъ только лавина остановилась,—прекращается и шумъ, ею производимый, и тогда для наблюдателя объясняется причина этого шума: среди ослѣпительно бѣлаго снѣга онъ замѣчаетъ темную кучу земли и каменьевъ—явное доказательство, что лавина состоитъ не изъ одного только снѣга».

Лучшее предохранительное средство отъ лавинъ опять-таки деревья. Деревья заграждаютъ путь вѣтрамъ къ сухому снѣгу и мѣшаютъ образованію, такъ-называемыхъ, Staub-Lawine. Они не даютъ также сырому снѣгу скопляться въ большія глыбы, а слѣдовательно препятствуютъ и образованію Rutsch-Lawine. Наконецъ, корни деревьевъ и другихъ растеній не даютъ лавинамъ такъ легко соскальзывать съ высотъ, какъ это бываетъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ никакой растительности. Жители безлѣсныхъ мѣстностей, для охраненія себя отъ лавинъ, вколачиваютъ колья сквозь снѣгъ въ землю и такимъ образомъ нѣсколько закрѣпляютъ его. Къ этому же средству прибѣгаютъ иногда и для охраны самаго лѣса отъ лавинъ, которыя образуются выше его.

АЛЬПІЙСКАЯ ОБЛАСТЬ.

Растительность этой области. — Одинокія ели.—Услуга, которую онѣ оказываютъ. — Характеръ природы выше 6,000 ф.—Мхи.—Малорослая сосна.—Альпійская роза.— Озера. — Кристаллическія пещеры. — Животныя альпійской области. — Альпійскій охотникъ.

Альпійская область отъ 4,000 до 7,000 ф. еще болѣе или менѣе доступна культурѣ. Она представляетъ гораздо болѣе интереса, чѣмъ сосѣдняя высшая область, въ которой постепенно исчезаетъ жизнь и почти одни только камни привлекаютъ вниманіе человѣка. До 5,000 ф., а на южномъ склонѣ и выше, поверхъ деревень и городовъ, можно встрѣтить величественные лѣса стройныхъ, крѣпкихъ сосенъ, елей и кедровъ. Лиственный лѣсъ рѣдко встрѣчается на большой высотѣ. Выше означеннаго предѣла вы еще встрѣчаете богатыя, зеленѣющія пастбища съ густою травою, усѣянныя маленькими кустарниками; но большіе лѣса замѣтно исчезаютъ. Впрочемъ, одинокія ели и малорослыя сосны часто встрѣчаются сначала большими группами, а потомъ и въ одиночку. Такая ель, однако, приноситъ большую пользу. Она служитъ убѣжищемъ не только путешественникамъ, врасплохъ застигнутымъ въ горахъ бурею, но и для стадъ, которыя въ такую минуту бѣгутъ довѣрчиво подъ ея покровъ.

Выше 6,000 футовъ уже трудно подыматься: нога вязнетъ, вы каждую минуту спотыкаетесь о какой-нибудь корень или гніющій стволъ. Повсюду развалины: поломанныя деревья навалены въ огромныя, безпорядочныя кучи, а между ними здѣсь и тамъ торчатъ обломки камней, кремня, земли, вѣтвей. Поломанныя деревья сплошь покрыты различными грибами и лишаями, которые вытягиваютъ изъ нихъ послѣднюю силу. Однимъ словомъ, тутъ повсюду слѣды разрушеній и опустошеній, произведенныхъ облавами лавинъ. Ночью эти органическіе остатки распространяютъ фосфорическій свѣтъ. Но видъ этой мѣстности не производитъ вовсе того подавляющаго впечатлѣнія, какъ снѣжная область. Огромныя пространства земли, гранитныя скалы густо покрыты зеленѣющими мхами. Они все обвиваютъ своею тонкою сѣтью и замѣняютъ въ пустынныхъ, по большей части безплодныхъ, мѣстностяхъ роскошное убранство растительности, скрывая подъ своимъ покровомъ развалины и обломки. Среди мховъ движутся цѣлые рои насѣкомыхъ: они истачиваютъ старые стволы деревьевъ, чтобы устроить себѣ жилище, свиваютъ гнѣзда между мхами и лишаями, подстерегаютъ добычу или просто прячутся отъ невзгоды. Человѣку, однако, слѣдуетъ зорко слѣдить за собою, ступая по землѣ, покрытой такими мхами: подъ ними до того тонкая земля, что легко совершенно завязнуть или провалиться. Еще поверхъ мховъ многіе

известковые склоны горъ покрыты густыми темными листьями малорослой сосны. Она вырастаетъ часто не выше кустарника, а гибкія, длинныя вѣтви, страшно переплетаясь между собою, извиваются на землѣ, какъ ползучія растенія, образуя густую чащу, поверхъ которой можно ходить какъ по ковру. Если обходъ такой чащи требуетъ много времени, то горцы смѣло шагаютъ по ней, но это очень опасно вслѣдствіе чрезвычайной эластичности дерева. Любопытнѣе всего наблюдать это дерево, когда его необыкновенныя развѣтвленія, согнутыя въ удивительныя спирали, покрывая выступъ скалы, свѣшиваются и раскачиваются надъ страшными безднами. И часто маленькій пастухъ хватается за эти свѣсившіяся вѣтви, нѣсколько минутъ раскачивается надъ пропастью и потомъ, какъ кошка, карабкается на скалы, чтобы похвастать передъ товарищами своею ловкостью и храбростью, а то и просто, чтобы разогнать скуку своей однообразной, несчастной пастушеской жизни. Малорослыя сосны оказываютъ то же дѣйствіе, что и лѣса-хранители: безъ нихъ многія пастбища погибли бы подъ обвалами лавинъ и камней. Чѣмъ выше, однако, тѣмъ больше встрѣчается скалистыхъ стѣнъ, голыхъ утесовъ и безплодныхъ долинъ. Воды низвергаются здѣсь яростными потоками, наполняя шумомъ и движеніемъ горную пустыню. Тамъ и здѣсь нѣкоторые склоны уже покрыты снѣгомъ; но альпійская природа, развертывая грозную, суровую картину, тутъ-же, бокъ о-бокъ съ подобными явленіями, представляетъ и прелестные, граціозные пейзажи. Стада дикихъ сернъ прыгаютъ по кочкамъ; каменный баранъ поражаетъ васъ изумительною смѣлостью, пробираясь почти по отвѣсной скалѣ, а вотъ еще и цѣлый коверъ чудной альпійской флоры, богато залитый яркими цвѣтами, которые придаютъ свѣжей зелени чудную прелесть. Особенность ея состоитъ въ томъ, что здѣсь чрезвычайно мало наркотическихъ и ядовитыхъ растеній. Царицею альпійскихъ растеній, самымъ характернымъ явленіемъ растительности въ этой полосѣ, исключительно ей свойственнымъ, является альпійская роза, прославленная поэтами. И дѣйствительно, тутъ, гдѣ отовсюду вѣетъ холодомъ и смертью, гдѣ на каждомъ шагу являются скалистые обломки, которые ежеминутно грозятъ скатиться внизъ и погребсти подъ собою сотни жертвъ, альпійская роза напоминаетъ о жизни и счастіи. Ея кустарники одѣваютъ группы скалъ своими темно-зелеными блестящими листочками, изъ которыхъ подымаются цвѣты то нѣжно-розоваго, то красно-малиноваго цвѣта; вблизи бьетъ пѣнящійся водопадъ, быстро текутъ шумящіе потоки, а въ двухъ-трехъ саженяхъ выше разстилаются уже громадныя пространства, покрытыя вѣчнымъ ледянымъ покровомъ. Очень часто эта картина до мельчайшихъ подробностей отчетливо отражается въ зеркальной поверхности внизу лежащаго маленькаго озера. Но, давая возможность путешественнику полюбоваться дивной красотой своихъ цвѣтовъ, альпійская роза часто бываетъ и средствомъ къ спасенію. Не одинъ оступившійся туристъ, скатываясь съ высокой скалы, схватывался за ея кустарникъ и спасался отъ вѣрной смерти. Самыя роскошныя и лучше всего окрашенныя розы можно найти на горахъ въ Граубинденѣ. Вообще замѣчено, что чѣмъ выше мѣстность, тѣмъ ярче бываютъ цвѣта. Альпійскую розу можно встрѣтить въ мѣстностяхъ довольно низкихъ, иногда даже на высотѣ 2,000 ф., а на Монъ-Розѣ она величественно красуется и на высотѣ 8,800 ф. Альпы не только украшены цвѣтами, но между множествомъ травъ онѣ пріютили и много кормовыхъ растеній, которыя рогатому скоту даютъ больше питательной пищи, чѣмъ тѣ, что растутъ въ равнинѣ.

Чтобы дополнить картину альпійскаго ландшафта, мы скажемъ еще нѣсколько словъ о водахъ. Воды вносятъ въ окружающую природу сотни новыхъ красокъ и цѣлый міръ растеній и животныхъ. Безъ нихъ жизнь долины однообразна и не при-

влекательна. Изъ Альпъ, какъ извѣстно, вытекаютъ самыя большія рѣки; но долины собственно альпійской области слишкомъ коротки, чтобы пріютить ихъ у себя: онѣ слишкомъ узки и для большихъ озеръ; альпійская область—вмѣстилище большихъ потоковъ, маленькихъ озеръ и огромной массы всевозможныхъ водяныхъ жилъ. Только тотъ, кто посѣтилъ весною Альпы и наблюдалъ, какъ со всѣхъ снѣжныхъ полей, по всѣмъ скаламъ стекало множество малыхъ и большихъ ручьевъ, можетъ имѣть надлежащее представленіе о безконечной массѣ водъ, которыя изъ альпійской области бѣгутъ въ равнины на помощь плодородію. Но всего больше появляется этихъ ручьевъ и водъ во время жаркихъ вѣтровъ фёна и теплыхъ дождей. Тогда всюду образуются новыя водяныя жилы. Маленькіе, журчащіе ручейки становятся шумящими потоками; стоки глетчеровъ перерѣзываются сотнями пѣнящихся руслъ. Жители Швейцаріи сообщаются преимущественно посредствомъ озеръ, по которымъ ходятъ пароходы. Эти озера (Женевское, Тунское, Фирвальдштетское, Цюрихское и др.) отличаются необыкновенною красотою своихъ окрестностей и виллъ.

Альпійскій поясъ чрезвычайно богатъ и другими горными достопримѣчательностями, какъ, напр.: сталактитовыя пещеры, перемежающіеся ключи, слои раковинъ, мраморные ходы, бѣлыя массы алебастра, удивительное богатство цвѣтовъ въ утесахъ, минеральные источники и проч. Изъ кристаллическихъ пещеръ, въ которыхъ протекаетъ обыкновенно маленькій ручеекъ, выламываютъ дорогіе кристаллы. Изъ многочисленныхъ минеральныхъ водъ альпійскаго пояса, чрезвычайно разнообразно бьющихъ то среди луговъ, то въ ущельяхъ, въ одномъ нижнемъ Энгадинѣ насчитываютъ болѣе 20-ти минеральныхъ ключей, изъ которыхъ большая часть принадлежитъ къ самымъ лучшимъ соленымъ, кислымъ и сѣрнымъ источникамъ. Въ безчисленныхъ сталактитовыхъ пещерахъ выступаютъ наружу самыя богатыя минеральныя образованія; въ одной изъ нихъ висятъ съ потолка капли почти чистой горькой соли толщиною въ палецъ, въ другой находятся большія инкрустаціи желѣзнаго купороса.

Не мало находятъ также въ горахъ альпійской области купороса, сѣры, нерѣдко даже гипсъ, мраморъ, порфиръ, серпентинъ. Но еще интереснѣе здѣсь явленіе такъ-называемыхъ *рудничныхъ газовъ*. Здѣсь и тамъ въ землѣ можно видѣть отверстія, идущія въ глубь между камнями по косому направленію и имѣющія не болѣе полъ-фута въ ширину, изъ которыхъ постоянно выходятъ обильныя массы газовъ рудничнаго съ азотомъ и сѣрнисто-водороднаго. Недалеко отъ этихъ газоиспускателей обыкновенно валяется множество мертвыхъ насѣкомыхъ, а иногда даже мыши и птицы, убитыя ядовитымъ газомъ. Испаренія поднимаются приблизительно на полъ-фута отъ земли, и если наклониться къ нимъ, то они своимъ острымъ запахомъ причиняютъ сильный кашель. Кошки и собаки, погруженныя въ эту атмосферу, тотчасъ умираютъ въ сильныхъ конвульсіяхъ. Жители увѣряютъ, что, если закрыть газоиспускательныя отверстія, то поля сдѣлались бы неплодородными на большомъ пространствѣ.

Съ каждымъ шагомъ вверхъ горы становятся бѣднѣе растительнымъ покровомъ, а слѣдовательно и животною жизнью. Съ каждой тысячью футовъ все болѣе ограничивается возможность существованія, съ каждымъ шагомъ тяжелѣе становится борьба за жизнь. Но предусмотрительная природа все-таки нѣсколько облегчаетъ животнымъ эту борьбу: зимою альпійскія животныя мѣняютъ цвѣтъ своей одежды, становятся до того бѣлыми, что охотникъ или орелъ не можетъ отличить ихъ отъ снѣга. И дѣйствительно, это замѣчательное явленіе. Какъ только появляется весеннее солнце, въ животныхъ здѣсь замѣчается большая перемѣна. Прежде всего

становится сѣрой спина альпійскаго зайца; въ апрѣлѣ мѣхъ его еще бываетъ испещренъ крапинками, потомъ становится одноцвѣтнымъ; съ появленіемъ перваго снѣга у альпійскаго зайца является много бѣлыхъ волосъ, а скоро онъ и весь бѣлѣетъ. То же самое бываетъ съ горностаемъ, бѣлкой, куропаткой и другими животными. Несмотря на это, трудно описать, какъ имъ всѣмъ приходится бѣдствовать зимою на Альпахъ. Если ранній снѣгъ застигнетъ зайца въ то время, когда онъ еще не успѣлъ одѣться въ свой болѣе густой зимній мѣхъ, то онъ иногда по нѣсколько дней не выходитъ изъ-подъ своего камня или куста, голодаетъ и мерзнетъ. Нѣкоторыя животныя засыпаютъ на все холодное время глубокимъ сномъ, существуя тогда на счетъ своего жира.

Самое характерное животное альпійской области—серна. Лѣтомъ серны живутъ на самыхъ высокихъ Альпахъ, иногда въ довольно близкомъ сосѣдствѣ съ вѣчными снѣгами. Хотя онѣ и неприхотливы на пищу, довольствуются травою, торчащей изъ-подъ снѣга, мхомъ и лишаями, даже долго могутъ выносить голодъ, но такъ какъ вода для нихъ первая необходимость, то зимою онѣ держатся пониже, въ долинахъ и лѣсахъ. Прежде, когда сернъ еще не такъ преслѣдовали охотники, ихъ было гораздо больше, и онѣ часто спускались въ долины; теперь же онѣ появляются тамъ только во время суровой зимы и страшныхъ лишеній. На самыхъ высокихъ скалахъ, куда не рѣшается взобраться ни одно животное, серна быстро, какъ стрѣла, легко и граціозно несется все выше и выше. Когда она идетъ медленно, ея походка кажется неуклюжей, но вотъ она пустилась бѣжать и тотчасъ же приковываетъ ваше вниманіе красотой своей осанки. Съ быстротою молніи мчится она большими скачками чрезъ крутые утесы и однимъ прыжкомъ вдругъ вскакиваетъ на стѣну въ 14 ф. и также легко спрыгиваетъ внизъ. Но больше всего возбуждаетъ она удивленіе, когда, въ нѣсколько скачковъ взлетая наверхъ почти по отвѣсной скалѣ, она сразу останавливается на самомъ маленькомъ выступѣ, на которомъ удержится развѣ только птица, и такимъ образомъ стоитъ нѣсколько минутъ, чутко прислушиваясь, нѣтъ ли гдѣ опасности, зоркимъ глазомъ окидывая окрестную мѣстность. Въ минуту опасности серна никогда не теряется: если она забѣжала на очень высокій отвѣсный утесъ и не видитъ передъ собою никакого выступа, чтобы минутной остановкой хотя нѣсколько уменьшить силу своего паденія,—она все-таки бросается внизъ, пригнувъ голову и шею къ спинѣ, напирая на заднія ноги, которыя, скользя по скалѣ, задерживаютъ быстроту паденія. Забота о самосохраненіи отъ людскаго преслѣдованія не оставляетъ ее даже и во время сна. Когда стадо сернъ отдыхаетъ въ кустарникѣ, одна изъ нихъ выполняетъ роль сторожа, отходитъ на нѣкоторое разстояніе, пощипываетъ траву, безпрестанно оглядываясь по сторонамъ, нюхая воздухъ, а то и поднимаясь на заднія ноги. Но вотъ сторожъ замѣтилъ опасность; онъ издаетъ рѣзкій, протяжный звукъ, и все стадо въ одну минуту понеслось быстрымъ галопомъ. Сернѣ отовсюду грозитъ опасность: рысь, волкъ, медвѣдь не даютъ ей ни минуты покоя. Но этихъ враговъ она еще кое-какъ избѣгаетъ, то съ помощью своихъ легкихъ, крѣпкихъ ногъ, то пуская въ ходъ острые рога. Гораздо труднѣе спастись ей отъ ягнятника. Эта огромная хищная птица съ крючковатымъ острымъ клювомъ, подъ которымъ виситъ грубо-волосистая, черная бородка, съ выпуклыми, огненными глазами, съ могучими крыльями, является грозою не только альпійскихъ зайцевъ, сурковъ и сернъ, но часто даже и пастуховъ; когда этотъ хищникъ проголодался,—ничто не ускользнетъ отъ его остраго зрѣнія. Онъ замѣтилъ серну на выступѣ скалы и, какъ стрѣла, налетаетъ на нее и ударомъ крыла сбрасываетъ ее внизъ. Ошеломленное животное падаетъ, задѣвая за

острые камни и обагряя ихъ своею кровью. Въ ту же минуту ягнятникъ спускается за серной, выклевываетъ ей глаза, разрываетъ животъ и пожираетъ внутренности, затѣмъ принимается за мясо и долбитъ кости: его желудокъ все перевариваетъ— кости, шерсть, копыта. Трудно уберечься сернѣ и отъ скатывающихся съ вершины камней и снѣжныхъ лавинъ, которыя погребаютъ иногда разомъ цѣлыя стада сернъ. Однако, злѣйшимъ врагомъ ея является человѣкъ, пуля котораго очень часто настигаетъ ее и пронзаетъ въ сердце какъ на самой высокой скалѣ, такъ и въ самой низкой пропасти.

Альпійскими охотниками обыкновенно бываютъ люди, которые содержатъ своимъ ремесломъ не только себя, но и свою семью. Однако, не всякій, пожелавшій быть горнымъ охотникомъ, можетъ имъ сдѣлаться, когда это ему вздумается. Охота въ горахъ совсѣмъ не то, что въ долинахъ: какъ сама природа горъ, она имѣетъ характеръ въ высшей степени жестокій, измѣнчивый и суровый, и потому тотъ, кто отважился сдѣлаться альпійскимъ охотникомъ, долженъ имѣть крѣпкіе мускулы, твердыя ноги, чтобы пробираться по узкимъ тропинкамъ на горныхъ и голыхъ скалахъ, гдѣ часто не помогаетъ и его подбитая гвоздями обувь. Чтобы подмѣтить на большомъ разстояніи, часто на огромной высотѣ, чуткую серну, тихо притаившуюся за какимъ-нибудь кустарникомъ, нужно имѣть весьма острое зрѣніе; кромѣ того, такой охотникъ долженъ закалить себя, чтобы переносить бурю и непогоду, имѣть необыкновенно развитые и крѣпкіе члены, такъ какъ ему часто, чтобы удержаться на мѣстѣ или проползти по склону горы, приходится дѣйствовать локтями, зубами, каждой мышцей своего тѣла. Безпрестанно пробираясь между пропастями, а иногда и вися надъ ними, ухватившись за какое-нибудь растеніе, онъ не долженъ знать головокруженія. Прежде чѣмъ взяться за опасное ремесло охотника, онъ долженъ въ совершенствѣ изучить окрестности, въ которыхъ онъ собирается охотиться. А это представляетъ болѣе трудностей, чѣмъ можно себѣ представить. Для того, чтобы всегда найти дорогу среди лабиринта трещинъ ледниковъ, среди безконечнаго числа тропинокъ выбрать такую, которая не завела бы въ бездну, откуда нѣтъ возврата, необходимо изучить всѣ развѣтвленія горъ, ихъ углы, острыя возвышенія, откосы, наконецъ общее направленіе ущелій и проходовъ. Да развѣ одно это приходится ему изучать? Онъ долженъ знать характеръ животныхъ, всѣ явленія природы и серьезно вдуматься въ то, какъ дѣйствуютъ такія явленія и насколько они измѣняютъ въ данную минуту привычки животныхъ, которыхъ онъ собирается преслѣдовать. Охотники должны пріучить себя переносить всякаго рода лишенія въ пищѣ, въ питьѣ, снѣ и всякихъ другихъ потребностяхъ, неудовлетвореніе которыхъ можетъ иногда гибельно отозваться на здоровьѣ. Долго преслѣдуя и высматривая звѣря, онъ часто не можетъ спуститься внизъ, въ свое жилище, и потому долженъ разсчетливо тратить небольшой запасъ сыру, сухарей и вина, которые онъ беретъ съ собою. Какъ въ хорошую погоду, такъ и во время бури, сильнаго вѣтра или густого тумана, охотникъ проводитъ ночи подъ открытымъ небомъ, прикрываясь отъ дождя и непогоды развѣ только козьей шкурой; иногда же ему приходится ночевать и на краю ледника. Однако, человѣкъ и крѣпкаго сложенія, и пріучившій себя твердо выносить всевозможныя лишенія, и знающій прекрасно все, что его ждетъ впереди, не можетъ еще быть хорошимъ охотникомъ въ швейцарскихъ горахъ; для этого природа должна одарить его необыкновеннымъ мужествомъ, живымъ умомъ, проницательностью и смѣткою. Охотникъ долженъ быть всегда настороже, умѣть найтись и въ ту минуту, когда на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ только-что собрался укрыться, вдругъ образовался свирѣпый потокъ, когда его глазамъ представляется зіяющая

пропасть, когда лавины и обвалы преграждаютъ ему дорогу. Только здоровый человѣкъ, вполнѣ надѣленный названными качествами, можетъ надѣяться на счастье въ охотѣ.

Отправляясь въ путь, охотникъ надѣваетъ теплое сѣрое платье, беретъ съ собою альпійскую палку съ желѣзнымъ наконечникомъ; у нѣкоторыхъ на верхнемъ концѣ палки еще придѣлана кирка: одинъ зубъ ея прямой, другой — заостренный. Кромѣ этого, онъ долженъ взять сумку съ порохомъ и пулями и весьма незатѣйливую провизію. Но самые необходимые предметы для охотника — башмаки и вѣрное ружье. Правда, нѣкоторые изъ нихъ отправляются въ горы босикомъ и отъ времени до времени намазываютъ себѣ ноги смолою, чтобы крѣпче стоять, но большинство носитъ башмаки, напоминающіе остроконечныя копыта серны. По краямъ подошвы охотничьяго башмака вбиваютъ гвозди съ острыми концами, а на носкѣ и на пяткѣ укрѣпляютъ по подковѣ. При такой подошвѣ нога не будетъ скользить даже и тогда, когда придется ступать по голымъ ледянымъ скаламъ. Деньги, полученныя отъ первой удачной охоты, хорошій охотникъ обывновенно тщательно сберегаетъ, чтобы какъ можно скорѣе пріобрѣсти себѣ хорошую подзорную трубку: съ помощью ея онъ лучше можетъ высмотрѣть дичь и сообразить, какимъ путемъ ему до нея добраться. Охотникъ обыкновенно встаетъ ночью и старается придти къ мѣсту, гдѣ водятся серны, гораздо раньше солнечнаго восхода. Онъ старается идти какъ можно тише, безъ шума опускается на землю, прислушивается, высматриваетъ, наблюдаетъ, съ которой стороны дуетъ вѣтеръ, опасаясь, чтобы серны не почуяли его приближенія или не услышали шума шаговъ; при этомъ каждый старается какъ можно ближе подкрасться къ спящимъ сернамъ, постоянно держа палецъ на куркѣ своего ружья. Лишь только онъ замѣтитъ спящее стадо, тотчасъ прячется за кустомъ или камнемъ и ждетъ разсвѣта. Чуть серны пробуждаются, охотникъ направляетъ уже свое ружье въ одну изъ нихъ, и спускаетъ курокъ. Подстрѣленное животное дѣлаетъ одинъ только скачекъ кверху и падаетъ мертвымъ; все стадо оборачиваетъ голову въ ту сторону, гдѣ еще не разсѣялся пороховой дымъ, смотритъ туда въ какомъ-то ужасѣ и оцѣпенѣніи и потомъ, въ одно мгновеніе, какъ молнія, исчезаетъ въ сосѣднемъ лѣсу. Нерѣдко раненое животное долго не попадается въ руки охотника, тогда имъ овладѣваетъ какое-то упрямство во что бы то ни стало отыскать свою жертву. Въ подобную минуту онъ иногда взбирается на такую высоту, на которую еще не дерзала вступать нога человѣческая. Примѣтивъ какое-нибудь стадо, охотники идутъ за сернами цѣлыя мили, иногда нѣсколько дней сряду, и такимъ образомъ гонятъ ихъ передъ собою, пока, наконецъ, не удастся убить хотя одну изъ нихъ или, по крайней мѣрѣ, загнать въ какой-нибудь узкій проходъ между скалъ. Вонъ тамъ охотникъ, загнавъ серну на страшную высоту, выстрѣлилъ, наконецъ, въ нее, но сдѣлалъ осѣчку. Видя, что животное не можетъ двинуться ни взадъ, ни впередъ, онъ бросается на него, чтобъ задушить его руками. Между ними завязывается страшная борьба: то человѣкъ у края бездны, то звѣрь; сверху съ грохотомъ падаютъ камни, въ горахъ слышатся раскаты грома; вѣтеръ гудитъ и свиститъ совсѣмъ уже вблизи: все предвѣщаетъ бурю. На минуту серна останавливается, изнемогая отъ потери крови и отъ страшныхъ усилій. Охотникъ уже торжествуетъ, но сильный орелъ кружится надъ нимъ въ воздухѣ, стараясь столкнуть его въ пропасть своими могучими крыльями. Высвободивъ одну руку, охотникъ выхватываетъ свой ножъ и вонзаетъ его въ горло животнаго; потомъ быстро отползаетъ отъ пропасти и, принявъ болѣе удобное положеніе, цѣлится въ орла. Но орелъ скрылся, а охотникъ начинаетъ немедленно потрошить серну, и, связавъ ноги, взваливаетъ добычу себѣ на

плечи. Иному приходится тащить на себѣ заразъ нѣсколько сернъ, но, чѣмъ тяжелѣе ноша, тѣмъ счастливѣе охотникъ; онъ не стыдится своего изорваннаго платья, не жалѣетъ своего израненнаго и исцарапаннаго лица и рукъ; напротивъ, если у него за плечами тяжелая ноша, онъ не чувствуетъ ногъ подъ собою. Но богатая добыча всегда дорого стоитъ охотнику. Проводя всю жизнь среди ужасныхъ опасностей и лишеній, охотники чрезвычайно рѣдко умираютъ естественною смертью.

АЛЬПІЙСКІЯ ПАСТБИЩА.

Торжественный выгонъ скота. — Шалэ и ихъ назначеніе. — Жизнь пастуховъ. — Aelplerkilwi.

Альпійская область изобилуетъ множествомъ зеленыхъ пастбищъ, на которыхъ тысячи стадъ находятъ сочную, питательную пищу. Когда наступаетъ весна, Альпы необыкновенно оживляются: онѣ не только покрываются зеленью и цвѣтами, но и стадами рогатаго скота. Первый день весны вноситъ много оживленья и веселья въ однообразную жизнь горцевъ: они со своими стадами изъ долинъ переходятъ на горы, въ шалэ, чтобы тамъ заниматься лѣтнимъ хозяйствомъ. Да и скоту несравненно полезнѣе быть лѣтомъ въ горахъ; множество альпійскихъ травъ даетъ ему превосходный, ароматическій кормъ; здѣсь солнце не такъ жжетъ, какъ въ долинѣ, слѣпни не тревожатъ, а если животнымъ и приходится терпѣть отъ насѣкомыхъ, то скворцы и другія птички, бѣгающія вокругъ стада, избавляютъ ихъ отъ этихъ враговъ. Такъ какъ воздухъ на горахъ свѣжѣе и здоровѣе, чѣмъ въ долинѣ, то и скотъ выглядитъ здѣсь бодрѣе и веселѣе. Вотъ почему первый день весны — большой праздникъ не только для пастуховъ, но и для самаго скота.

Еще задолго до выгона дѣлается множество приготовленій; всѣ, кому нужно сопровождать стада, разряжены въ самыя лучшія праздничныя платья. Дѣвушки уже съ ранняго утра прикалываютъ букеты живыхъ цвѣтовъ къ своимъ шляпамъ, украшаютъ коровъ лентами, зелеными вѣтками и на ихъ широкіе, кожаные ошейники привѣшиваютъ большіе мѣдные колокола съ разноцвѣтными украшеніями. Потомъ собираютъ скотъ на лугу, устанавливаютъ порядокъ шествія и, наконецъ, даютъ сигналъ къ отправленію. Во главѣ кортежа, съ трубкою въ зубахъ, идетъ старшій скотникъ. Онъ несетъ на плечѣ чистый, бѣлый подойникъ, одѣтъ въ новый жилетъ ярко-краснаго сукна съ большими металлическими пуговицами, въ маленькой черной скуфейкѣ и въ поярковой шляпѣ. За нимъ идетъ передовая корова: это обыкновенно не только самая красивая, но и самая сильная изъ всѣхъ коровъ; она пестрѣе другихъ разукрашена, и на ней виситъ самый большой звонокъ; за нею слѣдуетъ въ строгомъ порядкѣ нѣсколько лучшихъ головъ въ стадѣ. Посреди нихъ идетъ быкъ, у котораго между рогами привязана особаго рода скамеечка, назначенная для доенія коровъ, украшенная цвѣтами. Коровами овладѣваетъ необыкновенное честолюбіе: тѣ, которыя идутъ за передовою, такъ завидуютъ ея участи, что безпрестанно стараются стать передъ нею, впереди всѣхъ. Но пастухи, которые нарочно для этой цѣли идутъ по бокамъ, зорко наблюдаютъ, чтобы порядокъ не нарушался и палочными ударами напоминаютъ каждой о ея мѣстѣ. Когда стадо двинется впередъ, пастухи стараются пѣть какъ можно громче. Животныя не остаются глухи къ общему торжеству, и со всѣхъ сторонъ раздается мычанье, блеянье, хрюканье. Это шествіе заключается обыкновенно нѣсколькими мулами, на которыхъ навью-

чены снаряды, необходимые для производства сыра и масла, свалена одежда хозяевъ и пастуховъ.

Съ первымъ звономъ колоколовъ, раздающихся издалека, все населеніе сбѣгается посмотрѣть на любимое зрѣлище, которое бываетъ только разъ въ году и въ которомъ лично заинтересовано большинство жителей. Скотъ для горца—главное богатство, почти единственный источникъ его существованія; вотъ почему его первыя заботы и любовь сосредоточиваются на немъ. Каждый вечеръ горецъ выходитъ изъ своей хижины и, обращаясь лицомъ къ Альпамъ, гдѣ пасутся его стада, произноситъ молитвы, въ которыхъ онъ проситъ сохранить свое стадо, затѣмъ онъ произноситъ заклинаніе, которое, по его понятіямъ, должно оградить его животныхъ отъ всякой напасти: «Св. Петръ, прегради путь медвѣдю, сдѣлай безвредными зубы волка, когти рыси, прегради камню его скачекъ». Тотъ, которому принадлежитъ до 25 коровъ, считается крупнымъ владѣльцемъ, дѣлаетъ сыръ на продажу и называется *armailli* или *fromager*. Поручивъ свой скотъ пастуху, эти armailli въ день выгона вмѣстѣ со своими стадами и семействами отправляются къ шалэ вести молочное хозяйство.

Столько говорятъ о живописной архитектурѣ шалэ, объ ихъ миловидности, уютности и прелести, что туристы бываютъ необыкновенно поражены, встрѣчая совсѣмъ противоположное. Шалэ, грубыя, небольшія постройки, иногда стоятъ уединенно посреди пастбища, иногда же скучены цѣлыми группами, какъ какое-нибудь селеніе; то напоминаютъ они пещеру съ какой-то пристройкой, такъ какъ они очень часто бываютъ прислонены къ скалѣ. Такой домикъ обыкновенно сплошь обростаетъ зеленью, — кленъ или каштановое дерево свѣшиваютъ на него свои чудныя вѣтви, а потому издали онъ и представляется, дѣйствительно, чѣмъ-то въ высшей степени поэтическимъ. Но стоитъ только подойти ближе, чтобы совсѣмъ разочароваться: грязный входъ въ шалэ ведетъ въ еще болѣе закоптѣлую комнату безъ трубы, въ которой дымъ выходитъ, какъ и вездѣ въ лачугахъ, черезъ двери и щели стѣнъ и крыши. Очень часто въ одной и той же комнатѣ и спятъ, и ѣдятъ, и дѣлаютъ сыръ. Изъ мебели тутъ вы найдете самой незатѣйливой работы шкафъ, нѣсколько скамеечекъ для доенья и сидѣнья и столъ, придѣланный къ стѣнѣ, на шалнерахъ, для того, чтобы его раскинуть, когда это нужно, и тотчасъ опять привинтить, чтобы въ комнатѣ было больше мѣста. Тутъ же навалены кадки, бочки и виситъ огромный котелъ; въ немъ кипятятъ молоко, варятъ пищу. У болѣе зажиточнаго хозяина большое шалэ раздѣлено на два отдѣленія, и для скота предназначается самое обширное помѣщеніе, которое, для предохраненія отъ сѣвернаго вѣтра, очень хорошо законопачено. Подъ такой удобный кровъ скотъ весьма довѣрчиво бѣжитъ во время бури или зноя.

Но если такъ непривлекательна внутренность шалэ и его обстановка, за то васъ поразитъ необыкновенная опрятность въ молочномъ хозяйствѣ и безукоризненная чистота посуды, которая служитъ для этого. Незавидна жизнь пастуха: на горныхъ пастбищахъ сидитъ онъ по цѣлымъ днямъ на краю пропасти, отъ времени до времени встряхивая палку, на которой навѣшаны колокольчики, и коровы тотчасъ отходятъ прочь отъ опаснаго мѣста. По этому же звону возвращается заблудившаяся корова въ свое стадо. Зато пастуху приходится сидѣть подъ открытымъ небомъ и во время проливного дождя, мерзнуть въ холодные дни, часто не имѣя даже какой-нибудь кожи, чтобы прикрыться. Иногда корова свалится въ пропасть или заберется между скалами, откуда ее приходится вытаскивать съ опасностью для собственной жизни, часто мертвую или изувѣченную. Чуть забрезжится свѣтъ

и пастухи уже собираютъ свое стадо, доятъ коровъ, сливаютъ въ котлы молоко. Съ окончанiемъ дня, послѣ скуднаго ужина, всѣ ложатся спать. Въ пастушеской хижинѣ все стихаетъ, но кругомъ ея слышится мычанiе и блеянiе стада. Но вотъ раздались раскаты грома, сверканiе молнiи повторяется все чаще; коровы мычатъ, тѣснятся другъ къ другу и трусливо подвигаются къ самой хижинѣ. Наконецъ, рѣзкiе раскаты грома слѣдуютъ одинъ за другимъ и, повторяемые многократнымъ эхо, сливаются въ непрерывное грохотанье. Ужасный грохотъ, удары и раскаты грома наполняютъ всѣ окрестныя горы, а молнiя, какъ огненная змѣя, прорѣзываетъ то одно, то другое облако, сверкаетъ изъ-за скалъ то тамъ, то здѣсь. Животныя, обезумѣвъ отъ страха, съ громкимъ ревомъ бѣгутъ по направленiю вѣтра. Пастухи бросаются изъ хижины за скотомъ, зовутъ его, проклинаютъ, но испуганный скотъ бѣжитъ куда попало или мечется по склонамъ горъ подъ ударами дождя или града. Какъ много коровъ падаетъ съ обрывовъ въ этомъ смятенiи! Совсѣмъ другую картину представляетъ стадо во время бури, если пастухи бодрствуютъ и предвидятъ ее. Тогда они ходятъ вокругъ сбившихся въ кучу коровъ, дрожащихъ отъ страха и опустившихъ внизъ головы, ободряютъ ихъ, гладятъ то одну, то другую изъ нихъ, выкрикиваютъ по именамъ, успокаиваютъ ласковыми словами, и ни одна корова не трогается тогда съ мѣста.

Пастухи, кромѣ ничтожнаго жалованья отъ своего хозяина, кое-что добываютъ деревянными вещицами, которыя они мастерски умѣютъ вырѣзывать и сбывать туристамъ. Другимъ развлеченiемъ имъ служитъ рожокъ или труба, на которыхъ они умѣютъ играть весьма искусно. Пастушеская мелодiя надолго запоминается альпiйскими коровами: когда начинаютъ ее наигрывать зимою, то она, вѣроятно, пробуждаетъ въ нихъ воспоминанiе о лучшей, горной жизни, такъ какъ коровы начинаютъ метаться изъ стороны въ сторону, разбиваютъ свои запоры, выбиваются изъ силъ до того, что перестаютъ иногда послѣ этого ѣсть въ продолженiе нѣсколькихъ дней.

Когда осенью стада возвращаются въ долину, порядокъ шествiя и празднество, все бываетъ то же самое; но животныя и люди имѣютъ до того унылый, грустный видъ, что праздникъ этотъ не имѣетъ ничего общаго съ весеннимъ выгономъ.

Послѣ возвращенiя стадъ съ горъ въ долину, происходитъ главный праздникъ пастуховъ «*die Aelplerkilwi*». Этотъ церковный праздникъ оканчивается различными увеселенiями народа. Въ немъ много древнихъ языческихъ обрядовъ. Утромъ въ этотъ день представители пастуховъ въ праздничномъ платьѣ, украсивъ сюртукъ и шляпу цвѣтами, отправляются въ церковь, гдѣ они занимаютъ, на особыхъ стульяхъ, почетныя мѣста. Изображенiе покровителя альпiйцевъ св. Венделина ставятъ на алтарь, и призванный для этого праздника почетный проповѣдникъ совершаетъ богослуженiе и говоритъ проповѣдь. Потомъ представители пастуховъ приступаютъ къ причастiю, а за ними уже и другiе. По окончанiи богослуженiя передъ церковными дверями раздается сельская музыка, и всѣ присутствующiе торжественно выходятъ изъ храма въ величайшемъ порядкѣ, попарно. Впереди всѣхъ «*Wildmannli*»— это въ высшей степени оригинально одѣтая парочка, состоящая изъ мужчины и женщины, — «*Wildmann*» и «*Wildweib*» (дикiй мужчина и дикая женщина). Оба они съ головы до ногъ обвѣшаны еловою корою, между которой торчатъ маленькiя вѣточки елокъ. У обоихъ на плечахъ молодыя елки съ корнями, и оба одѣты въ маски съ длинными бородами изъ мха. Они смѣются, дѣлаютъ дикiе прыжки, отпускаютъ шутки и остроты и въ то же время метутъ улицу. Съ одной стороны парень несетъ знамя пастуховъ съ изображенiемъ патрона, съ другой—музыка; сзади множество народа, — всѣ съ знаменами. При этомъ нѣкоторые одѣты горными духами.

Это шествіе съ музыкою отъ времени до времени останавливается, всѣ начинаютъ помахивать знаменами, подходятъ къ жилищу мѣстнаго священника, берутъ его съ собою и затѣмъ уже двигаются къ гостиницѣ, украшенной цвѣтами, гирляндами и обвѣшанной знаменами. Лишь только усѣлась публика за столъ, какъ начинаются тосты, впрочемъ весьма незамысловатые. «Дай Богъ здоровья пастухамъ, нашимъ женамъ и дочерямъ, духовенству. Пусть тучнѣютъ наши пастбища и процвѣтаетъ свобода. Да здравствуютъ наши союзники и да повергнутся въ прахъ наши враги» и т. п. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, послѣ обильнаго возліянія, одинъ изъ распорядителей встаетъ изъ-за стола, беретъ заранѣе приготовленные дары, которые обыкновенно состоятъ изъ хлѣбовъ, блюда жаркого и нѣсколько бутылокъ пива, и подаетъ все это бѣднымъ, которые стоятъ у гостиницы.

Слѣдующій день начинается также службою въ церкви, во время которой поминаютъ усопшихъ членовъ братства пастуховъ, умершихъ въ послѣдній годъ. Затѣмъ наиболѣе краснорѣчивый изъ присутствующихъ говоритъ рѣчь, въ которой восхваляетъ труды и заслуги пастуховъ. Послѣ рѣчи входятъ «дикіе люди» и съ трудомъ, точно отъ величайшей тяжести, переваливаясь съ ноги на ногу, несутъ сыръ и подаютъ его въ даръ священнику; тотъ, въ свою очередь, тоже чѣмъ-нибудь отдаривается. Поднося сыръ, Wildmannli говорятъ рѣчь, пересыпанную разными шутками, которая вызываетъ апплодисменты и крики одобренія въ толпѣ, но веселость достигаетъ высшаго предѣла, когда эта парочка начинаетъ перебраниваться въ грубыхъ стихахъ. Wildmann жалуется на то, что его жена плохая хозяйка, что она постоянно пересаливаетъ кушанье, не умѣетъ ни къ чему принорoвиться въ домѣ, перебираетъ всѣ ея качества и, наконецъ, называетъ ее простофилей и глупой. Wildweib даетъ ему не менѣе лестныя прозвища: она кричитъ, бранится, грозитъ, называетъ его игрокомъ, пьяницею и лѣнтяемъ. Эти празднества кончаются танцами молодежи и различными играми.

КОЗОПАСЫ.

Выше пастбищъ, гдѣ нѣтъ не только хорошихъ дорогъ, но и тропинокъ, гдѣ трава попадается развѣ маленькими клочками, слѣдовательно, куда не посылаютъ уже пастись рогатый скотъ, бродятъ рѣзвыя стада козъ, картинно разсыпавшись по маленькимъ выступамъ и лужайкамъ. Около нихъ обыкновенно сидитъ, весь въ лохмотьяхъ, мальчикъ лѣтъ 12-ти, 14-ти. Несмотря, однако, на эти лохмотья, у него свободная поступь и лицо дышетъ отвагою и спокойствіемъ возмужалаго человѣка. Стоитъ только туристу подняться на эту высоту, и козы тотчасъ поднимаютъ на гостя свои маленькія, красивыя мордочки и съ удивленіемъ смотрятъ на него нѣсколько минутъ. Если же онъ броситъ имъ корку хлѣба или щепотку соли, онѣ довѣрчиво побѣгутъ къ нему навстрѣчу. Стада козъ пригоняютъ лѣтомъ въ эти дикія, пустынныя мѣста для того, чтобы прокормить ихъ какъ можно дешевле, и оставляютъ ихъ на рукахъ мальчика. Только по временамъ онъ высыпаетъ имъ горсточку соли на одну изъ скалъ и тѣмъ удерживаетъ ихъ тамъ, гдѣ нужно.

Эти козопасы ведутъ самую несчастную жизнь. Они оставляютъ долины весною и приходятъ въ горы босикомъ, въ жалкихъ лохмотьяхъ и въ шапкѣ, которая плохо защищаетъ какъ отъ солнечнаго зноя, такъ и отъ дождя. Весь багажъ мальчика состоитъ изъ перекинутой черезъ плечо котомки съ солью, хлѣбомъ и сыромъ. О теплой пищѣ онъ, разумѣется, и подумать не смѣетъ. Въ двѣ недѣли разъ, а то и разъ только въ мѣсяцъ, ему приносятъ пищу изъ долины. Вотъ ребенку и при-

ходится по цѣлымъ мѣсяцамъ глодать не только совсѣмъ очерствѣвшій, но и заплесневѣвшій хлѣбъ и сыръ, превратившійся въ камень. Во время грозы и ливня онъ укрывается подъ выступомъ скалы, а то и просто сидитъ въ какой-нибудь сырой ямѣ, дрожа отъ холода и голода, безъ огня, безъ человѣческаго слова, не зная участія и ласки.

Но кто-же рѣшается дозволить своему дитяти влачить такую несчастную жизнь? Когда у мальчика умираютъ родители, община, на рукахъ которой онъ долженъ остаться, чтобы даромъ не кормить его хлѣбомъ, обыкновенно старается пріискать ему какую-нибудь работу и посылаетъ его въ горы. Живя среди дикой природы, на каждомъ шагу лицомъ къ лицу съ страшными опасностями, постоянно бѣгая за козами, эти мальчики необыкновенно развиваютъ всѣ мускулы, члены и органы чувствъ. Тамъ, гдѣ по узкому карнизу даже мышь не всегда рѣшается пробѣжать, козопасъ проходитъ самъ и проводитъ свое стадо. Напѣвая и насвистывая, онъ, какъ кошка, то лазитъ по самымъ крутымъ горамъ, то беззаботно перескакиваетъ съ одного выступа на другой. Его зрѣніе развивается до замѣчательнаго совершенства. Онъ не только разсмотритъ серну на разстояніи полъ-мили, но подмѣтитъ даже каждое ея движеніе. Вотъ почему впослѣдствіи большинство козопасовъ становится самыми отважными охотниками. Трудно себѣ представить, до чего доходитъ ихъ смѣлость и ловкость! Когда коза сбивается съ дороги или взбирается на выступъ скалы, козопасъ стремглавъ бѣжитъ ее спасать. Но жалобный крикъ животнаго привлекъ уже хищныхъ птицъ, которыя и парятъ надъ нимъ въ высотѣ. Ребенокъ, не задумываясь, замахивается на нихъ своею желѣзною палкою, бережно сжимаетъ свою козочку, и теперь уже онъ скорѣе дозволитъ хищникамъ свалить себя въ пропасть, чѣмъ выпуститъ изъ рукъ свою ношу.

Когда коза падаетъ въ пропасть, козопасы (если только они въ это время бываютъ по близости), съ помощью веревки спускаютъ туда товарища. При этомъ они нерѣдко ошибаются въ принятомъ направленіи: тогда несчастный ребенокъ долженъ осторожно двигаться вдоль скалистыхъ стѣнъ, хватаясь за малѣйшія неровности; въ это время онъ обыкновенно ссаживаетъ себѣ кожу на лицѣ и рукахъ, страшно портитъ пальцы ногъ. Случается, что, схватившись за одинъ выступъ и не видя передъ собою другого, на который онъ могъ бы упереться, онъ виситъ такъ иногда въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ: онъ не теряетъ присутствія духа, зорко ищетъ, за что бы уцѣпиться, и такимъ образомъ, наконецъ, приближается къ козѣ. Но самое трудное въ этомъ нечеловѣческомъ предпріятіи—схватить животное съ узкаго выступа, затѣмъ стащить его съ собою, на краю ужасающей пропасти, взвалить его себѣ на плечи и потомъ, придерживаясь только одною рукою, которая осталась свободною, притащить и привязать козу къ веревкѣ, которую держатъ вверху товарищи. Затѣмъ поднимаютъ вверхъ сперва животное, а потомъ и мальчика. И такимъ образомъ козопасу случается спуститься иногда нѣсколько разъ сряду. Но онъ не горюетъ: онъ съ ранняго дѣтства привыкъ къ опасностямъ и часто даже забавляется ими. Самое большое удовольствіе въ его жизни, когда нѣсколько другихъ козопасовъ пригоняютъ свои стада пастись по сосѣдству съ нимъ. Мальчики сообща придумываютъ разныя забавы, которыя обыкновенно состоятъ въ томъ, что каждый старается перещеголять товарища, влѣзая на опаснѣйшія скалы и скатываясь съ отчаянною отвагой съ крутыхъ скалистыхъ хребтовъ. Почувствовавъ усталость, они затягиваютъ пѣсню:

«Рано я выучился лазить по ущельямъ, утесамъ и узкимъ, дикимъ полосамъ, куда не могутъ взобраться коровы. Навѣрное немного найдется смѣльчаковъ, кото-

рые осмѣлятся пробраться туда, куда я пробираюсь съ своими козами... Поворачивай, чернявка; впередъ, кудрявая! двигайтесь, двигайтесь всѣ. Поднимайтесь выше, туда, гдѣ скачутъ граціозныя серны!

«Есть много бѣдныхъ людей, которымъ нечѣмъ кормить корову, зато у нихъ есть, по крайней мѣрѣ, козы. Не буду же пенять на судьбу, что я не армальи, и не стану стыдиться, когда меня назовутъ козопасомъ.

«Не слишкомъ высоко, сѣрая! Тамъ вверху, въ тѣни, черезъ эту трещину, мы сегодня пройдемъ на Беницегъ. А! а! вотъ мы и наверху! Лавина гремитъ такъ, что наводитъ страхъ. Слышите ли вы, какъ трещитъ ледникъ? Трещи и шуми, сколько угодно, я могу лишь смѣяться надъ тобою... Черная, не такъ низко! не забирайтесь на тѣ полосы, оставайтесь на высотѣ!»

Но какое же вознагражденіе, спроситъ читатель, получаютъ эти дѣти за свое ремесло, сопряженное съ такими опасностями, лишеніями и трудами? Съ козы по франку въ лѣто и, самое большее, по полутора—плата до того ничтожная, что козопасъ часто едва можетъ справить себѣ теплое платье.

КОСЦЫ И ДРОВОСѢКИ.

Дикая, неумолимая альпійская природа, со своими гибельными, суровыми явленіями, тяжелѣе всего отзывается на рабочемъ людѣ, который имѣетъ съ нею постоянное, непосредственное сношеніе. Мы только что видѣли несчастную, исполненную всевозможныхъ опасностей жизнь козопаса; теперь намъ предстоитъ поговорить о занятіи косцовъ и дровосѣковъ, и, право, затрудняешься, которому изъ этихъ занятій отдать предпочтеніе по безотрадному бездолью и тѣмъ смертельнымъ опасностямъ, которыми они окружаютъ рабочаго на каждомъ шагу.

Сѣнокосъ на Альпахъ начинается въ августѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ сентябрѣ. Косецъ отправляется въ путь еще наканунѣ. Какъ передъ вѣчной разлукой, каждый разъ прощается онъ съ женою и дѣтьми. Даже вчужѣ тяжело глядѣть на это разставаніе. Всѣ члены семьи, не исключая и дѣтей, изъ которыхъ старшій очень часто идетъ съ отцомъ на подмогу, сумрачны и печальны. Вѣдь эту обязанность несутъ на себѣ бѣдняки; какой же ударъ для жены, какая нищета ждетъ семью впереди, если не вернется съ работы отецъ—вся ея надежда и поддержка! Бѣдныя малютки! Община, чтобы избавиться отъ новыхъ нищихъ, навѣрно сдѣлаетъ ихъ козопасами или разошлетъ въ горы—прислуживать по гостиницамъ. Тяжести, которыя имъ по нѣскольку разъ въ день придется таскать изъ долины въ гору, въ три погибели согнутъ ихъ еще неокрѣпшія спины, сдавятъ мозгъ такъ, что потомъ уже трудно будетъ вмѣстить въ него какую бы то ни было науку; вотъ почему такимъ мальчикамъ приходится вѣчно оставаться вьючными животными.

Главныя принадлежности косца, которыя онъ беретъ съ собою,—коса, окованная желѣзомъ, палки, крюки, большая сѣть или большой холщевой платокъ для переноски сѣна и шкура, чтобы прикрыться во время ливня. Онъ надѣваетъ камзолъ съ капюшономъ изъ грубаго полотна, беретъ еще мѣшокъ съ кое-какой провизіей, а иногда и козу, чтобы питаться ея молокомъ. Часто высокія, скалистыя стѣны, которыя возвышаются почти вертикально на нѣсколько сотъ футовъ выше самыхъ высокихъ пастбищъ, бываютъ великолѣпно увѣнчаны чудной, зеленой травой: вотъ туда-то лѣзетъ бѣднякъ со своимъ сыномъ. Отъ непривычной, долгой ходьбы раскраснѣвшееся личико малютки то и дѣло покрывается смертельною блѣдностью. Онъ

проходитъ по самой узкой тропинкѣ, окруженной страшными рвами. Черезъ минуту картина мѣняется, и онъ идетъ уже бодрѣе, вглядываясь въ бурный потокъ, который реветъ у его ногъ и пѣнится серебристыми клубами, только отъ времени до времени отводя глаза отъ зіяющихъ пропастей. Зато какимъ счастьемъ блестятъ его глазки, когда, добравшись, наконецъ, до мѣста, куда они шли, онъ стоитъ съ отцомъ надъ тѣми высокими горами, о которыхъ еще вчера думалъ съ такимъ ужасомъ, и гордо посматриваетъ внизъ, на темные лѣса, на крыши шалэ, блестящія при солнечномъ свѣтѣ.

Скала, на которую взбирается косецъ, состоитъ по большей части изъ слоевъ шифера, известняка и доломита. Время и вода здѣсь и тамъ разрушили нѣкоторые изъ этихъ слоевъ, такъ что они выступаютъ карнизами или образуютъ что-то въ родѣ украшеній этому гигантскому фасаду. Карнизы эти бываютъ иногда толщиною только въ нѣсколько дюймовъ, часто покрыты клочками невысокой, нѣжной, душистой зелени съ тонкимъ стеблемъ; вотъ по нимъ-то и пробирается косарь. Онъ постоянно видитъ передъ собою съ одной стороны отвѣсную скалу, которая возвышается до зубцовъ вершины, съ другой—такой же отвѣсный обрывъ, который теряется въ неизъяснимо-страшной глубинѣ. Отъ бѣганья козъ, что пасутся часто надъ его головою, безпрестанно обрываются камни, которые сразу могутъ положить его наповалъ... Рыхлые, узкіе и тонкіе слои карнизовъ, на которыхъ онъ скашиваетъ траву, могутъ оборваться каждую минуту и увлечь съ собою работника въ мрачную бездну. На той высотѣ, гдѣ онъ коситъ, часто даже и среди лѣта снѣгъ засыпаетъ всѣ проходы, и тогда ему еще труднѣе и опаснѣе пробираться по нимъ. Но онъ хладнокровно смотритъ на всѣ эти опасности и бодръ, когда стоитъ хорошая погода, такъ какъ онъ успѣваетъ тогда много накосить и просушить сѣна. Но случившійся ливень можетъ сразу погноить все сѣно или увлечь его внизъ; сильные вѣтры могутъ до послѣдняго клочка разметать все сѣно.

Туманы, которые въ горахъ бываютъ часто и продолжаются по цѣлымъ недѣлямъ, представляютъ еще болѣе ужасное бѣдствіе для косца: они иногда совсѣмъ плотно заволакиваютъ собою дороги, скрываютъ самое небо. Въ такихъ случаяхъ въ шалашахъ обыкновенно звонятъ, чтобы человѣку, застигнутому ими врасплохъ, дать возможность попасть въ какое-нибудь человѣческое жилье. Этотъ звонъ необходимъ также для пастуховъ, которые, сбившись въ это время съ дороги, могутъ наткнуться на опасность. Когда наступаютъ такіе туманы, сѣно, разумѣется, сушится очень плохо, а если они продолжительны, то оно окончательно портится. Когда сѣно высушено и если скала, съ которой оно было скошено, не слишкомъ крута и высока, то косецъ связываетъ его въ сѣти и холщевые платки и сбрасываетъ на болѣе низкіе уступы. Но если на скатѣ онъ замѣтитъ много кустарниковъ или пней, за которые могутъ зацѣпиться его тюки, онъ поступаетъ иначе. Тюки съ сѣномъ онъ взваливаетъ къ себѣ на плечи, нѣсколько разъ укрѣпляетъ ихъ еще веревками и такимъ образомъ спускается внизъ, часто ступая по такимъ узкимъ карнизамъ, на которыхъ едва помѣщается нога. При этомъ косецъ можетъ зацѣпиться за выступъ скалы (это еще легче можетъ случиться, когда сѣно связано въ сѣтки), тогда онъ теряетъ равновѣсіе и падаетъ въ пропасть.

Сухое сѣно сохраняютъ въ сѣновалахъ, построенныхъ въ мѣстахъ, гдѣ гора менѣе крута. Тѣ, у которыхъ ихъ нѣтъ, складываютъ его въ стога, огораживая ихъ кольями и накладывая на нихъ сверху тяжелые камни, чтобы защитить ихъ отъ ливня и вѣтра. Часто, однако, когда приходятъ за этимъ сѣномъ зимою, часть его бываетъ съѣдена сернами, зайцами и другими проголодавшимися животными.

Зимою косецъ приходитъ къ своему сѣновалу съ санками. Онъ сваливаетъ въ нихъ сѣно, крѣпко привязываетъ его, садится самъ спереди и начинаетъ раскачиваться въ ту и другую сторону (какъ у насъ дѣлаютъ, чтобы скатиться съ горы во время масляницы), и черезъ минуту сани уже летятъ съ быстротою молніи. Но опасность и тутъ подстерегаетъ его. Во время сильныхъ морозовъ на высотахъ часто дуетъ теплый вѣтеръ; тогда снѣгъ сваливается съ высотъ и засыпаетъ косца со всѣмъ его сокровищемъ. Если онъ очутится въ долинѣ со своими санками и сѣномъ здравъ и невредимъ, то этому помогло его отличное знакомство со всѣми неровностями мѣстности и замѣчательная вѣрность взгляда, помогающая ему обыкновенно выбирать именно такое направленіе, при которомъ онъ можетъ избѣжать разныхъ опасностей.

Дровосѣковъ ждетъ такой же суровый трудъ, какъ и косцовъ. Въ башмакахъ, подбитыхъ шипами, они влѣзаютъ на самыя высокія деревья и обрубаютъ вѣтви со ствола до самой верхушки, свѣсившись надъ пропастью. Когда дерево очищено, его рубятъ у корня; но если оно такъ толсто, что топоръ его не прохватитъ, то дровосѣки доканчиваютъ его уже пилой. Несмотря на сильные морозы, которые бываютъ на возвышенностяхъ, дровосѣки не смѣютъ согрѣвать себя виномъ. Спиртные напитки могутъ усыпить ихъ, а здѣсь сонъ для нихъ—смерть.

СТРАННОПРІИМНЫЕ МОНАСТЫРИ.

Страннопріимные монастыри чаще всего находятся выше границы вѣчныхъ снѣговъ, гдѣ, по причинѣ постоянныхъ холодовъ, вьюгъ и мятелей, дороги бываютъ такъ опасны, что каждый годъ поглощаютъ множество жертвъ. То провалится какой-нибудь путешественникъ въ пропасть, то засыпетъ его лавиной, то туманъ заставитъ сбиться съ дороги, и онъ гибнетъ отъ голоду и усталости въ этой дикой пустынѣ. Вотъ монастыри и основываются на такихъ негостепріимныхъ пунктахъ съ цѣлью дать пріютъ, вырвать изъ рукъ смерти или оказать, по крайней мѣрѣ, хотя какую-нибудь помощь погибающимъ. И помощь эту монастыри оказываютъ каждому нуждающемуся въ ней, безъ различія религіи и общественнаго положенія. Такихъ страннопріимныхъ монастырей на Альпахъ до 15; они вовсе не блестятъ внѣшностью: это весьма простыя прочныя зданія, построенныя изъ камня, съ толстыми стѣнами. Жители такихъ пріютовъ не только спасаютъ погибающихъ, но, если позволяютъ средства, даютъ даромъ пищу и проходящимъ мимо бѣднякамъ. Когда погода окончательно мѣшаетъ путешественнику продолжать свой путь, онъ идетъ въ монастырь. Одинъ изъ монаховъ встрѣчаетъ его, отводитъ въ трапезную и тотчасъ предлагаетъ ему супъ, рюмку водки или обѣдъ, если это обѣденное время. Если уже поздно, то путешественника отводятъ въ чистую, хорошо выгопленную комнату. Всѣ услуги оказываются съ полнымъ радушіемъ и совершенно безвозмездно, хотя и есть обыкновеніе, чтобы тѣ, кто можетъ, опускали въ церковную кружку то, что стоитъ оказанная имъ услуга.

Собаки оказываютъ при этомъ человѣку весьма важную помощь: лишь только приближается буря, какъ между ними уже замѣтно безпокойство. Тогда въ монастыряхъ начинаютъ звонить въ колокола, и монахи, въ сопровожденіи собакъ, отправляются на поиски, вооруженные палками, носилками и съѣстными припасами. Когда собаки начинаютъ особенно тщательно обнюхивать какое-нибудь мѣсто, монахи удвоиваютъ свое вниманіе и разгребаютъ снѣгъ. Такъ какъ собаки часто сами вы-

бѣгаютъ на поиски, то имъ обыкновенно привязываютъ на шею корзину съ ѣдой или бутылку вина, иногда же кладутъ на спину и шерстяное одѣяло. Если отрываемые ими люди приходятъ сами въ чувство и могутъ утолить голодъ, то собаки приводятъ ихъ въ монастырь; если же они найдутъ окоченѣлаго человѣка, то кратчайшими дорогами бѣгутъ домой, громко лаютъ и ведутъ монаховъ къ несчастному. Одна такая собака, по имени Бари, изъ монастыря св. Бернарда, была необыкновенно дѣятельна въ отыскиваніи погибающихъ. На своемъ вѣку она спасла жизнь болѣе чѣмъ 40 человѣкъ и этимъ прославилась такъ, что была послѣ смерти воспѣта въ стихахъ нѣсколькими поэтами. При жизни же она пользовалась такимъ уваженіемъ посѣтителей, что къ ней приближались не иначе, какъ снимая передъ нею шляпу и подавая ей руку.

Тѣ, которые посвящаютъ себя служенію въ этихъ монастыряхъ, терпятъ страшныя лишенія и невзгоды. Въ страннопріимномъ монастырѣ св. Бернарда (на высотѣ 7.368 ф.), на С.-Готтардѣ (6.388 ф.) и въ тѣхъ, которые построены такъ-же высоко, бываетъ до 8 или 9 зимнихъ мѣсяцевъ. Даже лѣтомъ здѣсь иногда такъ холодно, что вода замерзаетъ. Во весь годъ едва наберется десятокъ ясныхъ дней; безпрестанныя бури, снѣжныя вьюги и туманы дѣлаютъ погоду невыносимой. Часто и въ лѣтніе дни снѣгъ падаетъ здѣсь большими хлопьями, а зимою—мелкими, ледяными кристаллами, которые въ вѣтряную погоду пробиваются чрезъ щели дверей и оконъ. Служащіе въ этихъ монастыряхъ выходятъ на поиски за несчастными во всякое время. Дороги заметены снѣгомъ, а они все-таки отправляются, хоть имъ и приходится шагать по сугробамъ, безпрестанно проваливаясь, едва двигаясь, по поясъ въ снѣгу. Идутъ и тогда, когда лавины падаютъ съ горъ и угрожаютъ безпрестанно засыпать или раздавить ихъ. Монахи поступаютъ сюда на 20-мъ году своей жизни и обязываются прослужить 15 лѣтъ; но большинство изъ нихъ умираетъ гораздо раньше этого срока отъ чрезмѣрной суровости климата или жертвою самоотверженія въ поискахъ за погибающими.

СНѢЖНАЯ ОБЛАСТЬ.

Грозныя явленія природы этой области. — Красный снѣгъ.—Монъ-Бланъ.—Желѣзныя дороги.

Безмолвная снѣжная область простирается отъ 7,000 до 14,000 футовъ надъ уровнемъ моря, а нѣкоторыя вершины возносятся и выше надъ послѣдними зелеными ступенями горъ, надъ громадными сѣрыми скалами; рѣзко выдѣляясь изъ ночной темноты, фантастически облитая свѣтомъ луны, величественно смотритъ она въ долины. Когда на небѣ загорается заря, вершины бѣлыхъ зубцовъ кажутся подернутыми кровавою вуалью, а затѣмъ начинаютъ горѣть золотомъ и брильянтами. Снѣжная область представляетъ лишь разорванныя вершины горъ да круто поднимающіеся гребни. О высокихъ равнинахъ нѣтъ и помину: здѣсь только ледяныя котловины да наклонныя снѣжныя ямы. Безчисленные высокіе пики снѣжной области стоятъ обыкновенно голые и часто совершенно отвѣсно подымаются изъ снѣжной поверхности на 2, а то и на 5 тыс. фут. Сіяющія снѣжныя вершины, пустынныя высокія долины, наполненныя обломками и льдомъ, черныя, бурыя, сѣрыя безконечныя стѣны скалъ—вотъ, что вы встрѣтите здѣсь прежде всего. Чаще всего тутъ предъ вами разстилаются громадные ледники, издали впрочемъ предста-

вляющіеся бѣлыми, узкими полосами. Кое-гдѣ на нихъ видны глубокія трещины и блестящая игра свѣта на ихъ поверхности. Чѣмъ выше, тѣмъ болѣе отвѣсныхъ пиковъ, мрачныхъ горъ, окутанныхъ непроницаемымъ туманомъ, и, наконецъ, ледниковъ; все болѣе мрачный, суровый оттѣнокъ принимаетъ все окружающее. На всемъ печать однообразія и безжизненности. Тутъ царство смерти и вѣчной зимы, страна полная ужаса, съ колоссальными явленіями природы и безконечными лабиринтами, міръ громадныхъ снѣжныхъ полей, покрывающихъ собою высоты, которыхъ еще не касалась нога человѣка. Только самая незначительная часть, самые крошечные уголки этихъ безконечныхъ снѣговъ и ледяныхъ морей были изслѣдованы учеными, которые, рискуя на каждомъ шагу своею жизнію, подымались на эти высоты, чтобы дѣлать различныя наблюденія.

На 6,500 ф. высоты уже прекращаются человѣческія жилища. Впрочемъ на Монъ-Розѣ есть хижина на 8,000 ф. Но еще выше стоитъ, теперь покинутый, мѣдный заводъ на высотѣ 10,086 ф.; въ немъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, ежегодно работали по 2 мѣсяца въ году. Утреннія и вечернія сумерки здѣсь очень коротки: тамъ или свѣтъ, или совершенная тьма. Мгновенно свѣтаетъ и точно также быстро наступаетъ ночь послѣ заката. На этихъ высотахъ вообще господствуетъ непогода; густые туманы, рѣзкіе вѣтры, ударяя о скалы, издаютъ дикіе, потрясающіе звуки; сильныя бури съ громомъ и трескомъ, яростные потоки съ грознымъ завываніемъ, снѣжныя лавины и безпрестанные обвалы льдинъ,—всѣ эти грозныя явленія держатъ въ постоянномъ страхѣ обитателей внизу лежащихъ долинъ. Но зато это первая школа горца, вырабатывающая въ немъ мужество, отвагу и самое искреннее желаніе помочь другому, такъ какъ онъ знаетъ, что каждую минуту самъ можетъ быть въ страшной опасности.

Снѣгъ горныхъ вершинъ сильно отличается отъ обыкновеннаго: при большемъ холодѣ на высотахъ, при чистотѣ и суровости воздуха, онъ легче, суше и падаетъ большею частію въ формѣ ледяныхъ иголокъ или звѣздочекъ, но очень рѣдко хлопьями, какъ это бываетъ въ долинахъ. На 9,000 ф. только изрѣдка идетъ дождь, а на высотѣ 11,000 ф. никогда. Поэтому нужно было бы ожидать, что на высокихъ Альпахъ скопляются и громоздятся снѣжныя груды неизмѣримой высоты, но множество причинъ мѣшаетъ этому. Частыя лавины и вѣтры сильно содѣйствуютъ освобожденію высотъ отъ снѣга. Солнечные лучи на высотахъ дѣйствуютъ гораздо энергичнѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, и растопляютъ отъ времени до времени твердый ледяной покровъ. На большихъ высотахъ, какъ мы уже сказали, не бываетъ дождя; то же замѣтили и относительно снѣга. На высотѣ 7 и 8 тыс. ф. въ продолженіе сутокъ онъ падаетъ безпрестанно и выпадаетъ величайшими массами, а выше и ниже количество снѣга значительно уменьшается. Извѣстно,—чѣмъ выше мы поднимаемся на горы, тѣмъ становится холоднѣе. И это понятно: атмосфера на высокихъ горахъ гораздо рѣже, слѣдовательно теплота земли можетъ оттуда гораздо скорѣе проникать въ пространство; поэтому запаса теплоты тамъ меньше и температура несравненно ниже, чѣмъ въ долинахъ. Можно было бы думать, что при такихъ условіяхъ на вершинахъ господствуетъ жестокая зимняя стужа; но множество ученыхъ наблюденій доказали, что въ сѣверной и южной Германіи и въ нѣкоторыхъ низменныхъ частяхъ Швейцаріи зима бываетъ иногда гораздо холоднѣе и термометръ опускается значительно ниже, чѣмъ въ горахъ, лежащихъ выше границы вѣчнаго снѣга. Въ солнечные дни бываетъ иногда даже очень тепло. Это будетъ понятно, когда мы вспомнимъ, какъ энергично дѣйствуютъ здѣсь лучи солнца, которые еще усиливаются свѣтомъ, отражаемымъ отъ снѣга. Путешественники, которые карабка-

ются на горы полюбоваться красотами природы, не говоря уже о боли въ глазахъ, противъ которой они должны защищаться синими очками или густыми вуалями, обыкновенно подвергаются тамъ до такой степени сильному солнечному зною, что ихъ лицо и руки страшно распухаютъ и покрываются пузырями. Даже на высотѣ 10,000 ф., на хорошо расположенныхъ, освѣщенныхъ солнцемъ скалахъ, теплота доходитъ до 20° и даже до 28° Р. Въ нижнихъ частяхъ этихъ вершинъ есть что-то въ родѣ перемѣнъ года. Зимою выпадаетъ много снѣга; весною, лѣтомъ и осенью идетъ дождь; въ воздухѣ становится довольно тепло, и на оазисахъ, которые здѣсь и тамъ встрѣчаются въ этихъ поясахъ, тотчасъ появляется животная и растительная жизнь. Бабочки весело порхаютъ около только-что распустившихся цвѣтовъ; пауки, жуки, черви, наливочныя животныя, а иногда и красивый каменный баранъ и легконогая серна проходятъ по молодой растительности. Но эта жизнь длится очень не долго, и теплыхъ часовъ и дней недостаточно, чтобы одолѣть громадныя массы снѣга, выпавшія въ холодное время. Смертельный холодъ мятелей, трескучіе морозы, туманы и градъ смѣло врываются въ только-что пробуждающуюся область.

На высотахъ отъ 7 до 9 т. ф. надъ уровнемъ моря иногда представляется взору въ высшей степени поразительное явленіе. Поверхность снѣга, и это всегда бываетъ на старомъ снѣгѣ и никогда на только-что выпавшемъ, на большихъ пространствахъ, какъ дымкою, покрыта легкимъ налетомъ краснаго цвѣта. Иныя мѣста окрашены живѣе въ ярко-красный цвѣтъ, къ краямъ же красный цвѣтъ блѣднѣетъ и переходитъ въ желтоватый оттѣнокъ; подъ слѣдами ногъ блѣдный цвѣтъ обыкновенно переходитъ въ кроваво-красный. Посредствомъ микроскопа удалось доказать, что этотъ красный снѣгъ ни болѣе ни менѣе, какъ простыя водоросли, слѣдовательно, самыя низшія растенія. Замѣчательно также, что эта снѣговая водоросль находится всегда въ обществѣ съ микроскопическими инфузоріями.

Въ Альпахъ три замѣчательныя вершины: Монъ-Бланъ, Юнгфрау и Маттегорнъ. Монъ-Бланъ—высочайшая изъ всѣхъ вершинъ не только Альпъ, но и всей Европы, достигаетъ 15,700 фут. высоты, что составляетъ четыре съ половиной версты. Онъ подымается продолговатымъ гранитнымъ основаніемъ въ 40 верстъ длиною. На этомъ пьедесталѣ нагромождено множество вершинъ, острыхъ пиковъ, пирамидъ и совершенно крутыхъ утесовъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ. Среди нихъ своею высотою выдѣляется одна вершина, которая и называется собственно Монъ-Бланомъ. Этотъ снѣжный великанъ, господствующій надъ всѣми вершинами Альпъ, является не только центромъ могучей группы вершинъ, но страшныхъ пропастей и цѣлаго лабиринта громадныхъ ледниковъ съ зіяющими трещинами, которыя здѣсь и тамъ нерѣдко прикрыты снѣгомъ.

Теперь уже на многія вершины Швейцаріи взбираются по желѣзнымъ дорогамъ, и съ каждымъ годомъ желѣзнодорожная сѣть этой замѣчательно гористой страны расширяется, представляя во всемъ блескѣ необыкновенное торжество науки и человѣческаго ума надъ самыми грозными силами природы. Вотъ какъ описываетъ одинъ путешественникъ желѣзную дорогу изъ Лаутербруннена въ деревню Мюрренъ, находящуюся на высотѣ 1,600 метровъ. «Представьте себѣ прямую, длинную, узкую, зубчатую линію, почти вертикально подымающуюся по крутому откосу. Даже люди привычные къ горнымъ дорогамъ, уже давно существующимъ въ другихъ мѣстахъ Швейцаріи, съ тревожнымъ недоумѣніемъ взираютъ на эту крутизну, на которую даже и серны не могли бы взбираться по прямой линіи. Несешься точно на коврѣ-самолетѣ все выше и выше подъ самыя облака, среди грозныхъ скалъ, среди гула и грохота водопадовъ».

Но всего этого оказалось недостаточно, и теперь хотятъ уже взобраться на

высочайшую послѣ Монъ-Блана вершину Альпъ — Юнгфрау. Къ работамъ предполагаютъ приступить очень скоро. Чтобы обезпечить твердость желѣзнодорожнаго полотна, придется проводить туннели подъ огромными ледниками, искать опоры на скалахъ, устраивать самыя разнообразныя приспособленія отъ обваловъ ледяныхъ лавинъ.

Теперь очередь осталась за Монъ-Бланомъ; можно надѣяться, что въ близкомъ будущемъ человѣкъ взберется по желѣзной дорогѣ и на царя Альпійскихъ горъ.

ЛЕДНИКИ.

Какую пользу они приносятъ.—Ручейки и озерки.—Голубые своды надъ потоками.—Цвѣтъ ледника.—Вкусъ его воды.—Отчего происходятъ трещины.

Ледники, иначе называемые *глетчерами*,—гигантскія ледяныя массы. Они имѣютъ видъ громадныхъ замерзшихъ рѣкъ и покрываютъ покатости горъ, а часто и чрезвычайно обширныя между ними углубленія. Для физіономіи снѣговой области глетчерный міръ имѣетъ величайшую важность, такъ какъ онъ покрываетъ большую часть ея нижней половины. По одному этому можно себѣ представить, сколько должно быть ледниковъ въ Альпахъ: ихъ считаютъ болѣе 600, и въ длину величайшіе изъ нихъ имѣютъ 24 и даже 40 верстъ, въ ширину версты четыре и болѣе. Однимъ словомъ, поверхность всѣхъ ледниковъ, взятыхъ вмѣстѣ, такъ велика, что составитъ приблизительно пространство трехъ кантоновъ средней величины. Глетчеры иногда имѣютъ видъ огромныхъ, неподвижныхъ морей, но они избѣгаютъ остроконечныхъ конусообразныхъ горъ, а больше ищутъ себѣ мѣста въ горной равнинѣ, гдѣ могутъ накопляться большія массы снѣга. Внѣшность глетчеровъ очень разнообразна: они тянутся по глубинѣ спускающихся внизъ долинъ, наполняя ихъ льдомъ по всей ширинѣ; при этомъ они слѣдуютъ всѣмъ кривизнамъ, извилинамъ, съуженіямъ и расширеніямъ долинъ. Случается, что два глетчера сталкиваются въ одной и той же долинѣ; оба ледяные потока соединяются въ одинъ общій потокъ, и тогда уже глетчеръ представляется огромнымъ ледянымъ моремъ. Отдѣльными своими рукавами онъ далеко спускается въ нижнія долины и фантастически свѣшивается на сочную зелень луговъ. Распространеніе глетчеровъ въ высшей степени измѣняетъ развитіе органической жизни. Глетчеры гораздо болѣе ей враждебны, чѣмъ снѣгъ. Снѣгъ защищаетъ и охраняетъ зерна растеній, глетчеръ же губитъ все. Онъ не согрѣваетъ земли, и все живое (за немногими исключеніями) бѣжитъ отъ него, какъ отъ царства смерти. Серны, каменный баранъ и другія животныя избѣгаютъ ледника, пока желаніе спастись отъ преслѣдованія не загонитъ ихъ туда. Птица не находитъ тамъ никакой добычи, даже насѣкомыя, исключая одной странной глетчеровой блохи, избѣгаютъ ледниковъ, лишенныхъ цвѣтовъ и растительности, и губительныхъ холодовъ ледянаго моря. Но на ихъ берегахъ уже являются травка и животныя. Думаютъ даже, что близость глетчеровъ, ихъ влажность и свѣжесть, которую они щедро распространяютъ вокругъ, очень помогаютъ роскошной растительности. И какое величественное зрѣлище представляютъ эти громадныя, оцѣпенѣлыя ледяныя моря съ пышными травами, буками и соснами по берегамъ.

Глетчеры приносятъ и много пользы. Они питаютъ большія швейцарскія рѣки и снабжаютъ водой равнины. Кромѣ того, воды, вытекающія изъ глетчера, содер-

жатъ въ своемъ илѣ много частицъ, полезныхъ для растительнаго міра. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ илъ этотъ употребляютъ для удобренія луговъ, виноградниковъ и садовъ. Издали глетчеръ представляетъ плоскую, цѣльную поверхность, и только когда взойдешь на него, замѣтишь множество трещинъ, и по всей его поверхности струится безчисленное множество большихъ и малыхъ жилъ воды. Эти ручейки происходятъ отъ таянія глетчера; часто они текутъ по три и по четыре вмѣстѣ и тамъ, гдѣ они сливаются, образуютъ небольшое зеленое озерко, изъ котораго въ свою очередь вытекаетъ уже объемистый источникъ. Но у нижняго конца глетчера всѣ эти водяныя жилы соединяются между собой въ одинъ большой зеленоватый, а то и совсѣмъ грязный потокъ. Тутъ же у самаго своего конца глетчеръ часто образуетъ сводъ (футовъ 100 въ вышину и отъ 40 до 80 въ ширину), напоминающій просторныя, высокія ворота прелестнаго голубаго цвѣта, изъ-подъ которыхъ и вытекаетъ шумно потокъ, а иногда показывается въ видѣ каскада съ блестящими, ярыми волнами, бурно прыгающими въ разныя стороны. Кромѣ того, ледникъ усѣянъ множествомъ отверстій, стѣнки которыхъ чуднаго голубого цвѣта: они или совершенно пусты, или наполнены синеватой водой. Нѣкоторыя изъ этихъ отверстій или дыръ бываютъ чрезвычайно глубоки. Напримѣръ, на нижнемъ Аарскомъ глетчерѣ глубина такой дыры въ 780 футовъ. Трудно точно опредѣлить цвѣтъ глетчера. Путешественникъ нерѣдко замѣчаетъ голубоватый паръ, выходящій изъ трещинъ; иногда онъ мѣняется изъ свѣтло-голубого въ темно-синій. Но если вы отобьете кусокъ льда, въ рукахъ онъ будетъ казаться безцвѣтнымъ. Другая особенность глетчернаго льда — его острый, вяжущій вкусъ. Чистая, совершенно снѣжная вода съ глетчера негодна для питья: она безвкусна, увеличиваетъ жажду и производитъ поносъ. Когда пастухамъ далеко идти за водой, они берутъ кусокъ льда съ глетчера, кладутъ гдѣ-нибудь на землѣ, на солнышкѣ и, когда онъ растаетъ и вода потечетъ по скалѣ, — бѣгутъ внизъ и пьютъ ее. Какъ непріятна на вкусъ вода прямо съ глетчера, такъ измѣняется она и дѣлается годною къ употребленію, когда пробѣжитъ по землѣ.

Ледники искрещены трещинами, происходящими отъ постояннаго движенія внизъ глетчера и отъ различныхъ его измѣненій. Образованіе трещинъ сопровождается страшнымъ трескомъ, похожимъ на удары, которые бываютъ при землетрясеніи. Вслѣдъ за нимъ появляется на льду трещина, края которой еще нисколько не отодвинуты другъ отъ друга, но ледникъ продолжаетъ свое движеніе впередъ, и трещины увеличиваются. Мало-по-малу онѣ превращаются въ бездны, иногда необозримой глубины, въ нѣсколько сотъ или даже тысячъ футовъ длины, въ 10 и иногда доходятъ и до ста футовъ въ ширину. Отвѣсныя, темно-голубыя, влажно блестящія отъ каплющей воды стѣны этихъ ущелій изъ кристально-прозрачнаго льда представляютъ одно изъ самыхъ великолѣпныхъ явленій природы. При путешествіи по глетчерамъ неизбѣжно встрѣтишь такія трещины. Зимой многія изъ нихъ засыпаетъ снѣгомъ, и это бываетъ причиной множества несчастій. Туристы, прежде чѣмъ ступить на глетчеръ, должны его зондировать (ощупывать палкой); но даже и такой предосторожности мало. Путешествіе по леднику слѣдуетъ предпринимать не иначе, какъ нѣсколькимъ туристамъ заразъ, въ сопровожденіи опытнаго проводника, соединяясь другъ съ другомъ веревкою на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого. Если мгновенно проваливается одинъ изъ нихъ, это чувствуетъ каждый, тотчасъ отходятъ отъ опаснаго мѣста и общими силами начинаютъ вытягивать товарища. Положеніе провалившихся въ глетчеровыя трещины ужасно: какъ засыпанный въ лавинахъ слышитъ каждое слово ищущихъ его, не имѣя возможности дать о себѣ знать, такъ точно бываетъ и тутъ. Кромѣ того, идя по лабиринту трещины, можно выйти на

такой утесъ, который окруженъ со всѣхъ сторонъ пропастью, — тогда несчастному остается одно: или рѣшиться соскочить въ пропасть, или опять пуститься по тому же лабиринту. Поверхность ледника недолго сохраняетъ блестящую бѣлизну снѣга, изъ котораго онъ образуется. Ледники окружены горами, которыя терпятъ всевозможныя невзгоды. Морозъ и тепло крошитъ ихъ въ кусочки и обломки; бури и лавины безжалостно потрясаютъ ихъ, отрывая отъ нихъ громадныя глыбы. И все, что упадетъ съ горъ на ледникъ, онъ терпѣливо несетъ на своемъ хребтѣ. Осколки скатываются съ горныхъ склоновъ и падаютъ на ледникъ. Большія глыбы, прежде чѣмъ упасть, прыгаютъ съ уступа на уступъ, при чемъ очень многія не ломаются и въ такомъ видѣ остаются на глетчерѣ; другія же, ударившись о скалы, разрываются, какъ бомбы, и осыпаютъ ледъ своими осколками. Итакъ, количество камня и мусора, падающаго на глетчеръ, зависитъ отъ свойства прилегающихъ къ нему горъ: тамъ, гдѣ вершины голы и хрупки, можно ожидать частыхъ обваловъ; тамъ, гдѣ онѣ тверды, или защищены покрышкою изъ льда и снѣга, количество обломковъ на ледникѣ гораздо меньше. На нѣкоторыхъ изъ нихъ глыба камня представляетъ иногда колоссальные размѣры и нерѣдко бываетъ величиною въ двухъэтажный домъ. Если конецъ ледника выдвинется впередъ больше обыкновеннаго, а это бываетъ послѣ снѣжныхъ зимъ и влажныхъ лѣтъ, онъ разрушаетъ валъ, выходитъ въ луга и долины, ломаетъ и опрокидываетъ жилища, какъ ничтожныя соломинки, вывертываетъ съ корнями могучія деревья, уничтожаетъ поля и приноситъ съ собой множество другихъ бѣдствій. Если же глыба не двигается, часть ея постепенно одѣвается дерномъ.

Обломки и камни, которые падаютъ на глетчеръ, производятъ различныя фантастическія фигуры: столы, остроконечные столбы, глетчеровыя розы, однимъ словомъ—фигуры всевозможныхъ формъ. Откуда же взялись эти фигуры? Ледъ на ледникѣ подвергается солнечнымъ лучамъ и вліянію теплаго воздуха; поэтому онъ безпрестанно таетъ. Если глыба или камень очень великъ и плотенъ, то солнечные лучи гораздо труднѣе проникаютъ черезъ него на ледъ, надъ нимъ лежащій. Такихъ образомъ мало-по-малу таетъ все, что вокругъ камня, кромѣ того мѣста, который онъ покрываетъ. Когда ледъ стаиваетъ, эти камни и являются на ледникахъ гранитными столами на темныхъ ледяныхъ подставкахъ и во всевозможныхъ формахъ.

По своей массѣ *Ледяное море*—самый большой глетчеръ Швейцаріи, хотя по длинѣ его превосходитъ глетчеръ Алечъ. Онъ образуется снѣжными долинами горъ, которыя лежатъ на сѣверъ отъ Монъ-Блана; нѣкоторыя изъ этихъ вершинъ только немногимъ ниже этой высочайшей горы. Снѣжныя поля склоновъ этихъ горъ собираются въ три главные ледяные потока, которые, соединяясь вмѣстѣ, и образуютъ Ледяное море, имѣющее въ ширину 3,000 футовъ. Оно тянется до долины Шамуни, гдѣ изъ нижняго конца его вытекаетъ необыкновенно могучій ручей. Ледникъ этотъ имѣетъ видъ моря, взрытаго бурею и мгновенно остывшаго. Онъ, какъ и другіе, разсѣкается глубокими трещинами и спускается по скату. У нижней части Ледянаго моря ледъ разрывается по всѣмъ направленіямъ на множество отдѣльныхъ глыбъ, которыя отъ таянія принимаютъ тутъ необыкновенно странныя формы острыхъ рифовъ и пирамидъ и отъ времени до времени сваливаются со страшнымъ грохотомъ въ лежащія между ними ущелья. Издали такія мѣста похожи на замерзшіе водопады; быть можетъ, поэтому ихъ и называютъ обыкновенно каскадами. Видъ дико-разорванныхъ ледяныхъ глыбъ, который представляетъ взору каскадъ у подошвы Шамуни,— главный предметъ удивленія туристовъ.

Самое замѣчательное явленіе Ледянаго моря—это его садъ, который окруженъ

льдомъ и величавымъ поясомъ скалъ; онъ тѣмъ и привлекаетъ вниманіе, что посреди такой мертвой обстановки блещетъ мягкой зеленой травой и испещренъ цвѣтами.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО.

Швейцарскій союзъ.—Его значеніе.—Дѣленіе Швейцаріи на кантоны.—Языкъ народа.—Власть законодательная и исполнительная.—Основныя права гражданъ.—Референдумъ.—Кантонъ Ури: его „Майское собраніе".

Швейцарія (прежде Гельвеція) раздѣляется на 22 совершенно отдѣльныхъ области, называемыхъ кантонами, или штатами. Три изъ этихъ 22-хъ кантоновъ, а именно: Базель, Аппенцель и Унтервальденъ, отчасти вслѣдствіе религіозныхъ распрей, отчасти по причинамъ политическимъ, а то и просто вслѣдствіе ссоръ изъ-за лѣса и пастбища, раздѣлились каждый на два полукантона. Всѣ эти кантоны очень различны и по величинѣ, и по числу жителей, по ихъ зажиточности, даже по природѣ и почвѣ. Такъ, Бернъ имѣетъ 536,182 жит., а Ури всего 17,313; Граубинденъ занимаетъ болѣе 2,700 англійскихъ квадратныхъ миль (англійская миля составляетъ нашихъ полторы версты), а кантонъ Цугъ—всего 91 англ. милю. Единства религіи тоже не существуетъ въ Швейцаріи: восточные кантоны — католическіе, нѣкоторые западные и внутренніе—реформатскіе. Въ Швейцаріи живетъ болѣе восьми тысячъ евреевъ, а также около 10,000 чел., принадлежащихъ къ другимъ сектамъ или совсѣмъ не признающихъ никакой религіи. Жителей во всей Швейцаріи считается 2.952,928 чел.; громадное большинство говоритъ по-нѣмецки,—такихъ болѣе двухъ милліоновъ; 638,000 чел.—по-французски; большая часть остального населенія говоритъ по-итальянски и по-романски (романскій языкъ, какъ и итальянскій, произошелъ отъ латинскаго, тѣмъ не менѣе значительно отъ него отличается; на немъ говорятъ преимущественно въ Граубинденѣ).

Двадцать два самостоятельныхъ кантона образуютъ Швейцарскій союзъ. Его цѣль—защищать независимость отечества извнѣ, оберегать спокойствіе въ странѣ, поддерживать порядокъ внутри, охранять свободу и права союза, способствовать благосостоянію всего народа. Этотъ союзъ имѣетъ огромное значеніе для такой страны, какъ Швейцарія, состоящей изъ кантоновъ, не имѣющихъ между собой ничего общаго, представляющихъ смѣсь расъ, языковъ, сектъ и вѣроисповѣданій. Каждый отдѣльный кантонъ слишкомъ малъ и слабъ, чтобы защищать свою самостоятельность и свободу, и любое государство могло бы легко поработить его. Это поняли уже въ давно прошедшія времена жители Ури, Швица и Унтервальдена, такъ какъ они еще въ 1291 г. соединились между собой для защиты противъ иноземнаго врага. Въ необходимости строго соблюдать свой союзъ швейцарцы убѣждались каждый разъ, когда между кантонами ослабѣвали союзныя узы. Въ такія времена Швейцарскому союзу всегда угрожала опасность распасться на части, а вмѣстѣ съ этимъ потерять свою независимость; при этомъ имъ приходилось тратить много силъ на борьбу между кантонами и на всевозможныя распри между ними. Хотя соперничество и вражда и теперь отъ времени до времени возникаютъ между кантонами, но если бы Швейцаріи вдругъ стала грозить какая-нибудь опасность извнѣ, напримѣръ, желаніе сосѣда напасть на ту или другую ея часть, всѣ распри моментально будутъ забыты: католики соединятся съ протестантами, нѣмцы будутъ драться бокъ-о-бокъ съ французами,—однимъ словомъ, всѣ швейцарцы, какъ одинъ человѣкъ, встанутъ на защиту общей родины. Это единеніе и согласіе между кантонами

особенно рѣзко выступаетъ во время различныхъ общественныхъ празднествъ, напримѣръ, на освященіи какого-нибудь публичнаго зданія, на открытіи той или другой выставки. Въ такихъ случаяхъ представители различныхъ кантоновъ привѣтствуютъ другъ друга чрезвычайно сердечно, пьютъ за процвѣтаніе того или другого кантона. Но когда праздникъ оконченъ, снова просыпается соперничество и возникаетъ вражда. Но эти чувства, которыя отъ времени до времени сильно обостряются, не приносятъ ни малѣйшаго вреда общему дѣлу, а въ иныхъ случаяхъ даже полезны: соперничество кантоновъ другъ съ другомъ, ревность и зависть одного къ другому поддерживаютъ лишь энергію и соревнованіе для достиженія культурнаго усовершенствованія въ различныхъ областяхъ жизни. Въ тому же, несмотря на то, что всѣ швейцарцы любятъ прежде всего свой кантонъ и болѣе всего желаютъ преуспѣянія ему, а не другому, въ каждомъ гражданинѣ этой страны сильно развито и національное чувство. Несмотря на различіе стремленій, расъ, языка и религій, швейцарскій народъ вполнѣ сознаетъ, что его окружаютъ могущественныя державы, имѣющія огромныя арміи, и вотъ это-то сознаніе и объединяетъ швейцарцевъ и возбуждаетъ въ нихъ горячее національное чувство, стремленіе крѣпко держаться за свой союзъ. Не было примѣра за послѣднее столѣтіе, чтобы какой-нибудь кантонъ пожелалъ отложиться отъ союза или перемѣнить свою національную независимость на подчиненіе той или другой державѣ. Напримѣръ, кантонъ Тессинъ, итальянскій по языку и климату и отдѣленный отъ остальной Швейцаріи цѣпью высокихъ горъ, никогда не обнаруживалъ желанія сдѣлаться частью королевства Италіи. Точно также и Шафгаузенъ, хотя и лежитъ на правомъ берегу Рейна, но никогда не обнаруживалъ никакихъ поползновеній отказаться отъ своей нынѣшней независимости и присоединиться къ Германской Имперіи. Уже самое положеніе въ центрѣ Европы поддерживаетъ въ Швейцаріи стремленіе охранять національное единство, существующее въ этой маленькой странѣ, несмотря на разнообразіе интересовъ ея различныхъ кантоновъ. Считая свое начало отъ союза трехъ кантоновъ (въ 1291 г.), Швейцарія насчитываетъ теперь уже шесть вѣковъ существованія республики.

Союзъ охраняетъ неприкосновенность кантоновъ, т.-е. не долженъ допускать ни самовольнаго увеличенія, ни самовольнаго уменьшенія ихъ территорій. Затѣмъ, гарантируя ихъ конституціи, охраняя права народа отъ произвола кантональныхъ правительствъ и наоборотъ, и утверждая кантональныя конституціи, союзъ стоитъ надъ кантонами. Но это совсѣмъ не значитъ, что союзъ является всемогущимъ, неограниченнымъ сувереномъ, а кантоны находятся отъ него въ полной зависимости,— союзная власть также имѣетъ свои границы.

Права верховной власти раздѣлены въ Швейцаріи между союзной (центральной) властью и кантональными правительствами, или, точнѣе сказать, верховныя права въ этой странѣ принадлежатъ не кантонамъ, не союзу, а всему швейцарскому народу, который свои права подѣлилъ между союзной властью и кантональными правительствами, выразивъ свою державную волю въ конституціи, которою какъ союзъ, такъ и кантоны должны строго руководиться. Такимъ образомъ швейцарская конституція опредѣленно отмежевываетъ какъ союзу, такъ и кантонамъ извѣстныя права и обязанности и указываетъ точныя ихъ границы. Слѣдовательно, сувереномъ въ этой странѣ оказывается народъ, а союзное и кантональныя правительства ограничены союзной и кантональными конституціями.

Союзу принадлежитъ исключительное право объявлять войну и заключать миръ; вмѣстѣ съ этимъ ему принадлежитъ контроль надъ управленіемъ арміею; онъ-же

долженъ заботиться объ организаціи военнаго дѣла. Въ виду этого конституція предоставляетъ союзу: издавать законы, касающіеся организаціи союзной арміи, завѣдывать обученіемъ и вооруженіемъ войскъ, командовать арміею. Союзъ не имѣетъ права, однако, содержать постоянную армію; что же касается кантоновъ, то они могутъ, кромѣ жандармеріи, содержать и постоянное войско, но не болѣе 300 чел.; увеличить это число они имѣютъ право лишь съ разрѣшенія союзнаго правительства. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что каждый швейцарскій гражданинъ обязанъ исполнять воинскую повинность. Союзу принадлежитъ также исключительное право заключать договоры съ иностранными государствами. Впрочемъ, въ видѣ исключенія, кантоны пользуются правомъ заключать договоры съ иностранными государствами, но лишь по дѣламъ, касающимся хозяйства кантона, а также пограничныхъ и полицейскихъ сношеній; эти договоры, однако, не должны заключать въ себѣ ничего противнаго союзу или правамъ другихъ кантоновъ. Напримѣръ, если Тессинскій кантонъ заключаетъ договоръ съ Италіею о снабженіи его солью, то это не касается союза,—ему, союзу, принадлежитъ верховная власть въ области международныхъ сношеній, касающихся *всей* страны.

Всѣ почтовыя, телеграфныя учрежденія и телефоны, а также управленіе желѣзными дорогами находятся въ полномъ вѣдѣніи союза. Только союзъ имѣетъ право чеканить монету; исключительно ему принадлежитъ монополія выдѣлки и продажи пороха; онъ получилъ исключительное право на приготовленіе и продажу крѣпкихъ напитковъ. Онъ же устанавливаетъ систему мѣръ и вѣсовъ, взимаетъ всѣ ввозныя и вывозныя пошлины; ему же предоставлено исключительное право издавать правила, касающіяся санитарныхъ мѣръ противъ эпидемій; только союзъ имѣетъ право издавать законы по дѣламъ, касающимся гражданской правоспособности, относительно литературной и художественной собственности. Онъ-же имѣетъ право изгонять изъ территоріи союза иностранцевъ, наносящихъ ущербъ внутренней и внѣшней безопасности Швейцаріи; онъ же принимаетъ мѣры къ водворенію такъ-называемыхъ «*гейматлозовъ*» (людей безъ отечества,—о нихъ подробнѣе будетъ сказано ниже); онъ имѣетъ право устраивать высшія учебныя заведенія. Изъ сказаннаго видно, что союзная верховная власть даетъ себя чувствовать въ большей или меньшей степени по дѣламъ, касающимся преимущественно *всей* родины.

Органами союзной власти являются: 1) *союзное собраніе—законодательная власть*, 2) *союзный совѣтъ—исполнительная власть* и 3) *союзный судъ—судебная власть*. Союзное собраніе, или законодательная власть, осуществляющее верховныя права союза, состоитъ изъ *національнаго совѣта* и *совѣта кантоновъ*. Національный совѣтъ составляется изъ депутатовъ отъ *всего* швейцарскаго народа, при чемъ каждыя 20,000 населенія избираютъ по одному депутату. Каждый кантонъ (а въ трехъ раздѣльныхъ кантонахъ—каждый полукантонъ) избираетъ, по крайней мѣрѣ, одного депутата. Каждый швейцарецъ, не считающійся неправоспособнымъ, по достиженіи 20-ти-лѣтняго возраста, имѣетъ право подавать свой голосъ, и каждый, имѣющій право голоса, можетъ быть избранъ въ національный совѣтъ. Духовныя лица, хотя и могутъ быть избирателями, но не могутъ быть избираемы въ эту палату потому, что католическое духовенство Швейцаріи, возбуждая постоянные раздоры и смуты, сдѣлало бы религіозные вопросы преобладающими въ палатѣ, что весьма неудобно при существованіи въ Швейцаріи различныхъ религій. Однако это исключеніе касается въ дѣйствительности только католиковъ. Національный совѣтъ избираетъ изъ своей среды президента и вице-президента. Члены національнаго совѣта избираются на три года, по истеченіи которыхъ происходитъ

обновленіе всего состава. Частую смѣну новыхъ членовъ устраиваютъ для того, чтобы государственное управленіе носило вполнѣ демократическій характеръ, такъ какъ при этомъ народъ имѣетъ возможность чаще проявлять свои державныя права и обнаруживать свои политическія убѣжденія и желанія. Каждый депутатъ получаетъ по пяти рублей за каждый день присутствія въ теченіе цѣлой сессіи; если же при перекличкѣ онъ окажется отсутствующимъ, то лишается своихъ суточныхъ денегъ.

Совѣтъ сословій, или кантоновъ, состоитъ изъ 44-хъ депутатовъ или членовъ. Каждый кантонъ имѣетъ одинаковое число своихъ представителей и выбираетъ двухъ членовъ; такимъ образомъ большіе кантоны, вродѣ Цюриха и Берна, не имѣютъ въ этомъ совѣтѣ перевѣса надъ маленькими кантонами, вродѣ Ури или Швица. Способъ выбора депутатовъ въ совѣтъ кантоновъ опредѣляется вполнѣ самостоятельно каждымъ кантономъ. Совѣтъ сословій, или кантоновъ, тоже избираетъ изъ своей среды президента и вице-президента. Депутаты совѣта сословій получаютъ жалованье отъ своихъ кантоновъ. Членами совѣта кантоновъ состоятъ большею частью люди, занимавшіе должности сначала въ своей общинѣ, а затѣмъ въ своемъ кантонѣ. Кстати замѣтимъ, что депутаты въ обѣихъ палатахъ подаютъ голоса безъ инструкцій отъ своихъ кантоновъ; благодаря этому, они держатъ себя совершенно независимо. Обѣ палаты (т.-е. національный совѣтъ и совѣтъ кантоновъ), при совмѣстномъ засѣданіи, составляютъ *союзное собраніе*; онѣ избираютъ членовъ союзнаго совѣта и союзнаго суда, канцлера союза и главнокомандующаго союзной арміи; онѣ пользуются правомъ освобождать отъ наказанія за нарушеніе союзныхъ законовъ, имѣютъ право миловать, а также пользуются и нѣкоторыми другими правами.

Когда обѣ палаты (національный совѣтъ и совѣтъ кантоновъ) засѣдаютъ отдѣльно, въ кругъ ихъ дѣятельности входятъ: 1) законы относительно способа избранія союзныхъ властей; 2) законы и постановленія по дѣламъ, находящимся въ вѣдѣніи союза; 3) вознагражденіе чиновниковъ союза; 4) утвержденіе договоровъ съ иностранными государствами; 5) мѣры относительно внѣшней безопасности, а также охрана независимости и нейтралитета Швейцаріи; объявленіе войны и заключеніе мира; 6) гарантія конституціи каждаго кантона и высшій надзоръ надъ кантонами и т. п.

Всѣ союзные законы, а также различныя постановленія (если только ихъ не считаютъ неотложными, т.-е. такими, которыя слѣдуетъ немедленно и обязательно привести въ исполненіе), послѣ утвержденія обѣими палатами подвергаются народному голосованію, если этого потребуютъ 30,000 гражданъ, имѣющихъ право голоса, или 8 кантоновъ. Изъ этого ясно, что весь государственный строй Швейцаріи зиждется на демократическомъ принципѣ, требующемъ, чтобы въ послѣдней инстанціи высказывался народъ,—такимъ образомъ верховная власть принадлежитъ народу.

Второе учрежденіе, имѣющее громадное значеніе,—*Союзный Совѣтъ*. Онъ является высшею исполнительною инстанціею и состоитъ изъ президента, вице-президента и изъ членовъ, избранныхъ на три года. Союзный совѣтъ несетъ слѣдующія обязанности: онъ управляетъ дѣлами Швейцарскаго союза, ему принадлежитъ надзоръ за соблюденіемъ законовъ, постановленій и конкордатовъ союза (конкордатъ — договоръ между папою и государствомъ относительно церкви); онъ заботится о неприкосновенности кантональныхъ устройствъ, приводитъ въ исполненіе законы и постановленія союза, а также наблюдаетъ за точнымъ выполненіемъ полюбовныхъ сдѣлокъ и приговоровъ третейскаго суда относительно споровъ между кантонами; онъ наблюдаетъ за дѣятельностью всѣхъ чиновниковъ и должностныхъ лицъ союзнаго управленія. Другія обязанности союзнаго совѣта состоятъ въ наблюденіи за внѣшней и внутренней

безопасностью Швейцаріи, въ поддержаніи въ ней спокойствія и порядка. Онъ завѣдуетъ также управленіемъ финансами.

Третій органъ верховной власти—*союзный судъ* или *судебная власть*. Зданіе, въ которомъ происходятъ засѣданія союзнаго суда, находится въ Лозаннѣ. Судьи назначаются союзнымъ собраніемъ, при чемъ принято, чтобы всѣ три главныхъ національныхъ языка имѣли здѣсь своихъ представителей. Союзный судъ разсматриваетъ тяжбы между союзомъ и кантонами, между кантонами и корпораціями и между общинами (коммунами); онъ разсматриваетъ также вопросы, возбужденные относительно правъ гражданства (когда община утверждаетъ, что то или другое лицо не ея гражданинъ); на союзномъ судѣ также лежитъ обязанность, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, разсматривать и слѣдующія дѣла: о государственной измѣнѣ союзу, о возмущеніи или нападеніи на союзныя власти, о преступленіяхъ и политическихъ проступкахъ, объ оскорбленіяхъ должностныхъ лицъ, назначенныхъ союзными властями.

Въ швейцарской конституціи существуетъ особый отдѣлъ, въ которомъ обозначены *основныя права гражданъ*; вотъ онѣ:

Каждый гражданинъ кантона есть гражданинъ Швейцаріи: это означаетъ, что онъ имѣетъ право на мѣстѣ осѣдлости участвовать въ выборахъ и голосованіяхъ, доказавъ предварительно свою голосовую правоспособность. Никто не можетъ пользоваться политическими правами больше, чѣмъ въ одномъ кантонѣ. Осѣдлый швейцарскій гражданинъ пользуется на мѣстѣ своей осѣдлости всѣми правами кантональнаго гражданина и правами гражданина союза. Каждый швейцарецъ можетъ селиться въ любой мѣстности, предъявивъ какой-либо документъ, удостовѣряющій его принадлежность къ швейцарскому союзу. Въ правѣ осѣдлости можетъ быть отказано тѣмъ, которые вслѣдствіе обвиненія были лишены гражданскихъ правъ или подвергались наказанію за важные проступки, а также тѣмъ, которые ложатся тяжелымъ бременемъ на общественную благотворительность.

Въ ряду основныхъ правъ швейцарскихъ гражданъ является *равенство передъ закономъ*. «Всѣ швейцарцы равны передъ закономъ: въ Швейцаріи нѣтъ ни подданныхъ, ни привилегій мѣстныхъ, сословныхъ, родовыхъ или личныхъ», значится въ одномъ изъ пунктовъ конституціи. Такимъ образомъ въ этой странѣ нѣтъ ни привилегированныхъ классовъ, ни людей, которые, вслѣдствіе своего низкаго соціальнаго положенія или бѣдности, не могли бы принять участіе въ государственной дѣятельности: какъ пастухъ, такъ и земледѣлецъ имѣютъ право быть избирателями. Всѣ попытки, клонившіяся къ ограниченію этого демократическаго принципа, всегда терпѣли пораженіе.

Швейцарцы пользуются *свободою совѣсти и свободою вѣроисповѣданія*. Ни для кого здѣсь не обязательно принадлежать къ той или другой религіи или совершать тѣ или другія религіозные таинства и обряды: каждый, по своему усмотрѣнію, можетъ крестить дѣтей или оставить ихъ некрещеными и т. под. Никто не можетъ быть преслѣдуемъ за свои религіозныя убѣжденія: каждый гражданинъ пользуется всѣми, какъ гражданскими, такъ и политическими правами, къ какой бы религіи онъ ни принадлежалъ. Религіозное воспитаніе и образованіе дѣтей предоставлено усмотрѣнію родителей или опекуновъ. Гарантируя, однако, свободу вѣроисповѣданій, конституція оставляетъ за союзной и кантональными властями право вторженія въ область церковной жизни во имя охраненія правъ швейцарскихъ гражданъ и общественнаго порядка. На основаніи этого послѣдняго пункта запрещается, между прочимъ, существованіе на швейцарской территоріи іезуитскаго ордена, а

также и всякаго рода религiозныхъ союзовъ, дѣйствующихъ въ направленiи, противоположномъ духу швейцарской конституцiи. Въ запрещенiи iезуитскихъ и имъ подобныхъ союзовъ нѣкоторые видятъ посягательство на свободу вѣроисповѣданiй. Между тѣмъ это запрещенiе является мѣрой, охраняющей свободу совѣсти отъ посягательства на нее iезуитскаго ордена, одно изъ главныхъ правилъ котораго—обязанность подавлять свободу религiозныхъ убѣжденiй.

Свобода печати обезпечена конституцiей. Въ виду возможныхъ злоупотребленiй этою свободою, кантональныя законодательства могутъ издавать необходимыя постановленiя, но не иначе, какъ съ разрѣшенiя союзнаго совѣта. Точно также и союзъ можетъ, съ своей стороны, установить карательныя мѣры за преступленiя печати, направленныя противъ него или его властей.

Право ассоцiацiи. Граждане имѣютъ право собираться въ какомъ угодно количествѣ, устраивать сходки, произносить какiя угодно рѣчи, лишь бы ихъ дѣятельность не приносила вреда государству.

Право петицiй: швейцарцы могутъ, какъ отдѣльно каждый, такъ и вмѣстѣ, подавать жалобы и какiя угодно прошенiя и не только органамъ союзной власти, но и кантональнымъ учрежденiямъ.

Тѣлесныя наказанiя отмѣнены.

Необходимо познакомиться также съ *референдумомъ*—характернѣйшимъ явленiемъ швейцарской государственной жизни. *Референдумъ* означаетъ собственно народное голосованiе, непосредственное участiе швейцарскаго народа въ законодательствѣ. Всѣ законы, какъ союзные, такъ и кантональные, должны быть переданы на народное голосованiе. Законы, издаваемые союзною властью, передаются на всенародное голосованiе, если на этомъ настаиваютъ 8 кантоновъ, или 30,000 гражданъ, т.-е. если означенное число гражданъ, кто бы они ни были—торговцы, ремесленники, пастухи, богатые или бѣдные, отправятъ въ союзный совѣтъ за своею подписью заявленiе о томъ, что они желаютъ, чтобы относительно новаго закона обратились бы къ гражданамъ съ предложенiемъ высказаться, желаютъ ли они принять или отклонить данный законъ. На основанiи референдума и многiя важныя кантональныя дѣла подвергаются совмѣстному голосованiю гражданъ заинтересованнаго въ томъ кантона. Референдумъ, за исключенiемъ немногихъ кантоновъ, существуетъ теперь уже повсюду въ Швейцарiи. Хотя депутатовъ выбираетъ народъ, хотя каждый избиратель вотируетъ, конечно, за того, кто держится съ нимъ одних взглядовъ, убѣжденiя котораго ему симпатичны, но это не мѣшаетъ тому, что въ отдѣльныхъ случаяхъ мнѣнiя депутатовъ и избирателей расходятся по нѣкоторымъ пунктамъ. Чаще всего это происходитъ оттого, что депутаты подаютъ свои голоса безъ предварительной инструкцiи избирателей, по своему разумѣнiю. Швейцарскiй народъ не довольствуется лишь косвеннымъ воздѣйствiемъ на государственное управленiе черезъ своихъ уполномоченныхъ; онъ добился непосредственнаго участiя въ государственныхъ дѣлахъ и рѣшающаго влiянiя на управленiе своей страною.

Въ Швейцарiи не только законы передаютъ на народное голосованiе, но даже пересмотръ союзной конституцiи, какъ частичный, такъ и общiй. Пересмотрѣнная союзная конституцiя вступаетъ въ силу, когда она принята на референдумѣ большинствомъ швейцарскихъ гражданъ.

Каждый кантонъ и полукантонъ составляютъ самостоятельное государство и имѣютъ свою конституцiю. Кантоны признаются самостоятельными на столько, на сколько ихъ самостоятельность не ограничивается союзною конституцiею, т.-е. они пользуются всѣми тѣми правами, которыя не предоставлены союзной власти. Хотя

они самостоятельны, но союзъ стоитъ надъ ними; онъ гарантируетъ гражданамъ каждаго кантона свободу и конституціонныя права, точно также права и полномочія кантональнымъ властямъ, избраннымъ населеніемъ. То, что кантоны сравнительно съ союзомъ поставлены на второмъ планѣ, видно изъ того, что они обязаны представлять свои конституціи на утвержденіе союза, который утверждаетъ ихъ лишь въ томъ случаѣ, если онѣ не заключаютъ въ себѣ ничего противнаго постановленіямъ союзной конституціи, если онѣ обезпечиваютъ гражданамъ пользованіе политическими правами согласно съ республиканскими формами и если онѣ приняты населеніемъ, и могутъ подвергаться пересмотру, когда этого пожелаетъ абсолютное большинство гражданъ. Вотъ это-то подчиненіе кантоновъ союзной власти по многимъ вопросамъ первостепенной важности высоко ставитъ союзную власть.

Вотъ права, которыми пользуются кантоны: 1) изготовленіе кантональныхъ конституцій, 2) законодательство по вопросамъ кантональнаго управленія и народнаго хозяйства, 3) законодательство по гражданскому, уголовному и полицейскому праву, но съ извѣстными ограниченіями, 4) заботы о начальномъ образованіи. Вообще кантоны пользуются самостоятельностью въ дѣлахъ, ихъ касающихся, хотя и тутъ они во многомъ подчинены контролю союза. Союзъ можетъ производить общественныя работы, полезныя для всей или для одной части Швейцаріи: онъ имѣетъ право высшаго надзора за каналами и плотинами, за лѣсами въ горныхъ мѣстностяхъ; онъ указываетъ свое содѣйствіе въ мѣропріятіяхъ къ удержанію потоковъ, въ посадкѣ деревьевъ; онъ можетъ издавать законодательныя постановленія относительно рыбной ловли и охоты. Во всѣхъ этихъ случаяхъ союзъ не распоряжается непосредственно, а возлагаетъ исполненіе своихъ распоряженій на кантоны, и самъ вмѣшивается только тогда, когда они небрежно исполняютъ свои обязанности. Но въ каждомъ кантонѣ высшая законодательная власть принадлежитъ народу. Однако, хотя во всѣхъ ихъ на первомъ планѣ признается воля народа, между ними существуетъ большое различіе: въ однихъ кантонахъ народъ заявляетъ свои желанія посредствомъ избранныхъ имъ депутатовъ, въ другихъ же воля народа проявляется непосредственно, т.-е. весь народъ есть законодатель и верховный правитель. Прежде, еще въ древнемъ мірѣ, сходка всѣхъ гражданъ и была законодательнымъ собраніемъ. Тамъ и понятія не имѣли о томъ, что отъ имени всего народа могутъ дѣйствовать нѣсколько десятковъ или сотенъ депутатовъ. Только въ новомъ мірѣ появились громадныя государства изъ милліоновъ и даже десятковъ милліоновъ людей; поэтому собраніе всего народа на одной площади сдѣлалось физически невозможнымъ. Но что невозможно для большихъ государствъ, то весьма удобопримѣнимо къ такимъ крошечнымъ республикамъ, какъ, напр., Ури. Чистая демократія (т.-е. гдѣ сходка всѣхъ гражданъ республики есть законодательное собраніе) существуетъ въ кантонахъ: Ури, Гларусъ, обоихъ Унтервальденахъ и обоихъ Аппенцеляхъ; здѣсь, повторяемъ, законодательная власть въ рукахъ самого народа. Ури, оба полукантона Унтервальдена и Иннероденъ (полукантонъ Аппенцеля) населены пастухами-католиками, а Аусерроденъ и Гларусъ имѣютъ преимущественно реформатское населеніе. Такъ какъ народное собраніе въ названныхъ кантонахъ имѣетъ одно и то же значеніе, но происходитъ лишь съ нѣкоторыми измѣненіями въ мелочахъ, то для примѣра возьмемъ хотя кантонъ Ури и посмотримъ, какъ идутъ тамъ дѣла такого рода.

Въ кантонѣ Ури со всѣхъ сторонъ виднѣются огромныя горы съ высокими вершинами (напр. С.-Готардъ) и узкія долины. Это одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ кантоновъ. Вы видите повсюду небольшія хижины, и хозяйство многихъ владѣль-

цевъ этихъ жилищъ состоитъ только изъ нѣсколькихъ козъ. Нѣкоторые промышляютъ здѣсь стеклянною посудою, очень многіе зарабатываютъ свой хлѣбъ, взбираясь съ туристами на высокія вершины. Но при всемъ этомъ жители кантона Ури смѣлый, мужественный народъ: они гордятся свободными законами своей страны и въ своихъ дѣтяхъ прежде всего развиваютъ страстную любовь къ родинѣ и самое глубокое уваженіе къ преданіямъ своей страны. Ихъ главный, любимый герой, которымъ гордятся всѣ швейцарцы безъ исключенія, но болѣе всего жители старыхъ кантоновъ Ури, Швица и Унтервальдена,—Вильгельмъ Телль.

Въ существованіи Телля никто не сомнѣвается уже потому, что каждый шагъ въ этихъ лѣсныхъ кантонахъ напоминаетъ о немъ и о событіяхъ, связанныхъ съ нимъ. Фирвальштедское озеро, долина Грютли, въ которой глубокой ночью собрались пастухи старыхъ кантоновъ и поклялись добыть себѣ свободу,—обо всѣхъ этихъ мѣстностяхъ швейцарцы говорятъ, какъ о колыбели своей свободы, и показываютъ ихъ иностранцу съ величайшею гордостью. Недалеко отъ Грютли, но уже на другомъ берегу и въ другомъ кантонѣ, въ Швицѣ,—площадка Телля. Это мѣсто считается просто святымъ. Сюда, согласно преданію, выскочилъ изъ лодки Вильгельмъ Телль, чтобы выстрѣлить въ злодѣя и угнетателя родины Гесслера. Въ память этого событія здѣсь стоитъ часовня. Съ какимъ благоговѣніемъ снимаютъ передъ ней швейцарцы шапки и преклоняютъ колѣна, какъ горячо здѣсь молятся женщины! Что же до Альтдорфа, то тамъ ступить нельзя, не вспомнивъ Телля: пивные, гостиницы, лавки,—все это носитъ имя Телля. Вотъ фонтанъ на томъ мѣстѣ, откуда герой стрѣлялъ: здѣсь стоялъ Вальтеръ, сынъ Телля, съ яблокомъ на головѣ, которое отецъ долженъ былъ пронзить своею стрѣлою; тутъ площадка, гдѣ вязали Телля. На большой улицѣ стоитъ настоящій памятникъ этому народному герою—громадная статуя съ натянутымъ лукомъ. Между тѣмъ теперь положительно доказано историками, что Вильгельмъ Телль—личность чисто легендарная и самое сказаніе о немъ сложилось даже не среди швейцарскаго народа, а заимствовано изъ датскихъ сказаній. Тѣмъ не менѣе исторически вѣрно, что въ 1291 году эти три кантона заключили между собою договоръ для взаимной защиты, а въ 1315 г. окончательно свергли владычество Австріи. Несмотря на то, что сказаніе о Вильгельмѣ Теллѣ не подтверждается исторіею, оно имѣетъ воспитательное значеніе для швейцарской молодежи, возбуждая въ ней любовь къ родинѣ.

Прежде на народныя собранія (Landsgemeinden) всѣ граждане являлись вооруженными; теперь это осталось только въ Аппенцелѣ. Въ этотъ день чиновники являются здѣсь въ черныхъ платьяхъ и съ саблею въ ножнахъ; всѣ остальные также вооружены саблями и пиками, хотя къ пастушеской одеждѣ больше всего шелъ бы мирный посохъ. Въ Гларусѣ около трибуны, на которой произносятъ рѣчи, устраиваютъ особыя мѣста для мальчиковъ, чтобы они уже съ дѣтства пріучались, какъ вести общественныя дѣла.

Вотъ какъ происходятъ эти собранія въ кантонѣ Ури. Въ Шехенской долинѣ, гдѣ, по преданію, родился Телль и гдѣ въ память его возвышается часовня, простирается громадный лугъ, который уже издавна служитъ залой законодательнаго собранія гражданъ Ури. Одинъ разъ въ годъ, въ первое воскресенье въ маѣ мѣсяцѣ, утромъ происходитъ богослуженіе въ Альтдорфѣ (главный городъ кантона Ури). Послѣ богослуженія, чиновники и всѣ остальные граждане кантона собираются передъ ратушею къ праздничному шествію. Каждый житель Ури, достигшій двадцатилѣтняго возраста, кромѣ монаховъ и священниковъ, обязанъ идти на этотъ лугъ. Высшіе чиновники появляются въ черныхъ платьяхъ. Въ полдень начинается

шествіе. Музыка и войско идутъ впереди. За ними слѣдуютъ два гражданина въ древне-швейцарскомъ костюмѣ и несутъ древнее знамя съ гербомъ Ури (голова быка на желтомъ полѣ); далѣе на шестахъ несутъ буйволовые рога въ серебряной оправѣ. За ними идутъ два чиновника и несутъ протоколы собраній, поземельную книгу и двѣ бархатныя сумки, изъ которыхъ одна—черная, другая желтая: въ нихъ находятся печать и ключи архива. Одинъ изъ чиновниковъ, одѣтый въ мантію стараго покроя, несетъ жезлъ, на верхушкѣ котораго—маленькое яблоко, пронзенное стрѣлой: это напоминаетъ выстрѣлъ Телля; другой несетъ судейскій мечъ, украшенный черными и желтыми лентами. За ними идутъ остальные чиновники и нѣсколько скороходовъ, одѣтыхъ въ народные цвѣта; затѣмъ ѣдетъ экипажъ съ высшими чиновниками, сопровождаемый толпою народа. Шествіе останавливается въ долинѣ; музыканты становятся на холмѣ и начинаютъ играть мелодію изъ «Вильгельма Телля». Посреди зеленаго луга устроена платформа, на которую устанавливаютъ буйволовые рога; зеленую книгу, бархатныя сумки съ печатями и ключами и судейскій мечъ кладутъ на столъ. Раздается звукъ трубы; члены правленія, духовныя лица и вообще всѣ, кто найдетъ себѣ мѣсто, садятся на скамейки деревяннаго амфитеатра. Замолкла труба, и раздается голосъ ландмана (президентъ кантона), который всталъ на высокую скамейку. Народъ кругомъ мгновенно смолкаетъ и обнажаетъ головы. Ландманъ открываетъ собраніе краткою рѣчью, въ которой онъ приглашаетъ присутствующихъ помолиться. Тотчасъ всѣ въ одинъ голосъ произносятъ молитвы. Послѣ этого народъ даетъ клятву, что дружно будетъ стоять за общее дѣло. Затѣмъ ландманъ читаетъ списокъ вопросовъ, которые должны разсматриваться въ это собраніе. Обыкновенно дѣло идетъ о введеніи новаго налога, объ измѣненіи какого-нибудь закона, но главную роль въ этихъ собраніяхъ играютъ выборы ландмановъ и другихъ должностныхъ лицъ. «Кто желаетъ, чтобы предложеніе было принято, тотъ поднимай руку», громогласно взываетъ къ народу глашатай. Или: «кто желаетъ, чтобъ предложеніе было отвергнуто и все осталось бы по-старому, тотъ подними руку». Каждый вопросъ повторяется по два раза, и послѣ каждаго изъ нихъ изъ круга выходятъ по два человѣка, берутся за руки и поднимаютъ ихъ, наподобіе арки, чрезъ которую должны другъ за другомъ проходить всѣ члены, участвующіе въ подачѣ голоса; этимъ способомъ можетъ быть точно опредѣлено число голосовъ, вотирующихъ за то или другое мнѣніе. Когда покончено обсужденіе вопросовъ, ландманъ, опершись на судейскій мечъ, отдаетъ отчетъ, затѣмъ онъ кладетъ мечъ на столъ, слѣдовательно передаетъ свою должность въ руки народа, а самъ садится на скамейку, возлѣ старыхъ ландмановъ. Вновь выбранный ландманъ подходитъ къ столу и произноситъ клятву: «заботиться о благѣ и чести страны, отстранять вредъ, предупреждать безчестіе, судить безпристрастно, какъ бѣднаго, такъ и богатаго, какъ соотечественника, такъ и иностранца, какъ родственника, такъ и чужого, при этомъ не брать ни съ кого ни подарка, ни денегъ, но дѣлать все по чести и безъ обмана». Исторія всѣхъ майскихъ собраній показываетъ, что въ нихъ народная воля касается самыхъ разнообразныхъ вопросовъ. Правда, на нихъ нерѣдко толкуютъ о вещахъ, которыя съ нашей точки зрѣнія могутъ показаться ничтожными, но тамъ онѣ имѣютъ большое значеніе. Такъ, напр., нѣсколько лѣтъ сряду подымался вопросъ о правѣ молодежи танцовать въ нѣкоторые дни позже 9-ти часовъ вечера. Мѣстное духовенство долго боролось противъ этого рѣшенія, пока, наконецъ, къ величайшему удовольствію молодежи, вопросъ былъ рѣшенъ, какъ этого имъ давно хотѣлось, и танцы разрѣшены до полуночи. Но въ большинствѣ случаевъ тутъ подымаются вопросы и рѣшаются дѣла, въ пользѣ и важности

которыхъ для страны никто не можетъ сомнѣваться, такъ напримѣръ: о поземельной подати, о призрѣніи бѣдныхъ, о продажѣ тѣхъ или другихъ общинныхъ имуществъ, о просмотрѣ и измѣненіи тѣхъ или другихъ пунктовъ конституціи. Перечень вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію на народномъ собраніи, кантональный совѣтъ заготовляетъ заранѣе и задолго до собранія раздаетъ гражданамъ. Такимъ образомъ, граждане могутъ серьезно обдумать и потолковать между собой обо всемъ, о чемъ будетъ рѣчь на собраніи.

Вотъ какъ одинъ писатель описываетъ одно изъ такихъ майскихъ собраній гражданъ Гларуса: «Ландманъ читалъ одинъ за другимъ пункты меморіала (перечень вопросовъ), прибавляя къ каждому нѣсколько объяснительныхъ словъ, и этимъ открывалъ пренія по отдѣльнымъ вопросамъ. Собраніе оказалось удивительно знакомымъ со всѣми пунктами меморіала. Смотря по важности предмета, пренія были болѣе или менѣе продолжительны. Иныя предложенія были приняты безъ всякаго возраженія. Но, при большинствѣ провозглашаемыхъ ландманомъ пунктовъ, являлись ораторы за или противъ предложенія и, стоя на ораторской трибунѣ, или просто съ своихъ мѣстъ, развивали свои мнѣнія коротко и ясно. Говорили люди высокообразованные, крестьяне, люди, принадлежащіе ко всѣмъ общественнымъ классамъ. Слушатели съ неутомимымъ вниманіемъ слѣдили за каждымъ словомъ ораторовъ. Отъ времени до времени слышалось: «Хорошо сказано!»... «Онъ правъ!»—«Этого мы хотимъ». Когда же слушатели слишкомъ оживлялись, ландманъ взывалъ къ спокойствію, или ликторъ ходилъ по рядамъ, съ приподнятыми вверхъ руками и приговаривая: «тише, господа земскіе люди, тише, вѣдь ужъ недолго. Ужъ его-то вамъ стоитъ слушать, право. Лучше его вамъ никто не скажетъ». По выслушаніи ораторовъ, каждый вопросъ рѣшается вотированіемъ по большинству голосовъ.

ОБЩИНА.

Ея значеніе для гражданъ.—Хорошія и дурныя стороны общины.—Ея отношеніе къ бѣднякамъ.—Гейматлозы.—Общинныя власти и ихъ обязанности.—Общинныя земли.

Въ каждомъ кантонѣ нѣсколько общинъ (коммунъ), которыя отличаются одна отъ другой по величинѣ, богатству и даже по своимъ обычаямъ. Число общинъ въ каждомъ кантонѣ тоже различно: въ Женевскомъ, напримѣръ, ихъ сорокъ четыре, а въ Граубинденѣ—двѣсти пять.

Каждый швейцарецъ непремѣнно долженъ принадлежать къ какой-нибудь общинѣ. Кто не членъ общины, тотъ не можетъ быть избирателемъ, т.-е. не можетъ выбирать депутатовъ. Слѣдовательно тотъ, кто не принадлежитъ ни къ какой общинѣ, не можетъ пользоваться никакими гражданскими правами, и въ такомъ случаѣ общественное положеніе его самое печальное. Въ каждой коммунѣ есть свои законы и обычаи: каждая изъ нихъ имѣетъ свое правленіе, свои собственные порядки. Каждая коммуна нанимаетъ себѣ священника, выбираетъ судей, ведетъ свой бюджетъ, назначаетъ учителей и содержитъ свои школы. Почти въ центрѣ каждой деревни, на небольшой площадкѣ, окруженной платанами, стоитъ зданіе, украшенное гербомъ своего кантона,—это и есть зданіе коммуны. Всѣ граждане, не менѣе 20-ти лѣтъ отъ роду, принадлежащіе къ коммунѣ и имѣющіе право голоса, собираются въ зданіе коммуны, выбираютъ совѣтъ и назначаютъ президента и вице-президента коммуны на два года; точно также сами граждане, т.-е. члены коммуны, выбираютъ кассира и сборщика

податей. «Совѣтъ съ президентомъ во главѣ завѣдуетъ дѣлами коммуны, орошеніемъ и осушеніемъ почвы, устройствомъ дорогъ, назначаетъ общественныя работы и торги, опредѣляетъ дни сбора винограда; онъ же выбираетъ школьную коммиссію, ведетъ избирательные списки гражданъ, рѣшаетъ дѣла о припискѣ новыхъ членовъ коммуны, хранитъ общественную кассу, ведетъ бюджетъ. Одинъ изъ членовъ совѣта исполняетъ обязанности судьи въ предѣлахъ коммуны. Совѣтъ въ коммунѣ это то, что большой совѣтъ въ кантонѣ и федеральный совѣтъ для всей Швейцаріи. Онъ завѣдуетъ всѣми дѣлами коммуны и только въ крайне важныхъ случаяхъ, когда онъ не желаетъ брать на себя отвѣтственность или когда граждане сами требуютъ непосредственнаго участія въ дѣлахъ, публикуется о собраніи всѣхъ избирателей въ зданіи коммуны для рѣшенія дѣла простою подачею голосовъ. Тогда, въ назначенное время, со всѣхъ сторонъ стекается народъ не только изъ большой деревни—центра коммуны, но и изъ самыхъ отдаленныхъ поселковъ и шалэ, расположенныхъ въ горахъ, гдѣ пасутъ скотъ и дѣлаютъ сыры. Кромѣ участія въ коммунальныхъ собраніяхъ, вызванныхъ вопросами чрезвычайной важности, каждое воскресенье, послѣ службы въ церкви, мужчины отправляются въ зданіе коммуны. Здѣсь читается отчетъ о дѣятельности совѣта, обо всемъ, что происходило въ коммунѣ за недѣлю, назначаются торги и общественныя работы. Обыкновенно всѣ присутствующіе принимаютъ живое участіе въ дѣлахъ коммуны, и часто редакція какого-нибудь постановленія совѣта измѣняется по желанію гражданъ. Между прочимъ, здѣсь-же объявляются проступки гражданъ, вредящіе общественному благоустройству, и за нихъ съ виновныхъ взимаютъ штрафы».

Коммуна приноситъ огромную пользу народу,—недаромъ швейцарцы называютъ ее своею «матерью». Она предоставляетъ полнѣйшую свободу взрослымъ членамъ и печется о благосостояніи ихъ всѣхъ. Каждый членъ имѣетъ право жить, гдѣ ему заблагоразсудится, можетъ уходить, куда захочетъ и на какое угодно время, принадлежать къ какой угодно религіи, имѣетъ право говорить и защищать, что пожелаетъ, но съ однимъ условіемъ, чтобы онъ ни словомъ, ни дѣломъ не вредилъ своимъ согражданамъ. Очень часто въ отчетахъ за недѣлю можно услышать укоры тому или другому гражданину за несоблюденіе имъ принятаго на себя обязательства, или выговоръ отцу семейства за то, что онъ, безъ достаточныхъ причинъ, не пускаетъ своего ребенка въ школу. Если это не въ первый разъ, то на родителей тутъ-же налагаютъ штрафъ. Иной разъ собравшіеся узнаютъ, что внезапно заболѣлъ тотъ или другой членъ коммуны, и тогда они условливаются убрать поле внезапно захворавшаго сосѣда или оказать его семейству какую-нибудь иную помощь. Самая главная заслуга коммуны состоитъ въ томъ, что она оказывается прекрасною политическою школою для всѣхъ своимъ членовъ. Принимая съ ранняго возраста живое участіе во всѣхъ дѣлахъ общины, привыкая сообща обсуждать разнообразные вопросы, вникая во всѣ мелочи, швейцарцы пріобрѣтаютъ опытъ серьезно относиться къ общественнымъ вопросамъ, подчинять свой личный интересъ общему, что даетъ имъ возможность и въ сферѣ государственной быть хорошими гражданами, сознательно, умѣло, толково пользоваться политическими правами. Швейцарская община, однако, имѣетъ не только хорошія, но и дурныя стороны. Она самымъ добросовѣстнымъ образомъ заботится о благосостояніи ея населенія, стремится, чтобы всѣ ея члены были болѣе или менѣе зажиточными людьми, а потому страшно тяготится бѣдняками. Каждая коммуна обязана содержать стариковъ, потерявшихъ способность работать, идіотовъ, сиротъ, калѣкъ, однимъ словомъ всѣхъ несчастныхъ своей общины. Чтобы тратить на ихъ содержаніе поменьше денегъ, она отдаетъ своихъ несча-

стныхъ, или, точнѣе сказать, продаетъ съ публичнаго торга всѣмъ тѣмъ, кто согласится взять ихъ за наименьшую плату. Люди, получившіе право отъ коммуны распоряжаться однимъ или нѣсколькими бѣдняками, за небольшое вознагражденіе, стараются выжать изъ этихъ несчастныхъ всю пользу, какую только возможно. Въ концѣ-концовъ оказывается, что бѣдняки, призрѣваемые коммуной, становятся настоящими рабами своихъ новыхъ хозяевъ: ихъ кормятъ и содержатъ крайне скаредно и заваливаютъ непосильною работою, которая должна окупить не только расходы на ихъ содержаніе, но и дать нѣкоторую прибыль хозяину. Въ мѣстныхъ швейцарскихъ газетахъ очень часто можно прочесть, что тогда-то въ той или другой коммунѣ будутъ сдавать съ торговъ на пансіонное содержаніе дѣтей разнаго возраста и одного или двухъ стариковъ; при этомъ обыкновенно добавляютъ, что старикъ еще способенъ къ работѣ. Этотъ торгъ происходитъ у зданія коммуны, куда стекается народъ въ назначенное время. Вотъ описаніе очевидца, какъ и почему происходитъ эта постыдная торговля: «Скоропостижно умираетъ одинъ бѣдный членъ общины и оставляетъ послѣ себя жену съ нѣсколькими маленькими дѣтьми. Вдова, не имѣя никакихъ средствъ, обращается за помощью къ коммунѣ, которая назначаетъ день торговъ, чтобы сдать малютокъ несчастной женщины на содержаніе желающимъ. «Мальчикъ десяти лѣтъ!» выкрикиваетъ оффиціальный распорядитель торга. «Кто желаетъ взять такого мальчика? Какую вы желаете получить плату за его содержаніе?» Желающіе разглядываютъ ребенка, ощупываютъ его руки и ноги, дѣлаютъ при этомъ глубокомысленныя замѣчанія о томъ, на какую работу онъ годенъ. «Его, пожалуй, можно заставить собирать навозъ по дорогамъ...» «Да предлагайте-же цѣну!» прерываетъ распорядитель хозяйственныя соображенія. Раздаются голоса: «сорокъ франковъ, тридцать пять... двадцать восемь». «Кто желаетъ взять за меньшую плату?» Оказывается что за меньшую плату никто не желаетъ взять ребенка, и тотъ, кто предложилъ двадцать восемь франковъ въ годъ, идетъ къ столу, получаетъ деньги и собирается увести съ собою злополучную жертву коммунальной «благотворительности». Несчастная мать рыдаетъ и умоляетъ отдать ей ребенка за тѣ же 28 франк. въ годъ. Но на нее не обращаютъ никакого вниманія. Торгъ продолжается, и вслѣдъ за старшимъ сбываются съ рукъ и остальные три малыша: восьмилѣтняя дѣвочка сдается на содержаніе за 31 фр. отъ коммуны, шестилѣтняя идетъ за 40 фр. и, наконецъ, третья (ей нѣтъ еще и двухъ лѣтъ),—за 70 фр. въ годъ. Мать въ отчаяніи ломаетъ себѣ руки, съ воплями и рыданіями бросается въ ноги представителямъ общинной власти. Ея не слушаютъ, отстраняютъ. Сдѣлка состоялась и должна быть приведена въ исполненіе. Одно постороннее лицо, присутствующее при этой тяжелой сценѣ и до глубины души возмущенное ею, обратилось къ распорядителю торговъ съ вопросомъ: «почему устранили мать, почему на тѣхъ-же условіяхъ не отдали ей ея малютокъ?» Онъ получилъ въ отвѣтъ: «вѣдь она ни въ какомъ случаѣ не можетъ извернуться съ этими деньгами... Взять-то деньги она возьметъ, но ей ни за что не хватитъ ихъ до конца года,—и вотъ она опять сядетъ на шею коммунѣ... Намъ гораздо выгоднѣе сдавать съ торговъ подобныхъ дѣтей»...

Кто желаетъ быть причисленнымъ къ какой-нибудь общинѣ и пользоваться всѣми выгодами, которыя она представляетъ, тотъ долженъ единовременно, разъ навсегда, внести за себя опредѣленную сумму. Размѣръ суммы различный: въ нѣкоторыхъ общинахъ глава семейства вноситъ 500 фр., сынъ 350, дочь 75 фр.; въ однихъ общинахъ эта такса меньше, въ другихъ больше; но вездѣ мужчина платитъ болѣе, чѣмъ дѣвушка, женатый—болѣе холостого. Но не однѣ деньги нужны для поступленія въ общину. Община, прежде чѣмъ принять въ свою среду новаго члена,

требуетъ, чтобы онъ доставилъ ей свѣдѣнія о своей національности, о поведеніи; проситель долженъ также представить доказательства, что онъ въ состояніи содержать себя и семейство, а также, что онъ не потерялъ своихъ гражданскихъ правъ по приговору суда. Но даже и тогда, когда все требуемое отъ вновь поступающаго представлено общинѣ, она можетъ отказать ему въ просьбѣ: иногда властямъ общины, куда хочетъ вступить новичекъ, не нравится его религія, или самъ онъ пришелся имъ непонутру. Разумѣется, онъ можетъ попытать счастья въ другой, менѣе придирчивой общинѣ. Карликъ, кретинъ, калѣка встрѣчаютъ отказъ вездѣ. Во всякомъ случаѣ вступленіе въ общину весьма затруднительно для бѣднаго человѣка: то онъ не можетъ собрать всѣхъ нужныхъ доказательствъ, то денегъ не хватаетъ.

Такое затруднительное вступленіе въ общину порождаетъ *гейматлозовъ*,—людей безъ отечества, которые вслѣдствіе разныхъ несчастныхъ обстоятельствъ не значатся членами ни въ одной общинѣ: это самые несчастные люди — нищіе, отверженцы. Швейцарцы не допускаютъ у себя нищихъ, слѣдовательно та община, кототая приняла бы гейматлозовъ въ свою среду, должна была бы и седержать ихъ на свой счетъ,—вотъ почему ни одна изъ нихъ не соглашается ихъ пріютить. Поэтому несчастные гейматлозы ведутъ кочевую жизнь. Сплошь и рядомъ бываютъ съ ними случаи такого рода: кочуетъ какое-нибудь семейство изъ одного кантона въ другой, но потомъ вдругъ какія-нибудь обстоятельства на довольно долгое время приковываютъ его къ одному мѣсту. Та община, которая живетъ на этой землѣ, собираетъ небольшую сумму, поручаетъ кому-нибудь изъ членовъ взять билетъ на проѣздъ за границу, провожаетъ несчастныхъ до вагона, даетъ имъ сто, полтораста франковъ на дорогу и такимъ образомъ насегда отдѣлыватся отъ тѣхъ и другихъ гейматлозовъ. Ихъ чаще всего выпроваживаютъ въ Америку. Коммунальныя власти прекрасно знаютъ, что они погибнутъ въ новой странѣ, но ихъ это не тревожитъ, онѣ заботятся только о томъ, какъ-бы избавиться отъ бѣдняковъ. Одно время всѣхъ «несчастливцевъ» выпроваживали въ Соединенные Штаты, такъ что правительство этой страны нашло необходимымъ напомнить Швейцаріи, что Соединенные Штаты не богадѣльня для ея нищихъ, калѣкъ и идіотовъ, и сдѣлало распоряженіе относительно того, чтобы доставляемыхъ въ Штаты несчастныхъ изъ Швейцаріи отвозили назадъ, на родину, на счетъ тѣхъ же коммунъ, которыя ихъ препроводили. Потерявъ возможность выбрасывать свою бѣдноту въ Соединенные Штаты, швейцарскіе коммуны направили ее въ Аргентину.

Швейцарія, дѣйствительно, можетъ похвалиться тѣмъ, что она не имѣетъ пролетаріата: она достигла этого своими разумными государственными учрежденіями и серьезнымъ вниманіемъ къ экономическому положенію своихъ гражданъ, но въ то же время, нужно сознаться, отчасти и многими безчеловѣчными поступками своихъ коммунальныхъ властей.

Теперь перейдемъ къ экономической сторонѣ жизни коммуны,—къ ея общинному землевладѣнію. Общинныя имущества въ Швейцаріи называются *альмендами*; они состоятъ изъ лѣса, пастбища, изъ земли подъ огородами и садами, полями и виноградниками, изъ луговъ, а также изъ болотъ, торфяниковъ, рыбныхъ прудовъ, береговъ рѣкъ и изъ обработанной земли. Многіе думаютъ, что всѣ члены той или другой общины являются собственниками альмендной коммуны, что каждый изъ нихъ имѣетъ свою часть въ альмендахъ, но на дѣлѣ это не совсѣмъ такъ: право на извѣстную долю лѣса, пастбища, земли или какого-нибудь другого альменднаго имущества имѣютъ только потомки старыхъ крестьянскихъ родовъ, а также тѣ граждане, предки которыхъ, хотя и не принадлежали къ этимъ родамъ, но давнымъ-

давно пріобрѣли себѣ одинаковыя права съ названными потомками; остальные граждане, живущіе съ этими собственниками въ одной и той-же коммунѣ, не имѣютъ никакой части и никакихъ правъ въ альмендномъ имуществѣ. Такимъ образомъ альмендами въ Швейцаріи пользуется далеко не все населеніе. Въ наиболѣе глухихъ деревенскихъ коммунахъ группа людей, имѣющихъ право на альменды, очень велика,—ихъ несравненно больше, чѣмъ неимущихъ, а въ городскихъ коммунахъ такихъ собственниковъ гораздо меньше.

Альменды служатъ большимъ подспорьемъ въ хозяйствѣ; тѣхъ, кто имѣетъ право на нихъ, они оберегаютъ отъ пищенства и усиливаютъ благосостояніе зажиточныхъ. Къ сожалѣнію, не во всѣхъ коммунахъ справедливо распредѣлены между общинниками доли въ альмендахъ. Относительно пользованія лѣсомъ и пастбищами въ большинствѣ общинъ существуетъ правило давать пользоваться каждому сообразно его потребностямъ. Кто сколько держитъ скота зимою, тотъ столько можетъ посылать его лѣтомъ на общинныя пастбища, такъ что богачъ можетъ цѣлое лѣто прокармливать свое стадо безплатно на общественный счетъ, между тѣмъ бѣднякъ, имѣющій всего одну козу, считается наравнѣ съ нимъ владѣтелемъ этого угодья. Община смотритъ на собственника, который имѣетъ большое шалэ въ горахъ, обширные сараи и скотный дворъ, какъ на человѣка, который имѣетъ больше потребности въ лѣсѣ, и потому даетъ ему шесть большихъ деревьевъ на дрова и столько же на поддержку построекъ, а тотъ, кто не имѣетъ своего дома, получаетъ только два бревна. Чтобы хотя нѣсколько смягчить вопіющую несправедливость относительно пастбищъ, въ нѣкоторыхъ общинахъ рѣшили, что никто не можетъ посылать на общественные луга болѣе 30 коровъ, въ другихъ не болѣе 6 и столько же мелкаго скота. Людей, имѣющихъ значительное количество скота, гораздо больше, чѣмъ не имѣющихъ, и поэтому нельзя посредствомъ голосованія совершенно уничтожить этотъ несправедливый обычай. Наряду съ этимъ встрѣчаемъ и болѣе отрадное явленіе: существуютъ общины, въ которыхъ назначенъ денежный сборъ съ каждой головы крупнаго скота, и этотъ налогъ идетъ въ пользу тѣхъ, которые не имѣютъ скота. Что же касается до пользованія общинною пахотною землею, то тутъ вездѣ существуетъ полное равенство: каждый пользуется своимъ участкомъ въ продолженіе 10, 20, 30 лѣтъ, смотря по желанію общины; по окончаніи этого періода участки вновь перемѣриваются и снова распредѣляются по жребію. Въ нѣкоторыхъ кантонахъ въ общинномъ владѣніи находятся виноградники, которые въ такихъ случаяхъ и обрабатываются сообща, при чемъ всѣ общинники употребляютъ равное количество труда. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ такимъ же образомъ воздѣлываются и хлѣбныя поля. Осенью на общинный счетъ устраивается пиръ, присутствовать на которомъ каждый общинникъ считаетъ своею священнѣйшею обязанностью. Общинное пользованіе такъ вошло въ обычай у швейцарцевъ, что, когда имъ не хватаетъ общинныхъ земель, то двадцать, тридцать человѣкъ складываются, сообща покупаютъ себѣ землю, и каждый пользуется ею сообразно внесеннымъ деньгамъ.

Во многихъ мѣстностяхъ общинныя владѣнія не обрабатываются общинниками, а отдаются въ наемъ; полученныя деньги идутъ на покрытіе общинныхъ издержекъ: на жалованье учителю, пастуху, на содержаніе богадѣленъ и на другія потребности, которыя иначе приходилось бы покрывать особыми налогами. Остатокъ отъ общественныхъ суммъ, полученныхъ съ аренды, дѣлится между членами общины.

Для устройства дѣлъ по общинному поземельному владѣнію общинники собираются каждый годъ въ опредѣленное время, выбираютъ нѣсколькихъ лицъ, которыя раздѣляютъ на участки лѣсъ, назначенный къ срубкѣ, хлопочутъ отъ имени общины

въ судебныхъ мѣстахъ и даже распоряжаются нѣкоторыми работами и предпріятіями въ небольшихъ размѣрахъ; все остальное рѣшается собраніемъ, которому уполномоченные и отдаютъ отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ.

ШВЕЙЦАРЦЫ.

Характеръ народа.—Внѣшній видъ его деревень.—Семейная жизнь.—Товарищество однолѣтокъ.—Вечернее времяпрепровожденіе.—Воскресный день.—Одежда.—Танцы и пристрастіе къ нимъ молодежи.

Не всѣ бѣдняки доводятъ себя до того, что коммунальныя власти выпроваживаютъ ихъ изъ коммуны,—большинство эмигрируетъ самостоятельно. На бѣдняка здѣсь смотрятъ весьма неблагосклонно,—и не только власти, но и остальные граждане; онъ и самъ старается поискать счастья въ другой странѣ. Какъ велика эмиграція изъ Швейцаріи, видно изъ того, что на три неполныхъ милліона населенія этой страны 300.000 швейцарцевъ разбросано по разнымъ уголкамъ свѣта, другими словами—болѣе 10% проживаетъ внѣ родины. Остальные бѣдняки, которые почему-нибудь не могли эмигрировать, существуютъ исключительно иностранцами. Нѣтъ въ мірѣ страны, которую-бы путешественники всѣхъ странъ свѣта посѣщали больше, чѣмъ Швейцарію. Въ одномъ Бернскомъ Оберландѣ туристы оставляютъ ежегодно до 40.000.000 фр. Вслѣдствіе этого множество швейцарцевъ — содержатели гостиницъ, носильщики, проводники, трубачи, играющіе на рожкахъ, сторожа у шлагбаумовъ и у воротъ, сторожа при водопадахъ, караульные при гротахъ, продавцы раковинъ, камешковъ,—приноравливаютъ всѣ свои способности къ потребностямъ туристовъ, а такого сорта дѣятельность, или, лучше сказать, отсутствіе производительной дѣятельности вырабатываетъ изъ нихъ паразитовъ, самымъ безсовѣстнымъ способомъ эксплуатирующихъ иностранца. Стоитъ сдѣлать самую ничтожную экскурсію въ швейцарскія горы, чтобы убѣдиться въ этомъ: по дорогѣ непремѣнно встрѣтишь парня, который, замѣтивъ иностранца, начинаетъ играть на альпійскомъ рожкѣ, чтобы обратить вниманіе на раскаты эхо въ горахъ, хотя объ этомъ его никто не просилъ; затѣмъ онъ протягиваетъ руку и требуетъ вознагражденія. Въ другомъ мѣстѣ дорогу пересѣкаетъ изгородь; десятки ребятъ бросаются къ туристу и не отпускаютъ его, пока онъ не вознаградитъ каждаго изъ нихъ. Однимъ словомъ здѣсь за все берутъ деньги: за кролика, котораго ребенокъ держитъ въ рукахъ, когда вы проходите, за камешекъ у водопада, который вамъ преподноситъ старуха, за знакъ, который сдѣлаютъ рукою, чтобы указать дорогу. Понятно, что весь этотъ сбродъ, промышляющій иностранцами, уже ничѣмъ инымъ и не можетъ заниматься. Иностранцы не изучаютъ быта швейцарскаго народа, совсѣмъ не знакомы съ нимъ, а судятъ о немъ по тому люду, который предлагаетъ имъ свои услуги. Нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ-то и возбуждаетъ въ путешественникѣ брезгливое отношеніе ко всѣмъ швейцарцамъ вообще. Не привлекаетъ Швейцарія къ изученію ея народа также и потому, что она не дала міру большого числа мыслителей, знаменитыхъ ученыхъ, поэтовъ, художниковъ, музыкантовъ. Но паразиты, промышляющіе иностранцами, составляютъ исключеніе изъ громаднаго большинства швейцарскаго населенія, въ высшей степени трудолюбиваго, честнаго, семейная и общественная жизнь котораго такъ-же интересна, какъ жизнь всѣхъ другихъ народовъ запада. Въ защиту бѣдняковъ, промышляющихъ иностранцами, слѣдуетъ указать на то, что имъ, собственно, ничего не остается и дѣлать, какъ заниматься

мелкими услугами: это въ большинствѣ случаевъ люди, не имѣющіе ни кола, ни двора, между тѣмъ въ Швейцаріи нищенство строго запрещено, эмигрировать имъ не удалось, они и приноровили себя и своихъ дѣтей для услугъ иностранцамъ. Вотъ потому-то, что одна часть бѣдняковъ въ Швейцаріи эмигрируетъ, а другая существуетъ мелкими услугами остальное населеніе весьма зажиточно, и здѣшнія деревни поражаютъ своимъ благоустройствомъ.

Деревенскій людъ живетъ въ этой странѣ съ несравненно большимъ комфортомъ, чѣмъ гдѣ-бы то ни было. Правда, во многихъ мѣстностяхъ кантона Ури, а иногда и кое-гдѣ еще попадаются бѣдныя хижины, но въ общемъ благосостояніе деревенскихъ жителей удивляетъ иностранцевъ, и швейцарскія деревни имѣютъ замѣчательно уютный, симпатичный видъ. Улицы всюду вымощены, въ каждой изъ нихъ стоитъ одинъ или нѣсколько фонарей; у каждаго домика возвышается платанъ или какое-нибудь другое дерево, подъ которымъ устроена скамеечка со столикомъ; тутъ, съ работой въ рукахъ, сидитъ обыкновенно бабушка и приглядываетъ за маленькимъ внучкомъ, спящимъ въ колясочкѣ. Прилежно работая, она здѣсь легко замѣтитъ еще издали членовъ своей семьи, возвращающихся съ поля, мельницы или съ другой какой-нибудь работы, и торопится приготовить имъ поѣсть. Швейцарская деревня состоитъ не только изъ ряда домовъ земледѣльцевъ,—въ каждой изъ нихъ существуетъ нѣсколько кофеенъ и булочныхъ, въ которыхъ всегда можно прочесть новый нумеръ газеты. Крестьяне послѣ работы отправляются въ кофейню или булочную выпить чашку кофе, почитать газету и поболтать съ товарищами. Въ большой деревнѣ можно найти даже настоящій кафе-ресторанъ, выписывающій нѣсколько газетъ. Тутъ въ праздничный день собирается большая толпа народа, чтобы потолковать объ общественныхъ дѣлахъ своей коммуны, пересмотрѣть газеты и узнать новости. Вообще жизнь въ швейцарской деревнѣ идетъ весьма оживленно, чему особенно содѣйствуетъ то, что швейцарцы большіе охотники до всевозможныхъ обществъ, товариществъ и союзовъ. Почти каждый крестьянинъ участвуетъ въ нѣсколькихъ обществахъ и каждое изъ нихъ имѣетъ свои засѣданія, торжественно справляетъ свои праздники, которыхъ здѣсь чрезвычайно много, а это вноситъ жизнь и необыкновенное движеніе даже въ самые захолустные уголки Швейцаріи.

Крестьянскій домъ напоминаетъ скорѣе жилище нашего помѣщика, чѣмъ крестьянскую избу. Внѣшность дома, смотря по кантону, гдѣ онъ находится, весьма различна, но, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, онъ очень великъ сравнительно съ жилищами крестьянъ другихъ странъ Европы. Это происходитъ оттого, что молодое поколѣніе въ Швейцаріи остается жить съ своими родителями, дѣдами, прадѣдами, тетками, дядями. Дѣти, подростая, женятся и очень часто остаются жить въ старомъ домѣ. Когда у дѣтей являются свои собственныя дѣти и домъ становится тѣсенъ, они придѣлываютъ къ старому дому пристройку, черезъ нѣсколько лѣтъ ставятъ другую, но непремѣнно селятся около главнаго дома. Въ большинствѣ случаевъ домъ швейцарскаго земледѣльца средней руки въ два этажа. Нижній этажъ занятъ старшимъ братомъ, его женой и дѣтьми, а вверху живетъ семья другого брата. Въ кухнѣ, въ которой обыкновенно устроена прекрасная плита, на полкахъ разставлены въ большомъ порядкѣ мѣдныя кастрюли и различная посуда; изъ стекляннаго шкафа выглядываютъ кофейникъ, чашки, тарелки; все блеститъ безукоризненной чистотой. Подлѣ кухни—рабочая комната всей семьи; зимою въ ней каждый членъ семьи занимается своей работой: одинъ возится надъ поправкою часовъ, въ углу кто нибудь шьетъ сапоги, молодая дѣвушка строчитъ на швейной машинѣ, одна пожилая женщина вяжетъ платки, другая ткетъ шелковую матерію на ткацкомъ

станкѣ, мальчики-подростки вырѣзаютъ изъ дерева разныя фигурки. Кромѣ этой есть и чистая комната; здѣсь въ креслѣ сидитъ дѣдушка или бабушка, тутъ-же собрано все рѣдкое и цѣнное для семьи: стѣны увѣшаны фотографіями родственниковъ, стеклянная шифоньерка уставлена, сверху до низу, подсвѣчниками, кувшинчиками и разрисованными чашками. На одной изъ полокъ лежитъ толстая тетрадь въ кожаномъ переплетѣ,—это лѣтопись семьи; сюда аккуратно записываютъ всѣ выдающіяся семейныя событія: день рожденія родственника, хорошій или плохой урожай и т. п.; тутъ-же въ отдѣлѣ «бюджетъ» ведется приходо-расходъ дома. Книга эта считается святыней семьи, до нея не дотрогиваются дѣти и только дѣдушка по праздникамъ, вернувшись изъ церкви, подолгу просиживаетъ надъ ея желтыми листами.

«Многочисленныя пристройки, балкончики и галлереи дома обыкновенно обсажены плющемъ и виноградомъ, которые прикрываютъ всѣ несообразности постройки, такъ что домъ выходитъ отъ этого и оригинальнѣе, и живописнѣе. Дома стоятъ здѣсь очень долго: по пятисотъ, а то и по шестисотъ лѣтъ».

Необыкновенное трудолюбіе — характерное качество всѣхъ швейцарцевъ: всѣ трудятся для семьи, не покладая рукъ. Сыновья и дочери, отличающіеся наибольшими способностями, послѣ окончанія элементарной школы, продолжаютъ ученіе въ среднихъ и высшихъ заведеніяхъ или въ спеціальныхъ школахъ. Чрезвычайно многія дѣти пастуховъ и самыхъ бѣдныхъ и несчастныхъ людей въ Швейцаріи имѣютъ возможность окончить высшее образованіе и разъѣзжаются по всѣмъ частямъ свѣта учителями, гувернатками, боннами. Какъ всѣ они страдаютъ, какъ тоскуютъ, покидая родину! Но родители стары, между тѣмъ нужно поднять еще младшихъ братьевъ и сестеръ, и они безропотно отправляются на чужбину, никогда не забывая въ далекихъ краяхъ своей семьи. Многіе, однако, измученные тоскою по родинѣ и по своимъ живописнымъ горамъ, возвращаются на нѣкоторое время повидать своихъ родныхъ, но если остается въ семьѣ хотя одно существо, которому нужна ихъ помощь, они опять уѣзжаютъ за границу. Скопивъ извѣстную сумму, каждый швейцарецъ стремится домой, каждый желаетъ жениться или выйти замужъ непремѣнно на родинѣ, или, по крайней мѣрѣ, сложить въ ней свои кости. Множество швейцарцевъ отправляется за границу и въ качествѣ простыхъ рабочихъ. Тессинцы чаще всего уѣзжаютъ въ Италію, такъ какъ они говорятъ по-итальянски: тамъ они дѣлаются каменотесами, стекольщиками, добываютъ гипсъ, жарятъ каштаны. Больше всего, кажется, отправляется искать счастья граубинденцевъ: ихъ можно встрѣтить въ различныхъ городахъ Европы въ булочныхъ, въ кофейняхъ, въ кондитерскихъ. Французская Швейцарія разсылаетъ въ разныя стороны слугъ: многіе выписываютъ изъ Швейцаріи сыроваровъ; нѣкоторые швейцарцы отправляются даже въ Калифорнію и Австралію искать золота и алмазовъ.

На чужбинѣ швейцарцы живутъ необыкновенно уединенно, думая только о томъ, какъ бы скопить побольше денегъ и скорѣе возвратиться на родину, тоскою по которой страдаетъ каждый, а иныхъ она сводитъ даже въ могилу.

Швейцарцы работаютъ изумительно много: правда, они встаютъ нѣсколько позже нашихъ крестьянъ, но зато днемъ почти не отдыхаютъ, ложатся-же спать сравнительно поздно, и весь день работа кипитъ у нихъ въ рукахъ. Они находятъ, что рабочіе другихъ странъ, когда имъ приходится ихъ наблюдать, относятся къ своей работѣ слишкомъ тупо и вяло. Это изумленіе швейцарцевъ становится понятнымъ, когда увидишь, какъ они сами работаютъ: какая-бы ни была механическая работа, у нихъ не только страшно напряжено вниманіе въ это время, но они обык-

новенно находятся въ нервномъ состоянiи. Несмотря, однако, на то, что они работаютъ много и при этомъ сильно напрягаютъ свое вниманiе, громадное большинство здѣшняго рабочаго люда имѣетъ цвѣтущiй, здоровый видъ и доживаетъ до глубокой старости; болѣе всего это зависитъ отъ чистаго альпiйскаго, горнаго воздуха: даже 70-ти, 80-тилѣтнiе старики пользуются здѣсь совершеннымъ здоровьемъ, бодры, веселы и выглядятъ болѣе молодыми, чѣмъ они есть въ дѣйствительности, но, конечно, такихъ можно встрѣтить лишь въ здоровыхъ мѣстностяхъ Швейцарiи. Много трудиться и много зарабатывать—первое правило швейцарца; ему, дѣйствительно, приходится много работать: всѣ кругомъ его живутъ съ комфортомъ, и каждый изъ нихъ самъ привыкаетъ къ нему; къ тому же швейцарецъ находитъ необходимымъ хорошо одѣваться и имѣть хорошiй столъ; чтобы добывать все это, и приходится работать, не покладая рукъ. Особенно женщины любятъ здѣсь хорошо одѣваться, и наряды поглощаютъ у нихъ довольно большую часть бюджета. Дома или въ полѣ швейцарская женщина хорошо одѣта: она обыкновенно въ корсетѣ, волосы взбиты и прекрасно зачесаны; какъ на улицѣ, такъ и на полевой работѣ, она всегда въ шляпѣ. Въ праздникъ-же вы положительно поражаетесь франтовствомъ: шелкъ, бархатъ, плюшъ, изящные цвѣты и перья совсѣмъ здѣсь не рѣдкость. Швейцарца-же въ церкви вы встрѣтите въ крахмальной сорочкѣ, въ прекрасномъ костюмѣ, съ часами. Боязнь, что какое-нибудь неожиданное несчастiе разоритъ ихъ (а это легко можетъ случиться въ этой странѣ, гдѣ такъ часто происходятъ всевозможные обвалы и наводненiя), заставляетъ швейцарцевъ копить деньгу на черный день и прiучать къ этому дѣтей. Стремленiе копить издавна побуждало ихъ, несмотря на страстную любовь къ родинѣ, искать заработка на чужбинѣ, и не только въ качествѣ педагоговъ, но и на службѣ по найму въ войскахъ иностранныхъ государей. Папскiе тѣлохранители прежде набирались исключительно изъ молодыхъ швейцарцевъ; служили они на иностранной службѣ и въ нижнихъ чинахъ, и въ высшихъ. Ихъ всюду охотно принимали на военную службу, такъ какъ они издавна славились, какъ необыкновенно искусные стрѣлки. Вслѣдствiе притѣсненiй, которымъ подвергались со стороны Австрiи и ея правителей жители первыхъ кантоновъ (Ури, Швица и Унтервальдена), сдѣлалось необходимымъ всякому здоровому гражданину надлежащимъ образомъ освоиться съ употребленiемъ оружiя. Когда швейцарскiй союзъ сталъ могущественнѣе, швейцарцы очутились между нѣсколькими врагами, угрожавшими существованiю союза; это и вынуждало ихъ, въ продолженiе нѣсколькихъ вѣковъ, почти постоянно оставаться подъ ружьемъ и заставляло уже съ ранняго дѣтства прiучать своихъ дѣтей къ употребленiю копья, меча и лука. Воинскiя склонности, развитыя въ швейцарцахъ уже издавна, поддерживаются въ нихъ и въ настоящее время уже со школьной скамьи. Швейцарцу, поступившему на военную службу, приходится гораздо меньше обучаться военному искусству, чѣмъ рекрутамъ другихъ странъ. Мѣсто игръ въ деревенской школѣ было его первой казарменной площадкой, на которой онъ учился гимнастикѣ, прiемамъ и начальнымъ основанiямъ солдатской службы. Что-же касается до стрѣльбы изъ ружья, то это положительно нацiональное времяпрепровожденiе швейцарцевъ: въ праздничные дни здѣсь можно видѣть всюду молодыхъ и старыхъ мужчинъ, которые все послѣобѣденное время проводятъ въ стрѣльбѣ въ цѣль; это искусство поддерживается и правительствомъ, и множествомъ стрѣлковыхъ обществъ.

Несмотря на различiе религiи, языка и нравовъ, швейцарцы имѣютъ много общихъ чертъ, отличающихъ ихъ отъ другихъ народовъ. Они не славятся ни красотою своего лица, ни изяществомъ манеръ, но превосходятъ другихъ силою. Самый

обыкновенный типъ швейцарца: человѣкъ съ грубыми чертами лица, съ неуклюжей походкой, широкоплечій и плотный. На видъ швейцарецъ флегматиченъ и вялъ, но необыкновенно настойчивъ въ достиженіи поставленной себѣ цѣли. Онъ и въ молодости не увлекается фантазіями и мечтами, никогда не бросаетъ начатаго практическаго дѣла. Швейцарская университетская молодежь не увлекается никакими идеальными мечтами, не отличается она и своимъ краснорѣчіемъ; философскіе, отвлеченные вопросы и споры не занимаютъ её, но зато даже человѣкъ, не получившій университетскаго образованія, простой рабочій, отлично умѣетъ утилизировать чужую хорошую мысль. Во всякомъ дѣлѣ онъ прежде всего имѣетъ въ виду практическую пользу, и одно изъ важнѣйшихъ завоеванныхъ имъ преимуществъ состоитъ въ томъ, что онъ пользуется болѣе широкою свободою, чѣмъ всякій другой европеецъ. Изъ всѣхъ націй швейцарскій народъ, несмотря на всѣ недостатки и несовершенства своего республиканскаго правленія, болѣе другихъ приблизился къ идеалу политическаго устройства, при которомъ общественными дѣлами управляютъ непосредственно сами граждане. Несмотря на значительный классъ излѣнившагося люда, эксплуатирующаго иностранца и уходящаго на заработки въ другія страны, въ Швейцаріи нѣтъ того ужаснаго пролетаріата, какой мы встрѣчаемъ въ Англіи и Италіи. Тутъ не существуетъ, какъ въ другихъ странахъ, такого неравенства между различными классами населенія, ни въ матеріальномъ, ни въ интеллектуальномъ отношеніи. Здѣсь меньше, чѣмъ гдѣ-нибудь, людей съ колоссальнымъ состояніемъ, съ милліонными доходами, живущихъ съ царскимъ великолѣпіемъ, но также менѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, человѣческихъ жилищъ, напоминающихъ свиной хлѣвъ. Швейцарія не дала міру большого числа великихъ поэтовъ, мыслителей и артистовъ, но зато теперь въ ней чрезвычайно мало безграмотныхъ.

Нравы въ швейцарскихъ семействахъ совершенно патріархальные. За обѣдъ садится все семейство со своими рабочими, въ городахъ въ 12 часовъ, въ селахъ въ 11. Одинъ изъ членовъ семьи передъ обѣдомъ читаетъ молитву. Хозяйка и хозяинъ занимаютъ главныя мѣста, и только они могутъ начать разговоръ. Дѣти и слуги, хотя сидятъ тутъ же, какъ бы на одинаковыхъ правахъ, тѣмъ не менѣе для нихъ обязательно полнѣйшее почтеніе къ старшимъ. Старый дѣдъ въ семьѣ играетъ большую роль, считается главою дома, и хотя часто вмѣсто него ведутъ хозяйство его дѣти, тѣмъ не менѣе они никогда не поступятъ противъ его воли, безъ его совѣта. Иной разъ 90-лѣтній старикъ называетъ своего 50-ти, а то и 60-тилѣтняго сына Bub—мальчикъ; своего внука, тоже часто не молодого и занимающаго общественныя и государственныя должности,—*сыномъ мальчика* (Buben-Bub). Во многихъ селахъ живутъ большими семьями, и часто большая часть населенія какой-нибудь деревни произошла изъ одного рода и носитъ одну фамилію; такъ, напр., въ одной большой деревнѣ съ 2,500 жителями болѣе тысячи человѣкъ носитъ одну фамилію Итенъ, такъ что, говоря о томъ или другомъ его членѣ, фамилія отбрасывается, и называютъ по имени и по прозвищу, которое обыкновенно заимствуютъ отъ мѣста жительства.

Каждый швейцарецъ, какъ было сказано выше, принадлежитъ къ какому-нибудь обществу, обыкновенно даже каждый изъ нихъ членъ дюжины обществъ. Это лучше всего доказываетъ, что швейцарецъ по натурѣ своей организаторъ. Между этими обществами и товариществами существуетъ оригинальное товарищество однолѣтокъ, которые назначаютъ общія сходки, гулянья, поѣздки. Въ эти товарищества вступаютъ люди самаго различнаго общественнаго положенія. Нерѣдко читаешь въ газетахъ: товарищество однолѣтокъ 1820 года въ такой-то день предпринимаетъ по-

ѣздку туда-то. Въ случаѣ смерти одного изъ товарищей-однолѣтокъ, всѣ сверстники провожаютъ его въ глубокомъ траурѣ до самой могилы. Если отъ того или другого товарищества однолѣтокъ остается немного членовъ, они соединяются съ товариществомъ годомъ ихъ моложе или старше. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ 10 или 12 стариковъ старше 80-лѣтняго возраста изъ Цюриха и его окрестностей предпринимали поѣздку на Фирвальштедское озеро. Они хотѣли еще разъ посмотрѣть на Грютли и на площадку Телля. При этомъ такіе сверстники, въ дни, назначенные для общаго собранія, нерѣдко являются въ древнихъ швейцарскихъ костюмахъ. Множество такихъ обществъ и стремленіе каждаго швейцарца быть членомъ многихъ изъ нихъ доказываютъ, несмотря на патріархальныя семейныя отношенія, что они не могутъ вести узкую домашнюю жизнь и много времени отдаютъ обществу.

Женщина во всемъ помогаетъ мужу, часто даже работаетъ больше его, здѣшній же народъ извѣстенъ своимъ трудолюбіемъ; вслѣдствіе этого тамъ, гдѣ въ домѣ нѣтъ бабушки, мать не можетъ смотрѣть за своими дѣтьми, и они до школы бѣгаютъ около дома или карабкаются на горы и скалы. Такая самостоятельность съ первыхъ лѣтъ необыкновенно закаляетъ этотъ народъ и развиваетъ въ немъ замѣчательную силу и энергію.

Прилежно работая цѣлый день, швейцарцы любятъ по вечерамъ проводить время у кого-нибудь изъ пріятелей и почти каждый вечеръ условливаются, гдѣ собраться на другой день, выбирая при этомъ такого хозяина, у кого домъ попросторнѣе. При свѣтѣ камина или при свѣтѣ лампы женщины занимаются шитьемъ или вязаньемъ. Часто въ одинъ домъ собираются вечеромъ огромной компаніей для переборки и плетенія соломы. По большей части на этихъ вечеринкахъ бываютъ и танцы подъ звуки скрипки.

Швейцарцы съ большою торжественностью встрѣчаютъ свои воскресные дни. Необыкновенно набожный по природѣ народъ въ эти дни прежде всего отправляется въ церковь. Тогда по всѣмъ тропинкамъ, прорѣзывающимъ зеленѣющіе луга, видны толпы разодѣтаго народа. Одежда женщинъ состоитъ изъ платья яркаго цвѣта или изъ короткой юбки со множествомъ складокъ, отороченной чернымъ бархатомъ или красною матеріею, и бѣлой рубашки, стянутой корсажемъ, на которомъ висятъ серебряныя или стальныя цѣпи; нѣкоторыя изъ нихъ носятъ также бѣлые передники. Волосы падаютъ длинными косами, перевитыми разноцвѣтными, яркими лентами; у другихъ онѣ приколоты на головѣ серебряною стрѣлкою. Почти въ каждомъ кантонѣ—свой нарядъ или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое измѣненіе въ головномъ уборѣ женщинъ; однѣ носятъ шляпы, иногда въ высшей степени оригинальнаго фасона, другія—чепчики съ оттопыривающимися сборками и украшенные кружевами.

Вечеромъ, при первыхъ звукахъ, музыки толпа сбѣгается со всѣхъ сторонъ на лугъ, и начинаются танцы. Оркестръ обыкновенно состоитъ изъ двухъ, трехъ скрипокъ и иногда гармоники. Музыканты такъ усердствуютъ, выбиваютъ тактъ ногами, припѣваютъ, что потъ катится съ нихъ градомъ. Швейцарцы танцуютъ съ увлеченіемъ, но граціи испанцевъ въ нихъ нѣтъ и слѣда: швейцарка, обыкновенно средняго роста, коренастая или полная, танцуетъ тяжело, но это не мѣшаетъ ей танцовать весело и оживленно.

ЗАНЯТІЯ.

Земледѣліе и скотоводство. — Знаменитый швейцарскій сыръ и вліяніе его увеличивающагося производства на положеніе народа.—Виноградники.—Торговля.—Фабричная промышленность. — Вышивальная промышленность. — Часовое производство.—Рѣзьба на деревѣ.—Швейцарскіе фабричные рабочіе и ихъ характеристика.—Фабриканты и ихъ отношеніе къ рабочимъ.—Заработная плата.—Пища, жилища и пансіоны для рабочихъ. — Чѣмъ объясняется сравнительно лучшее положеніе швейцарскихъ рабочихъ.—Фабричный законъ 1877 г.

Швейцарскій народъ зарабатываетъ свой насущный кусокъ хлѣба промыслами, которые такъ же разнообразны, какъ и сама природа. Земледѣліемъ и скотоводствомъ въ Швейцаріи занимается огромный классъ населенія, а именно 1,700,000 (около 40°/o), къ промышленному классу принадлежитъ 1,060,000 (болѣе 36°/o), къ коммерческому—320,000 (около 11°/o), къ сферѣ администраціи и народнаго образованія—115,000 (около 4°/o), находящихся въ услуженіи—30,000 (немного болѣе 1°/o) и, наконецъ, не имѣющихъ опредѣленной профессіи—160,000 ($5^1/_2$°/o).

Хотя обширныя пространства земли покрыты рѣками, озерами и ледниками, здѣсь много засѣваютъ зерноваго хлѣба. Несмотря на это, его недостаетъ для пропитанія населенія, и Швейцарія съ каждымъ годомъ все болѣе покупаетъ хлѣба за границею. Гдѣ же причина этого явленія? Значительную часть всего пространства Швейцаріи занимаютъ альпійскія области. Луга и пастбища — главныя богатства Альпъ, которыя по свойству своей почвы и по атмосферическимъ явленіямъ особенно способствуютъ прекрасному произрастанію деревьевъ и еще болѣе травъ. Къ тому же заниматься хлѣбопашествомъ въ альпійской области чрезвычайно затруднительно, — все мѣшаетъ этому: и голые утесы, и чрезвычайно крутые склоны горъ и, наконецъ, слишкомъ тонкій слой земли. Зато травы произрастаютъ съ необыкновенной силой и роскошью въ этой полувлажной горной атмосферѣ. Скотъ, который пасется на альпійскихъ пастбищахъ и пользуется ихъ питательной, душистой травой, вдыхаетъ чистый горный воздухъ, необыкновенно укрѣпляетъ и развиваетъ свое тѣло, поддерживаетъ хорошій аппетитъ постоянными переходами по горамъ и вслѣдствіе этого даетъ чрезвычайно питательное молоко превосходнаго качества. Благопріятныя условія альпійскихъ пастбищъ, такъ благотворно вліяющія на ростъ скота, способствуютъ разведенію его въ большомъ качествѣ, а превосходное качество альпійскаго молока дѣлаетъ альпійскія области болѣе всего пригодными для молочнаго хозяйства и для производства сыровъ.

Швейцарскій сыръ пользуется во всемъ свѣтѣ вполнѣ заслуженною славой, а альпійскіе пастухи давно прославились своимъ искусствомъ въ сыровареніи. Спросъ на швейцарскій сыръ все увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ совершенствуется и его качество. Прежде Швейцарія отправляла свой сыръ только во Францію, Италію и Германію, но въ послѣднія тридцать лѣтъ она стала вывозить его въ Австрію, Россію и въ Америку. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ вывоза сыра изъ Швейцаріи уменьшается вывозъ хлѣба. Желѣзныя дороги, которыя проведены теперь и въ хлѣбородныхъ странахъ восточной Европы, даютъ возможность отправлять на рынки Запада множество хлѣба изъ разныхъ мѣстностей. Такимъ образомъ усилившаяся конкурренція мѣшаетъ швейцарскому хлѣбу занять на европейскомъ рынкѣ выгодное мѣсто. Это затрудненіе настолько увеличилось, что теперь уже во многихъ мѣстностяхъ Швейцаріи нашли совсѣмъ невозможнымъ конкуррировать въ сбытѣ хлѣба съ другими

странами. Между тѣмъ высокія цѣны на сыръ и сравнительно небольшая затрата времени на его производство заставляютъ швейцарцевъ все болѣе ограничивать хлѣбопашество въ пользу молочнаго хозяйства. Такимъ образомъ въ послѣднее десятилѣтіе посѣвъ хлѣба уменьшился сначала въ мѣстностяхъ, гдѣ сама природа благопріятствовала произрастанію травъ, а затѣмъ и въ такихъ, гдѣ этого условія не было. Вмѣстѣ съ травосѣяніемъ увеличилось и число сыроваренъ. Но что особенно печально, такъ это то, что вмѣстѣ съ увеличеніемъ вывоза сыра увеличивается ввозъ хлѣба въ Швейцарію изъ другихъ странъ, что ясно указываетъ на уменьшеніе хлѣбопашества въ Швейцаріи. Кромѣ того, вывозъ сыровъ, сдѣлавшихся теперь предметомъ всемірной торговли, тоже можетъ подвергнуться впослѣдствіи конкурренціи другихъ странъ, а между тѣмъ немедленное увеличеніе хлѣбопашества — невозможно. Къ тому же сыровареніе и торговля сырами не принесли одинаковой выгоды всѣмъ классамъ швейцарскаго населенія; прибыль, которая получается отъ этого производства, идетъ преимущественно въ пользу крупныхъ предпринимателей. Гораздо меньшій доходъ получаютъ мелкіе скотоводы и молочные поставщики, и совсѣмъ ничтожная выгода перепадаетъ рабочимъ. Мало того, уже раздаются жалобы среди населенія, что все количество получаемаго молока идетъ въ сыроварни, и небогатымъ людямъ часто нѣтъ возможности добыть его и за высокую цѣну. И дѣйствительно, потребленіе молока и молочныхъ продуктовъ замѣтно уменьшается въ послѣднее время среди низшаго класса населенія, и вмѣсто него значительно увеличивается потребленіе картофеля. Такимъ образомъ выкармливаніе скота исключительно для молочнаго хозяйства и для производства вывозимаго за границу сыра, рядомъ съ большими выгодами, доставляемыми имъ для класса предпринимателей, уже повлекло за собою ухудшеніе народнаго питанія.

Виноградники разводятъ здѣсь на огромныхъ пространствахъ; за ними ухаживаютъ съ большимъ стараніемъ, и косогоры, хорошо освѣщенные солнцемъ, особенно холмы по берегамъ Женевскаго и Невшательскаго озеръ, образуютъ во многихъ округахъ одинъ сплошной виноградникъ. Винограднаго вина здѣсь такъ много пьютъ и швейцарцы, и туристы, что его не хватаетъ для мѣстнаго употребленія, и весьма порядочное количество его привозятъ сюда изъ Франціи.

Швейцарія представляетъ собою одну изъ самыхъ промышленныхъ странъ въ Европѣ сравнительно съ небольшимъ количествомъ своего населенія (менѣе 3-хъ милліоновъ). Во всемъ цивилизованномъ мірѣ немного найдется странъ, въ которыхъ на долю промышленности приходилось бы 36% всего населенія. Изъ этого видно, что рабочихъ въ этой странѣ чрезвычайно много. Хотя сырой матеріалъ для фабричной и мануфактурной промышленности получается изъ-за границы и доставка его обходится очень дорого, эта страна, сравнительно съ своими размѣрами, производитъ очень много и даетъ занятіе огромному классу народонаселенія. Благодаря обширному развитію промышленности, Швейцарія сдѣлалась одною изъ самыхъ торговыхъ странъ Европы. Это тѣмъ болѣе достойно вниманія, что для торговыхъ сношеній природа представляетъ страшныя препятствія. Въ странѣ высокихъ горъ, бурныхъ потоковъ, снѣжныхъ лавинъ, горныхъ обваловъ, прокладывать дороги чрезвычайно трудно, и содержаніе ихъ въ порядкѣ обходится очень дорого. Но въ этомъ отношеніи Швейцарія преодолѣла всѣ препятствія и принадлежитъ теперь къ числу странъ, обладающихъ наибольшимъ количествомъ рельсовыхъ путей, конечно пропорціонально величинѣ своей территоріи. Немало препятствуетъ развитію торговли положеніе страны: Швейцарія не имѣетъ прямого выхода къ морю и такимъ образомъ зависитъ въ отношеніи провоза ея товаровъ отъ своихъ сосѣдей. И при всѣхъ этихъ

серьезныхъ препятствіяхъ, ее можно считать одною изъ самыхъ торговыхъ странъ Европы. Огромное число рукъ занято приготовленіемъ вышивокъ механическимъ способомъ. Эта промышленность преимущественно сосредоточивается въ кантонахъ: Санъ-Галленъ, Аппенцель и Цюрихскомъ. Своими разнообразными вышивками Швейцарія снабжаетъ не только всѣ государства Европы, но также и Америку, приготовляя ихъ на сумму болѣе 80.000.000 фр. въ годъ. Прежде эти вышивки изготовлялись на фабрикахъ, а затѣмъ онѣ сдѣлались преимущественно домашнимъ производствомъ, что произошло слѣдующимъ образомъ: по мѣрѣ того, какъ спросъ на вышивки увеличивался, фабрикантамъ приходилось расширять свои фабрики. Наконецъ, спросъ на нихъ такъ усилился, что фабриканты не успѣвали удовлетворять требованія, и тогда они стали дозволять рабочимъ брать съ фабрики станки вмѣстѣ съ матеріаломъ и работать у себя на дому. Этотъ опытъ увѣнчался блестящимъ успѣхомъ: вышивки, приготовленныя на дому, были не хуже сработанныхъ на фабрикѣ. Чѣмъ большему количеству людей фабриканты отдавали эту работу на домъ, тѣмъ удобнѣе оказалось это для обѣихъ сторонъ. Рабочимъ пріятнѣе было работать на дому, не подвергаться стѣснительному фабричному режиму, а фабрикантамъ этотъ способъ оказался очень выгоднымъ: имъ не нужно было теперь расширять фабричныхъ помѣщеній для усиленнаго производства, а вмѣстѣ съ этимъ уменьшались у нихъ и расходы на надзоръ за рабочими, на отопленіе и освѣщеніе мастерскихъ, однимъ словомъ—сокращались издержки производства. Количество такихъ кустарей стало быстро расти. На ряду съ рабочими, которыхъ фабриканты снабжали станками, теперь являлось все большее количество рабочихъ, которые сами, по собственной инициативѣ, уходили съ фабрикъ, обзаводились станками для производства вышивокъ и превращались въ кустарей. Пріобрѣсти такой станокъ не представляло особеннаго затрудненія; они продавались все дешевле, къ тому же ихъ можно было купить въ разсрочку и на крайне льготныхъ условіяхъ. Благодаря этому, въ скоромъ времени кантоны Санъ-Галленъ, Аппенцель, Цюрихъ и нѣкоторые другіе переполнились вышивальщиками-кустарями, ютившимися со своими вышивальными станками во всевозможныхъ клѣтушкахъ, чуланахъ и тому подобныхъ помѣщеніяхъ.

Положеніе вышивальщиковъ-рабочихъ, съ переходомъ этой промышленности въ кустарное производство, въ концѣ-концовъ измѣнилось къ худшему; такъ какъ число людей, занимающихся изготовленіемъ вышивокъ механическимъ способомъ, чрезвычайно увеличилось за послѣднее время, то они стали другъ передъ другомъ сбивать цѣны на вышивки, что, конечно, сокращало средства къ существованію кустарей. Чтобы что-нибудь выручить, они вынуждены были несравненно больше времени, чѣмъ прежде, затрачивать на работу, а потому сидятъ теперь за станкомъ не только съ ранняго утра до поздняго вечера, но сплошь и рядомъ даже ночью, часто присаживая за эту работу всѣхъ своихъ домочадцевъ.

Послѣ вышивальной промышленности огромная часть населенія занята ткачествомъ шелковыхъ, но особенно хлопчатобумажныхъ матерій. Болѣе половины ткачей занято этою промышленностью на фабрикахъ, а остальные имѣютъ станки на дому и ткутъ, не разставаясь съ семьей.

Изъ ремеслъ наиболѣе важное значеніе имѣетъ производство часовъ; имъ занимается 40.000 человѣкъ; они приготовляютъ часовъ на 100 милліоновъ франковъ въ годъ. Женевскіе часы пользуются во всемъ свѣтѣ громкою славой; здѣсь выдѣлываютъ также множество музыкальныхъ ящиковъ. Весьма развито въ странѣ и ювелирное производство.

Такою же громкою славою, какъ производство часовъ, пользуется и рѣзьба на деревѣ. По отдѣльнымъ рѣзнымъ вещичкамъ, которыя иностранцы вывозятъ изъ этой страны, нельзя получить полнаго представленія объ изумительномъ навыкѣ, пріобрѣтенномъ швейцарцами въ этомъ дѣлѣ. Во всѣхъ наиболѣе посѣщаемыхъ иностранцами мѣстахъ грудами разложены эти превосходныя рѣзныя вещи, которыя наглядно рисуютъ не только всю природу Швейцаріи, но и жизнь ея гражданъ. Тутъ вы видите горы и скалы, по которымъ пробираются козы и серны, охотника, подстерегающаго добычу, козопаса, свѣсившагося со скалы, коровъ съ бубенчиками, шалэ со множествомъ животныхъ, косца съ громадною ношею сѣна, пробирающагося по страшнымъ скалистымъ выступамъ, танцующую молодежь, пастуховъ съ бумагами въ рукахъ, обсуждающихъ важныя государственныя дѣла.

Положеніе швейцарскихъ рабочихъ, несмотря на крайне умѣренную плату, во всѣхъ отношеніяхъ лучше, чѣмъ въ остальной Европѣ. Это происходитъ отъ очень многихъ причинъ. Швейцарскому рабочему удалось сохранить чистоту семейной жизни, вопреки развращающему вліянію фабрики: онъ имѣетъ возможность соединить работу на фабрикѣ съ земледѣльческимъ трудомъ и, что еще болѣе удивительно, онъ съумѣлъ установить вполнѣ добропорядочныя отношенія къ хозяину-фабриканту. О ненависти рабочаго къ фабриканту, такъ рѣзко проявляющейся во Франціи, Англіи и другихъ странахъ, здѣсь нѣтъ и помину. Въ названныхъ странахъ лежитъ настоящая пропасть между фабричнымъ рабочимъ и его хозяиномъ. Въ Швейцаріи, напротивъ, въ отношеніяхъ между хозяиномъ и рабочимъ не замѣтно никакой натянутости. Въ большинствѣ случаевъ, какъ бы ни разбогатѣлъ швейцарскій фабрикантъ, онъ не окружаетъ себя роскошью и блескомъ: дочери его, какъ и прежде, продолжаютъ танцовать на лугу съ рабочими; онъ самъ, какъ и его рабочій, членъ однихъ и тѣхъ же обществъ; вмѣстѣ съ ними онъ отправляется въ кафэ, въ церковь, разсуждаетъ на площади о дѣлахъ своей общины и своего кантона. Большинство швейцарскихъ фабрикантовъ заботится объ улучшеніи положенія рабочаго. Въ Аппенцелѣ, напр., хозяева старались доставлять работу фабричнымъ и ремесленникамъ даже въ то время, когда производство было убыточно для нихъ самихъ. Они знали, что, когда кризисъ пройдетъ, благодарные рабочіе вознаградятъ своимъ усердіемъ убытки, понесенные хозяевами. Въ Гларусѣ, Аппенцелѣ и другихъ кантонахъ фабриканты дѣлаютъ щедрые взносы и пожертвованія для образованія капиталовъ, при помощи которыхъ рабочимъ и ихъ семействамъ доставляются средства къ образованію, пособія во время болѣзни, удобныя жилища, дешевая пища и проч., при чемъ стараются придать всѣмъ этимъ предпріятіямъ не филантропическій, а экономическій характеръ. Для поощренія рабочихъ къ болѣе прилежному труду одни фабриканты прибѣгаютъ къ системѣ премій, другіе къ системѣ подарковъ, третьи отчисляютъ въ пользу рабочихъ извѣстную часть дохода съ своего предпріятія. Есть фабрики, гдѣ существуютъ преміи для каждаго рабочаго, который сработаетъ въ день болѣе, чѣмъ обычный средній рабочій; въ другихъ—еженедѣльно назначаютъ въ каждомъ отдѣленіи фабрики, сверхъ обычной платы, премію отъ 1 до 3 франковъ двумъ работникамъ или работницамъ, оказавшимся самыми трудолюбивыми. Наибольшее количество фабрикантовъ въ извѣстные сроки, какъ, напр., въ большіе праздники, дѣлаютъ подарки всѣмъ своимъ рабочимъ. Между швейцарскими фабрикантами существуетъ почти всеобщій обычай ежегодно вносить извѣстную сумму въ вспомогательную кассу рабочихъ, и взносъ этотъ, въ особенно счастливые года, всегда увеличивается. Бываютъ и такіе примѣры: хозяинъ задаетъ обѣдъ своимъ рабочимъ и ихъ семействамъ, и во время обѣда глава каждаго семейства находитъ

подъ своей салфеткой денежный подарокъ соразмѣрно съ продолжительностью его службы. Мирныя отношенія между хозяевами и рабочими поддерживаются и всѣмъ государственнымъ строемъ этой страны: ея политическое устройство вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ рабочаго люда. Швейцарскій народъ является самодержавнымъ властителемъ своей судьбы: онъ имѣетъ право отвергнуть неправящійся ему законъ и придать законодательству страны характеръ, наиболѣе соотвѣтствующій въ данную минуту и при данныхъ условіяхъ его желаніямъ. При такомъ положеніи вещей трудно себѣ даже и представить, какимъ образомъ среди здѣшнихъ рабочихъ могли-бы накопляться недовольство и раздраженіе. Если здѣшніе фабриканты оказались-бы неуступчивыми, то рабочіе всегда могли-бы перенести споръ на политическую почву и въ концѣ-концовъ рѣшить его путемъ народнаго голосованія. Такимъ образомъ судьба здѣшнихъ рабочихъ, въ весьма значительной степени, зависитъ отъ нихъ-же самихъ. Изъ этого ясно, что если настроеніе рабочихъ Швейцаріи спокойное и мирное, то это значитъ, что большинство ихъ довольно своимъ положеніемъ, что подтверждаетъ и слѣдующій примѣръ. Извѣстно, что рабочіе промышленныхъ центровъ Запада выставили въ настоящее время требованіе восьмичасоваго рабочаго дня. Если-бы швейцарскіе рабочіе желали того же, то они вели-бы пропаганду о необходимости закона, устанавливающаго эту норму, но дѣло въ томъ, что они пока не стремятся къ этому. На восьмичасовой рабочій день они смотрятъ, какъ на идеалъ, который долженъ быть осуществленъ впослѣдствіи, но немедленнаго осуществленія его они сами не желаютъ, такъ какъ думаютъ, что при существующихъ условіяхъ производства отъ этого сильно пострадали-бы ихъ собственные интересы, и ведутъ агитацію не за 8-ми, а за 10-ти-часовой рабочій день, что и состоится въ очень скоромъ будущемъ. Въ виду того, что 10-ти-часовой рабочій день сдѣлается обязательнымъ въ скоромъ времени, многіе фабриканты сами ввели его въ своихъ заведеніяхъ, не дожидаясь принудительнаго закона.

Швейцарскій рабочій, какъ и всякій другой, имѣетъ много и достоинствъ, и недостатковъ: окончивъ курсъ въ хорошей школѣ, которыми такъ славится Швейцарія, и пользуясь свободными учрежденіями, онъ обыкновенно болѣе или менѣе человѣкъ развитой, трезвый, чрезвычайно совѣстливый и въ высшей степени настойчивый въ трудѣ. Но, будучи одаренъ флегматическимъ темпераментомъ, онъ вялъ, неповоротливъ, медлителенъ и сильно придерживается рутины. Имъ трудно руководить: онъ не любитъ никакого принужденія и способенъ скорѣе отказаться отъ работы, чѣмъ принять ее на условіяхъ, которыя кажутся ему несправедливыми. Онъ не отступится ни передъ какимъ трудомъ, тяжелый трудъ его не пугаетъ, но онъ не способенъ къ быстрой работѣ. Главный недостатокъ швейцарскаго рабочаго, вредно отзывающійся на производствѣ,—отсутствіе природнаго вкуса: въ его произведеніяхъ вы не найдете ни изящества, ни тонкости отдѣлки.

Въ Швейцаріи плата рабочимъ вообще гораздо ниже, чѣмъ въ Англіи и Франціи. Дневная рабочая плата ремесленника колеблется отъ 1 фр. 90 сант. до 7 франк.; но 7 франк. въ день получаютъ очень немногіе счастливцы; средній заработокъ можно принять $2^1/_2$—3 франка. Въ фабричномъ трудѣ для мужчинъ средняя рабочая плата также 3 франка; средняя дневная плата женщинамъ—$1^1/_2$ франка, а несовершеннолѣтнимъ—1 фр.

Несмотря на такую умѣренную плату, пища швейцарскаго рабочаго болѣе питательная и здоровая, чѣмъ у другихъ его собратьевъ въ Европѣ. Правда, въ деревняхъ мясо ѣдятъ чрезвычайно рѣдко, даже не всегда по праздникамъ, и при томъ въ очень небольшомъ количествѣ; тѣмъ не менѣе пища швейцарскаго рабочаго весьма

здоровая и обильная. Онъ ѣстъ хорошій хлѣбъ, употребляетъ много сыра, картофеля, овощей и плодовъ. Два раза въ день онъ пьетъ кофе наполовину съ молокомъ и съ большою примѣсью цикорія. Этотъ напитокъ, который, впрочемъ, онъ пьетъ безъ сахара, съ большимъ ломтемъ хлѣба, составляетъ главную часть завтрака; болѣе зажиточные прибавляютъ къ этому еще сыръ, масло и жареный картофель. Обѣдаютъ между 11 и часомъ; при этомъ ѣдятъ супъ, картофель, овощи, хлѣбъ, опять пьютъ кофе, какъ обыкновенно,—безъ сахару, но теперь даже и безъ молока. Вечерняя ѣда совершенно походитъ на завтракъ. Конечно, пища очень разнится въ разныхъ кантонахъ, но то, что мы назвали, почти вездѣ служитъ главнымъ основаніемъ. Въ Тессинскомъ кантонѣ, между прочимъ, въ большомъ употребленіи *полента*, т.-е. каша изъ маисовой муки, замѣняющая иногда даже хлѣбъ; во французской Швейцаріи пьютъ вино, между тѣмъ какъ въ нѣмецкихъ кантонахъ преимущественно употребляютъ пиво, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—сидръ и спиртные напитки. Но вообще употребленіе водки принимаетъ въ Швейцаріи все болѣе значительные размѣры. Въ мѣстностяхъ, гдѣ рабочіе привыкли пить вино и гдѣ оно сдѣлалось дорого и плохо вслѣдствіе дурныхъ сборовъ винограда, его замѣнили теперь не пивомъ, а водкой.

Холостые рабочіе нерѣдко имѣютъ столъ и квартиру въ «пансіонахъ», которые встрѣчаются также и на фабрикахъ, въ особенности на бумагопрядильныхъ. Въ этихъ пансіонахъ для рабочихъ вы встрѣтите необыкновенную чистоту и порядокъ; несмотря на скромность обстановки, спальни большія. Пища, которую получаютъ здѣсь рабочіе, лучше той, какую они обыкновенно имѣютъ въ частныхъ домахъ и въ собственномъ хозяйствѣ. Плата за пансіонъ различна; за помѣщеніе и столъ въ пансіонахъ несовершеннолѣтніе работники обыкновенно платятъ отъ 50 до 60 и самое большое—до 90 сантимовъ въ день; взрослые—отъ 90 сантимовъ до 1 фр. 20 сантимовъ въ день, даже и тогда, когда имъ даютъ нѣсколько разъ въ недѣлю говядину и немного вина.

Жилище швейцарскаго рабочаго тоже сравнительно весьма сносно. Фабричный рабочій часто живетъ въ своей семьѣ и въ деревнѣ; многіе изъ нихъ занимаютъ шалэ, достаточно удаленные одно отъ другого, и хотя такія жилища весьма грубо сколочены, но они сухи и свѣтлы. Нерѣдко жилище фабричнаго рабочаго составляетъ его собственность, и онъ получаетъ иногда работу на домъ. Но въ нѣкоторыхъ горныхъ округахъ и въ городѣ Шафгаузенѣ жилища рабочихъ оставляютъ желать очень многаго. Во всякомъ случаѣ фабриканты, безчисленныя благотворительныя общества и сами рабочіе очень много сдѣлали для удешевленія и улучшенія какъ пищи, такъ и жилищъ рабочаго класса.

Благодаря болѣе или менѣе хорошимъ помѣщеніямъ, возможности жить въ деревнѣ, питаться здоровою пищей, привычкѣ швейцарскихъ рабочихъ къ большимъ прогулкамъ пѣшкомъ и ихъ любви къ гимнастическимъ упражненіямъ, они превосходятъ здоровьемъ рабочихъ другихъ странъ. Конечно, хлопчатобумажная чахотка, свинцовыя колики, воспаленія легкихъ, вслѣдствіе чрезмѣрнаго жара въ мастерскихъ сильно распространенныя въ странѣ, господство болотныхъ лихорадокъ въ нѣкоторыхъ округахъ, производятъ немалыя опустошенія среди населенія, но, несмотря на все это, санитарное состояніе Швейцаріи болѣе удовлетворительно, чѣмъ многихъ другихъ странъ.

Чѣмъ же можно объяснить, что швейцарскій рабочій, получая за свой трудъ болѣе умѣренную плату, чѣмъ его собратья въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, лучше ихъ обставленъ, лучше живетъ и питается? Прежде всего это зависитъ отъ того,

что, хотя цѣны на предметы первой необходимости возвысились здѣсь за послѣднее время, все же жизнь въ Швейцаріи и до сихъ поръ дешевле, чѣмъ въ другихъ государствахъ западной Европы. Большое вліяніе имѣетъ и то обстоятельство, что, какъ бы ни спеціализировался швейцарскій фабричный рабочій въ томъ или другомъ производствѣ, онъ никогда не доходитъ до того, что становится негоднымъ къ сельской жизни. Теряя работу на фабрикѣ или оставляя ее по какой-либо причинѣ, онъ, не задумываясь, берется за плугъ, лопату или косу. Каждый рабочій, кто бы онъ ни былъ, фабричный, земледѣлецъ или ремесленникъ, кромѣ главной работы, имѣетъ всегда подъ руками и другіе заработки, которые значительно увеличиваютъ его бюджетъ: чуть не каждый простолюдинъ занимается здѣсь рѣзьбой на деревѣ, рубкою дровъ въ горахъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ земледѣлецъ имѣетъ станокъ для изготовленія вышивокъ механическимъ способомъ. Большая часть фабричныхъ—наполовину крестьяне; очень многіе изъ нихъ нанимаютъ клочекъ земли и обрабатываютъ его въ свободныя минуты. Скопивъ нѣсколько десятковъ франковъ, фабричный покупаетъ клочекъ земли, и это не трудно сдѣлать, такъ какъ въ Швейцаріи поземельная собственность очень раздроблена. Почти всегда онъ имѣетъ корову или пару козъ, которыхъ посылаетъ пастись на общественное пастбище. Вообще нѣтъ страны въ мірѣ, гдѣ бы занятія рабочихъ были столь разнообразны, какъ въ Швейцаріи, и гдѣ бы рабочіе были болѣе способны къ различнымъ ремесламъ.

При самоуправленіи кантоновъ и при всеобщей подачѣ голосовъ, рабочіе въ нѣкоторыхъ кантонахъ имѣютъ преобладающее вліяніе; вслѣдствіе этого имъ и удалось, сначала въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, направить законодательство о промышленности согласно съ своими желаніями, а въ 1877 г. былъ изданъ обязательный для всей Швейцаріи законъ о фабричномъ трудѣ. Этотъ законъ чрезвычайно заботливо, до мельчайшихъ подробностей, предписываетъ предосторожности, имѣющія цѣлью предохранить жизнь и здоровье рабочихъ. Онъ устанавливаетъ правила о надлежащемъ освѣщеніи мастерскихъ, о вентиляціи, принимая во вниманіе тѣ вредныя вещества, которыя могутъ выдѣляться при томъ или другомъ производствѣ, указываетъ, какъ слѣдуетъ огораживать машины, опасныя для рабочихъ. По этому закону правила, установляемыя фабрикантами, могутъ имѣть силу только съ одобренія ихъ правительствомъ кантона, при чемъ предварительно спрашиваютъ мнѣніе самихъ рабочихъ. Фабрикантъ не имѣетъ права требовать штрафа, превосходящаго половину дневной рабочей платы, и при этомъ всѣ штрафы должны поступать въ вспомогательную кассу для рабочихъ. Что касается продолжительности дневного труда, то для мужчинъ (кромѣ исключительныхъ случаевъ и не иначе, какъ съ разрѣшенія кантональнаго правительства) установленъ maximum труда въ 11 часовъ, а наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней—10 час. Что касается женщинъ, то, кромѣ общихъ предписаній, существуютъ еще спеціальныя правила для охраненія ихъ здоровья и для исполненія ими нѣкоторыхъ хозяйственныхъ обязанностей въ семьѣ. По ночамъ хозяева не могутъ заставлять женщинъ работать даже съ ихъ согласія, а также не имѣютъ права принуждать ихъ мыть и чистить опасныя машины. Дѣти моложе 14 лѣтъ вовсе не могутъ работать на фабрикахъ; для дѣтей отъ 14 до 16 лѣтъ время работы на фабрикѣ и школьнаго и религіознаго обученія не должно въ суммѣ превышать 11 часовъ: обученіе никогда не должно приноситься въ жертву фабричному труду. По тому же закону фабриканты отвѣтственны за несчастные случаи съ рабочими, если только они не докажутъ, что несчастіе произошло по винѣ другихъ лицъ или самого рабочаго. Если рабочій получитъ рану по винѣ хозяина, то потерпѣвшему возвращаютъ истраченное на лѣченіе и выдаютъ плату за то время, когда

онъ не могъ работать. Если онъ умираетъ по винѣ хозяина, то вознагражденіе должно заключать въ себѣ издержки на лѣченіе и погребеніе и служить единовременнымъ пособіемъ для семейства покойнаго.

ПРАЗДНИКИ.

Обиліе праздниковъ.—Праздники стрѣлковъ, пѣвцовъ и борцовъ.—Народныя представленія на открытомъ воздухѣ.—Мѣстные праздники: виноградарей въ Веве и празднованіе масляницы въ Базелѣ.

Швейцарцы большіе любители праздниковъ: они празднуютъ не только воскресные и обычные праздничные дни, но имъ все даетъ поводъ для устройства какого-нибудь торжества: сооруженіе желѣзной дороги, открытіе разныхъ учрежденій, юбилеи, годовщины; затѣмъ идутъ ежегодныя празднества различныхъ обществъ: стрѣлковъ, пѣвцовъ, музыкантовъ, альпинистовъ, военныхъ, артистовъ; немало у швейцарцевъ и международныхъ празднествъ и конгрессовъ; ихъ смѣняютъ праздники коммунъ, и такъ безъ конца. Во всѣхъ торжествахъ и общественныхъ увеселеніяхъ дѣти играютъ видную роль: они всегда составляютъ авангардъ каждой процессіи, выступаютъ съ знаменами въ рукахъ и распѣваютъ свои чудныя пѣсни, возбуждающія ихъ патріотическія чувства, ихъ гордость своей родиной и пробуждающія страстную любовь къ свободѣ. Одна изъ этихъ пѣсней начинается: «удѣлъ трусовъ — неволя, свобода — для смѣлыхъ людей», или: «только братство — оплотъ, слабымъ силу даетъ, лишь сплотившись народъ все побѣдитъ»...

Во всѣхъ своихъ праздникахъ швейцарцы прежде всего преслѣдуютъ патріотическія цѣли. Къ такому разряду принадлежатъ праздники общества стрѣлковъ. Искусство стрѣльбы высоко цѣнится между швейцарцами. День, назначенный для этого праздника, справляютъ въ высшей степени торжественно: нѣсколько тысячъ стрѣлковъ со всѣхъ концовъ Швейцаріи собираются на это празднество. Послѣ шествія огромной и торжественной процессіи начинается состязаніе стрѣлковъ. Наиболѣе искусные изъ нихъ получаютъ призы; первый изъ нихъ состоитъ изъ серебрянаго сервиза или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Хотя съ этой минуты стрѣлокъ дѣлается *королемъ*, тѣмъ не менѣе его домашнему хозяйству драгоцѣнная вещь часто совсѣмъ не соотвѣтствуетъ, и онъ продаетъ ее за 2, за 3 тысячи франковъ. Національный характеръ этого празднества высказывается въ безчисленныхъ рѣчахъ. Когда какое-нибудь общество стрѣлковъ изъ другого кантона, или даже иностранное, торжественно выходитъ съ своимъ знаменемъ, то ораторы одинъ за другимъ держатъ рѣчи, на которыя должны отвѣчать члены комитета, завѣдывающаго праздникомъ, но всего сильнѣе льется краснорѣчіе вечеромъ. Всѣ балконы и наружныя стѣны домовъ съ необыкновеннымъ изяществомъ убраны флагами, цвѣтами и гирляндами. Тамъ, гдѣ должны проходить стрѣлки, устраиваютъ тріумфальныя арки, при этомъ, то здѣсь, то тамъ, появляется на крышѣ человѣкъ, который силится заставить себя слушать: «Пронзивъ мѣткою стрѣлою сердце врага и угнетателя родины, Телль хотѣлъ избавить народъ отъ притѣснителей, пламенно желалъ для страны свободы и разумнаго законодательства. То и другое, господа, мы имѣемъ, тѣмъ не менѣе образъ великаго спасителя долженъ быть запечатлѣнъ въ нашихъ сердцахъ. Завоевывать свободу намъ не надо, но мы будемъ поддерживать ее до послѣдней капли крови». Раздаются аплодисменты, крики браво, съ балконовъ бросаютъ въ стрѣлковъ букеты и гирлянды, и они, наконецъ, вступаютъ на лугъ, гдѣ и стрѣляютъ въ цѣль.

Общества пѣвцовъ состоятъ тоже изъ огромнаго числа членовъ. Любители пѣнія могутъ познакомиться здѣсь какъ съ народными пѣснями швейцарцевъ, такъ и съ различными романсами на нѣмецкомъ, французскомъ, итальянскомъ и романскомъ языкахъ.

Для праздника борцовъ выбираютъ обыкновенно какой-нибудь центральный пунктъ, такъ чтобы борцы сосѣднихъ долинъ могли также принимать участіе въ бою, потому что всякій интересуется знать, на чьей сторонѣ окажется побѣда. Когда праздникъ борцовъ приближается, то желающіе принимать въ немъ участіе заранѣе начинаютъ дѣлать нѣкоторыя приготовленія: они стараются избѣгать всякой утомительной работы, заботятся о своемъ тѣлѣ и употребляютъ въ пищу самыя укрѣпляющія кушанья. Утромъ, въ самый день праздника, конкурренты обѣихъ партій собираются въ трактирѣ, каждый выбираетъ себѣ противника, и всѣ пьютъ и болтаютъ съ полнымъ благодушіемъ. Въ назначенный часъ все собраніе выступаетъ съ музыкою во главѣ, борцы идутъ попарно, впереди ихъ несутъ призы, и все это движется къ назначенному мѣсту, гдѣ уже ожидаетъ громадная толпа зрителей; по большей части выбираютъ такую мѣстность, которая имѣла бы видъ амфитеатра. Судъ экспертовъ, т.-е. людей, вполнѣ опытныхъ и въ совершенствѣ знающихъ свое дѣло, уже занялъ свои мѣста, остальная публика размѣстилась громаднымъ кругомъ, въ центрѣ котораго становятся борцы. Прежде всего они сбрасываютъ съ себя все лишнее и остаются лишь въ рубашкѣ, чулкахъ и панталонахъ, сверхъ которыхъ надѣваютъ коротенькіе штаны. Прежде чѣмъ вступить въ бой, противники должны подать другъ другу руки, въ знакъ того, что они не имѣютъ между собою никакой вражды. Грудь и воротъ рубахи должны быть растегнуты и не стѣснять дыханія, а рукава засучены выше локтя, чтобы всѣ движенія были какъ можно свободнѣе. Наконецъ, бой начинается: на арену выступаетъ первая пара борцовъ. Они спокойно схватываются другъ съ другомъ, грудь съ грудью, правая рука одного крѣпко обхватываетъ поясъ другого, а лѣвая зацѣпляетъ за нижнюю часть его короткихъ штановъ. Иногда они начинаютъ бой стоя, иногда опускаются на колѣни, смотря потому, какъ имъ кажется удобнѣе.

«Опытные борцы долго таскаютъ другъ друга по аренѣ, кружатся и толкаютъ одинъ другого, въ ожиданіи момента, когда можно будетъ нанести рѣшительный ударъ. Иногда случается, что оба они такъ долго не уступаютъ другъ другу, что совершенно изнемогаютъ въ борьбѣ; потъ льетъ съ нихъ градомъ, они едва переводятъ дыханіе и, наконецъ, оба ложатся на траву. Тутъ имъ подаютъ стаканъ вина, затѣмъ они встаютъ, натираютъ руки землей, чтобъ сдѣлать ихъ тверже, и сраженіе возобновляется съ удвоенными силами.

«Пока борцы только пытаютъ свои силы, въ кругу царствуетъ глубочайшее безмолвіе, но лишь только одинъ изъ нихъ приподнятъ съ земли, лишь только они сцѣпились ногами и отчаянная борьба завязалась, какъ все собраніе оживаетъ, всѣ съ чрезвычайнымъ любопытствомъ слѣдятъ за малѣйшими подробностями битвы, и партія, державшая пари за котораго нибудь изъ борцовъ, ободряетъ его громкими криками. Наконецъ, одинъ теряетъ равновѣсіе, противникъ схватываетъ его, приподнимаетъ, сгибаетъ и опрокидываетъ на землю...»

Во время различныхъ празднествъ существуютъ совершенно оригинальныя представленія на открытомъ воздухѣ: драмы и комедіи представляютъ не спеціалисты-актеры, а простой народъ. Участвующихъ бываетъ иногда чрезвычайно много, нѣсколько сотъ человѣкъ; при этомъ сюжеты пьесъ очень разнообразны; драматизированныя событія изъ швейцарской жизни, сцены изъ настоящей и прошлой домашней

жизни. Чаще другихъ на сценѣ фигурируетъ Вильгельмъ Телль, но не забыты и другіе народные герои и замѣчательные факты изъ швейцарской исторіи. Въ пьесѣ «Крестьянская война въ 1653 г.» принимаетъ участіе около 400 лицъ. Тутъ происходятъ сраженія, съ пѣхотою, кавалеріею и артиллеріею.

Изъ мѣстныхъ праздниковъ особенно замѣчателенъ праздникъ виноградарей въ Веве. Его устраиваютъ довольно рѣдко—черезъ 6—8, а иногда даже и 14 лѣтъ. Вслѣдствіе этого народу на этотъ праздникъ собирается чрезвычайно много; такъ, напр., въ 1865 году было до 11,000 человѣкъ. Въ самый день праздника въ 7 часовъ утра уже всѣ окна и стѣны домовъ убраны плющемъ и цвѣтами, устроено множество тріумфальныхъ арокъ, чрезъ которыя и проходятъ главныя дѣйствующія лица этого праздника, числомъ около 1,300 человѣкъ. Прежде всего въ этой группѣ бросается въ глаза Палесъ (богиня пастуховъ), окруженная огромною свитою въ бѣлыхъ и голубыхъ одеждахъ; въ другой группѣ—Церера (богиня плодородія), — ея свита въ бѣлыхъ и красныхъ одеждахъ; въ третьей группѣ—Бахусъ (богъ вина),— окружающіе его убраны виноградными лозами и плющемъ; Бахуса изображаетъ ребенокъ 7—8 лѣтъ. Палесъ въ этомъ торжествѣ олицетворяетъ весну, Церера—лѣто, Бахусъ—осень; прежде они изображали три главныхъ занятія швейцарцевъ: скотоводство, земледѣліе и винодѣліе. Это шествіе двигается къ площади. Три пѣвца всходятъ на трибуну и открываютъ праздникъ пѣснею въ честь отечества и прославленіемъ свободы. Затѣмъ поетъ хоръ. Главный актъ этого празднества—раздача призовъ. Послѣ рѣчи президента увѣнчиваютъ двухъ виноградарей, которые наиболѣе отличились за это время въ своемъ дѣлѣ; другимъ раздаютъ медали, преміи. Въ антрактахъ между рѣчами и раздачею наградъ поютъ пѣсни, между которыми непремѣнно услышишь «ranz des vaches» (пастушья пѣсня). Затѣмъ въ огромной процессіи обходятъ весь городокъ; тутъ представители различныхъ промысловъ идутъ группами и несутъ соотвѣтствующіе орудія и снаряды, такъ, напр., виноградари несутъ свой ножъ, которымъ они обрѣзываютъ лозы. Въ процессіи ведутъ также коровъ, убранныхъ цвѣтами и большими бубенчиками, овецъ, разукрашенныхъ лентами, и огромнаго барана.

Швейцарцы очень любятъ барабанный бой, такъ что по послѣдней переписи въ одномъ Базелѣ нашли до 2,700 барабановъ, исключительно служащихъ для развлеченія. Но Базель спокойный городъ, и въ немъ нельзя барабанить, когда вздумается. Чтобы доставить народу увеселеніе, позволяютъ барабанить одинъ день на масляницѣ. Задолго передъ этимъ базельское юношество неутомимо готовится къ празднику. Эти репетиціи на барабанахъ исполняются огромными компаніями за городскими воротами, подъ руководствомъ опытныхъ въ этомъ дѣлѣ людей. Молодежь этимъ, однако, не удовлетворяется и все свободное время этой недѣли употребляетъ на упражненія. Чтобы пощадить родительскія уши и не пугать малыхъ ребятъ, они отправляются въ погреба и, разгоняя при первыхъ звукахъ крысъ и мышей, упражняются, сколько хватитъ силы. Настаетъ, наконецъ, разсвѣтъ желаннаго дня. По старому обычаю, зорю бьютъ уже въ 4 часа. Но еще ранѣе улицы и дома ярко освѣщены и на сборныхъ мѣстахъ стоятъ барабанщики и флейтисты. У каждой группы есть огромный прозрачный разрисованный фонарь съ различными надписями. Тутъ же стоятъ замаскированные, которые подсмѣиваются и острятъ. Но вотъ бьетъ 4 часа. Тамбуръ-мажоръ потрясаетъ своимъ жезломъ, раздается старинный швейцарскій маршъ подъ аккомпанементъ флейты, и шествіе двигается по улицамъ города. Базель оглашается страшнымъ шумомъ.

ОБРАЗОВАНІЕ.

Школьныя зданія.—Положеніе учителя.—Отношеніе народа къ школѣ.—Обученіе.—Кретины и другіе больные.

Школа—самое свѣтлое явленіе швейцарской жизни. «Единственные дворцы, которые существуютъ у насъ, посвящены образованію», говорятъ швейцарцы, указывая иностранцу на свои школы,—и это совершенно справедливо. Красивѣйшее зданіе, которое видитъ швейцарецъ, выходя изъ своего дома, сельская школа или кантональная школа, смотря по тому, гдѣ онъ живетъ,—въ деревнѣ, или въ городѣ. «Наши дѣти», говорилъ одинъ швейцарецъ, «до того привыкли къ тому, что школа красивѣйшее зданіе въ городѣ, что за границей впадаютъ въ самыя уморительныя ошибки. Моя десятилѣтняя дочь, увидавъ блестящій фасадъ Версаля, воскликнула, хлопая въ ладоши: «Папа, папа! вотъ и школа!»

Швейцарцы питаютъ къ образованію истинную страсть, и нельзя не удивляться, какія значительныя жертвы для распространенія его приносятъ правительство и частныя лица,—между тѣмъ бережливость, даже скупость—характерная черта народа. Швейцарецъ болѣе всего гордится своей школой и имѣетъ на это полное право. Школьныя зданія привлекаютъ вниманіе иностранцевъ не только въ городахъ, но даже въ самыхъ захолустныхъ деревенькахъ. Какъ-бы дорого ни стоило мѣсто, оно пріобрѣтается для постройки школьнаго зданія, если только оно самое здоровое и удобное въ округѣ. Громадное большинство школъ Швейцаріи прекрасно выстроены, и нѣкоторыя изъ нихъ стоятъ громадныхъ денегъ: въ Цюрихѣ, напримѣръ, зданіе элементарной школы обошлось 270,000 р. Коммунальныя и кантональныя власти ни на что не обращаютъ такъ много вниманія, какъ на дѣла школъ, находящихся въ ихъ вѣдѣніи. Поразительно, съ какимъ энтузіазмомъ относятся швейцарцы къ дѣлу образованія въ своемъ отечествѣ. Въ продолженіе всей жизни швейцарца, со дня его вступленія въ школу и до того времени, когда онъ становится взрослымъ и самъ начинаетъ принимать участіе въ дѣлахъ управленія, школа, такъ или иначе, остается у него всегда на виду. Каждую школу, въ городѣ она или въ деревнѣ, посѣщаютъ дѣти богатыхъ и бѣдныхъ: сынъ пастуха сидитъ рядомъ съ сыномъ профессора, сирота, содержимый коммуной, сидитъ подлѣ сына богатаго промышленника. Это-то, говорятъ швейцарцы, и заставляетъ ихъ уже съ дѣтства проникаться чувствомъ равенства. Вмѣстѣ съ солиднымъ образованіемъ, которое дѣти получаютъ въ школѣ, каждый учитель старается внушить имъ горячія патріотическія чувства.

Въ дѣлѣ обученія религіозная свобода здѣсь еще шире, чѣмъ въ церковныхъ дѣлахъ. Въ тѣхъ кантонахъ, въ которыхъ большинство населенія состоитъ изъ протестантовъ или католиковъ, Законъ Божій всегда преподается въ опредѣленные часы, такъ что дѣти, родители которыхъ желаютъ дать имъ лишь свѣтское образованіе, могутъ не присутствовать на этихъ урокахъ. Но тутъ существуетъ немало и смѣшанныхъ школъ, т.-е. такихъ, въ которыхъ населеніе состоитъ какъ изъ протестантовъ, такъ и изъ католиковъ,—ихъ посѣщаютъ дѣти обоихъ вѣроисповѣданій. Въ такихъ школахъ элементарное обученіе Закона Божія состоитъ въ преподаваніи простыхъ истинъ, общихъ всѣмъ христіанамъ, а затѣмъ уже они берутъ уроки своей религіи у собственныхъ законоучителей.

Какъ ученики, такъ и народъ относятся къ учителю съ большимъ почтеніемъ:

за разрѣшеніемъ вопросовъ, за совѣтами—всѣ идутъ къ нему, и учитель во всей Швейцаріи имѣетъ большое вліяніе на населеніе. Трудъ учителей вознаграждается очень различно, смотря по кантону, но въ большинствѣ случаевъ весьма хорошо, сравнительно съ учителями другихъ странъ Запада. Въ нѣкоторыхъ кантонахъ учитель за каждые четыре года службы получаетъ прибавку въ 25 р. въ годъ, пока сумма прибавокъ не составитъ 100 р. За 30-ти-лѣтнюю службу учителя, въ большинствѣ случаевъ, получаютъ пенсію не менѣе половины того жалованья, которое они имѣли передъ выходомъ въ отставку.

Образованіе въ Швейцаріи повсюду обязательно и за малыми исключеніями почти вездѣ безплатно. Родители, которые не посылаютъ своихъ дѣтей въ школы, платятъ штрафъ и подвергаются тюремному заключенію. Но, разумѣется, это бываетъ только въ такомъ случаѣ, когда родители не могутъ доказать, что они даютъ дѣтямъ домашнее образованіе. Дѣти обязаны посѣщать школу отъ 6 до 14 или 15 лѣтъ. Мальчиковъ непремѣнно обучаютъ маршированію и военнымъ пріемамъ, дѣвочекъ учатъ шитью и кройкѣ. Только въ этомъ послѣднемъ и заключается разница въ обученіи между мальчиками и дѣвочками; что же касается предметовъ, то имъ обучаютъ одинаково какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Въ самомъ легкомъ и популярномъ изложеніи знакомятъ ребенка съ исторіею страны и ея учрежденіями, обращаютъ вниманіе на музыкальныя способности, но болѣе всего стараются развить патріотическое чувство. Вѣроятно, вслѣдствіе этого здѣшніе школьники постоянно бѣгаютъ съ знаменами въ рукахъ, съ криками «да здравствуетъ Швейцарія и всѣ наши союзники».

Кромѣ праздниковъ и процессій общихъ, въ которыхъ, какъ было сказано выше, дѣти обыкновенно принимаютъ участіе, здѣсь существуетъ множество праздниковъ и торжествъ спеціально для школьниковъ. Вы то и дѣло встрѣчаете на улицахъ торжественную процессію: впереди музыка и флаги, потомъ до тысячи дѣвочекъ въ бѣлыхъ платьяхъ, за ними столько же мальчиковъ. Между группою мальчиковъ и дѣвочекъ идутъ пасторъ и учителя. Шествіе замыкаютъ музыканты, пожарные въ каскахъ, полиція въ мундирахъ. Воздухъ оглашается пѣніемъ тысячи дѣтскихъ голосовъ, прерываемыхъ звуками трубъ и барабановъ. Спросите, что это за торжество, и вамъ отвѣтятъ, что это школьный праздникъ послѣ окончанія полугодоваго курса или при его началѣ; выходъ изъ школы, вступленіе въ нее, каждый шагъ школьной жизни ознаменованъ торжествомъ.

Сельскія школы управляются самими поселянами, и всѣ безъ исключенія члены общины—пастухи-ли они, дровосѣки, или совѣтники—принимаютъ участіе въ управленіи общинными школами. Они участвуютъ въ выборѣ учителей и директора и могутъ всегда посѣщать классы во время урока. Кромѣ слабоумныхъ, дѣтей съ огромными зобами и калѣкъ, которыхъ не принимаетъ ни одна школа, тутъ всѣ учатся грамотѣ. За лѣность и школьныя провинности не существуетъ тѣлесныхъ наказаній; слѣдовательно, у нихъ нѣтъ ни розогъ, ни пощечинъ, ни битья по головѣ. Дѣти такъ любятъ школу, что шалуну обыкновенно достаточно, чтобы опомниться, и одной угрозы, что завтра ему не позволятъ придти въ школу. За большую же вину исключаютъ изъ школы на недѣлю, на двѣ, наконецъ, самымъ тяжелымъ наказаніемъ служитъ полное исключеніе; этого страшно боятся не только дѣти, но и родители, и такіе случаи крайне рѣдки. Дѣйствительно, исключеніе изъ школы почти равняется совершенной гибели: правила о переходѣ изъ одной школы въ другую чрезвычайно строги, и ученика, выключеннаго за дурное поведеніе, только въ очень рѣдкихъ случаяхъ примутъ въ другой школѣ.

Въ школѣ, какъ мы уже упомянули, не могутъ учиться калѣки, слабоумные, глухонѣмые, зобастые, т.-е. съ большими зобами или наростомъ на передней части шеи, и наконецъ, кретины. Такихъ несчастныхъ много въ глубокихъ Альпійскихъ долинахъ и между сельскимъ населеніемъ внутреннихъ кантоновъ. Чаще всего они встрѣчаются въ долинѣ Роны. Страшно тяжелое впечатлѣніе производитъ кретинъ: крошечное туловище, съ огромнымъ, выпятившимся зобомъ (кретины бываютъ также и безъ зоба), сидитъ на короткихъ, большею частью совсѣмъ кривыхъ ногахъ. Голова маленькая, неуклюже-сдавленная, лицо безобразно-идіотское, съ огромными челюстями. Если вы подойдете къ нему, онъ засуетится, безъ всякой надобности начнетъ бросаться изъ стороны въ сторону, поражаетъ васъ какимъ-то дикимъ кривляньемъ, при этомъ безъ смысла смѣется, болтаетъ своими длинными, какъ плети, руками, шамкаетъ, мычитъ. Но вотъ онъ вдругъ издаетъ звукъ, похожій скорѣе на ревъ осла, чѣмъ на голосъ человѣка, и вы въ недоумѣніи, кто передъ вами,—человѣкъ, или животное. Обыкновенно уже въ дѣтствѣ, по устройству организма, можно замѣтить, будетъ ребенокъ кретиномъ, или нѣтъ, но кретинизмъ можетъ развиться и нѣсколько позже. Причина такого несчастія, въ большинствѣ случаевъ, сырая и удушливая атмосфера глубокихъ долинъ, мало освѣщаемыхъ теплыми солнечными лучами, недостатокъ присмотра въ дѣтствѣ, отчужденность отъ людского общества и т. д. Немало ослабляетъ организмъ кретина вода съ ледниковъ, которую многимъ приходится пить. Но если кому-нибудь изъ этихъ несчастныхъ посчастливится въ раннемъ дѣтствѣ попасть къ хорошему, любящему человѣку, который будетъ объ немъ заботиться, хорошо питать его и мало-по-малу станетъ пріучать его къ работѣ и учить, идіотство кретина проявится въ гораздо меньшей степени. Если не достигали того, чтобы развить у кретина быстрое соображеніе, то все-таки удавалось научить ихъ кой-чему; что же касается полевыхъ и домашнихъ работъ, имъ обыкновенно выучиваются всѣ кретины, если только ихъ учатъ этому съ дѣтства. Особенно много сдѣлалъ для этихъ несчастныхъ одинъ педагогъ Гугенбюль. Онъ устроилъ близъ Интерлакена цѣлое заведеніе для лѣченія идіотовъ, слабоумныхъ и кретиновъ и доказалъ всему свѣту, что въ каждомъ ребенкѣ можно усовершенствовать его умственную и физическую сторону, если только воспитывать его съ любовью и усердіемъ; это-же подтверждается и другими фактами. Когда въ какую-нибудь несчастную мѣстность, наиболѣе призводящую кретиновъ и полукретиновъ, начинали болѣе проникать образованіе, гражданская и религіозная свобода, развивалось хлѣбопашество,—число несчастныхъ уменьшалось.

Несмотря, однако, на суровую природу, которая тормозитъ народное образованіе, и множество кретиновъ и полу-кретиновъ, которыхъ не принимаютъ въ сельскія школы, по среднему уровню образованія, по политическому и экономическому положенію своихъ гражданъ и по тѣмъ широкимъ правамъ и самостоятельности, которыя они пріобрѣли, швейцарцы могутъ безспорно считаться самою передовою націею въ Европѣ.

ФРАНЦІЯ.

ПАРИЖЪ.

Всесвѣтное стремленіе въ Парижъ и причины этого явленія.—Значеніе Парижа для Франціи.—Французскій языкъ и его значеніе.

«Парижъ—это вся Франція; нѣтъ, больше,—это весь свѣтъ!»—говоритъ не только французъ, но и иностранецъ. Это совершенно справедливо: Парижъ имѣетъ всесвѣтное значеніе, и вліяніе его, такъ же, какъ и всей Франціи, началось уже очень давно. Еще въ XI, XII и XIII вѣкахъ Франція получаетъ большую историческую извѣстность, и французскій языкъ въ это время былъ очень распространенъ, французскіе романы вездѣ читались, рыцари стекались во Францію на турниры. Парижъ не только въ средніе вѣка былъ средоточіемъ наукъ и искусствъ, но съ теченіемъ времени его значеніе все увеличивалось. Въ прошломъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго всѣ, искавшіе образованія, утонченнаго вкуса, изящныхъ манеръ, стремились въ Парижъ. Наконецъ, Парижъ—средоточіе самыхъ разнообразныхъ наслажденій, гдѣ богачи всего свѣта оставляютъ громадныя состоянія. Удѣлъ иностранцевъ, посѣщающихъ эту блестящую французскую столицу,—разоряться и обогащать Парижъ. Даже простыхъ рабочихъ другихъ западно-европейскихъ странъ непреодолимо тянетъ къ себѣ этотъ замѣчательный городъ: швейцарцы, итальянцы, испанцы, бельгійцы тысячами отправляются въ Парижъ,—одни изъ нихъ, чтобы усовершенствоваться въ своемъ ремеслѣ, другіе, чтобы поискать заработка. Большая часть этихъ рабочихъ остается здѣсь очень долго, а то и навсегда, такъ какъ нравы французовъ и весь строй ихъ жизни приходятся по душѣ людямъ всѣхъ національностей. Парижъ легко и быстро становится для иностранцевъ новымъ отечествомъ. Между тѣмъ французъ, особенно настоящій парижанинъ, очень рѣдко, безъ крайней необходимости, долго загостится въ чужой странѣ: годы оставаться на чужбинѣ, разлучиться надолго съ Парижемъ, столь дорогимъ для его сердца, столь необходимымъ для всѣхъ его привычекъ, для него просто немыслимо. Что же касается насъ, русскихъ, то у насъ, почти до самаго послѣдняго времени, какъ въ среднемъ, такъ и въ высшемъ классѣ общества, существовало мнѣніе, что для порядочнаго человѣка внѣ Парижа нѣтъ спасенія. Богатаго и знатнаго манилъ къ себѣ Парижъ своими театрами, маскарадами, балами, которые устраиваютъ тамъ съ такимъ разнообразіемъ и неслыханнымъ блескомъ миловидныя парижанки, всегда умѣющія сдѣлать обворожительнымъ свое общество. Знатную, богатую русскую женщину

влекло туда то же, что и мужчинъ: роскошь, развлеченія, блестящіе парижскіе магазины. Въ нихъ уже давно было сгруппировано все, что могло вскружить голову женщинѣ, всѣ мысли которой были исключительно направлены только къ тому, чтобы *казаться* красивѣе, моложе, эффектнѣе, наряднѣе другихъ. А въ Парижѣ и была устроена вся жизнь именно такъ, чтобы исправлять и полировать человѣка прежде всего съ его внѣшней стороны. Здѣсь M-eur Paul дѣлаетъ такую классическую прическу и при этомъ такъ мило, такъ любезно говоритъ прелестныя вещи; тамъ M-me Жанета дѣлаетъ... о Боже, какія шляпы! Ленты, цвѣты, перья, тюль... все это какъ бы въ хаотическомъ безпорядкѣ размѣщено съ такимъ вкусомъ и изяществомъ, что сразу придаетъ нашей нѣсколько тяжеловѣсной и отъѣвшейся соотечественницѣ королевскій видъ. Башмакъ, этотъ замѣчательный парижскій башмачекъ, получившій просто историческую извѣстность, такъ ловко обхватываетъ ея ногу, что всѣ ея движенія сразу получаютъ болѣе легкости и непринужденности. А ловкій корсетъ, искусственные цвѣты, тонкая эластическая перчатка, до сихъ поръ распространенная по всему свѣту,—она способна скрыть недостатки рукъ и придать имъ привлекательный видъ... А эти bijouteries (драгоцѣнныя вещи), выставленныя въ окнахъ ювелировъ! Ихъ волшебный блескъ и игра цвѣтовъ такъ приковываютъ глаза и сердце прекраснаго пола, что на покупку ихъ часто разорялись здѣсь въ пухъ и прахъ. Люди, обиженные природою или утратившіе первую свѣжесть молодости, стремились сюда исправить свои недостатки: здѣсь съ такимъ искусствомъ вставляютъ зубы, потерявшимъ волосы дѣлаютъ накладки и парики; мѣняютъ рыжій цвѣтъ волосъ на прекрасный пепельный, каштановый или черный; здѣсь такія прекрасныя бѣлила и румяна, и такъ основательно учатъ ихъ употреблять, мази, которыя разглаживаютъ морщины, вода, придающая такую свѣжесть лицу. Материнское сердце тоже найдетъ здѣсь себѣ обильную пищу. Что за игрушки! Канарейки, на незамѣтныхъ для глаза пружинкахъ, свободно, какъ настоящія, перепархиваютъ съ вѣтки на вѣтку, распѣваютъ голосистыя пѣсни, заливаются, такъ натурально расправляютъ свои крылышки и носикомъ перебираютъ перышки, что легко могутъ обмануть самаго зоркаго наблюдателя. Спеленатыя куклы, въ натуральный ростъ новорожденнаго ребенка, такъ жалобно плачутъ. Другія вскакиваютъ, протягиваютъ ручки, зовутъ маму и папу, говорятъ цѣлыя фразы... А вотъ и огромнаго роста кукла-щеголиха; на ней все по послѣдней картинкѣ журнала: бархатъ, шелкъ, кружева, брильянты, жемчугъ,—все это, хотя и поддѣльное, но тѣмъ не менѣе сдѣлано съ большимъ вкусомъ. И до настоящаго времени Парижъ—законодатель модъ, тонкаго, изящнаго вкуса.

Гастрономы во всякое время года могутъ удовлетворить здѣсь самымъ избалованнымъ, прихотливымъ требованіямъ: тутъ зимою и лѣтомъ, осенью и весною всегда можно найти нѣжные южные плоды, свѣжую зелень, омары, дичь, рыбу. Все это съ необыкновеннымъ изяществомъ убрано и выставлено за окнами блестящихъ магазиновъ и подается вамъ прекрасно сервированное на фаянсѣ и серебрѣ. А шумъ, блескъ, оживленіе кипучей, веселой уличной жизни! Да это одно можетъ привлечь и увлечь самую флегматичную, суровую натуру.

До сихъ поръ, однако, мы все говорили о людяхъ, которыхъ Парижъ очаровываетъ своимъ мишурнымъ блескомъ и которые пріѣзжаютъ сюда съ пустыми, эгоистическими и мелкими цѣлями, но далеко не однихъ этихъ людей заманиваетъ французская столица. Огромныя библіотеки съ сотнями тысячъ книгъ и со множествомъ цѣнныхъ, рѣдкихъ рукописей, ботаническій садъ, уже давно пользующійся заслуженной извѣстностью, политическая жизнь, борьба партій, живой, мыслящій фран-

цузскій рабочій, умно и смѣло ставящій разные современные вопросы для улучшенія жизни своихъ собратій,—все это уже издавна привлекало въ Парижъ ученыхъ, литераторовъ, поэтовъ, художниковъ всѣхъ странъ. Политическіе перевороты, при которыхъ старались добиться свободы, заставляли энтузіастовъ бросать все и ѣхать сюда, въ эту бурную столицу, пожить общею жизнью, а если нужно,—драться на баррикадахъ въ томъ убѣжденіи, что они дерутся не за свободу одной Франціи, а за освобожденіе всѣхъ угнетенныхъ. Вотъ что сказалъ о призваніи Парижа Викторъ Гюго, великій французскій писатель: «Распространять идеи», говоритъ онъ, «неутомимо разсѣевать истины по свѣту—призваніе Парижа, его обязанность, и онъ свято выполняетъ свое назначеніе. Парижъ—это сѣятель! Все, что вспыхиваетъ въ умахъ людей здѣсь и тамъ,—все это дѣло Парижа. Горячее пламя прогресса зажжено имъ, и онъ безостановочно его поддерживаетъ. Какъ горючій матеріалъ, онъ бросаетъ туда суевѣріе, фанатизмъ, ненависть, глупость, предразсудки. Парижъ—это центръ человѣческой жизни, и въ немъ сосредоточивается нервная жизнь всей земли. Если онъ вздрагиваетъ,—вздрагиваетъ весь міръ»... Въ этихъ словахъ много правды. Было бы слишкомъ односторонне думать, что Парижъ даетъ міру только прелестные французскіе цвѣты, миніатюрный башмачекъ, чародѣйски мѣняетъ цвѣтъ волосъ и даже самую физіономію щеголихи,—онъ, дѣйствительно, въ значительной степени направляетъ настроеніе умовъ, распространяетъ знаніе, идеи. Каждая перемѣна въ его жизни волновала и теперь еще сильно волнуетъ умы всей Европы, тогда какъ настроеніе Лиссабона, Мадрида, даже Рима и Вѣны далеко не имѣютъ такого значенія.

Но еще большее значеніе французская столица имѣетъ для своихъ согражданъ. Это будетъ совершенно понятно, когда мы вспомнимъ, что Парижъ въ иномъ смыслѣ столица Франціи, чѣмъ другія столицы: Парижъ—вся Франція. Со времени революціи 1789 года Парижъ имѣлъ рѣшающій голосъ во всѣхъ политическихъ перемѣнахъ, которыя предпринимала Франція. Произвести перемѣну существующаго правительства возможно только въ Парижѣ; Парижъ захочетъ,—и Франція завтра же будетъ имѣть новое правительство. То же самое относительно науки, искусства, промышленности. Ни одинъ талантъ не можетъ развиться или получить значеніе внѣ Парижа: только въ одномъ Парижѣ можетъ усовершенствоваться и вполнѣ изучить свое искусство французскій художникъ, только въ столицѣ ремесленникъ можетъ основательно ознакомиться съ своимъ ремесломъ; только здѣсь французъ и можетъ добиться почестей, славы, богатства. Столица влечетъ къ себѣ не только геніальнаго французскаго мыслителя, но и геніальнаго мошенника и преступника, бѣжавшаго съ галеръ,—и для нихъ она открываетъ огромное поле дѣятельности. Французскіе города въ 100 и 200 тысячъ жителей не имѣютъ никакого значенія передъ Парижемъ. Въ нихъ имѣетъ вѣсъ только то, что получило парижскій штемпель. Однимъ словомъ, французы, еще болѣе чѣмъ иностранцы, стремятся въ Парижъ учиться, заниматься литературой и политикой, богатѣть, жить въ водоворотѣ кипучей политической жизни, гулять по ея необыкновенно оживленнымъ улицамъ, кутить, развлекаться, запасаться новыми изящными костюмами, предаваться различнымъ удовольствіямъ, видѣть блескъ, учиться обворожительнымъ манерамъ парижанъ, ихъ умѣнью жить и устраивать всевозможныя житейскія мелочи съ необыкновеннымъ вкусомъ и изяществомъ.

Вслѣдствіе всесвѣтнаго стремленія въ Парижъ, вслѣдствіе богатой французской литературы и ея громаднаго вліянія на умы, вслѣдствіе великихъ изслѣдованій по различнымъ отраслямъ наукъ, языкъ французскій, особенно съ половины XVIII сто-

лѣтія, дѣлается общеупотребительнымъ въ Европѣ. Наше дворянство вплоть до 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія тратило гораздо больше денегъ и времени на изученіе французскаго языка, чѣмъ своего родного. Хотя Парижъ для Европы и утратилъ за послѣднее время свою обаятельную силу и она уже перестала вѣрить въ то, что внѣ Парижа нѣтъ спасенія, тѣмъ не менѣе французскій языкъ и до сихъ поръ имѣетъ огромное значеніе, и, зная его, можно объѣхать весь свѣтъ.

Легкость, живость, ясность, опредѣленность, яркость, остроуміе народа, его грація и утонченность, его способность быстро схватывать все внѣшнее отражаются и на его языкѣ. Въ самыхъ разнообразныхъ, ясныхъ, округленныхъ и эффектныхъ выраженіяхъ легко и даже красиво можно выразить на этомъ языкѣ рѣшительно все видѣнное и продуманное. Кромѣ того, построеніе языка строго-правильно, а звуки гармоничны и мягки. Къ тому же языкъ этотъ отъ постояннаго употребленія все болѣе шлифуется. Однако, несмотря на легкость и благозвучность французскаго языка, не трудно замѣтить каждому, основательно его изучившему, и его главный недостатокъ, который состоитъ въ томъ, что на немъ лишь съ трудомъ можно выразить глубокую мысль, а также сложныя, смутныя движенія души. Этотъ недостатокъ прямо вытекаетъ изъ натуры живого, увлекающагося, чрезвычайно талантливаго, но нѣсколько поверхностнаго французскаго народа. Зато научные трактаты французовъ, требующіе наибольшей точности, ясности и опредѣленности выраженій—верхъ совершенства.

ВНѢШНІЙ ВИДЪ ПАРИЖА.

Улицы, постройки, магазины, аллеи и бульвары.—Блескъ и оживленіе столицы.—Реклама.—Балы и веселость парижанъ.—Уличная жизнь.—Ораторство уличныхъ торговцевъ.—Парижское благерство.

Самое замѣчательное и оригинальное въ Парижѣ—его улицы съ ихъ жизнью и движеніемъ. «Это огромная всемірная выставка», сказалъ одинъ писатель, «театръ и салонъ въ одно и то же время, блестящій и пестрый до того, что каждый rez de chaussée представляетъ декорацію». Роскошь и сказочное великолѣпіе болѣе всего бросаются въ глаза вечеромъ, когда зажигаютъ тысячи огней, какъ заревомъ освѣщающихъ здѣшніе магазины. Тогда еще болѣе поражаютъ дѣятельная жизнь, шумъ, пестрота и неутомимое движеніе безчисленныхъ фіакровъ и омнибусовъ. Не даромъ французы называютъ ихъ «vers rongeurs»—грызущіе черви. Несмотря на то, что за проѣздъ берется недорого, эти фіакры поглощаютъ громадныя суммы. При блескѣ огней еще чаще попадаются изнуренныя, блѣдныя лица женщинъ, разодѣтыхъ иногда съ замѣчательною роскошью и изяществомъ. Совершенную противоположность съ ними представляютъ уличные мальчики, всегда бодрые, живые: они постоянно острятъ и своими остротами мѣтко и колко задѣваютъ прохожихъ.

Несмотря на то, что Парижъ занимаетъ громадное пространство, онъ съ каждымъ годомъ увеличивается. Сколько сломано было улицъ въ Парижѣ единственно съ тою цѣлью, чтобы сдѣлать ихъ прямѣе и шире! Лѣтъ пятнадцать тому назадъ сломали и выстроили вновь черезъ Сену два огромныхъ каменныхъ моста, что стоило громадныхъ затратъ, только потому, что они не довольно прямо приходились въ линію двумъ вновь открытымъ улицамъ. Эта страсть французовъ къ перестройкамъ и къ украшенію своей столицы много поглотила матеріальныхъ и жизненныхъ силъ народа. Но какъ бы то ни было, Парижъ обстроился на славу, и его, по справе-

дливости, можно считать первымъ и знаменитѣйшимъ городомъ во всѣмъ свѣтѣ, настоящею столицею міра. Въ Европѣ существуетъ множество городовъ, прославившихся своимъ чуднымъ мѣстоположеніемъ, какъ Константинополь, Неаполь, Лиссабонъ; природа не надѣлила французскую столицу особенными красотами, и если она уже издавна производитъ на всѣхъ глубокое впечатлѣніе, то этимъ она обязана исключительно французскому народу.

Улицы Парижа отличаются идеальною чистотой: ихъ поливаютъ не только во время лѣтнихъ жаровъ, но немедленно, какъ только подымается малѣйшая пыль. Поразительная чистота здѣшнихъ улицъ особенно обращаетъ на себя вниманіе и потому, что ихъ приводятъ въ порядокъ не дворники съ метлами, а подметельная машина. Она имѣетъ видъ круглой щетки, которую везетъ по улицѣ кляча, понукаемая съ козелъ возницею. Эта метла очищаетъ улицу отъ нечистотъ: отъ ея прикосновенія летятъ въ сторону бумажки, поломанные гвозди, апельсинныя корки, образуя на мостовой громадные валы мусора, которые подметаетъ въ свою очередь ѣдущая за первой метлой вторая метла и т. д. Тутъ же движется цѣлая армія людей съ крючками и щипцами и собираетъ въ корзины все, что только можно употребить въ дѣло: тряпки, гвозди, бумагу, пуговицы,—все это продается, и сотни людей существуютъ исключительно этимъ. Весь мелкій оставшійся соръ, который не могла захватить метла, смывается водой, стекающей внизъ, въ отверстія у тротуаровъ, затѣмъ всѣ эти нечистоты уносятся подземными каналами въ селенія за 20—30 верстъ отъ столицы.

Уличная жизнь въ Парижѣ, съ ея живой, веселой, остроумной толпой, такъ поражаетъ, такъ привлекаетъ васъ въ первые дни пріѣзда, что вы сами отдаетесь охватывающему васъ веселому настроенію и начинаете также смѣяться со встрѣчными, бѣгать безъ конца по улицамъ и бульварамъ.

Въ каждой европейской столицѣ есть обыкновенно одна или двѣ лучшихъ улицы; въ Парижѣ такъ много замѣчательныхъ бульваровъ, чудныхъ улицъ-аллей, съ прилегающими къ нимъ площадями, садами, монументами и другими достопримѣчательностями, что не знаешь, которой изъ нихъ отдать предпочтеніе. Громадное большинство парижскихъ бульваровъ широки, длинны, красиво обсажены деревьями вдоль тротуаровъ, окаймлены громадами красивыхъ домовъ, фасады которыхъ сверкаютъ блестящими выставками магазиновъ.

Парижскіе бульвары представляютъ поистинѣ величественный видъ. Непрестанно волнующаяся толпа, великолѣпіе блестящихъ магазиновъ съ зеркальными стеклами, постоянное движеніе невообразимой массы блестящихъ экипажей, зданія, похожія на дворцы,—все это поражаетъ своимъ блескомъ, роскошью и очаровываетъ всякаго, въ первый разъ сюда попавшаго. Но, что еще болѣе изумляетъ путешественника, особенно если онъ попалъ въ Парижъ послѣ чиннаго Берлина, это—необыкновенное оживленіе, крики, шумъ, толкотня, пестрота, разнообразіе житейскихъ сценъ. Съ утра до ночи главныя улицы гудятъ невообразимою смѣсью звуковъ: извозчики то и дѣло оглашаютъ воздухъ хлопаньемъ своихъ длинныхъ бичей, рожки кондукторовъ каждую минуту со всѣхъ сторонъ оповѣщаютъ о приходѣ омнибусовъ; отъ крика безчисленной арміи разносчиковъ, рекламёровъ, газетчиковъ, торговцевъ, уличныхъ продавцовъ просто стонъ стоитъ въ главныхъ улицахъ. Этотъ шумъ и гамъ уличнаго люда сливается съ непрерывнымъ грохотомъ по мостовой тысячи экипажей, съ говоромъ, хохотомъ и остротами пѣшеходной толпы. Въ первую минуту кажется, что парижане ничего не дѣлаютъ, а только прогуливаются по улицамъ. Но улица здѣсь не только мѣсто прогулки, а гостиная, пріемная, квартира. Чистота,

опрятность и отсутствіе пыли въ улицахъ привлекаетъ каждаго прогуляться хотя вечеромъ, когда всѣ дѣла покончены. Но многіе парижане проводятъ здѣсь цѣлые дни: парижская улица такъ приспособлена, что на ней съ большимъ удобствомъ можно жить и дѣловою жизнью, вести дѣловые разговоры, назначать свиданія, встрѣчи, читать газеты, заключать торговыя сдѣлки, мѣняться новостями, спорить о политикѣ. Понадобится написать дѣловую бумагу,—можно зайти въ кафэ или ресторанъ. Также приноровлена улица и къ другимъ человѣческимъ потребностямъ: тутъ на каждомъ перекресткѣ вамъ вычистятъ сапоги и платье, въ особыхъ кабинетахъ вы можете сдѣлать даже весь туалетъ; захотите поѣсть или закусить, выпить прохладительное или только парное молоко, на всякую человѣческую потребность, на всякій карманъ, на всякій вкусъ найдете и особое заведеніе: кафэ, ресторанъ, пивную, молочную. Въ часы завтрака, обѣда, а также и вечеромъ на тротуарахъ бульваровъ, около столиковъ передъ ресторанами располагается почти сплошной стѣной несчетная толпа, прохлаждаясь мороженымъ, грогомъ, лимонадомъ. Любовь парижанъ къ улицѣ отчасти происходитъ отъ скученности и тѣсноты, въ которой они живутъ. Парижскіе дома переполнены жильцами до послѣдней крайности, и хотя, конечно, здѣсь немало огромныхъ квартиръ, съ большими высокими комнатами, но онѣ очень дороги, и ихъ занимаютъ люди знатные и весьма зажиточные, люди же средняго достатка, а тѣмъ болѣе бѣдняки живутъ здѣсь чрезвычайно тѣсно. Понятно, что дома, въ тѣсной семейной обстановкѣ, принимать гостей и неудобно, и стѣснительно, и потому каждый парижанинъ старается приглашать знакомыхъ на улицу или въ кафэ, чтобы поболтать, поиграть въ карты, домино и шахматы, поспорить о политикѣ. Парижанка средняго круга, имѣющая дѣтей при себѣ (такихъ не особенно много, такъ какъ большая часть матерей стараются размѣстить дѣтей своихъ по разнымъ рукамъ: грудного отдаютъ въ деревню къ кормилицѣ на прокормленіе, мальчика уже съ 10-ти лѣтъ пристраиваютъ въ какое-нибудь заведеніе интерномъ, дѣвочку помѣщаютъ на обученіе къ «сёстрамъ», и она живетъ въ монастырѣ), волей-неволей должна днемъ быть дома, но вечеромъ она бѣжитъ на улицу; парижанинъ же, если онъ не чиновникъ, цѣлый день проводитъ внѣ дома: это облегчается также и тѣмъ, что обѣды и закуски въ ресторанахъ можно найти на всякій карманъ, и они обходятся не дороже домашней стряпни.

Также блистательно, также удобно устроены и парижскіе магазины; нѣкоторые изъ нихъ—«Magasin du Louvre», «Bon Marché» «Printemps» и др. разрослись до исполинскихъ размѣровъ. Безъ провожатаго трудно обойти всѣ залы и галлереи этихъ магазиновъ-базаровъ, — непремѣнно заблудишься. Море самыхъ разнообразныхъ товаровъ заливаетъ своими волнами всѣ этажи этихъ магазиновъ. Тысячи приказчиковъ едва успѣваютъ удовлетворять требованіямъ публики; у кассъ золото льется рѣкой. Торговля въ этихъ магазинахъ происходитъ не только внутри ихъ безконечнаго числа залъ и галлерей, но еще и снаружи, на тротуарахъ, гдѣ на столахъ и лавкахъ навалены груды всякаго товара, залежавшагося и вышедшаго изъ моды, а слѣдовательно продающагося и по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ въ самомъ магазинѣ: тутъ уже настоящій толкучій рынокъ. Если изъ магазина выйти на бульваръ, онъ ослѣпляетъ васъ, особенно вечеромъ, когда все блеститъ въ яркомъ свѣтѣ огней; тогда эти бульвары болѣе всего походятъ на роскошныя, богато освѣщенныя, безконечной величины гостиныя на воздухѣ. Они окаймлены широкими асфальтовыми тротуарами. Деревья, растущія по сторонамъ этихъ бульваровъ, доставляютъ много заботъ властямъ. Засохнувшія деревья съ большими издержками замѣняются свѣжими и, что всего замѣчательнѣе, почти также разросшимися. Одинъ изъ бле-

стящихъ бульваровъ—Итальянскій; это rendez-vous парижскаго «beau monde»: здѣсь прогуливаются до полуночи или сидятъ на стульяхъ. Куда бы здѣсь ни упалъ вашъ взоръ, онъ всюду встрѣчаетъ изящное, красивое, увлекательное. Надписи, обозначающія названія улицъ, сдѣланы съ необыкновеннымъ вкусомъ; ящики для писемъ, и тѣ имѣютъ красивую форму; каждый предметъ, всякая бездѣлица говорятъ вамъ о находчивости, о врожденномъ чувствѣ изящнаго у этого народа. А если при этомъ еще цвѣтутъ посаженныя по обѣимъ сторонамъ деревья, то при безоблачномъ небѣ у васъ передъ глазами открывается такая прелестная понорама, какую трудно представить себѣ даже въ грезахъ.

Однако, устроители Парижа думали не только объ изяществѣ, но и о пользѣ. Множество «пассажей» съ стеклянными кровлями и знаменитый парижскій рынокъ даютъ возможность во всякую погоду торговать безпрепятственно. А эти «колонны», разставленныя по главнымъ улицамъ, эти «кабинеты за 3 су» по всѣмъ концамъ города говорятъ вамъ о людяхъ, уже давно отбросившихъ ложную стыдливость и имѣющихъ въ виду прежде всего потребность и пользу жителей. Изящные скульптурные фонтаны утоляютъ прохожаго въ знойный день; множество кіосковъ для продажи газетъ и телеграммъ даютъ возможность прохожему каждую минуту знать, что происходитъ во всѣхъ уголкахъ міра. Столько же для пользы, какъ и для удовлетворенія любознательности, служатъ громадные ботаническіе и зоологическіе сады, парки, колоссальная система водопроводовъ.

Парижскіе дома—громады въ 6, 7 этажей, да иначе и быть не можетъ, такъ какъ они должны вмѣстить болѣе чѣмъ двухмилліонное населеніе. Стѣнъ домовъ не видать: онѣ сплошь покрыты вывѣсками, часто даже художественными. Нижній этажъ въ большинствѣ случаевъ занятъ блестящими магазинами и кофейнями, сіяющими золотомъ и зеркалами, но первѣйшіе богачи и высшая аристократія въ большинствѣ случаевъ не живутъ здѣсь: они стараются подальше отъ центра города построить себѣ отдѣльный домъ, или, какъ здѣсь называютъ, отель, гдѣ они могли бы жить только съ своей семьей, не отдавая въ наемъ ни одного этажа. Эти отели находятся обыкновенно на окраинахъ города, всегда чрезвычайно граціозны и необыкновенно изящны снаружи.

За ослѣпительною роскошью и кокетливымъ изяществомъ кафэ и магазиновъ, за оживленною уличною жизнью совсѣмъ не всматриваешься въ характеръ парижскихъ построекъ. Между тѣмъ громадное большинство вновь отстроенныхъ зданій отличается бѣдностью архитектуры: на стѣнахъ не видно никакихъ украшеній, характеръ построекъ однообразно-казарменный, или, лучше сказать, чисто коммерческій, разсчитанный на возможно большіе доходы. Да и какъ разсмотрѣть постройки, когда свободныя стѣны сплошь обклеены массою объявленій и рекламъ. Все расхвалено въ нихъ сказочнымъ образомъ, и самые ничтожные предметы представлены необходимѣйшими для жизни. Реклама преслѣдуетъ васъ здѣсь всюду, заставляя, помимо вашего желанія, обращать на себя вниманіе; она вамъ напоминаетъ о себѣ и дома при чтеніи газетъ, въ театрѣ, на пароходѣ, даже въ самыхъ отдаленныхъ кварталахъ днемъ и ночью. Большинство рекламъ съ рисунками, нерѣдко очень оригинальными, иногда смѣшными, часто глупыми до безобразія, но все равно, тутъ цѣль одна—броситься въ глаза, обратить на себя вниманіе. Иная реклама представляетъ рисунокъ въ цѣлую сажень, размалевана яркими красками; кругомъ нѣсколько сотенъ такихъ же рисунковъ, но въ уменьшенномъ видѣ. Вотъ огромная картина, изображающая молодого человѣка въ натуральную величину; онъ элегантно раскланивается и въ то же время держитъ въ ру-

кахъ ленту, на которой написанъ адресъ магазина и обращеніе къ публикѣ: «когда вещь перестала нравиться, — отдаютъ деньги». Между всѣми этими объявленіями, разрисованными необыкновенно броско различными цвѣтами, болѣе всего афишъ, которыя возвѣщаютъ о балахъ и маскарадахъ, ежедневно происходящихъ не только въ садахъ и обширныхъ зданіяхъ на главныхъ улицахъ, но рѣшительно вездѣ, даже въ самыхъ темныхъ переулкахъ Парижа. Такихъ баловъ каждый день бываетъ болѣе ста, такъ что каждый классъ общества можетъ найти подходящую для себя публику, однимъ словомъ—балы для всѣхъ: для студентовъ, для офицеровъ, для работниковъ, для солдатъ, — и всѣ они каждый вечеръ биткомъ набиты народомъ. Однако, мало можно сказать хорошаго о большинствѣ этихъ увеселеній: въ нихъ живой французскій народъ, несмотря на отсутствіе пьяныхъ, доходитъ до излишества, но это излишество обнаруживается не въ увлеченіи танцами, какъ это мы видимъ у испанцевъ, а въ буйныхъ, непристойныхъ, даже грязныхъ порывахъ, выходкахъ и тѣлодвиженіяхъ. Рядомъ съ набѣленной, нарумяненной женщиной, давно потерявшей стыдъ и совѣсть, робко, боязливо входитъ сюда въ первый разъ молодая дѣвушка, едва вышедшая изъ дѣтскихъ лѣтъ; ее заманило сюда естественное желаніе повеселиться: но здѣсь веселье безстыдное, и участвовать въ немъ нельзя, не утративъ сердечной чистоты. На этихъ балахъ обыкновенно присутствуютъ полицейскіе сержанты, и главная ихъ обязанность—останавливать безстыдныя движенія танцующихъ. «Безъ этихъ предосторожностей», говоритъ одинъ писатель, «безъ этой полицейской грозы—все смѣшались бы въ такой грязной и возмутительной оргіи, что при ней краска стыда бросилась бы въ лицо самому развратному римлянину временъ имперіи». Всѣ классы парижскаго общества охвачены страстью къ этимъ шумнымъ, бѣшенымъ, вечернимъ развлеченіямъ, къ этой неистовой, дикой пляскѣ. Чѣмъ позднѣе, тѣмъ бѣшенѣе дѣлается неистовство, и все заканчивается оргіею, которую не могутъ уже остановить сержанты.

Въ уличной жизни Парижа болѣе всего поражаютъ иностранца въ первые дни невообразимо-страшный шумъ и движеніе, которые начинаются отъ дневного разсвѣта и кончаются за полночь. Каждый торговецъ выкрикиваетъ свой товаръ и старается виднѣе выставить произведенія своей промышленности. Блескъ магазиновъ и умѣнье съ необыкновеннымъ вкусомъ расположить свой товаръ — отличительная черта парижанъ, которой стараются подражать всѣ европейскіе торговцы.

Въ отдаленныхъ частяхъ столицы можно видѣть продавцовъ всевозможныхъ товаровъ, докторовъ-шарлатановъ и т. п. Они одѣты въ фантастическіе костюмы, въ каскахъ съ перьями; стоя въ высокой телѣжкѣ, они ораторствуютъ, страшно жестикулируя и поворачиваясь во всѣ стороны къ окружающей ихъ публикѣ: сзади такого оратора слуга въ фантастической ливреѣ играетъ на шарманкѣ или бьетъ въ барабанъ. Какое краснорѣчіе употребляетъ каждый изъ нихъ, чтобы восхвалить ту вещь, которую онъ продаетъ! Онъ разсказываетъ ея прошлую и настоящую исторію, объясняетъ ея устройство и примѣненіе, показываетъ ее со всѣхъ сторонъ, язвительно надсмѣхается надъ большими магазинами, которые продаютъ все втридорога. «Даромъ!» кричитъ онъ съ такимъ ожесточеніемъ, что къ толпѣ слушателей, обступающей его, присоединяется все больше и больше народу. «Даромъ!» продолжаетъ онъ: «двадцать сантимовъ—развѣ это не даромъ? пять су — развѣ это не даромъ? Наконецъ, я не беру за вещь даже и пяти су и отдаю ее безъ денегъ, только докажите мнѣ, что гдѣ-нибудь въ магазинѣ можно имѣть такую вещь за двадцать сантимовъ». Дальше, съ такимъ же паѳосомъ, уличный художникъ предлагаетъ прохожимъ снять въ пять минутъ за три су портретъ, сходный, какъ двѣ капли воды.

Изъ толпы выдвигается рабочій въ синей блузѣ, и художникъ ставитъ его, вооружается ножницами и клочкомъ черной бумаги, и въ пять минутъ готовъ портретъ, столько же похожій на оригиналъ, сколько и на всякаго другого рабочаго въ блузѣ. Художникъ накладываетъ снимокъ на листокъ бѣлой бумаги, начинаетъ размахивать имъ передъ толпой: «Взгляните, господа и госпожи, на поразительное сходство!» ораторствуетъ онъ. «Вотъ подлинникъ, вотъ портретъ! Призываю всѣхъ въ свидѣтели невѣроятнаго сходства, быстроты работы и неслыханной дешевизны. Три су— черный портретъ, шесть—бѣлый». И черезъ каждыя пять словъ: «Три су портретъ поразительнаго сходства».

Эта болтовня, которая такъ мѣтко охарактеризована словомъ blague, порой изящная, остроумная и всегда игривая, въ характерѣ этого народа, и вы ее встрѣтите здѣсь всюду: въ печати, на каѳедрѣ, въ модныхъ магазинахъ, въ мастерскихъ художника. Никто, кромѣ французовъ, не имѣетъ такихъ громкихъ и пышныхъ названій для предметовъ самыхъ обыкновенныхъ. Каждая карта парижскаго ресторана, каждое объявленіе, уличный разговоръ, все это не болѣе, какъ blague (благерство).

МАГАЗИНЪ „ДЕШЕВАЯ ПРОДАЖА“ (Bon Marché).

Чудеса базара: читальня, буфетъ, залъ для выбора цвѣтныхъ матерій, кухни, спальни, подвальный этажъ.—Положеніе служащихъ.

Для того, чтобы составить себѣ понятіе о колоссальныхъ магазинахъ или, лучше сказать, модныхъ базарахъ Парижа, познакомимся съ наиболѣе блестящимъ изъ нихъ, а именно съ «Bon Marché» (дешевая продажа). Онъ такъ громаденъ, что вмѣстѣ со службами, конюшнями и всевозможными пристройками занимаетъ болѣе десятины земли. Трудно себѣ представить, какое множество въ этомъ магазинѣ-базарѣ самыхъ разнообразныхъ залъ, корридоровъ, галлерей, столовыхъ, спаленъ! Остановимся лишь на очень немногихъ изъ нихъ.

Вотъ *центральный залъ*—нѣчто въ родѣ колоссальнѣйшаго театра; кругомъ него—галлереи въ нѣсколько этажей; въ каждой изъ нихъ по нѣскольку выходовъ въ другіе громадные, высокіе залы, тоже окруженные галлереями въ нѣсколько этажей, украшенные массою роскошнѣйшихъ зеркалъ. Во всѣхъ этихъ залахъ и галлереяхъ—выставка всевозможныхъ предметовъ: матерій, готовыхъ нарядовъ для мужчинъ, женщинъ, дѣтей, бѣлья, самой разнообразной мебели, посуда, ковры, шляпы, игрушки, всевозможныя бездѣлушки, однимъ словомъ—все, что необходимо каждому для будничной жизни и для удовлетворенія тщеславія.

Среди безконечныхъ амфиладъ этихъ апартаментовъ обращаетъ на себя вниманіе *читальня*. Это—продолговатая комната, между двумя рядами колоннъ; верхняя часть ея стѣнъ и потолокъ образуютъ изящный сводъ, разукрашенный позолотой, скульптурой и живописью. Стѣны, сверху до низу, увѣшаны картинами; здѣсь и тамъ на тумбочкахъ, столикахъ, подставкахъ разставлены бюсты, большія и маленькія фигуры.

Bon Marché предлагаетъ художникамъ и скульпторамъ выставлять въ ея читальнѣ свои произведенія для продажи. Магазину это очень выгодно: онъ даромъ украшаетъ стѣны своей библіотеки, что еще болѣе привлекаетъ къ нему посѣтителей, и художники скорѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, сбываютъ здѣсь свои произведенія, такъ какъ едва-ли найдется въ Парижѣ другой пунктъ болѣе посѣщаемый,

чѣмъ «Bon Marché». Громадный столъ читальни тянется во всю длину комнаты; онъ заваленъ газетами, журналами, книгами. Проходя мимо базара, каждый можетъ завернуть въ его читальню, читать безплатно все, что лежитъ на столѣ, писать письма: къ его услугамъ бумага и конверты со штемпелемъ «Bon Marché». Опять реклама: рѣдкій посѣтитель, просидѣвъ нѣсколько часовъ въ читальнѣ, не пойдетъ прогуляться по интереснымъ заламъ магазина, а тамъ, глядишь, даже самый серьезный человѣкъ соблазнится и купитъ что-нибудь на этомъ базарѣ житейской суеты, гдѣ есть рѣшительно все.

Такой-же приманкой служитъ и *буфетъ*: каждый покупатель можетъ отдохнуть въ немъ, даромъ выпить какой угодно прохладительный напитокъ, а дѣтямъ при этомъ предлагаютъ безплатно еще и пирожное.

А вотъ и залъ, окна котораго цѣлый день завѣшаны темными драпировками, освѣщенный массою электрическихъ лампочекъ и газовыхъ рожковъ: онъ устроенъ для того, чтобы дамы могли выбрать матерію, которая была бы эффектна и вечеромъ. При искусственномъ освѣщеніи нѣкоторые цвѣта выглядятъ совсѣмъ иначе, чѣмъ днемъ: голубой кажется зеленымъ, синій принимаетъ грязноватый или черный оттѣнокъ. Обстановка этого зала даетъ возможность посѣтительницамъ безошибочно выбрать красивый цвѣтъ матеріи, который не потеряетъ своего эффекта ни при газовомъ, ни при электрическомъ освѣщеніи. Уже одна эта комната приманиваетъ въ магазинъ массу покупательницъ, а между тѣмъ все устройство базара таково, что здѣсь всюду на первомъ планѣ стоятъ удобства покупателя, дешевизна и доброкачественность товара. Здѣсь все можно купить несравненно дешевле, чѣмъ у мелкаго торговца или въ магазинѣ средней руки; цѣна товара «Bon Marché» едва превышаетъ сумму издержекъ на производство даннаго предмета у фабриканта, такъ какъ этотъ базаръ не только закупаетъ весь свой товаръ въ громадномъ количествѣ, невозможномъ для другихъ магазиновъ, но масса фабрикъ исключительно работаетъ на него. Для покупателя базаръ этотъ представляетъ и то удобство, что ему не подсовываютъ здѣсь дрянныхъ вещей, не запрашиваютъ за нихъ втридорога: всѣ предметы продаются по опредѣленной цѣнѣ, выставленной на каждой вещи. Покупатель подходитъ, разглядываетъ ее сколько угодно и, если рѣшился купить, говоритъ объ этомъ приказчику, который одинъ стоитъ у каждаго огромнаго отдѣла. Каждую купленную вещь доставляютъ на домъ безплатно.

Всѣ покупки стекаются въ подвальный этажъ, освѣщенный гигантской электрической лампой посреди и множествомъ маленькихъ лампъ по сторонамъ. Изъ стѣнъ этого этажа торчатъ громадные жолоба,—подъ ними разставлены корзины. Изъ жолобовъ летятъ пакеты всевозможныхъ форматовъ и быстро наполняютъ корзины,—ихъ сейчасъ замѣняютъ другими.

Колоссальное дѣло «Bon Marché» (ежегодный оборотъ этого базара превышаетъ 157 милліоновъ франковъ) требуетъ цѣлую армію служащихъ: только для того, чтобы разсылать покупки по домамъ въ ручныхъ телѣжкахъ и отвозить ихъ въ крытыхъ экипажахъ на почту и желѣзную дорогу, при магазинѣ больше 600 человѣкъ, а приказчиковъ и приказчицъ 4.800,—слѣдовательно, всѣхъ служащихъ болѣе 5 тысячъ человѣкъ. Въ свѣтлыхъ, роскошныхъ конюшняхъ «Bon Marché» всегда наготовѣ болѣе полутораста лошадей. Въ этомъ исполинскомъ базарѣ 550 спаленъ для приказчицъ,—онѣ предназначаются для одинокихъ женщинъ. Эти комнаты убраны безъ роскоши, но съ большимъ комфортомъ и отличаются безукоризненной чистотой. У живущихъ въ домѣ есть и общій, прекрасный салонъ съ фортепьяно, а на столахъ разложены всевозможныя игры: шахматы, домино; здѣсь собираются

служащіе послѣ окончанія занятій, чтобы сообща провести вечеръ. Но что особенно удобно для служащихъ, такъ это то, что всѣ они получаютъ пищу даромъ, или, точнѣе сказать, что часть своего заработка они получаютъ натурою.

Кухни «Bon Marché», которыя кормятъ болѣе 5 тысячъ человѣкъ, по своимъ гигантскимъ размѣрамъ, удобствамъ и всевозможнымъ приспособленіямъ представляютъ послѣднее слово кулинарнаго искусства. «Котлы для супа—настоящіе чаны съ крышками; они нагрѣваются горячимъ паромъ, и паръ же, при помощи остроумно устроенныхъ гидравлическихъ прессовъ, ловко поворачиваетъ эти громадныя массы, поднимаетъ и опускаетъ эти чудовищныя крышки: поварамъ, а ихъ двѣ дюжины, остается только надавливать на каучуковую грушу, дѣйствующую воздухомъ. Помѣшиваютъ они кипящую жидкость исполинскими ложками, настоящими черпаками. Вдоль стѣны тянутся какіе-то безконечные чугунные шкафы, отъ которыхъ пышетъ страшнымъ жаромъ,—это спеціальныя печи для жаренья бифштексовъ и котлетъ: въ нѣсколько минутъ онѣ готовятъ 300 порцій. Чтобъ жарить картофель, здѣсь существуютъ особые аппараты, которые за одинъ пріемъ сразу приготовляютъ 37 пудовъ. Существуютъ и печи, гдѣ спеціально варятъ только яйца,—ихъ нужно 10 тысячъ каждый день. Спеціальные аппараты для приготовленія кофе въ полчаса приготовляютъ 24 ведра этого напитка. Вотъ духовыя печи для подогрѣванія тарелокъ... Вотъ машина для рѣзки хлѣба тонкими ломтями»... Невозможно даже перечислить всѣхъ диковинокъ этихъ замѣчательныхъ кухонь. Питаются здѣшніе служащіе въ прекрасно обставленныхъ столовыхъ, чрезвычайно разнообразно и сытно; каждый ѣстъ, сколько хочетъ, превосходное мясо, чудесно приготовленную зелень, за столомъ всегда вино и пиво,—однимъ словомъ обѣдъ въ высшей степени питательный, вкусный и обильный. Другая выгода служащихъ состоитъ въ томъ, что они могутъ постоянно увеличивать свое жалованье преміями: при продажѣ шелковыхъ матерій и дорогихъ вещей касса базара выдаетъ продавцу 2% съ суммы, вырученной имъ отъ продажи, а при продажѣ дешевыхъ предметовъ—5%; затѣмъ, прослужившій въ домѣ 20 лѣтъ получаетъ пенсію въ размѣрѣ жалованья.

Но за блестящимъ внѣшнимъ положеніемъ служащихъ кроется не особенно привлекательная дѣйствительность. Этотъ базаръ принимаетъ на свою службу лишь людей опытныхъ, и ихъ первое жалованье болѣе, чѣмъ умѣренное—400 фр.; оно повышается очень медленно, не иначе, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ, но самъ приказчикъ или приказчица могутъ его увеличить преміями; нѣкоторые, дѣйствительно, удваиваютъ, а есть и такіе, что утраиваютъ свое жалованье. Однако, громадная масса среднихъ продавцовъ увеличиваетъ свое жалованье преміями лишь на одну треть. Между тѣмъ служба въ «Bon Marché» требуетъ отъ каждаго служащаго прекрасной одежды, что поглощаетъ болѣе половины жалованья. Хотя работа продолжается 10 ч. въ день, но нужно помнить, что она происходитъ съ утра до вечера стоя, при громадномъ стеченіи публики, слѣдовательно, требуетъ отъ служащихъ особенной осторожности и вниманія, а такая работа страшно напрягаетъ нервы. Этотъ тяжелый, нервный трудъ отъ времени до времени требуетъ полнаго отдыха, развлеченій, влечетъ ко всевозможнымъ заболѣваніямъ, и въ концѣ концовъ у громаднаго большинства служащихъ ничего не остается отъ жалованья, а пенсіею мало кому приходиться пользоваться, такъ какъ рѣдко кто можетъ прослужить здѣсь въ продолженіе 20 лѣтъ. Вообще гигантскіе магазины-базары въ родѣ «Bon Marché», «Лувра», «Самаритянки», «Прекрасной Садовницы», когда къ нимъ поближе присмотришься, оказываются далеко не благодѣтелями человѣческаго рода, а просто на просто рекламистами, колоссальными спекуляторами и эксплоататорами: они умѣютъ

чрезвычайно умно все утилизировать въ свою пользу, ловко эксплоатируютъ рабочій людъ, подавляютъ и вытѣсняютъ многія отрасли промышленности и совершенно убиваютъ не только мелкіе магазины и мастерскія, но и весьма солидныя фирмы, такъ какъ никто не можетъ вести дѣло въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ, какъ это дѣлаютъ названные базары, и между ними особенно «Bon Marché» и Луврь. Чтобы дешево продавать и такимъ образомъ приманивать къ себѣ громадную массу посѣтителей, имъ приходится страшно эксплоатировать рабочихъ,—возьмемъ въ примѣръ портныхъ и портнихъ верхней одежды. Эти предметы въ «Bon Marché» продаются такъ дешево, какъ это невозможно ни для одной мастерской. Милліоны, которые «Bon Marche» пускаетъ въ оборотъ, даютъ ему возможность пріобрѣтать матеріалъ громадными партіями, а, слѣдовательно, пользоваться огромной скидкой. Кромѣ того, онъ нанимаетъ шить наряды портныхъ и портнихъ въ такое глухое время, когда тѣ сидятъ безъ дѣла и соглашаются работать у него за жалкіе гроши, лишь бы не умереть съ голоду.

«ЧРЕВО ПАРИЖА».

Центральный рынокъ.—Пуассардки.—Воришки.—Продажа объѣдковъ.—Фирма Потэна.—„Жница".—Блестящіе рестораны и положеніе въ нихъ служащихъ.—Кофейни и ихъ значеніе для парижанъ.—Оригинальныя кофейни.

«Чревомъ Парижа» называютъ обыкновенно заведенія и самыя разнообразныя приспособленія, торгующія всѣмъ, что касается питанія этой громадной столицы, болѣе чѣмъ съ 2-хъ-мил. населеніемъ. Самое видное мѣсто между ними принадлежитъ Центральному рынку («Halles centrales», «Halles» или «Alles» отъ глагола «aller», т.-е. идти, потому что каждый идетъ туда). Центральный рынокъ напоминаетъ Кристальный дворецъ въ Лондонѣ. Его строители прежде всего имѣли въ виду здоровье народа и его удобства: чистый воздухъ повсюду, вода и свѣтъ—вотъ что было ихъ первою заботою. Чугунныя колонки, держащія желѣзные своды и цинковую крышу, прорѣзанную обширными массами стекла, служатъ подпорками и въ то же время трубами для пропуска дождевой воды съ крышъ подъ землю. Рынокъ состоитъ изъ множества огромныхъ, стеклянныхъ павильоновъ, которые въ свою очередь не что иное, какъ громадныя зданія. Безчисленное множество фонарей и рожковъ освѣщаютъ вечеромъ эти колоссальные павильоны или, лучше сказать, залы рынка.

Рынокъ состоитъ изъ десяти корпусовъ, расположенъ въ центрѣ Парижа и занимаетъ громадную площадь болѣе 6 десятинъ. Эти корпусы устроены для продажи мяса, птицы, дичи, тонкихъ овощей, рыбы, устрицъ и притомъ такъ, что каждый продуктъ извѣстнаго рода сосредоточенъ въ спеціальномъ корпусѣ; мѣсто же для торговли подъ открытымъ небомъ отведено исключительно для торговли обычными овощами и фруктами. Центральный рынокъ находится подъ двойнымъ надзоромъ: правительства и города, которые имѣютъ здѣсь цѣлую армію своихъ служащихъ: инспекторовъ, сборщиковъ налоговъ съ товаровъ, чиновниковъ, спеціально слѣдящихъ за тѣмъ, чтобы торговцы не обвѣшивали публику. Этотъ двойной надзоръ преслѣдуетъ также и санитарныя требованія, т.-е. чтобы въ рынкѣ наблюдалась безукоризненная чистота и чтобы покупатели получали свѣжіе продукты.

Чистота помѣщенія и посуды, въ которыхъ держатъ провизію, и замѣчательный порядокъ во всемъ доведены здѣсь до возможнаго совершенства. Здѣсь торговецъ не можетъ безнаказанно обмануть покупателя; онъ не можетъ подсунуть ему

MAISON
В. Васнецовъ
Пашевскій

вредную для здоровья, плохую провизію, такъ какъ это ни подъ какимъ видомъ не ускользнетъ отъ зоркаго глаза рыночной администраціи. Для того, чтобы создать этотъ замѣчательный рынокъ въ настоящемъ видѣ, понадобились соображенія умнѣйшихъ людей многихъ царствованій и 50 милліоновъ франковъ.

Между торговцами очень много торговокъ: женщины въ Парижѣ уже издавна торговали въ рынкахъ, и мало-по-малу характеръ этихъ пуассардокъ (les dames de la Halles или les poissardes, какъ ихъ называютъ) пріобрѣтаетъ необыкновенно типичныя черты. Широкая глотка, тяжелая рука, сварливый характеръ, грубыя остроты, мѣткая брань, умѣнье отстоять свои интересы, необыкновенная энергія и самостоятельность характера—вотъ самыя главныя качества этихъ рыночныхъ торговокъ. Ихъ остроты и насмѣшки никогда не давали возможности покопаться въ товарѣ и уйти, ничего не купивъ; не дозволяли онѣ также много съ ними и торговаться: на всякаго такого человѣка сыпался со всѣхъ сторонъ градъ насмѣшекъ, и онѣ умѣли ими пронять самаго равнодушнаго. Уже въ началѣ XVIII столѣтія брали штрафъ съ тѣхъ изъ нихъ, которыя оскорбляли прохожихъ; но запугать пуассардокъ какими бы то ни было мѣрами было трудно. Въ волненіяхъ и переворотахъ столицы онѣ обыкновенно играли видную роль. Въ настоящее время цивилизація Парижа, сравнительно съ прошлымъ, нѣсколько отшлифовала пуассардокъ, но онѣ до сихъ поръ сохраняютъ черты своего основного характера: теперь, какъ и прежде, онѣ смѣлы, крикливы, бойки, остроумны до дерзости.

Когда кончаются представленія въ театрахъ, закрываютъ кофейни, гасятъ огни въ домахъ, однимъ словомъ, когда Парижъ засыпаетъ, просыпается рынокъ: сначала оживляются люди въ одномъ павильонѣ, потомъ въ другомъ, и, наконецъ, съ первыми лучами солнца, подымаются на ноги всѣ обитатели этого особаго мірка. Первыми являются къ рынку огородники. Идетъ ли дождь, воетъ ли осенній вѣтеръ, стоитъ ли сильный морозъ,—они въ извѣстный часъ непремѣнно плетутся сюда въ своихъ телѣженкахъ. Затѣмъ на телѣгахъ, по рельсамъ, везутъ къ рынку говядину. Бьетъ три часа, и движеніе усиливается: главная продольная галлерея, раздѣляющая рынокъ на равныя группы павильоновъ, начинаетъ наполняться плодами, цвѣтами, мхомъ, цвѣтущими или распускающимися вѣтками деревьевъ. Въ эту пору вокругъ рынка расхаживаютъ старшины носильщиковъ и дѣлаютъ имъ перекличку, чтобы узнать, каждый ли изъ нихъ стоитъ на своемъ мѣстѣ. Воришки, бродяги и нищіе ползаютъ между грудами цикорія, моркови, петрушки, стараются спрятаться за нихъ и какъ-нибудь уснуть. Но это имъ не удается: къ нимъ тотчасъ подходитъ полицейскій, расталкиваетъ ихъ, поднимаетъ на ноги, гонитъ прочь. Они вскакиваютъ, какъ встрепанные, но, отбѣжавъ 15—20 шаговъ, снова прижимаются къ кучамъ зелени, часто проползая на животѣ большія пространства; затѣмъ они стараются и тутъ опять гдѣ-нибудь прикурнуть и заснуть хотя на нѣсколько минутъ, но къ нимъ съ другой стороны подходитъ полицейскій. Тотъ же маневръ повторяется нѣсколько разъ.

Только тотъ, кто бывалъ въ центральномъ рынкѣ Парижа, кто видѣлъ горы мяса, безконечное множество живой рыбы, груды кресса, картофеля, моркови, только тотъ сразу пойметъ, какъ великъ этотъ городъ, какія массы людей копошатся въ этихъ шестиэтажныхъ домахъ, необъятныхъ гостиницахъ, въ отеляхъ, напоминающихъ дворцы, въ нищенскихъ мансардахъ.

Въ одномъ изъ павильоновъ есть особый родъ торговцевъ, которые занимаются продажею остатковъ съѣстныхъ припасовъ: предметъ ихъ торговли довольно мѣтко называется «арлекинами». Какъ платье арлекина сшито изъ разноцвѣтныхъ лос-

кутьевъ, такъ товары этихъ торговцевъ состоятъ изъ разнообразныхъ припасовъ. Каждое утро они посылаютъ своихъ агентовъ съ небольшими ручными, наглухо запирающимися телѣжками въ кухни богатыхъ домовъ, дворцовъ, гостиницъ. Повара и служащіе при этихъ домахъ входятъ въ сношенія съ продавцами арлекиновъ и за извѣстное ежемѣсячное вознагражденіе обязываются отдавать имъ каждое утро остатки всѣхъ кушаньевъ отъ обѣдовъ, завтраковъ, ужиновъ и закусокъ. Всѣ эти объѣдки сбрасываютъ въ стоящую у задняго входа телѣжку и отвозятъ въ центральный рынокъ: здѣсь ихъ тщательно разбираютъ и очищаютъ. То, что еще можно отдѣлить, кладется на тарелку и убирается иногда такъ же красиво, какъ и въ большихъ отеляхъ. Когда очистка кончается, торговцы стараются по возможности изящно разставить тарелки, выставляя на видъ самыя лакомыя блюда. Все, что нельзя было отдѣлить, навалено грудами на большихъ блюдахъ, стоитъ сзади и ждетъ голодныхъ и несчастныхъ бѣдняковъ, которые пріобрѣтаютъ эту провизію за гроши. Все, что уже совсѣмъ негодно для употребленія изъ этой смѣси, оставляютъ для продажи на прокормленіе собакъ и кошекъ, кости отдѣляютъ совершенно особо и изъ нихъ приготовляютъ плитки бульона. Къ торговцамъ «арлекинами» идутъ не только бѣдняки, но и любители животныхъ. Рано утромъ тутъ нерѣдко можно видѣть, какъ какой нибудь господинъ, приподнимая воротникъ пальто, чтобы не быть узнаннымъ, точно воръ, бросая тревожные взгляды, пробирается къ этому павильону: это богатый скряга, иногда милліонеръ, и въ то же время человѣкъ, занимающій важный постъ; его богатство, положеніе въ обществѣ и обычаи столицы заставляютъ его давать пиры. Но чаще всего это промотавшійся кутила, который какъ можно дольше старается слыть блестящимъ человѣкомъ съ вѣсомъ и положеніемъ. Иногда изъ остатковъ съ различныхъ столовъ торговцы арлекинами приготовляютъ ему съ виду эффектное блюдо, оригинальностью котораго онъ нерѣдко хвастаетъ въ кругу пріятелей, намекая, что онъ бросилъ на него бѣшеныя деньги и что оно было приготовлено знаменитѣйшими поварами. Торговцы отлично знаютъ этихъ богатыхъ скрягъ и бѣдныхъ фатовъ: они служатъ предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ павильона; но они лучшіе покупатели, и когда появляются въ рынкѣ, продавцы арлекиновъ торопятся къ ихъ услугамъ и смѣются только за ихъ спинами. Трудно вообразить, какъ прибыльна эта торговля: торгующіе арлекинами обыкновенно наживаютъ дома и десятки тысячъ франковъ годового дохода.

Тутъ также можно найти и торговцевъ кусками хлѣба. Корки и хлѣбные объѣдки продаютъ сюда точно такъ же, какъ и остатки обѣдовъ, но главное основаніе этой торговли кладутъ школьники и различные ученики, которые, завтракая во дворѣ во время рекреаціи, роняютъ корки и остатки, или, наѣвшись, швыряютъ ихъ куда попало. Всѣ эти куски хлѣба, покрытые пылью, выпачканные въ грязи, черствые и заплесневѣлые, тщательно подбираются агентами торговцевъ и точно также отвозятся въ рынокъ. Тутъ ихъ раздѣляютъ на категоріи: получше, похуже и совсѣмъ негодные. Одни изъ этихъ кусковъ сушатъ въ печкахъ, толкутъ и этотъ хлѣбный порошокъ продаютъ въ рестораны, гдѣ повара обсыпаютъ ими котлеты, употребляютъ и при многихъ другихъ кушаньяхъ. Другіе куски поджигаютъ на огнѣ до тѣхъ поръ, пока они почернѣютъ какъ уголь, и когда столкутъ, то продаютъ для чистки зубовъ; хлѣбный порошокъ, менѣе подожженный и отъ лучшихъ кусковъ, смѣшиваютъ съ медомъ, съ миндалемъ и дѣлаютъ изъ него пряники. Изъ множества кусковъ ничего не дѣлаютъ, а такъ продаютъ ихъ цѣлыми грудами нищимъ и бродягамъ.

Самая крупная въ Парижѣ торговля бакалейными и колоніальными товарами—

фирма Потэна, пользующаяся во Франціи не менѣе громкою извѣстностью, чѣмъ базары «Bon Marché» и «Лувра»». Какъ эти колоссальные базары, такъ и фирма Потэна создала свое могущество и славу, пустивъ въ оборотъ милліонный капиталъ, безжалостно раздавивъ мелкихъ конкуррентовъ, продавая свой товаръ въ высшей степени добросовѣстно и несравненно дешевле всѣхъ остальныхъ торговцевъ питательными продуктами и вынуждая своихъ приказчиковъ и служащихъ усиленно напрягать всѣ свои физическія и умственныя силы.

Фирма Потэна занимаетъ три громадные дома подрядъ на Севастопольскомъ бульварѣ и, кромѣ того, владѣетъ еще магазиномъ на другомъ бульварѣ. Уже приближаясь къ магазину этой фирмы, вы будете поражены необыкновеннымъ движеніемъ у трехъ входовъ, возлѣ которыхъ, наканунѣ праздниковъ, вамъ придется подождать у хвоста, словно у дверей моднаго театра, прежде чѣмъ добраться до цѣли. Несмотря на громкое имя фирмы, къ вамъ никто не подлетитъ здѣсь изъ приказчиковъ, никто не предложитъ своихъ услугъ,—вы «въ демократической сферѣ равенства всѣхъ передъ прилавкомъ». Тотъ, кто не имѣетъ времени самъ идти въ магазинъ, можетъ написать свой заказъ по почтѣ, и на слѣдующій день у воротъ его дома остановится красивая фура фирмы Потэна, запряженная парой прекрасныхъ лошадей. Изъ фуры выпрыгнетъ разсыльный съ корзиной и счетомъ и сложитъ все требуемое вами въ вашей кухнѣ. Фирма Потэна входитъ въ сношенія съ провинціальными лавочками и предлагаетъ имъ снабжать ихъ своими продуктами. Лавочникъ, получившій право выставить на вывѣскѣ: «торговля продуктами Потэна» сразу получаетъ громадное число покупателей, а фирма находитъ свою выгоду въ томъ, что его товары все шире распространяются въ странѣ, увеличивая его обороты. Оборотный капиталъ этой фирмы простирается до 45 мил. фр. въ годъ.

Любопытны потребительныя кооперативныя общества, которыя все болѣе развиваются въ Парижѣ. Изъ нихъ наибольшую извѣстность пріобрѣло общество «Жница», имѣющее восемь бакалейныхъ лавокъ, двѣ булочныхъ, пять мясныхъ, два большихъ винныхъ склада, складъ горючихъ матеріаловъ и т. п. Это общество дѣлаетъ оборотовъ на 8 мил. фр. въ годъ и состоитъ изъ 15,000 членовъ; каждый изъ нихъ имѣетъ одну акцію общества, и всѣ члены равны въ правахъ и выгодахъ, получаемыхъ отъ этихъ предпріятій.

Блестящіе рестораны Парижа пріобрѣли среди гастрономовъ всемірную извѣстность. Ихъ здѣсь очень много, и они соперничаютъ другъ передъ другомъ своимъ великолѣпіемъ, роскошью своей обстановки, тонкими блюдами и великолѣпными винами; изъ нихъ особою славою пользуются ресторанъ «Кюба», «Maison Dorée» и др. Въ такихъ ресторанахъ самый скромный завтракъ съ виномъ обходится отъ 50 до 100 фр. Положеніе служащихъ въ нихъ совсѣмъ не соотвѣтствуетъ высокимъ цѣнамъ, которыя взимаютъ здѣсь съ посѣтителей: дурныя гигіеническія условія и плохое помѣщеніе, однимъ словомъ—все въ этихъ ресторанахъ принесено въ жертву внѣшнему блеску: въ кухняхъ не достаетъ воздуха, спятъ и питаются служащіе отвратительно и неправильно, то-есть когда и какъ попало. Поэтому преждевременная анемія, воспаленіе легкихъ и алкоголизмъ производятъ страшныя опустошенія среди этого рабочаго люда.

Первостепенныя парижскія кофейни такъ-же роскошны, какъ и рестораны; онѣ нравятся не только парижанамъ, но и иностранцамъ. Въ нихъ каждый можетъ чрезвычайно пріятно провести время. Кто бы ни былъ входящій въ кофейню, онъ безъ всякой церемоніи подсаживается, къ кому вздумается, и дружелюбно бесѣдуетъ съ нимъ, какъ съ старымъ пріятелемъ. Это тоже одна изъ большихъ примапокъ Парижа: со-

средоточенный англичанинъ дѣлается здѣсь болѣе разговорчивымъ, а экспансивный русскій человѣкъ находитъ вполнѣ свою среду. Роскошь парижскихъ кофеенъ тоже служитъ притягательной силой; вездѣ зеркала, позолота, росписные потолки, стѣны выложены мраморомъ съ бронзовыми украшеніями, самыя утонченныя питья и тонкія яства, превосходный фарфоръ и серебро. Парижанинъ не только принимаетъ здѣсь своихъ знакомыхъ и друзей, но кофейня нерѣдко служитъ ему и рабочимъ кабинетомъ: онъ пишетъ тутъ свои письма, ведетъ счеты, заключаетъ торговыя сдѣлки; бумагу, конверты, все это онъ получаетъ здѣсь даромъ. Когда парижанину надоѣло болтать съ знакомыми или работать, онъ можетъ занять одинъ изъ столиковъ, расположенныхъ на улицѣ: парижскія кафэ занимаютъ гораздо больше мѣста на тротуарѣ, чѣмъ въ своихъ четырехъ стѣнахъ. Здѣсь посѣтитель можетъ наблюдать самую разношерстную толпу, которая будетъ безостановочно дефилировать передъ нимъ: и знаменитости родной страны, и японскіе ученые, и короли, лишившіеся царства, франты и люди скромно одѣтые обоихъ половъ. Многія парижскія кофейни издавна и долго пользовались всемірною извѣстностью и занимали не послѣднее мѣсто въ литературной и политической исторіи Франціи; такъ, напр., кафэ-Тортони на Итальянскомъ бульварѣ процвѣтало уже во времена первой имперіи: въ немъ собирались маршалы и герцоги. Во время реставраціи кафэ-Тортони служило мѣстомъ собраній людей большого свѣта. Кафэ-Мадридъ притягивалъ къ себѣ коноводовъ оппозиціи во время имперіи; здѣсь же собирались сотрудники рошфоровскаго «Фонаря» и коммунары 1870 г. Не менѣе знаменито было и кафэ-Прокопъ, въ которомъ Вольтеръ писалъ свои письма Фридриху В., где Дидро и Гриммъ такъ часто говаривали другъ другу колкости, гдѣ Гамбетта произносилъ свои первыя рѣчи. Въ самое послѣднее время эти кафэ начали приходить въ упадокъ, и публика стала все менѣе ихъ посѣщать; теперь одни изъ нихъ уже закрыты, другія еле влачатъ свое существованіе.

Въ самое послѣднее время стали входить въ моду совершенно оригинальныя кофейни. Недавно на одномъ изъ бульваровъ открыта кофейня, представляющая изъ себя нормандскій деревенскій трактиръ прошлаго столѣтія. Для полной иллюзіи крыша покрыта соломой; внутри, надъ каминомъ, виситъ огромный котелъ; вдоль стѣнъ стоятъ длинные столы и скамейки; на стѣнахъ развѣшаны грубыя глиняныя тарелки и блюда; служители одѣты въ костюмы деревенскихъ парней.

Но еще оригинальнѣе кафэ, открытое бывшимъ коммунаромъ на бульварѣ Клиши (оно, впрочемъ, закрылось послѣ недолгаго существованія). Называлось оно «Au Bagne» и было точнымъ воспроизведеніемъ помѣщенія ссыльныхъ на каторгѣ въ Новой Каледоніи. Это была длинная, узкая постройка изъ досокъ, совершенно напоминающая тѣ остроги, въ которыхъ заключаютъ преступниковъ. Крыша была совершенно плоская, и на ней возвышалась большая пушка. Внутреннее устройство было такъ же голо, какъ и внѣшній видъ; деревянныя стѣны были, впрочемъ, увѣшаны лубочными картинами, на которыхъ были изображены событія изъ жизни коммунаровъ въ Новой Каледоніи: бѣгство Рошфора и Пэна, дурное обращеніе смотрителей съ заключенными, сѣченіе и т. д. Въ дверяхъ стоялъ человѣкъ въ мундирѣ тюремнаго сторожа съ зловѣщей связкой ключей на поясѣ, которыми онъ отъ времени до времени позванивалъ; кёльнеры были костюмированы каторжниками: на нихъ были надѣты желтые панталоны, красныя блузы съ буквами T. F. (travaux forcés) на груди, зеленыя шапки съ вышитыми бѣлыми нумерами, и отъ ноги до кисти рукъ висѣла желѣзная цѣпь съ прикрѣпленнымъ къ ней большимъ, разумѣется пустымъ, шаромъ.

ЕЛИСЕЙСКІЯ ПОЛЯ.

Ихъ оживленіе.—Увеселенія для дѣтей и для взрослыхъ.—Cafés chantants и ихъ значеніе для парижанъ.—Пѣсни этихъ увеселительныхъ заведеній.

Занимая пространство между набережной рѣки Сены и элегантными улицами новыхъ кварталовъ, Елисейскія Поля представляютъ продолженіе площади Согласія. Ихъ перерѣзываетъ широкая проѣзжая дорога и перекрещиваетъ безчисленное множество густыхъ, зеленыхъ аллей. Въ Елисейскихъ Поляхъ вы найдете маленькія лужайки съ живою изгородью вокругъ, посреди которыхъ устроены самые разнообразные фонтаны. Въ густыхъ аллеяхъ расположены нарядныя лавочки торговцевъ, нѣсколько театровъ полишинелей и фокусниковъ. Кромѣ того, здѣсь разбросано множество красивыхъ построекъ, большой дворецъ, въ которомъ помѣщалась всемірная выставка въ 1855 году, циркъ и множество кафэ-шантановъ и ресторановъ, имѣющихъ видъ красивыхъ швейцарскихъ шалэ.

Елисейскія Поля — самое любимое мѣсто парижанъ. Здѣсь съ утра до вечера можно видѣть толпы самаго разнообразнаго люда. До обѣда аллеи оживлены кавалькадами ѣдущихъ верхомъ кавалеровъ и амазонокъ, которые отправляются въ Булонскій лѣсъ и любятъ блеснуть здѣсь своими щегольскими экипажами, дорогими лошадьми и элегантными туалетами. Въ боковыхъ, болѣе уединенныхъ аллеяхъ и на лужайкахъ раздаются голоса рѣзвящихся дѣтей; вдоль главныхъ аллей и по обѣимъ сторонамъ средней аллеи разставлены въ два ряда стулья, занятые чистою публикою, которая встрѣчается здѣсь съ своими знакомыми и смотритъ на гуляющихъ. Поля не пустѣютъ и въ суровое время года, а весною, лѣтомъ и осенью, въ теплые вечера, они представляютъ въ высшей степени любопытное зрѣлище. Прекрасно одѣтыя дѣти катаются взадъ и впередъ въ колясочкахъ, запряженныхъ 4, 6 и 8 козлами: подлѣ бѣжитъ проводникъ. На козлѣ обыкновенно сидятъ два мальчика, изъ которыхъ у одного въ рукахъ возжи, у другого кнутъ; одинъ управляетъ животнымъ, другой его погоняетъ. Нѣсколько дальше столпилось въ кружокъ множество солдатъ, блузниковъ, большіе и малые; посреди ихъ кувыркается акробатъ или женщина поддерживаетъ стулъ, на которомъ сидитъ мужчина, держащій въ свою очередь ребенка съ кроликомъ въ рукахъ. Здѣсь ученые собаки показываютъ фокусы, или сидитъ на стулѣ ясновидящая съ завязанными глазами и даетъ отвѣты. Тамъ мужчина устраиваетъ себѣ разныя прически, застегиваетъ или разстегиваетъ свой сюртукъ и представляетъ своею физіономіею то толстяка, то человѣка худощаваго, мигаетъ или коситъ глазами. Толпа вокругъ кричитъ ему браво и выкрикиваетъ имя той знаменитости, съ которою онъ въ данную минуту имѣетъ сходство. А вонъ тамъ работаетъ электрическій аппаратъ, и ударъ электрической искры заставляетъ женщинъ кричать, а другихъ хохотать во все горло. Передъ низенькою сценою стоитъ огромная толпа и развлекается представленіями ежечасно повторяющейся пьесы, гдѣ дѣйствующими лицами являются полицейскій комиссаръ и жандармъ, паяцъ и чортъ, который въ концѣ концовъ всѣхъ ихъ уноситъ. Нѣсколько дальше огромная толпа дѣтей сидитъ передъ кукольнымъ театромъ, гдѣ маленькій Давидъ убиваетъ великана Голіаѳа, а подъ конецъ появляется оселъ съ гусемъ на спинѣ и вскачь галопируетъ по подмосткамъ. Въ одномъ мѣстѣ народъ толпится у волшебнаго фонаря, чтобы за одинъ су посмотрѣть на картинки, другіе качаются на качеляхъ; множество дѣтей развлекается каруселями. Здѣсь смотрятъ черезъ стекло панорамы, тамъ стрѣляютъ

въ цѣль; у столовъ толпятся дѣти, чтобъ взять билетъ для выигрыша пряниковъ и бездѣлушекъ. Нѣсколько человѣкъ держатъ пари, кто изъ нихъ сильнѣе, и пробуютъ свою силу на силомѣрѣ; другіе доказываютъ другъ другу, кто изъ нихъ тяжелѣе. Здѣсь сидитъ слѣпой музыкантъ, играющій на флейтѣ, тамъ слѣпой скрипачъ, у обоихъ съ шеи на грудь свѣшивается жестяная чашечка, и мелкая монета нерѣдко падаетъ въ нее. Однимъ словомъ, здѣсь всякій можетъ найти развлеченіе по своему вкусу.

Иногда въ Елисейскихъ Поляхъ происходитъ родъ ярмарки: толпа тогда увеличивается еще болѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ выростаютъ новыя лавочки и палатки. Въ такіе дни появляется множество продавцовъ съ съѣстными припасами, съ жаровнями, наполненными раскаленными углями, на которыхъ пекутъ тонкія вафли, поджариваютъ какія-нибудь колбасы. Всюду снуетъ тогда множество продавцовъ съ плодами и печеньями; нѣтъ недостатка въ продажѣ вина, пива и дешевыхъ напитковъ.

Съ наступленіемъ сумерокъ, газовые фонари начинаютъ вспыхивать на площади Согласія и въ Елисейскихъ Поляхъ. Какая волшебная иллюминація представляется тогда вашимъ глазамъ! «Цѣлое море свѣта, состоящее изъ тысячи огней, разлилось надъ всѣмъ этимъ громаднымъ пространствомъ; огненныя радуги изгибаются надъ всѣми входами въ Елисейскія Поля, огненныя надписи всюду бросаются въ глаза; между деревьями растилаются цѣлые огненные шатры; фасады строеній, наружныя рѣшетки, арки и ворота,—все залито огнемъ; вотъ cafés chantants, освѣщенныя какъ бы дневнымъ свѣтомъ; въ ослѣпительномъ морѣ бѣлаго свѣта кое-гдѣ идутъ полосы краснаго и голубого цвѣта, которыя нѣсколько смягчаютъ этотъ повсемѣстный блескъ; два ряда тянущихся по аллеямъ на безконечную даль огней, постепенно съуживаясь, собираются въ одну точку, которая кажется свѣтящимся червякомъ въ ночной тьмѣ, окутывающей тріумфальныя ворота. Листва деревьевъ блеститъ яркимъ газовымъ свѣтомъ, отливающимъ какою-то фосфорическою зеленоватостью, а надъ всею этою сценой раскинулся широкій небосклонъ, который, даже при полнѣйшей безоблачности и лунномъ свѣтѣ, вслѣдствіе отраженія безчисленнаго множества уличныхъ фонарей, покрывается какимъ-то страннымъ розовымъ отливомъ».

Лишь только зажглись огни, музыка и пѣніе со всѣхъ сторонъ огласили воздухъ. Всѣ торопятся тогда въ cafés chantants, которыя открыты съ восьми часовъ вечера до полуночи. Только самая сцена этихъ кафэ-шантановъ находится подъ крышею, а зрители сидятъ подъ открытымъ небомъ, подъ тѣнью деревьевъ, въ огороженномъ пространствѣ, прекрасно освѣщенномъ. Музыка и пѣніе слышны и за чертою этихъ увеселительныхъ заведеній, и та публика, которая не хочетъ платить за входъ въ cafés chantants одинъ или два франка, садится за два су на стулъ, за загородкой.

Французскій народъ много поетъ, и во всѣхъ провинціяхъ Франціи за работой и въ часы отдыха раздаются его пѣсни, но тамъ вы услышите народныя пѣсни, въ каждой провинціи свои мѣстныя. Въ парижскихъ же кафэ-шантанахъ совсѣмъ не поютъ народныхъ пѣсенъ: тутъ своя поэзія. Въ этихъ увеселительныхъ заведеніяхъ поютъ особые пѣвцы и пѣвицы, и публика, стекающаяся ихъ слушать, вовсе не требуетъ отъ нихъ большихъ голосовыхъ средствъ, лишь-бы у нихъ была искусная фразировка, и они умѣли подчеркивать извѣстныя фразы и слова, которыя нравятся публикѣ въ данную минуту. Та пѣсня, которую вы услышите здѣсь сегодня и къ которой съ такимъ восторгомъ относится собравшаяся публика, совсѣмъ утрачиваетъ свое значеніе черезъ мѣсяцъ. Для всякаго новаго событія является и новая пѣсня;

характеръ ихъ въ большинствѣ случаевъ сатирическій: въ нихъ осмѣиваютъ королей и лицъ, имѣющихъ вліяніе въ политикѣ, всемогущихъ министровъ. Во время революцій въ пѣснѣ господствовалъ угрожающій характеръ, дышащій мщеніемъ, какъ, напр., въ марсельезѣ, которая, впрочемъ, скоро сдѣлалась народною пѣснею Франціи; присочинивъ къ ней нѣкоторые куплеты, ее пѣвали и во время іюльской революціи. Одно время были въ большомъ ходу пѣсни Беранже, но теперь ихъ скорѣе можно слышать среди народа, но не въ кафэ-шантанахъ. Послѣдніе годы второй имперіи вызвали массу пѣвцовъ, которые распѣвали въ увеселительныхъ заведеніяхъ самыя непристойныя пѣсни. Послѣ франко-прусской войны эти пѣсни были совсѣмъ забыты, и характеръ ихъ измѣнился. Появилось множество сатирическихъ пѣсенъ, которыя осмѣивали нѣмцевъ, другія угрожали чужестранцу, посягающему на Францію. Присоединеніе къ Германіи Эльзаса и Лотарингіи тоже имѣло большое вліяніе на характеръ пѣсней того времени, и въ нихъ появилась грустная, меланхолическая нотка. Одна бѣдная женщина, говорится въ одной изъ этихъ пѣсенъ, мужъ которой умеръ геройскою смертью, защищая отечество отъ враговъ, выразила, при подачѣ голосовъ, свое желаніе о присоединеніи Эльзаса къ Франціи. Зимой, въ страшный холодъ и морозъ, она была выгнана изъ деревни пруссаками. Она взяла свое единственное дитя на руки и отправилась къ счастливымъ людямъ, которые смѣло могутъ называться французами. Гудитъ вѣтеръ, хищные звѣри слѣдятъ за нею, но она смѣло идетъ впередъ, она знаетъ, что они сжалятся надъ матерью, которая хочетъ дать отечество своему ребенку. Голодная, израненная, изнемогающая отъ долгой ходьбы, она падаетъ на землю, и когда приходятъ къ ней на помощь, она спрашиваетъ: «гдѣ я?»—«Во Франціи, ты только-что перешла границу».—«Какое счастье! теперь я могу умереть спокойно: мои кости будутъ покоиться во Франціи, мой ребенокъ въ своемъ отечествѣ».

Съ тѣхъ поръ репертуаръ опять совсѣмъ измѣнился: отъ патріотической пѣсни не осталось и слѣда, и опять пошли въ ходъ легенькія, веселенькія пѣсни, переполненныя остротами, очень часто съ самымъ пошлымъ и грязнымъ пошибомъ.

СЕНА.

Ея значеніе.—Спасеніе утопленниковъ.—Моргъ.—Общество спасителей.

Сена поражаетъ убранствомъ своихъ береговъ и кипучею жизнью народа, который толпится и работаетъ по всему ея теченію. Парижъ, дѣйствительно, имѣетъ право гордиться Сеною. Обрамленная великолѣпными набережными, пересѣченная величественными мостами, снабженная удобными пристанями, пестрѣющая множествомъ судовъ, она тѣсно связана съ жизнью народа и ежедневно оказываетъ ему неоцѣненныя услуги; зато и онъ въ свою очередь не оказался неблагодарнымъ и украсилъ ее самымъ блестящимъ образомъ. Всѣ почти главные памятники Парижа сгруппированы около Сены. Стоки нечистотъ, которые прежде такъ грязнили ее, теперь отведены далеко; ложе ея настолько углублено, что наводненія, которыя случались прежде, сдѣлались теперь невозможными.

Сена издавна оказываетъ Парижу неисчислимыя услуги: французская столица въ теченіе многихъ столѣтій получала продовольствіе исключительно при помощи этой рѣки. При безпрестанно повторяющихся годахъ ужаснаго голода Сена была родной матерью, кормилицею парижанъ. Только въ нынѣшнемъ столѣтіи, когда торговля хлѣбомъ съ заграничными рынками сдѣлалась свободною, когда были улучшены способы обработки земли, дающей возможность разсчитывать на лучшій урожай, и когда,

наконецъ, проведены были желѣзныя дороги, Сена уже перестала въ такомъ количествѣ поставлять въ Парижъ хлѣбъ и провизію. Тѣмъ не менѣе и теперь значеніе ея велико. Она даетъ заработокъ огромному классу людей, по ней ходятъ барки и перевозныя суда. Изъ рабочаго парижскаго населенія одни, защитивъ голову веревочной плетенкой, переносятъ съ судовъ различныя тяжести, другіе носятъ ихъ на спинахъ, нѣкоторые перекатываютъ бочки. Тутъ много и такихъ рабочихъ, которые всю жизнь проводятъ около этой рѣки: одни изъ нихъ снуютъ у береговъ съ рѣшетиною въ рукѣ и всматриваются въ воду, съ жадностью хватаютъ чурбанъ или полѣно, которое плыветъ по теченію, яблоко, упавшее съ судна, салфетку или чулки, которые унесъ отъ прачки вѣтеръ,—всему рады эти люди, все хватаютъ и прячутъ подъ свои рваныя блузы. А вотъ и *карапаты* (отъ словъ cara—черный, batte—утка). Это названіе какъ нельзя лучше подходитъ къ людямъ, которые цѣлыми днями роются и копаются въ грязи. Они подтаскиваютъ къ берегу лодки, помогаютъ разрубать ненужныя суда, вытягиваютъ затопленные дрова, однимъ словомъ—берутся за всякое дѣло, лишь бы заработать нѣсколько копѣекъ.

Во всѣхъ удобныхъ мѣстахъ рѣки поставлены спасательные ящики, снабженные инструментами и брошюрками, въ которыхъ въ популярной формѣ объяснено, какъ пользоваться этими инструментами и какъ подать первую помощь утопленнику. Если помощь не подоспѣла и утопленникъ найденъ, его несутъ въ моргъ—зданіе, спеціально назначенное для этихъ случаевъ. Тутъ прежде всего вы находите большую, свѣтлую комнату, которая даетъ возможность сдѣлать самое тщательное изслѣдованіе надъ утопленникомъ; тутъ же, на возвышеніи, лежатъ тѣла утопленниковъ подъ краномъ холодной воды, которая постоянно обливаетъ ихъ и такимъ образомъ замедляетъ разложеніе. Въ моргѣ есть и еще нѣсколько комнатъ: въ одной чиновникъ записываетъ день и часъ, когда принесенъ утопленникъ, чрезвычайно подробно вписываетъ въ книгу всѣ внѣшніе его признаки, его платье, обувь. Въ другой комнатѣ лежатъ утопленники, которыхъ уже будутъ хоронить; наконецъ есть особая комната, гдѣ хранится одежда тѣхъ, о которыхъ ничего не могли разузнать. Когда кто-нибудь долго не возвращается домой, родители и знакомые обыкновенно бросаются въ моргъ наводить справки. Иногда они дѣлаютъ это по прошествіи довольно долгаго времени и нерѣдко узнаютъ, что отыскиваемое ими лицо, дѣйствительно, было здѣсь. Убѣждаются они въ этомъ вслѣдствіе самыхъ точныхъ и подробныхъ примѣтъ наружности и одежды, которыя имъ прочитываетъ чиновникъ. «Какой образъ жизни велъ вашъ родственникъ?» слышится тогда. «Какой формы его носъ, руки?» И обыкновенно одинъ и тотъ же отвѣтъ: «Какъ у всѣхъ», или: «а кто его знаетъ? вѣроятно, сударь, такіе же, какъ и у насъ съ вами». Но служащіе въ моргѣ обладаютъ необыкновеннымъ терпѣніемъ, вырабатываютъ замѣчательный тактъ, и мало-помалу они узнаютъ все, что имъ надо. Свою опытность въ этомъ дѣлѣ они въ особенности показываютъ тогда, когда тѣло доставлено въ моргъ и его начинаютъ разсматривать. Въ ихъ краткихъ, сжатыхъ опредѣленіяхъ вы иногда можете прочесть всю исторію бѣдняка: «рваная синяя блуза».., диктуетъ одинъ, разсматривая утопленника, въ то время, когда другой тутъ-же записываетъ. «Подъ мышками полотняная заплата другого цвѣта, зашитая бѣлыми нитками; порѣзъ въ два миллиметра на лѣвомъ колѣнѣ; большой шрамъ на локтѣ отъ только-что зажившей раны; грубыя, шершавыя, мозолистыя руки, какія бываютъ у земледѣльцевъ; плечи широкія, но корпусъ сутуловатый, и проч. и проч.».

Утопленниковъ было бы еще больше, если бы въ Парижѣ не существовало общества, извѣстнаго подъ названіемъ «спасителей Сены». Въ члены этого обще-

ства вступаютъ люди всѣхъ сословій, которые въ то же время умѣютъ хорошо плавать и имѣютъ на берегу свои ванны, суда, плоты. Эти люди съ очень многихъ пунктовъ Сены сторожатъ и днемъ, и ночью, назначая между собою очередь, и не только при первомъ воплѣ и крикѣ, но даже при плескѣ воды многіе изъ нихъ бросаются въ рѣку.

ПОДЗЕМНЫЙ ПАРИЖЪ.

Несмотря на огромное населеніе болѣе, чѣмъ въ два милліона, трудно найти другой городъ, который бы отличался такой образцовой чистотой, какъ Парижъ. Все, что можно сдѣлать въ дѣлѣ улучшенія санитарныхъ условій, все дѣлается здѣсь, не жалѣя никакихъ средствъ. Первую роль въ гигіеническомъ отношеніи играетъ «*подземный Парижъ*».

Вода, удовлетворивъ различнымъ потребностяхъ жителей, дѣлается опаснымъ элементомъ, полнымъ вредныхъ веществъ, которыя нужно удалить какъ можно скорѣе и какъ можно дальше отъ города, чтобы не вызвать эпидемій. Эта вода, испорченная отъ соприкосновенія съ грязными улицами, съ крышами, покрытыми пылью, загрязненная и зараженная въ кухняхъ, конюшняхъ и прочихъ мѣстахъ, угрожаетъ множествомъ опасностей. Вотъ поэтому въ Парижѣ и устроили такъ, что по желобамъ, стокамъ, водосточнымъ трубамъ, прикрѣпленнымъ къ стѣнамъ домовъ, эта вода падаетъ въ устья трубъ подъ мостовою, течетъ по канавамъ, проводящимъ ее къ отверстію подъ тротуарами, затѣмъ несется по крутому наклону и низвергается въ огромную и замѣчательную сѣть подземныхъ каналовъ, устроенныхъ по всѣмъ правиламъ науки. По этимъ каналамъ вода несется съ большою быстротою и, наконецъ, впадаетъ вдали отъ Парижа въ Сену, несущую ее въ море.

Эти сточныя трубы, или просто стоки, самыя обширныя и лучшія въ свѣтѣ; парижане показываютъ ихъ съ гордостью иностранцамъ, и посѣтители могутъ проѣхаться по нимъ не только въ лодкѣ, но даже и въ вагонѣ.

Парижскіе подземные каналы раздѣляются на два совершенно различныхъ отдѣла: *трубы для стока нечистотъ* (les égouts) и *собиратели* или *коллекторы* (les collecteures). Первыя проходятъ подъ улицами, собираютъ грязную воду и проводятъ ее во второй родъ клоакъ, т.-е. въ собиратели, а тѣ далеко относятъ эту грязную воду. Трубы для стока нечистотъ—это маленькіе ручейки, составляющіе, если можно такъ выразиться, какъ бы притоки собирателей, которые можно сравнить уже съ рѣками. Собиратели проведены въ болѣе низменныхъ частяхъ Парижа для того, чтобы туда, по естественному склону, могла стекать вода изъ болѣе возвышенныхъ частей.

Рѣшетки, которыя прежде закрывали отверстія посреди улицъ, выброшены вмѣстѣ съ другимъ хламомъ и замѣнены отверстіями стоковъ, скрытыми подъ краями тротуара. Отверстій этихъ насчитываютъ до 6-ти тысячъ, такъ что даже въ самыя сильныя бури ихъ довольно, чтобы поглотить воду съ 2,000 улицъ, со 138 площадей, съ 55 набережныхъ и 167 парижскихъ бульваровъ. Длина общественныхъ стоковъ, считая въ томъ числѣ отростки, идущіе отъ середины улицы къ отверстіямъ, сдѣланнымъ подъ тротуарами для собиранія дождевой воды, превышаетъ 1,200 верстъ.

Посѣщать и осматривать стоки публика очень любитъ. Каждый мѣсяцъ дозволяется предпринимать прогулки по нимъ, и билеты берутся на расхватъ. Это

путешествіе по стокамъ непродолжительно: сначала ѣдутъ въ вагонѣ, а потомъ въ лодкѣ. Путешествіе начинается отъ площади Шателе и кончается на площади Маде907ленъ. Спустившись по витой чугунной лѣстницѣ внизъ, входятъ въ обширную комнату, и тутъ открывается подземный Парижъ, такъ что вы сразу проникаете во всѣ его секреты. Прежде всего васъ поражаетъ огромное количество трубъ всевозможной величины, толщины и цвѣта: онѣ проходятъ въ разныхъ направленіяхъ и служатъ для различныхъ цѣлей. Раньше другихъ бросаются въ глаза огромныя металлическія, водопроводныя трубы, блестящія и полированныя, какъ черный мраморъ; отъ нихъ идутъ двѣ трубы, которыя походятъ на ноги громаднаго чернаго гиганта. Далѣе трубы менѣе широки и прикрѣплены къ бокамъ стѣнъ: отъ нихъ здѣсь и тамъ идутъ болѣе мелкія развѣтвленія. На высотѣ свода виднѣются сѣроватые пучки, напоминающіе связку прутьевъ: это нити электрическаго телеграфа. А что это за длинная трубка, которая такъ и скользитъ по стѣнѣ? Она слишкомъ узка для того, чтобы проводить воду, и слишкомъ широка для телеграфной проволоки. Прислушайтесь... Чу! Быстрый и рѣзкій шумъ,—это маленькая мѣдная тележка, нагруженная депешами, которая пробѣгаетъ по трубѣ пневматическаго (воздушнаго) телеграфа. Подземный Парижъ—это цѣлый живой организмъ: его скрытые органы никогда не прекращаютъ своихъ отправленій. Стѣны такъ толсты, что въ нихъ устроены цѣлыя комнаты; тутъ вы найдете и бюро для служащихъ, и помѣщенія для ламповщиковъ, и кладовыя для лопатъ, метелъ и для сохраненія обуви здѣшнихъ рабочихъ. Выше русла клоаки идутъ тротуары, конечно, не такіе широкіе, какъ въ надземномъ Парижѣ. Въ нихъ вколочены желѣзные столбы, на которыхъ прикрѣплены лампы съ фарфоровыми шарами. Посѣтители приходятъ сюда обыкновенно въ кашнэ и въ тепломъ пальто, чтобы оградить себя отъ суровой температуры, которая, однако, вовсе не страшна здѣсь, такъ какъ она колеблется между 9 и 11°.

Публика, наконецъ, собралась и садится въ вагоны, по бокамъ которыхъ горятъ лампы. Свистокъ даетъ сигналъ, и поѣздъ трогается; вагонъ приводятъ въ движеніе электричествомъ. Вслѣдствіе быстраго движенія встрѣчная струя свѣжаго воздуха ударяетъ въ лицо. Быстро движется вагонъ подъ темнымъ сводомъ,—это едва-ли не все, что можно замѣтить во время прогулки; замѣчательно, что не чувствуешь никакого дурнаго запаха. Но вотъ ходъ вагона дѣлается медленнѣе, вы подъ площадью Бастиліи, гдѣ стокъ Риволи впадаетъ въ большой собиратель. Тутъ выходишь изъ вагона и замѣчаешь нѣсколько лодокъ, разукрашенныхъ флагами и освѣщенныхъ лампою. Тотчасъ садятся въ эти лодки, двигаются съ помощью лодочниковъ и достигаютъ по теченію воды компаты подъ площадью Мадэленъ и изъ нея подымаются вверхъ по лѣстницѣ и выходятъ на улицу.

Сена въ Парижѣ совсѣмъ почти избавлена отъ нечистотъ; только во время сильной бури въ нее выпускаютъ нечистоты, чтобы поскорѣе очистить улицы, которыя иначе могутъ подвергнуться наводненію. Но если Сена въ Парижѣ теперь и очищена, зато ниже она еще недавна была загромождена огромною кучею нечистотъ, отъ которыхъ до такой степени засорялся водяной путь, что судамъ было трудно ходить; поэтому приходилось безпрестанно очищать русло Сены, а это стоило большихъ денегъ. Кромѣ того, всѣ вещества, драгоцѣнныя для удобренія и которыя можно было бы употребить съ пользою для окрестностей Парижа, уносились Сеною въ море. Теперь эти неудобства почти совершенно устранены, и трудно повѣрить, какую громадную пользу принесли нечистоты, сколько выиграло отъ нихъ земледѣліе въ окрестностяхъ Парижа.

Огромное пространство земли у Сены отъ Нельи до Шату называется долиною Жанневилье. Еще лѣтъ 25 тому назадъ трудно было встрѣтить мѣстность болѣе безплодную; единственною растительностью тутъ были крапива и чертополохъ; да и не мудрено: почва здѣсь была песчаная и кремнистая, едва прикрытая тоненькимъ слоемъ чернозема. Гектаръ этой земли ($^9/_{10}$ десятины), у самыхъ воротъ Парижа, отдавался въ наемъ за ничтожную арендную плату отъ 78 до 86 франковъ въ годъ. На этой безплодной долинѣ разбиты теперь огромные сады и огороды, такъ какъ ея земли, которыя были пустынными песками, теперь стали замѣчательно плодоносными. Тутъ точно выросъ новый городъ: настроено множество домовъ, вездѣ зелень, благоуханіе, всюду застаешь жизнь въ полномъ разгарѣ творчества. Все это промышленное богатство произошло отъ нечистотъ изъ стоковъ, распредѣленныхъ по долинѣ. Теперь земли этой долины уже отдаются въ наемъ за арендную плату въ 8 разъ большую, чѣмъ онѣ отдавались прежде. Можно было бы ожидать, что, проходя по этимъ зеленѣющимъ огородамъ, услышишь зловоніе; между тѣмъ вы чувствуете только запахъ полыни, ромашки и шалфея. Извѣстный парижскій продавецъ духовъ устроилъ здѣсь большое заведеніе: онъ взялъ на аренду большой кусокъ земли и разводитъ на немъ, въ числѣ благовонныхъ растеній, лѣчебную мяту, которую французы должны были прежде выписывать изъ Англіи. Земли здѣсь сдѣлались теперь до такой степени плодородными, что спаржа, этотъ особенно лѣнивый овощь, требующій трехъ, а иногда и пяти лѣтъ ухода, достигаетъ на нихъ въ два года полной зрѣлости. Свекловица, артишоки, капуста, ревень быстро принимаютъ колоссальные размѣры; плодовыя деревья буквально сгибаются подъ тяжестью фруктовъ. Здѣсь и тамъ посѣяли зерновой хлѣбъ, и на землѣ, гдѣ прежде жалкая крапива погибала отъ недостатка влаги, теперь получаютъ богатый урожай, но и теперь тамъ, гдѣ кончается орошеніе нечистотами изъ стоковъ, начинается безплодіе. Невольно вспоминаешь Египетъ и Нубію, которыхъ всюду преслѣдуетъ смерть, гдѣ только Нилъ не оставляетъ свой плодотворный илъ.

Французскіе крестьяне прежде не понимали всей пользы этого изобрѣтенія: они долго не хотѣли воспользоваться удобреніемъ, проведеннымъ на ихъ земли, которое имъ раздавали безплатно; даже волновались, опасаясь зараженія. Но когда самую худую часть земли подвергли орошенію и развели на ней овощи, которыя никогда не могли расти въ долинѣ Жанневилье, тогда крестьяне сами захотѣли испытать новый способъ. Они попросили водъ изъ стоковъ; имъ дали ихъ, сколько они хотѣли, и изобиліе быстро замѣнило безплодіе.

ТЕМНЫЯ СТОРОНЫ ВСЕМІРНОЙ СТОЛИЦЫ.

Бэльвилль—предмѣстье пролетаріевъ.—Проданныя дѣти.—Нищіе, бродяги и мошенники.—Тряпичники, ихъ занятія и жилища.—Ночлежные пріюты.—Нищета и грязь въ кварталахъ пролетаріевъ.

Бэльвилль находится въ самомъ крайнемъ сѣверо-восточномъ углу Парижа. Если бы не грохотъ экипажей, проѣзжающихъ по мостовой, вы не повѣрили бы, что находитесь въ блестящемъ Парижѣ. Улицы здѣсь узкія, кривыя, безъ тротуаровъ, плохо вымощенныя. Онѣ тянутся то по отлогому скату, то вдругъ круто подымаются кверху, то неожиданно спускаются внизъ. Дома, стоящіе по обѣ стороны этихъ неправильныхъ улицъ, имѣютъ жалкій видъ: грязный фасадъ ихъ совсѣмъ облупился, ворота часто болтаются незатворенными на своихъ ржавыхъ петляхъ.

Лавки торговцевъ встрѣчаются рѣдко; они торгуютъ здѣсь лишь блузами, деревянными башмаками, простыми трубками и старымъ рыночнымъ хламомъ. Книжныхъ магазиновъ, фотографій и библіотекъ для чтенія очень мало; но почти въ каждомъ домѣ есть лавочка, гдѣ продаютъ спиртные напитки, попадается множество отвратительныхъ харчевень и увеселительныхъ заведеній, которыя носятъ пышное названіе: «балъ», и вывѣской которыхъ бываетъ обыкновенно разноцвѣтный фонарь или транспарантъ, съ изображеніемъ аттрибутовъ музыки и танцевъ. Эти кривыя улицы прерываются только запущенными площадями, на которыхъ устроены балаганы странствующихъ фокусниковъ, шарлатановъ и укротителей дикихъ звѣрей. Но если у васъ достанетъ терпѣнія пробраться по нѣсколькимъ улицамъ, вы достигаете вершины холма. Тутъ, къ вашему необычайному удивленію, представляется довольно большой, недурной паркъ съ фонтанами, озерами, въ которыхъ плаваютъ лебеди, извилистыя дорожки, по которымъ можно пробраться на высокій холмъ: съ его вершины открывается великолѣпный видъ на весь городъ. Этотъ паркъ даетъ возможность несчастному люду, который тутъ живетъ въ тяжелыхъ условіяхъ, подышать свѣжимъ воздухомъ и освѣжаетъ спертую атмосферу Бэльвилля.

Въ этомъ предмѣстьѣ живутъ рабочіе, поденщики, нищіе, мошенники и самый несчастный людъ. Чаще всего вы наталкиваетесь здѣсь на сцену, которая потрясетъ до глубины души: у той или другой стѣны обыкновенно копошится цѣлая дюжина ребятъ, въ невообразимыхъ лохмотьяхъ, отъ холода прижимающихся другъ къ другу. Если вы ихъ спросите, что они тутъ дѣлаютъ, они откровенно сознаются, что боятся возвратиться домой, такъ какъ мало собрали сегодня милостыни и ждутъ жестокихъ побоевъ. Эти дѣти куплены за ничтожную сумму въ 10—15 франковъ, а иногда украдены въ южной Италіи. Во Франціи существуетъ цѣлый классъ людей, занимающихся этимъ позорнымъ ремесломъ: ихъ спеціальность состоитъ въ вывозѣ дѣтей изъ Италіи и въ безпощадной ихъ эксплоатаціи. Въ очеркахъ объ Италіи мы уже познакомили читателей съ тѣмъ, какая бѣдность господствуетъ среди итальянскаго простонародья: она доводитъ несчастныхъ матерей до того, что онѣ, для того, чтобы избавиться отъ лишняго рта въ семьѣ, продаютъ своихъ маленькихъ дѣтей на чужбину разнымъ дѣтопромышленникамъ. Этими дѣтопромышленниками преимущественно являются французы, которые увозятъ купленныхъ дѣтей въ Марсель, Ліонъ или Парижъ и дѣлаютъ ихъ на всю жизнь своими настоящими невольниками. Конечно, громадное большинство этихъ несчастныхъ гибнетъ отъ невыносимыхъ условій жизни и суроваго обращенія, другіе убѣгаютъ куда глаза глядятъ, третьи примыкаютъ къ шайкѣ мошенниковъ и воришекъ, и только четвертая часть купленнаго товара остается на рукахъ дѣтопромышленника и должна вознаградить его за всѣ понесенные имъ потери. Онъ заставляетъ этихъ несчастныхъ собирать милостыню, дѣлаетъ изъ нихъ уличныхъ пѣвцовъ, натурщиковъ, акробатовъ. Вѣчно холодные и голодные они живутъ въ мрачныхъ трущобахъ подъ постояннымъ страхомъ жестокихъ побоевъ за каждую мелочь, безъ тѣни ласки и участія, проклиная даже родную мать. Можно себѣ представить, какіе ловкіе и ничѣмъ не стѣсняющіеся мошенники выходятъ изъ нихъ.

Если вы днемъ прогуляетесь по этому кварталу, вы встрѣтите грязныхъ, нечесанныхъ женщинъ съ корзинами въ рукахъ; здѣсь и тамъ играютъ дѣти, въ грязныхъ лохмотьяхъ. Вечеромъ рабочіе возвращаются съ работы съ инструментомъ за плечами, и большинство изъ нихъ тотчасъ отправляется въ кабаки, которые въ этомъ предмѣстьѣ попадаются на каждомъ шагу, или въ увеселительныя заведенія, изъ которыхъ до самой полуночи раздаются смѣхъ, крикъ и визгъ женщинъ.

Нищенство и мошенничество—самыя страшныя язвы парижской жизни, и въ большинствѣ случаевъ онѣ идутъ рука объ руку. Особенно печально въ этомъ явленіи то, что никакія мѣры администраціи, законодательства и благотворительныхъ комитетовъ не могутъ уничтожить это зло, пустившее очень глубокіе корни. Оно существуетъ въ Парижѣ уже весьма давно.

Въ началѣ мѣры, которыя предпринимала администрація противъ нищихъ, были очень жестоки: ихъ высылали изъ столицы скованныхъ попарно, приговаривая къ тѣлеснымъ наказаніямъ, ссылали въ каторжныя работы на галеры; въ XVII столѣтіи ихъ даже публично на площадяхъ стегали кнутомъ и затѣмъ налагали на нихъ особыя клейма. Но правительство скоро само замѣтило, что эти жестокія мѣры ни къ чему не ведутъ и что число нищихъ все увеличивается; тогда оно перемѣнило свой образъ дѣйствій: оно начало строить огромныя богадѣльни и собирать въ нихъ нищихъ. Сначала дѣло пошло довольно сносно, но затѣмъ ихъ стало приходить туда такое количество, что въ непродолжительное время набралось до 40 тысячъ; не только существовавшія богадѣльни не могли вмѣстить эту орду, но если бы даже ихъ было построено въ четыре раза больше, то и тогда ихъ было бы недостаточно, такъ какъ приливъ нищихъ все увеличивался. Въ XVIII ст. рѣшили отправлять ихъ въ Америку. Приказано было хватать нищихъ на улицѣ и прямо высылать ихъ, но эта мѣра вызвала страшное неудовольствіе, тѣмъ болѣе, что люди, которымъ было это поручено, хватали всякаго бѣдно одѣтаго человѣка. Дѣло дошло до возстанія, и эта мѣра потерпѣла фіаско. Опять принялись клеймить нищихъ и посылать ихъ на каторжныя работы. Только во время Людовика XVI былъ поднятъ вопросъ о томъ, чтобы доставлять здоровымъ нищимъ работу, а больныхъ помѣщать въ богадѣльни и госпитали. Но неумѣнье взяться за дѣло и недостатокъ денегъ не дали возможности осуществить эту мысль. Однако и теперь, когда она отчасти осуществлена, когда доставляется работа здоровымъ, присылаютъ въ госпитали больныхъ, подаютъ пособіе разорившимся, когда на своихъ бѣдныхъ Парижъ тратитъ ежегодно 20 милл. франк., нищенство нисколько не уменьшилось и принимаетъ все болѣе разнообразныя формы. Вы останавливаетесь въ каретѣ у подъѣзда, къ вамъ подбѣгаетъ человѣкъ, отворяетъ дверцы,—это нищій; послѣ этой услуги онъ протягиваетъ руку за подачкой. Вы гуляете по улицѣ, и къ вамъ на каждомъ шагу пристаетъ или дѣвочка съ пучкомъ полевыхъ цвѣтовъ, или мальчикъ съ пачкою конвертовъ и бумаги, или со спичками: все это—нищіе. Толпа маленькихъ оборвышей собираетъ на улицѣ окурки сигаръ и папиросъ и затѣмъ продаетъ такимъ же бѣднякамъ, какъ и они: тѣ и другіе—нищіе. Подлѣ церкви стоитъ человѣкъ и продаетъ четки, святую воду, бальзамъ противъ зубной боли; нѣсколько поодаль слѣпой старикъ вертитъ шарманку, маленькій ребенокъ показываетъ кролика, дѣти поютъ и пляшутъ во дворѣ,—все это нищіе. Нынче французское правительство не допускаетъ нищенства публичнаго, уличнаго; каждый, уличенный въ прошеніи милостыни на улицѣ, подвергается аресту въ тюрьмѣ. Тѣмъ не менѣе есть нищіе, которымъ дозволено это ремесло: это паяцы, шарманщики, пѣвцы, музыканты, продавцы.

Чтобы избѣжать ареста и тюрьмы за нищенство, нищіе прибѣгаютъ къ самымъ разнообразнымъ пріемамъ: они являются на квартиры въ качествѣ слѣпыхъ, увѣчныхъ, внезапно пострадавшихъ отъ пожара и другихъ бѣдствій. Въ газетахъ отъ времени до времени появляются объявленія о предстоящихъ свадьбахъ, съ обозначеніемъ именъ жениха и невѣсты. Ловкій нищій или мошенникъ (они часто мѣняются ролями), встрѣтивъ такое объявленіе, разыскиваетъ какое-нибудь поздравительное

стихотвореніе, переписываетъ его на розовую бумажку, заканчивая его просьбой, чтобы молодая, въ своемъ счастьѣ, не забыла удѣлить отъ щедротъ своихъ подателю сего, и преподноситъ это новобрачной въ запечатанномъ конвертѣ черезъ лакея. Такой остроумный способъ попрошайничества всегда увѣнчивается успѣхомъ. Въ Парижѣ существуютъ нищіе и мошенники и болѣе высшаго полета, — издатели календарей для нищихъ: эти календари не только заключаютъ въ себѣ адреса множества болѣе или менѣе состоятельныхъ парижанъ, но и подробнѣйшія указанія на родъ ихъ занятій, на ихъ особенности, вкусы, на лучшія средства, какъ можно эксплоатировать ихъ доброту. Вотъ нѣсколько выдержекъ: «М. Б. живетъ тамъ-то, денегъ не даетъ, но предлагаетъ одежду. Вдова Д. даетъ дѣтямъ бѣлье и молоко. М. Л.—религіозная семья, покровительствуетъ бракамъ». Мало того: въ Парижѣ существуетъ даже особая ежедневная газета для нищихъ («Journal des Mendiants»), форматомъ въ одинъ листикъ. Въ ней нищій можетъ найти перечень всевозможныхъ торжествъ: свадебъ, крестинъ, похоронъ у богатыхъ людей, гдѣ нищему можно чѣмъ-нибудь поживиться. Имѣется особая рубрика съ обозначеніемъ фамилій и адресовъ лицъ богатыхъ и охотно благотворящихъ; печатаются свѣдѣнія о переѣздахъ разныхъ богатыхъ людей на новую квартиру или дачу. Эта газета имѣетъ успѣхъ.

Преступленія идутъ рука объ руку съ нищенствомъ, такъ что даже трудно сказать, гдѣ кончается нищій и начинается преступникъ. Даже и тѣ нищіе, которые не прибѣгаютъ ни къ какимъ ужаснымъ средствамъ для возбужденія сострадапія, очень часто мѣняются ролью съ мошенниками, или еще чаще становятся то тѣми, то другими, смотря по обстоятельствамъ. Нищій, просящій милостыню въ темномъ и глухомъ переулкѣ, часто, не задумываясь, отрѣзываетъ часы.

Здѣшніе мошенники и воры необыкновенно расточительны, не даромъ сложилась французская поговорка: «щедръ, какъ воръ». Совершивъ удачную кражу, воръ бросаетъ деньги направо и налѣво; ему никогда не приходитъ въ голову даже и того, что завтра, можетъ быть, не удастся обдѣлать такое дѣльце и придется голодать. Большею частью воры попадаются въ руки полиціи вслѣдствіе своей расточительности. Кромѣ того, у здѣшнихъ мошенниковъ сильно развито тщеславіе, и они всѣми силами стараются показать своимъ товарищамъ, какое крупное и сложное мошенничество удалось имъ устроить. Страсть къ перемѣнѣ платья, кольцамъ, цѣпочкамъ, къ яркимъ цвѣтамъ въ сильной степени развита почти въ каждомъ изъ нихъ; въ этомъ отношеніи они совершенно похожи на первобытныхъ дикарей. Однако, нѣкоторые парижскіе мошенники своимъ ремесломъ сколотили себѣ порядочный капиталецъ. Есть немало и такихъ, которые окружаютъ себя такимъ блескомъ и роскошью, что никому и въ голову не приходитъ предполагать въ нихъ бывшихъ ночныхъ воришекъ, между тѣмъ это случается здѣсь сплошь и рядомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ весь Парижъ былъ изумленъ арестомъ нѣкоего Турпіана, жившаго открыто: онъ посѣщалъ морскія купанья, одѣвался съ большимъ шикомъ, постоянно являлся на скачкахъ, имѣлъ множество лошадей, блестящіе экипажи; оказалось, что онъ былъ руководителемъ и наставникомъ карманныхъ воришекъ.

Для разныхъ предпріятій парижскіе мошенники сходятся между собою, группируются, вслѣдствіе этого у нихъ существуетъ и свой языкъ; иногда онъ очень выразителенъ; поджигатели называются у нихъ suageur, т.-е. людьми, заставляющими потѣть; «іудствовать» значитъ предавать человѣка; махать красной тряпкой—говорить; рѣшетка тюрьмы—арфа; играть на арфѣ значитъ распилить рѣшетку.

Привительство долго боролось съ нищими и мошенниками и скоро убѣдилось, что самыя строгія мѣры не могутъ ихъ уничтожить. Тогда организовали общество

ловкихъ сыщиковъ; это дало возможность чаще ловить мошенниковъ, но ничуть не уменьшило ихъ числа, такъ какъ причины подобныхъ явленій очень сложны, коренятся глубоко, кроются въ общественномъ строѣ, въ прошлой судьбѣ народа и во внезапныхъ бѣдствіяхъ. Доказательствомъ этого служитъ то, что число нищихъ и мошенниковъ всегда увеличивается съ повышеніемъ цѣнъ на главныя жизненныя потребности: на пшеницу, соль и квартиру. Отчасти увеличивается число ихъ и вслѣдствіе все большаго развитія потребностей къ роскоши и блеску и невѣжества низшихъ слоевъ общества. Большая часть мошенниковъ состоитъ обыкновенно не только изъ менѣе образованнаго класса общества, но и изъ людей, получившихъ крайне ничтожное образованіе.

Много живетъ въ Бэльвиллѣ и «тряпичниковъ». Тряпичникомъ (chiffonnier) тутъ называютъ не того, кто торгуетъ тряпками, а того, кто собираетъ ихъ. Рано утромъ выходятъ они на улицы съ корзиною за спиной, съ фонаремъ въ лѣвой рукѣ, съ крюкомъ въ правой, и начинаютъ рыться въ кучѣ, образующейся у каждой подметальной машины (см. выше, въ очеркѣ «Внѣшній видъ Парижа»). У тряпичника опытная рука и зоркое зрѣніе: онъ тотчасъ замѣтитъ крошечный кусочекъ тряпочки, бумажки, веревочки, кости, — все это онъ считаетъ для себя находкою, подцѣпляетъ крюкомъ и перекидываетъ черезъ плечо въ корзину. Для того, чтобы разобрать цѣлую кучу и извлечь изъ нея все, что еще не превратилось въ грязную кашу, ему достаточно одной минуты, и затѣмъ онъ уже стоитъ у другой кучи и дѣлаетъ то же самое. Но этотъ тряпичникъ еще аристократъ: у него есть фонарь, корзина и надлежащій крюкъ; за нимъ къ каждой кучѣ подходитъ второй разрядъ тряпичниковъ, по два, по три человѣка, изъ которыхъ одинъ снабженъ только фонаремъ, другой крюкомъ и корзинкою. Эти несчастные подходятъ къ кучамъ и роются въ нихъ, стараясь подобрать то, что могло случайно ускользнуть отъ зоркаго ока его предшественника. Можно себѣ представить, какой ужасный запахъ въ жилищѣ тряпичника: все собранное каждый изъ нихъ сваливаетъ въ единственной своей комнатѣ, которая служитъ кладовою, столовою, рабочимъ кабинетомъ и спальной всѣхъ членовъ семейства. Отвратительную кучу, вывороченную на средину, немедленно окружаютъ дѣти и родители и начинаютъ тщательно сортировать мокрый, грязный, полусгнившій, полуразложившійся хламъ, отъ котораго собравшихся обдаетъ невообразимой сыростью и смрадомъ. Кусочки тряпокъ, бумаги, испорченныя пробки, дохлыя кошки, безголовыя куклы, полишинели съ выпотрошеннымъ животомъ, аптечныя стклянки, гвозди, жестянки,—все это складываютъ по отдѣльнымъ кучкамъ. Занимаясь этой сортировкой, все семейство, и особенно маленькія дѣти, безпрестанно чешутъ себѣ тѣло, съ головы до ногъ покрытое грязью и паразитами. Пообѣдавъ и проспавшись, тряпичники относятъ свой вонючій хламъ спеціальнымъ торговцамъ этимъ мусоромъ. У двери жилища такого торговца сложены кучи товара, принесеннаго тряпичниками и тщательно разсортированнаго: тюки тряпокъ ожидаютъ отправки на фабрики, груды заплеснѣвѣлыхъ корокъ продаются крестьянамъ на кормъ скоту, жестяныя коробки отъ консервовъ и сардинокъ снова отправляются на фабрику, чтобы вторично поступить въ продажу, аптечныя стклянки, тщательно вымытыя, опять появятся у аптекарей.

Къ второстепеннымъ парижскимъ рабочимъ, кромѣ тряпичниковъ, можно причислить громадную армію уличныхъ торговцевъ, всевозможныхъ посильщиковъ, чистильщиковъ, разсыльныхъ, уличныхъ музыкантовъ и др. (Къ первому разряду можно отнести парижскихъ фабричныхъ рабочихъ и ремесленниковъ, положеніе которыхъ во всякомъ случаѣ несравненно споснѣе и болѣе опредѣленно, чѣмъ первыхъ).

Бѣдность и нищета среди второстепенныхъ парижскихъ рабочихъ порождаютъ сильную смертность въ столицѣ вообще, а во время эпидемій въ ихъ кварталахъ въ особенности. Прежде всего это происходитъ отъ излишней скученности населенія въ пригородахъ и кварталахъ, гдѣ живетъ уличный людъ Парижа.

Кромѣ уличнаго люда, имѣющаго хотя кое-какое пристанище, въ Парижѣ немало людей, вовсе не имѣющихъ собственнаго угла: днемъ такой народъ бродитъ по улицамъ, а ночью спитъ въ ночлежныхъ пріютахъ. Эти пріюты гнѣздятся, конечно, въ самыхъ бѣдныхъ кварталахъ и носятъ прозвища, достаточно ясно показывающія особенности этихъ убѣжищъ: «мясная», «западня», «вшивоѣдъ». Посѣтителями ихъ являются люди, вышедшіе изъ тюрьмы, а еще чаще изъ больницы, и во время болѣзни потерявшіе работу, поденщики и рабочіе, которые недостаточно получаютъ, чтобы имѣть постоянныя жилища. За первую ночь въ ночлежныхъ пріютахъ посѣтители платятъ 20 су, но въ слѣдующія—цѣна уменьшается вдвое и втрое. Одному и тому же бѣдняку не приходится часто ночевать въ этихъ пріютахъ: пришлось человѣку бродить по «ночлежнымъ», у него съ каждымъ днемъ менѣе является аппетита, онъ все больше тратитъ деньги на спиртные напитки и пьетъ до самой смерти, которая, впрочемъ, недолго заставляетъ себя ждать.

Эти «ночлежные» дома содержатся въ Парижѣ чрезвычайно плохо. Тутъ вы не найдете ничего, кромѣ кровати, одна подлѣ другой. Ложе составляетъ соломенный тюфякъ; вмѣсто простыни—дерюга, которая служитъ для сотни разныхъ лицъ, безъ стирки въ продолженіе 60—80 ночей. Такую простыню отдаютъ въ стирку только одинъ разъ; затѣмъ ее употребляютъ уже безъ стирки до тѣхъ поръ, пока она совсѣмъ не разорвется, и тогда ее продаютъ на тряпки. Въ каждомъ такомъ пріютѣ число кроватей доходитъ до 200, и, вслѣдствіе страшной нечистоты, насѣкомыя водятся въ нихъ въ несмѣтномъ количествѣ. Наплывъ желающихъ пользоваться этими помѣщеніями такъ великъ, что зачастую для вновь прибывшаго не оказывается кровати, и ему приходится дѣлить ее съ кѣмъ-нибудь другимъ. Хозяева ночлежныхъ пріютовъ, затрачивая самую ничтожную сумму для устройства этихъ помѣщеній, получаютъ большой барышъ; при этомъ они не брезгаютъ никакими обстоятельствами, чтобы еще болѣе его увеличить. Во время холодовъ они возвышаютъ цѣну за ночлегъ, такъ какъ увѣрены, что бѣдняки въ такое время не могутъ оставаться на улицѣ. Здѣсь не рѣдкость, что несчастные ночлежники, доведенные до отчаянія невообразимою грязью, эксплоатаціею хозяевъ и дороговизной, даютъ себя арестовать за бродяжничество, чтобъ ихъ отвели только въ тюрьму, гдѣ постель чище, чѣмъ въ ночлежныхъ пріютахъ.

ДВОРЯНСТВО.

Французская аристократія.—Взгляды, обстановка, жизнь и положеніе знатныхъ людей.—Сенъ-Жерменское предмѣстье.—Дома аристократовъ.

Дворянство Франціи прежде составляло громадный классъ людей, но въ 1789 г. оно перестало существовать, какъ особое сословіе: революція уничтожила сословныя различія, и большая часть аристократовъ эмигрировала изъ страны. При Наполеонѣ I и во время реставраціи они возвратились на родину и слились съ цѣлою арміею вновь созданныхъ герцоговъ, маркизовъ, графовъ, виконтовъ, бароновъ. Нужно замѣтить, что относительно титуловъ, привилегій, орденовъ и всякихъ отличій французы всегда обнаруживали какую-то двойственность: въ ихъ натурѣ издавна

сказывается склонность къ двумъ діаметрально противоположнымъ вещамъ: съ одной стороны, они страстно добивались равенства, съ другой—въ правахъ этого народа, какъ прежде, такъ и теперь, обнаруживается преклоненіе передъ высокими титулами, стремленіе каждаго изъ нихъ добиться какого-нибудь ордена. Законы нынѣшней республиканской Франціи провозглашаютъ равенство всѣхъ передъ закономъ, и такимъ образомъ нынѣшніе дворяне, даже самыя высшія фамиліи въ странѣ, не пользуются никакими привилегіями, никакими особыми правами и преимуществами. Несмотря на это, дворянъ во Франціи до сихъ поръ очень много, немало между ними и герцоговъ, графовъ, виконтовъ, маркизовъ, бароновъ, однимъ словомъ—семействъ, принадлежащихъ къ высшей аристократіи.

Характерная черта этого высшаго класса общества во Франціи, за немногими почтенными исключеніями, совершенная праздность. Въ 12—13 л. мальчика аристократической семьи отдаютъ въ коллежъ, руководимый священниками. Дома онъ уже вполнѣ проникся сословными взглядами, что и заставляетъ его сближаться только съ товарищами изъ «хорошихъ семей», т.-е. съ такими, отцы которыхъ обладаютъ громкими титулами. Раньше всѣхъ склонностей ума и сердца онъ обнаруживаетъ въ учебномъ заведеніи—презрѣніе къ труду. И это очень естественно: его домашнее воспитаніе не пріучило его ни какому напряженію мозга, ни къ какой систематической работѣ. Онъ очень рано научился понимать, что близкіе ему люди смотрятъ на всѣхъ тружениковъ вообще, какъ на низшія существа, которымъ судьба, кромѣ труда, ничего не дала въ удѣлъ. Если въ присутствіи ребенка иногда отзывались съ похвалою о нѣкоторыхъ изъ нихъ, то не иначе, какъ въ тонѣ снисходительнаго покровительства. Понятно, что и въ немъ съ годами крѣпнетъ убѣжденіе, что трудъ, какъ въ физической, такъ и въ умственной сферѣ, есть нѣчто крайне вульгарное, что у тружениковъ, кто бы они ни были, нѣтъ ничего общаго съ привилегированнымъ обществомъ. Молодой человѣкъ кончаетъ курсъ наукъ съ самымъ легковѣснымъ запасомъ знаній, который онъ никогда не пополняетъ впослѣдствіи. Прежде, чѣмъ сдѣлаться вполнѣ свободнымъ, или, точнѣе сказать, празднымъ, онъ поступаетъ совершенно охотно на три года въ военную службу, такъ какъ этотъ родъ службы онъ не считаетъ унизительнымъ для своего высокаго происхожденія. Тутъ онъ мечтаетъ объ офицерскихъ эполетахъ, но офицерскій чинъ требуетъ экзамена, правда, весьма легкаго, но и на такое усиліе способенъ не каждый изъ нихъ. Наконецъ, къ 25 годамъ молодой аристократъ кончаетъ военную службу и предоставленъ себѣ.

Тутъ уже наступаетъ для него времяпрепровожденіе, обычное для всего свѣтскаго круга. Днемъ онъ то галопируетъ по аллеямъ Булонскаго лѣса, или, окруженный гончими собаками, охотится гдѣ нибудь за-городомъ, въ лѣсу, то катается на рысакахъ, то ведетъ переговоры съ портнымъ, то дѣлаетъ визиты; вечеромъ онъ отправляется въ театръ, а затѣмъ на балъ и танцуетъ до зари. Эти удовольствія разнообразятся пикниками, романическими приключеніями, нерѣдко очень некрасиваго характера, и посѣщеніемъ клубовъ, которыхъ здѣсь много, но человѣкъ знатной фамиліи дѣлается только членомъ аристократическаго клуба. Первое мѣсто между ними занимаетъ Жокей-клубъ. Если положеніе молодого человѣка не даетъ повода для сомнѣнія въ его высокомъ происхожденіи, его легко принимаютъ въ члены этого клуба; въ противномъ случаѣ ему необходимо заручиться солидными связями, добиваться знакомства съ вліятельными членами, приглашать ихъ къ себѣ на роскошные пикники и ужины, давать въ долгъ безъ отдачи огромныя суммы, однимъ словомъ—тратить громадныя деньги.

Сдѣлавшись членомъ аристократическаго клуба, молодой дворянинъ считается уже человѣкомъ «вполнѣ порядочнымъ», безукоризненно свѣтскимъ, которому немедленно открываютъ двери всѣ люди высшаго общества. Въ такомъ клубѣ молодой аристократъ встрѣчается съ людьми своего круга, какъ съ молодыми, такъ и съ пожившими, подъ вліяніемъ которыхъ окончательно складывается его характеръ. Главная добродѣтель, которую онъ долженъ достигнуть,— сохранять безстрастное выраженіе какъ при выигрышѣ, такъ и при проигрышѣ: онъ долженъ равнодушно загребать золото и банковые билеты отъ своихъ партнеровъ и съ улыбкой на устахъ оставлять свой проигрышъ на зеленомъ столѣ.

Когда аристократу исполнилось 30 лѣтъ, его родители и близкіе начинаютъ поговаривать о томъ, что ему пора сдѣлаться самостоятельнымъ,—это означаетъ, что онъ долженъ жениться. У аристократическихъ семей состояніе обыкновенно совершенно разстроено: и старые, и молодые живутъ не по средствамъ. При разорительныхъ кутежахъ сына, родители желаютъ, чтобы онъ женился и тратилъ на свою жизнь средства жены, а оставшіяся крохи фамильнаго достоянія предоставилъ бы исключительно имъ, старикамъ.

О любви при бракѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи: молодой человѣкъ, конечно, охотнѣе всего женился бы на дѣвушкѣ своего круга, но въ громадномъ большинствѣ случаевъ это совершенно невозможно. Невѣсты аристократическихъ семей не имѣютъ приданаго, и вотъ молодой аристократъ рѣшается на неравный бракъ (mésalliance). Онъ женится на дочери банкира, фабриканта, еврея, если только получитъ за женою громадное состояніе. Чѣмъ выше его титулъ, чѣмъ изящнѣе его манеры, тѣмъ дороже онъ себя цѣнитъ, тѣмъ болѣе крупной суммы приданаго онъ требуетъ. Между богатыми невѣстами онъ отдаетъ предпочтеніе американкамъ, такъ какъ происхожденіе ихъ обыкновенно неизвѣстно. Но какъ бы ни было низко происхожденіе его невѣсты, онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что дѣвушка, выходя за него замужъ, перемѣнитъ свое имя, и о ея сомнительномъ происхожденіи всѣ скоро забудутъ.

Послѣ женитьбы жизнь аристократа мѣняется только по внѣшности: теперь онъ проводитъ 6—7 мѣсяцевъ въ году въ деревнѣ, гдѣ развлекается тѣмъ же, чѣмъ и въ Парижѣ: охотою, пріемами, визитами, обѣдами, но здѣшняя жизнь обходится ему дешевле, чѣмъ въ столицѣ, а затѣмъ 5—6 мѣсяцевъ, въ теченіе изящнаго свѣтскаго сезона, онъ живетъ въ Парижѣ и попрежнему тратитъ шальныя деньги на игру въ клубѣ, балы, бѣга, однимъ словомъ, тутъ онъ уже вознаграждаетъ себя за деревенскую экономію и ведетъ расточительный образъ жизни, полный безумныхъ увлеченій. Лишенный привычки къ труду, къ серьезной мысли, къ чтенію, онъ совершенно равнодушенъ къ общественнымъ явленіямъ жизни, ко всему тому, что дѣлается внѣ его круга. Свое равнодушіе ко всему окружающему онъ объясняетъ тѣмъ, что не можетъ сочувствовать новому строю республиканской Франціи. Отсутствіе серьезныхъ взглядовъ на свои обязанности мѣшаетъ ему думать и о воспитаніи своихъ дѣтей,—его забота о нихъ проявляется лишь въ томъ, что онъ скорбитъ, когда дѣти не обнаруживаютъ склонности къ граціи и изящнымъ манерамъ. Обильную пищу для разговоровъ и размышленій въ его праздномъ существованіи даютъ только романическія приключенія какъ его самого, такъ и его знакомыхъ, и выборы въ клубъ.

Люди высшаго класса общества во Франціи поражаютъ своими изящными манерами, своею учтивостью и непринужденностью. Они не раскрываютъ ни одной книги, и единственное ихъ чтеніе составляютъ газеты. Ихъ невѣжество никого не удивляетъ, а развязный тонъ ихъ сужденій можетъ обмануть очень многихъ.

Въ прошломъ столѣтіи высшіе классы Франціи отличались невѣріемъ, скептицизмомъ, однимъ словомъ—проявляли отсутствіе религіозности, что было въ то время даже модой,—теперь это совершенно измѣнилось: они не только религіозны, но даже слово «католикъ» сдѣлалось синонимомъ слова «дворянинъ», точно такъ-же, какъ и съ эпитетами «роялистъ», «консерваторъ» соединяютъ здѣсь понятіе объ аристократѣ. «Къ сожалѣнію», говоритъ французскій писатель, глубоко изучившій нравы своего высшаго общества, «неподвижность ума сообщаетъ его религіозности характеръ чисто внѣшній, значительно понижая, такимъ образомъ, ея цѣнность. Въ сущности все, что дѣлается во имя религіи, ограничивается тѣмъ, что дворянинъ оказываетъ денежную помощь церковной школѣ своего прихода, а его жена, въ качествѣ дамы-благотворительницы, представляетъ отчеты о сборахъ въ пользу церкви на ежегодныхъ собраніяхъ въ одной изъ залъ своего помѣщенія, осаждаемаго въ это время цѣлою вереницею каретъ. Но всего этого далеко не достаточно для дѣятельной вѣры».

Какую бы легкомысленно-преступную жизнь ни велъ французскій аристократъ, какъ бы двусмысленны ни были его поступки, какъ бы упорно онъ ни уклонялся отъ платежа долговъ, высшее общество никогда его не осудитъ, если только онъ строго соблюдаетъ аристократическіе принципы, т.-е. если онъ съ презрѣніемъ относится къ республиканскому правленію своей страны, проявляетъ внѣшнюю религіозность, не беретъ на себя никакой службы (кромѣ военной), сближается только съ людьми своего круга, не теряетъ изящества и представительства даже въ тяжелыя минуты своей жизни.

Высшіе классы во Франціи, въ большинствѣ случаевъ, чрезвычайно бѣдны и все болѣе бѣднѣютъ. Въ прежнее время существовалъ цѣлый рядъ учрежденій, оказывавшихъ поддержку дворянству и охранявшихъ его матеріальные интересы; кромѣ того, высшее дворянство было избавлено отъ налоговъ и пользовалось прибыльными сеньоріальными правами, а также крупными подарками и вспомоществованіемъ отъ королей. Новый порядокъ вещей уничтожилъ всѣ эти права, преимущества и источники доходовъ высшихъ классовъ. Бѣдность среди нихъ усиливается еще и потому, что они привыкли жить въ столицѣ, ведутъ праздный и разорительный образъ жизни; къ тому же проценты на капиталъ теперь все уменьшаются, такъ что имъ приходится проживать свои капиталы. Крупные землевладѣльцы изъ аристократическихъ семействъ тоже быстро бѣднѣютъ: для того, чтобы получать барыши съ помѣстья, теперь необходимо вкладывать въ него трудъ, серьезныя знанія и большой капиталъ,—однимъ словомъ все то, что невозможно для французскихъ аристократовъ. Отвращеніе къ труду, умственная неподвижность, презрѣніе къ торговой и промышленной дѣятельности усиливаютъ бѣдность высшаго дворянства и ведутъ его по дорогѣ полнаго разоренія. Хотя французскіе аристократы считаютъ неприличнымъ выбрать для себя какую-нибудь профессію, но они находятъ вполнѣ возможнымъ вести финансовыя операціи, играть на биржѣ и т. п. Въ такихъ случаяхъ они совершенно равнодушны къ тому, что имъ приходится сидѣть бокъ-о-бокъ съ банкирами и фабрикантами. Нѣкоторые изъ обанкрутившихся аристократовъ спускаются еще ниже: они принимаютъ на себя порученія меблировать и отдѣлать для своихъ богатыхъ друзей городскую квартиру или замокъ въ помѣстьѣ, за что получаютъ деньги и подарки. Нѣкоторые изъ нихъ берутся за воспитаніе провинціаловъ, которыхъ они обучаютъ хорошимъ манерамъ и вводятъ въ свой клубъ. Понятно, что за всѣ эти услуги они пользуются кошелькомъ своихъ учениковъ.

Однако, не всѣ французскіе дворяне живутъ въ Парижѣ,—между ними есть и

такіе, которые живутъ въ провинціи. Въ своихъ помѣстьяхъ они тоже бездѣльничаютъ, но на особый ладъ: не заботятся о своемъ туалетѣ, не бросаютъ на свои развлеченія большихъ денегъ, а стараются сводить концы съ концами. Эти провинціальные дворяне охотятся въ своихъ помѣстьяхъ или проводятъ время въ кабачкахъ; такъ какъ они не хозяйничаютъ, то ихъ помѣстья тоже приходятъ въ упадокъ.

Еще болѣе достойна сожалѣнія жизнь женщины въ аристократической средѣ: ее обрекаютъ на воспитаніе въ монастырѣ, а затѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, она навсегда остается дѣвушкой: будучи безприданицей, она не можетъ найти себѣ мужа въ своемъ кругу, а выйти замужъ за учителя, чиновника, доктора ей не дозволятъ ея аристократическіе предразсудки и боязнь презрѣнія и насмѣшекъ своего общества. Неравный бракъ для мужчины—въ настоящее время дѣло обычное: женившись, молодой человѣкъ дѣлаетъ визиты знакомымъ съ своей женой, и хотя она не высокаго происхожденія, но ее всюду принимаютъ, такъ какъ она теперь графиня, маркиза или герцогиня, а для женщины, утратившей свой аристократическій титулъ, двери высшаго общества навсегда закрыты. И вотъ эти дѣвушки аристократическихъ семей одиноко и печально доживаютъ свой вѣкъ въ своихъ огромныхъ замкахъ, не озаренныя общественной идеей, которая бы ихъ заставляла трудиться на пользу общества, не любознательныя на столько, чтобы въ умственномъ отношеніи идти впередъ и пріобрѣтать знанія, что могло бы хотя нѣсколько скрасить ихъ несчастное существованіе, не согрѣтыя даже материнскою любовью.

Резиденціею аристократовъ въ Парижѣ служитъ Сенъ-Жерменское предмѣстье. Когда вы, миновавъ площадь Согласія, перейдете черезъ мостъ того же названія на другую сторону Сены, васъ поразитъ то, что тутъ въ нѣсколькихъ улицахъ совсѣмъ иной, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ Парижа, характеръ жизни и даже построекъ. Вы не найдете здѣсь шумныхъ бульваровъ центра Парижа, васъ не оглушитъ грохотъ и стукъ тысячи ѣдущихъ по мостовой экипажей,—движеніе и шумъ остались по ту сторону рѣки. Въ улицахъ тихо, даже изящные экипажи едва нарушаютъ общую тишину; толкотни совсѣмъ нѣтъ, пѣшеходовъ чрезвычайно мало. Дома прекрасные, но сумрачно-сѣрые, и въ ихъ нижнихъ этажахъ вы не найдете блестящихъ магазиновъ, которые придаютъ такое оживленіе улицамъ. Ни вывѣски, ни надписи на домахъ не привлекаютъ вниманія, но вмѣсто этого то здѣсь то тамъ вы замѣтите надъ аркой главныхъ воротъ дома высѣченный изъ камня гербъ, украшенный герцогскою или графскою короною.

Сенъ-Жерменское предмѣстье уже издари было населено древнѣйшими и самыми знатными фамиліями и прежде было частью города, которая считалась центромъ и, такъ сказать, сердцемъ Парижа; но пришли новыя времена, устроены были блестящіе бульвары, и новые люди стали селиться въ новыхъ кварталахъ; знатныя фамиліи остались въ своихъ, перешедшихъ къ нимъ отъ ихъ предковъ, домахъ Сенъ-Жерменскаго квартала, который онѣ переименовали въ предмѣстье.

Широкій въѣздъ въ ворота дома ведетъ въ обширный дворъ, который обыкновенно вымощенъ плитами. Направо и налѣво расположены конюшни, каретные сараи и службы для людей, а прямо противъ воротъ возвышается главный фасадъ дома. Посреди двора, въ большинствѣ случаевъ, устроенъ цвѣтникъ, со статуею въ центрѣ или съ фонтаномъ, высоко выбрасывающимъ свою струю. Внутренняя отдѣлка домовъ и обстановка обитателей этихъ отелей болѣе поражаютъ своимъ великолѣпіемъ, чѣмъ ихъ, сравнительно скромная, внѣшность. Но и въ покояхъ нѣтъ ничего броскаго: стѣны салоновъ покрыты не обоями, а дорогимъ штофомъ; двери завѣшаны тяжелыми шелковыми портьерами, обыкновенно темныхъ цвѣтовъ; полы сплошь покрыты коврами; мебель обита тканями, изображающими идиллическія сцены съ затканными

гербами и вензелями владѣльца дома. Каждая вещь говоритъ о томъ, что она не изъ магазина, а спеціально для этого дома была заказана на фабрикѣ; но вся обстановка—старинная, времени Людовика XVI. Бронзы, люстры, зеркала, канделябры, множество самыхъ разнообразныхъ вазъ, все массивно и перешло вмѣстѣ съ домомъ отъ прежнихъ владѣльцевъ. Въ каждомъ такомъ домѣ вы непремѣнно увидите нѣсколько предметовъ, съ виду часто даже ничтожныхъ, но подъ стеклянными колпаками и на дорогихъ пьедесталахъ. Въ одномъ углу точно алтарь устроенъ для какой-то потертой рукописи; такого же поклоненія, какъ видно, заслуживаетъ золотая табакерка съ миніатюрнымъ портретомъ: она лежитъ на прелестно сдѣланныхъ искусственныхъ цвѣтахъ, подъ колпакомъ, на мраморной тумбочкѣ; въ другой комнатѣ такую же роль играетъ фарфоровая ваза. Всѣ эти свято-сохраняемые предметы—память предковъ; они или перешли по наслѣдству, или пріобрѣтены нынѣшнимъ хозяиномъ у какого-нибудь старьевщика. Въ семейныхъ хроникахъ этихъ фамилій ходятъ обыкновенно легенды о тѣхъ или другихъ вещахъ, и потому-то новый хозяинъ старается ихъ отыскать и пріобрѣсти во что бы то ни стало. Такъ же свято хранятся и вещи, принадлежавшія Людовику XVI, его несчастной женѣ, Карлу X и, наконецъ, графу Шамбору. Разговоры хозяевъ этихъ старинныхъ, знатныхъ фамилій ограничиваются анекдотами о Людовикѣ XVI, восхваленіемъ мужества, съ какимъ онъ взошелъ на эшафотъ, разсказами о красотѣ Маріи-Антуанеты, о Карлѣ X. Они совсѣмъ не признаютъ новыхъ писателей и талантовъ и остановились на Шатобріанѣ и на перепискѣ мадамъ де-Севинье. И молодые, и старые изъ нихъ каждый праздникъ посѣщаютъ церкви, приглашаютъ къ себѣ знаменитыхъ проповѣдниковъ, аббатовъ, монаховъ. Въ большинствѣ случаевъ они не признаютъ ни орденовъ, ни высокаго положенія современныхъ представителей власти,—все это, по ихъ понятіямъ, можетъ дать только законный король.

Въ общемъ о Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ слѣдуетъ сказать, что оно мало-по-малу начинаетъ вымирать. Отъ обширнаго нѣкогда квартала, расположеннаго между площадью Инвалидовъ и Люксембургскимъ садомъ, теперь осталось лишь нѣсколько улицъ, отчасти сохранившихъ свой прежній характеръ. Здѣсь все еще скрываются за высокой стѣной массивные дома-отели, окруженные флигелями, службами и тѣнистыми садами. На нѣкоторыхъ изъ нихъ все еще красуется почернѣвшій каменный гербъ подъ герцогской или графской короной, т.-е. наслѣдственные владѣльцы удержали ихъ въ своихъ рукахъ и живутъ здѣсь съ марта и до половины іюня, уѣзжая на остальное время въ свои помѣстья, на воды и купанья. Зато такіе дома-отели и представляютъ теперь разительный контрастъ съ окружающей обстановкой—съ новыми бульварами, прорѣзывающими въ настоящее время эти старинныя улицы, при чемъ пришлось разрушить немало вѣковыхъ фамильныхъ гнѣздъ древнихъ титулованныхъ аристократовъ, а вмѣсто нихъ тотчасъ возникли дома новаго стиля въ шесть-семь этажей, съ блестящими магазинами.

БУРЖУАЗІЯ.

Характеристика людей этого класса общества.—Ихъ взгляды, стремленія и жизнь.—Ихъ хорошія и дурныя стороны.—Дома и обстановка людей средняго достатка.—Почему парижане не любятъ сидѣть дома.—Положеніе французской женщины.—Парижанка изъ мелкой и высшей буржуазіи.

Насколько падаетъ въ матеріальномъ и общественномъ отношеніяхъ аристократія, настолько усиливается, богатѣетъ, возвышается, дѣлается болѣе могуще-

ственною французская буржуазія. Эти два сословія не имѣютъ между собой ничего общаго,—они діаметрально противоположны другъ другу. Люди аристократическихъ семей, послѣ школы, не находятъ нужнымъ продолжать свое образованіе, отличаются лѣнью и массою кастовыхъ предразсудковъ. Совсѣмъ другое представляетъ французская буржуазія: изъ ея среды выдвинулись замѣчательные ученые и блестящіе умы въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ дѣятельности. Буржуазія, въ большинствѣ случаевъ, заставляетъ своихъ дѣтей серьезно относиться къ занятіямъ; они уже съ ранняго возраста слышатъ, что трудъ и пріобрѣтеніе знаній должны стоять у человѣка на первомъ планѣ, что это одно не только дастъ въ будущемъ вѣрный кусокъ хлѣба, но наиболѣе трудолюбиваго можетъ вознести очень высоко.

Уже въ XVIII в. французская буржуазія начала съ презрѣніемъ относиться къ высшимъ классамъ, находить ихъ привилегіи несправедливыми и чувствовать, сравнительно съ ними, свое превосходство. Стремленія къ равенству съ теченіемъ времени все болѣе охватывали буржуазію и въ концѣ концовъ выразились въ революціи, которая разразилась въ 1789 г. Слѣдовательно, творцомъ этой революціи главнымъ образомъ явилась буржуазія, но она совершила ее въ свою пользу, и только она одна воспользовалась правами, которыя въ теоріи были завоеваны для всѣхъ.

Въ настоящее время буржуазія во Франціи представляетъ чрезвычайно многочисленный классъ; группы, составляющія ее, весьма разнообразны, но ихъ все-таки можно свести къ тремъ наиболѣе выдающимся типамъ: *высшей, средней* и *мелкой буржуазіи*. Всѣ они, къ какой-бы группѣ ни принадлежали, отличаются замѣчательною энергіею, предпріимчивостью и трудолюбіемъ, работаютъ не покладая рукъ, интересуются политикой, пріобрѣтаютъ знанія, пока не достигнутъ извѣстнаго обезпеченія, а затѣмъ прекращаютъ всякую дѣятельность и отдыхаютъ. Другою характерною чертою, общею всей буржуазіи, оказывается враждебное отношеніе къ народу. Люди высшей буржуазіи (ихъ составляютъ: финансисты, фабриканты, концессіонеры, богатые дѣльцы во всѣхъ сферахъ труда, наконецъ, лица высшей администраціи), смотрятъ на народъ, какъ на орудіе своего обогащенія, а мелкая буржуазія (къ ней можно отнести: приказчиковъ, лавочниковъ, конторщиковъ, хозяевъ магазиновъ средней руки, мелкихъ чиновниковъ и т. п.), сама едва вышедшая изъ простонародья, очень боится, чтобы ее не смѣшали съ нимъ, но, конечно, тоже пользуется народомъ и выжимаетъ изъ него соки, когда къ этому представляется случай. Все лучшее въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ сосредоточено въ рядахъ *средней буржуазіи*: чиновники средней руки, офицера, профессора, ученые, литераторы, адвокаты, доктора и т. п. Но не только высшая и низшая буржуазія, но даже и наиболѣе интеллигентная ея часть, блещущая талантами и знаніями, трудолюбивая и умная, т.-е. средняя буржуазія, мало-по-малу теряетъ въ странѣ право на уваженіе. Это происходитъ оттого, что она все болѣе отдаетъ свои силы на служеніе исключительно своимъ личнымъ интересамъ и интересамъ своего класса. Съ тѣхъ поръ, какъ законодательство и управленіе страною перешли въ руки буржуазіи, она все болѣе начала руководиться эгоистическими, своекорыстными побужденіями и чувствами. Какъ въ политикѣ, такъ и въ религіи она придерживается однихъ и тѣхъ же принциповъ, а именно такихъ, которые могутъ ей понадобиться, смотря по обстоятельствамъ: въ 1830 г. она совершила революцію, направленную какъ противъ католицизма, такъ и противъ монархіи, а въ 1848 г. молила католическую церковь и ея служителей о спасеніи общественнаго порядка. Такимъ образомъ буржуазія постольку религіозна, постольку цѣнитъ свою религію,

насколько она можетъ представлять средство для защиты противъ опасностей, угрожающихъ собственности.

Самая выдающаяся черта характера буржуазіи—страсть къ деньгамъ: какъ крупные финансисты и дѣльцы, такъ учителя, чиновники, приказчики, лавочники, однимъ словомъ, вся французская буржуазія заражена страстью къ наживѣ, всѣ, составляющіе это сословіе, поклоняются золотому тельцу. Даже самые образованные изъ ея среды не брезгуютъ никакими спекуляціями, играютъ на биржѣ и мало-по-малу заглушаютъ въ своей душѣ честные природные инстинкты. Цѣлый рядъ хищеній и скандальныхъ процессовъ за послѣднее 15-тилѣтіе, въ которыхъ выдающуюся роль какъ по численности, такъ и по грандіозной беззастѣнчивости играли люди, принадлежащіе къ буржуазіи, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, что этотъ классъ общества во Франціи, при всякомъ удобномъ случаѣ, безъ всякаго стѣсненія, можетъ торговать своею совѣстью, заниматься самыми грязными сдѣлками, погрязать въ спекуляціяхъ и ажіотажѣ.

Кстати замѣтимъ, однако, что французъ любитъ деньги не изъ скопидомства, какъ многіе скряги, а ради тѣхъ благъ и удовольствій, которыя можно пріобрѣтать на нихъ. Нужно помнить, что къ какому бы классу общества ни принадлежалъ французъ, онъ прежде всего страстный поклонникъ удовольствій, развлеченій, разнообразія въ жизни, блестящей обстановки, утонченной роскоши, красивой одежды,—и вотъ ради всѣхъ этихъ благъ, а также полнаго отдыха и безбѣднаго существованія подъ старость, онъ стремится къ наживѣ. Хотя всѣ французы одинаково любятъ деньги, но высшіе классы французскаго общества слишкомъ лѣнивы, чтобы активно стремиться къ ихъ пріобрѣтенію, а у буржуазіи уже съ дѣтства выработана привычка къ труду. Даже мелкій чиновникъ, скудно вознаграждаемый, скопивъ 200 — 300 фр., объявляетъ объ этомъ своей семьѣ, и всѣ ея члены серьезно обсуждаютъ, какъ лучше употребить эти деньги, что пріобрѣсти на первыхъ порахъ для улучшенія обстановки,—зеркальный шкафъ или красивые часы для камина. Когда такимъ образомъ мало-по-малу устроена красивая домашняя обстановка, отъ отсутствія которой страдаетъ не только француженка, но и самый образованный французъ, когда всѣ члены семьи обзавелись туалетами и бѣльемъ, тогда буржуа направляетъ всѣ силы своей души къ тому, чтобы сдѣлаться рантье, т.-е., чтобы имѣть возможность жить впослѣдствіи не трудомъ, а исключительно своими сбереженіями. Въ эту пору своей жизни французъ проявляетъ чудеса разсчетливости, и своему стремленію скопить кругленькій капиталецъ онъ приноситъ въ жертву лучшіе порывы души. Тѣмъ не менѣе даже и въ это время, когда дѣло идетъ о существенныхъ затратахъ для себя и семьи, онъ все-таки никогда не доходитъ до скряжничества: отъ времени до времени онъ отправляется съ семьей въ театръ, а въ праздникъ за городъ, не экономитъ и на пищѣ,—онъ только болѣе сберегаетъ, менѣе отдается удовольствіямъ, болѣе работаетъ и менѣе справляется съ совѣстью, когда берется за веденіе того или другого дѣла, все глубже погружаясь въ спекуляціи и аферы. Понятно, что въ такой періодъ своей жизни онъ быстро черствѣетъ душой и все суровѣе клеймитъ всякій порокъ, всякое преступленіе, хотя бы по существу они были несравненно менѣе безнравственными, чѣмъ способы наживы, къ которымъ онъ прибѣгаетъ. Вотъ эта-то жажда красивой домашней обстановки, любовь, чтобы жена и дѣти были роскошно разодѣты, желаніе сдѣлаться рантьеромъ заставляютъ буржуазію, несмотря на страстную любовь къ дѣтямъ, стремиться во что бы то ни стало къ тому, чтобы ихъ было какъ можно меньше, и, дѣйствительно, въ семействахъ буржуазіи ихъ обыкновенно очень немного, рѣдко

когда бываетъ болѣе двухъ дѣтей. Однако, несмотря на то, что стремленіе къ наживѣ мало-по-малу заглушаетъ лучшія качества, несмотря на то, что человѣкъ средней буржуазіи постепенно дѣлается сухимъ формалистомъ, но все же въ какомъ-то уголкѣ его ума и сердца всегда теплится энтузіазмъ къ той или другой возвышенной идеѣ, и въ самый непривлекательный періодъ его жизни, когда онъ, кажется, уже совсѣмъ очерствѣлъ, въ его жизни бываютъ моменты, когда онъ съ восторгомъ готовъ сложить свою голову, бросить весь комфортъ, принести въ жертву свою семью, повергнуть въ прахъ, разбить своего идола, т.-е. покончить съ планами накопленія капитала, проститься навсегда съ своею мечтою—сдѣлаться рантье. Такую отзывчивость, такой энтузіазмъ и самопожертвованіе проявляли даже тѣ французы, которые, казалось, уже совершенно погрязли въ своекорыстныхъ разсчетахъ, даже въ плутовскихъ аферахъ и дѣлишкахъ. Этотъ благородный энтузіазмъ, эта божественная искорка чаще всего вспыхиваетъ въ нихъ въ минуты, когда родинѣ грозитъ какая-нибудь опасность. Но моменты душевнаго подъема и просвѣтленія очень рѣдки; десятками лѣтъ даже Франція, которая пережила столько революцій, столько тревожныхъ періодовъ, мирно шествуетъ по пути прогресса, и вотъ въ такія продолжительныя эпохи покойнаго, однообразнаго существованія французская буржуазія проявляетъ болѣе антипатичныхъ, чѣмъ симпатичныхъ сторонъ своего характера.

Кромѣ страсти къ наживѣ, французская буржуазія обнаруживаетъ и страстное стремленіе къ власти. Она добивается ея не для того, чтобы искоренять злоупотребленія или приносить пользу: высокій постъ даетъ возможность защищать свои имущественные интересы, а также интересы своего класса, получать концессіи, устраивать всевозможныя спекуляціи, однимъ словомъ, занимая высокое положеніе, легче наживать деньги,—вотъ это-то болѣе всего и привлекаетъ буржуазію къ власти. Но, разумѣется, тутъ и тщеславіе играетъ не послѣднюю роль: стремленіе отличиться, выдвинуться — характерная черта всѣхъ французовъ, къ какому бы классу общества они ни принадлежали; къ тому же высокій постъ даетъ возможность легче получать ордена, а къ этому тоже очень неравнодушны всѣ французы. Высшія образовательныя учрежденія—политехническая, юридическая и медицинская школы, какъ и другіе разсадники образованія, проникнуты духомъ, традиціями, идеями и стремленіями буржуазіи, въ нихъ воспитываются сыновья высшей и средней буржуазіи, изъ нихъ выходятъ инженеры, адвокаты, лекторы, профессора, учителя, писатели, ученые, кандидаты на всякую избирательную должность, которые широко распространяютъ въ обществѣ свои буржуазные взгляды и стремленія.

Въ предыдущемъ очеркѣ мы познакомились съ домашнею жизнью аристократіи, теперь посмотримъ, какова она у людей средней буржуазіи. На обстановкѣ высшей буржуазіи не приходится останавливаться потому, что она живетъ здѣсь, какъ живутъ и въ другихъ европейскихъ столицахъ всѣ представители крупнаго капитала, съ тою только разницею, что во Франціи они, какъ истые французы, проявляютъ во всемъ болѣе изящнаго вкуса и эстетическаго пониманія.

Позади превосходныхъ улицъ Парижа въ разныя стороны раскидывается множество площадей и переулковъ, далеко не блестящихъ, иногда даже сырыхъ и темныхъ, которые не имѣютъ ничего общаго съ изящными бульварами. Въ такихъ кварталахъ солнечные лучи плохо проникаютъ въ узкія улицы, обыкновенно застроенныя очень высокими домами. Эти дома въ 6, 7 этажей тоже не отличаются такимъ блескомъ построекъ, какъ въ центрѣ Парижа. По стѣнамъ этихъ домовъ тянутся разнообразныя вывѣски; въ вышину перваго этажа устроенъ обыкновенно стеклян-

ный навѣсъ, служащій для помѣщенія магазина или мастерской. Весь домъ биткомъ набитъ жильцами; окна верхняго жилья приходятся въ самой крышѣ, такъ что ихъ обитатели могутъ любоваться пебомъ и наблюдать ночью звѣзды. Квартиры, отдаваемыя жильцамъ отъ второго до четвертаго и пятаго этажей,—жилища семействъ средней буржуазіи. Ихъ квартиры очень тѣсны, малы и неудобны; онѣ состоятъ обыкновенно изъ четырехъ-пяти комнатъ. Изъ темной прихожей дверь ведетъ въ комнату, которая носитъ громкое названіе salon; это очень небольшая комната, но самая большая во всей квартирѣ, въ одно или два окна на улицу; возлѣ салона—столовая, еще меньше, нерѣдко совсѣмъ темная и окна которой выходятъ на дворъ; остальныя—совсѣмъ крошечныя комнатки, въ которыхъ можно помѣстить кровать, небольшой столикъ и два-три стула; онѣ служатъ спальнями. Всѣ комнаты очень низки, а двери такъ узки, что при переѣздѣ на новую квартиру черезъ нихъ далеко не всегда можно проносить шкапы и другую громоздкую мебель, и ее на веревкахъ поднимаютъ въ окна. О двойныхъ рамахъ здѣсь нѣтъ и помину; конечно, морозы и холода зимою никогда не доходятъ въ Парижѣ до того, чтобы Сена замерзала на столько, чтобы по ней можно было не только ѣздить, но даже ходить, но тѣмъ не менѣе зимой въ этихъ помѣщеніяхъ чрезвычайно холодно. Несмотря на всѣ неудобства, это крошечное, низенькое и тѣсное помѣщеніе всегда такъ изящно убрано, точно настоящая бонбоньерка: стѣны оклеены обоями самыхъ изящныхъ рисунковъ; обивка мебели и драпировки соотвѣтствуютъ узору и цвѣту обоевъ. Въ салонѣ всегда красивый мраморный каминъ, надъ которымъ вдѣлано въ стѣну зеркало въ широкой золоченой рамѣ. Въ столовой, вокругъ стѣнъ, идутъ деревянныя панели; въ спальнѣ кровать представляетъ родъ изящной палатки: драпировки, окружающія кровать, продѣты въ кольцо, прикрѣпленное къ потолку, и спускаются на полъ широкими складками. Но какъ бы ни была прелестна обстановка, она не можетъ выкупить множество неудобствъ, которыя даютъ себя чувствовать на каждомъ шагу; особенно плохо въ тѣхъ комнатахъ, которыя выходятъ на дворъ: отворить окно въ жаркую погоду лѣтомъ или весною нѣтъ никакой возможности отъ зловонія; зимой во всѣхъ этихъ комнатахъ, выходятъ-ли онѣ на улицу или на дворъ, всегда холодно и отовсюду продуваетъ сквознякъ. Красивый мраморный каминъ, съ зеркаломъ въ золоченой рамѣ и съ изящными часами и вазами на его карнизѣ, плохо согрѣваетъ зимой.

Неудобства квартиры, разумѣется, одна изъ причинъ, почему французъ бѣжитъ изъ дому, предоставляя семьѣ полную свободу дѣйствій. Каждый парижанинъ много разгуливаетъ по улицамъ и большую часть времени проводитъ въ кофейняхъ; но это далеко не единственная причина, почему онъ такъ мало сидитъ дома. Несмотря на свою общительность, на легкость, съ которою онъ сближается съ незнакомыми людьми, онъ никогда не пригласитъ къ себѣ новаго знакомаго, никогда не познакомитъ со своею женою даже такого человѣка, съ которымъ онъ на «ты», съ которымъ разъѣзжаетъ по баламъ и проводитъ много времени въ кофейняхъ. Въ его домъ входитъ очень небольшой кружокъ родныхъ и знакомыхъ, остальное знакомство начинается и кончается улицею. Причина этому отчасти та, что парижанинъ чрезвычайно быстро, легко и съ очень многими людьми сближается на короткую ногу; пригласить всѣхъ къ себѣ въ домъ невозможно уже вслѣдствіе недостатка помѣщенія,—и вотъ онъ назначаетъ знакомымъ свиданія, споритъ, болтаетъ, ведетъ какъ дружескую, такъ и дѣловую бесѣду внѣ дома, на улицѣ или въ одной изъ тысячи блестящихъ кофеенъ Парижа.

Несмотря на весь шикъ и блескъ французской женщины, юридическое положе-

ніе ея весьма незавидно. Если незамужняя женщина и вдова еще пользуются кое-какими правами, то, выходя замужъ, онѣ совершенно утрачиваютъ ихъ. Мужъ имѣетъ неограниченную власть надъ поступками жены, онъ имѣетъ право изъ простого каприза запретить женѣ идти въ театръ, на вечеринку, наконецъ, не дозволить ей выходить изъ дому. Жена должна всегда находиться при мужѣ, если онъ того пожелаетъ, принуждена слѣдовать за нимъ во всѣхъ его путешествіяхъ, отправиться съ нимъ, если ему вздумается, хоть въ «зачумленное мѣсто». За измѣну мужъ можетъ убить жену, и судъ оправдаетъ его. Эта деспотическая власть мужа простирается и на нравственную личность жены: законъ разрѣшаетъ мужу вскрывать ея частную переписку, но она не смѣетъ сдѣлать того же относительно писемъ мужа, такъ какъ это считается съ ея стороны преступленіемъ. Такое же неравенство въ правахъ и по отношенію къ дѣтямъ. Родительская власть принадлежитъ во Франціи только отцу: онъ можетъ воспитывать ребенка, *какъ* и *гдѣ* пожелаетъ; онъ одинъ можетъ позволить сыну оставить родительскій кровъ, дать разрѣшеніе на бракъ и т. п.,—мать тутъ не при чемъ. Что касается имущественныхъ правъ, то тутъ французское законодательство еще болѣе несправедливо по отношенію къ женскому полу. Выходя замужъ, женщина, по брачному контракту, можетъ выговорить себѣ извѣстную часть имущества, а затѣмъ все остальное ея достояніе, по закону, поступаетъ въ нераздѣльное владѣніе обоихъ супруговъ. Но брачный контрактъ можетъ быть заключенъ только у богатыхъ людей, громадное же большинство браковъ совершается безъ всякаго брачнаго контракта. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ законъ отдаетъ въ руки мужа распоряженіе имуществомъ жены. Несмотря на существованіе брачнаго договора, жена не имѣетъ права по своему усмотрѣнію дарить, отчуждать, закладывать, пріобрѣтать, вообще распоряжаться своимъ имуществомъ иначе, какъ съ согласія своего мужа. Между тѣмъ, мужъ можетъ продавать, покупать, закладывать безъ всякаго согласія жены ея состояніе, полученное имъ въ приданое за нею. Мало того, онъ можетъ растратить на свои личныя прихоти послѣднія крохи достоянія своей жены и оставить всю свою семью безъ всякихъ средствъ къ существованію. До самаго послѣдняго времени мужъ имѣлъ право присвоить себѣ даже заработокъ жены, что и практиковалось здѣсь очень часто. Когда въ лучшую часть французскаго общества проникла мысль оградить хотя бы личный заработокъ жены отъ расточительства мужа, парламентъ призналъ, наконецъ, за женой право располагать непосредственно своей заработной платой, но къ этому было добавлено: «имущество, пріобрѣтенное женой ея личнымъ трудомъ, принадлежитъ тѣмъ не менѣе обоимъ супругамъ». «Иначе говоря, франкъ, пріобрѣтенный бѣдной швеей въ теченіе дня, составляетъ ея личный заработокъ; но если она отнесетъ его въ сберегательную кассу, то мужъ можетъ преспокойно наложить руку на эту монету, лишь только жена возьметъ ее оттуда. Этотъ законъ, по которому жена во Франціи имѣетъ право располагать сама своей заработной платой, прошелъ только въ 1896 г., и считается въ этой странѣ въ высшей степени либеральнымъ, а нѣкоторыми даже и опаснымъ нововведеніемъ».

Признавая женщину неравноправной, какимъ-то вѣчно несовершеннолѣтнимъ, умственно и нравственно недоразвитымъ существомъ, вполнѣ подчинивъ ее неограниченному произволу мужчины, опутывая всевозможными стѣсненіями малѣйшее проявленіе женской дѣятельности, французское законодательство сыграло въ судьбѣ француженки роковую роль. Французы привыкли считать женщину существомъ подчиненнымъ, въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ стоящимъ ниже мужчины, и уже издавна привыкли смотрѣть на нее только, какъ на свою забаву. Ей покло-

няются здѣсь, если она красива, изящна, умѣетъ вести свѣтскую болтовню; гдѣ средства позволяютъ, ее наряжаютъ, какъ куклу, и гордятся ея нарядами, какъ и блестящею упряжью породистыхъ лошадей; если она умна, можетъ зарабатывать деньги, этимъ пользуются въ случаѣ необходимости, но никто за это не прославляетъ, никто не уважаетъ ее въ томъ смыслѣ, какъ мы это понимаемъ. И француженки, кромѣ нѣсколькихъ замѣчательныхъ женщинъ, встрѣчавшихся во всѣ періоды исторіи Франціи и имѣвшихъ громадное значеніе и вліяніе, играютъ въ жизни французскаго общества весьма пошлую роль, но привыкли къ ней и счастливы тѣмъ, что ими восхищаются и превозносятъ ихъ. Кромѣ немногихъ изъ нихъ, онѣ не задумываются надъ тѣмъ, что восторги и восхищенія, которыми они окружены, унижаютъ ихъ человѣческое достоинство. Здѣсь не только мало женщинъ, думающихъ о высшемъ образованіи, но и среднее образованіе кончаетъ несравненно меньше женщинъ, чѣмъ мужчинъ: «въ 1896 г. число воспитанниковъ въ коллежахъ и лицеяхъ (т.-е. городскихъ и правительственныхъ гимназіяхъ) было болѣе 85,000, а воспитанницъ въ соотвѣтствующихъ женскихъ заведеніяхъ всего 10,645. Еще печальнѣе обрисовывается положеніе высшаго женскаго образованія: мужчинъ, слушавшихъ лекціи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, было болѣе 25,000, а женщинъ 270. Во французскіе университеты женщины допускаются съ половины 70-хъ годовъ, и при этомъ осязательную пользу онѣ могутъ извлекать изъ своего диплома лишь на медицинскомъ факультетѣ, кончивъ который, онѣ получаютъ право практиковать; дипломъ же всѣхъ другихъ факультетовъ не имѣетъ ни какого значенія». Французы такъ привыкли смотрѣть на женщину, какъ на свою забаву, что до сихъ поръ весьма недружелюбно относятся къ тѣмъ изъ нихъ, которыя занимаются науками и обучаются въ какомъ-нибудь высшемъ заведеніи: они вообще очень боятся какой бы то ни было перемѣны въ судьбѣ женщины, а очень многіе изъ нихъ опасаются также и ихъ конкурренціи, если онѣ получатъ права. Теперь въ медицинской школѣ къ студенткамъ, гдѣ ихъ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, уже попривыкли; довольно вѣжливо встрѣчаютъ ихъ и на юридическомъ факультетѣ. Но еще 15—20 лѣтъ тому назадъ, когда женщины впервые вошли въ медицинскую школу, «господа студенты встрѣтили ихъ появленіе въ аудиторіи криками, достойными обитателей звѣринца, а то и прямо недвусмысленными прозвищами и даже грязными ругательствами. И такое отношеніе студентовъ къ студенткамъ продолжалось цѣлые годы. Да что студенты! Сами профессора зачастую пожинали лавры дешевой популярности среди мужской молодежи, ухитряясь превращать свои лекціи въ настоящую пытку для студентокъ, передъ которыми они умышленно пускались въ скабрезныя и совершенно ненужныя подробности».

Въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ приходится существовать исключительно своимъ трудомъ, въ средѣ мелкой буржуазіи, напримѣръ, въ семьяхъ мелкихъ чиновниковъ, конторщиковъ, лавочниковъ, хозяевъ магазиновъ,—парижанка, да и вообще французская женщина—существо въ высшей степени дѣловитое, разсудительное, работящее. Какъ за прилавкомъ конторки, магазина, такъ и во главѣ самаго сложнаго торговаго предпріятія она оказывается способною не менѣе мужчины, но превосходитъ его еще тактичностью и находчивостью. Усидчивость и выносливость въ трудѣ, несмотря на ея организмъ, съ виду нерѣдко совсѣмъ хилый и болѣзненный, — просто изумительны. Ея трудовой день всегда заканчивается вечернею прогулкою за городъ, театромъ, пикникомъ, а часто и очень бурнымъ времяпрепровожденіемъ, позднимъ ужиномъ. Спать ей приходится мало, да она и не нуждается въ продолжительномъ отдыхѣ: ея энергію и неустанную дѣятельность поддерживаетъ мысль скопить себѣ

капиталецъ, пріобрѣсти какую-бы то ни было собственность и сдѣлаться самостоятельною хозяйкой того или другого предпріятія. Тогда она будетъ имѣть возможность уменьшить свой рабочій день, а теперь, какъ бы бурно она ни провела сегодняшній вечеръ, какъ бы поздно ни легла она спать, завтра въ 9-ть часовъ утра она уже будетъ сидѣть за конторкой и сверхъ суммы, ассигнованной на свои удовольствія, она не истратитъ изъ своихъ сбереженій ни одного лишняго сантима: ея удовольствія всегда идутъ рука объ руку съ разсчетомъ, и самое бурное увлеченіе никогда не заставитъ ее совсѣмъ потерять голову.

Совсѣмъ иной типъ представляютъ парижанки средней и высшей буржуазіи. Хотя въ послѣднее время изъ этой среды выдѣляются женщины съ серьезнымъ образованіемъ и съ серьезными жизненными задачами, но все это лишь очень рѣдкія исключенія. Громадное же большинство ихъ своею пустою, праздною, пошлою жизнью, которую онѣ ведутъ, представляютъ совершенную противоположность только-что описаннымъ нами женщинамъ изъ мелкой буржуазной среды. Онѣ прежде всего заражены необыкновеннымъ тщеславіемъ, страстью къ роскоши и стремленіемъ заставить весь міръ удивляться себѣ и преклоняться передъ собой. Все воспитаніе ея направлено къ тому, чтобы развить въ ней эти склонности. Съ самаго ранняго дѣтства ее затягиваютъ въ корсетъ, котораго она уже никогда не снимаетъ, здорова она или больна. Лишь только ей исполнилось пять, шесть лѣтъ, ей одѣваютъ чрезвычайно узкія ботинки съ высокими каблуками, по послѣдней модѣ, и начинаютъ безпрестанно посыпать лицо пудрой, намазывать на ночь кожу, чтобъ сдѣлать ее болѣе нѣжною, и брови, чтобы онѣ были гуще. Первая наука, въ которую мать старается посвятить свою дочь,—умѣнье одѣться, пониманіе тайнъ будуара, умѣнье обращаться съ самыми разнообразными туалетными вещицами, въ родѣ пилочекъ, щеточекъ, ножницъ, ножичковъ, стклянoчекъ, баночекъ, мазей, порошковъ, кисточекъ. Когда мать, гувернантка или окружающіе замѣтятъ, что дѣвочка не поступаетъ по всѣмъ правиламъ кодекса элегантныхъ приличій, ей начинаютъ твердить въ одинъ голосъ, что она не мужичка, а парижанка, которой принадлежитъ весь міръ, которую всѣ превозносятъ за элегантныя манеры, и она начинаетъ мало-по-малу сама сознавать свое величіе, все болѣе наблюдать за изяществомъ своихъ манеръ. Въ десять лѣтъ дѣвочку отдаютъ въ пансіонъ, гдѣ она получаетъ крайне плохое образованіе: она учитъ наизустъ басни Лафонтена, длинныя выдержки изъ рѣчей Боссюэта, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ долбитъ грамматику, а главное—упражняется въ умѣньи писать элегантныя письма. Подъ руководствомъ монахини (парижанки до сихъ поръ находятъ, что для дѣвочки изъ порядочнаго дома монахиня—лучшая воспитательница), она ведетъ суровую, тяжелую жизнь и постепенно привыкаетъ душить въ себѣ всѣ законныя чувства и проявленія дѣтской живости, утѣшая себя мыслію, что и на ея улицѣ будетъ праздникъ: не даромъ же она парижанка, не даромъ весь міръ преклоняется передъ ней! Въ восемнадцать лѣтъ она оставляетъ пансіонъ. Не будучи не только красавицей, но даже хорошенькой, она всегда въ высшей степени эффектна, граціозна, имѣетъ прекрасныя манеры, отличную выправку. Когда она окончила курсъ, мать посылаетъ ее въ музеи, въ картинныя галлереи, даетъ ей прочитать нѣсколько модныхъ романовъ, надѣлавшихъ въ послѣдній сезонъ много шуму, и, оставаясь по прежнему совершенно невѣжественною, въ три, четыре мѣсяца молодая дѣвушка пріобрѣтаетъ возможность говорить рѣшительно обо всемъ, критиковать все безъ разбора, относиться ко всему презрительно, насмѣшливо. Будучи болѣзненной отъ ненормальнаго физическаго и нравственнаго воспитанія, она всегда въ нервномъ состояніи; но,

привыкнувъ еще въ пансіонѣ скрывать свои мысли и чувства, она и теперь носитъ маску спокойствія, и только по временамъ выдаетъ себя вспышками необузданнаго гнѣва. Она очень наблюдательна и скоро на гуляньяхъ, въ концертныхъ залахъ, въ театрахъ, въ прочитанныхъ романахъ подмѣчаетъ соблазнительныя стороны парижской жизни, и это пробуждаетъ въ ней цѣлый міръ дурныхъ инстинктовъ, ненасытныхъ желаній. Если дѣвушка богата и за ней даютъ большое приданое, она мечтаетъ выйти замужъ за аристократа не потому, что она полюбила когонибудь изъ нихъ, а потому, что посредствомъ брака съ нимъ, она получитъ титулъ графини или виконтессы.

Парижскія женщины — олицетвореніе всей утонченной испорченности современнаго поколѣнія, легкомыслія и совершенной пустоты. Страсть къ роскоши, желаніе казаться красивѣе, эффектнѣе, лучше одѣтою, стремленіе заставить о себѣ говорить—доводитъ ихъ до невѣроятныхъ вещей. Чтобы этого достигнуть, всѣ средства хороши, и она никогда не задумается надъ ними, какъ бы грязенъ ни былъ ихъ источникъ. Ея жизнь начинается съ полудня, съ 2-хъ, 3-хъ часовъ: каждую ночь она проводитъ въ маскарадѣ, на балу, или на какомъ-нибудь пикникѣ, уѣзжаетъ за городъ съ огромной компаніей веселиться до утра: естественно, что она ложится спать, когда другіе встаютъ. Лишь только она успѣла проснуться и позвонить, къ ней является горничная съ чашкой шоколада. Затѣмъ она встаетъ и отправляется въ другую комнату, въ душистую, ароматическую ванну. Послѣ этого отдыхъ на кушеткѣ, гдѣ для всякой позы особое приспособленіе: вальки, мягкія, жесткія и упругія подушки самой разнообразной формы. Во время этого отдыха, нисколько не безпокоя себя и положивъ подъ локти упругіе вальки, она держитъ въ рукахъ зеркальце и тщательно осматриваетъ свою физіономію, не появилась ли морщинка, сѣдой волосъ: какъ смерти боится она постарѣть. Во время *приготовительныхъ занятій* передъ туалетомъ, къ ней входитъ горничная и объявляетъ, что пришла *массажистка* (masseuse, отъ глагола masser — расправлять треніемъ члены), и въ ту же минуту въ комнатѣ появляются три женщины, съ ящиками въ рукахъ, изъ которыхъ онѣ вынимаютъ бутылочки, флакончики, куски замши, губку, спиртовую лампу и какой-то аппаратъ съ гуттаперчевой трубкой. Главная *массажистка* наливаетъ въ аппаратъ душистое масло и ставитъ его на зажженную спиртовую лампочку. Въ это время дама перелегла на кровать, приготовленную особеннымъ образомъ для этой операціи и покрытую клеенкою. Одна изъ массажистокъ направляетъ на обнаженное тѣло дамы трубку, изъ которой бьетъ теплая струя душистаго масла, другая нагрѣваетъ замшу, третья вытираетъ ею до суха тѣло своей паціентки. Такимъ образомъ массируютъ тѣло, чтобы придать нѣжность кожѣ и упругость мускуламъ. Эта операція сильно утомляетъ парижанку, и послѣ нея она опять отдыхаетъ нѣкоторое время. Но массированіе тѣла—не каждый день, и завтра въ эти часы къ изящной дамѣ приходитъ другой субъектъ женскаго пола; пришедшая точно также съ ногъ до головы осматриваетъ ее и, если найдетъ на тѣлѣ волосокъ, уничтожаетъ его посредствомъ особаго тѣста. Въ тотъ день, когда не умащаютъ тѣла и не уничтожаютъ на немъ волосъ, идутъ безконечные разговоры съ портнихою и примѣриваніе обновъ. Въ другой разъ дама назначаетъ смотръ собаченкамъ, и къ ней опять является не менѣе любопытная личность. Нужно помнить, что настоящая парижанка въ большинствѣ случаевъ отправляется на прогулку съ собаченкою, которая у нея всегда на цѣпочкѣ. Такихъ собаченокъ у нея обыкновенно нѣсколько: не каждая подходитъ ко всякому туалету. При элегантномъ короткомъ костюмѣ нужна и собака гладкая, тоненькая, на высокихъ ножкахъ; къ

тяжелому бархатному длинному платью и при небольшомъ ростѣ дамы нужна и собачка невысокая, съ густой, курчавой шерстью. Вотъ раза два въ недѣлю къ ней и входитъ женщина, которую она нанимаетъ помѣсячно, исключительно для того, чтобы нѣсколько разъ въ недѣлю мыть и убирать собаченокъ. Вымывъ ихъ, она расчесываетъ имъ шерсть, чиститъ когти, иногда завиваетъ колечки и даже подкрашиваетъ.

Послѣ пріема массажистки, портнихи или собачьей надзирательницы, парижанка приступаетъ къ важнѣйшимъ и священнѣйшимъ, по ея понятіямъ, обязанностямъ,—къ своему туалету. Большая часть времени, занятаго туалетомъ, посвящена притираніямъ. Для этого парижанка садится къ туалету, и какихъ только баночекъ, стклянoчекъ, кисточекъ, щеточекъ, губочекъ, зеркалецъ не стоитъ на немъ! Прежде всего она натираетъ тончайшую кисточку лазурью и осторожно дѣлаетъ ею на вискахъ голубыя жилки. Пока онѣ обсохнутъ, она внимательно наблюдаетъ ихъ полулежа и держа въ одной рукѣ изящное, круглое зеркальце въ серебряной оправѣ. Одна жилка ей показалась слишкомъ слабою,—она въ ту же минуту выпрямляетъ свой станъ, опускаетъ ноги на пушистый коврикъ и проводитъ жилку болѣе отчетливо. Когда она найдетъ, что все обстоитъ благополучно, она приступаетъ къ бѣлиламъ. Вытеревъ бѣлилами все лицо, дама беретъ мягкую лебяжью щеточку и дотрогивается ею до тѣхъ мѣстъ, гдѣ не должно быть бѣлилъ: до бровей, губъ, рѣсницъ. Затѣмъ на щеки наводитъ румяна, то усиливая слой ихъ, то уменьшая, смотря по тому освѣщенію, при которомъ ей придется показывать свои щечки. Если ей желательно произвести эффектъ на гуляньѣ, она раскрашиваетъ щеки больше, для вечерняго освѣщенія положитъ слой болѣе тонкій, на балъ—еще нѣжнѣе, и такимъ образомъ до безконечности. Парижанка знаетъ эту науку во всей подробности и до совершенства. Особой краски и самаго большого искусства требуютъ брови и рѣсницы. Ихъ окрашиваютъ необыкновенно осторожно, искусно отдѣляя одинъ волосокъ отъ другого. Многія, чтобы удлинить глазъ, проводятъ небольшой штрихъ въ складкѣ глаза. Точно также измѣняютъ, смотря по желанію, и выгибъ бровей: все это подкрашивается, подчищается, притирается сотни разъ изъ разныхъ баночекъ и стклянoчекъ и при этомъ въ дѣйствіе пускаютъ до дюжины щеточекъ самой разнообразной формы. Та же процедура съ ногтями: ихъ подкрашиваютъ, подчищаютъ, удлиняютъ. Затѣмъ является куаферъ съ множествомъ кордонокъ. Въ одной изъ нихъ у него косы и всевозможныя накладки изъ волосъ, въ другой—стклянoчки и баночки съ различной жидкостью для измѣненія цвѣта волосъ, который тоже перемѣняютъ, смотря по освѣщенію и по предстоящему удовольствію. Парижанки очень часто оказываются золотистыми блондинками. Такъ же искусственъ и ихъ нарядъ. Все и вездѣ тутъ устроено такъ, чтобы скрыть какой нибудь физическій недостатокъ и выказать то, чего нѣтъ. Разряженная, набѣленная и нарумяненная дама за часъ до обѣда отправляется на гулянье въ Булонскій лѣсъ или катается на велосипедѣ. Разумѣется, для всего этого у нея особый костюмъ. На гуляньѣ она встрѣчаетъ множество знакомыхъ и съ огромной компаніей отправляется обѣдать въ ресторанъ. Возвращается она домой часа на полтора,—перемѣнить туалетъ, прическу, цвѣтъ щекъ, и затѣмъ летитъ на балъ или въ маскарадъ. Просидѣть цѣлый день дома, безъ гостей, за какой нибудь работой ей не только не нравится, но и кажется смѣшнымъ и страннымъ: это дѣлаютъ, по ея понятіямъ, педантки и уроды, желающіе прослыть добродѣтельными и оригиналками. Будуаръ, салонъ и ароматическая ванна, вотъ все, что знаетъ парижанка въ своемъ семейномъ быту. Такая жизнь, разумѣется, невозможна для матери и потому парижанка обыкновенно и не бываетъ ею.

Если у нея родится ребенокъ, что для нея всегда величайшее несчастіе, она посылаетъ его къ кормилицѣ на полтора, два года; (только въ самое послѣднее время начинаютъ появляться матери, которыя стыдятся сдавать свое дитя въ деревню къ кормилицѣ и кормятъ его сами, но такихъ немного); затѣмъ еще многія изъ нихъ отдаютъ ребенка къ особымъ воспитателямъ, куда нибудь въ провинцію, пока нельзя отдать мальчика въ collège, а дѣвочку въ пансіонъ или въ монастырь. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ дѣти остаются дома отъ 2 до 10 лѣтъ. Этими нравами такъ прониклось общество, что здѣсь существуетъ даже множество квартиръ, владѣльцы которыхъ не принимаютъ къ себѣ жильцовъ съ дѣтьми. Швейцаръ, показывая квартиру, обыкновенно прибавляетъ: «хозяинъ не принимаетъ жильцовъ съ собаками, дѣтьми и птицами». Такимъ образомъ изъ опасенія за цѣлость обой и паркета наносится страшный ударъ нравственности и семейному началу. Понятно, если бы эти семейныя начала были сильнѣе у парижанъ, они не позволили бы налагать на себя такія постыдныя условія.

Проводя жизнь въ постоянныхъ развлеченіяхъ, парижанка со страстью кидается на маскарадныя и романическія приключенія; ея нервы отъ времени до времени притупляются и требуютъ уже большихъ наслажденій, между тѣмъ жизнь не даетъ ничего болѣе. Минутами ей все надоѣдаетъ, все дѣлается постылымъ: является сознаніе пустоты и пошлости окружающаго. Живая, дѣятельная и богато одаренная отъ природы, она ищетъ другой пищи для ума и сердца; она запирается въ своемъ будуарѣ, никого не принимаетъ и бросается на книги. Но, не получивъ серьезнаго образованія и развитія, она не знаетъ, на чемъ остановиться, и перечитываетъ тысячу французскихъ авторовъ, которые въ блестящемъ, заманчивомъ свѣтѣ выставляютъ порокъ. Искра раскаянія, закравшаяся въ душу, угасаетъ; она со смѣхомъ разсказываетъ знакомымъ о своей хандрѣ и пуще прежняго предается удовольствіямъ. Она торопится наслаждаться жизнію, тѣмъ болѣе, что ея года бѣгутъ такъ скоро, и морщины, все болѣе глубокія, того и смотри, выдадутъ ее, несмотря на бѣлила и румяна. Какъ ужасно для нея услышать намекъ на приближающуюся старость, на безобразіе! Теперь, когда она въ апогеѣ молодости и красоты, всѣ объ ней говорятъ, всѣ стараются замѣтить ея нарядъ. Когда она постарѣетъ, другая, моложе и красивѣе, займетъ ея мѣсто, а ее легко и безцеремонно выкинутъ изъ памяти.

Не слѣдуетъ думать однако, что всѣ парижанки высшихъ классовъ буржуазіи исключительно занимаются холей своего тѣла, будуаромъ, пустыми свѣтскими развлеченіями, интригами и романическими авантюрами,—чрезвычайно много между ними и спортсменокъ. Какъ и у только что описаннаго типа парижанки, у спортсменокъ нѣтъ никакихъ высшихъ идеаловъ и стремленій,—ихъ единственная цѣль закалить свои нервы, укрѣпить мускулы, однимъ словомъ сдѣлаться человѣкомъ вполнѣ здоровымъ. Парижанки-спортсменки фехтуютъ, катаются наونькахъ, ѣздятъ на велосипедѣ, охотятся, стрѣляютъ, плаваютъ, взбираются на высокія горы, занимаются греблею, дѣлаютъ самую разнообразную гимнастику, подымаютъ тяжести, однимъ словомъ посвящаютъ всю свою жизнь спорту во всѣхъ видахъ. Спортомъ увлекаются здѣсь женщины всѣхъ классовъ общества, но имъ занимаются преимущественно парижанки изъ средней и высшей буржуазіи, а также аристократки. Поставить единственною цѣлью жизни свое здоровье—идеалъ слишкомъ эгоистическій, но все же онъ симпатичнѣе идеала того типа парижанокъ, которыя ставятъ своею единственною задачею—нравиться мужчинамъ. Физическое здоровье, котораго такъ недоставало парижанкамъ и котораго онѣ достигнутъ, занимаясь спортомъ, скорѣе всего разовьетъ въ нихъ презрѣніе къ пошлой, пустой, праздной жизни.

БРЕТАНЬ.

Характеристика страны.—Берега и ихъ отличительные признаки.—Ланды.—Дюны.—Приливы и отливы.—Польдеры и ихъ значенiе.—Сборъ водорослей.—Финистеррскiй департаментъ.—Департаментъ Илли и Вилены.—Характеръ бретонца и причины его бѣдности.—Жилище.—Пища и приготовленiе сидра.—Отношенiе между собой членовъ семьи.—Клёры.—Разсказчики.—Нищiе пѣвцы.—Посидѣлки.—Взаимная помощь.—Суевѣрiя и ихъ причины.—Любовь къ празднествамъ.—Праздникъ «отпущенiя».—Продажа женскихъ волосъ.—Характеръ, нравы и занятiя жителей морского побережья.—Тяжелый женскiй трудъ.—Независимость женщины.—Ловля сардинокъ и макрелей.—Ловля рыбы на удочку.—Прыгуны.—«Дары океана».—Ловля спрутовъ.—Ловля устрицъ и добыванiе соли.—Бѣдняки и отношенiе къ нимъ мѣстныхъ жителей.

Бретань, сѣверо-западный полуостровъ Францiи, въ древности назывался Арморикой, т.-е. «морская страна». Берега этого полуострова сильно изрѣзаны бухтами. Въ нихъ всюду видны дикiя скалы, съ глубокими ущельями. Въ этой странѣ гранита друиды, жрецы кельтовъ, высѣкали еще задолго до Р. Х. свои памятники, которые и въ настоящее время здѣсь можно видѣть. Суровый видъ странѣ болѣе всего придаютъ ланды, огромныя безплодныя, песчаныя пространства, занимающiя около $^3/_4$ Бретани. Однако, нельзя сказать, чтобы вся Бретань носила мрачный характеръ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ суроваго и дикаго берега встрѣчаются виды, достойные прибрежья Средиземнаго моря; вслѣдъ за скалистымъ прибрежьемъ грандiознаго океана неожиданно попадаешь въ мѣстность, гдѣ растутъ гигантскiя фиговыя и гранатовыя деревья, лавры, мирты, камелiи. Эти южныя растенiя можно встрѣтить иногда и внутри страны, въ болѣе защищенныхъ мѣстностяхъ. Въ общемъ можно сказать, что умѣренный климатъ на югѣ Бретани болѣе благопрiятствуетъ земледѣлiю, чѣмъ на сѣверѣ. На югѣ холодъ рѣдко превышаетъ 8°, и сильные морозы почти неизвѣстны въ этихъ частяхъ страны, сосѣднихъ съ океаномъ. На сѣверѣ же вы встрѣчаете преимущественно пустынныя дороги, цѣпи черныхъ, безлѣсныхъ холмовъ съ волнующимся на нихъ верескомъ; здѣсь то пронизываетъ васъ холодная сырость, то томитъ удушливый зной; пустыни покрыты терномъ и дрокомъ. Напротивъ того, на югѣ вы вступаете въ лабиринтъ огородовъ и зеленѣющихъ полей, весело журчащихъ ручейковъ, красивыхъ долинъ и холмовъ, жилищъ, утонувшихъ въ зелени густой листвы, веселыхъ городковъ, построенныхъ на берегу рѣкъ, однимъ словомъ, предъ вами разстилаются прелестные ландшафты, нисколько не уступающiе швейцарскимъ; но дѣло въ томъ, что эти картины не часто останавливаютъ вашъ взоръ: послѣ чуднаго ландшафта вы тотчасъ увидите печальную пустыню.

Другой характерной чертой Бретани являются *дюны*, встрѣчающiяся въ очень многихъ прибрежныхъ мѣстностяхъ; онѣ образовались изъ песку, который волны выбросили со дна моря, а вѣтры потомъ сносили въ груды и холмы. Сильный вѣтеръ часто подымаетъ накопившiйся на береговыхъ дюнахъ песокъ и относитъ его далеко во внутрь страны. Эти пески, уносимые вѣтромъ съ береговъ, часто причиняютъ страшный вредъ. Гонимый вѣтромъ песокъ достигаетъ обработанныхъ полей и покрываетъ сплошною массою все посѣянное на нихъ. Тутъ есть жилища, которыя покоятся подъ горами песку, какъ Геркуланумъ и Помпея подъ слоемъ лавы.

Безконечные ряды дикихъ камней тоже представляютъ характерную особенность Бретани. Ихъ смѣняютъ мѣстности, покрытыя то ручьями, то болотами. Около бухтъ и рѣкъ съ морскими приливами и отливами, образующихъ такое множество полу-

островов на бретонском берегу, встрѣчаешь уже другіе виды. Когда, во время прилива, морскія волны громадными массами собираются у берегов, онѣ с необыкновенной быстротой и шумом, напоминающим лязг цѣпей, надвигаются на песчаный берег, покрытый валунами, и разбиваются о выдающіеся в море утесы. Быстрота прилива настолько велика, что всадник верхом, на хорошей лошади, не всегда в состояніи даже галопом ускакать от набѣгающей воды. Как только раздался отдаленный рокот, предвѣщающій приближеніе прилива, приходится бѣжать от него со всѣх ног дальше. Горе тому, кто не успѣет убраться во время. Дойдя до своего предѣла, море быстро, рокоча, бурля и вздуваясь пѣною, уходит назад, обнажая дно, со всѣм тѣм, что на нем было. Эти приливы и отливы представляют страшную опасность для моряков, так как воды Гольфстрёма подходят к европейскому материку у крайних бретонских мысов, смѣшиваются с потоком, который течет с юга и юго-запада, вслѣдствіе чего происходит страшное волненіе; но еще болѣе свирѣпѣет море потому, что приливы и отливы, сталкиваясь между собою, образуют ужасающіе водовороты. Море, окружающее Бретань, постоянно находится в волненіи, но его волненіе и высота воды во время приливов просто невообразимы, чѣм особенно отличается залив Сен-Мишель. «Дно его представляет ровную, понижающуюся по мѣрѣ удаленія от берега, поверхность, среди которой одиноко возвышаются два скалистых островка—гора Сен-Мишель, с знаменитым монастырем того же имени, и островок Томбелэн. Разница между уровнями высокой и низкой воды тут исключительно велика. На остальном побережьѣ Франціи она бывает обыкновенно в 4—5 метров и только во время больших, полугодичных приливов достигает 6—7 метров; здѣсь же она подымается до $12^1/_2$ метров. Можно себѣ вообразить, что должно дѣлаться в заливѣ, когда вся эта масса воды надвигается на остров Сен-Мишель! В нѣсколько секунд десятки верст песчаной равнины, окружающей остров, исчезают под необозримой скатертью воды. Волны хлещут, как бѣшеныя, вода надвигается с ошеломляющей быстротой, и эти приливы, которые в теченіе нѣскольких часов должны размѣститься в бухтѣ и придти в равновѣсіе, образуют при этом очень опасные водовороты, которые затрудняют движеніе судов. Не даром моряки зовут гору Сен-Мишель не иначе, как «погибель в морѣ».

Вода во время приливов и отливов у бретонскаго побережья, смѣшавшись с песком, пылью, грязью и морскими отбросами покрываемых ею огромных пространств, образует жидкую массу, превращающуюся в узких проходах в гибельные потоки. Эти чудовищные потоки жидких масс набѣгают на поля, луга и жилища и губят безвозвратно все, на что они ринутся. Такою же опасностью грозят и рѣки: во время приливов нѣкоторыя из них совершенно мѣняют свое теченіе и, соединяясь в это время с разными водяными рукавами и водными пространствами, производят страшныя опустошенія. Мало того, воды рѣк во время приливов не только измѣняют свое направленіе и затопляют громадныя пространства, но просачиваются в глубину песков и в таких случаях часто безконечныя песчаныя пространства обращаются в жидкость: нечаянно вступившій на такую почву немедленно погружается в нее и бездонная песчаная пропасть поглощает его.

Несмотря на такого мощнаго врага, как море, на эту своенравную морскую стихію со всѣми ея гибельными и разрушительными явленіями, человѣк вступил с нею в борьбу и уже отнял у нея огромную часть земель, которыми она еще недавно владѣла. (Отвоеванныя у моря земли называются *польдерами*). Эти земли,

прежде совсѣмъ недоступныя культурѣ и покрываемыя по два раза въ сутки морскимъ приливомъ, теперь сдѣлались баснословно плодородными, но, чтобы добиться этого, пришлось затратить много труда и денегъ. Компаніи, рѣшившейся пріобрѣсти для земледѣлія новыя земли, приходилось имѣть дѣло съ тремя врагами: съ моремъ, рѣками и движущимися песками. Первою заботою компаніи было укрѣпить берега Куэснона (между Бретанью и Нормандіей), самой опасной и капризной рѣчки, и устроить громаднѣйшіе каналы для пропуска въ море ея водъ. Также были укрѣплены и направлены остальные водяные потоки, что быстро избавило мѣстность отъ трясинъ. Но, пока онѣ существовали, устраивать дамбы и всевозможныя сооруженія было неимовѣрно трудно: приходилось работать на неустойчивомъ грунтѣ, который, несмотря на предосторожности и различныя приспособленія, могъ засосать работника въ свои бездонныя нѣдра. Къ тому же этотъ грунтъ два раза въ день покрывался водою, и все насыпанное на него во время отлива, могло быть уничтожено и размыто приливомъ. Освободивъ побережья отъ бродячихъ рѣчныхъ водъ, осушивъ множество болотъ и топей, укрѣпивъ берега рѣкъ и потоковъ, устроивъ каналы, компанія пріобрѣла громадные польдеры, отличающіеся изумительнымъ плодородіемъ и приносящіе неисчислимыя выгоды. Тамъ, гдѣ существуютъ польдеры, теперь всюду проведены дороги, а для защиты отъ моря устроены плотины, которыя противостоятъ самымъ сильнымъ приливамъ. Одни изъ польдеровъ оставляютъ подъ пастбища для откармливанія рогатаго скота, на другихъ засѣваютъ хлѣба и сажаютъ огородныя овощи, и все даетъ роскошный урожай. На его сочныхъ лугахъ пасутся знаменитыя овцы (такъ называемыя «съ соленыхъ луговъ»), отличающіяся необыкновенно нѣжнымъ вкусомъ. Теперь уже существуетъ проектъ овладѣть сразу всей бухтой Сенъ-Мишель, прекративъ въ нее доступъ приливамъ посредствомъ плотинъ. Этимъ способомъ удалось бы осушить сразу десятки тысячъ десятинъ.

Во многихъ мѣстностяхъ Бретани недостатокъ деревьевъ заставляетъ бретонца отапливать свои жилища кизякомъ (навозомъ), который, прежде чѣмъ употреблять въ дѣло, втыкаютъ для просушки въ изгороди и жилища съ наружной стороны. Однако земля бретонцевъ непремѣнно требуетъ удобренія, но гдѣ же его взять, когда оно у нихъ идетъ на топливо, когда лишь немногіе счастливцы могутъ получать его съ польдеровъ? Очень многіе бретонцы удобряютъ свои поля водорослями и морскими травами. Сборъ водорослей и морскихъ травъ и всевозможныхъ морскихъ отбросовъ составляетъ одно изъ главныхъ занятій жителей. Водоросли бываютъ здѣсь двухъ родовъ: одни изъ нихъ буря и приливъ вырываютъ со дна и выбрасываютъ на берегъ,—тогда они принадлежатъ всякому, кто успѣетъ ихъ подобрать; другія собираются весною на прибрежныхъ скалахъ, которыя обнажаются во время отливовъ. Сборомъ этимъ водорослей могутъ пользоваться только тѣ общины, земли которыхъ примыкаютъ къ этихъ скаламъ. Мэры такихъ общинъ назначаютъ время, когда слѣдуетъ начинать и оканчивать срѣзку водорослей, происходящую обыкновенно между большими приливами въ февралѣ и въ маѣ или въ іюнѣ. Тогда утесы строго раздѣляются между общинниками и каждый имѣетъ право срѣзать водоросли только съ своего утеса. Тамъ же, гдѣ нѣтъ этого порядка, морскими растеніями могутъ пользоваться всѣ, кто хочетъ; это приноситъ имъ страшный вредъ: всѣ съ жадностью бросаются къ этимъ утесамъ и какъ попало вырываютъ водяныя растенія съ корнемъ, вмѣсто того, чтобы ихъ срѣзать, а слѣдовательно пользоваться ими и въ будущемъ году. Вотъ какъ описываютъ срѣзку этихъ растеній: «Въ день, назначенный для срѣзки, прежде еще, чѣмъ море отойдетъ совершенно, и когда еще берегъ покрытъ водою на нѣсколько футовъ, толпа, горящая нетерпѣніемъ воспользо-

ваться краткимъ отливомъ, пускается съ телѣгами въ путь къ мрачнымъ утесамъ, покрытымъ длинными, висячими водорослями, съ которыхъ течетъ морская вода, какъ съ распущенныхъ волосъ утопленника. Вскорѣ каждый принимается со всѣмъ жаромъ собирать драгоцѣнныя морскія растенія, назначенныя для оплодотворенія полей. Ихъ тотчасъ же нагружаютъ на телѣги и отвозятъ на берегъ повыше того мѣста, котораго достигаетъ приливъ, поспѣшно сваливаютъ грузъ и скачутъ за новою добычею до тѣхъ поръ, пока первая волна не ударитъ на ребро рифа и не подастъ сигнала работникамъ къ отступленію. Тогда люди и животныя поспѣшно бѣгутъ, не оборачиваясь назадъ.

«Если скала съ водорослями доступна только для лодокъ, или если даже она слишкомъ удалена отъ берега и невозможно извлекать морскія травы съ помощію телѣгъ, то изъ водорослей устраиваютъ родъ плота, чтобы пригнать ихъ къ берегу тѣмъ же способомъ, какимъ сгоняютъ по теченію рѣкъ плоты съ лѣсомъ. Водоросли собираются въ большія, крѣпко связанныя кипы, и когда приближается море, то работники возращаются прежнимъ порядкомъ, оставляя на волю Божію смѣлаго пловца, принимающаго на себя обязанность препроводить къ берегу пловучую массу,— честь, которой нерѣдко домогается влюбленный, въ надеждѣ подобнымъ подвигомъ тронуть сердце своей возлюбленной. Надобно видѣть, какъ эта странная флотилія подъѣзжаетъ къ берегу, несомая волнами прилива. Такъ какъ водоросли плывутъ, едва показываясь на поверхности моря, то вы видите только смѣлаго пловца, который то исчезаетъ, то появляется, какъ бы стоя на волнахъ и опираясь на длинный шестъ, въ позѣ римскаго тріумфатора. Грозная опасность придаетъ еще болѣе торжественности такому зрѣлищу, и нерѣдко случается, что бурная волна уноситъ кормчаго вмѣстѣ съ грузомъ въ самую глубь моря».

Въ Бретани, среди простонародья, несравненно больше бѣдняковъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было во Франціи; особенною бѣдностью населенія отличается департаментъ Илли и Вилены, что происходитъ отъ постоянныхъ неурожаевъ. Да и какъ этой землѣ давать богатую жатву, когда она, въ большинствѣ случаевъ, представляетъ гранитную плоскость, покрытую легкимъ слоемъ земли. Большая часть земли этого департамента покрыта лѣсами и ландами, а эти послѣднія производятъ только верескъ и плохой терновникъ, едва годные для топлива. Нужно замѣтить, что не только въ этомъ департаментѣ, но и во всей Бретани чрезвычайно много ландовъ, а тамъ, гдѣ ихъ много, жилища крестьянъ отличаются крайнею бѣдностью. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эти ланды воздѣлываются и, когда затратишь много труда, даютъ впослѣдствіи превосходный урожай; но, по мѣрѣ удаленія отъ верхней Бретани, онѣ увеличиваются и остаются безъ обработки. Другая причина бѣдности бретонца—его неразвитость. Хотя въ послѣднее время, вслѣдствіе чрезвычайно быстраго распространенія грамотности по всей Франціи, свѣтъ просвѣщенія проникъ и сюда, но все же среди бретонцевъ еще много безграмотныхъ, и всѣ они чрезвычайно суевѣрны. Постоянные раздѣлы земли немало содѣйствуютъ ихъ бѣдности. По смерти отца, всѣ поля, и безъ того раздробленныя, дѣлятся на новые участки; если остается пять наслѣдниковъ, то всякій изъ нихъ требуетъ своей части въ каждой вещи, своей пятой доли въ каждой крохѣ наслѣдства. Но не всѣ участки имѣютъ одинаковое качество, не всѣ одинаково воздѣланы: одинъ засѣянъ, другой подъ паромъ,—что же дѣлать въ такомъ случаѣ? Остается раздробить каждое поле на пять частичекъ, измельчить участки до того, что они дѣлаются совсѣмъ невозможными къ обработкѣ. Иногда они и на этомъ не останавливаются: случится имъ дѣлить лугъ не вездѣ одинаковаго качества и цѣнности,—они дѣлятъ его на участки, по числу сонаслѣд-

никовъ, и каждый изъ нихъ по очереди собираетъ сѣно съ каждаго участка, такъ что, если ихъ пятеро, то на шестой годъ та же очередь повторяется снова и тѣмъ же порядкомъ. Страсть къ дѣлежу простирается до такой степени, что даже изба подвергается раздѣлу: такой-то получаетъ въ собственность часть избы до такого-то бруска или перекладины и такъ далѣе; печь и дверь остаются общею собственностью. Но самая главная причина бѣдности—безплодная почва, а также и весьма сильно распространенное пьянство; допьяна напиваются не только мужчины, но и женщины: въ Бретани не рѣдкость встрѣтить женщинъ, выходящихъ изъ кабака, которыя держатся другъ за друга, чтобы не упасть. Напиваются сидромъ и алкоголемъ.

Сидръ въ Бретани, такъ-же, какъ и въ Нормандіи,—національный напитокъ, и вы его найдете почти въ каждомъ домѣ; это—родъ яблочнаго кваса, но если онъ крѣпокъ, то можетъ и сильно опьянить. Лучшій сидръ имѣетъ почти красный цвѣтъ; вкусъ его слегка кисловатый, рѣзкій и щиплющій. Обыкновенно его приготовляютъ изъ горькихъ сортовъ яблокъ. Бретонскіе крестьяне выдѣлываютъ его почти исключительно для домашняго употребленія.

Архитектура бретонскихъ жилищъ очень проста: дома небольшіе, двухъэтажные, исключительно каменные, крыты черепицею или аспиднымъ камнемъ, изрѣдка и соломою. Однако, эти соломенныя крыши такъ прочны, что выдерживаютъ много лѣтъ и покрываются зеленымъ мхомъ или травою. Камень, изъ котораго строятъ дома, очень крѣпкій, прочный, въ большинствѣ случаевъ изъ породы гранита. Вслѣдствіе этого вы тутъ немало встрѣтите домовъ, которые стоятъ болѣе двухъ, трехъ столѣтій. Очень понятно, что и при нынѣшнихъ постройкахъ берутъ за образецъ старый типъ домовъ. Лишь въ бойкихъ приморскихъ мѣстностяхъ, куда съ каждымъ годомъ наѣзжаетъ все больше и больше публики, современныя постройки начинаютъ вытѣснять старомодныя формы древней архитектуры. Но двухъэтажный домъ можно найти лишь у людей болѣе зажиточныхъ; у бѣдняковъ жилища представляютъ жалкія хижины, лишь съ одной комнаткой для всѣхъ членовъ семьи и для домашнихъ животныхъ, отдѣленныхъ только легкою перегородкою.

Обстановка жилища бретонца довольно оригинальна. Въ каждомъ домѣ старинная бретонская кровать, которая имѣетъ видъ саркофага; одна сторона этой кровати-саркофага состоитъ изъ отодвигающейся въ сторону рѣшетчатой дверцы; когда она отодвинута, открывается входъ въ кровать, на которой навалена груда перинъ, прикрытыхъ одѣяломъ, и огромное количество подушекъ. Къ этой монументальной кровати прикрѣплены подвижныя шторки или пологъ. Бретонцы, ложась спать, задергиваютъ пологъ и такимъ образомъ раздѣваются и спятъ точно въ отдѣльной комнатѣ. Взобраться на такую кровать, входъ въ которую отстоитъ отъ пола по крайней мѣрѣ на два аршина, можно только посредствомъ длиннаго ларя, который стоитъ у кровати и на которомъ спятъ дѣти. Направо отъ кровати стоитъ шкафъ, украшенный колонками и который блеститъ безчисленнымъ множествомъ мѣдныхъ полосъ, скобами и бляхами. Мѣдныя украшенія этого шкафа, составляющаго гордость бретонки и главное ея богатство, стараются передъ праздниками такъ очистить, чтобы они блестѣли какъ золото, хотя остальная обстановка бретонскаго жилища далеко не отличается опрятностью. Кромѣ кровати, сундука и шкафа, вы найдете въ домѣ бретонца двѣ-три скамьи.

Необходимая принадлежность каждаго бретонскаго хозяйства—*пише*, фаянсовая или жестяная кружка, для питья вина и сидра. Когда на порогѣ появляется гость, хозяинъ встаетъ и, прежде чѣмъ ему поклониться и заговорить съ нимъ, подходитъ

къ шкафу, беретъ *пише*, подноситъ къ губамъ и, не произнося ни одного слова, съ глубокимъ поклономъ, подаетъ кружку гостю; только послѣ этого онъ можетъ заговорить съ нимъ. Отказъ послѣдняго выпить хотя нѣсколько глотковъ считается величайшимъ оскорбленіемъ для всего семейства.

Всѣ предметы въ жилищѣ бретонца, въ большинствѣ случаевъ, разставлены въ крайнемъ безпорядкѣ, и все весьма неряшливо; на полу и на стѣнахъ грязь, печь дымитъ. Посуда, изъ которой ѣдятъ члены семьи, не отличается чистотой. Хозяйка очень рѣдко моетъ котелъ и будетъ удивлена, если вы ей скажете, что его слѣдуетъ мыть послѣ каждаго кушанья: замѣсивъ въ немъ тѣсто, она приготовляетъ похлебку, даже не сполоснувши посуды; также мало думаетъ она и о чистотѣ одежды. Вслѣдствіе этой грязи, грубой пищи и недостатка присмотра за дѣтьми множество изъ нихъ умираетъ въ самомъ раннемъ дѣтствѣ.

Похлебка, приправленная свинымъ саломъ и овощами, ржаной хлѣбъ, кислое молоко, каштаны или, вмѣсто нихъ, просяная каша и, наконецъ, черныя ржаныя лепешки — вотъ и все, что вы увидите на столѣ бретонца. Всякое свое кушанье онъ ѣстъ горячимъ и чрезвычайно пересоленымъ; онъ кладетъ черезчуръ много соли не только въ свои кушанья, но въ хлѣбъ, въ масло, однимъ словомъ—во все, что онъ употребляетъ въ пищу. Это пристрастіе къ соленому объясняется тѣмъ, что въ водѣ, которую пьетъ бретонецъ, огромный процентъ солей; даже вода здѣшнихъ (приморскихъ) источниковъ и колодцевъ имѣетъ довольно непріятный, металлически-солоноватый вкусъ. Это происходитъ оттого, что море, просачиваясь на далекое разстояніе въ береговой песокъ и глину, хотя слегка, но постоянно смѣшиваетъ свою воду и соли съ водою прибрежныхъ источниковъ и колодцевъ. Понятно, что бретонцы, сдѣлавъ съ дѣтства привычку употреблять воду, имѣющую солоноватый вкусъ, много солятъ и свою пищу. Къ тому же до послѣдняго времени большинство мужчинъ служило матросами или занималось рыбными промыслами, а такой образъ жизни всегда пріучаетъ къ соленому. Вслѣдствіе-ли грубой, пересоленной пищи, или бѣдности, а можетъ быть и вслѣдствіе обѣихъ причинъ, бретонецъ страшный пьяница и въ то же время сильно куритъ табакъ, такъ что никогда не выпускаетъ изо-рта своей трубки. Несмотря, однако, на пьянство и грубость, бретонцы отличаются замѣчательною честностью, которая вошла даже въ пословицу. Случаи воровства между ними крайне рѣдки, и человѣкъ, покусившійся на него, не только опозоренъ на всю жизнь, но даже его поколѣніе долго будетъ нести кару за его грѣхъ: «рабочій-то онъ хорошій», говоритъ бретонецъ семьѣ, когда желаетъ нанять батрака, «да дѣдъ-то его обокралъ сосѣда»... И какъ бы ни былъ хорошъ внукъ вора, но на него всегда будутъ смотрѣть если не съ презрѣніемъ, то съ подозрѣніемъ.

Бретонцы считаются самыми суевѣрными, грубыми, дикими и недовѣрчивыми изъ французскихъ крестьянъ: ихъ нравы и обычаи носятъ на себѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, печать патріархальности. Жена, слуги, служанки, дѣти — все безпрекословно повинуется главѣ семейства; но, отдавъ разныя приказанія, хозяинъ самъ идетъ на работу и работаетъ не только наравнѣ съ своими домочадцами и батраками, но еще и больше ихъ. Между членами мужской половины семьи существуетъ полнѣйшее равенство: отецъ, дѣти, служителя — всѣ одинаково работаютъ, и всѣ вмѣстѣ садятся за одинъ и тотъ же столъ; но въ отношеніяхъ между полами совсѣмъ другое: мужчина очень грубо обращается къ своей женѣ; несмотря на это, онъ не наваливаетъ здѣсь на женщину тяжелаго труда, а исполняетъ его самъ; женщины не работаютъ ни заступомъ, ни плугомъ; онѣ полютъ, сѣютъ, жнутъ,—все болѣе трудное

дѣлаютъ мужчины. До чего суровы нравы, въ особенности въ отношеніи къ женщинамъ, можно судить изъ того, что здѣсь вы зачастую услышите: «чѣмъ эта дѣвушка не жена нашему сыну: и работница, и умница—всѣмъ взяла, а нельзя, за бабкой-то грѣхи водились». И дѣйствительно, какъ бы ни была старательна и честна дѣвушка, ее всегда будутъ корить и оскорблять за дурное поведеніе не только матери, но и ея бабки. Иногда дурную молву о бабкѣ распускаетъ кто-нибудь изъ сосѣдей изъ зависти къ дѣвушкѣ или изъ злости, тѣмъ не менѣе всѣ начинаютъ говорить объ этомъ и мало-по-малу сторонятся несчастной. Отношенія мужа къ женѣ настолько суровы, что послѣдняя болѣе напоминаетъ прислугу, чѣмъ хозяйку; между тѣмъ она обязана вести все хозяйство, хотя самостоятельно не можетъ въ немъ ничѣмъ распорядиться, служитъ мужчинамъ за столомъ, ѣстъ послѣ нихъ и только то, что отъ нихъ осталось.

Родители, еще при жизни, часто отказываются въ пользу дѣтей отъ своего имущества. Это происходитъ обыкновенно такимъ образомъ: когда женятъ одного изъ сыновей, то они уступаютъ ему часть своей земли и хозяйства; черезъ нѣкоторое время они увеличиваютъ эту часть; когда вступаетъ въ бракъ другой сынъ, и ему отдѣляютъ еще часть,—и въ концѣ-концовъ родители лишаются всего своего имущества; дѣти при этомъ, конечно, даютъ клятвенное обѣщаніе кормить и покоить родителей на старости, но далеко не всегда исполняютъ свои обѣщанія.

Несмотря на невѣжество и неразвитость, бретонцы имѣютъ склонность къ поэзіи, хотя она и не отличается особенными достоинствами. Доказательствомъ этому служатъ народные барды, называемые «клёрами». Передъ наступленіемъ хорошей погоды, они собираются вмѣстѣ и совѣщаются о томъ, куда кому изъ нихъ отправиться. Эти барды странствуютъ по деревнямъ толпами, ведутъ кочевой образъ жизни и, если можно такъ выразиться, представляютъ низшій сортъ литературной богемы, живущей среди полей. Они смѣло стучатъ въ двери хатъ и фермъ, всѣ охотно ихъ принимаютъ и выслушиваютъ ихъ стихотворныя произведенія, вознаграждая ихъ за это обѣдомъ или ужиномъ. Нѣкоторые изъ нихъ всю жизнь ведутъ этотъ скитальческій образъ жизни, но очень многіе впослѣдствіи выбираютъ какую-нибудь опредѣленную карьеру; нѣкоторые дѣлаются даже священниками и громятъ съ каѳедры странствующихъ поэтовъ, которыхъ они называютъ тогда праздношатающимися и паразитами, несмотря на то, что прежде они сами были клёрами. Въ поэзіи этихъ клёровъ мало изобрѣтательности и творчества; они составляютъ обыкновенно баллады и элегіи и читаютъ или поютъ ихъ передъ слушателями, но никогда не пишутъ; они выражаютъ въ нихъ личныя чувства, страданія, сердечныя печали или воспроизводятъ картины деревенской жизни.

Существуютъ здѣсь и разсказчики, которыми являются обыкновенно портные. Бретонскіе портные отличаются необыкновенною болтливостью, и на счетъ ихъ въ народѣ ходитъ много поговорокъ и остротъ, такъ, напр.: «нужно трехъ портныхъ, чтобы сдѣлать одного человѣка», но, несмотря на это, посидѣлки никогда не обходятся безъ этихъ живыхъ бретонскихъ газетъ, которые къ тому же могутъ позабавить множествомъ самыхъ разнообразныхъ разсказовъ.

Немало здѣсь странствующихъ нищихъ-пѣвцовъ, усердно зазываемыхъ въ хижины и которые отплачиваютъ пѣснями за оказываемое имъ гостепріимство.

Болѣе всего пѣсенъ можно услышать на посидѣлкахъ, гдѣ молодые люди часто даже сами ихъ импровизируютъ. Бретонки находятъ особенно необходимымъ пѣть во время пряжи льна, такъ какъ, по мѣстной поговоркѣ, ленъ превратился бы въ паклю, если бы при этомъ не пѣли. Посидѣлки устраиваются зимою съ шести часовъ ве-

чера; тогда передъ огромнымъ очагомъ, пламя котораго составляетъ единственное освѣщеніе хижины, усаживаются старики и молодые, старухи и дѣвушки; женщины работаютъ, мужчины покуриваютъ, и всѣ поютъ или разсказываютъ по очереди.

Нигдѣ, кажется, во Франціи духовенство не имѣетъ такой силы, какъ здѣсь: бретонцы—истинные католики, люди въ высшей степени религіозные, но къ ихъ религіи много примѣшивается суевѣрій и язычества отъ прежнихъ временъ. Духовенство, къ которому бретонцы сильно привязаны, очень неразвито. Когда въ 70-хъ гг. нынѣшняго столѣтія возникъ вопросъ объ общемъ даровомъ и обязательномъ образованіи и начали устраивать школы, духовенство, боясь потерять свое вліяніе на населеніе, стало противодѣйствовать школьной реформѣ и тормозить распространеніе просвѣщенія. Быстрому распространенію грамотности мѣшало также и бретонское нарѣчіе этого населенія. Но такъ какъ теперь всюду во Франціи даровое и обязательное обученіе и число школъ даже въ Бретани постоянно увеличивается, въ которыхъ обучаются на французскомъ языкѣ, то это заставляетъ выучиваться по-французски почти каждаго бретонца.

Бретонецъ—человѣкъ угрюмый и сумрачный, но разъ онъ пускается съ кѣмъ-нибудь въ бесѣду, онъ свободно высказываетъ свое сужденіе. Бретонцы отличаются покорностью судьбѣ, но теперь они уже не относятся къ своей нищетѣ такъ апатично, какъ прежде, а стараются всѣми силами побороть ее; во время эпидемій они по возможности борятся противъ болѣзней. Еще недавно у нихъ существовалъ культъ мертвыхъ, и смерть была окружена ореоломъ поклоненія: на кладбищахъ и въ церквахъ можно было видѣть кости мертвыхъ; но теперь этотъ обычай выставлять кости постепенно исчезаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и кладбища въ Бретани принимаютъ болѣе опрятный видъ.

Угрюмый, сумрачный видъ бретонца даетъ себя чувствовать съ перваго взгляда; его шляпа съ огромными полями бросаетъ мрачную тѣнь на его лицо, наполовину закрытое длинными, плохо расчесанными волосами. На ваше привѣтствіе, на ваши теплыя слова онъ отвѣтитъ вамъ односложными звуками. Онъ не пустится въ разговоръ съ незнакомымъ и всегда очень сдержанъ съ человѣкомъ, котораго мало знаетъ. Тѣмъ не менѣе гостепріимство—характерная черта бретонца, и если онъ васъ пригласитъ къ обѣду, а вы откажетесь безъ уважительной причины, онъ считаетъ себя оскорбленнымъ. Каждому нищему онъ радушно отворяетъ двери своей хаты и разставляетъ передъ нимъ все, что у него есть, такъ какъ считаетъ его посланникомъ божіимъ. Вслѣдствіе такого взгляда и еще болѣе, конечно, вслѣдствіе неблагопріятныхъ экономическихъ условій, нищихъ очень много въ странѣ: они отличаются здѣсь необыкновенною словоохотливостью, разсказываютъ дѣйствительныя и выдуманныя происшествія, которыя такъ любятъ слушать угрюмые бретонцы.

Въ Бретани повсемѣстно сильно развита взаимная помощь: во время молотьбы, сѣнокоса и другихъ большихъ работъ каждый, справивъ свое дѣло, старается помочь сосѣду. За такую помощь, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, онъ ни за что не возьметъ денегъ; но зато каждый, къ кому пришли на помощь, считаетъ своей обязанностью угостить обѣдомъ и поставить какъ можно больше сидра. До чего взаимная помощь въ нравахъ народа, можно видѣть изъ того, что въ какой бы ссорѣ, въ какой бы враждѣ ни были сосѣди, но разъ случится бѣда или нужно большее число рукъ—убрать сѣно, когда начинается гроза, тушить пожаръ, каждый бѣжитъ на помощь даже къ своему злѣйшему врагу.

Бретонцы—самый суевѣрный народъ: какъ древніе обитатели Бретани зажигали огни въ честь солнца, такъ нынѣшніе бретонцы зажигаютъ множество огней въ Ива-

новъ день и пляшутъ вокругъ нихъ. Они особенно почитаютъ нѣкоторые источники, и къ нимъ массами стекаются больные, обливаютъ себѣ шею и руки для возстановленія здоровья. Въ нихъ погружаютъ рубашки больныхъ дѣтей и невысохшими одѣваютъ на нихъ. Нечего и говорить, что лѣса, вода, дома—все наполнено различными духами, лѣшими, домовыми. Домовые вмѣшиваются во всѣ ихъ дѣла: прокисло молоко, спутана у лошади грива,—все это надѣлалъ домовой. Въ Бретани (въ окрестностяхъ Тремье) еще до сихъ поръ существуетъ капелла, куда собираются всѣ желающіе какого-нибудь несчастія ближнему: здѣсь жена молитъ «Богородицу ненависти» (Notre Dame de la Haine), чтобы она скорѣе послала смерть ненавистному мужу, сынъ умоляетъ Мадонну убить отца, чтобы поскорѣе получить наслѣдство. Суевѣрія и религіозные предразсудки положительно опутываютъ съ головы до ногъ бретонскаго крестьянина. Ни въ одномъ уголкѣ Франціи нѣтъ такого количества религіозныхъ процессій и праздниковъ «отпущенія» (Pardon), нигдѣ не сохранилось столько чудесныхъ памятниковъ и легендъ, какъ въ Бретани. Распространенію суевѣрій немало помогаетъ окружающая бретонца природа, а также прошлая его судьба, уединенная жизнь и его невѣжество. Бретань, сравнительно съ остальной Франціей, всегда была менѣе воздѣлана: безконечныя ланды, дюны, болота, пески и лѣса испоконъ вѣка заставляли здѣшнее населеніе искать мѣстностей болѣе плодородныхъ и селиться нерѣдко на далекомъ разстояніи другъ отъ друга. Явленія природы тоже давали немало пищи для его фантазіи; если близость моря, съ которымъ были связаны у народа самые существенные его интересы, вырабатывала въ немъ энергію и отвагу, то, съ другой стороны, своими бурями, подводными камнями, причинявшими множество кораблекрушеній, и другими грозными явленіями, оно вселяло въ народѣ страхъ и трепетъ и порождало множество суевѣрій, легендъ и предразсудковъ. Немало суевѣрій заимствовали бретонцы и отъ языческихъ временъ: такъ, мы находимъ у нихъ древній культъ фонтановъ, въ настоящее время христіанизированный; съ необыкновеннымъ почтеніемъ относятся они и къ камнямъ друидовъ: они вѣрятъ, что эти камни имѣютъ свойство излѣчивать болѣзни и совершать чудеса. О происхожденіи друидическихъ камней бретонцы разсказываютъ множество преданій; по одному изъ нихъ, ихъ принесла въ страну Пресвятая Дѣва Марія въ своемъ передникѣ, а по другому—они поставлены святыми угодниками въ воспоминаніе ихъ странствованій. Тѣ же предразсудки и языческія суевѣрія и въ ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и понятіяхъ. Для этого стоитъ только вспомнить названіе здѣшнихъ католическихъ Мадоннъ; въ нихъ сказывается лишь практическое стремленіе человѣка заручиться покровительствомъ небесъ для какого-нибудь предпріятія, и поэтому одна изъ нихъноситъ названіе покровительницы моряковъ, другая—торговли и т. п. Церковныя процессіи носятъ тотъ же характеръ: въ одной мѣстности существуетъ небольшая часовня, посвященная «Св. Дѣвѣ въ терніяхъ» (sainte Vierge de l'Epine); по преданію, въ этой мѣстности, въ кустѣ терновника, явилась Мадонна въ видѣ маленькой статуэтки, которая посвятила себя спасенію утопающихъ. И дѣйствительно, каждый годъ толпы моряковъ и спасенныхъ торжественно ходятъ процессіей съ этой статуэткой, благодаря за оказанныя услуги и умоляя не оставить ихъ и на будущее время. «Богородица ненависти», о которой мы упоминали выше,—самый разительный примѣръ наслѣдія язычества, совсѣмъ нетронутаго истиннымъ духомъ христіанской религіи.

Несмотря на угрюмость бретонцевъ, они чрезвычайно любятъ праздники и забавы. Каждый годъ мѣстную администрацію забрасываютъ просьбами разрѣшить тотъ или другой новый праздникъ, новую ярмарку. Прежде въ Бретани въ годъ спра-

Рашевскій
В. Васнецовъ

вляли болѣе 600 ярмарокъ; слѣдовательно, въ одинъ день были ярмарки заразъ въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ. Теперь количество ярмарокъ и базарныхъ дней сильно уменьшено, но все же и до сихъ поръ ихъ осталось болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Это заставляетъ бретонцевъ прогуливать слишкомъ много времени и увеличиваетъ поводы для пьянства, но имѣетъ и свою хорошую сторону: при однообразной жизни среди скота и полей такіе дни служатъ для народа большимъ развлеченіемъ и даютъ ему возможность потолковать о своихъ деревенскихъ дѣлахъ, что очень важно въ Бретани, гдѣ жилища народа въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ страшно разбросаны и отстоятъ другъ отъ друга очень далеко. Кромѣ ярмарокъ, здѣсь существуетъ и множество праздниковъ въ честь различныхъ патроновъ, которыхъ у бретонцевъ чрезвычайно много, такъ какъ не только каждая церковь имѣетъ своего патрона, но даже часовни, колодцы. Эти праздники въ честь патроновъ называются праздниками «отпущенія» (Pardon). Каждая мѣстность въ Бретани празднуетъ свой праздникъ отпущенія, кромѣ Плёэрмеля, и именно потому-то извѣстная опера носитъ названіе «Pardon de Plöermel»: чтобы не задѣть щепетильную религіозность тѣхъ городовъ, гдѣ бываютъ эти праздники, оперу назвали по имени мѣстности, гдѣ ихъ не бываетъ. На праздники отпущенія народъ толпами собирается изъ окрестныхъ мѣстностей. Около того мѣста, гдѣ будетъ празднество, точно изъ земли выростаетъ цѣлый городъ: тутъ балаганы канатныхъ плясуновъ, тамъ выставка четокъ, лавки съ товарами, на веревкахъ развѣшаны листки съ пѣснями на туземномъ нарѣчіи, раскрашенныя литографіи святыхъ, наиболѣе уважаемыхъ въ Бретани. Народъ на этотъ праздникъ собирается наканунѣ, и еще наканунѣ все приходитъ въ движеніе. Продавцы, стоя у своихъ подвижныхъ лавочекъ, распѣваютъ пѣсни, скрипачи наигрываютъ самые любимые бретонскіе танцы, нѣсколько дальше слышны пискливые звуки биньу (bignou)—національнаго бретонскаго инструмента, напоминающаго шотландскую волынку,—все это смѣшивается съ гуломъ колоколовъ, съ веселыми криками толпы, съ жалобными пѣснями нищихъ, просящихъ о подаяніи, однимъ словомъ—шумъ, говоръ, движеніе. «Моряки, избѣжавшіе кораблекрушенія, матери, дѣти которыхъ исцѣлились какимъ-нибудь чудомъ, молодыя женщины, нетерпѣливо желающія сдѣлаться матерями, стекаются со всѣхъ сторонъ для развѣшиванія вокругъ часовни своихъ приношеній по обѣту или для совершенія обрядовъ, которые должны принудить святого къ исполненію всѣхъ желаній молящаго. Часто приходится для этого *взбираться на колѣняхъ на высокую гору*, гдѣ водруженъ крестъ, по гранитнымъ ступенямъ, обдирающимъ ноги, или обходить нѣсколько разъ вокругъ церкви босыми ногами. Бѣдняки нанимаются для исполненія обѣтовъ: они расхаживаютъ въ толпѣ съ криками: «Кому нужно обойти десять разъ вокругъ кладбища босыми ногами?» Богачи вступаютъ съ ними въ переговоры, долго торгуются, потомъ, условившись въ цѣнѣ, наблюдаютъ за исполненіемъ найма и удаляются въ блаженной увѣренности, что сдѣлали угодное Богу. По понятію бретонцевъ, есть святые, которые исцѣляютъ одну какую-нибудь болѣзнь, другіе, болѣе могущественные, исцѣляютъ всевозможныя страданія и обогащаютъ приходы, состоящіе подъ ихъ покровительствомъ; есть и такіе, которые излѣчиваютъ только лошадей и коровъ.

«Колокольный звонъ оглашаетъ воздухъ, пѣніе священнослужителей раздается подъ сводами святого храма, и со всѣхъ сторонъ несутъ драгоцѣнныя приношенія на ступени алтаря: мѣшки съ каштанами и рожью, кувшины съ медомъ и пивомъ, новорожденныхъ ягнятъ, куски холста и проч. Каждый приноситъ, что хочетъ и что можетъ,—все принимается; по окончаніи божественной службы церковный староста выноситъ всѣ эти дары на продажу съ аукціона у подножія креста, водруженнаго

среди площади передъ церковью. Пріобрѣтеніе этихъ священныхъ вещей тоже составляетъ предметъ соревнованія; богомольцы оспариваютъ ихъ другъ у друга, не слишкомъ, однакоже, набивая на нихъ цѣну. Деньги, вырученныя отъ ихъ продажи, назначаются на содержаніе церкви и передаются въ руки приходскаго священника, который расходуетъ ихъ по своему усмотрѣнію. По окончаніи религіозныхъ церемоній наступаетъ очередь забавъ, раздаются звуки *bignou*, и молодежь пускается въ пляску».

Въ праздникъ отпущенія купцы покупаютъ волосы у молодыхъ дѣвушекъ; но они никогда не уплачиваютъ имъ за это деньгами, а даютъ, смотря по величинѣ косы, цвѣтной платокъ соотвѣтственнаго достоинства. Этотъ обычай установился здѣсь вслѣдствіе того, что бретонка не только не смотритъ на свои волосы, какъ на украшеніе, но считаетъ стыдомъ, если мужчина увидитъ, что ея косы падаютъ до земли. Замѣтимъ кстати, что эти купцы, пріѣзжающіе на праздникъ отпущенія для покупки волосъ, не удовлетворяются бретонками и объѣзжаютъ для этого промысла по крайней мѣрѣ четвертую часть французскихъ департаментовъ. Изъ этихъ волосъ во Франціи не только приготовляютъ косы, локоны, накладки, парики, но и превосходно дѣлаютъ различныя украшенія для туалета: цѣпочки, медальоны, кольца, ожерелья, браслеты.

Въ несравненно лучшемъ экономическомъ положеніи находятся жители побережья океана: они занимаются здѣсь рыбною ловлею и добываніемъ самыхъ разнообразныхъ «даровъ моря». Близость моря даетъ возможность даже ребенку кое-что заработать на свое пропитаніе. Куда вы ни обратите взоръ на приморскомъ берегу, вы, съ одной стороны, встрѣтите море, съ другой—чаще всего дюны—настоящее песчаное море, которое гораздо мрачнѣе океана, такъ какъ оно безъ жизни, безъ движенія, безъ звуковъ. Только красивый тамарискъ, съ тонкою и изящною листвой, колеблется во время ураганов милліонами цвѣтовъ на своихъ гибкихъ стебляхъ. На этихъ сыпучихъ пескахъ, съ которыми ничего нельзя подѣлать ни удобреніемъ, ни влагой, жители умерли бы съ голоду, если бы море не посылало имъ различныхъ промысловъ. Главныя черты ихъ характера и жизни: беззаботность, неустрашимость, чрезмѣрныя работы женщинъ, совершенное отсутствіе комфорта въ домашней жизни, доведенной до простоты, граничащей съ нищетой, независимый характеръ какъ женщинъ, такъ и мужчинъ, непреодолимое отвращеніе ко всякой подчиненности и у мужчинъ—ко всякому занятію, кромѣ рыболовства. При всемъ этомъ они необыкновенно усердны въ общемъ дѣлѣ, рады помогать ближнимъ, съ состраданіемъ и уваженіемъ смотрятъ на больного и бѣднаго человѣка.

Мужчины занимаются только рыболовствомъ, все остальное дѣлаютъ женщины. Съ перваго часа пополуночи онѣ уже на ногахъ и должны бѣжать за 6, за 7 верстъ собирать папортникъ, который онѣ приносятъ на плечахъ въ огромныхъ вязанкахъ. Онѣ продаютъ его рыбнымъ торговцамъ, а часть оставляютъ у себя на укладку рыбъ. Послѣ этого каждая женщина отправляется будить мужа, который отправляется на рыбный промыселъ. Затѣмъ она кормитъ дѣтей, которыхъ у нея обыкновенно чрезвычайно много. Для огромной семьи нужно многое что починить, помыть, приготовить обѣдъ. Воду она не можетъ брать изъ моря и должна идти за прѣсной водой къ источнику, который находится обыкновенно очень далеко, и путешествовать къ нему приходится по сыпучимъ пескамъ, нерѣдко углубляясь въ нихъ по поясъ. Свои домашнія работы они должна справить къ 10-ти ч. утра, такъ какъ лодки въ это время уже возвращаются съ ловли и она непремѣнно должна присутствовать при этомъ. По прибытіи лодки, ее разгружаютъ, и начинается дѣлежъ рыбы. Въ ловлѣ обыкновенно участвуютъ четыре человѣка: одному изъ нихъ принадлежитъ лодка,

другому сѣти, остальные помощники. Въ большинствѣ случаевъ половина улова идетъ хозяевамъ лодки, снастей и сѣтей, такъ какъ эти рыбачьи принадлежности стоятъ очень дорого. Послѣ того, какъ надѣлены владѣльцы невода и лодки, остальное поровну дѣлится между рыбаками и женщиной, которая каждый день вымываетъ лодку. По окончанiи дѣлежа, жены подходятъ къ мужьямъ и принимаютъ отъ нихъ рыбу, чтобы нести ее на рынокъ или домой. Остальныя женщины полощатъ неводъ, бережно отчищаютъ отъ него всѣ приставшiя травы и разстилаютъ его на берегу для просушки. Часть сардинокъ онѣ продаютъ не на своихъ рынкахъ и потому укладываютъ ихъ очень тщательно: работа эта въ высшей степени медленная и утомительная. Женщины, стоя на колѣняхъ по нѣскольку часовъ сряду, укладываютъ и солятъ рыбу и затѣмъ отправляютъ ее въ таможню. Всѣ эти работы оканчиваются очень поздно, а мы уже знаемъ, что онѣ встаютъ до зари. Когда же отдыхаетъ здѣшняя женщина? Какъ можетъ выполнить она въ продолженiе дня такое множество самыхъ разнообразныхъ работъ? Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ есть небольшiя полосы земли, особенно на островахъ, женщины сами обрабатываютъ и засѣваютъ свое поле и собираютъ посѣвъ съ него. Моряки считаютъ безчестiемъ заниматься какимъ бы то ни было дѣломъ, кромѣ рыболовства. Послѣ ловли, которая оканчивается къ 10-ти часамъ, мужчины часто ничего не дѣлаютъ и отправляются въ трактиры или валяются дома на боку. Но, какъ бы въ награду за тяжкiй, утомительный трудъ, здѣшняя женщина пользуется большимъ почетомъ. Не только всѣ окружающiе, но и самъ мужъ смотритъ на нее, какъ на главу семейства, и обращается съ ней необыкновенно ласково. Она управляетъ и распоряжается рѣшительно всѣмъ: заключаетъ договоръ съ купцами, держитъ у себя деньги, старается пристроить мужа къ тому или другому хозяину лодки, если онъ бѣденъ, и наоборотъ,— найти ему сотрудниковъ, если она скопила столько денегъ, чтобы обзавестись собственной лодкой или неводомъ. Здѣсь вы не только никогда не увидите потасовки между супругами, но даже сказать женѣ грубое слово считается преступленiемъ. Несмотря на это, помочь женщинѣ въ тяжеломъ трудѣ, облегчить ее въ то время, когда мужчина, ничего не дѣлая, лежитъ на боку,—никогда никому не приходитъ въ голову, и сами женщины объ этомъ не думаютъ.

Занятiя жителей въ высшей степени разнообразны, но всѣ они тѣсно связаны съ моремъ: кромѣ сардинокъ и макрелей, здѣсь занимаются также ловлею омаровъ, краббовъ, морскихъ пауковъ, отыскиваютъ съѣдобныхъ улитокъ, раковины и все это продаютъ на различныхъ рынкахъ; что не удастся продать, оставляютъ для своего продовольствiя.

О ловлѣ сардинокъ и макрелей сѣтями мы не будемъ говорить, потому что такой способъ ловли достаточно извѣстенъ. Не менѣе распространена ловля рыбы на удочку. На такую ловлю бретонцы отправляются въ парусныхъ лодкахъ и отъѣзжаютъ отъ берега на 7—8 лье. Рыбаковъ въ лодкѣ отъ 5 до 6 человѣкъ; когда они добрались до мѣста, гдѣ, по ихъ соображенiю, много рыбы, они становятся на якорь; одинъ изъ нихъ горстями высыпаетъ въ воду напередъ раздробленныя раковины и во время всего улова ничѣмъ другимъ не занимается, какъ только бросанiемъ въ море приманки. Рыба бросается къ лодкѣ, и черезъ нѣсколько минутъ она плаваетъ подлѣ стаями. Затѣмъ рыбаки берутъ удочки съ длинною лесою; на острiе крючка они надѣваютъ кусокъ какой-нибудь мелкой рыбешки и закидываютъ ихъ въ воду. Рыба такъ быстро клюетъ, что ее едва успѣваютъ вытаскивать, и необходимо имѣть наготовѣ другую удочку; такимъ способомъ въ 5—6 часовъ налавливаютъ рыбы до 2—3-хъ пудовъ.

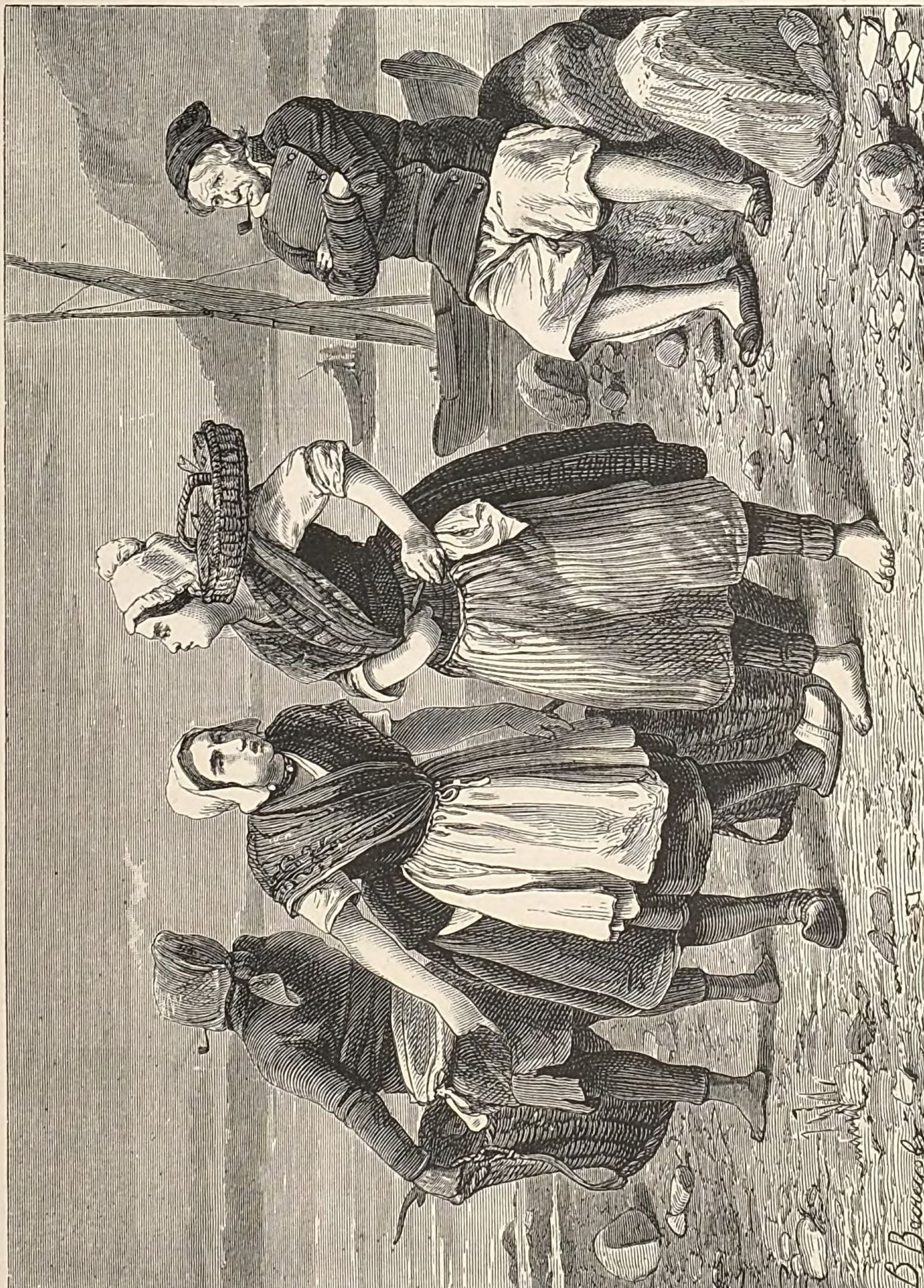
Очень распространена здѣсь и ловля прыгуновъ или скакуновъ—рыбы, напоминающей нашего угря. Они водятся преимущественно въ маленькихъ рѣчкахъ, впадающихъ въ море. Во время отлива, когда рѣчка превращается въ маленькій ручеекъ, прыгуны заползаютъ въ песокъ; тогда женщины и дѣти съ желѣзными заступами въ рукахъ извлекаютъ ихъ оттуда; иногда достаточно ударить заступомъ по дну, —и прыгуны выскакиваютъ сами, а дѣти бросаютъ ихъ въ мѣшки и корзины.

Съѣдобныя породы раковинъ, креветки, краббы, омары и другіе «дары океана» служатъ большимъ подспорьемъ въ хозяйствѣ прибрежныхъ жителей. Для добыванія многихъ изъ нихъ нужна большая опытность: креветокъ трудно замѣтить въ водѣ, такъ какъ ихъ тѣло очень прозрачно и притомъ онѣ живутъ въ глубокихъ впадинахъ на морскихъ скалахъ, гдѣ остается вода послѣ прилива. Ихъ ловятъ ручной сѣткой.

Краббовъ ловятъ во время отлива, поднимая камни, которые были залиты водою. Для улова нужно выбирать время, когда они мечутъ икру: тогда они собираются цѣлыми массами въ одно мѣсто, обыкновенно на песчаномъ днѣ, вблизи берега, на небольшой глубинѣ. Это бываетъ обыкновенно въ августѣ или сентябрѣ. Но, прежде чѣмъ открыть ихъ убѣжище, приходится каждый разъ поискать довольно долго.

Здѣсь попадаются и великолѣпные экземпляры омаровъ: самые большіе изъ нихъ продаются по 5—6 франковъ, но большинство, конечно, идетъ по болѣе дешевой цѣнѣ. Въ мѣстахъ, излюбленныхъ омарами, гдѣ нибудь подъ скалой, нависшей надъ моремъ, разставляютъ плетушки, бросаютъ въ нихъ падаль и гніющіе отброски, до которыхъ омары, какъ и всѣ ракообразные, большіе охотники.

Но самый оригинальный видъ представляетъ ловля спрутовъ, принадлежащихъ къ семейству головоногихъ моллюсковъ. «Наиболѣе крупные изъ нихъ имѣютъ туловище съ голову ребенка, а ноги, или вѣрнѣе щупальцы, длиною въ полъ-аршина. Конечно, когда животное, преслѣдуемое человѣкомъ, вытягиваетъ въ ярости свои ноги и качаетъ отвратительной головой съ двумя неподвижными студенистыми глазами и ртомъ наподобіе клюва попугая, оно можетъ показаться Богъ знаетъ какимъ большимъ, особенно человѣку, непривыкшему къ подобному зрѣлищу; но въ сущности спрутъ не столь великъ, какъ отвратителенъ. Въ охотѣ за нимъ участвуетъ цѣлая семья: мужъ, жена и дѣти,—всѣ вооруженные желѣзными палками съ концомъ, загнутымъ въ формѣ крючка. Лишь только отступающее во время отлива море обнажитъ прибрежныя скалы, вы увидите цѣлыя вереницы бретонцевъ, которые направляются къ морю съ засученными рукавами, желѣзными крючками и корзинами,—это началась ловля спрутовъ. Пришедши на мѣсто охоты, вся семья разбивается среди скалъ, среди нагроможденныхъ моремъ валуновъ и довольно большихъ камней, покрытыхъ раковинами и водорослями. Всѣ камни тщательно переворачиваются, а если есть очень тяжелые, то пространство подъ ними зондируется желѣзнымъ крючкомъ. Въ «урожайные» на спрутовъ годы рѣдкій камень не скрываетъ подъ собой притаившагося моллюска, котораго бретонецъ схватываетъ или просто рукою, привыкшею къ этимъ операціямъ, или вытягиваетъ крючкомъ. Въ послѣднемъ случаѣ бываетъ, что спрутъ жертвуетъ своей лапой, за которую зацѣпляется крючокъ, и упорно присасывается къ скалѣ остальными, но не всегда и это помогаетъ. Его схватываютъ за туловище и сильно ударяютъ о скалу, чтобы онъ «ошалѣлъ» и не успѣлъ выбросить изъ желудка такъ называемую сепію, бурую жидкость, изъ которой приготовляютъ краску. Съ тою же цѣлью у спрута вырываютъ желудокъ, а туловище вывертываютъ наизнанку, какъ перчатку. Всѣ упомянутыя

предосторожности принимаются на тотъ случай, чтобы разгнѣванный моллюскъ не успѣлъ попортить своего мяса, наливши его собственною краскою. Затѣмъ спрута бросаютъ въ корзину, гдѣ онъ поджидаетъ товарищей, пока ихъ не наберется достаточно и пока домовитая бретонка не начнетъ варить ихъ для семейнаго стола».

Въ нѣкоторыхъ прибрежныхъ мѣстностяхъ ловля устрицъ составляетъ главное занятіе жителей. Почти во всѣхъ моряхъ, омывающихъ берега Франціи, и особенно въ заливахъ, водится чрезвычайно много устрицъ, но нигдѣ ихъ нѣтъ въ такомъ изобиліи, какъ около Канкаля, между этимъ маленькимъ портомъ и портами Монъ-Сенъ-Мишелемъ и Гранвиллемъ. Въ продолженіе мая, іюня, іюля и августа, когда устрицы мечутъ икру, ловля ихъ запрещена. Ловля устрицъ не требуетъ большихъ затратъ: для нея достаточно *черпака*—большое желѣзное орудіе, въ 6 футовъ длины и въ 2 вышины, похожее на загнутый заступъ, къ которому прицѣпляется родъ сѣти, сдѣланной изъ кожаныхъ ремешковъ или тоненькихъ веревокъ. Лодка, гонимая вѣтромъ, тащитъ черпакъ, который отрываетъ устрицъ съ морского дна и собираетъ въ сѣти. Устрицъ такъ много, что онѣ составляютъ здѣсь родъ длинныхъ грядъ, идущихъ иногда на нѣсколько миль, и кажется, чѣмъ болѣе ихъ ловятъ, тѣмъ болѣе онѣ размножаются. Прежде, когда вылавливали маленькихъ устрицъ, ихъ выбрасывали назадъ въ море; теперь, наоборотъ, ихъ собираютъ, и онѣ, черезъ нѣсколько времени, достигаютъ одинаковой величины съ прочими, послѣ чего ихъ и продаютъ. Устрицы Канкаля пользуются огромною извѣстностью, и эта заслуженная слава всецѣло принадлежитъ жителямъ, которые умѣли ихъ усовершенствовать. Устрицы Канкальскаго залива, доставаемыя со дна, обыкновенно покрыты тиной и не отличаются пріятнымъ вкусомъ. Чтобы измѣнить ихъ вкусъ, устричники кладутъ ихъ въ садки, послѣ чего канкальскія устрицы теряютъ свою остроту и дѣлаются вкусными. Такимъ садкомъ называютъ резервуаръ соленой воды, до 5-ти футовъ въ глубину, который находится въ постоянномъ сообщеніи съ моремъ. Дно его выкладываютъ мягкимъ камнемъ; устрицы помѣщены въ глубинѣ, что защищаетъ ихъ отъ вліянія воздуха и въ то же время даетъ возможность не лежать имъ въ тинѣ, отъ которой портится ихъ вкусъ. Въ то время, когда устрицъ не ловятъ и, слѣдовательно, когда ихъ нѣтъ въ садкахъ, эти садки чистятъ и выкладываютъ новыми камешками. Много хлопотъ съ устрицами, если пожелаютъ измѣнить ихъ вкусъ. Требуется не только большой уходъ за садкомъ, но и тщательный выборъ мѣстности для него и еще болѣе внимательный уходъ за самыми устрицами. Въ первое время послѣ помѣщенія устрицъ въ садки, ихъ надо каждые три, четыре дня вынимать изъ воды желѣзными граблями, отбрасывать уснувшихъ и снова бережно опускать въ садокъ. Устрицы остаются въ садкѣ только мѣсяцъ или два, пока не достигнутъ той величины и вкуса, которыми онѣ такъ привлекаютъ гастрономовъ. Содѣйствовать увеличенію количества устрицъ и улучшенію ихъ вкуса сдѣлалось предметомъ научныхъ изысканій. И дѣйствительно, теперь устрицы входятъ все въ большее употребленіе даже среди народа; но все же онѣ не могутъ служить важнымъ подспорьемъ въ народной пищѣ, такъ какъ только въ 16-ти дюжинахъ устрицъ заключается такое количество азота, которое должно входить ежедневно въ составъ пищи взрослаго человѣка. Въ 80-хъ гг. устрицъ въ Бретани продавали на 17 милліон. франковъ. Жители Канкаля и Гуля, гдѣ преимущественно занимаются ловлею устрицъ, самые зажиточные во всей Бретани.

Жители побережій занимаются также добываніемъ соли. Промыселъ этотъ состоитъ не въ вывариваніи соли, а только въ собираніи ея, потому что она кристаллизуется сама собою, подъ двойнымъ вліяніемъ сѣверныхъ вѣтровъ и солнеч-

ныхъ лучей. Впрочемъ, для этого переворачиваютъ уже собранную соль каждое утро. Тутъ добываютъ 2-хъ родовъ соль: болѣе высокаго достоинства и обыкновенную. «Первую получаютъ такимъ образомъ: за нѣсколько времени до образованія соли вода принимаетъ красноватый оттѣнокъ; немного соли, въ видѣ легкой пѣны, кристаллизуется на поверхности. Эта соль, отличающаяся бѣлизной, собирается особо, издаетъ довольно пріятный, фіалковый запахъ и стоитъ вдвое дороже обыкновенной. Женщины, одѣтыя въ самыя короткія платья и съ обнаженными ногами, собираютъ по ночамъ всплывшую соль въ деревянныя чашки и на головахъ относятъ ее на болѣе широкія возвышенныя насыпи въ пустопорожнихъ мѣстахъ, предоставленныхъ солонщикамъ. Тамъ собираютъ ее большими кучами, которымъ придаютъ коническую форму. Плотно убитая и прикрытая слоемъ жирной глины, добываемой въ томъ же озерѣ, соль предохраняется отъ дождевой воды и можетъ ожидать времени уборки нѣсколько мѣсяцевъ и даже нѣсколько лѣтъ; чтобы она не растаяла, нужно часто уравнивать, особенно зимою, слой глины, прикрывающій ее».

Характеръ народа, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, независимый и гордый. Не смотря на тяжелую трудовую жизнь, мало кто изъ нихъ уйдетъ съ мѣста родины и наймется въ работники или служителя; на это рѣшаются только очень слабые здоровьемъ. Точно также и нищенствуютъ изъ нихъ только тѣ, которые, дѣйствительно, больны. Вѣроятно вслѣдствіе этого народъ относится къ нимъ съ необыкновеннымъ уваженіемъ и любовью. Послѣ всякаго дѣла,—печетъ-ли хозяйка хлѣбъ, или пріѣхалъ хозяинъ съ рыбной ловли,—имъ раздаютъ куски хлѣба, рыбу. Нищіе стоятъ у берега, выстроившись въ рядъ, съ корзинами въ рукахъ. Всѣ рыбаки считаютъ своею обязанностью одѣлить ихъ всѣхъ по горсти рыбы или раковинъ, и эта милостыня подается не для того, чтобы отвязаться отъ бѣдняка, а съ большимъ вниманіемъ. Если корзина бѣдняка сильно нагружена, а онъ слабый и больной, къ нему подбѣгаютъ нѣсколько человѣкъ съ предложеніемъ отнести его сборъ, куда онъ пожелаетъ.

НОРМАНДІЯ.

Природа страны.—Обиліе плодовыхъ деревьевъ.—Прекрасное состояніе фермъ.—Внѣшній видъ деревни.—Деревенскіе дома.—Причины богатства Нормандіи.—Земледѣліе.—Фермы молочныхъ продуктовъ. — Богатыя пастбища и откармливаніе тощихъ быковъ. — Откормщикъ скота. — Яблони и сидръ. — Плетеніе кружевъ. — Торговля и промышленность. — Кормилицы. — Характеристика нормандцевъ. — Распространеніе пьянства и его послѣдствія. — Отношеніе между собой членовъ семьи. — Уменьшеніе народонаселенія и причины этого явленія.—Одежда жителей.

Нормандія одинъ изъ самыхъ счастливыхъ и богатыхъ уголковъ Франціи. Прежде всего она поражаетъ разнообразіемъ деревьевъ; во многихъ мѣстностяхъ этой страны даже поля густо обсажены лѣсными и плодовыми деревьями. Жители стараются столько разводить плодовыхъ деревьевъ, что они все болѣе и болѣе вытѣсняютъ лѣсныя. Каждое селеніе здѣсь скорѣе походитъ на рощу, чѣмъ на собраніе жилищъ: такими высокими и густыми деревьями окружены онѣ; если-бы не колокольни, которыя возвышаются надъ деревьями, то путешественникъ и не подумалъ бы, что тутъ скрывается цѣлая деревня. Масса зелени, зажиточность жителей, высокое развитіе земледѣлія,—вотъ что бросается въ глаза при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ нормандскою деревнею и что, въ дѣйствительности, составляетъ ея наиболѣе характерныя черты. Нормандская деревня буквально утопаетъ въ массѣ

фруктовыхъ деревьевъ и въ зелени густыхъ, тѣнистыхъ парковъ, прилегающихъ къ стариннымъ замкамъ, которые въ большинствѣ случаевъ встрѣчаются въ деревняхъ. Здѣсь зелень всюду, куда вы ни оглянитесь: безконечныя зеленыя пастбища, поля, искусственные луга, которые два раза въ лѣто даютъ траву. Самыя маленькія деревеньки соединены между собой прекрасными шоссе.

Послѣ массы зеленыхъ деревьевъ, зеленыхъ луговъ, зеленыхъ полей, послѣ этой чудесной, свѣжей зелени, которая, въ продолженіе 7—8-ми мѣсяцевъ, всюду преслѣдуетъ васъ въ нормандской деревнѣ, болѣе всего поражаетъ множество замѣчательно красивыхъ церквей, аббатствъ, замковъ, которые уцѣлѣли отъ среднихъ вѣковъ. Но откуда здѣсь такое обиліе средневѣковыхъ памятниковъ? Когда дворянство стало стремиться на востокъ, увлекаемое крестовыми походами, оставшіеся дома не хотѣли уступать въ религіозномъ рвеніи тѣмъ, которые отправились на завоеваніе гроба Господня, и начали возводить гигантскіе памятники и церкви, оставшіеся до нашего времени.

Внѣшній видъ нормандской деревни напоминаетъ изящную и привлекательную сельскую жизнь въ Англіи. Прекрасныя усадьбы помѣщиковъ краснорѣчиво говорятъ вамъ о томъ, что владѣльцы дорожатъ ими и не покидаютъ ихъ для суетной жизни столицы. Живыя изгороди, густыя и хорошо обстриженныя, тщательно содержимыя сточныя канавы, прочныя ворота, древесныя плантаціи въ видѣ аллей или рощей, выровненные луга, рѣдко встрѣчающіяся пустоши, здоровыя домашнія животныя,— все до послѣдней мелочи говоритъ здѣсь о благосостояніи. Правда, тутъ нѣтъ особенно восхитительныхъ мѣстностей и необыкновенныхъ ландшафтовъ,—тѣмъ не менѣе множество долинъ, склоняющихся къ морю, довольно живописны.

Здѣшнія фермы тоже имѣютъ гораздо лучшій видъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было: обыкновенно домъ фермы стоитъ посреди широкаго двора, обсаженнаго дубами, ясенями, кленами, вязами, буками. Эти деревья нѣсколько защищаютъ отъ осеннихъ вѣтровъ плантаціи яблоней, которыя нормандецъ охраняетъ съ большою любовью. Благодаря богатой почвѣ, край этотъ положительно процвѣтаетъ: нигдѣ нѣтъ во Франціи такихъ большихъ селеній, какъ здѣсь, нигдѣ не встрѣтите вы такого зажиточнаго населенія.

На зеленомъ фонѣ нормандской деревни рѣзко выдѣляется сѣрый цвѣтъ. «Сѣрая мостовая, сѣрыя постройки, даже костюмы на людяхъ,—и тѣ сѣрые. Яркіе цвѣта изгнаны даже изъ праздничныхъ костюмовъ молодежи и всюду уступаютъ мѣсто сѣрому и темному, какъ наименѣе маркимъ и наиболѣе практичнымъ. Что касается до построекъ,—почти всѣ онѣ изъ сѣраго песчаника, съ соломенными, изрѣдка черепичными, даже желѣзными крышами. Разсчетливый нормандецъ бѣлитъ ихъ снаружи крайне рѣдко и оставляетъ ихъ въ натуральномъ сѣромъ видѣ. Только постройки новѣйшей формаціи, предназначенныя для сдачи въ наемъ пріѣзжимъ на лѣтній сезонъ, имѣютъ болѣе веселый и красивый видъ; но онѣ встрѣчаются лишь на берегу моря и притомъ въ наиболѣе людныхъ мѣстностяхъ побережья. Деревянныя постройки здѣсь явленіе крайне рѣдкое. Дерево на сѣверномъ побережьи Нормандскаго полуострова очень дорого и идетъ только на отдѣлку домовъ, постройку судовъ и мебель; даже полы въ комнатахъ перваго этажа, и тѣ обыкновенно каменные. На топливо употребляютъ коксъ, каменный уголь и крупную, какъ добрый кустарникъ, солому кользы,—растенія, которое производится въ Нормандіи въ значительномъ количествѣ для выдѣлки очень распространеннаго во Франціи кользоваго масла. Въ такъ называемой Верхней Нормандіи, въ тѣхъ ея департаментахъ, которые лежатъ ближе къ центру Франціи, лѣсовъ уже гораздо больше, дерево зна-

чительно дешевле, а потому и постройки въ нормандскомъ стилѣ (деревянный переплетъ изъ круглыхъ и тонкихъ бревенъ, простѣнки въ которомъ заложены камнемъ, глиной или кирпичемъ и потомъ выбѣлены) встрѣчаются тамъ очень часто.

Нормандцы сѣвернаго побережья живутъ не разбросано, а большими селами въ 2,000 и 3,000 душъ. Встрѣчаются, конечно, деревни и въ 100—200 жит., но и онѣ построены по типу тѣхъ же селъ, съ которыми находятся обыкновенно въ самой тѣсной связи. Даже замки, которыхъ въ Нормандіи не мало, и тѣ стоятъ не одиноко, какъ въ другихъ мѣстностяхъ Франціи, но около самыхъ селъ, иногда даже въ ихъ центрѣ. Нормандскія села не разбросаны на большихъ разстояніяхъ: ихъ постройки плотно лѣпятся другъ къ другу; ихъ извилистыя, обыкновенно очень недурно вымощенныя улички узки и тѣсны; небольшіе дворики ихъ обыкновенно застроены нѣсколькими маленькими, но все-таки двухъэтажными домиками. Причинъ для такой скученности и тѣсноты поселеній много. Прежде всего о выгонахъ, которые обыкновенно стелятся кругомъ русской деревни, въ Нормандіи нѣтъ и помину; поля здѣсь начинаются сейчасъ же за околицей. Къ тому же усадебная земля крайне дорога (даже цѣны на совершенно безплодныя дюны и тѣ, благодаря развивающейся съ каждымъ годомъ горячкѣ строить виллы и дачи для пріѣзжихъ, теперь подняты очень высоко), и потому мѣстные жители предпочитаютъ возводить новыя постройки не на краю села, не на новыхъ усадьбахъ, а на тѣхъ же своихъ тѣсныхъ дворикахъ, разъ только на нихъ есть еще хотя какая-нибудь возможность потѣсниться. Какъ бы то ни было, но тѣснота и скученность составляютъ такую же характерную черту нормандской деревни, какъ и сѣрый цвѣтъ построекъ. Дома въ ней двухъэтажные, на манеръ англійскихъ коттеджей. Какъ бы ни былъ малъ и невзрачень домикъ, но онъ непремѣнно состоитъ изъ двухъ этажей: одной комнаты — столовой, она же и пріемная, — внизу и одной вверху. Этотъ прекрасный обычай до того въ нравахъ населенія, что съ одной комнатой обходятся только крайніе бѣдняки. Даже люди, не имѣющіе собственнаго угла, живущіе на квартирахъ (а такихъ въ нормандской деревнѣ не мало) и располагающіе средствами ниже средней зажиточности, и тѣ обыкновенно снимаютъ цѣлый домъ, платя за него 85 — 100 фран. въ годъ».

Въ каждой деревнѣ вы найдете нѣсколько мелочныхъ лавочекъ, одну, двѣ булочныхъ и нѣсколько кофеенъ, въ которыхъ торгуютъ преимущественно сидромъ. Хлѣбъ для себя пекутъ только крупные фермеры, большинство же деревенскаго населенія находитъ болѣе выгоднымъ продавать урожай въ видѣ зерна и покупать печеный хлѣбъ, такъ какъ для этого необходимо устроить дорого стоющую печь и часто нагрѣвать ее, что обходится здѣсь тоже не дешево. Благодаря умѣренному климату, не только въ Нормандіи, но и во всей Франціи нѣтъ никакой нужды долго и много топить печку, а потому и домъ отапливаютъ или каминами, или чугунными печами; пищу готовятъ на плитѣ, которая не приноровлена для печенія хлѣба.

Богатство Нормандіи зависитъ отъ очень многихъ причинъ: отъ ея счастливаго мѣстоположенія, отъ благопріятнаго климата, отъ возможности всегда легко и скоро сбыть произведенія своей страны и своего труда. Вдоль Атлантическаго океана, отъ Діеппа до Авранша, на цѣлой сотнѣ льё, тянется морской берегъ, на которомъ находится нѣсколько торговыхъ портовъ. Сена протекаетъ по странѣ; кромѣ того, ее орошаютъ и другія, большею частію судоходныя рѣки. Почва въ большей части мѣстностей чрезвычайно плодородная; климатъ влажный и теплый, что особенно хорошо вліяетъ на луговую растительность. Много содѣйствуетъ благосостоянію страны

и сосѣдство со столицею: Парижъ потребляетъ произведенія нормандскихъ мануфактуръ, рыбу, откормленныхъ быковъ, масло, домашнихъ птицъ.

Хотя почва въ Нормандіи въ высшей степени плодородная, но не вездѣ, а именно нѣсколько болѣе чѣмъ половина ея земель отличается дѣйствительнымъ плодородіемъ, хотя и въ этой части попадаются безплодныя мѣстности, такъ, напр., на полуостровѣ Котантенскомъ (онъ выдается въ Ла-Маншъ) почва гранитная; въ департаментахъ Эры и Орны проходятъ небольшія горы съ безплодными вершинами. Такимъ образомъ, если бы нормандцы полагались на природную производительность своей почвы, они не были бы столь зажиточными. Благосостоянію страны много помогаетъ энергичный, трудолюбивый, предпріимчивый характеръ нормандца и его стремленіе къ пріобрѣтенію земли. Это, какъ извѣстно, характерная черта французскаго простонародья, но нигдѣ не является такой преобладающей страстью, какъ среди нормандцевъ. Каждый нормандецъ только и думаетъ о томъ, какъ бы увеличить свой клочекъ земли. Онъ ухаживаетъ за нимъ, какъ за любимымъ дѣтищемъ, съ неутомимымъ терпѣніемъ усовершенствуя каждый неплодородный клочекъ, старательно очищая его отъ сорныхъ травъ, не жалѣя удобренія на свое поле (удобреніе одного гектара нерѣдко обходится ему въ 400—500 франковъ ежегодно). На благопріятное экономическое положеніе жителей вліяетъ и разумное отношеніе къ труду и строго обдуманное, правильное распредѣленіе занятій: гдѣ возможно, нормандцы соединяютъ земледѣльческій трудъ съ ремесленнымъ, не брезгаютъ и отхожими промыслами. Вмѣстѣ съ хлѣбопашествомъ, мужчины нерѣдко занимаются рыбною ловлею, ткачествомъ, уходятъ на зиму на заработки въ промышленные центры; женщины, не забывая хозяйства и отдавая большую часть времени своимъ превосходно устроеннымъ молочнямъ, по вечерамъ плетутъ кружева на продажу, вышиваютъ, а молодежь, которую не стѣсняютъ хозяйственныя заботы, уходитъ въ города на фабрики или нанимается прислугой въ частные дома. Но есть мѣстности, гдѣ находятъ наиболѣе выгоднымъ исключительно заниматься одною какою-нибудь отраслью сельскаго хозяйства. Такъ, въ нѣкоторыхъ деревняхъ все сельское населеніе исключительно занимается откармливаніемъ на своихъ тучныхъ лугахъ скупленнаго по ярмаркамъ скота, въ другихъ—земледѣліемъ, тамъ—приготовленіемъ сыра и масла; есть и такія мѣстности, гдѣ фабричная промышленность почти совсѣмъ вытѣснила земледѣліе.

Благосостоянію населенія не менѣе разумнаго распредѣленія занятій помогаетъ и океанъ. Множество городскихъ жителей средняго и высшаго классовъ наѣзжаютъ на лѣтнее время къ его побережьямъ и живутъ по нѣскольку мѣсяцевъ, — одни, чтобы поправить разстроенное здоровье и отдохнуть, другіе потому, что теперь уже сдѣлалось неприличнымъ оставаться въ городѣ во время лѣтняго сезона. Нормандцы настроили множество виллъ и домиковъ для отдачи въ наемъ пріѣзжимъ и сдаютъ ихъ за чрезвычайно высокую цѣну, а также дорого продаютъ дачникамъ всѣ сельскіе продукты и такимъ образомъ часто за одинъ лѣтній сезонъ весьма округляютъ свои капиталы. Но это далеко не единственная выгода, которую нормандцы извлекаютъ изъ моря: его услуги неисчислимы. Не говоря уже о широкомъ и открытомъ водномъ сообщеніи съ побережьями Франціи и Англіи, оно имъ даетъ возможность заниматься самыми разнообразными промыслами (описаніе которыхъ мы дали въ предыдущемъ очеркѣ о Бретани), и оно же увеличиваетъ плодородіе ихъ почвы, такъ какъ морскія растенія, которыя во время отливовъ собираютъ здѣсь въ громадномъ количествѣ, представляютъ прекрасное удобреніе.

Главное занятіе жителей—земледѣліе и скотоводство. Земледѣліе въ Нормандіи,

даже въ менѣе плодородныхъ мѣстностяхъ, съ каждымъ годомъ дѣлаетъ замѣчательные успѣхи. Мы уже говорили о томъ, сколько оно обязано этимъ трудолюбію нормандскаго селянина, съ какою страстною любовью онъ ухаживаетъ за своимъ клочкомъ земли; не менѣе содѣйствуетъ блестящему развитію земледѣлія и слѣдующее обстоятельство: прежде сѣяли только рожь, ячмень, овесъ и гречу; послѣ трехъ жатвъ землю оставляли на 5 лѣтъ безъ обработки подъ паромъ. Но такой продолжительный отдыхъ вредилъ землѣ; дурныя травы истощали поле гораздо скорѣе, чѣмъ хлѣбныя растенія. Крестьяне это поняли, и паровыя поля совсѣмъ почти исчезли. Теперь тутъ много сѣютъ пщеницы и полевой рѣпы. Крестьяне долго не хотѣли сѣять у себя рѣпы, полагая что она портитъ землю, и починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ богатымъ землевладѣльцамъ. Однако народъ скоро замѣтилъ, что посѣвъ рѣпы нисколько не уменьшаетъ силу растительности; напротивъ того, послѣ рѣпы именно и родится самая превосходная пшеница, лучше даже, чѣмъ на унавоженной землѣ; поэтому теперь и стали много сѣять рѣпы.

Верхняя Нормандія—страна преимущественно земледѣльческая; большая часть ея имѣетъ видъ плоской возвышенности, изборожденной долинами, а также и небольшими холмами; все это показываетъ, что уже сама природа предназначила эту мѣстность для обработки хлѣбовъ. Кромѣ зерноваго хлѣба, здѣсь разводятъ различныя растенія, предназначенныя для пропитанія человѣка, животныхъ, а также и для промышленнаго употребленія: свекловица, маслянистыя растенія, искусственные луга занимаютъ извѣстную часть этихъ плодородныхъ земель; въ южныхъ частяхъ этой страны довольно много виноградниковъ, но приготовляемое здѣсь вино посредственнаго качества.

Нижняя Нормандія представляетъ болѣе низменную часть и расположена ближе къ морю. Департаментъ Кальвадосъ занимаетъ большую часть области, прежде называемой Нижнею Нормандіею. Въ этой плодородной и прекрасной области мы преимущественно встрѣчаемъ равнины, луга и пастбища, которые обусловливаютъ собою и мѣстныя занятія населенія. Тучныя пастбища и сочныя травы даютъ возможность разводить множество лошадей, откармливать быковъ и содержать коровъ, которыя доставляютъ Франціи лучшее масло и самый вкусный сыръ. Народъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не коситъ густой травы пастбищъ, предоставляя ихъ въ полное распоряженіе коровъ и быковъ. Вслѣдствіе этого тутъ происходитъ оригинальное явленіе въ хозяйствѣ: въ самое суровое время зимою, когда во всѣхъ странахъ добываютъ такъ мало масла и оно становится хуже качествомъ, въ Нормандіи оно получается лучшаго качества и въ громадномъ количествѣ. Все хозяйство ведется здѣсь совершенно особымъ образомъ; дойныхъ коровъ никогда не загоняютъ въ хлѣвъ, какъ бы ни была сильна стужа, такъ какъ въ стойлѣ, говорятъ нормандцы, онѣ не могутъ дать такого вкуснаго молока, какъ на свободѣ; поэтому женщины, по нѣскольку разъ въ день, относятъ на пастбище сухой кормъ, замѣняющій имъ траву, покрытую теперь снѣгомъ. Эти пастбища иногда находятся очень далеко отъ дому, но женщины чрезвычайно аккуратно являются къ коровамъ, не давая имъ ни минуты ждать пойла и пищи.

Во многихъ мѣстностяхъ Нижней Нормандіи занимаются изготовленіемъ масла въ большихъ размѣрахъ. Фермы, предназначенныя для этого, скорѣе напоминаютъ заводы, и заводы образцовые. Нормандки, желающія продавать свое молоко на такую ферму, должны доставлять его сюда въ мѣдныхъ, хорошо вылуженныхъ сосудахъ; эти сосуды онѣ ставятъ въ клѣтки и нагружаютъ ими осла или маленькую лошадь. На фермѣ молоко черезъ сито выливаютъ въ каменные сосуды, напередъ подвергая

ихъ дѣйствію воды, которая ихъ тщательно обмываетъ, и дѣйствію огня, который ихъ совершенно высушиваетъ. Но не только фермы, гдѣ спеціально занимаются изготовленіемъ масла въ большихъ размѣрахъ, но и частныя молочни въ Нормандіи устроены превосходно. Нормандки съ гордостью показываютъ ихъ посѣтителямъ. И дѣйствительно, эти молочни выстроены чрезвычайно разумно, хорошо вентилируются потоками воздуха, иногда даже съ помощью подземныхъ трубъ. Въ каждой такой молочнѣ виситъ термометръ и всегда поддерживаютъ температуру отъ 12 до 13°; для этого зимою ихъ протапливаютъ, а лѣтомъ охлаждаютъ. Есть округа въ Нормандіи, которые ежегодно поставляютъ въ Парижъ масла на 10.000.000 франковъ. Однако, несмотря на то, что огромное количество масла идетъ на продажу, нормандцы и сами много употребляютъ его.

Въ широкихъ размѣрахъ занимаются здѣсь также и откармливаніемъ коровъ и быковъ. Нормандскіе откормщики за безцѣнокъ скупаютъ въ Бретани и въ другихъ бѣдныхъ мѣстностяхъ тощій рогатый скотъ, откармливаютъ его на своихъ тучныхъ пастбищахъ и затѣмъ перепродаютъ его въ 4—5 разъ дороже.

Если путешественникъ отправляется изъ Парижа на морскія купанья на берега Нормандіи, то въ зеленѣющихъ областяхъ этой страны его поражаетъ множество жвачныхъ животныхъ, разсѣянныхъ по этимъ обширнымъ пастбищамъ. Людей по дорогѣ встрѣчаешь мало,—передъ вашими взорами тянутся безконечныя, зеленыя пространства съ безчисленными стадами; но если вы, наконецъ, встрѣтите деревню, ея населеніе произведетъ на васъ самое пріятное впечатлѣніе: лица нормандцевъ и нормандокъ дышатъ необыкновенной свѣжестью и здоровьемъ; жилища говорятъ о большой зажиточности своихъ обитателей.

Трудъ здѣшняго скотоводческаго населенія не особенно утомителенъ: оно занимается тѣмъ, что выращиваетъ и откармливаетъ до извѣстной степени не только быковъ, но и лошадей. Но еще менѣе обременителенъ трудъ откормщика скота,—самая представительная и типичная личность изъ всего скотоводческаго населенія. Его чрезвычайно плодородныя пастбища расположены въ долинахъ или на влажныхъ плоскогорьяхъ, не требующихъ часто другого удобренія, кромѣ того, который оставляютъ пасущіяся животныя. Трава здѣсь растетъ въ изумительномъ изобиліи отъ мая до ноября, даже до декабря, и во время ночи ее отрастаетъ обыкновенно болѣе того, сколько скотъ успѣетъ стравить за день. Земли эти, спеціально предназначенныя для откармливанія скота на убой, такъ хороши и такъ высоко цѣнятся, что за нихъ платятъ 8—10 тысячъ, а иногда даже и до 12 тысячъ фран. за одинъ гектаръ (менѣе десятины). Откормщикъ скота бываетъ нерѣдко собственникомъ этихъ земель, но иногда онъ и арендуетъ ихъ, платя ежегодной арендной платы отъ 300 до 600 фран. за гектаръ. Но въ чемъ же состоитъ трудъ откормщика скота? Отъ времени до времени онъ медленно и спокойно прогуливается по пастбищу, посматривая, отрасла ли трава, не случилось ли чего нибудь ночью съ однимъ изъ его быковъ, достаточно ли ѣдятъ его животныя. Зимою трудъ его еще менѣе обременителенъ: онъ отправляется на охоту, или проводитъ время въ кофейнѣ, или сидитъ дома у огня. Менѣе покойный образъ жизни ведетъ онъ лишь раннею весною; вмѣстѣ съ пробужденіемъ природы, онъ оставляетъ свой домъ и отправляется путешествовать по ярмаркамъ Бретани, а иногда и гораздо дальше для закупки скота. Онъ одѣваетъ блузу на свой черный сюртукъ, теплую шапку и очень высокіе сапоги; къ карману блузы онъ прикрѣпляетъ большія ножницы, чтобы обозначать начальныя буквы своего имени, выстригая шерсть на шкурѣ животныхъ, которыхъ онъ купитъ. Первый визитъ онъ дѣлаетъ своему банкиру въ ближайшемъ городѣ, у котораго беретъ часть своего ка-

питала. Запасшись деньгами, онъ отправляется въ дальній путь, переходитъ съ одной ярмарки на другую и всюду закупаетъ столько исхудалыхъ быковъ и коровъ, сколько могутъ откормить его пастбища и сколько это позволяетъ ему его карманъ. На ярмаркѣ онъ употребляетъ всѣ силы своего ума, чтобы не обмануться при покупкѣ животныхъ. Торгуя, ощупывая и осматривая изголодавшихся животныхъ съ провалившимися боками, съ потертою и покрытою ранами кожею, онъ долженъ угадать не только, могутъ ли они выдержать дорогу, но болѣе или менѣе опредѣлить ихъ вѣсъ и стоимость послѣ того, когда онъ ихъ откормитъ на своихъ пастбищахъ; онъ отлично долженъ также знать, сколько фунтовъ вѣсу убавится въ томъ или другомъ животномъ во время дороги и умѣть точно опредѣлить свой барышъ. Для такого ремесла нужна большая опытность и вѣрный глазъ. Умѣть заранѣе опредѣлить, на сколько то или другое животное разжирѣетъ черезъ 6 мѣсяцевъ,—составляетъ особенное искусство этихъ откормщиковъ. Не мало проницательности нужно и для рѣшенія другихъ вопросовъ: этотъ быкъ кажется совершенно здоровымъ, между тѣмъ онъ страдаетъ неизлѣчимою болѣзнію; другой едва держится на ногахъ и находится какъ будто при послѣднемъ издыханіи, но имѣетъ всѣ задатки разжирѣть и принести откормщику хорошую прибыль; одинъ быкъ, чтобы быть хорошо откормленнымъ, требуетъ 3 мѣсяца, а другому нужно 6; точно также по внѣшнему виду откормщикъ долженъ опредѣлить, къ какой породѣ относится то или другое животное: одна порода слишкомъ костиста, другая даетъ много жиру, та—болѣе говядины. Успѣхъ этого промысла много зависитъ отъ того, чтобы все это быстро сообразить и вѣрно разсчитать, такъ какъ частыя ошибки повели бы къ разоренію. Способъ покупки всегда одинъ и тотъ же: откормщикъ хулитъ выставленный на продажу товаръ, доказываетъ, что быкъ можетъ околѣть на дорогѣ, что онъ стоитъ не дороже своей шкуры, что онъ покупаетъ его только, чтобъ завязать знакомство и т. п.

Закупивъ скотъ, откормщикъ долженъ имѣть не меньшую опытность и искусство, чтобы препроводить его на мѣсто и откормить надлежащимъ образомъ. Онъ выгоняетъ животныхъ на свои жирныя пастбища лишь постепенно, такъ какъ долженъ очень осторожно давать сочную траву животному, которое прежде оставалось подолгу безъ сухого сѣна. Когда приняты всѣ предосторожности, успѣхъ предпріятія зависитъ уже отъ состоянія погоды: если весна, лѣто и осень хороши, заработокъ откормщика превосходенъ; для хорошаго барыша достаточно, если будутъ благопріятны и два времени года; но если и всѣ времена года были посредственны, еще не все потеряно: онъ наверстаетъ на цѣнѣ мяса. Трава держится обыкновенно до декабря,—этого вполнѣ достаточно для прекрасной откормки самаго тощаго скота; за все это время откормщикъ совсѣмъ не прикармливаетъ свой скотъ сѣномъ, мало того, у него еще остается избытокъ травы, и онъ употребляетъ ее, чтобы пасти племенныхъ кобылъ, которыя даютъ поколѣніе, славящееся на скачкахъ, что тоже приноситъ ему большую выгоду. Жеребятъ онъ продаетъ шести мѣсяцевъ, такъ какъ послѣ этого ихъ неудобно откармливать на тучныхъ пастбищахъ: они могутъ разжирѣть болѣе, чѣмъ слѣдуетъ.

Чрезвычайно тяжело смотрѣть, какъ сгоняютъ этотъ скотъ съ пастбищъ, чтобы отправить на бойню: люди не могутъ справиться съ нимъ, и стада коровъ и быковъ все возвращаются назадъ. Тогда созываютъ народъ со всѣхъ сторонъ; онъ прибѣгаетъ съ палками, и на скотъ напускаютъ еще собакъ. Собаки тормошатъ скотъ со всѣхъ сторонъ, кусаютъ его, а крестьяне при этомъ наносятъ тяжелые удары, и такимъ образомъ, при оглушительномъ жалобномъ ревѣ, заставляютъ на-

конецъ быковъ покинуть пастбище. Опытные откормщики въ концѣ-концовъ становятся весьма крупными капиталистами.

Говоря о сельскомъ богатствѣ Нормандіи, нельзя не упомянуть о ея отличныхъ овцахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ овецъ съ «соленыхъ луговъ», которыя пасутся на пастбищахъ, смежныхъ съ морскимъ берегомъ. Громадныя стада свиней свободно разгуливаютъ подъ яблонями и много помогаютъ имъ своимъ удобреніемъ, а также и истребленіемъ множества насѣкомыхъ и вредныхъ животныхъ.

Одна изъ важнѣйшихъ отраслей здѣшняго сельскаго хозяйства—приготовленіе сидра; его выдѣлываютъ ежегодно болѣе чѣмъ на 60 милліоновъ франковъ. Вмѣсто искривленныхъ и подпертыхъ тычинками виноградниковъ, требующихъ тяжелой, продолжительной работы и самаго тщательнаго ухода, вы всюду встрѣчаете здѣсь яблоню: она гордо поднимаетъ свою изящную, округленную вершину и за самый ничтожный уходъ, со стороны селянина, щедро награждаетъ его во всѣ времена года; весной она даетъ чудные цвѣты, которые не только украшаютъ собою окрестную мѣстность, но идутъ и въ продажу; лѣтомъ и осенью она даетъ прекрасные плоды; зимою самый небогатый здѣшній житель пользуется сидромъ.

Промыслы и занятія жителей, дающіе въ другихъ странахъ лишь незначительную поддержку, тутъ являются настоящими золотыми рудниками: одно разведеніе домашней птицы доставляетъ громадныя выгоды. Сѣверо-западные берега Нормандіи отправляютъ въ Англію однихъ яицъ на сумму отъ 8 до 9 милліоновъ, да еще на такую же сумму въ Парижъ, домашней птицы—на сумму отъ 10 до 12 милліоновъ, несмотря на то, что мѣстные жители сами употребляютъ все это въ пищу безъ всякаго стѣсненія.

Нормандія считается также одною изъ самыхъ торговыхъ и промышленныхъ областей Франціи. Значительная часть населенія занята здѣсь мануфактурной промышленностью, что представляетъ новый источникъ благосостоянія сельскаго населенія. Тутъ вы найдете и кружевное производство, которое, впрочемъ, теперь нѣсколько уменьшилось, а прежде, особенно въ XVII-мъ вѣкѣ, когда кружевами украшались не только женщины, но и мужчины, эта промышленность была въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Но еще въ началѣ XIX вѣка фабрикаціею алансонскихъ кружевъ было занято множество рукъ и производство это было въ такомъ ходу, что во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили кружевницы, устраивали разъ въ годъ большое торжество, которое продолжалось цѣлую недѣлю и гдѣ эти работницы играли главную роль. Въ этихъ празднествахъ принималъ участіе весь народъ и смотрѣть на нихъ съѣзжалась вся знать. Украшенныя вѣнками изъ розъ, между которыми были привѣшаны коклюшки—знакъ ихъ ремесла, кружевницы расхаживали толпами по улицамъ, составляли группы, пѣли, плясали и веселились. Хотя эта промышленность теперь уже не такъ процвѣтаетъ, но и теперь еще она далеко не совсѣмъ утратила свое значеніе. И въ настоящее время во многихъ деревняхъ женщины заняты плетеніемъ кружевъ; въ лѣтніе вечера ихъ можно видѣть за этой работой передъ дверью каждаго дома: около старушки бабушки и молодой хозяйки дома нерѣдко сидятъ дѣвочки 5, 6 лѣтъ и быстро перебираютъ коклюшки своей кружевной работы. Веселыя личики и розовыя щечки дѣвочекъ, занимающихся этой работой, говорятъ о томъ, что онѣ не надрываются надъ нею въ часы, когда должны были бы играть. Дѣвочки съ ранняго дѣтства, видя мать и бабушку за этой работой, стараются подражать имъ, и многія изъ нихъ очень рано втягиваются въ это занятіе. Нормандскія деревенскія кружевницы отличаются безукоризненною нравственностью можетъ быть потому, что изъ за этой работы онѣ не разрываютъ связи съ семьей,

а ведутъ свое хозяйство, продолжаютъ заботиться о дѣтяхъ и плетутъ кружева лишь въ свободное отъ хозяйства время. Молодыя дѣвушки, менѣе матери обремененныя хозяйствомъ, употребляютъ гораздо болѣе времени на плетеніе кружевъ. Но такія занятія дома, на глазахъ у матери, подъ ея непосредственнымъ надзоромъ, не наносятъ никакого ущерба ни нравственности, ни семейному началу. Напротивъ, эти семейства въ большинствѣ случаевъ избавлены отъ заразы пьянства и болѣе другихъ представляютъ что-то патріархальное. Зимою кружевницы группируются около маленькой лампы, свѣтъ которой увеличивается посредствомъ стекляннаго шара, наполненнаго водою. Въ зимніе вечера нѣсколько семействъ собираются вмѣстѣ, чтобы уменьшить расходъ на отопленіе и освѣщеніе. Если кто-нибудь изъ нихъ работаетъ очень тонкое кружево, которое можетъ пострадать отъ дыма камина и отъ табачнаго дыма, тогда все общество отправляется въ стойло, которое въ Нормандіи часто содержатъ съ большею заботливостью, чѣмъ людское жилье во многихъ странахъ. Въ этихъ необыкновенно чистыхъ стойлахъ съ умѣренной температурой и устраивается импровизированная мастерская; женщины работаютъ въ полутемнотѣ, вокругъ лампы, поставленной на принесенный столъ; ихъ пѣніе и интимная болтовня прерывается звяканьемъ челюстей животныхъ, пережевывающихъ свою жвачку.

У жительницъ Нормандіи есть еще занятіе: очень многія изъ нихъ принимаютъ на себя обязанности кормилицъ; нѣкоторыя берутъ къ себѣ дѣтей изъ воспитательнаго дома, другія отъ частныхъ лицъ, третьи сами поступаютъ въ дома для кормленія дѣтей грудью. Французскій ребенокъ мало пользуется семейнымъ вліяніемъ въ первые годы своего дѣтства: не только французскія служанки, но многія даже довольно зажиточныя женщины средняго круга не держатъ дѣтей при себѣ и послѣ первыхъ дней рожденія, за извѣстную плату, отправляютъ ихъ въ провинцію, чаще всего въ Нормандію. Это дѣлается болѣе всего парижскими жительницами, такъ какъ жена землевладѣльца, даже средней руки, беретъ къ себѣ на домъ кормилицу, а не удаляетъ ребенка изъ родительскаго дома. Хотя теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, за кормилицами существуетъ медицинскій присмотръ, тѣмъ не менѣе трудно представить себѣ, сколькимъ опасностямъ подвержены малютки, порученныя кормилицамъ. Эти женщины смотрятъ на ребенка, какъ на прибыльную статью дохода, и потому очень многое дѣлается ими только для вида, на случай посѣщенія родителей или родственниковъ. Нерѣдко теплое одѣяло и хорошая одежда переходятъ къ собственнымъ дѣтямъ, даже грудь дается чаще своему, чѣмъ молочному сыну, который валяется въ лохмотьяхъ и голодный. Кормилица, являясь къ родителямъ за ребенкомъ, обыкновенно увѣряетъ ихъ, что она отняла отъ груди своего ребенка или поручила его своей родственницѣ, но большею частью это невѣрно, и она кормитъ двоихъ. Конечно, очень многія женщины и привязываются къ молочнымъ дѣтямъ, какъ къ роднымъ, но не мало и примѣровъ другого рода. Говорятъ, что нѣкоторыя, вслѣдствіе смерти пріемнаго дитяти, чтобы не лишиться подарковъ и наградъ, которыя онѣ обыкновенно получаютъ отъ родителей, когда срокъ кормленія ребенка кончился, не задумываются подмѣнить умершаго собственнымъ. Разумѣется, это возможно только тогда, когда ребенокъ отданъ въ первые дни жизни и когда мать не посѣщаетъ его.

Всѣ кормилицы имѣютъ постоянное сношеніе съ «бюро кормилицъ», которое обязывается снабжать ими всѣхъ жителей столицы, въ нихъ нуждающихся. Въ Нормандіи есть мѣстности, въ которыхъ число кормилицъ такъ велико, что онѣ еженедѣльно отправляются въ нѣсколькихъ повозкахъ, для того чтобы брать или возвращать грудныхъ дѣтей. Повозки, служащія для переѣзда кормилицъ, имѣютъ

совершенно особую форму, приспособленную къ ихъ назначенію. Это длинныя кареты съ лавками; свѣтъ и воздухъ проходитъ въ нихъ черезъ отверстіе, сдѣланное въ верхней части. Кормилицы садятся на длинныя лавки, по стѣнамъ кареты, а къ потолку, надъ проходомъ, оставленнымъ въ серединѣ, ремнями привѣшаны дощечки, куда онѣ и кладутъ дѣтей. Эти колыбели, или проще сказать дощечки, необходимы, такъ какъ женщина, выѣхавшая изъ своей страны въ Парижъ нарочно для того, чтобы добыть ребенка, обыкновенно добываетъ ихъ нѣсколько и для своихъ родственницъ. Понятно, что кормилица не можетъ ихъ всѣхъ помѣстить на своихъ колѣнахъ и должна класть ихъ на дощечки. Иногда эти путешествія совершаются во время зимней стужи, и женщина, не имѣющая никакого понятія объ уходѣ за дѣтьми, распеленываетъ теплаго, согрѣвшагося малютку до-нага, чтобы перемѣнить бѣлье. Повозка останавливается, кормилицы выходятъ одна за другой что-нибудь перекусить, начинается страшный сквознякъ и раздѣтаго малютку охватываетъ и пронизываетъ до костей струя холоднаго воздуха.

Воспитательный домъ, принимающій брошенныхъ дѣтей, одѣваетъ ихъ и отправляетъ въ деревни, поручая ихъ тѣмъ же кормилицамъ съ платою по 9 франковъ за первые мѣсяцы; послѣ этого плата начинаетъ постепенно уменьшаться до 7-милѣтняго возраста; съ семи до 12-ти лѣтъ на малютку выдаютъ въ годъ 48 франковъ. Въ 12 лѣтъ дѣтей отдаютъ куда-нибудь въ ученье. Дѣти воспитательнаго дома пользуются отъ кормилицъ еще гораздо худшимъ уходомъ: доходъ съ нихъ меньше, чѣмъ съ частныхъ лицъ, которыя безпрестанно дѣлаютъ кормилицамъ подарки и платятъ имъ гораздо болѣе высокую цѣну за дѣтей, чѣмъ это можетъ сдѣлать воспитательный домъ.

По своему характеру, нормандецъ трудолюбивъ, предпріимчивъ, энергиченъ; онъ отлично владѣетъ собою, сдержанъ, остороженъ въ своихъ сужденіяхъ и крайне разсудителенъ. Въ немъ нѣтъ и тѣни экспансивной сообщительности южанина; онъ съ презрѣніемъ относится и къ легкомысленной болтовнѣ парижанина, хотя самъ не прочь поболтать въ кофейнѣ о происшествіяхъ въ своемъ околоткѣ. Нормандецъ холодный, разсчетливый и самый положительный изъ всѣхъ французовъ. Онъ издавна пріобрѣлъ репутацію ябедника своею страстью къ процессамъ; эта страсть теперь въ немъ сильно поостыла, но и въ настоящее время у него происходятъ постоянныя столкновенія съ торговцами скотомъ, которымъ онъ перепродаетъ откормленныхъ быковъ, съ купцомъ, покупающимъ у него хлѣбъ, сидръ, масло, овецъ и шерсть, съ покупщикомъ лошадей, съ фабрикантомъ, для котораго его жена и дочери плетутъ кружева, а онъ самъ ткетъ матеріи; при такомъ множествѣ разнообразныхъ интересовъ, онъ сталъ жаденъ къ прибыли, недовѣрчивъ, упрямъ, всегда готовъ изъ за самаго ничтожнаго интереса начать дѣло и подать жалобу въ судъ, чтобы только отстоять свою собственность. Женщины отличаются необыкновенною дѣятельностью, живостью, гордымъ, независимымъ характеромъ и большимъ природнымъ умомъ; въ умственномъ отношеніи онѣ всецѣло принадлежатъ къ разряду тѣхъ женщинъ, которыхъ во Франціи называютъ «femme-tête». Мужъ мало входитъ въ семейные интересы и домашніе порядки, но не прочь показать, что онъ всему дѣлу голова, что все дѣло держится только имъ однимъ. Нормандка терпѣть не можетъ дрязгъ и мелочей; она не требуетъ отъ мужа признанія ея правъ на словахъ, оказываетъ даже всѣ знаки наружнаго къ нему уваженія, восклицая при его появленіи: „et voilà notre maître» (а вотъ и нашъ хозяинъ), но всѣми дѣлами ворочаетъ сама и, дѣлая мужу уступки въ мелочахъ, — въ важныхъ дѣлахъ всегда поставитъ на своемъ. Самый колкій упрекъ, который дѣлаетъ здѣсь одна сосѣдка другой, вы-

ражается въ словахъ: «вами, кажется, моя милая, совсѣмъ помыкаетъ вашъ мужъ», или «я никогда не позволю командовать надъ собою мужчинѣ, какъ это можетъ случиться съ другими». Женщина здѣсь занимается дѣтьми, смотритъ за хозяйствомъ, раздаетъ дѣло батракамъ, хотя при этомъ хозяйка, чтобы не уронить авторитетъ мужа, показываетъ видъ, что все это исходитъ отъ него.

Несмотря на то, что нормандецъ гораздо образованнѣе бретонца и не обладаетъ его простодушіемъ и легковѣріемъ, онъ хотя сильно уступаетъ ему въ суевѣріи, но далеко не совсѣмъ избавленъ отъ него,—болѣе всего вѣритъ онъ въ клады. Прибѣгаетъ ребенокъ вечеромъ домой и начинаетъ разсказывать цѣлыя исторіи о томъ, какъ, проходя мимо такого-то мѣста, онъ увидѣлъ пламя: въ немъ мелкали черные бараны, прыгали страшныя черныя кошки съ сверкающими глазами, бѣлые, какъ снѣгъ, голуби, красные быки. Жадные до прибыли нормандцы вѣрятъ лепету дитяти и рѣшаются идти отыскивать кладъ. Но какъ это устроить? По понятіямъ нормандца, чтобы овладѣть кладомъ, необходимо къ этому приготовляться нѣсколько дней, въ совершенномъ уединеніи и постѣ, потомъ окопать рвомъ то мѣсто, гдѣ хранится сокровище, чтобы захватить его въ цѣлости. Помимо жадности нормандца и стремленія его все къ большему благосостоянію, вѣра въ клады поддерживается и тѣмъ, что тутъ множество развалинъ и самыхъ оригинальныхъ построекъ прошедшихъ временъ.

Еще бо̀льшимъ зломъ, чѣмъ суевѣрія, является пьянство, которое дѣлаетъ здѣсь чрезвычайно быстрые успѣхи. Пьютъ не только мужчины, но иногда и женщины, и у нихъ пьянство носитъ характеръ отталкивающій и чрезвычайно вредно отзывающійся на семействѣ: пьяница-мать не заботится о дѣтяхъ, и привычка къ пьянству родителей передается и молодому поколѣнію.—Хотя сидръ тоже можетъ опьянить, но пьяницы считаютъ его слабымъ и пьютъ водку, выдѣланную изъ зерноваго хлѣба, свекловицы и картофеля. Дешевизна спиртныхъ напитковъ въ Нормандіи особенно благопріятствуетъ пьянству. Не менѣе помогаетъ этому и безконечное число деревенскихъ кабачковъ и кофеенъ: ихъ въ иной деревнѣ можно найти отъ 10 до 15. Развитію пьянства содѣйствуетъ и увеличеніе числа базаровъ; ихъ такъ любятъ посѣщать крестьяне и затѣмъ отправляются кампаніею въ кофейни, гдѣ во всякое время можно имѣть спиртные напитки, которые дѣйствуютъ особенно разрушительно также и потому, что они рѣдко продаются здѣсь безъ какихъ-нибудь вредныхъ подмѣсей. Все усиливающаяся въ Нормандіи страсть къ спиртнымъ напиткамъ начинаетъ серьезно безпокоить людей, изучающихъ нравственное состояніе нормандской деревни. Возрастающій съ каждымъ годомъ процентъ смертности въ Нормандіи объясняютъ все болѣе усиливающимся развитіемъ пьянства; доказываютъ, что оно пагубно вліяетъ не только на нравственность, но и на ихъ физическія силы и умственныя способности. Въ Нормандіи, въ домахъ умалишенныхъ, алкоголики составляютъ обыкновенно больше трети всѣхъ больныхъ. Конечно, эта склонность къ спиртнымъ напиткамъ всего сильнѣе развита въ самой бѣдной части населенія, хотя отъ нея далеко не свободны и люди зажиточные. Это печальное явленіе, распространенное въ одной изъ самыхъ богатыхъ и цвѣтущихъ провинцій Франціи, болѣе всего объясняютъ недостаткомъ широкихъ общественныхъ интересовъ и постояннымъ преслѣдованіемъ через-чуръ узкихъ, эгоистическихъ, матеріальныхъ цѣлей.

Несмотря на свою скаредность, сухость и разсчетливость, что заставляетъ нормандцевъ желать имѣть лишь одного, много двухъ дѣтей, они оказываются нѣжными родителями. Любовь и нѣжность отцовъ и матерей къ своимъ дѣтямъ особенно усилились въ послѣднее время. Теперь дѣтей балуютъ здѣсь несравненно больше, чѣмъ

В. Васнецовъ

прежде, дарятъ игрушки, пичкаютъ сластями. Но, такъ какъ это люди нравственно неразвитые, сухіе, эгоистичные и до скаредности разсчетливые, то эти характерныя черты кладутъ свою печать и на воспитаніе: заболѣетъ ребенокъ,—къ нему рѣдко позовутъ доктора, а если корова или лошадь потеряетъ аппетитъ, немедленно бѣгутъ къ ветеринару и платятъ ему за визитъ большія деньги. Та же сухая эгоистическая разсчетливость проглядываетъ и въ отношеніи дѣтей къ родителямъ. Если престарѣлые родители не имѣютъ своихъ собственныхъ средствъ и не могутъ болѣе работать, дѣти смотрятъ на нихъ, какъ на лишніе рты, какъ на людей заѣдающихъ чужой вѣкъ, и очень часто обходятся съ ними возмутительно грубо. Родители, видя кругомъ такіе примѣры, принимаютъ съ своей стороны всевозможныя предосторожности, чтобы избѣгнуть общей участи: передавая дѣтямъ свое имущество, они формально обязываютъ ихъ выдавать имъ ежемѣсячную ренту деньгами или натурой. «Но и такія формальныя обязательства, какъ показываетъ судебная хроника, исполняются далеко не всегда. Иногда дѣти не отступаютъ даже передъ насиліемъ, чтобы избавиться только отъ лишней обузы. О тѣхъ, кто не оставляетъ послѣ себя никакого имущества, о деревенскомъ пролетаріатѣ—нечего и говорить. Тамъ отживающее поколѣніе зарабатываетъ свой хлѣбъ до послѣдней возможности и влачитъ свою одинокую старость очень печально. Справедливость требуетъ однако же замѣтить, что въ такомъ незавидномъ положеніи отцы находятся не въ одной нормандской деревнѣ. Кажется, ни въ одной странѣ нѣтъ такого количества отцеубійствъ и покушеній на нихъ, какъ во французской деревнѣ, причемъ эти преступленія совершаются преимущественно изъ разсчетовъ и побужденій экономическаго свойства. То отецъ или мать слишкомъ долго коптятъ небо и мѣшаютъ дѣтямъ пользоваться своимъ имуществомъ, то они обдѣлили или еще только собираются обдѣлить кого-нибудь при дѣлежѣ наслѣдства».

Населеніе Нормандіи, несмотря на замѣтное увеличеніе благосостоянія, давно уже начало уменьшаться: въ нѣкоторыхъ округахъ, вслѣдствіе уменьшенія числа дѣтей школьнаго возраста, закрыли даже нѣсколько школъ. Съ одной стороны это происходитъ отъ того, что въ Нормандіи стараются не имѣть много дѣтей, съ другой—это можно объяснить усиливающеюся страстью къ спиртнымъ напиткамъ, пагубно вліяющимъ на здоровье населенія, а также большою смертностью новорожденныхъ, взятыхъ на воспитаніе изъ дома общественнаго призрѣнія, вслѣдствіе спекуляціи, которую ведутъ на счетъ ихъ жизни разсчетливыя нормандки.

Замѣчательное различіе типовъ, которое вы встрѣтите въ Нормандіи, можно объяснить себѣ развѣ только тѣмъ, что множество народовъ,—кельты, римляне, саксы, скандинавы, англичане, французы, попеременно занимали нормандскую территорію. Вѣроятно каждый изъ этихъ народовъ оставлялъ въ физіономіи нормандца свои типичныя черты. Несмотря на близость къ Парижу, нормандскія женщины еще далеко не утратили своего національнаго костюма, но его довольно трудно описать: такъ замѣчательно разнообразенъ онъ, смотря не только по департаменту, но даже и по деревнѣ. Но изъ какой бы мѣстности ни была нормандка, ея нарядъ бросается въ глаза своею оригинальностью и странностью. Прежде всего въ ихъ костюмѣ замѣчательны головные уборы, въ различныхъ мѣстностяхъ самой разнообразной формы, всегда огромные, часто напоминающіе гигантскую бабочку съ распростертыми крыльями, или какую-то странную птицу, махающую крыльями. Большею частію нормандскій головной уборъ состоитъ изъ трехъ частей: основанія, поля и громадныхъ лопастей. Онъ прикрѣпляется къ волосамъ или завязывается лентами у подбородка; во многихъ мѣстахъ онъ убранъ цвѣтами, лентами и круже-

вами. Въ большинствѣ случаевъ онъ состоитъ изъ кисеи, нансука или другой матеріи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ основаніе часто вышиваютъ золотыми или серебряными шелками, и оно оканчивается къ верху выгнутымъ рогомъ; къ нему пристегнуты лопасти въ мелкихъ складочкахъ, которыя падаютъ до таліи. Другая характерная часть костюма—корсажъ, передникъ, смотря по состоянію, шелковая или шерстяная мантилья, представляющая не что иное, какъ длинный кусокъ матеріи, обшитый оборками. Часто на груди виситъ цѣпочка и крестъ на ленточкѣ; на рукахъ надѣты длинныя перчатки и въ рукахъ большой цвѣтной зонтикъ. Какого бы покроя ни было платье, юбка на столько коротка, что видны башмаки и чулки разноцвѣтные или со стрѣлками. Нормандки, если и не отличаются особенною граціей въ своихъ движеніяхъ, тѣмъ не менѣе довольно красивы, имѣютъ свѣжій, здоровый видъ, прекрасный цвѣтъ лица. Интересенъ женскій нарядъ въ области Ко, въ департаментѣ нижней Сены. Волосы подняты на маковку, покрыты маленькимъ токомъ изъ золотой или серебряной парчи, съ длиннымъ, кисейнымъ покрываломъ, съ лопастями, спускающимися немного ниже плечъ и обшитыми алансонскимъ кружевомъ. Золотая цѣпь, въ нѣсколько рядовъ, обвиваетъ шею богатой песелянки изъ Ко; кромѣ этого, на шеѣ надѣтъ еще иногда крестикъ. Красивый корсажъ, суконный или шерстяной, сжимаетъ ея полную талію. Корсажъ этотъ надѣваютъ иногда на бѣлую рубашку, бѣлые, пышные рукава которой застегиваются у кисти руки, иногда же напротивъ эти рукава очень коротки и оканчиваются выше локтя густыми оборочками. Очень часто на рукахъ, до самаго локтя, надѣты длинныя, глянцовитыя перчатки. Коротенькая юбка, ярко-краснаго цвѣта, кисейный передникъ, вышитый или полосатый, чулки со стрѣлками, красные башмачки дополняютъ этотъ кокетливый нарядъ деревенскихъ женщинъ.

Мужской нормандскій костюмъ необыкновенно простъ; чаще всего вы встрѣчаете людей, одѣтыхъ въ блузу изъ синяго или сѣраго полотна, ничѣмъ не подвязанную у таліи, вышитую у нѣкоторыхъ на плечахъ бѣлыми нитками. Эта блуза одѣта прямо на рубашку; изъ подъ нея видны широкіе штаны; другіе ходятъ въ штанахъ и жилетѣ, накидывая сверху сюртукъ изъ синяго или сѣраго полотна съ пуговицами и карманами. На головѣ колпакъ, съуживающійся къ верху и конецъ котораго обыкновенно свѣшивается на одну сторону. Нерѣдко этотъ колпакъ замѣняется фуражкой.

ФЛАНДРІЯ.

Мѣстная природа.—Блестящее состояніе земледѣлія.—Занятія жителей.—Воздѣлываніе свекловицы.—Характеръ народа и его привычки.—Состязаніе зябликовъ.—Игры и удовольствія.—Пьянство. — Деревенскія кофейни. — Пѣтушиные бои. — Контрабандисты.

Земли, занимаемыя Сѣвернымъ департаментомъ (прежняя Фландрія), считаются лучшею земледѣльческою полосою не только во Франціи, но и въ цѣломъ мірѣ; съ ними можно сравнить только нѣкоторыя земли въ Англіи и Бельгіи, впрочемъ ихъ считаютъ даже выше по плодородію. Тутъ французское земледѣліе является во всемъ блескѣ. Вѣроятно, вслѣдствіе этого, не только земледѣльческое, но и фабричное населеніе здѣсь чрезвычайно велико. Сѣверный департаментъ или Фландрію можно въ полномъ смыслѣ слова назвать благословеннымъ уголкомъ Франціи: вся земля состоитъ изъ равнинъ съ небольшими холмами, которые чрезвычайно удобны для обработки и для посѣва всевозможныхъ родовъ хлѣба. Кромѣ масличнаго дерева и ви-

ноградниковъ, плохо произрастающихъ на этой землѣ, на ней можно заниматься всѣми отраслями земледѣлія. Вы найдете здѣсь всѣ роды хлѣба, всѣ овощи, всѣ растенія, прядильныя, маслянистыя, красильныя, всѣ роды кормовыхъ травъ, всевозможнаго табаку, превосходнаго льна. Здѣсь и тамъ бродятъ тучныя, сильныя домашнія животныя, и мѣстные жители ухаживаютъ за ними съ большою заботливостью. Богатая производительность страны развила необыкновенную любовь къ труду и неутомимую дѣятельность. Жители не удовлетворяются земледѣліемъ и сельскимъ хозяйствомъ, а устроили у себя множество фабрикъ, заводовъ, мастерскихъ. На каждомъ шагу попадаются вамъ кузницы и мраморныя пильни, фарфоровыя, стеклянныя, зеркальныя фабрики, горшечные и канатные заводы, заводы для раффинированія сахара, для приготовленія угля, соды, сѣрной кислоты, извести, бѣлилъ, кирпичей, фабрики кружевъ, батиста, тюля, бумажныя, льняныя и шерстяныя прядильни, красильни, мануфактуры простыхъ полотенъ, столоваго бѣлья, писчей бумаги, кожевенные заводы, маслобойни, мыловарни, заведенія для выдѣлки цикорнаго кофе и проч. и проч. Жители занимаются также ловлею трески, сельдей, китовъ. Одною изъ причинъ необыкновеннаго плодородія, кромѣ прекраснаго климата, служитъ и умѣнье жителей удобрять землю, состоящую обыкновенно изъ смѣси глины съ пескомъ. Для этого они держатъ множество скота, ухитрились также употребить на улучшеніе своей земли городскую грязь, различныя выжимки съ заводовъ, кости, морской песокъ и преимущественно человѣческое удобреніе, котораго, при огромномъ скопленіи промышленнаго народа во Фландріи, чрезвычайно много. Это удобреніе, съ отвращеніемъ отвергаемое многими народами, чрезвычайно увеличиваетъ здѣсь производительность земли. Главнымъ занятіемъ жителей служитъ воздѣлываніе свекловицы. Эта промышленность достигла здѣсь цвѣтущаго состоянія и даетъ огромныя богатства. Свеклосахарное производство и выгодно, и удобно тѣмъ, что, требуя фабричнаго труда, въ то же время не отрываетъ жителей отъ земледѣльческихъ занятій. Работы на свеклосахарныхъ заводахъ начинаются послѣ окончанія осенней жатвы и уборки хлѣба. Къ тому же выжимки свекловицы доставляютъ лакомый кормъ для скота, а остающеюся зеленью, выварками и другими остатками удобряютъ землю. Притомъ надо замѣтить, что свекловица, хотя и любитъ хорошо удобренную землю, но не поглощаетъ всего положеннаго удобренія и послѣ нея получаются еще отличные урожаи другихъ хозяйственныхъ растеній. Кромѣ свекловицы, кользы, мака и другихъ растеній, составляющихъ богатство страны, жители занимаются также разведеніемъ ивы, изъ которой они дѣлаютъ корзинки; вывозъ ихъ здѣсь достигаетъ ежегодно цифры въ нѣсколько милліоновъ. Вслѣдствіе этого здѣсь встрѣчаются огромныя плантаціи ивовыхъ деревьевъ.

Фламандскій земледѣлецъ необыкновенно набоженъ, трудолюбивъ, разсчетливъ, трезвъ и строго придерживается своихъ обычаевъ. По своему флегматическому характеру онъ любитъ только спокойствіе и семью. Онъ не вмѣшивается ни въ какія политическія партіи, его не интересуютъ политическіе разговоры; но онъ совершенно измѣняется, когда услышитъ военный призывъ. Привыкнувъ къ звуку военныхъ трубъ въ пограничныхъ крѣпостяхъ, онъ въ короткое время становится отличнымъ солдатомъ. Пѣсни, которыя онъ поетъ въ минуту веселья, прославляютъ подвиги героевъ Франціи. Благостоянія здѣшняго края нельзя не замѣтить. Народъ имѣетъ здоровый, цвѣтущій видъ, дѣти бойки и веселы, въ домахъ вездѣ опрятность. У каждаго домика небольшой садикъ съ песчаными дорожками и непремѣнно, хотя маленькій, но прелестный цвѣтникъ. Фламандцы отличаются страстью къ цвѣтамъ; они разводятъ ихъ, и особенно гвоздику, гдѣ только найдется мѣсто, и представляютъ ихъ на кон-

курсъ. Общины выбираютъ изъ своей среды толковыхъ, опытныхъ и извѣстныхъ своими садами людей, которые сравниваютъ представленные цвѣты и выдаютъ премію тѣмъ, кто представилъ лучшіе. Другая страсть фламандцевъ—ихъ любовь къ птицамъ: они разводятъ не только домашнихъ, но и пѣвчихъ птицъ въ огромномъ количествѣ. При наступленіи мая, въ то время, когда у каждаго дома цвѣтникъ пестрѣетъ множествомъ самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ и все кругомъ благоухаетъ, у каждаго окна распѣваютъ зяблики. Тогда является множество любителей, изъ которыхъ каждый выставляетъ своего зяблика, выбирая, разумѣется, такого, какого онъ считаетъ лучшимъ пѣвцомъ. Какъ будто понимая намѣреніе своихъ хозяевъ, зяблики поютъ наперерывъ другъ передъ другомъ, отвѣчаютъ одинъ другому безостановочно, и побѣдителемъ остается тотъ, чей зябликъ можетъ пѣть дольше. Иногда два зяблика, выбранные для состязанія, падаютъ и умираютъ тутъ же или очень скоро отъ усталости и совершеннаго истощенія, вызываемыхъ чрезмѣрнымъ соревнованіемъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ существуютъ общества «слѣпыхъ зябликовъ», члены которыхъ, подготовляя своихъ птицъ къ состязанію, предварительно для этого ослѣпляютъ ихъ. Они устраиваютъ это такимъ образомъ: раскаляютъ проволоку до красна и легко проводятъ ее по вѣкамъ зяблика, предназначеннаго для ослѣпленія. Говорятъ, эта операція заставляетъ несчастныхъ птицъ пѣть лучше и больше неослѣпленныхъ и даетъ возможность ихъ хозяевамъ получать призы на состязаніяхъ.

Несмотря на свою флегматическую натуру, фламандецъ страстно любитъ игры, сопряженныя съ движеніями. Каждый вечеръ на площадкахъ стоятъ группы молодежи, которыя играютъ въ мячъ или стрѣляютъ въ цѣль изъ лука и ружья. Кстати надо замѣтить, что на эти игры здѣсь смотрятъ не какъ на обыкновенное времяпрепровожденіе послѣ труда, а какъ на что-то очень важное и торжественное. То въ одной общинѣ, то въ другой открываются конкурсы или состязанія для болѣе ловкихъ игроковъ. Они даже получаютъ здѣсь преміи, которыя состоятъ изъ различныхъ серебряныхъ вещицъ, изъ платковъ яркихъ цвѣтовъ и т. п. Того, кто на конкурсѣ попадаетъ въ цѣль, громогласно и торжественно называютъ «королемъ птицы», и его соперникъ, медленно выступая, подноситъ ему серебряную птицу, повѣшенную на лентѣ; къ шляпѣ побѣдителя прикалываютъ султанъ, и народъ, при одобрительныхъ крикахъ, торжественно ведетъ его въ шинокъ, нерѣдко при звукахъ флейты и барабана. Семейство побѣдителя вечеромъ приглашаетъ къ себѣ на пиръ знакомыхъ и родныхъ, гдѣ много поютъ и еще болѣе танцуютъ и пьютъ вина. Но большею частію эти пиршества устраиваются обществомъ, къ которому принадлежитъ побѣдитель, и тогда его родителей приглашаютъ на пиръ чрезъ особую депутацію. Каждый ловкій стрѣлокъ изъ лука и ружья принадлежитъ здѣсь къ какому нибудь обществу и носитъ красивое знамя, сдѣланное изъ шелковой матеріи, на которой вышитъ или нарисованъ гербъ общества и большими буквами написано названіе деревни, къ которой оно принадлежитъ. Эти общества безпрестанно устраиваютъ различныя торжества и даже просто по вечерамъ приступаютъ къ играмъ съ соблюденіемъ множества формальностей. Они выступаютъ обыкновенно въ большомъ порядкѣ. Прежде всего идетъ барабанщикъ и бьетъ въ барабанъ, за нимъ знаменоносецъ высоко держитъ знамя общества; сзади ихъ *императоръ* съ серебряною птицею на шеѣ, привѣшанною къ цѣпи изъ того же металла. Чтобы сдѣлаться *императоромъ*, необходимо отличиться ловкостью по крайней мѣрѣ три раза, а слѣдовательно по крайней мѣрѣ три раза быть избраннымъ въ короли. Императоръ идетъ, опираясь на руки маршала и сенатора или королей (всѣ эти высшія должности—знакъ отличія за ту или другую степень ловкости въ стрѣльбѣ); за этими великими сановни-

ками идутъ низшіе, менѣе ихъ отличившіеся, и, наконецъ, простые стрѣлки, которые весело болтаютъ между собой; каждый изъ нихъ страшно стремится стать императоромъ. Страсть француза къ отличіямъ не покидаетъ его и въ игрѣ. Стрѣлки, игроки въ мячъ, садоводы, птицеловы, всѣ составляютъ здѣсь различныя общества и корпораціи, и каждая изъ нихъ имѣетъ свои особые праздники, которые, по обыкновенію, начинаются религіозною церемоніей, торжественною обѣднею или процессіей и оканчиваются обѣдомъ и веселымъ пиромъ.

Къ сожалѣнію, съ усиленіемъ пьянства, во многихъ деревняхъ Фландріи исчезаютъ мало по малу эти здоровыя развлеченія на открытомъ воздухѣ, и кабаки все болѣе притягиваютъ къ себѣ простонародье. Кромѣ нихъ, не мало существуетъ для народа и кофеенъ; въ нѣкоторыхъ городахъ рабочіе вносятъ по одному су въ недѣлю содержателямъ кофеенъ, чтобы имѣть право свободнаго входа, безъ обязательства что-нибудь въ нихъ требовать. Но какъ эти кофейни, такъ и кабаки приносятъ народу болѣе вреда, чѣмъ пользы, такъ какъ въ концѣ концовъ все же пріучаютъ его къ пьянству. Многіе хозяева кофеенъ, какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ, для привлеченія публики устраиваютъ бои пѣтуховъ. Прежде эти бои происходили тайно, теперь, напротивъ, дни, назначенные для состязанія пѣтуховъ, оповѣщаютъ афишами колоссальныхъ размѣровъ. Особенно возбуждаетъ интересъ зрителей то, что каждый участвующій въ боѣ пѣтухъ является представителемъ того или другого округа или деревни, имя которой онъ носитъ. При этомъ является множество охотниковъ держать пари, чей пѣтухъ одержитъ побѣду; эти пари держатъ на деньги, па корову, овцу, на всевозможные предметы сельскаго хозяйства. Случается, что присутствующіе, возбужденные кровавымъ исходомъ пѣтушинаго боя (описаніе боя пѣтуховъ можно найти въ одномъ изъ очерковъ Испаніи,—бои пѣтуховъ во Фландріи имѣютъ съ ними много общаго), сами вступаютъ между собою въ ожесточенную борьбу. Такъ какъ бои пѣтуховъ происходятъ теперь въ кабакахъ и кофейняхъ, и они болѣе всего заманиваютъ публику въ эти заведенія, то пѣтушиные бои прежде всего содѣйствуютъ развитію пьянства, ведутъ нерѣдко къ кровавымъ столкновеніямъ, а пари, которыя держатъ по поводу ихъ, разоряютъ многихъ крестьянъ и поддерживаютъ страсть къ азартнымъ играмъ и пріобрѣтенію денегъ безъ труда. Наконецъ и сами по себѣ подобныя варварскія зрѣлища, какъ бои пѣтуховъ, должны содѣйствовать уменьшенію гуманности и развитію жестокости.

Въ деревняхъ, сосѣднихъ съ бельгійскою границею, нѣкоторые занимаются контрабандою: контрабандисты тайно провозятъ черезъ границу товары, но особенно табакъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ этотъ промыселъ переходитъ по наслѣдству отъ отца къ сыну; нерѣдко они оказываютъ вооруженное сопротивленіе таможенной стражѣ. Самые усердные помощники контрабандистовъ—собаки, которыхъ они для этой цѣли умѣютъ прекрасно дрессировать. Они отводятъ ихъ въ Бельгію, откуда эти животныя возвращаются нагруженныя табакомъ, рискуя быть убитыми. Ненависть собакъ къ таможенной стражѣ вызываютъ такимъ образомъ: контрабандистъ одѣвается въ одежду, присвоенную ей, и въ этомъ видѣ наноситъ несчастному животному тяжелые удары. Такимъ образомъ собаку заставляютъ понять, какое обращеніе ожидаетъ ее, если она попадется въ руки таможенной стражи.

ШАМПАНЪ.

Несчастная природа Шампани прежде и ея производительность теперь.—Приготовленіе шампанскаго.—Погреба для винъ и опасности, которымъ подвергаются въ нихъ рабочіе.—Винодѣлы и ихъ положеніе.

«Природа очень мало сдѣлала для Шампани и, несмотря на всѣ разумныя и дѣятельныя усилія туземныхъ агрономовъ, Шампань осталась бы въ нищетѣ, если бы виноградники не обратили самыя дурныя ея земли, самые обнаженные холмы въ золотые рудники. Не такъ далеко еще время, когда равнины Шампани, по справедливости, славились своей скудостію и представляли печальное зрѣлище безотрадной пустыни. Путешественникъ, проѣзжавшій по нимъ, встрѣчалъ только однѣ мѣловыя вершины, усѣянныя рѣдкими пучками тощей травы или низкорослаго можжевельника. Почва повсюду представлялась безплодною. На вершинахъ холмовъ и по склонамъ ихъ она исключительно состоитъ изъ мѣла; въ долинахъ мѣлъ перемѣшанъ съ известковымъ хрящомъ, который часто покрываетъ его совершенно. Земля повсюду легкая, вбирающая въ себя много воды, которой всегда недостаточно, чтобы напитать ее. Небольшое количество хлѣбныхъ растеній, составлявшихъ обычную пищу жителей, родилось на этой сухой и тощей почвѣ, да и то послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отдыха. Случалось, что грозовыя тучи извергали цѣлый потопъ, но воды неслись громадными массами, нисколько не оживляя обнаженной почвы, а только смывая жатву и обработанныя поля; злополучный земледѣлецъ никогда не былъ увѣренъ, что соберетъ хлѣбъ, выраставшій у него на глазахъ. Въ другой годъ лишенныя растительности равнины выгорали отъ солнечныхъ лучей и хлѣбныя колосья высыхали на корню, не достигая своего полнаго роста. Она и была почти необитаема, а жители сосѣднихъ областей дали ей совершенно заслуженное прозвище: Champagne pouilleuse (вшивая Шампань)».

Производительность страны совершенно измѣнилась въ какіе-нибудь 50—60 лѣтъ. Тамъ, гдѣ едва пробивалась тощая трава, теперь вездѣ виднѣются чудные ковры разнообразной зелени и хлѣбныхъ растеній. Такая быстрая и благопріятная перемѣна случилась вслѣдствіе того, что были разведены сосновыя плантаціи, даже на самыхъ скудныхъ земляхъ и обрывистыхъ склонахъ. Разведеніе этихъ лѣсовъ измѣнило не только климатъ страны, но даже многія условія въ жизни народа. Сосны дали жителямъ дрова, корни ихъ, связавъ землю, оградили поля отъ наводненій, предохранили поднявшійся колосъ отъ вѣтра, который прежде свободно разгуливалъ по полямъ, качалъ колосья, высыпалъ изъ нихъ зерна или обсѣкалъ ихъ. Хвои сосны, падая на землю, служили ей удобреніемъ, въ которомъ она такъ нуждалась, и лѣса стали давать прохладу и пріютъ въ знойное лѣтнее время. Прежде жители топили соломою, теперь она исключительно служитъ подстилкою скоту, а слѣдовательно возвращается въ землю въ видѣ удобренія.

Болѣе всего славится Шампань разведеніемъ виноградниковъ и приготовленіемъ шампанскаго, которое расходится по всему свѣту и доставило ей громкую извѣстность. Эти виноградники и возвысили цѣну на землю до громадной цифры 20 тыс. фран. за гектаръ. Шипучесть шампанскаго происходитъ отъ того, что выдавленный виноградный сокъ не допускаютъ до броженія въ одномъ сосудѣ; его сначала держатъ въ засмоленыхъ бочкахъ, гдѣ онъ начинаетъ свое броженіе, но не оканчиваетъ его, и потому сохраняетъ въ себѣ значительную часть угольной кислоты.

Очистивъ вино отъ гущи и придавъ ему прозрачность посредствомъ рыбьяго клея, разливаютъ его по бутылкамъ. Эти бутылки закупориваютъ крѣпко на крѣпко и ставятъ горлышкомъ внизъ, чтобы такимъ образомъ опустились слизи и всѣ осадки. Черезъ нѣсколько недѣль, каждую бутылку бережно откупориваютъ, снимаютъ осадокъ и подбавляютъ въ вино ликеръ, который составленъ изъ леденцовъ, распущенныхъ въ коньякѣ. Потомъ бутылки уже окончательно закупориваютъ, пробки и горлышко окружаютъ желѣзною проволокою и обертываютъ листовою жестью. Затѣмъ бутылки раскладываютъ горизонтально на деревянные подмостки, подъ которыми разставлены желоба для того, чтобы въ нихъ стекало вино, когда лопнетъ какая-нибудь изъ бутылокъ. Такимъ образомъ пѣнятся только тѣ вина, которыя оканчиваютъ свое броженіе въ бутылкахъ. Въ ту минуту, когда бутылку откупориваютъ, внѣшній воздухъ врывается въ нее, и скопившійся отъ броженія углекислый газъ со свойственной ему силой и быстротой вырывается наружу и выталкиваетъ вмѣстѣ съ собою жидкость. Шампанскаго изъ Франціи разсылаютъ очень много по всему свѣту; несмотря на то, что производство его съ каждымъ годомъ увеличивается, его все-таки не хватаетъ на всѣхъ желающихъ, а потому не только въ другихъ странахъ, но и въ самой Франціи чрезвычайно много продаютъ, подъ видомъ шампанскаго, различныхъ винъ, очень искусно поддѣланныхъ. Въ такое искусственное шампанское входитъ много различныхъ веществъ и обыкновенно нѣтъ ни одной капли виноградчаго сока изъ лозъ Шампани.

Въ окрестностяхъ Реймса и Эпернэ устроены для сохраненія винъ огромные погреба; они обыкновенно расположены въ центрѣ лучшихъ виноградниковъ и на землѣ, благопріятной для устройства такихъ погребовъ. Трудно составить себѣ понятіе, какъ громадны и обширны эти погреба: они въ большинствѣ случаевъ образуютъ родъ лабиринтовъ, въ которыхъ трудно найти дорогу безъ помощи проводника; бутылки разсортированы по временамъ сбора. Въ извѣстное время года очень опасно ходить по этимъ погребамъ вслѣдствіе частыхъ взрывовъ бутылокъ. Путешественники, желающіе осмотрѣть ихъ, вынуждены одѣвать проволочную маску, а рабочіе, которыя торопятся явиться сюда для раскладки бутылокъ и забываютъ одѣть маску, нерѣдко получаютъ тяжелыя раны отъ осколковъ стекла.

Тяжела работа винодѣловъ. Около своихъ виноградниковъ они проводятъ почти цѣлый день, согнувшись надъ землею: окапываютъ лозу, разсаживаютъ ее, подвязываютъ, собираютъ виноградъ. Винодѣлы малорослы, дурно сложены, имѣютъ очень истомленный и старческій видъ. Несмотря на ихъ тяжкіе труды, они ѣдятъ хуже другихъ работниковъ и вслѣдствіе этого имѣютъ видъ чрезвычайно истощенный. Къ тяжелому труду присоединяется также неувѣренность въ успѣхѣ. До сихъ поръ не придумано средствъ избавить виноградную лозу отъ болѣзни, а это всякій разъ угрожаетъ народу годами бѣдствій, страданій и лишеній.

КРЕСТЬЯНЕ.

Разнообразіе занятій сельскаго населенія.—Землевладѣніе.—Крестьяне-землевладѣльцы.—Ихъ страсть къ землѣ.—Черезполосица и дробленіе поземельной собственности.—Успѣхи земледѣлія.—Половники, фермеры и батраки: ихъ заработокъ и положеніе.—Характеръ, взгляды и жизнь французскихъ крестьянъ; ихъ отношеніе къ престарѣлымъ родителямъ.

Франція — страна земледѣльческая. Изъ 36.829.135 ч. населенія (по переписи 1891 г.)—земледѣліемъ занимается почти $17^1/_2$ милл. или 47%, промышлен-

ностью—9½ милл. или 26%, торговлею и перевозкою 5.160.829 ч. или 14%, прочими профессіями 13% населенія. Слѣдовательно, земледѣліе даетъ занятіе почти половинѣ населенія Франціи, между тѣмъ какъ промышленность лишь одной четверти, торговля вмѣстѣ съ перевозкой—одной восьмой.

За послѣднее 50-ти-лѣтіе земледѣліе во Франціи сдѣлало большіе успѣхи; это видно изъ того, что зерновыхъ хлѣбовъ (а это самое важное) получается теперь болѣе, чѣмъ двое, несмотря на то, что площадь обрабатываемой земли за это время увеличилась не болѣе, какъ на одну шестую. Къ тому же тамъ, гдѣ прежде собирали плохую жатву ржи, теперь получаютъ богатый урожай пшеницы. Вмѣстѣ съ этимъ измѣнились и понятія крестьянъ о хорошемъ и плохомъ урожаѣ: то, что они теперь называютъ посредственнымъ урожаемъ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ они считали необычайно превосходнымъ; что прежде считалось у нихъ богатствомъ, теперь считается бѣдностью. Успѣхамъ земледѣлія во Франціи способствуютъ отчасти земледѣльческіе конкурсы и выставки. Благодаря выставкамъ, крестьянинъ, даже глухихъ мѣстностей, можетъ наглядно убѣдиться въ пользѣ употребленія того или другого земледѣльческаго орудія, познакомиться съ усовершенствованными породами скота. На конкурсахъ присуждаютъ преміи не только за выставленные предметы, но и за наилучше обработанные участки земли, что отчасти возбуждаетъ соревнованіе. Еще болѣе значенія имѣетъ искусственное удобреніе фосфоритами, которое произвело совершенный переворотъ въ земледѣліи. Прежде, для того, чтобы хорошо удобрить лишнюю десятину земли, нужно было немедленно увеличить и количество скота, что было сопряжено съ большими неудобствами. Теперь это затрудненіе устранено, и обычное удобреніе очень часто замѣняютъ минеральнымъ удобреніемъ фосфоритами или гуано; сильно начали пользоваться также городскими нечистотами, прежде пропадавшими безъ всякой пользы. Вслѣдствіе всего этого все болѣе распространяется интензивная культура, при которой землѣ не даютъ отдыхать, а въ извѣстномъ порядкѣ чередуютъ посѣвы, что для хозяйства въ высшей степени прибыльно. Такимъ образомъ оказывается, что хотя земля во Франціи не вездѣ обработана, какъ слѣдуетъ, хотя въ ней еще существуютъ безплодныя степи и обнаженныя горы, тѣмъ не менѣе страна эта достигла уже такихъ успѣховъ въ земледѣліи и сельскомъ хозяйствѣ, которые служатъ ручательствомъ, что въ близкомъ будущемъ она добьется еще болѣе блистательныхъ результатовъ.

Хотя земледѣліе во Франціи находится на высокой степени развитія, дѣлаетъ успѣхи и идетъ впередъ по пути прогресса (кромѣ послѣдняго времени, когда, послѣ неурожайныхъ лѣтъ и истребленія виноградниковъ на югѣ филоксерою, произошелъ сельско-хозяйственный кризисъ), все же оно несравненно менѣе блистательно, чѣмъ въ Англіи. Для этого не мало причинъ: главная изъ нихъ состоитъ въ томъ, что крестьянскіе участки малы по объему, при томъ еще они разбросаны въ разныхъ мѣстахъ и удалены другъ отъ друга иногда на нѣсколько верстъ. Эта черезполосица, превышающая черезполосицу другихъ странъ съ мелкимъ землевладѣніемъ, это черезъчуръ мелкое дробленіе земли вредно отзываются на успѣхахъ земледѣлія: множество отдѣльныхъ земельныхъ участковъ, принадлежащихъ разнымъ хозяевамъ, требуютъ и множества дорогъ, тропинокъ, границъ, отдѣляющихъ одно владѣніе отъ другого,— земля, которая идетъ на это, пропадаетъ для земледѣлія непроизводительно, между тѣмъ, какъ въ суммѣ она составляетъ порядочную площадь. Такъ какъ у иного крестьянина нѣсколько крошечныхъ полосокъ находится на большомъ разстояніи другъ отъ друга, то ему приходится напрасно тратить много времени на ходьбу. Къ тому же мелкіе землевладѣльцы Франціи слишкомъ бѣдны, чтобы покупать новыя усовер-

шенствованныя сельско-хозяйственныя машины или вводить новѣйшіе способы обработки земли, и при всемъ томъ они люди съ предразсудками и большіе рутинёры: они не терпятъ никакихъ новшествъ и привыкли дѣлать все такъ, какъ дѣлали ихъ отцы и дѣды. Къ тому же нѣкоторые изъ нихъ владѣютъ до того крошечными земельными полосками, что на каждой изъ нихъ даже трудно повернуться съ плугомъ, такъ что ихъ приходится обрабатывать не съ помощью животнаго, а исключительно собственными руками, посредствомъ лопатки или мотыги. При такой черезполосицѣ иной землевладѣлецъ, владѣющій 5—10 кусками земли, составляющими въ суммѣ одинъ—два гектара, имѣетъ нерѣдко цѣлую дюжину сосѣдей: въ такой тѣснотѣ, бокъ о бокъ съ другими, такъ легко скосить или засѣять чужой клочекъ земли,—отсюда постоянныя ссоры, дрязги, тяжбы.

У здѣшняго крестьянина чрезвычайно сильно стремленіе увеличить свой земельный участокъ: онъ не допиваетъ и не доѣдаетъ, чтобы скопить въ мѣсяцъ 2—3 франка и затѣмъ прикупить хотя крошечную полоску земли. Такъ какъ его сбереженія не велики, то онъ и не можетъ сразу купить большого участка: онъ скупаетъ землю по крошечнымъ клочкамъ, на гроши, скопленные при помощи невѣроятной бережливости и почти нечеловѣческаго труда. Купивъ маленькій клочекъ земли, онъ снова принимается работать и копить, мечтая теперь округлить свое маленькое владѣніе. Но по сосѣдству свободной земли не оказывается, или сосѣдъ требуетъ за нее неподходящую цѣну, и ему невольно приходится пріобрѣсти новый клочекъ земли гдѣ нибудь на далекомъ разстояніи отъ перваго. Раздробленію участковъ содѣйствуетъ и французскій законъ,по которому, при переходѣ земли по наслѣдству, она дѣлится по ровну между всѣми наслѣдниками. Этотъ законъ основанъ на господствующемъ почти повсемѣстно во Франціи обычаѣ, который при раздѣлѣ земли по наслѣдству доводитъ это дробленіе до крайности. Такъ какъ земля одного владѣльца обыкновенно состоитъ изъ полосъ разнаго качества, то крестьяне находятъ, что раздѣлить ее по ровну между наслѣдниками на участки одинаковой цѣнности крайне трудно, и потому наслѣдники предпочитаютъ получить по маленькому клочку земли каждаго достоинства.

Такимъ образомъ поземельная собственность во Франціи мельчаетъ все болѣе и болѣе,—за послѣдніе 50 лѣтъ число мелкихъ поземельныхъ участковъ увеличилось болѣе, чѣмъ на 30%. Совершенно противоположное явленіе мы видимъ въ Англіи, гдѣ вся недвижимая собственность находится въ рукахъ небольшого числа владѣльцевъ.

Болѣе всего разнообразныхъ зерновыхъ хлѣбовъ засѣваютъ въ *сѣверной части страны*. Впрочемъ сельское хозяйство Франціи, расположенной въ серединѣ умѣреннаго пояса и съ трехъ сторонъ омываемой морями, представляетъ большое разнообразіе: кромѣ зерновыхъ хлѣбовъ, здѣсь и тамъ тянутся поля кукурузы. Производство картофеля въ этой странѣ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было; маслины и оливки особенно распространены въ сѣверной Франціи; прядильныя растенія, ленъ, конопля, занимаютъ обширныя пространства почти во всѣхъ частяхъ Франціи; поля свекловицы (растеніе преимущественно промышленное, такъ какъ оно употребляется для фабрикаціи сахара) тоже находятся въ сѣверной Франціи; фруктовые и плодовые сады, а также громадные огороды окружаютъ преимущественно города, и доставляемые ими фрукты и овощи продаются не только во Франціи, но отчасти и въ Англіи. Чрезвычайно богата Франція и своими разнообразными травами: сборы сѣна увеличиваются съ каждымъ годомъ, и даже пустынныя ланды, во многихъ мѣстностяхъ, превращены теперь въ богатѣйшія пастбища и сѣнокосные луга, что даетъ

возможность держать много молочнаго скота. Въ сѣверныхъ равнинахъ занимаются также разведеніемъ овецъ, особенно мериносовъ, — это очень распространено и составляетъ здѣсь одну изъ главныхъ отраслей сельскаго хозяйства. Тутъ также занимаются разведеніемъ *першероновъ*,—особой породы небольшихъ, но сильныхъ лошадей, пользующихся большою извѣстностью.

Полоса *внутреннихъ равнинъ*, орошаемыхъ Луарою и ея притоками, отличается нездоровымъ климатомъ, особенно въ нѣкоторыхъ болотистыхъ мѣстностяхъ. Долины по рѣкѣ Луарѣ представляютъ огромную равнину, съ рощами тополей и окаймленную холмами, покрытыми виноградниками и лѣсами, между которыми виднѣются зубчатыя стѣны и каменныя башни многочисленныхъ старинныхъ замковъ. Здѣсь часто бываютъ наводненія; вода въ Луарѣ отъ времени до времени до того прибываетъ, что прорываетъ плотины, врывается въ долину и сноситъ убранный хлѣбъ и скотъ; но земля здѣсь такъ производительна, а земледѣлецъ такъ терпѣливъ, что черезъ нѣсколько времени исчезаютъ слѣды наводненій. Въ этой полосѣ къ югу отъ Луары еще недавно поля представляли печальные пустыри; населеніе, изнуренное лихорадками и жившее въ покрытыхъ соломою лачужкахъ, съ трудомъ обрабатывало подъ гречиху небольшіе клочки земли, разбросанные между прудами и жалкими кустарниками. Но благодаря мѣрамъ, принятымъ для оздоровленія этой мѣстности, а въ особенности насажденію въ большихъ размѣрахъ приморскихъ сосенъ, эта мѣстность совершенно преобразилась: климатъ сдѣлался здоровѣе, почва—плодороднѣе, и въ настоящее время этотъ край, съ его лѣсами и рѣками, имѣетъ видъ настоящаго парка. О *западной земледѣльческой полосѣ* Франціи, куда между прочимъ входитъ и суровая Бретань, о которую разбиваются бурныя волны Атлантическаго океана, мы говорить не будемъ, такъ какъ дали о ней понятіе въ особомъ очеркѣ.

Островъ Корсика и *департаменты у побережья Средиземнаго моря*, а также у *нижней долины Роны* славятся оливковыми плантаціями и доставляютъ лучшее въ мірѣ оливковое масло.

Южная Франція отличается прекраснымъ, мягкимъ климатомъ. На побережьѣ Средиземнаго моря, въ мѣстахъ, защищенныхъ горами отъ холодныхъ вѣтровъ, растутъ на открытомъ воздухѣ лимонныя, апельсинныя и пробковыя деревья. Здѣсь много разводятъ и шелковицы,—ея листьями питаютъ шелковичныхъ червей, которые въ свою очередь даютъ возможность ліонскимъ рабочимъ-артистамъ производить матеріи необыкновенной красоты. Несмотря на разныя болѣзни, которымъ такъ часто подвергаются шелковичные черви, разведеніе шелковицы составляетъ до сихъ поръ весьма важный источникъ дохода этой страны. Но славу и великое богатство южной Франціи составляютъ ея виноградники. Хотя, кромѣ очень немногихъ и незначительныхъ мѣстностей, виноградъ можетъ расти повсюду въ этой странѣ, хотя Шампань, столь прославившаяся своимъ шампанскимъ и другими пѣнистыми винами, находится именно на сѣверномъ склонѣ территоріи, но самые обширные и самые лучшіе виноградники встрѣчаются на югѣ Франціи. Виноградниками въ этой странѣ занято болѣе 2 милліоновъ гектаровъ, т.-е. около $^1/_{25}$ всей территоріи. Въ урожайные годы сборъ винограда во Франціи, какъ говорятъ, составляетъ половину сбора винограда во всемъ мірѣ. Рядомъ съ виноградниками вы встрѣтите на югѣ и поля, засѣянныя пшеницею, и луга, окруженные каштановыми деревьями. Но чѣмъ южнѣе, тѣмъ болѣе виноградниковъ. Изъ винограда, растущаго по Шарантѣ, выдѣлываютъ коньякъ; въ Бордо приготовляютъ извѣстныя во всемъ свѣтѣ бордосскія вина, а еще южнѣе—менѣе тонкія, но еще болѣе употребитель-

ныя вина. На югѣ сравнительно мало занимаются земледѣліемъ, а болѣе всего разведеніемъ виноградниковъ. Къ несчастію, филоксера (насѣкомое, истребляющее виноградныя лозы) уничтожила половину здѣшнихъ виноградниковъ и разорила многіе департаменты южной Франціи. Виноградники Ронской долины уступили теперь мѣсто плохимъ полямъ, лугамъ, пастбищамъ и пустырямъ,—и это понятно: подъ раскаленнымъ небомъ юга Франціи могли процвѣтать только виноградники; въ настоящее время значительная часть ихъ исчезла. Во многихъ южныхъ мѣстностяхъ виноградныя лозы вырваны съ корнемъ, а мѣста, бывшія подъ виноградниками, стараются съ помощію орошенія обратить въ пастбища; но пока всѣ эти перемѣны не даютъ сносныхъ результатовъ. На сколько пострадалъ этотъ край отъ филоксеры, можно видѣть изъ слѣдующаго: совершенно уничтожено 300,000 гектаровъ (274,500 десятинъ) виноградниковъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ одинъ гектаръ такой земли прежде стоилъ 20,000 франковъ, а теперь за него не даютъ и 500 франковъ. Филоксера не единственное бѣдствіе, постигшее въ послѣднее время жителей южной Франціи: прекращеніе производства марены (растеніе, изъ корня котораго добывали красную краску), которая прежде была источникомъ богатства для жителей Прованса, пока ея не замѣнили приготовляемыя химическимъ путемъ анилиновыя краски, и болѣзнь шелковичныхъ червей нанесли тяжкій ударъ благосостоянію южной Франціи.

Хотя земледѣліемъ во Франціи занимается почти $17^1/_2$ милл., но главъ семействъ (не считая ихъ женъ, дѣтей, стариковъ и прислуги) всего 6.913.504 ч. Они распредѣляются такимъ образомъ: *собственниковъ*, воздѣлывающихъ землю съ помощью своей семьи или постороннихъ лицъ 2.150.696, *фермеровъ* 968.328, *половниковъ* 341.576, *управляющихъ* 17.966, *поденщиковъ* 1.480.687 и *земледѣльческихъ рабочихъ* 1.954.251 ч.

Такимъ образомъ собственники, воздѣлывающіе свою землю, представляютъ наиболѣе значительный классъ изъ всѣхъ земледѣльцевъ во Франціи. Ни въ одной западно-европейской странѣ нѣтъ такого громаднаго количества людей, какъ во Франціи, имѣющихъ свой собственный земельный участокъ. Но зато между ними чрезвычайно много такихъ (а именно $^2/_5$ всѣхъ собственниковъ), которые владѣютъ въ высшей степени крошечными земельными участками, не превышающими болѣе половины гектара (одинъ гектаръ—менѣе нашей десятины), а у нѣкоторыхъ владѣльцевъ земельные участки и еще того меньше. Между тѣмъ во Франціи мелкимъ землевладѣльцемъ считается человѣкъ, имѣющій не болѣе 10 гектаровъ. Только землевладѣлецъ, имѣющій болѣе 10 гектаровъ, можетъ здѣсь, безъ особенныхъ лишеній, существовать съ семьею. Но почему же французскому крестьянину нужно имѣть такъ много земли въ этой странѣ, гдѣ она такъ щедро вознаграждаетъ трудъ рабочаго? Это происходитъ по многимъ причинамъ: прежде всего потому, что ее сильно стѣсняетъ крупная поземельная собственность. Подлѣ многихъ крестьянскихъ земельныхъ участковъ расположены крупныя помѣстья и обширныя охотничьи дачи. Какъ ни ограждаетъ себя отъ нихъ крестьянинъ, но дичь все-таки перебѣгаетъ и перелетаетъ на его поля и уничтожаетъ посѣвы. Когда, выведенный изъ терпѣнья, онъ бѣжитъ съ ружьемъ на свое поле, чтобы убить дичь, которая портитъ его посѣвы, барскіе лѣсничіе, подстерегающіе крестьянъ, выбѣгаютъ толпою, въ сопровожденіи собакъ, и съ шумомъ и гикомъ прогоняютъ дичь съ земли крестьянина, а вмѣстѣ съ этимъ еще болѣе вытаптываютъ его поля и сѣнокосы. Если онъ вздумаетъ судиться, то судъ обыкновенно рѣшаетъ дѣло въ пользу помѣщика. Бываютъ случаи и похуже: крестьянинъ убиваетъ зайца или птицу на своемъ полѣ или лугу,

а его за это убиваетъ лѣсничій; приэтомъ виновникъ такого убійства очень часто остается безнаказаннымъ.

При продажѣ продуктовъ своего хозяйства, крестьяне сильно страдаютъ отъ капиталистовъ: тѣмъ изъ нихъ, которые разводятъ свеклу, приходится продавать ее крупнымъ сахарозаводчикамъ, которые даютъ за нее самую ничтожную цѣну, другихъ же покупателей становится все меньше, такъ какъ различныя производства все болѣе попадаютъ въ руки крупныхъ капиталистовъ. То же можно сказать о винодѣліи. Было время, когда крестьяне Шампани, департаментовъ Жиронды, верхней и нижней Шаранты выдѣлывали вино изъ мѣстнаго винограда и хотя продавали его крупнымъ винодѣламъ, но держали ихъ въ рукахъ, такъ какъ они сами были главными производителями. Теперь совсѣмъ другое: усовершенствованные способы даютъ возможность производить вино высшаго качества главнымъ образомъ крупнымъ капиталистамъ, крестьяне же самостоятельно могутъ приготовлять лишь худшаго качества вина, которыя остаются у нихъ для собственнаго употребленія или продаются въ странѣ по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Не лучше обстоятъ дѣла крестьянъ юго-западныхъ и юго-восточныхъ департаментовъ, поставлявшихъ въ Парижъ овощи и фрукты: могущественныя торговыя фирмы откупили земли, устроили огороды и имѣютъ возможность продавать эти товары несравненно дешевле крестьянскихъ. Въ сыроваренномъ дѣлѣ—то же самое: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне еще недавно существовали продажей овечьяго молока въ сыроварни, выдѣлывавшія пикантный сыръ «рокфоръ»; въ то время молоко продавалось по очень хорошей цѣнѣ. Въ послѣдніе годы акціонерное «рокфорское общество» устроило свои сыроварни,—черезъ годъ послѣ его устройства цѣна на овечье молоко упала на 100%. Крестьяне мелкихъ участковъ не могутъ конкуррировать съ капиталистами: живутъ они разбросанно, немногіе изъ нихъ, да и то только теперь, начинаютъ соединяться въ общества, (земледѣльческіе синдикаты, или союзы),—у большинства изъ нихъ еще мало необходимыхъ знаній, умственнаго развитія и подготовки. Такимъ образомъ, хотя крестьянъ, имѣющихъ во Франціи свой собственный клочекъ земли, дѣйствительно чрезвычайно много, но ихъ земельные надѣлы очень малы, и не только полъгектара земли, которымъ владѣютъ здѣсь весьма многіе, не можетъ прокормить крестьянской семьи, но и при 4-хъ гектарахъ приходится испытывать страшную нищету; между тѣмъ, почти половина всѣхъ земледѣльческихъ хозяйствъ имѣютъ въ среднемъ 4 гектара съ небольшимъ. Вслѣдствіе всего этого во Франціи, среди земледѣльцевъ и даже землевладѣльцевъ чрезвычайно много пролетаріевъ, а именно ихъ насчитываютъ здѣсь до $3^1/_2$ милл., и эта громадная армія бѣдняковъ растетъ съ каждымъ годомъ.

Какъ крестьянамъ, у которыхъ слишкомъ маленькіе клочки земли, такъ и тѣмъ, у которыхъ ихъ совсѣмъ нѣтъ, приходится наниматься къ помѣщикамъ и къ крестьянамъ посостоятельнѣе. Въ большинствѣ департаментовъ годовой земледѣльческій рабочій на хозяйскихъ харчахъ получаетъ въ годъ отъ 400 до 500 фр.; поденщикъ получаетъ 2—3 фр. въ день въ обыкновенное время, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ самую горячую рабочую пору—4—5 фран. Земледѣльческіе рабочіе, какъ годовые, такъ и поденщики, порѣшивъ наняться на работу, отправляются обыкновенно въ Ивановъ день въ сосѣднее село, на приходскій праздникъ. Въ огромной, пестрой толпѣ собравшагося на праздникъ люда тотчасъ отличишь женщину или мужчину, желающихъ найти себѣ работу: у каждаго изъ нихъ въ рукахъ или на шляпѣ зеленая вѣтка. Между народомъ расхаживаютъ и землевладѣльцы, рѣшившіе взять къ себѣ въ домъ работника. Они зорко наблюдаютъ за будущими работни-

ками и не тотчасъ остановятъ того, кто первый подвернется съ зеленою вѣткою: они высматриваютъ себѣ рослаго, здороваго парня, боязливо поглядывающаго въ сторону. «Такой», думаетъ зажиточный крестьянинъ, «во всемъ уважитъ хозяина, а вонъ отъ этого Боже избави: смѣло расхаживаетъ, спуску не дастъ». Нанятый батракъ бросаетъ на землю вѣтку и слѣдуетъ за своимъ новымъ хозяиномъ. Въ его домѣ для пришельца сразу начинается очень тяжелая жизнь. Французскій крестьянинъ-землевладѣлецъ, если только его участокъ больше участка его сосѣда, добылъ лишній клочекъ земли необыкновенно усидчивымъ трудомъ, и потому онъ страшно требователенъ къ своему батраку. Всякій сантимъ онъ долженъ будетъ выплачивать хозяину кровью и потомъ. Тѣмъ не менѣе обращеніе съ нимъ хозяина, хотя и очень суровое, но одинаково ровное, какъ съ остальными членами своей семьи. Работникъ обѣдаетъ вмѣстѣ съ нимъ и съ его семействомъ за однимъ столомъ, но это дѣлается не изъ простоты и равенства, а изъ разсчета. Хозяинъ самъ первый встаетъ изъ-за стола, и въ ту же минуту батракъ долженъ слѣдовать за нимъ, и такимъ образомъ онъ не потеряетъ ни минуты на болтовню. Хозяинъ готовъ умереть на работѣ, а по принятому обычаю великій стыдъ батраку отставать отъ хозяина. Теперь все большее количество земледѣльческихъ рабочихъ начинаетъ страдать отъ безработицы, что происходитъ прежде всего отъ сильнаго распространенія сельско-хозяйственныхъ машинъ.

Кромѣ собственниковъ и земледѣльческихъ рабочихъ, земледѣліемъ занимаются здѣсь и половники. Они менѣе страдаютъ отъ безработицы, и вообще ихъ положеніе гораздо лучше, чѣмъ положеніе земледѣльческихъ рабочихъ. Половникъ живетъ и хозяйничаетъ на томъ участкѣ, который онъ беретъ отъ землевладѣльца, и за пользованіе имъ платитъ извѣстную часть чистаго дохода отъ земли, обыкновенно половину; такимъ образомъ размѣръ дохода землевладѣльца зависитъ отъ урожая. Напротивъ арендаторы или фермеры берутъ землю въ аренду за опредѣленную плату, которую должны внести, каковъ бы ни былъ урожай. Половнику легче приступить къ хозяйству, такъ какъ онъ получаетъ отъ землевладѣльца половину скота, необходимаго для его участка, и извѣстное количество удобренія, между тѣмъ фермеръ для всего этого долженъ имѣть наличныя деньги. Половниками являются исключительно крестьяне, а классъ фермеровъ представляетъ значительное разнообразіе, и если большинство изъ нихъ ведетъ жизнь совершенно одинаковую съ остальными разрядами крестьянскаго населенія, то болѣе зажиточное меньшинство фермеровъ, арендующее значительные участки земли, пользуется извѣстнымъ благосостояніемъ, живетъ съ большимъ комфортомъ, воспитываетъ дѣтей въ среднихъ и иногдя даже высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и вообще составляетъ сельскую буржуазію.

Изъ огромнаго класса крестьянъ выходитъ гордая и храбрая французская армія, многочисленное духовенство, множество монаховъ и монахинь. Несмотря на то, что огромное число монастырей было закрыто въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіяхъ, а слѣдовательно число монаховъ и монахинь сильно уменьшилось, но ихъ еще много и въ настоящее время.

Французскіе крестьяне юга и сѣвера, востока и запада сильно отличаются другъ отъ друга не только по внѣшности, но и многими чертами своего характера, но все-таки въ ихъ нравственныхъ качествахъ, привычкахъ, взглядахъ, въ отношеніяхъ другъ къ другу членовъ семьи чрезвычайно много общаго. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ это народъ изъ ряду вонъ трудолюбивый. Каждый хозяинъ встаетъ съ разсвѣтомъ, требуетъ того же отъ своихъ домочадцевъ и слугъ, если они у него есть, и всѣ они работаютъ, съ ничтожнымъ перерывомъ для ѣды, отъ

ранняго утра до сумерекъ. Такъ надрываются они надъ работой даже и тогда, когда пріобрѣтутъ достатокъ. Трудолюбіе ихъ просто изумительно. Жители Туреня такъ долго работаютъ, согнувшись надъ своей землей въ полѣ и виноградникѣ, что спинной хребетъ ихъ совершенно теряетъ гибкость, и они остаются навсегда въ согнутомъ положеніи. Страсть пріобрѣтать землю также общая характерная черта французскихъ крестьянъ: почти каждый батракъ старается откладывать значительную часть своего жалованья, какъ бы оно ни было мало, чтобы хотя черезъ нѣсколько лѣтъ купить себѣ маленькій клочекъ земли. Возможностью для каждаго покупать себѣ землю можно отчасти объяснить замѣчательное трудолюбіе французскихъ крестьянъ. Въ Англіи, какъ бы ни трудился земледѣлецъ, какъ бы онъ ни выбивался изъ силъ, онъ никогда не пріобрѣтетъ себѣ ни малѣйшаго клочка земли, не будетъ и подъ старость имѣть своего угла, не сдѣлается никогда самостоятельнымъ и можетъ разсчитывать лишь на вспомоществованіе изъ приходской кассы для бѣдныхъ, или вынужденъ будетъ кончить свои дни въ рабочемъ домѣ. Во Франціи очень трудно прокормиться маленькимъ клочкомъ земли, но постоянно прикупая полосу за полосой, хотя не многимъ счастливцамъ все же удается выбиться изъ нужды и сдѣлаться подъ старость людьми обезпеченными, однако, къ сожалѣнію этою обезпеченностью, этою возможностью отдохнуть въ преклонныхъ лѣтахъ здѣсь почти никто не пользуется, какъ мы это увидимъ ниже.

Трудно себѣ представить, до чего страстно любитъ крестьянинъ свою землю. Главная или, точнѣе сказать, единственная мечта его жизни — увеличить свой земельный участокъ, увеличить его во что бы то ни стало, малъ онъ или великъ. Онъ надрывается надъ работой, отказываетъ себѣ въ самомъ необходимомъ, заставляетъ впроголодь жить всю семью и такою скаредностью нерѣдко губитъ дѣтей, — и все это дѣлается съ единственною цѣлью отправить какъ можно больше произведеній своего хозяйства на продажу, а затѣмъ откладывать франкъ за франкомъ и на эти деньги купить себѣ новую полосу земли. Если это удается, крестьянинъ выбивается изъ силъ сдѣлать то же самое во второй, въ третій разъ и такъ до безконечности. Дѣйствительно, онъ постепенно увеличиваетъ свой надѣлъ, но ведетъ съ своей семьей каторжный образъ жизни, полный невообразимаго труда и жестокихъ лишеній. Стремленіе во что бы то ни стало увеличить свой участокъ развиваетъ въ крестьянинѣ непобѣдимую страсть къ наживѣ, и въ преслѣдованіи этой узко-эгоистической цѣли онъ постепенно растрачиваетъ лучшія стороны своего сердца, родственныя привязанности и гуманныя чувства, и въ концѣ концовъ изъ него вырабатывается сухой эгоистъ, разсчетливый до скаредности. Писатели различныхъ національностей, которымъ приходилось жить во французской деревнѣ и изучать бытъ крестьянъ, одинаково изображаютъ ихъ нравственный обликъ въ весьма непривлекательномъ видѣ. Конечно, нужно помнить, что всѣ эти антипатичныя стороны характера крестьянъ, сложившіяся уже издавна, развились въ нихъ потому, что крестьянамъ съ юныхъ лѣтъ и уже много вѣковъ подрядъ приходится вести тяжелую борьбу за свое существованіе: чтобы пробиваться съ семьей на маленькомъ земельномъ надѣлѣ, издавна приходилось всѣмъ членамъ семьи работать, не покладая рукъ, вѣчно придерживаясь строгой экономіи. Чуть крестьянинъ дозволялъ себѣ или домашнимъ въ продолженіе мѣсяца-другого до сыта ѣсть хлѣбъ и продукты сельскаго хозяйства, у него уже ничего не оставалось на продажу, а слѣдовательно не хватало денегъ на уплату налоговъ и хлѣба на посѣвъ, приходилось занимать, что вынуждало его платить громадные проценты, однимъ словомъ, идти по дорогѣ разоренія. Вотъ эта-то жизнь, преисполненная вѣчныхъ лишеній, за-

ставляетъ его мечтать увеличить свой надѣлъ, чтобы обезпечить себя хотя на старости лѣтъ,—и онъ, несмотря на бѣдность, дѣлаетъ нечеловѣческія усилія, чтобы копить и копить. Если въ концѣ-концовъ ему и посчастливится обезпечить себя подъ старость, онъ уже привыкъ къ скопидомству и не можетъ, не умѣетъ пользоваться своимъ благосостояніемъ. Но въ какомъ-то уголкѣ его сердца сохраняется сознаніе, что теперь не годится въ такой степени урѣзывать себя и дѣтей, и на вопросъ удивленнаго посѣтителя, зачѣмъ онъ такъ стѣсняетъ себя, когда у него всего въ волю, у него всегда готовый отвѣтъ: «Почему вы не даете молока вашему ребенку, вы видите, какъ онъ худъ и слабъ?»—«У него отвращеніе отъ молока».—«Почему вы послѣ такого тяжелаго труда и простуды не согрѣетесь стаканомъ вина,—его такъ много въ вашемъ погребѣ?»—«Это дурной примѣръ для молодыхъ».—Почему ваша семья не ѣстъ ежедневно мяса, — вѣдь вы люди такіе зажиточные?»—«Оно разгорячаетъ кровь рабочему человѣку» и т. д.

Крестьянинъ не только урѣзываетъ себя въ пищѣ: если его домъ построенъ въ красивой и здоровой мѣстности, въ которой городскіе жители проводятъ по нѣсколько мѣсяцевъ въ году, онъ, будучи даже человѣкомъ зажиточнымъ, отдаетъ въ наемъ всѣ свои комнаты, всѣ уголки въ своемъ домѣ, а самъ съ семьею ютится въ какомъ нибудь старомъ сараѣ и страдаетъ безъ нужды, отъ страшной тѣсноты, недостатка свѣта, солнца и тепла.

Скупость и скаредность доводятъ до невообразимаго эгоизма и жестокости. Вотъ что говоритъ по этому поводу одинъ русскій писатель, серьезно изучившій жизнь французскихъ крестьянъ: «въ особенности распространено у нихъ равнодушіе къ судьбѣ престарѣлыхъ родителей, равнодушіе, которое переходитъ въ прямую, неумолимую вражду, ведущую даже къ крайнему преступленію: умышленному, задолго-обдуманному и холодно-выполняемому убійству. Это случается чаще всего, когда старики, начиная дряхлѣть, передаютъ при жизни свое имущество и веденіе хозяйства дѣтямъ, условливаясь съ послѣдними получать отъ нихъ пожизненное содержаніе въ формѣ ежегодной пенсіи. Среди французскаго крестьянства, загипнотизированнаго земельнымъ стяжаніемъ, такое отношеніе дѣтей къ родителямъ, дѣлающимся безполезными, проявляется сравнительно особенно часто и ярко. Когда появился романъ «Земля» знаменитаго французскаго писателя Золя, значительная часть прессы возстала на автора, утверждая, что такого жестокаго и преступнаго поведенія дѣтей съ родителями никогда не встрѣчается. Между тѣмъ тотчасъ послѣ этого одному изъ окружныхъ судовъ пришлось разбирать именно такое дѣло, притомъ осложненное самыми ужасными подробностями звѣрства и суевѣрія. Обстоятельства дѣла были таковы. Старуха-мать передала при жизни все свое имущество женатому сыну, у котораго было двое маленькихъ дѣтей, подъ условіемъ получать содержаніе отъ молодой семьи вплоть до самой смерти, на что сынъ и невѣстка согласились очень охотно, полагая что дряхлой старухѣ не долго маяться на свѣтѣ. Но шелъ годъ за годомъ, а старуха и не думала умирать. Въ сердцѣ сына и его жены начало постепенно расти неудовольстіе на эту бременящую ихъ бюджетъ обузу; неудовольствіе перешло въ злобу; злоба окрасилась суевѣріемъ: старая мать, очевидно, колдунья и продала душу черту съ тѣмъ, чтобы возможно дольше протянуть на этомъ свѣтѣ и насолить своимъ дѣтямъ, ревностнымъ католикамъ! И вотъ въ одно прекрасное утро сынъ и невѣстка связали крѣпко-накрѣпко веревками дряхлую мать, всунули ее въ каминъ, обложили ее соломой, облили керосиномъ—и зажгли, приказавъ своимъ дѣтямъ громко пѣть священные гимны, во-первыхъ, затѣмъ, чтобы отогнать помогавшаго колдунѣ черта, во-вторыхъ, затѣмъ, чтобы заглушить стоны бабки.

На судѣ сынъ и невѣстка чистосердечно признались, что это ауто-да-фе имъ казалось необходимымъ, какъ въ видахъ экономическихъ, такъ и религіозныхъ!... Я не говорю, что такіе рѣзкіе и яркіе факты каждый день случаются во французской деревнѣ, но они и не исключительны. Вотъ уже сколько лѣтъ я слѣжу внимательно за французской судебной хроникой и каждый годъ натыкаюсь, по крайней мѣрѣ, на десятокъ такихъ крестьянскихъ преступленій, подлежащихъ разбору суда. Не забудьте однако, что на одно такое судимое преступленіе приходится нѣсколько, сошедшихъ съ рукъ ихъ виновникамъ. А главное, имѣйте въ виду, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ со стариками дѣти раздѣлываются не ударомъ топора, а ежедневнымъ, мучительно-медленнымъ, но вѣрнымъ процессомъ сживанія со свѣта путемъ лишеній, держанья впроголодь, полнѣйшаго пренебреженія къ старости и болѣзнямъ родителей. Сообразите все это, и вы поймете, какая трагедія разыгрывается ежечасно, ежедневно на лонѣ французской деревни. Строки эти я пишу, напримѣръ, въ благочестивой бретонской деревнѣ. Хозяйка моя, вдова моряка, очень хорошая женщина и въ деревнѣ слыветъ даже за большую безсребренницу. И что же? эта добрая женщина вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, со смерти мужа, перестала выдавать скромное денежное пособіе своей старой престарой матери, несмотря, на то, что у нея есть домъ, коровы, поле, пенсія отъ мужа и изрядный капиталецъ: «хлѣба ѣшь сколько угодно, а денегъ не могу давать; я не виновата, что мать живетъ далеко и не можетъ отъ дряхлости приходить ко мнѣ часто позавтракать или пообѣдать.... Не ренту же мнѣ тратить изъ-за нея...» И эта «рента», «рента», «рента» раздается, словно магическое слово, по всей сельской Франціи, подстрекая тѣхъ изъ мелкихъ собственниковъ, которые не имѣютъ ренты, къ наживанію, а тѣхъ, у которыхъ она уже есть, къ пріумноженію, не особенно деликатничая съ отживающими и потому экономически убыточными поколѣніями».

Страсть къ наживѣ ведетъ и къ тому, что среди крестьянъ немало распространено преступленій противъ собственности. Но это, конечно, не даетъ еще права называть ихъ профессіональными ворами,—они только не прочь ухватить то, что плохо лежитъ, употребляя всю свою сообразительность, чтобы не попасться за это подъ судъ. Конечно, болѣе всего замѣчается мелкихъ хищеній, ускользающихъ отъ кары закона. «Нерѣдко крестьяне, даже и живущіе въ довольствѣ, подхватываютъ и похищаютъ снопы во время жатвы, яблоки для сидра, сваленный и оставшійся на мѣстѣ лѣсъ».

РАБОЧІЕ (OUVRIERS).

Положеніе рабочихъ.—Ихъ жилища, заработокъ и продолжительность рабочаго дня.—Стачки.—Синдикаты и ихъ значеніе.—Потребительныя и производительныя ассоціаціи.—Характеристика парижскихъ рабочихъ.—Страсть къ политикѣ и природѣ.—Артистическія и промышленныя дарованія рабочаго.—Его дѣти и любовь къ нимъ.—Парижская работница: ея положеніе, характеръ и трудъ.—Ясли.—Пьянство.

Вслѣдствіе быстраго развитія промышленности во Франціи классъ рабочихъ (ouvriers) чрезвычайно увеличился; въ настоящее время промышленностью занимается здѣсь $9^1/_2$ милліон., т. е. 26% населенія.

Еще въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія жилища французскаго рабочаго были до невѣроятности скверны: ихъ скорѣе можно было назвать подземельями, чѣмъ квартирами. Въ большинствѣ фабричныхъ мѣстностей квартиры рабочихъ можно было

узнавать по отверстіямъ въ землѣ; въ нихъ приходилось входить не иначе, какъ спускаясь по дурнымъ каменнымъ ступенькамъ; они походили на погреба, такъ какъ въ нихъ вмѣсто потолка былъ земляной сводъ, вмѣсто пола—земля, и такая конурка освѣщалась только черезъ дверь. Въ ней было совершенно темно, и женщины, работая дома, рисковали потерять зрѣніе. Въ каждомъ такомъ подземельѣ жила цѣлая семья, и всѣ ея члены спали обыкновенно на землѣ, бросивъ подъ себя пукъ соломы. Въ фабричныхъ городахъ, гдѣ не существовало такихъ подземелій, было не лучше. Рабочіе помѣщались на чердакахъ (мансардахъ), до того низкихъ, что нельзя было стоя сдѣлать трехъ шаговъ. Обстановка мансардъ, разумѣется, была такая же, какъ и въ подземельяхъ, т. е. пукъ соломы на полу, два, три стула, нѣсколько горшковъ и больше ничего.

Въ настоящее время жилища французскихъ рабочихъ сильно измѣнились къ лучшему; но еще и теперь, въ небольшихъ городахъ Франціи, большая часть ихъ квартиръ плохо защищаетъ зимою отъ стужи, а лѣтомъ отъ зноя. При этомъ теперь за нихъ приходится платить несравненно дороже: въ Шербургѣ, напримѣръ, плохая комната съ кухнею, безъ всякой мебели, стоитъ отъ 26—30 до 40 руб. въ годъ на наши деньги; въ нѣкоторыхъ городахъ сѣверо-западныхъ провинцій цѣны за подобныя помѣщенія достигаютъ 60—65 руб. въ годъ. Но, повторяемъ, несмотря на это, общій характеръ рабочихъ жилищъ во Франціи сильно улучшился за послѣднее тридцатилѣтіе. Полиція требуетъ теперь, чтобы рабочіе выносили изъ своихъ домовъ нечистоты, которыя прежде долго оставались въ нихъ, и мусорщики къ утру убираютъ всю грязь съ дворовъ и улицъ. Къ тому же, какъ частныя лица, такъ и фабриканты, первые иногда изъ благотворительныхъ цѣлей, а вторые изъ коммерческихъ разсчетовъ, начали мало по малу устраивать дома и цѣлыя колоніи для рабочихъ. Въ Ліонѣ построены для нихъ обширныя зданія въ 5—6 этажей; при этомъ высота каждаго изъ нихъ разсчитана такъ, чтобы въ комнатахъ могли быть свободно помѣщены ткацкіе станки. Всѣ комнаты, корридоры и лѣстницы въ этихъ домахъ свѣтлы, просторны и въ нихъ хорошая вентиляція.

Что касается Парижа, то до царствованія послѣдняго императора Наполеона III, каждая промышленность имѣла въ этой столицѣ свой особый кварталъ, и если устраивалось новое заведеніе, то хозяинъ помѣщалъ его въ соотвѣтствующемъ кварталѣ. Въ томъ же кварталѣ жили и рабочіе, принадлежавшіе къ заведенію. Парижъ дробился такимъ образомъ на нѣсколько маленькихъ промышленныхъ городковъ, и въ каждомъ ихъ нихъ, изъ рода въ родъ, жили рабочіе одной и той же спеціальности. Въ настоящее время большая часть парижскихъ рабочихъ живетъ на окраинахъ города, и это передвиженіе началось со времени Наполеона III, который устроилъ для рабочихъ на окраинахъ города до 15 тысячъ новыхъ отдѣльныхъ и притомъ очень дешевыхъ квартиръ. Всѣ эти помѣщенія представляли болѣе удобствъ, чѣмъ прежнія: въ каждомъ домѣ, слѣдовательно на нѣсколько квартиръ, была устроена зала, гдѣ матери могли оставлять на время работъ своихъ маленькихъ дѣтей, но рабочимъ не полюбились эти квартиры. Участіе, которое оказывалъ Наполеонъ III народу, обыкновенно вытекало не изъ гуманныхъ побужденій, а изъ политическаго разсчета. Такъ было и теперь. Устраивая для рабочихъ жилища, онъ больше всего думалъ, какъ бы поболѣе затруднить сходки забочихъ, и дѣйствительно всѣ жильцы такихъ зданій были подвергнуты строгому надзору и самымъ стѣснительнымъ правиламъ, такъ что жизнь въ такихъ домахъ имѣла скорѣе казарменный, чѣмъ семейный характеръ. Въ 10 ч. вечера ворота *казармъ*, какъ ихъ тотчасъ назвали рабочіе, запирались на замокъ, и никто не смѣлъ изъ своей квартиры выходить на

улицу позже этого часа. Рабочіе стали бросать эти удобныя квартиры и мѣнять на скверныя помѣщенія. «Мы», говорили они, «цѣлый день проводимъ въ мастерской или на фабрикѣ, подъ надзоромъ смотрителей и прикащиковъ, цѣлый день на работѣ подчиняемся разнаго рода стѣснительнымъ правиламъ; усталые возвращаемся вечеромъ домой, хотѣли бы отдохнуть въ семьѣ или въ кругу пріятелей, на свободѣ, но опять видимъ прибитыя къ дверямъ правила, окончательно стѣсняющія нашу жизнь; въ управляющихъ домами мы встрѣчаемъ тѣхъ же фабричныхъ надсмотрщиковъ, которые надоѣли намъ днемъ». Тѣмъ не менѣе съ этихъ поръ рабочіе мало по малу начали селиться на окраинахъ.

С.-Антуанскій и Бэльвильскій кварталы, которые теперь преимущественно населены рабочими, находятся на окраинѣ столицы. При описаніи Парижа мы уже дали понятіе о Бэльвильскомъ кварталѣ. Большинство теперешнихъ квартиръ парижскихъ рабочихъ страдаетъ тѣснотой: въ одной крошечной комнатѣ обыкновенно ютится вся семья, состоящая изъ отца, матери и нѣсколькихъ дѣтей. Другой недостатокъ этихъ жилищъ состоитъ въ томъ, что они удалены отъ мѣста работы. Прежде, живя бокъ о бокъ съ мастерскими и фабриками, рабочіе могли обѣдать и завтракать дома; такимъ образомъ они лучше и дешевле питались, и поддерживалась болѣе тѣсная связь съ семьей. Въ настоящее время большинство рабочихъ уходитъ изъ дому чуть свѣтъ и возвращается домой только вечеромъ; вслѣдствіе отдаленности мастерскихъ, рабочій завтракаетъ и обѣдаетъ внѣ дома. Хотя въ Парижѣ существуетъ множество ресторановъ для рабочихъ, но, разумѣется, жить на два семейства дороже; самое же печальное въ этомъ то, что семейный очагъ рабочаго становится мѣстомъ встрѣчи мужа и жены лишь вечеромъ, когда они, измученные дневною работою, возвращаются домой. Обѣдая въ трактирѣ, мужъ дольше засиживается въ немъ, у него чаще бываютъ прогулы, и онъ легче проматываетъ деньги внѣ семьи. За свою квартиру въ одну-двѣ крошечныхъ комнаты съ кухнею, парижскій рабочій платитъ отъ 200 до 300 фр. въ годъ. Но хотя большая часть парижскихъ квартиръ для рабочихъ оставляютъ желать еще многаго, но все же онѣ сильно улучшились сравнительно съ прежними, и число хорошихъ квартиръ для рабочихъ постепенно все увеличивается. Этому, конечно, прежде всего содѣйствуютъ сами рабочіе: они получаютъ теперь большее, чѣмъ прежде, вознагражденіе за свой трудъ и такимъ образомъ имѣютъ возможность нанять болѣе удобное помѣщеніе. Къ тому же и многія частныя лица пришли къ нимъ на помощь. Эти помѣщенія для рабочихъ имѣютъ тѣмъ болѣе успѣха, чѣмъ менѣе устроители задавались благотворительными цѣлями. Изъ частныхъ заведеній этого рода лучше другихъ колонія г-жи Жоффруа Рено, которая впрочемъ находится довольно далеко отъ центра города, и колонія графа де-Мадре, находящаяся въ весьма населенномъ мѣстѣ. Дома въ этихъ колоніяхъ имѣютъ по нѣсколько комнатъ, кухню, погребъ и окружены садомъ. За квартиру, необходимую для семейнаго рабочаго, платится среднимъ числомъ до 264 франковъ. Необыкновенно благодѣтельно вліяетъ на рабочаго правило, установленное въ одной изъ этихъ колоній; оно даетъ рабочимъ возможность пріобрѣтать въ собственность свои помѣщенія, если они къ условленной платѣ будутъ прибавлять, въ теченіе 15 лѣтъ, по 117 франковъ въ годъ; послѣ этого жилище рабочаго, вмѣстѣ съ садомъ, поступаетъ въ полную его собственность. Нечего и говорить, что рабочему платить 381 франкъ въ годъ чрезвычайно тяжело, а слѣдовательно и сдѣлаться собственниками могутъ только счастливѣйшіе изъ нихъ, но и то хорошо, что положено основаніе такому дѣлу. Сознаніе бѣдняка, что онъ вслѣдствіе своего, хотя тяжелаго и усидчиваго труда, можетъ сдѣлаться владѣльцемъ дома, въ которомъ живетъ, садика, въ кото-

ромъ рѣзвятся его дѣти, что умирая онъ можетъ хотя нѣсколько обезпечить свою семью,—необыкновенно плодотворно дѣйствуетъ на рабочаго.

Парижъ—центръ промышленности. Нигдѣ во Франціи нѣтъ такой массы рабочихъ, какъ въ ея столицѣ,—ихъ считаютъ здѣсь около 800.000 чел. Средняя заработная плата ремесленника въ Парижѣ 5—6 фр. въ день (безъ харчей); въ провинціальныхъ городахъ ремесленники получаютъ меньше, а именно: 3—4 фр.; въ крупной промышленности (на фабрикахъ химическихъ издѣлій, на фабрикахъ, изготовляющихъ средства для продовольствія, деревянныхъ издѣлій и т. п.) средняя плата взрослаго рабочаго 6—7 фр. (безъ харчей). На такой заработокъ, если только рабочій получаетъ его круглый годъ и ведетъ трезвый образъ жизни, можно было бы жить весьма сносно, имѣть здоровую квартиру, сытно ѣсть и дѣлать еще небольшія сбереженія на разныя случайности. Такъ это и бываетъ съ нѣкоторыми рабочими, но такихъ меньшинство. И это понятно: рѣдко удается рабочему аккуратно проработать весь годъ. Онъ иногда сидитъ дома безъ работы, случаются болѣзни, стачки, слѣдовательно въ такое время онъ уже ничего не зарабатываетъ, а только проживаетъ. Холостому человѣку и при этомъ еще можно жить, но когда на рукахъ семья, то ее содержать на эти деньги невозможно иначе, какъ съ помощью жены, которая обыкновенно зарабатываетъ половину того, что зарабатываетъ мужъ.

Хотя во Франціи еще въ 1848 г. былъ изданъ законъ объ ограниченіи рабочаго дня на фабрикахъ и заводахъ 12-ю часами, но онъ долго оставался мертвою буквою. Только въ 1886 г. правительство поручило фабричнымъ инспекторамъ надзоръ за примѣненіемъ законовъ для рабочихъ. Позже оно обнародовало еще нѣсколько новыхъ постановленій, такъ что относительно рабочихъ въ настоящее время установлены закономъ слѣдующія правила: 1) въ мастерскія, на фабрики, заводы, однимъ словомъ, во всѣ промышленныя заведенія, а также въ театры, цирки и т. п. можно принимать дѣтей на работу не моложе 13-ти лѣтъ. Наибольшая продолжительность труда малолѣтнихъ (ими считаются дѣти отъ 13-ти до 16-ти л.) должна быть не болѣе 10 ч. въ сутки. 2) Подростки (отъ 16-ти до 18-ти л.) могутъ работать не болѣе 11 ч., а въ недѣлю 60 ч. 3) Несовершеннолѣтнія женщины (отъ 18-ти до 21 г.) тоже должны работать не болѣе 11 ч. 4) Наибольшая продолжительность работы взрослыхъ женщинъ (такими считаются женщины съ 21 г.) должна быть 11 ч. 5) Наибольшая продолжительность работы взрослыхъ мужчинъ (они считаются ими уже съ 18-ти л.)—12 ч. 6) Ночная работа совершенно воспрещается малолѣтнимъ и подросткамъ обоего пола, а также несовершеннолѣтнимъ и даже взрослымъ женщинамъ.

Примѣненіе этихъ законовъ уничтожило изнурительную продолжительность рабочаго дня взрослыхъ, особенно дѣтей и подростковъ, которые до тѣхъ поръ работали гораздо большее количество часовъ, а многіе изъ нихъ даже по ночамъ и праздникамъ, но это не улучшило тяжелаго матеріальнаго положенія рабочихъ; улучшенія своей судьбы они добиваются уже сами, посредствомъ стачекъ. Ихъ устраиваютъ здѣсь такъ часто, что на нихъ мало даже обращаютъ вниманія, развѣ только на наиболѣе крупныя изъ нихъ. Такое равнодушіе общества къ стачкамъ можно объяснить тѣмъ, что во Франціи онѣ не представляютъ ничего страшнаго и угрожающаго въ смыслѣ нарушенія общественной безопасности. Всѣ онѣ, за немногими исключеніями, проходятъ весьма мирно и представляются какъ бы частнымъ дѣломъ того или другого хозяина съ своими рабочими. Стачки происходятъ по очень многимъ причинамъ: во первыхъ, матеріальное положеніе громаднаго большинства

французскихъ рабочихъ до сихъ поръ еще очень незавидное; во вторыхъ, и въ настоящее время, въ очень многихъ отрасляхъ промышленности, французскіе рабочіе подвергаются сильной эксплоатаціи со стороны своихъ хозяевъ. Нужно замѣтить, что французскіе фабриканты имѣютъ особенную склонность прижимать и урѣзывать своихъ рабочихъ, гдѣ это только возможно, всегда пытаются платить имъ за трудъ самое ничтожное вознагражденіе. Часто происходятъ здѣсь стачки отчасти и отъ того, что рабочіе вполнѣ ясно сознали теперь, что республиканское правительство Франціи мало заботится о ихъ судьбѣ, и рѣшили сами добиваться улучшенія своей участи. Тѣмъ не менѣе, извѣстная группа рабочихъ только тогда рѣшается устроить стачку, когда къ этому вынуждаетъ ее крайняя необходимость. Да и въ такихъ случаяхъ, прежде чѣмъ забастовать, т.-е. прекратить работу, рабочіе прибѣгаютъ ко всевозможнымъ средствамъ. Однимъ словомъ, рабочіе устраиваютъ стачку только тогда, когда исчерпаны всѣ средства придти къ соглашенію съ своими хозяевами и когда послѣдніе на отрѣзъ отказываются исполнить ихъ самое скромное желаніе. И дѣйствительно, требованія французскихъ рабочихъ въ такихъ случаяхъ въ высшей степени умѣренны. Да и не можетъ быть иначе: они слишкомъ много ставятъ на карту, чтобъ портить дѣло чрезмѣрными требованіями. Вѣдь въ случаѣ отказа со стороны фабриканта и рѣшенія рабочихъ забастовать, т.-е. покончить работу на фабрикѣ хозяина, неисполнившаго ихъ требованія, они должны проживать во время стачки всѣ свои скромныя сбереженія, а когда ихъ не хватитъ—голодать; такъ какъ сбереженія бываютъ у очень немногихъ счастливцевъ, то большинству рабочихъ приходится голодать со всей семьей во все время стачки отъ ея начала до самаго конца. Во всякомъ случаѣ рабочіе знаютъ, чего имъ ждать отъ стачки, если она состоится, и сами до смерти боятся ея. Особенно ужасно ихъ положеніе, если стачка длится нѣсколько мѣсяцевъ. Въ такіе бѣдственные для нихъ дни они продаютъ одежду всего семейства, постели и, наконецъ, наступаетъ періодъ голода въ буквальномъ смыслѣ слова. Тѣмъ не менѣе, если кто нибудь изъ участвующихъ въ стачкѣ не выдержитъ и, не предупредивъ товарищей, пойдетъ къ хозяину и согласится работать у него на прежнихъ условіяхъ, это страшно возмущаетъ всѣхъ стачечниковъ: они считаютъ такой поступокъ самымъ подлымъ и позорнымъ предательствомъ, и онъ имѣетъ нерѣдко трагическія послѣдствія для человѣка, измѣнившаго общему дѣлу. Всѣ лишенія и страданія во время забастовки рабочіе выносятъ съ изумительнымъ героизмомъ, дѣлясь съ товарищами послѣдней коркой хлѣба. Эти часто повторяющіяся стачки приносятъ рабочимъ тяжкія бѣдствія и лишенія,— дѣти рабочихъ въ такое время мрутъ, какъ мухи, отъ голода и нищеты, а ихъ родители наживаютъ хроническія и смертельныя болѣзни. Вотъ почему требованія рабочихъ всегда чрезвычайно скромны: они просятъ обыкновенно хозяина прибавить какіе нибудь 20—30 и максимумъ 50 сант. въ день. Громадное большинство стачекъ и происходитъ изъ-за того, что рабочіе просятъ объ этой ничтожной прибавкѣ, такъ какъ то жалованье, которое они получаютъ, не удовлетворяетъ многимъ существеннымъ потребностямъ рабочихъ, а хозяева отказываются удовлетворить и такую скромную просьбу.

Число стачекъ во Франціи за 15 лѣтъ (отъ 1874 до 1889 г.) усиливалось съ каждымъ годомъ: въ 1874 г. всѣхъ стачекъ въ странѣ было 22, въ слѣдующемъ году—28, въ 1888 г.—110, въ 1889 г.—уже 321, а въ 1893 г. ихъ было уже чрезвычайно много, а именно 607. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа стачекъ увеличивается и число стачечниковъ: 20 лѣтъ тому назадъ стачка считалась многолюдной, когда въ ней принимали участіе 5—6 тысячъ человѣкъ, между тѣмъ

впослѣдствіи стачку устраивали 40—50 тысячъ рабочихъ, а въ 1889 г. въ ней участвовало 67,000 рабочихъ.

Громадное большинство стачекъ происходитъ изъ-за требованія рабочихъ увеличить заработную плату; многія изъ нихъ были устроены и изъ-за того, что рабочіе просили хозяевъ сократить число рабочихъ часовъ съ 12-ти на $11^1/_2$, 11 или 10. Устраиваются стачки, но уже гораздо рѣже, изъ-за требованія рабочихъ удалить съ той или другой фабрики иностранцевъ, которые нанимаются на работу за болѣе умѣренную плату и тѣмъ понижаютъ ихъ заработокъ; французскіе рабочіе жалуются также на то, что иностранцы, получающіе работу на фабрикахъ и заводахъ, заставляютъ ихъ товарищей сидѣть безъ заработка. Случались здѣсь стачки и изъ-за дурныхъ условій труда, т.-е. изъ-за невыносимой духоты и плохой вентиляціи въ мастерскихъ, а также вслѣдствіе сырости, холода или, напротивъ, излишней жары, изъ-за плохого состоянія машинъ, грозящихъ опасностью для жизни рабочихъ и т. п., — все это заставляетъ отъ времени до времени требовать отъ хозяина улучшеній въ мастерскихъ и ремонта. Чаще всего стачки происходятъ между ткачами и прядильщиками бумажныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ матерій, такъ какъ ихъ средняя заработная плата, въ большинствѣ случаевъ, ниже, чѣмъ въ остальныхъ отрасляхъ промышленности.

Результаты стачекъ во Франціи различны: очень часто посредствомъ ихъ рабочимъ удается добиться полнаго успѣха, въ другой разъ успѣхъ получается лишь на половину, а иногда рабочіе и ничего не достигаютъ такимъ образомъ, кромѣ ухудшенія своей судьбы. Хозяинъ заведенія, гдѣ была устроена стачка, въ большинствѣ случаевъ, выгоняетъ съ фабрики всѣхъ участвовавшихъ въ ней рабочихъ и замѣняетъ ихъ другими. Если же онъ ихъ снова принимаетъ, то обыкновенно на болѣе худшихъ условіяхъ, чѣмъ прежде. Въ такомъ случаѣ онъ смѣло предлагаетъ самую ничтожную плату за трудъ, такъ какъ знаетъ, что рабочій, наголодавшись съ семьею, радъ будетъ всякому вознагражденію. «Къ счастію такое безчеловѣчное притѣсненіе не можетъ быть особенно продолжительнымъ: заработная плата не можетъ долго держаться ниже извѣстнаго минимума, нужнаго для жизни рабочаго, и потому хозяинъ, изъ прямого разсчета, чтобы не остаться безъ рабочихъ рукъ, скоро бываетъ вынужденъ къ нѣкоторымъ уступкамъ». Несравненно хуже положеніе такого рабочаго, котораго прогоняютъ съ фабрики за участіе въ стачкѣ: ему лишь въ исключительныхъ случаяхъ удается пристроиться въ томъ же городѣ, такъ какъ фабриканты избѣгаютъ стачечника. И вотъ несчастному, выгнанному за стачку, послѣ жестокой нищеты и голодовки, которыя онъ только что испыталъ съ своею семьею, безъ всякихъ денегъ и даже теплой одежды приходится переселяться въ другой городъ и снова испытывать нужду и лишенія въ чужомъ мѣстѣ, пока онъ, наконецъ, не пристроится.

Если стачка приноситъ страшныя бѣдствія и лишенія рабочему, то она дорого обходится и хозяину. Продолжительность стачекъ очень различна: большинство изъ нихъ длится отъ 1 до 20 дней, но иногда бываютъ стачки (ихъ, впрочемъ, несравненно меньше, чѣмъ продолжающихся недолго), которыя длятся болѣе трехъ мѣсяцевъ. Пріостановка работы на фабрикѣ заставляетъ хозяина не только терять часть дохода, который онъ получаетъ при обычномъ ходѣ дѣлъ съ своего капитала, затраченнаго имъ на производство, но нерѣдко и совсѣмъ разоряетъ его; чаще всего это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, если онъ не особенно крупный капиталистъ и забастовка длится слишкомъ долго. Разореніе фабриканта происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что онъ, вслѣдствіе пріостановки работы, теряетъ мѣсто сбыта: до-

статочно иногда нѣсколькихъ дней для того, чтобы фабрикантъ пріостановившейся фабрики былъ вытѣсненъ съ рынка конкуррентами, которые, какъ коршуны, только и ждутъ подобнаго случая, чтобы перехватить въ свои руки заказъ своего сотоварища.

Стачки устраиваются какъ работниками, такъ и работницами. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ была огромная стачка прачекъ Парижа и его окрестностей, между тѣмъ какъ въ это время еще не окончилась стачка плотниковъ и пильщиковъ, продолжавшаяся уже 4 мѣсяца. Очень скоро послѣ этого были устроены громадныя стачки въ обширныхъ угольныхъ копяхъ Ансена, въ окрестностяхъ Валансьенна, откуда получается $^1/_{10}$ часть всего добываемаго во Франціи каменнаго угля. Добываніе каменнаго угля въ этихъ копяхъ началось еще съ прошлаго столѣтія; но въ послѣдніе 20 лѣтъ никто и не думалъ, какъ бы поддерживать ихъ въ надлежащемъ видѣ; съ каждымъ годомъ онѣ все болѣе угрожали опасностью жизни рабочимъ, несчастные случаи повторялись одинъ за другимъ. Но это никого не тревожило. Во главѣ акціонернаго общества, которому принадлежали эти копи, стояли выдающіеся финансовые и политическіе дѣятели; члены совѣта правленія получали министерское содержаніе, акціонерамъ выдавались очень крупные дивиденды, и многіе изъ нихъ обязаны своимъ огромнымъ состояніемъ исключительно ансенскимъ копямъ; но никто изъ нихъ и не думалъ о томъ, что ихъ нравственная обязанность позаботиться о безопасности рабочихъ, которымъ они были обязаны своими огромными капиталами. Въ штольняхъ все чаще стали происходить обвалы и наводненія, нѣсколько шахтъ пришлось закрыть, такъ какъ въ нихъ окончательно невозможно было работать. Вслѣдствіе всего этого положеніе рабочихъ становилось все хуже и хуже; имъ приходилось работать въ чрезвычайно вредной для здоровья обстановкѣ, рисковать жизнію, и несчастные случаи стали учащаться. Требованія рабочихъ объ улучшеніи ихъ положенія не принимались во вниманіе; мало того: въ одинъ прекрасный день имъ объявлено было объ уменьшеніи заработной платы и объ увольненіи части рабочихъ. Это и вызвало громадную стачку. Тогда въ палатѣ депутатовъ былъ возбужденъ вопросъ, какъ правительство намѣрено отнестись къ ансенской стачкѣ и не слѣдуетъ-ли ему произвести давленіе на владѣльцевъ рудниковъ и угольныхъ копей, которые, наживая громадныя состоянія на счетъ рабочихъ, не заботятся не только о томъ, чтобы ихъ положеніе было болѣе или менѣе сносно, но даже и о томъ, чтобы избавить ихъ отъ безпрестанно грозящей имъ гибели. Правительство не пожелало дать категорическаго отвѣта на предложенный ему вопросъ, а на слѣдующій день министръ внутреннихъ дѣлъ разослалъ циркуляръ, въ которомъ подтверждалъ право рабочихъ устраивать стачки и заявлялъ, что правительственная власть не можетъ вмѣшиваться въ вопросы, касающіеся заработной платы. Такимъ образомъ французскимъ рабочимъ предоставлена полная свобода вести ту борьбу съ фабрикантами, которую они считаютъ необходимою для улучшенія своей участи. Государство совершенно устраняетъ себя отъ какого бы то ни было вмѣшательства въ споры рабочихъ съ фабрикантами, бѣда только въ томъ, что первымъ обыкновенно бываетъ труднѣе выдержать борьбу, чѣмъ вторымъ. Какъ отразится такая политика французскаго правительства на судьбѣ рабочихъ и капиталистовъ покажетъ будущее; пока можно сказать только одно, что это еще болѣе закаляетъ и укрѣпляетъ духъ самостоятельности и иниціативы, самыхъ характерныхъ качествъ французскихъ и особенно парижскихъ рабочихъ. Они давно поняли, что должны разсчитывать только на себя, — теперь это было подтверждено имъ оффиціально, слѣдовательно и тѣнь надежды найти опору и защиту у правительства даже въ такомъ случаѣ, какъ

ансенскія стачки, когда они имѣли полное право требовать улучшенія своей участи, какъ признавала огромная часть общества и печати, теперь должна была исчезнуть.

Хотя закономъ во Франціи разрѣшено рабочимъ устраивать стачки, но онѣ слишкомъ часто повторяются, и это безпокоитъ правительство, тѣмъ болѣе, что онѣ неблагопріятно отзываются на состояніи промышленности. Желая, если не уничтожить, то, по крайней мѣрѣ, сократить ихъ число, оно приняло, съ согласія министерства, законопроектъ о «третейскихъ судахъ» и «комитетахъ примиренія», которые должны являться посредниками между хозяевами и работниками и рѣшать мирнымъ путемъ всѣ недоразумѣнія между ними. Эти «третейскіе суды» и «комитеты примиренія» состоятъ на половину изъ рабочихъ, на половину изъ хозяевъ и стараются полюбовно рѣшать возникающіе споры между ними относительно вознагражденія за трудъ, количества рабочихъ часовъ и другихъ вопросовъ. И дѣйствительно, эти учрежденія приводятъ иногда обѣ стороны къ мирному соглашенію, но чаще всего ихъ посредничество не имѣетъ никакого значенія.

Несравненно болѣе пользы приносятъ рабочимъ «профессіональные союзы» или «синдикаты». Хотя эти «синдикаты» или «профессіональные союзы» уже давно существуютъ во Франціи, но еще 13 — 14 лѣтъ тому назадъ они не были разрѣшены правительствомъ и запрещались не только въ томъ случаѣ, когда членами ихъ являлись простые рабочіе, но когда они состояли даже изъ капиталистовъ, фабрикантовъ и хозяевъ. Только въ 1884 г. правительство предоставило имъ полную свободу дѣйствій, и число ихъ послѣ этого стало быстро возрастать.

Синдикаты—не что иное, какъ профессіональные союзы рабочихъ или фабрикантовъ, вообще лицъ, принадлежащихъ къ одной профессіи, занимающихся однимъ и тѣмъ же ремесломъ; ихъ цѣль—саморазвитіе рабочихъ и защита ихъ промышленныхъ, торговыхъ или земледѣльческихъ интересовъ. Членами этихъ синдикатовъ являются или исключительно рабочіе, или предприниматели, т. е. фабриканты и хозяева вообще; есть также и смѣшанные синдикаты, члены которыхъ состоятъ отчасти изъ предпринимателей, отчасти изъ рабочихъ. Суммы, образуемыя изъ членскихъ взносовъ и пожертвованій, синдикаты имѣютъ право употреблять по своему усмотрѣнію. Члены синдикатовъ самостоятельно распоряжаются не только своими суммами, но и въ самомъ широкомъ смыслѣ слова отстаиваютъ свои интересы, какъ матеріальные, такъ и духовные: они имѣютъ свои библіотеки, кабинеты для чтенія, свои собранія, на которыхъ они имѣютъ право свободно обсуждать всѣ вопросы, входящіе въ кругъ ихъ дѣятельности; могутъ безъ особаго разрѣшенія устраивать кассы взаимопомощи и выдавать изъ нихъ вспомоществованія рабочимъ, очутившимся въ крайней нуждѣ, устраиваютъ пенсіонныя кассы, лекціи, школы для профессіональнаго образованія, «справочныя конторы» для отысканія и предложенія работы. Уже одно устройство «справочныхъ конторъ» оказываетъ рабочимъ огромную услугу. И раньше существовали разныя агентства съ тою же цѣлью, но они вызывали страшное недовольство рабочихъ, такъ какъ брали съ нихъ за рекомендацію деньги, а работу или совсѣмъ не находили, или она являлась случайно. Конторы же при профессіональныхъ союзахъ относятся къ своему дѣлу чрезвычайно добросовѣстно: онѣ входятъ въ соглашеніе съ синдикатами предпринимателей, узнаютъ, у кого изъ нихъ есть работа, наводятъ самыя точныя справки о хозяинѣ, о положеніи, въ какомъ находятся у него рабочіе, справляются и о рабочемъ, желающемъ получить работу, и если онъ того заслуживаетъ, ручаются за него передъ хозяиномъ; всѣ эти свѣдѣнія члены рабочихъ синдикатовъ получаютъ безвозмездно. Такое отношеніе къ дѣлу чрезвычайно быстро расширяетъ кругъ дѣятельности «справочныхъ конторъ»,

обѣ стороны — и рабочіе, и хозяева, все чаще прибѣгаютъ къ ихъ помощи. Кромѣ библіотекъ, кассъ взаимопомощи, справочныхъ конторъ, многіе синдикаты рабочихъ устраиваютъ еще *производительныя* и *потребительныя ассоціаціи* (о нихъ сказано ниже). Вообще большая часть синдикатовъ употребляетъ всѣ силы, какъ для улучшенія экономическаго положенія своихъ членовъ, такъ и для ихъ духовнаго объединенія. Синдикаты рабочихъ считаютъ также своею обязанностью входить въ сношеніе съ союзами предпринимателей. Кстати замѣтимъ, что хотя профессіональные союзы не уменьшили пока числа стачекъ, но они положительно вліяютъ на то, что стачки становятся менѣе продолжительными и заканчиваются болѣе миролюбиво, чѣмъ прежде. Обычай обоюднаго соглашенія между синдикатами предпринимателей и профессіональными рабочими союзами подтверждается многочисленными случаями. Въ Ліонѣ произошло (въ 1885 г.) установленіе новаго тарифа, благопріятнаго рабочимъ; рѣзчики по дереву въ Парижѣ, кровельщики въ Нантѣ, рабочіе стеклянныхъ заводовъ въ Ліонѣ и Бордо и многіе другіе заключили со своими хозяевами мирные договоры, благодаря переговорамъ между союзами рабочихъ и предпринимателей.

Вскорѣ послѣ того, когда эти профессіональные союзы были окончательно разрѣшены, хозяева, во многихъ мѣстностяхъ страны, всѣми средствами старались помѣшать рабочимъ соединяться въ синдикаты: они выгоняли съ фабрикъ ихъ представителей и заставляли рабочихъ, поступающихъ къ нимъ на работу, давать заранѣе обѣщаніе, что они не будутъ принимать участіе въ синдикатѣ. Чтобы уничтожить это злоупотребленіе, правительство постановило: «всѣ хозяева, предприниматели и надсмотрщики за работами, которые будутъ уличены въ томъ, что они посредствомъ угрозъ лишить мѣста и работы служащихъ у нихъ рабочихъ или посредствомъ насилія и оскорбленій, подарковъ, предложеній и обѣщаній работы помѣшаютъ рабочимъ участвовать въ томъ или другомъ синдикатѣ, или, если они будутъ мѣшать устройству синдикатовъ и ихъ преуспѣянію, освященному закономъ 1884 г., — всѣ такія лица подвергаются тюремному заключенію отъ 6 дней до 1 мѣсяца или штрафу отъ 100 до 200 франковъ.

Число синдикатовъ, какъ среди рабочихъ, такъ и среди предпринимателей, увеличивается съ каждымъ годомъ: среди рабочихъ въ 1887 г. ихъ было 501, а въ 1892 г. ихъ насчитывали въ странѣ уже 1.589, а среди предпринимателей ихъ теперь болѣе 1.200. Синдикаты существуютъ среди рабочихъ самыхъ разнообразныхъ профессій: синдикаты садовниковъ, машинистовъ, шляпошниковъ, переплетчиковъ, рабочихъ на бумажныхъ фабрикахъ и т. д. Несмотря на быстрый ростъ синдикатовъ, полагаютъ, что еще и четвертая часть рабочихъ Франціи не состоитъ ихъ членами.

Для объединенія между собой всѣхъ этихъ синдикатовъ существуютъ «союзы синдикатовъ рабочихъ», — ихъ уже до 50. Главная цѣль этихъ «союзовъ синдикатовъ» — обсужденіе вопросовъ общихъ, напримѣръ, опредѣленіе условій работы.

Хотя быстрый ростъ синдикатовъ начался лишь 12—13 лѣтъ тому назадъ, но они оказали уже благодѣтельное вліяніе: правда, постепенно и медленно, но они улучшаютъ бытъ рабочаго, повышаютъ его умственный и нравственный уровень безъ всякаго ущерба для предпринимателей, скорѣе даже къ ихъ выгодѣ, и этимъ оказываютъ большую услугу промышленности. Хотя синдикаты не устраняютъ стачекъ и волненій, но ненависть, съ какою рабочіе издавна относятся къ своимъ фабрикантамъ и хозяевамъ, проявляющаяся во Франціи особенно рѣзко, ихъ недовольство своимъ положеніемъ и вѣчно напряженное состояніе, вызывающее взрывы, постепенно сглаживаются; тяжелая и подъ-часъ дикая и ожесточенная вражда, какъ со стороны рабочихъ къ хозяевамъ, такъ и обратно, замѣтно стихаетъ, а вмѣстѣ съ этимъ нѣ-

сколько улеглись горечь, раздраженіе и озлобленіе рабочихъ противъ своихъ хозяевъ; ихъ взаимныя недоразумѣнія чаще кончаются теперь мирнымъ путемъ. Мало того, со времени объединенія въ синдикаты жизнь рабочихъ сдѣлалась болѣе оживленною и получила болѣе широкій интересъ: они сообща постоянно обсуждаютъ свои дѣла, явилось нѣсколько новыхъ журналовъ и газетъ, въ союзахъ синдикатовъ устраиваются громадныя собранія, посѣщаемыя сотнями народа, гдѣ обсуждаются экономическіе вопросы,—однимъ словомъ французскій писатель не даромъ выразился, что «синдикаты являются промышленными парламентами новаго времени».

Среди рабочихъ Франціи уже давно существуютъ самыя разнообразныя ассоціаціи; онѣ особенно усилились съ тѣхъ поръ, когда синдикаты начали ихъ устраивать. Эти ассоціаціи оказываютъ много услугъ французскимъ рабочимъ: всякая случайность—внезапная болѣзнь, прекращеніе работы, все это повергаетъ семейство рабочаго въ совершенную нищету. Чтобы избѣжать этого, рабочіе уже давно стали устраивать между собою товарищества и различныя ассоціаціи для взаимнаго вспомоществованія. Всѣ эти товарищества и ассоціаціи требуютъ отъ своихъ членовъ денежныхъ взносовъ, и множество рабочихъ, несмотря на свой скудный заработокъ, умудряются дѣлать нѣкоторыя сбереженія. Между этими товариществами или ассоціаціями существуетъ не мало такихъ, которые организуются съ цѣлью закупать оптомъ предметы первой необходимости и продавать ихъ своимъ членамъ лучшаго качества и дешевле, чѣмъ они могутъ пріобрѣтать ихъ въ лавкахъ,—такія ассоціаціи называются *потребительными*. Но еще болѣе значенія для рабочихъ имѣютъ *производительныя* ассоціаціи, т. е. такія, когда рабочіе устраиваютъ въ складчину какую нибудь фабрику или мастерскую и сами получаютъ весь тотъ барышъ, которымъ прежде пользовался ихъ хозяинъ. Дѣло обыкновенно начинается такъ: нѣсколько товарищей по ремеслу сговариваются сберегать извѣстную часть своего заработка. На собранныя деньги они закупаютъ матеріалъ, инструменты, необходимые для своего ремесла, дѣлаютъ и другія затраты, нужныя для этого. Получивъ заказъ, начинаютъ работу. Все, что выручается отъ общей работы, дѣлится поровну между всѣми членами: случится убытокъ,—его несутъ одинаково всѣ члены ассоціаціи. Особенно хорошо идутъ потребительныя, а тѣмъ болѣе, производительныя ассоціаціи при синдикатахъ: онѣ устраиваютъ свои конгрессы (съѣзды) и входятъ въ сношенія съ такими-же англійскими обществами. Особенно посчастливилось нѣкоторымъ производительнымъ ассоціаціямъ, которымъ правительство сдавало общественныя работы и хорошо оплачивало ихъ трудъ. Ассоціаціи даютъ возможность рабочимъ увеличивать свой заработокъ, дѣлать въ своей жизни и домашней обстановкѣ нѣкоторыя улучшенія. Результатъ обыкновенно бываетъ тотъ, что рабочіе бросаютъ пьянство и пріобрѣтаютъ въ собственность небольшой домикъ, огородъ или садикъ, а это необыкновенно благодѣтельно отражается на ихъ нравственности.

Парижскіе рабочіе (ouvriers) рѣзко выдѣляются изъ массы населенія французской столицы: въ большинствѣ случаевъ, это умныя, интеллигентныя, оживленныя и энергичныя лица,—и ихъ внѣшность не обманчива: парижскіе рабочіе богато одарены отъ природы: они умны, находчивы, остроумны, хотя ихъ умъ и не отличается глубиною. Не получивъ такого солиднаго элементарнаго образованія, какъ швейцарскіе рабочіе, они умственно несравненно подвижнѣе ихъ, въ высшей степени любознательны и одарены замѣчательною способностью быстро схватывать идеи и знанія. Парижскіе рабочіе рѣзко отличаются отъ своихъ провинціальныхъ собратьевъ; они выработали самостоятельные принципы, имѣютъ свои интересы, свою особую точку зрѣнія на всѣ вопросы политическіе, экономическіе и нравственные.

Своею гордою независимостью они завоевали себѣ совершенно опредѣленное мѣсто. Имъ никогда не приходитъ въ голову мысль, что ихъ общественное положеніе унизительнѣе положенія другихъ, экономически болѣе обезпеченныхъ классовъ общества. Они не стыдятся, что судьба обрекла ихъ на вѣчный трудъ, напротивъ, они гордятся этимъ. «Какъ ты смѣешь? кто ты такой?» гнѣвно и съ презрѣніемъ спрашиваетъ раскутившійся щеголь-буржуа старика рабочаго, который толкнулъ его на балу. «Я?» удивленно переспрашиваетъ рабочій, гордо выпрямляясь и хватая себя за блузу: «эта блуза—знакъ труда, эти мозоли—признакъ трудолюбія... Вотъ кто я!.. А ты, молокососъ, что ты скажешь про себя? Твоя физіономія говоритъ о безпросыпныхъ кутежахъ и праздности!!» Принять торжественную позу, сказать мѣткое словцо, сопровождая его классическимъ жестомъ, однимъ словомъ, нѣкоторая ходульность и аффектація,—это столько же въ крови рабочаго, какъ и всякаго истаго француза. Но въ этихъ качествахъ нѣтъ ничего позорнаго, и это ничуть не мѣшаетъ рабочему искренно увлекаться всѣмъ честнымъ и великимъ, не ослабляетъ его истинной и необычайной любознательности ко всѣмъ произведеніямъ человѣческаго ума и фантазіи. Прежде простой французскій людъ совсѣмъ почти не читалъ, но теперь громадное большинство парижскихъ рабочихъ по утру покупаетъ себѣ нумеръ газеты; нерѣдко рабочій условливается съ товарищами, и они вмѣстѣ выписываютъ и читаютъ нѣсколько газетъ; въ свободныя отъ работы минуты, они съ какою-то поразительною жадностью бросаются на чтеніе произведеній литературы, философіи, но особенно политики и соціальныхъ наукъ. Впрочемъ, нѣтъ отрасли знанія, къ которой бы они оставались совершенно равнодушными или не пытались бы, по крайней мѣрѣ, схватить ея основныя идеи. Очень часто мнѣніе, ими высказываемое, не что иное, какъ заблужденіе, но эти заблужденія происходятъ не отъ лѣни, умственной спячки, тупости или вялости, а потому, что безсистемное чтеніе урывками, безъ основательной подготовки, не можетъ не оставлять множества пробѣловъ и извѣстной путаницы понятій.

Введеніе всеобщей подачи голосовъ въ высшей степени усилило значеніе рабочаго класса; поэтому, за исключеніемъ двухъ или трехъ округовъ, избраніе депутатовъ города Парижа зависитъ почти исключительно отъ рабочихъ. Нѣтъ ничего любопытнѣе и забавнѣе тѣхъ хитростей, интригъ и заискиваній передъ рабочими, какія пускаютъ въ ходъ люди, стремящіеся сдѣлаться депутатами. Какъ провинціальные города слѣпо повинуются парижскимъ модамъ, такъ рабочія партіи въ департаментахъ должны принять программу, принятую ихъ парижскими единомышленниками. Такимъ образомъ политическое вліяніе парижскаго рабочаго класса распространяется по всей французской территоріи,—и не только потому, что ихъ единомышленники въ департаментахъ считаютъ долгомъ принять ихъ программу, но и потому, что изъ среды ихъ выступаютъ ораторы, люди, пользующіеся, благодаря своему таланту, несомнѣнною популярностью.

Политика играетъ въ жизни парижскаго рабочаго преобладающую роль, увлеченіе ею—самая выдающаяся его страсть. «Высшее удовольствіе его—заниматься политикой, слѣдить за политикой, говорить о политикѣ. Если случается встрѣтить такого рабочаго, который относится къ ней безразлично, то у него навѣрно есть какое-нибудь горе, что нибудь такое, что отняло у него всякую прелесть жизни и съузило горизонтъ его существованія. Если ему приходится высказать о чемъ нибудь свое мнѣніе, онъ постепенно сведетъ разговоръ на политику. Въ обычныхъ треволненіяхъ самаго нуждающагося парижскаго рабочаго политическія идеи составляютъ все-таки главное. Онъ съ трудомъ досталъ работу, заработокъ составляетъ

единственный рессурсъ его семьи; несмотря на свою гордость, онъ покорно выслушаетъ выговоръ главнаго мастера, но пусть тотъ попробуетъ посягнуть на свободу его образа мыслей въ политикѣ: онъ возмутится и въ ту же минуту потребуетъ разсчета. Что бы ни обрушилось на его голову, совѣсть его останется чиста. Никто не осмѣлится упрекнуть его; даже жена не скажетъ ни слова и пойметъ, что онъ не могъ поступить иначе; что же касается товарищей, то отъ нихъ можно ожидать только одобренія».

Несмотря на сильную страсть къ политикѣ, парижскій рабочій большой любитель природы. Въ воскресные и праздничные дни, въ хорошую погоду, онъ стремится за городъ съ женою и дѣтьми. Онъ въ двадцатый разъ можетъ приходить въ восторгъ отъ одного и того же вида, чрезвычайно любитъ расположиться на травѣ и закусить на зеленомъ лугу вмѣстѣ съ своими. Одна изъ его выдающихся природныхъ способностей—духъ изобрѣтательности. Одинъ изъ десяти парижскихъ работниковъ мечтаетъ объ изобрѣтеніи машины, какого-нибудь орудія, или по крайней мѣрѣ объ его усовершенствованіи. Расхаживая по музеямъ искусствъ и ремеслъ, онъ съ большимъ вниманіемъ останавливается передъ различными моделями, набрасываетъ ихъ рисунки, сравниваетъ со своими и исправляетъ ихъ. Этотъ духъ изобрѣтательности въ соединеніи съ необыкновеннымъ вкусомъ и чутьемъ къ изящному и создали въ Парижѣ особый родъ промышленности подъ названіемъ «articles de Paris», пріобрѣвшій такую громкую, всесвѣтную извѣстность. Эти безконечно разнообразныя, художественныя вещицы изъ различнаго матеріала—плодъ творчества и вдохновенія даровитаго парижскаго рабочаго. Его голова неустанно работаетъ надъ ними, придумываетъ и набрасываетъ рисунки все новыхъ и новыхъ изящныхъ вещицъ, а фабрикантъ съ жадностью хватается за нихъ, въ увѣренности, что та или другая изъ нихъ будетъ имѣть успѣхъ и его завалятъ заказами. Но странно: говорятъ, будто эти артистическія и промышленныя дарованія парижскаго рабочаго могутъ развиваться и поддерживаться лишь на парижской почвѣ. Иностранцы много разъ дѣлали попытки приглашать къ себѣ лучшихъ парижскихъ мастеровъ, но черезъ нѣсколько лѣтъ пребыванія на чужбинѣ способности парижскаго рабочаго исчезаютъ. Такимъ образомъ природныя дарованія парижскаго рабочаго какъ будто покидаютъ его, когда онъ оставляетъ Парижъ.

Почерпнувъ въ идеалахъ и стремленіяхъ своего времени идею гуманнаго воспитанія, парижскій рабочій преисполнился ужаса и презрѣнія къ суровой школѣ зуботычинъ, которую онъ вынесъ на своихъ плечахъ, и сталъ относиться къ своимъ дѣтямъ съ неисчерпаемою нѣжностью и любовью. Не имѣя возможности подолгу оставаться съ ними, такъ какъ ему приходится далеко ходить на работу, онъ старается излить всю нѣжность своего сердца въ праздничные дни, жертвуя для нихъ во время недѣли своимъ отдыхомъ и покоемъ, чтобы заработать нѣсколько лишнихъ су для ихъ развлеченія. Но эта нѣжная страсть къ дѣтямъ и ихъ баловство не привели къ хорошимъ результатамъ. Если дѣти французскихъ крестьянъ, въ большинствѣ случаевъ, смотрятъ на престарѣлыхъ родителей, когда тѣ уже не могутъ болѣе работать, какъ на лишніе рты, то здѣсь дѣти относятся къ родителямъ съ полнымъ индифферентизмомъ. Съ этимъ, хотя и съ грустью, родители еще могли бы кое-какъ примириться; гораздо хуже то, что дѣти рабочихъ, воспитанные съ наибольшею нѣжностью и баловствомъ, не выходятъ ни особенно гуманными, ни людьми съ твердыми принципами и взглядами, ни трудолюбивыми работниками, какъ о томъ мечтали ихъ родители, а людьми съ слабою волею, которыхъ болѣе всего привлекаютъ соблазны столицы и пьянство.

Можетъ быть потому, что при хорошемъ заработкѣ парижскому рабочему все же приходится отъ времени до времени испытывать нужду, а съ другой стороны можетъ быть и потому, что онъ постоянно видитъ передъ собою блескъ и роскошь столицы, которыми пользуются, по его мнѣнію, люди менѣе его трудящіеся, въ немъ постоянно живетъ недовольство, но въ то же время онъ всегда ждетъ чего-то, надѣется, что не сегодня-завтра его дѣла измѣнятся къ лучшему. Вѣроятно вслѣдствіе этой надежды, парижскій рабочій всегда очень оживленъ, веселъ и порою безпеченъ. Замѣчательною чертою его характера является добродушіе и необыкновенное сочувствіе къ своему товарищу. Въ горѣ онъ отдаетъ ему послѣднюю копѣйку, будетъ для него работать, сколько хватитъ силъ, и въ то же время ему никогда не придетъ въ голову придать этому какое-нибудь значеніе: онъ думаетъ, что поступить иначе—величайшая подлость, и вовсе не считаетъ, что поступать такъ въ его положеніи—величайшій подвигъ. Онъ подчиняется распоряженіямъ хозяина во время работы, но знать его не хочетъ, не оказываетъ ему ни малѣйшаго уваженія по окончаніи ея, внѣ его фабрики; рабочій смотритъ на хозяина, какъ на вампира, сосущаго его кровь, и потому ненавидитъ его изо всѣхъ силъ; только въ самое послѣднее время, да и то у очень немногихъ рабочихъ, стала, какъ будто, нѣсколько ослабѣвать эта ненависть. Громадное большинство французскихъ фабрикантовъ старается нажиться на счетъ рабочихъ, но если даже между ними встрѣчается человѣкъ гуманный,—рабочій и къ нему относится одинаково недовѣрчиво. Поэтому, что бы хорошаго ни сдѣлалъ порядочный хозяинъ, какія бы улучшенія онъ ни предпринялъ для рабочихъ, они всегда стараются отыскать въ этомъ заднюю мысль. Одинъ изъ эльбёфскихъ суконныхъ фабрикантовъ въ неурожайный годъ, когда хлѣбъ очень поднялся въ цѣнѣ, закупилъ большое его количество съ тѣмъ, чтобы распродать его по покупной цѣнѣ своимъ рабочимъ и тѣмъ избавить ихъ отъ необходимости платить въ три-дорога, покупая у торговцевъ по мелочамъ. Но ни одинъ изъ его рабочихъ не покупалъ у него хлѣба, подозрѣвая, что онъ этимъ путемъ желаетъ ихъ эксплоатировать. Можно себѣ представить, какъ велика должна была быть эксплоатація фабрикантовъ, чтобы подавить въ рабочихъ всякую вѣру въ нихъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда сами факты говорятъ въ ихъ пользу.

Въ большинствѣ случаевъ жена рабочаго—его истинная подруга: она въ высшей степени трудолюбива, настойчива, энергична и такъ же, какъ и мужчина, если не болѣе его, находчива, остроумна и одарена природнымъ чувствомъ изящнаго. Она употребляетъ всѣ силы, чтобы внести въ скромный бюджетъ семьи какой-нибудь самостоятельный заработокъ. Хотя парижскій рабочій уже давно не смотритъ на жену, какъ на низшее существо, но все же прежде онъ обращалъ меньше вниманія на ея мнѣнія; теперь она не только его подруга, но лучшій его товарищъ. Онъ, чуть не единственный во Франціи, ярый, искренній защитникъ гражданской и политической эмансипаціи женщинъ, и это очень естественно: его жена принимаетъ участіе во всѣхъ его дѣлахъ, цѣлый день работаетъ на фабрикѣ, въ мастерской въ качествѣ модистки, прачки, цвѣточницы, басонщицы и при томъ, если не днемъ, когда она все время занята, то, по крайней мѣрѣ вечеромъ и ночью, когда мужъ отдыхаетъ, ей приходится ухаживать за дѣтьми. На общественныя собранія мужъ обыкновенно отправляется вмѣстѣ съ нею; онъ посвящаетъ ее во всѣ свои политическія идеи и выслушиваетъ ея совѣты; выбирая газету, соотвѣтствующую его направленію, онъ въ то же время старается выбрать такую, гдѣ есть фельетонъ, который могла бы прочесть его жена въ свободную минуту. Несмотря на то, что она страшно обременена работою, несмотря на вѣчные недосыпы, туалетъ ея не только

опрятенъ, но сдѣланъ съ нѣкоторымъ изяществомъ. Она обладаетъ необыкновенною способностью къ кулинарному искусству, и если ей приходится стряпать для семьи, то она изъ самыхъ жалкихъ матеріаловъ съумѣетъ приготовить что-то съѣдобное.

Если женѣ рабочаго приходится работать на фабрикѣ, что стало въ послѣднее время встрѣчаться чаще, она проводитъ тамъ все время съ утра до вечера, съ тою разницею, что за свой трудъ она получаетъ вдвое менѣе своего мужа. Вообще ея трудъ и положеніе гораздо тяжелѣе. Бѣдная женщина, вставая до свѣта, гораздо раньше, чѣмъ она должна идти на фабрику, вынуждена ложиться послѣднею въ семьѣ. Она должна всюду поспѣть, присмотрѣть въ домѣ, позаботиться о дѣтяхъ, приготовить для нихъ и для мужа пищу и одежду. Ложась спать, она никогда не знаетъ, удастся ли спокойно проспать хотя нѣсколько часовъ къ ряду. Грудной ребенокъ безпрестанно будитъ ее; остальныя дѣти, не пользуясь ни хорошей пищей, ни помѣщеніемъ, часто хвораютъ и безпрестанно заставляютъ мать вставать къ себѣ. Съ ранняго утра мужъ и жена отправляются каждый на свою работу. Такимъ образомъ они видятся только поздно вечеромъ, когда, утомленные, они возвращаются послѣ работы домой и думаютъ только, какъ бы скорѣе поѣсть и лечь спать. Дѣти не видятъ родителей въ продолженіе цѣлаго дня. Во многихъ мѣстахъ жены рабочихъ, отправляясь на фабрику, оставляютъ грудныхъ дѣтей на какого-нибудь старика-дѣда, а если никого нѣтъ въ домѣ, ихъ отдаютъ сосѣдкамъ, которыя за деньги берутъ нѣсколько дѣтей, смотрятъ за ними и кормятъ ихъ. Чтобы не слишкомъ утруждать себя ихъ плачемъ и крикомъ, эти воспитательницы даютъ имъ опіумъ. Опіумъ дѣйствительно усыпляетъ дѣтей, но въ то же время постепенно отравляетъ ихъ и развиваетъ множество болѣзней. Мать знаетъ это, но ей необходимо идти на фабрику, такъ какъ иначе дѣти умрутъ съ голоду. Чтобы уменьшить зло, въ очень многихъ улицахъ Парижа и въ нѣкоторыхъ фабричныхъ мѣстностяхъ устроили «ясли» (les crèches).

Ясли—заведеніе, куда матери приносятъ самыхъ маленькихъ дѣтей и оставляютъ ихъ тамъ въ продолженіе цѣлаго дня, пока онѣ работаютъ на фабрикѣ. Въ ясли дѣтей принимаютъ за небольшую плату; здѣсь не поятъ ихъ опіумомъ и уходъ за ними гораздо болѣе разумный. Всѣ дѣти тутъ раздѣлены по возрасту на различныя группы, и каждая изъ нихъ, подъ надзоромъ особой воспитательницы, проводитъ день въ играхъ и занятіяхъ, свойственныхъ возрасту. Такъ какъ за помѣщеніе дѣтей въ эти ясли, хотя и немного, но все-таки нужно платить, то многія матери предпочитаютъ оставлять ихъ дома, на рукахъ старухи или дѣда-калѣки. Наконецъ, такое учрежденіе бываетъ иногда далеко отъ жилища, и бѣдная женщина, отправляясь на работу или возвращаясь съ нея, должна сдѣлать длинный крюкъ, чтобы отдать или взять своего ребенка. Обязанная приготовить очень многое въ домѣ, прежде чѣмъ идти на работу, она очень часто не имѣетъ ни минуты лишней, чтобы отвести ребенка въ ясли. Вѣдь за каждый просроченный ею часъ она платитъ штрафъ, который и вычитается въ концѣ недѣли изъ ея заработка. Вслѣдствіе этого большинство ребятъ въ отсутствіе родителей бродитъ по улицамъ. Оставшись одни, дѣти бѣгутъ, куда попало, и, побуждаемые голодомъ, нерѣдко привыкаютъ таскать, что плохо лежитъ. Особенно вредно для развитія дѣвочки, если родители ея съ утра до вечера остаются на фабрикѣ; такая не можетъ научиться отъ матери ни шить, ни стряпать, ни порядочно вести хозяйство. Неумѣлыя, совсѣмъ не приспособленныя къ хозяйству молодыя женщины все чаще и чаще встрѣчаются теперь въ семьѣ фабричныхъ рабочихъ. Часто ею очень довольны въ мастерской; она тамъ оказывается трудолюбивою,

очень понятливою, и та же самая женщина совсѣмъ теряется въ семейной жизни при домашнихъ занятіяхъ. Она едва умѣетъ развести огонь, не умѣетъ держать въ рукахъ иголки, не можетъ приготовить ни одного кушанья, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, что дѣлать съ ребенкомъ, который у нея родился. Да и откуда ей было этому научиться? Она провела свое дѣтство на улицѣ или въ ясляхъ, а затѣмъ поступила на фабрику, стала мотать нитки, или наблюдать за чесальной машиной; кромѣ этого она ничего не знаетъ, — вотъ она и предоставляетъ своимъ дѣтямъ свободу шататься по грязнымъ закоулкамъ, пускаетъ ихъ на всѣ четыре стороны. Такимъ образомъ подростающее поколѣніе французскихъ рабочихъ все менѣе дѣлается способнымъ къ семейной жизни. Вслѣдствіе постояннаго отсутствія женщины въ домѣ, все болѣе падаетъ семейный элементъ, все болѣе рабочій предается пьянству. Жена, страдая отъ семейной неурядицы, часто сама на все махнетъ рукой и пойдетъ по слѣдамъ мужа. Въ Руанѣ и Лиллѣ пьянство сильно развито между женщинами. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ есть даже кабаки, посѣщаемые исключительно женщинами: онѣ засѣдаютъ въ нихъ огромными толпами, много пьютъ кофе, но еще больше можжевельной водки. Но, разумѣется, гораздо больше преданы пьянству мужчины. Склонность къ этому пороку сильно развита между французскими фабричными рабочими. Получивъ разсчетъ за недѣлю, рабочій въ большинствѣ случаевъ отправляется въ кабакъ. Тутъ онъ играетъ въ карты, кегли, пропиваетъ франкъ за франкомъ, все болѣе одушевляется, распѣваетъ веселыя пѣсни. Въ тотъ день, когда фабричные получаютъ разсчетъ, во всѣхъ окрестныхъ кабакахъ раздается визгъ кларнетовъ и скрипокъ, чоканье стакановъ, шумъ, пѣсни, пляски. Самое тяжелое зрѣлище при этомъ представляютъ толпы женщинъ: это тѣ изъ нихъ, которыхъ фабричная жизнь не загубила, которыхъ она еще не успѣла сдѣлать равнодушными къ несчастному положенію своего семейства. Онѣ собрались сюда не пить, а, если возможно, мольбой, слезами, силой увести мужей изъ этихъ мѣстъ, остановить ихъ, напомнить о дѣтяхъ, выманить, пока еще не все пропито, хоть нѣсколько су на ужинъ голоднымъ малюткамъ. Въ Сенъ-Кентенѣ виноторговцы даже построили передъ кабаками родъ сараевъ для этихъ женщинъ и поставили скамейки. Пьянство не только доводитъ до нищеты самихъ пьяницъ и ихъ семьи, но оно много вредитъ и непьющимъ фабричнымъ рабочимъ: если двое изъ нихъ работаютъ на одномъ станкѣ, или при одной машинѣ, или въ тѣхъ случаяхъ, когда работа одного слѣдуетъ непосредственно за работою другого, — тогда, если одинъ изъ нихъ кутитъ, другой остается безъ дѣла и обыкновенно кончаетъ тѣмъ, что тоже начинаетъ кутить. Дѣти рабочихъ, встрѣчая вѣчно пьяныхъ взрослыхъ, подстрекаемые желаніемъ взглянуть на разгулъ и веселье въ кабакахъ, нерѣдко заглядываютъ туда. Разъ переступивъ порогъ кабака, мальчикъ всегда найдетъ въ немъ гуляку, который любитъ подпоить новичка и потѣшиться надъ нимъ. Черезъ три, четыре раза ребенокъ отправляется въ кабакъ уже по своей охотѣ. Нерѣдко можно видѣть цѣлыя толпы дѣтей 10, 11 и 12 лѣтъ, съ трубками во рту, передъ кабачнымъ прилавкомъ. Впрочемъ пьянство—національная болѣзнь Франціи, и французы съ ужасомъ смотрятъ на быстрое распространеніе этого порока. Между тѣмъ, если вы гуляете въ какомъ-нибудь англійскомъ фабричномъ городѣ въ субботу или въ воскресенье, вы всегда увидите на улицахъ несравненно болѣе пьяныхъ, чѣмъ въ фабричныхъ городахъ Франціи. Англійскій рабочій въ теченіе недѣли пьетъ очень немного, но въ субботу, получивъ недѣльную плату, онъ пьетъ до тѣхъ поръ, пока въ безсознательномъ состояніи не свалится гдѣ-нибудь въ канаву. Во Франціи люди напиваются рѣдко до потери сознанія, даже рабочіе въ дни получки заработка, развѣ въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, валяются пья-

ными по мостовымъ, но они ежедневно пьютъ очень много, постепенно отравляя алкоголемъ свой организмъ, и къ старости доходятъ до полнаго истощенія. Впрочемъ во Франціи, рѣшительно всѣ пьютъ безъ различія возраста, пола и состоянія: даже маленькимъ дѣтямъ въ колыбели нерѣдко даютъ вина, когда они долго не засыпаютъ и безпокоятся. Дѣти людей зажиточныхъ очень часто отправляются въ школу не иначе, какъ съ небольшой бутылкой краснаго вина. Парижскіе рабочіе, въ большинствѣ случаевъ, большіе пьяницы, хотя они никогда не напиваются до безобразія, но постоянно находятся въ возбужденномъ состояніи отъ дѣйствія алкоголя. Утромъ рабочій выпиваетъ рюмку «сладкой» или «горькой» водки; около одинадцати часовъ онъ затракаетъ какимъ-нибудь рагу, съѣдаетъ маленькій кусочекъ мяса, но между тѣмъ и другимъ кушаньемъ выпиваетъ по меньшей мѣрѣ полъ, а то и цѣлый литръ краснаго вина. Передъ обѣдомъ водка (absinthe), во время обѣда опять красное вино. Благородныя дамы тоже питаютъ большую страсть къ вину. Французъ вообще совсѣмъ не можетъ понять, какъ можно утолять жажду водой: онъ пьетъ сидръ, красное вино, фруктовый сокъ, разбавленный водой, но чистую воду въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ.

ОБРАЗОВАНІЕ И ВОСПИТАНІЕ.

Народныя школы.—Вліяніе католическаго духовенства.—Преобразованіе во Франціи народнаго обученія.—Домашнее воспитаніе.—Обученіе и воспитаніе въ среднеучебныхъ заведеніяхъ.—Неумѣренная раздача наградъ и разнообразныя поощренія.—Страсть къ орденамъ.—Высшія учебныя заведенія.—Студенты.

До 1879 г. Франція въ отношеніи народнаго образованія долго отставала отъ второстепенныхъ и даже отъ третьестепенныхъ государствъ. Трудно представить себѣ, что въ этомъ первостепенномъ государствѣ, давшемъ міру столько блестящихъ именъ по всѣмъ отраслямъ знанія, литературы и искусства, до самаго послѣдняго времени была такая плохая организація школьнаго дѣла, такое страшное невѣжество народа и жалкое, унизительное положеніе учителя. Такая отсталость въ образованіи народа не могла не имѣть на него дурного вліянія, но зато ни въ одной странѣ не произошло сразу такой коренной реформы въ сферѣ объазованія, какъ во Франціи. Прежде чѣмъ говорить объ этихъ преобразованіяхъ, необходимо познакомиться съ тѣмъ, что представляла изъ себя народная школа до самаго послѣдняго времени. Когда въ 1881 г. произведено было изслѣдованіе школъ всей Франціи, то оказалось, что во множествѣ мѣстностей совсѣмъ не было школъ и болѣе половины населенія оставалось безграмотнымъ, а тѣ немногія школы, которыя существовали, никуда не годились: помѣщенія въ нихъ были жалкія, крайне тѣсныя, плохо вентилируемыя. Случалось, что классы помѣщались на чердакахъ, въ школахъ не было столовъ, и дѣти вынуждены были писать на колѣняхъ. Для половины учениковъ не хватало учебныхъ пособій; при этомъ они, во всѣхъ отношеніяхъ, были самаго плохого качества: они переходили отъ дѣда въ отцу, отъ отца къ сыну и на столько устарѣли въ теченіе трехъ поколѣній, что вовсе не годились для употребленія, часто даже были такъ испачканы и изорваны, что можно было прочесть лишь нѣсколько отрывковъ изъ нихъ, — въ такомъ отчаянномъ положеніи находились школы во Франціи еще шестнадцать лѣтъ тому назадъ. Много было причинъ такого ужаснаго состоянія народнаго образованія: до франко-прусской войны (до 1870 г.) правительство въ высшей степени мало заботилось о народномъ образованіи, да и не понимало надлежащимъ

образомъ того великаго значенія, какое оно имѣетъ. Столько же мѣшали успѣхамъ образованія бѣдность народа, его невѣжество, безконечныя суевѣрія и географическое положеніе въ нѣкоторыхъ частяхъ страны: въ Бретани, напр., народъ жилъ въ домахъ, часто чрезвычайно удаленныхъ другъ отъ друга, и въ трехъ бретонскихъ департаментахъ дѣти не ходили въ школу вслѣдствіе невозможности дойти до нея. Было много и другихъ причинъ, сильно тормозившихъ распространеніе образованія. Положеніе учителей было самое унизительное; они не только вполнѣ зависѣли отъ мѣстныхъ властей, но имъ оффиціально предписывалось очень многое искажать въ своемъ преподаваніи: они должны были говорить ученикамъ, что Людовикъ XVI умеръ мирно въ своемъ дворцѣ, и излагать всю исторію въ этомъ родѣ. Всѣ эти обстоятельства, наконецъ, совершенный недостатокъ средствъ для школъ и жалкое вознагражденіе, получаемое учителями, заставляли искать учительскихъ мѣстъ только тѣхъ людей, которые никуда больше не могли себя пристроить. Такое положеніе дѣлъ не безпокоило правительства; напротивъ оно само старалось уменьшить число свѣтскихъ учителей; всѣ его симпатіи лежали къ учителямъ духовнаго званія, и оно употребляло всѣ мѣры, чтобы мало-по-малу все образованіе перешло въ руки духовныхъ братствъ. Къ этому побуждали его и экономическіе разсчеты. Подъ вліяніемъ іезуитовъ многіе начали распространять мысль, что духовенство будетъ обучать юношество не изъ корысти, а станетъ смотрѣть на это, какъ на богоугодное дѣло. Такимъ образомъ католическое духовенство мало-по-малу захватило въ свои руки какъ народныя школы, такъ и среднеучебныя заведенія, и имѣло въ нихъ первенствующее значеніе и огромное вліяніе до самаго послѣдняго времени. Чтобы окончательно уничтожить свѣтское образованіе, католическое духовенство очень часто отказывалось давать причастіе тѣмъ ученикамъ, которые посѣщали свѣтскую школу, и лишеніемъ причастія грозило и родителямъ, если они не соглашались перевести своихъ дѣтей въ церковныя училища. Вообще вліяніе католическаго духовенства на образованіе и воспитаніе французскаго юношества было самое тлетворное и гибельно отозвалось не только на нравственномъ, но и на физическомъ его развитіи.

Католическое духовенство во Франціи находилось и до сихъ поръ находится въ рабскомъ подчиненіи у епископовъ и подъ гнетомъ деспотическаго церковнаго режима. Еще и теперь, если священникъ посмѣетъ написать о какихъ-нибудь злоупотребленіяхъ своей іерархіи или выскажетъ публично что-нибудь въ этомъ родѣ, его немедленно переводятъ въ какое-нибудь захолустье или административнымъ образомъ отправляютъ куда-нибудь въ ссылку, а нерѣдко и доводятъ до крайней нищеты. Такъ бываетъ даже съ очень извѣстными и заслуженными парижскими священниками. Что же касается до священниковъ сельскихъ приходовъ, то они и закономъ предоставлены въ полное распоряженіе своихъ духовныхъ властей. Епископы съ ними совсѣмъ не церемонятся: чуть попадется человѣкъ съ независимымъ образомъ мыслей или если онъ не съумѣетъ понравиться вліятельной особѣ, его самымъ грубымъ образомъ выгоняютъ со службы. Такой епископскій произволъ, такая безграничная тиранія уже давно привели французское духовенство къ нравственному и умственному упадку. Люди двуличные, низкопоклонные, не гнушающіеся никакими средствами для достиженія личныхъ цѣлей, составляютъ громадное большинство служителей церкви. Мало того,—этотъ деспотическій режимъ довелъ до самаго низкаго уровня умственное развитіе духовенства. Чѣмъ болѣе человѣкъ образованъ, чѣмъ болѣе у него знаній, даже чисто теологическихъ, тѣмъ болѣе онъ подозрителенъ для высшаго духовенства, и если бы онъ случайно попалъ на какую-либо должность, его немедленно смѣнили бы только потому, что онъ оказался человѣкомъ развитымъ

и образованнымъ. «Намъ не нужно ученыхъ священниковъ», повторяютъ епископы и викаріи; они нерѣдко публично выражаются еще циничнѣе: «намъ нужны покорно гнущіяся спины, а не разсуждающія головы». Понятно, что невѣжественные служители алтаря первые распространяютъ въ народѣ суевѣрія и самыя вредныя заблужденія. Они служатъ мессы «Богородицѣ-Ненависти» (см. въ нашей книгѣ статью о Бретани) для собравшихся богомолокъ, изъ которыхъ одна проситъ послать смерть ненавистному мужу, другая умоляетъ скорѣе убить отца, чтобы получить наслѣдство.

Посмотримъ же, какъ это духовенство обучало въ школахъ. «Что такое громъ?» — «Съ давнихъ временъ люди, не вѣрующіе въ могущество Божіе, безуспѣшно стараются объяснить, отчего происходятъ раскаты грома. Знайте же, дѣти, что этотъ страшный шумъ производится дьяволомъ, когда онъ поднимается къ небу, чтобы оскорблять Бога»,—это объясненіе по естественной исторіи; въ такомъ же духѣ велось преподаваніе исторіи и другихъ предметовъ. Подобные педагоги въ проповѣди старались прежде всего внушить своей паствѣ презрѣніе къ свѣтскому обученію: «Всѣ тѣ, которые посылаютъ своихъ дѣтей въ государственныя школы», говорили они, «исполняютъ волю дьявола». Школы, находившіяся подъ вліяніемъ католическаго духовенства, служили не только очагомъ невѣжества, но часто наставники въ нихъ позволяли себѣ поступки, угрожавшіе здоровью и даже жизни дѣтей. Когда какимъ-нибудь образомъ становилось извѣстнымъ то или другое возмутительное истязаніе, совершенное надъ ребенкомъ духовнымъ педагогомъ, судебное вѣдомство дѣлало все, чтобы спрятать концы въ воду; оно всѣми силами выгораживало духовныхъ воспитателей, когда имъ приходилось являться на скамьѣ подсудимыхъ за свое жестокое обращеніе съ дѣтьми. Вотъ одинъ изъ тысячи примѣровъ, случившійся еще въ 1879 г. Въ Кастрѣ, по смерти одной богатой женщины, оставившей послѣ себя законной наслѣдницею свою племянницу, жившую у нея въ домѣ, нѣкій аббатъ Піо явился съ купчей крѣпостью въ рукахъ выгонять наслѣдницу изъ дома, утверждая, что покойница продала ему все свое имѣніе. Началась гражданская тяжба, въ которой было доказано, что продажи никогда не было и что купчая была сдѣлана мошеннически. По безграмотности вдовы, аббатъ, какъ это было доказано на судѣ, предложилъ ей написать письмо отсутствующей племянницѣ, но, вмѣсто письма, подсунулъ для подписи старухѣ готовую купчую. Гражданскій судъ рѣшилъ тяжбу въ пользу наслѣдницы, призналъ купчую недѣйствительной и выманенной плутовствомъ и присудилъ аббата къ 5,000 фр. штрафа, а о поступкѣ его рѣшилъ сообщить прокурору. Послѣдній долженъ былъ преслѣдовать его по обвиненію въ воровствѣ и мошенничествѣ, однако дѣло, ставшее уже гласнымъ и извѣстнымъ всей читающей публикѣ, было замято, и аббата больше никто не тревожилъ. Если опубликованное и всѣмъ извѣстное дѣло можно было замять и не дать ему дальнѣйшаго хода, то можно себѣ представить, сколько мошенническихъ продѣлокъ сходило съ рукъ французскому духовенству. Если такимъ образомъ юстиція смотрѣла сквозь пальцы на продѣлки духовныхъ лицъ въ дѣлахъ чисто уголовныхъ, то тѣмъ болѣе снисходительною являлась она къ нимъ въ дѣлахъ исключительныхъ, гдѣ приговоръ поразилъ бы не отдѣльную личность, а цѣлую систему.

Между тѣмъ духовенство во Франціи имѣло до 1880 г. преобладающее значеніе въ школахъ, девять десятыхъ которыхъ находились прямо или косвенно подъ его руководствомъ. Мѣста учителей, директоровъ, надзирателей были заняты или духовными лицами, или свѣтскими, но назначенными по рекомендаціи мѣстнаго духовенства. Школьный учитель, имѣвшій несчастье навлечь на себя хотя тѣнь не-

удовольствія одного изъ духовныхъ лицъ, могъ быть вполнѣ увѣренъ, что онъ недолго удержится на своемъ мѣстѣ. Въ одной мѣстности свѣтскаго учителя смѣняютъ за то, что тотъ позволилъ ученику съ полчаса заняться урокомъ, вмѣсто того, чтобы тотчасъ послать его въ кюрэ, требовавшему ученика для прислуживанія у него за званымъ обѣдомъ, въ другой выгоняютъ учителя, отказавшагося примѣнить къ ученику варварское наказаніе, назначенное духовнымъ лицомъ. Всякій скандалъ, учиненный духовнымъ лицомъ въ школѣ, укрывался тѣмъ тщательнѣе, чѣмъ болѣе въ яркомъ свѣтѣ рисовалъ онъ всю систему клерикальнаго воспитанія, а слѣдовательно и давалъ сильное оружіе его противникамъ. Если духовное лицо совершитъ убійство,— это дѣло частное, которое еще не кладетъ пятна позора на все сословіе, но если то одинъ, то другой изъ нихъ совершаетъ звѣрство надъ ребенкомъ, тутъ уже болѣе отвѣтственной является вся педагогическая система духовныхъ лицъ во Франціи, и судебное вѣдомство употребляло все зависящее отъ него, чтобы замять дѣло. Не проходило дня, чтобы въ нѣсколькихъ газетахъ не былъ описанъ какой-нибудь безобразный поступокъ духовнаго лица въ школѣ. Вотъ факты.

Въ Нанси, одна монахиня, завѣдывавшая женскою школою и сама преподававшая въ ней, за что-то разсердилась на семилѣтнюю дѣвочку, въ наказаніе посадила ее на раскаленную желѣзную печку и собственными руками держала на ней ребенка до тѣхъ поръ, пока у той не показались страшныя раны отъ обжоговъ. Мѣстныя газеты довели объ этомъ до свѣдѣнія парижскихъ, которыя подняли такой шумъ, что не было возможности замять дѣло; монахиня была привлечена къ суду. Эксперты осмотрѣли пострадавшую, нашли раны довольно легкими, и при этомъ судъ не обратилъ вниманія даже на то обстоятельство, что со времеми происшествія уже прошло два мѣсяца и что, несмотря на это, слѣды все-таки еще оставались. Едва смолкло это дѣло, какъ обнаружилось другое: въ женской школѣ въ Лиллѣ учительница-монахиня, увидавъ, что одна дѣвочка поцѣловала въ школѣ другую, раскалила въ печкѣ желѣзную лопатку для углей и велѣла виновной поцѣловать ее, а такъ какъ та пятилась, то она прижала лопатку къ лицу, такъ что сильно обожгла губы, носъ и лобъ. Когда это дѣло газеты довели до всеобщаго свѣдѣнія, то этой монахини не оказалось уже ни въ школѣ, ни въ конгрегаціи департамента Сѣвера: она исчезла безслѣдно, конечно, переѣхавъ въ другую конгрегацію, гдѣ-нибудь на югѣ, чтобы продолжать свои педагогическіе подвиги. Надо замѣтить, что монашествующія лица, называясь вымышленными именами, которыя притомъ могутъ перемѣнять, и пользуясь покровительствомъ безчисленныхъ, всюду разсѣянныхъ конгрегацій, могутъ чрезвычайно легко укрываться отъ преслѣдованія. Юстиція будетъ искать въ департаментѣ Сѣвера какую-нибудь сестру St. Paphnuce, а въ это время она переходитъ въ какую-нибудь другую школу, совсѣмъ въ другомъ департаментѣ, подъ именемъ сестры St. Pancrace. Въ томъ же мѣсяцѣ, въ департаментѣ Мены и Луары, родители одной восьмилѣтней дѣвочки, воспитывавшейся у монахини мѣстечка Прюнье, близъ Анже, узнаютъ отъ сосѣдей монастыря о жестокомъ обращеніи сестеръ съ ихъ дочерью. Разсказывали такія ужасныя вещи, что родители, люди вполнѣ преданные церкви и ея представителямъ, рѣшились отправиться въ монастырь за дочерью и взяли ее домой. Когда дома раздѣли дѣвочку, она была вся покрыта сыпью, которая, по свидѣтельству докторовъ, могла явиться не иначе, какъ отъ продолжительнаго и частаго сѣченія дѣвочки простою крапивою. Стали наводить справки: оказалось, что ребенка сѣкли въ продолженіе полутора мѣсяца почти всякій день крапивой по всему тѣлу и по лицу, заставляли проводить ночи на голомъ каменномъ полу безъ рубашки, запирали въ темную комнату, связывали по рукамъ и по

ногамъ, надѣвали ей намордникъ изъ опасенія, чтобы сосѣди не услышали ея криковъ, и, наконецъ (до чего доходила монашеская педагогическая изобрѣтательность!), заставляли ребенка ѣсть супъ, разбавленный его собственной мочей. Въ Оклюзъ, въ Сентъ-Сесиль, одинъ наставникъ указалъ кюрэ въ церкви на одного мальчика, сказавъ: «вотъ республиканецъ!» Кюрэ въ ту же минуту, тутъ же въ церкви, сталъ колотить ребенка и трясъ его за ухо до тѣхъ поръ, пока не надорвалъ ему уха.

Пришлось бы написать цѣлые томы, чтобы перечислить всѣ жестокости, которыя совершались католическимъ духовенствомъ въ школѣ даже за какой-нибудь годъ, но мы выбрали только нѣсколько фактовъ, надѣлавшихъ наиболѣе шуму въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ за апрѣль и май 1878 года.

Послѣ 1876 г. во Франціи началось въ высшей степени энергическое преобразованіе всей системы народнаго обученія. Только на устройство школьныхъ зданій было ассигновано тогда 60 мил. франковъ. Въ 1881 г. было введено безплатное обученіе; но полная реформа школьнаго дѣла совершилась въ 1882 г., когда былъ принятъ законопроектъ объ обязательномъ обученіи; съ этихъ поръ элементарное обученіе дѣлается обязательнымъ для дѣтей обоего пола отъ 6 до 13 лѣтъ. Дѣти могутъ учиться гдѣ угодно: на дому, въ начальномъ или въ среднемъ училищѣ, но всѣ они обязаны ежегодно подвергаться испытанію въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ ихъ возрасту по программѣ общественныхъ школъ. Если знанія ихъ окажутся недостаточными, то родители обязаны отдать ихъ въ общественную или частную школу. Если ребенокъ часто пропускаетъ уроки, немедленно приглашаютъ его отца въ ратушу, требуютъ отъ него объясненія и напоминаютъ ему объ его обязанностяхъ. Если въ продолженіе года приходится вызывать отца по этому поводу до трехъ разъ, то его имя, фамилія и званіе, съ указаніемъ его вины, прописывается на доскѣ, вывѣшенной на стѣнѣ ратуши, буде же это не дѣйствуетъ, и ребенокъ продолжаетъ неаккуратно посѣщать школу, училищныя власти подаютъ жалобу на отца въ мировой судъ.

Школьная реформа во Франціи не ограничилась этимъ: она освободила еще школы отъ церковной опеки и совершенно передала ихъ въ вѣдѣніе государства. Еще болѣе рѣшительный ударъ вліянію духовенства былъ нанесенъ тѣмъ, что преподаваніе религіи теперь совершенно устранено изъ французскихъ школъ. Въ нынѣшнихъ французскихъ школахъ совсѣмъ не существуетъ уроковъ религіи, а духовенству предоставляется преподавать ее внѣ школъ, преимущественно по воскресеньямъ или въ другой день недѣли, когда учащіеся освобождаются отъ школьныхъ занятій. Сильно ослабилъ также вліяніе духовенства въ школѣ законъ 1881 г. объ экзаменахъ на званіе учителя. До тѣхъ поръ учителями, и особенно помощниками ихъ, могли дѣлаться люди, выдержавшіе самыя легкія испытанія; ихъ преимущественно назначали по рекомендаціямъ. Теперь напротивъ отъ учителей и учительницъ, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ школъ, требуютъ учительскаго диплома, не обращая вниманія ни на какія рекомендаціи. Число учителей изъ духовнаго званія вслѣдствіе этого сильно уменьшилось, такъ какъ они большею частью не выдерживаютъ требуемаго испытанія.

Въ программу преподаванія нынѣшнихъ народныхъ школъ входятъ: обученіе нравственное и гражданское, чтеніе и письмо, французскій языкъ и элементарныя свѣдѣнія по французской литературѣ, географія, особенно географія Франціи, исторія, особенно исторія Франціи до нашего времени, нѣкоторыя полезныя свѣдѣнія изъ юридическихъ наукъ и политической экономіи, первыя основанія наукъ есте-

ственныхъ и математическихъ, рисованіе, музыка, гимнастика; для мальчиковъ—военныя упражненія, для дѣвочекъ—работы иголкой. Разработка частностей этой программы вполнѣ предоставлена инициативѣ учителей, но духъ и направленіе, въ которомъ должно вести преподаваніе, указаны въ инструкціяхъ. Какъ вездѣ, такъ и здѣсь дѣло, разумѣется, не обходится у французовъ безъ нѣкоторой ходульности и фразерства, но все же тутъ прежде всего сказывается стремленіе развить въ дѣтяхъ чувство страстнаго патріотизма. Обученіе нравственное и гражданское по инструкціи должно состоять въ рядѣ разсказовъ, выставляющихъ: «la France et ses grandeurs» (Францію и ея величіе); «ея правосудіе», «ея великодушіе», «ея подвиги» и «ея несчастія»,—какъ примѣръ послѣднихъ, на первомъ планѣ фигурируетъ война съ Германіею въ 1870 г. и злополучное для Франціи окончаніе ея, т.-е. отчужденіе Эльзаса и Лотарингіи. Учитель долженъ прежде всего внушить дѣтямъ, какъ сказано въ инструкціи, любовь къ родинѣ и необходимость трудиться для ея величія. Пособіемъ при преподаваніи этого предмета служитъ книга Компейре «Eléments d'éducation civique et morale par G. Compayré. Учебникъ этотъ раздѣляется на 4 книги; всѣ онѣ въ элементарныхъ очеркахъ и разсказахъ, болѣе или менѣе живыхъ и взятыхъ изъ обыденной жизни, должны выяснить: 1) обязанности ребенка въ отношеніи семьи; 2) обязанности общественныя и 3) познакомить съ политическими учрежденіями своей страны. Не менѣе оригинальною особенностью въ курсѣ народной школы является введеніе элементарныхъ свѣдѣній изъ юридическихъ наукъ и политической экономіи, которыя съ перваго взгляда кажутся совершенно недоступными для дѣтей школьнаго возраста.

Особенное вниманіе въ школахъ обращено на тѣлесныя упражненія. Съ этою цѣлью, почти каждый мѣсяцъ, учителя предпринимаютъ съ учениками продолжительныя прогулки пѣшкомъ; при этомъ сообщаютъ дѣтямъ свѣдѣнія о животныхъ и растеніяхъ, обозрѣваютъ всевозможныя достопримѣчательности, дѣлаютъ кстати элементарныя объясненія по исторіи; посѣщаютъ заводы, фабрики, музеи. Дѣвочекъ обучаютъ различнаго рода рукодѣльямъ, а мальчиковъ ремесламъ, для чего при многихъ школахъ устроены мастерскія.

Прежде чѣмъ говорить о среднеучебныхъ заведеніяхъ, скажемъ нѣсколько словъ о воспитаніи дитяти съ первыхъ дней его рожденія въ семьяхъ людей средняго класса. Вообще французская мать, кромѣ женщинъ рабочаго сословія, рѣдко кормитъ грудью свое дитя: она слишкомъ любитъ удовольствія и разсѣянную жизнь, а грудной ребенокъ заставилъ-бы ее измѣнить весь режимъ ея жизни. Въ семействахъ людей очень богатыхъ къ новорожденному берутъ въ домъ кормилицу; тѣ, кому не позволяетъ это квартира или другія обстоятельства, отдаютъ своихъ дѣтей въ крестьянскія семейства въ различныя провинціи Франціи; чаще другихъ нормандскія крестьянки берутся выкармливать грудью парижскихъ дѣтей. Дѣти проводятъ въ крестьянскихъ семьяхъ до двухъ, а иногда и до четырехъ лѣтъ. Ребенка, который прожилъ три, четыре года въ простой мужицкой средѣ, привозятъ въ Парижъ, въ домъ родителей, которые первые дни забавляются надъ малюткой: онъ таращитъ глазенки на зеркала, люстры и другіе предметы роскоши, Въ большинствѣ случаевъ французская мать плохая воспитательница: она не умѣетъ войти въ жизнь ребенка, вникнуть въ потребности дѣтской натуры и начинаетъ его развлекать, наряжать, показывать ему массу предметовъ. У ребенка кружится голова отъ множества развлеченій; одна прогулка по Парижу и по Елисейскимъ Полямъ представляетъ къ этому достаточно случаевъ. Такимъ образомъ вся жизнь ребенка идетъ скачками, изъ одной крайности въ другую. Послѣ однообразной деревенской жизни онъ прямо

попадаетъ въ блестящую домашнюю обстановку: половину дня онъ проводитъ въ томъ, что бѣгаетъ въ Булонскомъ лѣсу или въ Елисейскихъ Поляхъ, вечеромъ его ведутъ въ циркъ, театръ маріонетокъ, показываютъ фокусы. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ уличной парижской жизни, полной развлеченій, мальчика отдаютъ въ одно изъ среднеучебныхъ заведеній.

Среднее образованіе получаютъ въ публичныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Публичныя заведенія: лицеи (lycées) и общинные коллежи (collèges communaux)—заведенія закрытыя. Очень много говорятъ о необходимости полнаго преобразованія среднеучебныхъ заведеній Франціи; вѣроятно, въ близкомъ будущемъ можно надѣяться на такую реформу, но пока они находятся въ весьма жалкомъ состояніи. Образованіе и воспитаніе въ нихъ продолжается 10 лѣтъ: годъ въ начальномъ классѣ (élémentaire), два въ приготовительномъ (classe préparatoire élémentaire или cours d'enseignement primaire), три въ грамматическомъ и четыре въ высшемъ, гдѣ изучаютъ словесность (les lettres) и науки физико-математическія (sciences). Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ новые языки изучаютъ плохо, а древніе чисто схоластически. Преподаваніе преимущественно основано на зазубриваніи, и молодые люди выходятъ изъ этихъ заведеній довольно невѣжественными. Этому немало способствуетъ казарменная жизнь въ этихъ заведеніяхъ. Ворота въ нихъ всегда на запорѣ и могутъ быть отперты лишь съ разрѣшенія директора. Въ нихъ вы найдете и большіе дворы, и садъ, и лужайки для игръ, но рѣдко увидите бѣгающихъ, веселящихся дѣтей. Всѣ среднеучебныя заведенія—закрытыя, и хотя въ нихъ есть приходящіе ученики, но ихъ сравнительно немного. Воспитанники этихъ закрытыхъ среднеучебныхъ заведеній не проводятъ и часа безъ надзирателя: они спятъ, ѣдятъ, учатъ уроки, отвѣчаютъ ихъ всегда въ его присутствіи. Въ продолженіе недѣли мальчикъ никуда не выходитъ изъ заведенія, и только въ воскресенье онъ можетъ отправиться къ родителямъ или родственникамъ, если они у него есть въ городѣ; если нѣтъ,—онъ остается въ заведеніи весь учебный сезонъ, и только на каникулярное время, которое здѣсь продолжается очень недолго, отправляется въ родительскій домъ. Питаніе мальчиковъ недостаточное: мясо вываренное, хлѣбъ и красное вино—рѣдко чѣмъ разнообразятся, притомъ ѣду даютъ въ недостаточномъ количествѣ. На физическія упражненія дѣтей прежде обращали очень мало вниманія, и гимнастику начали вводить только послѣ послѣдней франко-прусской войны. Отношеніе воспитанника къ надзирателю, «pion» (пѣшка въ шахматной игрѣ), какъ его здѣсь называютъ, самое неподобающее. Каждый ученикъ презираетъ его и смѣется надъ нимъ. Надзирателями дѣлаются чаще всего врачи, адвокаты и инженеры, неимѣющіе практики и средствъ къ жизни, неудачники, которые безуспѣшно брались за разныя занятія. Положеніе надзирателя самое унизительное: ему даютъ постель въ спальнѣ съ воспитанниками, мѣсто за общимъ столомъ и самое ничтожное вознагражденіе за трудъ. Онъ долженъ наблюдать, чтобы каждый воспитанникъ былъ хорошо причесанъ, присмотрѣть за его работами, однимъ словомъ быть при немъ безотлучно. Онъ не можетъ ни приказывать, ни наказывать учениковъ и пользуется только унизительнымъ правомъ доносить на нихъ начальству. Вслѣдствіе этого возникаютъ самыя неправильныя отношенія между нимъ и его учениками.

Возвратившись лѣтомъ на нѣсколько вакаціонныхъ недѣль домой, мальчикъ отвыкъ отъ родителей, чувствуетъ себя и здѣсь чужимъ, какъ и въ своемъ закрытомъ заведеніи. И это понятно: въ продолженіе всего года онъ не только не видалъ родителей, но и не могъ переписываться такъ, какъ это подсказывало ему его сердце: письма къ родителямъ и обратно идутъ черезъ руки начальства, и онъ уже

въ первый годъ свыкается съ оффиціальными отношеніями къ своимъ родителямъ, которымъ пишетъ оффиціальныя поздравленія съ праздниками и извѣщенія о своемъ здоровьѣ. Еще хуже вліяютъ на весь складъ характера юноши и на всю его послѣдующую жизнь награды и поощренія, которыя практикуются въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Изъ нихъ прежде всего назовемъ «конкурсы».

Каждый французъ вообще проводитъ большую часть своей жизни въ конкурсахъ, что-же касается учебныхъ заведеній, то Францію можно назвать страною «школьныхъ конкурсовъ». Въ лицеѣ, гдѣ ученики остаются десять лѣтъ, если они не застрянутъ ни въ одномъ изъ классовъ, а то и гораздо дольше, вся жизнь юношей проходитъ въ вѣчныхъ конкурсахъ. Мысль о нихъ чуть не единственная, которая прочно овладѣваетъ умомъ и сердцемъ учащихся: конкурсы даютъ главную тему для всѣхъ ихъ разговоровъ между собой, къ нимъ направлены всѣ ихъ мечты и стремленія. Допущеніе на конкурсы, во многихъ случаяхъ, уже своего рода награда, и при этомъ они и сами по себѣ даютъ возможность отличиться,—слѣдовательно болѣе всего развиваютъ любовь къ отличіямъ, къ внѣшнему блеску и успѣху; можно-ли послѣ этого удивляться тому, что каждый французъ всю свою жизнь стремится къ наградамъ, отличіямъ, орденамъ, готовъ на всякую подлость, чтобы только выдвинуться изъ толпы. Необыкновенное честолюбіе французовъ, ихъ тщеславіе, непобѣдимая страсть обратить на себя вниманіе, заставить говорить о себѣ,—всѣ эти характерныя качества прежде всего и болѣе всего развиваетъ школа. Ученики каждую недѣлю пишутъ своего рода конкурсныя сочиненія, и учителя не только выставляютъ отмѣтки на нихъ, но должны и расположить ихъ еще по порядку ихъ достоинствъ и по этому порядку каждый разъ перечислить въ классѣ всѣхъ учениковъ. Кромѣ этихъ еженедѣльныхъ конкурсовъ, каждый учебный годъ заканчивается *главнымъ конкурсомъ* (concours général) между учениками всѣхъ лицеевъ. Для этого изъ всѣхъ лицеевъ и частныхъ пансіоновъ, начиная съ пятаго класса, учителя отправляютъ шесть лучшихъ учениковъ по каждому предмету (кромѣ нихъ, еще по два «замѣстителя»—на случай болѣзни одного изъ конкуррентовъ) въ университетскій актовый залъ «Сорбонны», гдѣ они въ дни, назначенные для конкурса по каждому предмету, пишутъ сочиненія, дѣлаютъ переводы, рѣшаютъ задачи и т. д. Все это дѣлается подъ наблюденіемъ учителей лицеевъ, но задачи и темы назначаютъ профессора или окружные инспектора. Сочиненія главнаго конкурса просматриваются особыми комиссіями изъ профессоровъ и инспекторовъ. При этомъ соблюдается тайна относительно того, кому принадлежитъ какое сочиненіе: ученикъ-конкуррентъ своей фамиліи не подписываетъ, а только выставляетъ нумеръ. Затѣмъ онъ получаетъ особый конвертъ, въ который онъ самъ запечатываетъ свою фамилію и выставленный нумеръ. Конверты распечатываются послѣ того, какъ сочиненія просмотрѣны и распредѣлены въ порядкѣ, согласномъ съ ихъ достоинствомъ. За лучшія сочиненія выдаютъ награды на торжественномъ актѣ, который обыкновенно начинается латинской рѣчью. То учебное заведеніе, на долю котораго выпало больше наградъ на конкурсѣ, съ слѣдующаго же года пріобрѣтаетъ больше воспитанниковъ. Поэтому конкурсы развиваютъ духъ соревнованія и честолюбія не только въ ученикахъ, но и въ начальникахъ заведеній: для однихъ изъ нихъ конкурсъ—надежда на славу, для другихъ—денежный вопросъ. Для достиженія этихъ наградъ пренебрегаютъ всею массою учениковъ, занимаясь преимущественно тѣми, которые подаютъ надежду быть увѣнчанными рукою самого министра. Ученики, не подающіе надеждъ на отличіе, проводятъ время, какъ имъ заблагоразсудится, лишь бы они

строго исполняли всѣ предписанія заведенія: въ назначенный часъ и минуту были въ залѣ, въ корридорѣ, въ классѣ, въ постели. Большая часть изъ нихъ обыкновенно занята чтеніемъ самыхъ пошлыхъ романовъ.

Для начальниковъ частныхъ пансіоновъ полученіе наградъ на конкурсахъ еще важнѣе, и они еще болѣе, чѣмъ лицейскіе, все приносятъ этому въ жертву. Для этой цѣли они, по окончаніи конкурса, печатаютъ статьи въ газетахъ, въ которыхъ перечисляютъ всѣ побѣды, одержанныя ихъ воспитанниками. Мало того, многіе изъ нихъ путешествуютъ даже по провинціямъ и набираютъ тамъ воспитанниковъ, которые показались имъ способными, но родители которыхъ не настолько богаты, чтобы платить за ихъ воспитаніе. Этихъ воспитанниковъ принимаютъ, обучаютъ даромъ, а они потомъ отплачиваютъ наградами на конкурсахъ. Трудно представить себѣ, какую тяжелую жизнь ведутъ здѣсь юноши, получающіе даровое воспитаніе. За каждую прогулку, за каждое развлеченіе въ свободное для всѣхъ время ихъ упрекаютъ благодѣяніемъ, которое имъ оказываетъ заведеніе. Зато есть люди, которые умѣютъ пользоваться честолюбіемъ и жадностью этихъ начальниковъ. Одна небогатая, но ловкая женщина помѣстила въ такое заведеніе своего сына. Мальчикъ на конкурсахъ обратилъ на себя вниманіе. Тогда мать стала говорить директору, что ей необходимо перевести его въ другое заведеніе и такъ отлично разыграла свою роль, что директоръ согласился платить ей въ годъ по 1200 франковъ, лишь бы она не брала своего сына.

Раздача наградъ по «главному конкурсу» происходитъ въ Парижѣ съ величайшею торжественностью, въ присутствіи министра просвѣщенія, предсѣдателей сената, многихъ членовъ парламента, министровъ, высшихъ военныхъ, судебныхъ и административныхъ властей, профессоровъ, учителей, а также родителей и родственниковъ конкуррентовъ. «На эстрадѣ стоитъ массивный столъ, за которымъ сидятъ почетные гости, профессора въ парадныхъ мундирахъ и треугольныхъ университетскихъ шляпахъ; въ углу залы оркестръ. На стѣнѣ, позади мѣста, занимаемаго директоромъ, устроенъ изъ флаговъ національныхъ цвѣтовъ гербъ Франціи. Вся глубина залы наполнена разодѣтою публикою и учениками. Торжество открывается рѣчью одного изъ профессоровъ, обыкновенно на латинскомъ языкѣ; потомъ начинается вызовъ по очереди учениковъ, удостоившихся награды. Швейцаръ, разодѣтый какъ придворный кавалеръ временъ Людвика XV, идетъ къ мальчику, имя котораго произнесено, и подводитъ его къ эстрадѣ. Тутъ директоръ обнимаетъ ученика, цѣлуетъ его въ обѣ щеки, вручаетъ ему награду, состоящую по большей части изъ книгъ, и надѣваетъ ему на голову бумажный лавровый вѣнокъ. Въ эту самую минуту духовые инструменты играютъ тушъ, публика встаетъ съ своихъ мѣстъ и восторженно рукоплещетъ, а самъ, столь шумно чествуемый мальчикъ, посреди лестныхъ отзывовъ и сердечныхъ привѣтствій, по-прежнему предшествуемый швейцаромъ, возвращается на свое мѣсто, съ пылающими щеками, нерѣдко даже со слезами на глазахъ. Подобная сцена продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ бумажные лавровые вѣнки и книжныя преміи не будутъ розданы по назначенію. Но этимъ еще не исчерпывается программа чествованія и отличій: на другой день имена награжденныхъ публикуются во всѣхъ газетахъ, а въ одинъ изъ вечеровъ министръ просвѣщенія устраиваетъ большой банкетъ, на который, какъ почетные гости, приглашаются всѣ увѣнчанные и награжденные». Въ этихъ школьныхъ поощреніяхъ все разсчитано такъ, что мальчикъ, хотя одинъ разъ попавшій на такую церемонію, будетъ всю жизнь мечтать сдѣлаться героемъ подобнаго торжества. И французскія юноши, вслѣдствіе этого, учатся не потому, чтобы ихъ интересовалъ предметъ, а

болѣе всего для того, чтобы добиться награды. Къ награжденному и товарищи относятся съ уваженіемъ, а къ тому, кому судьба не дала возможности добиться награды,—съ полнымъ индифферентизмомъ, какъ бы ни были очевидны его достоинства и умъ.

Система наградъ и поощреній поддерживается государствомъ и проходитъ по всей жизни француза отъ ранняго дѣтства до самой смерти. Въ школѣ ребенка награждаютъ не только по окончаніи учебнаго сезона, но если онъ исполняетъ свою обязанность, и имъ особенно доволенъ учитель, онъ получаетъ знакъ отличія—крестъ или звѣзду изъ жести на красной, голубой или фіолетовой ленточкѣ. Мальчикъ имѣетъ право носить на груди въ теченіе полугода этотъ знакъ отличія. Медика за хорошую службу въ госпиталѣ, художника—тоже ждутъ награды: золотая, серебряная или бронзовая медаль; учитель, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ исполнявшій свою обязанность, получаетъ почетный титулъ и серебряную пряжку; человѣкъ, вытаскивающій изъ воды утопленника или спасающій отъ пожара, проситъ присутствующихъ зрителей сообщить ему свои адресы, чтобы имѣть свидѣтелей, когда онъ будетъ хлопотать о выдачѣ ему назначаемой отъ государства медали за спасеніе погибающихъ. Если сынъ уплачиваетъ долги обанкротившагося отца, непремѣнно опубликуютъ его поступокъ въ правительственныхъ органахъ съ подобающими похвалами. Тутъ всѣ, писатель, ученый, изобрѣтатель, не только ждутъ похвалъ и поощреній отъ публики, но и отъ высшихъ властей, отъ академіи, которая ежегодно распредѣляетъ по нѣсколько премій. Самою высшею наградою здѣсь считается орденъ почетнаго легіона на красной ленточкѣ; этотъ орденъ даютъ каждому, выдѣляющемуся изъ общаго уровня. На другой день послѣ громкаго успѣха какой-нибудь театральной пьесы, геройскаго подвига, выдающейся картины, вся публика до такой степени прокричитъ имя прославившагося, что не найдется ни одного французскаго министра, который, по первому заявленію націи, не поспѣшилъ бы представить правительству на утвержденіе декрета о награжденіи подобной личности орденомъ почетнаго легіона. Поэтому-то во Франціи каждый офицеръ, каждый судья, фабрикантъ, профессоръ, коннозаводчикъ, однимъ словомъ всякій, успѣшно исполняющій свои обязанности, на какомъ бы то ни было поприщѣ, въ концѣ концовъ добивается полученія этого ордена. Въ настоящее время 75,000 французовъ имѣютъ этотъ орденъ.

Высшія учебныя заведенія во Франціи—факультеты и высшія школы. Факультетовъ во Франціи 53: 15 физико-математическихъ (des sciences); столько же словесныхъ (des lettres), 14 юридическихъ (de droit), 2 протестантско-богословскихъ и, наконецъ, 7 медицинскихъ. Французскіе факультеты не соединены вмѣстѣ, какъ у насъ, а составляютъ каждый совершенно отдѣльное отъ прочихъ учебное заведеніе, каждый съ своимъ собственнымъ бюджетомъ.

Парижскій университетъ заключаетъ въ себѣ факультеты: юридическій, медицинскій и фармацевтическій, находящіеся въ совершенно различныхъ зданіяхъ, и только два другихъ факультета—физико-математическій и словесный помѣщаются въ Сорбоннѣ. Каждый изъ двухъ факультетовъ Сорбонны дѣлится на нѣсколько отдѣленій; такъ, напримѣръ, словесный факультетъ точнѣе было бы назвать историко-филологическимъ, такъ какъ въ него входятъ: философія, исторія, географія, грамматика, новѣйшіе языки. Но кромѣ Парижа, во Франціи, во многихъ мѣстностяхъ, существуетъ еще много различныхъ факультетовъ: юридическій находится не только въ Парижѣ, но еще въ 14-ти городахъ—въ Бордо, Дижонѣ, Греноблѣ, Лиллѣ, Ліонѣ и др.; медицинскіе и смѣшанные медицинско-фармацевтическіе: въ

Парижѣ, Бордо, Нанси, — однимъ словомъ, въ 7-ми городахъ. Также разбросаны по многимъ городамъ Франціи физико-математическій и словесный факультеты. Многіе патріоты уже давно находятъ, что слабая сторона университетскаго образованія во Франціи заключается именно въ томъ, что ея факультеты разбросаны по большимъ и малымъ городамъ страны, а потому не могутъ быть средоточіемъ умственной жизни, не могутъ объединять умственныхъ силъ, не могутъ представлять изъ себя могущественныхъ очаговъ высшей умственной культуры. И дѣйствительно, высшее университетское образованіе Франціи еще очень недавно страдало весьма крупными недостатками: факультеты посѣщались не столько студентами, сколько смѣшанною публикою, которая входила въ аудиторіи часто, чтобы укрыться отъ дождя или позабавиться профессорскими анекдотами. Между студентами и профессорами не было никакого духовнаго общенія. Реформа 1889 г. не уничтожила разобщенности факультетовъ (это задача болѣе далекаго будущаго), но во многихъ отношеніяхъ способствовала ослабленію рутины въ преподаваніи, заставила студентовъ наполнять аудиторіи факультетовъ и вызвала среди нихъ серьезное движеніе и интересъ къ наукѣ; она содѣйствовала также полному переустройству Сорбонны, помѣщенія которой уже давнымъ давно оказывались слишкомъ тѣсными и несоотвѣтствующими научнымъ требованіямъ. Теперь въ Сорбоннѣ, кромѣ громадной залы для ученыхъ торжествъ, существуетъ безконечное число аудиторій, и при очень многихъ изъ нихъ находится еще по нѣскольку залъ, гдѣ студенты, подъ руководствомъ опытныхъ профессоровъ, занимаются практическими работами. По географіи, напримѣръ, у профессора, кромѣ большой аудиторіи, есть 5 залъ, наполненныхъ картами, глобусами, огромной библіотекой географическихъ книгъ и журналовъ. Превосходно обставлены и залы для профессоровъ исторіи; у профессора физики—40 комнатъ, изъ которыхъ одна представляетъ аудиторію на 200 слушателей, а въ прочихъ помѣщаются лабораторіи, запасы продуктовъ для опытовъ и т. п. Отдѣленіе для химіи представляетъ тоже цѣлый рядъ помѣщеній для работъ и опытовъ. Есть даже «особая лабораторія для иностранныхъ ученыхъ, которые въ бытность свою въ Парижѣ пожелаютъ дѣлать химическія изслѣдованія. Профессоръ минералогіи—крупный владѣлецъ въ новой Сорбоннѣ: ему принадлежатъ 26 залъ, изъ которыхъ 22 служатъ для работъ учениковъ и только 4 составляютъ аудиторію, кабинетъ самого профессора и его рабочія комнаты. Само собой разумѣется, что въ этомъ обширномъ помѣщеніи главное мѣсто занимаютъ минералы и горныя породы, которые размѣщены по шкафамъ. Одни шкафы для этого стоили 60,000 фр., и коллекціи все еще не считаются совершенно полными, т.-е. будутъ рости въ будущемъ. Главнымъ источникомъ этого обогащенія должны служить находки самихъ студентовъ и профессора во время ежегодныхъ геологическихъ экскурсій по странѣ». На это переустройство французская республика издержала болѣе 100 милл. фр.

Большинство студентовъ—народъ зажиточный, имѣющій достаточно средствъ не только для жизни, но и для своихъ развлеченій; однако, многіе пользуются и стипендіями, которыя получаются отъ государства, отъ департаментовъ, а также и отъ общинъ. Этихъ стипендій студенты добиваются посредствомъ конкурсовъ. Профессора, ежегодно экзаменующіе студентовъ, составляютъ списокъ наиболѣе отличившихся, а министръ уже самъ назначаетъ изъ нихъ стипендіатовъ. Вообще, для возбужденія соревнованія среди молодежи, въ факультетахъ, какъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, сдѣлано очень много, можетъ быть, даже больше, чѣмъ слѣдуетъ, такъ какъ всѣ эти поощренія и награды въ концѣ концовъ подавляютъ без-

корыстное стремленіе къ наукѣ. Почти во всѣхъ факультетахъ установлены конкурсы, и наиболѣе отличившіеся получаютъ въ награду книги, медали или освобождаются отъ платы за ученіе.

Студентамъ предоставляется полнѣйшая свобода: тутъ нѣтъ ни инспекторовъ, ни субъ-инспекторовъ для наблюденія за поведеніемъ молодежи и за посѣщеніемъ ими лекцій, но зато экзамены обставлены такъ, что студентъ, не посѣщавшій лекцій, а особенно практическихъ занятій, выдержать ихъ не можетъ.

Вслѣдствіе-ли безконечнаго количества наградъ и поощреній, или вслѣдствіе продолжительнаго режима Наполеона III, развратившаго всѣ классы французскаго общества, а всего вѣроятнѣе вслѣдствіе того и другого, среди французской молодежи, до самаго послѣдняго времени, было чрезвычайно мало людей, работающихъ не ради экзамена, но изъ-за интереса и любви къ знанію. Кстати, замѣтимъ, что во Франціи далеко не все юношество интелигентнаго или состоятельнаго класса проходитъ черезъ высшее образованіе,—очень многіе весь курсъ наукъ кончаютъ лицеями (среднеучебное заведеніе въ родѣ нашей гимназіи, но съ болѣе широкою программою обученія). Затѣмъ громадное количество молодежи стремится, послѣ окончанія среднеучебнаго заведенія, въ спеціальныя техническія школы, такъ какъ для полученія наиболѣе солидныхъ мѣстъ въ практическомъ отношеніи требуется спеціальная подготовка. Къ высшему спеціальному образованію стремятся здѣсь также и потому, что и для полученія очень многихъ государственныхъ должностей тоже необходимы спеціальные экзамены. Вотъ потому-то медицинская и различныя инженерныя школы, а также юридическіе факультеты имѣютъ многочисленныхъ учениковъ, между тѣмъ какъ историко-филологическій и физико-математическій факультеты, менѣе другихъ подготовляющіе къ какой либо практической карьерѣ, до самаго послѣдняго времени оставались почти пустыми.

Но почему-же французское юношество, уже съ раннихъ лѣтъ, стремится не къ наукѣ, а лишь къ практической карьерѣ, мечтаетъ о томъ, чтобы какъ можно скорѣе добиться прочнаго матеріальнаго положенія? Причинъ для этого очень много. Прежде всего это зависитъ отъ натуры француза, обожающаго житейскія блага и наслажденія, а такъ какъ они годъ отъ году становятся дороже, то ему и приходится очень рано думать о мѣстѣ съ хорошимъ окладомъ. Къ тому-же прошлая судьба отцовъ и дѣдовъ современной молодежи слишкомъ печально сложилась для того, чтобы выработать въ молодомъ поколѣніи возвышенные, честные идеалы и высшія стремленія ума и сердца. Чтобы это понять, необходимо вспомнить, чѣмъ была вторая имперія, т.-е. царствованіе послѣдняго французскаго императора Наполеона III (отъ 1852 до 1870 г.), какое убійственно-развращающее вліяніе имѣло оно на французовъ. За весь періодъ этого царствованія высшіе посты въ странѣ занимали разные проходимцы и ловкіе дѣльцы, добившіеся своего положенія пронырствомъ и подлостью. Что-же могло видѣть вокругъ себя подростающее поколѣніе? Только одно: какого громаднаго значенія, вліянія, силы и богатства могутъ добиться люди, попирающіе честь и совѣсть. Несчастные идеалисты, съ презрѣніемъ относившіеся къ успѣху, добываемому пронырствомъ, ловкостью, интригами и обманомъ, оставались не у дѣлъ, безъ средствъ къ жизни, или изгонялись изъ страны самымъ безцеремоннымъ образомъ. Что-же удивительнаго въ томъ, что число честныхъ людей, какъ вслѣдствіе вынужденной эмиграціи, такъ и добровольной, все уменьшалось,—наименѣе сильные быстро падали нравственно и становились въ ряды людей, единственнымъ идеаломъ которыхъ сдѣлались успѣхъ во что бы то ни стало, хорошій кушъ и теплое мѣстечко. «Эта гнусная мораль пришлась, какъ нельзя бо-

лѣе, по плечу культурнымъ классамъ французскаго общества, представители которыхъ густою толпою хлынули на путь спекуляцій, наживы, обогащенія. Деньги и наслажденія сдѣлались культомъ. Души продавались и покупались за-дешево. Самая безстыдная оргія быстро завоевала себѣ полное право гражданства въ палатѣ депутатовъ, въ сенатѣ, на судейскихъ скамьяхъ, на прокурорскихъ трибунахъ, на профессорскихъ каѳедрахъ, въ публицистикѣ, въ литературѣ. Въ культурной Франціи теперь уже безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти, среди бѣлаго дня, на глазахъ у всей Европы, совершались всевозможныя непотребства: честь, совѣсть, убѣжденія летѣли кувыркомъ... Деморализація расплывалась по странѣ, какъ масляное пятно по бумагѣ. Само собой разумѣется, что все честное и живое въ нравственномъ отношеніи должно было задыхаться въ этой атмосферѣ, должно было волей или неволей уходить со сцены. Характеры измельчали, убѣжденія размѣнялись на звонкую монету, таланты исчезли. Во всѣхъ сферахъ жизни и дѣятельности воцарилась пошлая посредственность, которая и наложила на все свою печать». Слѣдъ, оставленный наполеоновскимъ режимомъ, былъ слишкомъ глубокъ, чтобы дать возможность послѣдующему поколѣнію 80-хъ гг. проникнуться идеалами общественнаго служенія и безкорыстно-научными стремленіями,—вотъ почему оно исключительно преслѣдовало лишь узко-практическія цѣли. Только въ самое послѣднее время, среди молодежи конца 80-хъ и начала 90-хъ гг., появилось новое умственное движеніе: небольшая группа молодыхъ людей начала замѣтно отвертываться отъ эгоистическаго міросозерцанія своихъ предшественниковъ и ставить своею задачею стремленіе къ высшимъ нравственнымъ идеаламъ и, какъ непремѣнное условіе,—работу на пользу своего народа. Начавъ думать и чувствовать въ такомъ направленіи, эта небольшая группа пришла къ сознанію, что для того, чтобы имѣть благотворное вліяніе на другихъ, молодежи необходимо сходиться вмѣстѣ, толковать между собой, работать сообща, однимъ словомъ—объединяться. «И вотъ, точно по волшебству, выростаетъ огромная «ассоціація парижскихъ студентовъ», объединяющая въ себѣ студентовъ всѣхъ высшихъ заведеній въ Парижѣ, насчитывающая болѣе 4,000 дѣйствительныхъ членовъ (не считая множества почетныхъ—профессоровъ, депутатовъ, писателей, художниковъ и т. д.), располагающая уже весьма почтеннымъ денежнымъ фондомъ, имѣющая свой собственный, обширный и прекрасный домъ, предоставляющая къ услугамъ своихъ членовъ богатую библіотеку, цѣлый рядъ учебныхъ кабинетовъ со всѣми пособіями, шевелящая юныя головы и сердца постоянными публичными лекціями, конференціями, на широкихъ началахъ организовавшая дѣло взаимной всесторонней помощи... И все это большое крупное предпріятіе создалось, окрѣпло и развилось всего въ какіе-нибудь четыре года! Но этого мало. Объединившись, университетская молодежь почувствовала себя достаточно сильною, чтобы выступить на поприще практической дѣятельности, на активное служеніе своимъ идеаламъ. Она рѣшила понести свѣточь знанія въ темную народную среду, пошла въ рабочіе кварталы, стала устраивать тамъ разнаго рода образовательныя и филантропическія учрежденія».

ФРАНЦУЗЫ ЮГА И СѢВЕРА.

Характеръ французскаго народа.—Его хорошія и дурныя стороны.

Мы уже дали характеристику всѣхъ классовъ французскаго общества: аристократіи, буржуазіи, студентовъ, крестьянъ, рабочихъ,—теперь намъ остается только показать особенности въ характерѣ и привычкахъ южнаго и сѣвернаго жителя, а затѣмъ представить наиболѣе выдающіяся черты характера, свойственныя всѣмъ французамъ, къ какому бы сословію они ни принадлежали.

Между французомъ сѣвера и юга большое различіе: въ сѣверной половинѣ Франціи много германской примѣси, и потому сѣверные жители серьезнѣе, большого роста, бѣлокуры, съ голубыми глазами, съ свѣжимъ цвѣтомъ лица, менѣе подвижны. Въ южныхъ французахъ преобладаетъ галло-римскій элементъ: они маленькаго роста, смуглы, живы и граціозны. Южный французъ любитъ яркіе цвѣта; сѣверный житель предпочитаетъ для своего туалета темный цвѣтъ, менѣе бросающуюся въ глаза одежду. Южный французъ говоритъ скоро и безъ умолку; онъ обладаетъ воображеніемъ до того живымъ, что впадаетъ въ преувеличенія, любитъ болѣе сѣвернаго жителя прихвастнуть, часто даже лжетъ, хотя безъ злого умысла, обыкновенно противъ собственной воли, увлекаемый живой фантазіею. Онъ несравненно болѣе сообщителенъ и нерѣдко даже назойливъ. Онъ легко дружится съ каждымъ и уже въ первую минуту, безъ всякой нужды, даетъ клятву въ своей безконечной дружбѣ, въ любви; но черезъ нѣсколько недѣль онъ не узнаетъ человѣка, съ которымъ горячо обнимался, которому клялся въ вѣчной дружбѣ. Онъ всегда даетъ много обѣщаній, но рѣдко помнитъ о нихъ; онъ открываетъ первому встрѣчному свою душу, довѣрчивъ до послѣдней степени. Въ обращеніи сѣвернаго француза, несмотря на его общительность, любезность и предупредительность, всегда чувствуется недовѣрчивая сдержанность.

Тѣмъ не менѣе въ характерѣ какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ французовъ много общаго. Всѣ они съ чувствомъ собственнаго достоинства называютъ себя «великой націей» (la grande nation). И дѣйствительно, въ очень многихъ отношеніяхъ это совершенно справедливо: націи этой доступны великія и гуманныя идеи. Отечество, честь, слава имѣютъ огромное значеніе для француза. Правда, славу они прежде всего понимаютъ въ военной доблести, тѣмъ не менѣе въ послѣдней войнѣ они много разъ доказали, что у нихъ нѣтъ недостатка не только въ воинственномъ жарѣ, но и въ выдержкѣ и упорствѣ. Французы велики не только воинскою доблестью: они сдѣлали громадные успѣхи во всѣхъ областяхъ знанія, и при этомъ ихъ главная, характерная черта—умѣнье проводить всѣ знанія въ популярной, необыкновенно привлекательной формѣ. Французъ—общительнѣйшій человѣкъ въ мірѣ: онъ отличается замѣчательною обходительностью въ обращеніи, ловкостью, любезностью, граціею и вниманіемъ. У него есть умъ, иронія, легкость пониманія, геній по части матеріальныхъ усовершенствованій, изящество въ работахъ. Французское «savoir faire» и «savoir vivre»—чужды другимъ націямъ; свою услужливость, добрый поступокъ онъ умѣетъ облечь въ деликатную форму; самой скромной обстановкѣ придаетъ привлекательный видъ. Онъ всегда впопадъ скажетъ остроту, умное слово, и вы никогда не соскучитесь въ его обществѣ. Въ своей компаніи французы всегда веселы и просидятъ въ оживленныхъ спорахъ всю ночь до утра, даже и тогда, когда передъ ними всего одна только бутылка вина.

Нѣмецъ и съ самыми пріятными для себя собесѣдниками никогда не увлечется на столько, чтобы забыть о своемъ пивѣ, котораго онъ каждый часъ выпиваетъ по нѣскольку кружекъ. Французъ, какъ въ питьѣ, такъ и въ ѣдѣ любитъ чистоту, умѣренность и обращаетъ вниманіе не столько на количество, сколько на качество. Какъ нѣмецъ любитъ свою колбасу и пиво, такъ французъ любитъ супы, соусы изъ зелени и красное вино. Нѣмецкій народный праздникъ обыкновенно кончается дракою, между тѣмъ какъ у француза, при всемъ шумѣ и крикѣ, дѣло обходится безъ потасовки.

Недостатки француза замѣтить не трудно, такъ какъ они рѣзко бросаются въ глаза въ каждомъ его поступкѣ. Всѣ уже давно замѣтили его излишнюю болтливость, суетливость и прежде всего жадность къ удовольствіямъ. Самыя критическія минуты, какъ въ его частной, такъ и въ общественной жизни, не могутъ убить въ немъ, даже на короткое время, страсти къ удовольствіямъ и погони за ними. Уже въ первый годъ послѣ капитуляціи Парижа (1871 г.), когда Франція должна была заплатить Германіи пять милліардовъ денежной пени, когда громадная часть населенія этой страны потеряла все свое достояніе, лишилась отцовъ, братьевъ, сыновей, поступило множество ходатайствъ о позволеніи выстроить въ Парижѣ четыре новыхъ театра. Во Франціи не только толпа, которая вездѣ жадна до уличныхъ сценъ и парадовъ, но и люди весьма образованные бросаютъ всякое занятіе, бѣгутъ на улицу и, смѣшавшись съ толпой, съ любопытствомъ смотрятъ на въѣздъ шаха или какого-нибудь иностраннаго принца, которому дѣлаютъ блестящій пріемъ. На всякой выставкѣ, на всякомъ парадѣ французъ тутъ какъ тутъ: онъ не пропускаетъ ни одного зрѣлища, ни одной иллюминаціи, ни одной скачки. И при этомъ онъ никогда не остается простымъ зрителемъ: нѣтъ, онъ обо всемъ говоритъ, высказываетъ окружающимъ свое мнѣніе, горячо споритъ съ ними по поводу всего, что вокругъ него совершается. Болѣе серьезныя удовольствія, дѣйствующія на умъ, не особенно занимаютъ француза: засѣданія, публичныя чтенія, имѣющія такой блестящій успѣхъ въ Англіи и Германіи, несмотря на всѣ усилія ввести ихъ въ общее употребленіе, мало прививаются во Франціи.

Французъ внезапно, моментально увлекается какимъ-нибудь чувствомъ, предметомъ, личностью, носится съ своимъ увлеченіемъ, какъ съ чѣмъ-то святымъ, но когда порывъ прошелъ, онъ также быстро забываетъ то, отъ чего еще вчера такъ сильно билось его сердце. Мало того, онъ, какъ никто другой въ мірѣ, умѣетъ заразить своимъ экстазомъ другого, иногда множество людей, нерѣдко даже чуть не всю страну. Вотъ какъ характеризуетъ эту болѣзнь, свойственную всѣмъ французамъ вообще, но въ особенности парижанамъ, современный французскій писатель: «Весь Парижъ вдругъ задыхается въ аллеяхъ Jardin des Plantes, разглядывая жирафа, или тѣснится въ воротахъ Jardin turc, чтобы поглазѣть на собаку Minuto; словно какой-то вихрь безумія налетѣлъ на всѣхъ поголовно. Увлеченія французовъ мгновенны и стремительны, какъ удары грома, но они исчезаютъ такъ же быстро, какъ и являются. Лафайетъ, Дюпонъ, Ламартинъ—каждый, въ свою очередь, служилъ предметомъ восторженнаго поклоненія; но прошла пора, схлынулъ порывъ энтузіазма, и прежніе идолы сводятся на степень простыхъ посредственностей. Подобно Діогену, французъ ищетъ человѣка, но не для того, чтобы изучить его, какъ рѣдкое явленіе, а для того, чтобы поклониться ему и, при случаѣ, повиноваться. Въ минуту опасности, когда его начинаютъ пугать результаты его собственныхъ глупостей, онъ возлагаетъ всѣ свои надежды и всю свою судьбу на одного человѣка. Онъ назначаетъ его на высшій постъ, украшаетъ всевозможными вообра-

жаемыми качествами, нимало не думая въ ту минуту о томъ, существуютъ-ли эти качества въ дѣйствительности, или нѣтъ; затѣмъ взваливаютъ ему тяжелую ношу на плечи, и если импровизированный герой падаетъ подъ тяжестью, его обвиняютъ въ измѣнѣ». Примѣровъ этому много какъ въ прошлой, такъ и въ настоящей исторіи Франціи.

Французы поголовно и внезапно увлекаются не только людьми, но и презабавными пустяками. Вдругъ на улицахъ Парижа раздаются звуки «кри-кри»—маленькой металлической игрушки, которая издаетъ звукъ, когда ее нажимаютъ. И звуки кри-кри начинаютъ преслѣдовать васъ всюду: на улицѣ, у подъѣзда театра, въ трактирѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вдругъ вошло въ моду подражать хриплому пѣнію плохого комедіанта, и никто не могъ устоять противъ этой маніи. Это пѣніе раздавалось и въ элегантныхъ салонахъ, и въ самыхъ грязныхъ трактирахъ. Отъ времени до времени появляется мода на благочестіе, и точно также сверху до низу охватываетъ всѣ классы общества. Въ такіе періоды книги легкомысленнаго содержанія вдругъ замѣняются душеспасительными, листки съ церковными извѣстіями, въ которыхъ извѣщаютъ о предстоящихъ обѣдняхъ и проповѣдяхъ, расходятся въ громадномъ количествѣ. Кутилы, которые еще вчера при встрѣчѣ бесѣдовали о послѣднихъ кутежахъ и высказывали самые антирелигіозные взгляды, теперь спрашиваютъ одинъ другого, въ какой церкви кто изъ нихъ былъ, какого слушалъ проповѣдника. По всѣмъ проселочнымъ дорогамъ тянутся тогда цѣлыя вереницы богомольцевъ, которые спѣшать на поклоненіе вновь появившейся святынѣ. Это настроеніе охватываетъ до такой степени весь народъ, что компанія желѣзныхъ дорогъ заводитъ особые поѣзда, которые называются «поѣздами богомольцевъ». То въ одной мѣстности, то въ другой появляются тогда пастухи и дѣвочки, которые съ раскраснѣвшимися щеками и съ блестящими глазами разсказываютъ собравшейся вокругъ нихъ толпѣ о словахъ Спасителя или Богородицы, явившихся имъ во снѣ или на яву. Имъ вѣрятъ, ихъ слушаютъ, приглашаютъ въ дома, осыпаютъ подарками. Въ то же время появляется множество новыхъ цѣлительныхъ средствъ, изъ которыхъ каждое помогаетъ отъ какой-нибудь напасти или болѣзни; всѣ церкви биткомъ - набиты народомъ, множество новыхъ проповѣдниковъ, къ которымъ еще вчера относились съ такимъ равнодушіемъ, сегодня получаютъ громкую репутацію, и каждый добивается чести знакомства съ ними, ихъ визита. Такая мода тотчасъ создаетъ и особаго рода промышленность: большія деньги употребляютъ тогда для производства четокъ и священныхъ предметовъ; здѣсь приготовляютъ шляпы съ раковинами, мхомъ, крестиками и другими религіозными аттрибутами; тамъ— стальные пояса съ молитвенниками на цѣпочкѣ, начиная отъ самыхъ дорогихъ въ бархатныхъ переплетахъ и съ золотыми застежками и кончая самыми простенькими и дешевыми; въ одномъ мѣстѣ торгуютъ ожерельями съ крестиками, въ другомъ—большими крестами въ видѣ медальоновъ. Живописцы и скульпторы получаютъ заказы образовъ и скульптурныхъ изображеній святыхъ; столяры приготовляютъ во множествѣ стулья для молитвы, фортепіанные мастера заготовляютъ комнатные органы; издатели тратятъ большія суммы на изданіе библіи, священныхъ книгъ и легендъ. Однажды, во время такой моды, въ игрушечномъ магазинѣ появилась даже церковь-игрушка. Она изображала внутренность церкви съ алтаремъ, распятіемъ, евангеліемъ, дароносицей и свѣчами. Священникъ въ полномъ облаченіи служилъ обѣдню, двое мальчиковъ ему прислуживали, а посреди храма—колѣнопреклоненная публика, мужчины и дамы,— прелестныя куколки. Прошла мода, и за прилавками магазиновъ исчезаютъ модные предметы; многіе предприниматели и спекуляторы разоряются, такъ какъ заготовлен-

ный товаръ сразу перестаетъ идти. Впрочемъ, эта мода на благочестіе въ послѣднее время совсѣмъ исчезла.

Отъ времени до времени появляется мода на извѣстныя фразы; удачныя выраженія подхватываютъ, и фраза пошла ходить въ печати, въ частныхъ разговорахъ, въ залахъ парламента; при этомъ еще нерѣдко появляется множество претендентовъ, приписывающихъ себѣ честь первоначальнаго изобрѣтенія той или другой фразы, въ сущности не имѣющей рѣшительно ничего особеннаго. Такъ, наприм., во время франко-прусской войны французамъ особенно понравилась фраза Жюля Фавра: «ни единаго камня нашихъ крѣпостей, ни единой пяди нашей земли...»

Стремленіе блеснуть, привлечь на себя вниманіе, тщеславіе француза, его страсть къ орденамъ,—всѣ эти качества не оставляютъ его и за гробомъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, отправляйтесь на кладбище «Père Lachaise». Парижанинъ даже и послѣ смерти не разстается съ своимъ любимымъ орденомъ и приказываетъ вырѣзать этотъ знакъ отличія на своемъ могильномъ камнѣ. Не было ордена при жизни,—необходимо увѣковѣчить себя чѣмъ-нибудь другимъ. Неизвѣстный архитекторъ заставляетъ изобразить на своей надгробной плитѣ планъ и чертежи какой-нибудь будки, которую онъ выстроилъ въ сосѣдней улицѣ; на могилахъ депутатовъ воздвигаютъ ораторскія трибуны.

Французъ весь отдается первому впечатлѣнію, страстно стремится къ тому, чего не имѣетъ, и легкомысленно относится къ тому, что у него въ рукахъ. Его легковѣріе не имѣетъ границъ: онъ вѣритъ на слово каждому, съ удовольствіемъ выслушиваетъ розсказни о самыхъ небывалыхъ вещахъ, самъ повторяетъ ихъ пріятелямъ, если только онъ находитъ ихъ забавными и остроумными. Громкія фразы имѣютъ огромный успѣхъ у француза, и вслѣдствіе этого часто простого краснобая онъ производитъ въ геніи.

Болѣе всего въ характерѣ француза поражаютъ контрасты: никто болѣе его не мечтаетъ о равенствѣ, и въ то же время никто такъ не восторгается отличіями, какъ онъ. Онъ придаетъ огромное значеніе изяществу одежды, прекраснымъ манерамъ, блеску, роскоши, однимъ словомъ всему внѣшнему. Каждый французъ, торговецъ онъ или ремесленникъ, фабрикантъ или дѣлецъ, ученый или невѣжа, силится стать выше своего положенія. Каждый, если онъ только не занимаетъ особенно высокаго положенія въ обществѣ, стыдится быть тѣмъ, что онъ есть, и щедро прибавляетъ украшенія къ своей вывѣскѣ: прежде лавка называлась лавкою, теперь — это магазинъ; купца они стремятся называть негоціантомъ, прилавокъ — бюро, сидѣльца—комми; всѣ аптекаря сдѣлались фармацевтами, портье—швейцарами, парикмахеры повысились до званія куаферовъ.

Даже самый умный и образованный изъ французовъ не прочь помечтать о медали, крестикѣ, лентѣ. Французъ любитъ вездѣ выказать себя, говоритъ и дѣйствуетъ точно на театральныхъ подмосткахъ. Что бы онъ ни сказалъ, что бы ни сдѣлалъ, онъ прежде всего думаетъ, какое это произвело впечатлѣніе на другихъ, насколько это даетъ ему возможность выдвинуться изъ толпы. Онъ не можетъ быть покойнымъ слушателемъ и собесѣдникомъ, вся его фигура, жесты, движенія, даже и тогда, когда онъ молчитъ, ясно говорятъ: «me voilà». При этомъ онъ самый непослѣдовательный въ мірѣ человѣкъ: онъ много и хорошо говоритъ о великихъ преобразованіяхъ въ своемъ отечествѣ, но дѣло у него обыкновенно расходится съ словомъ. Народъ французскій столько же робокъ и труслив на почвѣ великихъ экономическихъ преобразованій, сколько неустрашимъ и отваженъ на полѣ битвы. Можетъ быть вслѣдствіе того, что онъ истрачивалъ здѣсь всегда много мужества,

его не хватаетъ для гражданской жизни. Безстрашный въ виду смерти, онъ равнодушно узнаетъ, что та или другая реформа, которую онъ горячо защищалъ, наконецъ осуществилась. Страстный къ перемѣнамъ въ теоріи, на практикѣ онъ сильно придерживается старины. Этой непослѣдовательности, этому разногласію теоріи съ практикой, слова съ дѣломъ и можно приписать большею частію неровный, порывистый ходъ французской общественной жизни, въ которой гибнутъ лучшія силы, пропадаютъ даромъ или разлетаются мыльнымъ пузыремъ многія прекрасныя идеи, планы, полезныя начинанія. Французы держатся стараго порядка, мирятся съ какимъ-нибудь страшнымъ злоупотребленіемъ до тѣхъ поръ, пока это не станетъ бросаться въ глаза каждому, пока объ этомъ не заговоритъ вся Европа. Тогда французъ вспыхиваетъ отъ стыда и негодованія. Какъ, онъ, сынъ «великой націи», подъ ярмомъ обветшалаго учрежденія? И въ неистовомъ гнѣвѣ онъ ломаетъ и опрокидываетъ все, часто даже безъ разбора. Но вотъ фактъ совершился, онъ съ ужасомъ оглядывается и поворачиваетъ оглобли назадъ. Такой онъ и въ частной жизни: передъ чѣмъ сегодня преклоняется, то завтра осмѣиваетъ и топчетъ въ грязь. Его тщеславіе переходитъ въ кичливость и мелкое хвастовство. Французскій народъ въ высшей степени талантливый и умный, но излишнее пристрастіе къ внѣшности не даетъ ему возможности углубляться и всесторонне, серьезно обсуждать свои слова и поступки. Въ его глазахъ огромное значеніе имѣетъ все то, что красиво, блестяще и любопытно, и онъ считаетъ высшею похвалою сказать: joli, brillant, curieux. Вслѣдствіе такихъ природныхъ качествъ его литература, чаще, чѣмъ у кого бы то ни было, переходитъ во фразы. И французское благерство мы встрѣчаемъ не только на улицахъ, но и на каѳедрѣ и еще чаще въ литературѣ.

СПИСОКЪ ИСТОЧНИКОВЪ.

Народы Турціи. Двадцать лѣтъ пребыванія среди болгаръ, грековъ, албанцевъ и армянъ. Дочери и жены консула. Спб. 1879.

Flandin. L'Orient. Bosphor, Stamboul, Smyrne, in. f°. (съ великолѣпными рисунками).

Османъ-бей. Турки и ихъ женщины; султанъ и его гаремъ. Спб. 1874.

Тридцать лѣтъ въ гаремѣ. Автобіографія Мелекъ-Ганумъ, жены Кибризли Мегеметъ Паши. Спб. 1874.

Розенъ. Исторія Турціи, отъ реформы въ 1826 г. до Парижскаго трактата въ 1856, въ 2 ч. Спб. 1872.

Aya Sofia. Constantinople as recently restored by order of the sultan Abdul Medjid from the original drawings by chevalier **Gaspard Fossati**, in. f°. (Текста нѣтъ; одни рисунки, великолѣпно раскрашенные).

Коранъ Магомета, переводъ съ арабскаго Саблукова. Каз. 1878.

Лежанъ. Этнографія Европейской Турціи. Спб. 1868.

Barth. Reise durch das innere der Europäischen Türkei. Berlin. 1864.

Galibert L. et **Pellé**. Constantinople ancienne et moderne. 3 vol., съ рисунками.

Dethier. Der Bosphor und Constantinopel. Deutsche Original-Ausg. Wien. 1873.

Rasch. G. Die Türken in Europa. 2 Bd. Prag. 1873.

Kapper. Christen und Türken. Eine Skizzenb. v. d. Save bis eisern. Thor. 2 Th. 1873.

Farley. Modern Turkey. 1872.

White. Ch. Häusliches Leben und Sitten der Türken. Nach. d. Engl. von. Reumont. 2 Bde. Berl.

Edm. de Amicis. Constantinople. Ouvrage traduit de l'italien. 1878.

Марковъ Е. Европейскій востокъ. „Вѣстникъ Европы", 1886 г. мартъ и апрѣль.

Поздневъ. Дервиши въ мусульманскомъ мірѣ. 1886 г.

Emile de Laveleye. La Péninsule des Balkans. Brux. 1886. 2 vols.

Убичини и Декуртейль. Современное состояніе Оттоманской имперіи. 1877.

Карасевичъ. Мусульманское право. 1877.

Georgiades D. La Turquie actuelle. P. 1892.

Филипповъ С. Константинополь, его окрестности и Принцевы острова. 1892.

Корженевскій. По Востоку. М. 1897.

Боголюбскій. Исламъ, его происхожденіе и сущность. 1888.

Елисѣевъ. Положеніе женщины на Востокѣ. „Сѣверный Вѣстникъ" 1888 г. №№ 5—8.

Гаури. Исламъ въ его вліяніи на жизнь его послѣдователей. Перев. Хомутова. Ташк. 1893.

Лебедевъ. Турція. „Отеч. Зап." 1876, № 11.

Остроумовъ. Мухамеданскій постъ Рамазанъ. „Прав. Собесѣд." 1875, № 7.

Татары и черкесы въ Турціи. „Слав. Сборн.", т. II.

Смирновъ В. Турки и турецкая цивилизація. „Вѣст. Евр." 1876 г., №№ 8 и 9.

Dumont. Le Balkan et l'Adriatique. Les Bulgares et les Albanais. L'admnistration et les campagnes en Turquie. 1873.

Toozer. Researches in the highlands of Turkey. 2 vols. Lond. 1869, съ рисунками.

Hahn. Albanesische Studien. Jena. 1854.

Hecquard. La Haute Albanie. P. 1858.

Gopcevič. Oberalbanien und seine Liga. Leipz. 1881.

Wassa-Effendi. Albanien und die Albanesen. Berl. 1879.

Мэкензи и Эрби. Путешествіе по славянскимъ областямъ Европейской Турціи. Спб. 1878 г. 2 т.

Krauss. Sitte und Brauch der Südslaven. 1885.

Kanitz. Donau-Bulgarien und der Balkan. 2-te neu bearbeitete Auflage. 3 Bde. 1879—1880 (есть русскій переводъ перваго изд. перваго тома).

Gopčevič. Sp. Bulgarien und Ostrumelien. L. 1886.

Samuelson J. Bulgaria past and present. L. 1888.

Jirecek. Das Fürstenthum Bulgarien. W. 1891.

Dicey Edw. The peasant state. An account of Bulgaria in 1894. L. 1894.

Drandar. Les événements politiques en Bulgarie depuis 1876 jusqu'à nos jours. P. 1896.

Prinz von Battenberg Fr. Jos. Die volkswirfthschaftliche Endwicklung Bulgariens von 1879 bis zur Gegenwart. L. 1891.

Водовозовъ В. В. Стефанъ Стамбуловъ. „Русское Богатство" 1895 г. № 4.

Водовозовъ В. В. Изъ новѣйшей исторіи Болгаріи. „Міръ Божій" 1893 г. № 12.

Водовозовъ. В. В. По Болгаріи. „Вѣст. Евр." 1895 г. № 9.

Бендеревъ. Краткій статистическій обзоръ Болгаріи. „Славянское Обозрѣніе", годъ второй, 1894 г.

Людскановъ. Болгарія наканунѣ 1894 г. „Славянское Обозрѣніе", 1894 г.

Юридическій бытъ болгаръ (по **Богишичу**). „Записки Рус. Геогр. Общ. по отд. Этногр.", т. IV. Спб. 1871.

Гильфердингъ. Боснія, Герцеговина и Старая Сербія (3-й т. „Собранія Сочиненій"). Спб. 1873 г.

Демеличъ. Обычное право южныхъ славянъ по изслѣдованіямъ доктора Богишича. Перев. съ франц. „Юридическій Вѣстн." 1876—1877.

Тепловъ В. Матеріалы для статистики Болгаріи, Ѳракіи и Македоніи. 1877.

Жинзифовъ. О сѣдѣнкахъ, тлъкѣ, вечеринкахъ, помилькѣ, гадежѣ, сговорѣ и свадебныхъ обрядахъ болгаръ. „Извѣст. Общ. Любит. Естествозн." 1874 г., т. 13, ч. I.

Иречекъ. Исторія болгаръ. Перев. Палаузова. Одесса.

Балканскіе гайдуки. „Славянскій Сборн.", т. II.

Бобчевъ. Очерки изъ быта болгаръ. „Русск. Вѣстн.", 1879 г., № 7.

Мошнинъ. Придунайская Болгарія. „Славян. Сборн.", т. II.

Дриновъ. Болгарія наканунѣ ея погрома. „Славян. Сборн.", т. II.

Ивановичъ. Борцы и мученики за свободу Болгаріи. (Очерки изъ исторіи болгарскихъ возстаній). „Сѣверн. Вѣстн.“ 1887 г., №№ 1—4.

Кондратовичъ Ѳ. Экономическія замѣтки о Болгаріи. „Русская Мысль“ 1884 г., №№ 2, 4 и 5.

Боевъ. Къ брачному праву болгаръ. „Сборникъ матеріаловъ по этнографіи“, издан. при Дашковскомъ Этнографическомъ музеѣ“. Вып. I. М. 1885.

Сырку П. Современное состояніе народнаго образованія у болгаръ, „Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.“ 1883 г., №№ 8, 9 и 10.

Ивановичъ. Сентябрская революція въ Румеліи. „Сѣв. Вѣст.“ 1886г. №№ 9 и 10.

Матвѣевъ. Болгарія послѣ берлинскаго конгресса. Историческій очеркъ. Спб. 1887 г.

Kanitz. Serbien. Historisch-ethnographische Reisestudien aus den Jahren 1859—1868. Mit 40 Illustrationen in Texte, 20 Tafeln und einer Karte. Leipz. 1868.

Кариђ В. Србија. Опис земље, народа и државе. Съ 149 рис. и картин. Београдъ. 1888.

Милиђевић. Живот срба сељака.

Ястребовъ. Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ. Спб. 1886.

Поповъ. Сербія и Россія. Историческій очеркъ русскаго покровительства Сербіи съ 1806 по 1856 г., ч. I и II, М. 1869.

Семейная община южныхъ славянъ. Статья, составленная по книгѣ Утѣшеновича (Die Hauskommunionen der Südslaven. Wien. 1859). „Рус. Бесѣда“, 1859 г., книга 16.

Цертелевъ. Кн. Бадній день и божичъ въ Сербіи. „Рус. Вѣстн.“ 1875 г., № 8.

Ровинскій. Путешествіе по Сербіи. „Вѣстн. Евр.“ 1875 г., № 12.

Кулаковскій П. Описаніе праздника „славы“ у сербовъ. „Рус. Вѣст.“ 1883, № 10.

К. Сербія въ послѣдніе годы. „Рус. Вѣст.“ 1883 г., №№ 3 и 4.

Экономическое положеніе Сербіи. „Русская Мысль“ 1886 г., № 9.

Ковалевскій. Черногорія и славянскія земли. Спб. 1872.

Медаковичъ. Живот и обичаи Црнгораца. Нов. Садъ. 1860.

Rasch. Vom Schwarzem Berge. 1875 (есть и русскій переводъ).

Ровинскій П. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ, т. I. Спб. 1888. („Сборникъ отдѣленія рус. языка и словесности Имп. Академіи Наукъ“, т. 45).

Ровинскій. Черногорская женщина. Книжки „Недѣли“ 1895 г., № 6.

Ровинскій. Черногорская война. Четованье и гайдучество. „Рус. Бесѣда“, 1896 г. янв., іюль и августъ.

Ровинскій. Имущественный законникъ Черногоріи 1888 г. и его отношеніе къ народной жизни и обычному праву. „Юридич. Вѣстн.“ 1892 г., № 10.

Ровинскій. Черногорія въ 1893 г. „Славянское Обозрѣніе“, годъ второй, 1894.

Ровинскій. Черты изъ боевой жизни Черногоріи. „Русск. Мысль“, 1880 г., № 1, 5 и 6.

Ровинскій. Нѣгуши. „Русск. Мысль“ 1881 г., № 1.

Ровинскій. Письма изъ Черногоріи. „Изв. Спб. Славян. благотв. Общ.“ 1887 г., №№ 3, 4, 7, 8, 11 и 12.

Rasch. Die Völker der unteren Donau und die orientalische Frage. Breslau. 1867.

Le Cler. La Moldo-Valachie. Itineraire, impressions de voyage, moeurs, coutumes, croquis sur nature, recits, aperçu historique. P. 1866.

Obédénare. La Roumanie économique. P. 1876.

Bergner. Rumänien. Eine Darstellung des Landes und der Leute. 1887.

Ozanne. Three years in Roumania. Leipz. 1878.

Schmidt. Das Jahr und seine Tage in Meinung und Brauch der Romänen Siebenbürgens. 1866.

Палаузовъ С. Н. Румынскія господарства Валахія и Молдавіи въ историко-полит. отношеніи. Спб. 1859.

Braun-Wiesbaden. Eine türkiche Reise. I. B. Die Donau, Serbien, Rumänien. 1876.

Thurn. Bilder aus Rumänien. «Ausland" 1876. №№ 23—24.

Bley. La Roumanie. Etude économique et commerciale. P. 1896.

Грюнбергъ. Аграрное законодательство и его реформа въ Румыніи. „Сѣверный Вѣстникъ" 1889 г., № 7.

Carmen Sylva. Bucarest (въ коллекціи „Les capitales du monde").

Sergeant. New Greece.

Tuckermann. The Creeks of to-day. Lond. 1873.

About Edm. La Grèce contemporaine. 6-me edit Paris. 1872.

Estournelles de Constant. La vie de province en Grèce. Paris. 1878.

Schmidt. Bernh. Das Volksleben der Neugriechen und das hellenische Alterthum. I Theil. Leipz. 1871.

Firmenich Richartz. Neugriechische Volksgesänge. Original und Uebersetzung. 1 Th. 1840, 2 Th. 1867. Berl.

Friederichs. C. Kunst. u. Leben. Reisebriefe aus Griechenland, dem Orient und Italien, Düsseld. 1872.

Страшкевичъ. Аѳины въ отношеніи мѣстности и важнѣйшихъ памятниковъ искуства. „Кіев. Унив. Извѣстія".

Н. Письма о Греціи. 1869.

Lenormant. La Grèce et les îles Ioniennes. P. 1865.

Тэнъ. Искусство въ Греціи. Перев. Чудинова. Воронежъ. 1874.

Busch. Bilder aus Griechenland, gezechn. Löffler. 1869.

Legrand Em. Recueil des chansons populaires grecques. 1 vol. 1874.

Burnouf E. Le brigandage en Grèce. „Rev. des deux mondes", 1870 г., 15 Iuin.

Cabrol. Voyage en Grèce. P. 1890.

Deschamps. La Grèce d'aujord'hui. 1897.

Georgiadès. La Grèce économique en 1893. P. 1893.

Thomas. Etudes sur la Grèce. Beaux-arts, les sites et la population.

Gregorovius Ferd. Wanderjahre in Italien. Leipz. 1864. Bd. I. Figuren. Geschichte, Leben und Scenerie aus Italien. Bd. II. Lateinische Sommer. Bd. III. Siciliana. Wanderungen in Neapel und Sicilien. Bd. IV. Von Ravenna bis Mentana.

Löher Franz. Sicilien und Neapel. Münch. 1864. 1 Th. Sicilien. II Th. Neapel.

Francheti. Condizioni economichi delle provinzie Neapolitane.

Kaden. Wandertage in Italien. 1874.

I. v. **Düringsfeld** u. O. Fr. v. **Reinsberg-Düringsfeld**. Ethnographische Curiositäten. Leipz. 1879.

Laveleye. Lettres d'Italie. P. 1880.

Цвѣтаевъ. Путешествіе по Италіи въ 1875 и 1880 гг. М. 1883.

Taine. Voyage en Italie. T. I. Naples et Rome. T. II Florence et Venise. 1866 и 1872. P.

Генъ. Италія. Взгляды и бѣглыя замѣтки. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1872.

Hartung. Aus Sicilien. Cultur u. Geschichtsbilder. 1873.

Schneider. Italien in geographischen Lebensbildern. Aus. d. Munde der Reisenden gesammelt. Mit. 14 Illustr. 1863.

Allmers. Römische Schlendertage. Oldenb. 1873.

Hoffmann. Bilder römischen Lebens. Münster. 1871.

Stahr. Herbstmonate in Oberitalien. 2 verm. Aufl. Berl. 1871.

Stahr. u. **Fanny Lewald**. Winter in Rom. 2 verm. Aufl. Berl. 1871.

Rasch. Die neue Italien. Berl. 1866.

Jtalia. Herausgegeben von **K. Hillebrand**. Bd. I, 1874 (статья: **Sonnino**—Das Meiersystem in Toskana). Bd. II, 1875 (статья **Pareto**—Die römische Campagna и ст. **Zumbini**—Die Sila in Calabrien).

Eheberg. Agrarische Zustände in Italien. Leipz. 1886.

Іюньскіе праздники въ Римѣ. „Рус. Вѣстн." 1867 г., №№ 9, 11 и 12.

Изъ Рима въ Неаполь. „Рус. Вѣстн." 1869 г., № 12.

Маклеланъ. Древняя и современная Сицилія. „Историч. Вѣстникъ" 1883 г., № 7.

Рускинъ. Родительская суббота въ Сициліи. Книжки „Недѣли" 1887 г., № 5.

Рускинъ. Карузи. Книжки „Недѣли", 1894 г., № 10.

Ковалевскій М. „Мѣсяцъ въ Сициліи". „Вѣстн. Евр." 1896 г., № 10.

Губернатисъ. Эскизы итальянскаго общества. „Вѣстн. Евр." 1873 г., №№ 1 и 8, 1874 г., № 7.

Андре Лео. Положеніе женщины въ Италіи. „Слово", 1879 г., № 11.

Андре Лео. Государственное устройство Италіи. „Слово", 1880 г., № 1.

Карѣевъ. Современное состояніе итальянскихъ крестьянъ. „Критическое Обозрѣніе" 1877 г.

К. Общественно-экономическіе эскизы изъ итальянской жизни. „Русская Мысль", 1884 г., № 9.

Д-чъ. Положеніе рабочаго класса въ Италіи. „Наблюдатель "1886 г., №№ 1 и 2.

Д-чъ. Очерки Италіи. Мафія. „Русскія Вѣдом." 1882 г., № 51.

Leroy-Beaulieu. La population agricole de la Toscane. „Rev. des deux mondes". 1870, 15 Janv.

Вулканы Италіи. Сборникъ „Природа". 1873 г., т. I.

Законъ объ обязательномъ обученіи въ Италіи. „Журн. Мин. Нар. Просв." 1878 г., № 1.

Davilliers. L'Espagne illustrée par **Custave Doré**. Magnifique vol. in 4°, contenant 309 gravures. Paris. 1874.

Имберъ. Испанія, ея роскошь и нищета. Спб. 1876 г.

Garrido. L'Espagne contemporaine, ses progrés moraux et materiels au XIX siécle. Brux. et Leipz. 1862.

Poitou E. L'Espagne et son peuple. 1873.

Geppert. Reiseneindrücke aus Spanien im Winter 1871—72. Berl. 1872.

Gautier Théophile. Voyage en Espagne. Tras los montes. Nouv. edit. 1 magn. vol. in 8° orné de gravures sur acier et de planches de costumes coloriés.

Baumstark. Mein Ausflug nach Spanien im Frühjahr 1867. 2 verm. Aufl. 1869.

Rasch. Das heutige Spanien. 2 Ausg. Stuttg.

Teste. L'Espagne contemporaine. Journal d'un voyageur. 1872.

Cherbulier. L'Espagne politique. 1868—1873.

Edm. de Amicis. L'Espagne. Trad. de l'Italien. P. 1884.

Almirall. L'Espagne, telle, qu'elle est. 1887.

Бѣжецкій. Въ странѣ мантильи и кастаньетъ. Спб. 1884.

Немировичъ-Данченко В. Очерки Испаніи. 2 т. 1889 г.

Немировичъ Данченко В. Севилья. „Сѣверн. Вѣстн.“ 1892 г., №№ 1—5.

Ефронъ. Письма изъ Испаніи. 1889.

Яковлевъ И. (Павловскій И.). Очерки современной Испаніи. Спб. 1888.

Де-Волланъ Г. По бѣлу свѣту. Путевыя замѣтки. т. I. 1894 г.

Сидоровъ В. За Пиринеями. Путевыя замѣтки и впечатлѣнія по Испаніи. Спб. 1892 г.

Иванцовъ-Платоновъ. О римскомъ католицизмѣ. 2 т. М. 1869 г.

Лебедевъ А. О главенствѣ папы или разности православныхъ и папистовъ въ ученіи о церкви. Спб. 1887.

Лебедевъ А. Разности церквей восточной и западной въ ученіи о пресвятой Дѣвѣ Маріи. Спб. 1881.

Лебедевъ А. О латинскомъ культѣ сердца Іисусова. Спб. 1892.

Иванцовъ-Платоновъ. О западныхъ исповѣданіяхъ.

Денегри Э. Поѣздка въ Испанію. „Отеч. Зап.“ 1868 г., №№ 11 и 12, 1869 г. №№ 2—5 и 8.

Саліасъ гр. Путевые очерки по Испаніи. „Рус. Вѣстн.“ 1874 г. №№ 3, 4, 6 и 9.

П-скій. Изъ поѣздки въ Испанію. „Рус. Мысль“, 1882 г., № 6.

Лучицкій И. Поземельная община въ Пиринеяхъ. „Отеч. Зап.“ 1883 г., №№ 9,10 и 12.

Latouche. Travels in Portugal. 1878; third edition.

Lady **Jackson**. Fair Lusitania. A portuguese sketch book. 1874.

Gerstäcker. Reisen um die Welt. Bd. I. Leipz. 1871 (статья о Португаліи).

Водовозовъ. Финансовый кризисъ въ Португаліи. „Міръ Божій“, 1893.

Берлепшъ. Швейцарскія Альпы и альпійская жизнь. Спб. 1873 г.

Чуди. Альпійскій міръ. Спб. 1873 г.

Тиндаль. Альпійскіе ледники. М. 1866.

Диксонъ. Швейцарія и швейцарцы. Спб. 1872 г.

Zschokke. Die Schweiz in ihren klassischen Stellen u. Hauptorten geschildert. 1870—71.

Поггенполь. По альпійскимъ снѣгамъ и тропинкамъ. 1892.

Max Wirth. Beschreibung und Statistik der Schweiz. Zürich. 1871—1873.

Osenbrüggen. Die Schweizer. Daheim und in der Fremde. 1874.

Osenbrüggen. Die Urschweiz. Classischer Boden der Tellsage. 60 Stahlst. von Hubert. Mit hist.-topogr. Text. Basel. 1870.

Laveleye. De la propriété et de ses formes primitives. Paris. (есть русскій переводъ).

Grube. Alpenwanderungen, Fährten auf hohe und höchste Alpensitzen. 1873.

Whymper Ed. Escalades dans les Alpes. Ouvrage traduit de l'anglais par Joanne. Illustr. de 75 gravures. 1872.

Rambert. Les Alpes suisses. Basel. 1871. Съ рисунк.

Runge. Die Schweiz in Original-Ansichten ihr. interess. Gegenden. Darmst. 1866—1870.

Frey. Das Schweizerland in Bild und Wort. Dargestellt in maler. Original-Ansichten. Mit geschichtlich.-topo- u. orographisch.-physikalisch. u. ethnographisch. Erläuterungen. 1868—1872.

Weilenmann. Aus der Firnenwelt. 2 Bd. 1871—72.

Гельмгольцъ. Популярныя научныя статьи. Вып. 1-й. Спб. 1866 г. (Статья: „Ледъ и ледники").

Аграрный строй долинъ Швейцаріи. „Русская Мысль" 1883 г., № 10.

Зиберъ. Исторія швейцарской альменды. „Вѣстникъ Европы" 1881 г., № 10.

Зиберъ. Судьба общиннаго владѣнія въ Швейцаріи. „Вѣстникъ Европы" 1882 г., № 7.

Д. Е. Очерки швейцарской жизни и нравовъ. „Отеч. Зап." 1868 г., №№ 5 и 7.

Эдемсъ и Кённингемъ. Швейцарія и ея учрежденія. Спб. 1893.

Трозинеръ. Очерки швейцарскихъ конституцій. Спб. 1891.

Е. Въ швейцарской деревнѣ. „Русская Мысль" 1892 г., №№ 10 и 11.

Дубскій И. Общинное землевладѣніе въ Швейцаріи. „Русская Мысль" 1894 г., №№ 2 и 3.

Дюнанъ. Народное законодательство въ Швейцаріи. Спб. 1896.

Цейсъ. Государственный строй Швейцарскаго союза. Спб. 1897.

Бѣлявскій. Народное образованіе въ Швейцаріи. Юр. 1897 г.

Brezy. Les torrens des Alpes. „Rev. des deux mondes", 1 Juin 1872.

Maunier M. Guillaume Tell. La légende et l'histoire. „Rev. des deux mondes". 1 Janv. 1870.

Du Camp Max. Paris, ses organes, ses fonctions et sa vie dans la seconde moitié du XIX siécle. 5 vols. Paris. 1869—1873 (по-русски есть сокращенный переводъ въ 2-хъ томахъ).

Нордау. Изъ дѣйствительной страны милліардовъ. Парижскіе этюды и очерки 1880 г.

Никитинъ А. Н. Очерки городского благоустройства за границей. Путевыя замѣтки. Спб. 1891 г.

Козицкій-Фидлеръ. Этюды Парижа. Вып. I. Кременч. 1892 г.

Paulian L. Paris qui mendie. Les vrais et les faux pauvres. Mal et remède. P. 1893.

Де-Ривальеръ. Очерки современнаго французскаго общества. Од. 1897 г.

Mazerolle. La misère de Paris. Les mauvais gîtes, 1875.

Rodenberg. Paris bei Sonnenschein u. Lampenlicht. 1872.

Hillebrand. Frankreich und die Franzosen in den zweiten Hälfte des XIX Jahrhundert. 1873.

Baudrillart. Les populations agricoles de la France. P. 2 vols. 1885—88.

Reizenstein u. Nasse. Agrarische Zustände in Frankreich und England. Leipz. 1884.

Wright. France illustrated, exhibiting its landscape scenery, antiquities, military and ecclesiastical architecture. Drawings by Th. **Allom.** 2 vols. Lond.

Бонмеръ. Письма о крестьянахъ и земледѣліи во Франціи. „Русск. Вѣстн." 1859 г., №№ 2, 9, 10, 15, 16, 19, 21 и 24, 1860 г. №№ 9, 12, 16 и 21, 1861 г. №№ 7, 9 и 12.

Русановъ Н. Три мѣсяца въ Бретани. „Дѣло" 1884 г., №№ 1 и 2.

Д-чъ. Изъ нормандской деревни. „Русскія Вѣдомости". 1885 г., №№ 229 и 246.

Нордау. Путешествіе по французскимъ провинціямъ. „Русская Рѣчь", 1880 г. № 8.

Ковалевскій Евгр. Поѣздка на польдеры. Франко-бретонскія впечатлѣнія. „Вѣстн. Европы" 1893 г., № 7.

Sant-Aubin. La misère des paysans français. „Revue des Revues" 1894, № 2.

Крестьянскій вопросъ во французской палатѣ депутатовъ. „Новое Слово". 1897 г. августъ.

Louandre. Ch. La France du Nord. La Picardie. „Revue des deux mondes". 1873, 1-e Juillet—15-me Août.

Современное положеніе рабочей силы въ Европѣ и Америкѣ. По донесеніямъ англійскихъ дипломатическихъ агентовъ. Франція. „Вѣстн. Евр." 1873 г., № 8.

Ивановъ С. Учебныя заведенія во Франціи. „Жур. Мин. Нар. Просв." 1881 г. № 3.

М. Государственные конкурсы во Франціи. „Вѣстн. Европы" 1890 г., № 1.

Д—овъ И. Современная французская молодежь. „Русская Мысль" 1891 г., № 2.

Цакни. Вопросъ о реформѣ средняго образованія во Франціи. „Наблюдатель" 1890 г., № 7.

Иванѣевъ. Новая система гимназическаго образованія во Франціи. „Образованіе" 1893 г., № 11.

Венюковъ. Парижскій университетъ. Книжки „Недѣли" 1895 г., № 7.

Зола. Современная французская молодежь. „Вѣстн. Евр." 1878 г., № 4.

Зола. Французскія женщины. „Вѣстн. Евр." 1878 г., № 11.

Le Fort L. De la mortalité des enfants et de l'industrie des nourrices en France. „Rev. des deux mondes" 1870, 15 Mars.

Сеаръ. Парижская молодежь. „Слово" 1870 г., № 8.

Baudrillart. La famille et la loi de succession en France. „Rev. des deux mondes" 1872, 15 Avr.

Жанэ П. Воспитаніе женщинъ въ Франціи. Перев. съ франц. Спб. 1884.

Триго. Салонъ и общество во Франціи. „Дѣло". 1875 г., № 7.

Вольфъ Альб. Накипь Парижа. „Наблюдатель". 1885 г., № 1.

Нордау М. Изъ парижской жизни. „Сѣверн. Вѣст." 1887 г., № 10.

Бобровниковъ. Народное образованіе во Франціи. „Вѣстн. Евр." 1881 г., №№ 6 и 7.

Д. Заграничныя письма (о французскомъ духовенствѣ). „Наблюдатель" 1884 г., № 9.

Поліа. Рабочій классъ въ Парижѣ. „Наблюдатель" 1883 г., №№ 5—8.

Н. Кршвъ. Стачки во Франціи 1874—85 гг. „Юридическій Вѣстникъ" 1889 г., № 11.

Г. Профессіональные союзы во Франціи. „Наблюдатель" 1892 г., № 7.

Н. Стачки во Франціи. „Русская Мысль" 1892 г., № 9.

К. Изъ Франціи. „Русское Богатство" 1896 г., №№ 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 12, 1897 г., №№ 5, 6.

Ан—скій С. Къ вопросу о народонаселеніи во Франціи. „Рус. Мысль" 1897 г., № 7.

Ida Düringsfeld u. **O. Reinsberg-Düringsfeld.** Hochzeitsbuch. Brauch und Glaube der Hochzeit bei den christlichen Völkern Europa's. Leipz. 1871.

Lavollée. Les classes ouvriéres en Europe. Etudes sur leur situation matérielle et morale. P. 1882, t. II.

Demombynes. Constitutions européennes. 2 vols. P. 1881.

Dareste. Ler constitutions modernes. P. 1891, 2-me ed.

Сеньобосъ. Политическая исторія современной Европы. Ч. I. Спб. 1897.

Инв. № 4173
Библиотека им. К. М.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

В. И. ВОДОВОЗОВА:

1. **Книга для первоначальнаго чтенія**. Часть 1-я. Изд. 20-е. Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія *одобрено* изданіе 18-е. Настоящее 20-е изданіе напечатано безъ всякихъ перемѣнъ съ 18-го изд. Ц. **45** коп.

2. Служащая ей объясненіемъ **Книга для учителей**. Изд. 5-е, одобрено Ученымъ Ком. Мин. Народ. Просвѣщенія. Ц. **60** коп.

Обѣ книги, т. е. „**Книга для первоначальнаго чтенія**" и „**Книга для учителей**", удостоены тремя наградами: 1) С.-Петербургскимъ Педагогическимъ Обществомъ *преміи* въ память К. Д. Ушинскаго, 2) **большой золотой медали** отъ Вольнаго Экономическаго Общества, по присужденію Комитета Грамотности, и 3) **золотой медали**, по присужденію Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ.

3. **Русская азбука** для дѣтей. Изд. 3-е, одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія. Ц. **30** коп.

4. **Руководство къ русской азбукѣ**. Практическіе уроки бесѣдъ, звуковаго разбора, черченія, письма и чтенія въ первый годъ обученія. Одобр. Учен. Ком. Мин. Народ. Просвѣщенія. Ц. **20** коп.

5. **Предметы обученія въ народной школѣ**, для учителей. Изд. 2-е, Ц. **70** коп.

6. **Дѣтскіе разсказы и стихотворенія**, съ картинами. Изд. 2-е. Ц. **75** коп.

7. **Словесность** въ образцахъ и разборахъ, изд. 6-е. Ц. **1** р. **25** коп.

8. **Новая русская литература** (отъ Жуковскаго до Гоголя включительно) изд. 6-е. Ц. **1** р. **25** коп.

9. **Русскія сказки въ стихахъ** съ картинками, въ переплетѣ. Ц. **1** р. **50** к.

10. **Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія**. Переводы изъ Сафо, Анакреона, Пиндара, Софокла, Еврипида, Катулла, Горація, Гёте, Байрона, Гейне, Беранже и оригинальныя посмертныя стихотворенія. 512 стр. Ц. **1** р. **50** к.

11. **Разсказы изъ русской исторіи**, выпускъ 1-й, 9-е изданіе. Содержаніе: Разсказы изъ лѣтописи Нестора.—Слово о полку Игоревѣ.—Нашествіе Батыя на Русскую землю.—Александръ Невскій и Дмитрій Донской.—Народныя былины.—Великій Новгородъ.—Взятіе Пскова.—Состояніе Руси до Іоанна III. Ц. книги **40** коп. *Одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.*

12. **Разсказы изъ русской исторіи**, выпускъ 2-й, новое 7-е изданіе. Содержаніе: Іоаннъ III и сынъ его Василій.—Смерть Василія III.—Дѣтство, юность и правленіе Іоанна Грознаго.—Сильвестръ и Адашевъ.—Опричнина.—Курбскій и его переписка съ Іоанномъ.—Домострой.—Образованіе и бытъ народа. Ц. книги **60** коп. *Одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.*

13. **Очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка**. Ц. **1** р. **50** к.; въ переплетѣ. 1 р. 75 к.
Содержаніе: Допетровская Русь. Переходное время. (Патріархъ Никонъ и Крижаничъ. Западно-русскіе ученые и начало раскола). Царствованіе Петра Великаго.—Царствованіе Екатерины I-й, Петра II-го и Анны Леопольдовны.—Царствованіе Елизаветы Петровны.—Внутреннее состояніе Россіи послѣ Петра I-го.—Петръ III и Екатерина II-ая. Царствованіе Екатерины II.—Императоръ Павелъ I-й и его время. *Одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Подъ общимъ названіемъ „**Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ**“ издано шесть книжекъ

Е. Н. ВОДОВОЗОВОЙ:

1) Турки, 2) Англичане, 3) Итальянцы, 4) Нѣмцы 5) Испанцы,
6) Чехи, Поляки, Русины.

Всѣ шесть книжекъ „Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ“, а именно: 1) **Испанцы**, 2) **Итальянцы**, 3) **Турки**, 4) **Нѣмцы**, 5) **Англичане** и 6) **Чехи**, **Поляки** и **Русины**, одобрены Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ къ пріобрѣтенію въ ученическія библіотеки духовно-учебныхъ заведеній.

Пять книжекъ „**Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ**“: 1) **Итальянцы**, 2) **Турки**, 3) **Нѣмцы**, 4) **Англичане** и 5) **Чехи**, **Поляки**, **Русины**, одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ и старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.

Въ каждой книжкѣ „**Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ**“ отъ 6-ти до 10-ти картинокъ, изображающихъ типы названныхъ народовъ. Картинки нарисованы художниками *Васнецовымъ*, *Пановымъ*, *Бухгольцемъ* и другими. Цѣна каждой книжки (отъ 160 до 225 стр.) **40 коп.**

Складъ книгъ у автора: С.-Петербургъ, Вас. Островъ, 2-линія, домъ Шредеръ, Елизавета Николаевна *Водовозова*. Тутъ-же можно пріобрѣтать и книги покойнаго *Василія Ивановича Водовозова*. Всѣ книги продаются съ уступкою 30% съ каждаго экземпляра; съ цѣны переплетовъ уступки не дѣлается.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ СОЧИНЕНІЯ

В. И. СЕМЕВСКАГО:

1. **Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX** вѣка. Т. I, стр. 517. Цѣна 3 р.

2. **Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка.** Т. II, стр. 625. Ц. 3 р.

3. **Крестьяне при Екатеринѣ II.** Т. I. Ц. 3 р.

4. **Василій Ивановичъ Водовозовъ.** Біографическій очеркъ съ портретомъ. Ц. 50 к.

Franz Steckeler
Buchbinderei
8884 Höchstädt

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Vodovozova, Elizaveta Nikolaevna,

Žizn evropejskich narodov E. N. Vodovozova

Bd.: 1

1897

4 H.g.hum. 50 t-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11790824-3